ГОДЪ ШЕСТЫЙ

РУССКІЙ АРХИВЪ.

ИЗДАВАЕМЫЙ

7 и 8. ПРИ 1868.

ЧЕРТКОВСКОЙ БИБЛІОТЕКѢ.

СОДЕРЖАНІЕ:

1. Черты изъ исторіи книжнаго просвѣщенія при Петрѣ Великомъ. Переписка директора Московской Синодальной типографіи *Ѳедора Поликарпова* съ начальникомъ Монастырскаго приказа гр. И. А. Мусинымъ-Пушкинымъ (1715—1717)
2. Левъ Орловъ, и его письмо къ родственникамъ (1743), съ предисловіемъ *Л. Н. Майкова.*
3. Заплечный мастеръ (1768) *Л. Н. Трефолева.*
4. Разсказы о старинѣ (*Н. О. Котлубицкаго* и другихъ), записанные *А. О. Ханенкомъ.*
5. 24 письма *И. И. Дмитріева* и 2 записки *Карамзина* къ Д. И. Языкову, съ примѣчаніями *А. Ѳ. Бычкова.*
6. 65 писемъ *М. М. Сперанскаго* къ его дочери, изъ Пензы и съ дороги въ Сибирь.
7. Послѣдняя записка по крестьянскому дѣлу *Я. И. Ростовцова.*
8. Походъ 1859 года. Изъ Кавказскихъ воспоминаній *В. А. Инсарскаго.*
9. Эпизодъ изъ жизни П. Я. Чадаева. Статья *М. Н. Лонгинова.*

МОСКВА.

Типографія Грачева и К. у Пречистенскихъ воротъ д. Милаковой.

1868.

ОСЬМНАДЦАТЫЙ ВѢКЪ,

ИСТОРИЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ,

издаваемый ПЕТРОМЪ БАРТЕНЕВЫМЪ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

1. Свѣдѣнія, новыя письма и бумаги, (извлеченныя изъ Московскаго Архива Минист. Иностр. Дѣлъ), касательно родителей и пріѣзда въ Россію Екатерины II-й. 1 — 44
2. Три циркулярные указа Россійскимъ министрамъ за первые мѣсяцы Екатерининскаго царствованія (о движеніяхъ хана Крымскаго, о вторичномъ занятіи Пруссіи Русскими войсками, и о заговорѣ Гурьевыхъ и Хрущовыхъ съ новыми свѣдѣніями объ этомъ заговорѣ, по современнымъ бумагамъ). 45— 51
3. Письма Екатерины II-й къ князю Михаилу Никитичу Волконскому, и при нихъ: 52—162
   а) Всеподданѣйшее мнѣніе князя Михайлы Волконскаго на данные отъ Ея Императорскаго В—ства собственноручные пункты [53 стр.].
   б) Отвѣтныя письма князя М. Н. Волконскаго (о гр. Панинѣ) [97—98 стр.].
   в) Отвѣтныя письма кн. М. Н. Волконскаго (о Пугачевѣ). [стр. 100, 103, 104, 105, 112, 115—117, 119, 123—124, 128, 130—131, 135 и 137.].
   г) Отвѣты князя М. Н. Волконскаго, о разныхъ предметахъ. [стр. 109, 136 и 138.].
   д) Донесенія князя Волконскаго о привозѣ въ Москву Пугачева и о показаніяхъ его. [стр. 123—136.].
   е) Копія съ письма Яицкихъ Казаковъ къ гр. Г. Г. Орлову. [стр. 365.].
   ж) Копія съ даннаго Казакамъ отъ его свѣтлости, гр. Гр. Гр. Орлова, паспорта [стр. 366.].
4. Политика Фридриха Великаго съ 1763 по 1775 годъ. статья княз. *Павл. Вяземскаго:* 163—265
5. Философъ Дидро въ его сношеніяхъ съ Россіею. Біографическій очеркъ, соч. *М. Ө. Шугурова.* 267—305
6. Обрядъ при Высочайш. шествіи Ея Императорскаго Величества чрезъ Харьковское намѣстничество [1787] *В. А. Черткова.* 306—313
7. Изъ Записокъ гр. *Е. Ө. Комаровскаго* [Времена Екатерины]. 314—351
8. Два письма *графа Эстергази* изъ Петербурга къ женѣ своей (о Екатеринѣ II-й). 352—360

ЧЕРТЫ ИЗЪ ИСТОРІИ КНИЖНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ ПРИ ПЕТРѢ ВЕЛИКОМЪ.

Переписка директора Московской Синодальной типографіи Ѳедора Поликарпова съ графомъ Мусинымъ-Пушкинымъ, начальникомъ Монастырскаго Приказа. 1715—1717.

I.

Милостивый мой государь графъ Иванъ Алексѣевичь! Всесвѣтлымъ Христова возстанія торжествомъ вашу графскую вельможность вседомовно съ нижайшимъ моимъ поклономъ поздравляю и за милосердое ваше страннопріятіе благодарствую. А о себѣ симъ третіимъ доношу всепокорно.

По жестокомъ и безпутномъ пути моемъ доволокся я до намѣреннаго центра въ 14 день марта. При Божіи сохраненіи живъ, аще и нездравъ, ибо за положенный мой во книгахъ трудъ, вмѣсто сребра, лишенъ на пути и ребра. И сія причина медленія моихъ писемъ.

Обаче повелѣнное мнѣ отъ царскаго величества дѣло со всякимъ опаснымъ испытаніемъ искахъ въ соборахъ вселенскихъ и помѣстныхъ, мало не во всѣхъ; но на пользу ко предложенной матеріи вельми мало обрѣтохъ, не позвавшу тогда (мню) случаю и нуждѣ, и тѣхъ, мною собранныхъ правилъ, пишется книга. А нынѣ предъ симъ господаря Валошского учитель Анастасій грекъ прислалъ своего ему труда собраніе по присланному чрезъ меня указу, отчего... большую имѣть резолюцію, нежели отъ моея книжицы. А мнѣ вся каноны испытавшу и сенсъ ихъ, нигдѣ дадеся мѣсто обрѣсти разрѣшенія всѣмъ на вся, развѣ на рыбы (?) кому при случаяхъ нуждныхъ. Sat sapienti.

Книги, государь, математическія Лопатинскій у себя не сказалъ; а показалъ мнѣ Географію латинскую, въ которой и кораблестройная наука, а листовъ въ ней больше 700. И такую надобно преводить многимъ и тѣхъ наукъ искуснымъ. Однакожъ и я не отрицаюся, токмо прошу о взысканіи за трудъ мой во Исторіи и Лексиконахъ: ибо вельми мнѣ, бѣдному, бѣдно, что господину Веніусу за единъ Лексиконъ пожаловано 50 дворовъ, а мнѣ ни 5 оболовъ, но еще и своихъ изнурилъ больше 200 рублевъ.

Лексиконъ мой, государь, латинословенскій моей руки прикажи ко мнѣ прислать, потому что безъ него ни сей книги, ни иной возможно мнѣ преводить. А я ко Платону Ивановичу копію съ него пришлю. Вашего графскаго превосходительства послушнѣйшій слуга *Поликарповъ.*

Изъ Москвы въ 22 д. апрѣля 1715.

P. S. Нѣмецкія школы, что на Новгородскомъ подворьѣ, взялъ господинъ Лобановъ Елецкій подъ Приказъ розыскныхъ дѣлъ, и объ нихъ какъ поволишь? Во французской и въ нѣмецкой во обоихъ учениковъ только пятеро, а учителямъ двумъ корму 250 руб. Также и грекъ учитель старѣетъ, а ученики шалѣютъ. По седми лѣтъ учатъ грамматику, а листа перевесть не умѣютъ, числомъ ихъ 13 ч. Изволь меня отъ нихъ увольнить, чтобъ мнѣ чего не пострадать. А старикъ Софроній моимъ надъ нимъ комисарствомъ не доволенъ: ропщетъ, чаю и пишетъ. И вправду, нѣсть бо ученикъ надъ учителемъ. Онъ много проситъ, я мало даю. Въ Библіи читаемъ Судейскія книги. Затмѣнія солнца за облаками не видно было у насъ. Желаю вѣдать, какъ было у васъ. Обрѣтохъ же и типографію, аки овощное хранилище, о чемъ донесу впредь пространнѣе. А съ Гамельтомъ мнѣ быть у государевыхъ дѣлъ не возможно....

(конецъ сгнилъ)

II.

Сіятельнѣйшій графъ... государь Иванъ Алексѣевичь... ваше да хранитъ благополучно.

Настоящаго августа въ 18 день получилъ я отъ вашего сіятельства писаніе въ 11 тогожъ писанное, и на оное отвѣтствую всепокорнѣ. Царскаго величества указъ и писаніе ваше префекту Ѳеофилу Кролику я объявилъ и сказалъ, чтобъ онъ не медля ѣхалъ и въ десять дней предсталъ вашему лицу неотложно. И онъ, Кроликъ, хотя и радостно принялъ повелѣніе понеже издавна желалъ и искалъ разлучитися отъ Москвы и въ Цесаріи, ему любезной, быть; однакожъ подалъ доношеніе въ сенатскую канцелярію (какъ я слышалъ отъ Лопатинскаго), чтобъ ему послѣ двухъ недѣль отсюду путь свой воспріять, на что-де ему и позволено, но я не умолчу его выбывать. А отецъ Лопатинскій и прочіи о его пути зѣло прискорбны, что его пути возврата не будетъ, а школамъ препона велика; но и плодъ едва принесетъ ли, ибо многажды и отъ архіер... своего центра, но не пол... И того ради писалъ до вашего сіятельства Лопатинскій, чтобъ его сему желанію воспятить и удержать хотя въ Санктпитербурхѣ. А въ Цесарію не посылать, какъ и Іосифа бывшаго кармелита въ Кіевъ; но о семъ, какъ изволите.

Правиленныя, государь, сѣни и стѣну господинъ комендантъ Измайловъ сего дне самъ осматривалъ и дивился, какъ по се число насъ не подавило И приказалъ починивать несомнѣнно. И мы, подрядя мастеровъ, будемъ нынѣ починивать, а что дѣла и во что станетъ, всему пришлемъ дробную роспись. Подъячихъ, государь, ежели прежнихъ не сыщемъ, то будемъ пріискивать новыхъ, токмо изволь ихъ или полнымъ или уравнительнымъ окладомъ наградить. А казнѣ отъ нихъ убытка не будетъ: одною бо деньгою, наложенною въ годъ на книги, народъ ихъ окупитъ. А и птичку въ клѣтку приваблютъ кормомъ.

Книги Бароніевы переписывать у насъ на дворѣ некому, потому что писецъ только одинъ, и тотъ пишетъ Библію да Географію и иныя письма правиленныя отправляетъ, а иные къ намъ не идутъ за оскудѣніемъ пищи и за умноженіемъ дѣлъ.

... И суконъ Евреееву за бумагу отд... буду, а на деньги и въ долгъ

они не берутъ, другіе тако предъобъявленной ни за что не даютъ. Однакожъ доношу въ послѣднее, что по осмотру и по смѣткѣ бумаги у насъ въ казнѣ далѣе будущаго января не будетъ, и надобно всемѣрно заранѣе, съ кѣмъ поволишь самъ, своею персоною, договориться, чтобъ было поставлено хотя 3 т. стопъ по первому пути или въ декабрѣ, чтобъ отъ того въ дѣлѣ остановки и казнѣ убытка не сталось: ибо на всякую недѣлю по 90 стопъ въ дѣло исходитъ по окладу. А доколѣ будутъ о бумагѣ чиниться контракты, время пройдетъ, аки стѣнь, и не увидимъ. О сихъ послѣднее донося и въ волю твоего о всемъ разсмотрѣнія влагая, впрочемъ остаюсь вашего сіятельства слуга всегда послушный *Поликарповъ.*

Цѣна Евреева: за сукно по 20 р. по 4 д., за камки большіе по 11 руб., за меньшіе по 3 руб. Всего наддаютъ предъ иными близь четырехъ сотъ рублевъ. Другіе даютъ: по 20 р. безъ алтына, по десяти, по 6 руб. съ полтиною.

Москва 24 августа
1716.

III.

Милостивый мой государь, сіятельнѣйшій графъ Иванъ Алексѣевичь, здравіе ваше да хранитъ Господь благополучно.

Вашему графскому сіятельству, моему милостивому опекуну, симъ моимъ раболѣпнымъ нижайшимъ доношеніемъ не имѣю что новое объявить, точію прошу прощенія о посланномъ (предъ симъ) на Давыдовы рѣчи, гнѣвъ твой на меня явившими, грубомъ и, мню, яко досадительномъ отвѣтѣ моемъ, вѣдая вашего отеческаго сердца горячесть ко мнѣ и вѣруя, что чистая любы не зазритъ, ниже гнѣвается и страхъ всякъ изгонитъ вонъ. Тѣмъ же и писалъ яже писалъ, не яко да воздвигну, но да утолю гнѣвъ твой на мя движимый за вину, истинно не мою, но префекта, укоснѣвшаго въ путь свой идти ради сторублеваго яблока, въ саду Прозоровскомъ взятаго, отъ котораго ему польза и сладость, а мнѣ не токмо зубы отерпли, но отъ радости и очи померкли.

О сукнахъ, государь, не имѣй впредь попеченія: уповаю на Бога, что продамъ ихъ въ двадцать алтынъ съ полугривною, а людямъ добрымъ также и камокъ въ накладъ не продамъ, а чаю и съ прибыткомъ спустить. Вѣсть Богъ мое о всемъ нерадѣніе, также и отъ здѣ сущихъ не утаилось.

Читаемъ въ Библіи книги Ездрины, а Географію преписываю копіи тетрадь 36, а 80 тетрадей еще не преписано. О бумагѣ, государь, также и о календарѣ время промыслъ чинить, ибо бумаги остается только на 3 мѣсяца. Печатаемъ Тріодь Постную, Псалтыри, Требники, а впредь что̀ будемъ дѣлать обязуюсь доносить.

Пожалуй, государь, порадуй меня милостивымъ писаніемъ. Вашего графскаго сіятельства нижайшій послушникъ *Поликарповъ.*

Изъ Москвы въ 15 октября 1716.
Получено ноября 3 дня 1716 году.

IV.

Сіятельнѣйшій графъ, мой милостивый патронъ, государь Иванъ Алексѣевичь, здравіе ваше да хранитъ Господь благополучно.

Настоящаго октября въ 22 день получилъ я отъ вашего сіятельства писаніе отъ 9 того жъ писано, и на

оное всепокорно отвѣтствую: сукно, государь, до указу продавать не буду и зимою 4 кипы пришлю. Однакожъ взвелъ я тѣ сукна Матөѣю Евреeву и Короткому съ полугривною по 20, Семену Данилову съ двѣмя алтыны. Еще двумъ суконщикамъ съ 8 копѣйки, но симъ повѣрить не смѣю, понеже молоды и не знатны. А камки всѣ проданы по своей цѣнѣ, большія по 11 руб. съ полтиною, меньшія по седми рублевъ; и о сукнахъ какъ поволишь, а берутъ ихъ всѣ въ долгъ на два года.

Учители греческіе роспись бѣглымъ ученикамъ въ сенатскую канцелярію послали числомъ на 40 человѣкъ, и что будетъ по ней, доносить не умедлю. Обаче сомнѣваюсь, дастся ли по неволѣ своевольнымъ наука? Глаголетъ бо Назіанза свѣтильникъ:

Пастырь, аще похощетъ, можетъ доить козлища;
Но вмѣсто млека источитъ кровь изъ его сырища.

А нынѣ и наипаче нужда умножати греческую науку, понеже соученикъ и споспѣшникъ мой о Господѣ Николай справщикъ преселися ко отцемъ своимъ и отъ здѣшнихъ трудовъ (обременивъ меня двойнымъ ярмомъ труда) воспрія покой смертію, а смертію внезапною, достоплачевною, отъ злыхъ людей ему нанесенною (увы мнѣ): ибо шедша его изъ мыльни при вечерѣ, нападше, всего обнажиша, и бивше, умертвиша и въ глубокую грязь повергоша. Его же на утріе мертва обрѣтше, вчера погребохомъ, оплакавше ужасную кончину его, и число дней суеты нашея каково и колико есть и что кому когда будетъ?

Отправихомъ же погребальная изъ казны государевы десятью рублями, понеже по немъ, кромѣ двухъ рублей, не обрѣтеся. Таково имѣніе въ вѣкъ свой трудившемуся въ словѣ Божіи и ученіи. А будетъ ли по немъ инъ таковъ, о томъ неизвѣстно.

Доношу же и о себѣ, яко во истинну сущему отцу и за толико лѣтъ попечителю искреннему, что и я началъ въ силѣ моей вельми изнемогати: зрѣніе мое, и прежде худое и тупое, паче и паче тупѣетъ; составъ плоти дряхлѣетъ и многажды цѣпенѣетъ. Сіе же стражду не толико отъ трудовъ библейныхъ и книгъ новопреводимыхъ (ихъ же издѣтска люблю творити), елико отъ бѣдъ, наносимыхъ отъ навѣтниковъ, имъ же вѣру емля, господинъ Плещеевъ жнетъ, идѣ же не сѣялъ, и собираетъ, юду же не расточилъ; но о томъ потомъ. И во истинну, государь, сокрушаюся, не окончу ли и я число дней моихъ прежде окончанія библейнаго, о чемъ, аще и всѣми силами радѣю, но поспѣшить не можемъ, ради разныхъ обстоятельствъ. Того ради извольте попещися о греч. наукахъ, чтобъ впредь была хотя малая искра, ради церковныя пользы. Грекъ Анастасъ заболѣлъ тяжко и послѣднимъ окомъ, и, ежели изцѣлѣетъ, буду его убѣждать о школахъ, а мзду за труды изволь ему опредѣлить письмомъ, понеже ко мнѣ о семъ никогда не писано. О сихъ вашему сіятельству донося и отъ навѣтовъ обороны прося, впрочемъ остаюсь рабъ послушнѣйшій

Поликарповъ.

Москва 29 октября 1716.

P. S. О календарѣ, государь, будущемъ въ Посольскомъ приказѣ дьякъ Михайло Родіоновъ весьма отказалъ и сказалъ: хотя буде и переводчики того языка были, однако жъ мы безъ указу переводить и въ печать отда-

вать не будемъ. Того ради извольте къ нимъ указъ прислать или у себя учителю цесарска языка Ягану Вурму велите сыскавъ перевесть и къ намъ прислать; а время давно настоитъ календарь печатать, и о семъ я третіе упоминаю, чтобъ на мнѣ впредь не взыскалось.

Деньги десять рублевъ, что̀ даны на погребеніе справщику Николаю, тѣ наложены на книги, за которыя ему надлежало послѣ выходу выдать. О дачѣ жалованья полугодоваго на будущій годъ печатнаго двора служителямъ какъ повелишь? О навѣтахъ, кои на меня отъ повара куются, впредь буду доносить и копію съ дѣла пришлю. Послано въ 6 ноября, понеже перваго почтаря разгромили.

Получено въ 26 день 716 году.

V.

Сіятельнѣйшій графъ, милостивый патронъ государь Иванъ Алексѣевичь, здравіе ваше да хранитъ Господь благополучно.

Вчера смущену бывшу духу моему о внезапной кончинѣ сослужителя моего справщика Николая, забвенію положися, еже бы донести чрезъ предваршее (sic) писаніе вашему сіятельству о семъ: ко чтенію государь, и правленію священныя Библіи вмѣсто онаго Николая не поволите ли прислать къ намъ указомъ изъ великаго Новаграда монаха Іова (быть може онъ, хотя и шаленъ) да писца Өедора Герасимова и прочихъ доброписцевъ ради письма, которыхъ тамо больше шести человѣкъ, а нынѣ всѣ безъ дѣла? И чаю, что многіе нынѣ тамо безъ дѣла, а намъ они вельми нуждны. Изволь, государь, меня о семъ увѣдомить, такъ же и о всемъ прочемъ.

Анастаса грека о пріятіи школъ или Библіи убѣждать и писать буду, а мзду ему на письмѣ опредѣлить извольте.

Читать начахомъ нынѣ книгу Есөирь. Безпутица великая, дѣлу не мала препона.

О бумагѣ, государь, время промышлять, больше двухъ мѣсяцевъ оныя въ дѣло не будетъ. О календарѣ новомъ въ Посольскомъ приказѣ дьякъ Михайло Родіоновъ намъ отказалъ и сказалъ, что указу къ нимъ не бывало; также де календаря и переводчиковъ у него на нихъ нѣтъ. Изволь, государь, приказать нѣмецкаго языка учителю Ягану Вурму оный календарь сыскать, перевесть и къ намъ прислать, ибо давно настоитъ время, а у насъ истинно переводить некому, чтобъ не пострадать чего. О сихъ донося, въ прочемъ вашему сіятельству остаюся слуга послушный всегда

Поликарповъ.

Москва, октября въ 30 день 1716.

VI.

Отвѣтъ графа Мусина-Пушкина.

Федоръ Поликарповичь, здравствуй. Календарь, переведенный съ нѣмецкаго языка на россійскій, при семъ къ тебѣ послалъ. Вели его печатать не мѣшкавъ. О сукнахъ къ тебѣ писано многажды, чтобы въ долгъ не продавать; кто хочетъ, чтобъ взялъ на деньги. О монахѣ Іовѣ и о писцахъ въ Новгородъ къ архіерею отпишу не умедля, дабы оныхъ къ вамъ прислали. Анастасію греку обѣщай давать въ годъ 10 рублей. О семъ къ тебѣ писано жъ (приписаніе) $\frac{г.}{м.}\Big|\frac{и.}{п.}$

P. S. А Прогностиконъ пришлю послѣ, понеже здѣсь мы еще не имѣемъ переведеннаго. Послано въ 2 день декабря 716 году.

VII.

Сіятельнѣйшій графъ, высокій мой опекунъ, государь Иванъ Алексѣевичь, здравіе ваше да хранитъ Господь благополучно.

Настоящаго марта въ 9 день получилъ я отъ вашего сіятельства писаніе, изъ котораго (паче же изъ... (разго?) ворныхъ словъ посланнаго вашего куріера Семена) выразумѣлъ я паки твой движимый гнѣвъ на меня, аки бы за неотправленіе книгъ и чертежей, по росписи прежде и нынѣ ко мнѣ присланныхъ, и я на сіе чистосердечно отвѣтствую. Книги, государь, я которыя могъ с...ть тѣ всѣ отправя послалъ съ ученикомъ въ ящикѣ за печатью, а имянно Библію, Грамматику, Служебникъ, Ирмологіи, Уложенье старое, Артикулы военные старые. А новопечатныхъ книгъ, новыхъ военныхъ уставовъ, процессовъ, экзерцицій и церемоній у насъ нѣтъ и не бывало, ибо печатаны тѣ книги въ Санктъпитербурхѣ. Также чертежей каналамъ Ивано-езерскимъ и Вышневолочковскимъ и Москвы съ монастырями преспективы у насъ на .. дворѣ не бывало, а дѣланы... ... (ору)?жейной у князя Гагарина, и о семъ я писалъ дважды. И посему прежній и нынѣшній реестры стали быть всѣ очищены. И за сіе тебѣ моему господину гнѣватися на меня и крушитися безвинно—будетъ ли благословно, изволь разсудить самъ, яко мудръ. Извѣстно вамъ, что ваша высокихъ лицъ гнѣвная... словеса изсушаютъ многажды и высокая древеса. Аще же когда съ милостію изрекутся, тогда и отъ неплодныя малыя смоковницы многъ плодъ произвести могутъ. Хотѣлъ было и я грубый еще нѣчто новое немалое и во истинну небывалое Россійскому народу въ пользу произвесть чрезъ убогій трудъ мой, но видя себя злая возъ (sic) благая страждущаго (яко же и за Географію льстецомъ и обманщикомъ именуема) и всегда въ противныхъ волнахъ обуреваема отъ оболганія, навѣтовъ и поруганія ласкателей, тунеядцевъ и притрапезниковъ (ихъ же премудрое писаніе нарицаетъ морушками) оставлю все, да не горшее что постражду. Тіи же подобенъ себѣ плодъ да издаютъ любящимъ ихъ.

Въ нынѣшнемъ же вашего сіятельства... сверхъ прежняго упоминалось о книжицѣ Эзоповѣ.... гражданскихъ и церковныхъ. И я... отъ всѣхъ по три книги собралъ къ посылкѣ, но посланный куріеръ Семенъ оныхъ не принялъ за безпутицею, чтобъ ихъ не подмочить, и того ради я послалъ по одной отъ всѣхъ гражданскихъ, да по два листа отъ всѣхъ чертежей и юрналовъ.

Доимка, государь, чтò на Носовѣ, по твоему приказу и до дне сего пишется и въ вѣдомостяхъ, и нынѣ въ книгахъ написана наличною казною, потому что еще не вершено дѣло. И надобно всеконечно вершить, понеже слѣдуетъ бѣдство: пишемъ то въ казнѣ, чтò изъ казны давно улетѣло. И уже бы по се число было возвращено на выборѣ, или на книгахъ выбрано.

О гнѣвѣ твоемъ на меня за прибавку становъ сказалъ мнѣ въ приказѣ при всѣхъ дьякъ Гаментовъ, по тому я о семъ и писалъ къ вамъ.

За трудъ въ библіоправленіи труждающимся отцемъ по указу противъ

прежняго я выдалъ, за что и благодарствуемъ обще твоему еже о насъ милосердію.

Учитель Іоаникій старецъ зѣло оскорбился,
Что съ прочими годоваго и сего жалованья лишился.
О сихъ всѣхъ къ вашему сіятельству донося
И о грубости... во всемъ прощенія прося.

впрочемъ... остаюсь послушный вамъ *Поликарповъ.*

P. S. Географію, государь, ежели изволишь прислать, благоволи въ ней замѣтить мѣста, требующія исправленія. А писана она размѣтисто и не мелко не ради моего прельщенія, но дабы читающимъ очесамъ угоднѣе и удобнѣе было ко чтенію, паче же тѣмъ очесамъ, которыя всю Россію, аки второе солнце, назираютъ, освѣщаютъ и питаютъ своимъ милосердіемъ; ихъ же мелкимъ письмомъ напрасно трудить не обычно и страшно. А о числахъ въ поляхъ писано въ моемъ на книгу предисловіи, въ началѣ книги. Посланные образцы дошли ли и что по нихъ настоитъ?.. Куріеръ поумедлилъ за удержаніемъ подводъ и книгъ за переплетомъ.

Получено марта 18 дня 1717.

VIII.

Письмо графа Пушкина къ Лопатинскому.

Пречестнѣйшій отецъ архимандритъ. По именному царскаго величества указу присланные отъ его величества два лексикона одинъ съ латинского на французскій языкъ, другой съ латинского на галландскій велѣно подъ латинскія рѣчи подвесть славенскія слова, и оныя книги послалъ я къ Ѳедору Поликарпову и велѣлъ объявить вамъ. Того ради извольте въ томъ приложить тщаніе свое, понеже сіе нужно есть его величеству. А по окончаніи онаго дѣла, съ тѣхъ же лексиконовъ извольте сдѣлать лексиконъ съ славенскаго языка на латинской, токмо во всѣхъ не извольте высокихъ словъ славенскихъ класть, но паче простымъ русскимъ языкомъ. Прошу также изволь и прочимъ учителемъ сіе объявить, дабы тщаніе свое приложили (приписано:) вашего прошу благословенія. г./м. | и./п.

Послано въ 2 день іюня 1717 году съ денщикомъ Борисомъ Севрюковымъ. Федоръ Поликарповъ.

IX.

По имянному царскаго величества указу присланные отъ его величества два лексикона одинъ съ латинского на французскій языкъ, другой съ латинского на галландскій, велѣно велѣно (sic) и изъ оныхъ сдѣлать одинъ лексиконъ и подъ латинскія рѣчи подвесть славенскія слова, и оныя книги посылаю къ тебѣ при семъ письмѣ съ нарочнымъ. Того ради оные лексиконы объяви, какъ отцу Лопатинскому, такъ и прочимъ учителемъ, дабы въ семъ дѣлѣ приложили тщаніе, понеже сіе нужно есть его величеству, за что ты примешь отъ его величества милость и за трудъ воздаяніе немалое, для чего съ оными книгами посылаю къ тебѣ и твои лексиконы ради лучшаго исправленія. А по окончаніи онаго дѣла, съ тѣхъ же лексиконовъ сдѣлайте лексиконъ же изъ славенскаго языка на латинской по алфавиту. При семъ же посылаю къ тебѣ и Географію переводу твоего, которая за неискусствомъ либо какимъ переведена гораздо плохо: того ради исправь хорошенько не высокими словами славенскими, но простымъ русскимъ языкомъ (также и лексиконы), а испра-

вя вели напечатать къ пріѣзду царского величества и напечатавъ, надобно тебѣ явиться предъ его величество самому ради воздаянія. (Приписано рукою графскою): Со всѣмъ усердіемъ трудися, и высокихъ словъ славенскихъ класть не надобять, но Посольского приказу употреби слова. Отцу Лихудію на нынѣшній годъ выдай жалованье. У Бориса Севрюкова прими сумки, въ чемъ положены книги, понеже куплены здѣсь на казенныя деньги $\frac{\text{г.}}{\text{м.}}\Big|\frac{\text{и.}}{\text{п.}}$

Послано іюня 2 дня 1717 году съ денщикомъ Борисомъ Севрюковымъ.

X.

Тогожъ числа къ нему, Федору Поликарпову послано другое письмо съ нимъ же, Борисомъ Севрюковымъ; писано нижеписаннымъ образомъ:

Федоръ Поликарповъ. Писалъ ты ко мнѣ, что денщики и драгуны требуютъ хлѣба; того ради на тѣ деньги, которыя надлежитъ имъ выдать, купи хлѣба и раздай, или и деньгами по настоящей цѣнѣ; такожъ и Федоту Ушакову съ прочими холостыми, которые въ Москвѣ, давай; но токмо на тѣхъ холостыхъ не давай, которые здѣсь живутъ при мнѣ, понеже ѣдятъ мой хлѣбъ. Книги и деньги, которыя пропали изъ лавки, доправь на лавошникѣ (приписано) $\frac{\text{г.}}{\text{м.}}\Big|\frac{\text{и.}}{\text{п.}}$

XI.

Сіятельнѣйшій графъ, мой милостивый патронъ, государь Иванъ Алексѣевичь. По благодати всесвятаго Параклита, нынѣ отъ церкве святыя восточныя празднуемаго желаю васъ, моихъ милостивыхъ, здравствовати вседомовнѣ и радоватися духовнѣ.

Не безъ великаго, государь, мнѣнія обрѣтаюся о укоснѣніи отъ вашего сіятельства писемъ ко мнѣ, рабу твоему, ибо на четыре моихъ письма, въ маіи посланныя, ни единыя іоты получилъ я до днесь отвѣтствованія, отчего припаде ми о здравіи вашемъ не мало сомнѣніе. Прошу, государь, твоей ко мнѣ отеческія неотмѣнныя (яко же пишеши) милости, порадуй меня поне единою строкою о вашемъ здравіи. Сіе бо ми желательно, аки дождь во время бездождія.

Чрезъ настоящее же ничего новаго къ доношенію не имѣю, токмо о старомъ напоминаю, по отправленіи сукна двухъ кипъ; понеже по се число отъ вашего сіятельства о прочихъ оставшихся здѣсь (которыхъ еще двадцать кипъ) ни единаго къ намъ опредѣленія не бывало. А оныя кипы въ палатѣ гніютъ напрасно. И я опасенъ, что отъ того утоленный твой на мя гнѣва огнь не возжеглся паки. Прошу, государь, опредѣленія, что̀ съ ними дѣлать. Бумаги мы въ февралѣ купили съ тысячу стопъ по поламъ, и оной будетъ до ноября, а далѣе не на чѣмъ будетъ дѣлать. Благоволи, государь, самъ подрядить тамъ, или сюда отписать къ Евреевымъ, или кому лучше, чтобъ поставили хотя три тысячи по поламъ къ намъ. А хотя и въ новую столицу преведется, и тамъ припасы надобны жъ. По отъѣздѣ нѣмецкихъ школъ учителей въ Санктъпитербурхъ осталась на Новгородскомъ подворьѣ библіотека по описи съ тысячу книгъ нѣмецкихъ, еврейскихъ, французскихъ и проч. И оныя книги лежатъ безъ дѣла, а въ школахъ вашихъ, чаю, книгъ быть скудно. И не повелите ли ихъ прислать, понеже намъ до нихъ нужды нѣсть?

Во священной Библіи кончаемъ Премудрости Соломона. Печатаемъ Прологи, Евангелія на александріи. Псалтири да часословцы въ четверть.

Миней мѣсячныхъ въ десть требуютъ мнози, понеже въ казнѣ ихъ ничего нѣтъ. О семъ всемъ донося и милостиваго отвѣта прося, впрочемъ остаюся вашему графскому сіятельству рабъ послушный всегда.

Поликарповъ.

Москва
1717
въ 4 іюніа

P. S.

У насъ нынѣ прозябла новинка,
Явилась баба завируха старинка,
Аѳеистка паче неже Калвіанынн,
Къ ней же бесѣдова Екзархъ публично въ дни Самарянынин.
Многими доводы не изцѣли Вавилона:
Ѳомку за свята сказуетъ и она

XII.

Слѣдующаго письма сохранился только отрывокъ. Въ немъ въ началѣ идетъ рѣчь о сукнахъ:

Бумаги купите въ Москвѣ что надлежитъ, а мнѣ здѣсь подряжать и къ Евреевымъ писать не для чего: и не у однихъ Евреевыхъ есть бумага. Того ради подряжайте съ торгу.. О библіотекѣ, которая осталась послѣ учителей нѣмецкихъ школъ, буду писать впредь. Географію для Бога потщись, чтобъ совершить ее къ пріѣзду царскаго величества сюда, котораго... въ ноябрѣ мѣсяцѣ, хотя и еще становъ... какъ мочно при...

Федоръ Поликарповъ. Писалъ ты ко мнѣ, чтобъ прислать къ вамъ изъ здѣшней типографіи мастеровыхъ людей 5 человѣкъ Вѣдаешь ты и самъ, что здѣсь мастеровыми людьми отправляются съ нуждою, и сдѣлать сего не возможно. Того ради отправляй своими мастеровыми людьми... Географію для Бога поспѣшай печатаніемъ, чтобъ приготовить къ пріѣзду царскаго величества..

Въ сентябрѣ 1717 года.

ЛЕВЪ ЮРЛОВЪ И ЕГО ПИСЬМО КЪ РОДСТВЕННИКАМЪ.

(1743 года, сентября 11).

Епископъ Левъ Юрловъ извѣстенъ, какъ одно изъ духовныхъ лицъ, пострадавшихъ отъ Ѳеофана Прокоповича вскорѣ по восшествіи на престолъ императрицы Анны. Главнѣйшія біографическія свѣдѣнія, которыя имѣются о Юрловѣ, сохранились въ его собственныхъ показаніяхъ, находящихся въ нѣсколькихъ дѣлахъ о немъ, которыя хранятся въ Архивѣ св. Синода. Извлеченіе изъ этихъ показаній напечатано въ статьѣ „Георгій Дашковъ“ въ „Православномъ Обозрѣніи“ 1863 г., № 1. Дополнительныя извѣстія о Львѣ Юрловѣ можно найти въ „Дѣяніяхъ Петра Великаго“, изд. 2-е, т. XV, стр. 34—37, и въ Исторіи Росс. іерархіи“, т. I, стр. 198.

Левъ, въ мірѣ Лаврентій, былъ сынъ дворянина Михаила Матвѣевича Юрлова и родился въ отцовскомъ имѣньи с. Сёмовѣ (Нижегородской губ., Макарьевскаго уѣзда); въ юныхъ лѣтахъ оставшись сиротою, онъ воспитывался въ домѣ боярина князя Ивана Борисовича Троекурова, вмѣстѣ съ его сыномъ Иваномъ, и съ нимъ же, въ 1695 и 1696 годахъ, ходилъ, въ качествѣ волонтера, въ походъ подъ Азовъ. Извѣстны тѣ широкіе планы, которые внушались Петру, и которые онъ самъ питалъ въ первую свою войну противъ Турокъ (см. „Исторію Россіи“, *С. М. Соловьева*, т. XIV, стр. 218 и слѣд.); воспоминаніе объ этихъ намѣреніяхъ осталось въ памяти Юрлова, который, какъ онъ самъ свидѣтельствуетъ, слышалъ о предположеніяхъ Петра отъ него самого, въ бытность свою пажемъ царицы Маѳы Матвѣевны. (Стало быть, эта придворная служба Юрлова должна относиться ко второй половинѣ шестьсотдевяностыхъ годовъ). Въ 1701 г. Лаврентій участвовалъ въ Нарвскомъ походѣ и потомъ, 23-хъ лѣтъ, рѣшился вступить въ монашество. Голиковъ, со словъ М. I. Голо-

виной, разсказываетъ, что пажъ Юрловъ, будучи при царицѣ Марѳѣ на ассамблеѣ у Голландца Гопа, гдѣ находился и самъ Петръ, похитилъ серебряный кубокъ, обыкновенно подаваемый государю; что царица, жалѣя пажа, дала ему средство скрыться отъ царскаго гнѣва, и что Юрловъ бѣжалъ въ Вологду, гдѣ и постригся. Въ собственномъ своемъ показаніи Юрловъ умолчалъ объ этомъ происшествіи и объяснилъ, что онъ провелъ около десяти лѣтъ на искусѣ въ Троицво-Сергіевскомъ монастырѣ, подъ руководствомъ іеромонаха Георгія Дашкова, а потомъ былъ переведенъ въ Троицкій же монастырь въ Астрахань и здѣсь постриженъ въ мантію и посвященъ въ іеродіакона и іеромонаха. Въ слѣдствіе ссоры съ митрополитомъ Іоанномъ Левъ оставилъ Астрахань и, согласно распоряженію Стефана Яворскаго, переведенъ въ Москву въ Донской монастырь. Но въ эту пору Георгій Дашковъ былъ посвященъ въ епископы Ростовскіе, Левъ выпросился съ нимъ въ Ростовъ, а когда въ Петербургѣ основался Александро-Невскій монастырь, Левъ посланъ былъ туда. Пробывъ здѣсь нѣсколько времени, Левъ опредѣленъ былъ архимандритомъ Переяславскаго Горицкаго монастыря. Въ январѣ 1724 г. онъ подпалъ подъ судъ за расхищеніе казны въ Астраханскомъ Троицкомъ монастырѣ и отрѣшенъ отъ настоятельства; но въ апрѣлѣ тогоже года, по случаю коронаціи Екатерины, вина его была прощена, и ему повелѣно быть Горицкимъ архимандритомъ по прежнему; въ 1726 г. онъ даже вызванъ былъ для присутствованія въ синодъ, а въ слѣдующемъ произведенъ въ епископы Воронежскіе.

14 февраля 1730 г. въ Воронежъ пришелъ манифестъ объ избраніи императрицы Анны. Извѣстно, что это неожиданное избраніе было встрѣчено въ Россіи безъ сочувствія. Такъ было и со Львомъ. Когда Воронежскій вице-губернаторъ Пашковъ получилъ вышеупомянутый манифестъ, онъ немедленно отправилъ его къ Юрлову, но епископъ, вмѣсто того, чтобы озаботиться объявленіемъ его, велѣлъ на слѣдующій день —пришлось первое воскресенье великаго поста—въ чинъ православія, вездѣ, гдѣ слѣдовало поминать имя государыни, —молиться „о благочестивѣйшей великой государынѣ нашей царицѣ и великой княгинѣ Евдокіи Ѳеодоровнѣ и о державѣ ихъ“, а потомъ о благовѣрныхъ государыняхъ цесаревнѣ и царевнахъ. Такимъ же образомъ возношеніе производилось и въ слѣдующіе дни. Наконецъ 18 февраля Пашковъ снова потребовалъ отъ Льва объявить манифестъ; но епископъ отвѣчалъ, что „церковнаго поминовенія о государѣ императорѣ и молебнаго торжества о ея императорскомъ величествѣ безъ присланнаго къ нему о томъ особливаго точнаго указа изъ синода собою чинить опасенъ, разсуждая то, что, можетъ быть, не сдѣлается-ль впредь другой какой отмѣны.“ Пашковъ донесъ о такомъ отвѣтѣ въ Москву. Оттуда у Льва потребовали объясненія. Онъ отвѣчалъ, что Пашковъ клевещетъ на него по злобѣ. При заслушаніи этого дѣла въ синодѣ, 20 марта, Георгій Дашковъ подтвердилъ, что у Юрлова съ Пашковымъ давняя ссора, и что для дальнѣйшаго сужденія должно подождать: не будетъ ли отъ губернатора какого объясненія. На томъ дѣло и остановилось; но 15 іюля Ѳеофанъ сдѣлалъ синоду запросъ отъ имени государыни: почему это дѣло не обслѣдовано? Члены синода, Дашковъ, Ѳеофилактъ Лопатинскій и Игнатій Смола, оправдывались необходимостью новыхъ объясненій отъ Пашкова, но ихъ объясненія оставлены были безъ вниманія, и 30 августа послѣдовалъ указъ объ увольненіи этихъ членовъ изъ синода. Вновь назначенные члены повели дѣло Льва поспѣшнѣе: его вызвали въ Москву и начали слѣдствіе. Въ синодѣ и сенатѣ его допрашивали о цѣли его поступка, о пользѣ, которой онъ себѣ ожидалъ отъ него, и о лицахъ, въ которыхъ искалъ содѣйствія. На всѣ эти вопросы Левъ отвѣчалъ уклончиво, „отбываясь просто-

тою". Тогда синодъ опредѣлилъ разстричь Льва и предать его гражданскому суду. 2 октября императрица утвердила это рѣшеніе, а два мѣсяца спустя именнымъ высочайшимъ указомъ повелѣно „бывшаго Воронежскаго епископа Льва, за извѣстную его вину, сослать въ Крестный монастырь и содержать за карауломъ, въ кельи, неисходно, и никого къ нему не допускать и чернилъ и бумаги для письма не давать. А буде къ нему отъ кого какія письма приходить будутъ, тѣ отбирать и, распечатывая, читать и отсылать къ губернатору, которому о томъ въ сенатъ репортовать; а въ церковь допускать его за карауломъ."

Почти десять лѣтъ Юрловъ провелъ въ заточеніи, въ Архангельскомъ Крестномъ монастырѣ, на островѣ Бѣлаго моря. Наконецъ, уже въ царствованіе Іоанна Антоновича, „бывшій Воронежскій епископъ Левъ, что̀ нынѣ растрига Лаврентій", подалъ прошеніе о своемъ освобожденіи. Но прежде чѣмъ послѣдовала ему милость, на престолъ вступила императрица Елисавета. 19 апрѣля 1742 г. синодъ словесно доложилъ государынѣ о бѣломорскомъ заключенникѣ, и императрица разрѣшила возвратить ему архіерейскій санъ, что̀ и было исполнено 22 числа того же мѣсяца. Но старикъ не согласился принять епархіи и съ пенсіею уволенъ на пребываніе въ Московскій Знаменскій монастырь, гдѣ и умеръ 28 января 1755 г.; тѣло его похоронено въ с. Сёмовѣ.

Печатаемое письмо Юрлова доставлено было потомкомъ одного изъ его родственниковъ, Симбирскимъ землевладѣльцемъ В. П. Юрловымъ въ Отдѣленіе Этнографіи Императорскаго Русскаго Географическаго Общества и, съ согласія какъ сообщившаго, такъ и Отдѣленія, передано для напечатанія въ „Русскій Архивъ." Препровождая письмо, г. Юрловъ пишетъ: „Въ проѣздъ мой лично чрезъ село Лысково, двадцать лѣтъ тому назадъ, въ бытность мою въ гостяхъ у знаменитаго владѣльца села этого, старикъ князь Грузинскій сказалъ мнѣ: „Я всегда былъ другомъ съ твоей фамиліей, съ твоимъ дѣдомъ Иваномъ Петровичемъ мы жили какъ братья, твоего дядю я крестилъ, а послушника твоего (прапрадѣда), управлявшаго селомъ Семовымъ, зналъ уже преклоннымъ старикомъ; этотъ послушникъ говорилъ мнѣ много о Воронежскомъ епископѣ Львѣ: ты, конечно, заѣдешь поклониться его могилѣ."—Дѣйствительно я былъ въ Сёмовѣ, хотя имѣніе это въ то время, да и теперь, не находится уже въ семейномъ владѣніи нашемъ, и собралъ тамъ документы, извлеченіе изъ которыхъ здѣсь представляю."

Л. Майковъ.

ПИСЬМО ЛЬВА ЮРЛОВА.

Благословеніе Господне на васъ! Миръ и благодать Господа нашего Іисуса Христа буди со всѣми вами! Спрашиваете: получалъ ли я, старецъ, посылки, рыбу колотую, варенье, муку и другое. А сколько лѣтъ служитъ вамъ Михей? Али старика черезъ меня, старца, повѣрять надобно? Ни, возлюбленніи, честно служитъ, —честь и отдайте: все получено отъ щедротъ вашихъ, а только, мню, подозрѣнія на старыхъ слухъ не имате. Миръ вамъ! Нынѣ пристань благую обрѣтохъ. Паки глаголю: въ темницѣ бѣхъ, и посѣтисте меня, алкалъ и жаждалъ, и напоисте меня, и прочее къ тому, еже вѣсть сердце. А вы, милые, паче чѣмъ чадца моя, ровные вси, но кровные мои, что̀ о старцѣ заботитесь? Ей, преизрядное житіе мое въ обители, а монаху — что̀ надобно? Не ищу ничесо же вашихъ, но васъ самихъ, вы бо радость моя и вѣнецъ, яко здравыхъ васъ обрѣтаю, по Апостолу глаголюще. Давно прошу: отпустили бы стараго слугу Михея на волю, какъ сдѣлалъ со сво-

ими слугами блаженной памяти братъ нашъ Семенъ Акимовичъ. Внучку моему Василію посылаю французскаго сукна на кафтанъ да часы мои нюренбергскіе: пусть, познавая изъ оныхъ время, научится проводить оное съ пользою. Прейду и къ дѣлу. Многажды вопрошаете, какъ и въ послѣднемъ письмѣ своемъ, о православной вѣрѣ, иматъ ли распространитися на агарянскіе царства и народы? Отвѣщаю. Подъ сѣнію священныя державы Богомъ вѣнчанныхъ, благовѣрныхъ, въ мирѣ почившихъ великихъ князей и царей Россійскихъ, подъ сѣнію славно царствующей монархини нашей и наслѣдящихъ по ней царство въ неисчетные роды родовъ, процвѣло и не престанетъ процвѣтать православіе, яко священное охраненіе древней, соборной, вселенской и апостольской церкви, въ ней же обрѣтается спасеніе всѣхъ православныхъ чадъ ея. Не точію Россійскіе, но и вси православные народы отвсюду обращаютъ взоры на Россію. Благословенной ли дщери великаго Петра, сей монархини нашей, извлекшей мя епископа, и осмьнадесять заключенныхъ, изъ нѣдръ Сибири, или ея грядущимъ наслѣдникамъ предстоитъ объединеніе подъ единою Россійскою державою всѣхъ народовъ отъ Грекъ и отъ прочихъ народовъ, исповѣдующихъ православную вѣру, — вѣдаетъ Господь. Но чаемъ въ грядущемъ, яко преславная мысль великаго Петра, монарха нашего, въ юныхъ еще годахъ моихъ, въ бытность мою міряниномъ и пажомъ вѣчно достойныя памяти царицы Марѳы Матвѣевны, возвѣщавшаяся овогда, паче же въ веселомъ и пресвѣтломъ его царскаго величества видѣ, яко подобаетъ православные христіаны отъ плѣненія поганскаго освободить и Станбулъ покорити подъ нозѣ его, и православные народы соединити во едино стадо, — яко Богомъ внушенная, мысль сія состоятися иматъ по времени. Вѣдаемъ къ тому же и преданія восточныя, яко и въ самомъ древле-православномъ храмѣ Премудрости Божіей, въ Царѣградѣ, вознесутся молитвы православныхъ христіанъ по скончаніи рекомаго преданіемъ числа лѣтъ, егда скончается власть турецкихъ салтановъ, прейдетъ могущество латинскаго папы, и скончаются козни цесарскія, отъ нихъ же много было туги и великому монарху нашему Петру Великому. Паче же всего вѣруемъ, яко ущедритъ Господь милость свою на ны и покроетъ покровомъ благости своея всѣхъ православныхъ христіанъ; свѣтъ же Евангелія возблистаетъ всюду, о еже быти единому стаду и единому пастырю. Простите, возлюбленніи: за старческими немощи и писать трудно; прихварываю нынѣ, да и старыя болѣзни откликаются. Едина мысль — умереть бы въ мирѣ да пристроить внучатъ, да положену быть въ богоспасаемомъ селѣ Сёмовѣ, одесную сродникъ и купно вашихъ почившихъ предковъ. — Смиренный епископъ Левъ.

ЗАПЛЕЧНЫЙ МАСТЕРЪ.

Пожаръ, бывшій въ Ярославлѣ 25 іюня 1768 года, произвелъ ужасное опустошеніе, о которомъ долгое время наши дѣды не могли вспоминать равнодушно. Изъ архивныхъ дѣлъ видно, что „первое запаленіе послѣдовало на питейномъ — ведерной и чарочной продажи — домѣ, и оттого сгорѣло: церквей 15, монастырей 2, домовъ: церковничьихъ 48, разночинцевъ *бѣло*-мѣстныхъ 77, купеческихъ 194, харчевень 12, провинціальная канцелярія (со всѣми дѣлами), ко-

„лодничій острогъ, магистратъ, соляная „контора, гостинный дворъ, торговая ба„ня, 583 лавки“, и проч. Въ огнѣ погибли „изъ посадскихъ три человѣка“.

Вмѣстѣ съ людьми, церквами, домами и лавками, сгорѣли... вещи очень употребительныя въ доброе старое время, именно: кнуты, клейма для постановленія штемпельныхъ знаковъ и щипцы для вырыванія ноздрей, словомъ —„снасти, подлежащія ко учиненію колодникамъ экзекуціи.“ Хранитель этихъ вещицъ, нѣкто поручикъ Семенъ Самойловъ, просилъ Ярославскую провинціальную канцелярію, чтобы она „благоволила приказать всѣ оныя снасти искупить“; но канцелярія „искупить“ не хотѣла, а потребовала означенныя орудія изъ *приписныхъ* городовъ: Романова, Пошехонья и Кинешмы. Романовская воеводская канцелярія на это требованіе отвѣчала, что у нея „тѣхъ инструментовъ, за сгорѣ„ніемъ оныхъ въ бывшій въ Романовѣ „прошлаго 1767 года пожаръ, ничего не „оказалось“. Пошехонскій же воевода *репортовалъ*, что „пять кнутовъ, три „штемпеля и для выниманія ноздрей „щипцы... отданы присланному изъ про„винціальной канцеляріи заплечному ма„стеру.“

Вскорѣ явилась надобность и въ самомъ мастерѣ. Упомянутый поручикъ Самойловъ (кстати замѣтимъ, что сей офицеръ былъ безграмотный: за него подписывались другіе) донесъ своему начальству слѣдующее:

„Велѣно мнѣ взять находящагося „здѣсь (въ Ярославлѣ) заплечнаго масте„ра, для наказанія нѣсколькихъ дворцо„вой вотчины крестьянъ; но онъ весьма „тяжко боленъ, и, по старости его, со„всѣмъ дряхлъ, и глазами худо видитъ, и „затѣмъ не только свою должность исправ„лять, а изъ квартиры выдти не можетъ.“

—„Нѣтъ ли излишняго, сверхштатнаго заплечнаго мастера?“—спросила Ярославская провинціальная канцелярія Московскую розыскную экспедицію, объяснивъ ей, что въ приписныхъ городахъ множество народу сидитъ ненаказаннаго, единственно потому, что палачъ старъ, слабъ зрѣніемъ, хорошо сѣчь не можетъ...

Шли недѣли, шли мѣсяцы. Розыскная экспедиція хранила молчаніе.

Провинціальная канцелярія негодовала на такую медленность.

Увѣдомленіе, наконецъ, было получено: заштатнаго палача нѣтъ, а штатнаго отправить въ Ярославль нельзя, „надобенъ“.

Что дѣлать?

А тутъ еще другая бѣда. Кромѣ поручика Самойлова, Пошехонскій воевода неотступно просилъ все о томъ же— о присылкѣ заплечнаго мастера. Этому воеводѣ Московская губернская канцелярія велѣла распорядиться, по закону, надъ нѣсколькими преступниками, — а какъ тутъ распорядиться?—не самому же кнутобойничать! Воевода три раза требовалъ палача, для учиненія наказанія бѣглому рекруту Григорію Кузьмину да крестьянину Ивану Сергѣеву съ товарищами: за разныя кражи и разбой, ихъ присудили къ кнуту, вырѣзанію ноздрей, „постановкѣ стемпелями знаковъ“, и затѣмъ къ ссылкѣ въ Нерчинскіе заводы, въ тяжкую работу. И вдругъ—преступники убѣжали. „Противъ 20 числа іюля“ (1768), писалъ Пошехонскій воевода, „означен„ные колодники, воры-разбойники, да еще „и смертоубійцы: Кипріянъ Потаповъ, „Семенъ Матвѣевъ, Матвѣй Андреевъ, да „товарищъ ихъ Иванъ Мироновъ, да „разныхъ вотчинъ бѣглые помѣщичьи „крестьяне—четыре, а всего 10 человѣкъ, „содержась въ тюремной избѣ, проломя, „по ветхости, во оной избѣ одну половную „тесницу, и подрывся ночнымъ вре„менемъ подъ стѣну, вылѣзши,—всѣ тѣ „10 человѣкъ изъ той тюремной избы въ „острогѣ, у коего одно бревно, которое „снизу, все подгнило, выломили, и изъ „того острогу учинили утечку.“ Впрочемъ изъ нихъ пять человѣкъ, въ томъ числѣ „смертоубійца“ Кипріянъ Потаповъ, были вскорѣ пойманы; но „това„рищъ его, Иванъ Сергѣевъ, да выше„значащіеся бѣглые помѣщичьи крестья„не бѣжали, хотя чрезъ штатнаго пору-

„чика Плохово, съ командою, и близъ „живущими обывателями многолюдственно чинены поиски“... „Того ради, заключилъ воевода, потребно, чтобы для „учиненія означенному разбойнику и тюремному утеклецу, пойманному Григорью Кузьмину, надлежащей экзекуціи, „заплечный мастеръ присланъ былъ, дабы ему болѣе праздно не содержаться, „а паче, по ветхости тѣхъ тюремныхъ „избъ и острога, такоже и другіе съ „нимъ содержащіеся колодники не могли „бы учинить утечки.“

Вслѣдствіе этого писанія, послѣдовалъ отвѣтъ, что заплечнаго мастера нужно сыскать „поблизости“, въ Костромской, или въ другихъ провинціяхъ... „А какъ „въ Ярославской провинціальной канцеляріи почти всегдашняя въ заплечномъ „мастерѣ надобность, то о вызовѣ такового въ пристойнемъ городѣ (Ярославлѣ) „въ здѣшныхъ мѣстахъ публиковать“.

И вотъ на всѣхъ уличныхъ перекресткахъ прибиты были слѣдующія публикаціи:

„Объявляется во всенародное извѣстіе.

„Не пожелаетъ ли кто изъ вольныхъ людей въ заплечные мастера и быть въ штатѣ при Ярославской провинціальной канцеляріи, на казенномъ жалованьѣ?—И если кто имѣетъ желаніе, тотъ бы явился въ канцелярію въ самой скорости.“

Между Ярославцами не оказалось палача-аматёра. Это видно изъ дальнѣйшихъ распоряженій воеводской канцеляріи. Она составила протоколъ о томъ, что „хотя чрезъ публики и были вызываемы къ должности палача вольные „люди, но таковыхъ не является. А въ „уложеніи 21-й главы, въ нижеписанныхъ „пунктахъ напечатано, въ 96-мъ: въ „палачи на Москвѣ выбирать изъ вольныхъ людей, и быть имъ въ палачахъ „съ поруками“; въ 97-мъ: „чтобы тѣхъ „палачей выбирать съ посадовъ и уѣздовъ“. На оный пунктъ въ указной 185-„го года книгѣ написано: „Мая де въ „10-й день, бояра, слушавъ докладныя „выписки, приговорили: послать великаго государя грамоты къ воеводамъ, чтобы они въ заплечные мастера взяли тѣхъ „городовъ изъ посадскихъ людей, которые волею своею въ тоё службу быть похотятъ; а буде охотниковъ не будетъ— „изъ посадскихъ людей велѣть выбирать, изъ самыхъ изъ молодшихъ, или „изъ гулящихъ людей, чтобы во всякомъ городѣ безъ палача не было.“

Приказали: „въ Ярославскій магистратъ „сообщить промеморіею, и требовать, чтобы оный, въ сходство указной 185 года книги, ко опредѣленію въ заплечные „мастера *изъ купцовъ* выбравъ, прислалъ; „ибо тотъ заплечный мастеръ долженъ „быть въ штатномъ жалованьѣ по должности его въ службѣ. И если въ скорости оный присланъ не будетъ, то о „понужденіи того магистрата куда надлежитъ представится.“

Что сдѣлалъ магистратъ, объ этомъ нѣтъ свѣдѣній въ архивномъ дѣлѣ. Знаемъ только, что магистратъ, съ своей стороны, не поторопился исполнить означенное требованіе провинціальной канцеляріи, быть можетъ, съ цѣлью сохранить честь Ярославскаго купечества. Между тѣмъ провинціальная канцелярія вновь потребовала, чтобы палачъ былъ выбранъ „въ скорости“, на этотъ разъ „изъ посадскихъ молодшихъ или гулящихъ людей“. За неисполненіе сего, воевода грозился пожаловаться „главной командѣ“...

Какъ было устранено это препятствіе исполненію кары закона, намъ неизвѣстно; но, конечно, Ярославскіе и Пошехонскіе криминалисты нѣсколько успокоились, когда Московская розыскная экспедиція прислала имъ щипцы со штемпелемъ и 30 кнутовъ. Первые стоили 1 р. 20 коп., а послѣдніе по 20 коп. каждый. Деньги за нихъ были уплачены немедленно. За орудіями казни, вѣроятно, послѣдовалъ пріѣздъ и самого палача, къ утѣшенію сердобольнаго поручика Самойлова...

12 октября 1866.
Ярославль.

Л. Трефолевъ.

РАЗСКАЗЫ О СТАРИНѢ.

Въ дополненіе къ записаннымъ мною разсказамъ Н. О. Котлубицкаго о временахъ Павла 1-го (напечатаннымъ въ Рус. Архивѣ за 1866 г. стр. 1301-1331), присоединяю еще нѣсколько невошедшихъ туда, при чемъ считаю полезнымъ дополнить ихъ разсказами и другихъ современниковъ Котлубицкаго; а также мѣстными преданіями о нѣкоторыхъ извѣстныхъ лицахъ прошлаго столѣтія, близкихъ здѣшнему краю (Малороссіи).

Во время пребыванія двора въ Петергофѣ однажды ночью позвали Н. О. Котлубицкаго къ императору, который тогда спалъ одинъ, въ особой комнатѣ съ отворенным окномъ, и вставленною въ немъ проволочною сѣткою „Какъ тебѣ не стыдно, сказалъ ему государь, — я только и сплю передъ разсвѣтомъ, а на взморьѣ, въ кабакѣ, такой шумъ, что не даютъ мнѣ покоя. Пойди, уйми ихъ! Да только не расправляйся съ ними строго". Котлубицкій приказалъ прислать за нимъ съ казаками верховую лошадь на взморье, а самъ отправился туда пѣшкомъ, прямою дорогою чрезъ садъ. Сходя по золотой лѣстницѣ, онъ оглянулся, и ему показалось, что въ комнатѣ великой княгини Анны Ѳедоровны горитъ свѣча, и она читаетъ книгу. Продолжая идти, онъ былъ невольно пораженъ, когда, близь Монплезира, увидѣлъ великую княгиню гуляющую въ саду въ сопровожденіи великаго князя и наслѣдника, который сказалъ ему нѣсколько словъ. Несмотря на прелесть ночи и очаровательную мѣстность, Котлубицкій сильно безпокоился неудовольствіемъ государя. Въ такомъ взволнованномъ расположеніи духа онъ пришелъ на взморье, гдѣ уже засталъ казаковъ и свою лошадь, вошелъ въ трактиръ и спросилъ содержателя. Вмѣсто содержателя къ нему вышелъ прикащикъ его въ халатѣ, съ чубукомъ въ рукахъ и на рѣзкія замѣчанія, сдѣланныя ему Котлубицкимъ, отвѣчалъ грубо и дерзко до того, что вывелъ Николая Осиповича изъ терпѣнія, и тотъ приказалъ казакамъ укротить его нагайками. Оказалось, что этотъ прикащикъ тоже купецъ, и за самовольную съ нимъ расправу хотѣлъ жаловаться государю. Чтобы не допустить до этого, Н. О. на другой день заплатилъ ему 5 или 6 тысячъ рублей.

Когда я былъ еще холостымъ, разсказывалъ Н. О., то у меня были знакомыя камеръ-юнгферы изъ прислуги государыни и великой княгини. Они по временамъ ко мнѣ заходили, —вѣдь мнѣ нужно было знать все, что̀ дѣлается во дворцѣ: иногда батюшка (такъ онъ часто называлъ Павла, изъ сыновней преданности къ своему благодѣтелю) спроситъ что нибудь, —такъ надо знать что̀ отвѣчать. Вотъ однажды забѣжала ко мнѣ камеръ-юнгфера великой княгини Анны Павловны и говоритъ, что великая княгиня очень скучаетъ, даже чувствуетъ себя не совсѣмъ здоровою. Мнѣ пришло въ голову, что вѣроятно скучаетъ въ отсутствіи своего супруга цесаревича, находившагося тогда съ Суворовымъ въ Италіи и желаетъ посѣтить своихъ родителей, но не знаетъ, какъ это сдѣлать; почему я на другой день, когда батюшка отдыхалъ послѣ обѣда, побѣжалъ на половину великой княгини, и когда она меня приняла, то я ей осмѣлился высказать свои предположенія, и рѣшился предложить мой совѣтъ. Благодарю васъ, генералъ, за ваше участіе ко мнѣ, вы отгадали мое желаніе; но научите, какъ мнѣ это сдѣлать?—Очень просто, сегодня въ собраніи [1]) извольте принять на себя грустный видъ. Императоръ это замѣтитъ, подойдетъ къ вамъ и спроситъ о причинѣ вашей грусти; тогда вы и скажите, что скучаете въ отсутствіи великаго князя и чтобы находиться ближе къ нему, желаете также посѣтить вашихъ родителей, которыхъ давно не видали. Императоръ самъ всегда былъ почтительнымъ сыномъ и

[1]) Каждый вечеръ всѣ члены высочайшей фамиліи собирались въ извѣстную залу, куда приходилъ императоръ и гдѣ находились также придворные, имѣющіе на то право, —это и называлось собраніемъ.

уважаетъ всегда это чувство въ другихъ. Онъ вѣроятно тотчасъ же доставитъ возможность исполнить ваше желаніе.—Такъ дѣйствительно и случилось: великая княгиня всё исполнила по совѣту Н. О. и государь, похваливъ ея чувства къ родителямъ, спросилъ: когда же вы желаете ѣхать къ родителямъ? — Чѣмъ скорѣе тѣмъ лучше, отвѣчала она. —Но сейчасъ этого нельзя сдѣлать, замѣтилъ императоръ; а завтра все будетъ готово къ вашему путешествію, и, призвавъ оберъ-шталмейстера, приказалъ къ завтрашнему дню приготовить двѣ кареты и все необходимое для поѣздки за границу великой княгини.

Императоръ Павелъ покровительствовалъ женитьбѣ Котлубицкаго и былъ расположенъ къ женѣ его, которую онъ часто называлъ колибри (она была малаго роста). Императоръ иногда заходилъ къ Николаю Осиповичу, помѣщавшемуся во дворцѣ, разговаривалъ и шутилъ съ его женою. Однажды онъ ее спросилъ: „Страшенъ ли я, боитесь ли вы меня?“ Нѣтъ, государь, отвѣчала она: вы не страшны, и я васъ не боюсь.—А красивъ ли? продолжалъ императоръ. — У васъ чудесные глаза, отвѣчала ловкая женщина. Разсказывая объ этомъ, Николай Осиповичъ прибавлялъ, что у покойнаго государя глаза были чудные.

Однажды на разводѣ императоръ отдалъ Николаю Осиповичу свою форменную трость[2]), съ которою старикъ не разставался никогда, и даже самъ размѣрилъ ею себѣ могилу. Я какъ то спрашивалъ: Не съ этой ли палкой былъ знакомъ И. П. К...въ?—Нѣтъ, отвѣчалъ старикъ, въ кабинетѣ государя была другая палка изъ воловьей жилы.

Маститый старикъ, Пасторскій помѣщикъ, бывшій Зеньковскій предводитель дворянства, Петръ Петровичъ Пащенко, житель знаменитой сливами Опошни, разсказывалъ мнѣ, что онъ воспитывался въ кадетскомъ корпусѣ вмѣстѣ съ Котлубицкимъ и Капцевичемъ; но что онъ былъ большой шалунъ, лѣнивецъ и ничему не учился, а игралъ только въ карты (въ хлюсты) на мѣдныя деньги съ подобными ему товарищами на корпусномъ чердакѣ. Такъ какъ его шалости всегда почти обращали вниманіе Аракчеева, бывшаго въ то время поручикомъ и командиромъ егерской малолѣтней роты, который часто по этому имѣлъ привычку дергать его за пучекъ, то однажды товарищи его предъ танцовальнымъ классомъ натыкали ему въ пучекъ булавокъ; выведенный изъ терпѣнія его умышленными шалостями, Аракчеевъ и въ этотъ разъ схватилъ его за пучекъ и окровавилъ всю руку. Въ такомъ положеніи онъ привелъ его къ начальнику корпуса Мелессино, который улыбнулся и велѣлъ наказать Пащенка, но потомъ запретилъ офицерамъ драться. Шалуна кадета препорядочно высѣкли. Когда уже въ царствованіе императора Александра I Пащенко находился въ Шостенскомъ пороховомъ заводѣ, куда онъ доставлялъ селитру, то случайно встрѣтился съ заѣхавшимъ туда Аракчеевымъ и представился ему. Аракчеевъ тотчасъ вспомнилъ о булавкахъ въ тупеѣ. Пащенко былъ выпущенъ изъ корпуса въ кавалерійскій полкъ, который былъ расположенъ возлѣ Слонима. Императоръ Павелъ проѣздомъ смотрѣлъ въ строю ихъ полкъ, а потомъ въ Слонимѣ, въ домѣ гетмана Огинскаго (гдѣ помѣщался государь), фельдмаршалъ Репнинъ представилъ ему офицеровъ: каждый изъ нихъ становился на правое колѣно, опираясь на палку лѣвою рукою и въ такомъ положеніи цаловалъ руку императора.—По словамъ Пащенки роскошь въ Полтавской губерніи и вообще въ Малороссіи началась со времени генералъ-губернатора князя Куракина, которому сталъ подражать бывшій Полтавской губерніи предводитель Семенъ Михайловичъ Кочубей; у него было 13000 душъ, но онъ прожилъ все состояніе и разорился до

[2]) Эта самая палка находится теперь у меня: ее подарилъ мнѣ племянникъ Н. О., на память объ его почтенномъ дядѣ.

такой степени, что не было чѣмъ его похоронить. До того времени въ Полтавѣ жили очень просто: поваровъ не было, всѣ держали кухарокъ [3]), шампанскаго не знали, въ продажѣ было одно только крымское вино по 1 руб. 50 к. сер. за ведро; никто не зналъ иностранныхъ языковъ, кромѣ латинскаго; одинъ только Паскевичъ (отецъ фельдмаршала) говорилъ по нѣмецки. Въ Опошнѣ Пащенко слылъ мѣстнымъ банкиромъ, составивъ разными предпріятіями и оборотами порядочный капиталъ въ продолженіи своей многолѣтней жизни. Разсказывали, что разъ, замѣтивъ молодаго человѣка, скучающаго и ко всему равнодушнаго, вслѣдствіи моднаго когда-то (въ 20-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія) байронизма, онъ сказалъ: Я удивляюсь, что вы скучаете; мнѣ когда сдѣлается скучно,—я перечту 1000 рублей пятачками и повеселѣю. Бывшій Малороссійскій военный губернаторъ, князь Репнинъ, любилъ Пащенку, часто игралъ съ нимъ въ карты, иногда даже занималъ у него небольшія деньги (тысячи по двѣ). Пащенко всегда радъ былъ ему служить ими, только неиначе какъ на извѣстный срокъ и на честное слово; когда князь упоминалъ о заемномъ письмѣ, тогда Пащенко говорилъ, что на заемное письмо онъ не можетъ ему занять, а на честное слово—сколько угодно, хорошо зная, что въ послѣднемъ случаѣ князь непремѣнно возвратитъ ему деньги въ срокъ.

Упоминаемый въ разсказѣ Пащенка Семенъ Михайловичъ Кочубей, въ послѣдніе дни царствованія императора Павла, находился по дѣламъ своимъ въ Петербургѣ; и такъ какъ по особенному распоряженію государя, не позволено было ему оставаться долѣе назначенныхъ для того нѣсколькихъ дней, а между тѣмъ дѣла его не были еще окончены, то онъ и обратился съ просьбою помочь ему къ своему родственнику, бывшему предъ тѣмъ Малороссійскимъ губернаторомъ М. П. М., отозванному отъ должности за то, что въ одной изъ своихъ офиціальныхъ бумагъ выразился, что такой-то взятъ подъ стражу; тогда какъ въ подобномъ случаѣ слѣдовало, по принятому порядку, писать: взятъ подъ караулъ или подъ арестъ. Этотъ родственникъ С. М. Кочубея, вѣроятно будучи лично извѣстенъ С. Петербургскому генералъ-губернатору Палену, пріѣхалъ къ нему вечеромъ 11-го марта 1801 года ходатайствовать о позволеніи остаться еще одинъ день Кочубею въ Петербургѣ. Когда доложили о немъ Палену, — тотъ выбѣжалъ встревоженный и спросилъ: что вамъ нужно? Торопливо выслушавъ объясненіе, онъ отвѣчалъ: вашъ родственникъ, когда хочетъ, и навсегда можетъ оставаться въ Петербургѣ.

Одинъ Малороссійскій дворянинъ хорошей фамиліи имѣлъ дѣло въ герольдіи о внесеніи его въ родословную книгу и, находясь въ Петербургѣ по одному общественному дѣлу, рѣшился подать лично прошеніе императору, прося прибавить къ его гербу девизъ: Помяну имя Твое въ роды родовъ. Прошеніе онъ по тогдашнему обычаю подалъ, ставши на колѣна. Павелъ прочелъ просьбу, она ему понравилась, и онъ сказалъ: сто душъ. Проситель отъ страха и радости упалъ ницъ.—Мало? сказалъ императоръ, 200. Но тотъ, ничего не понимая, продолжалъ лежать. Мало! повторилъ государь,—300, мало! — 400, мало! — 500, мало! — ни одной. Насилу наконецъ опомнившійся проситель всталъ; и хотя, не умѣя встать въ пору, не получилъ имѣнія, но дѣло его въ герольдіи окончилось скоро и успѣшно.

Въ 10 верстахъ отъ уѣзднаго города Суража, Черниговской губерніи, находится село Ляличи съ великолѣпнымъ каменнымъ господскимъ домомъ, при немъ съ огромнымъ паркомъ, обведеннымъ прочною каменною оградою, со всѣми затѣями барства прежняго времени. Эта усадьба, роскошно отдѣланная и меблированная, была выстроена по распоря-

[3]) Изъ дневника прадѣда моего Н. Д. Ханенка видно, что въ 1730-хъ годахъ у значительныхъ Малороссіянъ были уже повара.

женію императрицы Екатерины II-й, средствами всего края; планъ дома, проэктированный знаменитымъ Гваренги, былъ исправленъ карандашемъ самою императрицею [4]); самое село было названо Екатеринодаромъ и подарено графу Петру Васильевичу Заводовскому. Разсказываютъ, что Заводовскій, представляя государынѣ для утвержденія составленный Гваренги проэктъ для зданія Государственнаго банка, такъ восхищался имъ, что Екатеринѣ вздумалось выстроить ему такой домъ на мѣстѣ его родины [5]). Говорятъ также, что императрица намѣрена была посѣтить это роскошное жилище во время своего путешествія по Бѣлоруссіи, но намѣреніе это не осуществилось. Признательный Заводовскій, въ саду подареннаго ему помѣстья, поставилъ бронзовую статую своего благодѣтеля, гр. Румянцева, и никогда не проходилъ мимо нея, не снимая шляпы предъ ликомъ Кагульскаго героя [6]). По восшествіи на престолъ императора Павла, Екатеринодаръ велѣно называть прежнимъ его именемъ—Ляличи. Графъ Заводовскій отставленъ отъ службы и высланъ въ деревню, причемъ, по мѣстному преданію, ему пожалованъ былъ орденъ — бѣлая лента съ оригинальною надписью.... И даже разсказывали, что, въ первое время, приставленъ былъ къ нему полицейскій чиновникъ для наблюденія, чтобы ежедневно онъ надѣвалъ этотъ орденъ. Другіе говорятъ, что ему была дана не лента, а бѣлыя пуговицы на кафтанъ съ такою же надписью. Въ продолженіе всего царствованія Павла графъ Заводовскій жилъ въ Ляличахъ, откуда ему не дозволено было выѣзжать далѣе 10-ти верстъ. Исправнику повелѣно было наблюдать за нимъ; этотъ исправникъ, Шпаковскій, человѣкъ грубый и корыстолюбивый, дѣлалъ находящемуся въ опалѣ графу всѣ возможныя притѣсненія: безпрестанно ѣздилъ въ Ляличи и каждый разъ возвращался оттуда съ деньгами и разными вынужденными подарками; ежели иногда случалось графу отъ скуки выѣхать къ какому нибудь сосѣду верстъ за 10, то исправникъ сейчасъ являлся туда и заставлялъ графа, хоть въ полночь, несмотря ни на какую погоду, возвращаться домой. По восшествіи на престолъ императора Александра I-го, Заводовскій немедленно былъ вызванъ въ Петербургъ и потомъ сдѣланъ министромъ народнаго просвѣщенія. Разсказывали, что этотъ исправникъ такъ надоѣлъ графу, что онъ, будучи министромъ, употребилъ все свое вліяніе, чтобы исправники были по выбору мѣстнаго дворянства, а не по назначенію отъ правительства, каковымъ былъ хорошо ему знакомый исправникъ.

Когда графъ Румянцевъ отправилъ своихъ секретарей: Безбородку и Заводовскаго на службу въ Петербургъ, то вышелъ за ними на крыльцо и сказалъ: Не забывайте меня старика [7]).

Безбородко пріѣхалъ въ Петербургъ слишкомъ 30-ти лѣтъ, не зная никакого иностраннаго языка кромѣ латинскаго; но въ два года выучился по французски, а

[4]) Этотъ планъ съ поправками императрицы многіе видѣли у прежнихъ владѣльцевъ Ляличь.

[5]) Отецъ его имѣлъ помѣстье близь Стародуба и въ с. Дахновичахъ, а также и въ с. Красновичахъ, близь Ляличь. Братъ П. В. Заводовскаго, Иванъ Васильевичъ, былъ полковникомъ Стародубскимъ. П. В., бывши въ силѣ, завладѣлъ многими монастырскими землями возлѣ Суража и даже, говорятъ, отнималъ почти насильно прилегающія къ его имѣнію земли своихъ небогатыхъ сосѣдей; почему онъ не пользовался особенымъ расположеніемъ своихъ земляковъ; братъ его, жившій возлѣ Стародуба въ с. Мериловкѣ, Илья Васильевичъ, былъ очень добрый и всѣми любимый человѣкъ.

[6]) Имѣніе Ляличи при сынѣ гр. Заводовскаго было продано Энгельгарду, потомъ барону Черкасову и теперь находится во владѣніи Н. А. Атрыганьева. При продажѣ барону Черкасову, наслѣдниками Енгельгарда увезена была статуя въ Смоленскую губернію. Въ прошломъ году купленъ этотъ замѣчательный памятникъ Черниговскимъ губернаторомъ, княземъ Сергѣемъ Павловичемъ Голицынымъ, и подаренъ городу Глухову, въ которомъ была сосредоточена административная дѣятельность графа, во время управленія имъ Малороссіею, гдѣ эта статуя будетъ воздвигнута, какъ знакъ тройной признательности — современника, потомка и всего края.

[7]) Слышалъ отъ Петрушкевича, отецъ котораго въ то время служилъ у гр. Румянцева.

потомъ по нѣмецки и итальянски. По французски онъ писалъ и говорилъ отлично, только чрезвычайно бѣгло [8]).

Назначенный статсъ-секретаремъ, Безбородко не былъ еще знакомъ съ Петербургскимъ обществомъ и потому иногда охотно, по просьбѣ своихъ товарищей, дежурилъ за нихъ въ праздничные дни. Однажды на масляной угодно было государынѣ приказать пригласить къ завтраку на блины дежурныхъ статсъ-секретарей. Камеръ-лакей доложилъ, что никого изъ нихъ нѣтъ во дворцѣ. „Какъ, спросила императрица, неужели нѣтъ даже дежурнаго? — Въ статсъ-секретарской есть какой то Безбородко, отвѣчалъ камеръ-лакей. —Пригласить его, вѣдь онъ тоже статсъ-секретарь! сказала государыня. Въ разговорѣ съ Безбородкою императрица коснулась какого то закона; онъ прочелъ его наизусть, и когда государыня приказала подать книгу, то пока ее принесли, онъ сказалъ на какой именно страницѣ напечатаны самыя слова. Съ тѣхъ поръ государыня обратила особенное вниманіе на Безбородка. Память у него была превосходная; всѣмъ извѣстно, какъ онъ однажды императрицѣ прочелъ наизусть, держа предъ собою чистый листъ бумаги, одинъ чрезвычайно важный указъ, который онъ еще не успѣлъ написать по ея приказанію.

Племянникъ князя Безбородка, А. Я. Бакуринскій, жившій у своего дяди, находясь на службѣ въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ и бывшій у него домашнимъ человѣкомъ, разсказывалъ, что онъ часто посылалъ его въ свою огромную библіотеку, не справляясь съ каталогомъ, взять въ такомъ-то шкапу, на такой-то полкѣ извѣстную книгу,—и никогда не ошибался. Этотъ же племянникъ разсказывалъ, какъ Безбородко пріѣзжалъ въ Черниговъ къ его матери, сестрѣ своей, бывшей замужемъ за Черниговскимъ губернаторомъ Бакуринскимъ. Онъ и братъ его, будучи дѣтьми, привѣтствовали дядю на крыльцѣ, причесанные по тогдашней модѣ съ тупеями, латинской рѣчью, заранѣе приготовленною ихъ учителемъ-семинаристомъ. Изъ Чернигова Безбородко отправлялся въ Стольное, гдѣ жила его мать; онъ однажды ѣхалъ туда на лошадяхъ губернатора и, возвращаясь, говорилъ шутя своему зятю, что его кучеръ очень удачно сострилъ надъ его управленіемъ почтовымъ вѣдомствомъ. Когда императрицѣ угодно было увеличить прогонные платежи, то, чтобы сдѣлать это менѣе непріятнымъ образомъ для народа, говорилъ Безбородко, я предложилъ государынѣ уменьшить самыя версты изъ 700 въ 600-тыя, что̀ было одобрено и приведено въ дѣйствіе. Вашъ кучеръ, везши меня пьяный, зацѣпилъ колесомъ за версту началъ сердиться и ворчать, а вмѣстѣ съ тѣмъ и обратился: Що такъ густо понаставлено столпивъ, що неможно проихать, не зачепившись!

Безбородко всегда любилъ свою родину и покровительствовалъ своимъ землякамъ: пріѣзжая въ Петербургъ, всѣ они являлись къ нему и находили у него ласковый пріемъ. Одинъ изъ нихъ, ожидая въ кабинетѣ за кресломъ князя, писавшаго письмо по его дѣлу къ одному вліятельному лицу, отъ котораго дѣло зависѣло, — ловилъ мухъ и замахнувшись разбилъ стоявшую на пьедесталѣ дорогую вазу. „Поймалъ?“ спросилъ Безбородко, не переставая писать. Другой Малороссіянинъ, никакъ не могъ застать его дома и забрался въ его карету, стоявшую у дворцоваго подъѣзда. Безбородко удивленъ былъ, заставши въ каретѣ посѣтителя, который объяснилъ ему дорогой причину таковаго обстоятельства и самое дѣло, по которому онъ искалъ и нашелъ его покровительство.

Тотъ же племянникъ Безбородка разсказывалъ, что однажды, ожидая къ обѣду императрицу, которая обѣдала по тогдашнему обычаю въ 2 часа, онъ послалъ его сказать повару, чтобы обѣдъ былъ готовъ скорѣе къ пріѣзду императрицы, и когда тотъ возвратился опять въ ка-

———

[8]) Слышалъ отъ племянника Безбородка А. Я. Бакуринскаго.

бинетъ, графъ спросилъ его: „ну что онъ говоритъ?“ Племянникъ отвѣчалъ, что поваръ сказалъ ему: доложите графу, что хорошій обѣдъ нельзя такъ скоро сдѣлать какъ раздѣлить Польшу. „И ему до этого дѣло! “отвѣчалъ Безбородко.

Во время слѣдованія императора Павла 1-го чрезъ Смоленскую губернію, не смотря на предварительное высочайшее повелѣніе, чтобы собственно для проѣзда государя не было дѣлано особенныхъ приготовленій и исправленія дорогъ, онъ засталъ множество крестьянъ, чистившихъ дорогу; спрошенные государемъ, они сказали: что они высланы для исправленія пути помѣщикомъ Храповицкимъ по случаю царскаго проѣзда и при этомъ удобномъ случаѣ жаловались вообще на притѣсненія своего владѣльца. Прибывши на станцію, взволнованный императоръ, въ присутствіи окружающихъ его придворныхъ и находившагося при немъ государя наслѣдника, сталъ громко выражать свое негодованіе за ослушаніе его повелѣній. Какъ вы думаете, Храповицкаго надо наказать въ примѣръ другимъ? Всѣ безмолвствовали. Тогда онъ, обратясь къ наслѣднику престола, сказалъ: Ваше высочество, напишите указъ, чтобы Храповицкаго разстрѣлять, и напишите такъ, чтобы народъ зналъ, что вы дышите однимъ со мною духомъ! —Благодушный Александръ въ смущеніи вышелъ въ другую комнату, какъ въ это самое время подъѣхала отставшая карета Безбородки, находившагося также въ свитѣ государя. Великій князь наслѣдникъ бросился къ нему, разсказалъ въ короткихъ словахъ происшедшее и просилъ его успокоить государя. „Будьте благонадежны“ отвѣчалъ Безбородко съ обыкновеннымъ своимъ малороссійскимъ выговоромъ, и вмѣстѣ съ наслѣдникомъ вошелъ въ комнату къ государю. —Ну вотъ, Александръ Андреевичъ, обратился Павелъ къ нему и, объяснивъ дѣло, прибавилъ: „какъ ты думаешь, хорошо ли я сдѣлалъ, что приказалъ Храповицкаго разстрѣлять?

—Достодолжно и достопохвально, государь, отвѣчалъ князь Безбородко съ тѣмъ же малороссійскимъ выговоромъ. Великій князь наслѣдникъ и всѣ были поражены таковымъ его отвѣтомъ. — „Вотъ видите, воскликнулъ государь, что говоритъ умный человѣкъ; а вы чего всѣ испугались?“ Подождавъ немного, князь Александръ Андреевичъ продолжалъ: Только, государь, Храповицкаго надо казнить по суду, чтобы всѣ знали, что ослушника повелѣній государя караетъ законъ; слѣдовательно нужно послать указъ Смоленской уголовной палатѣ, чтобы она немедленно пріѣхала въ полномъ своемъ составѣ на мѣсто и постановила свое опредѣленіе. Государь на это согласился, и сейчасъ о томъ былъ посланъ съ фельдъегеремъ указъ уголовной палатѣ; а государь отправился въ путь. Безбородко съ намѣреніемъ отсталъ; замѣтивши въ дали нѣсколько скачущихъ троекъ съ чиновниками въ мундирахъ и зерцаломъ, вышелъ изъ своего экипажа, пошелъ впередъ и, какъ бы гуляя, встрѣтилъ необыкновенный поѣздъ, остановилъ ихъ, спросилъ предсѣдателя, отвелъ его въ сторону и сказалъ ему, чтобы онъ и его товарищи, не смотря ни на какія соображенія, какъ можно были осторожны и дѣйствовали сообразно съ законами въ предстоящемъ, порученномъ имъ дѣлѣ, что въ противномъ случаѣ онъ и вся палата могутъ подпасть подъ справедливый гнѣвъ императора.

По суду Храповицкій, выславшій крестьянъ для исправленія дороги не по случаю проѣзда государя, а собственно потому, что она была испорчена дождями, —былъ оправданъ [4]).

А. Ханенко.

---

[4]) Разсказъ этотъ я слышалъ отъ двухъ почтенныхъ стариковъ, Черниговскихъ помѣщиковъ; одинъ изъ нихъ находился въ родственныхъ отношеніяхъ съ княземъ Безбородкою.

ПИСЬМА (*)

1803—1836 годовъ

ИВАНА ИВАНОВИЧА ДМИТРІЕВА КЪ ДМИТРІЮ ИВАНОВИЧУ ЯЗЫКОВУ.

1.

Москва. 1803 года Маія 10 дня.

Милостивый государь мой Дмитрій Ивановичь. Спѣшу изъявить чувствительную благодарность мою за честь, которую вы сдѣлали мнѣ сообщеніемъ прекраснаго вашего перевода [1]) Какъ давно я желалъ видѣть эту книгу на нашемъ языкѣ! Отъ сердца радуюсь, что палъ на нее вашъ выборъ; не меньше и тому, что вы доказываете мнѣ продолженіе вашей пріязни, которую на всегда постарается сохранить пребывающій къ вамъ съ совершеннымъ почтеніемъ вашъ, милостиваго государя моего, покорнѣйшій слуга

Иванъ Дмитріевъ.

2.

Москва, 1803. Октября 19 дня.

Милостивый государь мой Дмитрій Ивановичь. Пріятное для меня письмо ваше я имѣлъ удовольствіе получить; спѣшу какъ за него, такъ и за доставленіе мнѣ журнала принести вамъ искреннюю благодарность мою. Позво́льте же и мнѣ отдарить васъ моими перекрещенными бездѣлками [2]), которыя при семъ къ вамъ посылаю. Вы очень одолжите меня, есть-ли возмете на себя трудъ доставлять мнѣ и продолженіе журнала, который по многимъ причинамъ для меня интересенъ. Коль скоро я узнаю проспектъ другаго журнала, то не приминую прислать къ вамъ деньги и на него, съ просьбой васъ о доставленіи. Какъ я радъ, что словесность наша разшевелилась! Простите, любезный Дмитрій Ивановичь; я въ здоровьѣ моемъ день отъ дня хилѣе, но въ почтеніи моемъ къ вамъ пребуду всегда непремѣннымъ покорнѣйшимъ слугою.

И. Дмитріевъ.

3.

Милостивый государь мой Дмитрій Ивановичь. Пріятный для меня подарокъ [3]) вашего почтеннаго Общества я имѣлъ удовольствіе получить; покорнѣйше васъ прошу увѣрить господъ членовъ его въ искренней моей къ нимъ признательности. Я отъ сердца радуюсь успѣхамъ нашей поэзіи и желалъ бы, очень желалъ познакомиться лично съ Г. Востоковымъ. Его Осень, Кантата, Телема и

---

*) За сообщеніе этихъ писемъ и составленіе примѣчаній къ нимъ мы обязаны Аѳанасію Ѳедоровичу Бычкову. Среди многихъ и многотрудныхъ занятій своихъ по разнымъ отраслямъ археологической науки, достоуважаемый академикъ нашелъ время, чтобы своимъ сотрудничествомъ почтить и наше скромное изданіе. *П. Б.*

[1]) Разсужденія Беккаріи о преступленіяхъ и наказаніяхъ, переведеннаго Языковымъ съ французскаго и напечатаннаго имъ въ 1803 году.

[2]) Сочиненія и переводы Ивана Дмитріева, въ двухъ частяхъ М. 1803. Рецензія на нихъ помѣщена въ Сѣверномъ Вѣстникѣ, 1804, ч. I, стр. 29.

[3]) Свитокъ музъ, 2 части, СПБ. 1802—3.

Макаръ прекрасны. Вы знаете мою искренность: видя въ немъ истиннаго поэта, желалъ бы я только, чтобъ онъ убѣгалъ низкихъ словъ, какъ то: *истомить* вмѣсто утомить, *подмога* и еще нѣкоторыя, да исправнѣе былъ въ риѳмахъ. Піеса чѣмъ совершеннѣе, тѣмъ болѣе славы для автора.

Простите, любезный мой кореспондентъ! Будьте благополучны и вѣрьте, что я съ совершеннымъ почтеніемъ навсегда имѣю честь быть вашимъ покорнѣйшимъ слугою

Иванъ Дмитріевъ.

P. S. Недавно я нашелъ мое имя въ переводѣ Лонгинова Трактата [1]). Не имѣя удовольствія быть лично знаемъ Г. Мартыновымъ, тѣмъ бо́льшую приношу ему благодарность мою. Дошли ли до васъ мои стихотворенія? Уже двѣ почты, какъ я отправилъ ихъ.

Письмо получено Языковымъ 7 Ноября 1803 года.

4.

Милостивый государь мой Дмитрій Ивановичь. Письмо ваше и при немъ третій нумеръ журнала я имѣлъ удовольствіе получить и спѣшу за то и другое изъявить вамъ благодарность мою. Но долго ли вамъ подчивать меня гостинцами? Вы меня избалуете, мнѣ право совѣстно. Я хочу подписаться на Петербургскій Журналъ [2]), Вѣстникъ [3]), также и на ваше *Періодическое изданіе* [1]); но какъ я не знаю, сколько за послѣднее вносятъ денегъ, то прошу васъ сдѣлать мнѣ одолженіе увѣдомить о цѣнѣ его и позволить мнѣ прислать ихъ на ваше имя. Недавно я прочиталъ разсужденіе *о старомъ и новомъ Россійскомъ слогѣ*. Не грѣхъ ли вамъ Петербургскимъ нападать на нашихъ Московскихъ? Право, намъ еще рано браниться. Но мнѣ грустно далѣе о томъ говорить, лучше поздравлю васъ съ перемѣною чина; дай Богъ, чтобы я чаще имѣлъ это удовольствіе! А между тѣмъ прошу васъ быть увѣреннымъ въ душевномъ почтеніи, съ которымъ есть и навсегда къ вамъ пребудетъ покорнѣйшій вашъ слуга

Иванъ Дмитріевъ.

Письмо получено въ Петербургѣ 21 Декабря 1803 года.

5.

Москва, 1803 года, Декабря 28 дня.

Милостивый государь мой Дмитрій Ивановичь. Спѣшу изъявить вамъ благодарность мою за пріятное ваше письмо и за всѣ ваши увѣдомленія объ нашей литературѣ. Нетерпѣливо буду ожидать перваго номера вашего Вѣстника, на который и деньги при семъ посылаю къ вамъ въ особливомъ пакетѣ. На политическій С. П. Б. Журналъ я еще до письма вашего взялъ билетъ здѣсь у Глазунова; а Бекетова журналъ [2]) стану [3]) пересылать къ вамъ каждый мѣсяцъ, то есть я намѣренъ [4]) дѣлиться съ вами тѣмъ экземпляромъ, который буду для себя получать. На что платить лиш-

---

[1]) О высокомъ или величественномъ. СПБ. 1803. 8º На стр. 103 переводчикъ Мартыновъ сказалъ, что въ храмѣ безсмертія Дмитріевъ будетъ принятъ Лафонтенемъ. Стихотворенія Востокова, названныя Дмитріевымъ, помѣщены въ 1-й книжкѣ Свитка Музъ и носятъ заглавія: «Осеннее утро» и «Кантата къ лунѣ».

[2]) Санктпетербургскій журналъ, издаваемый отъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ.

[3]) Сѣверный Вѣстникъ, котораго издателемъ былъ Мартыновъ.

[1]) Періодическое сочиненіе о успѣхахъ народнаго просвѣщенія.

[2]) Другъ просвѣщенія. [3]) Вмѣсто зачеркнутаго *буду*.

[4]) Это слово написано сверху зачеркнутаго *буду*.

нія деньги? Вы конечно замѣтите три раза моихъ *буду*, но что дѣлать? Это обыкновенный мой слогъ въ письмахъ. Пишу жь такъ не опрятно, что послѣ самому стыдно. Простите, любезный Дмитрій Ивановичь! Вѣрьте искренней пріязни и почтенію, съ которыми на всегда къ вамъ пребудетъ покорнѣйшій вашъ слуга

Дмитріевъ.

P. S. Я мысленно сказалъ тысячу разъ спасибо г-мъ академикамъ.

6.

Милостивый государь мой Дмитрій Ивановичь. Благодарю васъ за пріятное письмо ваше; очень радъ, что басенка моя заслужила вниманіе; радъ и тому, что еще не напечатана, ибо я, перечитывая ее, нашелъ нѣкоторыя неисправности, которыя въ прилагаемомъ при семъ спискѣ поправилъ; поправки означены чертою. Я надѣялся на сей почтѣ получить и второй номеръ; нетерпѣливо желаю его видѣть. Простите, будьте здоровы и продолжайте любить покорнѣйшаго вашего слугу.

Ив. Дмитріева.

Москва,
Февраля 24 дня.

Письмо получено въ Петербургѣ 29 Февраля 1804 года. Къ нему приложена басня «Ружье и Заяцъ», переписанная самимъ Дмитріевымъ. Противъ стиха: «*Трусливыхъ* наберешь не мало» онъ замѣтилъ: «трусовъ противъ ударенія», а противъ стиха: «Отъ *бургомистра* до щенка» — «соглашусь даже: отъ *скорохода*. Это еще игривѣе. Отдаю на волю госп: изд:» Съ этою поправкою стихъ былъ напечатанъ въ Сѣверномъ Вѣстникѣ, 1804 года, ч. 1-й, стр. 347. При сличеніи автографа съ печатнымъ изданіемъ 1823 года оказалась разница еще въ трехъ стихахъ. Въ автографѣ написано:

Проходитъ часъ, другой — перунъ еще не грянулъ;
Часъ и еще — перунъ молчитъ,
А заяцъ веселѣй глядитъ,
Потомъ онъ ободрясь воспрянулъ.

Въ изданіи 1823 года (ч. 2-й, стр. 77) эти стихи напечатаны слѣдующимъ образомъ:

Проходитъ полчаса -- перунъ еще не грянулъ,
Прошелъ и часъ — перунъ молчитъ,
А заяцъ веселѣй глядитъ,
Потомъ, поободрясь, воспрянулъ.

7.

Августа 3 дня 1804.

Милостивый государь мой Дмитрій Ивановичь. Чувствительно благодарю васъ за пріятное ваше письмо и сообщеніе двухъ журналовъ; все это получилъ въ деревнѣ за 800 в. отъ Москвы, гдѣ нахожусь уже два мѣсяца. Въ собственномъ вашемъ журналѣ не хотѣлъ бы, признаюсь, видѣть Карлу. Такъ ли пишутъ анекдоты? Такъ ли должны писать члены Россійской Академіи! Ежели перевести на иностранный языкъ, то право будетъ къ стыду нашей литературы. Какое неравенство, какія неприличности! Замѣтьте, напримѣръ, пышное описаніе Петербурга и послѣ другой періодъ начинается: Карла не умнѣй *ни на волосъ!* Карамзинъ и даже Измайловъ не члены Академіи, а право написали бы лучше. Но я слишкомъ разговорился въ жару любви моей къ литературѣ. Теперь приступаю къ вамъ съ просьбою: у Бувита продается Histoire du 16 Siècle par Linguet и журналъ политехническій 75 к. Вы меня очень одолжите, ежели купите ихъ. Пришлите ко мнѣ въ Москву, а я какъ скоро возвращусь, то незамедля пошлю къ вамъ и деньги, и Друга просвѣщенія. Впрочемъ съ совершеннымъ почтеніемъ моимъ имѣю честь быть вашъ, милостиваго государя моего, покорный слуга.

Иванъ Дмитріевъ.

8

Москва, 1804 года, Сентября 15 дня.

Покорнѣйше благодарю васъ, милостивый государь мой Дмитрій Ивановичъ, за пріятное для меня ваше письмо. Политехническій журналъ я также получилъ, за который и деньги 20 руб. при семъ къ вамъ посылаю; только я просилъ васъ не объ немъ, а о Русскомъ Технологическомъ журналѣ, издаваемомъ нашею Академіею наукъ и котораго вышла первая часть и продается по 75 коп. Однакожъ я не остался въ накладѣ и уже продалъ брату моему Бекетову.

Непремѣнно желаю видѣть продолженіе ересей нашего Славянофила; на сихъ дняхъ вступаютъ въ продажу творенія Пиндара, перетворенныя другомъ его Кутузовымъ.

Вотъ обращики изъ него:

Піитъ, въ *блистаніи* картинъ,
Не дѣлай съ правдой лжи смѣшенье.
Тебя поя; Танталовъ сынъ,
Я древнихъ не пріемлю мнѣнье;
Нептунъ, богъ водъ, *тебя любя*,
Похитилъ въ пиршествѣ *тебя*.
Онъ съ помощью коней своихъ,
Для неба зря *тебя* готовымъ,
Подъялъ *тебя* отъ странъ земныхъ,
Да будешь Ганимедомъ новымъ;
Отецъ *тебя* вотще искалъ;
Для смертныхъ ты невидимъ сталъ и пр.

Олимп. ода къ Гіерону часть 1-я стр. 31.

Въ прозѣ изъ первой части.

Здѣсь идетъ дѣло о первомъ Гіеронѣ. Прим. 1, стр. 97.

Сначала одинъ токмо и былъ судья; потомъ поставили *оныхъ два* и пр. ода III прим. 2 стр. 106.

Сіе *пожеланіе* Піитъ и пр. случались неспокойствія и пр. ода VII, прим. 21, стр. 119.

Довольно; прибавлю только, что графъ Хвостовъ выдалъ еще оду *Безначаліе*, которая вѣроятно уже отправлена и въ Петербургъ. Простите, будьте здоровы и продолжайте любить искренняго вашего почитателя и покорнѣйшаго слугу

Дмитріева.

Творенія Пиндара, перевелъ Павелъ Голенищевъ-Кутузовъ, съ разными примѣчаніями и объясненіями на лирическое стихотворство, на баснословіе, на исторію Грековъ, ихъ игры, празднества и проч. 2 части. М. 1804. 8°.

9.

Милостивый государь мой Дмитрій Ивановичъ. Чувствительно благодарю васъ за послѣднія два письма, также и за Технологическій журналъ. Здѣшняя литература также не богата новостями, какъ и ваша. Журналы одинъ за другимъ исчезаютъ. Меркурія [1]) уже нѣтъ, Патріотъ [2]) отказывается; типографщикъ Друга Просвѣщенія не только быть сотрудникомъ, но даже и издателемъ журнала быть уже не хочетъ; однакожъ друзья просвѣщенія намѣрены продолжать свои подвиги и на будущій годъ и для прозаической части, приглашаютъ, я слышалъ, Суворова, автора похвальнаго слова Екатеринѣ Второй. Я отъ сердца благодарилъ господъ издателей Сѣвернаго Вѣстника за ихъ обличеніе пачкуновъ *Журнала для милыхъ* [3]), естьли ихъ и послѣ того не уймутъ или сами не уймутся.

Но не обременяя васъ болѣе новостями, мало интересными, обращаюсь къ вамъ еще съ просьбою, именно о сообщеніи мнѣ вашего перевода Шлецера, который и по автору, и по переводчику будетъ сугубо для меня интересенъ, и еще Прибавленія къ разсужд. о старомъ и новомъ слогѣ *въ кожанномъ переплетѣ.*

---

[1]) Московскій Меркурій критическій журналъ. Его издавалъ Петръ Ивановичъ Макаровъ въ продолженіе одного 1803 года.

[2]) Патріотъ въ пользу воспитанія. Этотъ журналъ, существовавшій только одинъ (1804) годъ, издавался Владиміромъ Васильевичемъ Измайловымъ.

[3]) Журналъ для милыхъ издавалъ М. Н. Макаровъ.

Впрочемъ, желая вамъ всего лучшаго въ свѣтѣ, съ искреннимъ почтеніемъ моимъ имѣю честь быть вашъ, милостиваго государя моего, покорнѣйшій слуга

Иванъ Дмитріевъ.

Москва.
1804
Октября 9 дня.

10.

Москва, 1804 Октября 31 дня.

Покорнѣйше благодарю васъ, милостивый государь мой Дмитрій Ивановичь, за пріятное ваше письмо и доставленіе книги и новостей литературныхъ Здѣсь никто не хочетъ вѣрить, чтобъ авторъ, какъ бы ни былъ самолюбивъ, могъ имѣть такія требованія, а я очень вѣрю, естьли авторъ при самолюбіи своемъ довольно щедро одаренъ и слабомысліемъ; но онъ хотѣлъ не худова, слѣдственно и правъ, равно какъ и Академія права, что не хотѣла худова. Я желалъ бы очень видѣть точь въ точь копію съ его письма, равно какъ и съ резолюціи Акад:- Между тѣмъ прошу васъ еще увѣдомить меня, кто писалъ рецензію на рецензіи (въ давно прошедшемъ времени) Карамзина и на рецензіи Макарова. Мнѣ кажется, и та и другая писаны не однимъ перомъ. Посылаю къ вамъ при семъ 5 рублей за Славянофила, и прошу васъ еще прислать мнѣ Слово похв. Екатеринѣ Храповицкаго [1]) и естьли найдется Histoire du 16 Siècle par Linguet; она продавалась, какъ сказано было въ Пб. газ:, у Бувета. Можетъ быть, я въ титулѣ ошибся, только это точно Исторія 16 вѣка С. Лингета. Впрочемъ съ душевнымъ почтеніемъ моимъ имѣю честь быть вашъ, милостиваго государя моего, покорнѣйшій слуга

Иванъ Дмитріевъ.

[1]) Это слово было написано Михаиломъ Храповицкимъ и напечатано въ 1802 году, въ Петербургѣ.

11.

Чувствительно благодарю васъ, милостивый государь Дмитрій Ивановичь, за доставленіе мнѣ Лингетовой Исторіи; она хотя и безъ конца, но я очень радъ, что ее имѣю; теперь прошу васъ увѣдомить, сколько прислать за нее денегъ. Кто издаетъ Сѣвернаго Меркурія? [1]) Боже мой! сколько журналовъ! а борзыхъ все еще мало. Но пусть пишутъ, я право радъ, что у насъ расписались. Простите, любезный Дмитрій Ивановичь, помните и любите искренно почитающаго васъ покорнаго слугу

Ивана Дмитріева.

Письмо получено въ Петербургѣ 16 Декабря 1804.

12.

Милостивый государь мой Дмитрій Ивановичь. Чувствительно благодарю васъ за пріятное письмо ваше и сообщеніе журнала, который, однакожь, я обратно къ вамъ препровождаю. Не удивитесь этому, вотъ причина: денегъ у меня мало, а журналовъ много и у васъ, и въ Москвѣ, и даже въ Калугѣ; по привязанности моей къ Русской словесности мнѣ захотѣлось заглядывать въ каждый журналъ, и для того записался въ Англинской клобъ, гдѣ между прочими журналами имѣю удовольствіе пользоваться и вашимъ.

[1]) Сѣверный Меркурій издавался въ Петербургѣ Владиміромъ Ѳедоровичемъ Вельяминовымъ-Зерновымъ въ 1805 году. Онъ долженъ былъ выходить еженедѣльно; но всего было выдано только 5 нумеровъ.

Ник: Мих: Карамзину сего же дня скажу о манускриптѣ; ежели онъ не имѣетъ его, то конечно будетъ васъ просить сообщить ему списокъ, а между тѣмъ я и за него и за себя отъ искренняго сердца благодарю васъ, любезный Дмитрій Ивановичь, за ваше къ нему доброжелательство.

Я надѣюсь, что вы не прекратите со мною вашу переписку, которая по многимъ отношеніямъ столь для меня пріятна, и съ сею надеждою заключу мое письмо искреннимъ увѣреніемъ васъ въ совершенномъ почтеніи, съ которымъ былъ и навсегда будетъ вашъ, милостиваго государя моего, покорнѣйшій слуга

Иванъ Дмитріевъ.

Москва,
1805
Февраля 9-го.

P. S. По написаніи письма я видѣлся съ Карамзинымъ, который препоручилъ мнѣ сказать вамъ, что онъ съ великою благодарностію приметъ вашъ манускриптъ, естьли вы возьмете трудъ доставить его на мое имя. Еще прощайте и любите искренняго вашего почитателя.

13.

Москва. 1805 года Марта 15 дня.

Милостивый государь мой Дмитрій Ивановичь. Спѣшу изъявить вамъ покорнѣйшую благодарность мою за пріятное ваше письмо и присылку книги, которой такъ давно я искалъ. Деньги на сей же почтѣ за нее получите. Любопытенъ видѣть Академическій журналъ, только не отважусь подписаться; тутъ вѣрно много будетъ домашняго, слѣдственно много вѣковѣчныхъ *сидней* и пр. и пр. Но положимъ храненіе устамъ нашимъ. Простите, будьте увѣрены въ совершенномъ почтеніи, съ которымъ навсегда пребудетъ покорнѣйшій вашъ слуга

Иванъ Дмитріевъ.

14.

Милостивый государь мой Дмитрій Ивановичь. Благодарю васъ отъ имени Кар. за сообщеніе рукописи; она сегодня отправлена къ нему въ подмосковную. Вмѣстѣ съ вашимъ письмомъ читалъ я и критику съ мастерскою пародіею Капнистовыхъ стиховъ, которыми вы разсудили украсить журналъ вашъ, на счетъ Карамзина и прочихъ. Хотѣлъ бы знать, кто этотъ вашъ корреспондентъ, который обѣщаетъ добровольно клеймить чужія произведенія? Технологическаго журнала и ученаго мнѣ не надобно: я хотѣлъ только имѣть, какъ библіоманъ, по образчику того и другаго. Впрочемъ съ почтеніемъ моимъ имѣю честь быть вашъ, милостиваго государя моего, покорный слуга

Иванъ Дмитріевъ.

Москва,
1805
Іюля 16 дня.

15.

Милостивый государь мой Дмитрій Ивановичь. Тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ получилъ письмо ваше, что оно утвердило меня въ томъ мнѣніи, которое я всегда имѣлъ о вашей деликатности: хотя такого рода критика, каковая помѣщена въ журналѣ, не можетъ быть чувствительна ни мнѣ, ни Карамзину, но совсѣмъ тѣмъ не утерпишь, чтобъ не сказать слова два о вашихъ витязяхъ Петербургской литературы? Что они сами?

Пускай поставятъ въ образецъ намъ собственныя произведенія и научатъ писать лучше. И для чего скрывать свое имя? Вѣроятно, что такіе писачки только и слышны будутъ въ журналахъ. Вѣроятно, что и журналы съ такою разборчивостью скоро прослывутъ не журналами, а калашнею, въ которую сходится всякая сволочь бранить высшихъ себя, и тѣмъ отмщать за свое ничтожество. Карамзинъ очень благодаритъ васъ за рукопись, и въ доказательство прилагаю при семъ его ко мнѣ записку (¹). Простите, будьте здоровы и вѣрьте, что я съ истиннымъ почтеніемъ моимъ навсегда имѣю честь быть вашимъ покорнѣйшимъ слугою

Иванъ Дмитріевъ.

Письмо получено въ Петербургѣ въ Іюлѣ 1805 года.

16.

Милостивый государь мой Дмитрій Ивановичь. Благодарю васъ за письмо ваше; сожалѣю, что вы были больны и радуюсь выздоровленію. Что жь касается до тѣхъ денегъ, то я желалъ бы, чтобъ вы не торопились возвращать ихъ и между тѣмъ постарались бы развѣдать о четвертой части Гербовника; я точно читалъ въ Петербургскихъ газетахъ, что она продается у какого то приказнаго служителя Рубана близь Галерной пристани. Еще покорно прошу васъ доставить мнѣ первый мѣсяцъ Академическаго журнала и увѣдомить, сколько надобно прислать за него денегъ. Вы позабыли исполнить мою просьбу и дать мнѣ знать, кто писалъ и пишетъ приговоры свои на нашу братью въ прозѣ, также и кто пародировалъ начало Капнистовой сатиры? Неужели самъ онъ! Есть ли такъ, то лучше бы написать новую; прозу же приписываютъ здѣсь Галеньковскому [1]). Но у васъ такъ много геніевъ и такое между ними фамильное сходство, что не скоро различишь ихъ одного отъ другаго. Простите, съ искреннимъ моимъ почтеніемъ имѣю честь быть вашимъ покорнымъ слугою

Иванъ Дмитріевъ.

Въ верху письма рукою Языкова написано: 1805, т. е. годъ полученія письма.

17

Милостивый государь мой Дмитрій Ивановичь. Чувствительно благодарю васъ за сообщеніе первой части трудовъ достопочтенной Россійской Академіи, одолжите меня сообщеніемъ и продолженій. Я постараюсь и самъ чѣмъ нибудь отплатить вамъ, а между тѣмъ спрошу васъ, читали ли вы въ Сентябрѣ вашего Вѣстника стихи: Тетеревочикъ [2]), просвѣщеннаго *Генерала* [3]), и басню [4]), въ которой я

(¹) Вотъ эта записка, писанная на лоскуткѣ:

Здравствуй, любезнѣйшій другъ. Увѣдомь, какъ ты поживаешь. Одолжи меня, напиши къ г. Языкову, что я *весьма* благодаренъ ему за присланную имъ рукопись, и желалъ бы отплатить ему какою нибудь услугою. Исполни мою просьбу, любезнѣйшій: ты съ нимъ переписываешься. Мысленно обнимаю тебя, и надѣюсь скоро увидѣться съ тобою.

---

[1]) Якову Ѳедоровичу Галинковскому, издателю Корифея или ключа литературы.

[2]) «Голубчикъ и Тетеревочикъ» (Сѣв. Вѣстникъ, ч. VII, стр. 337), гдѣ встрѣчается слѣдующій стихъ: «Давно ужъ, мой тетеревочикъ».

[3]) Въ стихотворніи «Историки-лжецы» (ibid) находится стихъ: «Но просвѣщенный генералъ», которымъ намекается на Болтина.

[4]) «Овца и свинья» (ibid., стр. 339).

замѣтилъ стихи: съ хрѣнкомъ, въ борщу и верещагѣ, и еще: симъ сдѣлала свинья *отвѣтовъ окончаніе*. Кто бы такія были эти два новыя свѣтила на нашемъ Парнасѣ? Но, впрочемъ, для меня все равно хотя и не знать объ нихъ; увѣдомьте лучше меня, скоро ли выйдутъ упражненія общества любителей учености. У меня только одна вторая книжка; я желалъ бы имѣть и продолженіе. Удивляюсь, что уже давно ничего не слышу отъ Г. Востокова. Я всегда охотно читаю его произведенія. Простите, будьте увѣрены въ искреннемъ почтеніи покорнѣйшаго вашего слуги

Дмитріева.

Октября 27 дня.
Письмо получено въ Петербургѣ 6 Ноября 1805 г.

18

Милостивый государь мой Дмитрій Ивановичь. Сколько скопилось причинъ къ благодаренію васъ, любезный отнынѣ сочленъ мой. Я увѣренъ, что въ избраніи меня вы болѣе всѣхъ участвовали, и потому примите особенную къ вамъ мою признательность; не меньше и за доставленіе мнѣ двухъ знакомствъ, очень, очень для меня пріятныхъ. По старому моему обыкновенію, теперь приступлю съ докуками: первая, вручить прилагаемые при семъ пакеты по адрессу, взявъ прежде трудъ поставить на нихъ имя и отечество того и другаго, да мнѣ сообщить какъ ихъ зовутъ. Желалъ бы также, чтобы вы одолжили меня спискомъ всѣхъ членовъ дѣйствительныхъ и почетныхъ, и подъ какимъ титуломъ издаются труды ваши. Узналъ, что вы уже отстали отъ Сѣвернаго Вѣстника; я перестану впредь жаловаться вамъ на него, но не перестану и впредь клясть, хотя въ уединеніи моего чердака, подобныя мерзости. — Авось Фебъ услышитъ страдальческій гласъ мой въ пустынѣ и отмститъ чадамъ безвкусія, или нелѣпицы. Хвостовщина объявила явную войну врагамъ своимъ, команду надъ арміей своей вручила Сандунову, который, предводительствуя друзьями просвѣщенія, и выступитъ съ будущаго мѣсяца противу *Московскаго Зрителя* [1])

Полюбопытствуйте иногда заглядывать и въ ту, и въ другую армію. Курьеръ въ числѣ скрытныхъ союзниковъ первой, Вѣстникъ Европы болѣе расположенъ ко второй, а журналъ Минерва остается совершеннымъ неутралитетомъ. Все это я пишу въ надеждѣ, что останется между нами, ибо я самъ держу неутралитетъ. Такъ ничего болѣе и не хочу, какъ только зѣвать на ихъ подвиги. Простите, любезный Дмитрій Ивановичь! Вѣрьте всегда искреннему моему почтенію, съ которымъ былъ и всегда пребуду вашимъ покорнѣйшимъ слугою.

Иванъ Дмитріевъ.

Москва,
1805
Декабря 24 дня.

19.

Милостивый государь мой Дмитрій Ивановичь. Чувствительно благодаря васъ за письмо и списокъ, прошу васъ принять поздравленіе мое съ наступившимъ годомъ съ искреннимъ желаніемъ вамъ возможнаго въ продолженіи онаго благополучія. Очень любопытно видѣть, каковъ то бу-

---

[1]) Московскій Зритель издавался княземъ Шаликовымъ. Московскій Курьеръ, начавшій выходить въ 1805 и продолжавшійся въ 1806-мъ году, издавался Г. Львовымъ. Минерву издавалъ профессоръ Сохацкій.

детъ бывый Вѣстникъ по своемъ возрожденіи подъ новымъ именемъ [1]. Шаликова журналъ Зритель пошелъ неудачно. Онъ хотѣлъ во второй книжкѣ помѣстить свою рецензію на нѣкоторыя уродливости графа Хвостова; цензоры наши университетскіе пропустили; Хвостовъ о томъ сталъ ихъ стращать, что съ глупости никогда пошлинъ не брали [2]); они повѣрили; и, взявъ назадъ Шаликова тетрадку, написали на ней, что *„хотя въ ней нѣтъ ничего противнаго уставу о цензурѣ, однакожь думаемъ, что напечатать ее не можно!"* Почему же не можно, когда сами говорятъ, что законы цензуры тому не противятся? Между тѣмъ Хвостова притчу *на меня*: *Барыня и ткачи* [3]) пропустили. Можетъ быть, к. Шаликовъ будетъ писать къ попечителю университета. Естьли вы знакомы съ Михаиломъ

[1]) Мартыновъ въ 1806 году началъ издавать, вмѣсто Сѣвернаго Вѣстника, Лицей.
[2]) Въ подлинникѣ: не бранили.
[3]) Она помѣщена въ ноябрской книжкѣ Друга Просвѣщенія за 1805 годъ, стр. 143. Мы приводимъ ее здѣсь вполнѣ.

Притча

Барыня и Ткачи.

Въ деревнѣ барыня холстами промышляла·
Два были у нее ткача.
Съ однимъ она смиренно поступала,
Ни мало не ворча;
Съ другимъ все брань да колотушки.
„Сидорка—скотъ! прошло не мало лѣтъ,
„Что ты отъ мастера, а проку нѣтъ.
„Смотри на полотно, какое у Петрушки;
„Смотря на тонину—онъ мнѣ барышъ даетъ;
„Взглянуть мнѣ на его работу любо;
„А ты не ровно ткешь, и рѣдко все и грубо."
Сидорка отвѣчалъ:
Но полотно мое вы налощить велите,
И послѣ поглядите.
Такъ разсуждаетъ вѣкъ піита-самохвалъ.
Коль вылощитъ стихи, пускай они не сладки,
Лишь глянецъ былъ бы въ нихъ, лишь былибъ гладки;
А тамъ, хотя идей и чувства нѣтъ;
Кричитъ: вотъ élégance— и я поэтъ!

Никитичемъ Муравьевымъ, то не можете ли употребить ваше предстательство за бѣднаго журналиста? Право не много чести университету, есть ли онъ будетъ запрещать критиковать тѣхъ, которые не имѣютъ нетолько таланта, но даже здраваго разсудка. Свидѣтельствуютъ то послѣднія двѣ оды Хвостова на побѣду [4]) и Зима, напечатанная въ Декабрѣ *Друга просвѣщенія*; желалъ бы я, чтобы вы прочитали ее. Этотъ поступокъ совсѣмъ новый въ исторіи нашей словесности. Всякой подумаетъ, что университетъ уважаетъ не таланты, а графство. Державинъ великій поэтъ, но и на него писали критическія замѣчанія и печатали въ Собесѣдникѣ Любителей Россійскаго слова. И что же послѣ того будетъ въ ободреніе тѣмъ, которые не похожи на урода Хвостова, котораго произведенія конечно дѣлаютъ стыдъ нашей словесности. Я разгорячился, но право отъ того, что люблю пользу и славу земляковъ моихъ. Простите, любезный Дмитрій Ивановичъ. Будьте здоровы, счастливы и продолжайте любить почитателя вашего

Дмитріева.

Генваря 10, 1806, Москва.

20.

Милостивый Государь мой Дмитрій Ивановичъ. Я уже предупредилъ васъ о странномъ поступкѣ университетскаго цензурнаго комитета противъ к. Шаликова. Теперь дѣло рѣшилось: комитетъ возвратилъ ему критику на сочиненія Хвостова съ запрещеніемъ печатать ее, и съ свои-

[4]) На побѣды 1799 года. Это стихотвореніе напечатано въ декабрской книжкѣ Друга Просвѣщенія на 1804 годъ, стр. 231.

ми на нее замѣчаніями. Какія же они? напримѣръ, гдѣ у к. Шаликова сказано: въ этомъ стихѣ нѣтъ смысла, тамъ профессоры написали на полѣ: *не учтиво;* гдѣ критикъ сказалъ: этотъ стихъ дуренъ, тамъ они поставили: *оскорбительно*, и такъ далѣе. Онъ на сей почтѣ посылаетъ эту критику съ замѣчаніями къ Михайлѣ Никитичу Муравьеву. Чтожь значитъ теперь уставъ ценсуры и самый департаментъ просвѣщенія, есть ли вопреки видовъ правительства критика будетъ стѣсняема, и что еще хуже, критика на дурныхъ только сочинителей, потому только что они пятаго класса и въ лентѣ? есть ли эти пачкуны напротивъ того будутъ еще ободряемы, ибо я слышалъ, что приказано будетъ *въ ученыхъ Московскихъ Вѣдомостяхъ* расхвалить Пиндаровъ переводъ, который нельзя бы похвалить и во времена Тредьяковскаго? что мнѣ лестнаго, наконецъ, быть членомъ академіи, университета, когда всякой пачкунъ можетъ быть моимъ сотоварищемъ! Недавно одного изъ нихъ глупое риѳмосплетеніе читали даже на каѳедрѣ университетской. Я не вытерпѣлъ, и сдѣлалъ мои замѣчанія, равно какъ и на другую оду его, помѣщенную въ Другѣ Просвѣщенія; для любопытства при семъ къ вамъ посылаю. Увидите сами, стоитъ ли такой человѣкъ явнаго покровительства университета. Сдѣлайте дружбу, Дмитрій Ивановичь, постарайтесь въ пользу к. Шаликова, а ежели нельзя уже напечатать критику его въ Москвѣ, такъ увѣдомьте меня, нельзя ли по крайней мѣрѣ напечатать ее въ Петербургскихъ журналахъ. Не ужели у васъ позволено щелкать только насъ бѣдныхъ? Простите, будьте здоровы и продолжайте любить искренняго вашего почитателя и покорнѣйшаго слугу.

Ивана Дмитріева.

Письмо получено въ Петербургѣ 5 Февраля 1806 г.

21

Милостивый государь мой Дмитрій Ивановичь. Покорнѣйше благодарю васъ за обѣщанную вами протекцію к. Шаликову; онъ уже послалъ жалобу къ попечителю М. университета; естьли не получитъ себѣ удовлетворенія, въ такомъ случаѣ я уже буду просить васъ исполнить или по первому, или по другому вашему предложенію. Что же касается до моихъ примѣчаній, то я писалъ ихъ не такимъ тономъ, какой требуется для критики, предназначаемой для публики, по сему и нельзя ихъ напечатать. Скоро ли выйдутъ вторая часть соч. Востокова и 2-я часть Трудовъ академіи? Любопытствую и ту и другую видѣть, но по разнымъ причинамъ. Между тѣмъ, пожелавъ вамъ всякаго благополучія, съ совершеннымъ почтеніемъ моимъ имѣю честь быть вашъ, милостиваго государя моего, покорнѣйшій слуга

Иванъ Дмитріевъ.

Москва,
1806
Февраля 11 дня.

22

Милостивый государь мой Дмитрій Ивановичь. Чувствительно благодарю васъ за письмо ваше. Какъ бы я желалъ увидѣться съ вами въ Москвѣ! Но ежели вы будетъ въ Іюнѣ, то мы можемъ и не увидаться: ибо я намѣренъ въ этомъ мѣсяцѣ съѣздить въ отчизну. Я имѣлъ удовольствіе получить отъ Г. Востокова пріятный для

меня подарокъ его сочиненій. На будущей почтѣ буду благодарить его, а между тѣмъ прошу васъ увѣдомить какъ его имя и отчество? Я могъ, бы о томъ справиться въ присланной отъ васъ росписи членовъ общества, но не могъ найти ее. Увѣдомьте еще меня, Дмитрій Ивановичь, вышла ли третья книжка Свитка музъ [1]) и еще переводъ Филланджерія о законодательствѣ. Желалъ бы я видѣть и то и другое, а еще болѣе желалъ бы скорѣе увидѣть васъ и увѣрить лично въ томъ почтеніи, съ которымъ былъ и всегда пребуду покорнѣйшимъ вашимъ слугою

Иванъ Дмитріевъ.

P. S. Карамзинъ уже кончилъ вторую часть исторіи; но публика увидитъ ее не прежде какъ по окончаніи четвертой части.

Получено въ Петербургѣ 26 Мая 1806 года.

23

Милостивый государь мой Дмитрій Ивановичь. Покорнѣйше благодарю васъ за пріятное ваше письмо и исполненіе моей коммисіи. Надѣюсь, что вы по пріязни вашей не отречетесь исполнить и другую: приказать доставить прилагаемое при семъ письмо къ Александру Христофоровичу Востокову. Я не догадался спросить о его жительствѣ, и теперь боюсь, чтобы письмо мое не разъѣхалось съ вами. Я отложилъ отъѣздъ мой до Іюля, слѣдственно ласкаю себя подчивать васъ чаемъ въ огородѣ моемъ, а между тѣмъ повторяю вамъ прежнія увѣренія въ искреннемъ моемъ почтеніи и любви, съ коимъ навсегда пребудетъ къ вамъ вашъ покорный слуга

Иванъ Дмитріевъ.

Москва
Іюня 2-го дня, 1806 г.

[1]) Вышло всего только двѣ книжки.

24.

Милостивый государь Дмитрій Ивановичь. Не дожидаясь вторичнаго отъ васъ письма, спѣшу изъявить вашему превосходительству покорнѣйшую благодарность мою за извѣщеніе ваше о полученіи отправленной къ вамъ отъ меня посылки.

Пользуясь же симъ случаемъ, обращаюсь къ вамъ и съ покорнѣйшею моею просьбою: изъ послѣдней книжки Журнала министерства просвѣщенія узналъ я о бывшемъ въ И. Р. Академіи чрезвычайномъ собраніи, въ которомъ Александръ Семеновичь читалъ нѣчто о заслугахъ Н. М. Карамзина. Признаюсь вамъ, что мнѣ, какъ члену Академіи, какъ другу покойнаго Карамзина и какъ искреннему почитателю достопочтеннаго президента, нетерпѣливо захотѣлось прочитать и новѣйшее его произведеніе и рѣчь Михайла Евстафьевича Лобанова, равно и отчетъ непремѣннаго секретаря, столь же искренно мною уважаемаго. Не можете ли доставить мнѣ это удовольствіе къ услажденію нѣсколькихъ минутъ вялаго моего существованія? Чувствительно буду вамъ благодаренъ. Между тѣмъ съ совершеннымъ моимъ почтеніемъ и преданностью имѣю честь быть, милостивый государь! вашего превосходительства покорнѣйшій слуга

Иванъ Дмитріевъ.

Москва,
1836
Апрѣля 16-го.

ДВѢ ЗАПИСКИ КАРАМЗИНА.

КЪ Д. И. ЯЗЫКОВУ.

С. Остафьево, 8 Сентября 1809.

1

Милостивый государь мой Дмитрій Ивановичь! Искренно благодаря васъ за доставленное мнѣ сочиненіе вашего пріятеля, Николая Сергѣевича Арцыбашева [1]), покорнѣйше прошу переслать къ нему приложенное письмо. Съ истиннымъ почтеніемъ и преданностію имѣю честь быть, милостивый государь мой! вашъ покорнѣйшій слуга

Николай Карамзинъ.

2

Милостивый государь Дмитрій Ивановичь! Примите изъявленіе моей искреннѣйшей благодарности. Давно знаю васъ какъ литтератора съ талантомъ и достойнаго чиновника государственнаго. Буду радъ и личному знакомству съ вами. Чтеніе вашего перевода [2]) безъ сомнѣнія доставитъ мнѣ истинное удовольствіе. Съ отличнымъ почтеніемъ и преданностію имѣю честь быть, милостивый государь! вашъ покорнѣйшій слуга

Николай Карамзинъ.

4 Генв.
1826

[1]) О первобытной Россіи и ея жителяхъ. Это сочиненіе напечатано въ С. Петербургѣ, въ 1808 году.

[2]) Языковъ въ 1825 году напечаталъ Собраніе путешествій въ Татарамъ и другимъ восточнымъ народамъ въ XIII--XV столѣтіяхъ.

ПИСЬМА ГРАФА М. М. СПЕРАНСКАГО КЪ ЕГО ДОЧЕРИ.

Читавшимъ монографію барона М. А. Корфа: „Жизнь графа Сперанскаго“ извѣстно, что она была вызвана письмами послѣдняго къ его дочери, Елизаветѣ Михайловнѣ Фроловой-Багрѣевой, принесенными ею въ даръ Императорской Публичной Библіотекѣ съ условіемъ издать ихъ въ свѣтъ по возможности вполнѣ. За устраненіемъ въ настоящее время разныхъ обстоятельствъ, замедлявшихъ исполненіе желанія дарительницы, эти письма становятся теперь общимъ достояніемъ, достояніемъ отечественной литературы.

Нѣкоторыя изъ сказанныхъ писемъ уже были помѣщены въ книгѣ барона Корфа, но только въ отрывкахъ, въ той степени, какъ это представлялось нужнымъ для ея цѣли. Напечатаніе ихъ нынѣ вполнѣ доставитъ новый, во многихъ отношеніяхъ любопытный, а въ нѣкоторыхъ и драгоцѣнный матеріалъ, если не всегда прямо для біографіи нашего государственнаго дѣятеля, то по крайней мѣрѣ для его характеристики. „Въ тревожной жизни Сперанскаго — говоритъ баронъ Корфъ въ своемъ предисловіи — въ этой драмѣ, исполненной почти безпрерывнаго волненія, была не одна минута, когда его думы, его тайныя опасенія и надежды, все то, что навѣвалось на его душу внѣшними обстоятельствами, находило себѣ истокъ единственно въ искреннихъ бесѣдахъ съ дочерью.“ Нѣсколько пояснительныхъ подстрочныхъ выносокъ заимствовано изъ разныхъ достовѣрныхъ источниковъ, но главныя изъ упомянутой книги барона Корфа, которая остается необходимымъ введеніемъ и, такъ сказать, ключемъ къ печатаемымъ теперь письмамъ.

1.

Пенза 22 Октября 1816.

Третьяго дня, въ три часа утра наконецъ достигъ я Пензы. Въ 7-мь часовъ я былъ уже въ мундирѣ и на службѣ Стеченіе зрителей необыкновенное. Въ крайней усталости Господь дастъ мнѣ силы. Доселѣ все

идетъ весьма счастливо. Кажется, меня здѣсь полюбятъ. Городъ дѣйствительно прекрасной. Всѣ потребности жизни довольно дёшевы и въ изобиліи. Но что мнѣ въ изобиліи и потребностяхъ, когда нѣтъ главной, единственнной, нѣтъ моей Лизы? (¹)—Приносятъ съ почты письма; множество вещей пріятныхъ отъ друзей изъ Петербурга—но отъ тебя ни строчки. Это не упрекъ и не жалоба; я заключаю изъ сего только то, что вы въ Великопольѣ послѣ меня прожили больше недѣли. Съ нетерпѣніемъ ожидаю слѣдующей почты.

На первой разъ я помѣстился въ чужомъ домѣ; надѣюсь, однакоже, чрезъ недѣлю имѣть нѣсколько комнатъ въ своемъ.

Сегодня, въ воскресенье, былъ у обѣдни у Архіерея (²); жалѣлъ, что не вмѣстѣ съ тобою слушалъ прекрасное *Святый Боже*, и не вмѣстѣ видѣлъ почтенное, почти небесное лице Архіерея. Весьма обманусь, если не найду въ немъ святаго; по крайней мѣрѣ онъ такъ смотритъ, такъ молится, такъ говоритъ моему сердцу.

24 Октября.

Почта еще не пришла, а наша отходитъ. Прости, моя милая. Поручаю тебя всѣмъ милостямъ Небеснаго Отца. Не забывай утреннихъ нашихъ молитвъ; не разрывай начатаго знакомства съ единымъ другомъ, съ которымъ ни смерть самая разлучить тебя не можетъ. Лобызаю тебя заочно. Поцѣлуй за меня Сонюшку (¹) и Марью Карловну (²). Господь съ тобою.

PS. Вмѣстѣ съ симъ пишу къ А. А. Столыпину (³) и къ Цейеру (⁴). Но не успѣлъ отвѣчать Ивану Федоровичу Журавлеву (⁵). Увидѣвъ его или Столыпина, благодари его за любезное его ко мнѣ письмо.

(¹) Т. е. Елизаветы Михайловны, въ то время еще дѣвицы, оставленной имъ. при отъѣздѣ губернаторомъ въ Пензу, на попеченіе М. К. Вейкардтъ.

(²) Епископомъ въ это время въ Пензѣ былъ Аѳанасій Корчановъ. Онъ хиротонисанъ въ епископа Пензенскаго 5 Сентября 1811 года изъ архимандритовъ Черниговскаго Елецкаго монастыря; 8 Февраля 1819 уволенъ на покой, а 14 Декабря 1825 г. скончался въ Пензѣ.

2

Пенза 31-го Октября 1816.

На другой день послѣ предъидущаго моего письма получилъ я твое первое письмо изъ Великополья. Благодаренъ, любезнѣйшая моя Елисавета, что съ такою точностію держишь свое слово. Письма твои суть мой насущный хлѣбъ. Описаніе хлопотливыхъ вашихъ сборовъ столь вѣрно, что всѣ лица я какъ бы вижу предъ собою. Наука различать характеры и приспособляться къ нимъ не теряя своего, есть самая труднѣйшая и полезнѣйшая въ свѣтѣ. Тутъ нѣтъ ни книгъ, ни учителей; природный здравый смыслъ, нѣкоторая тонкость вкуса и опытъ — одни наши наставники. Я предчувствую, что въ сей наукѣ ты сдѣлаешь великіе успѣхи. Благодаря Промыслу, который, не

(¹) Дочь г-жи Вейкардтъ. Впослѣдствіи она вышла за статскаго совѣтника Поггенполя и, овдовѣвъ, находилась при воспитаніи дѣтей нынѣ царствующаго Государя Императора.

(²) Г-жа Вейкардтъ и ея дочь. Марья Карловна Вейкардтъ была дочь извѣстнаго банкира Амбургера и жена домашняго врача у графа Шувалова.

(³) Аркадій Алексѣевичъ Столыпинъ, богатый Пензенской помѣщикъ, служилъ оберъ-прокуроромъ въ сенатѣ; впослѣдствіи онъ былъ сенаторомъ.

(⁴) Францъ Ивановичъ Цейеръ, которому оказалъ Сперанскій покровительство при поступленіи въ гражданскую службу, принадлежалъ къ небольшому кружку самыхъ преданныхъ ему лицъ.

(⁵) Иванъ Ѳедоровичъ Журавлевъ, занимавшійся въ домашней канцеляріи Сперанскаго въ бытность его государственнымъ секретаремъ, былъ очень способный человѣкъ; онъ умеръ сенаторомъ.

безъ причины и не безъ благости, посылаетъ намъ несчастія и разлуки, ты скорѣе или вѣрнѣе другихъ будешь ходить безъ подпоры. Можетъ быть, кой-гдѣ и спотыкнёшься: но и тутъ бѣда не велика; за то менѣе самолюбія и болѣе снисхожденія къ ошибкамъ другихъ.

Вотъ другая недѣля, какъ я здѣсь, и каждый день на званомъ обѣдѣ, гдѣ рѣдко бываетъ менѣе 50-ти человѣкъ. Знакомлюся, стараюся нравиться и, кажется, успѣваю; общество здѣсь весьма порядочное; но пожалѣй: всѣ почти женщины и многіе мужчины говорятъ по французски, и, что̀ еще горестнѣе, говорятъ весьма изрядно. Обѣдамъ и пирамъ я конца не вижу. Зима угрожаетъ театромъ, балами и собраніями. Еще сносно, ежели бы ты была здѣсь. Но безъ тебя — исчисли всѣ мои жертвы, всю потерю моего времяни, всю разлуку съ моими греческими и еврейскими сѣдыми бородами. Я не знаю, однако же, откуда берутся у меня силы; никогда я не бывалъ такъ бодръ и здоровъ. Нѣкоторую изъ сего часть приписываю здѣшнему прекрасному климату. Мѣстоположеніе удивительное; самые богатые виды на 30 верстъ въ окружности; возвышеніе не столь велико какъ въ Нижнемъ; но болѣе, несравненно болѣе изящности и прекрасныхъ точекъ зрѣнія. Здѣсь еще полная осень. Винограду и плодовъ множество и все дёшево. Но мнѣ уже жаль тебя; это значитъ по просту дразнить. Семейство Столыпиныхъ весьма доброе и мнѣ какъ бы свое.

Завтра получу отъ тебя письмо. Какъ досадно, что почты такъ расходятся; но зимою это будетъ лучше. Въ понедѣльникъ получу письмо, а во вторникъ буду отвѣчать. Прощай, моя милая; кланяйся дядюшкѣ (1) и скажи ему, что есть большая надежда отправиться ему отсюда къ водамъ. Въ свое время напишу къ нему о семъ подробнѣе. На сей разъ никому не пишу изъ нашихъ пріятелей и потому прошу тебя всѣмъ имъ кланяться. Христосъ съ тобою.

3.

Пенза 7-го Ноября 1816.

Нѣтъ, моя милая Елисавета, тебѣ не надобно учиться у Sévigné, чтобы прельщать меня твоими письмами. Желалъ бы расхвалить тебя, но боюся собственнаго своего самолюбія. Пиши, моя прелестница, точно такъ, какъ доселѣ писала; описывай твое общество, твои свиданія, твои разговоры; раздробляй иногда собственныя свои ощущенія: это познакомитъ тебя болѣе съ собою и оживитъ въ мысляхъ моихъ всю картину настоящаго твоего бытія. Повтори здѣсь переведенную тобою изъ Lady of the Lake (2) пѣсню: *Тѣнь друга вьётся* и проч.

Я надѣюсь, что ты уже получила два письма мои изъ Москвы; одно чрезъ Лазарева (3); а другое съ почтою отъ Дмитрія Ал. Столыпина, который долженъ былъ отослать его на другой день моего отъѣзда. Изъ Торжка я не могъ писать потому, что у Николая Ал. Столыпина (4) во всемъ

(1) Косьмѣ Михайловичу Сперанскому, младшему брату Михаила Михайловича.

(2) Извѣстный романъ Вальтеръ Скотта: «Дѣва озера».

(3) Христофора Іоакимовича, съ которымъ Сперанскій находился въ дружественныхъ отношеніяхъ и съ которымъ его переписка напечатана въ 1864 году.

(4) Дмитрій и Николай Алексѣевичи были родные старшіе братья Аѳанасья Алексѣевича. Дмитрій скончался начальникомъ штаба гренадерскаго корпуса въ чинѣ генералъ-лейтенанта. Николай бѣдственно погибъ въ холеру 1830 года въ Севастополѣ, раз-

домѣ не нашли ни пера, ни чернилъ. Это сущая правда.

Арк. Алексѣичь пишетъ, что Вѣра Николаевна ([1]) очень тебя полюбила и желала бы видѣть сколь можно чаще. Согласи сіе, какъ лучше сама найдешь, съ твоими уроками и съ *произвольною твоею неволею*. Я называю ее произвольною по кротости, съ коею входишь ты во всѣ изгибы твоего положенія. Все къ лучшему, мой другъ; неволя сія дастъ еще болѣе мягкости (ductilité) твоему характеру; а ты знаешь, что всего мягче и тягучѣе—*золото*.

Благодаренъ, моя милая, и истинно благодаренъ, что ты читаешь латинскую библію. Это совершенно личный мнѣ подарокъ.

Что сказать тебѣ о здѣшней моей жизни? Утро въ дѣлахъ самыхъ пустыхъ и хлопотливыхъ; каждый день обѣдъ на пиру, гдѣ всѣ почти обыкновенно пьютъ твое здоровье, и каждый вечеръ опять за дѣлами, или у Столыпиныхъ. Вообще всё идетъ доселѣ весьма удачно, и время моего здѣсь искушенія будетъ не безъ пользы.

Я зналъ Гарриса, Американскаго консула; но племянника его не помню. Дядя весьма не глупъ. Содержаніе твоего разговора прекрасно. Пусть эти господа у насъ учатся любить отечество, какъ любятъ старую, брюзгливую, и всю въ морщинахъ мать. Это труднѣе и великодушнѣе, нежели любить Америку. Прошу тебя разсказывать мнѣ всѣ твои бесѣды съ Англичанами. А что? если бы ты вздумала достать и прислать мнѣ нѣсколько и журналовъ (не газетъ, а въ томъ родѣ, какъ напр. *Quarterly review* или *Edimbourg review*, если какъ-нибудь тебѣ, впрочемъ безъ всякаго труда и заботы, попадется).

Прощай, моя милая, Христосъ съ тобою. Разъ на всегда всѣмъ кланяйся и цѣлуй Соню.

PS. Съ послѣднею почтою получилъ я отъ тебя два письма № 2 и 3.

4.

Пенза 11-го Ноября 1816.

И такъ моя Елисавета не оставляетъ молитвы и въ ней одной ищетъ и находитъ причину своей веселости. Да благословитъ тебя Господь, любезное дитя, всѣми своими небесными благословеніями; да Дѣва Марія (чистая и непрерывная молитва) пребудетъ навсегда съ тобою; да Ангелъ-хранитель (молитва мысленная) паритъ всегда надъ тобою; и духъ мой, не взирая на всѣ разстоянія, будетъ съ тобою неразлученъ. Ты вспомнишь при семъ, что молитва самая совершенная есть самая простѣйшая, и именно, чтобъ, сомкнувъ глаза или утвердивъ ихъ на одномъ предметѣ, многократно повторять въ умѣ: *Господи помилуй*. Подобно свѣту, который сливается со всѣми предметами, не перемѣняя ихъ состава, сей родъ молитвы, не мѣшая ничему, можетъ сливаться со всѣми нашими упражненіями; при ней, какъ при свѣтѣ, можно читать, говорить и даже смѣяться вещамъ невиннымъ. Имя Іисуса по истинѣ есть имя свѣтоносное, или лучше сказать самый свѣтъ; но свѣтъ мысленный и несравненно чистѣйшій физическаго нашего свѣта. Аминь.

Ты дивишься, что тебя находятъ умною. Я точно въ томъ же положе-

---

стерзанный толпою взбунтовавшагося народа, преимущественно матросскими женами, когда по званію военнаго генералъ-губернатора города, вышелъ къ этой толпѣ съ намѣреніемъ вразумить ее. Онъ былъ тогда генералъ-лейтенантомъ. (См. Р. Архивъ 1867, стр. 1381).

([1]) Жена А. А. Столыпина, дочь Н. С. Мордвинова.

ніи здѣсь. Это доказываетъ вообще слабость разума человѣческаго; одна линія выше обыкновеннаго, и всѣ кричать: *чудо;* но при семъ надлежитъ, чтобъ сія линія проведена была безъ всякаго притязанія и какъ бы начерталась сама собою; иначе при малѣйшей нескромности или неосторожномъ проявленіи, всѣ самолюбія возстанутъ, и умница тотчасъ попадетъ въ дураки. И такъ умъ, какъ и все прочее, весьма много зависитъ отъ одежды, отъ внѣшнихъ формъ, въ коихъ онъ представляется, особливо же отъ кротости и гибкости характера. Это его лучшая Индійская ткань. И какъ глупо наряжаться безъ цѣли, для себя: такъ же глупо имѣть умъ, не обращая его на добро; а добро сіе состоитъ въ томъ, чтобъ приводить людей къ миру и взаимной любви, смотрѣть на все съ лучшей и доброжелательнѣйшей стороны, извинять слабости и исправлять заблужденія, не оскорбляя заблуждающихъ: словомъ, представлять правду и добродѣтель въ самомъ привлекательномъ видѣ безъ злословія и пересудовъ. Злословіе есть зараза нашего времени и величайшая язва истиннаго разума. Я знаю, какъ трудно остеречься его въ общежитіи, какъ непримѣтна черта, раздѣляющая забавность отъ насмѣшки; но за что же тебя и будутъ звать умницею? впрочемъ кто мыслитъ о людяхъ вообще доброжелательно: тотъ легко найдетъ тайну сего раздѣленія; слогъ и тонъ разговора всегда зависитъ отъ образа мыслей.

Знакомство со Львовою могло бы дѣйствительно быть пріятнымъ; но оно сдѣлаетъ еще болѣе сложнымъ твое настоящее положеніе. Продолжать его будетъ тебѣ трудно и потому лучше не начинать, ибо начать всегда можно; но прервать или оставить въ небреженіи начатое часто бываетъ оскорбительно. И потому при каждомъ новомъ знакомствѣ (похожемъ на связь, а не на простую встрѣчу общежитія) всегда должно предвидѣть возможность его продолженія: это есть общее правило. И такъ лучше держаться общихъ *привѣтовъ*.

Выборомъ твоихъ учителей я весьма доволенъ. Дай Богъ тебѣ успѣховъ и чтобъ весна принесла тебѣ съ собою свободу и независимость, то есть возможность учиться одной. Новое твое завоеваніе, нѣмецкій языкъ, весьма меня радуетъ. Нѣкогда ты будешь меня водить, какъ слѣпаго Велисарія. Въ языкахъ ты настоящій Руской богатырь: ибо всѣ наши богатыри родились *сиднями*. Не оставь однако же италіанскаго и напиши, кто будетъ учителемъ.

Въ статьѣ о знакомствахъ позабылъ тебѣ вспомнить о Масальскихъ. Найди способъ навѣщать ихъ изрѣдка; Петръ Григорьичъ дѣйствительно мнѣ вѣрный другъ.

Я надѣюсь, Лазаревъ доставилъ уже къ тебѣ мое письмо, въ Москвѣ писанное, и при немъ два куска прекраснаго левантину, имъ же для тебя мнѣ подаренные. Онъ еще въ Москвѣ; но посылку хотѣлъ отправить прежде. Если онъ или кто нибудь изъ ихъ дому явится: то прими ихъ съ привѣтливостію; но ихъ не посѣщай. Предлоговъ у тебя на сіе всегда достаточно. Имѣть списокъ (list) твоимъ знакомствъ мнѣ будетъ пріятно. Благодари Кремера (*) за письмо, здѣсь мною полученное, и при каждомъ свиданіи разъ навсегда ему кланяйся.

Въ Москвѣ я встрѣтилъ новую книгу: *Начертаніе Церковно-Библейской Исторіи*, сочиненіе Филарета, и пре-

(*) Петербургскій негоціантъ. Онъ былъ женатъ на очень умной женщинѣ, урожденной фонъ Фокъ.

красное. Совѣтую тебѣ ее достать чрезъ Цейера и читать по немногу; и слогъ и мысли превосходные, хотя изъясненіе и не восходитъ выше простаго буквальнаго смысла. Чрезъ Цейера же прошу прислать ее ко мнѣ два экземпляра и столько же новаго изданія (1816-го) *О послѣдованіи І. Христу*, коего одинъ экземпляръ онъ уже мнѣ прислалъ (¹). Переводъ посредственной. Но я здѣсь нашелъ нѣсколько женщинъ, алчущихъ сего рода пищи; а я за грѣхъ считаю симъ пренебрегать. Кстати, Цейеръ весьма бы меня одолжилъ, прис лавъ вмѣстѣ съ симъ полное собраніе мелкихъ 10-ти копѣечныхъ сочиненій, переведенныхъ съ Английскаго К. Мещерскою (²); ты вспомнишь, думаю, мы въ Великопольѣ нѣкоторыя изъ нихъ читали.

Прощай, моя милая. Цѣлуй *танту* Машу (³) и Соню.—Христосъ съ тобою.

14 Ноября.
1816.

5.

Пенза 21 Ноября 1816.

Прошедшая почта не принесла мнѣ ни одного письма изъ Петербурга; сіи почтовыя запутанности весьма непріятны, а особливо у кого есть за тридевять земель Лиза. Одно утѣшеніе, что завтра получу отъ тебя вдругъ два письма. Тебѣ уже извѣстно, моя милая Елизавета. что Государь наградилъ насъ съ тобою арендою и жалованьемъ. Самая справедливость требуетъ, чтобъ я съ тобою подѣлился; дарю тебѣ, мой другъ, съ Сонюшкою на обновку къ новому году по вашему выбору — угадай сколько? — по сту рублей каждой. Признайтеся, большія мои дуры, что это очень щедро. Это обезпечиваетъ насъ на долгое время; когда новый срокъ аренды минетъ: тогда мнѣ исполнится почти 60 лѣтъ. Можно ли столь далеко простирать свои заботы, особливо мнѣ, коего жизнь была непрестанное волненіе? И такъ я не даромъ совершилъ сюда свое путешествіе, и приключеніе, которое и тебѣ и мнѣ сначала показалося страннымъ и нѣсколько прискорбнымъ, принимаетъ теперь совсѣмъ другой видъ; новое доказательство, что никогда не потеряешь, покоряяся Промыслу, и что наши предусмотрѣнія весьма часто бываютъ не что другое, какъ призраки нашего воображенія. Теперь я совершенно развязанъ и могу быть свободенъ, когда только захочу; но не сдѣлаю сего, не посовѣтовавшись съ тобою. Ты смѣешься?—Но знаешь ли ты, дурочка, что по мѣрѣ того. какъ мой разумъ съ лѣтами слабѣетъ, твой долженъ укрѣпляться и что *я съ тобою только* составляю одно цѣлое; безъ тебя же я не могу имѣть всей полноты моего бытія.

Ты не видалася еще съ M-me Pitt. (*) Постарайся съ нею познакомиться; я знаю, что ты ее полюбишь. Бываете ли вы по воскресеньямъ у обѣдни и гдѣ именно? Не пропускай, моя милая, сей доброй привычки. Есть въ самой атмосферѣ церкви нѣчто бла-

(¹) Въ переводѣ Якова Уткина.

(²) Княгиня Софья Сергѣевна, урожденная Всеволожская, сестра путешественника Николая Сергѣевича Всеволожскаго. Вмѣстѣ съ извѣстнымъ Пинкертономъ она принимала живое участіе въ дѣлахъ библейскихъ обществъ и нѣкоторое время пользовалась особеннымъ благоволеніемъ императора Александра Павловича.

(³) Т. е Марью Карловну Вейкардтъ, которая впрочемъ не была съ ними ни въ какомъ родствѣ. «Танта» (тетка) имѣетъ здѣсь одно значеніе ласки.

(*) Г-жа Питтъ, жена Англійскаго пастора, была лектриссою при императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ.

говѣйное, собирающее разсѣянныя мысли, нѣчто таинственное. Сіе и быть иначе не можетъ. Здѣсь курится непрестанно ѳиміамъ молитвы отъ множества душъ чистыхъ, намъ неизвѣстныхъ, и освящаетъ собою и мѣсто, и въ немъ предстоящихъ. Прощай, моя любезная; Христосъ съ тобою.

P. S. Деньги вы можете взять на счетъ мой или у танты Маши, или у Масальскаго: ибо у него есть мои суммы.

6.

Пенза 28 Ноября 1816.

Едва успѣлъ я спросить тебя, мой другъ Елисавета, бываешь ли ты у обѣдни, какъ на другой день получаю отвѣтъ твой съ описаніемъ и самаго дѣйствія, которое въ тебѣ произвела духовная музыка. Ты приписываешь его чувству изящнаго. Но если бы душа твоя не настроена была къ благочестію: то одно чувство изящнаго не произвело бы ни молитвы, ни сей теплоты сердечной, которую ты ощущала. Столько-то важно сіе благовременное настроеніе души. Тотъ только можетъ почувствовать небесную гармонію вѣчности, кто предчувствовалъ ее здѣсь на землѣ, во времяни. Духовное чувство здѣсь лежитъ какъ младенецъ въ пеленахъ; время и всѣ душевныя способности даны намъ для его воспитанія.

Сужденіе твое о театрѣ, сколько я могу припомнить лица дѣйствующія, весьма справедливо. Мнѣ всегда прискорбно слушать, когда превозносятъ Руской театръ. Сверхъ неправильности и явнаго пристрастія во вкусѣ, тутъ есть еще ошибка въ мѣрѣ и въ понятіи о общемъ ходѣ просвѣщенія, есть вопіющій анахронизмъ. Это значитъ дѣлать насъ сотнею лѣтъ старѣе. Совершенство театра всегда и вездѣ было слѣдствіемъ и почти послѣднею эпохою словесности: а мы еще только начинаемъ сей кругъ! Я спрашиваю, не смѣшонъ-ли 18-ти лѣтній мальчикъ, когда онъ вздумаетъ важничать, какъ мужчина въ 40 лѣтъ? И что лучше, цвѣтущая-ли надежда блистательной юности, или зрѣлость лѣтъ сближающаяся и уже грозящая старостію?

Ты хочешь, чтобъ я далъ тебѣ понятіе о Пензѣ. Поставь въ нѣкоторую цѣну, что я о ней предъ тобою столь долго молчалъ, или мало говорилъ. Я боялся тебѣ ее хвалить точно такъ, какъ эта мать, которая боялась, чтобъ её ребенокъ не попросилъ себѣ луны. Скажу вообще: если Господь приведетъ насъ съ тобою здѣсь жить; то мы поживемъ здѣсь покойнѣе и пріятнѣе, нежели гдѣ-либо и когда-либо доселѣ жили. Правда, что мы съ тобою и не избалованы; но и то правда, что люди здѣсь, говоря вообще, предобрые, климатъ прекрасный, земля благословенная. Прибавь къ сему, что положеніе губернатора и слѣдовательно губернаторской дочери даетъ такую широту и удобность бытія, которой, можетъ быть, не должно бы было желать, но въ которой жить пріятно, когда она приходитъ сама собою, безъ желанія. Вся опасность только въ томъ, чтобъ не избаловаться и не принять случайнаго за непремѣнное—чтобъ не отъучиться спать на жёсткой постелѣ; но я надѣюся на милость Божію: она не дастъ намъ искуситься ни въ добрѣ, ни въ злѣ болѣе, нежели сколько мы перенесть можемъ. Теперь вопросъ: когда же мы будемъ здѣсь вмѣстѣ? — Или въ половинѣ Марта, или въ концѣ Мая. Рѣшительно мы сіе опредѣлимъ съ тобою въ Генварѣ. — Благодаренъ

тебѣ, моя милая, за роспись вашего общества. Теперь мнѣ легче будетъ разумѣть твои характеры, удобнѣе жить въ твоемъ мірѣ. Поддерживай дядюшку надеждою Кавказскихъ водъ. Съ тобою или безъ тебя онъ долженъ быть здѣсь въ половинѣ Марта. Старикъ, патріархъ Столыпиныхъ, его ожидаетъ и ручается за его выздоровленіе. Кстати о Столыпиныхъ; Дмитрія Ал. мы ожидаемъ сюда изъ Москвы съ женою; Аѳанасій также женится ([1]). Прощай, моя милая—Христосъ съ тобою.

7.

Пенза 4 Декабря 1816.

Два письма съ одною почтою (№ 6 и 7-й) отъ моей Лизы. Это весьма счастливо! Прежде всего разрѣшу твои сомнѣнія о деньгахъ. Если бы ты издержала и вдвое противъ того, что̀ было предназначено: то сіе насъ никакъ не разстроитъ. И потому не жалѣй ничего для твоихъ учителей; не скупись даже и для приличныхъ нарядовъ, разумѣя особенно вещи прочныя и къ ежедневному употребленію служащія. Многіе отцы, но не многимъ дочерямъ могутъ дать сіе дозволеніе, не заботясь объ излишествахъ и не опасаяся расточенія. Деньги, въ случаѣ недостатка, можешь ты требовать у Петра Григорьича ([2]); я говорю требовать потому, что у него остается мой арендный доходъ въ цѣлости.—Не забудь въ первомъ письмѣ написать, какую ты играешь музыку и скоро ли дойдешь до Фильда.—Странное дѣло! мнѣ она совсѣмъ не нравится; но мнѣ хочется, чтобъ ты её играла единственно потому, что послѣ её всѣ другія сочиненія должны быть довольно легки. Каждой день я здѣсь слушаю сію музыку отъ лучшей Фильдовой ученицы, жены нашего Дмитрія Ал. Столыпина. Удивительный талантъ! всѣ его концерты она играетъ почти наизустъ и съ непостижимою быстротою. Это почти слишкомъ уже хорошо для женщины, которая должна забавляться и забавлять музыкою, но которая не должна дѣлать изъ нее ремесла; ты вѣроятно ее услышишь и сдѣлаешь то же заключеченіе. Они скоро будутъ въ Петербургѣ.—Не заботься также слишкомъ много о невѣрностяхъ твоихъ русскому языку и чтенію вообще. Мы уже условились съ тобою, что сіи четыре длинные мѣсяца должно пожертвовать музыкѣ, пѣнію, нѣмецкому и италіанскому языкамъ. Не прежде, какъ по соединеніи нашемъ ты можешь возвратиться къ прежнимъ своимъ вкусамъ и привести въ лучшій порядокъ твои упражненія. Здѣсь только ты можешь быть совершенною обладательницею твоего времени, ибо никто не посмѣетъ тебя ни прервать, ни обезпокоить. Впрочемъ и теперь муза твоя, кажется, не дремлетъ. Стихи твои прекрасны и, что̀ для меня, какъ стараго твоего учителя всего драгоцѣннѣе, ни одной погрѣшности въ языкѣ! Ты справедливо судила оду Львова; она жестка, но намѣреніе его весьма лестно; ты можешь его отъ меня *привѣтствовать* (а не привѣтывать); я самъ собираюся ему отвѣчать; разумѣется не стихами, а простою, текучею прозою.—Весьма умно и естественно, что ты подѣлилась съ Сонею подарками; и впредъ прошу тебя также поступать. Кстати о подаркахъ; распорядилась-ли ты, чтобъ присылали къ тебѣ изъ деревни

([1]) Аѳанасій Алексѣевичъ Столыпинъ женился на Марьѣ Александровнѣ Устиновой.

([2]) Масальскаго.

наши маловажные запасы, какъ-то: масло, птицъ и тому подобное? Это бездѣлица; но все что-нибудь лучше, нежели ничего. *5-го Декабря.* Сейчасъ почта, письмо отъ тебя и изъ Англіи. Но наша отходитъ. Прощай, мой другъ, до свиданія. Христосъ съ тобою.

8.

Пенза 12 Декабря 1816.

Уже 12-е Декабря! уже поворотъ солнца съ зимы на лѣто! какъ время течетъ; мнѣ его не жаль; пусть себѣ течетъ; оно для того и сдѣлано, чтобъ итти и вести насъ къ вѣчности. Сверхъ той большой, таинственной вѣчности, къ которой всѣ мы должны готовиться, у меня есть своя, особенная,—свиданіе и соединеніе съ моею милою Лизою. Когда придетъ этотъ Мартъ или Май мѣсяцъ? Но онъ наконецъ придетъ; ранѣе или позже, мы будемъ вмѣстѣ и уже будемъ не разлучны.

Описаніемъ твоихъ обществъ ты ставишь меня въ самую ихъ средину и, сколько я помню лица и свойства ихъ, замѣчанія твои совершенно справедливы. Сцена съ Ралемъ (*) мнѣ не нравится. Увѣряю тебя, моя милая, что труды твои исправить пустаго чвана, будутъ тщетны. Одобрѣніе сихъ госпожъ въ семъ случаѣ ничтожно. Никогда не шути съ людьми, не имѣющими ни вкуса, ни воспитанія. Тѣ, кои, по счастливому твоему выраженію, вездѣ видятъ одну букву *я*, неспособны понимать ни доброй шутки, ни исправленія; это отчаянные люди, коихъ должно предать судьбѣ ихъ; и примѣть еще: самолюбіе всегда сопряжено съ нѣкоторымъ злопамятствомъ и мстительностію. Съ людьми сего рода одинъ можетъ быть образъ поведенія: какъ можно меньше говорить. Съ горестію предвижу большія тебѣ нападки отъ Шишковой. Умудрись отыграться отъ нея безъ оскорбленія. Простѣе всего: нѣтъ дома; когда же нечаянно она тебя застигнетъ, условься съ твоими друзьями, чтобъ они разговаривали съ тобою по нѣмецки; это необходимо ей наскучить. Вообще ни Петинька ея, ни она сама мнѣ не нравятся. Онъ же и не безъ притязаній.

Бѣдной дядюшка! какъ болѣзнь и истощеніе силъ перемѣняютъ характеръ! Но я увѣренъ, что кротость твоя и терпѣніе и тутъ тебя не оставятъ. Весьма справедливо не показывать никому моихъ писемъ. Cela seroit une profanation. (*) Совсѣмъ иначе говорятъ съ глаза на глазъ, нежели втроёмъ, даже и между друзьями. А мои письма къ тебѣ суть бесѣда мого сердца съ твоимъ, и я не желалъ бы, чтобъ кто нибудь насъ подслушалъ.

Сегодня перешелъ я въ огромный губернаторскій домъ, въ коемъ успѣли приготовить мнѣ пять комнатъ. Отнынѣ буду заниматься пріуготовленіемъ комнатъ для тебя. Помѣщеніе обширное; но должно его приспособить къ нашей семьѣ, въ чѣмъ и надѣюсь я успѣть. Съ половины Генваря начну къ тебѣ писать о нашемъ обозѣ и какъ его сюда снарядить и отпустить, чтобъ онъ могъ придти зимою даже и въ томъ предположеніи, что ты пріѣдешь весною. Множество вещей должно будетъ сюда отправить. Прощай, моя милая. Христосъ съ тобою,

PS. Я въ такихъ хлопотахъ, что не успѣваю тебѣ писать объ Англин-

(*) Раль былъ въ то время извѣстный банкиръ въ Петербургѣ; можетъ быть, здѣсь идетъ рѣчь о которомъ либо изъ членовъ его семейства.

(*) Т. е. это было бы разглашеніемъ святыни.

скихъ нашихъ письмахъ; до будущей почты!

9.

Пенза 19 Декабря 1816.

Вкусъ твой къ *ликамъ* (ибо такъ на древнемъ нашемъ языкѣ назывались танцы или пляска) меня совсѣмъ не удивляетъ; онъ совершенно въ твоихъ лѣтахъ, и я радъ что самымъ опытомъ разсыпаются разныя заблужденія, кои ты сама о себѣ и о неспособностяхъ своихъ составила. Пляска есть первая черта къ образованію обществъ, и въ настоящемъ ихъ составѣ она не только умножаетъ пріятности бесѣды, но и необходима для здоровья. Жаль только, что глупой вальсъ занялъ мѣсто французскихъ кадрилей; но есть надежда, что и у насъ онъ сдѣлается столько же дряхлъ и смѣшонъ, какъ въ нѣкоторыхъ другихъ государствахъ. Предвѣщаю тебѣ, моя милая Елисавета, что здѣсь не будешь ты имѣть недостатка въ сей забавѣ. Сверхъ общаго дворянскаго собранія, гдѣ танцуютъ по четвергамъ каждую недѣлю, часто собираются и танцуютъ въ домахъ множество дѣвицъ и молодыхъ женщинъ. Изъ дѣвицъ я еще не знаю ни одной для твоей связи; но всѣ почти вообще довольно пріятны для общаго знакомства. Городъ нашъ ежедневно наполняется и скоро такъ будетъ полонъ, что помѣститься будетъ негдѣ. Сіе приписываютъ мнѣ; а я приписываю нѣкоторому любопытству и той свободѣ или безпритязательности (благодаренъ Сонюшкѣ и тебѣ за сіе слово), которую я ввожу съ собою въ общество. Впрочемъ личныя мои издержки состоятъ тутъ въ ласковомъ словѣ, въ привѣтѣ и въ улыбкѣ. Согласись, что не можетъ быть ничего дешевле. Мнѣ кажется и твоя магія основана не глубже, и состоитъ точно въ томъ же. Желаю тебѣ успѣховъ; но болѣе всего желаю, чтобъ ты умѣла презирать сіи успѣхи и часто размышляла и даже про себя усмѣхнулась бы, сколь они тщетны.

Покупка деревни здѣсь идетъ удачно, и на сихъ дняхъ я надѣюсь кончить. Мѣстоположеніе обыкновенное; нѣтъ ни дому, ни пріюту; но въ 25-ти верстахъ отъ города и приноситъ болѣе 15-ти процентовъ дохода. Это кладъ. Я хотѣлъ бы купить ее на твое имя; не знаю, что-то есть для меня привлекательное, чтобъ тебѣ все принадлежало, а мнѣ ничего; мнѣ что-то пріятно отъ тебя, мой другъ, зависѣть. Но сіе потребовало бы времени на формальную переписку, а потому рѣшаюсь все принять на себя. Деревня имѣетъ два имяни: *Завальное* и *Ханенёвка*, выбирай любое. Со временемъ можно устроить здѣсь въ городѣ домъ, если расположимся мы здѣсь жить. Сіе будетъ наша дача: ибо весь здѣшній городъ есть большой садъ. Я обѣщалъ себѣ посовѣтоваться съ тобою о продажѣ дома и нынѣ сіе исполняю. Домъ стоитъ около 100/т. и приноситъ не больше 5-ти процентовъ. А помѣстивъ деньги въ деревню, мы будемъ имѣть втрое болѣе доходу и въ десять разъ болѣе надежности: ибо домъ старѣетъ, а деревня всегда возрастаетъ. — Сейчасъ получилъ прекрасное твое письмо отъ 6 Декабря, № 10. Но почта уже отходитъ, и я успѣваю тебѣ только сказать о M-me Pitt, что я не зналъ настоящаго ея положенія. Теперь же, узнавъ его, отмѣняю прежнюю мысль: ибо свиданіе съ нею, въ семъ положеніи, имѣло бы видъ притязанія и искательства. Христосъ съ тобою.

10.

Пенза 25 Декабря 1816.

Пишу къ тебѣ любезная моя Елисавета, въ самый день свѣтлаго праздника Рождества Спасителя нашего. Въ сей самый день, тому 1816-ть лѣтъ назадъ, совершилось въ Палестинѣ великое чудо: вѣчная любовь, Сынъ Божій явился на землѣ видимымъ образомъ. Съ того времени доселѣ чудо сіе въ миліонахъ людей, безъ различія пола, возраста и состояній, повторяется ежеминутно и будетъ повторяться до кончины вѣковъ. Та же самая любовь, тотъ же самый свѣтъ, освѣщающій каждаго человѣка, грядущаго въ міръ, таинственнымъ образомъ рождается въ каждой душѣ вѣрующей. Счастливъ, кто ощутилъ сіе рожденіе, кто нашелъ въ себѣ благословенную Дѣву Марію, отъ коей единой Христосъ Спаситель можетъ родиться. Ищи, мое милое дитя, сей благословенной Дѣвы; ищи ее въ непрерывной молитвѣ, въ непрестанномъ держаніи въ умѣ и мысляхъ таинственныхъ словъ: *Господи помилуй* — и будь увѣрена, что сіе самое чудо и въ тебѣ совершится. Ты уже имѣешь въ себѣ лучъ сего свѣта: каждая добрая мысль есть Предтеча раждающагося въ насъ Христа; каждое движеніе, каждый вздохъ къ небесному нашему Отцу есть предчувствіе тайнаго присутствія Его Сына. Еслибъ сей день я и вмѣстѣ съ тобою проводилъ: я не въ силахъ бы былъ ни сказать, ни пожелать тебѣ ничего лучше.

Прошедшая недѣля была для меня счастливѣе предъидущихъ. Я получилъ отъ тебя два письма: одно съ почтою, другое съ Агаѳьинымъ братомъ. Послѣднее есть картина подлинно живописная чтенія твоего *Маріи Стюартъ*. Съ какимъ удовольствіемъ буду я тебя слушать, моя чародѣйка, когда ты будешь мнѣ волшебнымъ твоимъ жезломъ открывать и указывать сіи неизвѣстныя мнѣ земли! — Письмо твое написано прекрасно и правильно даже! Это значитъ, что ты писала его не торопясь и не была развлекаема.

Письмо отъ Сонюшки — благодарность за московскій подарокъ, который ты съ нею раздѣлила. Истинно я люблю ее, какъ дочь; но не такъ люблю, какъ тебя: она по тебѣ занимаетъ у меня второе мѣсто; но перваго безъ тебя никто бы, кажется, не занялъ; оно безъ тебя осталось бы на вѣки праздно, если бы ты и дѣйствительно имѣла десять родныхъ сестёръ — и лучше тебя и сто разъ умнѣе. Есть какая-то неизмѣняемая форма для любви родительской, и ты именно для меня вылита въ сію форму. Впрочемъ замѣчаніе твое справедливо; мы болѣе угадывали ея характеръ, нежели знали. Съ будущею почтою я самъ ей напишу. Дѣвицу-красу за меня поцѣлуй. Прости. Христосъ съ тобою.

Агаѳьинъ братъ живетъ у меня, во всемъ обезпеченъ и скоро будетъ помѣщенъ. Скажи ей, чтобъ она не заботилась.

Аркадій Алексѣевичъ пишетъ, что дружишься не на шутку въ его Вѣринькою (*) Правда-ли это?

11.

Пенза 1-го Генваря 1817.

Поздравляю тебя, моя милая Елисавета, съ новымъ годомъ. Дай Богъ тебѣ, мое любезное дитя, встрѣчать

(*) Вѣра Аркад. Столыпина была въ замужствѣ за кн. Давыд. Ѳедор. Голицынымъ, сыномъ егермейстера, кн. Ѳедора Сергѣевича.

его съ сердцемъ чистымъ, съ умомъ здравымъ, съ воображеніемъ розовымъ до глубокой старости. Сегодня мнѣ исполнилось 45 или 46 лѣтъ. Сколько времени потеряннаго въ наукахъ тщетныхъ, въ исканіяхъ ничтожныхъ, въ мечтахъ воображенія! Если бы Богъ не даровалъ мнѣ тебя: то я могъ бы сказать, что я 45 лѣтъ работалъ Лавану за ничто. Полезнѣйшимъ временемъ бытія моего я считаю время моего несчастія, и два года, которые посвятилъ я тебѣ (*).

Мы встрѣтили здѣсь новый годъ шумно и весело; но сердце и чувства мои были столько же уединенны, какъ и всегда. Надѣюсь, что твои удовольствія на сей день были чище: ты была въ кругу друзей, истинно тебя любящихъ и тобой любимыхъ.

Чрезъ недѣлю начну я къ тебѣ писать о распоряженіяхъ къ переселенію твоему сюда. Оно не можетъ быть прежде Мая мѣсяца: ибо нѣтъ комнатъ къ твоему помѣщенію, и пріуготовить ихъ среди зимы никакой нѣтъ возможности. Но къ веснѣ ты у меня будешь жить, какъ маленькая царевна. Отсрочка сія довольно слагается и съ окончаніемъ твоихъ наукъ; ты будешь довольно имѣть времени въ нихъ осмотрѣться и пріуготовиться къ тому, чтобъ учиться одной. Ни о чемъ впрочемъ не заботься; я все уже придумалъ или придумаю за тебя, чтобъ жизнь твою здѣсь сдѣлать пріятною.

Я не помню, писалъ-ли я къ тебѣ, что дѣло о покупкѣ здѣсь деревни кончено, и я вступилъ уже и во владѣніе; поздравляю тебя помѣщицею 400 душъ, въ прибавокъ къ Великопольскимъ. Въ прошедшее воскресенье крестьяне за тебя и за меня служили уже и молебенъ. Крестьяне здѣсь отмѣнно кротки и добры. Думаю, что они насъ полюбятъ, а я ихъ уже полюбилъ.

Какъ жалѣю я о болѣзни Жоржа ([1]); по всѣмъ признакамъ она должна пройти съ лѣтами. Сонюшкѣ я долженъ письмомъ; но я такъ занятъ окончаніемъ дѣлъ къ новому году, что не могу теперь къ ней писать; даже и къ тебѣ письмо мое будетъ короче обыкновеннаго. Прощай. Христосъ съ тобою.

P.S. Скажи дядюшкѣ, что съ будущею почтою непремѣнно къ нему буду писать и чтобъ онъ до полученія моего письма пріостановился.

(*) Во время пребыванія ихъ въ Великопольѣ.

12.

Пенза 9-го Генваря 1817.

Вотъ тебѣ, мой другъ, полная инструкція твоего отправленія; ты прочитаешь ее Марьѣ Карловнѣ и, посовѣтовавшись съ нею, скажешь мнѣ съ первòю почтою, что признаете вы нужнымъ перемѣнить или дополнить.

1, Прежде всѣхъ, и именно въ началѣ Февраля, отправится сюда дядюшка съ своими людьми. О семъ я къ нему вмѣстѣ съ симъ пишу. Посылать съ нимъ сюда ничего не должно потому, что онъ поѣдетъ медленно и прибудетъ сюда не прежде окончанія Февраля.

2, О Францисѣ ([2]) могутъ быть три предположенія. 1, Оставить его съ Беллою ([3]) въ Петербургѣ; въ семъ случаѣ я буду имъ производить ³/т. р.

([1]) Егоръ Егоровичъ Вейкардтъ, сынъ М. К. Вейкардтъ.

([2]) Францисъ или Францисъ Стивенсъ, братъ умершей жены Сперанскаго, разслабленный отъ рожденія.

([3]) *Белла* была старая Англійская нянька при Елизаветѣ Михайловнѣ. Когда она умерла, мѣсто ея заступила ея племянница Сарра Бенсонъ.

въ годъ по третямъ, и деньги сіи будетъ имъ выдавать Аркадій Алексѣевичъ. 2, Помѣстить его у Коля, гдѣ будетъ онъ получать то же содержаніе по 3/т. р., а Белла, сохраняя свое жалованье, должна помѣститься, какъ найдетъ она удобнѣе. 3, Отправиться имъ на лѣто въ Великополье, гдѣ будутъ они жить покойно, ни въ чемъ не имѣя нужды и получая на содержаніе по 500 р. въ треть. Сіе послѣднее предположеніе есть самое выгодное и для насъ и для нихъ, и если бы Белла имѣла здравый смыслъ: то должна бы была его принять съ радостью. Франциса можно уговорить тѣмъ, что онъ нуженъ тамъ для главнаго надзора. Есть четвертое предположеніе—взять его сюда; но это совсѣмъ не возможно по образу здѣшней жизни и по самому помѣщенію. Можетъ быть, со временемъ, когда мы здѣсь обживемся, можно будетъ и его перевесть; сію надежду можно ему дать на слѣдующую зиму.

3, Въ Февралѣ отправятся сюда наши Великопольскія барскія барыни Аннушка и Лиза съ ихъ дѣтьми. Здѣсь онѣ нужны, а тамъ безполезны, и содержаніе ихъ дорого, а здѣсь маловажно. Онѣ отправится на долгихъ, въ провожаніи Василья - ратника, и будутъ готовы къ твоему пріѣзду. Все сіе распорядитъ староста, къ коему я нынѣ же пишу, безъ всякой тебѣ заботы.

4, Въ Февралѣ же Андрей Андреичъ Жерве (*) по просьбѣ моей отправитъ сюда обозъ съ разными вещами, о коихъ для свѣдѣнія твоего, и единственно для свѣдѣнія, а не для исполненія, прилагаю при семъ записку. Если вы съ Марьею Карловною придумаете что-нибудь дополнить: то отъ васъ зависитъ попросить о семъ Андрея Андреича.

5, Съ симъ самымъ обозомъ должны быть отправлены твои книги; для сего ты нынѣ же отправишь въ Великополье Агаѳью, прикажешь ей уложить ихъ, обернувъ каждую въ бумагу, и привести ихъ въ Петербургъ, откуда онѣ, вмѣстѣ съ прочими статьями обоза, пойдутъ уже сюда. Не совѣтую тебѣ брать дорогихъ изданій въ красномъ сафьянѣ: какъ-то Делиля, Montesquieu,—а лучше поручить ихъ, привезя въ Петербургъ, Цейеру, чтобы продалъ или промѣнялъ со временемъ на другія книги. Изъ моихъ книгъ мнѣ ничего не нужно. Посылка Агаѳьи въ Великополье необходима и для того, чтобъ доставить къ тебѣ оттуда: 1, все серебро, то есть всѣ серебряныя вещи, какія только у насъ есть, все безъ изъятія, 2 Два прибора новаго неразрѣзаннаго столоваго бѣлья, которое должно тамъ быть въ сундукахъ и которое вмѣстѣ съ серебромъ въ свое время ты возмешь съ собою, не отправляя его съ обозомъ. Хрусталю, фарфору и мебелей оттуда никакихъ не брать: словомъ, ничего кромѣ твоихъ книгъ, серебра и столоваго бѣлья. Чтобы устроивая одно, не разстроивать другаго.

6, Экипажи для твоего отправленія приготовитъ тебя Аркадій Алексѣевичъ, то есть четвероместную карету и четвероместную же коляску; мы уже о семъ согласилися.

7, Въ сихъ экипажахъ ты отправишься, моя милая, въ половинѣ Мая, то есть, какъ скоро просохнетъ дорога, съ Агаѳьею, въ сопровожаніи твоего Василья, Андрея и Терентья, который въ рукахъ Василья будетъ не безполезенъ Изъ фрейлинъ твоихъ ты возмешь, кого тебѣ угодно. На путе-

(*) Жерве служилъ въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ. Онъ былъ женатъ на дочери Амбургера, сестрѣ г-жи Вейкардтъ.

шествіе твое 2000 рублей выдастъ тебя Петръ Григорьичъ.

8, Между тѣмъ ты дополнишь свой гардеробъ всѣмъ, что̀ тебѣ нужно. Для сего Андрей Андреичъ по требованію твоему выдастъ тебѣ отъ 1500 р. до 2000 р. Не покупай, однако же, ничего излишняго изъ матерій: ибо ты сюда пріѣдешь къ двумъ большимъ ярманкамъ, гдѣ все сіе можно найти въ избыткѣ и за сходныя цѣны. Но не жалѣй денегъ на нужныя бездѣлки, гребни, снурки и прочія мелочи, въ женскомъ тулетѣ и въ рукодѣльяхъ необходимыя: ихъ должно имѣть порядочные запасы.

Вотъ тебѣ, моя милая, подробное описаніе твоего путешествія. Въ послѣдствіи пришлю тебѣ маршрутъ; тебѣ должно будетъ ѣхать съ Москвы на Рязань и Тамбовъ. Съ какимъ восхищеніемъ встрѣчу я тебя на границѣ благословенной нашей губерніи, покажу тебѣ новую нашу деревню и наконецъ водворю тебя, послѣ толикихъ странствованій, въ новомъ твоемъ отеческомъ домѣ! Разлука съ Сонюшкою и съ Марьею Карловною огорчитъ тебя много. Для чего нельзя согласить всего вмѣстѣ? для чего не можемъ мы всѣ четверо жить здѣсь вмѣстѣ?—не можемъ; нечего и желать не возможнаго.

Прощай, моя милая, Христосъ съ тобою.

PS. Ты будешь еще имѣть время сдѣлать мнѣ всѣ вопросы. Письма наши еще три или четыре раза могутъ оборотиться.

13

Пенза 16 Генваря 1817.

Отвѣчаю на письмо твое, моя милая Елисавета, въ день Рождества Христова писанное, и начинаю прискорбнымъ замѣчаніемъ, что ты не была въ сей день у обѣдни. Изъ тысячи это одна важная причина желать быть намъ вмѣстѣ. Здѣсь сего бы не случилось. Ты совершенно почти описала по догадкѣ, что̀ я здѣсь въ сей день дѣлалъ, что̀ даже думалъ; но трудно-ли и угадать, что я думалъ о тебѣ. Праздникъ въ разлукѣ есть нѣкоторое противорѣчіе чувства съ внѣшнимъ выраженіемъ. Вотъ почему праздники въ разлукѣ бываютъ обыкновенно скучны.

Благодаренъ за стихи; но скажи мнѣ стихи *Къ надеждѣ*—переводъ или сочиненіе? это не привѣтъ, но сущая правда. Они имѣютъ такое сходсто въ оборотѣ своемъ съ лучшими нѣмецкими стихами, что я въ недоумѣніи. Если это сочиненіе, какъ я и люблю вѣрить, то сіе доказываетъ, что умъ твой занятъ и напоенъ нѣмецкою словесностію. Я радъ: ибо она и изящна и оригинальна. Есть нѣкоторыя неисправности въ языкѣ; но и это мнѣ пріятно; это значитъ, что въ Пензѣ я буду еще имѣть удовольствіе тебѣ доучивать и содержать тебя въ моей зависимости.

Какъ справедливо разсужденіе твое о музыкѣ Сотворенія міра! Точно то же дѣйствіе концертъ сей и всѣ подобныя ему огромныя затѣи производили всегда надо мною; и, вѣрь мнѣ, изъ тысячи слушателей двѣ большія трети нашего мнѣнія; но не всѣ смѣютъ самимъ себѣ въ томъ признаться и потому хвалятъ вмѣстѣ и зѣваютъ. Сдѣлай еще шагъ и распространи сіе правило: ты увидишь, что оперы, большія драммы, величавыя трагедіи, всѣ почти произведенія искусства всегда болѣе обѣщаютъ, нежели исполняютъ; перевѣсъ воображенія надъ чувствомъ, des prétentions manquées. Поступи далѣе и ты найдешь, что всѣ почти затѣйливыя и нарядныя удовольствія имѣютъ точно то же свой-

ство. Они всегда оставляютъ пустоту въ душѣ, отъ того, что слишкомъ расширяютъ и напрягаютъ воображеніе. Одни удовольствія духовныя и радости природы простой и величественной никогда не измѣняютъ.

Вотъ еще почта; а Сонюшкѣ нѣтъ отвѣта. Прочитай письмо сіе вмѣстѣ съ нею; это тотъ же отвѣтъ.

Съ будущею почтою пришлю тебѣ карту твоего сюда путешествія. Трудно тебѣ представить, какъ мысль сія меня веселитъ и занимаетъ. Прости. Христосъ съ тобою.

14.

Пенза 23 Генваря 1817.

Сравненіе твое, моя любезная Елисавета, Шиллера съ Шекспиромъ столько же тонко, какъ и основательно. Но знаешь-ли ты всѣ послѣдствія привязанности твоей къ Шиллеру? Наименьшее изъ нихъ есть то, что вся французская словесность будетъ тебѣ казаться безъ цвѣта и безъ вкуса. Я о семъ не жалѣю; но вотъ о чемъ ты сама, можетъ быть, пожалѣешь: если, увлеченный твоими живописными картинами пущусь я, по совѣту твоему, въ море нѣмецкой словесности: тогда что̀ будетъ съ моимъ губернаторствомъ? Я долженъ буду всё оставить, даже и еврейскій мой языкъ; и ты одна всего будешь виною.—Продолжай однако же писать ко мнѣ о новыхъ твоихъ открытіяхъ, не взирая на всѣ послѣдствія.

Стихи твои на Великопольское наше привидѣніе прекрасны. Слава воображенію, которое изъ дѣвушки въ лохмотьяхъ умѣло произвесь нѣчто весьма привлекательное.

Сожалѣю, что озаботили тебя Великопольскими счетами. Я никакъ не понимаю, на что имъ деньги. Тутъ ясно или глупость, или злоупотребленіе. Сегодня я туда пишу.

Ты ни слова не говоришь мнѣ ни о Флоріо, ни о пѣніи; не притаилася ли ты, чтобъ удивить насъ здѣсь провинціаловъ? Но я тебя предваряю, что здѣсь есть знатоки, хотя никто не смѣетъ пѣть.

Съ слѣдующею почтою пришлю твой маршрутъ. Удивительно, какъ идетъ время. Думаю о тебѣ каждый день, каждый часъ, а писать къ почтѣ не успѣваю. Это отъ того, что думать и любить тебя несравненно легче, нежели писать, хотя и писать пріятно. Прости. Христосъ съ тобою.

15.

Пенза 30 Генваря 1817.

Какъ прискорбно мнѣ, милая моя Елисавета, что Петръ Григорьичъ медленностію своею затруднилъ тебя въ деньгахъ. У него собственныхъ моихъ денегъ есть до 5000 рублей. Я пишу къ нему сегодня, чтобъ онъ вручилъ тебѣ непремѣнно по полученіи сего 2000 р. (*) и 3000 р. Марьѣ Карловнѣ какъ на отправленіе дядюшки, такъ и на водвореніе Франциса у Miss Peterson. Водвореніе сіе необходимо; онъ пробудетъ тамъ до будущей зимы; а тогда, устроясь здѣсь, мы возмемъ его къ себѣ. Когда окончится кочующая наша жизнь?—При отъѣздѣ сюда ты получишь отъ А. А. Жерве еще 2000 р. Изъ нихъ, или изъ тѣхъ 3000 р, которые нынѣ отъ П. Г. Масальскаго поступятъ къ Марьѣ Карловнѣ, постарайся надѣлить Беллу, чтобъ не осталась она въ бѣдности. Объ издержанныхъ тобою 2000 р. ни мало не заботься; я

(*) Сверхъ того, что̀ до полученія сего моего письма могла ты отъ него получить. (С.)

нахожу, что сіе еще весьма умѣренно, а впрочемъ ты знаешь, что деньги, на тебя издержанныя, я считаю лучшимъ для себя доходомъ. Лошадей, воронную и сѣрую, я приказалъ было доставить къ Аркадію Алексѣевичу; но если они ему не нужны: то попроси Карла Карловича (*), чтобъ онъ принялъ ихъ отъ меня себѣ въ подарокъ—въ подарокъ, а не иначе. Если Норовъ безъ мѣста или въ бѣдности, то можешь ты взять его съ собою для умноженія твоей свиты, а жену его съ дѣтьми, въ семъ предположеніи, прикажи старостѣ отправить сюда тѣмъ же порядкомъ, какъ отправляются прочія наши женщины. Здѣсь жить весьма дешево, и они менѣе намъ будутъ въ тягость, нежели въ Великопольѣ. Во всѣхъ случаяхъ мы можемъ ихъ оставить въ здѣшней деревнѣ. Я пишу о семъ къ старостѣ, чтобъ онъ ожидалъ твоихъ приказаній; ибо отправленіе жены зависѣть будетъ отъ рѣшенія твоего о мужѣ. Онъ будетъ здѣсь не лишній: ибо намъ необходимо здѣсь держать болѣе услуги.—Вчера вспомнилъ нужную бездѣлку—кофейную мельницу. Постарайся заказать ее у Нѣмца; и отправь съ обозомъ, или привези съ собою.

Вотъ цѣлое письмо, наполненное бездѣлками, и нѣтъ почти ни слова той бесѣды, которую я люблю вести съ тобою. Прощай, моя милая; Христосъ съ тобою.

16.

Пенза 5-го Февр. 1817.

Отъ тебя нѣтъ писемъ, моя милая Елисавета; я бы безпокоился, если бы не получилъ извѣстія отъ Аркадія Алексѣевича; онъ о тебѣ молчитъ, слѣдовательно ты здорова, а сего уже для меня и довольно: ибо впрочемъ есть тысячи причинъ, могущихъ произвесть подобную сему разстановку.

Предъидущимъ моимъ письмомъ ты разрѣшена уже въ разсужденіи денегъ; я надѣюсь, что по сіе время ты уже ихъ и получила; я забылъ только сказать, что деньги сіи не идутъ въ счетъ тѣхъ 2000 р., кои получишь ты отъ А. А. Жерве при твоемъ отъѣздѣ сюда, на дополненіе твоего гардероба.

Слава Богу, наконецъ прошла шумная масляница. Со вчерашняго дня я началъ говѣть. Какія удобности въ семъ святомъ упражненіи мы будемъ имѣть здѣсь съ тобою! — Въ настоящемъ положеніи тебѣ будетъ сіе трудно; но я увѣренъ, что, не взирая на всѣ трудности, ты въ нынѣшній постъ говѣть будешь. Если нѣтъ у тебя въ виду другаго духовника: то пошли къ моему Симіоновскому протопопу Іоанну, который, помнишь, пріѣзжалъ къ намъ и въ Великополье. Служить у тебя ему нельзя; но исповѣдать и причастить онъ возметъ тебя съ радостію. Ты можеть, впрочемъ, въ семъ посовѣтоваться съ Вѣрою Николаевною ([1]) и говѣть съ нею вмѣстѣ. Исполни сіе, мое милое дитя, непремѣнно.

Осипъ Петровичъ Козодавлевъ ко мнѣ пишетъ, что жена его ([2]) видаетъ тебя въ Почтамской церкви и проситъ съ нею познакомиться. Если они будутъ звать Марью Карловну съ тобою: то совѣтую вамъ обѣимъ ихъ не чуждаться. У неё есть племянница к. Щербатова ([3]), родня

(*) Карлъ Карловичъ Амбургеръ.

([1]) Женою Аркадія Алексѣевича Столыпина.

([2]) Анна Петровна, урожденная княгиня Голицына.

([3]) Жена дѣйств. тайн. совѣтн. князя Сергѣя Григорьевича Щербатова, княгиня Анна Михайловна, урожденная княжна Хилкова. Отецъ княгини А. М.

Шуваловымъ, которая, въ мое время, была очень добрая молодая женщина, съ коею можешь ты познакомиться и покороче. Жена Козодавлева также не глупа, благочестива и довольно добродушна; немножко чванлива. Не искать, но не чуждаться, вотъ твоя линія.

Съ будущею почтою пришлю тебѣ твой маршрутъ. Съ какимъ удовольствіемъ слышу я стукъ плотниковъ, столарей и слесарей въ комнатахъ, которыя для тебя готовлю! Это сокращаетъ разстояніе предлинныхъ трехъ мѣсяцевъ, кои долженъ я еще провести безъ тебя. Прощай, моя милая, Христосъ съ тобою. У насъ 7° тепла.

17.

Пенза 13 Февр. 1817.

Два письма твои, моя милая Елисавета (№ 16 и 17) вдругъ пришли ко мнѣ и разрѣшили мое безпокойство. Я не знаю, извѣстно-ли тебѣ содержаніе письма Марьи Карловны, въ то же время мною полученнаго. Она предлагаетъ, во первыхъ, проводить тебя сюда, а потомъ, какъ бы одумавшись, проситъ оставить тебя у нихъ до зимы, представляя, что сіе весьма полезно было бы для твоихъ наукъ. На ушко тебѣ скажу, что и то и другое предложеніе мнѣ не совсѣмъ нравится; первое потому, что жертва слишкомъ велика и что отсутствіе ея и Сонюшку и дѣтей погрузитъ въ печаль; а второе потому, что съ одной стороны не думаю я, чтобъ лѣтомъ можно было много заниматься науками по обыкновенной разсѣянности ихъ жизни; а съ другой они не понимаютъ, а ты опытомъ знаешь, что можно учиться и одной, и сей родъ науки можетъ быть прочнѣе другихъ. Прибавь къ сему, что если ты не доучишься нѣмецкому языку или музыкѣ: то за то лучше будешь знать русскую словесность, проходя ее со мною. Здѣсь есть много книгъ, и здѣсь же живетъ старый твой учитель, — я. Даже и въ нѣмецкомъ языкѣ ты не останешься здѣсь безъ руководства. У меня здѣсь есть Нѣмецъ, кажется, довольно свѣдущій. Слѣдовательно остается взвѣсить два уваженія 1, горесть разлуки: но сія горесть неизбѣжна, и какъ бы мы ее ни удаляли, она все тебя постигнетъ; 2, легко быть можетъ, что ты не успѣешь сюда пріѣхать, какъ должно будетъ намъ опять отправляться въ Петербургъ; но сіе, во первыхъ, слишкомъ неизвѣстно, чтобъ войти въ расчетъ, а во вторыхъ, сіе же самое и всегда случиться можетъ, когда бы ты сюда ни отправилась. Въ моемъ расчетѣ вѣроятностей, если не призовутъ меня отсюда до Мая: то вѣрно останусь я здѣсь все лѣто; присоедини къ сему, что зимній путь для тебя будетъ весьма затруднителенъ, и слѣдствіемъ его можетъ быть болѣзнь; напротивъ лѣтній есть настоящая прогулка. И такъ вотъ мое заключеніе: отправиться сюда въ Маѣ или въ теченіи лѣта по лучшему твоему усмотрѣнію; но не дожидаться зимы; отправиться съ Марьею Карловною и если можно съ Сонюшкою; вы проживете здѣсь лѣто, а на зиму можете всѣ три, а можетъ быть и всѣ мы вмѣстѣ, возвратиться въ Петербургъ. Вся трудность тутъ

Щербатовой, князь Михаилъ Яковлевичь Хилковъ, былъ женатъ на княгинѣ Елизаветѣ Петровнѣ Голицыной, сестрѣ Козодавлевой, а сама она, по смерти Щербатова, вышла замужъ за оберъ-гофмейстера графа Александра Николаевича Толстаго, и недавно скончалась въ Ниццѣ, въ глубокой старости. Сестра ея мужа княгиня Софья Григорьевна была въ 1-мъ бракѣ за генералъ-адьютантомъ графомъ Петромъ Андреевичемъ Шуваловымъ.

въ Софьѣ Ивановнѣ. Если она отпуститъ Соню: то все уладится само собою. Въ дорогѣ вы пробудете не болѣе двухъ недѣль; помѣщеніе вамъ здѣсь готово, и помѣщеніе обширное и прекрасное. Сдѣлай сіе предложеніе и настой сколько можешь, чтобъ оно сбылося: тогда ты и съ Соней будешь неразлучна, и со мною увидишься, и увидишь весьма значительную часть Россіи, и познакомишься еще короче съ нравами русскими, и время для наукъ проведешь со мною не напрасно. Издержки будутъ маловажны, и я всѣхъ васъ беру смѣло на мой отчетъ. Дѣла мои такъ расположены, что если бы и весь обозъ мой вдругъ мнѣ сдѣлался не нуженъ: то я не потерпѣлъ бы ни малѣйшаго убытка, ибо все у меня здѣсь разберутъ съ охотою и за ту же цѣну.

Примѣть впрочемъ, что во всѣхъ сихъ распоряженіяхъ собственное мое желаніе тебя видѣть, никакъ меня не ослѣпляетъ. Еслибъ мнѣ доказано было, что тебѣ будетъ полезнѣе оставаться и лѣто и слѣдующую потомъ зиму въ Петербургѣ: я бы ни минуты не поколебался: ибо любовь моя къ тебѣ есть любовь къ твоему счастію, а совсѣмъ не привязанность къ моимъ собственнымъ удовольствіямъ. Такъ суди меня во всѣхъ отношеніяхъ, если хочешь судить здраво; я не чувствую почти тяжести жертвъ, когда онѣ для тебя необходимы и даже, когда онѣ тебѣ только полезны. Богъ не попуститъ, чтобъ я изъ тебя когда нибудь пожелалъ сдѣлать собственную мою куклу. Прощай, моя милая, Христосъ съ тобою.

PS. Весьма радъ, что угадалъ и предупредилъ твои мысли о лошадяхъ. Сей подарокъ и приличенъ и мнѣ пріятенъ.

Агаѳьиной снохи никакъ не должно брать съ собою; мужъ безъ неё здѣсь не скучаетъ, пусть онъ здѣсь укоренится; а будущею зимою я доставлю ей способъ сюда отправиться.

18.

Пенза 20 Февр. 1817.

Нынѣшняя почта принесла мнѣ твое письмо, моя любезная Елисавета, столь благовременно, что въ тотъ же день тебѣ и отвѣчаю. То, что̀ ты мнѣ говоришь о Флоріо, весьма прискорбно. Нельзяли взять Кавоса или другаго; тутъ церемониться нечего: ибо это простые наемники. Еслибъ Кавосъ и вдвое стоилъ дороже: то нѣсколько уроковъ насъ не разорятъ; я же тебѣ денегъ пришлю еще, когда тебѣ будетъ надобно и когда, благовременно разочтя, ты ко мнѣ напишешь. Впрочемъ если пѣть въ Петербургѣ не съ кѣмъ: то лучше пѣть со мною въ Пензѣ. Я все держусь прежняго правила, — а именно, что музыка и пѣніе много зависятъ и могутъ быть усовершены собственнымъ упражненіемъ. Впрочемъ примѣть къ своему утѣшенію, что въ искусствахъ, какъ и въ знаніяхъ, часто успѣхи приходятъ послѣ, а не въ то время, какъ въ нихъ упражняются. Я почти увѣренъ, что въ Пензѣ ты найдешь себя лучше, нежели теперь, и удивишься откуда все это взялось. Я не знаю какимъ-то образомъ понятія наши созрѣваютъ безъ нашего вѣдома Не думай, впрочемъ, чтобъ я испортилъ что-либо излишнимъ ожиданіемъ. Во всѣхъ родахъ я не охотникъ до чудесъ и все люблю въ своей мѣрѣ.

О людяхъ нашихъ не заботься; я не для того ихъ сюда беру, чтобъ ихъ употреблять, но чтобъ облегчить ихъ содержаніе; они мнѣ въ Великопольѣ безмѣрно дорого стоятъ; а

здѣсь въ деревнѣ будутъ жить даромъ. Жены же ихъ останутся прачками. Ты не можешь себѣ представить, какая это разность въ цѣнахъ. Впрочемъ вы съ Марьею Карловною весьма умно уложили отправить ихъ водою; это дешевле, и если пріѣдутъ они и поздно: то сіе никакъ не помѣшаетъ твоему сюда пріѣзду; ты найдешь совсѣмъ готовую услугу. Съ нетерпѣніемъ ожидаю рѣшенія твоего о времени твоего путешествія—*рьшенія* потому, что сіе совершенно отъ тебя зависитъ; въ Маѣ или въ Августѣ. Надобно только, чтобъ я зналъ впередъ, дабы сообразно тому распорядиться.

Изъ всѣхъ твоихъ наукъ неоконченныхъ, жаль только будетъ нѣмецкаго языка; но и сіе можетъ быть вознаграждено до нѣкотораго (sic) степени [1] Мысль о библіотекѣ нѣмецкой весьма умна. Деньги дастъ тебѣ Андрей Андреевичъ, съ коимъ я уже условился, и имѣю съ сею же почтою положительный его отвѣтъ. Прощай, моя милая, Христосъ съ тобою.

Вчерась я открылъ здѣсь Библейское общество; старый Архіерей и я избраны вицепрезидентами; а президентъ во всей Россіи одинъ--князь Голицынъ. Вотъ тебѣ наши новости.

19.

Пенза 27 Февр. 1817.

Мнѣ кажется, милая моя Елисавета, номера нашихъ писемъ немножко позапутались; но въ нихъ и нужды нѣтъ: ибо почта вѣрно намъ служитъ.— И такъ Салинка здорова, когда вы съ нею катались на горахъ: ибо больные, сколько мнѣ извѣстно, не катаются; ты мнѣ ничего о семъ прежде не сказала. Весьма благодаренъ Карлу Карловичу за попеченіе о экипажахъ; увѣренъ, что они будутъ прекрасные. Жаль только, что ты не отгадала моихъ мыслей о вензелѣ и не разочла, что мнѣ несравненно пріятнѣе ѣздить въ твоей каретѣ, нежели возить тебя въ своей. Ты уже довольно пользовалась моими экипажами; пора расплатиться. Отъ Андрея Андреевича я получилъ весь свой домъ—на бумагѣ; къ концу Марта будетъ онъ здѣсь и въ кладовыхъ, изъ коихъ не прежде, однакоже, выйдетъ на свѣтъ, какъ при тебѣ. Скажи Марьѣ Карловнѣ, что и здѣсь встрѣтитъ она любимую ей забаву разбирать, чистить, раскладывать и приводить въ порядокъ; безъ нее я ни къ чему не прикоснуся.

Ты мнѣ ничего не пишешь о свиданіи твоемъ съ Козодавлевыми, а они пишутъ. Нѣтъ нужды повторять тебѣ правило, коего въ сихъ знакомствахъ должно тебѣ держаться. На ушко тебѣ скажу, что и отъ Государя получилъ я здѣсь лично къ себѣ письмо, исполненное самыхъ милостивыхъ выраженій; симъ ты можешь порадовать одного Андрея Андреевича. Кстати о знакомствахъ: мнѣ жаль будетъ, если ты уѣдешь изъ Петербурга не видавшись съ M-me Pitt и не поблагодаря ее въ 17 лѣтъ за то, что̀ оказывала она тебѣ, когда ты не имѣла еще и 17-ти мѣсяцевъ. Поговори о семъ съ Кремеромъ, или съ Салинькой, которая вѣрно у нее иногда бывать должна. Одна визита прощальная предъ отъѣздомъ изъ Петербурга къ сему достаточна. Приготовь также письмо и въ Англію; съ открытіемъ навигаціи Белій будетъ много имѣть случаевъ. Не худо бы къ женѣ его тебѣ когда нибудь съѣздить. Мои письма въ Англію ты получишь чрезъ почту или двѣ.

(1) Сперанскій всегда употреблялъ слово: степень въ мужескомъ родѣ и выговаривалъ степѐнь.

Прощай, моя милая, Христосъ съ тобой; постарайся на послѣдней недѣлѣ говѣть, если не говѣла прежде, и причаститься въ какой либо уединенной церкви.

20.

Пенза 8-го Марта 1817.

Причины твои, любезная моя Елисавета, такъ основательны, что я хотя и съ сожалѣніемъ дозволяю тебѣ не говѣть нынѣшній постъ: за то я здѣсь буду говѣть въ другой разъ на Страстной недѣлѣ, и весь постъ ѣмъ рыбу; а въ Августѣ или Іюнѣ будемъ говѣть вмѣстѣ.

Наконецъ и дядюшка пріѣхалъ и привезъ мнѣ и письмо и стихи твои; они не уступаютъ прежнимъ; но Савояръ всѣхъ лучше, хотя и Русская дѣвица имѣетъ свои достоинства. Дядюшка довольно здоровъ; дорога его поправила; а надежда еще болѣе поправитъ. Онъ пустится на Кавказъ 1-го Мая.

Почта пришла при самомъ отходѣ нашей, и потому не успѣваю ни къ тебѣ писать много, ни отвѣчать на письмо Марьи Карловны. Но благодарю ее чрезъ тебя за всѣ ея распоряженія въ Великопольѣ, и все, что̀ она тамъ ни сдѣлала, въ полной мѣрѣ утверждаю. Жаль только, что вы не оставили себѣ повара Платона. Никакого неудобства я не вижу, чтобъ Андрей съ вами ѣхалъ; въ рукахъ Василья онъ не запьетъ; весь секретъ въ томъ, чтобъ не давать ему денегъ. Впрочемъ, не спрашивая меня, распорядитесь, какъ лучше сами найдете.

Львову отвѣчать мнѣ весьма мудрено; но, собравшись съ умомъ, отвѣчать буду.

Буду ожидать извѣстій о твоемъ глазѣ; самая бездѣлица вдали безпокоитъ.

Прощай, моя милая, Христосъ съ тобою.

21.

Пенза 13-го Марта 1817.

Письмо сіе придетъ къ тебѣ на Свѣтлой недѣлѣ; *Христосъ воскресе*, моя милая Елисавета; да будетъ праздникъ сей источникомъ новыхъ духовныхъ для тебя радостей.

Вмѣсто краснаго яичка посылаю тебѣ собственный мой ликъ; пусть онъ тебя поздравитъ и за меня поцѣлуетъ. Здѣсь находятъ его весьма схожимъ. Его писалъ одинъ здѣшній дворянинъ, amateur, кисть не самая мастерская, но удивительная въ сходствѣ. Онъ и тебя напишетъ, мою милую дуру, когда ты сюда пріѣдешь.

Два письма твои, предъидущее и сегодня полученное, весьма меня радуютъ. Въ первомъ ты говоришь о говѣніи, и мысли твои замѣняютъ почти самое дѣло. Во второмъ разрѣшаешь мои недоумѣнія о твоей разлукѣ. Никогда, мое милое дитя, не хотѣлъ я убѣждать тебя сюда отправиться, зная, что это было бы излишнее; а хотѣлъ тебѣ только представить нѣкоторыя утѣшенія, чтобъ сдѣлать разлуку твою съ Сонею менѣе тебѣ прискорбною. Теперь, слава Богу, все слажено и я ожидаю тебѣ съ вѣрностію въ концѣ Мая, или въ началѣ Іюня, судя по дорогѣ; не совѣтую однако же пускаться въ путь прежде, нежели дорога установится. Марья Карловна въ послѣднемъ своемъ письмѣ обнадеживаетъ даже привезти Сонюшку; все зависитъ только отъ согласія Софьи Ивановны, которая, я думаю, наконецъ вамъ сдастся. Для здоровья Сонюшки ничего не можетъ быть полезнѣе. Вы всѣ не имѣете еще понятія о добромъ, чистомъ русскомъ климатѣ и о благотворныхъ его дѣйствіяхъ, кои я самъ на себѣ испытываю ежеднев-

но. Странно, что Петергофскія болота называются дачею, деревнею. Это сущій погребъ.

О Катеринѣ Богдановнѣ (¹), если ты не получила другихъ понятій: то она будетъ здѣсь не лишняя; даже можетъ быть полезна для выѣздовъ твоихъ и для нѣкотораго приличія, если и по отъѣздѣ Марьи Карловны съ тобою останется. Не худо, если она распорядится провесть съ тобою и будущую зиму. Но не должно тутъ употреблять никакихъ настояній и условій. Впрочемъ сію послѣднюю статью мы вмѣстѣ съ тобою устроимъ здѣсь, смотря по свойствамъ ея и по сообразности съ нашимъ положеніемъ. Прощай, моя милая, почти до свиданія. Христосъ съ тобою.

22.

Пенза 27 Марта 1817.

Наконецъ посылаю тебѣ, моя милая Елисавета, росписаніе твоего путешествія и часть станцій отъ Новагорода до Москвы (²). Мнѣ необходимо нужно знать, когда ты оставишь Петербургъ, чтобъ послать къ тебѣ въ Рязань на встрѣчу и самому тебя встрѣтить на границѣ губерніи. Предлагаю тебѣ взять рѣшительнымъ числомъ 15-е Мая; съ сего дня поведу я свой счетъ и если ошибусь, то не болѣе какъ въ недѣлѣ, а сіе никакъ не разстроитъ моего расчисленія. Но надобно, чтобъ вы сообразили сей день съ Марьею Карловною и меня рѣшительно о томъ увѣдомили. Пять дней ранѣе или позже, не сдѣлаютъ разницы; лишь бы знать положительно.

Жалѣю, что ты потеряла время надъ Клариссою. Въ прошедшемъ столѣтіи было принято правиломъ, что всякая Англичанка обязана, послѣ изученія Катихизиса, прочитать раза два Клариссу, Памелу и Грандиссона (³). Сіе входило существеннымъ образомъ въ планъ воспитанія. Вѣра Николаевна, кажется, держится сей старинки. Не осуждая ея вкуса, я бы никогда ни одной дѣвицѣ нашего времени не присовѣтывалъ сего чтенія. Тутъ ложная натура, небывалые или чрезмѣрно рѣдкіе пороки и ничтожныя добродѣтели, словомъ ложная живопись нравовъ и прескучная метафизика страстей. По счастію ты не монастырка и отъ младенчества твоего видѣла свѣтъ не чрезъ волшебное стекло. И такъ вся бѣда для тебя тутъ кончится потерею времени. Вообще на всѣхъ трехъ языкахъ едва-ли наберешь десятокъ романовъ, кои бы были занимательны и поучительны. Дарованіе сіе столько же рѣдко, какъ и всѣ дарованія. Впрочемъ вкусъ къ романамъ прилипчивъ только для людей праздныхъ и для умовъ весьма поверхностныхъ и пустыхъ. Укажите мнѣ женщину, которая любитъ романы; я докажу вамъ, изъ всей связи ея мыслей и поведенія, что у нее пустая голова и еще пустѣе сердце.

Прощай, моя милая, Христосъ съ тобою.

И такъ я не увижу здѣсь Сонюшки. Изъ письма твоего и ея, вижу, что это рѣшено. Такъ и быть!

P.S. Фортепіано пришло сюда въ такой исправности, что, поставивъ его на мѣсто, можно было играть, и одинъ Нѣмецъ дѣйствительно игралъ.

23.

Пенза 3 Апрѣля 1817.

Прошедшая почта не принесла мнѣ ни одного письма изъ Петербурга.

(¹) NB. Марья Карловна въ послѣднемъ письмѣ не говоритъ мнѣ о семъ ни слова. (С.)

(²) Сихъ послѣднихъ не посылаю, они и не нужны. (С.).

(³) Извѣстные англійскіе романы Ричардсона.

Разлитіе рѣкъ и распутица остановили ихъ въ Москвѣ. Надѣюсь, что настоящая, которая должна придти завтра, вознаградитъ мое терпѣніе. Святая недѣля здѣсь была прекрасная. Качели, стеченіе народа, два ряда каретъ, всё въ порядкѣ; всѣ Петербургскія и Московскія глупости, въ уменьшительномъ только видѣ.

Съ удовольствіемъ мыслю, любезная моя Елисавета, что мнѣ остается къ тебѣ писать только уже четыре раза. Послѣднее мое письмо будетъ отъ 1-го Мая; и дай Богъ болѣе къ тебѣ никогда не писать; но ты пиши ко мнѣ до самой послѣдней почты твоего выѣзда.

Пиши ко мнѣ впередъ, моя милая, о всѣхъ подробностяхъ твоего отправленія; сколько экипажей, сколько людей. Кстати объ экипажахъ, какъ считаетъ Марья Карловна возратиться отсюда? Если зимнымъ путемъ: то у меня для нее есть самый покойный возокъ; но если осенью: то ей нужна будетъ карета; а кареты достать здѣсь нельзя.—Кстати также о людяхъ, возмешь-ли ты съ собою Авдотью? Какъ черная дѣвка, она была бы здѣсь тебѣ полезна, хотя можно здѣсь найти и другую; но она не скоро привыкнетъ къ Агаѳьѣ и къ образу твоей жизни. Если съ Марьею Карловною не будетъ дѣвки: то и въ дорогѣ съ одною вамъ будетъ затруднительно; на случай возврата, ее также можно-бы было отпустить съ Марьею Карловною. Для дѣтей особенной услуги здѣсь не нужно; а въ обратный путь я могу здѣсь найдти имъ человѣка. Есть вѣроятность, что Марью Карловну проводитъ отсюда дядюшка, но уже не больной и не безногій, но здоровый дядюшка; ему и теперь уже лучше; а съ водъ возвратится онъ въ Сентябрѣ совершенно молодцомъ.

Къ запискѣ о вещахъ, кои нужно тебѣ взять съ собою, прилагаю при семъ небольшое дополненіе. Чтобъ тебѣ чего-нибудь не забыть: то не худо бы было соединить ихъ въ одну.

Прощай, моя милая, почти до свиданія.

24.

Пенза 10 Апрѣля 1817.

Письмо твое, моя милая Елисавета, отъ 14 и 16 Марта я получилъ. Весьма радъ, что M-me Ficher соглашается съ тобою сюда ѣхать. Проси всемѣрно Марью Карловну, чтобъ она взяла ее съ собою. Отъ тебя же я не только сего прошу, но и настоятельно требую. Марья Карловна не можетъ здѣсь съ тобою остаться жить; а тебѣ жить одной нельзя; не для того, чтобъ я не считалъ тебя доброю хозяйкою; но приличіе требуетъ, чтобъ ты не выѣзжала одна; а выѣзжать тебѣ необходимо будетъ нужно. Здѣсь же трудно и почти невозможно тебѣ будетъ выбрать подругу.—M-me Ficher замѣнитъ тебѣ, по крайней мѣрѣ до нѣкоторой степени, Сонюшку, если кѣмъ нибудь замѣнить ее можно. И такъ проси всѣмъ волшебствомъ твоего убѣжденія, чтобъ она на сіе согласилась.

Твой Флоріо рѣшительно сошелъ съ ума. Фельдмаршаламъ Государь не жалуетъ земель съ крестьянами. Ему могутъ дать деньги, а на деньги можетъ онъ купить деревеньку, и то, когда онъ дворянинъ и дворянинъ русскій. Сіи господа все еще думаютъ, что они въ Африкѣ между Неграми. Не послѣдній знакъ сумасшествія и то, что онъ хочетъ здѣсь поселиться. Желаю знать, что̀ онъ будетъ здѣсь дѣлать, не зная языка, ни обычаевъ? Развѣ наймется управлять хоромъ архіерейскихъ пѣвчихъ,

за что не получитъ, однако же, въ годъ болѣе 200 р. Впрочемъ, чтобъ не оставить вопросъ его, хотя и сумазбродный, безъ отвѣта, ты можешь сказать ему, что, употребивъ отъ $^{10}/_т$. до $^{15}/_т$. р. на первое заведеніе, холостому человѣку здѣсь можно жить порядочно на $^{5}/_т$. р. въ годъ; а весьма порядочно на $^{10}/_т$., т. е. держать домъ, 6 или 8 лошадей и собакъ сколько угодно: ибо здѣсь охота прекрасная и охотнитами наполненъ городъ и губернія. Изъ сожалѣнія, однако же, посовѣтуй ему не просить земли съ крестьянами, если просить онъ можетъ; онъ будетъ смѣшонъ и ничего не получитъ; а пусть проситъ просто земель, кои онъ можетъ обратить въ деньги, или еще проще—пусть проситъ денегъ.—Наконецъ вотъ и письмо мое въ Англію. Приложивъ къ нему свое à votre tante Barbe и запечатавъ все облаткою (oublie), сколь можно лучше и уютнѣе, положи ту же надпись, что̀ на моемъ письмѣ и отвези сама (если можно) къ M-me Bayley. Сіе нужно для того, чтобъ съ нею проститься и попросить мужа ея о двухъ вещахъ: 1, Доставлять намъ сюда прямо письма изъ Англіи, для чего и оставь ему мой адресъ по русски; 2, Не возмется-ли онъ выписать для тебя нынѣшнею навигаціею нѣсколько книгъ? Мы ихъ здѣсь съ тобою выберемъ изъ каталога и отсюда отправимъ къ нему реестръ и около $^{5}/_т$. р. денегъ. На сіе я рѣшился потому, что въ послѣднемъ письмѣ нашъ Г-нъ Planta (*) даетъ мнѣ примѣтить, что ему 73 года и естественно, что въ его лѣта трудно хлопотать объ отправленіи книгъ въ Россію; а Белій имѣетъ на сіе тысячу способовъ. Я же непремѣнно рѣшился сдѣлать тебѣ нынѣшнимъ лѣтомъ, и можетъ быть къ 5-му Сентября, сей подарокъ. Если-бы M-me Bayley не было дома: то не будетъ никакого неприличія видѣть тебѣ мужа ея у него въ конторѣ, и, отдавъ ему письма, уговориться о двухъ статьяхъ выше означенныхъ; но уговориться лично необходимо будетъ нужно.

(*) Дядя покойной жены Сперанскаго.

Легко быть можетъ, что письмо сіе застанетъ весь вашъ домъ въ траурѣ. Нечего увѣрять въ моемъ участіи; но я прошу тебя не откладывать для сего и ни для какой другой причины, кромѣ твоей болѣзни, твоего путешествія съ 15-го Мая, въ состояніи-ли будетъ Марья Карловна провожать тебя или нѣтъ. Въ семъ послѣднемъ случаѣ, для меня впрочемъ прискорбномъ, ты отправишься одна съ M-me Ficher.

Скажи при первомъ свиданіи А-ю А-у Жерве мое извиненіе, что въ предъидущемъ письмѣ утруждалъ его просьбою о табакѣ, тогда какъ табакъ былъ уже здѣсь отъ него полученъ. Раскрывъ ящикъ съ посудою, я нашелъ его цѣлую провизію, за которую и благодарю его весьма много.

Прощай, моя милая, Христосъ съ тобою.

NB NB. Раскрой письмо, прилагаемое при семъ безъ надписи, и прочитай на единѣ.

P. S. Не забудь письмо твое въ Англію перечитать со вниманіемъ; обыкновенныя твои ошибки происходятъ не отъ незнанія, но отъ описки и отъ того, что рука твоя не привыкла еще слушаться твоихъ мыслей; а перечитывать лѣнь.

Пенза 17 Апрѣля 1817.

Называй смѣло, моя милая Елисавета, непростительною ошибкою легкомысліе, съ которымъ перемѣшалъ я надписи писемъ къ тебѣ и къ Цейеру. Сдѣлай это Лиза, ее назвали бы вѣтренницею; а понеже это сдѣлалъ я: то должно назвать даже глупостію. По счастью, между нами нѣтъ никакихъ тайнъ; но это только по счастью.

Занимаясь непрестанно твоимъ путешествіемъ, я придумалъ еще одно обстоятельство. Можетъ быть, вамъ разсудится посмотрѣть Москву и пробыть въ ней дни два-три. Трактиры и постоялые дворы тамъ очень безпокойны, а для женскаго каравана даже и неудобны. Тебѣ стоитъ только послать къ Лазареву Христофору (*), или къ одному изъ его братьевъ, и увидясь предложить имъ остановиться въ Московскомъ ихъ домѣ; они примутъ предложеніе сіе съ радостію; у нихъ два дома; надобно только взять съ точностію адресъ; ибо Москва есть море, гдѣ безъ адреса ничего сыскать нельзя; я полагаю, что все ихъ семейство теперь въ Петербургѣ и слѣдовательно вамъ никакого не будетъ безпокойства у нихъ остановиться; а если бы кто изъ нихъ и оставался, то это не помѣха: они добрые и простые люди, съ коими нѣтъ никакой причины церемониться, и сверхъ того два-три дни не дѣлаютъ ни связи, ни стѣсненія. Вы отдохнёте, велите пересмотрѣть ваши экипажи и отправитесь далѣе. Кстати объ экипажахъ, существенное дѣло есть сохранить ихъ отъ Петербурга до Новагорода по жестокой дорогѣ; далѣе же все будетъ очень мягко. Въ Москвѣ предметъ любопытства есть Кремль и Гостиный дворъ. Все прочее не стоитъ большаго вниманія. Впрочемъ все это только совѣтъ, а не приказъ, и вы расположитесь какъ найдете удобнѣйшимъ. Желаю только, чтобъ дорога ваша какъ можно болѣе походила на прогулку. Спѣшить слишкомъ нѣтъ нужды; лишь бы вы были покойны и веселы. Не забывайте каждый день поутру или ввечеру по нѣскольку верстъ ходить пѣшкомъ; это существенно. Да не загорите, чтобъ не пріѣхать вамъ сюда арапками.

Когда перестану я давать тебѣ порученія?—тогда, какъ тебя не будетъ уже въ Петербургѣ. Вотъ еще прибавленіе, которое впишешь ты къ прежнему реестру.

Весна здѣсь совсѣмъ установилась, и прекрасная, русская, не чухонская ваша и не корельская. Прощай, моя милая, Христосъ съ тобою.

25.

Пенза 24 Апрѣля 1817.

И такъ портретъ мой и ты нашла очень сходнымъ!—Пріѣзжай, моя милая Елисавета, и тотъ же живописецъ напишетъ и тебя, и еще сходнѣе. — Письмо сіе будетъ предпослѣднее; еще одно отъ 1-го Мая и болѣе писать къ тебѣ не буду, развѣ на случай чрезъ Аркадія Алексѣевича. Въ Рязань я къ тебѣ вышлю Петра Петровича Попова съ поваромъ. Онъ остается здѣсь для опредѣленія къ должности; а дядюшка чрезъ день отправляется на Кавказъ. Здѣсь полная весна; деревья распустились; воды упали; все тебя ожидаетъ; все призываетъ твою музу, чтобъ воспѣвать здѣшнія красоты. Ты смѣешься, дура; а я увѣренъ, что ты будешь здѣсь писать и лучше и охотнѣе. — Я не разбиралъ твоихъ книгъ; не знаю, есть-ли тутъ лексиконы нѣмецкій и французскій *съ русскимъ;* если нѣтъ:

(*) Христофоръ Іоакимовичъ Лазаревъ

то попроси Цейера достать сей последній, какой есть нынѣ лучшій, и привези съ собою.

Какъ я радъ, что путешествіе твое и пребываніе здѣсь устроивается точно такъ, какъ я желалъ, и какъ мы въ Великопольѣ еще предполагали. Настой, убѣждай и проси Марью Карловну, чтобъ взяла съ собою M-me Fischer. Какая разница между сю и Катериною *Б.*

Прощай, моя милая Лизута, почти до свиданія. Христосъ съ тобою.

26.

Пенза 1-го Мая 1817.

Вотъ то послѣднее письмо, которое пишу къ тебя, моя милая Елисавета, о которомъ я столько же разъ твердилъ, сколько оно твердилось и повторялось въ моемъ воображеніи. — Чтобъ не оставить, однакоже, доброй привычки, до пріѣзда твоего сюда, буду, вмѣсто тебя, писать къ Сонюшкѣ, намѣстницѣ твоей въ Петербургѣ. Съ будущею почтою на всякой случай напишу и къ тебѣ, но вложу письмо къ Аркадію Алексѣевичу.

Марья Карловна проситъ у меня дозволенія привести сюда дѣтей. Не стыдно-ли ей? — Она должна знать, какъ я люблю и ее и дѣтей ея. О семъ я пишу къ ней особенно. Одна лишняя карета или коляска не сдѣлаетъ большой разности въ вашемъ караванѣ. Здѣсь же я могу васъ всѣхъ помѣстить безъ малѣйшаго стѣсненія.

Не дивлюсь, что ты не получила моихъ писемъ; распутица чрезвычайная, и часто въ сіе время года двѣ почты сходятся въ Москвѣ и тамъ соединяются въ одну.

Русскихъ книгъ здѣсь достать можно; а чего не достанемъ: то выпишемъ изъ Москвы. Тамъ у меня есть вѣрные люди и переписка почти еженедѣльная.

Совѣты твои о нѣмецкомъ языкѣ принимаю съ удовольствіемъ и весьма недалекъ отъ того, чтобъ имъ слѣдовать. Такъ люблю я вездѣ идти или съ тобою, или за тобою. Для тебя единственно я выучился по англійски; для тебя же выучусь и понѣмецки, хотя отчаяваюсь когда-нибудь разумѣть Клопштока: ибо рѣдкіе и Нѣмцы его разумѣютъ.

Прощай, моя милая, Христосъ съ тобою; теперь уже точно до свиданія. По отвѣту твоему на маршрутъ мой я расположу время моего путешествія тебѣ на встрѣчу. Во всѣхъ случаяхъ въ концѣ Мая посланный мой будетъ ожидать васъ въ Рязани. Прости.

27.

Пенза 8-го Мая 1817.

Легко себѣ представить, любезная моя Елисавета, что не безъ прискорбія узналъ я изъ послѣдняго твоего письма (отъ 20 Апрѣля), что путешествіе ваше отложено до 24 сего мѣсяца. Причина столько основательна, что и сказать нечего. По крайней мѣрѣ буду я теперь увѣренъ, что съ сего числа вы будете уже въ дорогѣ. А чтобъ предупредить смѣшеніе, посланный мой будетъ васъ ожидать еще ранѣе въ Рязани: ибо легко можетъ статься, что вы можете отправиться и ранѣе сего срока. Чѣмъ ранѣе, тѣмъ лучше, чтобъ избѣжать жаровъ въ Іюнѣ. По сему-то и сіе письмо посылаю на всякой случай чрезъ Аркадія Алексѣевича. Предъ отъѣздомъ въ послѣднемъ письмѣ напиши сколько вы будете брать лошадей. Я предполагаю, что съ вами будутъ двѣ кареты и одна коляска; въ одну, гдѣ вы всѣ вмѣстѣ будете сидѣть, нужно шесть лошадей; въ другую- четыре, и въ коляску — четыре же. Если же вы расположитесь ѣхать только въ двухъ каретахъ, что̀ было

бы еще лучше и удобнѣе: тогда должно будетъ брать по 6-ти въ каждый экипажъ; а коляску отправить съ извощиками на долгихъ, обыкновеннымъ подрядомъ, какъ возятъ обозы. Коляска здѣсь необходима. Я бы желалъ, чтобъ съ нею вмѣстѣ отправлена была и одна изъ моихъ каретъ, о чемъ писалъ и къ Петру Григорьевичу и къ Аркадію Алексѣевичу. Поговори о семъ съ Карл. Карл. Амбургеромъ, къ коему я также о семъ пишу. Аркадій Алексѣевичь оставилъ у себя на экипажи изъ моихъ денегъ $^{10}/_{т.}$ р., слѣдовательно въ деньгахъ затрудненія быть не должно. Не худо было бы взять двѣ подорожныя: одну на твое имя, а другую на имя Марьи Карловны; но деньги и всѣ издержки платить на мой счетъ. Пробудетъ-ли Марья Карловна здѣсь до зимы, или возвратится осенью, все карета для нее нужна. Отъ нее впрочемъ зависитъ возвратиться и въ колясқѣ; но это будетъ для нее безпокойно. Чѣмъ больше будете вы брать лошадей, тѣмъ путь вашъ будетъ медленнѣе: ибо лѣтомъ вездѣ не безъ затрудненія.

Въ послѣднемъ письмѣ твоемъ ты говоришь о головныхъ твоихъ боляхъ. Это новость; я думалъ, что онѣ совсѣмъ прошли. Возьми съ собою наставленія и рецепты отъ Мерца и привези также тотъ послѣдній рецептъ, который данъ тебѣ отъ Позе въ Великопольѣ. Здѣсь, впрочемъ, есть изрядной медикъ; есть даже и свой Рожерсонъ; но онъ употребляется только въ самыхъ важныхъ случаяхъ.

Если ты еще увидишься съ Салинькою, то не выпросишь-ли у нее *Gisborne's familiar survey of the Christian Religion?* Мы читали ее съ тобою въ Великопольѣ; но я хотѣлъ бы ее у себя имѣть для справокъ объ исторіи Іудейской, которая въ ней изложена довольно подробно. Кстати объ Англинскихъ книгахъ, не признаешь-ли ты удобнѣйшимъ перенесть на Гисборна то порученіе, которое предполагалъ я сдѣлать Белію? Можетъ быть, это будетъ для тебя удобнѣе потому, что къ Салинькѣ ты всегда можешь писать безъ церемоній; возьми, на всякій случай, ея адресъ.

Прощай, моя милая, Христосъ съ тобою.

28.

Пенза 15 Мая 1817.

Напрасно, моя милая Елисавета, ты такъ много безпокоишься объ отсрочкѣ твоего путешествія. Когда спорилъ я съ необходимостію? — а здѣсь она очевидна. Успокой и Марью Карловну. Я прошу у васъ только двухъ вещей. 1, Чтобъ вы отправились не позже двухъ недѣль спустя по кончинѣ кроткаго страдальца. Двѣ недѣли достаточно, чтобъ ознакомить Софью Ивановну съ сею разлукою. Она же остается не одна; двѣ дочери равно ею любимыя будутъ съ нею неразлучны. Отсутствіе Марьи Карловны не сдѣлаетъ для нее новой горести: ибо оно предвидѣно и опредѣлено. Для самой Марьи Карловны и для дѣтей ея полезно будетъ удалиться отъ сцены горести, коей пособить нельзя. 2, Чтобъ ты положительно и благовременно увѣдомила меня о днѣ твоего отъѣдза. Безъ сего, невозможно мнѣ будетъ выслать къ вамъ нарочнаго въ Рязань; а безъ нарочнаго, вы можете много потерпѣть въ дорогѣ, и даже не застать меня въ Пензѣ: ибо я долженъ на сихъ дняхъ отправиться для обозрѣнія губерніи по разнымъ ея округамъ. Мнѣ хочется обозрѣніе сіе кончить прежде вашего прибытія, чтобъ

потомъ уже быть съ вами неразлучнымъ. Съ сими двумя условіями, я не назначаю уже ни дня, ни мѣсяца: сіе зависить будетъ отъ послѣдняго удара слабо біющагося пульса.

Впрочемъ, знаешь-ли, что въ семъ происшествіи я нахожу для тебя истинную пользу? Сіи важныя и, можно сказать, торжественныя явленія бытія человѣческаго весьма поучительны. Они пролагаютъ мыслямъ нашимъ слѣдъ въ таинственную страну вѣчности, пріучаютъ ихъ пускаться въ другой міръ, входить въ другую связь вещей и тѣмъ самымъ расширяютъ кругъ ихъ дѣйствія: а сіе расширеніе есть начало истинной мудрости. Ибо неизмѣримость нашего бытія есть коренная и существенная истина, на коей всѣ здравыя понятія о человѣкѣ должны быть основаны. Симъ опредѣляется истинная цѣна сей *молніи-жизни;* на семъ утверждаются лучшія наши надежды; симъ пріобрѣтается сей кроткій и вмѣстѣ смѣлый, властелинскій взглядъ на все окружающее насъ узорочное ничтожество; симъ укрѣпляется чувство истинной свободы чадъ Божіихъ, кои могутъ умереть, но не исчезнуть, перемѣнить одежду бытія, но не утратить бытія. Истины сіи, извѣстныя всѣмъ въ теоріи, однимъ опытомъ вырѣзываются въ душѣ неизгладимо и соединяются съ самымъ составомъ нашихъ мыслей.

Поблагодари Сонюшку за письмо ея и успокой также, какъ и Марью Карловну. Прощай, моя милая; Христосъ съ тобою.

P. S. Сейчасъ прекрасное и умное письмо отъ милой моей Лизы отъ 4-го Мая. По слабому движенію жизни умирающаго праведника я долженъ заключать, что къ 10-му Мая все кончится и слѣдовательно двѣ недѣли спустя, около 25-го или къ концу Мая, вы непремѣнно отправитесь. Вѣрьте мнѣ, что тутъ нѣтъ нетерпѣливости. Для Маріи Карловны и даже для Софьи Ивановны полезно разлучиться. Въ большихъ горестяхъ весьма нужно перемѣнять ихъ предметы. Малая разлука уменьшитъ горесть большой.

29.

Пенза 22 Мая 1817.

И такъ всё кончено; и въ срединѣ Іюня вы точно въ пути. Все дѣло состоитъ въ томъ, чтобъ за двѣ недѣли до вашего отъѣзда я имѣлъ отъ тебя, моя милая Елисавета, увѣдомленіе о днѣ, въ который вы пуститесь въ дорогу. Я уже писалъ къ тебѣ, какъ сіе для собственнаго вашего покоя нужно; впрочемъ одна недѣля, позже или ранѣе, не дѣлаетъ большой разности, лишь бы знать мнѣ съ достовѣрностію день вашего отправленія. Жаль, что вы будете въ пути въ самое жаркое время. Надобно чаще останавливаться и не жалѣть воды; день стоять, а ночью продолжать дорогу, хоть шагомъ.

Время здѣсь великолѣпное. Я жалѣю и боюсь, чтобъ все не отцвѣло и не пожелтѣло до вашего сюда прибытія.

Францъ Ивановичъ (*) дѣйствительно страненъ, что не появился среди происшествій столь интересныхъ; но онъ родился и умретъ страннымъ. Все происходитъ отъ тяжкой его болѣзни, а совсѣмъ не отъ свойствъ его душевныхъ.

Прощай, моя милая, я такъ много долженъ былъ писать съ сею почтою по службѣ, что чуть рука движется. Христосъ съ тобою.

(*) Цейеръ.

30.

Пенза 28 Мая 1817.

Быть по сему, моя милая Елисавета. 15-е Іюня есть послѣдній срокъ, съ коего ожидать тебя буду; ни ранѣе, ни позже. Я приму сей срокъ основою всѣхъ моихъ распоряженій.

Жерве напрасно пожалѣлъ денегъ на библіотеку; лучше разъ завести, нежели непрестанно дополнять. Издержка же сія насъ не разоритъ; и безъ ларца твоего дѣло здѣсь обойдется. Я бы желалъ, чтобъ и Англинская твоя библіотека была также устроена по плану, который я тебѣ предназначилъ. Общество умныхъ мертвецовъ я всегда предпочту сей толпѣ глупыхъ полумертвыхъ, съ коими необходимо должно жить. Жизнь мысли есть истинная жизнь; все прочее походитъ болѣе на ночныя грезы.

Одно утѣшеніе въ растройствѣ дѣлъ добраго семейства, въ коемъ ты теперь живешь, есть то, что разстройство сіе издалека было предвидѣно и опредѣлено. Какъ трудно отвыкать отъ разсѣянности и какъ выгодно и благоразумно пріучать себя благовременно къ уединенію и независимости. Дѣти найдутъ себѣ путь трудами; о нихъ жалѣть нечего; Софья Ивановна также все перенесетъ. Марья Карловна съ дѣтьми болѣе всѣхъ теряетъ; но отъ нее зависитъ испытать нашу дружбу; а мы конечно для нее ничего не пожалѣемъ. Сонюшка всѣхъ болѣе можетъ пострадать; но я надѣюсь, что и она не останется безъ помощи. Вы худо понимаете Жерве; онъ способенъ къ жертвамъ всякаго рода, но не спѣшитъ выставлять себя впередъ.

По обороту, который дѣла принимаютъ, можетъ быть М. Карловна расположится прожить здѣсь и зиму. Я буду сему радъ, и увѣренъ, что и дѣти ея въ наукахъ ничего здѣсь не потеряютъ.

Прощай, моя милая; еще одно письмо на удачу и болѣе писать къ тебѣ уже не буду. Христосъ съ тобою.

31.

Пенза 12-го Іюня 1817.

Еще одно письмо къ Лизѣ на удачу, и это уже послѣднее. Какъ не вѣрить мнѣ положительному твоему обѣщанію отправиться 15-го Іюня? Я такъ давно сего желаю. И такъ, добро пожаловать; все здѣсь у меня готово; а готовѣе всего мое сердце.

Бѣдная Софья Ивановна!—Мнѣ давно казалось (и у меня было какое-то предчувствіе), что все сіе семейство слишкомъ много видѣло въ жизни своей радостей, или лучше сказать слишкомъ удачно умѣло изъ всего дѣлать себѣ радости; къ нимъ счастіе такъ пристало, какъ къ тебѣ сѣренькое платье; а кого любитъ Богъ, того и наказуетъ. Впрочемъ, я твердо увѣренъ, что наказаніе не будетъ тяжко: ибо они переносятъ его съ покорностію и терпѣніемъ.

Прощай, моя милая; мнѣ такъ близко кажется свиданіе съ тобою, что уже и писать не хочется. Жаль уменьшить предметы разговоровъ. На двѣ недѣли предаю уши и вниманіе мое въ полную твою волю. Прощай. Христосъ съ тобою.

32.

Пенза 20 Іюня 1817.

Поздравляю тебя, моя милая Елисавета, и любезныхъ твоихъ сопутницъ съ приближеніемъ къ предѣлу вашего пути. Еще пять, шесть дней, и ты дома.

Не ожидай меня себѣ на встрѣчу. Разныя дѣла удержали меня въ городѣ. И такъ, съ Богомъ, мое милое дитя, продолжай твой путь. Я надѣюсь, что ты уже за чертою всѣхъ за-

и безпокойствъ. Петръ Петровичъ (1) имѣетъ самыя подробныя наставленія беречь тебя и успокоить. Онъ имѣетъ и деньги, еслибы тебѣ ихъ недоставало. Береги впрочемъ сама себя; лучше дня два-три пріѣхать позже, нежели слишкомъ безпокоиться. За станцію или за двѣ пришли ко мнѣ нарочнаго, чтобъ я могъ тебя хотя близъ города встрѣтить, если время дозволитъ. Прощай, моя милая, теперь-то уже кажется вѣрно до свиданія. Je baise les deux mains à votre ange tutélaire (2).

33.

Пенза 1-го Октября 1818.

Какая пустота, любезная моя Елисавета, съ тѣхъ поръ, какъ вы уѣхали. Вотъ двѣ недѣли уже минуло, а я не имѣлъ еще духу сойти внизъ и быть въ вашихъ комнатахъ. Съ лѣтами, кажется, я становлюся малодушенъ.

Съ прошедшею почтою я къ тебѣ не писалъ, полагая, что вы еще въ дорогѣ. Письмà изъ Москвы ожидаю отъ тебя съ будущею почтою. Между тѣмъ получилъ я весьма пріятное и дружеское письмо отъ графа Кочубея. Одно изъ первыхъ вашихъ посѣщеній вы должны сдѣлать Натальѣ Кириловнѣ (3), а если она по болѣзни не принимаетъ, то графинѣ Кочубей. (4) Я увѣренъ, что вы приняты будете со всѣмъ возможнымъ благопріятствомъ.

Новаго у насъ ничего нѣтъ. Время стоитъ прекрасное. Прощай. Душевно тебя обнимаю; Христосъ съ тобою.

Разъ навсегда кланяйся всѣмъ; само собою разумѣется, что когда я пишу къ тебѣ, то пишу и къ милой твоей маменькѣ Марьѣ Карловнѣ. Всѣ васъ здѣсь вспоминаютъ сердечно и дружески; а всѣхъ болѣе тетушка.

34.

Пенза 8-го Октября 1818.

Сейчасъ письмо отъ любезной моей Елисаветы изъ Москвы. Теперь я покойнѣе. Какъ ни худа дорога между столицъ, всё она менѣе представляетъ опасностей. Болѣе всего я боялся, чтобъ экипажи ваши вамъ не измѣнили. Вообще путешествіе по Россіи есть сущая пытка, и много пройдетъ еще времени прежде, нежели сдѣлается оно сноснымъ. Урокъ тѣмъ, кои мѣряютъ образованіе народовъ по блеску ихъ столицъ. Скажи Марьѣ Карловнѣ, что очаровательная сила Мерленя (5) съ отсутствіемъ ея ослабѣла. Волшебный замокъ пустѣетъ. Едва свѣтится тусклая лампада въ углу третьяго этажа.

Новаго у насъ ничего нѣтъ. Катинька тебѣ кланяется; она недавно возвратилась изъ деревни. Дѣло ея ни на волосъ не подвинулось впередъ. Дядюшка (6) отправился въ Саратовъ. Александра Алексѣвна купила наконецъ деревню за сто верстъ отсюда. Она тамъ проведетъ осень; а на зиму собирается въ Петербургъ.

Пиши, моя милая, обо всемъ сколь можно болѣе и подробнѣе. Самыя бездѣлки твои для меня занимательны. Мнѣ много худаго пишутъ о Масальботъ

(1) Петръ Петровичъ Поповъ, колежскій ассессоръ, управлялъ Новгородскимъ имѣніемъ Сперанскаго Великопольемъ. Онъ былъ дядею Петра Григорьевича Масальскаго.

(2) Т. е. цѣлую обѣ руки твоего ангела-хранителя.

(3) Загряжской, теткѣ и воспитательницѣ графини Кочубей.

(4) Графинѣ Марьѣ Васильевнѣ, урожденной Васильчиковой.

(5) Этимъ именемъ стараго волшебника названъ здѣсь, безъ сомнѣнія, кто нибудь изъ Пензенскихъ жителей, близкихъ къ дому Сперанскаго.

(6) Дядюшкою Сперанскій называлъ Григорья Даниловича Столыпина, бывшаго Пензенскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства.

скомъ; но я не вѣрю. Съ Магницкимъ будь осторожнѣе: ибо и въ Петербургѣ поведеніе его не одобряютъ. Пріѣздъ твой вѣрно произведетъ толки. Старайся разрушить ихъ, увѣряя, что въ концѣ зимы или въ началѣ весны ты сюда возвратишься, хотя, впрочемъ, между нами, дѣло не совсѣмъ невѣроятное, что мы зимою будемъ вмѣстѣ. Прощай, моя милая. Христосъ съ тобою.

N. B. Не пиши превозходительству, но превосходительству.

35.

Пенза 15-го Окт. 1818.

Что дѣлаетъ моя любезная Елисавета?—вопросъ, который повторяю я себѣ ежедневно. Пройдетъ еще почта, и я не буду имѣть твоихъ писемъ. Во все сіе время я долженъ жить догадкою и дополнять неизвѣстность твоего положенія однимъ воображеніемъ. Я воображаю, напримѣръ, что ты встаешь довольно рано. Жаль, что по образу твоей жизни утренніе часы должны расточаться на пустые разговоры; знаю, сколь трудно перемѣнить сіе; но увѣренъ, что если ты захочешь: то всегда найдешь способъ на нѣсколько минутъ уединиться и посвятить ихъ молитвѣ. Молитва, другъ мой, есть въ самомъ истинномъ и простомъ смыслѣ дѣйствительная пища души. Магическая ея сила въ нѣсколько минутъ укрѣпляетъ духъ на цѣлый день. Но это манна, которую необходимо каждый день по утру собирать должно. Ее нельзя заготовить впередъ на два дни. Примѣть, что и въ Библіи манна точно означаетъ въ собственномъ смыслѣ молитву. Кто читаетъ восточныя книги, не зная и не ища въ нихъ восточнаго слога: тотъ весьма ошибается. Читай иногда Библію; а особливо псалмы на Англинскомъ языкѣ.

Новаго у насъ ничего нѣтъ. Обрадуй Марью Карловну извѣстіемъ, что M-me Вигель (*) наконецъ прибыла на зиму въ городъ и поселилась у себя—гдѣ же?—въ банѣ.

Прощай, моя милая, Христосъ съ тобою.

P. S. Не забудь съ первою почтою доставить мнѣ вѣрный адресъ того дома, гдѣ вы живете, дабы я могъ иногда писать къ тебѣ прямо.

36.

Пенза 21-го Окт. 1818.

Я такъ много писалъ съ нынѣшнею почтою, что едва успѣваю сказать тебѣ нѣсколько словъ, моя любезная Елисавета. Писемъ отъ тебя еще нѣтъ; ожидаю ихъ съ почтою, которая придетъ только завтра; время вдругъ сдѣлалось весьма холодно и почти зима. Прощай, моя милая; душевно тебя обнимаю. Христосъ съ тобой.

37.

Пенза 29 Окт. 1818.

Первое письмо моей Елисаветы изъ Петербурга; съ сего времени начнется опять письменная наша бесѣда, и Богу одному извѣстно, долго-ли продолжится, скоро-ли превратится она опять въ разговоры. Письмо твое предо мною и я буду отвѣчать въ порядкѣ твоихъ мыслей.

Замѣчаніе твоего о Магницкомъ весьма справедливо; но глупо бы было бояться того, чего нельзя исправить. Я предвидѣлъ всѣ послѣдствія его нескромныхъ восторговъ, все отраженіе, какое слова его могутъ имѣть на мое поведеніе; но что дѣлать? Онъ давно пересталъ меня слушать. Въ слабой

(*) Вѣроятно, мать извѣстнаго автора Записокъ.

его головѣ совѣты мои потеряли всю силу съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ счастіе лишило ихъ очарованія. Съ тѣхъ поръ онъ сталъ умнѣе, а я предъ нимъ глупѣе. Это одно даетъ точную мѣру разсудительной его силы. Впрочемъ должно быть справедливымъ; я забавлялся, игралъ нѣкогда умомъ его; теперь должно платить за сіи игрушки. Надѣюсь, однако же, что плата будетъ довольно сносна: ибо съ меня никому почти взять нечего. Но чтобы не упрекнуть себя ни въ чемъ, я рѣшился приложить здѣсь небольшую къ нему записочку: ты отдашь ее ему при первомъ свиданіи; тутъ ни слова о тебѣ. Это отвѣтъ на письмо его ко мнѣ. Я бы желалъ, чтобъ вы распорядились какъ можно рѣже его видѣть; когда же принимать его необходимо, то избѣгать съ нимъ разговоровъ. Нѣмецкій твой языкъ и сообщество Сонюшки всегда можетъ дать тебѣ къ сему способы и приличіе.

Рыцарю твоему или невольнику, къ сожалѣнію, никакъ и ни въ чемъ не могу я пособить. Да и какъ пособить отсюда? Впрочемъ и тебѣ не совѣтую много тутъ заботиться: ибо вещи сего рода сто разъ сами собою могутъ поправиться. Несправедливости же, рѣзкія въ одномъ семействѣ, исчезаютъ въ миліонахъ: ибо въ самомъ дѣлѣ ихъ считаютъ миліонами.

И такъ вы скоро будете пѣть съ Сонюшкою дуэты. Весьма радъ и если ей надобно учителя, то не дозволяю ей имѣть его иначе, какъ на мой счетъ. Она обязана мнѣ сдѣлать сіе удовольствіе. Ради Бога не оставляй пѣнія: ибо на сто музыкантовъ едва найдешь одну пѣвицу. Тебѣ же и стыдно оставить сіе упражненіе послѣ толикихъ усилій—и дозволь себѣ сказать — успѣховъ.

Я получилъ прекрасное письмо отъ Вѣры Яковлевны на русскомъ; большая мастерица.

У насъ новаго ничего нѣтъ. Балы наши еще не начались; да и что мнѣ до баловъ, когда нѣтъ моей волшебницы? Театръ нашъ сдѣлалъ сущее пріобрѣтеніе въ актерѣ изъ Петербургскаго театра Супруновѣ. Это чудо. Я долго не понималъ, какъ съ нимъ разстались—объяснилось тѣмъ, что онъ пьетъ запоемъ. Но когда не пьянъ, играетъ прекрасно. Я былъ два раза —но болѣе, вѣроятно, и для него уже не поѣду, тѣмъ болѣе, что это пойдетъ и безъ меня и даже и безъ васъ, хотя Гладковъ воспоминаетъ о васъ *съ нѣжностію* и ложа оставлена пустою. Благодари Марью Карловну за виноградъ, который на сихъ дняхъ на ея имя получилъ я изъ Астрахани. Прекрасный виноградъ; мы дѣлимъ его съ тетушкою. Я опять у нихъ на пенсіи: ибо внизу еще не бывалъ и быть не могу до зимы.

Прощай, моя милая. Кланяйся милой мамѣ и Сонюшкѣ.

Вотъ письмо изъ Англіи. Постарайся отвѣчать и послать шаль. Оно вѣрно получено чрезъ Белія.

NB. найти, а не найтти.

PS. Письмо къ Магницкому отлагаю до слѣдующей почты въ ожиданіи дальнѣйшихъ извѣстій.

38.

Пенза 5 Ноября 1818.

Письма мои къ тебѣ, любезная Елисавета, суть не что другое какъ варіаціи на разныя темы, кои я нахожу въ твоихъ.

Весьма радъ, что пріемъ твой въ семействѣ графини Кочубей былъ столь пріятенъ. Графиня есть прекраснѣйшее моральное женское существо, какое только удавалось мнѣ знать.

Весьма бы мнѣ желалось, чтобъ ты видѣла ее какъ можно чаще, и сіе единственно и дѣйствительно только для тебя, для лучшаго раскрытія предъ тобою разныхъ сценъ, разныхъ характеровъ жизни: ибо познаніе свѣта и разума человѣческаго образуется соединеніемъ и наблюденіемъ всѣхъ сихъ разностей. Въ одномъ кругѣ нельзя сдѣлать сего соображенія: ибо характеры и образъ жизни одного круга людей обыкновенно бываетъ почти одинаковъ. Доброе знакомство есть сущая находка: ибо добродѣтели и любезныя свойства однихъ мирятъ насъ съ другими; они составляютъ истинную отраду, противовѣсіе зла, преизобилующаго въ мірѣ. Молодая графиня ([1]), я думаю, просто боязлива и застѣнчива; сіе нерѣдко встрѣчается въ самыхъ обширныхъ обществахъ.

О музыкѣ. Сегодня я видѣлъ у тетушки ([2]) Ecole de piano par Adam, ([3]) redigé par ordre du Conservatoire, 3 vol. Тутъ есть основательныя замѣчанія. Не унижая твоего знанія, я думаю полезно бы было тебѣ ее прочитать; разумѣется не покупая: ибо тебѣ надобно только пробѣжать со вниманіемъ. Вильде ([4]) очень ее хвалитъ. Весьма радъ, что ты встрѣтилась со мною, взявъ учителя пѣнія. Цѣль науки, мнѣ кажется, состоитъ въ томъ, чтобъ дать голосу столько же вѣрности и свободы въ изображеніи мыслей, сколько имѣютъ руки на инструментѣ; а голосъ можетъ и долженъ имѣть его еще болѣе. Тогда ты будешь въ состояніи независимости. Вообще во всякой наукѣ надобно добираться до того, чтобъ мыслить и самому изображать свои мысли. Чтó стихотворецъ, который умѣетъ только читать стихи чужіе? Чтó за стихотворецъ, напримѣръ, я? дѣло другое ты. Вотъ для чего мнѣ всегда хотѣлось, чтобъ ты получила понятіе о генералъ-басѣ; но о семъ лучше посовѣтуйся съ Цейнеромъ. Можетъ быть не время еще развлекаться столь многими предметами — а италіанскій языкъ?

О Жоржѣ ты увидишь мое мнѣніе въ письмѣ Марьи Карловны; но въ особенности тебѣ я долженъ замѣтить, что часто заботливость молодыхъ студентовъ происходитъ отъ причинъ весьма простыхъ. Отъ застѣнчивости, которая именно въ сихъ лѣтахъ начинается и часто бываетъ сильнѣе въ мальчикахъ, нежели въ дѣвушкахъ, особливо въ обществѣ, гдѣ они хотятъ нравиться. Чаще еще сей заботливой видъ происходитъ отъ маленькихъ долговъ, въ коихъ признаться стыдно. —Въ семъ послѣднемъ случаѣ ни тебѣ, ни матери онъ никакъ не признается. Надобно употребить къ сему Сонюшку. Мудрено, если двѣ дѣвицы не успѣютъ провести и вывѣдать одного мальчика. Вывѣдавъ же, тотчасъ надобно изъ своихъ денегъ тебѣ или Сонюшкѣ заплатить и заплативъ сказать Марьѣ Карловнѣ, объявивъ ей строгое отъ меня запрещеніе показывать ему малѣйшій видъ неудовольствія: ибо симъ сдѣлается онъ только скрытнѣе.

Между тѣмъ необходимо должно завести тебѣ установленное правило давать имъ обѣимъ отъ меня *чрезъ Сонюшку* карманныхъ денегъ: Жоржѣ

([1]) Графиня Наталья Викторовна Кочубей, впослѣдствіи бывшая въ замужствѣ за графомъ А. Г. Строгановымъ.

([2]) У Натальи Алексѣевны Столыпиной, жены Григорья Даниловича Столыпина.

([3]) Извѣстный, въ то время, въ Петербургѣ учитель музыки.

([4]) Густавъ Григорьевичъ Вильде, получившій образованіе въ Дерптскомъ университетѣ, былъ домашнимъ учителемъ у Г. Д. Столыпина; онъ имѣлъ талантъ къ музыкѣ, вслѣдствіе чего сблизился съ Сперанскимъ и былъ имъ опредѣленъ на службу.

(sic) по 15 р., а Белли по 10 р. въ мѣсяцъ. Это совершенно необходимо, и всѣ возраженія Марьи Карловны опровергаются тутъ самымъ опытомъ. Это есть единственное средство отвлечь ихъ отъ мелкихъ долговъ, кои для дѣтей весьма бываютъ вредны и тягостны. Привѣты мои для Кавелина ([1]) не нужны; онъ и безъ того ко мнѣ привязанъ—но на сихъ дняхъ напишу, чтобъ исполнить твое приказаніе.........

Магницкій смѣшонъ съ своими декламаціями противъ провинціи. Онъ сдѣлалъ важное открытіе, а именно то, что въ Россіи есть разныя степени образованія и что въ Симбирскѣ, среди татаръ и мордвы, нравы не такъ мягки, понятія не такъ тонки, какъ въ Петербургѣ: и пустясь проповѣдывать сіи глубокія истины, онъ самъ дивится усиліямъ своего разума. А жена ему вторитъ, en véritable bourgeoise-gentilhomme ([2]), считаетъ обязанностію все презирать, что̀ не въ столицѣ—какъ будто въ самомъ дѣлѣ она когда нибудь живала въ добромъ обществѣ. Тутъ все нарушено: вкусъ, благопристойность, разборчивость, самое чувство справедливости. Но оставимъ ихъ въ покоѣ; слѣдуй только правилу обхожденія, въ предъидущемъ письмѣ замѣченному и отвязывай себя отъ нихъ, сколько можешь, и какъ можешь. Переспорить тебѣ Магницкаго нельзя; но не худо разъ и положительно ему замѣтить, что образъ его мыслей и ложенъ и вреденъ, и тебѣ и мнѣ совершенно непріятенъ. Послѣ сего останется замолчать и сколь можно рѣже его видѣть. Вообще однако же не дозволяй никому и никогда предъ тобою смѣяться надъ cara patria, не означивъ, что это тебѣ огорчительно и неблагопристойно. Сей совѣтъ почти излишенъ; ибо ты и безъ него къ ней пристрастна. Кстати о Магницкомъ; я раздумалъ къ нему писать и поручилъ научить его Столыпину. Что принадлежитъ до ихъ съ тобою скрытности: то это происходитъ отъ того, что и сами они ничего обо мнѣ не знаютъ. Цейеръ чрезъ графа Кочубея знаетъ немножко болѣе; но я знаю болѣе его изъ писемъ ко мнѣ доходящихъ—все же сіе знаніе вмѣстѣ взятое составляетъ одну и туже самую вѣроятность, которую мы имѣли здѣсь, разставаясь съ тобою—не болѣе и не менѣе.—Но эта неизвѣстность никакъ меня не безпокоитъ: ибо и то, что́ въ ней есть худшаго, можетъ намъ доставить образъ жизни покойный и пріятный, какъ скоро денежныя дѣла мои рѣшатся; а они непремѣнно рѣшатся къ Февралю, къ Марту или по крайней мѣрѣ къ Маю мѣсяцу. Я получилъ здѣсь, между нами, весьма ласковое и дружеское письмо отъ графа Аракчеева, писанное имъ на моемъ столѣ изъ Великополья. Продажа вѣрная и выгодная. Домъ тоже съ рукъ сходитъ; слѣдовательно мы безъ долговъ и съ независимымъ доходомъ; а независимость есть единое благо, коего намъ недоставало; все прочее, по милости Божіей, я имѣю: Лиза, здоровье и друзья какъ твоя мама ([*]). Чего же болѣе? По истинѣ никогда не можемъ мы довольно благодарить Бога.

Прощай, моя милая, Христосъ съ тобою. Не пишу Сонюшкѣ на прекрасное письмо ея съ сею почтою; скажи ей, что бездѣлки, привезенныя ей тобою, имѣютъ ту только цѣну, что они шли отъ сердца.

([1]) Дмитрія Александровича Кавелина директора Педагогическаго Института.

([2]) Какъ настоящая мѣщанка во дворянствѣ.

([*]) Подъ этимъ разумѣется здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ, М. К. Вейкардтъ.

Errata.

Воскресенье мы обѣдали. Въ воскресенье. Сія погрѣшность часто повторяется—на вопросъ когда? всегда на нашемъ языкѣ ставится предлогъ; это свойство его особенное отъ всѣхъ другихъ.

Не пиши *h* вмѣсто *х*.

У Нат. Кириловнѣ вмѣсто *ы;* общая ошибка всѣхъ женщинъ въ Россіи; не могутъ понять, что родительный падежъ не есть дательный и что *тебя* не есть *тебѣ*.

При самомъ отправленіи письма пришла почта и принесла мнѣ длинное и слѣдовательно прекрасное письмо твое отъ 24-го Окт. Съ удовольствіемъ на будущей недѣлѣ съ тобою подробно побесѣдую; теперь же коснусь слегка нужнѣйшаго:

1, Весьма умно распорядилась ты съ деревьями, и можетъ-ли Лиза сдѣлать что-нибудь худо? Вездѣ умъ и особливо здравый, зрѣлый разсудокъ.

2, Пенсіонъ за Анюту (*) я или пришлю, или скажу тебѣ, гдѣ получить деньги.

3, Вотъ письмо къ Кавелину.

Прощай моя милая.

Вторникъ. 2 часа по полудни.

P. S. 4, Хотя продажу дома и все его управленіе поручилъ я Лазареву, который въ Декабрѣ въ Петербургъ явится: тѣмъ не менѣе благодаренъ буду К. К. (**) за его попеченія, если онъ отыщетъ желающаго.

39.

Пенза 12-го Ноября 1818.

Твой волюмъ, любезная Елисавета, прочиталъ я столь же легко и удобно, какъ читаютъ самые плавные и текучіе стихи. Съ минувшею почтою я уже отвѣчалъ тебѣ на нѣкоторыя статьи; теперь слѣдуютъ подробности.

По согласію мыслей твоихъ съ моими мнѣ остается почти только пожелать чего-либо, чтобъ и считать уже исполненнымъ. Какимъ образомъ двое часовъ на такомъ разстояніи могутъ итти столь согласно? Отъ того, что добрый смыслъ и въ Пензѣ и въ Петербургѣ движется по однимъ законамъ. Разборчивость и чувство приличій (convenance) и въ формѣ Лизы и въ моей, одинаковы. Я разумѣю сіе о поведеніи твоемъ съ Магницкими и всѣми ему подобными. Цейеръ, не взирая на внѣшній видъ, во многомъ существенномъ съ ними не согласенъ; такъ по крайней мѣрѣ долженъ я заключить по его письмамъ.

Угадай, какимъ образомъ умѣлъ я открыть для себя весьма пріятное чувство въ поступкѣ твоемъ съ деревьями. Это сущая бездѣлица; но она доказываетъ мнѣ во первыхъ довѣренность твою и надежду; во вторыхъ утѣшительно мнѣ видѣть, или лучше сказать, воображать, что Лиза уже не ребенокъ и распоряжаетъ хозяйствомъ. Мнѣ такъ наскучило быть одному хозяиномъ, такъ непріятно все дѣлать, какъ бы для себя.

Нитки, коими по выраженію твоему сшиваютъ мысли, и въ маломъ и въ большомъ свѣтѣ одни; все бѣлыя. Разность только въ манерѣ, и когда разъузнаешь сію манеру: то сама удивишься, какъ это просто. Впрочемъ я увѣренъ, что ты, какъ добрая швея и ученица Беллы, нигдѣ не испортишь Чувство приличія есть даръ; и кто его имѣетъ: тотъ имѣетъ общій ключъ ко всѣмъ возможнымъ обществамъ.

(*) Воспитанницу Маріанны Злобиной, вышедшую потомъ за г. Имберха

(**) Карлу Карловичу Амбургеру.

Кстати о Беллѣ; я точно пришлю ея пенсіонъ (ошибкою я принялъ его за пенсіонъ Анюты); но не помню, сколько.

Если бы ты не была ingatable: то я бы имѣлъ причину безпокоиться пріемомъ твоимъ въ домѣ друзей нашихъ. Тутъ надобно только остеречься одного: не слишкомъ хвалить Пензенское твое житье, чтобъ не подумали, что настоящее тебѣ не нравится. Разумѣется не слишкомъ хвалить въ домашнемъ быту; съ Врончeнками же и ему подобными превозноси хоть до небесъ.

И такъ мнѣ не нужно писать къ Кюммелю?—тѣмъ лучше; мы выберемъ другаго.

Къ Жерве на сихъ дняхъ или лучше сказать вскорѣ по отъѣздѣ твоемъ я писалъ длинное письмо, чтобъ представить ему нѣкоторое утѣшеніе въ будущемъ.

Не могу безъ смѣху представить тебя въ толпѣ нѣмецкихъ богачей. Весь этотъ народъ очень не ловокъ, и напримѣръ не уродъ-ли тотъ, кто могъ подивиться, что русская говоритъ по-нѣмецки тогда, когда во всей Европѣ мы славимся (слава впрочемъ не завидная) знаніемъ и чистымъ выговоромъ всѣхъ языковъ.

Видѣлась-ли ты съ Салинькой и съ Кремеромъ? Если нѣтъ: то увидься, ибо это старые друзья. Исторія M-me Fischer тутъ не дѣлаетъ никакой почти разницы.

Въ послѣднемъ письмѣ ничего не нахожу я о Цейнерѣ. Надѣюсь, что онъ уже при тебѣ и въ полномъ дѣйствіи. Прощай, моя милая. Господь съ тобою.

Errata.

1, О сил*ы* и превосходствѣ.—О сил*ѣ*. Родительный вмѣсто предложнаго. Общая погрѣшность.

2, Говоритъ о вашемъ возвращеніи, какъ *о нѣчто* самомъ вѣрномъ—нѣчто склоняется: ибо говорятъ нечего, нечему и проч. Должно бы было сказать *о нѣчемъ*; но это неупотребительно; а посему и должно замѣнять другимъ словомъ какъ напримѣръ: *о вещи*, *о произшествіи*.

3, Въ ссылкѣ-ли вы, въ милост*ь*—въ милост*и* и сверхъ того прибавить *ли*, *въ милости-ли*.

Итого 3. въ цѣломъ волюмѣ. Много-ли?

Вотъ еще четвертая; но тутъ надобно мой педантской глазъ, чтобъ усмотрѣть, и впрочемъ изъ десяти вашей братьи-стихотворцевъ девять вѣрно сію погрѣшность дѣлаютъ: что *не* говори—что *ни* говори.—Подобно сему надобно писать и произносить: что бы то ни было, какъ бы ни смѣялись; что ни будь, какъ ни будь и проч.

P.S. Съ Линквистомъ я хоть не коротко, но знакомъ: это другъ Магницкаго; но онъ вмѣстъ и своякъ (beau-frère) Кавелину. Сей послѣдній обидится и почтетъ недовѣрчивостію, если я буду писать къ его подчиненному. Всего бы лучше познакомиться съ M-me Кавелинъ; она нѣкогда была Англичанкою; мнѣ кума и довольно пріятная женщина.

40.

Пенза 19 Ноября 1818.

Такъ точно, моя любезная Елисавета, это старость; не ищи другой причины. Старость заставляетъ тебя безпокоиться въ ожиданіи почты; я самъ по себѣ это знаю. Не отъ старости-ли и лакированная твоя гремушка теряетъ свои прелести и воображеніе твое туманитъ окружаю-

щіе тебя предметы? Тонкимъ твоимъ изъясненіемъ ты ничего не прибавила къ первому счастливому слову; оно одно все изъясняетъ. Одну еще догадку могъ бы я къ сему присоединить, а именно ту, что чувство дружбы и соединенная съ нею заботливость, такъ какъ и всѣ нравственныя чувства растутъ и углубляются въ душѣ съ лѣтами. Впрочемъ ты живешь въ замкѣ очарованномъ, гдѣ заботы сего рода становятся прилипчивы и составляютъ первую нужду, первый припадокъ сердца.

Я радъ, что рыцарь твой принимается за умъ; ему должно выгодно жениться; но для сего онъ непремѣнно долженъ отправиться въ Москву и какъ можно скорѣе: ибо время летитъ, а особливо для отставныхъ полковниковъ.

Сейчасъ почта и отъ тебя письмо. Отвѣчать на него не успѣю; но пишу къ Жоржѣ. Знаете-ли вы, что письмо его прекрасно—прекрасно не по слогу, хотя и слогъ довольно хорошъ и лучше, нежели я думалъ; но прекрасно по его чувствамъ и совершенно справедливо. На сихъ только дняхъ я получилъ съ другой стороны о семъ пенсіонѣ вѣрныя свѣдѣнія. Надобно стараться какъ нибудь протянуть до Мая. Если въ теченіи сего времени я и не буду въ Петербургѣ (а вѣроятно, что буду): то въ Маѣ вмѣстѣ съ вами возьму его сюда. Я здѣсь найду, при его охотѣ, болѣе способовъ окончить его науки, нежели въ пенсіонѣ. Впрочемъ и на сіи пять мѣсяцевъ, кои остаются до Мая, указываю я ему способы, какъ вознаградить недостатки ихъ ученія. Пишу еще разъ и къ Кавелину *sans compromettre George s'entend en rien.* (*)

(*) Разумѣется, отнюдь не ставя Жоржа въ неловкое положеніе.

Вообще тутъ бѣды нѣтъ и Марья Карловна напрасно безпокоится. Хотя ученіе ихъ идетъ и не быстро, но по всему видно, что идетъ и время еще не ушло. Въ годъ можно всё вознаградить и окончить. Прощай, моя милая. Христосъ съ тобою.

Новой моей внучкѣ Нинетѣ посылаю дѣдушкино благословеніе *и не вмѣстѣ со всѣми.*

Пишу къ Цейеру, чтобъ онъ досталъ для Жоржа нѣкоторыя книги.

Не могу не замѣтить, что рука твоя часъ отъ часу дѣлается тверже и лучше. Не оставляй сей доброй привычки.

P. S. *Errata. Нынѣче.* Хотя и говорятъ въ просторѣчіи, но должно и говорить и писать *нынѣ.*

Рѣшенно, чтобъ—говорятъ: дѣло рѣшённое, судьба рѣшённая; но когда нѣтъ существительнаго: тогда говорятъ и пишутъ *рѣшено.* И того 2.

41.

Пенза 26 Ноября 1818.

Наконецъ почта исправилась; вчера я получилъ письмо твое, любезная моя Елисавета, отъ 15-го Ноября, ровно чрезъ десять дней, и сегодня могу отвѣчать.

Нѣсколько словъ еще о Жоржѣ. Ничто не попрепятствуетъ взять его изъ пенсіона къ Маю мѣсяцу, буду ли я въ Петербургѣ, или нѣтъ. Онъ ничего не потеряетъ. Мнѣніе Уварова не можетъ имѣть на судьбу его никакого значительнаго вліянія. Впрочемъ, что пенсіонъ не такъ хорошъ, какъ прежде думали, это правда; но чтобы онъ былъ худъ, чтобъ дѣти теряли въ немъ свое время, это совершенно не правда. Дѣти рьяные и прилежные обыкновенно по сродной

лѣтамъ ихъ нетерпѣливости хотятъ видѣть, какъ трава ростетъ, хотятъ счесть свои успѣхи днями и часами; это невозможно. Множество есть познаній, раскрывающихся не тогда, какъ имъ учатъ, но годъ спустя. Я помню самъ сіи нетерпѣливости. Въ расчетъ Жоржа нельзя также ее не примѣтить; это прекрасный знакъ, но никакъ не должно изъяснять его буквально: это гіерографъ будущихъ успѣховъ. Слѣдовательно Марья Карловна даже и въ настоящемъ положеніи не имѣетъ никакихъ причинъ безпокоиться. Самое письмо Жоржа доказываетъ, что умъ его образуется и зрѣетъ.

Одно изъ фортепіанъ я продалъ угадай кому?—Марѳѣ Ефимовнѣ Чемесовой—она беретъ уроки у какого-то пріѣзжаго Нѣмца и занимается съ великимъ прилежаніемъ. Цѣна 1200 р. Другіе также надѣюсь продать. Покупка Англинскаго инструмента необходима. Придумай только чрезъ кого удобнѣе выписать и чего будетъ стоить. Не можно-ли чрезъ Гисборна, а если нѣтъ: то чрезъ Бруна, коего Марья Карловна знаетъ. Я напишу къ нему; но постарайся узнать, какъ его зовутъ по русски: ибо онъ не говоритъ по-французски. Не короче-ли всего употребить къ сему Баума: ибо надобно же его къ чему-нибудь употребить. Деньги я пришлю вѣрно въ Генварѣ мѣсяцѣ. Узнай только примѣрно цѣну. Инструментъ долженъ быть Бродвудовъ (Brodwoods) или Клементіевъ; первые хвалятъ болѣе. Поговори съ Цейнеромъ и подробно мнѣ напиши: впрочемъ само собою разумѣется, что онъ долженъ быть доставленъ съ первыми кораблями, то есть въ Апрѣлѣ или въ Маѣ.

Ксати о деньгахъ. Изъ счета твоэго я вижу, что дорога вамъ стоитъ около 1500 р. слѣдовательно должно оставаться около 1500 р.; въ Генварѣ, а если нужно то и ранѣе я еще пришлю вамъ столько же. Надобно, чтобъ у васъ деньги всегда были впереди. Ты ничего не сказала мнѣ, что стоятъ въ мѣсяцъ учители и по скольку платится за билетъ. Желалъ бы я знать, что именно ты поешь: ибо одни дуэты не достаточны; это можетъ тебя остановить, но не много подвинетъ.

Ларецъ твой дѣйствительно проданъ. Ты спрашиваешь, кому принадлежатъ деньги — натурально — мнѣ; первое по праву сильнаго, а второе потому, что и ты моя.

Поведеніе Цейера съ Магницкимъ имѣетъ совсѣмъ другое основаніе. Онъ, Цейеръ, вообразилъ себѣ, что ему можно и должно исправлять крутой нравъ Магницкаго. Послѣдствія показали ему его ошибку и изъ послѣдняго письма его я вижу и раскаяніе его и вмѣстѣ разрывъ. Надѣюсь, что симъ положенъ будетъ конецъ и я желалъ-бы, чтобъ вы установили между ими сіе различіе, чтобъ одного т. е. Цейера принимать, какъ стараго пріятеля; а другаго или совсѣмъ не принимать, или быть осторожными.

Что говоритъ ваша комедія; какова Наташа?

Поздравляю съ добрымъ климатомъ; надѣюсь, что болѣзнь Сонюшки давно уже прошла.

Прощай, моя милая; душевно тебя обнимаю. Христосъ съ тобою.

PS. Вообрази, что по сіе время у насъ еще не танцуютъ. Вотъ каково безъ Лизы.

42.

Пенза 3 Декабря 1818.

Слава Богу! почта въ порядкѣ и я могу сегодня отвѣчать любезной моей

Елисаветѣ на письмо вчера полученное. Въ немъ одинъ недостатокъ: коротко. — Надѣюсь, что когда роль Наташи кончится, ты очутишься опять Елисаветою и будешь ко мнѣ писать не въ почтовый день, по нѣсколько прежде, въ теченіи недѣли. Вообще у всѣхъ и въ томъ числѣ у меня есть дурная привычка отлагать письма до почты; а тутъ именно какъ нарочно встрѣтятся какіе-нибудь недосуги, заболитъ голова, и хоть чувства тѣ-же, но выраженіе ихъ совсѣмъ не тоже.

Ты много говоришь по англински. Но съ кѣмъ? — О романахъ ты знаешь мои мысли; по моему мнѣнію всѣ хорошіе и безвредные романы можно прочитать въ двѣ недѣли. По крайней мѣрѣ должно читать одни романы писанные женщинами: ибо я весьма посредственнаго мнѣнія о разборчивости (délicatesse) Англинскихъ романистовъ нашего пола. Они слишкомъ любятъ Гогартовы сцены; а Гогарта не всякому смотрѣть можно. Лучшее въ Англинской нынѣшней литературѣ суть стихи и путешествія. Неужели ты не видалась еще съ Салинькою? — у нее должны быть Англинскія книги.

Твой переводъ Калейдоскопа конечно уступаетъ подлиннику; но имѣетъ свои достоинства; я его немножко поправлю и со временемъ тебѣ возвращу. Вотъ еще стихи. Мнѣ кажется я подрядился ставить ихъ изъ Пензы въ Петербургъ. Ты знаешь ихъ источникъ. Мнѣ скучно черпать одному и любоваться чѣмъ нибудь безъ тебя.

Застала-ли, ты, слыхала-ли славную пѣвицу Сесси, о коей вчера я читалъ статью въ газетахъ?

Вчера въ воскресенье у насъ былъ первый балъ нынѣшнею зимою — и у кого же? у Кожиной. По счастью три дни сряду я былъ занятъ, сказался нездоровымъ и не былъ. По обыкновенію танцовали мазурку: Анненковъ съ Чемезовою, и недавно пріѣхавшій сюда молодой графъ Велегурскій съ Кривскою—и прочіе строевые наши плясуны. Собраніе откроется не прежде 10-го или 15-го Декабря. Вотъ что дѣлаетъ отсутствіе Лизы.

Скажи Марьѣ Карловнѣ, что по ея приказу Нѣмецкій мой языкъ идетъ прекрасно и лучше, нежели я думалъ. Половина Библіи уже окончена; съ симъ запасомъ приступилъ я къ Мюллеру Allgemeine Geschichte и первую часть оканчиваю. Каждый день лексиконъ становится менѣе нуженъ и часто на пяти страницахъ онъ лежитъ уже спокойно. Къ новому году надѣюсь быть въ независимости, то есть читать и разумѣть съ удовольствіемъ и незнакомое опредѣлять по смыслу. Мнѣ право кажется, что и у меня мозговыя фибры сохнутъ и утончаются, какъ у тебя. — Правда, что я перемѣнилъ образъ жизни; встаю очень рано, занимаюсь почти всегда однимъ, обѣдаю дома и всегда одинъ; а чтобъ доставить себѣ еще болѣе свободы и менѣе имѣть скучныхъ развлеченій: то сказался нездоровымъ и сижу дома, исключая небольшой, обыкновенной прогулки. Рекрутскій наборъ сдалъ на руки дядюшкѣ и весьма ему благодаренъ. И такъ есть секретъ жить сносно безъ Лизы и безъ Марьи Карловны.—Сносно; но безъ удовольствія и пріятности.

Прощай, моя милая; Христосъ съ тобою.

43.

Пенза 10-го Декабря 1818.

Разсужденіе твое, моя любезная Елисавета, о благодарности весьма спра-

ведливо. Это есть чувство, а не размышленіе. Должно жалѣть о людяхъ лишенныхъ сего чувства, точно такъ какъ о глухихъ и о нѣмыхъ. Впрочемъ я не отношу сего къ Магницкому. Мы уже его слишкомъ строго осудили; мнѣ уже и жаль его; но ни въ комъ и никогда отчаяваться не должно. Оставимъ его въ покоѣ: ибо одинъ Богъ знаетъ глубины душевныя. Довольно, если мы поставимъ себя въ осторожности и въ независимости. Никогда повредить онъ намъ существенно не можетъ. Лучше всего о немъ замолчать: ибо итти далѣе, было бы вредить ему, а сіе не можетъ быть ни въ твоемъ сердцѣ, ни въ моихъ правилахъ.

Весьма понимаю, моя милая, всѣ трудности твоего положенія. Объ Италіанскомъ я намекнулъ безъ расчета твоего времени. Но генеральный басъ оставить была бы трусость, тебѣ не сродная. Гдѣ же и показать тебѣ храбрость твою, какъ не здѣсь? Генеральный басъ! это почти какъ Наполеонъ, достойной тебя непріятель. Упрекъ Цейнера для меня весьма обязателенъ; я увѣренъ теперь, что ты съ нимъ сдѣлаешь большіе успѣхи.

Знаешь-ли, что я весьма радъ, что комедія (*) ваша кончилась. Это такъ много отнимаетъ времени и сверхъ того это нѣчто столь нарядное. Одинъ разъ можно; но не болѣе. По счастью общество было однихъ короткихъ пріятелей; иначе я пожалѣлъ бы о твоихъ успѣхахъ, хотя всегда въ нихъ былъ увѣренъ. О князѣ Шаховскомъ я держусь смѣло мнѣнія Врончевки. Онъ не Моліеръ въ существѣ комедіи, въ выборѣ и выраженіи характеровъ; но стихи его лучше, свободнѣе, и тонъ вообще лучше, нежели во всѣхъ нашихъ прежнихъ комедіяхъ. Весьма любопытно мнѣ знать твое мнѣніе о Семеновой и вообще о нашемъ театрѣ.

Третьяго дни дядюшка сдѣлался нечаянно боленъ; доктора потеряли голову, а Мерленъ вылѣчилъ — самою простою ванною. Скажи Марьѣ Карловнѣ, чтобъ она никакъ не пускалась быть больною безъ меня. Пусть подождетъ до Мая.

Городъ нашъ всё еще пустъ; даже въ Николинъ день не было ничего значительнаго. Араповы и Кишинскіе сегодня только переселяются.

Прощай, моя милая, Господь съ тобою.

P. S. Не пиши ко мнѣ политическихъ слуховъ; они и иначе могутъ доходить ко мнѣ. Дѣло другое о слухахъ собственно до меня принадлежащихъ. Утѣшься; на 4-хъ страницахъ одна только ошибк*а*. у Салинкѣ вмѣсто у Салинк*и*.

44.

Пенза 17 Декабря 1818.

Wie schön ist es und herrlich, Hand in Hand
Mit einem theuern, vielgeliebten Sohne
(Tochter)
Der Jugend Rosenbahn zurück zu eilen,
Des Lebens Traum noch einmal durchzuträumen!

Don Karlos.

Тебѣ, любезная моя Елисавета, по всей справедливости принадлежатъ всѣ мои успѣхи. На прошедшей недѣлѣ я прочиталъ Донъ Карлоса сперва *на черно*; теперь читаю *на бѣло* и съ удовольствіемъ. На будущей недѣлѣ можетъ быть успѣю прислать тебѣ подробную рецензію или лучше сказать отчетъ въ мысляхъ моихъ при семъ чтеніи. Но сдѣлай милость, не учись по турецки, ни по татарски; ты меня замучишь, если мнѣ вездѣ за тобою слѣдовать должно. И нѣмец-

(*) Домашній спектакль у гр Кочубеевъ, въ которомъ она принимала участіе.

кій твой языкъ мнѣ довольно дорого стоитъ. Были дни, въ кои я сидѣлъ за нимъ часовъ по 12-ти; c' est une rage (*). Нѣтъ ничего лучше въ нѣкоторыхъ случаяхъ, какъ заупрямиться; мнѣ же всегда нужно заняться чѣмъ нибудь весьма труднымъ, чтобъ отбить отъ себя приливъ мыслей и воспоминаній. Скажи Марьѣ Карловнѣ — въ первый разъ въ жизни она умѣла дать доброй совѣтъ. И впрочемъ принять совѣтъ и исполнить, болѣе дѣлаетъ чести, нежели его дать и слѣдовательно выгода всё на моей же сторонѣ.

Въ прошедшій четвергъ у насъ былъ первый балъ въ собраніи; а въ воскресенье у Араповыхъ; я не былъ ни не томъ, ни на другомъ; у обѣдни со всѣми видѣлся; всѣ тебѣ и Марьѣ Карловнѣ кланяются. Монастырка Ермолаева въ томъ числѣ; она похудѣла, но не подурнѣла и это ей довольно идетъ, а мать ея стала еще моложе: эта женщина кончитъ тѣмъ, что превратится въ прекраснаго ребенка.

Сейчасъ письмо съ почты отъ 5-го Дек. Нѣтъ, моя милая, мнѣ никакъ нельзя взять сюда Жоржа прежде Мая. Какъ можно мнѣ на сіе рѣшиться въ нерѣшимости собственной судьбы моей, въ неизвѣстности, останусь-ли я здѣсь и сколько останусь? Сія неизвѣстность въ Генв. вѣрно кончится и тогда ни мало не медля открою переписку о переводѣ его сюда. Можетъ быть это сбудется еще и прежде Мая; можетъ быть онъ отправится сюда въ Февралѣ или Мартѣ; но это можетъ быть, а Май положительно, если я здѣсь останусь.

Не помню писалъ ли я къ тебѣ, что домъ нашъ почти уже проданъ и съ мебелями разумѣется и съ зеркалами, за $^{56}/_{т.}$ р. Слѣдовательно на сей разъ хозяйственный твой распорядокъ опоздалъ. Къ тому же зеркала не деревья; они существенно принадлежатъ къ дому и его убираютъ. Ты вѣрно нашла его въ ужасномъ положеніи. Какъ-бы то ни было: онъ запроданъ чрезъ того же Масальскаго, который и былъ причиною его разстройки; одно другимъ поправляется. Если бы впрочемъ по полученіи сего письма нашлося, что онъ не проданъ: то призови къ себѣ Масальскаго и узнай подробно, на чемъ это остановилось. Продажа поручена отъ меня не ему, но Лазаревыхъ управителю; Масальскій пріискалъ только выгоднаго покупщика. Если бы паче чаянія нашлось, что отъ $^{56}/_{т.}$ отступили: то я согласенъ буду принять предложеніе и Паглиновскаго, лишь бы сбыть съ рукъ сей разоренный и разорительный домъ

Прощай, моя милая; Христосъ съ тобою.

Errata. На сей разъ одна только ошибка; но за то важная. Никакъ нельзя сказать *вынуть* изъ пенсіона кого-либо. Вынимаютъ платокъ изъ кармана, серьгу изъ ушка у дѣвушки, нитки изъ ларчика, вино изъ погреба; но людей изъ пенсіона *берутъ*, а не вынимаютъ. Ихъ можно *взять*, но не вынуть. Вообще вынуть можно только руками или какимъ-нибудь орудіемъ. Я знаю только одинъ примѣръ: вынуть изъ петли — grace! grace! — Богъ тебя проститъ.

45.

Пенза 24-го Декабря 1818.

Поздравляю тебя, любезная моя Елисавета, со днемъ Рождества Христова. Желаю тебѣ всѣхъ возможныхъ радостей, изъ коихъ первая и наилучшая безъ сомнѣнія есть чистота души и невинность сердца. Дай Богъ, чтобъ сею радостію не преставала ты

(*) До неистовства.

никогда наслаждаться. При ней все ясно; безъ неё ничто не веселитъ.

Весьма благодаренъ за хозяйственныя твои попеченія о домѣ. Ты не могла и не должна была иначе думать и расположить сіе дѣло. Но надобно положить срокъ. Если къ концу Генваря или къ 15-му Февраля не найдется другаго покупщика: то разрѣши Масальскаго совершить условленную имъ продажу. Ибо легко быть можетъ, что, ожидая бо̀льшаго, мы упустимъ сходное, а сіе весьма меня опечалитъ: ибо, подумай, домъ сей семь лѣтъ уже продается, и я долженъ платить проценты. Въ предупрежденіе вопросовъ разрѣшаю тебя согласиться и на то, если бы часть денегъ предложили въ видѣ долга подъ залогъ того же самаго дома. Надобно только чтобъ 50/т. были наличныя; ибо деньги сіи нужны на уплату долга Баташевой, безъ чего и купчей крѣпости совершить нельзя. Впрочемъ что бы ни говорили, а я Масальскимъ все продолжаю быть доволенъ. Вообрази, что Магницкій увѣрялъ меня, что онъ нашелъ домъ въ совершенномъ разстройствѣ. Я ничего ему не отвѣчалъ, принявъ правиломъ ничего къ нему не писать. Сіе останется однако же между нами: ибо я не хочу его еще болѣе ссорить съ Масальскимъ: они и безъ того уже все почти между собою грызутся.

Не могу я перемѣнить ничего въ судьбѣ Жоржа и по послѣднему письму его. Я нахожу большое неудобство держать его въ домѣ. Въ вашемъ обществѣ онъ и остальное позабудетъ. Но если Марья Карловна думаетъ иначе: то можетъ его взять и держать у себя до Мая.

Чрезъ день или два отправляется отсюда братъ Катиньки. Она просила дать ему письмо. По сему онъ и явится съ письмомъ къ Марьѣ Карловнѣ. Это глупой и тупой мальчикъ, не имѣющій даже и гусарскихъ достоинствъ, кромѣ того, что умѣетъ пить. Я думаю, онъ васъ не обременитъ собою: ибо не найдетъ толку въ вашемъ обществѣ. Мнѣ помнится, я обѣщалъ тебѣ рецензію на Донъ Карлоса; не посылаю её не по недостатку мыслей, но по недостатку времени. Между тѣмъ я прочиталъ жизнь Шиллера. Не худо быть знакомымъ съ авторами; это вводитъ и поясняетъ духъ ихъ твореній. Продолжаю читать Мюллера, а на будущей недѣлѣ нападу на Марію Стюартъ. Мнѣ отмѣнно нравятся новыя области моего завоеванія. Но это бездѣлки; цѣль же моя настоящая есть ихъ философія. Съ горестію, но безъ зависти, предвижу, что тамъ, въ ихъ лунѣ, найду я и свою скляночку.

Прощай, моя милая. Христосъ съ тобою.

Не пиши пожалуй по англински, или лучше сказать по шотландски,— рѣшетками. Мнѣ трудно разбирать, а я люблю читать письма твои безъ труда и съ удовольствіемъ.

Попроси Жерве нынѣ же приступить къ выпискѣ форте-піано. Деньги я тотчасъ пришлю; но что̀ стоитъ его фортепіано? Для чего бы не употребить на сіе Баума? Жерве виситъ всегда на ниточкѣ по своему здоровью; вы кажется о семъ не мыслите; но онъ каждый день утромъ можетъ васъ оставить; такого свойства его болѣзни. Писать въ Англію можно просто чрезъ Кремера; и еще простѣе по почтѣ. Ты помнишь надпись: M-r Planta. Esq-r. British Museum. London.

Если продожа дома совершится удачно и ты найдешь приличнымъ подарить что нибудь К. К., то сдѣлай сіе, посовѣтовавшись съ Марьею Карловною.

P. S. Давать новой довѣренности К. К. совсѣмъ не нужно. Есть моя довѣренность у управителя г-дъ Лазаревыхъ Клопова, къ коему я сегодня же и писалъ, чтобъ по требованію К. К. совершилъ купчую, какъ скоро цѣна будетъ превышать ту, которую давалъ продавецъ Масальскаго. $^{75}/_{т.}$ есть цѣна прекрасная; а $^{80}/_{т.}$ есть цѣна чудесная, и изъ нее непремѣнно должно удѣлить К. К. пять тысячъ или сколько ты найдешь нужнымъ. Тоже можно сдѣлать даже и изъ $^{75}/_{т.}$ р.

46.

Пенза 31-го Декабря 1818.

Поздравляю тебя, любезная моя Елисавета, съ новымъ годомъ, и со днемъ моего рожденія. Еслибъ не было тебя: то день сей былъ бы для меня, по истинѣ, днемъ печали и горестныхъ воспоминаній.

Вчера я получилъ письмо твое отъ 19 Декабря. Не жалѣй о моемъ уединеніи; я стараюсь сдѣлать его полезнымъ для будущаго; и впрочемъ для меня прискорбно худое, принужденное общество, а уединеніе никогда, думаю, не будетъ мнѣ скучно. Важное пріобрѣтеніе въ жизни умѣть жить съ самимъ собою; я же и не совсѣмъ одинъ. Новое общество, въ которое я вошелъ или лучше сказать насильно вторгнулся, меня веселитъ и занимаетъ. Читаю Мессіаду, оканчиваю вторую пѣснь. Ищу трудностей, о коихъ такъ много мнѣ твердили, и нахожу одни прекрасныя, великолѣпныя картины. Идеалъ его не есть тотъ, къ коему я привыкъ; онъ слишкомъ чувственъ и, въ отношеніи его къ истинѣ, могъ бы быть смѣшонъ или уродливъ; но спустясь разъ въ его сферу и обозрѣвшись въ ней, признаюсь, это прекрасно. Не понимаю, почему Нѣмцы считаютъ Клопштока труднымъ— посмотримъ развѣ, что̀ будетъ далѣе.

И у насъ наконецъ начались танцы. Въ четвергъ танцуютъ въ собраніи; по воскресеньямъ у Араповыхъ; не такъ, говорятъ, живо какъ въ прошедшую зиму; однако же изрядно. Я вездѣ являюсь на минуту; но къ себѣ не принимаю, считая достаточнымъ и даже удобнѣйшимъ для нихъ жить безъ принужденія.

Я обѣщалъ тебѣ прислать денегъ, и они готовы; но какъ домъ вѣроятно на сихъ дняхъ будетъ проданъ, то и лишнее бы было пересылать деньги, что̀ довольно нынѣ стоитъ дорого. Впрочемъ если бы продажа замедлилась: то по первому слову деньги будутъ къ тебѣ отправлены.

Прощай, моя милая; Христосъ съ тобою.

47.

Пенза 7-го Генв. 1819.

Первое письмо въ настоящемъ году къ тебѣ, любезная моя Елисавета; дай Богъ какъ можно менѣе къ тебѣ писать и сколь можно болѣе тебя видѣть.

Благодаренъ тебѣ и Марьѣ Карловнѣ за попеченіе о Кузьмѣ. Отдайте его учителю, если онъ согласится содержать его у себя въ домѣ по крайней мѣрѣ нѣкоторое время. Родъ его болѣзни неизлѣчимъ. Я постараюсь пристроить его въ его отчизнѣ. Но весьма бы желалъ, чтобъ онъ остался въ Петербургѣ еще на мѣсяцъ или на два. Если же сіе невозможно: тогда пусть Петръ Григорьичъ отправитъ его къ матери во Владиміръ. Не пишу о семъ, къ Марьѣ Карловнѣ особенно потому что я въ большихъ хлопотахъ по дворянскимъ здѣсь выборамъ и окруженъ толпою людей; едва нахожу свободу и къ тебѣ писать. Толпа сія въ теченіи настоящей недѣли разсѣется, и мы будемъ жить по прежнему.

Вчера былъ маскерадъ для инвалидовъ. Множество нарядовъ. Дядюшка счелъ на четырехъ повязкахъ на сто тысячь бриліантовъ. Разумѣется, что это были Хрущевы и Араповы. Лихая Ховрина не пустила свою дочь и сама не пріѣхала. Хорошенькая Ермолаева выходитъ за дурнаго Бахметева, коего впрочемъ вы не знаете. За Хрущову сватается тотъ гусаръ Рѣткинъ, коего вы, думаю, у нихъ видѣли, и дѣло идетъ довольно близко. Вотъ вамъ всѣ наши новости. Прощай, моя милая, Христосъ съ тобою.

Для чего не пришлешь ты мнѣ адреса (вѣрнаго) именно того дома, гдѣ вы живете?

48.

Пенза 14-го Генв. 1819.

Предваряю тебя, любезная моя Елисавета, что если въ теченіи сего мѣсяца ты не пришлешь ко мнѣ курьера, чтобъ я явился къ тебѣ въ Петербургъ: то 1-го Февраля отправлю я на тебя жалобу Государю и буду просить отпуска на 4 мѣсяца. Въ самомъ дѣлѣ, я на сіе рѣшился. Не думаю, чтобъ мнѣ отказали и такимъ образомъ въ Мартѣ я буду въ Петербургѣ, а далѣе что Богъ дастъ. Дѣлъ у меня здѣсь никакихъ нѣтъ; все передѣлано и высочайше ввѣренная мнѣ губернія весьма легко теперь можетъ итти и безъ меня. Если необходимо должно будетъ сюда возвратиться: то мы возвратимся лѣтомъ всѣ вмѣстѣ. Такимъ образомъ и положеніе Жоржа устроится само собою.

Выборы наши кончились. Но веселье и балы еще продолжаются. Третьяго дня я давалъ обѣдъ дворянству по билетамъ на 127 человѣкъ. Обрадуй Марью Карловну: въ обоихъ залахъ накрыты были большіе столы и, что всего важнѣе, столъ въ мраморной залѣ на 40 человѣкъ покрытъ былъ одною скатертью во всю его длину; я удивился собственному нашему въ семъ родѣ богатству. Сегодня дворянство даетъ мнѣ балъ въ дворянскомъ собраніи. Связи мои здѣсь утвердились, и не совѣтую никому меня здѣсь злословить. Дядюшка* по совѣту моему остался еще на три года здѣсь предводителемъ. Это его не разстроитъ: ибо онъ свободно можетъ жить нѣсколько мѣсяцевъ въ Москвѣ. Расчетъ сей ему самому впослѣдствіи понравился, тѣмъ болѣе, что дворянство въ самомъ дѣлѣ оказало ему всѣ возможные знаки вниманія и довѣрія.

Аркадій Алексѣичъ пишетъ ко мнѣ, что вы съ нимъ совсѣмъ раззнакомились. Онъ не довольно знаетъ Марью Карловну, чтобъ ее понимать. Я оставляю все *in statu quo* до времени. При свиданіи мы лучше разберемъ, какъ и до какой степени можно будетъ вести сіе знакомство. Между тѣмъ будь къ нему ласкова.

Графъ Кочубей пишетъ, что онъ и жена его весьма желали бы видѣть васъ въ ихъ обществѣ сколь можно чаще. И я бы сего желалъ по разнымъ причинамъ и особенно лично для тебя; но не знаю, до какой степени можно сообразить сіе съ вашимъ положеніемъ и образомъ жизни. Я знаю, что Марья Карловна не пойдетъ на сіе слишкомъ охотно; она не только тебя любитъ, но и ревнуетъ. Впрочемъ графъ Кочубей очень хвалитъ и дивится твоему образованію.

Какъ я радъ, что генеральный твой басъ, не смотря на всю гордость его, начинаетъ смиряться предъ тобою. Я увѣренъ, что онъ принужденъ будетъ

---

* Подъ этимъ родственнымъ титуломъ разумѣется здѣсь и ниже Аѳанасій Алексѣевичъ Столыпинъ, котораго и отецъ и дочь привыкли такъ между собою называть.

покориться: ибо сила терпѣнія во всѣхъ случаяхъ непреоборима.

Прощай, моя милая; Христосъ съ тобою.

Не посылаю тебѣ примѣчаній на Донъ Карлоса. Между тѣмъ, какъ я собирался ихъ писать, встрѣтилъ я въ томъ же Шиллерѣ цѣлые 12 писемъ возраженій и оправданій. Такъ-то сіи господа обыкновенно похищаютъ мои мысли и печатаютъ ихъ прежде нежели я ихъ напишу. Въ Клопштокѣ никакъ не могъ я окончить третьей пѣсни. Скука смертельная.

49.

Пенза 21 Генв. 1819.

Весьма благоразумно, любезная моя Елисавета, вздумала ты облегчить твою маминьку. Съ будущею почтою я непремѣнно пришлю къ тебѣ $^{3}/_{т.}$ р. Ты получишь ихъ еще прежде 16-го Февр. Если же паче чаянія домъ будетъ проданъ прежде сего времени: то изъ первыхъ денегъ тотчасъ сдѣлай сей подарокъ. Мнѣ огорчительно только то, что она здѣсь о семъ не открылась и мучила себя столь долго безъ нужды. Мнѣ помнится, я даже ее спрашивалъ; но ничего не узналъ.

Намѣреніе мое твердо. Съ будущею почтою или по крайней мѣрѣ чрезъ почту, если до того времени ничего не рѣшится, я прошусь въ отпускъ. Вѣроятно получу его въ концѣ Февраля и слѣдовательно въ половинѣ Марта ровно чрезъ 7-мь лѣтъ я въ Петербургѣ и съ тобою. Впрочемъ мнѣ трудно повѣрить, чтобъ до того времени ничто не рѣшилось; всѣ извѣстія, мною получаемыя, увѣряютъ меня въ противномъ.

Ради Бога не пропусти форте-піано, выписанныхъ Краузе. Деньги у меня всегда готовы. Я не знаю почему, но мнѣ хочется кончить сію заботу.

Бѣдная Елисавета Карловна! Это было бы чудо, еслибъ дѣти ея были здоровы. Сложеніе, здоровье есть вещь наслѣдственная, и вотъ о чемъ именно мало заботятся въ связяхъ брачныхъ; а это весьма существенно. Грѣшно предъ Богомъ населять землю страждущими существами!

Разсужденія твои о литературѣ нашей справедливы; но мнѣ горько думать, что она осуждена всегда на игрушки. Мнѣ кажется, недостатокъ силы происходитъ отъ ея младенчества. Съ возрастомъ придетъ и сила. Для легкой шутки надобенъ только умъ; но для сильныхъ произведеній потребно размышленіе и сила воображенія, возбужденная и управляемая классическими образцами. А у насъ именно сего-то и недостаетъ. Авторы, тобою приводимые, суть не что иное, какъ остроумная неучь. Я ихъ помню. Самъ Крыловъ есть порядочный невѣжда. Впрочемъ есть невѣжество генія и невѣжество остроумія; первое мы видимъ въ Шекспирѣ и другихъ великанахъ; а другое въ мелкихъ французскихъ и русскихъ писателяхъ.

И у насъ были балы. Балъ, данный мнѣ дворянствомъ, былъ и многолюденъ и великолѣпенъ. Домъ Собранія былъ освѣщенъ, и всѣ окрестности его горѣли; въ портикѣ транспарантъ: ***Мих. Мих. Сперанскому.*** Ужинъ на 250 человѣкъ. Эта шутка стоитъ дворянству около $^{7}/_{т.}$ р. Третьяго дня давалъ (*) балъ всему городу дядюшка; не столько многолюдно: ибо уже большая часть дворянства разъѣхалась; но живо и весело. На сихъ дняхъ Араповы по внушенію моему даютъ спектакль въ пользу бѣдныхъ въ дворянскомъ собраніи. Играетъ

(*) Также въ домѣ Собранія. С.

Елисавета Арапова, Зыкова и проч. и проч. Піеса: Воздушные Замки. Не подумай впрочемъ, чтобъ все сіе меня веселило. Совсѣмъ нѣтъ. Это служба, которую я переношу безъ огорченія—но переношу, а не забавляюсь. По множеству причинъ ни умъ, ни сердце не могутъ тутъ принять участія.

Письмо Натальи Петровны я отдалъ дядюшкѣ. Съ будущею почтою непремѣнно пришлю отвѣтъ. Между тѣмъ скажи ей отъ меня тысячу вещей

Прощай, моя милая; Христосъ съ тобою.

50.

Пенза 28 Генв. 1819

Неужели ты не знаешь, моя Елисавета, что Смирновъ есть пустой разкащикъ небылицъ? Болѣзнь моя не что была другое, какъ скука посѣщенія его и желаніе какъ можно скорѣе отъ него отвязаться. Правда, что я недѣль шесть не выѣзжалъ; но этому причиною были нѣмецкія книги и упрямство, съ коимъ я за нихъ принялся. Прибавь къ сему, что сей родъ жизни всегда имѣлъ для меня особенную пріятность. И куда мнѣ выѣзжать? — Ты знаешь, сколь тяжки для меня обѣды. Но былъ-ли я дѣйствительно боленъ, когда каждый день ходилъ пѣшкомъ часа по два? Я былъ нездоровъ съ недѣлю или двѣ обыкновенными моими почти ничтожными припадками. Сіе подало мнѣ мысль и предлогъ уединиться и продолжить сей образъ бытія. Ему единственнно обязанъ я успѣхами моими въ нѣмецкой грамотѣ. Странно, что я долженъ оправдываться предъ тобою въ сей небылицѣ точно, какъ въ винѣ. Будь спокойна и успокой твою маминьку (*); напротивъ я открылъ новый секретъ быть здоровымъ, а именно обѣдать всегда дома и ѣсть губернаторскую кашицу. Съ этимъ секретомъ я не вижу даже и причины когда либо умереть, развѣ по глупости. Въ самомъ дѣлѣ здоровье мое еще болѣе укрѣпляется.

. . . .

....Я читаю много и ничего не читаю кромѣ книгъ нѣмецкихъ. Мнѣ кажется, я понимаю даже и характеристическую особенность ихъ генія; но не пущаюсь еще въ сужденія, доколѣ не окончу большую часть классиковъ. Вообще эта новая земля мнѣ весьма нравится; это настоящая Швейцарія; природа нѣсколька дикая. неопредѣленная, но изящная. Мнѣ кажется однакоже, не взирая на мнѣніе г-жи Сталь, есть средство помирить обѣ литературы: французскую и нѣмецкую, и размежевать ихъ такъ, чтобъ каждая имѣла свою собственность. Не можно, не должно даже и желать ихъ соединенія. Это двѣ школы: греческая и рыцарская; пусть они и останутся раздѣльными.

Скажи Марьѣ Карловнѣ, что она можетъ теперь исполнить свое желаніе, писать ко мнѣ по нѣмецки даже и нѣмецкими буквами. Съ помощію Вильде я научился разбирать сіи безобразныя козюльки. Совѣтую и тебѣ тоже сдѣлать: ибо странно знать языкъ и не умѣть прочитать письма. Эта работа довольно трудна и скучна; потому-то и нужно ее сколь можно скорѣе кончить. Писать сими буквами не совѣтую; это и скучно и не нужно.

Посылаю тебѣ съ сею же почтою въ особомъ пакетѣ на твое имя въ домъ Жерве (№ 122) пять тысячъ рублей, изъ коихъ три на подарокъ къ имянинамъ Марьи Карловны, а двѣ на твои расходы. По счастью я получилъ вчера свои арендные до-

(*) Т. е. М. К. Вейкардтъ.

ходы, и потому посылка сія нимало не затруднительна.

Я стою твердо въ томъ, чтобъ съ будущею почтою просить отпуска. Во всѣхъ случаяхъ это не испортитъ.

Прощай, моя милая; Христосъ съ тобою. Сегодня играютъ наши барышни комедію. У насъ нѣтъ еще ничего оффиціальнаго о траурѣ (*); а мнѣ жаль лишить бѣдныхъ, въ пользу коихъ дается сіе представленіе, довольно значительнаго сбора.

P. S. Не могъ безъ смѣху я читать выдумку Смирнова, будто я отправляюсь въ Крымъ. Онъ, думаю, съ ума сошелъ.

51.

Пенза 4-го Февр. 1819.

Маленькое твое письмецо, съ ячменемъ на глазу писанное, я получилъ, любезная моя Елисавета, и понеже надобно чѣмъ нибудь себя утѣшать, то утѣшаю себя тѣмъ, что неріятные сіи припадки по крайней мѣрѣ теперь уже разъ навсегда и совершенно будутъ излѣчены.

Большой мой шагъ сдѣланъ; письмо объ отпускѣ идетъ съ сею почтою чрезъ графа Вязмитинова. Скажи о семъ Цейеру, чтобъ онъ развѣдалъ о послѣдствіи, дабы ты могла заранѣе знать, когда мы свидимся. Одно можетъ послужить предлогомъ къ отказу, назначеніе меня въ областные начальники, какъ по слухамъ предпочитаютъ. Иначе могутъ протянуть; но отказать, кажется, не могутъ. Впрочемъ, рѣшась одинъ разъ, я буду просить сто разъ и неотступно.

Третьяго дня провелъ я здѣсь первый пріятный вечеръ послѣ разлуки съ вами. Играли двѣ маленькія комедіи и прекрасно; а между ними Вильде съ Савельевымъ играли *Concertante* и съ великимъ успѣхомъ. Удача и желаніе мое собрать симъ средствомъ нѣсколько болѣе денегъ для бѣдныхъ произвели самое лучшее дѣйствіе. На масляницѣ сбираются дать еще четыре спектакля. Всѣ заняты игрою, и во всѣхъ домахъ суетятся и толкуютъ о роляхъ и репетиціяхъ. Все лучше, нежели злословить.

Прощай, моя милая; Господь съ тобою.

(*) По королевѣ Виртембергской, Екатеринѣ Павловнѣ.

52.

Пенза 11 Февр. 1819.

Мысль съ тобою видѣться, любезная моя Елисавета, такъ мною овладѣла, что мнѣ кажется и писать уже къ тебѣ нечего. Для чего происшествія сего тяжелаго, грубаго, свинцоваго міра не летятъ, такъ какъ мое воображеніе? Еще двѣ или три вѣчныя недѣли я долженъ провесть между страхомъ и надеждою. Одно обстоятельство можетъ отложить сіи надежды; опредѣленіе меня въ окружные начальники. Я говорю отложить, но не уничтожить: ибо и я въ свою очередь умѣю быть упрямымъ; а очередь сія кажется пришла, или скоро придетъ. Помѣщеніе Магницкаго расширяетъ и мои крыля. Я весьма сему радъ и для него и для себя. Онъ лежалъ у меня, какъ камень на пути. Теперь камень сей сдвинули, положили на свое мѣсто, и онъ болѣе мнѣ не мѣшаетъ. Мы столкнулись съ нимъ какъ двѣ планеты въ одной точкѣ.

Zwei Gestirne, die im ganzen Lauf der Zeiten
Ein einzig Mal in scheitelreicher Bahn
Zerschmetternd sich berühren . . . . (*)

Сравненіе слишкомъ великолѣпно и я надѣюсь, что конецъ его къ намъ

(*) Двѣ планеты, которыя на пути, обильномъ столкновеніями, всего разъ во все теченіе временъ, разрушительно коснулись одна другой.

не отнесется: ибо я могу о немъ жалѣть, но всегда буду радоваться его счастію.

Надѣюсь, что болѣзнь Сонюшки уже прошла; по крайней мѣрѣ не имѣю я никакого опаснаго предчувствія.

Прощай, моя милая; Господь съ тобою.

53.

Пенза 18-го Февраля 1819.

Правда ли, любезная моя Елисавета, что еще двѣ-три недѣли, и мы съ тобою опять вмѣстѣ? Признаюсь, горько мнѣ будетъ въ семъ обмануться; лучше бы не надѣяться. Трудно мнѣ будетъ извинить обстоятельства: трудно, но не невозможно. Въ расчетѣ благоразумія я долженъ бы былъ теперь же готовиться къ отказу; но нещадный разумъ едва смѣетъ прикоснуться къ крыльямъ воображенія. И неумолимый смягчается!

Мысль нанять мнѣ двѣ-три комнаты въ томъ же домѣ, гдѣ вы живете, весьма основательна; но не прежде, какъ уже положительно вы узнаете. Впрочемъ я могу пристать и въ трактирѣ. Но какъ зовутъ тотъ домъ, гдѣ вы живете? Ты позабыла мнѣ написать имя хозяина и №.

Долгъ Марьи Карловны есть самая бездѣлица; и если я и не привезу: то вѣрно пришлю чрезъ мѣсяцъ.

Любопытно мнѣ будетъ съ будущею почтою читать исторію вступленія твоего въ новый міръ. Счастливый путь! Ты не много тутъ найдешь новаго. Тѣ же страсти и мелочи, только въ другомъ нарядѣ. Но надобно необходимо много видѣть разнообразнаго, чтобъ, все сравнивъ, ничему не дивиться и о всемъ судить здраво. По счастью ты начинаешь въ семъ другомъ свѣтѣ именно тѣмъ, чѣмъ другіе кончатъ: ибо домъ графини К. *) безъ сомнѣнія наилучшій.

*) Графини Кочубей.

У насъ на масляницѣ было два спектакля (разумѣется въ дворянской залѣ); актеры и актрисы тѣже, и успѣхъ почти одинаковъ. Балы, маскерады — какъ я радъ, что вся эта пустая суматоха кончилась. Твоя Катинька уѣхала съ матерью скучать въ Симбирскъ — на сихъ дняхъ возвратятся. Тамъ же скучаетъ Машенька Евреинова съ матерью. Елисавета Арапова вѣроятно выйдетъ за Петра Алексѣича Бекетова. Вотъ вамъ наши новости.

Прощай, моя милая; Христосъ съ тобою.

NB. не спыльчивый, а вспыльчивый. Отъ глагола вспыхнуть.

54.

Пенза 25 Февр. 1819.

Какъ я радъ, любезная моя Елисата, что маменька твоя сложила съ себя бремя, ее тяготившее. Отъ неё зависѣло давно его сбросить; но она не имѣла дольно духу, чтобъ преодолѣть ложную ея застѣнчивость. Какъ часто мы дѣлаемъ или продолжаемъ свои огорченія единственно по ложному расчету, по незнанію свойствъ тѣхъ людей, съ коими мы имѣемъ дѣло; не мнѣ впрочемъ упрекать ее; я дѣлалъ самъ тысячу подобныхъ сему ошибокъ по той же ложной деликатности.

Если воздушные ваши замки приведутъ васъ къ истиннымъ и положительнымъ: то я не буду жалѣть о затѣяхъ вашихъ; но если все сіе кончится ничѣмъ: то лучше бы не начинать.

Въ числѣ новостей ты позабыла мнѣ сказать самую интересную, а именно обѣдъ графини Кочубей. Въ предъидущемъ письмѣ ты оставила меня именно на семъ мѣстѣ. Впрочемъ, когда Богъ велитъ намъ видѣться, мы все сіе разберемъ и уложимъ.

Мысли мои такъ заняты симъ свиданіемъ, что мнѣ уже, кажется, и писать нечего. Прощай, моя милая; Христосъ съ тобою,

55.

Пенза 4-го Марта 1819.

Въ расчетахъ вѣроятностей я привыкъ, любезная моя Елисавета, назначать себѣ два срока; одинъ ближайшій, другой дальній. Срокъ первый, когда бы я могъ получить отпускъ, вчера уже минулъ; остается второй, и надежда, всегда изобрѣтательная, меня еще не оставляетъ. Когда ты положительно узнаешь, что отпускъ мнѣ данъ и приказъ отправленъ: тогда перестань писать: ибо я и трехъ дней здѣсь не пробуду, какъ скоро получу увольненіе.

Я получилъ письмо отъ твоей маминьки. Не стыдно-ли ей говорить благодарности? Попѣняй, что она такъ долго себя безъ причины мучила. Не могу ей простить сего иначе, какъ съ условіемъ, чтобъ впредь она исправилась.

Радъ, что ваша шумная масляница прошла безъ приключеній. Сегодня я на помолвкѣ. Елисавета Николаевна Арапова выходитъ за Петра Алексѣича Бекетова. Пара совершенная; она дѣвица умная, а онъ человѣкъ весьма честный и обстоятельный.

Дядюшка и тетушка со всѣмъ домомъ собираются въ Москву; то есть они отправятся первымъ весеннимъ путемъ.

Сейчасъ письмо отъ Могилянскаго*) изъ Кіева; онъ пишетъ, что отправляется въ Петербургъ; если онъ уже у тебя явился: то скажи ему, что вексель его здѣсь полученъ, и деньги взысканы. Обстоятельнѣе напишу къ нему съ будущею почтою.

*) Матвѣя Васильевича Могилянскаго, который былъ опредѣленъ Сперанскимъ на службу.

Прощай, моя милая; Христосъ съ тобою.

56.

Пенза 11-го Марта 1819.

Маленькое твое письмецо, любезная моя Елисавета, весьма глубоко меня тронуло. Я сдѣлалъ важную ошибку, предваривъ тебя о моемъ намѣреніи просить отпуска. По крайней мѣрѣ не было бы обманутой надежды. Всѣ горести мнѣ чувствительны только въ твоемъ сердцѣ. Впрочемъ отказа еще по сіе время нѣтъ, развѣ принять отказомъ молчаніе? Я дѣлаю еще усиліе. Пишу къ графу Аракчееву: ибо по разнымъ соображеніямъ предполагаю, что тутъ болѣе желаютъ отложить, нежели отказать. Если только отложить: то лѣто или зима, большой разности для меня не будетъ. Зима наша рушится, и чрезъ недѣлю мнѣ и отправиться въ путь уже будетъ невозможно. Должно будетъ по необходимости отложить до конца Апрѣля или до Мая. Но если рѣшительный отказъ: тогда по нѣкоторомъ соображеніи и конечно не позже, какъ въ теченіи лѣта, и я рѣшительный же сдѣлаю шагъ. Въ свое время напишу о семъ къ тебѣ подробнѣе. Между тѣмъ скажи А. А. Жерве (*), что я съ нынѣшнею же почтою отправляю настоятельное письмо къ графу Аракчееву.

Утѣшай болѣе всего твою маминьку. Ты найдешь въ себѣ болѣе твердости, нежели она. Я увѣренъ впрочемъ, что всё еще можетъ быть исправлено, и надежда свиданія возвратится. Между тѣмъ чрезъ почту или двѣ пришлю я и остальныя деньги для уплаты ея долга. Я ожидаю къ сему времени арендныхъ моихъ денегъ.

(*) Но скажи одному ему и не сказывай даже твоей маминькѣ. С.

Не унывай, моя милая; будь увѣрена, что во всѣхъ дѣлахъ страшны одни первыя впечатлѣнія. И впрочемъ несправедливости, съ терпѣніемъ перенесенныя, суть истинное сокровище, можетъ быть единственная наша заслуга предъ Богомъ. Прощай; Христосъ съ тобою.

Письмо къ Могилянскому оставь у себя до его пріѣзда въ Петербургъ.

57.

Пенза 18-го Марта 1819.

Продажа Великополья, любезная моя Елисавета, есть происшествіе въ нашей жизни. Я вижу теперь берегъ; и сверхъ того нельзя тутъ не видѣть отличной милости и особеннаго вниманія. Отпускъ, который такъ васъ озаботилъ, непремѣнно сбудется, хоть и позже, нежели мы думали. Впрочемъ онъ составляетъ теперь нужду болѣе нравственную нежели житейскую.

Распорядокъ денегъ отъ продажи Великополья я поручаю Аркадію Алексѣевичу. Они всѣ разойдутся въ уплату долговъ. Тебѣ безъ сомнѣнія извѣстно, что домъ отдается или и отданъ уже въ наймы Дубенскому (*); обстоятельство такъ же весьма счастливое: ибо онъ непремѣнно его купитъ; онъ даже мнѣ и здѣсь о семъ предлагалъ; но тогда онъ не имѣлъ денегъ; а теперь я представлю ему такія удобности, что и безъ денегъ купить онъ его можетъ, и за высокую цѣну. Само собою разумѣется, что теперь всѣ сношенія о продажѣ дома должно К. К. Амбургеру прекратить: ибо никто конечно не дастъ $^{80}/_{т.}$ р., а я надѣюсь отъ Дубенскаго получить сію цѣну; но если бы однакоже, паче чаянія, кто нибудь вызвался купить его за $^{75}/_{т.}$ р. наличными деньгами: тогда само собою разумѣется, что тотчасъ должно рѣшиться, не смотря на наемъ: ибо контрактъ о наймѣ никогда не лишаетъ права продажи.

Я получилъ множество пріятныхъ писемъ. Они всѣ поддерживаютъ надежду нашего свиданія.

Сейчасъ чрезъ нарочнаго, присланнаго отъ Вельяшева, получаю письмо отъ А. А. Жерве съ приложеніями. Скажи ему о семъ. Отвѣчать не могу: ибо почта отходитъ. Дороги наши рушились. Если бы теперь и прислали мнѣ отпускъ: то прежде Апрѣля половины мнѣ двинуться невозможно.

Прощай, моя милая; Христосъ съ тобою.

58.

Пенза 25 Марта 1819.

Что сказать тебѣ, любезная моя Елисавета, когда почта еще не пришла и писемъ отъ тебя нѣтъ? Письмо сіе придетъ къ тебѣ, кажется, въ самый свѣтлый праздникъ. Посылаю тебѣ Божіе благословеніе и сердечное *Христосъ воскресе*. Поцѣлую за меня всѣхъ дѣтей и всѣхъ тебѣ милыхъ.

Какъ кстати пришла распутица! Двинуться съ мѣста почти не возможно. Все лучше жаловаться на погоду, нежели на людей! Какъ огорчительно и грѣшно жаловаться на людей! Въ этомъ чувствѣ есть нѣчто чрезмѣрно унизительное. Въ самомъ дѣлѣ что люди?— Орудіе Промысла.— Можно ли жаловаться на Промыслъ? — Правда, что сіи орудія имѣютъ нѣкоторый степень свободы, но исправимъ ли свободу сію жалобами? Особливо когда жалобы сіи и не дойдутъ къ своему назначенію?

(*) Сенатору, тайному совѣтнику Николаю Порфиріевичу, который потомъ и купилъ домъ.

Не думай, что мысли сіи излилися у меня отъ огорченія. Я спокоенъ: ибо увѣренъ, что увижусь съ тобою въ теченіи весны.

Прощай, моя милая, Христосъ съ тобою.

PS. Не забудь сказать А. А. Жерве, что на прошедшей недѣлѣ я получилъ письмо его съ приложеніями съ нарочнымъ отъ Вельяшева. Прилагаемое при семъ письмо къ Вельяшеву отдай Андрею Андреичу для доставленія.

59.

Пенза 1-го Апрѣля 1819.

Пишу къ тебѣ, любезная моя Елисавета, съ почтою, единственно по привычкѣ писать. Впрочемъ чрезъ два дня ты получишь длинное письмо чрезъ фельдъегеря. Вѣроятно, оно придетъ прежде.

Что сказать тебѣ о новомъ ударѣ бурнаго вѣтра, который вновь насъ разлучаетъ по крайней мѣрѣ на годъ. Вчера я получилъ вѣсть сію и признаюсь, еще не образумился. Думаю однако же, что Господь дастъ мнѣ силы перенести и сіе огорченіе, по всей вѣроятности послѣднее: ибо есть конецъ всякой силѣ изобрѣтенія и есть же конецъ всякому и терпѣнію. Я надѣюсь, что моего станетъ еще на годъ; но не болѣе.

Изъ подробнаго письма ты увидишь, какое распоряженіе я дѣлаю о Жоржѣ. Я увѣренъ, что оно понравится Марьѣ Карловнѣ; а для него впослѣдствіи весьма будетъ выгодно: ибо въ службѣ, какъ и во всѣхъ почти венцахъ, нѣтъ ничего лучше, какъ пуститься *la tête la première* (*)

Прощай, моя милая; сегодня же пишу къ тебѣ другое письмо, гдѣ ты найдешь всѣ нужныя распоряженія. Христосъ съ тобою. Я буду къ тебѣ писать отсюда еще три почты; но ты съ 15-го Апрѣля пиши уже ко мнѣ въ Казань. А съ 15-го Мая въ Тобольскъ! Христосъ съ тобою.

(*) Стремглавъ.

60.

Пенза 5-го Апрѣля 1819.

Христосъ воскресе, мое любезное дитя, моя милая Елисавета. Да будетъ слово сіе тебѣ утѣшеніемъ, единственнымъ, которое я тебѣ дать могу.

31-го Марта въ страстной понедѣльникъ я сидѣлъ послѣ обѣда у окошка и бесѣдовалъ съ моимъ Греческимъ Геродотомъ — колокольчикъ, фельдъегерь — я Сибирскій генералъ-губернаторъ. Нѣтъ нужды тебѣ описывать первыя мои впечатлѣнія. По счастью я говѣлъ, и впечатлѣнія сіи не могли глубоко проникнуть мою душу; занято было мѣсто. — Въ четвертокъ я причащался; это еще болѣе исцѣлило или закрыло мои раны.

Въ положеніи моемъ есть нѣчто таинственное, нѣчто суевѣрное. За тайну тебѣ скажу, что я не болѣе, какъ на годъ и много если на годъ съ половиною долженъ отправиться въ Сибирь, чтобъ исполнить тамъ дѣйствительно важныя порученія и съ ними возвратиться въ Петербургъ. Родъ сихъ порученій таковъ, что безъ личнаго ихъ представленія въ Петербургъ и исполнить ихъ никакъ не возможно. Слѣдовательно есть надежда, что я къ той же цѣли приду хотя путемъ довольно длиннымъ и вмѣсто 1500 верстъ долженъ буду сдѣлать около $^{12}/_{m}$. Надежда сія однако же есть тайна, которую тебѣ одной я ввѣряю. — Для всѣхъ прочихъ я просто генералъ-губернаторъ, посланный въ Сибирь на неопредѣленное время. Ты всѣхъ должна въ семъ увѣрять и даже по виду сама готовиться зимою отпра-

виться ко мнѣ въ Тобольскъ, хотя напротивъ я всю зиму проведу въ Иркутскѣ и съ наступленіемъ первой весны прямо оттуда пущусь въ Петербургъ. *Прямо*—и *пущусь,* какъ будто изъ Москвы или Новагорода; сіе прямое путешествіе и съ подвязанными надеждою крыльями не можетъ продолжиться менѣе трехъ или четырехъ мѣсяцовъ и слѣдовательно не прежде какъ въ Августѣ будущаго года съ тобою увижусь. Еслибъ я менѣе размышлялъ о вѣчности, разстоянія сіи показались бы мнѣ ужасны. По крайней мѣрѣ срокъ сей вѣренъ: ибо нельзя быть генералъ-губернаторомъ по неволѣ. А неволя моя, долги, миновалась.

Я оставляю у Жерве довольно значительный для тебя запасъ, и именно $^{12}/_{т.\ р.}$ Бери у него по мѣрѣ нужды. Прежде всего заплати долги твоей маменьки; потомъ пенсіоны Анютѣ, Францису и Беллѣ по срокамъ — потомъ для себя все, чтò тебѣ нужно. Выдай Кузмѣ Ильичу 500 рублей, скажи ему, чтобъ съ сими деньгами отправился онъ во Владиміръ къ матери, коей и отъ себя я сдѣлалъ пособіе, и потомъ болѣе о немъ не помышляй и не заботься: онъ не ребенокъ и до Владиміра самъ найдетъ дорогу. Пятьсотъ рублей есть весьма достаточная для него сумма.

Желанія ваши о Жоржѣ сбудутся, хоть и другимъ образомъ; но по моему мнѣнію сбудутся еще лучше, нежели мы предполагали; ничто не можетъ для него быть полезнѣе сего путешествія. Я предлагаю то же и Цейеру и думаю, что онъ согласится. Впрочемъ подробности его отправленія ты найдешь въ письмѣ къ твоей маминькѣ.

Другая польза разлуки: опредѣленіе твоего дяди Кузьмы на Кавказъ вице-губернаторомъ, чего онъ весьма желалъ и что въ самомъ дѣлѣ основываетъ наилучшимъ образомъ его судьбу.

Не даю тебѣ, моя милая, никакихъ совѣтовъ; ищи ихъ въ твоемъ сердцѣ и болѣе еще въ утренней и вечерней молитвѣ. Не понимаю, какъ люди не пользуются симъ источникомъ, самымъ вѣрнымъ, въ физическомъ смыслѣ вѣрнымъ. — Скажу однако же одинъ совѣтъ: не играть на театрѣ ни на какомъ, ни для кого. При мнѣ это было бы сносно; безъ меня не прилично. — Сія любезность минутная пугаетъ мущинъ, хоть и веселитъ на время. Вѣрьте, женщины, что мужчины имѣютъ на сіе свои тайны, и свои весьма основательныя причины. Второй совѣтъ: писать ко мнѣ; но безъ принужденія и не въ почтовый день, а въ теченіи недѣли, когда вздумается. Если бы ты расположилась каждый день удѣлить мнѣ только пять минутъ и писать первую мысль, которая тебѣ въ сіи пять минутъ встрѣтится: ты избавила бы себя отъ срочной работы, часто непріятной, а иногда по болѣзни или по недосугу и невозможной. Печатать письма не цвѣтнымъ, но простымъ краснымъ сургучемъ, а еще лучше облаткою и тискомъ. Цвѣтной сургучъ худо держится и часто отламывается. Онъ употребителенъ только въ городѣ.

Жоржъ долженъ взять съ собою свои учебныя книги, а особливо Латинскія: ибо мы для всего найдемъ время.

Теперь о нашей экономіи. Устройство остальныхъ долговъ моихъ поручилъ я Аркадію Алексѣевичу. Они всѣ кончатся съ продажею дома; а домъ, по всей вѣроятности, купитъ Дубенскій. Ты писала, что Ильинъ давалъ $^{80}/_{т.}$ р.; для чего же не взяли и не продали? Какъ бы то ни было: домъ достанется Дубенскому, цѣна его

послѣдняя $^{80}/_{т.}$ р. или $^{75}/_{т.}$ р. Всѣ деньги сіи обратятся на очистку долговъ. Къ тебѣ же, сверхъ $^{12}/_{т.}$ нынѣ у Жерве оставляемыхъ, будутъ поступать доходы съ мызы, то есть аренда, что̀ составляетъ въ годъ также болѣе $^{12}/_{т.}$ р. Содержатель будетъ доставлять ихъ къ Жерве, коему я подробно писалъ. Первой срокъ въ Декабрѣ сего года; а второй въ Мартѣ будущаго. Здѣшнія дѣла мои я распоряжаю слѣдующимъ образомъ. Подъ надзоромъ Андрея Сергѣича Мартынова учреждаю здѣсь контору, которая будетъ управлять 1, Ханеневкою, 2, Сердобскою деревнею Покровскимъ 37 душъ и 3, Саратовскими моими землями. Доходы съ нихъ будутъ оставаться здѣсь впредь до моего востребованія. Домъ дѣлю я на три части. Книги, серебро, столовое бѣлье и проч. отправлю въ Петербургъ къ тебѣ на долгихъ, при особой описи. Серебро же особенно доставитъ къ тебѣ дядюшка, который будетъ у васъ въ Іюнѣ. Посуду, хрусталь, ви̇́на, мебели и проч. обращаю здѣсь при себѣ въ продажу. Женщинъ оставляю здѣсь на наемной квартирѣ и на деревенскомъ содержаніи; это будетъ и легче и дешевле. Онѣ же промышляютъ здѣсь своимъ мытьемъ и не будутъ нуждаться. Въ семъ положеніи онѣ останутся до возвращенія моего изъ Сибири.

Людей я всѣхъ беру съ собою; кучеровъ только отсылаю въ Столыпино. Съ Жоржемъ отправится Андрей; а ты найми себѣ человѣка, если нужно. Лошадей всѣхъ оставляю дядюшкѣ. Одну Діану отсылаю и съ сѣдломъ въ Столыпино. Вотъ почти полный мой отчетъ. Вообще хозяйственныя наши дѣла въ совершенномъ порядкѣ. Съ сей стороны ты не должна имѣть ни малѣйшей заботы. Къ будущему году не останется долговъ ни одной копѣйки; а чистые доходы, независимо отъ жалованья, доходы въ отставкѣ составлять будутъ до $^{50}/_{т.}$ р. въ годъ: изъ коихъ половина твоя, а другая моя, если бы мы съ тобою когда либо раздѣлились. Пишу къ тебѣ всѣ сіи подробности потому, что мнѣ давно хотѣлось, чтобъ ты ихъ знала: а ты не ребенокъ.

Прощай, моя милая; Христосъ съ тобою; я буду писать къ тебѣ почти непрерывно. Почты двѣ отсюда; потомъ изъ Казани. Но ты съ 15-го Апрѣля пиши уже ко мнѣ въ Казань; а по отъѣздѣ Жоржа въ Тобольскъ.

Посылаю тебѣ подарокъ отъ Вигелевой. Какъ она обманулась; она дарила дочь Пензенскаго губернатора; впрочемъ благодари ее непремѣнно; адресуй письмо сюда: Ея превосход. Елисаветѣ Филипповнѣ Вигелевой (*).

PS. Всѣ письма раздать и разослать поскорѣе.

61.

Пенза 8-го Апрѣля 1819.

Третьяго дня, въ самый день *свѣтлаго* воскресенья, отправилъ я съ фельдъегеремъ къ тебѣ *мрачное* письмо мое. Не печалься, моя любезная Елисавета; чѣмъ болѣе я всматриваюсь въ свое положеніе, тѣмъ болѣе нахожу въ немъ перстъ Провидѣнія; а гдѣ Провидѣніе, тамъ надежда. Описавъ большой кругъ, я приду къ той же самой точкѣ, къ соединенію съ тобою и къ жизни безмятежной. Богъ дастъ мнѣ силы. Здоровье мое самымъ видимымъ образомъ укрѣпляется; а съ здоровьемъ и съ духомъ бодрымъ чего перенести невозможно!

(*) Е. Ф. Вегель, сестра извѣстнаго составителя Записокъ, скончалась въ 1867 году. Изъ небольшаго пенсіона, исходатайствованнаго ей графомъ Д. Н. Блудовымъ, она помогала многимъ Пензенскимъ бѣднымъ.

Я столько писалъ къ тебѣ о дѣлахъ нашихъ домашнихъ, что кажется и писать уже нечего, и я весьма радъ, что сія скучная матерія вся исчерпана.

Если Цейеръ или Жоржъ еще не отправились: то скажи имъ, чтобъ не забыли привезти съ собою лучшую, какая есть, карту Сибири, наклеенную на холстѣ и въ футлярѣ.

Прощай, моя милая; Христосъ съ тобою.

62.

Пенза 15-го Апрѣля 1819.

Письмо твое, любезная моя Елисавета, отъ 27 Марта весьма меня обрадовало. Я привыкъ всё относить къ тебѣ; всё чувствовать въ тебѣ. Русское твое сердце на сей разъ весьма кстати пособило твоему разсудку. Одна разлука съ тобою составляетъ всю мрачную сторону моего новаго назначенія; все прочее довольно ясно и даже блистательно; а лучше всего то, что сія перемѣна вѣнчаетъ мою службу хотя страннымъ, но весьма приличнымъ и благовиднымъ образомъ. Думаю впрочемъ, что и безъ расчетовъ самолюбія, путешествіе мое для образованія сего края будетъ не безполезно. Можетъ быть Жуковскіе и Мерзляковы изъ рода Тунгусовъ и Остяковъ воспоютъ нѣкогда мое имя, какъ Греки воспѣвали своего Кадма или Скандинавцы Одина. Само собою разумѣется, что въ сихъ пѣсняхъ и ты не будешь забыта, и имя Елисаветы — моей дуры, займетъ нѣсколько полустишій въ ихъ гекзаметрахъ.

Отъѣздъ мой отсюда остается по прежнему назначенію. Ожидаю сюда Лубяновскаго (*) и весьма радъ что Пенза достается не чужому. Я писалъ уже тебѣ подробно о домашнихъ моихъ распорядкахъ. Съ первымъ обозомъ ты получишь свои книги; чего въ нихъ недостанетъ: то считай у меня. Еще одну почту буду къ тебѣ писать отсюда; потомъ ожидай моихъ писемъ уже изъ Казани, гдѣ надѣюсь и твои получить съ Жоржемъ. Василька не могу тебѣ прислать по двумъ причинамъ; первое потому, что прежде твоего письма я подарилъ его Гр. Даниловичу, чрезъ коего онъ и мнѣ былъ подаренъ; а второе потому, что вообще я боюсь верховой твоей ѣзды безъ меня. За глазами все кажется опасно и если ты хочешь меня успокоить, откажи себѣ въ семъ удовольствіи на нынѣшнее лѣто; въ будущемъ надѣюсь, что вмѣстѣ будемъ ѣздить. Вообще же сей родъ движенія не есть для тебя самый полезный. Тебѣ надобно ходить и танцовать. Я совершенно и лучше всѣхъ Мерцовъ знаю твое сложеніе.

У меня есть для тебя красненькой платочикъ отъ Колокольцова — пришлю его съ будущею почтою.

Прощай, моя милая; Христосъ съ тобою

63.

Пенза 22 Апрѣля 1819.

Еще одно письмо изъ Пензы къ любезной моей Елисаветѣ; но это уже послѣднее; чрезъ два или три дня я отсюда отправляюсь. Почта или двѣ пройдетъ безъ писемъ. Первое мое письмо получишь уже ты изъ Казани.

Письма твои отъ 4-го и 11-го Апрѣля сейчасъ получилъ. Да укрѣпитъ тебя Господь, мое любезное дитя, въ преданности Провидѣнію. Сердце мое, неприступное обыкновенному честолюбію, начинаетъ разверзаться къ надеждѣ. Можетъ быть и въ самомъ

(*) Ѳедора Петровича Лубяновскаго, нынѣ сенатора, назначеннаго въ то время Пензенскимъ губернаторомъ.

дѣлѣ я могу еще быть полезенъ для устройства и благоправія Сибири. Сія мысль дѣлаетъ всѣ жертвы сносными, умягчаетъ самую разлуку съ тобою.

Какъ я радъ, что встрѣтился съ мыслію Марьи Карловны о Жоржѣ. Не отвѣчаю ей на письмо, считая, что отвѣтъ сдѣланъ уже прежде вопроса. Грѣшно ей думать, чтобъ я менѣе для него сдѣлалъ, нежели сколько она дѣлаетъ для тебя. Она впрочемъ знаетъ, что любимое мое ремесло всегда было воспитывать и образовать молодыхъ людей и если не всегда я успѣвалъ, — по крайней мѣрѣ намѣренія мои всегда были чисты. Я полагаю впрочемъ, что письмо сіе ни его, ни Цейера въ Петербургѣ уже не застанетъ. Мнѣніе ваше объ университетѣ иностранномъ весьма справедливо. Дѣло другое для Андрея Андреича; онъ можетъ лучше распорядиться въ надзорѣ.

Григорій Даниловичъ и Наталья Алексѣевна отправляются отсюда въ Москву въ половинѣ Мая. Катенька гдѣ будетъ жить лѣтомъ, неизвѣстно. Слѣдовательно переписка твоя съ Пензою прекращается. Да я и не совѣтую продолжать ее. Она не можетъ имѣть цѣли. Знаешь ли, что Вильде отправляется со мною? Онъ неотступно меня проситъ. Правду сказать, половина почти здѣшнихъ чиновниковъ лучшихъ готовы со мною двинуться; но я отклоняю сіе, чтобъ не оставить Лубяновскаго одного между волками. Онъ на сихъ дняхъ сюда будетъ. Василья я беру съ собою. Столовое серебро Сибирскій генералъ-губернаторъ всё почти, исключая двухъ дюжинъ ножей, беретъ также съ собою; остальное вы получите съ дядюшкою. Библіотека, столовое бѣлье придетъ къ вамъ по прежнему назначенію. Прощай, моя милая, до Казани. Христосъ съ тобою.

64.

Казань 13 Мая 1819.

День былъ прекрасный; весь городъ на берегу Суры; я самъ плакалъ, какъ ребенокъ—такъ разстался я съ Пензою и чрезъ двои почти сутки 10-го Мая я въ Казани. Здѣсь нашелъ я Жоржа и Цейера. Ты можешь себѣ представить, любезная моя Елисавета, какъ мы обрадовались. Ручаюсь тебѣ, что Жоржъ меня полюбитъ: ибо я его въ два дни пребыванія моего здѣсь полюбилъ. Съ Цейеромъ они, кажется, друзья; скажи Сонюшкѣ, что тутъ зависти не будетъ. Вильде также имъ понравился. Я не помню, писалъ-ли я, что беру его съ собою чтобъ основать и рѣшить навсегда его участь, пристроивъ его къ званію и чину. Впрочемъ онъ и для Жоржа въ наукахъ можетъ быть полезенъ. Для Латинскаго языка я взялъ нарочно для него изъ Пензы студента, весьма усерднаго и добронравнаго. * Такимъ образомъ всѣ дѣла наши въ порядкѣ. Не отвѣчаю на всѣ письма потому, что задушенъ обѣдами и посѣщеніями. Въ обѣдахъ Цейеръ и Жоржъ со мною неразлучны. Скажи А. А. Жерве, что писать къ нему буду уже изъ Тобольска, если только письмо его застанетъ. Благодари Марью Карловну за прекрасное бѣлье. Надѣюсь что ты деньги отъ Столыпина уже получила. Прежде всего заплати ея долги и потомъ издержки сдѣланныя для Жоржа. Не слушай мрачныхъ изъясненій Столыпина; онъ тутъ ничего не видитъ или видитъ весьма ложно. Будь впрочемъ съ женою его сколь можно ласкова.

Есть вѣроятность, что нынѣшнимъ лѣтомъ ты увидишь въ Петербургѣ Наталью Алексѣевну. Вѣрь мнѣ что послѣ Марьи Карловны никто изъ

---

* Косьму Григорьевича Рѣпинскаго, нынѣ сенатора.

женщинъ не любитъ тебя болѣе, нежели она; вѣрь сему и веди себя съ нею по сей вѣрѣ. Ты увидишь также можетъ быть жену Александра Алексѣича Стольпина, любезную и умную молодую женщину, безъ притязаній, но съ добрымъ вкусомъ. Прими ее какъ можешь лучше; они привязаны къ намъ и сердцемъ и душею, хоть и пристрастны къ Магницкому; но это еще не преступленіе.

14-го Мая.

Сегодня отправляюсь я въ Тобольскъ. Изъ Петербурга получилъ я здѣсь новыя увѣренія въ милостяхъ Государевыхъ. Время стоитъ прекрасное и я пускаюсь въ путь съ духомъ бодрымъ. Что въ Сибири есть соболи и лисицы, а у меня есть двѣ дочки, * я это помню. Но дочки сіи должны знать, что и соболи и лисицы въ Сибири именно дороже, нежели въ Москвѣ. Слѣдовательно вопросъ только въ деньгахъ; а для нихъ у меня никогда недостатка не будетъ. Прощай, моя милая. Христосъ съ тобою. Благодари Софью Ивановну за письмо. Чѣмъ рѣже тѣмъ для меня драгоцѣннѣе.

* Подъ другою онъ разумѣлъ Софью Вейкардтъ.

65.

Пермь 18-го Мая 1819.

Изъ Казани отправился я 14-го и ровно въ трои сутки былъ уже здѣсь. Дороги прекрасныя и время благопріятно. Сегодня отсюда пускаюсь въ Тобольскъ, гдѣ надѣюсь быть въ самый Троицынъ день 25-го Мая. Нельзя и для свиданія съ тобою болѣе спѣшить.

Я въ Перми, и ты можешь себѣ представить, любезная Елисавета, всю странность, всю противуположность моихъ впечатлѣній. Это есть мѣсто моихъ страданій, училище терпѣнія, покорности и духовнаго величія.

Здоровье мое не только ничего не терпитъ отъ путешествія, но, кажется, еще укрѣпляется. Мы свыкаемся съ Жоржемъ. Не говоря обо мнѣ, все наше малое общество его любитъ по мѣрѣ того, какъ знакомится съ его искренностію, откровенностію и добрымъ нравомъ. Скажи Марьѣ Карловнѣ, что мы непремѣнно будемъ съ нимъ друзьями.

Ты получишь почты чрезъ двѣ отсюда прекрасный лакированный желѣзный ларчикъ здѣшней Тагильской работы.

Въ хлопотахъ и посѣщеніяхъ болѣе писать не успѣваю. Прощай моя милая. Христосъ съ тобою,

Продолженіе будетъ.

ПОСЛѢДНЯЯ ЗАПИСКА ПО КРЕСТЬЯНСКОМУ ДѢЛУ ГЕНЕРАЛА Я. И. РОСТОВЦОВА. (*)

Эта предсмертная записка перваго Предсѣдателя Редакціонныхъ Коммисій по крестьянскому дѣлу можетъ служить дополненіемъ къ статьѣ: „Болѣзнь и кончина генерала Ростовцова“ напечатанной въ февральской книжкѣ Русскаго Вѣстника (1866 г. стр. 723—745) гдѣ между прочимъ разсказано: „Въ это время особенную его заботу составляла записка, въ которой онъ желалъ представить Государю о всѣхъ заключеніяхъ, постановленныхъ тогда коммиссіями по крестьянскому дѣлу и передать Ему письменно свои завѣтныя мысли.“ Оставленная имъ безъ подписи (такъ какъ онъ уже не былъ въ силахъ владѣть рукою свободно, но удостовѣренная въ подлинности его сыномъ графомъ Михаиломъ Яковлевичемъ и скрѣпленая завѣдывавшимъ дѣлами Редакціонныхъ Коммисій) она была представлена въ такомъ видѣ, въ самый день кончины Якова Ивановича Ростовцова, Государю Императору, Который, принимая ее, изволилъ сказать между прочимъ: „Покойный оставилъ намъ здѣсь какъ бы *завѣщаніе*, которое должно быть для насъ священно.„

Тогда же эта записка, съ Высочайшаго соизволенія, была напечатана въ ограниченномъ числѣ экземпляровъ для членовъ Императорской Фамиліи, государственнаго совѣта, главнаго комитета по крестьянскому дѣлу, а также и для немногихъ другихъ лицъ, принимавшихъ непосредственное участіе въ дѣлѣ.

Въ напечатаныхъ экземплярахъ дано ей такое заглавіе: „Всеподданнѣйшая записка Предсѣдателя Редакціонныхъ Коммисій генерала Ростовцова, представленная Его Императорскому Величеству 6 февраля 1860 года.“

(*) Считаемъ долгомъ выразить за сообщеніе этого важнаго документа глубокую признательность Николаю Петровичу Семенову, испросившему разрѣшеніе для напечатанія онаго. *П. Б.*

Стараясь давать полную свободу сужденіямъ и возраженіямъ въ Редакціонныхъ Коммисіяхъ и покоряясь до нѣкоторой степени опредѣленіямъ большинства, покойный Предсѣдатель ихъ обыкновенно говорилъ: „Мое будетъ послѣднее слово въ этомъ дѣлѣ“ или „мое слово впереди.“ [1]) Изъ приведенныхъ словъ Государя Императора и обстоятельствъ, сопровождавшихъ составленіе записки, видно, что она была какъ бы голосомъ изъ-за гроба, послѣднимъ словомъ Ростовцова по крестьянскому дѣлу.

Въ этомъ документѣ изложена сущность соображеній и тѣхъ заключеній, къ которымъ пришли Редакціонныя Коммисіи *въ первомъ и второмъ періодѣ* ихъ занятій, съ изъясненіемъ по нѣкоторымъ предметамъ собственнаго взгляда покойнаго ихъ Предсѣдателя и съ присовокупленіемъ его указаній на то, что по его мнѣнію особенно подлежало еще пересмотру и новому обсужденію.

Сочувствіе къ этимъ трудамъ, выраженное графомъ В. Н. Панинымъ [2]) въ слѣдствіе прочтенія предлагаемой здѣсь записки, было однимъ изъ поводовъ къ назначенію его въ преемники Я. И. Ростовцову, подъ условіемъ не отступать отъ главныхъ оснований, въ ней указанныхъ и съ обязанностію удержать весь личный составъ Коммисій до окончанія порученнаго имъ дѣла. Вотъ почему, послѣ закрытія графомъ Панинымъ Редакціонныхъ Коммисій и окончательнаго впослѣдствіи обнародованія Положеній 19 февраля, въ рескриптѣ,

[1]) См. Дѣятельность Як. Ив. Ростовцова въ редакц. комм. по крестьянскому дѣлу. Русскій Вѣстникъ за 1864 г. Декабрь № 12, стр. 484.

[2]) Онъ былъ членомъ *особой коммисіи изъ четырехъ,* учрежденной при главномъ комитетѣ по крестьянскому дѣлу 15 Іюля 1858 года. См. «Дѣятельность Я. И. Ростовцова въ редакц. коммис. по крестьянскому дѣлу» Русскій Вѣстникъ за 1864-й годъ Октябрь № 10 стр. 462 и 466.

данномъ на его имя 17-го Апрѣля 1861-го года, Государь Императоръ изволилъ выразиться о дѣятельности перваго ихъ Предсѣдателя такимъ образомъ: „Приступивъ къ исполненію даннаго ему по особой Моей къ нему довѣренности порученія, онъ съ обыкновеннымъ пламеннымъ къ службѣ усердіемъ, далъ первоначальное направленіе работамъ Коммисій и ***подъ его предсѣдательствомъ имъ разсмотрѣны всѣ важнѣйшіе въ дѣлѣ вопросы.***"

Изо всего вышесказаннаго видно, какое важное, документальное значеніе имѣетъ нижеслѣдующая записка.

Николай Семеновъ.

5 Января 1868-го года. Спб.

„Вашему Императорскому Величеству угодно было знать, въ какомъ положеніи будетъ находиться крестьянскій вопросъ при окончаніи втораго періода занятій Коммисій, т. е. при съѣздѣ въ С. Петербургъ членовъ втораго приглашенія, избранныхъ губернскими Комитетами.

„Имѣю счастіе всеподданнѣйше доложить Вашему Императорскому Величеству о томъ: на сколько и какимъ образомъ Редакціонныя Коммисіи разрѣшили въ настоящее время возложенную на нихъ задачу.

„Согласно съ Высочайшею Вашею волею, выраженною въ журналѣ главнаго комитета 4-го декабря пунктѣ 1-мъ, —при обнародованіи новаго положенія о помѣщичьихъ крестьянахъ, будутъ имъ предоставлены немедленно права свободныхъ сельскихъ сословій, какъ личныя, такъ и по имуществу.

„Самое же Положеніе, начертаніе проекта котораго возложено на Редакціонныя Коммиссіи, имѣетъ цѣлію опредѣлить:

ТРИ ГЛАВНЫЯ ЗАДАЧИ РАЗРѢШЕНІЯ КРЕСТЬЯНСКАГО ВОПРОСА.

„1) Отношенія крестьянъ, уже свободныхъ, къ землѣ чужой, обезпечивавшей ихъ бытъ и состоявшей въ ихъ пользованіи, а также къ собственникамъ этой земли, т. е. помѣщикамъ.

„2) Правила выкупа всей или части этой земли крестьянами въ собственность, при содѣйствіи или безъ содѣйствія правительства, и

„3) Правила внутренняго управленія волостей или обществъ, изъ которыхъ будетъ состоять свободное сельское сословіе.

„Три задачи эти составляютъ всю сущность крестьянскаго вопроса, потому что если бы правительство имѣло въ виду дарованіе помѣщичьимъ крестьянамъ только *личныхъ правъ*, безъ обезпеченія ихъ быта, то собственно и вопроса не существовало бы.

„Разрѣшеніе первой изъ упомянутыхъ задачъ необходимо потому, что дарованіе помѣщичьимъ крестьянамъ свободы дѣлаетъ невозможнымъ прежній произволъ въ поземельныхъ ихъ отношеніяхъ, основанный на полномъ подчиненіи одного класса другому. Установить же эти новыя поземельныя отношенія двухъ классовъ необходимо потому, что Ваше Императорское Величество (ни нынѣ, ни черезъ 12 лѣтъ, какъ предполагали нѣкоторые губернскіе Комитеты) не рѣшитесь: ни лишить крестьянъ вѣковаго пользованія землею, которая ихъ питаетъ, ни отнять право вѣковой собственности на нее у помѣщиковъ, которымъ она принадлежитъ.

БЕЗСРОЧНОЕ ПОЛЬЗОВАНІЕ.—СРОЧНО-ОБЯЗАННЫЯ ОТНОШЕНІЯ.

„А потому нѣтъ возможности не предоставить крестьянамъ, согласно съ духомъ высочайшихъ рескриптовъ, земли въ *безсрочное пользованіе* за опредѣленныя Положеніемъ повинности помѣщикамъ, какъ настоящимъ собственникамъ этой земли. Отправленіе такихъ повинностей свободными уже людьми, ограничивая отчасти права ихъ, представляетъ собою тѣ *обязательныя* отношенія, которыя правительство, не желая *длить вѣчно,* назвало въ высочайше утвержден-

ной программѣ *срочно-обязанными*. Сообразно съ цѣлію своего установленія (т. е. обезпеченіемъ крестьянскаго быта), срочно-обязанныя отношенія эти могутъ прекращаться или пріобрѣтеніемъ крестьянами земель въ собственность, или выходомъ ихъ въ другія, неземледѣльческія сословія.

ВЫКУПЪ.

„Но такъ какъ большая часть освобождаемыхъ крестьянъ, по самому характеру нашего отечества, всегда останется земледѣльческимъ классомъ, то пріобрѣтеніе крестьянами поземельной собственности есть (какъ уже было рѣшено журналомъ Главнаго Комитета 4-го декабря пунктомъ 7-мъ) преимущественный исходъ изъ *обязательныхъ* ихъ отношеній; а потому разрѣшеніе второй задачи, т. е. установленіе правилъ выкупа крестьянами поземельныхъ надѣловъ или части ихъ, необходимо должно войти въ составъ крестьянскаго Положенія.

ОБЩЕСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНІЕ.

„Наконецъ, такъ какъ свободное сельское сословіе, по самому существу даруемыхъ ему правъ, не можетъ быть подчинено никакому другому сословію, а можетъ зависѣть только отъ общихъ государственныхъ и административныхъ властей, то разрѣшеніе третьей задачи, т. е. опредѣленіе правилъ внутренняго управленія новаго свободнаго сельскаго сословія, есть также необходимая часть Положенія. Это самоуправленіе есть ни что иное, какъ распространеніе на крестьянъ, выходящихъ изъ крѣпостной зависимости, правъ другихъ свободныхъ сословій, изъ которыхъ каждому (а именно дворянскому, городскому и даже сословію государственныхъ крестьянъ), по существующимъ законамъ, предоставлено самостоятельное распоряженіе своими внутренними, сословными и хозяйственными дѣлами на столько, на сколько дѣла эти не подлежатъ вѣдомству общихъ государственныхъ и административныхъ властей.

*

„Коммисіи, окончивъ вторымъ періодомъ своихъ занятій разрѣшеніе трехъ возложенныхъ на нихъ задачъ, придутъ, какъ я полагаю, къ заключеніямъ, сущность которыхъ состоитъ въ слѣдующемъ:

НЕИЗБѢЖНОСТЬ СРОЧНО-ОБЯЗАННАГО ПЕРІОДА.

„Сознавая вообще всѣ неудобства обязательныхъ отношеній, не совмѣстныхъ съ предоставленіемъ истинной свободы сельскому сословію, Коммисіи тѣмъ не менѣе, по необходимости, встрѣтили эти обязательныя отношенія на своемъ пути и не могли ихъ избѣгнуть, ибо: 1) съ одной стороны отнятіе у крестьянъ пользованія землями, обезпечивающими ихъ существованіе, а съ другой принужденіе помѣщиковъ отчуждать принадлежащія имъ земли въ собственность крестьянамъ, не въ видахъ такаго правительства, какъ правительство Вашего Величества; 2) обязательный, одновременный и немедленный выкупъ крестьянскихъ земель не только былъ бы вреднымъ надъ дворянствомъ насиліемъ въ то время, когда оно само постепенно приходитъ къ сознанію выгодъ, истекающихъ для него изъ выкупа; но онъ еще, сверхъ того, и совершенно невозможенъ для правительства въ настоящее время, при принятыхъ нынѣ громадныхъ финансовыхъ реформахъ. Лишь съ постепеннымъ завершеніемъ послѣднихъ можетъ быть о немъ рѣчь.

„Такимъ образомъ, Коммисіи поставлены были въ необходимость принять срочно-обязанный періодъ, какъ неизмѣнную данную, которую я, уже при самомъ началѣ дѣла, имѣлъ счастіе заявлять Вашему Императорскому Величеству, и въ слѣдствіе этого онѣ должны были опредѣлить условія, на коихъ крестьяне свободные будутъ пользоваться землею, составляющею собственность помѣщиковъ.

ОСТАВЛЕНІЕ КРЕСТЬЯНАМЪ СУЩЕСТВУЮЩИХЪ НАДѢЛОВЪ НА ВРЕМЯ ПОЛЬЗОВАНІЯ.

„Такъ какъ Коммисіямъ, прежде всего, предстояло опредѣлить количество земли, надѣляемой крестьянамъ *въ пользованіе,* то вмѣсто того, чтобы отыскивать какія нибудь искусственныя, произвольныя цифры, Коммисіи сочли обязанностью удержать, за крестьянами по возможности то количество земель, какимъ они нынѣ пользуются за повинности. При этомъ Коммисіи убѣждены, что удержаніе за крестьянами этого количества земли, лучше всякихъ искусственныхъ нормъ, разрѣшаетъ вопросъ, истекающій изъ Высочайшихъ рескриптовъ, а именно, сколько нужно земли ***для обезпеченія быта крестьянъ и исправнаго отправленія ихъ повинностей.*** Съ другой стороны, Коммисіи глубоко убѣждены, что отрѣзка у крестьянъ значительной части земель, пользованіе которыми сдѣлалось потребностью ихъ существованія, была бы неисполнима при объявленіи Положенія объ ихъ освобожденіи и улучшеніи быта, потому что произвела бы сильное впечатлѣніе на цѣлый земледѣльческій классъ.

„Но такъ какъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, крестьяне, по щедрости или беззаботности помѣщиковъ, надѣлены такимъ избыткомъ земли, что даже не могутъ извлечь изъ него истинной пользы: то Коммисіи дозволили себѣ, въ огражденіе выгодъ помѣщиковъ, отступить отъ основнаго начала и предположить отрѣзку такого излишка земель отъ крестьянъ и присоединеніе ихъ къ землямъ, остающимся въ непосредственномъ распоряженіи помѣщика. Разумѣется, случаи такихъ отрѣзокъ крестьянскихъ земель должны сохранить характеръ исключеній, а не общаго правила. А потому Коммисіи предположили, для каждой мѣстности, количество земли, свыше котораго излишнія земли отбираются помѣщиками у крестьянъ.

MAXIMUM НАДѢЛА.

„Цифры эти названы ***наибольшими надѣлами*** и были опредѣлены только предварительно въ видѣ опыта въ первомъ періодѣ занятій Коммисій. Неутвержденныя общимъ присутствіемъ, — онѣ были представлены на обсужденіе и повѣрку г. г. членовъ губернскихъ Комитетовъ.

„Въ замѣчаніяхъ своихъ на труды Коммисій и въ отвѣтахъ на предложенные вопросы, г. г. члены отъ губернскихъ Комитетовъ дѣйствительно представили намъ болѣе или менѣе подробныя соображенія о предполагаемыхъ ими надѣлахъ въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи. Нѣкоторыя изъ сихъ соображеній послужили Редакціоннымъ Коммисіямъ матеріаломъ для исправленія предположенныхъ ими цифръ, или для точнѣйшаго раздѣленія губерній на однородныя, по своему характеру, мѣстности.

ПОВѢРКА УСТАНОВЛЕННЫХЪ ЦИФРЪ ДЛЯ MAXIMUM.

„Независимо отъ сихъ вспомогательныхъ средствъ, во второмъ періодѣ, я возложилъ повѣрку цифръ ***наибольшихъ надѣловъ,*** по всѣмъ уѣздамъ Россіи, на членовъ самихъ Коммисій. Матеріалами для этихъ повѣрокъ служатъ подробныя извлеченія изъ подлинныхъ свѣдѣній о помѣщичьихъ имѣніяхъ, доставленныхъ губернскими Комитетами по требованію Высочайше утвержденной программы. Извлеченія эти составлены при Редакціонныхъ Коммисіяхъ и представляютъ обширныя таблицы. Количество земель, состоящихъ въ пользованіи крестьянъ, въ этихъ свѣдѣніяхъ преувеличено быть не можетъ, потому что они составлены по каждому имѣнію самими помѣщиками. Вездѣ, гдѣ только оказывается малѣйшая возможность понизить цифры наибольшихъ надѣловъ противъ предварительныхъ предположеній, безъ огромныхъ отрѣзокъ земель у крестьянъ, такое пониженіе будетъ сдѣлано въ огражденіе интересовъ помѣщиковъ.

„Впрочемъ, изъ внимательнаго разсмотрѣнія предположеній Коммисій легко убѣдиться, что цифры высшихъ надѣловъ, не составляя общей нормы, по которой всѣ помѣщики были бы обяза-

ны надѣлить своихъ крестьянъ, служатъ напротивъ къ установленію тѣхъ условій, при которыхъ допускается, въ огражденіе интересовъ помѣщика, отрѣзка излишнихъ земель отъ крестьянскихъ надѣловъ; за тѣмъ, какова бы ни была цифра *наибольшаго надѣла*, помѣщикъ не прирѣзываетъ *ни одной сажени* изъ своихъ земель къ тѣмъ, которыя состоятъ уже нынѣ въ пользованіи крестьянъ.

Minimum надѣла.

„Единственное отсюда исключеніе представляетъ тотъ случай, когда у крестьянъ находится земли менѣе установленнаго Коммисіями *наименьшаго надѣла*. Но этотъ послѣдній такъ низокъ [3]), что по упомянутымъ статистическимъ свѣдѣніямъ, доставленнымъ губернскими комитетами, изъ 100 помѣщиковъ едва ли одному придется (слѣдуя предположеніямъ Коммисій) прирѣзать что нибудь къ нынѣшнимъ крестьянскимъ землямъ [4]).

Отрѣзка въ непосредственное владѣніе помѣщиковъ полной трети земли въ малоземельныхъ имѣніяхъ.

Кромѣ отрѣзки у крестьянъ земель (свыше предположенныхъ Коммисіями наибольшихъ надѣловъ) допускается отрѣзка еще и въ другомъ случаѣ, а именно когда вся или почти вся помѣщичья земля находится въ пользованіи крестьянъ, — случай, нерѣдко встрѣчающійся въ оброчныхъ имѣніяхъ. Въ такомъ случаѣ помѣщикамъ предоставлено, согласно мнѣнію значительнаго большинства губернскихъ Комитетовъ, отрѣзать у крестьянъ столько земли, чтобы у помѣщика осталась полная треть всей земли, состоящей при таковомъ имѣніи. Это охранительное, въ пользу помѣщиковъ, правило подало поводъ къ недоумѣнію, будто у помѣщиковъ отбирается $^2/_3$ ихъ земель, тогда какъ, напротивъ, по изложеннымъ правиламъ, къ собственно-помѣщичьимъ землямъ очень много земель прирѣзывается.

Обязательное для крестьянъ разграниченіе и размежеваніе угодій.

„Такъ какъ интересы помѣщиковъ настоятельно требуютъ скорѣйшаго разграниченія и размежеванія земель (остающихся въ непосредственномъ распоряженіи помѣщиковъ) отъ поступающихъ въ надѣлъ крестьянамъ, то Коммисіи, опредѣливъ 6-ти лѣтній срокъ для такаго развода и разграниченія земель, предоставили помѣщику отводить крестьянамъ и обмѣнивать земли по своему усмотрѣнію, ограждая крестьянъ только соблюденіемъ нѣкоторыхъ правилъ, существующихъ относительно такихъ обмѣновъ въ межевыхъ постановленіяхъ. Такимъ образомъ, за крестьянами удерживаются не всегда тѣ именно земли, которыми они доселѣ пользовались, но только преимущественно тоже количество земли.

Уменьшеніе крестьянскихъ надѣловъ при выкупѣ.

„Сверхъ того, и самое это количество земли удерживается неизмѣнно только на время пользованія; при выкупѣ же, т. е. при пріобрѣтеніи крестьянами земель въ собственность, допускается уменьшеніе этого количества по правиламъ, которыя для сего будутъ опредѣлены Коммисіями. Такое уменьшеніе крестьянскихъ надѣловъ послужитъ еще къ бо́льшему увеличенію количества земель, состоящихъ въ непосредственномъ распоряженіи дворянскаго сословія, и облегчитъ самую операцію выкупа.

---

[3]) Въ черноземной половинѣ Россіи minimum составляетъ отъ 1. десятины до $1^1/_2$, а въ нечерноземной отъ 1 $^1/_6$ до 3.

[4]) Такъ напримѣръ, по принятымъ въ первомъ періодѣ работъ Коммисій наибольшимъ цифрамъ надѣловъ, по Рязанской губерніи, изъ 730 состоящихъ въ ней по свѣдѣніямъ имѣній свыше 100 душъ, отрѣзки придется дѣлать въ 188 имѣніяхъ, въ 535 — надѣлы останутся тѣже, и только въ 7-ми, помѣщикамъ придется прирѣзать крестьянамъ совершенно ничтожное количество земли. Во второмъ же періодѣ работъ Коммисій, цифры *наибольшихъ* надѣловъ понижаются еще болѣе.

ОБЛЕГЧЕНІЕ КРЕСТЬЯНСКИХЪ ПОВИННОСТЕЙ.

„За пользованіе помѣщичьими землями на крестьянъ налагаются повинности, въ основаніе которыхъ приняты нынѣшніе крестьянскіе оброки. Сіи послѣдніе нѣсколько облегчены, не только для улучшенія крестьянскаго быта, но еще, главнымъ образомъ, въ видахъ строгой справедливости, такъ какъ съ помѣщиковъ, при обнародованіи Положенія, слагаются всѣ обязанности, сопряженныя съ крѣпостнымъ правомъ.

ОБЯЗАННОСТИ, СЛАГАЕМЫЯ СЪ ПОМѢЩИКОВЪ.

„Къ такимъ обязанностямъ относилось прокормленіе и обсѣваніе крестьянъ во время голода, обзаведеніе ихъ рабочимъ скотомъ послѣ падежей, призрѣніе стариковъ, дѣтей и увѣчныхъ, надѣленіе землею прибылыхъ (вслѣдствіе увеличенія народонаселенія) снабженіе крестьянъ строевымъ матеріаломъ и т. д. Сверхъ того, важное учрежденіе круговой поруки, налагаемой на крестьянъ новымъ Положеніемъ, послужитъ къ лучшему обезпеченію помѣщикамъ слѣдующихъ имъ съ крестьянъ повинностей. Справедливость требуетъ, чтобы повинности эти были при этомъ нѣсколько облегчены, дабы крестьяне получили дѣйствительное улучшеніе ихъ быта. Подобное облегченіе крестьянскихъ повинностей (при устраненіи обязанностей, налагаемыхъ на помѣщиковъ крѣпостнымъ правомъ) происходило во всѣхъ государствахъ, въ которыхъ освобожденіе крестьянъ изъ крѣпостной зависимости было раціональною правительственною реформою.

СНАБЖЕНІЕ КРЕСТЬЯНЪ ТОПЛИВОМЪ.

„Изъ всѣхъ обязанностей, которыя налагались крѣпостнымъ правомъ на помѣщиковъ въ отношеніи крестьянъ, только снабженіе сихъ послѣднихъ топливомъ удержано Положеніемъ Коммисій на 9 лѣтъ, и то впрочемъ за опредѣленныя повинности, и притомъ не болѣе, какъ въ одной трети Россіи, а именно въ нечерноземномъ и притомъ лѣсистомъ пространствѣ, за исключеніемъ всѣхъ густо заселенныхъ его мѣстностей. Такое снабженіе крестьянъ топливомъ (т. е. сучьями и валежникомъ или дровами низшаго качества) вмѣнено въ обязанность только въ тѣхъ имѣніяхъ, въ которыхъ крестьяне и доселѣ постоянно имъ пользовались, потому что, покуда не установились еще свободныя экономическія отношенія, лишеніе крестьянъ топлива въ лѣсистыхъ сѣверныхъ мѣстностяхъ было бы имъ стольже чувствительно, какъ лишеніе насущнаго хлѣба [5]).

ОПРЕДѢЛЕНІЕ ПОВИННОСТИ ВЪ ОБРОЧНЫХЪ [НЕЧЕРНОЗЕМНЫХЪ] МѢСТНОСТЯХЪ.

„Во всей сѣверной и сѣверо-западной половинѣ Россіи крестьяне платятъ нынѣ оброки, далеко превышающіе цѣнность тѣхъ земель, которыми они пользуются, такъ что, поддерживая свое существованіе не поземельными доходами, а промыслами и работами внѣ своихъ деревень, они платятъ помѣщикамъ подать собственно не съ земли, имъ предоставляемой, а съ своей личности. Строгая справедливость требовала бы, чтобы, съ освобожденіемъ крестьянской личности, и налогъ на нее былъ упраздненъ.

„Но такъ какъ подобная мѣра могла бы разорить дворянство нѣкоторыхъ губерній лишеніемъ бо́льшей половины ихъ доходовъ, то Коммисіи нашли необходимымъ удержать для сихъ мѣстностей нынѣшніе оброки, облегчая оные слѣдующимъ образомъ, въ замѣнъ утрачиваемаго теперь крестьянами права на помощь помѣщика въ чрезвычайныхъ случаяхъ. По цѣлому уѣзду или мѣстности выводятся средніе оброки и прилагаются къ наибольшему надѣлу, предположенному Положеніемъ для той мѣстности. Такимъ образомъ облегченіе оброковъ произойдетъ въ тѣхъ имѣніяхъ, гдѣ оброки были

---

[5]) Въ нѣкоторыхъ Прусскихъ провинціяхъ, гдѣ освобожденіе крестьянъ произошло уже полвѣка тому назадъ, обязанность снабжать крестьянъ топливомъ снята съ помѣщиковъ только въ настоящее время.

выше среднихъ, а также въ нѣкоторыхъ изъ тѣхъ, гдѣ надѣлы менѣе наибольшихъ. Но такъ какъ, и затѣмъ еще, въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ, нынѣшніе оброки окажутся ниже назначаемыхъ Положеніемъ: то Коммисіи нашли необходимымъ не возвышать этихъ оброковъ, потому что иначе, во всѣхъ такихъ оброчныхъ имѣніяхъ, бытъ крестьянъ былъ бы ухудшенъ.

ВОПРОСЪ О НЕИЗМѢННОСТИ ПОВИННОСТИ.

„Желая уравновѣсить выгоды крестьянъ съ выгодами помѣщиковъ, за которыми, какъ изъяснено выше, въ настоящее время остается тотъ излишекъ оброковъ, который падаетъ на крестьянскую личность, Коммисіи, въ первомъ періодѣ своихъ занятій, полагали, что разъ опредѣленные Положеніемъ оброки должны остаться навсегда неизмѣнными. При такой только неизмѣнности денежной повинности, возрастающая цѣнность земли можетъ наконецъ сравнять поземельные доходы крестьянина съ превышающими ихъ нынѣ оброками. Другой поводъ установленія неизмѣнности оброка состоялъ въ томъ, что всеобщая одновременная переоцѣнка или возвышеніе крестьянскихъ оброковъ, во всей Россіи, по истеченіи извѣстнаго періода, т. е. 10-ти или 12-ти лѣтъ, есть мѣра чрезвычайно трудно исполнимая для правительства. Но такъ какъ неизмѣнность повинности возбудила со стороны членовъ отъ Губернскихъ Комитетовъ сильныя возраженія не лишенныя справедливости съ точки зрѣнія интересовъ помѣщиковъ, то Коммисіи, во второмъ періодѣ своихъ работъ, рѣшатся, можетъ быть, допустить переоцѣнку повинности, назначая ей тотъ же 20-ти лѣтній срокъ, который принятъ для переоцѣнки повинностей въ Царствѣ Польскомъ, и представляя вмѣстѣ съ тѣмъ на благоусмотрѣніе правительства, что такая, хотя и справедливая уступка интересамъ дворянскаго сословія можетъ имѣть въ свое время весьма вредныя послѣдствія.

СОРАЗМѢРЕНІЕ ОБРОКОВЪ СЪ ПОЗЕМЕЛЬНЫМЪ НАДѢЛОМЪ.

„Такъ какъ количество земли, состоящее нынѣ у крестьянъ въ пользованіи, въ различныхъ имѣніяхъ различно, то крестьянскіе оброки должны быть соразмѣрены съ этимъ количествомъ земли.

„При этомъ нельзя однако же принять за правило, чтобы крестьянскіе оброки находились въ простой пропорціональности съ числомъ десятинъ надѣла. При такомъ правилѣ, если напримѣръ въ одномъ имѣніи крестьяне надѣлены по 4 дес. земли на душу и повинность за это назначена 10 руб., то въ сосѣднемъ имѣніи, гдѣ крестьяне надѣлены только по 2 десятины, пришлось бы оброка 5 руб. Коммисіи нашли, что такой разчетъ былъ бы невыгоденъ для всѣхъ тѣхъ многочисленныхъ помѣщиковъ, у которыхъ крестьяне надѣлены землею менѣе наибольшаго надѣла (въ приведенномъ примѣрѣ менѣе 4 дес.) Невыгода эта происходитъ отъ того, что изъ 4-хъ десятинъ двѣ своимъ качествомъ лучше остальныхъ, потому что заключаютъ въ себѣ усадьбы и навозныя пашни, а остальныя двѣ хуже и дешевле. Между тѣмъ въ имѣніи, гдѣ крестьяне пользуются 2 десятинами на душу, обѣ десятины принадлежатъ къ этому высшему разряду, какъ близкія къ усадьбамъ и хорошо удобренныя.

„А потому Коммисіи распредѣляютъ 10-ти рублевый оброкъ примѣрно такъ, что на 1-ю десятину падаетъ 4 руб. оброка, на 2-ю 3 руб., на 3-ю и 4-ю по 1. руб. 50 коп. Такимъ образомъ, если помѣщикъ, у котораго крестьяне пользуются 4 дес., получаетъ 10 руб. оброка, то помѣщикъ, у котораго они пользуются 2 десятинами, получитъ не 5 руб., а 7 руб. Эта система, принятая единственно для обезпеченія интересовъ большинства дворянскаго сословія, названа *градаціею* (постепенностію) повинности.

РАЗМѢРЪ НАТУРАЛЬНОЙ ПОВИННОСТИ.

„Въ другой, т. е. южной и юговосточной (черноземной) половинѣ Россіи,

оброки почти совершенно не существуютъ, или являются рѣдкимъ исключеніемъ, а крестьяне отбываютъ свои повинности работою или барщиною, которая, по существующимъ законамъ, не должна превышать 3-хъ дней въ недѣлю, что̀, за исключеніемъ праздниковъ, составляетъ нѣсколько болѣе 140 (конныхъ и пѣшихъ) дней съ тягла въ году.

СТЕПЕНЬ ЕЯ ОБЛЕГЧЕНІЯ.

Коммисіи, взамѣнъ слагаемыхъ съ помѣщика крѣпостныхъ обязанностей и въ видахъ улучшенія быта крестьянъ, уменьшили эту повинность до 100 конныхъ дней; но за то, имѣя въ виду, что барщина особенно важна для помѣщиковъ во время лѣтнихъ полевыхъ работъ, распредѣлили это число дней такъ, что на лѣто падаетъ 60 и на зиму 40 дней. Такимъ образомъ, лѣтняя барщина уменьшена только на 10 дней, а въ сущности даже и еще менѣе, потому что общество отвѣчаетъ за это число дней круговою порукою, при которой помѣщику нѣтъ дѣла до больныхъ работниковъ и не существуетъ прогульныхъ дней.

„Облегчены значительно только менѣе важныя для помѣщика зимняя барщина и нѣкоторыя добавочныя повинности.

ПОДВОДНАЯ ПОВИННОСТЬ.

„Подводная повинность ограничена, но допущена однако же въ размѣрахъ, превышающихъ размѣры, допускаемые инвентарными правилами для Западныхъ губерній.

ВЛАСТЬ ПОМѢЩИКА НА ВРЕМЯ СУЩЕСТВОВАНІЯ БАРЩИНЫ.

„На время отправленія обязательныхъ работъ, Коммисіи находятъ необходимымъ удержать вліяніе и даже право помѣщиковъ налагать, чрезъ полицейскія власти, взысканія на ослушныхъ крестьянъ, ограждая послѣднихъ правомъ жалобы на случай несправедливыхъ съ нихъ взысканій.

ПРАВО ПЕРЕХОДА КРЕСТЬЯНЪ СЪ БАРЩИНЫ НА ОБРОКЪ.

„Сознавая вмѣстѣ съ тѣмъ, что обязательный трудъ совершенно несовмѣстенъ съ даруемою крестьянамъ личною свободою, Коммисіи предоставляютъ крестьянамъ право выходить на оброкъ, независимо отъ воли помѣщика, черезъ два года по обнародованіи Положенія.

ОПРЕДѢЛЕНІЕ РАЗМѢРА ОБРОКОВЪ ВЪ ТѢХЪ МѢСТНОСТЯХЪ, ГДѢ ОНИ НЕ СУЩЕСТВУЮТЪ.

(Въ черноземной половинѣ Россіи).

„Но какъ въ черноземной половинѣ Россіи оброковъ не существовало, или они являлись тамъ рѣдкими исключеніями, то Коммисіямъ предстояло установить размѣръ оброка для сихъ мѣстностей. Самый правильный способъ установленія оброковъ была бы мѣстная поземельная оцѣнка, или *кадастръ* земель, отдаваемыхъ въ пользованіе крестьянамъ. Но кадастръ, на который нынѣ въ Россіи не существуетъ даже и достаточныхъ средствъ, продлился бы десятки лѣтъ, а между тѣмъ людямъ свободнымъ нѣтъ возможности отказать въ правѣ выхода, въ скоромъ времени, съ несовмѣстимой съ этою свободою барщины на денежную повинность. Потому Коммисіи были вынуждены опредѣлить цифры оброковъ другимъ, болѣе доступнымъ для нихъ способомъ. Исходя изъ той точки зрѣнія, что крестьянскій оброкъ долженъ быть таковъ, чтобы крестьяне имѣли физическую возможность уплачивать его въ настоящее время, и соображая средства крестьянъ и рѣдкіе примѣры существующаго въ черноземной половинѣ Россіи оброка, Коммисіи, въ первомъ періодѣ своихъ работъ опредѣлили 8 руб. сер. оброка съ души, при наибольшемъ надѣлѣ, а во второмъ періодѣ вѣроятно повысятъ эту цифру до крайняго, по убѣжденію Коммисій, предѣла возможности крестьянъ въ земледѣльческой половинѣ Россіи, а именно до 9-ти руб.

СОРАЗМѢРЕНІЕ ОБРОКА СЪ ЦѢННОСТЬЮ ЗЕМЛИ.

„Такъ какъ этотъ оброкъ соотвѣтствуетъ наибольшему душевому надѣлу и такъ какъ цѣнность земель въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи различна, то оброкъ приводится въ соотвѣтствіе съ цѣнностію земель тѣмъ, что цифры наибольшихъ надѣловъ приняты для различныхъ уѣздовъ различныя. Такимъ образомъ, крестьяне въ южной части Тульской губерніи будутъ платить 9 руб. за 2 ³/₄ десят., въ южной части Тамбовской губерніи за 3 ¹/₄, въ части Воронежской за 4. Такъ какъ выкупъ земли есть, по предположенію Коммисій, капитализація повинности изъ 6 %, то въ первомъ случаѣ земля оцѣнена въ 55 руб. за десятину, во второмъ около 43, въ третьемъ 37 руб. 50 коп. Цѣны эти соображены такъ, что во всѣхъ мѣстностяхъ онѣ даже превосходятъ обыкновенныя продажныя цѣны земель. Слѣдовательно, потери помѣщиковъ, при замѣнѣ барщины оброкомъ, произойдутъ только въ такомъ случаѣ, если получаемаго съ крестьянъ оброка будетъ недостаточно для уплаты вольнымъ работникамъ за обработку того же количества господскихъ полей, какое нынѣ обработывается. Слѣдовательно, отъ цѣнъ на вольный трудъ будетъ зависѣть, потеряютъ ли что нибудь помѣщики или нѣтъ.

НЕВОЗМОЖНОСТЬ УСТРАНЕНІЯ ВРЕМЕННЫХЪ ПОТЕРЬ ПОМѢЩИКОВЪ ПРИ ПЕРЕХОДѢ КРЕСТЬЯНЪ СЪ БАРЩИНЫ НА ОБРОКЪ.

„Предсказать эти цѣны, конечно, не могутъ ни Коммисіи, оцѣнившія нынѣ земли, отдаваемыя въ пользованіе крестьянамъ, выше дѣйствительтельной ихъ стоимости, ни мѣстное дворянство. Во всякомъ случаѣ, повышеніе оброковъ до предѣловъ, для крестьянъ нынѣ недоступныхъ, не можетъ устранить этихъ опасеній; но вмѣстѣ съ тѣмъ весьма вѣроятно, что подобныя потери, еслибъ онѣ и произошли, будутъ только временными, потому что возвышеніе цѣнъ на остающіяся у помѣщиковъ земли, съ освобожденіемъ труда и дарованіемъ крестьянамъ права пріобрѣтать поземельную собственность, быстро вознаградитъ потери дворянскаго сословія. Единственнымъ способомъ совершеннаго устраненія подобныхъ временныхъ потерь могло бы быть только скудное надѣленіе крестьянъ землею, то есть, отнятіе у нихъ тѣхъ земель которыми они всегда пользовались и которыя обезпечивали ихъ существованіе; но это очевидно обратило бы ихъ въ батраковъ богатыхъ землевладѣльцевъ. Коммисіи не могли и думать о подобномъ разрѣшеніи вопроса, считая, что такое принесеніе одного сословія въ жертву временнымъ интересамъ другаго не соотвѣтствовало бы желанію самаго дворянства улучшить бытъ своихъ крестьянъ.

ОБЕЗПЕЧЕНІЕ ИСПРАВНАГО ОТПРАВЛЕНІЯ ПОВИННОСТЕЙ ПОМѢЩИКУ.

„Обезпечить исправную уплату крестьянами повинностей помѣщику Коммисіи старались всѣми зависящими отъ нихъ средствами и много разъ пересматривали этотъ вопросъ, придумывая все, что только можетъ обезпечить помѣщиковъ, и ограждая лишь крестьянъ отъ слишкомъ легкаго отобранія предоставленныхъ имъ земель [6]).

КРУГОВАЯ ПОРУКА.

„Сознавая многія неудобства *круговой поруки*, которая ставитъ личность крестьянъ въ слишкомъ большую зависимость отъ міра, Коммисіи приняли ее какъ неизбѣжное зло, такъ какъ, при существующемъ нынѣ общинномъ владѣніи землею, они составляетъ главный способъ обезпеченія повинности; уничтожить же искусственно общинное владѣ-

---

[6]) Законы, ограждающіе такъ называемые черныя или крестьянскія земли (Bauerland), т е. состоящія въ крестьянскомъ пользованіи, отъ присоединенія къ собственнымъ помѣщичьимъ, въ Пруссіи и Остзейскихъ губерніяхъ несравненно строже, чѣмъ въ Положеніи Коммисій.

ніе землею, съ которымъ крестьяне такъ сроднились, было бы мѣрою насильственною. При круговой порукѣ Коммисіи установили цѣлый рядъ мѣръ взысканія недоимокъ какъ сельскаго общества съ крестьянина, такъ и помѣщика съ сельскаго общества. Послѣднею и самою дѣйствительною мѣрою, принимаемою по исполненіи всѣхъ другихъ, Коммисіи постановили отобраніе у крестьянъ, въ извѣстной мѣрѣ и съ нѣкоторымъ ограниченіемъ, земельныхъ ихъ участковъ.

Право помѣщиковъ передавать правительству бывшихъ крестьянъ своихъ съ поземельнымъ надѣломъ за выкупъ.

„Наконецъ, владѣльцы ограждены еще и тѣмъ, что однимъ изъ предположеній своихъ Коммисіи полагали предоставить имъ право передавать правительству срочно-обязанныхъ крестьянъ съ находящимися въ пользованіи послѣднихъ землями, за выкупъ, соотвѣтствующій капитализаціи изъ 6% получаемаго помѣщиками оброка.

„Вопросъ объ усадьбахъ подчиненъ Коммисіями общему вопросу о надѣленіи крестьянъ землею за повинности.

Оцѣнка усадьбъ.

„Оцѣнки усадьбъ, сдѣланныя нѣкоторыми губернскими комитетами въ предположеніи отдѣльнаго ихъ выкупа, такъ высоки, что дѣлаютъ пріобрѣтеніе усадьбъ рѣшительно для крестьянъ недоступнымъ. Единственнымъ средствомъ къ разрѣшенію этого затрудненія Коммисіи считаютъ соединить выкупъ усадьбъ съ выкупомъ полевой земли вездѣ, гдѣ, помѣщики того пожелаютъ.

„Дѣйствительно. задача отдѣльной оцѣнки усадьбъ есть вопросъ трудно разрѣшимый, потому что, при крѣпостныхъ отношеніяхъ, за пользованіе усадьбами никогда особой платы не полагалось, усадьбы не продавались отдѣльно, а разцѣнку строеній Коммисіи не допускаютъ, такъ какъ эти строенія большею частію были выстроены самими крестьянами.

„Имѣя однакоже въ виду обязательную по Высочайшему рескрипту продажу усадьбъ, могущую произойти и отдѣльно отъ полевой земли въ тѣхъ имѣніяхъ, въ которыхъ помѣщики на продажу этой земли не согласятся, Коммисіи, не видя возможности ни сдѣлать отсюда какую бы то ни было раціональную оцѣнку усадьбъ, ни утвердить цыфры предлагаемы Губернскими Комитетами, предоставляютъ рѣшеніе этой задачи мѣстнымъ учрежденіямъ на слѣдующихъ основаніяхъ. Изъ общей цифры оброка мѣстнымъ Коммисіямъ предоставляется отчислить на усадьбы отъ 1½ до 3 р. сер. съ души. Капитализація этой повинности составляетъ отъ 25 до 50 р. сер. Полагая во дворѣ 4 души и при немъ усадебной земли ½ десятины, получается оцѣнка крестьянской усадьбы отъ 100 до 200 р. сер., а десятины усадебной земли отъ 200 до 400 р. сер.

„Коммисіи, допуская столь высокую оцѣнку усадьбъ, ограждаютъ крестьянина тѣмъ, что по выкупѣ усадьбы, повинность, отнесенная на послѣднюю, прекращается, а потому чѣмъ дороже оцѣнена мѣстнымъ учрежденіемъ усадьба, тѣмъ дешевле придется платить крестьянину за наемъ полевой земли.

Обращеніе промышленныхъ имѣній въ мѣстечки или посады.

„Принимая однакоже въ соображеніе, что въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ усадьбы, по своему положенію и промысловымъ выгодамъ, съ ними сопряженнымъ, имѣютъ особую цѣнность, какъ напримѣръ въ торговыхъ селахъ, на судоходныхъ рѣкахъ и близь столицъ, Коммисіи предоставляютъ владѣльцамъ такихъ имѣній превратить ихъ въ *мѣстечки* или *посады*; крестьяне, живущіе въ такихъ мѣстечкахъ, за право пользованія усадьбами и сопряженными съ ними выгодами, должны платить помѣщикамъ вѣчные оброки или чинши.

Перенесеніе усадьбъ.

„Другой важный вопросъ относительно усадьбъ есть перенесеніе ихъ. При

разрѣшенiи этого вопроса, Коммисiи должны были принять въ соображенiе, съ одной стороны, невыгоды, происходящiя для крестьянина отъ перенесенiя его усадьбы съ одного мѣста на другое, сопряженную съ этимъ перенесенiемъ потерю его капитала и многолѣтняго труда, затраченнаго имъ на удобренiе огородовъ, коноплянниковъ и разведенiе садовъ; съ другой стороны, невозможность иногда для помѣщика вести рацiональное хозяйство при нынѣшнемъ размѣщенiи усадьбъ, возможномъ только пока помѣщикъ былъ огражденъ своимъ полноправiемъ. А потому Коммисiи допустили, въ уважительныхъ случаяхъ, принудительное для крестьянъ, по требованiю помѣщика, перенесенiе усадьбъ, ограждая крестьянъ только тѣмъ, чтобы новыя мѣста, отводимыя подъ усадьбы, были удобны и перенесенiе совершалось на счетъ помѣщика.

ДОБРОВОЛЬНЫЯ СОГЛАШЕНIЯ И ПРЕ... ИХЪ ВОЗМОЖНОСТИ.

„Наконецъ составляя, согласно съ высочайшею волею, проэктъ закона для опредѣленiя отношенiй срочно-обязанныхъ крестьянъ къ помѣщикамъ, Коммисiи сочли тѣмъ не менѣе полезнымъ не сковывать наглухо всѣ будущiя отношенiя двухъ сословiй въ рамки неизмѣнныя. Поэтому онѣ, въ нынѣшнемъ второмъ перiодѣ своей дѣятельности, рѣшились еще далѣе развить первоначальныя свои предположенiя по этому предмету, допустивъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, рядомъ съ предполагаемымъ закономъ, еще и *добровольныя соглашенiя* владѣльцевъ и крестьянъ, для опредѣленiя какъ надѣла, такъ и повинностей, не только для выкупа, но даже и на время пользованiя.

„Вмѣстѣ съ тѣмъ, я твердо убѣжденъ, что такiя взаимныя соглашенiя могутъ дѣйствительно состояться, и при томъ будутъ не разорительны для крестьянъ, только тогда, когда законъ опредѣлитъ ясно права крестьянъ на случай, еслибъ соглашенiя не воспослѣдовало. Не опредѣлить же ясно и отчетливо этихъ правъ, значило бы вовсе не обезпечить участи крестьянъ, отложить весь вопросъ, всѣмъ на бѣду, на неопредѣленное время, и зажечь во всѣхъ углахъ Россiи опасную борьбу между двумя сторонами, изъ коихъ каждая, не подаваясь на взаимныя уступки, съ затаенною враждою, будетъ выжидать, чтобы обстоятельства и время преклонили вѣсы на ея сторону.

ОБЩЕСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНIЕ.

„Относительно устройства внутренняго управленiя освобождаемыхъ изъ крѣпостной зависимости помѣщичьихъ крестьянъ, Коммисiи должны были имѣть въ виду: 1) что, по смыслу 2 пункта высочайше утвержденнаго журнала Главнаго Комитета 4-го декабря, крестьяне входятъ въ общiй составъ свободнаго сельскаго сословiя въ государствѣ, и 2) что, въ силу началъ Высочайше утвержденнаго журнала 26 октября, власть помѣщиковъ должна быть замѣнена немедленно другою сильною властью.

ВЛАСТЬ ПОМѢЩИКА ДО СОСТАВЛЕНIЯ УСТАВНЫХЪ ГРАМОТЪ И ПЕРЕХОДА КРЕСТЬЯНЪ НА ОБРОКЪ

„Такъ какъ исключительный признакъ всякаго свободнаго сословiя въ государствѣ состоитъ въ томъ, что оно не подчинено никакому другому сословiю и зависитъ только отъ общихъ правительственныхъ и административныхъ властей, а дѣлами, касающимися до внутренняго сословнаго или общественнаго своего управленiя, располагаетъ съ нѣкоторою самостоятельностью, то Коммисiи не находятъ возможности продлить полицейскую власть помѣщика надъ крестьянами далѣе того перiода времени (2 года), который назначенъ для регулированiя поземельныхъ отношенiй помѣщиковъ къ сельскому обществу, составленiемъ актовъ или такъ называемыхъ уставныхъ грамотъ. Исключенiе изъ этого предполагается сдѣлать, въ видахъ обезпеченiя интересовъ помѣщиковъ, въ

тѣхъ имѣніяхъ, въ которыхъ крестьяне, по какимъ бы то ни было случаямъ, не воспользуются предоставленнымъ имъ правомъ, по истеченіи 2 хъ лѣтняго срока, выходить съ барщины на оброкъ, потому что отправленіе всякихъ обязательныхъ работъ необходимо требуетъ еще сохраненія нѣкоторой помѣщичьей власти.

МІРЪ ИЛИ СЕЛЬСКОЕ ОБЩЕСТВО, КАКЪ ЕДИНИЦА ХОЗЯЙСТВЕННАЯ.

„Какъ только поземельныя отношенія помѣщиковъ къ сельскимъ обществамъ опредѣлятся уставною грамотою, а крестьяне перейдутъ на денежную повинность, то они могутъ уже немедленно вступать въ права свободнаго сельскаго сословія и власть помѣщиковъ переходитъ на *міръ* или *сельское общество*, какъ ближайшую хозяйственно-распорядительную власть, и на *волость,* какъ власть административно-полицейскую. Каждое помѣщичье имѣніе (за исключеніемъ самыхъ мелкихъ) обращается въ сельское общество, какъ единицу, тѣсно связанную своими хозяйственными интересами, а въ Великороссіи, сверхъ того, и общиннымъ владѣніемъ землею и круговою порукою.

ВРЕМЕННОЕ ПРИКРѢПЛЕНІЕ КРЕСТЬЯНЪ КЪ ЗЕМЛѢ.

„Принимая сію послѣднюю, согласно пункту 6-му высочайше утвержденнаго журнала главнаго комитета 4-го декабря, за средство къ исправному отправленію повинностей, и имѣя въ виду, съ одной стороны, обезпечить сельскія общества въ возможности такого отправленія, а съ другой стороны, оградить государство отъ бродяжничества и передвиженія значительныхъ массъ народонаселенія, могущаго быть послѣдствіемъ быстраго освобожденія крестьянъ, коммисіи, согласно съ высочайшими рескриптами, должны были *на нѣкоторое время* удержать крестьянъ *болѣе или менѣе крѣпкими землѣ.* А потому крестьяне, по предположеніямъ коммисіи, получаютъ неограниченное право выхода изъ сельскихъ обществъ и отказа отъ пользованія помѣщичьими землями не ранѣе, какъ по истеченіи девятилѣтняго срока [7]), а до тѣхъ поръ, выходъ изъ общества допускается для отдѣльныхъ личностей съ соблюденіемъ нѣкоторыхъ правилъ, обезпечивающихъ сельскія общества въ принятіи ими на себя обязательствъ относительно отправленія повинностей за выходящихъ своихъ членовъ.

РАЗМѢРЪ ВОЛОСТИ.

„Сельскія общества, представляя собою только хозяйственную единицу, соединяются, въ видахъ полицейско-административнаго управленія крестьянскимъ сословіемъ, въ волости отъ 300 до 2000 душъ.

ДОЛЖНОСТНЫЯ ЛИЦА.

„Представители хозяйственно-распорядительной власти въ сельскомъ обществѣ суть: *сельскій староста* и *сельскій сходъ;* представители же административно-полицейской власти въ волости — *старшина, волостной сходъ* и *волостная управа.* Старшины, сельскіе старосты и сборщики податей избираются самими крестьянами, а прочія должностныя лица, по усмотрѣнію общества, могутъ пріискиваться и по найму.

ПОДЧИНЕНІЕ ВОЛОСТЕЙ И СЕЛЬСКИХЪ ОБЩЕСТВЪ ОБЩИМЪ АДМИНИСТРАТИВНЫМЪ ВЛАСТЯМЪ.

„Если крестьянскимъ волостямъ и обществамъ предоставляется въ дѣлахъ, исключительно до нихъ касающихся, та степень самостоятельности, которая необходима для того, чтобы крестьяне, выходящіе изъ крѣпостной зависимости, были дѣйствительно свободнымъ *сосло-*

---

[7]) Коммисіи, сверхъ того, находятъ возможнымъ предоставить мѣстнымъ Дворянскимъ Собраніямъ право ходатайствовать о сокращеніи этого срока, если опытъ покажетъ, что такое сокращеніе возможно и безвредно.

віемъ въ государствѣ, то съ другой стороны, по дѣламъ болѣе общимъ, они подчиняются вновь учреждаемымъ, сообразно съ возникающими потребностями, мѣстнымъ административнымъ властямъ. Устройство этихъ мѣстныхъ властей, какъ то: *Уѣздныхъ Исправниковъ, Уѣздныхъ Расправъ* и *Мировыхъ Судей,* обсуживается въ особой коммисіи (объ устройствѣ Уѣздной Полиціи), состоящей при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Впрочемъ нельзя не признать, что всѣ нынѣ предполагаемыя преобразованія тогда только могутъ увѣнчаться совершеннымъ успѣхомъ, когда съ уничтоженіемъ отдѣльныхъ сельскихъ вѣдомствъ, всѣ крестьяне, какъ государственные, такъ и срочно-обязанные и прочіе, подчинены будутъ одному общему управленію.

ОТНОШЕНІЯ ДВОРЯНСТВА КЪ МѢСТНОМУ УПРАВЛЕНІЮ.

„При этомъ возникаетъ вопросъ, почему помѣщики, какъ землевладѣльцы и вотчинники земли, состоящей въ пользованіи крестьянъ, не введены въ составъ крестьянской волости? Я съ своей стороны, полагаю это совершенно невозможнымъ. Обѣ единицы крестьянскаго управленія, хозяйственная и административная, учреждены только исключительно для крестьянскаго сословія. Включить дворянина въ составъ волости, въ главѣ которой стоитъ выборный изъ крестьянъ, волостной старшина,—значило бы внести въ нее чуждый ей элементъ; подчинить же волость помѣщику послѣ составленія уставныхъ грамотъ и перехода крестьянъ съ барщины на оброкъ, значило бы уничтожить отличительный признакъ свободнаго сословія, — независимость его отъ всякаго другаго. Но помѣщику, какъ землевладѣльцу и вотчиннику крестьянскихъ земель, есть мѣсто въ общественномъ управленіи: оно указано въ высочайше утвержденныхъ для устройства уѣздной полиціи началахъ, въ которыхъ пунктомъ 16-мъ предполагается устроить хозяйственное управленіе уѣздомъ на выборномъ началѣ; причемъ, я полагаю, первое мѣсто въ этомъ управленіи должно быть предоставлено дворянству, какъ главному землевладѣльческому и притомъ самому образованному классу въ государствѣ. Сверхъ того, почетное учрежденіе мировыхъ судей есть выраженіе отношеній дворянскаго класса къ свободному сельскому сословію и притомъ не къ каждой его волости, а къ цѣлому округу. Но такъ какъ начертаніе всѣхъ этихъ учрежденій было возложено не на редакціонныя коммисіи, то труды послѣднихъ и не могли представить отвѣта на вопросы имъ неподлежащіе, хотя и тѣсно связанные съ устройствомъ новыхъ между помѣщиками и крестьянами отношеній.

ПРАВИЛА ВЫКУПА.

„Вопросъ о выкупѣ крестьянами земельныхъ участковъ обсуживался подробно во второмъ періодѣ, но разработанъ только въ видѣ предположеній, сущность которыхъ состоитъ въ слѣдующемъ:

КОЛИЧЕСТВО ВЫКУПАЕМОЙ ЗЕМЛИ.

„При выкупѣ допускается уменьшеніе крестьянскаго надѣла, противъ размѣра надѣла, предоставляемаго въ пользованіе, такъ какъ пользованіе далеко не на столько обезпечиваетъ крестьянина, какъ пріобрѣтеніе земли въ собственность. Такое уменьшеніе надѣла при выкупѣ уже допущено, при добровольномъ соглашеніи между владѣльцами и крестьянами. Конечно, уменьшеніе это не должно превосходить извѣстнаго размѣра. Возможно ли пониженіе крестьянскихъ надѣловъ при другихъ условіяхъ, кромѣ обоюднаго соглашенія, еще не рѣшено. Гарантіею исправнаго платежа помѣщикамъ процентовъ съ выкупнаго капитала до единовременнаго взноса самаго капитала посредствомъ тиража, высочайшею волею Вашего Императорскаго Величества предоставлены государственныя имущества.

Обезпеченіе процентовъ съ выкупнаго капитала.

„Всякое приращеніе въ ихъ доходахъ (уже нынѣ простирающееся до пяти милліоновъ рублей въ годъ) будетъ служить на пополненіе могущихъ произойти въ крестьянскомъ оброчномъ сборѣ недоимокъ.

Оцѣнка выкупаемыхъ земель.

„Нормальная оцѣнка выкупаемыхъ земель есть капитализація изъ 6% лежащихъ на нихъ оброковъ. По добровольнымъ соглашеніямъ между помѣщиками и крестьянами, оцѣнка можетъ быть понижена или повышена противъ нормальной; только, во второмъ случаѣ, добавокъ противъ нормальной суммы крестьяне вносятъ сами, безъ гарантіи правительства.

Три рода выкупа: обществами, товариществами и личный.

„Выкупъ вообще можетъ быть трехъ родовъ: *обществами* (въ общинное владѣніе), *товариществами* (преимущественно тамъ, гдѣ нѣтъ общиннаго владѣнія землею) и *личный*. Правительство можетъ преимущественно гарантировать только первые два рода выкупа.

Способы уплаты выкупной суммы.

„Уплата выкупной суммы, за предварительнымъ вычетомъ долга помѣщиковъ кредитнымъ установленіямъ, можетъ производиться трояваго рода знаками: часть капитала (не болѣе восьми процентовъ его) можетъ выдаваться *деньгами*, другая 5%-ми *безъименными билетами* (облигаціями стоимостью отъ 500 до 1000 руб. сер.), а третья наконецъ *именными свидѣтельствами* (5½%), которыя, во избѣжаніе слишкомъ легкаго обращенія и наводненія оттого ими биржеваго рынка, запрещается передавать другимъ лицамъ иначе, какъ крѣпостнымъ порядкомъ. Свидѣтельства сіи, по мѣрѣ возможности, размѣниваются на облигаціи, а сіи послѣднія погашаются посредствомъ *тиража*. Возможность размѣна свидѣтельствъ на облигаціи или 5%-е билеты можетъ быть обусловлена тѣмъ, чтобы общее количество выпущенныхъ облигацій никогда не превосходило извѣстной суммы, напримѣръ 200 мил. руб. сер. Выкупная операція можетъ быть возложена на Главный Банкъ въ столицѣ, орудіями котораго будутъ или Губернскіе Банки, или прямо Уѣздныя Казначейства.

„Другіе, болѣе второстепенные вопросы, относящіеся до уничтоженія крѣпостнаго состоянія въ Россіи, предполагается разрѣшить слѣдующимъ образомъ:

Освобожденіе дворовыхъ людей.

„Дворовые люди, пріобрѣтая личныя права при самомъ объявленіи новаго положенія, остаются въ обязательномъ услуженіи помѣщиковъ на то время, пока и крестьяне еще не имѣютъ права выхода съ обязательнаго труда на оброкъ. По истеченіи этого времени (т. е. чрезъ 2 года) и по утвержденіи уставныхъ грамотъ, дворовые не надѣляются землею, но получаютъ право выхода изъ обязательнаго услуженія безъ всякой уплаты за свою личность. Съ другой стороны, и помѣщики могутъ отпускать отъ себя дворовыхъ и не обязаны болѣе призрѣвать и прокармливать ихъ. Коммисіи, разрѣшая вопросъ такимъ образомъ, старались придерживаться строгой справедливости, хотя и не скрывали отъ себя затрудненій, съ которыми будетъ сопряженъ для правительства выходъ цѣлой массы людей, ничѣмъ необезпеченныхъ, изъ попечительства и призрѣнія помѣщиковъ. Впрочемъ, нѣтъ сомнѣнія, что человѣколюбіе и долголѣтняя привычка побудитъ владѣльцевъ сохранить при себѣ многихъ изъ прежнихъ своихъ служителей.

Способъ призрѣнія престарѣлыхъ и увѣчныхъ.

„Затѣмъ послѣднія затрудненія могутъ, какъ я полагаю, быть большею

частію устранены установленіемъ довольно значительнаго налога на паспорты съ выходящихъ на свободу дворовыхъ людей: на собираемыя такимъ образомъ суммы могутъ быть основаны учрежденія для призрѣнія тѣхъ лицъ этого сословія, которыя по старости, малолѣтству, или увѣчью, не будутъ въ состояніи заработывать себѣ насущный хлѣбъ. Плата подобнаго налога будетъ для дворовыхъ людей, во всякомъ случаѣ, несравненно легче уплаты прежнихъ ихъ оброковъ.

ВОЗНАГРАЖДЕНІЕ МЕЛКОПОМѢСТНЫХЪ ПОМѢЩИКОВЪ.

„Мелкопомѣстныхъ помѣщиковъ предполагается вознаградить за потери на возможно широкихъ началахъ. Мелкопомѣстными будутъ признаны владѣльцы не свыше 21 души, и притомъ такіе, которые, независимо отъ этого владѣнія, не имѣютъ никакой другой собственности, или капиталовъ, или иныхъ какихъ либо средствъ къ существованію. Такіе владѣльцы, за уступаемыя ими крестьянамъ земли, получатъ выкупной капиталъ 5%-ми билетами *по гораздо высшей оцѣнкѣ*. Вмѣстѣ съ тѣмъ, мелкопомѣстнымъ помѣщикамъ правительство постарается сохранить не только всю усадебную осѣдлость, но также полевыя и луговыя земли, хотя бы крестьяне ихъ и совсѣмъ не были надѣлены землею.

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ СЕЛЬСКАГО, ЛѢСНАГО И МЕЖЕВАГО УСТАВОВЪ.

„Независимо отъ разрѣшенія всѣхъ вышеупомянутыхъ вопросовъ, коммисіи занимаются еще и подготовленіемъ матеріаловъ для составленія уставовъ лѣснаго, сельскаго, межеваго и т. д.

МѢСТНЫЯ ЗАКОНОПОЛОЖЕНІЯ.

„Въ заключеніе, мнѣ остается присовокупить, что во второмъ періодѣ своихъ занятій коммисіи обратили особенное вниманіе на тѣ части Россіи, которыя, по мѣстнымъ обстоятельствамъ, требуютъ значительныхъ видоизмѣненій въ принятыхъ для цѣлой Россіи законоположеніяхъ. Первое мѣсто между этими частями Россіи занимаетъ Западный край, т. е. Кіевское и Виленское генералъ-губернаторства. Главныя и существенныя ихъ особенности заключаются именно въ томъ, что въ нихъ отношенія крестьянъ къ помѣщикамъ уже были опредѣлены инвентарными правилами и что тамъ не существуетъ и не существовало общиннаго владѣнія землею. Изъ этихъ-то особенностей истекаетъ цѣлый рядъ обстоятельствъ, вызывающій особыя мѣстныя законоположенія.

„Вообще Крестьянское Положеніе для Западнаго края будетъ не мало различествовать отъ Положенія для остальной Россіи; коммисіи, при составленіи его, имѣли однако постоянно въ виду, чтобы оно не противорѣчило основнымъ началамъ, принятымъ для цѣлой Россіи. Работы коммисій втораго періода для Западнаго края будутъ, какъ я надѣюсь, окончены съ помощью гг. членовъ отъ губернскихъ комитетовъ этого края

„Изъ всего изложеннаго Ваше Императорское Величество изволите усмотрѣть, что вторымъ періодомъ своихъ занятій коммисіи разрѣшили крестьянскій вопросъ не только въ общихъ чертахъ, но даже въ его подробностяхъ и частностяхъ. Третій періодъ занятій коммисій будетъ состоять: въ тщательномъ пересмотрѣ всѣхъ замѣчаній гг. членовъ, избранныхъ отъ губернскихъ комитетовъ, какъ перваго, такъ и втораго призыва; въ окончательномъ исправленіи заключеній коммисій и, наконецъ, *въ кодификаціи*, т. е. въ приведеніи сихъ заключеній въ букву и статьи *законоположенія*. Въ такомъ видѣ проэктъ Положенія о крестьянахъ будетъ внесенъ въ главный комитетъ, со всѣми отдѣльными мнѣніями членовъ редакціонныхъ коммисій, а также съ замѣчаніями членовъ отъ губернскихъ комитетовъ.

„Всѣ усилія мои, какъ предсѣдателя коммисій, были направлены къ тому,

чтобы остаться вполнѣ вѣрнымъ тѣмъ началамъ, которыя были указаны высочайшею Вашею волею, какъ въ рескриптахъ, такъ и въ утвержденныхъ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ журналахъ главнаго комитета. Безъ соблюденія этого, самаго важнаго, по моему мнѣнію, въ работахъ коммисій условія, труды наши не имѣли бы прочнаго основанія. Въ дальнѣйшемъ развитіи этихъ началъ, коммисіи дѣйствовали по своему крайнему разумѣнію, принимая вполнѣ добросовѣстно въ соображеніе все то, что̀ было сдѣлано губернскими комитетами. Губернскіе комитеты трудами своими принесли Россіи большую пользу. Ваше Императорское Величество соизволили обратиться съ рескриптами къ мѣстнымъ дворянствамъ съ тѣмъ, чтобы они, въ лицѣ избранныхъ ими комитетовъ, высказали, какъ они полагаютъ улучшить бытъ своихъ крестьянъ. Затѣмъ на правительственныя учрежденія: главный комитетъ и редакціонныя коммисіи, возложено было начертаніе крестьянскаго Положенія, какъ на основаніи началъ, выработаныхъ симъ комитетомъ и утвержденныхъ высочайшею Вашею волею, такъ и на основаніи мѣстныхъ проэктовъ положеній губернскихъ комитетовъ. Въ начертанномъ коммисіями проэктѣ Положенія едва ли найдется хотя одно существенное правило, которое не было бы предложено тѣмъ или другимъ изъ проэктовъ губернскихъ комитетовъ; но, конечно, ни одинъ изъ членовъ этихъ комитетовъ не найдетъ и не долженъ найти въ положеніи коммисій проэкта его губерніи во всей его цѣлости. Утвержденіе исключительно одного губернскаго положенія, преимущественно передъ другими, было бы и несправедливо, и неосуществимо, по разнообразію мѣстныхъ условій; утвержденіе же, съ нѣкоторыми измѣненіями, всѣхъ губернскихъ положеній, находящихся между собою въ совершенно несогласимыхъ противорѣчіяхъ, было бы также невозможно. Противорѣчія эти истекаютъ вовсе не изъ различія мѣстныхъ условій (которыя никогда не упускались изъ виду въ предположеніяхъ коммисій), но изъ различія въ самомъ существѣ воззрѣнія комитетовъ на предметы. Наконецъ, отыскивать механически, по каждому отдѣльному вопросу, въ пользу какого способа его разрѣшенія высказалось большинство губернскихъ положеній, было неосуществимо на практикѣ: ибо, въ большей части случаевъ, мнѣнія комитетовъ до того расходятся, что и сравнивать ихъ между собою невозможно. А потому коммисіямъ оставался только одинъ исходъ: въ главѣ разрѣшенія вопроса поставить высочайше утвержденныя начала, указанныя въ высочайшихъ рескриптахъ и въ журналахъ главнаго комитета, и развивать эти начала органически, соображая въ тоже время всѣ положенія губернскихъ комитетовъ и выбирая, то изъ одного, то изъ другаго, все, что̀, по уразумѣнію коммисій, соотвѣтствуетъ какъ сказаннымъ началамъ, такъ и вообще успѣшному и раціональному разрѣшенію крестьянскаго вопроса.

„Вмѣстѣ съ тѣмъ, коммисіи остались вѣрными принятому ими съ самого начала ходу работъ. Разсылкою своихъ журналовъ, онѣ отдали еще неоконченные труды свои на судъ не только правительственныхъ лицъ и представителей дворянскаго сословія, но и на судъ всѣхъ тѣхъ, кто только могъ придумать болѣе удовлетворительное разрѣшеніе много разъ обдуманныхъ и пересмотрѣнныхъ вопросовъ. Не смущаясь возраженіями, напротивъ, ожидая и принимая ихъ съ искреннею благодарностію, коммисіи, въ настоящее время, исполняютъ свято принятую ими на себя и заявленную въ журналахъ общаго присутствія обязанность: исправлять, согласно съ справедливыми указаніями, тѣ недостатки, которые были неизбѣжны при столь сложномъ и громадномъ трудѣ.

„Въ третьемъ періодѣ занятій, коммисіямъ, согласно принятой ими программѣ, остается еще снова пересмотрѣть и исправить ускользнувшія отъ нихъ во второмъ періодѣ ошибки, а мнѣ

представить Вашему Императорскому Величеству добросовѣстный отчетъ въ тѣхъ неудобствахъ или недостаткахъ Положенія, которыхъ, при нынѣшнимъ состояніи различныхъ отраслей нашего государственнаго устройства, едва ли было возможно избѣгнуть. Всѣ усилія мои и состоящихъ подъ моимъ предсѣдательствомъ коммисій, во второмъ періодѣ, были направлены къ тому, чтобы установить самое строгое равновѣсіе между интересами дворянства и интересами освобождаемаго народа; чтобы оградить первое отъ несправедливыхъ потерь и упрочить послѣднему возможность достигнуть благоденствія въ будущемъ. Въ какой мѣрѣ достигаемъ мы этой цѣли, Ваше Императорское Величество изволите усмотрѣть, когда весь проэктъ Положенія будетъ готовъ вполнѣ, потому что только по совокупности всѣхъ начертаныхъ правило можно будетъ судить о томъ, въ какой мѣрѣ ограждены интересы обоихъ сословій.

„Другая цѣль, которая ни на минуту не покидала и не покидаетъ меня и къ которой постоянно стремились коммисіи, состоитъ въ томъ, чтобы при введеніи предстоящей реформы предупредить или, по крайней мѣрѣ, ограничить, по возможности, неизбѣжныя отчасти столкновенія, и въ особенности тѣ изъ нихъ, которыя бы могли нарушить общественный порядокъ и спокойствіе государства. Достигнемъ ли мы этой цѣли, можетъ показать только историческое развитіе той новой эпохи государственной жизни, въ которую вступаетъ Россія; но въ настоящую минуту я смотрю на будущее своего отечества полный тѣхъ же лучшихъ надеждъ и той же теплой вѣры, которыя Васъ Государь, никогда не покидали.

ПОХОДЪ 1859 ГОДА (*)

(*Изъ Записокъ В. А. Инсарскаго*)

I.

Моя походная канцелярія была сформирована на широкую ногу. Прежде всего въ составъ ея входилъ извѣстный Ѳ. Е. Булатовъ въ качествѣ походнаго казначея (1), и везъ съ собою сундуки, набитыя серебромъ и золотомъ и такъ называемыми экстраординарными вещами т. е. часами, кольцами, браслетами, оружіемъ и т. п., которыхъ въ казначействѣ Намѣстника всегда хранится значительный запасъ. Разнородныя эти вещи, доставлявшіяся изъ кабинета Государя, предназначались для подарковъ туземцамъ, а такъ какъ во время похода необходимость этихъ подарковъ предстояла въ весьма значительныхъ размѣрахъ, то Булатову и отдано было все что состояло на лицо, да и того оказалось недостаточно.

Способъ доставленія дополнительнаго запаса (составленнаго уже на скоро изъ вещей, купленныхъ въ Тифлисѣ) изъ Тифлиса въ мѣста походнаго нашего расположенія, былъ такъ

(*) Печатая эту главу изъ Записокъ В. А. Инсарскаго (см. выше стр. 475 477 и 1003—1031), мы должны предупредить читателей Рускаго Архива, что глава эта представляетъ собою только выдержки изъ подлинной рукописной тетради. Нѣтъ, кажется, надобности распространяться о причинахъ такого, не произвольнаго съ нашей стороны, сокращенія: то что совершалось всего девять лѣтъ тому назадъ, еще не можетъ быть полнымъ достояніемъ исторіи, и предавать гласности разсказы о такихъ близкихъ эпохахъ можно лишь, такъ сказать, съ дозволенія современной минуты.

П. Б.

(1) Нынѣ Елисаветпольскій губернаторъ.

оригиналенъ, что изумилъ всѣхъ, даже самаго князя Намѣстника. Доставить эти вещи поручено было одному изъ чиновниковъ законодательнаго учрежденія, которымъ я управлялъ, прекрасному молодому человѣку Рутковскому, совершенно незнакомому съ тонкостями и опасностями военнаго быта. Это-то незнакомство и помогло ему совершить подвигъ, который всѣ единогласно признали удивительнымъ. Дѣло въ томъ, что, получивъ экстраординарныя вещи, Рутковскій отправился къ намъ не тѣмъ путемъ, которымъ мы шли, а какимъ-то другимъ, встрѣчнымъ. Собственное ли соображеніе руководило его въ этомъ, или указанія другихъ — я не знаю; но въ началѣ своего пути онъ ѣхалъ по тѣмъ пунктамъ, гдѣ расположены были наши войска, которыя и отдѣляли нужныя части для его конвоированія. Потомъ пункты эти, неожиданно для него, какъ-то прекратились, и онъ внезапно очутился въ такомъ положеніи, что за нимъ лежалъ пройденный уже, довольно длинный, путь, а впереди враждебная страна непокорныхъ горцевъ. Всякій другой на его мѣстѣ, болѣе его опытный, возвратился бы назадъ, какъ это ни было бы непріятно; неопытный Рутковскій пошелъ впередъ и—удивительное дѣло!—здравъ и невредимъ явился въ нашъ лагерь, доставивъ въ совершенной цѣлости всѣ порученныя ему вещи. Изъ разсказовъ его видно, что, являясь въ какой нибудь аулъ, онъ относился къ нему, какъ къ какому нибудь селу въ Тамбовской губерніи, требовалъ лошадей и проводниковъ, на томъ основаніи, что «казну везетъ». По словамъ Рутковскаго, слово «казна» имѣло на дикихъ горцевъ какое-то магическое дѣйствіе, и они относились къ нему съ замѣтнымъ уваженіемъ, какъ къ чему-то священному. Онъ говорилъ, что при появленіи его въ немирномъ аулѣ почти все населеніе его выползало изъ сакель и группировалось вокругъ него съ физіономіями, на которыхъ удивленіе смѣшивалось съ непріятностію. Слово «казна» какъ будто тотчасъ вразумляло ихъ. Этого мало. Рутковскій говорилъ, что, по желанью жителей, онъ нѣсколько разъ распаковывалъ вещи, показывалъ ихъ осаждавшимъ его толпамъ и самъ любовался ихъ безконечнымъ изумленіемъ. Князь А. И. Барятинскій часто любилъ касаться этого предмета и говорилъ, что Рутковскій сдѣлалъ неслыханное дѣло. Фадѣевъ (²) говорилъ, что поведеніе Рутковскаго во всемъ этомъ дѣлѣ походило на поведеніе ребенка, который находитъ веселое и забавное въ огнѣ, обхватившемъ домъ, гдѣ онъ находится. И дѣйствительно, по свидѣтельству самаго Рутковскаго, онъ не сознавалъ и не чувствовалъ рѣшительно никакой опасности, проходя чрезъ немирные аулы.... Нѣтъ сомнѣнія, что въ нравственномъ состояніи страны, готовой уже покориться, надо искать объясненія замѣчательнаго подвига Рутковскаго...

Справедливость требуетъ сказать, что бѣдному Булатову было много труда и возни съ своими деньгами и своими вещами, потому что расходованіе тѣхъ или другихъ, расходованіе, почти всегда экстренное и потому безпорядочное, все таки требовало отчетности. Отъ этого происходило, что въ то время, когда всѣ другіе члены походной свиты Намѣстника кутятъ или спятъ, Булатовъ вѣчно считаетъ свои деньги или свѣряетъ свои счеты. Мнѣ лично было очень

(²) Извѣстный военный писатель.

пріятно, что вся денежная часть была поручена такому солидному и опытному человѣку, и я избавленъ былъ отъ необходимости принимать въ ней какое либо непосредственное участіе.

Потомъ къ походной канцеляріи я присоединилъ Зиссермана. Зиссерманъ, не смотря на то, что былъ маіоръ или полковникъ (хорошо ужъ не помню) принадлежалъ къ тому же законодательному учрежденію, о которомъ я выше упомянулъ. Это былъ человѣкъ, весьма опытный, умный и образованный. По предшествовавшей военной службѣ своей, онъ подробно зналъ всѣ мѣстныя обстоятельства страны, въ которую направлялся походъ и знакомъ былъ со всѣми туземными личностями, сколько нибудь замѣчательными. Владикавказъ, гдѣ преимущественно производились различныя походныя заготовленія и всю военную обстановку его, онъ зналъ, какъ свои пять пальцевъ. Въ заключеніе, онъ былъ нѣсколько разъ самъ въ походахъ Понятно, какъ мнѣ важно и полезно было имѣть при себѣ такого опытнаго человѣка, мнѣ, который долженъ былъ вкусить первыя сладости похода. Я передалъ Зиссерману всѣ хозяйственныя распоряженія по заготовленію для меня во Владикавказѣ походной палатки, по покупкѣ верховой лошади, по пріобрѣтенію вещей, необходимыхъ для походной канцеляріи и т. п., и справедливость требуетъ сказать, что трудно было найти для всего этого болѣе искуснаго и усерднаго исполнителя.

Наконецъ въ составъ походной канцелярія я назначилъ одного изъ толковѣйшихъ моихъ писцовъ, на руки котораго сдана была вся матеріальная часть включительно съ походною мебелью, состоявшею изъ складныхъ столовъ и стульевъ, нарочно для похода приготовленныхъ.

До начала похода, князь А. И. Барятинской нашелъ нужнымъ отправиться въ Петербургъ, для предварительныхъ переговоровъ съ Государемъ и оттуда возвратиться уже прямо въ крѣпость Грозную, гдѣ, къ 10 Іюля, должно было сосредоточиться все, что назначено къ участію въ походѣ. Съ приближеніемъ этого срока началось отправленіе изъ Тифлиса различныхъ частей и различныхъ личностей.

Всѣ эти части и личности выступали въ очередномъ порядкѣ по особо составленному росписанію. Очередь дошла и до меня Въ назначенный день тронулась моя походная канцелярія и безъ особыхъ приключеній прибыла въ Владикавказъ. Въ Владикавказѣ представлены были на мое усмотрѣніе пріобрѣтенныя и заготовленныя предварительными распоряженіями Зиссермана походныя принадлежности. Изъ нихъ наиболѣе достойными моего вниманія были, во первыхъ, походная лошадь и, во вторыхъ, походная палатка И то и другое оказалось вполнѣ удовлетворительнымъ.

Исторія лошади была слѣдующая: въ какомъ-то бывшемъ не задолго предъ тѣмъ сраженіи съ какимъ-то возмутившимся племенемъ убитъ былъ знаменщикъ враждебной партіи, которому именно принадлежала эта лошадь. За смертію хозяина она досталась вдовѣ его. Одинъ изъ мѣстныхъ начальниковъ, полковникъ или генералъ, кажется Кундуховъ, самъ татаринъ и величайшій лошадникъ, къ которому обратился Зиссерманъ по части пріобрѣтенія для меня походнаго коня, насѣлъ, какъ говорится, на эту вдову и отбилъ у нея лошадь убитаго знаменщика, разумѣется не жалѣя денегъ. Счастливый всегда и во всемъ, я и здѣсь оказался счастливцемъ. Это была не лошадь, а сокровище; необычайной силы, умна,

быстра, послушна и въ высшей степени осторожна. Слава ея весьма скоро разнеслась по лагерю. Какихъ хитростей не употребляли мои свитскіе друзья, чтобъ отбить ее у меня посредствомъ мѣны и различныхъ другихъ средствъ, безпрестанно и безуспѣшно ими изобрѣтаемыхъ! Шагъ у нея былъ удивительный, и рѣдкая лошадь могла равняться съ ней въ этомъ отношеніи, такъ что, когда мы, въ отсутствіе князя (о чемъ будетъ сказано ниже) переходили съ позиціи на позицію, и когда я, выдвинувшись впередъ, собиралъ вокругъ себя всѣхъ адъютантовъ, для хоровыхъ пѣсенъ, они часто злились на меня именно за то, что я на своемъ шагистомъ конѣ утомляю ихъ лошадей, которыя не могли поспѣвать за нимъ и шли большею частію рысью. Рысь эта лошадь имѣла также необычайную, и я смѣло вызывалъ всѣхъ на состязаніе. Въ особенности милый и добрый князь Суворовъ принимался нѣсколько разъ оспаривать у меня побѣду и всегда безуспѣшно. Однимъ словомъ, я гордился своею великолѣпною лошадью и, благодаря ея необычайнымъ достоинствамъ, превратился въ совершеннаго джигита. Въ то время, когда адъютанты и другіе свитскіе господа, запасшіеся двумя или тремя лошадьми, бросали ихъ постепенно въ слѣдствіе слабости, изнуренія или болѣзней, мой конь постоянно оставался здравъ и невредимъ, не теряя ни тѣла, ни силы. Если пріѣзжалъ въ нашъ лагерь какой нибудь петербургскій господинъ, и начиналъ разыскивать, гдѣ бы пріобрѣсти хорошую походную лошадь, онъ тотчасъ накидывался на моего коня и дѣлалъ самыя блистательныя предложенія въ матеріальномъ отношеніи. Когда стало извѣстнымъ, что лошадь эту, во время похода, нельзя пріобрѣсти ни за какія деньги, явилось много желающихъ купить ее по окончаніи похода. Въ числѣ этихъ желающихъ былъ и мой пріятель Фадѣевъ. Продать лошадь за высшую цѣну противъ той, которую я самъ заплатилъ, я считалъ неприличнымъ; слѣдовательно, если я долженъ былъ уступить ее за свою цѣну—то, конечно, естественнѣе уступить ее пріятелю. На этомъ основаніи Фадѣевъ былъ предпочтенъ и объявленъ будущимъ владѣтелемъ моей лошади.

Что касается до походной палатки, изготовленной для меня во Владикавказѣ, то и она меня также удовлетворила вполнѣ: подбитая сукномъ, съ прекрасно-устроеннымъ окномъ, она обѣщала оправдать свое назначеніе. И дѣйствительно, устланная ковромъ, заставленная уютною походною мебелью — она представляла очень милую комнату. Но мое личное пользованіе этою комнатою ограничивалось тѣмъ только, что я въ ней спалъ. Моя палатка какъ-то съ разу сдѣлалась общимъ достояніемъ всей свиты, такъ что почти въ теченіи всего дня она служила сборнымъ пунктомъ для всѣхъ адъютантовъ, и для меня попасть въ нее было также трудно, какъ и для всякаго посторонняго. Этому содѣйствовало, во первыхъ, комфортабельное устройство и убранство моей палатки, какихъ не было ни у кого другаго на всей улицѣ, заселенной свитскими господами; во вторыхъ, обиліе всевозможныхъ запасовъ, находившихся въ распоряженіи моего камердинера и необычайное его умѣнье удовлетворять желаніямъ и требованіямъ каждаго, и въ третьихъ, учрежденіе между свитскими господами въ свободное время игры, для которой мои походные столы служили важнымъ

и, можно сказать, единственнымъ основаніемъ. Просто непостижимо, какъ умѣли эти господа набиваться и умѣщаться въ эту, во всякомъ случаѣ, небольшую, палатку человѣкъ по 20. Я помню, что на одной моей походной кровати размѣщалось какъ-то, въ различныхъ изломанныхъ положеніяхъ, человѣкъ по 6 и по 8. Палатка моя освободилась нѣсколько только тогда, когда князю А. И. Барятинскому была прислана великолѣпная, круглая, татарская палатка, которую князь на первое время отдалъ, какъ я выше говорилъ, въ распоряженіе Тромповскаго ([3]) и которая сдѣлалась главнымъ мѣстомъ собраній свиты.

О походныхъ ящикахъ, заготовленныхъ для меня во Владикавказѣ, говорить нечего; для тѣхъ, кто не знакомъ съ ихъ устройствомъ практически, достаточно сказать, что это просто продолговатые сундуки извѣстной мѣры, снабженные всевозможными ремнями, петлями, крючками, за которые они прикрѣпляются на вьючной лошади къ сѣдлу особаго устройства.

Во Владикавказѣ мы пробыли весьма не долго, дня два или три и затѣмъ, въ тѣхъ же экипажахъ, но только не на почтовыхъ уже, а на казачьихъ лошадяхъ, передвинулись въ крѣпость Грозную. По пути отъ Владикавказа къ Грозной мы проѣзжали чрезъ казачьи станицы. Въ одной изъ этихъ станицъ была квартира командира какого-то казачьяго толка или казачьей бригады Едлинскаго, личности въ высшей степени замѣчательной. Это былъ человѣкъ чрезвычайно умный и образованный, но дурно говорившій по русски, сто разъ бывшій богатымъ, человѣкъ, пользовавшійся особеннымъ вниманіемъ намѣстниковъ и составившій себѣ огромную славу своими знаменитыми по остротѣ и вѣрности изрѣченіями, которыя ходили по всему краю. Когда началось передвиженіе изъ Тифлиса въ Грозную, Едлинскій, жившій на перепутьѣ, счелъ долгомъ открыть у себя какое-то безконечное угощеніе и зазывать къ себѣ всѣхъ мимоидущихъ и ѣдущихъ. Пріѣхавъ въ эту станицу, я нашелъ уже тамъ большую часть свиты князя, которая, подъ командою и покровительствомъ С. А Шереметева, слѣдовала верхами вмѣстѣ съ конвоемъ князя, выступившимъ изъ Тифлиса за нѣсколько дней до моего отъѣзда. Само собою разумѣется, что и я былъ аттакованъ самыми настоятельными приглашеніями радушнаго хозяина удостоить вниманіемъ его, какъ онъ выражался, «хлѣбъ и соль», которые, въ видѣ самыхъ разнообразныхъ явствъ, повидимому, не сходили съ его гостепріимнаго стола съ утра до вечера. Послѣ того, какъ я ближе ознакомился съ обиліемъ и качествомъ этихъ блюдъ, хлѣбосольный хозяинъ представилъ мнѣ огромную коллекцію казацкихъ нагаекъ высшаго сорта и просилъ меня принять одну изъ нихъ на память. Само собою разумѣется, что началась «борьба великодушія». Я упорно отказывался; онъ еще упорнѣе настаивалъ, и такъ какъ мой рѣшительный отказъ могъ бы показаться обиднымъ для него, то я и долженъ былъ уступить. Я сказалъ: «собраніе этихъ вещей такъ великолѣпно, что я истинно затрудняюсь сдѣлать выборъ, и потому, если вамъ такъ настоятельно угодно дать мнѣ матеріальный знакъ вашего добраго расположенія ко мнѣ, то потрудитесь сдѣлать этотъ выборъ сами». Едлинскій взялъ изъ

([3]) Генералъ, состоявшій при князѣ.

цѣлой кучи нагаекъ самую лучшую и богатую, сплошь задѣланную въ серебро и приподнесъ мнѣ. Такой великолѣпной нагайки ни у кого не было. Свитскіе пріятели по очереди стали выпрашивать ее у меня въ подарокъ, пока я не подарилъ ее графу Ферзену......

Крѣпость Грозная въ то время также мало походила на крѣпость, какъ и Владикавказъ. Это скорѣе былъ одинъ изъ уѣздныхъ городовъ средней руки. Стараніями и распоряженіями того же Зиссермана намъ отвели тамъ квартиру, далеко не блестящаго вида, въ домѣ какого-то офицера изъ татаръ. Но задача состояла уже не въ томъ, чтобъ имѣть хорошую квартиру (хорошихъ квартиръ и вовсе не существовало въ Грозной) а въ томъ, чтобы имѣть какое нибудь помѣщеніе, а съ этой точки наше помѣщеніе было еще лучшимъ, сравнительно съ другими. Грозная, можно сказать, была биткомъ набита, и конечно, во все время своего существованія, она не имѣла такого оживленія, какъ въ этотъ моментъ. Хозяиномъ нашимъ здѣсь былъ графъ Евдокимовъ. Домъ, который онъ постоянно занималъ, былъ имъ очищенъ для князя, а самъ онъ помѣщался въ какомъ-то другомъ изъ казенныхъ домовъ.

Домъ, проготовленный для князя, представлялъ для меня величайшій интересъ. Я зналъ, что князь Александръ Ивановичь, по должности начальника лѣваго фланга, долго жилъ въ этомъ домѣ, что въ этомъ-то домѣ получались, распечатывались и читались мои петербургскія письма, которыя я адресовалъ въ крѣпость Грозную, не имѣя ни малѣйшаго понятія, что̀ это за крѣпость, гдѣ и какъ она стоитъ. Понятно, съ какимъ любопытствомъ я разсматривалъ его. Я нашелъ, что и по фасаду и по внутреннему расположенію онъ очень походитъ на одинъ изъ помѣщьичихъ домовъ средней руки нашей внутренней Россіи: одноэтажный, обширный, чуждый изящества и великолѣпія, но удобный и покойный. Въ этомъ домѣ, еще до пріѣзда князя, мы собирались ежедневно въ назначенный часъ, обѣдать. Обѣды эти совершались уже, если не ошибаюсь, на счетъ князя, подъ командою милаго Тромповскаго, назначеннаго комендатомъ главной квартиры и сдѣлавшагося истиннымъ мученикомъ по этой должности, потому что безконечная его доброта производила то, что, въ одной стороны, его никто не хотѣлъ слушаться, а съ другой на него сыпались со всѣмъ сторонъ всевозможные упреки мельчайшаго свойства, и за то напр: что супъ не хорошъ и за то, что вина мало и т. п. Послѣ обѣда большею частію, вся свита высыпала гурьбой въ городской или крѣпостной садъ, по срединѣ котораго устроена была деревянная площадка. На этой площадкѣ играла музыка и происходили танцы. Наши адъютанты пускались танцовать и волочиться. Въ этомъ періодъ графъ Ностицъ, командиръ нижегородскаго гусарскаго полка, далъ намъ большой праздникъ. Нижегородскій полкъ стоялъ верстахъ въ десяти отъ Грозной, и всѣ мы пустились туда верхами, пробуя по дорогѣ впервыя нашихъ походныхъ коней. Справедливость требуетъ сказать, что праздникъ былъ очень хорошъ: съ иллюминаціей, моремъ вина, пѣснями, добрымъ ужиномъ, качаньемъ на рукахъ и всею обстановкою, какою отличаются полковые праздники на Кавказѣ....

Во время пребыванія въ Грозной, я увидѣлъ и узналъ впервыя, — что̀ такое саранча, этотъ бичь Божій. Не знаю

почему, но всѣ слухи и разсказы о саранчѣ еще прежде постоянно интересовали меня. Мнѣ казалось невѣроятнымъ, что саранча застилаетъ солнце, превращаетъ хлѣбныя поля мгновенно въ голую степь и. т. п. Какъ то, проѣзжая однажды по желѣзной дорогѣ изъ Москвы въ Петербургъ, я встрѣтилъ какого-то господина, который, въ стеклянной банкѣ, везъ нѣсколько экземпляровъ живой саранчи изъ Новороссійскаго края и торжественно показывалъ ее всѣмъ желающимъ. Любопытныхъ было множество; видно было, что на сѣверѣ не я одинъ жаждалъ взглянуть на это, ничтожное въ отдѣльности, но страшное въ массѣ насѣкомое жаркихъ странъ. Я разсматривалъ экземпляры, заключавшіеся въ банкѣ, съ величайшимъ любопытствомъ, видѣлъ въ нихъ нѣчто въ родѣ обыкновенныхъ, только большихъ размѣровъ кузнечиковъ и все таки не могъ понять страшной истребительной силы это слабаго творенія. Я помнилъ также оффиціальный разсказъ, напечатанный въ газетахъ въ родѣ какого-то донесенія, гдѣ говорилось, что въ какомъ-то селеніи одной изъ закавказскихъ губерній появилась саранча, что жители, слѣдуя стариннымъ преданіямъ, избрали изъ среды себя самаго благочестиваго человѣка и послали его, въ сопровожденіи депутатовъ или ассистентовъ, къ какому-то извѣстному ключу за водой; потомъ разказывалось, какъ онъ почерпнулъ этой воды въ сосудъ и понесъ ее торжественно въ свое селеніе, какъ при этомъ обратномъ шествіи надъ головой его вились во множествѣ какія-то птицы и вмѣстѣ съ нимъ прилетѣли въ селеніе и какъ, наконецъ, птицы эти напали на саранчу и истребили ее. Этотъ разсказъ, исполненный чего-то чудеснаго и въ тоже время имѣвшій оффиціальный характеръ, еще болѣе приковалъ мое любопытство къ вопросу о саранчѣ.

При этихъ условіяхъ понятно, какое чувство испыталъ я, когда однажды утромъ мой камердинеръ сказалъ мнѣ: «не угодноли взглянуть на саранчу? летитъ тучей чрезъ Грозную». Когда я вышелъ изъ своихъ комнатъ, мнѣ, прежде всего, представилось, что вмѣсто яснаго утра наступило что-то въ родѣ сумерекъ. Необъятной тучей саранча затемняла все видимое пространство и летѣла такъ низко, что щелкалась о мой лобъ. Милліоны, или лучше сказать неисчислимыя числа этихъ летучихъ существъ, съ легкимъ шумомъ и какъ-то бочкомъ проносились надъ Грозной. Множество мальчишекъ, вооруженныхъ палками, махали противъ теченія и разомъ побивали тысячи. Взрослое населеніе оставалось совершенно равнодушно и не обращало на саранчу никакого вниманія, продолжая заниматься своими обычными дѣлами. Саранчи дѣйствительно падало множество подъ нашими ударами; но совокупныя дѣйствія наши имѣли на уменьшеніе саранчи тоже вліяніе, какое можетъ имѣть, напр., на уменьшеніе многоводной Невы стаканъ воды, почерпнутый изъ нея. Вообще въ то лѣто, въ томъ краю было особенно много саранчи, и вопросъ о способахъ истребленія ея, я помню, былъ не разъ предметомъ разговоровъ за обѣдами князя, по его прибытіи въ Грозную. Я помню, какъ онъ самъ разсказывалъ о своихъ впечатлѣніяхъ при первоначальномъ знакомствѣ съ саранчею; изъ его словъ, между прочимъ, видно было, что тѣ священныя птицы, о которыхъ я выше упомянулъ, не что иное, какъ скворцы, какой-то особой породы; что вслѣдъ за саранчей всегда появляют-

ся и они; что птицы эти имѣютъ, по природѣ своей, какую-то непостижимую ненависть къ саранчѣ и потому не пожираютъ ея, что̀ дѣйствительно и было бы невозможно, но истребляютъ т. е. побиваютъ; по словамъ князя, когда птицы эти утомятся этимъ побіеніемъ, они летятъ къ ближайшей рѣкѣ, купаются тамъ, обмываются, освѣжаются, и съ новыми силами опять летятъ на враговъ и опять побиваютъ.

Человѣкъ ко всему привыкаетъ; точно такъ и я, познакомившись съ саранчею, потомъ почти вовсе уже не обращалъ на нее вниманія. Между тѣмъ, когда я изъ похода возвращался въ Пятигорскъ и проѣзжалъ степными мѣстами, саранча почти постоянно была моимъ спутникомъ. Ѣдешь напримѣръ по степи, ничего не видя ни въ переди, ни по сторонамъ; вдругъ передъ вами вдали начинаетъ взвиваться отъ земли какой-то дымокъ. Это значитъ, что начинаетъ подниматься саранча, встревоженная вашимъ почтовымъ колокольчикомъ. Дымокъ, сначала едва замѣтный, поднимается выше, становится гуще и обращается въ большую тучу. Вы скоро въѣзжаете въ эту тучу; яркій свѣтъ, которымъ вы наслаждались, меркнетъ нѣсколько; вы окружены со всѣхъ сторонъ саранчей; она бьетъ васъ въ лицо, набивается въ тарантасъ, въ складки вашего платья, колеса вашего экипажа; копыта вашихъ лошадей мнутъ ее въ невообразимомъ множествѣ. Въ подобныхъ случаяхъ мнѣ часто приходило на умъ: что еслибы это насѣкомое, страшное только своимъ множествомъ, способно было наносить непосредственно человѣку вредъ, хотя равносильный только тому вреду, какой наноситъ комаръ или ничтожнѣйшая мошка? —

Между тѣмъ дѣятельный Зиссерманъ продолжалъ распоряжаться. Онъ зналъ, какъ говорится, всѣ выходы и входы. Онъ не только распоряжался, но постоянно училъ меня. Благодаря его совѣтамъ, я былъ снаряженъ и обезпеченъ со всѣхъ сторонъ.... Онъ вытребовалъ и прикомандировалъ ко мнѣ, или лучше сказать, къ походной канцеляріи, значительное число Донскихъ казаковъ, этихъ несчастныхъ паріевъ Кавказскаго военнаго міра. Относительно военнаго достоинства этихъ казаковъ я слышалъ различныя мнѣнія. Смотря на какое-то общее презрѣніе, съ которымъ относился къ нимъ Кавказъ въ мое время, на унизительныя и часто совершенно чуждыя всякаго военнаго оттѣнка обязанности, которыя тамъ на нихъ возлагались, я имѣлъ основаніе заключать, что собственно къ боевому дѣлу они, или вовсе негодны, или пригодны, да мало, особенно въ сравненіи съ кавказскими линейными казаками, которые,по общему убѣжденію и по моимъ собственнымъ наблюденіямъ, имѣли полнѣйшее право называться «молодцами». Между тѣмъ люди знающіе и опытные говорили, что у Донцевъ все зависитъ отъ полковаго командира. Если полковой командиръ молодецъ, то и они превращаются въ молодцовъ, не хуже линейныхъ казаковъ. Въ примѣръ ставили знаменитаго генерала Бакланова, который съ тѣми же Донцами дѣлалъ на Кавказѣ такія чудеса, которымъ удивлялись и рукоплескали Кавказцы. Самъ князь Александръ Ивановичъ имѣлъ очень высокое мнѣніе о Донцахъ. Онъ много разсказывалъ примѣровъ ихъ изумительной храбрости. Изъ числа ихъ я особенно живо помню одинъ и конечно потому, что князь разсказывалъ его съ неподра-

жаемымъ искусствомъ. Гдѣ-то, когда-то шли два Донскіе казака безъ оружія. Вдали пробѣжалъ какой-то невиданный ими звѣрь, что-то въ родѣ волка. Впослѣдствіи оказалось, что эта была гіенна ,звѣрь, попадающійся на Кавказѣ. Казаки замѣтили, что звѣрь тотчасъ скрылся въ разщелину какой-то скалы. Они—туда и послѣ розысковъ замѣтили нѣчто въ родѣ естественной норы. Они стали шумѣть, чтобъ выгнать оттуда звѣря, но безуспѣшно; тогда казаки сами полѣзли въ нору и вскорѣ, въ глубинѣ ея, замѣтили сверкающіе глаза и щелкающіе зубы. Пріостановясь, они стали разсуждать о томъ, какъ имъ взять звѣря; взять однако было нечѣмъ, потому что съ ними не было никакого оружія. Они порѣшили такимъ образомъ, что одинъ изъ нихъ пойдетъ назадъ на свой постъ и принесетъ ружье, а другой останется въ норѣ стеречь звѣря, чтобъ не ушелъ. Какъ сказано, такъ и сдѣлано. Одинъ путешествовалъ нѣсколько часовъ, а другой въ это время, совершенно безоружный, оставался съ глазу на глазъ съ гіенной, въ ея собственномъ жилищѣ. Когда принесено было ружье, казаки преспокойно ее застрѣлили, не подозрѣвая, что они совершаютъ такой подвигъ, о которомъ, чрезъ нѣсколько лѣтъ, самъ главнокомандующій будетъ разсказывать.

Но оставляя въ сторонѣ вопросъ о храбрости Донцовъ, я могу навѣрное сказать, что на Кавказѣ положеніе ихъ, по крайней мѣрѣ въ мое время, было самое невыгодное. Кавказъ смотрѣлъ на нихъ, какъ на сторожей или разсыльныхъ. Они разсыпаны были по кордоннымъ линіямъ; они стояли на постахъ, по почтовымъ трактамъ, гдѣ не было кавказскихъ казачьихъ станицъ и сопровождали почту и проѣзжающихъ; они перевозили летучую почту, которая напоминаетъ мнѣ также одинъ разсказъ, не лишенный комизма. Летучая почта учреждалась тамъ, гдѣ не существовало почтовыхъ трактовъ и перевозилась въ особыхъ сумкахъ верховыми казаками отъ одного пункта до другаго. На одномъ изъ подобныхъ пунктовъ очутился какъ-то какой-то значительной господинъ изъ чиновныхъ. Вынужденный оставаться нѣкоторое время въ этомъ пунктѣ, т. е. въ какомъ-то казенномъ домѣ, онъ замѣтилъ, подъ лавкой или столомъ, кожанную сумку и спросилъ: что это такое? Ему отвѣчали: «это летучка (т. е. летучая почта) бѣгитъ!»—«А давно она бѣгитъ?» спросилъ господинъ. «Нѣтъ! вчера только сюда пришла, скоро отправимъ», отвѣчали ему. Размѣщали этихъ несчастныхъ Донскихъ козаковъ въ самыхъ болѣзненныхъ мѣстахъ, подобно Елисаветпольскому тракту, на которомъ я своими глазами видѣлъ ихъ валяющихся безъ памяти кучами, въ лихорадочномъ жару, съ открытыми ртами, въ которыхъ свободно расхаживали мухи и различныя букашки. Я съ ужасомъ представляю себѣ, какъ много Донцовъ сложили свои кости въ этомъ гибельномъ и непривлекательномъ для нихъ краю и какое впечатлѣніе производятъ въ донскихъ семьяхъ разсказы уцѣлѣвшихъ и возвратившихся козаковъ о безчисленныхъ страданіяхъ, которымъ они дѣйствительно тамъ подвергались.

Главная обязанность назначенныхъ къ намъ казаковъ заключалась въ томъ, чтобы, во первыхъ ухаживать за нашими походными лошадьми; во вторыхъ состоять при насъ ординарцами во время нашихъ разъѣздовъ и переходовъ и въ третьихъ охранять и сопровождать наши вьюки, во вре-

мя передвиженія ихъ съ одной позиціи на другую. Само собою разумѣются, что сюда же относилось: снимать и укладывать наши палатки со всѣми нашимъ имуществомъ, когда снимался нашъ лагерь, и разбивать и устанавливать все это на новой позиціи; вообще они составляли второстепенныхъ нашихъ слугъ. Впрочемъ въ хозяйственную часть я нисколько не углублялся и зналъ только своего ординарца. Такъ какъ въ составѣ походной канцеляріи я былъ первый человѣкъ, то въ должность ординарца при мнѣ вступилъ донской унтеръ-офицеръ, начальникъ или старшій надъ всѣми другими казаками, къ намъ назначенными. Это былъ удивительный человѣкъ, и я съ благодарностію о немъ вспоминаю. Умный, ловкій, расторопный! Въ разъѣздахъ онъ ни на минуту не отставалъ отъ меня. Стоило только вздумать что нибудь и выразить свое желаніе, чтобы оно мгновенно исполнилось. На рукахъ этого казака была моя бурка, мой башлыкъ, а главное весьма помѣстительный сакъ-вояжъ, который заключалъ въ себѣ рѣшительно все, чего только душа попроситъ. Въ этомъ сакъ-вояжѣ находилось все, способное удовлетворить не только меня самаго, но и всѣхъ товарищей, которые безпрерывно обращались ко мнѣ то за тѣмъ, то за другимъ... Мой козакъ съ его запасами пріобрѣлъ, какъ и мой камердинеръ, величайшую популярность въ различныхъ толпахъ похода. Адъютанты, для которыхъ онъ особенно былъ пріятенъ, называли его не иначе, какъ по имени и отечеству. Все это очень льстило моему Донцу, а мои щедрые подарки радовали его и въ матеріальномъ отношеніи. Когда я вырвался изъ похода, онъ со слезами прощался со мною, и въ сію минуту мнѣ крайне жаль, что я не записалъ его имени и тѣмъ лишилъ себя великаго удовольствія, въ воспоминаніе самыхъ рельефныхъ дней моей жизни, поддерживать его, для чего у меня много и готовности и достаточно средствъ.

Я упомянулъ о вьюкахъ. Вьюки — принадлежность тѣхъ мѣстъ, которыя не имѣютъ правильныхъ путей сообщеній. Еще при самомъ пріѣздѣ на Кавказъ, я былъ уже пораженъ на военногрузинской дорогѣ безконечными вереницами верблюдовъ, подъ громадными вьюками медленно и осторожно переставляющихъ свои длинныя ноги. Но товарный правильный вьюкъ на спинѣ верблюда, какъ будто нарочно приспособленной именно къ перевозкѣ тюковъ, не представлялъ еще ничего особенно непріятнаго. Съ отвратительными зрѣлищами по части вьюковъ я познакомился ближе въ Тифлисѣ. На каждомъ шагу тамъ можно видѣть небольшаго ешака, или просто осла, положительно изнемогающаго подъ массою дровъ, на него нагроможденною, въ сопровожденіи туземца (въ довершеніе колючекъ, которыя бѣдное животное получаетъ отъ своей ноши) осыпающаго его ударами дубины, по ногамъ или головѣ и всюду, куда только дубина, не задерживаемая дровами, можетъ достать. Что касается до меня, то я положительно имѣю омерзѣніе ко всевозможнымъ вьюкамъ, какъ къ самому дикому и варварскому способу передвиженія тяжестей. Между тѣмъ еще, до похода, я слышалъ уже, что заподряжено огромнѣйшее число вьючныхъ лошадей. Изъ этого числа распорядительный Зиссерманъ успѣлъ пріобрѣсти солидную часть для походной канцеляріи. Лошади эти не находились впрочемъ при насъ постоянно и оста-

вались на попеченіи своихъ хозяевъ; но въ назначенный часъ для передвиженія онѣ являлись, навьючивались и навьюченныя слѣдовали въ сопровожденіи нашихъ козаковъ на новый пунктъ, тамъ разъвьючивались и пропадали до новой надобности. Этихъ операцій навьючиванія и разъвьючиванія я постоянно, въ слѣдствіе сильнѣйшей къ нимъ антипатіи, избѣгалъ, предоставляя моей прислугѣ и нашимъ козакамъ укладываться и раскладываться, какъ знаютъ. Мнѣ даже совѣстно было слушать, когда камердинеръ упоминалъ, что шестомъ моей палатки, напр., испортило ногу у одной лошади и что у другой походнымъ столомъ весь бокъ стерло. Мнѣ казалось, что какъ будтобы я самъ надѣлалъ эти гадости и краснѣлъ, что они такъ противоположны цѣлямъ общества покровительства и защиты животныхъ, цѣлямъ, которымъ я постоянно и искренно сочувствовалъ.

Наконецъ сталъ приближаться день прибытія князя въ Грозную. Я уже много говорилъ о могуществѣ и значеніи Намѣстника и Главнокомандующаго на Кавказѣ. Вспоминая день прибытія князя въ Грозную, я не могу не сказать, что день этотъ наиболѣе осязательнымъ образомъ свидѣтельствовалъ о могуществѣ и значеніи его. Уже за нѣсколько дней до пріѣзда князя пошли различныя приготовительныя распоряженія для встрѣчи его: но какъ распоряженія эти относились преимущественно до военнаго міра, то, не принимая въ нихъ никакого участія, я даже мало зналъ, въ чемъ онѣ состояли. Я видѣлъ только значительную суетню и слышалъ постоянно одни и тѣже вопросы и отвѣты: «Когда?»—«Тогда-то».

Когда стало положительно извѣстно, что князь прибудетъ въ такой-то день и часъ, къ этому времени военный и гражданскій міръ высшаго разряда собрался при домѣ, назначенномъ для князя; на площадкѣ предъ домомъ поставленъ быдъ почетный караулъ и устроены были другія военныя почести, которыя всегда оставались для меня мало понятными. Часовъ въ пять или шесть прискакали, какъ бѣшеные, передовые люди съ извѣстіемъ, что ѣдетъ... Все стало устанавливаться въ извѣстный порядокъ и принимать неподвижный видъ, какъ будто проникнутое торжественнымъ величіемъ предстоящей минуты, такъ что и я невольно почувствовалъ какое-то нервное волненіе. Скоро стало видимо для насъ громаднѣйшее облако густой черной пыли, скрывавшее поѣздъ князя. Облако быстро приближалось къ намъ; раздались крики: «смирно» и другія военныя команды. Почти въ непроницаемой тучѣ страшной пыли, меня, прежде всего, поразили страшныя образины татаръ, сопровождающихъ, въ видѣ конвоя, князя. Съ черными отъ пыли лицами, съ сверкающими глазами, съ бритыми головами, съ громаднѣйшими на нихъ папахами, заломленными назадъ, и покрывавшими длинными лохматыми клочьями физіономіи этихъ господъ — они были истинно страшны и въ тоже время великолѣпны. Ничего подобнаго я дотолѣ не видывалъ. Подъ вліяніемъ величайшаго любопытства я впивался глазами въ нѣкоторыя, особенно типическія, физіономіи; но какъ только падалъ на меня гордый, несказанно-самоувѣренный и въ тоже время свирѣпый взглядъ татарина, я тотъ часъ отводилъ, какъ школьникъ, отъ него глаза свои: взгляда этого, быстраго, смѣлаго, упорнаго въ высшей степени, я положительно выносить не могъ. Я тотчасъ старался собрать свѣдѣнія, что это за люди?

Мнѣ отвѣчали, что это конвой, составленный изъ горцевъ только что покоренныхъ ауловъ. «Ну», думаю себѣ, «хороши! Каковы же должны быть «обитатели ауловъ непокоренныхъ?» Однимъ словомъ впечатлѣніе, произведенное на меня этими господами, было необычайно сильно. Мнѣ какъ-то вдругъ сдѣлались понятны всѣ ужасные разсказы различнаго содержанія, которые связывались съ «гибельнымъ Кавказомъ».

Но въ числѣ достоинствъ и недостатковъ истинно-Русскаго человѣка есть та черта, что онъ способенъ удивляться чему бы то ни было одинъ только, первый разъ; потомъ онъ не только привыкаетъ къ тому, что̀ его впервыя поразило, но и начинаетъ находить, что тутъ и нѣтъ ничего поразительнаго. Если тотъ, кто, быть можетъ, будетъ читать мои записки, вспомнитъ мой разсказъ о томъ, какъ мои пріятели и пріятели хромаго N. N. затащили его почти насильно въ одинъ торжественный день во дворецъ, какъ онъ сначала трусилъ и жался въ заднихъ рядахъ и какъ потомъ, освоившись и осмотрѣвшись, онъ уже сталъ безцеремонно расхаживать тамъ, откуда тѣ же пріятели, во избѣжаніе скандала, должны были извлекать его со внушеніемъ бо̀льшей осторожности, —тотъ, повторяю, пойметъ ту черту Русскаго человѣка, которую я хочу здѣсь отмѣтить. Именно эта самая черта нашлась и въ моей Русской душѣ по отношенію къ горцамъ.....

Обращаюсь къ встрѣчѣ князя. За отрядомъ этихъ страшныхъ людей, составлявшихъ передовой конвой, летѣлъ экипажъ князя. Его положительно узнать нельзя было. Я не говорю уже о томъ, въ какомъ положеніи было его платье. Самое лицо, усы, бакенбарды покрыты были такимъ толстымъ слоемъ черной пыли, что все это въ совокупности представляло одно сплошное черное пятно съ одними прорѣзами, изъ которыхъ виднѣлись глаза. Мнѣ даже непріятно было, что князь рѣшился въѣхать въ Грозную въ такомъ страшномъ видѣ. Должно быть, князь и самъ сознавалъ это, потому что, выйдя изъ коляски, онъ быстро подошелъ къ стоявшимъ тутъ солдатамъ и за тѣмъ также быстро скрылся. Спутники его были, разумѣется, не въ лучшемъ видѣ и тоже скрылись. Всѣмъ знатнымъ особамъ объявлено было, что князь переодѣвается и скоро всѣхъ приметъ. Дѣйствительно, черезъ нѣсколько минутъ князь вышелъ къ намъ въ залу, свѣжій и блестящій и и по обычаю, начавъ съ одного конца, сталъ обходить весь кругъ ожидающихъ «движенія воды» и съ каждымъ говорилъ по нѣскольку словъ. Когда очередь дошла до меня, на лицѣ князя выразилось удовольствіе при взглядѣ на меня. «А! любезный Василій Антоновичъ! И вы здѣсь! Какъ я радъ!» Потомъ, осмотрѣвъ меня, облеченнаго въ гражданскую парадную форму и замѣтивъ мою штатскую шпагу, князь прибавилъ: «ну ужъ это прочь теперь,—шашку, шашку!»

Когда кончилось это представленіе, князь перешелъ въ столовую залу, блистательно освященную, въ которой стояли накрытые и убранные столы. За нимъ потянулись всѣ приглашенные. Надо замѣтить, что по соглашенію графа Евдокимова съ Тромповкимъ, этотъ первый обѣдъ, знаменующій встрѣчу князя, давалъ графъ Евдокимовъ, и потому всѣ приглашенія заблаговременно сдѣланы были отъ его имени. За этимъ обѣдомъ я впервыя увидѣлъ много татарскихъ физіономій въ высокихъ папахахъ. Мнѣ разсказывали значеніе и исторію каж

даго. Помню, что сущность этихъ исторій имѣла ту основную черту, что всѣ эти горскіе люди были люди стольже способные, сколько и неблагонадежные, что они по нѣскольку разъ переходили то къ намъ, то къ Шамилю и что, не смотря на ихъ азіатское коварство и продажничество, эти люди въ рукахъ такихъ людей, какъ князь Барятинскій и графъ Евдокимовъ, знавшихъ ихъ вдоль и поперегъ, приносили своимъ умомъ, своими связями, знаніемъ всѣхъ мѣстныхъ условій и обстоятельствъ, огромнѣйшую пользу. Это были, такъ сказать, лучшіе наши политическіе агенты, колебавшіе нравственное могущество нашего врага. Князь Александръ Ивановичъ относился къ нимъ чрезвычайно ласково и привѣтливо. Потомъ я замѣчалъ, что они вѣчно вертѣлись около палатки графа Евдокимова, составлявшаго все таки главный центръ и основную связь похода и при передвиженіяхъ съ позиціи на позицію находились въ составѣ его свиты.

Во время обѣда играла полковая музыка; но она, можно сказать, совершенно стушевывались предъ Сунженскими пѣсенниками, которые великолѣпно пѣли залихватскія казацкія пѣсни и прославляли въ нихъ князя Барятинскаго и Слѣпцова. Надо замѣтить, что Слѣпцовъ оставилъ великолѣпную по себѣ память на Кавказѣ, такъ что въ преданіяхъ и пѣсняхъ имя его постоянно сливается съ именемъ князя Барятинскаго. Есть много людей, которые, въ невѣдѣніи своемъ, и доселѣ находятъ возможнымъ сравнивать эти двѣ личности; но на самомъ дѣлѣ, сколько по моимъ собственнымъ соображеніямъ, столько и по отзывамъ людей, дѣйствительно способныхъ разсматривать этотъ вопросъ, между ними не могло существовать никакого сходства. Слѣпцовъ, по общему свидѣтельству, былъ идеалъ храбраго человѣка. Съ своими Сунженскими казаками онъ дѣлалъ чудеса, и эти чудеса окружали его личность, особенно въ глазахъ казаковъ, чѣмъ-то чудеснымъ. Отъ казаковъ благоговѣніе предъ именемъ Слѣпцова распространилось далѣе и составляетъ справедливую дань безпримѣрному мужеству и храбрости Слѣпцова: но тѣмъ все и оканчивается. Признаковъ полководца, администратора, однимъ словомъ государственнаго человѣка Слѣпцовъ въ себѣ никакихъ не явилъ, и я даже не знаю, задѣвалъ-ли его кто нибудь и когда нибудь именно съ этой стороны: до такой степени она была въ немъ ничтожна. Между тѣмъ князь Александръ Ивановичъ Барятинскій уродился по преимуществу человѣкомъ государственнымъ. Въ молодости и онъ, будучи на Кавказѣ, тоже рубился знатно, и всѣмъ памятна его необыкновенная храбрость; но это не было его исключительнымъ призваніемъ...

Еще во время обѣда, князь вызывалъ изъ толпы пѣсенниковъ нѣкоторыхъ усачей, которыхъ онъ лично зналъ и которые, конечно, лично знали его, на ступеняхъ, отдаленныхъ отъ положенія главнокомандующаго; вспоминалъ то или другое дѣло, обоюдно памятное и своею привѣтливостію электризовалъ, такъ сказать, ихъ простыя сердца и доводилъ восторгъ ихъ до крайней степени. Предъ окнами дома и у сада, къ нему принадлежащаго, двигались огромныя толпы разнокалибернаго народа.

Я уже не могу сказать положительно, сколько именно дней князь, а вмѣстѣ съ нимъ и все, что собралось для похода, провели въ Грозной; помню только, что немного. Всѣ дни, разумѣется, походили одинъ на другой.

Утромъ совершались различные доклады князю. Въ назначенный часъ собирались всѣ къ обѣду князя. Пользующіеся этою честію раздѣлялись на два разряда: одни почетнѣйшіе, и ближайшіе, къ числу которыхъ и я былъ отнесенъ, имѣли постоянное приглашеніе; другіе, не почетнѣйшіе и не ближайшіе приглашались въ извѣстномъ очередномъ порядкѣ....

II.

Наконецъ объявленъ былъ день дѣйствительнаго похода. Вмѣстѣ съ тѣмъ объявлено, что князь опять отправляется куда-то въ сторону, для обзора мѣстностей, до взятія Веденя бывшихъ недоступными для насъ и потомъ, чрезъ нѣсколько дней, присоединится къ намъ уже на походѣ.

Я живо помню день нашего выступленія изъ Грозной. Часовъ въ пять утра весь штабъ князя былъ уже въ сборѣ на указанномъ мѣстѣ. По данному приказанію, тронулась въ путь безконечная вереница всадниковъ, вьюковъ и солдатъ. Оживленіе въ этой движущейся медленно вереницѣ было величайшее. Всѣ съѣзжались и разъѣзжались безпрерывно, осматривая походный видъ каждаго, какъ будто бы какой-то праздникъ наступилъ. Всѣ смотрѣли весело и радостно. Погода стояла дивная, и солнце съ раннихъ поръ начало припекать сильнѣйшимъ образомъ, а въ полдень палило уже невыносимо, такъ что многіе солдаты, какъ намъ говорили, падали на дорогѣ отъ жары и утомленія. Казаковъ, линейныхъ и донскихъ, въ нашемъ отрядѣ было безчисленное множество; они, какъ мухи, порхали по всѣмъ направленіямъ...

Первый привалъ, сколько могу припомнить, былъ въ „Шали", военномъ укрѣпленіи, гдѣ и было устроено нашимъ милымъ комендантомъ Тромповскимъ нѣчто въ родѣ завтрака. Второй привалъ, кажется, былъ въ подобномъ же укрѣпленіи „Бердикеляхъ". Въ Бердикеляхъ приготовленъ былъ распоряженіями тогоже Тромповскаго обѣденный столъ, который на первыхъ же порахъ показалъ, что этому кроткому и добродушному человѣку не по силамъ и не по характеру управляться съ такою размашистою толпою, какую представляла изъ себя свита Намѣстника. Она шумѣла, пѣла, сбивала съ толку прислугу, однимъ словомъ производила страшный хаосъ. Бѣдный Тромповскій метался во всѣ стороны и безуспѣшно старался водворить какое нибудь подобіе порядка.

Среди обѣда свитскіе вдругъ стали куда-то изчезать, одинъ за другимъ. За ними и я потянулся. Оказалось, что гдѣ-то подъ горой открытъ какой-то дрянной духанъ, гдѣ мои пріятели и расположились пировать. Когда я пріѣхалъ туда съ моимъ козакомъ, я нашелъ тамъ, какъ говорится «дымъ коромысломъ». Смѣтливый армянинъ, хозяинъ духана, имѣлъ благоразуміе запастись шампанскимъ, и я былъ истинно удивленъ, когда, войдя въ грязный хлѣвъ съ землянымъ поломъ, увидѣлъ хлопающія пробки. Вѣроятно этотъ день нашествія свиты остался самымъ лучшимъ днемъ въ грязной жизни этого грязнаго духанщика. Памятенъ этотъ день и для меня по безумной выходкѣ, которою я разчитывалъ заявить съ разу всему міру свое безстрашіе.

Выйдя изъ духана, я вскочилъ на коня и помчался впередъ во весь опоръ по единственной дорогѣ, которая предо мною лежала. Мой козакъ понесся было за мной, но скоро отсталъ отъ моего быстроногаго коня.

Я сознавалъ, что подвергаюсь величайшей опасности, мчась одинъ по этой опасной дорогѣ, но въ тоже время мнѣ представлялась увлекательною мысль, что я буду молодцомъ, если одинъ прискачу на слѣдующій постъ именно по этой опасной дорогѣ, и дѣйствительно прискакалъ. Много сильныхъ и справедливыхъ укоровъ досталось мнѣ за этотъ безумный рискъ; тѣмъ не менѣе въ воспоминаніяхъ друзей моихъ имя Бердикелей какъ-то связалось съ моимъ именемъ, какъ будто я открылъ или завоевалъ это мѣсто...

Обращаясь къ серьезной сторонѣ похода, надо сказать, прежде всего, что мы на пути своемъ видѣли блистательное практическое приложеніе той великолѣпной системы вырубки лѣсовъ, о которой мы всѣ такъ часто читали въ Кавказскихъ извѣстіяхъ и реляціяхъ, плохо понимая сущность дѣла. Дѣло въ томъ, что скалы и лѣса всегда были страшными и неодолимыми союзниками и защитниками горцевъ. Отсюда происходило то, что горцы, безпрепятственно пропуская насъ впередъ, никогда не выпускали насъ безнаказанно назадъ. Разсѣянные въ дремучихъ лѣсахъ, они и въ маломъ числѣ были страшны, потому что были недоступны, неуловимы и поражали наши войска на выборъ.

Люди опытные, и въ томъ числѣ краснорѣчивый Фадѣевъ, утверждаютъ, что десятокъ невидимыхъ оборвышей останавливалъ цѣлые баталіоны. Кто не знаетъ исторіи Ичеринскихъ лѣсовъ, изъ которыхъ самъ князь Воронцовъ съ громадными силами, едва успѣлъ спастись. Отсюда явилась система вырубки лѣсовъ, т. е. проложеніе въ лѣсахъ такихъ просѣкъ, по которымъ наши отряды могли бы безпрепятственно и безопасно двигаться внутрь вражеской страны и также безопасно возвращаться назадъ.

Что дѣлалось по этой части въ другихъ мѣстахъ—не знаю: но что сдѣлано на пути, намъ лежащемъ, всѣ мы видѣли своими изумленными глазами, потому что проходили именно этими баснословными просѣками, шириною на ружейный выстрѣлъ. Зрѣлище, по истинѣ изумительное! Трудно было усвоить себѣ понятіе, что все это сдѣлано руками человѣческими, руками безпримѣрныхъ кавказскихъ солдатиковъ. Нельзя было понять, что эти вѣковыя деревья, ужасающихъ размѣровъ въ вышину и ширину, пали не отъ какой нибудь страшной силы самой природы, а отъ пилы и топора. Надо замѣтить, что по однимъ отзывамъ эти невѣроятные результаты и недешево намъ доставались. Но никакіе великіе успѣхи недостижимы безъ разнородныхъ жертвъ; а потому лучше накинуть покрывало на прошедшія наши жертвы и неудачи и возблагодарить Бога, что такъ или сякъ—Онъ помогъ привести дѣло къ концу.

Но въ тотъ моментъ, о которомъ я говорю, до конца было еще далеко, хотя начала, положенныя графомъ Евдокимовымъ, были уже блистательны и обѣщали много въ будущемъ. Въ ряду этихъ началъ, взятіе Веденя, резиденціи Шамиля, того Веденя, къ которому мы подвигались этими невѣроятными просѣками, конечно стояло на первомъ планѣ. Я знаю и помню, какъ это событіе стояло высоко въ глазахъ самаго князя, знаю потому, что еще до взятія Веденя князь уже готовилъ собственноручно благодарственные приказы по арміи; знаю потому, что князь, въ теченіи нѣсколькихъ дней, съ этими готовыми приказами, постоянно и напряженно ждалъ

радостнаго извѣстія о взятіи Веденя, кажется задержанномъ нѣсколько дождями и распутицей.

Когда мы пришли въ Ведень, это уже была штабъ-квартира Куринскаго полка, а командиромъ его былъ тогда М. И. Чертковъ, нынѣшній наказный атаманъ Донскихъ казаковъ. Мѣстоположеніе Веденя представилось намъ довольно живописнымъ. Сколько могу припомнить, это довольно обширная, продолговатой формы, долина, въ концѣ которой стоялъ зàмокъ или дворецъ Шамиля. Съ понятнымъ любопытствомъ мы бросились смотрѣть этотъ дворецъ и испытали величайшее разочарованіе: смотрѣть было нечего, потому что ни дворца, ни зàмка никакого не было; была какая-то груда дикаго камня, имѣвшая форму большой сакли, да и та была на половину разрушена нашими пушечными выстрѣлами. Груда эта оказалась ни къ чему негодною, даже для нашей штабъ-квартиры потому, что она расположилась совершенно на другомъ мѣстѣ и обстроилась на Русскій ладъ. Наше любопытство гораздо болѣе было удовлетворено многоразличными разсказами о подробностяхъ взятія Веденя.....

Я не помню хорошо порядка дальнѣйшаго нашего слѣдованія. Знаю только, что, приходя на какую нибудь позицію, мы комфортабельно располагались, стояли здѣсь день, два, три и разъѣзжали изъ одной походной части въ другую въ гости къ начальникамъ ихъ и командирамъ, такъ какъ всѣ части занимали огромное пространство, и одна отъ другой располагались иногда на весьма значительное разстояніе. Средоточіемъ разумѣется, былъ штабъ князя. Собственно этотъ штабъ располагался слѣдующимъ образомъ. На самомъ возвышенномъ мѣстѣ ставилась палатка князя, довольно обширная, но неимѣвшая ничего блестящаго, дотолѣ, пока ему не прислали или не подарили какую-то круглую татарскую палатку, составленную изъ безчисленныхъ кусковъ кошмы и обитую внутри шелковою матеріею съ окномъ верху, отъ которой князь сначала отказывался, отдавъ ее въ пользованіе Тромповскаго, но которую потомъ взялъ себѣ. Въ нѣкоторомъ, впрочемъ довольно близкомъ, разстояніи отъ палатки князя, располагалась громаднѣйшая (кажется лазаретная) палатка, образующая столовую залу для всѣхъ состоящихъ при князѣ, которыхъ число простиралось отъ 80 до 100 человѣкъ. За этою палаткою располагались походныя кухни, повара, прислуга, конвой и т. п. Все это составляло, такъ сказать, главный центръ. Отъ этого центра въ обѣ стороны шли улицы, образуемыя палатками и заселенныя свитою князя и разными лицами, принадлежащими къ штабу. Одна улица, идущая въ правую сторону отъ палатки князя, заключала въ себѣ собственно свиту и, причиняла много безпокойствъ князю, потому что эта веселая улица буквально никогда не умолкала. Первый, ближайшій къ палаткѣ князя пунктъ на этой улицѣ занимался моею палаткою, и отъ нея уже шли палатки другихъ членовъ свиты. Другая улица, идущая отъ палатки князя въ лѣвую сторону, улица, несравненно болѣе благонравная, чѣмъ наша, начиналась палаткою Д. А. Милютина, начальника главнаго штаба, отъ которой шли палатки начальника артиллеріи, начальника инженеровъ и т. п. Само собою разумѣется, что за главными палатками разныхъ лицъ, шли палатки ихъ прислуги, козаковъ и т. д., такъ что все это въ совокупности составляло значительный

городъ. Съ окончаніемъ нашей свитской улицы ставилась палатка графа Евдокимова, отъ которой тянулись палатки различныхъ мѣстныхъ начальниковъ и другихъ чиновъ. Затѣмъ на различныхъ точкахъ, кругомъ главнаго лагеря, располагались разнородныя части войскъ, такъ что куда ни взглянемъ кругомъ—всюду палатки. Съ наступленіемъ вечера всѣ окрестности оглашались музыкою и пѣснями. Потомъ, когда князь пріѣхалъ къ намъ, онъ не одинъ разъ замѣчалъ, что нашъ штабный городъ, по числу палатокъ, долженъ представляться непріятелю самой грозной силой.

Между тѣмъ какъ мы стояли на одномъ мѣстѣ, прокладывались дороги, по которымъ мы должны были пробираться впередъ. Это прокладываніе и устройство дорогъ для нашего пути составляло также предметъ, нелишенный занимательности. Я помню, на одной позиціи мы оставались довольно долго. Прямо отъ этой позиціи поднималась совершенно стѣной, громадная гора, и намъ говорили, что мы должны будемъ взбираться на эту гору что̀ казалось дѣломъ рѣшительно невозможнымъ. Между тѣмъ одному изъ путейскихъ офицеровъ, старому Кавказцу, Бо̀гъ вѣсть когда и какими судьбами туда занесенному, умному и образованному Декроа, поручено было дѣйствительно разработать подъемъ на эту стѣну. Декроа сдѣлалъ то что̀ обыкновенно дѣлаютъ на Кавказѣ при проложеніи горныхъ дорогъ—т. е. безчисленные зигзаги, которыми онъ изрѣзалъ гору и по этимъ зигзагамъ пробилъ узенькую тропиночку, по которой едва, едва могла проходить одна лошадь. Если взять эту гору прямо въ вышину, то разстояніе ея подножія отъ верхушки составитъ, быть можетъ, версту или полторы; устроенные Декроа зигзаги образовали протяженіе верстъ въ десять.

Въ назначенное время мы стали взбираться на эту достопамятную гору, и странно было видѣть змѣинообразное наше восхожденіе. Разумѣется, въ теченіи двухъ или трехъ часовъ, мы безпрерывно вертѣлись почти на одномъ мѣстѣ, такъ что вы постоянно могли разговаривать съ вашими знакомыми, находящимися вверху или внизу (такъ они были близки отъ васъ) а между тѣмъ, чтобъ соединиться съ ними, вамъ нужно было полчаса или даже часъ пути. Это восхожденіе памятно тѣмъ еще, что мой сотоварищъ и сотрудникъ Зиссерманъ подвергался здѣсь величайшей опасности. На одномъ изъ безчисленныхъ зигзаговъ лошадь его чего-то испугалась, повернула въ сторону, и, не удержавшись на чрезвычайно-узкомъ пространствѣ дорожки, покатилась внизъ и съ Зиссерманомъ. Они катились довольно долго съ зигзага на зигзагъ и всѣ ожидали самаго печальнаго конца; но какъ всѣ тропинки заняты были сплошь идущими вверхъ лошадьми и людьми, то этому только и Зиссерманъ и конь были обязаны своимъ спасеніемъ: гдѣ-то внизу на одномъ изъ поворотовъ ихъ задержали....

Надобно замѣтить, что главная задача этого проложенія дорогъ заключалась въ томъ, чтобъ пробить въ горныхъ скалахъ, надъ страшными пропастями, какую нибудь тропинку, по которой можно было бы пробраться въ одну лошадь, и эта задача не всегда разрѣшалась удовлетворительно. Я уже не говорю о паденіяхъ вьючныхъ лошадей, которыя, невольно ударяясь своимя вьюками о скалы, валились въ кручь. Приведу случай, который былъ предъ моими глазами.

Ужъ не помню гдѣ, мы поднимались на величайшую крутизну по самой узенькой тропинкѣ, по одну сторону которой стояли отвѣсныя скалы, а по другую виднѣлись бездонныя пропасти. Шли мы въ одну лошадь самымъ осторожнымъ образомъ. Случилось такъ, что впереди меня шелъ Лимановскій (потомъ дежурный генералъ Кавказской арміи) впереди его какой-то казакъ и т. д. Вдругъ чрезъ Лимановскаго я замѣтилъ, что козакъ пропалъ, и въ туже минуту въ пропасть посыпалось съ безконечнымъ шумомъ множество камней. Я былъ убѣжденъ, что съ этими камнями полетѣлъ и казакъ.. Лимановскій мгновенно остановился и соскочилъ съ лошади; я послѣдовалъ его примѣру. Оказалось, что ленточка, по которой мы тянулись, такъ была узка и ненадежна, что лошадь козака проломила ее задними ногами и оборвалась; но козакъ такъ былъ ловокъ, что онъ успѣлъ не только соскочить съ сѣдла самъ, но и вытянуть за поводья висящую на переднихъ ногахъ лошадь. Нѣсколько мгновеній мы съ Лимановскимъ остановились предъ этимъ неожиданнымъ проваломъ; больше раздумывать было нечего, потому что нечего было ожидать, чтобы намъ стали чинить эту дорогу или прокладывать другую или, наконецъ, подали покойные экипажи на лежачихъ рессорахъ; мы перепрыгнули сами чрезъ этотъ провалъ и заставили перескочить нашихъ лошадей, потомъ сѣли на нихъ и продолжали путь, какъ ни въ чемъ не бывало. Такимъ же конечно образомъ поступили и всѣ тѣ, которые слѣдовали за нами.

Есть пословица: «кто въ морѣ не бывалъ, тотъ Богу не молился.» Эту пословицу, по всей справедливости, можно было бы приложить къ нашему походу, еслибы не существовало другой пословицы: «на людяхъ и смерть красна.» Эта послѣдняя пословица находила полнѣйшее примѣненіе къ моему личному поведенію во время похода, да безъ сомнѣнія и къ поведенію всѣхъ. Въ слѣдствіе тойже черты Великороссійскаго характера, о которой я выше говорилъ, послѣ первыхъ, не совсѣмъ пріятныхъ впечатлѣній, которыя производили на меня невообразимыя горы, страшныя пропасти и горныя тропинки, я не только освоился съ ними, но даже производилъ такія штуки, которыя составили мнѣ репутацію смѣлаго человѣка. Теперь, вспоминая всѣ то, что было и происходило во время похода, я самъ недоумѣваю: неужели это я самъ лично тамъ былъ и дѣйствовалъ именно такъ, какъ дѣйствовалъ? Нѣтъ сомнѣнія, что теперь, еслибы мнѣ обѣщали разомъ десять звѣздъ за то, чтобы я повторилъ все то, что выдѣлывалъ въ походѣ, я уклонился бы отъ этой выгодной сдѣлки. Между тѣмъ въ то время я плавалъ въ разнородныхъ опасностяхъ, какъ рыба въ водѣ. Я не только не испытывалъ чувства какого либо смущенія и робости тамъ, гдѣ никто не робѣлъ и не смущался, но считалъ долгомъ выказать и проявить наибольше презрѣнія къ опасностямъ, наибольше потому именно, что я былъ гражданскій человѣкъ, и при малѣйшемъ колебаніи съ моей стороны на меня посыпались бы насмѣшки, и я сдѣлался бы непремѣнно предметомъ различныхъ анекдотовъ, нестолько дѣйствительныхъ, сколько вымышленныхъ, для чего въ мірѣ, меня окружавшемъ, имѣлись величайшіе художники.

Отсюда происходило, что и по этимъ горнымъ тропинкамъ я постоянно ры-

скалъ изъ конца въ конецъ, если только была малѣйшая возможность объѣзжать безконечныя вереницы, по нимъ тянувшіяся. Мое мѣсто было вблизи князя, среди наиболѣе важныхъ лицъ, его окружавшихъ; но я мало имъ пользовался, предпочитая разъѣзжать отъ одного знакомаго къ другому. Казакамъ, которые составляли громадное большинство въ этихъ вереницахъ, я порядкомъ надоѣдалъ. Мнѣ особенно нравилось, объѣзжая ихъ, говорить: «вправо» или «влѣво» и видѣть, какъ по этому слову козаки отступали въ сторону и открывали мнѣ дорогу. Нерѣдко приходилось мнѣ слышать наивныя замѣтки этихъ людей на мой счетъ: «вотъ генералъ непосѣдной» говорили они, или «ну ужъ юркой генералъ! все рѣжетъ то туды, то сюды».

По мѣрѣ нашего движенія впередъ замѣтно становилось, что мы поднимались къ небесамъ. Страшныя, большею частію скалистыя горы, среди которыхъ, казалось, ничего разобрать нельзя было, обступили насъ со всѣхъ сторонъ. Люди знающіе, указывая по сторонамъ, говорили, что это вотъ то, а это вотъ то. Я ничего разобрать и различить не могъ. Повсюду торчали сѣрые пики или вершины горъ, отъ которыхъ вѣяло какою-то страшною дикостью и безжизненностію. Казалось, мы зашли въ какой-то невѣдомый и необитаемый міръ, въ которомъ человѣческому глазу не представлялось рѣшительно ничего жизненнаго.

Первое появленіе страшной высоты, на которую мы взобрались, я замѣтилъ въ томъ, что я лично сталъ испытывать какое-то удушье. Дышать для меня становилось чрезвычайно тяжело, и я уже думалъ, что пріобрѣлъ какую нибудь новую болѣзнь; но доктора, находившіеся въ отрядѣ, увѣрили меня, что это происходитъ отъ сильной разрѣженности горнаго воздуха. Потомъ стали являться болѣе положительные признаки нашего чрезъ чуръ возвышеннаго положенія: это тучи и облака, плавающія внизу насъ. Нѣтъ сомнѣнія, что я не увижу уже никогда такихъ картинъ, которыя въ то время развертывались предъ моими глазами. Такъ напр. случалось часто, особенно по утрамъ, что все лежащее подъ нами пространство казалось наполненнымъ необъятнымъ количествомъ растрепанной хлопчатой бумаги, сквозь которую рѣшительно ничего нельзя разглядѣть. Это были облака, окружавшія насъ и разсыпавшіяся подъ нами. Случалось также, что въ этой массѣ облаковъ, плавающихъ подъ нами, гремѣлъ громъ и сверкала молнія. Все это поражало меня въ высшей степени, и я чрезвычайно удивлялся, что другіе такъ мало удивляются этимъ невиданнымъ мною и дѣйствительно дивнымъ картинамъ. Доказательствомъ страшной высоты нашего положенія служило и то, что тѣ маленькіе пригорки, которые представлялись намъ внизу, оказывались, когда мы спускались къ нимъ при рекогносцировкахъ, также значительными горами.

Крутизны, которыми мы были постоянно окружены, представляли ужасающій видъ. Козацкія и вьючныя лошади, пущенныя на пастьбу съ стреноженными ногами, взбираясь осторожно вверхъ или спускаясь внизъ, казались едва замѣтными точками, меньше барановъ. Однажды, сидя у своей палатки, я видѣлъ, какъ одна изъ этихъ несчастныхъ лошадей оступилась, покатилась съ страшной высоты, почти по отвѣсной горѣ, внизъ и осталась на мѣстѣ. Вообще о какой

нибудь площадкѣ, ровномъ, хотя небольшомъ пространствѣ, мы забыли и думать.

Въ время пребыванія нашего на этихъ возвышенностяхъ мы большею частію испытывали чувство холода, такъ что для Фадѣева, прибывшаго потомъ въ нашъ лагерь, изъ отряда барона Врангеля, не было болѣе высшаго наслажденія, какъ поставить самоваръ, внести его въ мою палатку и закрыть ее со всѣхъ сторонъ. Часто поднимались свирѣпѣйшіе вѣтры, и для противудѣйствія ихъ неистовымъ порывамъ, палатка князя обставлялась вплотную, другъ къ другу, солдатами, которые такимъ образомъ и удерживали ее. Многія изъ другихъ палатокъ просто срывались и уносились вѣтромъ, обнажая весь внутренній бытъ ихъ владѣтелей.

Само собою разумѣется, что наши позиціи располагались на такихъ мѣстахъ, гдѣ была вода. Но по этой части горы были крайне скудны, и вода большею частію добывалась изъ ключей и родниковъ. Въ двухъ или трехъ мѣстахъ мы видѣли великолѣпныя озера съ такимъ обиліемъ великолѣпной форели, что, по выраженію князя, солдаты ловили ее «портками.» Картина этихъ озеръ была великолѣпна. Такъ и видно было, что если мы любуемся ихъ чистотою и прозрачностію, то и они сами какъ будто не мало удивлены нашимъ нежданнымъ нашествіемъ; видно было, что отъ сотворенія міровъ ихъ чистыя воды не оскверня лись прикосновеніемъ человѣка, такъ какъ кругомъ не было никакихъ ауловъ. Собственно рѣку, или лучше сказать, маленькую горную рѣченку я только видѣлъ одну и не только видѣлъ, но даже купался въ ней. Я помню, лагерь нашъ расположился на горѣ. Скоро стало извѣстно, что вблизи, въ двухъ или трехъ верстахъ, внизу есть какая-то рѣчка. Страшный охотникъ купаться, я тотчасъ отправился съ моимъ камердинеромъ отыскивать ее. Поиски наши продолжались недолго. Мы увидѣли не рѣку, въ русскомъ смыслѣ слова, а маленькій, горный и потому сердитый ручеекъ, въ которомъ мнѣ и уложиться было трудно. Увлеченный однакоже ожидаемымъ наслажденіемъ погрузиться въ холодныя струи, я рѣшился все таки совершить мое купанье, во что бы то ни стало. Раздѣвшись, я уложился въ ручей сначала однимъ бокомъ, потомъ другимъ, потомъ спиной и т д. Во время этой операціи, на противоположномъ берегу стояло нѣсколько туземныхъ оборвышей въ косматыхъ шапкахъ, съ винтовками за спиной и смотрѣли на мои переворачиванія. Когда я возвратился въ лагерь и разсказалъ объ этихъ молчаливыхъ свидѣтеляхъ моего купанья товарищамъ, мнѣ сначала не хотѣли вѣрить; а когда повѣрили, стали упрекать меня за мое безразсудство, которое могло очень дурно кончиться и удивительно, что не такъ кончилось: потому что для горца нѣтъ выше удовольствія, да удовольствія еще священнаго, какъ подстрѣлить гяура.

Кстати о горцахъ. Я рѣшительно не знаю, въ какихъ отношеніяхъ они находились къ намъ въ этотъ моментъ. Замѣтно было однакоже что въ слѣдствіе взятія Веденя, нѣкоторые ближайшіе племена или аулы рѣшились сдержать свои враждебныя дѣйствія. Объ этомъ я заключаю потому, что меня не застрѣлили во время купанья моего, а еще болѣе потому, что на нѣкоторыхъ пунктахъ нашихъ переходовъ близь Веденя и преимущественно въ палаткахъ на-

шего знаменитаго маркитанта Лебедева, которыхъ мы не оставляли постоянными нашими посѣщеніями, насъ окружали иногда толпы туземныхъ горцевъ (мирныхъ или немирныхъ, это я уже плохо знаю). Въ желаніи привлечь ихъ окончательно на нашу сторону гражданскими дѣйствіями, я обильно осыпалъ ихъ различными сластями, которыя Лебедевъ, вмѣстѣ съ другими припасами, передвигалъ въ огромныхъ количествахъ. Помню очень хорошо, что они относились къ этимъ сластямъ съ величайшимъ недовѣріемъ, такъ что я долженъ былъ самъ все это ѣсть предъ ихъ глазами для удостовѣренія, что тутъ нѣтъ никакой отравы. За всѣмъ тѣмъ, однакоже, не возможно было истребить ихъ подозрительности. Когда одни, по видимому, рѣшались рискнуть, другіе начинали на нихъ шумѣть по татарски и удерживали ихъ. Такимъ образомъ мои гражданскіе опыты окончательнаго умиротворенія этихъ людей оказались неудачными, такъ что, подъ вліяніемъ нѣкоторой досады, я спрашивалъ всѣхъ: «что же это за народъ? мирной или немирной?»—«А чортъ его знаетъ!» отвѣчали мнѣ «сегодня мирной, среди нашихъ штыковъ; а завтра, если придется, отлично зарѣжетъ каждаго изъ насъ!»

Наконецъ наступилъ день прибытія князя въ нашъ лагерь. Уже не помню, на какой позиціи это было; помню только, что мѣстоположеніе было неблистательно и изобиловало въ особенности какими-то буграми и пригорками. Встрѣча князя была великолѣпна. Войскъ сосредоточено было на этой позиціи весьма много. Съ ранняго утра все пришло въ движеніе и стало располагаться на назначенныхъ мѣстахъ. Длинныя линіи войскъ, разставленныя по неровной мѣстности, представляли оригинальную картину, слишкомъ различную отъ тѣхъ, какія представляютъ намъ всевозможные Петербургскіе парады. Вся свита, къ которой и я былъ примкнутъ, имѣла свое отдѣльное мѣсто и старалась, елико можно, выравняться, что̀ представляло не малый трудъ потому, что наши кабардинскіе кони не очень-то способны были сохранять стройное и почтительное положеніе. Ожиданіе, какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, длилось долго. Наконецъ изъ-за безчисленныхъ бугровъ и пригорковъ стали показываться несущіеся во весь опоръ передовые всадники, а за тѣмъ появился и самъ князь съ своимъ значкомъ и своимъ конвоемъ.

Я не могу удержаться, чтобъ не сказать для людей, конечно, мало знакомыхъ съ военнымъ бытомъ на Кавказѣ, что значокъ — вещь великолѣпная! Это какое-то личное знамя, которое всегда слѣдуетъ за тѣмъ, кому оно принадлежитъ. Такимъ образомъ этотъ значокъ былъ не только у князя, но и у графа Евдокимова и у многихъ другихъ значительныхъ лицъ. Я не знаю, опредѣлено ли закономъ, кто можетъ имѣть эти значки и кто не можетъ; не знаю даже, составляютъ ли они исключительную принадлежность Кавказа, или употребляются въ другихъ мѣстахъ; но дѣло въ томъ, что во время нашего похода я видѣлъ много и у многихъ—этихъ значковъ, которые напоминаютъ что-то рыцарское. Само собою разумѣется, что у князя былъ наивеликолѣпнѣйшій значокъ. Это было большое знамя, вышитое и разшитое золотомъ и серебромъ, среди котораго изображенъ былъ родовой княжеской гербъ князя. Это знамя вѣчно развѣвалось среди группы, сопровождавшей князя. У другихъ эти

значки, конечно, были менѣе роскошны и представляли или также родовые гербы или другія эмблематическія изображенія. Именно по этимъ значкамъ можно было узнать на далекомъ разстояніи, кто именно ѣдетъ, ибо развѣвающееся знамя и находящееся на немъ изображеніе тотчасъ разрѣшаетъ этотъ вопросъ.

Громогласное: ура! встрѣтило появленіе князя. Среди этихъ кликовъ князь объѣхалъ ряды войскъ въ сопровожденіи различныхъ генераловъ и свиты, къ нему примкнувшихъ и потомъ сталъ на возвышенное мѣсто, заблаговременно избранное. Съ этого мѣста, снявъ фуражку, князь сталъ говорить войскамъ, что самъ Государь велѣлъ ему благодарить ихъ за отличную службу, что Государь надѣется, что, сдѣлавъ такъ много, они въ досталь покорятъ горы и т. п.

Здѣсь я позволяю себѣ замѣтить, что, читая часто въ заграничныхъ извѣстіяхъ, что такой-то король или такой-то ораторъ говорилъ то-то и то-то народу или читая различныя исторіи, изображавшія, какъ такой-то полководецъ воодушевилъ своею рѣчью войска и т. п., я всегда недоумѣвалъ, какъ это дѣлается на практикѣ! Недоумѣніе это было для меня тѣмъ мучительнѣе, что я самъ нѣкоторымъ образомъ принадлежалъ къ числу публичныхъ говоруновъ, недавно появившихся въ нашемъ любезномъ отечествѣ. Одаренный отъ природы крѣпкимъ и здоровымъ голосомъ, я по опыту зналъ, что даже въ залѣ, густо набитой слушателями, трудно говорить такъ, чтобы и задніе ряды могли слушать внятно всѣ слова оратора! Какимъ же образомъ всѣ эти короли и полководцы могли воодушевлять своихъ слушателей, которыхъ уже было не сотни, а тысячи, и когда они размѣщались не въ залѣ какой нибудь, какъ бы ни была она обширна, а на поляхъ и долахъ? Поэтому я съ живѣйшимъ любопытствомъ ожидалъ, не разрѣшитъ ли моихъ неодумѣній рѣчь, обращенная княземъ къ войску. Увы! сколько князь ни махалъ своей фуражкой—солдаты ничего не слыхали и не понимали. Услыхали только: ура! раздавшееся въ группѣ, окружавшей князя и во слѣдъ ему какъ-то безсознательно и вяло стали кричать свое: ура! Князь тотчасъ все это понялъ и потому мгновенно разослалъ во всѣ концы своихъ адъютантовъ съ приказаніемъ объявить солдатамъ, что самъ Государь ихъ благодаритъ. Тогда, конечно, по рядамъ войскъ понеслось болѣе сознательное, болѣе рѣшительное и болѣе крѣпкое новое ура! Когда крики эти стихли, началось такъ называемое церемоніальное прохожденіе всѣхъ войскъ мимо князя. Оно было похоже на всѣ подобныя упражненія этого рода съ тѣмъ только различіемъ, что видъ солдатъ, уступая во внѣшнемъ изяществѣ гвардейскимъ солдатамъ, далеко превосходилъ ихъ со стороны молодечества, со стороны безконечной отваги, которая, прежде всего, кидалась въ глаза на смуглыхъ, загорѣлыхъ физіономіяхъ Кавказцевъ. Для меня всего удивительнѣе было видѣть въ этихъ стройныхъ рядахъ какую-то далеко неизящную толпу грязныхъ оборвышей, въ какихъ-то длинныхъ балахонахъ, съ огромными папахами на головахъ, съ клочьями бараньей шерсти, спускающимися отъ папахъ на ихъ и безъ того непривлекательныя физіономіи! Это были такъ называемые охотники Кабардинскаго полка, впервые, учрежденные княземъ во время командованія имъ этимъ полкомъ. Главная обязанность этихъ охот-

никовъ состояла въ томъ, чтобъ одичать, насколько можно, шляться по лѣсамъ и подстрѣливать горцевъ, какъ дичь, всюду, гдѣ только можно. Въ этихъ оборванныхъ и страшныхъ фигурахъ, когда они проходили предъ княземъ, менѣе всего можно было узнать Русскихъ солдатъ.

По окончаніи парада, князь, а за нимъ все знатное и значительное направилось къ той громадной столовой палаткѣ, о которой я говорилъ и въ которой, на этотъ разъ, приготовленъ былъ общій парадный обѣдъ. Предназначалось что и князь будетъ съ нами обѣдать; но онъ пріѣхалъ къ намъ полубольной: подагра снова начинала къ нему придираться, и потому онъ обѣдать съ нами не могъ, хотя оставался все время въ этой палаткѣ и, уложивъ покойно свои больныя ноги въ извѣстномъ положеніи, продолжалъ переговаривать то съ тѣмъ, то съ другимъ......

Съ прибытіемъ князя въ нашъ лагерь, начались усиленныя рекогносцировки дальнѣйшей мѣстности. Начинались они съ самаго ранняго утра, часовъ въ пять и часто продолжались до пяти часовъ вечера, такъ что люди совершенно изнемогали, а лошади у многихъ козаковъ и у свитскихъ или просто падали, или становились въ тупикъ и не доходили до мѣста.... Отличительный характеръ этихъ поѣздокъ состоялъ въ томъ, что мы безпрерывно поднимались на скалы и спускались съ нихъ въ пропасти и ущелья. Непріятеля мы мало видѣли, на что ужасно злобствовали мои воинственные друзья, жаждавшіе подраться; изрѣдка только, гдѣ нибудь, въ отдаленіи, покажется непріятельскій пикетъ и скоро скроется. Замѣчательной чертой этихъ путешествій можно считать то, что, почти постоянно находясь между скалъ и пропастей, т. е. предъ зубами смерти, мы почти не имѣли никакихъ несчастій, а если что̀ и было, то такъ ничтожно, что и упоминать не стоитъ.

Лично я только разъ задумался надъ вопросомъ: останусь ли живъ или умру? При одной изъ подобныхъ поѣздокъ, спустившись съ нашей возвышенной позиціи, мы должны были переходить какую-то топкую ложбину. Я шелъ вблизи князя, рядомъ съ гр. Евдокимовымъ. Предъ нами очутилось что-то въ родѣ канавы или рва. Гр. Евдокимовъ спокойно повернулъ свою лошадь и объѣхалъ это памятное мнѣ мѣсто. Я поѣхалъ прямо и, по манежнымъ правиламъ желая предупредить свою лошадь объ этой канавѣ, прибралъ поводья, и нѣтъ сомнѣнія, что этимъ испортилъ все дѣло. По общимъ отзывамъ знатоковъ и линейныхъ козаковъ, при всѣхъ опасныхъ переходахъ, какого бы свойства они ни были, самое лучшее средство для исполненія ихъ —дать туземной лошади полнѣйшую свободу. Я нарушилъ это правило и порядкомъ поплатился за то. Едва я подобралъ поводья, какъ въ тотъ же моментъ лошадь моя передними ногами провалилась въ эту яму. Мнѣ предстояло перелетѣть чрезъ ея голову и запутавшись въ стременахъ представить довольно драматическое зрѣлище; но я удержался и висѣлъ, такъ сказать, надъ лошадиною головою. Все это однакоже продолжалось одно мгновеніе. Сильная лошадь быстро рванулась всѣмъ передомъ изъ канавы, и я получилъ при этомъ движеніи сильнѣйшій ударъ въ грудь. Въ гласахъ потемнѣло, дыханіе стѣснилось, и тутъ то я подумалъ: кончено! Еслибы ударъ этотъ нанесенъ былъ головою лошади—дѣйствитель-

но все было бы кончено; но къ счастію лошадь ударила меня только своею шеею. Безсознательно я отъѣхалъ въ сторону и ждалъ, что будетъ. У меня до такой степени захватило духъ, что я слова произнести не могъ, такъ что всѣ проносились мимо меня, рѣшительно ничего не замѣчая. Чрезъ нѣсколько секундъ или минутъ я почувствовалъ возможность дышать и хотя грудь страшно ломило, но я видѣлъ, что обстановка, въ которой я находился, исключала всякую мысль о какихъ либо нѣжныхъ и попечительныхъ пособіяхъ. Всѣ неслись, какъ угорѣлые, и мнѣ рѣшительно ничего не оставалось, какъ нестись за ними, предоставивъ остальное на волю Божію. Дѣло кончилось такъ хорошо, что на обратномъ пути я уже рѣшительно не чувствовалъ никакихъ послѣдствій этого случая.

Послѣ этихъ рекогносцировокъ и передвиженій съ одной позиціи на другую, мы прибыли наконецъ на позицію, которая на моихъ оффиціальныхъ бумагахъ, называлась: «на Андійскихъ высотахъ близь аула Тандо.» На этой позиціи мы стояли долго, и на ней собственно совершилось покореніе Восточнаго Кавказа; а потому и я долженъ посвятить ей большую часть моихъ воспоминаній.

Прежде чѣмъ мы окончательно заняли эту позицію, мы предварительно обозрѣвали ее разъ или два. Изобразить ее со стороны природы едва ли въ состояніи самое искусное перо. На этой-то преимущественно позиціи мы видѣли плавающія внизу облака и грозы, въ нихъ разражавшіяся. Съ высотъ, на которыхъ мы стояли, въ лѣвую сторону виднѣлся безконечный рядъ скалистыхъ, сѣрыхъ, какихъ-то безжизненныхъ вершинъ. Люди знающіе и опытные, показывая на эти вершины, говорили, что тамъ находятся какія-то Андійскія ворота; тамъ же находится мѣсто или аулъ, кажется, «Ичичали,» а въ немъ стоитъ самъ Шамиль съ своими мюридами и пушками. Для неопытнаго глаза ничего ни понять, ни разглядѣть было невозможно: все сливалось въ какую-то сѣрую мглу, въ сѣдой туманъ, въ которомъ прорѣзывались безчисленные горные, пики. Въ правую сторону отъ насъ, на первомъ планѣ, далеко внизу, виднѣлся аулъ Тандо, за нимъ ровная по видимому плоскость, потомъ берега Андійскаго Койсу, бѣшеной горной рѣки, а за нимъ лагерь сына Шамиля, немногія палатки котораго и происходившее тамъ движеніе составляли предметъ особенныхъ наблюденій съ нашей стороны. Прямо предъ нами, внизу, открывалась необозримая долина, съ нѣкоторыми пригорками, оказавшимися впослѣдствіи, когда мы спускались туда, тоже большими горами.

Я помню очень хорошо день занятія этой позиціи. Когда мы пришли къ ней, князь сошелъ съ лошади и сѣлъ на краю возвышенности. Его примѣру послѣдовали всѣ. Посредствомъ зрительныхъ трубъ найдено было, что лежащій внизу аулъ Тандо не очищенъ еще жителями, и потому князь приказалъ немедленно занять его. Начальникомъ дѣйствующихъ войскъ считался въ этотъ моментъ баронъ Николаи, братъ статскаго барона Николаи, нынѣ генералъ-адъютантъ. Занятіе аула предоставлено было Кабардинскому полку, части котораго немедленно и отправились внизъ. Всѣ мы, расположенные на обрывахъ возвышенности, сидѣли, какъ въ партерѣ и ожидали занятія аула, какъ ожидаютъ въ театрѣ начала какого нибудь спектак-

ля. Само собою разумѣется, что для меня это ожиданіе было исполнено наибольшаго интереса въ слѣдствіе самой новости подобныхъ дѣлъ. Ожиданіе наше длилось очень долго, потому что самый спускъ, по которому шли наши войска, оказался необъятнаго протяженія. Вдругъ сдѣлалось замѣтнымъ величайшее движеніе въ аулѣ; стали раздаваться выстрѣлы, постепенно учащаясь. Я помню, что я былъ очень удивленъ звукомъ этихъ выстрѣловъ: отъ свойства ли горной атмосферы, или отъ устройства винтовокъ—звукъ этотъ вовсе не походилъ на звукъ нашихъ обыкновенныхъ выстрѣловъ; это былъ скорѣе какой-то деревянный стукъ, сухой и короткій. Прислушиваясь къ этому стуку, я понялъ, почему на Кавказѣ, говоря о горцахъ, вмѣсто напр. «начали стрѣлять» говорятъ: «застукали», или вмѣсто: «застрѣлили» говорятъ: «устукали». Стукотня эта была, впрочемъ, непродолжительна; прежде нежели мы могли замѣтить приближеніе нашихъ войскъ (скрываемыхъ извилинами спуска) къ аулу, мы увидѣли, что изъ аула потянулись конныя партіи горцевъ, продолжая стрѣлять назадъ, кажется больше для собственнаго удовольствія, чѣмъ для дѣйствительной пользы. Такое поспѣшное отступленіе рѣшительно разочаровало насъ, ожидавшихъ видѣть зрѣлище свалки; но оно тотчасъ объяснилось, когда мы увидѣли фигуры той охотничьей команды Кабардинскаго полка, о которой я говорилъ, заходившія съ обѣихъ сторонъ аула на значительномъ отъ него разстояніи; этотъ обходъ, по видимому, и заставилъ горцевъ убираться по добру, по здорову.

Когда такимъ образомъ аулъ занятъ былъ нашими войсками, князь потребовалъ коня, сѣлъ на него и сталъ спускаться къ аулу. Разумѣется, его примѣру послѣдовали всѣ. Я никогда не забуду этого достопамятнаго спуска. Онъ превосходилъ все, что мы до тѣхъ поръ видѣли и проходили. Начать съ того, что онъ тянулся, какъ говорили, пять верстъ. Крутизну онъ представлялъ невообразимую. Лошади, спускаясь, положительно садились назадъ. Всадники предоставляли себя Богу, да ловкости коня. Къ этому надобно прибавить, что дорога по этому спуску представляла почву изрытую, обрывистую, усѣянную громадными камнями, такъ что лошади почти на каждомъ шагу должны были преодолѣвать эти препятствія. Но что всего было отвратительнѣе—это то, что спускъ этотъ не имѣлъ прямой линіи внизъ, а безпрерывно извивался и загибался. Спускаясь напр. съ одного поворота, ждешь, когда онъ кончится, въ надеждѣ, что за поворотомъ дорога будетъ лучше. Повернулъ и обомлѣлъ! Еще круче, еще хуже.

Я помню, когда пріѣхалъ въ нашъ лагерь остроумный Ч—евъ, князь нѣсколько разъ выражалъ желаніе, чтобы онъ также участвовалъ въ рекогносцировкахъ, которыя разумѣется, должны были начинаться съ этого милаго спуска. Надо замѣтить, что Ч—евъ природный Грузинъ, слѣдовательно природный ѣздокъ, хотя уже немножко отяжелѣвшій и отвыкшій отъ джигитскихъ замашекъ. Онъ нѣсколько разъ порывался исполнить желаніе князя и спуститься внизъ, но каждый разъ возвращался съ дороги и выдумывалъ для представленія князю различные уважительные предлоги; въ дружеской же бесѣдѣ чрезвычайно остро и забавно разсказывалъ дѣйствительныя причины, заставляв-

шія его возвращаться. «Это чортъ знаетъ, что такое!» говорилъ онъ между прочимъ, «развѣ можно порядочнымъ людямъ ѣздить по такимъ дорогамъ? Постоянно висишь надъ пропастью, а подъ ногами камень на камнѣ. Думаешь вотъ поверну—пойдетъ ровно. Не тутъ то было: еще хуже! Можетъ быть-за новымъ поворотомъ будетъ лучше: еще хуже! Я думаю, что черти въ адъ спускаются покойнѣе. Нѣтъ, слуга покорный! Если Шамиля суждено поймать — поймаютъ и безъ меня. А я по пусту, изъ одной любви къ искусству, головы ломать не намѣренъ!« и т. п.

Но я по этому спуску въ тотъ моментъ, о которомъ говорю, ѣхалъ въ первый разъ, подлѣ самого князя, и само собою разумѣется, что мысль о возвращеніи не могла мнѣ и въ голову придти уже потому, что исполненіе ея покрыло бы меня вѣчнымъ позоромъ. Князь ѣхалъ спокойно и съ улыбкою смотрѣлъ, какъ моя лошадь спускалась на хвостѣ. Всему бываетъ конецъ; былъ конецъ и этому спуску. Мы въѣхали въ занятой аулъ по узенькой извивающейся улицѣ и въ слѣдъ за княземъ вошли на какую-то башню или крѣпость, съ которой открывался обширный видъ Свитскіе товарищи мои недолго, однакоже, наслаждались этимъ видомъ и потребовали у меня открытія на пользу общую всѣхъ моихъ запасовъ. Мы спустились съ башни и дружно принялись за поиски моего козака, у котораго находился мой подвижной запасный магазинъ. Когда козакъ былъ отысканъ, мы расположились на берегу какого-то ручья и такъ дружно занялись своимъ завтракомъ, что даже прозѣвали жаркую схватку, происшедшую на противоположной сторонѣ аула. Дѣло въ томъ, что когда князь находился на башнѣ, противъ нея, въ отдаленіи, показалась партія конныхъ горцевъ. Преслѣдовать и разсѣять ее предоставленно было какому-то туземному полку или отряду, недавно предъ тѣмъ въ чемъ-то провинившемуся. Нашъ конный отрядъ, чтобы смыть лежавшее на немъ пятно, яростно кинулся на вражескую партію и быстро разсѣялъ ее, при чемъ было убито нѣсколько человѣкъ. Дѣло было исполнено такъ мгновенно, что не только мы, бывшіе въ отдаленіи и углубившіеся въ свои спеціальныя занятія, но и многіе другіе ничего не видали.

Обозрѣвъ открывающуюся изъ этого аула мѣстность, князь потянулся назадъ, а за нимъ двинулась и безконечная вереница, составлявшая его хвостъ. Подъемъ былъ столь же утомителенъ, сколько и скученъ только съ другой стороны: если при спускѣ вы должны были, во избѣжаніе удовольствія полетѣть чрезъ голову лошади, ложиться ей на спину, то при подъемѣ вы должны были держаться за гриву лошади, чтобъ не съѣхать съ сѣдла назадъ. Поднявшись, мы расположились: «на Андійскихъ высотахъ, близь аула Тандо».

На этой позиціи, какъ я сказалъ уже, мы стояли весьма долго. Замѣтно было, что здѣсь совершались важныя военныя соображенія, ожидались извѣстія изъ другихъ отрядовъ, велись переговоры, дѣлались окончательныя предположенія......

Что подѣлывалъ, между тѣмъ, мой спутникъ и сподвижникъ Зиссерманъ? Ему поручены были занятія верблюдами. «Какъ верблюдами?» восклицаетъ изумленный читатель. „Да также“ отвѣчаю я. Дѣло въ томъ, что въ началѣ похода какое-то общество, народъ или племя предложило на общую

пользу, безплатно, нѣсколько верблюдовъ съ такимъ впрочемъ условіемъ, что если верблюдъ падетъ во время похода, то въ этомъ случаѣ за него должно быть выплачено жертвователямъ 50 р. Для какихъ именно надобностей могли быть употреблены эти верблюды—я не знаю; но только мы видѣли на нашихъ позиціяхъ, что эти неуклюжія животныя съ длинными шеями, съ огромными горбами какъ-то уныло бродили или стояли по окрестнымъ скаламъ. Скоро мы стали видѣть трупы этихъ животныхъ. Они начали падать! Соображенія о причинахъ этого падежа были чрезвычайно разнообразны. Одни утверждали, что они не способны переносить горныхъ походовъ; другіе—что въ скалахъ они не находятъ достаточной пищи; большинство же было такого мнѣнія, что мошенники татары, предложившіе ихъ для похода, съ уплатою за каждаго павшаго верблюда по 50 руб., нашли въ этомъ весьма выгодную спекуляцію и по всей вѣроятности поручили приставленнымъ къ нимъ погонщикамъ скорѣе переморить ихъ, чтобъ скорѣе получить слѣдующія за нихъ деньги.

Между тѣмъ князь, по прибытіи въ нашъ лагерь, обратилъ на этотъ предметъ самое ближайшее вниманіе и занялся верблюдами съ обычною энергіею. По видимому онъ хотѣлъ разрѣшить положительнымъ образомъ задачу о годности верблюдовъ для горныхъ кавказскихъ походовъ. Въ сотрудники по разработкѣ этой задачи онъ взялъ именно Зиссермана. Явились откуда-то брошюры объ участіи верблюдовъ въ военныхъ передвиженіяхъ по Алжиру; составлялись извлеченія изъ этихъ брошюръ, писались спеціальныя инструкціи объ уходѣ за верблюдами; наконецъ избранъ былъ одинъ изъ офицеровъ для ближайшаго попеченія надъ ними, который постоянно являлся съ докладами къ Зиссерману о состояніи ихъ здоровья. Но увы! чѣмъ болѣе самъ князь, Зиссерманъ и этотъ офицеръ, ближайшій ихъ попечитель, старались объ улучшеніи судьбы несчастныхъ верблюдовъ, тѣмъ сильнѣе они падали. Каждое утро, выходя изъ своихъ палатокъ, мы привыкли уже смотрѣть въ мѣсто расположенія верблюдовъ и всегда замѣчали новые трупы. Громадные трупы этихъ громадныхъ животныхъ чрезвычайно рельефно вырисовывались на окрестныхъ возвышеніяхъ и отмѣчали, такъ сказать, слѣды нашего шествія впередъ. Кончилось, разумѣется, тѣмъ, что всѣ верблюды передохли, и Зиссерманъ остался безъ дѣла, до тѣхъ поръ, пока военныя событія или, лучше сказать, начавшееся покореніе Восточнаго Кавказа не представило ему въ высшей степени интересныхъ матеріаловъ для тѣхъ писемъ, которыя онъ сталъ высылать изъ похода въ редакцію Петербургскихъ газетъ и которыя, сколько извѣстно, читались въ свое время съ величайшимъ любопытствомъ.

III.

Начавшееся покореніе Восточнаго Кавказа! Я по истинѣ затрудняюсь, съ какой стороны приступить къ этому важному событію. Чуждый всѣхъ военныхъ соображеній и обстоятельствъ, изъ которыхъ создалось это покореніе, я, само собою разумѣется, не могу имѣть ни малѣйшей претензіи разсматривать это событіе именно съ этой серьезной стороны. Да эта сторона, во первыхъ, не была бы мнѣ подъ силу ни въ какомъ случаѣ, а

во вторыхъ она уже разработана болѣе или менѣе во всевозможныхъ реляціяхъ и оффиціальныхъ донесеніяхъ. По этому мнѣ кажется, что я поступлю лучше, если, не становясь на ходули, буду просто разказывать только то, что̀ видѣлъ и слышалъ, съ сохраненіемъ единственнаго условія, положеннаго мною въ основаніе моихъ разсказовъ: не допускать ни одного слова сочиненнаго.

Продолжая оставаться на позиціи, называвшейся «Андійскими высотами, близъ аула Тандо», князь много разъ спускался съ этихъ высотъ, обозрѣвалъ внизу лежащую мѣстность и даже избралъ на ней пунктъ для нашего укрѣпленія, которое 6 Августа дѣйствительно было заложено и названо «Преображенскимъ». Мы, свитскіе, мало останавливались надъ вопросомъ: почему мы не двигаемся дальше? За Андійскимъ Койсу, по прежнему, виднѣлся лагерь сына Шамиля и оставался въ томъ же недвижимомъ положеніи, какъ и нашъ лагерь. Замѣтно было, впрочемъ, какъ я сказалъ уже, что въ высшихъ сферахъ что-то обдумывается, соображается, что-то ожидается. Передъ палаткою князя, по прежнему, стояли зрительныя трубы всевозможныхъ размѣровъ, направленныя въ ту сторону, гдѣ, по слухамъ и разсказамъ, стоялъ самъ Шамиль съ своими мюридами и своими пушками. Люди опытные, умѣющіе обращаться съ этими трубами, часто смотрѣли въ нихъ и разсказывали, что̀ они видѣли. Я тоже много разъ принимался смотрѣть въ эти трубы, но кромѣ неба да горъ никогда ничего не умѣлъ замѣтить, не смотря на многоразличныя наставленія, которыми меня осыпали.

Я очень живо помню одно, истинно-прекрасное, утро, когда я вмѣстѣ съ другими находился близъ палатки князя. Князь, замѣтивъ меня въ толпѣ свитскихъ, сдѣлалъ мнѣ знакъ, чтобъ я приблизился къ нему.

«Ну батюшка», весело и таинственно сказалъ мнѣ князь, «я скажу вамъ славную вещь; только смотрите, не говорите никому. У Шамиля революція! Онъ бѣжалъ. Ну ступайте, да Бога ради не разболтайте»! По правдѣ сказать, я плохо понялъ, въ чемъ тутъ дѣло; тѣмъ не менѣе мнѣ очень пріятно было видѣть, съ одной стороны, что князь спѣшилъ подѣлиться со мной радостными извѣстіями, а съ другой, что дѣла приняли такой блестящій оборотъ. Оказалось, что изъ мѣста, гдѣ находился Шамиль, явилось въ нашъ лагерь нѣсколько горскихъ старшинъ или начальниковъ. Объявивъ, что Шамиль бѣжалъ, они сказали, что сами драться не хотятъ и просили взять оставленныя Шамилемъ пушки. Это извѣстіе принято въ нашемъ лагерѣ съ нѣкоторымъ недовѣріемъ, и потому этимъ подозрительнымъ парламентерамъ графъ Евдокимовъ объявилъ, что теперь отправлять наши войска за пушками неудобно, и что они, старшины, возвратясь къ своимъ мѣстамъ, должны охранять эти пушки до того времени, когда наши отряды придутъ туда. Впрочемъ всякія сомнѣнія въ этомъ отношеніи скоро разсѣялись при посредствѣ азіатовъ, находившихся въ нашемъ лагерѣ, которые изслѣдовали ближайшимъ образомъ это важное событіе и подтвердили несомнѣнность его къ общей нашей радости. Я впрочемъ не вѣрно выразился, назвавъ нашу радость общею. Свитскіе пріятели мои, напротивъ, начали бранить и Шамиля и мюридовъ его за то, что они бѣгутъ безъ боя и тѣмъ лишаютъ военную молодежь возможности подраться и нахватать побольше крестовъ.

Старые Кавказцы утверждаютъ, что горскіе народы чрезвычайно воспріимчивы, и что какъ воинственное, такъ и мирное настроеніе мгновенно обхватываетъ всѣ племена. Такъ было и здѣсь. Съ бѣгствомъ Шамиля, какъ будто уничтожилась плотина, удерживавшая горцевъ отъ шумнаго проявленія ихъ мирныхъ заявленій. Все ринулось въ нашъ лагерь съ заявленіями покорности. Каждый день являлись къ князю различныя общества съ своими старшинами и наибами. Имена многихъ изъ этихъ наибовъ были знамениты по тѣмъ битвамъ, въ которыхъ они рѣзались съ нашими войсками. Для свиты и штаба князя ежедневно совершались самые любопытные, занимательные спектакли. Толпы офицеровъ тѣснились, чтобъ взглянуть на какого нибудь «Кибитъ-Магому» извѣстнаго давно своею безпримѣрною храбростію и наиболѣе ожесточенными схватками съ нашими отрядами. Князь торжественно, окруженный блестящею свитою, появлялся предъ этими представителями племенъ и ауловъ и говорилъ имъ нѣсколько привѣтственныхъ словъ. Среди каждой прибывающей толпы непремѣнно находился туземный ораторъ; послѣ словъ князя, онъ выдвигался впередъ и торжественно, съ особыми жестами и особенною интонаціею, говорилъ много и долго. Замѣтно было, что сотоварищи его слушали его съ уваженіемъ и нѣкоторымъ благоговѣніемъ. Сущность этихъ рѣчей относилась, разумѣется, къ преданности и вѣрности ихъ нашему Государю. Эту сущность наши переводчики передавали князю, который, милостиво отпуская одни толпы, тѣмъ же порядкомъ принималъ другія. Послѣ торжественнаго представленія князю, толпы эти разсѣевались по нашему лагерю и большею частію или садились въ кружки и что-то тихо толковали, сомкнувъ свои головы внутрь круга, или разъѣзжались по лагерю и продавали нашимъ свои окровавленные кинжалы и другое оружіе и даже лошадей.

Видъ этихъ людей, вчера бывшихъ нашими страшными и злѣйшими врагами, не производилъ на насъ особеннаго впечатлѣнія. Какъ и во всѣхъ толпахъ, были физіономіи истинно звѣрскія; но были личности и милѣйшія. Общій характеръ этихъ физіономій сильно смахивалъ на птичій: особенно вострые и немного загнутые носы чрезвычайно походили на клювъ орла. Мы старались быть всевозможно-любезными съ этими господами и братались съ ними. Я какъ теперь вижу предъ собою молодаго, чрезвычайно красиваго и чрезвычайно симпатичнаго человѣка съ такими пріятными и мягкими манерами, съ такимъ милымъ выраженіемъ въ лицѣ, что какъ-то не вѣрилось, чтобъ онъ могъ участвовать въ свирѣпыхъ битвахъ и рѣзать людей. Однакоже знаки многочисленныхъ ранъ, которые онъ намъ показывалъ, доказывали, что его видимая нѣжность не мѣшала ему обращаться, когда надо было, въ ожесточеннаго врага нашего. Къ счастію онъ говорилъ немного по Грузински. Я подхватилъ одного изъ состоящихъ при князѣ Грузинскихъ офицеровъ, именно князя Сумбатова, и при его пособіи распрашивалъ этого горца съ величайшимъ любопытствомъ о всѣхъ обстоятельствахъ, окружающихъ жизнь горцевъ. Отвѣты его были въ высшей степени умны и интересны. Изъ нихъ, между прочимъ, видно было, что къ Грузинамъ собственно горцы относились болѣе дружелюбно и ненавидили всѣми си-

лами только Русскихъ. «Стало быть» сказалъ я «если бы я попался въ плѣнъ, мнѣ было бы плохо»? Когда князь Сумбатовъ перевелъ ему этотъ вопросъ, нашъ новый пріятель быстро подошелъ ко мнѣ и, столь же быстро проведя рукой по моей шеѣ, тѣмъ самымъ молчаливо и выразительно объяснилъ, какъ бы со мною было поступлено.

Всѣ эти приходящія и представляющіяся князю толпы не вдругъ покидали нашъ лагерь; напротивъ, располагаясь гдѣ нибудь по близости его, они проводили тутъ по нѣскольку дней и ночей. Случалось такъ, что численность этихъ пришельцевъ далеко превышала численность нашего лагеря. Я не знаю, принимались ли въ этомъ отношеніи съ нашей стороны какія либо предохранительныя мѣры. Если принимались, то какъ нибудь таинственно, потому что никакихъ видимыхъ мѣръ не было, и многіе въ нашемъ лагерѣ справедливо замѣчали, что если бы эти милые гости вздумали «пошалить», то могли бы надѣлать страшную кутерьму. Впрочемъ князь былъ храбръ и довѣрчивъ. Близкіе ему люди замѣчали, что при самомъ появленіи его къ этимъ гостямъ, надо принимать предосторожности, потому что въ этихъ толпахъ могутъ быть фанатики и изувѣры; но князь отвергалъ всѣ эти предосторожности и равнодушно отвѣчалъ: «да вѣдь кругомъ меня мои адъютанты, казаки! Чего же еще?»

Въ одно время съ представленіемъ этихъ покоряющихся горцевъ, въ лагерь нашъ стали доходить со всѣхъ сторонъ благопріятныя извѣстія.— Такъ напр. намъ сдѣлалось извѣстнымъ, что Шамиль, во время своего бѣгства, былъ ограбленъ своими же, такъ что отбитыя у него книги доставлены были горцами въ нашъ лагерь. Къ удивленію въ числѣ этихъ книгъ оказалось много русскихъ, что̀ и дало вѣрный поводъ заключить, что они принадлежали третьему умершему сыну Шамиля, который воспитывался въ нашихъ военныхъ заведеніяхъ и потомъ, будучи промѣненъ на знаменитыхъ плѣнницъ, княгиню Орбеліани и княгиню Чавчавадзе, велъ въ горахъ, сколько извѣстно, самую печальную и уединенную жизнь, не имѣя уже никакой возможности войти въ дикіе нравы и обычаи горцевъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы узнали, что Шамиль, оставленный и ограбленный своими, успѣлъ таки съ самымъ небольшимъ числомъ преданнѣйшихъ ему мюридовъ пробраться на Гунибъ.

Потомъ до насъ дошли свѣдѣнія, что отрядъ барона Врангеля, двигавшійся на соединеніе съ нами, совершилъ какую-то удивительную переправу, кажется чрезъ тотъ же Андійскій Койсу, при содѣйствіи веревочнаго моста, предложеннаго и изобрѣтеннаго даровитымъ офицеромъ Девелемъ. Дѣло въ томъ, какъ мнѣ разказывали, что та единственная переправа, на которую, разсчитывалъ отрядъ, была разрушена или защищена такъ, что ею нельзя было воспользоваться. Другихъ удобныхъ мѣстъ для переправы не было. По этому рѣшено было сдѣлать её тамъ, гдѣ высокіе берега наиболѣе сближаются надъ рѣкою. Первый вопросъ заключался въ томъ, чтобъ передать на другой берегъ конецъ каната. Многіе охотники вызывались на этотъ подвигъ, бросались въ яростную рѣку и гибли; за ними бросались другіе, и конецъ каната доставленъ таки на другой берегъ и укрѣпленъ; по этому канату какимъ-то образомъ пересланъ другой и так-

же укрѣпленъ. Эти два каната и были основаніемъ воздушнаго моста, по которому изобрѣтательный Девель сталъ передвигать, на страшной высотѣ надъ рѣкою, придуманную имъ корзинку, заключавшую въ себѣ солдата. Когда эта движущаяся корзинка перенесла на тотъ берегъ достаточное число людей, они бросились на горцевъ, защищавшихъ въ другомъ мѣстѣ естественную переправу и очистили ее.

Мнѣ передавали ужасающія сцены, происходившія при этой схваткѣ: это была уже просто бойня людей. Надо замѣтить, что въ составѣ нашихъ войскъ были такъ называемые конно-мусульманскіе полки, образованные изъ жителей только что покоренныхъ ауловъ. По общимъ отзывамъ это были не люди, а звѣри! О пощадѣ непріятелю они не имѣли понятія.—Эти-то люди и занимались преимущественно истребленіемъ горцевъ, захваченныхъ на переправѣ. Въ виду всего отряда, стоявшаго на другомъ берегу, они прокалывали насквозь горцевъ своими громадными кинжалами и сталкивали ихъ въ бушующую рѣку. Вообще эта переправа, сколько можно было судить по разнымъ толкамъ, имѣла громадное значеніе въ общемъ ходѣ военныхъ дѣйствій.—Потомъ я помню очень живо, что, въ одно прекрасное утро, князю представили лазутчика, пробравшагося въ нашъ лагерь чрезъ непокоренные еще аулы съ извѣстіемъ о покореніи отрядомъ барона Врангеля Аваріи. Вслѣдъ затѣмъ объ этомъ же покореніи привезъ оффиціальное донесеніе тотъ красивый Граббе, который былъ потомъ убитъ во время Польскаго возмущенія. На основаніи этого извѣстія Шереметеву, бывшему начальникомъ конвоя князя, приказано отправиться курьеромъ къ Государю, а князю Суворову поручено принять конвой, вслѣдствіе чего, взявъ у одного изъ казаковъ казацкое одѣяніе, онъ тотчасъ облекся въ него и къ удивленію, не смотря на свою красоту, оказался въ немъ очень некрасивымъ, какимъ-то длиннымъ и несуразнымъ. Скоро послѣ того явились въ нашъ лагерь сами Аварцы, огромной массой, тысячи въ двѣ. Встрѣча этого мночогисленнаго отряда составила для насъ новый спектакль. Впереди ѣхалъ на прекрасной бѣлой лошади почтенный старикъ, сѣдой, какъ лунь, въ бѣлой чалмѣ, означавшей духовное его достоинство. За нимъ тянулась безконечная вереница всадниковъ. Наслышавшись со всѣхъ сторонъ, что Аварцы самый храбрѣйшій народъ въ мірѣ, я жадно всматривался въ фигуры этихъ всадниковъ и къ удивленію не нашелъ въ нихъ рѣшительно ничего, подтверждающаго ихъ воинственную славу. Невзрачные, большею частію малорослые, одѣтые пестро и бѣдно, они представляли собою массу бѣдныхъ оборвышей, но нисколько не храбрыхъ героевъ. Соображенія и замѣчанія свои я сообщалъ болѣе опытнымъ и боевымъ людямъ, и они мнѣ отвѣчали: «посмотрѣли бы вы, какъ эти оборвыши дерутся! Страсть!»

Аварцы прибыли къ намъ вечеромъ, ночевали близъ лагеря, а на другой день представлялись князю. По обычаю выступилъ впередъ ихъ ораторъ, молодой человѣкъ съ чрезвычайно-умнымъ и кроткимъ лицомъ и говорилъ много и одушевленно. Аварцы слушали его съ величайшимъ вниманіемъ и почтеніемъ, какъ будто бы онъ говорилъ имъ самимъ, а не отъ ихъ имени князю. Нѣтъ сомнѣнія, что при содѣйствіи нашихъ переводчиковъ, краснорѣчіе этого оратора утрачивало зна-

чительную долю того обаянія, которое производило оно на его соплеменниковъ. Едвали не вмѣстѣ съ Аварцами прибылъ въ нашъ лагерь и Аварскій ханъ, нашъ флигель-адъютантъ, свергнутый или удаленный во время владычества Шамиля. Кончилось всё тѣмъ, что этотъ ханъ, молодой и весьма красивый человѣкъ, возстановленъ во всѣхъ своихъ прежнихъ правахъ.

Вмѣстѣ съ покореніемъ Восточнаго Кавказа стали почти ежедневно являться въ нашъ лагерь Русскіе выходцы изъ горскихъ auловъ. Они оказывались частію захваченными въ плѣнъ Русскими солдатами, а частію, и даже большею, нашими перебѣжчиками въ аулы; въ этомъ послѣднемъ отдѣлѣ — было особенно много Поляковъ, и на лицахъ ихъ написано было, что возвращеніе ихъ опять къ намъ не приносило имъ радости. Почти всѣ эти выходцы приволокли съ собой пріобрѣтенныхъ въ аулахъ женъ и кучи дѣтей. Они разсказывали, что, по распоряженію Шамиля, Русскіе селились въ аулахъ отдѣльными слободами и пользовались свободой относительно своей вѣры и обычаевъ. Съ началомъ покоренія, аулы стали изгонять ихъ отъ себя, отбирая, разумѣется, все ихъ имущество. И дѣйствительно, люди эти являлись къ намъ въ самомъ ужасномъ видѣ, который и побудилъ насъ тотчасъ образовать особый комитетъ для раздачи имъ пособій. По богатству свитскихъ господъ, изъ которыхъ образованъ былъ этотъ комитетъ, пособія наши были довольно щедры, но въ раздачѣ ихъ мы полагали рѣзкую границу между людьми, попавшимися въ плѣнъ и подлыми перебѣжчиками.

Совершавшееся, такимъ образомъ, покореніе Восточнаго Кавказа, если въ государственномъ отношеніи представляло громадное значеніе, то въ то же время оно наполняло величайшимъ негодованіемъ молодыя и храбрыя сердца моихъ товарищей, лишая ихъ возможности совершать достославные подвиги, для которыхъ они и шли въ походъ, и получать награды, которыхъ они нетерпѣливо ожидали. Отъ этого происходило, что всѣхъ являющихся съ покорностію горцевъ они называли разными нелестными именами и въ началѣ еще утѣшались надеждами, что тотъ или другой аулъ, извѣстный своею свирѣпостію и независимостію, не покорится, и будетъ драка; но надежды постепенно падали, и въ нашъ лагерь, какъ я сказалъ уже, являлись съ покорностію знаменитѣйшіе въ исторіи Кавказской войны наибы и старшины и заставляли всѣхъ удивляться, что это именно тѣ люди, имена коихъ, связанныя со всѣми кровавыми битвами, были славны на всемъ Кавказѣ. Ясно было, что покореніе Восточнаго Кавказа совершится безъ особенныхъ подвиговъ съ нашей стороны и—удивительное дѣло! – ясность этого факта породила какое-то печальное настроеніе въ нашемъ лагерѣ или по крайней мѣрѣ среди нашей свиты.— Походъ, начавшійся такъ весело и блистательно и обѣщавшій украситься славными дѣлами, потерялъ, такъ сказать, своей букетъ. Всѣ видѣли, что славныхъ дѣлъ не будетъ, а слѣдовательно и случаевъ отличаться различными блистательными подвигами тоже не будетъ.

О томъ, что̀ князь предприметъ дальше, никто не хотѣлъ ни думать, ни говорить, потому что, что̀ бы онъ ни предпринялъ, все таки ничего великолѣпнаго произойти уже не можетъ. Если нѣкоторые и замѣчали,

что до тѣхъ поръ, пока не пойманъ или не истребленъ Шамиль, дѣло нельзя еще считать конченнымъ, то большинство было такого мнѣнія, что въ покорившемся краѣ, потерявъ всякое значеніе, онъ уже ничего не можетъ сдѣлать и что не сегодня, такъ завтра свои же затравятъ его, какъ волка. При подобныхъ сужденіяхъ, точно также какъ и при происходившихъ въ началѣ похода сужденіяхъ о способахъ веденія нами войны, я постоянно повторялъ одну и туже комическую фразу, что Шамиля «надо взять во флангъ» единственно на томъ основаніи, что почти во всѣхъ военныхъ реляціяхъ я непремѣнно читалъ эту фразу и пріобрѣлъ какое-то смутное убѣжденіе, что для того, чтобы сдѣлать отлично военное дѣло, надо непремѣнно «взять во флангъ». Фраза эта, разумѣется, очень смѣшила моихъ товарищей и, какъ впослѣдствіи оказалось, дошла до князя. Вообще покореніе Восточнаго Кавказа произвело на тотъ міръ, среди котораго я находился, такое же впечатлѣніе, какое производитъ на зрителей окончаніе какого нибудь спектакля...

И дѣйствительно тотчасъ началась самая усиленная эмиграція изъ нашего лагеря, и онъ пустѣлъ ежедневно. Ежедневно мы провожали цѣлыми группами нашихъ пріятелей; остававшіеся начали завидовать имъ и въ свою очередь тоже отпрашиваться. Къ полученію отпусковъ они сильно поощрялись потому, что самъ князь объявилъ, что, рѣшившись пройти по покоренному краю, онъ желаетъ, чтобы свита и принадлежащіе ей вьюки уменьшились до крайней степени. Такое вольное и невольное сокращеніе того веселаго міра, среди котораго я такъ весело жилъ, не могло не подѣйствовать и на меня и не поселить во мнѣ размышленій: идти ли впередъ или вернуться назадъ? Какъ только замѣчено было это колебаніе, мои собиравшіеся въ обратный путь пріятели засыпали меня доказательствами, что впереди ничего не будетъ, кромѣ одного безпокойства и скуки.

Слушая эти совѣты и убѣжденія, я думалъ про себя, что было небезполезно для моего значительно-разшатаннаго организма войти въ ближайшее соотношеніе съ Кавказскими минеральными водами и преимущественно съ знаменитымъ Нардзаномъ, о цѣлительной силѣ котораго я слышалъ истинныя чудеса. Конецъ былъ тотъ, что я рѣшился проситься у князя въ Пятигорскъ..... «Да зачѣмъ вы туда поѣдете?» какъ-то неопредѣленно спросилъ князь. «Лечиться, ваше сіятельство» отвѣчалъ я, «у меня печень сильно разстроена» — «Ну да! сочиняйте! Но кто же будетъ докладывать мнѣ гражданскія дѣла?» снова спросилъ князь. — «Булатовъ» отвѣчалъ я. «Онъ много разъ исполнялъ уже подобныя обязанности. Если бы я сознавалъ пользу и необходимость находиться при вашемъ сіятельствѣ, тогда я не осмѣлился бы»... «Ну да! конечно. Поѣзжайте съ Богомъ!» сказалъ князь. Я мгновенно сдалъ мою походную канцелярію Булатову, сгрупировалъ вокругъ себя значительную толпу возвращающихся изъ похода и отправился въ обратный путь, попрежнему, верхомъ съ состоявшими при мнѣ казаками и вереницею вьючныхъ лошадей.

Въ этомъ обратномъ путешествіи я не могу припомнить ничего особенно замѣчательнаго, за исключеніемъ того только, что скоро послѣ моего прибытія въ Ведень, къ несказанному моему удивленію, примчалась туда во весь опоръ, въ сопровожденіи большаго конвоя, прекрасная коляска на

лежачихъ рессорахъ, на прекрасной шестеркѣ лошадей. Это былъ Колосовскій, интендантъ Кавказской арміи. Нѣстолько удивительно было, что коляска пронеслась по недавно прорубленнымъ просѣкамъ, сколько то, откуда явилась въ такихъ мѣстахъ эта прекрасная коляска и эти прекрасныя лошади. Изъ объясненій Колосовскаго оказалось, что то и другое принадлежитъ знаменитому Лебедеву, маркитанту и поставщику походныхъ отрядовъ. Дальше, однако, эта изящная коляска слѣдовать не могла и должна была возвратиться въ обратный путь т. е. въ путь предлежащій мнѣ. Я такъ давно не имѣлъ случая ѣхать въ покойномъ экипажѣ, что тотъ часъ пригласилъ могущественнаго Колосовскаго устроить такъ, чтобъ эта коляска приняла въ свои объятія мою персону. Съ великимъ спокойствіемъ и наслажденіемъ я пролетѣлъ верстъ пятнадцать до слѣдующаго пункта и удивлялся еще разъ, смотря на Лебедевскихъ прикащиковъ, обратившихся на этотъ разъ въ великолѣпныхъ кучеровъ, разнороднымъ способностямъ Русскаго человѣка. Къ сожалѣнію все и ограничилось этимъ небольшимъ переѣздомъ.— Въ томъ пунктѣ, куда я пріѣхалъ, была какая-то основная станція Лебедева, и я долженъ былъ тутъ дожидаться своего вьючнаго каравана и затѣмъ слѣдовать оттуда прежнимъ походнымъ порядкомъ.

Когда еще въ отдаленіи предстала моимъ взорамъ крѣпость Грозная, я мысленно возблагодарилъ Бога за благополучное окончаніе самаго замѣчательнаго періода въ моей жизни, въ которомъ хотя не было никакихъ кровавыхъ сраженій, но тѣмъ не менѣе рѣшительно на каждомъ шагу предстоялъ отличный случай сломать себѣ шею. Въ крѣпости Грозной я остановился у тогоже татарина-офицера, гдѣ мы стояли предъ походомъ и гдѣ оставались наши экипажи и другія вещи, неудобныя для похода. Гостепріимствомъ моего хозяина я долженъ былъ поневолѣ пользоваться два дни, въ теченіи которыхъ приводился въ порядокъ туземными мастерами мой тарантасъ. На третій день мнѣ привели казацкихъ лошадей, и я раннимъ восхитительнымъ утромъ, осѣняемый лучами только что восходящаго солнца, покатился по ровнымъ степямъ, предо мною открывавшимся. Я помню живо то восхитительное душевное настроеніе, въ которомъ я находился въ минуты выѣзда изъ Грозной. Нѣтъ! дикія горы, при всей ихъ грозной красотѣ, не для Русскаго человѣка! Красота ихъ поразительна, но не привлекательна для него! Ровныя поля, зеленыя рощи, широкія спокойныя рѣки—вотъ картины милыя, дорогія, родныя для Русской души! Мои радостныя ощущенія весьма рельефно выразились въ невольномъ увлеченіи моего камердинера. Усѣвшись на козлахъ, онъ сначала покойно ѣхалъ. Потомъ, когда по выѣздѣ изъ Грозной, предъ нами открылись необозримыя равнины, онъ обернулся ко мнѣ, снялъ шапку и, крестясь, сказалъ: «Господи!, какъ изъ аду вырвались!» Я улыбнулся на эту фразу, сохраняя свое достоинство; но въ тоже время понималъ и раздѣлялъ всю глубину того смысла, который въ ней заключался. Несомнѣннымъ казалось то, что мы дѣйствительно откуда-то вырвались! Несмотря на блистательную обстановку, въ которой я находился, въ душѣ неисходно гнѣздилось какое-то томительное чувство, чувство невольнаго ожиданія: «когда же все это кончится!» Понятно, что когда эта исключительная жизнь среди

громадныхъ горъ, надъ пропастями, кончилась для насъ съ моимъ камердинеромъ, мы не могли не испытать великаго наслажденія, которое и вырвалось у него въ его безъискуственныхъ словахъ......

IV.

Здѣсь не мѣсто разсказывать, что̀ я видѣлъ и дѣлалъ на Пятигорскихъ минеральныхъ водахъ. Замѣчу только, что я прибылъ туда въ такое время, когда періодъ собственно-леченія кончился, и всѣ пившіе воды въ самомъ Пятигорскѣ, Ессентукахъ, Желѣзноводскѣ сосредоточивались уже въ Кисловодскѣ, подлѣ знаменитаго «Нардзана», гдѣ, по укоренившимся обычаямъ, всякое леченіе отодвигалось на задній планъ и впередъ выступали разнородныя, почти ежедневныя, увеселенія.....

Поглощаемые этими увеселеніями, мы, Кисловодцы, хотя и мало обращали вниманія на то, что̀ дѣлалось внѣ нашего веселаго міра, тѣмъ не менѣе въ этотъ міръ падали постепенно извѣстія о томъ, что князь пошелъ дальше, что подошелъ къ Гунибу и обложилъ эту скалу съ цѣлью принудить Шамиля сдаться. Потомъ, вдругъ пришла къ намъ звучная вѣсть, что Шамиль взятъ и отправленъ уже въ Петербургъ; потомъ другая вѣсть, что князь такого-то числа будетъ имѣть торжественное вшествіе въ Тифлисъ.

....Къ радостному чувству, которымъ исполнялся каждый Кавказецъ отъ этихъ извѣстій, въ моей душѣ примѣшивалось какое-то невольное чувство досады, что меня не было при взятіи Шамиля; но поправить этого уже было невозможно, и потому я рѣшился покрайней мѣрѣ участвовать въ торжественной встрѣчѣ князя. Соображеніе времени его движенія къ Тифлису и моего возвращенія туда показывало мнѣ, что я могу поспѣть къ торжеству встрѣчи, если какъ говорится «не буду зѣвать.»

Я скакалъ день и ночь, несмотря на протесты станціонныхъ смотрителей, доказывавшихъ, что лучше переночевать, «а то какъ бы чего не случилось». Ничего, однако, не случилось, и я едва успѣлъ позднимъ вечеромъ, наканунѣ дня торжественнаго вшествія, ввалиться въ Тифлисъ. По пути я заѣхалъ къ Фадѣевымъ, чтобъ узнать о подробностяхъ встрѣчи и не мало изумилъ ихъ остатками того воинственнаго характера, который былъ наложенъ на мою фигуру вліяніемъ походной жизни. На другое утро, обратившись въ прежняго гражданскаго дѣятеля, въ моей Петербургской каретѣ, на славной парѣ моихъ разжирѣвшихъ вороныхъ коней, полетѣлъ на мѣсто торжества, прорѣзывая густыя массы народа, туда же со всѣхъ концовъ города стремившагося.

На концѣ той части города, которая называется «Авлабаромъ» устроена была громадная тріумфальная арка, украшенная многими гербами и флагами. Арка эта, само собою разумѣется, была временная; но потомъ городъ ходатайствовалъ, чтобы для увѣковѣченія покоренія Кавказа, дозволено было устроить на этомъ мѣстѣ каменную, капитальную арку, и ходатайство это утверждено. По сторонамъ этой арки устроены были галлереи для дамъ и почетнѣйшихъ зрителей. Впрочемъ я отказываюсь отъ подробности описанія всѣхъ устройствъ, сдѣланныхъ для этого дня. Достаточно сказать, что по особымъ

церемоніаламъ, расписаніямъ и распредѣленіямъ разставлены были, на особыхъ мѣстахъ, гражданскія и военныя власти, дворянство, представители городскихъ властей, ашкары со своими значками и зурнами и проч. и пр. Въ каждомъ отдѣлѣ находился избранный ораторъ, который и держалъ въ рукахъ свою рѣчь, напечатанную на пергаментѣ, для того, чтобы, послѣ произнесенія, можно было поднести ея князю.

День былъ великолѣпный; народу видимо не видимо. Я уже не говорю о томъ, что всѣ улицы, по которымъ предстояло проѣзжать князю, залиты были народными толпами, ни о томъ, что громадныя толпы ожидали его за городомъ; — всѣ крыши домовъ, по грузинскимъ обычаямъ, представляли сплошныя массы народа, что́ составляетъ въ Тифлисѣ прекрасное и едва ли гдѣ нибудь въ другихъ мѣстахъ Русскаго царства возможное зрѣлище. Само собою разумѣется, что весь городъ убранъ былъ праздничнымъ, торжественнымъ образомъ; дома были украшены флагами, коврами и различными картинами, приготовленными для вечерней иллюминаціи. Наконецъ раздались барабаны, музыка.... шествіе князя показалось вдали.

Нѣтъ сомнѣнія, что не многимъ, особенно въ наше время, доставались въ жизни такія высокія минуты, какія князь переживалъ въ настоящемъ случаѣ. Встрѣча его Тифлисомъ осуществляла тѣ встрѣчи древнихъ тріумфаторовъ, о которыхъ мы читаемъ въ историческихъ сочиненіяхъ. Великолѣпный по своей прекрасной наружности, князь ѣхалъ шагомъ на великолѣпнѣйшемъ конѣ, впереди необъятной свиты, которая, безъ преувеличенія можно сказать, представляла страшную смѣсь племенъ, одеждъ, лицъ, нарѣчій. Тутъ были вылощенные адъютанты, остававшіеся въ Тифлисѣ и загорѣлые адъютанты, которые имѣли счатіе быть подъ Гунибомъ. Тутъ были генералъ-адъютанты и рядомъ съ ними татарскія фигуры, принадлежащія различнымъ ханамъ, князьямъ и бекамъ. Представители Гуріи, Мингреліи, Имеретіи, Абхазіи разнообразили картину и дѣлали ее волшебною въ родѣ тѣхъ, которыя мы видимъ на Большомъ театрѣ. . . . Всѣ взоры устремлены были на князя.

Въ этотъ моментъ князь былъ невыразимо-прекрасенъ. Ничего важнаго, торжественнаго, напыщеннаго не было и тѣни во всей его фигурѣ. Напротивъ, никогда она не отличалась такою плѣнительною простотою. Улыбка, чуждая всякой искуственности, всякаго превосходства, блуждала на его лицѣ. Однимъ словомъ, нельзя было и вообразить, чтобы кто нибудь могъ быть лучше, и главное, простѣе, какъ-то милѣе его въ эту торжественную минуту. Можно было ручаться, что вмѣстѣ съ взорами къ нему стремятся и всѣ сердца....

Група маленькихъ дѣвочекъ, одѣтыхъ въ бѣлое, усыпали путь его цвѣтами. Операція эта представлялась не очень легкою и для взрослыхъ; дѣти же бросали цвѣты какъ попало и куда попало, и отъ того она производилась хотя не очень стройно, но за то очень мило; многія цвѣты попадали князю въ лицо, на что онъ отвѣчалъ своей очаровательной улыбкой; конь его, напротивъ, далеко нетакъ любезно принималъ эти привѣтствія: орошаемый безпрерывно и со всѣхъ сторонъ цвѣтами, онъ, въ изумленіи, метался изъ стороны въ сторону и сверкалъ сердито своими огненными глазами, широко раздувая свои ноздри; но князь, знаменитѣйшій изъ ѣздоковъ, не обращалъ на его гнѣвные порывы ни малѣйшаго вниманія.

Когда князь приблизился къ находящейся предъ тріуфальной аркой площадкѣ, устланной коврами, гдѣ ожидали его разныя власти и разные ораторы, онъ сошелъ съ коня. . Въ мгновеніе ока, площадка эта, несмотря на различныя полицейскія запрещенія и предупрежденія, окружена была непроницаемою стѣною народа. На различные спичи, продолжавшіеся довольно долго, князь отвѣчалъ не многими словами и потомъ, сѣвъ на коня, отправился въ Сіонскій соборъ, гдѣ ожидало его духовенство.

До въѣзда князя въ городъ все таки соблюдался хотя какой нибудь порядокъ въ народныхъ толпахъ; но когда князь проѣхалъ, то эти толпы, какъ волнами, затопили рѣшительно всю улицу, ведущую отъ въѣзда къ Сіонскому собору. Здѣсь уже никакое значеніе, никакой мундиръ, какъ бы богато онъ ни былъ разшитъ золотомъ, не производили эфекта, и каждому предоставлялось дѣйствовать по мѣрѣ своего искусства и своей ловкости. На мою бѣду ко мнѣ съ обѣихъ сторонъ прицѣпились какія-то двѣ барыни Тифлисскаго большаго свѣта, такъ что я вынужденъ былъ сосредоточить на нихъ всё мое вниманіе и отказаться отъ желанія слѣдовать шагъ за шагомъ за церемоніей. Послѣдствіемъ этихъ любезностей было то, что мы не попали, да уже не хотѣли попасть, въ Сіонскій соборъ, зная, до какой ужасающей степени онъ набитъ въ эту минуту и рѣшились прямо пробиваться во дворецъ намѣстника, гдѣ, въ заключеніе, все сосредоточилось.

Едва только я вступилъ со своими дамами въ залу, тоже наполненную до нельзя, какъ князь, замѣтивъ меня, подошелъ ко мнѣ и улыбаясь сказалъ: «Извините, Василій Антоновичъ, вы все совѣтовали взять Шамиля во флангъ: мы взяли его прямо!»

Князь былъ счастливъ и радостенъ....

ЭПИЗОДЪ ИЗЪ ЖИЗНИ П. Я. ЧААДАЕВА.

(1820 ГОДА).

Въ № 6 „Русскаго Архива“ 1868 г. помѣщена чрезвычайно любопытная и прекрасно написанная статья Д. Н. Свербеева „Воспоминанія о П. Я. Чаадаевѣ.“ Но въ ней приведены нѣкоторыя извѣстія, требующія тщательной провѣрки и исправленій, которыя и представляются здѣсь читателямъ.

Генералъ-лейтенантъ Илларіонъ Васильевичъ Васильчиковъ (въ послѣдствіи князь и генералъ отъ кавалеріи род. 1776, ум. 21 февраля 1847) командовалъ въ 1820 году гвардейскимъ корпусомъ. У него было четыре адъютанта изъ гвардейскихъ офицеровъ: 1, ротмистръ Лачиновъ 2, капитанъ Александръ Николаевичъ Раевскій (не давно умершій, старшій сынъ знаменитаго генерала Раевскаго.) 3, ротмистръ л. гв. гусарскаго полка Петръ Яковлевичъ Чаадаевъ (род. 27 мая 1793, ум. 14 апрѣля 1856) и 4, корнетъ л. г. гусарскаго полка (въ должности адъютанта) графъ Николай Александровичъ Протасовъ (въ послѣдствіи оберъ-прокуроръ Святѣйшаго Синода, ум. 16 января 1855.)

Въ началѣ 1820 года императоръ Александръ I хотѣлъ выразить особенное благоволеніе свое генералу Васильчикову и гвардейскому корпусу, которымъ онъ командовалъ,

назначивши одного изъ адъютантовъ начальника онаго къ себѣ флигель-адъютантомъ — званіе это жаловалось тогда чрезвычайно рѣдко.

Выборъ палъ на Чаадаева. Онъ лично былъ хорошо извѣстенъ государю и очень любимъ своимъ достойнымъ начальникомъ. Двое старшихъ его товарищей были устранены, потому что императоръ былъ очень нерасположенъ къ Раевскому, который впрочемъ собирался вскорѣ выйти въ отставку; Лачинову же скоро доставалось въ полковники, причемъ онъ долженъ былъ оставить адъютантскую должность; къ тому же государь предпочиталъ и ему Чаадаева. Наконецъ о графѣ Протасовѣ не могло быть и рѣчи, какъ объ очень еще молодомъ офицерѣ.

Приказъ о пожалованіи Чаадаева флигель-адъютантомъ былъ уже приготовленъ и долженъ былъ появиться въ Свѣтлое Воскресенье 1820 года приходившееся на 28 марта. Но такъ какъ въ это время еще не состоялись ни отставка Раевскаго, ни производство Лачинова, то императоръ нашелъ удобнѣе отложить пока назначеніе Чаадаева. Васильчиковъ объяснилъ это Чаадаеву во дворцѣ во время пасхальной заутрени и передалъ ему подтвержденіе, сдѣланное государемъ о томъ, что Чаадаевъ будетъ непремѣнно его флигель-адъютантомъ.

Дѣло затянулось до отъѣзда государя на конгрессъ въ Троппау. Между тѣмъ Раевскій оставилъ службу, и приблизился срокъ производства Лачинова.

Вечеромъ 17 октября началась такъ называемая Семеновская исторія (Чтен. въ Общ. ист. и др. Рос. 1864, кн. 4, отд. 5, стр. 191.) Распоряженія по этому дѣлу производилъ родъ комитета, въ которомъ находились Петербургскій военный генералъ-губернаторъ графъ М. А. Милорадовичъ (род. 1771, ум. 15 декабря 1825, И. В. Васильчиковъ, дежурный генералъ А. А. Закревскій (въ послѣдствіи графъ, род 13 сентябр. 1786, ум. 11 января 1865). Эта исторія продолжалась нѣсколько дней, и не ранѣе какъ 20 или 21 октября комитетъ распорядился объ отправленіи всѣхъ ротъ полка (кромѣ государевой, оставленной до времени въ Петропавловской крѣпости) въ Кронштатъ, откуда затѣмъ развезли ихъ въ приморскія крѣпости Финляндіи (Зап. Л. Н. Энгельгардта, изд. Русскаго Архива, 1868, стр. 233—235.)

Первое извѣстіе о событіи и первоначальныхъ распоряженіяхъ немедленно отправлено было комитетомъ къ государю въ Троппау черезъ фельдъегеря, съ обясненіемъ, что объ имѣющемъ послѣдовать будетъ донесено его величеству черезъ особаго курьера. Этого фельдъегеря принялъ по прибытіи въ Троппау управлявшій походною канцеляріею, генералъ-маіоръ князь А. С. Меньшиковъ (нынѣ адмиралъ), а князь П. М. Волконскій (въ послѣдствіи генералъ-федмаршалъ, род. 26 апрѣля 1776, ум, 27 августа 1852) повелъ его къ государю, который такимъ образомъ узналъ о происшествіи въ Семеновскомъ полку. Никакой курьеръ Австрійскаго посланника въ Петербургѣ барона Лепцельтерна не пріѣзжалъ въ Троппау къ князю Меттерниху съ этимъ извѣстіемъ ранѣе русскаго фельдъегеря, посланнаго къ государю. Поэтому и весь разсказъ о томъ, будто его величество узналъ о Семеновской исторіи отъ Меттерниха не имѣетъ ни малѣйшаго основанія. Напротивъ того госу-

дарь, на другой день по прiѣздѣ фелдъегеря, первый сообщилъ извѣстiе о печальномъ для него происшествiи князьямъ Меттерниху и Коллоредо, въ присутствiи князей П. М. Волконскаго и А. С. Меньшикова. Меттернихъ могъ содѣйствовать въ этомъ случаѣ тому, что императоръ утвердился въ мысли, будто тайной причиной событiя были внушенiя революцiонеровъ, о чемъ и писалъ къ графу А. А. Аракчееву (Чт. въ Общ. ист. и др. Рос., 1864, Кн. 4, Отд. 5, стр. 189 и Зап. Энг., 1868, стр. 235.) и тому, что въ немъ установилось потомъ недовѣрiе къ либерализму. Но утверждать, какъ дѣлаютъ нѣкоторые, будто всевѣдѣнiе Меттерниха даже относительно дѣлъ происходившихъ въ Россiи и неизвѣстныхъ еще ея царю, такъ поразило его, что подчинило его такъ сказать полному влiянiю Австрiйскаго министра, и что этотъ именно случай исключительно былъ поводомъ къ ретроградному движенiю Русской политики, вполнѣ неосновательно, уже потому, что извѣстiе, будто Александръ I узналъ о Петербургскомъ событiи отъ Меттерниха, совершенно ложно.

По окончанiи всѣхъ своихъ распоряженiй, то есть уже въ двадцатыхъ числахъ октября, комитетъ отправилъ въ Троппау втораго курьера, возвѣщеннаго фелдъегеремъ и получившаго для доставленiя государю окончательное донесенiе о всемъ, что было сдѣлано по этому дѣлу. Тутъ нужно было лицо, которое могло бы, не ограничиваясь просто подачей пакета, представить государю нужныя словесныя объясненiя. Для этого Васильчиковъ и выбралъ Чаадаева, человѣка умнаго, ловкаго и къ тому же лично прiятнаго государю, который уже назначилъ его мысленно и даже словесно своимъ флигель-адъютантомъ. И такъ Чаадаевъ отправился въ Троппау.

Говорятъ, будто Чаадаевъ промедлилъ въ дорогѣ, занимаясь туалетомъ и т. п. и навлекъ на себя гнѣвъ государя за то, что далъ обогнать себя Австрiйскому гонцу, извѣстившему Меттерниха прежде, нежели до императора доѣхалъ Русскiй курьеръ.

Мы уже видѣли, что Австрiйскаго курьера вовсе не было и что не чрезъ Чаадаева, а чрезъ фелдъегеря извѣстился государь о событiи въ Семеновскомъ полку. Слѣдовательно нечего было бы и гнѣваться на Чаадаева за медленность.

Но была ли на самомъ дѣлѣ медленность въ поѣздкѣ Чаадаева? Мы видѣли, что Чаадаевъ не могъ выѣхать изъ Петербурга ранѣе 22 октября; это самый раннiй срокъ. 2 ноября уже состоялся въ Троппау высочайшiй приказъ по армiи о раскассированiи Семеновскаго полка (Чт. въ Общ. ист. и др Рос., 1864, Кн. 4, Отд. 5, стр 192). Приказъ этотъ не могъ состояться ранѣе прiѣзда въ Троппау Чаадаева, ибо въ немъ заключаются распоряженiя, которыя были невозможны ранѣе полученiя донесенiя объ окончательныхъ дѣйствiяхъ Петербургскаго комитета. Притомъ нуженъ же былъ (особенно при другихъ занятiяхъ, именно по конгрессу) хоть день на то, чтобы сообразить окончательно всѣ обстоятельства дѣла и написать приказъ. И такъ Чаадаевъ не могъ явиться къ государю позже нежели вечеромъ 31 октября. Сообразивши оба эти самые крайнiе сроки, 22 и 31 октября, оказывается, что Чаадаевъ прiѣхалъ никакъ не позже какъ на девятый день. Дѣло было глубокой осенью, ѣхать нужно было по тогдашнимъ дурнымъ

дорогамъ 2000 верстъ. Гдѣ же тутъ непростительная медленность, хоть бы и для курьера? Врядъ ли ѣхалъ тогда скорѣе и фелдъегерь. Чаадаевъ, пріѣхавши въ Троппау, остановился въ квартирѣ князя А. С Меньшикова и не выходилъ изъ нея, пока князь П. М. Волконскій не повелъ его къ государю. Для этого дождались вечерней темноты и одѣли Чаадаева въ партикулярное платье князя А. С. Меньшикова, такъ какъ повидимому государь считалъ удобнымъ не привлекать вниманія на пріѣхавшаго къ нему экстреннаго курьера и притомъ съ непріятными вѣстями. Чаадаевъ не разъ разсказывалъ мнѣ нѣкоторыя подробности представленія своего императору. Онъ изволилъ принять его и разговаривать съ нимъ очень милостиво, распрашивалъ объ обстоятельствахъ дѣла и говорилъ ему о томъ, какъ вѣроятно ему тяжело (какъ бывшему Семеновскому офицеру) видѣть такое несчастіе, происшедшее въ полку. Затѣмъ онъ приказалъ Чаадаеву, вѣроятно по той же причинѣ, по которой не принималъ его до вечера, къ раннему утру ѣхать обратно въ Петербургъ, не показываясь никому. Никогда не думалъ онъ запирать Чаадаева на ключь. Отпуская его, Государь сказалъ ему, шутя: «Adieu, monsieur le libéral» (такъ называлъ онъ его иногда и прежде) и прибавилъ: «а ты знаешь, что мы скоро будемъ служить вмѣстѣ.» Это относилось къ будущему назначенію его флигель-адъютантомъ. Вотъ каковъ былъ въ этомъ случаѣ мнимый гнѣвъ этого славнаго государя, черты обворожительной любезности котораго покоряли ему сердца всѣхъ его современниковъ и дѣлаютъ и въ наше время память его дорогою для тѣхъ, въ которыхъ не загрубѣло чувство деликатнаго пониманія истинной гуманности, уживавшейся съ царственнымъ величіемъ въ душѣ могущественнаго монарха своего вѣка.

Наконецъ говорятъ, что Чаадаевъ былъ отставленъ отъ службы. Это мнѣніе давно уже фактически опровергнуто мною (Русс. Вѣстн., 1862, кн. XI, стр. 137), указаніемъ на приказъ объ увольненіи его отъ службы. Въ числѣ другихъ лицъ, онъ уволенъ отъ службы въ отставку по домашнимъ обстоятельствамъ и по прошенію, поданному имъ до 1 Января 1821 года (т. е. срока, по который тогда позволялось подавать такія прошенія) высочайшимъ приказомъ, отданнымъ въ Лайбахѣ 21 февраля 1821 (Русск. Инвалидъ, 1821, Марта 23, № 68, стр. 274, столбецъ 2). Чина при отставкѣ и мундира онъ не получилъ, не только потому, что могъ и не просить о томъ (безъ чего чинъ и мундиръ не даются), но просто потому, что не имѣлъ на то права: онъ былъ слишкомъ молодой ротмистръ для того, чтобы получить чинъ полковничій, а именно произведенъ былъ въ ротмистры 15 декабря 1819 (Русск. Вѣстн., 1860, кн. X, стр. 279), то есть былъ въ этомъ чинѣ только одинъ годъ, два мѣсяца и шесть дней; мундира же онъ тоже не выслужилъ, бывши офицеромъ съ 2 сентября 1812 (Русск. Вѣст., 1862, кн. XI, стр. 122), то есть всего только въ теченіе осьми лѣтъ, пяти мѣсяцевъ и девятнадцати дней.

Почему же вышелъ въ отставку Чаадаевъ и добровольно прервалъ свою блестящую карьеру? Объясненія этого поступка представлены мною слѣдующимъ образомъ: «Едва возвратился Чаадаевъ въ Петербургъ, какъ на него посыпался градъ ужасныхъ

упрековъ и жестокихъ нареканій. Люди, не любившіе его или завидовавшіе ему издавна, была разумѣется первые изъ возставшихъ на него. За ними послѣдовали злые языки, праздные болтуны, наконецъ тѣ, которымъ все равно какъ произошло то или другое дѣло, но пристающіе машинально ко всякому распространяющемуся мнѣнію. Вотъ какъ формулировались обвиненія противъ него: Чаадаевъ, мучимый честолюбіемъ, самъ напросился у своего начальника на поѣздку въ Троппау; онъ былъ увѣренъ, что будетъ пожалованъ за это флигель-адъютантомъ, на чтò старшіе товарищи его имѣли больше правъ, слѣд. онъ хотѣлъ интригою обойти ихъ; для этого онъ рѣшился предать цѣлый полкъ, да еще тотъ въ которомъ самъ прежде служилъ; онъ старался представить государю дѣло въ самыхъ черныхъ краскахъ и тѣмъ содѣйствовалъ, изъ личныхъ видовъ, кассированію полка и пр. и пр. Иные говорили, будто ему дѣйствительно была предложена награда.

Теперь не трудно разсудить, что все это—нелѣпѣйшія выдумки, не имѣющія и тѣни вѣроятія. Ѣхать курьеромъ съ огорчительнымъ извѣстіемъ никто не напрашивается, и наградъ за доставленіе его никто не получаетъ. Чаадаевъ же притомъ зналъ положительно, что пожалованіе его флигель-адъютантомъ и безъ того уже было давно рѣшено. Притомъ, на такое пожалованіе нѣтъ ни правъ ни старшинства; потому что это званіе не есть обыкновенная служебная награда, а знакъ личнаго благорасположенія государя къ любому прапорщику, котораго онъ пожелаетъ приблизить къ себѣ. Не говоря уже нравственномъ характерѣ Чаадаева, уничтожающемъ всякую мысль о предательствѣ, спрашивается: можно ли предать тѣхъ, которые, основательно или не основательно, уже признаны виновными? Чаадаевъ не могъ даже чернить дѣло, которое было уже описано его начальствомъ. Конечно, государь по пріѣздѣ перваго курьера, рѣшилъ дѣло не ожидая Чаадаева или другаго посланнаго, которые могли везти только извѣстія о распоряженіяхъ начальниковъ. Чаадаевъ не могъ отказаться отъ поѣздки, приказанной ему по службѣ, и какъ ни была она непріятна, онъ конечно считалъ ее своимъ долгомъ.

Но тогда большинство, подъ вліяніемъ личныхъ страстей и понятныхъ до нѣкоторой степени (хотя и вовсе не основательныхъ) предубѣжденій, судило иначе. Чтобы доказать, что обидныя подозрѣнія въ неразборчивости средствъ для полученія выгодъ по службѣ были не что иное какъ клевета, Чаадаевъ въ декабрѣ 1820 г. подалъ въ отставку, заявляя тѣмъ, что эта служба, какъ ни была она блистательна, какую карьеру она ему ни обѣщала, для него ничто въ сравненіи съ репутаціей честнаго человѣка. Онъ самъ прервалъ эту карьеру, и въ февралѣ 1821 г. уволенъ отъ службы, въ которую никогда болѣе не вступалъ.

Прибавлю къ всему этому еще одну характеристическую черту. Старшій товарищъ Чаадаева, Лачиновъ, человѣкъ весьма горячій и честолюбивый, помѣшался отъ того, что не могъ поѣхать въ Троппау, чтò помѣшало ему, по его мнѣнію, сдѣлать карьеру.

Въ то же время пущена была въ ходъ и выдуманная исторія о мѣшкотности поѣздки Чаадаева. Составилась громадная хаотическая сплетня въ родѣ описанной Гоголемъ, когда городъ N. толкуетъ о покупкѣ мертвыхъ душъ, увозѣ губернаторской

дочери и пр., и никто не понимаетъ, какая можетъ быть связь между этими разнорѣчивыми обстоятельствами, которымъ однако всѣ вѣрятъ.

Истина объ отставкѣ Чаадаева состоитъ въ слѣдующемъ. Главною причиною ея было то, что Чаадаевъ, лишая самъ себя счастія быть флигель-адъютантомъ горячо любимаго имъ государя, лично удостоившаго его подтвержденіемъ, что назначеніе это непремѣнно состоится въ скорости, считалъ такую жертву дѣломъ чести, чтобы отнять у клеветы всякій поводъ сдѣлать ему нелѣпый упрекъ (когда онъ надѣнетъ вензеля на эполеты) будто онъ выслужилъ ихъ, напросившись на порученіе, которое исполнилъ предательски въ видахъ личныхъ своихъ выгодъ. Такая черта лучше всего рисуетъ характеръ Чаадаева.

Весь этотъ эпизодъ въ жизни Чаадаева разсказанъ почтеннымъ Д. Н. Свербеевымъ по слухамъ, ходившимъ въ обществѣ. Самъ онъ говоритъ, что Чаадаевъ не любилъ объ этомъ разсказывать; слѣдовательно говорить на мѣсто покойнаго обязаны тѣ, которые слышали отъ него этотъ разсказъ и имѣютъ факты, его потверждающіе.

Въ прекрасной статьѣ Д. Н. Свербеева, которая заставляетъ желать, чтобы авторъ подарилъ публику другими отрывками изъ своихъ воспоминаній, если таковыя у него имѣются, есть еще одна неточность. Чаадаевъ возвратился изъ-за границы въ Москву не въ 1827 году, а въ августѣ 1826 года, во время коронаціи императора Николая I (Русск. Вѣстн., 1862, № 11, стр. 140.) Этою эпохою и объясняется тогдашнее кратковременное задержаніе его въ Брестѣ.

Пора установить окончательно истину насчетъ бывшаго такъ долго спорнымъ и темнымъ дѣла объ участіи Чаадаева въ Семеновской исторіи, о поѣздкѣ его въ Троппау и объ его отставкѣ. Этотъ эпизодъ можно назвать историческимъ. Я высказалъ эту истину на основаніи документовъ и руководствуясь разсказами самаго Чаадаева, князя А. С. Меньшикова и покойнаго графа А. А. Закревскаго Я считаю себя обязаннымъ устранить впредь по возможности всякія недоразумѣнія касательно друга, которому я, вмѣстѣ со многими, долженъ быть признателенъ и уста котораго уже двѣнадцать лѣтъ какъ сомкнуты вѣчнымъ молчаніемъ. Чаадаевъ не долженъ быть забытъ. Дай Богъ намъ всѣмъ перестать подавать поводъ къ справедливому упреку, который, съ горестью любящаго и болящаго сердца, сдѣлалъ онъ намъ, когда говорилъ въ своемъ знаменитомъ письмѣ къ г-жѣ Пановой: «Nos souvenirs ne dâtent pas d'au delà de la journée d'hier; nous sommes pour ainsi dire étrangers à nous-mêmes. Nous marchons si singulièrement dans le temps, qu'à mesure que nous avancons, la veille nous échappe sans retour» (*).

Михаилъ Лонгиновъ.

Орелъ.
12 Іюня 1868.,

(*) Т. е. Наши воспоминанія не старѣе вчерашняго дня; мы, такъ сказать, иностранцы по отношенію къ самимъ себѣ. Время протекаетъ для насъ такъ странно, что по мѣрѣ того какъ идемъ впередъ, пройденное наканунѣ исчезаетъ для насъ безслѣдно.

9. Изъ бумагъ А. П. Мельгунова: 361—364
а) Рескриптъ Императрицы Екатерины II-й. [361 стр.].
б) Письмо П. В. Завадовскаго къ Мельгунову. [362 стр].
в) Замѣтки о могилѣ А. П. Мельгунова. [363 стр.].
Л. Н. Трефолева.
10. Выписки изъ Архива Канцеляріи Прибалтійскаго Генерала-Губернатора: 367
Яицкіе казаки въ Прибалтійскомъ краю, распоряженія касательно возстановленія Бирона въ Курляндіи, о новомъ самозванцѣ (лже-Іоаннѣ Антоновичѣ) и пр. и пр., [367 стр.].
11. Цензурная вѣдомость 1786—1788 годовъ. [425 стр.].
12. Записка митрополита Московскаго Филарета о сохранности церковныхъ древностей (между прочимъ въ XVIII вѣкѣ). 453—454

РУССКІЙ АРХИВЪ

1868

(ГОДЪ ШЕСТЫЙ)

Подписка принимается въ Москвѣ въ Чертковской библіотекѣ на Мясницкой, № 7. Въ С. Петербургѣ у А. Ѳ. Базунова, на Невскомъ проспектѣ, въ домѣ Ольхиной и въ Газетныхъ Экспедиціяхъ С.-Петербурскаго и Московскаго почтамтовъ.

Цѣна за годовое изданіе Русскаго Архива, (заключающее въ себѣ неменѣе 60 печатныхъ листовъ сжатаго набора, въ два столбца), съ пересылкою и доставкою въ дома **ШЕСТЬ** рублей.

Подписка безъ пересылки и доставки не принимается.

Иногородные подписчики обращаются съ своими требованіями *исключительно* въ Москву, въ Чертковскую библіотеку.

Тамъ же можно получать Русскій Архивъ прежнихъ годовъ (отдѣльныя тетради, собранныя въ томы) 1863 и 1864 по 4 р., 1865, 1866 и 1867 по 5 р. Пересылка за каждый годъ по 50 коп. Покупающіе не менѣе двухъ томовъ пользуются уступкою по 50 к. съ тома. Желающіе получить *всѣ пять лѣтъ вмѣстѣ* высылаютъ съ пересылкою 23 рубля, а выписывающіе при томъ и на 1868 годъ,—платятъ съ пересылкою 28 р.

Тетради Русскаго Архива по одиначкѣ не продаются.

Лица, проживающія въ чужихъ краяхъ, могутъ выписывать Русскій Архивъ, обращаясь въ Берлинскій почтамтъ, а также въ Москву, въ Чертковскую библіотеку, и высылаютъ на Русскія деньги: для доставленія *въ Германію* **7** р.; *во Францію и Бельгію* **7** р. **50** к.; *въ Англію* **8** р.; *въ Швейцарію и Италію* **9** р.

Тамъ же можно получать изданіе Русскаго Архива:

ЗАПИСКИ ЛЬВА НИКОЛАЕВИЧА ЭНГЕЛЬГАРДТА О ВРЕМЕНАХЪ ЕКАТЕРИНЫ, ПАВЛА И АЛЕКСАНДРА I-ГО.

(Полный по возможности текстъ)

Съ примѣчаніями и указателемъ. М. 1867 (8°. VIII, 240 и VIII стр.) Цѣна 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Составитель и издатель Русскаго Архива: Петръ Бартеневъ.

ГОДЪ ШЕСТЫЙ

РУССКІЙ АРХИВЪ.

ИЗДАВАЕМЫЙ

9. ПРИ 1868.

ЧЕРТКОВСКОЙ БИБЛІОТЕКѢ.

СОДЕРЖАНІЕ.

1. Записка о крамолахъ враговъ Россіи, съ объяснительнымъ введеніемъ и примѣчаніями отца *М. Я. Морошкина.*
2. Правительственныя мѣры 1743 года противъ появившейся въ Россіи секты Гернгутеровъ.
3. Дѣло объ открытіи въ Смоленскѣ отдѣленія библейскаго общества 1819.
4. Записки *Н. И. Греча.* (Дѣло о книгѣ пастора Госнера).
5. Адамъ Ѳомичь Брокеръ. Его Записки и біографія.
6. Воспоминаніе о Булгаковыхъ. *Князя П. А. Вяземскаго.*
7. Письма *В. А. Жуковскаго* къ А. Я. Булгакову.
8. М. П. Полуденскій, некрологическая статья *В. С. Неклюдова.*

МОСКВА.
Типографія Т. Рисъ, у Мясницкихъ воротъ, д. Воейкова.
1868.

КНИГИ, КОТОРЫЯ МОЖНО ПОЛУЧАТЬ, ВЪ МОСКВѢ, ВЪ ЧЕРТКОВСКОЙ БИБЛІОТЕКѢ:

ВОЙНА И МИРЪ.

Историко-общественная хроника за первую четверть текущаго столѣтія.

Сочиненіе графа *Льва Николаевича Толстаго.*

4 тома въ 8-ку, во всѣхъ до 80 печатныхъ листовъ. Продажная цѣна этого сочиненія въ книжныхъ лавкахъ безъ пересылки 8 р.; съ выходомъ 5-го тома цѣна возвысится. Покупающіе *Войну и Миръ* въ Чертковской библіотекѣ получаютъ билетъ на 5-й томъ и пользуются уступкою; а выписывающіе *прямо изъ Чертковской библіотеки* платятъ вмѣстѣ съ пересылкою 7 р. 50 к.; пятый томъ будетъ немедленно высланъ безплатно по доставленнымъ адресамъ.

Сочиненія **Е. А. Баратынскаго,**

съ гравированнымъ портретомъ автора, снимкомъ его почерка, съ письмами и біографическими о немъ свѣдѣніями. М. 1868. въ 8-ку. X и 519 стр. Цѣна 3 р.

Выписывающіе прямо изъ Чертковской библіотеки за пересылку ничего не прилагаютъ.

☞ ЗАПИСКИ ЛЬВА НИКОЛАЕВИЧА ЭНГЕЛЬГАРДТА О ВРЕМЕНАХЪ ЕКАТЕРИНЫ, ПАВЛА И АЛЕКСАНДРА I-ГО.

(Полный по возможности текстъ).

Съ примѣчаніями и указателемъ, М. 1867. (8°. VIII, 240 и VIII стр.).

Цѣна 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Стихотворенія КН. П. А. ВЯЗЕМСКАГО:

ВЪ ДОРОГѢ И ДОМА.

М. 1862. Цѣна 1 р. 50 к., съ перес. 2 р. (8°, 420 стр.).

См. на внутренней сторонѣ задней обертки.

ЗАПИСКА О КРАМОЛАХЪ ВРАГОВЪ РОССІИ.

Записка о крамолахъ враговъ Россіи получена мною отъ Алексѣя Александровича Павлова, который во время оберъ-прокурорства въ Св. Сѵнодѣ князя Петра Сергѣевича Мещерскаго (1817—1833) былъ чиновникомъ за оберъ-прокурорскимъ столомъ въ Сѵнодѣ. Первымъ чиновникомъ за оберъ-прокурорскимъ столомъ въ Сѵнодѣ былъ знаменитый Потемкинъ, который въ званіи камеръюнкера опредѣленъ былъ туда Екатериною II-ю съ тою цѣлію, чтобы наблюдать за дѣйствіями членовъ Св. Сѵнода и направлять ихъ согласно съ видами Екатерины, когда дѣло шло объ отобраніи въ казну крестьянъ архіерейскихъ, монастырскихъ и церковныхъ (1). Потемкину дана была особая инструкція Екатериной. Инструкція эта гласила: 1) Для лучшаго понятія дѣлъ, по сему мѣсту производящихся, и дабы вы разсужденія ваши объ оныхъ съ хорошимъ основаніемъ располагать могли, надлежитъ вамъ знать всемѣрно къ духовному сему правительству принадлежащія узаконенія и для того пріобрѣсть себѣ достаточное свѣдѣніе о постановленныхъ Вселенскими и Помѣстными Соборами правилахъ Св. Отецъ, о Духовномъ Регламентѣ, о касающихся до разныхъ по духовнымъ дѣламъ учрежденій имянныхъ указахъ, о штатѣ духовномъ и о всемъ прочемъ, что̀ къ сему принадлежитъ. 2) Сверхъ обыкновеннаго времени собранія и присутствія членовъ сѵнодальныхъ, не безполезно вамъ поставлять себѣ за должность для лучшаго пріобученія вашего пріѣзжать въ Сѵнодъ и безъ собранія въ такіе часы, въ какіе вамъ разсудится. 3) Заблаговременно справясь, какія дѣла на утро готовятся къ докладу, прочитывайте оныя со вниманіемъ и дѣлайте для себя ясныя примѣчанія, дабы при слушаніи могли вы или разсужденія судейскія точно понимать, или, ежели что̀ пропускается при докладахъ и разсужденіяхъ, съ благопристойностію припамятовать. 4) Съ крайнимъ прилежаніемъ внимать вы должны, какія приказываются резолюціи, и, по выходѣ членовъ послѣ полудня, заставливать предъ собою читать протоколы, такъ ли тотъ, кто протоколъ держалъ, оныя резолюціи понялъ и то ли написалъ. 5) Когда опредѣлено о дѣлѣ важномъ поднесть намъ доклады, тогда стараться для лучшей своей пріобычки сочинять оные вамъ самимъ, равно какъ и всякія иныя сочиненія, а наипаче которыя въ на-

(1) Кромѣ дѣла о церковныхъ имѣніяхъ, которое наслѣдовано Екатериною отъ Петра III-го, и которое надлежало какъ можно скорѣе уладить (ибо оно предпринято было скоропоспѣшно и грозило важными смутами), Екатерина должна была вообще обратить особенное вниманіе на управленіе Синодальное. Благочестіе императрицы Елизаветы Петровны, плодотворное во многихъ другихъ отношеніяхъ, не внесло однако порядка въ дѣла церковныя, а при преемникѣ его высшее духовенство обнаружило свое безсиліе. Еще студентомъ другъ архіереевъ и начетчикъ церковныхъ книгъ, Потемкинъ явился надежнымъ пособникомъ новой государыни. Но его честолюбіе и широта государственныхъ возврѣній не могли удовольствоваться одною дѣятельностью въ Синодѣ. *П. Б.*

родъ за нашимъ подписаніемъ издаются, или за сѵнодскимъ. 6) Во время отсутствія или болѣзни оберъ-прокурора[2], долгъ имѣете намъ докладывать по всякимъ дѣламъ и наши по онымъ повелѣнія въ Сѵнодѣ записывать; словомъ, всему тому, что̀ содѣйствіемъ вашимъ къ облегченію порядочнаго дѣлъ теченія, а притомъ и къ лучшему оныхъ познанію вашему служить можетъ, должны вы со всякимъ радѣніемъ пріобучаться, ожидая нашей за то апробаціи и милости.“ Конечно, кромѣ этой письменной инструкціи, дана была Потемкину отъ Екатерины еще устная, спеціально относившаяся къ тому предмету, который занималъ Екатерину въ 1763-мъ году и для успѣшнаго разрѣшенія котораго и создана была для Потемкина особенная должность въ Сѵнодѣ. Съ разрѣшеніемъ вопроса о такъ называемыхъ монастырскихъ, архіерейскихъ и церковныхъ крестьянахъ кончилась и должность Потемкина, какъ чиновника за оберъ-прокурорскимъ столомъ въ Сѵнодѣ, хотя въ имянномъ указѣ о назначеніи Потемкина въ эту должность и говорилось такъ, какъ будто бы онъ приготовляется Екатериной для постояннаго засѣданія въ Сѵнодѣ, или для занятія впослѣдствіи должности сѵнодальнаго оберъ-прокурора: „Повелѣли мы въ Сѵнодѣ, говоритъ указъ, безпрерывно при текущихъ дѣлахъ, а особливо при собраніяхъ, быть нашему камеръюнкеру Григорію Потемкину, и мѣсто свое имѣть за оберъ-прокурорскимъ столомъ съ тѣмъ, дабы онъ слушаньемъ, читаніемъ и собственнымъ сочиненіемъ текущихъ резолюцій и всего того, что̀ онъ къ пользѣ своей за потребное найдетъ, навыкалъ быть искуснымъ и способнымъ къ сему мѣсту для отправленія дѣлъ, ежели впредъ, смотря на его успѣхи, мы заблагоусмотримъ его опредѣлить къ дѣйствительному по сему мѣсту упражненію[3].

Съ Потемкина до А. А. Павлова никто не занималъ должности чиновника за оберъ-прокурорскимъ столомъ въ Сѵнодѣ. Оригинально было опредѣленіе Павлова[4] на эту должность. По складу своего ума, по религіозному направленію, по склонности къ духовнымъ дѣламъ, Павловъ хотѣлъ занять какуюнибудь должность въ сѵнодальномъ вѣдомствѣ; но должности соотвѣтственной ему въ этомъ вѣдомствѣ не открывалось. Это обстоятельство его безпокоило; но, къ его счастію, кто-то далъ ему знать, что при Сѵнодѣ есть одна должность съ давняго времени праздная, на которую Павловъ можетъ проситься, это должность чиновника за оберъ-прокурорскимъ столомъ въ Сѵнодѣ. Павловъ съ жаромъ ухватился за это предложеніе и послѣ многихъ колебаній со стороны князя Мещерскаго получилъ наконецъ эту должность. На этой должности судьба свела и сблизила его со многими духовными и свѣтскими лицами, болѣе или менѣе замѣчательными въ послѣдніе годы царствованія Александра I-го и въ первые годы имп. Николая I-го, и во многихъ духовнорелигіозныхъ явленіяхъ того времени онъ былъ небезучастнымъ только зрителемъ, но и болѣе или менѣе вліятельнымъ дѣятелемъ. Онъ былъ въ близкихъ отношеніяхъ съ митрополит. Серафимомъ, съ Аракчеевымъ, гр. Орловою, Шишковымъ, Шихматовымъ, Фотіемъ и другими. Симпатіи его лежали къ этой партіи, и онъ не былъ расположенъ къ партіи князя Голицына. Отъ него я получилъ Записки А. С. Шишкова, напеч. въ 1863-мъ г. въ самомъ ограниченномъ числѣ экземпляровъ, отъ него же получилъ и эту Записку. Чьему перу принадлежитъ эта Записка, покой-

(2) Тогда оберъ-прокуроромъ былъ Алексѣй Семеновичъ Козловскій, и послѣ него въ томъ же 1763 г. Ив. Ив. Мелиссино (грекъ, впослѣдствіи кураторъ Московскаго университета и антагонистъ масоновъ). *П. Б.*

(3) Указъ 19-го Августа 1763-го, и инструкція 4-го Сентября 1763-го года.

(4) Павловъ былъ женатъ на родной сестрѣ бывшаго тогда (около 1820 г.) во всей своей славѣ А. П. Ермолова. *П. Б.*

ный Павловъ (онъ умеръ въ 1865-мъ г. и погреб. на Александро-Невскомъ кладбищѣ), мнѣ не объяснилъ. Сравнивая содержаніе ея съ Записками А. С. Шишкова, я нахожу въ ней много сходства, даже буквальнаго, съ означенными Записками, особенно тамъ, гдѣ она говоритъ о сочиненіи Госнера и другихъ современныхъ ему и такаго же направленія литературныхъ произведеніяхъ. Судя потому, что въ самыхъ Запискахъ А. С. Шишкова упоминается о томъ участіи, которое принималъ во многихъ дѣлахъ директоръ канцеляріи тогдашняго министра просвѣщенія князь Ширинскій-Шихматовъ, составлявшій подъ руководствомъ министра устава о цензурѣ и сочинившій записку о ходѣ этого дѣла (5); далѣе обращая вниманіе на то, что записка заканчивается похвалою подвигамъ митрополита Серафима и Шишкова, — мы съ вѣроятностію можемъ предполагать, что она обязана своимъ происхожденіемъ перу князя Шихматова, по крайней мѣрѣ въ большей части своего содержанія. — Мы не будемъ распространяться здѣсь объ интересѣ содержанія этой Записки, — читатели увидятъ это сами, а скажемъ только, что она весьма рельефно представляетъ намъ религіозно-умственное движеніе александровской эпохи и борьбу двухъ направленій: строго-православнаго, держащагося твердо древнихъ преданій, и новаго, проникнутаго западнымъ духомъ и охваченнаго тогдашнимъ религіознымъ движеніемъ, обнаружившимся въ Европѣ. На нѣкоторыя мѣста Записки мы сочли нужнымъ сдѣлать отъ себя примѣчанія или объясненія.

Священникъ М. Морошкинъ.

*

Основаніе могущества Россіи. Россія всегда была и есть сильна и непоколебима въ своемъ могуществѣ твердымъ пребываніемъ въ вѣрѣ православной и безпредѣльною покорностію своимъ государямъ самодержавнымъ. Доколѣ она будетъ православно бояться Бога отцовъ своихъ и благоговѣйно чтить своихъ самодержавныхъ государей, дотолѣ будетъ и пребудетъ въ страхъ народамъ Европы, шаткимъ въ своихъ вѣрованіяхъ въ Бога, буйнымъ и дерзкимъ противъ своихъ государей.

Покушенія враговъ Россіи ослабить ея могущество, при Петрѣ I и при его преемникахъ до Екатерины II. Давно народы Европейскіе замѣтили это непоколебимое основаніе могущества Россіи; давно и всячески стараются ослабить и, если возможно, разрушить оное. Еще со временъ Петра Великаго иностранцы разныхъ вѣроисповѣданій, переселившіеся на службу въ Россію и здѣсь занявшіе высшія государственныя должности, старались ввести и усилить свои вѣроисповѣданія между Русскими (которыхъ почитали они народомъ языческимъ, не разумѣя православнаго вѣроисповѣданія нашего). То лютеранскіе, то папистическіе миссіонеры, явно и тайно вторгались въ предѣлы Россіи, и разсѣвали между Русскими свои вѣроисповѣданія, увлекая за собою легкомысленныхъ. Но бдительное правительство скоро замѣчало ихъ злоумышленія противъ основаній Русскаго благоденствія и рѣшительными мѣрами предотвращало зло, замышляемое иностранцами. Проповѣдники чужевѣрія правительствомъ нашимъ не только были удерживаемы отъ распространенія онаго въ Россіи, но даже были высылаемы изъ границъ Россіи (см. Указы: 1728 года окт. 4, 1731 г. апрѣля 8, 1735 г. марта 14, 1736 г. марта 9), а совращенные ими были возвращаемы въ нѣдра православной церкви и иногда подвергались строгимъ наказаніямъ. Такъ въ 1736 году дворянинъ Ладыженскій, поступившій изъ православныхъ въ Езуитскій орденъ, былъ наказанъ шелепами за измѣну вѣрѣ. Не по духу нетерпимости къ разновѣрію такъ поступали наши государи, но по долгу справедливости и по мудрой за-

(5) Записки адмирала А. С. Шишкова. стр. 133.

ботливости о благѣ своихъ подданныхъ. Особенную силу имѣли иностранцы въ Россіи во время могущества Бирона. Тогда, по ихъ проискамъ, неоднократныя предпріятія Св. Сѵнода о распространеніи христіанства въ Камчаткѣ, оставались безъ всякаго успѣха; даже назначаемыя имъ на сіе святое дѣло лица духовнаго званія погибали въ тайной канцеляріи, которою управлялъ Биронъ. Въ это время тяжко пострадалъ ревностный защитникъ православія и обличитель иновѣрческихъ заблужденій, членъ Синода, архіепископъ Тверской, Ѳеофилактъ Лопатинскій, который доведенъ до лишенія сана, до кнута и до заточенія за то, что одобрилъ къ напечатанію книгу подъ заглавіемъ: Камень Вѣры, которую написалъ митрополитъ Стефанъ Яворскій въ защиту православія и для утвержденія въ вѣрѣ православныхъ христіанъ, которыхъ смущала сильная тогда партія иновѣрцевъ, своими еретическими заблужденіями, а вмѣстѣ и за то, что Лопатинскій и самъ написалъ книгу противъ лютеранъ и кальвинистовъ, въ которой сильно и основательно обличилъ ихъ ереси.

Покушенія враговъ Россіи при Екатеринѣ II. Въ царствованіе императрицы Екатерины II, когда по Европѣ духъ вольномыслія разливался съ необузданною свободою и съ невѣроятнымъ успѣхомъ; когда адскія предпріятія Вейсгаупта и всѣхъ его соумышлениковъ иллюминатовъ и масоновъ, Вольтера и его единомысленниковъ, извѣстныхъ подъ именемъ софистовъ нечестія, — предпріятія разрушить алтари Божіи и испровергнуть престолы царей, постепенно и успѣшно были приводимы въ исполненіе; когда народы Европы, постепенно приходя отъ вольномыслія къ безбожію, не только охладѣвали къ господствующимъ между ними вѣроисповѣданіямъ, не только пренебрегали всѣми постановленіями своихъ церквей, но и стремились разрушить до основанія христіанскую церковь, опрокинуть алтари Божіи, истребить всякую вѣру, изгнать самаго Бога изъ вселенной и поставить въ предметъ всеобщаго поклоненія и благоговѣнія натуру; и когда всѣ эти дерзкія покушенія противъ христіанской вѣры, церкви и самаго Бога, ослѣпленные духомъ времени, многіе цари народовъ Европейскихъ поддерживали, подкрѣпляли и поощряли не только своимъ равнодушіемъ къ замысламъ иллюминатовъ, масоновъ и софистовъ нечестія, но и своимъ съ ними единомысліемъ, нисколько не помышляя о томъ, что съ разрушеніемъ алтарей, неминуемо падутъ ихъ престолы, и нисколько не замѣчая, что враги вѣры суть такіе же враги закона и всякой власти,—въ это время искушенія коснулись и Россіи.

Покушенія масоновъ распространить между Русскими свой образъ мыслей посредствомъ издаваемыхъ ими книгъ. Въ предѣлахъ Россіи начали появляться тайныя общества франкмасоновъ, которыя, прикрывая свои адскіе замыслы противъ вѣры и верховной власти разными благовидными дѣйствіями, старались привлекать къ себѣ легковѣрныхъ. Масоны притворно представлялись благотворителями человѣчества, хотя единственная цѣль ихъ благотворительности состояла въ привлеченіи людей въ свое общество; казались заботливыми о распространеніи духовнаго просвѣщенія и христіанской нравственности между людьми, а на самомъ дѣлѣ старались отклонить ихъ отъ ученія православной церкви и вовлечь въ свои заблужденія. Для этаго они издавали на Русскомъ языкѣ разныя книги, которыя по заглавіямъ своимъ казались духовными и назидательными, но въ самомъ дѣлѣ въ нихъ заключалась лукавая смѣсь истины съ заблужденіями. По этому издатели ихъ не смѣли ни представить ихъ на предварительное разсмотрѣніе духовному начальству, ни печатать въ типографіи Святѣйшаго Синода. Печатали они свои книги съ одобренія свѣтскаго начальства и пе-

чатали въ вольныхъ типографіяхъ. Главными распространителями такихъ, мнимодуховныхъ и назидательныхъ, книгъ были Новиковъ и Лопухинъ, кои имѣли свою типографію.

Покушенія софистовъ нечестія развратить Русскихъ своими книгами. Въ то время, какъ масоны старались умножить въ Россіи изданія книгъ мнимодуховныхъ и назидательныхъ, софисты нечестія спѣшили наводнить Россію книгами нечестивыми, безбожными, безнравственными, которыя во Франціи были издаваемы Вольтеромъ и его сообщниками, и которыя въ Россіи были распространяемы частію на французскомъ языкѣ, частію въ переводахъ русскихъ, печатанныхъ съ одобренія то квартальныхъ надзирателей, то нисшихъ присутственныхъ мѣстъ. Духъ ученія софистовъ нечестія скоро привился ко многимъ изъ Русскихъ, особенно къ тѣмъ, которыхъ воспитывали выходцы французскіе. Духъ безнравственности и нечестія скоро распространился въ высшемъ обществѣ Россіянъ, какъ гибельная зараза, и неизвѣстно, что̀ было бы съ Россіею, если бы въ 1812 году не грянулъ съ неба громъ, заставившій всѣхъ въ ужасѣ ознаменоваться крестомъ.

Мѣры правительства Русскаго противъ замысловъ масоновъ и софистовъ нечестія: при Екатеринѣ II. Впрочемъ Россійское правительство еще за долго прежде того начало открывать злоумышленія враговъ Россіи; оно открыло связь Новикова и Лопухина съ масонскими обществами, замѣтило и вредъ, происходившій отъ свободнаго изданія ими книгъ; Новиковъ взятъ подъ стражу, Лопухинъ отданъ подъ надзоръ полиціи; библіотека Новикова публично сожжена (6); и наконецъ 1787 года 27 іюня данъ высочайшій указъ, коимъ повелѣвалось наблюдать, „дабы ни въ одной свѣтской типографіи не были печатаемы, и ни въ одной свѣтской книжной лавкѣ не были продаваемы: молитвенники, не отъ Синода изданные, также книги церковныя, или къ Св. Писанію, вѣрѣ, либо толкованію закона и святости относящіяся“ и пр. Симъ указомъ въ то время остановлены успѣхи въ распространеніи мнимодуховныхъ книгъ по Россіи, выходившихъ помимо духовнаго начальства.

При Павлѣ I. При императорѣ Павлѣ I-мъ установлена особая цензура для разсмотрѣнія всѣхъ печатаемыхъ въ Россіи книгъ; въ цензурномъ комитетѣ были члены свѣтскіе и духовные; ему даны подробныя и строгія правила для руководства. Вообще духъ строгости, постоянно обнаруживаемый во все время царствованія Павла I, заставилъ пріостановиться послѣдователей тайныхъ обществъ въ своихъ злоумышленныхъ предпріятіяхъ. Лопухинъ, поборникъ масонства, пользуясь милостивымъ вниманіемъ Павла I, не осмѣлился дѣйствовать въ пользу масонства. Голосъ нечестія, безбожія и вольнодумства совершенно затихъ, при гласѣ мудрой строгости Павла I (7).

Съ цѣлію продолжить эту благодѣтельную тишину, оправдать мѣры правительства противъ дѣйствій масоновъ и софистовъ нечестія, и предостеречь Русскихъ отъ гибельныхъ заблужденій, былъ напечатанъ Русскій переводъ книги подъ заглавіемъ: Волтеріанцы, или исторія о Якобинцахъ, въ которой открыты и неоспоримо доказаны всѣ противухристіанскія злоумышленія масонскихъ ложъ, имѣвшихъ влія-

---

(6) Авторъ смѣшиваетъ хронологію происшествій. *П. Б.*

(7) Увлеченный предвзятою идеею, авторъ забываетъ, что именно въ Павлово царствованіе, православіе потерпѣло самый существенный уронъ вслѣдствіе учрежденія Мальтійскаго ордена и безпримѣрнаго въ лѣтописяхъ Русской исторіи владычества Іезуитовъ. По времени, въ которое жилъ авторъ печатаемой «Записки о крамолахъ враговъ Россіи», надо думать, что немогъ же онъ не знать черезъ устное преданіе о тѣхъ вопіющихъ событіяхъ, которыя такъ поражаютъ насъ въ сочиненіи М. Я. Морошкина объ Іезуитахъ. *П. Б.*

ніе на всѣ Европейскія державы. Но эта книга вскорѣ была скуплена масонами, или были даны большія деньги за то, чтобы она не была въ продажѣ, и до закрытія въ Россіи масонскихъ ложъ этой книги въ продажѣ не было.

Коварство враговъ Россіи: а) *въ поддержаніи раскольническихъ сектъ въ Россіи.* Враги гражданскаго и церковнаго благосостоянія Россіи, встрѣтивъ сильное себѣ противленіе въ учрежденіи цензуры, не оставили своихъ злобныхъ замысловъ. Они начали тайнымъ образомъ поддерживать заблужденія и суевѣрія Русскихъ раскольниковъ, и особенно безпоповщинской секты, какъ наиболѣе близкой къ ихъ духу возмущенія противъ вѣры, церкви и гражданской власти и порядка. Подъ благовиднымъ предлогомъ вѣротерпимости, свойственной вѣку просвѣщенія, и будто по причинѣ безуспѣшности строгихъ мѣръ, противъ раскольниковъ прежде употребляемыхъ, они старались испрашивать имъ свободу вѣроисповѣданія, и тѣмъ способствовать необычайному умноженію и распространенію раскольническихъ сектъ, распространяющихъ разномыслие, раздоры и несогласія въ государствѣ.

б) *Въ распространеніи между Русскими заблужденій чужеземныхъ.* Враги церкви и отечества нашего даже старались объ основаніи и распространеніи въ Россіи новыхъ ересей и сектъ, и привить Русскимъ новѣйшія заблужденія чужихъ странъ. Чужестранныя заблужденія тѣмъ болѣе опасны и даже гибельны для нашей православной церкви и отечества, что они прикрыты мнимою духовностію. Такъ около этаго времени появились въ Россіи Духоборцы, Хлысты, Перекрещиванцы, Молоканы и Скопцы—секты, очевидно образовавшіяся изъ Меннонитовъ, Флагеллянтовъ, Анабаптистовъ, Методистовъ и другихъ сектъ, преслѣдуемыхъ на Западѣ.

Гибельный духъ ученія нововводимыхъ сектъ. Основатели новыхъ русскихъ сектъ проповѣдуютъ своимъ послѣдователямъ новыя мечтательныя правила о поклоненіи Богу духомъ и истиною, и за тѣмъ отвергаютъ всякую наружность въ дѣлахъ служенія Богу, и всѣ святыя таинства, а потому и помазаніе царей и освященіе чрезъ оное помазанныхъ Божіихъ. Усвоивъ себѣ духовную свободу, они отвергаютъ всякую зависимость отъ закона, власти и правительства церковнаго и гражданскаго; отвергаютъ всякую обязанность приносить пожертвованія въ церкви, исполнять всякія повинности государственныя, платить подати и оброки, называя все это знаменіями царства Антихристова; самыя молитвы за царя и за всѣ власти они называютъ нечестіемъ и оскорбленіемъ Бога. Питая непримиримую ненависть противъ всѣхъ постановленій церковныхъ и гражданскихъ настоящаго времени, и проповѣдуя преобразованіе или уничтоженіе оныхъ, они всегда готовы пристать какъ ко внѣшнимъ, такъ и ко внутреннимъ врагамъ церкви: такъ лишь только возникъ къ Москвѣ бунтъ, безпоповщинцы къ нему пристали, и одинъ изъ нихъ убилъ архіепископа Амвросія; въ бунтѣ Пугачева они имѣли сильное и дѣятельное участіе. Въ ужасную годину Россіи, безпоповщинцы явили себя тѣмъ, чѣмъ всегда быть готовы, злѣйшими врагами отечества и церкви. Едва вступилъ Наполеонъ въ Москву, они немедленно явились къ нему съ хлѣбомъ-солью и съ предложеніемъ своихъ услугъ. Какъ скоро увидѣли его къ себѣ благоволеніе, тотчасъ устремились на разграбленіе Св. Храмовъ. Не только всякая драгоцѣнность, но всякая древняя святыня сдѣлалась ихъ добычею. Вообще безпоповщинцы всѣхъ согласій и всѣ тайныя секты наши суть самые злѣйшіе и опаснѣйшіе враги церкви и отечества нашего: это порохъ, ожидающій гибельнаго взрыва; это черви, непрестанно точащіе піедесталъ, на которомъ стоитъ огромный колосъ Россіи! Новыя секты Россіи тѣмъ болѣе опасны, что въ главныхъ пунктахъ своего уче-

нія, т. е. въ ненависти къ ученію и постановленіямъ церкви, къ закону и правительству гражданскому, онѣ совершенно сходны съ безпоповщинскою сектою, которая со временъ Петра I въ Россіи поспѣшно умножается и усиливается, на пагубу церкви и отечества.

Безуспѣшность мѣръ правительства въ искорененіи расколовъ и ересей. Со временъ Петра І-го Россійское правительство употребляло и употребляетъ всякія мѣры къ истребленію такихъ пагубныхъ сектъ, или къ обращенію ихъ на путь истины: но ни кротость и милосердіе, ни строгость и прещеніе верховной власти доселѣ не имѣли желаннаго успѣха. При строгости правительства сектанты обнаруживали грубость, ожесточеніе и буйство; при кроткости правительства они спѣшили умножать число послѣдователей: отъ этого, гдѣ прежде считали сектантовъ десятками, тамъ нынѣ считаютъ ихъ десятками тысячь. Мнимая свобода отъ всякой гражданской и духовной власти и законовъ, которую лжеучители проповѣдуютъ своимъ послѣдователямъ, обольщаетъ и удерживаетъ ихъ въ сектѣ; а покровительство ближайшихъ начальствъ, пріобрѣтаемое деньгами, поставляетъ ихъ внѣ всякой опасности и препятствуетъ успѣхамъ въ мѣрахъ верховной власти и правительства. И подлинно, что́ могутъ сдѣлать благодѣтельныя мѣры верховной власти, въ видахъ отеческой попечительности о благѣ отечества обнаруживаемыя, противъ заблужденій расколовъ и сектъ: когда ближайшія начальства смотрятъ на раскольниковъ и на всякихъ сектаторовъ, какъ на выгоднѣйшія для своего хозяйства оброчныя статьи? Впрочемъ, сердце кровію обливается, когда представишь себѣ, что́ будетъ лѣтъ чрезъ тридцать, когда успѣхи раскольниковъ безпоповщинской секты будутъ возрастать такъ же быстро, какъ они теперь возрастаютъ и когда половина Россіи будетъ за грѣхъ считать служить царю-антихристу, и знаки монаршей милости будутъ почитаться за печать антихриста.

Покушенія враговъ Россіи при Александрѣ I. Самые ужасные ковы къ погубленію Россіи враги ея устроили въ царствованіе императора Александра І-го, ковы, въ устроеніи которыхъ они истощили всю свою хитрость, на удивленіе самому аду.

Кому неизвѣстно, что послѣ ужасной войны 1812 г., когда твердая вѣра и благочестивое упованіе на Бога императора Александра І-го спасли Россію отъ паденія, которымъ угрожала ей гордость Наполеона, и возстановили благосостояніе всей Европы, чрезъ совершенное низложеніе Наполеона,—не только въ духѣ Русскаго народа послѣдовала благодѣтельная перемѣна, но и духъ всѣхъ народовъ Западной Европы испыталъ въ себѣ совершенное измѣненіе. Зачумленные прежде духомъ вольномыслія и безбожія, народы Западной Европы образумились, перекрестились, взглянули на небо и познали Бога всемогущаго, восчувствовали всю необходимость въ утѣшеніи и подкрѣпленіи своихъ душъ ученіемъ Христовымъ; откинули прочь безумныя произведенія Вольтера, Даламберта и всей ихъ нечестивой шайки; обратились къ чтенію Слова Божія; возвратились въ запустѣлые храмы; восчувствовали всю важность и пользу правительства и верховной власти въ обществахъ, и обратили благоговѣйное вниманіе на благочестиваго избавителя Европы, удивившаго ее своимъ истинно-христіанскимъ смиреніемъ. Враги Россіи воспользовались такими благопріятными обстоятельствами, и съ адскою хитростію, съ сатанинскимъ лукавствомъ, устроили обширный и многосложный планъ къ погубленію Россіи.

Планъ ихъ къ погубленію Россіи. Положивъ въ основаніе своихъ адскихъ замысловъ всеобщую увѣренность народовъ и государей Европы, что Господь Іисусъ Христосъ спасъ Европу отъ ужаснаго порабощенія, какое готовилъ ей Наполеонъ и для этаго спасенія

употребилъ въ благодѣтельное орудіе христіанскую кротость Александра I, они замыслили употребить въ орудіе для совершенія своихъ пагубныхъ намѣреній того же Александра I-го. Чрезъ своихъ агентовъ при дворѣ его, они старались внушить и распространить между нѣкоторыми легковѣрными при дворѣ и въ народѣ ту мысль, что самимъ Богомъ предназначено, чтобы освободитель Европы отъ ига Наполеонова былъ спасителемъ народовъ христіанскихъ отъ ига разномыслія въ вѣрѣ, и всѣхъ христіанъ сдѣлалъ единымъ стадомъ единаго пастыря І. Христа; чтобы онъ всѣ христіанскія вѣроисповѣданія соединилъ въ единую вѣру Христову; всѣ церкви или христіанскія общества совокупилъ во Едину, Святую, Соборную и Апостольскую церковь. За надежное къ тому средство признано: поддержать, усилить и умножить въ Россіи домашніе ея расколы и секты, ввести и распространить въ ней секты и заблужденія иностранныя, умножить въ ней число масонскихъ ложъ и тайныхъ обществъ; распространить между Русскими свѣдѣнія о всѣхъ иностранныхъ вѣроученіяхъ; для этаго переводить и печатать на русскомъ языкѣ всякія книги, заключающія въ себѣ всякія частныя мнѣнія о религіи, всякія толкованія на Библію, всякія сочиненія о богослуженіи и нравственности, всякія правила о духовной жизни. А дабы не встрѣтить къ этому препятствія со стороны цензуры, для этаго враги Россіи, ослѣпивъ своими лжеумствованіями нѣкоторыхъ изъ сильныхъ земли Русской и близкихъ къ трону, такъ настроили ихъ къ содѣйствію и совершенію своихъ замысловъ на пагубу Россіи, что, при покровительствѣ ихъ, всѣ книги, чрезъ которыя они замыслили устроить эту пагубу,—всѣ таковыя книги, въ противность вышеприведенному имянному указу императрицы Екатерины II, стали быть разсматриваемы въ свѣтской цензурѣ, и печатались оныя въ вольныхъ типографіяхъ, и продавались во всѣхъ книжныхъ лавкахъ. Для той же цѣли враги Россіи старались ввести, усилить и распространить духъ нечестія и вольномыслія въ университетахъ и въ другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ; а въ народѣ распустить сколько можно болѣе экземпляровъ Библіи, продавая ихъ за самую малую цѣну,—для этаго открыть въ Россіи библейскія общества, какія во множествѣ открыты по всей христіанской Европѣ, и въ эти библейскія общества привлечь, кромѣ сильныхъ земли и богатыхъ людей, самое духовенство русское. Враги Россіи чрезъ все это надѣялись ослабить въ народѣ Русскомъ приверженность къ вѣрѣ и церкви православной, ознакомить его со всѣми вѣроисповѣданіями, ослабить въ немъ отвращеніе къ чужимъ вѣрамъ, убѣдить, что во всякомъ вѣроисповѣданіи есть стороны хорошія, научить смотрѣть на всѣ вѣры глазами безъ различія, чрезъ это произвести охлажденіе къ вѣрѣ православной; открывъ всѣмъ и каждому удобность имѣть и читать Библію, ослабить въ нихъ благоговѣйное къ ней уваженіе и открыть путь къ произвольнымъ толкамъ священныхъ истинъ вѣры.

Предрасположеніе къ совокупленію всѣхъ вѣръ и церквей въ одну. Съ цѣлію приготовить народъ къ мысли о преобразованіи вѣры и церкви, или о соединеніи всѣхъ церквей въ одну церковь и всѣхъ вѣръ въ одну вѣру, положено праздновать въ церкви освобожденіе Россіи отъ двадесяти народовъ Европы въ праздникъ Рождества Христова, въ знаменованіе того, что въ праздникъ Рождества Христова должно начаться преобразованіе Христіанства изъ множества сектъ во едину церковь. Какъ бы въ начатокъ этаго перерожденія, съ 1817 года во всѣхъ церковныхъ книгахъ, печатанныхъ въ синодальныхъ типографіяхъ, въ 25-е число декабря, вмѣсто: Рождество, еже по плоти, Господа, Бога и Спаса Нашего Іисуса Христа—стали печа-

тать: Рождество Спасителя Нашего Іисуса Христа, т. е. съ отсѣченіемъ словъ: еже по плоти, и Господа и Бога. Для чего отняты у Іисуса Христа наименованіе: Господь и Богъ, и за чѣмъ уничтожено понятіе о рождествѣ Его, по плоти? Это нигдѣ не объяснено для православной церкви. Между тѣмъ, изъ соображенія всѣхъ обстоятельствъ и духа того и послѣдующаго времени, можно ясно открывать, что уничтоженіемъ понятій о воплощеніи и божествѣ Господа и Бога и Спаса Нашего Іисуса Христа, открывался способъ къ сближенію Русскихъ съ ученіемъ социніанистовъ и новѣйшихъ раціоналистовъ, не признающихъ Іисуса Христа ни Господомъ, ни Богомъ, и вмѣстѣ не отвергающихъ ученія о спасеніи чрезъ него человѣческаго рода.—Чрезъ это же открывался способъ къ сближенію русскихъ православныхъ христіанъ съ ученіемъ духоборцевъ, духовныхъ христіанъ, хлыстовъ, молоканъ и скопцовъ, кои воплощеніе Іисуса Христа поставляютъ въ духовномъ вселеніи Его въ сердца человѣческія. Скопцы даже вѣруютъ, что „Христосъ вселился въ Петра III, и въ лицѣ его опять придетъ къ нимъ съ Востока, и общество ихъ сдѣлаетъ блаженнымъ, вѣру ихъ сдѣлаетъ всеобщею, измѣнитъ всѣ обряды церковные и постановленія правительства.“ Такими мыслями наполнены ихъ пѣсни, кои поютъ они въ своихъ сборищахъ (см. кн. о ереси скопческой стр. 187—238). Около этаго времени на Дону между казаками явилась новая секта Духоносцевъ. Основателемъ ея былъ Есаулъ Евлампій Котельниковъ ([8]), который съ силою проповѣдывалъ, что „Антихристъ стоитъ въ св. нашей цер-

([8]) Вотъ какія свѣдѣнія сообщаютъ о Котельниковѣ Записки Шишкова: „Есаулъ сей схваченъ съ написанною имъ возмутительною противъ вѣры и правительства книгою, основанною на правилахъ изданной въ свѣтъ, переведенной съ иностраннаго языка книги, подъ названіемъ: „Воззваніе къ человѣкамъ о послѣдованіи внутреннему влеченію духа Христова». Онъ призванъ былъ къ графу Аракчееву въ присутствіи митрополита (Серафима) и архимандрита Фотія, гдѣ, вмѣсто признанія себя виновнымъ, укорялъ ихъ дерзкими словами въ незнаніи настоящей вѣры, презиралъ всякія угрозы, и напротивъ, угрожая самъ, говорилъ, что онъ радъ погибнуть: ибо знаетъ, что погибелью своею умножитъ ревность и число своихъ послѣдователей. Видя его свирѣпымъ и непреклоннымъ, гр. Аракчеевъ и митрополитъ полагали запереть его навсегда въ крѣпость; но арх. Фотій просилъ, чтобъ предоставить ему еще разъ сдѣлать надъ нимъ опытъ своихъ увѣщаній. По нѣкоторыхъ противорѣчіяхъ, согласились на его представленіе. Онъ заперся съ нимъ въ келіи. Первый разговоръ ихъ былъ такой, что есаулъ, приведенный къ нему прямо изъ тюрьмы въ грязной, вшивой рубашкѣ, началъ на краткіе его вопросы отвѣтствовать гнѣвомъ и бранью. Фотій напротивъ снималъ съ него вши и при всякомъ бранномъ отъ него словѣ обнималъ его и цѣлуя говорилъ: „вотъ ты сердишься, а я нѣтъ; ты на меня досадуешь, а мнѣ тебя только жаль: изъ одного этаго уже видно, что моя сторона правѣе твоей. Я непрошу тебя, чтобъ ты мнѣ вѣрилъ, но для чего намъ съ кротостію не выслушивать другъ друга?“ Есаулъ нѣсколько укротился, но первое ихъ свиданіе ничего надъ нимъ не подѣйствовало. Узнавъ о семъ, я просилъ сказать отцу Фотію, чтобъ онъ, оставаясь на единѣ съ такимъ отчаяннымъ суевѣромъ, остерегался, дабы онъ не принесъ съ собою оружія и не убилъ его. Слова мои были ему пересказаны. Чтожъ онъ на другой день сдѣлалъ? Велѣлъ накрыть столъ, посадилъ съ собою есаула и говоритъ ему: „Опасаются, что ты можешь меня зарѣзать; ножикъ лежитъ предъ тобою, но я этого не боюсь. Безъ воли Божіей ты сего не сдѣлаешь, и Богъ не попуститъ тебя поднять руку на того, кто тебѣ добра желаетъ. Скажи, приходитъ ли тебѣ на мысль убить меня?“ Есаулъ, мужичинища дородный, взглянулъ съ удивленіемъ на худощаваго собесѣдника своего и твердымъ голосомъ отвѣчалъ ему: „Нѣтъ, не убью.“—„Ну, такъ станемъ же продолжать наши разговоры“, сказалъ Фотій. Так. обр., искореняя

кви, и мерзость запустѣнія, рѣченная Даніиломъ пророкомъ видна уже въ ней; она есть блудница великая, Вавилонъ, жилище бѣсовъ; народъ въ ней собирается не чашу Господню пить, а чашу Антихриста, чашу бѣсовскую, которую растворяютъ они мерзостію; она съ таинствами своими (изъ коихъ крещеніе духоносцы называютъ печатью антихристовою и выдумкою разума), яко царство антихристово, разрушена будетъ императоромъ Александромъ I. Вмѣсто православной церкви въ царствованіе императора Александра I откроется и распространится новая религія Духоносцевъ, подъ именемъ единовѣрія, по всей вселенной, такъ скоро, что не успѣетъ еще Библія всѣмъ раздана быть. Сія новая церковь есть невѣста Христова, есть перворожденная нынѣшней эпохи церковь. Къ сей новой религіи назначена отъ Бога быть вратами императрица Марія Ѳеодоровна. А дабы ввести ее, для сего родился духовно въ императорѣ Александрѣ I-мъ Іисусъ Христосъ. Императоръ Александръ I есть мужъ новой церкви, есть Христосъ Господень, и онъ-то распространитъ ее своими указами.... Императоръ Александръ древнюю Христову церковь, яко любодѣйцу, истребитъ, а новую религію и самъ приметъ, и вельможи ее примутъ, и Синодъ благословитъ".... По ученію сей новой религіи „всякій христіанинъ есть свѣтильникъ, священникъ, царь, Христосъ, сынъ Божій, Свѣтъ, Богъ; и потому всякій можетъ совершать Богослуженіе". Духоносцы въ своихъ собраніяхъ читаютъ Библію, еще книги подъ названіемъ: Черты внутренней церкви И. Вл. Лопухина и Воззваніе къ человѣкамъ о послѣдованіи внутреннему влеченію Христову. Эти книги они признаютъ за пророческія. Духоносцы приглашаютъ къ себѣ раскольниковъ всякихъ сектъ. Они въ тайныхъ сборищахъ своихъ съ дерзостію провозглашаютъ „что революція въ религіи должна неминуемо послѣдовать; и что когда для новой ихъ религіи все созрѣетъ, то она вдругъ обнаружится, и никакая власть земли не можетъ истребить ее; такое ученіе Котельниковъ нетолько проповѣдывалъ уст

въ немъ ложныя понятія о вѣрѣ, почерпнутыя имъ изъ чтенія мистическихъ книгъ, и открывая ему перетолкованный въ нихъ настоящій смыслъ Свящ. Писаній, напослѣдокъ довелъ онъ его до совершеннаго раскаянія, такъ что онъ потребовалъ свою книгу и собственноручною подписью предалъ ее проклятію. Въ такомъ же духѣ, отрицаясь отъ всѣхъ ересей, написалъ онъ письмо къ митрополиту, прося у него прощенія и поручая себя его молитвамъ. Достойны примѣчанія слѣдующія слова сего есаула. Онъ говорилъ Фотію: „Я мужъ и отецъ; предавшись пагубнымъ внушеніямъ и чтенію злочестивыхъ книгъ, я заразился ими, бросилъ жену и дѣтей; не думалъ больше ни объ нихъ, ни о себѣ. Теперь ты возбудилъ во мнѣ снова жалость къ нимъ. Я отступилъ отъ вѣры, отъ добродѣтели, и достоинъ всякаго наказанія, но они бѣдные невинны и за меня страдаютъ. Жаль мнѣ ихъ жаль!" Окончаніе съ симъ есауломъ послѣдовало такое, что велѣно было его освободить, дать ему тысячу рублей и отпустить на родину. Въ послѣдствіи времени оказалось, что есаулъ сей, возвратясь на родину свою, сочинилъ еще злѣйшую прежней книгу, въ которой насмѣшливымъ и ругательнымъ образомъ описывалъ простоту тѣхъ, кои повѣрили притворному обращенію его въ прав. вѣру и отреченію отъ своей, почерпнутой имъ изъ разныхъ, такъ называемыхъ духовно-нравственныхъ книгъ, и особенно изъ книги: *Воззваніе*. Онъ продолжалъ распространять свою ересь и вторично былъ взятъ и привезенъ въ Петербургъ, имѣя сопутницею своею молодую, пригожую, какъ сказываютъ, дѣвку, которую выдавалъ онъ за дочь свою, вѣроятно, надѣясь чрезъ нее привлечь къ себѣ больше сообщниковъ. Отослали его опять въ тотъ же монастырь, но Фотій не взялся уже обращать его, а поручено сіе было одному изъ тамошнихъ монаховъ, который вмѣсто обращенія его, самъ отъ него заразился тоюже ересью и объявилъ о томъ письменно» (Зап. Адм. А. С. Шишкова, стр. 80, примѣчаніе).

но, но наконецъ изложилъ въ своей книгѣ подъ заглавіемъ: Начатки съ Богомъ остраго серпа въ золотомъ вѣнцѣ и въ дополненіи къ ней. О вредной проповѣди Котельникова мѣстное начальство много разъ доносило министерству дух. дѣлъ; наконецъ представило оному сказанныя рукописныя книги. Но агенты иллюминатства умѣли отвращать вниманіе министерства какъ отъ донесеній Донскаго начальства, такъ и отъ самыхъ рукописей, и тѣмъ способствовали успѣхамъ ереси. Въ тоже время Петербургъ сдѣлался сборищемъ всякихъ сектъ. Въ окрестностяхъ его появились колоніи Квакеровъ, вызванныхъ для воздѣланія болотныхъ грунтовъ. Эти квакеры всѣхъ, отъ нищаго до императора, называютъ братьями, ни предъ кѣмъ шапки не снимаютъ. Вѣруя только во внутренняго Христа, они не принимаютъ никакого ученія, никакихъ церковныхъ постановленій, никакихъ законовъ гражданскихъ, не признаютъ ни церковной ни гражданской власти. Въ самомъ Петербургѣ кнутобоецъ, лжехристъ скопцовъ, Андрей Селивановъ, въ огромной залѣ Солодовникова, въ шелковомъ халатѣ, въ колпакѣ, на своемъ тронѣ, возлежа на подушкахъ, принималъ отъ своихъ поклонниковъ божескія почести, и проповѣдывалъ имъ свое лжеученіе иногда въ присутствіи знатныхъ особъ (см. кн. о скопч. ереси стр. 61—65).

Мадамъ Криднеръ проповѣдывала свои духовныя бредни; Татаринова привлекала множество легковѣрныхъ на свои круженія; моленныя разныхъ сектъ раскольническихъ стояли съ открытыми для всѣхъ дверями; въ разныхъ киркахъ и залахъ являлись разные проповѣдники, выписываемые изъ за границы для развращенія Русскихъ; этихъ проповѣдниковъ изъ Петербурга посылали въ разные города Россіи, чтобъ разсѣвать пагубныя заблужденія. Съ наибольшимъ успѣхомъ занимались проповѣданіемъ въ Россіи пасторъ Линдель и патеръ Госнеръ, доколѣ не были высланы за границу. Заблужденія, распространяемыя Криднершею, Татариновою, Линделемъ, Госнеромъ и под. имъ, тѣмъ болѣе были опасны, что слушать ихъ собирались не простолюдины, но большая знать, пріѣзжавшая въ каретахъ цуговыхъ.

Умноженіе масонскихъ ложъ и тайныхъ обществъ. Кромѣ сборищъ сектаторовъ, знать русская собиралась еще въ масонскія ложи, которыя, со времени возвращенія нашихъ войскъ изъ заграницы, послѣ похода во Францію, чрезвычайно умножились въ Россіи; въ Петербургѣ въ высшемъ кругу, даже была поговорка: „да кто нынѣ не масонъ?" Въ этихъ ложахъ господствовалъ духъ братства, равенства и свободы, и подготовлялъ духъ Русскихъ къ духу безначалія, независимости и своеволія. Богатый купецъ, молодой офицеръ, называя въ ложѣ братомъ вельможу и своего командира, очевидно, терялъ уваженіе къ его званію и власти и внѣ ложи, даже на службѣ. Отъ этаго стали часто появляться дерзости и неповиновеніе по дѣламъ службы, которыя дотолѣ очень рѣдки были въ Россіи.

Въ слѣдъ за масонскими ложами стали умножаться въ Россіи тайныя общества. Эти ужасныя мины подъ фундаментъ Русской крѣпости стали подводить враги Россіи, которые къ погибели ея употребляли всѣ мѣры. Здѣсь дерзкіе умы стали замышлять о преобразованіи Россіи во всемъ ея составѣ. Замыслы тайныхъ обществъ уже извѣстны правительству. Объ нихъ не нужно говорить. Да сохранитъ Господь отъ подобныхъ сборищъ отечество, церковь и верховную власть въ Руси православной!

Распространеніе вредныхъ книгъ. Скорѣе и успѣшнѣе, нежели чрезъ умноженіе сектъ, враги Россіи надѣялись ввести и усилить въ Россіи развращеніе нравовъ народа чрезъ умноженіе и распространеніе въ ней разныхъ вредныхъ книгъ. Эта сѣть для вѣры и

нравственности Русскихъ раскинута была очень широко. Враги замышляли опутать ихъ со всѣхъ сторонъ. Недовольствуясь тѣмъ, чтобы распустить множество вредныхъ книгъ между тѣми, которые читаютъ книги (или для разогнанія скуки, или по охотѣ, или по любознательности) они умыслили внести вредныя мысли въ тѣ книги, которыя употребляются въ учебныхъ заведеніяхъ, и заразить ими умы и сердца воспитывавшагося юношества. Цензоры Тимковскій и Бирюковъ выпустили въ свѣтъ въ короткое время множество вредныхъ книгъ разнаго содержанія, и преимущественно такихъ, которыя содержатъ въ себѣ ученіе о духовной жизни, о христіанской нравственности, или толкованіе Св. Писанія, также книги учебныя. О всѣхъ выпущенныхъ ими книгахъ можно сказать общую мысль ту, что въ каждой изъ нихъ къ пуду пшеничной муки примѣшанъ фунтъ мышьяку; и потому онѣ, сладко питая своихъ читателей, вмѣстѣ пріятно отравляли ихъ. Зловредныя книги свободно выходили въ свѣтъ, скоро раскупались, имѣли по два и по три изданія въ короткое время. Нельзя оставить безъ замѣчанія той хитрости враговъ нашей церкви и отечества, что они, въ намѣреніи уронить достоинство священныхъ книгъ, продавали ихъ по самой низкой цѣнѣ; а чтобы болѣе возвысить мнимое достоинство своихъ зловредныхъ книгъ, продавали ихъ очень дорогою цѣною. Всю Библію можно было купить за пять рублей асс., а Побѣдная Повѣсть продавалась по 25 р. ас., слѣдственно въ пятеро дороже.

Духъ нѣкоторыхъ изъ вредныхъ книгъ. Нѣтъ нужды перечислять всѣ книги зловредныя; а разбирать подробно ихъ содержаніе есть трудъ необъятный. Назовемъ здѣсь примѣчательнѣйшія изъ нихъ, по особенной зловредности и выпишемъ изъ нихъ нѣкоторыя зловредныя мѣста, или приведемъ объ духѣ ихъ свидѣтельства другихъ.

1. Побѣдная Повѣсть Юнга Штиллинга.

О Побѣдной Повѣсти. Она заключаетъ въ себѣ толкованіе на Апокалипсисъ св. Іоанна Богослова, переведена съ нѣмецкаго, напечатана съ одобренія цензора Тимковскаго; имѣла нѣсколько изданій въ теченіи немногихъ лѣтъ, но подъ фирмою одного года, одной типографіи и одного мѣста изданія.

Цѣль толкованія Апокалипсиса состоитъ въ томъ, чтобъ доказать, что второе пришествіе Христово очень близко, что оно будетъ ни какъ не позже 1836 года. Приготовляя людей къ сему пришествію Христову, Штиллингъ убѣждаетъ всѣхъ присоединиться къ истинной церкви, дабы вмѣстѣ съ сею невѣстою Христовою имѣть участіе на бракѣ агнчемъ. Истинная церковь, по увѣренію Штиллинга, не есть ни Восточная-Греческая, которая пала вскорѣ послѣ Констинтина Великаго, ни Римско-католическая, которая есть блудница Вавилонская, ниже Лютеранская и Реформатская, потому что онѣ неболѣе Греческой и Римской являютъ въ себѣ духа Христова (стр. 160) По его увѣренію, истинная церковь есть та, которая началась на Востокѣ въ Павликіанцахъ, продолжалась на Западѣ въ Валденсахъ, Албигенсахъ и Гусситахъ и нынѣ существуетъ въ Моравскихъ братьяхъ или въ Гернгутерахъ. Штиллингъ чрезмѣрно хвалитъ церковь Гернгутерскую; называетъ ее даже облеченною въ солнце, невѣстою Христовою; и въ тоже время злостно поноситъ церковь Греческую и особенно Римскую. Чтобы свободнѣе говорить о церквахъ, Штиллингъ объявляетъ, что онъ не принадлежитъ ни къ которой церкви (ст. 412); онъ выдаетъ себя за просвѣщеннаго свѣтомъ пророчественнымъ; и увѣряетъ, что все сказанное имъ столькоже справедливо, какъ несомнѣнно то, что Св. Писаніе есть истинное слово Божіе (стр. 386).

Чтобы видѣть, духомъ Божіимъ, или

духомъ лестчимъ пророчествовалъ этотъ новый пророкъ, выпишемъ здѣсь нѣкоторыя мѣста изъ его книги, и именно тѣ, которыя особенно вредны для русскихъ читателей.

На стр.30 Штиллингъ говоритъ: „Въ 324 году императоръ Константинъ В. принялъ христіанскую вѣру, и она сдѣлалась господствующею. Но вмѣстѣ съ тѣмъ вкралось въ церковь христіанскую идолопоклонство, такъ что сатана могъ паки воздвигнуть престолъ свой въ самомъ храмѣ Божіемъ.".

На стр. 32. Онъ продолжаетъ описывать состояніе христіанской церкви такъ: „Христіанская церковь для привлеченія въ свою вѣру не обращенныхъ послѣдовала политикѣ Валаама и Николаитовъ. Языческіе храмы превращены стали въ христіанскіе, идолы въ образà, вмѣсто множества боговъ стали обожать святыхъ, и чудотворнымъ образамъ и мощамъ не было конца."

На стр. 93 и 94, онъ касается одинаково и Греческой и Римской церкви, когда говоритъ: „По испровержені язычества, христіанская религія раздѣлилась на двѣ партіи — на Греческую и Римскую. Обѣ церкви гнали другъ друга, и каждая сторона называя себя православною, объявляла другую еретическою. Враждебный духъ суевѣрія, языческая пышность и невѣжество, доходившее до идолослуженія, возобладали надъ тою и другою. И такъ главному врагу Христову удалось ополчить силу противъ Христа въ самомъ царстніи Его".

На стр. 119. онъ такъ говоритъ о Греческой церкви: „Ужасно развратившаяся и глубоко погрязшая Греческая церковь получила гибельные удары." Въ другомъ мѣстѣ (стр. 32) онъ выражается такъ: „Греческая церковь, ставъ слишкомъ Николаитскою, пала". На стр. 34. Онъ продолжаетъ: „Въ VIII вѣкѣ чрезъ крайнее поврежденіе Греческой церкви, свѣтильникъ ея съ мѣста сдвигнутъ и угашенъ".

Вину превращенія христіанства въ язычество Шиллингъ возлагаетъ на соборы и учителей церковныхъ, говоря: „Соборы и учители церковные сдѣлали христіанство суевѣрнымъ язычествомъ". Стр. 419.

Изъ этой краткой выписки того, чтó въ Побѣдной Повѣсти говорится о церкви Греческой, ясно открывается, что, по ученію Юнга Штиллинга: 1-я, Христіанская вѣра съ тѣхъ поръ, какъ сдѣлалась господствующею, превратилась въ новое язычество; 2-е, въ Христіанской церкви не Господь нашъ Іисусъ Христосъ царствуетъ благодатію Своею, но сатана воздвигъ престолъ свой; 3-е, она не Духомъ Божіимъ управляется, но водится политикою Валаама и Николаитовъ; 4, благолѣпіе храмовъ ея есть языческая пышность; 5, Иконы и мощи святыя суть идолы, а чествованіе ихъ есть идолопоклонство, а почитаніе святыхъ есть многобожіе; 6, Церковь Восточная-Греческая не есть Святая, Соборная и Апостольская, но крайне поврежденная, ужасно развратившаяся, слишкомъ Николаитская. 7, Участь ея на небѣ рѣшена еще въ VIII вѣкѣ; свѣтильникъ ея сдвинутъ съ мѣста своего и угашенъ, она пала; и 8, Наконецъ соборы ея и учители церковные, къ которымъ она имѣетъ уваженіе великое, суть развратители христіанства.

Все это къ какимъ мыслямъ, къ какимъ заключеніямъ можетъ повести русскихъ читателей Побѣдной Повѣсти?

Конечно всякій благочестивый ревнитель вѣры и церкви не можетъ не исполниться сильнымъ негодованіемъ на Шиллинга за такія дерзкія хулы на христіанство, на церковь Восточную, на святыхъ Божіихъ, на соборы и учителей церкви, и на всякую святыню, чтимую въ церкви.

Всякій отщепенецъ отъ истинной церкви, читая такія хулы на церковь

православную и на все святое въ ней, не только самъ можетъ болѣе утверждаться въ своихъ ложныхъ предубѣжденіяхъ противъ церкви, но и другихъ отвлекать отъ нея, какъ всенародно посрамленной въ книгѣ, напечатанной и въ нѣсколько разъ перепечатанной на Русскомъ языкѣ, въ С.-Петербургѣ, съ дозволенія цензуры, правительствомъ установленной. Кто и что можно сказать противъ этаго, въ защиту и оправданіе правительства, потворствовавшаго изданію такой книги и множества другихъ подобныхъ ей?

Отголоски Побѣдной Повѣсти вскорѣ стали слышаться и въ нѣкоторыхъ раскольничьихъ моленныхъ. Уже и тамъ начали проповѣдовать: что „отъ лѣта по Р. Хр. 1666, по изліяніи седьмой Фіалы, по Апокалипсису, наступило царствіе антихристово; посему царская и начальствующая власть образъ Божій исказила богомерскимъ безобразіемъ, а въ церкви бывшая благодать Божія со всею святынею взяты на небо, яко же изъ бывшей Цареградской Софійской церкви, а вмѣсто ея стали въ господствующей церкви мерзость запустѣнія, по Даніилу пророку. По сему всякой православный Христіанинъ да бѣжитъ отъ Никоніянскаго проклятаго полчища, яко зміина гнѣздища, и истоваго сатанина и бѣсовъ его прескверанаго дворища: ей, ей, ей, тако, аминь.“ Такъ написано въ одной раскольнической рукописи, писанной въ 1842 г. (см. кн. о ереси скопческой стр. 130).

Рукописи ессаула Котельникова, подъ заглавіемъ: **Начатки съ Богомъ остраго серпа въ золотомъ вѣнцѣ и дополненіе** къ симъ начаткамъ, пренаполнены подобными мыслями, которыя съ силою и безбоязненно были проповѣдаемы въ сборищахъ **духоносцевъ**. Да и какъ не распространять врагамъ церкви подобныхъ мыслей, къ соблазну народа Русскаго, когда президентъ библейскихъ обществъ въ Россіи, нѣкогда, при общемъ собраніи, въ рѣчи своей, позволилъ себѣ сказать, что „библейское общество есть Апокалипсическій Ангелъ, имѣющій благовѣстити Евангеліе вѣчно живущимъ на земли, всякому племени и колѣну и людемъ.“ См. отч. Биб Об. за 1815 годъ стр. VII.

Нѣтъ нужды выписывать тѣ мѣста изъ Побѣдной Повѣсти, которыя направлены противъ Западной церкви, какъ потому, что для этаго нужно было бы переписать большую часть этой книги, такъ и потому, что хулы на Зап. ц., какъ онѣ ни ужасны, не могутъ произвести соблазна въ православныхъ русскихъ читателяхъ.

Огласивъ древнія церкви уклонившимися отъ истиннаго ученія и духа Христова, Штиллингъ представляетъ своимъ читателямъ образецъ истинной, по его ученію, церкви, въ томъ обществѣ, которое, начавшись на Востокѣ въ Павликіанахъ, продолжалось на западѣ въ Валденцахъ, Албигенцахъ и Гусситахъ, а нынѣ существуетъ въ Гернгутерахъ. И вотъ какъ въ Побѣдной Повѣсти описывается постепенное образованіе этаго общества: „Общество Павликіанъ на Востокѣ въ VIII вѣкѣ произошло изъ Гностиковъ и Манихѣевъ, особливо Армянскихъ (стр. 166). Въ IX вѣкѣ въ Италіи и Франціи Павликіане соединились съ Валлонцами, Валденцами и Албигенцами“ (стр. 176) „которые въ XII вѣкѣ присоединились къ древней Моравской братской церкви, съ которою и въ ученіи они были очень сходны.“ Въ XIV вѣкѣ, когда явился Іоаннъ Гуссъ, древняя Богемо-Моравская церковь присоединилась къ нему (стр. 162). Въ XVI вѣкѣ, когда явился Лютеръ, Богемо-Моравская церковь искала съ нимъ соединиться; но они не согласились между собою (стр. 164). Въ XVII вѣкѣ она терпѣла ужасныя напасти и гоненія. Въ XVIII вѣкѣ графъ Цинцендорфъ переселилъ Богемо-Моравскихъ братьевъ въ свои земли, гдѣ они въ 1722 году заложили главное мѣстечко **Гернгутъ** (Земщина Господня), отъ котораго и прозвали ихъ Гернгутерами.

Въ другомъ мѣстѣ (на стр. 45) Штиллингъ въ свою мнимо-истинную церковь набираетъ Христіанъ изъ всѣхъ сектъ, существующихъ на землѣ. Онъ говоритъ: „Всѣ Христіане изъ духовной ѳіатиры, или изъ братской Гернгутерской церкви, изъ Меннонистовъ, Сепаратистовъ, Піетистовъ всякаго рода, Методистовъ Квакеровъ и пр. соберутся въ одинъ союзъ, въ одно общество, въ церковь Филадельфійскую, т. е. братолюбную.

На стр. 168 и 169 Штиллингъ, описывая характеръ, какой должна имѣть истинная церковь Христова, между прочимъ говоритъ, что „она должна имѣть всѣ законы гражданскіе, истекающіе изъ духа Христова, чего во всѣхъ христіанскихъ исповѣданіяхъ еще нѣтъ; что Богемо-Моравская братская церковь въ IX вѣкѣ породила общій духъ Христовъ; что симъ общимъ духомъ она очреватѣла въ Павликіянцахъ еще въ VIII вѣкѣ; что Павликіанцы въ 845 и 846 годахъ дали себѣ собственную к о н с т и т у ц і ю, т. е. учредили собственное гражданство и принялись за оружіе въ защиту онаго. Матернее попеченіе Провидѣнія приняло въ собственное Свое призрѣніе нѣжный ростокъ преизящной конституціи“ (стр. 172—174). На соборѣ, подъ предсѣдательствомъ Константинопольскаго патріарха Фотія, разсматривавшемъ всѣ постановленія и ученія Павликіанъ, открыто, что Павликіане не признаютъ ни власти, ни закона, ни церкви, ни священства, ни таинствъ, ни св. книгъ ветхаго завѣта. (См. Phot. contra Manich. Lib. I, p. 74. Petr. Sicul. hist. Manich. pag. 71.)

Вотъ въ чемъ состоитъ ихъ п р е и з я щ н а я к о н с т и т у ц і я!

Изъ этой краткой выписки открывается, что:

1) Штиллингова истинная церковь есть сборище еритиковъ всякихъ сектъ, шайка бунтовщиковъ.

2) Духъ Христовъ, дѣйствующій въ этой церкви, есть духъ мятежей и междоусобныхъ браней.

3) Преизящная конституція этой церкви, есть постановленіе безначалія и всеобщаго братства.

Съ такою-то церковію соединиться всѣхъ приглашаетъ Штиллингъ!

2. Избранныя творенія г-жи Гіонъ.

Сочиненія г-жи Гіонъ, въ девяти томахъ, заключающія въ себѣ толкованія на книги Св. Писанія; именно: на Притчи Соломона, на Екклезіаста, на Пѣснь Пѣсней, на Премудрость Соломонову и на Премудрость Іисуса Сирахова; изъ новаго завѣта: на Евангелія: Матѳея, Марка, Луки и Іоанна Богослова; на книгу дѣяній Апостольскихъ и на Апокалипсисъ.

Ея же г-жи Гіонъ книги: „Кратчайшій и легчайшій способъ молиться и о подражаніи младенчеству І. Христа.“

Не входя ни въ какое разсмотрѣніе этихъ книгъ, чтобы показать духъ ихъ, довольно привести на память, что при появленіи сочиненій г-жи Гіонъ во Франціи, Боссюетъ, знаменитый ученостію епископъ, возопилъ въ услышаніе всего западнаго Христіанства: в с я р е л и г і я г и б н е т ъ! Онъ же писалъ въ Фенелону, ревностному защитнику ученія г-жи Гіонъ, что у ч е н і е и х ъ п о т р я с а е т ъ в с е о с н о в а н і е х р и с т і а н с т в а. Людовикъ XIV объявилъ, что у ч е н і е Ф е н е л о н а и г-ж и Г і о н ъ з а ж г л о в с е к о р о л е в с т в о е г о. Книги г-жи Гіонъ осуждены соборомъ во Франціи и Папою въ Римѣ, какъ книги пренаполненныя заблужденіями квіетизма. Это извѣстно всякому, кто читалъ новѣйшую исторію. Съ какою же цѣлію переводили такія книги на русскій языкъ, если не съ цѣлію развратить русскихъ читателей?

3. Воззваніе къ человѣкамъ о послѣдованіи внутреннему влеченію Христову.

Воззваніе къ человѣкамъ о послѣдованіи внутреннему влеченію Христову. Эта книга переведена Ив. Ястребцевымъ, правителемъ дѣлъ бывшей Коммисіи

духовныхъ училищъ. Эта книга въ продолженіи шести мѣсяцевъ имѣла два изданія. По ходатайству переводчика. Коммисія духовныхъ училищъ, журналомъ своимъ отъ 7 іюля 1820 года постановила „по уваженію назидательныхъ истинъ, заключающихся въ новой изданной книжкѣ подъ заглавіемъ: Воззваніе къ человѣкамъ о послѣдованіи внутреннему влеченію духа Христова, купить ее по шести рублей за экземпляръ, на счетъ Коммисіи духовныхъ училищъ, по числу училищныхъ библіотекъ, и препроводить въ окружныя Академическія правленія, для разсылки по принадлежности, съ требованіемъ возврата денегъ.“ Но 5 декабря 1824 года она министромъ народнаго просвѣщенія адмираломъ Шишковымъ была препровождена къ митрополиту Серафиму, съ прошеніемъ подвергнуть ее строгому разсмотрѣнію и о послѣдующемъ увѣдомить его для доклада его императорскому величеству.

Предлагаемъ здѣсь выписку замѣчательнѣйшихъ мѣстъ изъ отзыва объ этой книгѣ одного священника, который, по приказанію митрополита, разсматривалъ ее съ прямодушіемъ, свойственнымъ его званію, какъ ему и было приказано. Этотъ священникъ въ отзывѣ своемъ написалъ, между прочимъ: „Книга, подъ заглавіемъ: Воззваніе къ человѣкамъ о послѣдованіи внутреннему влеченію духа Христова, есть самая злонамѣренная, возмутительная, революціонная. При первомъ изданіи оной въ 1727 г. не объявлено даже мѣсто изданія. Во второй разъ издана она въ Парижѣ, въ самое бурное время, за два года до революціи, и нѣтъ сомнѣнія, что она много содѣйствовала успѣхамъ революціи. Сочинитель этой книги имѣетъ единственною цѣлію то, чтобы истребить вѣру Христіанскую, и на мѣсто ея ввести религію основанную инстинктѣ, и чтобы, разрушивъ храмы Божіи, ихъ паденіемъ потрясти престолы царей, и произвести повсемѣстную революцію. Въ доказательство того, что дѣйствительно эта, а не другая цѣль книги, выписываются здѣсь нѣкоторыя мѣста изъ книги подлинными ея словами.

Стр. 1. „Все доброе въ человѣкѣ происходитъ отъ инстинкта божественнаго. На немъ основана религія; отъ него всякая истина заимствуетъ свою силу.“

Въ сихъ словахъ заключается основная мысль книги Воззваніе къ человѣкамъ. Чтобъ опредѣлить достоинство сей основной мысли, для этаго надобно опредѣлить, что̀ такое Божественный инстинктъ? И опредѣлить надобно по разуму самаго сочинителя. А онъ вотъ что говоритъ объ инстинктѣ:

Стр. 3. „Инстинктъ есть вождь на пути добра, указанномъ совѣстію. Чрезъ него открывается воля Божія, и онъ же побуждаетъ творить ее.“ На стр. 8. Инстинктъ, въ высшей степени своего дѣйствія, показываетъ Слово, которое есть Богъ; Слово, которое есть Духъ и жизнь. Се Христосъ, яко жизнь и совершитель дѣла, которое возложилъ на него Отецъ!“ „Божественный инстинктъ есть то Слово, которое свѣтитъ въ мракѣ неизвѣстностей и заблужденій, производимыхъ собственнымъ человѣка разумомъ; Слово, его же міръ не позна, поколику сей самый разумъ, навлекающій тьму на него, не можетъ объять Его; Слово непріемлемое даже отъ своихъ, т. е. отъ тѣхъ, которые сами, нарицая себя служителями Его, не могутъ рѣшиться на безусловную зависимость отъ Духа Божія; елицы же пріяша Его, даде имъ область чадомъ Божіимъ быти.“ „Инстинктъ опредѣляетъ степень различія религій.“ стр. 49. Онъ есть внутреннее сердечное чувство, которое никогда не обманывало. Стр. 80. „Онъ есть внутреннее Слово, пища и жизнь души.“ „Онъ есть Слово, Богомъ изрѣкаемое въ человѣкѣ, которое должно наконецъ признать за самаго Бога.“ Стр. 85. „Онъ есть Христосъ въ человѣкѣ, внутреннее слово, Духъ Божій.“ Стр.

117." Только чрезъ Божественный инстинктъ можно понимать Св. Писаніе."

Изъ этой краткой выписки мѣстъ изъ книги Воззванія къ человѣкамъ ясно открывается, что инстинктъ, или врожденная животной жизни сила, по ученію Воззванія къ человѣкамъ, есть Богъ, Христосъ, Слово Бога, Духъ Божій, есть внутреннее сердечное чувство человѣка, изъясняющее ему волю Божію, и когда не обманывающее. Какое богохульное смѣшеніе понятій врожденной животной силы и внутренняго чувства человѣческаго съ понятіемъ о Богѣ, о Христѣ, о Словѣ Бога, о Духѣ Божіемъ! Какой адскій ковъ для религіи и нравственности! Какая хитрая сѣть для уловленія людей простыхъ и недальновидныхъ! Какое бы убѣжденіе читатель книги Воззваніе ни принялъ изъ нея въ свою душу, сочинитель равно достигнетъ своей цѣли: убѣдится ли онъ, что инстинктъ есть Богъ въ человѣкѣ, или что Богъ есть инстинктъ въ человѣкѣ, дѣлающій Богомъ самаго человѣка, — въ томъ и другомъ случаѣ, онъ въ человѣкѣ, принявшемъ такое убѣжденіе, не только ослабитъ, но даже истребитъ всякое благоговѣніе къ религіи, имъ исповѣдуемой, всякое уваженіе къ святымъ, къ таинствамъ, всякое довѣріе къ учителямъ церкви, всякое уваженіе и повиновеніе закону и власти; ибо, по принятіи того или другаго убѣжденія изъ книги Воззваніе, все это будетъ совсѣмъ не нужно, потому что все это замѣнитъ въ немъ одинъ его инстинктъ, одинъ этотъ новый Христосъ, Слово Божіе, Духъ Божій въ человѣкѣ.

Положивъ инстинктъ въ основаніе своей новой религіи, сочинитель Воззванія призываетъ къ этой религіи инстинкта всѣхъ людей, безъ различія состояній и вѣроисповѣданій. И какъ нельзя привлечь человѣка къ новой религіи, не истребивъ въ немъ уваженія къ прежней, то онъ, до чрезвычайности превознося новую религію инстинкта, въ тоже время до крайности унижаетъ религію Христіанскую; поноситъ ея священные обряды, дѣйствія, мѣста и времена общественнаго богослуженія, и угрожаетъ ей паденіемъ. Вотъ нѣсколько мѣстъ изъ книги, подтверждающихъ это.

Стр. 10: „Пора перестать, говоритъ сочинитель Воззванія, не узнавать сего слова (т. е. инстинкта) и кто еще не вѣдаетъ о немъ, да научится вкупѣ съ нами познавать и чтить его, да пріемлетъ съ нами то, что̀ должно соединить насъ съ Богомъ, общимъ всѣхъ началомъ". Стр. 171: „Дадимъ божественному инстинкту возбудиться въ насъ, и будемъ слѣдовать его влеченію.... Не дадимъ мѣста сомнѣнію, чтобъ инстинктъ не былъ божественнымъ во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ (добрыхъ и злыхъ?). Будемъ слушать его въ своемъ сердцѣ, и мы убѣдимся, что какъ нѣкогда пришелъ онъ во плоти, такъ и доселѣ продолжаетъ свое пришествіе, да поживетъ въ человѣкахъ и обновитъ ихъ словомъ своимъ. Се тайна послѣднихъ временъ, тайна великая! Кто позналъ сію тайну.... тотъ не не хочетъ болѣе разумѣть Іисуса Христа по плоти, (2. Кор. V. 16, 17) или такимъ, какъ буква представляетъ его для разума: аще кто во Христѣ, нова тварь. Онъ ищетъ новаго, ищетъ жизни и духа, дѣйствующихъ въ немъ къ обновленію его". Стр. 5: „Надобно чтить пути Господни въ себѣ, чтобы перейти безбоязненно отъ религіи, которой учатъ люди и которая должна упраздниться, къ религіи, сущей отъ Бога, предуставленной явиться въ сіи послѣднія времена, когда все божественное должно быть явленнымъ". „Только у послѣдующихъ внутреннему влеченію обрѣтается религія и кромѣ ея, нѣтъ другой". Стр. 102: „Сіи толки, совершенно излишніе, сіи обряды не дѣлающіе людей лучшими, произвели между ними распри и несогласія: какъ же вздумали приписать ихъ мнѣ (глаголетъ, будто бы, премудрость Божія), когда отъ нихъ происходитъ великое зло, и никто не мо-

жетъ указать на добро, которое бы изъ нихъ родилось?“ Стр. 38: „Въ этомъ богослуженіи, отправляемомъ въ извѣстныя времена, Богу отдаются поклоны, чтенія, пѣнія, все что раждается изъ головы, и чего Богъ никогда не требовалъ отъ людей“. Стр. 78: „Такой религіи были положены свои времена, и сіи времена уже исполнились“. Стр. 30: „Въ настоящее время Богъ образуетъ новый народъ—духовнаго Израиля. Народъ сей составляется изъ всѣхъ мѣстъ и языковъ“.

Не довольствуясь такими оскорбительными для Христіанства понятіями, сочинитель Воззванія къ человѣкамъ, для бо́льшаго уничиженія Христіанской религіи, вздумалъ сравнивать ее съ языческою, и христіанъ съ язычниками, и сравнивать для того, чтобы доказать, что для язычниковъ не нужна религія Христіанская; что они, руководствуясь религіею инстинкта, превосходятъ христіанъ въ нравственномъ достоинствѣ.

Онъ говоритъ, стр. 105: „Дикіе покорствуютъ влеченію божественнаго инстинкта, и у нихъ дѣйствительно есть религія.“ Стр. 103: „Сіи дикіе несравненно умнѣе христіанъ разсуждаютъ о томъ, что̀ имѣетъ отношеніе къ участи человѣческой, доброй и злой.“ Стр. 108: „Народы грубые и не образованные (язычники), въ самой наготѣ своей, болѣе имѣютъ цѣломудренности, нежели христіане, кои подъ красивою одеждою часто скрываютъ нечистоту.“ „Тѣ изъ язычниковъ, кои исполнили долгъ своего званія, получатъ мзду рабовъ вѣрныхъ, даже предпочтительно предъ христіанами, имѣющими разную степень правоты“. Сочинитель Воззванія поставляетъ Сократа выше праведниковъ христіанскихъ, и даже описываетъ его чертами, взятыми со Христа. Вообще, при сравненіи христіанъ съ язычниками, сочинитель говоритъ, стр. 111—114: „Въ какомъ отношеніи ни разсматривайте, найдете и въ наши времена, также какъ и въ прошедшія, много такого въ язычникѣ, что̀ должно пристыдить тѣхъ, кои хвалятся вѣдѣніемъ истиннаго Бога, и ограничиваются только повтореніемъ словъ: Господи! Господи! и отправленіемъ однихъ обрядовъ“.

Поелику нельзя расхитить и распудить стада, когда при немъ находятся пастыри: то сочинитель Воззванія, дабы успѣшнѣе дѣйствовать въ обольщеніи христіанъ и въ привлеченіи ихъ къ своему лжеученію, нападаетъ съ ужасною злостію на пастырей церкви христіанской; и, не имѣя въ рукахъ своихъ меча истины, вооружается противъ нихъ стрѣлами лжи, клеветы и хулы; и пребезстыдно утверждаетъ, что они со своими догматами и обрядами, не только безполезны, но даже пагубны для людей, и должны быть отвергнуты. Онъ говоритъ, стр. 6: „Человѣку нѣтъ надобности искать истины далеко и наипаче у тѣхъ, которые, со своею ученостію, отвергаются божествомъ. Оскорбительно думать, будто человѣку свыше суждено быть въ затрудненіи понять, чего требуетъ отъ него Богъ, и въ необходимости самому себѣ искать учителей, могущихъ вразумить его“. Стр. 7: „Нѣтъ неизбѣжной нужды въ знаніи науки о вещахъ превыспреннихъ, небесныхъ, чтобы уразумѣть волю Господа: она открываетъ себя въ самомъ человѣкѣ.“ Стр. 87: „Книжники выдумали науку школьную; назвали ее Богословіею; наполнили такими правилами и мнѣніями, которыхъ никогда не внушалъ Духъ Божій, которыхъ не вѣдали Патріархи, Пророки, І. Христосъ и Апостолы, и которыя надѣлали такъ много зла“. Стр. 85: „Они проповѣдуютъ собственное слово подъ именемъ Христова“. Стр. 87: „Они овладѣли книгою Св. Писанія, для своей корысти, и сдѣлали ее не вразумительною для другихъ; толкуютъ ее по своимъ видамъ; больше подчиняютъ самаго Бога книгѣ его, нежели себя“. Стр. 120: „Въ отношеніи къ сокровенному смыслу, Св. Писаніе есть книга, запечатлѣнная для учителей, и токмо Духъ Божій открываетъ новый

смыслъ писанія, который гораздо важнѣе древняго". Представляемъ изъ книги Воззванія образецъ новаго смысла Св. Писанія. Описаніе Рая въ сей книгѣ принимается за символическое изображеніе, въ коемъ подъ именемъ древа жизни разумѣется инстинктъ, подъ именемъ древа познанія добра и зла—ученіе церкви, подъ именемъ змія-искусителя — учители церкви, подъ именемъ сѣмени жены имѣвшаго стереть главу змія — проповѣдники революціи. (Стр. 162).

Къ безстыднымъ хуламъ и клеветамъ на пастырей церкви сочинитель присовокупляетъ страшныя противъ нихъ угрозы. Онъ говоритъ, что (стр. 124, 125): „ихъ постигнетъ участь, коей они не ожидаютъ; и увидитъ вся земля, что они суть настоящіе слѣпцы, которые не видятъ рва, предъ глазами ихъ уготовляемаго, въ который они и упадутъ. Они не увидятъ этого рва и тогда, когда имущіе духъ пророчества станутъ указывать его имъ".

Клеветы и угрозы на учителей церкви сочинитель Воззванія употребляетъ съ тою цѣлію, чтобы отклонить отъ нихъ всѣхъ своихъ читателей. Стр. 100: „Бросимъ, говоритъ онъ, учителей съ ихъ методическимъ и безполезнымъ многословіемъ; бросимъ тѣхъ, кои вводятъ въ обманъ своихъ овецъ". Стр. 158: „Оставимъ это чудовище, которое тѣмъ опаснѣе, что, по красивой наружности, не кажется опаснымъ. Не будемъ слушать льстецовъ, старающихся завлечь насъ къ суетнымъ познаніямъ для того, чтобы блескомъ умствованія ослѣпить насъ и опутать въ свои сѣти. Бросимъ тѣхъ, кои суть только голова и чрево".

Отклоняя людей отъ учителей церкви, сочинитель Воззванія убѣждаетъ ихъ внимать и послѣдовать новымъ пророкамъ, или свидѣтелямъ истины.... Онъ говоритъ стр. 116: „Духъ Христовъ, сущій въ сихъ свидѣтеляхъ истины, сотретъ наконецъ главу змія, упразднитъ убивственное знаніе книжниковъ, повергнетъ ихъ въ смерть. Сіи праведные мужи послужатъ во спасеніе другимъ. Ихъ свидѣтельства, происходящія отъ наитія Духа Христова, многихъ приведутъ къ правдѣ. Сіи праведные мужи особенно научатъ уважать божественный инстинктъ и возбудятъ его въ сердцахъ людей".

На новыхъ пророковъ и свидѣтелей истины сочинитель возлагаетъ обязанность проповѣдывать революцію. Стр. 54: „Долгъ друзей истины, говоритъ онъ, возвѣщать суды Божіи, имѣющіе положить конецъ міру развращенному и начало Царствію Божію, начало тѣмъ временамъ, въ которыя Самъ Богъ хощетъ царствовать Духомъ Своимъ, обильно изливаемымъ на всяку плоть, на всякаго человѣка, не ожесточившаго сердце свое и пережившаго истребленіе злыхъ въ страшную годину преобразованія". Стр. 51: „Нынѣ времена измѣняются и дѣлаются благопріятнѣйшими" (т. е. для произведенія революціи). Стр. 123: „Время явленія правды Божіей, время долженствующее измѣнить все въ мірѣ, приспѣло—и обольщеніямъ положится конецъ". Стр. 42: „Сами человѣки назнаменуютъ кончину послѣднихъ временъ и вовлекаются въ революцію, ими самими уготовляемую." Стр. 114 и 115: „Время великаго испытанія откроетъ дѣла человѣческія, и тогда обнаружится, что̀ такое значило ихъ богопочтеніе; тогда уразумѣютъ человѣки, до какой степени недостаточна ихъ религія. Тогда обнаружится, устоятъ ли ихъ храмы, или паденіемъ своимъ, громадою развалинъ, покажутъ, что они построены на зыблющемся пескѣ слова человѣческаго". Стр. 48 — 50: „Наипаче же гнѣвъ Господень падетъ на такъ называемыхъ вождей (т. е. царей) и учителей (т. е. духовенство), если бы они не только не подтвердили свидѣтельства, ко спасенію ихъ являемаго, но дали бы пищу всеобщему невѣрію, сами противясь свидѣтельствамъ истины". Стр. 124: „Учители и вожди безразсудные, мнящіе быть въ безопасности, вскорѣ испытаютъ участь страш-

ную, и со всѣмъ ихъ искусствомъ, со всѣми предосторожностями, не избавятся ея!"

Изъ этой краткой выписки ясно открывается, что книга: Воззваніе къ человѣкамъ о послѣдованіи внутреннему влеченію Духа Христова, носитъ заглавіе, со всѣмъ ей не приличное, если выраженіе Духъ Христовъ понимать въ такомъ смыслѣ, въ какомъ оно понимается и постоянно понималось во всемъ христіанскомъ мірѣ. Ибо оно взываетъ къ человѣкамъ о послѣдованіи внутреннему влеченію инстинкта, который, также по общему разумѣнію, есть врожденная сила животной жизни, безотчетно влекущая къ какому нибудь предмету или дѣйствію, сила, которою животныя безсловесныя управляются во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ. Книга Воззванія къ человѣкамъ, возбуждая людей къ отпаденію отъ вѣры христіанской, отъ церкви, отъ таинствъ, отъ власти церковной и гражданской, слѣдственно къ отпаденію отъ общества людей, кои обыкновенно связываются между собою религіею и законами, живутъ подъ управленіемъ власти церковной и гражданской, научаетъ ихъ жить по внушеніямъ инстинкта, какъ живутъ скоты и звѣри. Эта книга есть революціонный катихизисъ. Ее охотно читаютъ въ своихъ сходбищахъ раскольники безпоповщинской секты, хлысты, молоканы, духоборцы и особенно духоносцы, которые почитаютъ ее богодухновенною.

4. Таинство Креста Христова.

О Таинствѣ Креста Христова. Что сія книга написана въ томъ же духѣ, въ какомъ написаны предыдущія, это можно видѣть изъ слѣдующей краткой выписки изъ оной. Сочинитель говоритъ, стр. 202: „Духовенство есть вторый звѣрь Апокалипсическій, говорящій по змѣиному, — слѣпые вожди слѣпыхъ людей. Весь міръ, ослѣпленный сими слѣпыми вождями, бѣжитъ опрометью къ своей вѣчной погибели". Стр. 82: „Сей звѣрь во всемъ нечистомъ своемъ нарядѣ и убранствѣ появился со временъ императора Константина". Стр. 202: „Синоды и Вселенскіе соборы суть третій звѣрь Апокалипсическій." „Христіанство какъ только успокоилось по плоти, стало наслаждаться довольствомъ и пр. при Константинѣ Великомъ, то скоро и переродилось въ антихристіанство, каково оно и до нынѣ. Начали строить, какъ и всѣ строятъ, великолѣпные храмы, внутри богато украшенные золотомъ и серебромъ и всякими дорогими сосудами и утварью, какъ бы для зрѣлища: но внутренній живой храмъ совсѣмъ забытъ".

5. Евангеліе отъ Матѳея.

О Госнеровой книгѣ о Евангеліи отъ Матѳея. Эту книгу на нѣмецкомъ языкѣ написалъ и издалъ въ Петербургѣ Римско-католическій патеръ *Іоаннъ Госнеръ.* На русскій языкъ перевелъ генералъ-маіоръ Брискорнъ, изданіемъ занимались ст. сов. Трескинъ и бывшій профессоръ Яковкинъ; переводъ пересматривалъ и во многихъ мѣстахъ поправлялъ Поповъ, директоръ департамента министерства народнаго просвѣщенія. Она руками полиціи схвачена въ типографіи, прежде окончанія печатаніемъ; и наконецъ по рѣшенію комитета министровъ, высочайше утвержденному, сожжена (*), а сочинитель высланъ за границу, въ 1824 году.

Госнеръ, патеръ Римско-католической церкви, вызванный изъ-за границы, проповѣдывалъ (сперва) въ Петербургѣ, въ Римско-католической церкви, а когда въ ней проповѣдывать запрещено ему свое ученіе вредное, тогда онъ сталъ проповѣдывать оное въ залѣ

(*) Въ Невской Лаврѣ, въ присутствіи Петербургскаго губернатора Уварова и чиновника за оберъ-прокурорскимъ столомъ въ Св. Сунодѣ А. А. Павлова. Одинъ экземпляръ полуобожженной книги Павловъ успѣлъ взять себѣ и сохранить. *М. М.*

нанятаго ему дома (*), куда стеченіе слушателей было чрезвычайно велико.

Главный предметъ проповѣди Госнера былъ тотъ же, которымъ занимались и другіе агенты иллюминатскихъ обществъ, т. е. хула на вѣру христіанскую, поношеніе учителей церкви, поношеніе христіанъ за усердное исполненіе постановленій св. церкви и слѣдованіе православному ученію, увлеченіе ихъ въ единомысліи съ собою, униженіе христіанскаго богослуженія, униженіе власти и особенно царской, превратное толкованіе Св. Писанія и даже кощунство надъ его изрѣченіями. Госнеръ, хитрый и притворный, старался вездѣ говорить въ полголоса, какъ бы въ полслова, не договаривать или двусмысленно говорить, чтобы не быть скоро уловлену въ своемъ лукавствѣ. Онъ предъ всѣми другими врагами христіанства отличается хульною дерзостію, какую доселѣ едвали обнаруживалъ кто нибудь изъ самыхъ злѣйшихъ вольнодумцевъ и безбожниковъ. Онъ, едвали не первый, коснулся самаго чувствительнаго для христіанскаго благочестія пункта: онъ дерзнулъ поколебать благоговѣйную вѣру всѣхъ христіанскихъ церквей въ приснодѣвственность Пресвятой Богородицы, столь торжественно прославляемую особенно въ нашей православной церкви и въ акаѳистахъ и въ канонахъ и во всякихъ церковныхъ пѣсняхъ. Хульныя мысли его о семъ предметѣ изложены въ его книгѣ на стр. 12, 13, 23 и 24. Мы не будемъ здѣсь выписывать ихъ, чтобы не оскорбить благоговѣйнаго чувства къ Пресвятой Приснодѣвѣ. Между тѣмъ, чтобы показать духъ ученія Госнерова, выпишемъ изъ книги его нѣсколько статей, подлинными его словами.

Госнеръ усвоилъ себѣ право дѣлать дополненія въ св. текстѣ, напр. къ словамъ I. Христа: воззрите на птицы небесныя, яко ни сѣютъ, ни жнутъ, ни въ житницы собираютъ, и Отецъ вашъ небесный питаетъ ихъ, — Госнеръ прибавляетъ: и незабываетъ малыхъ птенцовъ и насѣкомыхъ. Подобныя прибавки можно видѣть въ его книгѣ на стр. 244, 246, 250, 261, 262, 314 и на другихъ многихъ страницахъ. Но Богъ Моисею строго запретилъ всякія прибавки къ слову Его. (Второз. XII, 32).

Госнеръ позволяетъ себѣ и кощунствовать надъ священными изрѣченіями и даже надъ лицемъ I. Христа, какъ напр. на стр. 28, онъ говоритъ: „Христосъ имѣетъ все, что̀ имѣютъ и земные вельможи, даже звѣзду; но его звѣзды нельзя носить на одеждѣ, она на небесахъ“. Къ чему I. Христа сравнивать съ вельможами? Къ чему примѣривать къ груди то, что̀ на небесахъ? Не съ цѣлію ли кощунства? На стр. 399, онъ говоритъ о Христѣ: „Іудеи ожидали князя и царя, а получили вмѣсто того плотника...“ На стр. 502, Госнеръ говоритъ о Христѣ, что Онъ сплотничалъ небо и землю. Подобныя кощунства разсыпаны по многимъ мѣстамъ его толкованія Евангелія отъ Матѳея.

Госнеръ усвоилъ себѣ право толковать Св. Писаніе по собственному разумѣнію, и во многихъ мѣстахъ даетъ ему превратный смыслъ. Напр. на стр. 78 и 79 слова I. Христа, сказанныя Іоанну предъ крещеніемъ: „подобаетъ намъ исполнить всякую правду“, т. е. всякое божественное постановленіе, — Госнеръ толкуетъ такъ: сдѣлать все то, что̀ было тогда въ обыкновеніи, и чтобы объ немъ не сказали, что онъ вольнодумецъ.... что онъ не приверженъ къ церкви, и потому будто бы подчинилъ себя наружнымъ обрядамъ. Іоаннъ Креститель говоритъ, что Богъ послалъ его крестить Іудеевъ, а Госнеръ увѣрнетъ, что I. Христосъ крестился по обыкновенію Іудейскому. Кому вѣрить — Госнеру, или Іоанну Крестителю? Госнеръ во многихъ мѣстахъ своей книги пастырей и учителей церкви

(*) Въ Большой Морской. *М. М.*

укоряетъ за то, что они потворствуютъ сильнымъ земли и часто разрѣшаютъ имъ дѣла запрещенныя въ законахъ; а здѣсь самаго Іисуса заставляетъ потворствовать обычаямъ Іудейскимъ и исполнять оные.

Госнеръ проповѣдуетъ ученіе, православному ученію противное. Такое ученіе разсѣяно по всей его книгѣ. Выписываемъ здѣсь нѣкоторыя мѣста, доказывающія это. Стр. 17: „Можетъ ли быть что либо безразсуднѣе на свѣтѣ, какъ называть Іисуса своимъ Искупителемъ и Спасителемъ, не испытавъ на себѣ силы Его? Онъ не твой Искупитель, доколѣ ты не искупленъ отъ грѣховъ.“ Стр. 18: „Тѣ кощунствуютъ именемъ І. Христа, кои превозносятъ Его Искупителемъ, но отнюдь не испытываютъ силы Его въ своемъ сердцѣ.“— Весьма понятно, что Іисусъ не предаетъ человѣка осужденію для того, чтобы другому даровать блаженство, и что не отниметъ у насъ части блаженства для дарованія оной другому. Онъ преизобилуетъ для всѣхъ слѣдственно всѣ спасутся? А Іисусъ Христосъ говоритъ о маломъ числѣ спасаемыхъ.—Госнеръ учитъ: „Когда я бесѣдую со Спасителемъ, то обращаюсь съ Нимъ, какъ чадо съ отцомъ, какъ другъ съ другомъ, какъ съ ближайшимъ моимъ родственникомъ; я сказываю Ему все; говорю Ему и малое и великое, и дурное и всяческое, и радуюсь тому, что могу бесѣдовать съ Нимъ обо всемъ.“ Не вѣримъ хвастливой болтовнѣ Госнера: ибо знаемъ изъ слова Божія, что Богъ нашъ великъ, живетъ въ такомъ неприступномъ свѣтѣ, что самые Ангелы служатъ ему со страхомъ и трепетомъ, и праведники работаютъ Ему со страхомъ и радуются Ему съ трепетомъ. Вѣримъ ученію Соломона, который учитъ: не скоръ буди усты твоими, и сердце твое да не ускоряетъ износити слово предъ лицемъ Божіимъ, яко Господь на небеси горѣ, ты же на земли долу: сего ради да будутъ словеса твоя мала. (Еккл. V. 1). Вѣримъ Апостолу, который говоритъ: что мы о чесомъ помолимся ко Господу, яко же подобаетъ, не вѣмы (Рим. VIII. 28) если не будемъ научены Духомъ Святымъ. Не вѣримъ Госнеру, будто въ молитвенной бесѣдѣ съ Господомъ можно быть за панибрата и болтать всякую всячину. Понимаемъ, что ему хочется сказать, вопреки ученію православной церкви, будто не нужны для вѣрующихъ молитвенныя ходатайства ни святыхъ, ни священниковъ.

Злостно нападаетъ Госнеръ на исповѣдующихъ православную и принадлежащихъ къ православной церкви. Онъ говоритъ. Стр. 74: „Напрасно много полагаетесь вы на то, что родились въ истинной, единой только спасительной вѣрѣ, имѣете чистое ученіе и состоите въ истинной церкви; будьте вы какими бы ни были, и называйтесь, какъ хотите: Богъ къ вамъ не привязанъ. Вы, состоя въ православной церкви, при всей суетной славѣ и ложномъ упованіи на вашу суетную вѣру, останетесь чадами діавола и ада.“ Стр. 278: „Весь свѣтъ наполненъ такими безразсудными строителями, которые зиждутъ блаженство свое на песчаной почвѣ людскихъ мнѣній, умозаключеній, собственнаго выбора, обрядовъ, мертвой земной вѣры и наружнаго исповѣданія.“ Стр. 290: „Нынѣ существуетъ множество вѣроисповѣданій, и во всѣхъ исповѣданіяхъ обрѣтаются люди, которые полагаютъ, что ихъ вѣроисповѣданіе есть истинное, и единственное, въ которомъ пребывать должно, когда кто желаетъ спастися. Люди, закоснѣвшіе въ такихъ правилахъ, суть самые слѣпые и мертвые.“ Стр. 291: „Тѣ, которые кажутся весьма удаленными отъ Бога и Его царствія, часто бываютъ самые къ нему ближайшіе; а почитающіе себя едиными правовѣрными и осуждающіе другихъ, суть большею частію ожесточеннѣйшіе и принадлежатъ къ синагогѣ сатаны.“ Стр. 317:

„Весь Христіанскій міръ и до днесь еще столь невѣжествуетъ, столь ослѣпленъ, что почитаетъ невозможнымъ, чтобы Богъ во Христѣ возмогъ даровать людямъ власть, помощію которой они пріобрѣли бы силу исцѣляться отъ всѣхъ недуговъ души, соблюдать Его заповѣди и сдѣлаться чистыми, добрыми и блаженными.“ (Что за клевета на весь христіанскій міръ!) Стр. 529: „Всѣ лжесвятоши и лицемѣры предпочитаютъ употребить достояніе свое на богоугодныя, какъ они говорятъ, дѣла, на сооруженіе храмовъ и алтарей, на блескъ наружнаго богослуженія, на странствія для поклоненія святымъ мѣстамъ и пр. вмѣсто того, чтобы поддерживать нуждающихся и убогихъ.“ „Многіе до того сдѣлались мірскими, земными и плотскими, что ничего не знаютъ о служеніи Богу въ духѣ и истинѣ; но сооружаютъ себѣ идола изъ наружныхъ обрядовъ религіи, при которыхъ остаются исполненными самолюбія, любви къ міру“, и пр. Стр. 530: „Все, что при Богослуженіи людьми установлено и къ оному присовокуплено, они почитаютъ столь важнымъ, что истинное богослуженіе у нихъ почти вытѣснено и пришло въ забвеніе.“ Стр. 696: „Всѣ (христіане) имѣютъ мертваго Христа въ устахъ, въ изображеніяхъ, въ буквѣ; но коль скоро покажется гдѣ либо живой Христосъ, тогда всѣ приходятъ въ волненіе и восклицаютъ: что это такое?“ „Христіанскія церкви и сердца что суть большею частію иное, какъ не торговые лавки и столы мѣновщиковъ, гдѣ покупается и продается, гдѣ предлагается на продажу самое святѣйшее, и оное отдается за временныя выгоды, деньги, почести и мірскія увеселенія?“

Языкъ Госнера не щадитъ вельможъ и сильныхъ земли. Стр. 507. „Вельможи, говоритъ онъ, всегда имѣютъ подъ рукою людей, которые освобождаютъ ихъ отъ укоризнъ совѣсти и оныя разрушаютъ. Боязнь отъ людей имѣетъ бо́льшую власть надъ сердцами вельможъ, нежели страхъ Божій.“ Стр. 414: „О вы вельможи! вы горделивцы! немогущіе насытиться почестями и стяжаніями, немогущіе довольно возвыситься! прочтите здѣсь судъ надъ собою“.

Но болѣе всего и съ наибольшимъ ожесточеніемъ возстаетъ Госнеръ на служителей алтаря и пастырей церкви; ихъ попираетъ, ровняетъ съ грязью, дабы совершенно унизить ихъ въ глазахъ народа, лишить всякаго довѣрія въ ученіи и всякаго уваженія въ важномъ ихъ служеніи. Онъ говоритъ стр. 34. „О вы, бѣдные, ослѣпленные книжники, служащіе одному только Ироду; бѣдные, ослѣпленные, льстивые богословы, испытующіе Св. Писаніе только тогда, когда дворъ и знать вопрошаютъ объ немъ для того только, чтобъ истребить его, а не для того, что бы ему поклониться.“ Стр. 39: „Ихъ мысли, старанія и напряженія клонятся къ тому, чтобы истребить въ Христіанствѣ и съ лица земли вѣру въ божество и искупленіе Іисуса Христа, обезсилить Евангеліе, ученіе о благодати и о Духѣ Христовомъ, а ввести вмѣсто того мораль и разумъ человѣческій, какъ искупителей и какъ единственныхъ дарованій духа и благодати.“ Стр. 256: „Установленные надлежащимъ порядкомъ наставники и проповѣдники могутъ пользоваться большимъ уваженіемъ, и быть при всемъ томъ развратителями народа. Діаволъ переобезьяниваетъ Бога, такъ какъ и служители сатаны переобезьяниваютъ рабовъ Божіихъ.“— Стр. 266. „Въ нынѣшнее время обыкновенный плодъ всѣхъ лжеучителей состоитъ въ томъ, что они стараются отвлечь насъ отъ Іисуса и Креста Его.“ Стр. 352. „Наши фарисеи радуются, когда церковь по наружности обширна, великолѣпна и блестяща; когда настоятели церковные получаютъ богатое содержаніе, пользуются почестями и уваженіемъ, имѣютъ значительную власть и могущество; хотя съ другой стороны бѣдныя души остаются безъ Евангелія и утѣшенія; хотя стадо не имѣетъ пастыря, а только хищниковъ, кои гра-

бятъ стадо или взимаютъ большую плату за ихъ молитвы и жертвоприношенія, — хотя наемники и смертоубійцы побиваютъ стадо и отъ тука онаго пресыщаются.“ Стр. 361: „Во внѣшней церкви все сдѣлалось продажнымъ.— Все продается за деньги, даже и Самъ Христосъ. Удивляться не должно, что нынѣшніе служители церкви столь мало даютъ даромъ: ибо даромъ дать можетъ только тотъ, кто даромъ и получилъ. Они же купили мудрость свою на торжищѣ училищномъ, а многіе заплатили большую цѣну за свои мѣста; посему и хотятъ вознаградить за свои убытки.» (Служители православной церкви не могутъ принять сего на свой щетъ; ибо они не платятъ ни за ученіе, ни за поставленіе себя на священныя должности. Все туне пріемлютъ; и ни за что не домогаются большой платы; довольствуются и малою благодарностію своихъ прихожанъ за свои труды, а многіе дѣлаютъ безвозмездно). Стр. 481: „Іерархи наружной церкви, продолжаетъ Госнеръ, тиранническимъ насильствомъ исторгаютъ на почвѣ христіанской не только плевелы, но и самую лучшую пшеницу, которую они, въ слѣпотѣ своей, почитаютъ плевелами, поелику сами суть злѣйшія плевелы. Все, что не согласуется съ превратными ихъ мнѣніями, человѣческими преданіями, вѣроисповѣданіями, обрядами и пр., хотя бы то было чистое Евангеліе и самая Библія, признаютъ они плевелами, ересью и заблужденіемъ, которыя они почитаютъ себя въ правѣ немедленно искоренять, не взирая на то, что Христосъ весьма ясно говоритъ: оставите рости обоя купно до жатвы.“ Стр. 512: „Пастыри церкви питаютъ свое духовное стадо единственною закваскою человѣческихъ преданій.“ Стр. 527: „Наши нынѣшніе фарисеи почитаютъ свои преданія, истолкованія и объясненія превыше Слова Божія и священнаго писанія. Человѣческіе уставы и постановленія, старые обычаи, привычки, ремесленные пріемы, ничтожные обряды, наблюдаются у нихъ строже, нежели Слово Божіе и существенныя обязанности Христіанства. Лживыя свои преданія обратили они въ истину,— а Слово Божіе и истины Христовы сдѣлали ложью и ересью.“ Стр. 765: „Занятіе большей части учителей внѣшней церкви состоитъ только въ положеніи людямъ преградъ къ Царству Божію, и въ ихъ ослѣпленіи“.

Засыпавъ хулами, клеветами, бранью все святое въ церкви Христовой, особенно же служителей и пастырей церкви, Госнеръ старается чадъ церкви Христовой отвлечь отъ ея ученія и постановленій и привлечь къ своимъ лжеумствованіямъ. Онъ говоритъ, стр. 47: „Какъ волхвы, оставя Ирода, книжниковъ и храмъ, нашли наконецъ Христа; такъ всякая душа должна искать Христа, и найдетъ Его, коль скоро оставитъ все прочее, какъ тлѣнное и преходящее“. Стр. 50: „Старую дорогу (т. е. путь ко спасенію, указуемый православною церковью) долженъ ты оставить на всегда и на вѣки, если не хочешь попасть въ руки Ироду, книжникамъ и первосвященникамъ, кои Христа или умерщвляютъ, или опровержаютъ, или предаютъ проклятію.“

Злой языкъ Госнера, не щадитъ и царей земныхъ. Онъ ихъ поноситъ, уничижаетъ, представляетъ злыми и чуждыми всякаго вѣрованія. Онъ говоритъ, стр. 2, 3: „Въ родословіи Іисуса Христа встѣчаемъ столь много именъ великихъ грѣшниковъ, ибо и большая часть царей были люди злые,—чрезъ это въ самомъ началѣ исторіи Іисуса исполнилось пророчество: Онъ сопричтенъ будетъ къ преступникамъ. (Замѣтить надобно, что не только Евангелистъ Маркъ, XV. 28, но даже Самъ І. Христосъ, Луки XXII. 37, отнесъ это пророчество къ распятію І. Христа посреди двухъ разбойниковъ; а Госнеръ, вопреки богодухновенному Евангелисту и Самому Іисусу Христу, далъ оному другое изъясненіе, служащее къ униженію царей. Онъ всѣхъ

царей называетъ Иродами. Добраго чувства къ царямъ, ни доброй мысли о нихъ онъ не показалъ ни въ одномъ мѣстѣ своей книгѣ). Стр. 7: „Іисусъ, по благости Своей, продолжаетъ Госнеръ, попустилъ вмѣстить въ Свою родословную и самыхъ великихъ грѣшниковъ.“ „Иродъ всегда стремится лишить жизни Іисуса. Бѣги отъ его владѣній. Укрывшись отъ Ирода, ты сохранишь отъ него Іисуса“.

Ободряя своихъ послѣдователей, Госнеръ, съ одной стороны намекаетъ на скорую смерть Ирода, а съ другой стороны говоритъ, стр. 40: „Не будьте слишкомъ довѣрчивы, возлюбленные мои; настанетъ время, когда и оружіе будетъ всего нужнѣе; поелику настоитъ величайшая опасность.“ Это что другое, какъ не лукавый намекъ на замышленное уже въ тайныхъ обществахъ истребленіе всѣхъ царей?

Вообще книга Госнера ясно показываетъ, что сочинитель ея принадлежитъ къ числу тѣхъ зловѣщихъ проповѣдниковъ, которые были сильными орудіями тайныхъ обществъ, умыслившихъ истребить на землѣ религію и правительство, уничтожить іерархію и монархію и ниспровергнуть престолы храмовъ и троны дворцовъ.

Много и премного вышло съ 1817 по 1824 годъ книгъ, въ которыхъ, въ разныхъ видахъ, подъ разными заглавіями, одно другаго благовиднѣйшими и обольстительнѣйшими, проповѣдалось ученіе, направленное къ развращенію ума и сердца, къ отвращенію отъ вѣры и церкви православной, къ возбужденію презрѣнія и неуваженія къ пастырямъ и учителямъ церкви, ко всякой святынѣ, чтимой православными христіанами,— къ неуваженію власти и начальства, къ отверженію закона и порядка общественнаго и церковнаго. И всѣ эти книги одобрены свѣтскою цензурою; и нерѣдко издатели ихъ, вмѣсто строгаго преслѣдованія и наказанія, удостоивались значительныхъ наградъ, какъ распространители истиннаго, духовнаго просвѣщенія. А, тѣ которые отваживались раскрыть пагубный духъ въ сихъ книгахъ распространяемый, подвергались преслѣдованіямъ и наказаніямъ, какъ люди зловредные и безпокойные.

Преподаваніе вольномыслія въ университетахъ. Самыми лучшими проповѣдниками и распространителями разврата, нечестія и вольнодумства по Россіи были, въ это время, Россійскіе университеты и другія высшія заведенія, состоящія подъ вѣдомствомъ министерства народнаго просвѣщенія. Въ нихъ профессоры излагали свои предметы и предлагали съ каѳедры свои уроки, какъ хотѣли: надзора за ними не было никакого. Эти профессоры то были выписываемы изъ-за границы, то сами являлись оттуда и были принимаемы безъ всякаго испытанія въ ихъ знаніи и въ духѣ. Но большею частію для приготовленія наставниковъ на всѣ высшія каѳедры, лучшіе изъ воспитанниковъ Педагогическаго Института были посылаемы за границу, особенно въ Германію, для слушанія уроковъ у знаменитѣйшихъ Германскихъ ученыхъ. Пренапитанные ядомъ Германскаго вольномыслія и надменной учености, они, по возвращеніи въ Россію, были посылаемы на университетскія и другихъ высшихъ учебныхъ заведеній каѳедры, по тѣмъ наукамъ, къ которымъ приготовлялись за границею. Чтó слышали сами изъ устъ иностранныхъ мудрецовъ, то смѣло проповѣдывали съ своихъ каѳедръ; чѣмъ были сами заражены, тѣмъ же заражали своихъ слушателей, имѣвшихъ распространить этотъ ядъ далѣе и далѣе съ учительскихъ каѳедръ. Они тѣмъ смѣлѣе проповѣдывали свои заблужденія, что не боялись никакого взысканія со стороны высшаго начальства за распространеніе такого ученія, для котораго имъ же были посылаемы за границу. Чѣмъ дерзновеннѣе проповѣдывали эти профессоры свои неслыханныя дотолѣ въ Россіи заблужденія, тѣмъ больше возбуждали къ себѣ вниманія воспитывавшагося юношества и тѣмъ

поспѣшнѣе заражали оное. Особенно гибельно для юныхъ умовъ и опасно для отечества нашего было преподаваніе естественнаго права профессоромъ Куницынымъ, который впрочемъ за напечатаніе онаго получилъ орденъ св. Анны 2 степени съ бриліантами (1). Для слушанія этаго профессора гвардейскіе офицеры нанимали особенную залу и во множествѣ собирались на его лекціи естественнаго права. А въ естественномъ правѣ его, между прочимъ, вотъ что проповѣдуется, стр. 6: „Положительные законы основываются на произволѣ законодателя". Стр. 13: „Въ правѣ естественномъ, права и обязанности людей, какъ разумныхъ существъ, равны и одинаковы." Стр. 14: „Сохраненіе свободы есть общая цѣль всѣхъ людей." Стр. 4: „Каждый человѣкъ внутренно свободенъ, и зависитъ только отъ законовъ разума; а по сему другіе люди не должны употреблять его средствомъ для своихъ цѣлей". Стр. 54: „Поелику право свободы есть общее всѣмъ людямъ, то каждый можетъ производить только то, что̀ согласно со свободою всѣхъ прочихъ."

Одинъ изъ членовъ Главнаго Правленія Училищъ (2) глубоко понимая гибельное направленіе умовъ во всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ Россіи, представлялъ объ этомъ министерству народнаго просвѣщенія; выставлялъ тѣхъ профессоровъ, которые открыто проповѣдуютъ нечестивое ученіе со своихъ каѳедръ. Онъ убѣдительно доказывалъ, что нынѣшняя философія есть настоящій иллюминатизмъ, обязанный только новому своему имени тѣмъ, что христіанскія правительства дозволяютъ публичное его проповѣданіе, и даже даютъ жалованье распространителямъ онаго. Этотъ членъ умолялъ министерство народнаго просвѣщенія всѣмъ, что̀ есть свято, рѣшительно поразить сіе страшное чудовище, спокойно подрывающее у насъ алтарь и тронъ открытымъ проповѣдываніемъ иллюминатскихъ началъ во всѣхъ университетахъ нашихъ и во всѣхъ высшихъ училищахъ, гдѣ установлены философскія и политическія каѳедры; но на эти представленія не было обращено вниманіе министерства, которое даже выпрашивало указаннымъ профессорамъ, какъ отлично полезнымъ наставникамъ, высочайшія награды.

Библейскія общества. Наконецъ враги Россіи придумали къ истребленію въ ней православія такое средство, въ которомъ никто и подозрѣвать не могъ никакого злоумышленія. Это - учрежденіе въ Россіи библейскихъ обществъ, которыя тогда по всей Европѣ размножены были почти безъ числа. Президентомъ обществъ былъ оберъ-прокуроръ Св. Синода, который въ послѣдствіи былъ министръ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія (3).

Правительство Россійское сперва поступило осторожно, дозволивъ библейское общество учредить только для иновѣрцевъ, и между ними только распостранять библіи. Но, по домогательствамъ президента сихъ обществъ, вскорѣ не только дозволено учредить библейскія общества въ Петербургѣ и Москвѣ, но и скупить всѣ экземпляры библіи, напечатанной въ Синодальной типографіи и завесть сему обществу свою типографію для печатанія библіи на славянскомъ, русскомъ и другихъ, употребляемыхъ въ Россіи языкахъ, на

(1) Куницыну дань сердца и вина!
Онъ создалъ насъ, онъ воспиталъ нашъ пламень,
Поставленъ имъ краеугольный камень,
Имъ чистая лампада зажжена!

Такъ вспоминалъ Пушкинъ этого профессора, коего явныя указанія на необходимость представительнаго правленія одобрялись и непосредственнымъ и высшимъ начальствомъ. *П. Б.*

(2) Магницкій (см. Воспоминанія Панаева, Вѣст. Евр. 1867-й г., мѣсяцъ декабрь).

(3) Для изученія Библейскихъ обществъ въ Россіи весьма важны отчеты ихъ, общіе и частные по разнымъ городамъ; большое собраніе этихъ отчетовъ со списками членовъ имѣется въ Чертковской библіотекѣ. *П. Б.*

которые тогда поспѣшно переводили библію (*). Экземпляры библіи вскорѣ начали продаваться по самой дешевой цѣнѣ, и библію можно было видѣть и въ лавкахъ книгопродавцевъ, и на толкучемъ рынкѣ, и на ларяхъ, и на прилавкахъ, и въ корзинахъ, и въ мѣшкахъ букинистовъ, и въ переднихъ боярскихъ, и въ кухняхъ, и подъ банками ваксы, и подъ сальными подсвѣчниками. Божественная книга уничижена до послѣдней степени. Врагамъ вѣры этого-то и хотѣлось.

Библейскія общества распространились наконецъ по всей Россіи. Во всѣхъ нихъ подѣланы членами высшіе свѣтскіе чиновники, почетное купечество; даже архіереи и чиновныя духовныя лица за честь себѣ вмѣняли принять званіе члена библейскаго общества. Конечно, ни изъ свѣтскихъ, ни изъ духовныхъ членовъ сихъ обществъ никто ни проникалъ въ тайныя злонамѣренія оныхъ. Никто не помышлялъ о томъ, что̀ можетъ произойти отъ того, когда библію будутъ читать всѣ, безъ всякихъ предварительныхъ о ней понятій, безъ всякихъ правилъ герменевтическихъ, и когда слѣдовательно всякій будетъ понимать и толковать ее по собственному разсужденію. Никто не обращалъ вниманія на то, какія пагубныя слѣдствія для вѣры, церкви, нравственнаго и гражданскаго благоустройства произошли по всей Европѣ отъ свободнаго чтенія и произвольнаго толкованія библіи; никто и не подозрѣвалъ, что это самое будетъ и въ Россіи. Намѣреніе распространителей библейскихъ обществъ въ Россіи кратко показано въ рѣчи Президента, сказанной 15 іюня 1816 года, въ которой онъ назвалъ библейское общество „Апокалипсическимъ Ангеломъ, имѣющимъ Евангеліе вѣчно благовѣстити живущимъ на землѣ, и всякому племени и языку, и колѣну, и людямъ.“ (См. Отч. Биб. Об. за 1815 годъ стр. VII). Нѣсколько яснѣе это же намѣреніе открыто въ прибавленіи къ отчету Библ. Общ. за 1818 годъ, на стр. 35, гдѣ сказано: „Небесный союзъ вѣры и любви, учрежденный посредствомъ библейскихъ обществъ, въ великомъ христіанскомъ семействѣ открываетъ прекрасную зарю брачнаго дня христіанъ, и то время, когда будетъ единъ пастырь и едино стадо, т. е. когда будетъ одна божественная христіанская религія во всѣхъ, различнаго образованія, христіанскихъ исповѣданіяхъ, которыя въ началѣ различествовали между собою въ нестроеніи, но нынѣ въ семъ духѣ и могутъ и будутъ оставаться при своихъ различіяхъ“.

Но вполнѣ оное раскрыто въ рѣчи Призидента Великобританскаго и Иностраннаго Библейскаго Общества, Рихарда Ватсона, главы Методистовъ, которую сказалъ онъ въ тринадцатое годичное собраніе сего Общества, бывшее 7 мая 1817 года, въ Лондонѣ, въ домѣ Франкъ-Масоновъ. Онъ, послѣ чтенія объ успѣхахъ библейскихъ обществъ, — сказалъ:

„М. Г. Донесенія и отчеты, нами слышанные, обратили наше вниманіе на имперію Россійскую. О! сколь утѣшительны, какъ намѣренія, намъ представленныя, такъ и надежды, которыя отъ нихъ предполагать позволяется. Мы можемъ быть увѣрены, что скоро въ семъ пространномъ государствѣ религія возстановится во всей ея чистотѣ, что̀ послѣдуетъ единственно отъ размноженія книгъ Св. Писанія, переведенныхъ на разные языки, въ сей обширной имперіи употребляемые.“

„Къ идолопоклонникамъ еще обязаны мы посылать миссіонеровъ для толкованія библіи; но вездѣ, гдѣ существуетъ христіанство, хотя бы оно было и искаженное, и не въ настоящемъ видѣ, простое чтеніе книгъ Св. Писанія можетъ и должно быть достаточно, чтобы исправить вѣру.“

(*) Пресловутый Госнеръ занимался переводомъ Библіи на Русскій языкъ, и переводъ этотъ печатался (но не вышелъ въ свѣтъ) въ типографіи Н. И. Греча; отпечатанные листы имѣются также въ Чертковской библіотекѣ. *П. Б.*

„Всенародное обращеніе библіи можетъ только возстановить Греческую церковь и исторгнуть ее изъ того упадка, въ которомъ она теперь находится. Своды храма существуютъ. Библія не замедлитъ возжечь огнь на алтаряхъ.“

„Въ странѣ сей есть болѣе, нежели думаютъ, праведныхъ священнослужителей, которые, хотя нынѣ остаются мертвыми, подобно свидѣтелямъ Апокалипсиса, — возстанутъ и будутъ пророчествовать, коль скоро вселится въ нихъ духъ истины.“

„Обнародованіе, или распространеніе книгъ Св. Писанія въ Римской церкви, произвело наше достославное преобразованіе, и даровало намъ протестантство, а съ нимъ и блаженство и благословеніе, отъ онаго проистекающее.“

„Нынѣ можемъ мы надѣяться, что скоро Греческая церковь насладится тѣми же выгодами, съ тою однако же разницею, что несогласіе Римской церкви на всенародное обращеніе книгъ Св. Писанія произвело ужасные раздоры, безчисленныя бѣдствія; тогда какъ, напротивъ того, таковое обнародованіе, будучи въ Россійской имперіи поощряемо такъ же, какъ и всѣ библейскія общества, подаетъ намъ лестную надежду, что свободное проповѣданіе истины, открывая Греческой церкви ея собственныя заблужденія, ожитворитъ вѣру и будетъ соблюдать союзъ вѣрующихъ“.

„Сія надежда утѣшительна и сладостна для друзей человѣчества. При началѣ нашей реформаціи, должно было преодолѣть тысячи препятствій. Всѣ наши протестантскія церкви возродились посреди смятеній и распрей политическихъ, и бури часто ихъ колебали“.

„Но въ Россіи столь великое и нужное измѣненіе совершится безъ малѣйшаго потрясенія. Государство, столь счастливое благопріятными ожиданіями, не можетъ страшиться ни безпокойствъ, ни опасностей. Предполагаемая въ сей имперіи реформація уподобится восходящему солнцу, озаряющему равнымъ свѣтомъ какъ хижину Сибиряка, такъ и чертоги царей, гдѣ мудрѣйшій и могущественнѣйшій изъ государей земныхъ помышляетъ нынѣ о сей великой и святой реформѣ“.

И кто бы, при Русскомъ простодушіи, могъ думать, что книги Св. Писанія могутъ быть употреблены въ орудіе къ испровержецію въ Россіи древняго православія? Кто бы, при Русской честности, могъ подозрѣвать, что негодные иновѣрцы тѣмъ самымъ будутъ разрушать истинную, божественную вѣру въ Россіи, что̀ составляетъ непоколебимое ея основаніе? Это хитрость самаго ада!

Мѣры враговъ Россіи къ совершенію плана ихъ на пагубу Россіи.

Да, самимъ адомъ придуманы и всѣ мѣры, которыя устроены были къ тому, чтобы въ конецъ погубить могущественную Россію. Совѣтъ иллюминатовъ, замысливъ истребить въ ней всякое благоговѣніе къ святынѣ, твердость въ православной вѣрѣ отцевъ своихъ, и въ безпредѣльномъ уваженіи къ предержащей власти, избралъ средствами къ тому, какъ сказано и показано выше сего: 1-е, Дозволеніе безпредѣльной свободы всѣмъ вѣроисповѣданіямъ, способствующей безконечному умноженію сектъ и расколовъ; 2, Распространеніе въ Россіи книгъ (*) направленныхъ противъ

(*) Здѣсь намекается на преслѣдованіе, которому подвергались отъ кн. Голицына ректоръ Петербургской Семинаріи Иннокентій и авторъ книги Бесѣда на гробѣ младенца о безсмертіи души, Евстаѳій Станевичъ. Книга Станевича въ 1818 году одобрена была цензоромъ Иннокентіемъ къ напечатанію и была напечатана. Авторъ книги коснулся бывшихъ тогда въ ходу заблужденій, защищаемыхъ Голицынымъ. Намеки сдѣланы были слишкомъ ясно. Тотчасъ министромъ н. п. и дух. дѣло доложено было Государю, что книга Станевича содержитъ въ себѣ зловредныя и противныя нашему вѣроисповѣданію правила; вслѣдствіи чего книга была запрещена и у всѣхъ отобрана; сочинитель ея Станевичъ выслапъ изъ Петербурга, а цензору, пропустившему ее, арх. Иннокентію, сдѣланъ строжайшій выговоръ. Но мщеніе не остановилось на этомъ: Иннокентія нужно было удалить изъ Петербурга, — и вотъ его больнаго

церкви, вѣры, нравственности и правительства. 3, Преподаваніе зловреднаго ученія въ университетахъ и во всѣхъ высшихъ училищахъ и наконецъ 4, Умноженіе библейскихъ обществъ и чрезъ нихъ умноженіе экземпляровъ библіи, свободное оной чтеніе и самопроизвольное оной толкованіе, способствующее умноженію расколовъ и сектъ. Совѣтъ, говорю, иллюминатовъ, съ непостижимою хитростію, обезпечилъ несомнѣнные успѣхи въ своихъ замыслахъ чрезъ означенныя мѣры. Онъ главою, покровителемъ и споспѣшникомъ всѣхъ этихъ мѣръ избралъ тонкаго царедворца, ближайшаго наперсника и друга юности императора; избралъ человѣка мягкаго по сердцу, добраго по душѣ, легкаго по духу, гибкаго по характеру, человѣка, который былъ способенъ увлекаться всякою мечтою хитросоставленною, человѣка, котораго въ злоумышленіяхъ противъ церкви и отечества никто и подозрѣвать не могъ. Неизвѣстно, по внушенію-ли иллюминатовъ онъ сдѣланъ оберъ-прокуроромъ Св. Синода; по крайней мѣрѣ несомнѣнно, что чрезъ ихъ происки онъ сдѣланъ министромъ народ. просвѣщенія, министромъ духовныхъ дѣлъ, президентомъ библейскихъ обществъ, и ему же поручено главное начальство надъ почтовымъ департаментомъ. Такимъ образомъ они дали своему агенту всякую возможность быть сильнѣйшимъ орудіемъ въ совершеніи ихъ намѣреній на погубленіе Россіи. Какъ мин. дух. дѣлъ, имѣя въ рукахъ своихъ духовныя лица, онъ могъ знать и по своимъ видамъ употреблять всѣхъ, кто способенъ споспѣшествовать ему въ его намѣреніяхъ, или противудѣйствовать онымъ: первымъ онъ могъ сильно покровительствовать и быстро возвышать ихъ по степенямъ почестей, послѣднихъ для своихъ же цѣлей могъ тѣснить и гнать до уничтоженія. Это могущество по духовному вѣдомству давало ему всякую удобность распространять зловредныя книги по Россіи, переводимыя или сочиняемыя агентами иллюминатскихъ и масонскихъ обществъ; это же давало всякую возможность содѣйствовать успѣхамъ библейскихъ обществъ, споспѣшествовать переводамъ и печатанію библіи на всѣхъ языкахъ, употребляемыхъ въ Россіи; это же давало ему возможность покровительствовать всѣ секты и расколы, споспѣшествовать ихъ умноженію. Присутствуя во всѣхъ масонскихъ ложахъ, онъ могъ защищать ихъ предъ трономъ противу всѣхъ на нихъ доносовъ. Какъ главный начальникъ почтоваго депар-та, онъ имѣлъ всю возможность содѣйствовать всѣмъ тайнымъ сношеніямъ иностранныхъ враговъ Россіи и Русскихъ съ иностранными, и свободно разсылать переписки враговъ Россіи во всѣ мѣста Россіи. Какъ другъ и ближайшій наперсникъ императора, онъ имѣлъ полную возможность доводить до свѣдѣнія его все, что́ можно было истолковать въ добрую сторону изъ дѣйствія иллюминатскихъ агентовъ и отклонять отъ него все, что́ могло открывать ему глаза на дѣйствія всѣхъ враговъ церкви и отечества. Пользуясь такими благопріятными со всѣхъ сторонъ обстоятельствами, враги Россіи руками своихъ споспѣшниковъ ископали глубокій ровъ между алтаремъ и трономъ Россіи; уже только ожидали благопріятнаго времени, чтобы вдругъ повергнуть въ оный и алтарь православія и тронъ самодержавія.

Орудія Промысла Божія ко спасенію Россіи отъ козней вражіихъ. Но Господь, бдительный промыслитель о Своей церкви и охранитель помазанныхъ Своихъ, не попустилъ совершиться умысламъ злодѣйства. Господь свѣтомъ своимъ просвѣтилъ умныя очи первосвятителя

назначаютъ въ Уфу епископомъ, а потомъ вдругъ перемѣняютъ это назначеніе и посылаютъ епископомъ въ Пензу (см. Записк. Шишкова 53—54 стр. и имѣющуюся у меня рукопись: Сказаніе о житіи и подвигахъ блаженнаго Иннокентія, епископа Пензенскаго и Саратовскаго, скончавшагося въ Бозѣ 1819 г. октября 10-го дня). *М. М.*

православной Русской церкви, митрополита Серафима, чтобы видѣть всѣ козни лукаваго, устрояемыя на пагубу Русскаго православія и самодержавія; Господь Своею благодатію воспламенилъ въ сердцѣ сего святителя святую ревность къ вѣрѣ и ко благу отечества. Возбужденный Духомъ Божіимъ, митрополитъ Серафимъ, съ полнымъ самоотверженіемъ, свойственнымъ святому его сану и званію, наконецъ рѣшился разрушить крамолы враговъ Россіи. Онъ, со святымъ дерзновеніемъ древнихъ пророковъ, предсталъ лицу императора, чтобы открыть ему всѣ козни враговъ церкви и отечества, хитро предъ нимъ дотолѣ скрываемыя. Онъ, снявъ съ головы своей бѣлый клобукъ, положилъ его къ ногамъ императора и съ твердостію сказалъ: не приму его, доколѣ не услышу изъ устъ вашего величества царскаго слова, что министерство духовныхъ дѣлъ уничтожится и святѣйшему синоду возвратятся прежнія права его, и что министромъ народнаго просвѣщенія поставленъ будетъ другой, а вредныя книги истребятся. Въ несомнѣнное доказательство гибельныхъ для церкви и отечества дѣйствій министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, митрополитъ представилъ императору книгу Госнера о Евангеліи Матѳея, которая оканчивалась печатаніемъ; раскрылъ въ ней тѣ мѣста, которыя показывали дерзкое возстаніе сочинителя не только противъ Русскаго православія и самодержавія, но даже противъ всѣхъ христіанскихъ исповѣданій. Убѣжденный доказательствами Серафима, императоръ, подавая ему клубокъ его, сказалъ: Преосвященный, примите вашъ клобукъ, который вы достойно носите; а ваши святыя и патріотическія представленія будутъ исполнены (*). Послѣ сего вскорѣ духовное министерство закрыто; министромъ народнаго просвѣщенія поставленъ адмиралъ Шишковъ, книга Госнера передана разсмотрѣнію комитета министровъ, и бывъ признана противною всѣмъ христіанскимъ исповѣданіямъ, предана сожженію; сочинитель ея высланъ за границу; участники въ переводѣ и изданіи этой книги осуждены сенатомъ, зловредныя книги, изданныя прежнимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ, остановлены въ своемъ ходу и преданы разсмотрѣнію особаго комитета, учрежденнаго изъ ученаго духовенства; изданъ новый уставъ для цензурнаго комитета; обращено строгое вниманіе на духъ преподаванія въ университетахъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ; открыты во всѣхъ университетахъ каѳедры Закона Божія; масонскія ложи закрыты. Благодареніе Господу, положившему на сердце императора сдѣлать въ короткое время столько благодѣтельныхъ постановленій!

Новый президентъ библейскихъ обществъ въ Россіи, митрополитъ Серафимъ, и новый министръ народнаго просвѣщенія, адмиралъ Шишковъ, раскрывъ пагубныя намѣренія враговъ церкви православной и отечества нашего, совершаемыя чрезъ дѣйствія библейскихъ обществъ, два раза дѣлали общія представленія государю императору о закрытіи оныхъ; но отъѣздъ его въ Таганрогъ и послѣдовавшая тамъ кончина оставили безъ успѣха сіи представленія. Впрочемъ ревнители о благѣ церкви и отечества не оставили своего спасительнаго предпріятія. Они возобновили его при новомъ императорѣ, и Господь

(*) *Примѣч.* Хотя книга Госнера признана зловредною и противною всѣмъ христіанскимъ вѣроисповѣданіямъ и сожжена; хотя переводчики ея осуждены сенатомъ, и сочинитель высланъ за границу: не смотря на все это, духъ ученія его доселѣ сохраняется во многихъ изъ Русскихъ Нѣмцевъ; они доселѣ получаютъ отъ Госнера изъ-за границы гимны, и поютъ ихъ въ своихъ собраніяхъ; празднуютъ его праздники, собираютъ и посылаютъ къ нему деньги; распространяютъ его ученіе; даже увлекаютъ въ оное православныхъ Россіянъ. Это тѣмъ опаснѣе, что послѣдователи Госнера принадлежатъ не къ простому только народу. *Примѣчаніе сочинителя.*

положилъ на сердцѣ Николая I-го въ 12 день Апрѣля 1826 года дать повелѣніе на имя президента библейскаго общества въ России митрополита Серафима, „пріостановить всѣ безъ исключенія дѣйствія по библейскому обществу, впредь до его дальнѣйшаго соизволенія, и силу сего повелѣнія распространить на всѣ въ Россійской Имперіи комитеты отдѣленій и комитеты товариществъ библейскаго общества“ (*).

Такимъ образомъ святой ревности по вѣрѣ и патріотическому духу митрополита Серафима и министра народнаго просвѣщенія адмирала Шишкова, церковь и отечество наши обязаны спасеніемъ отъ всѣхъ бѣдъ, которыя съ такимъ тщаніемъ и съ такимъ лукавствомъ уготовляли имъ зломыслящіе враги наши. Память сихъ двухъ ревнителей о благѣ церкви и отечества да сохранится во вѣки въ сердцахъ Русскихъ! Да будетъ свята и благословенна въ роды родовъ и память великихъ государей, милостивно внявшихъ патріотическимъ

(*) Митрополитъ Серафимъ въ 1821 г. назначенъ былъ изъ митрополитовъ Московскихъ на Петербургскую митрополію, по смерти митрополита Михаила, скончавшагося 24 марта 1821 года, отъ огорченій, какъ говорили тогда, причиненныхъ ему кн. Голицынымъ. Говорили, что митрополитъ Михаилъ возвратился домой послѣ одного синодскаго засѣданія, отличавшагося сильнымъ столкновеніемъ митрополита съ Голицынымъ, до такой степени больной, что люди его должны были буквально на рукахъ своихъ вынести его изъ кареты и внести въ митрополичьи покои. Послѣ этого митрополитъ прохворалъ три мѣсяца (это было 23-го декабря 1820 г. или около того числа) и умеръ. Болѣзнь его въ эти три мѣсяца то усиливалась, то уменьшалась; но примѣтно было, что митрополитъ, какъ выражаются, таялъ и былъ не жилецъ въ этомъ мірѣ. Онъ самъ чувствовалъ это, а потому часто служилъ за просто въ своей домовой церкви, часто исповѣдывался и преобщался св. таинъ. Всѣмъ замѣтно было, что архипастырь болѣе страдаетъ душевно, чѣмъ тѣлесно; что физическая болѣзнь слѣдствіе только внутренней скорби и болѣзненнаго состоянія души. Въ народѣ и обществѣ было общее мнѣніе, что Михаилъ умеръ отъ Голицына. При церемоніи выноса тѣла покойнаго митрополита даже гласно раздавались въ толпѣ голоса, что Голицынъ убійца митрополита. Это обстоятельство пробудило дѣятельность партіи враждебной Голицыну и дало ей поводъ расчесть свои дѣйствія противъ Голицына. Нужно сказать, что на государя произвело сильное впечатлѣніе письмо митрополита, написанное имъ не задолго до кончины. Государь былъ тогда въ Лайбахѣ. Въ письмѣ своемъ митрополитъ Михаилъ, съ откровенностію изобразивъ опасности, которымъ подвергается православная церковь отъ слѣпотствующаго министра, въ заключеніе говоритъ: «Государь, когда дойдетъ до васъ сіе писаніе, меня уже не будетъ на свѣтѣ. Ничего, кромѣ истины, не вѣщалъ я людямъ; наипаче же теперь, когда въ дѣяніяхъ своихъ готовлюсь дать отчетъ Высшему Судіи!» Чрезъ двѣ недѣли по полученіи этого письма государь получилъ извѣстіе о смерти митрополита. Аракчеевъ воспользовался внутреннимъ настроеніемъ государя и присовѣтовалъ избрать преемникомъ Михаилу Московскаго митрополита Серафима. Его назначеніе было началомъ паденія Голицына. Серафимъ на первыхъ же порахъ показалъ, что онъ не сойдется съ Голицынымъ. На первомъ библейскомъ засѣданіи, мрачный и угрюмый, сидѣлъ митрополитъ и судорожно перебиралъ своими четками, когда секретарь Общества въ самихъ краснорѣчивыхъ выраженіяхъ изливался о дѣйствіяхъ библейскихъ обществъ; потомъ вдругъ быстро всталъ и, сказавши громко, что такъ могутъ разсуждать только люди, непонимающіе православія, быстро вышелъ изъ залы собранія. Поступокъ митрополита ошеломилъ всѣхъ присутствующихъ. Съ этого времени борьба между нимъ и Голицынымъ все разгоралась и наконецъ кончилась паденіемъ Голицына. Въ этой борьбѣ митрополитъ получалъ подкрѣпленіе, совѣты и ободреніе отъ Аракчеева, Орловой и Фотія.

Въ тотъ самый день, въ который митрополитъ рѣшился ѣхать во дворецъ и лично представить государю весь вредъ, происходившій отъ дѣйствій министра дух. дѣлъ и н. пр. для православной церкви, у него были Аракчеевъ, Орловъ и Павловъ. Митрополитъ послѣ долгихъ колебаній, убѣжденій, обнадеживаній, прошеній, рѣшился наконецъ ѣхать во дворецъ къ государю. Покойный Павловъ расказывалъ, что митрополитъ три раза садился въ карету, чтобы ѣхать во дворецъ, и три раза выходилъ изъ нея, оставляя свое намѣреніе. Наконецъ въ третій разъ до кареты провожали его Павловъ, Фотій и Орловъ и своими руками усадили его въ нее; Павловъ захлопнулъ дверцы кареты, сказалъ кучеру, чтобы онъ не останавливался до зимняго дворца, крикнулъ: пошелъ! и карета быстро помчалась отъ Невской Лавры къ зимнему дворцу. *М. М.* Нѣкоторые прибавляютъ, что Магницкій ѣхалъ на дрожкахъ вслѣдъ за каретою, и когда замѣчалъ, что кучеръ по приказанію изъ кареты, заворачиваетъ въ сторону, приказывалъ отъ себя ѣхать прямо ко дворцу. *П. Б.*

ихъ представленіямъ, и державными своими руками разрушившихъ крамолы враговъ церкви и отечества!

*

Въ 1-й книгѣ Чтеній за 1868 годъ помѣщены любопытныя выдержки изъ записокъ Юрьевскаго архимандрита Фотія, замѣчательнѣйшаго дѣятеля той эпохи и той сферы, къ коимъ принадлежитъ вышенапечатанная записка о крамолахъ враговъ Россіи. Объ есаулѣ Котельниковѣ изъ записокъ Фотія узнаемъ еще, что онъ, послѣ своего раскаянія, два раза писалъ (съ Дону) къ Фотію, прося то 5 т., то 150 т. рублей. Фотій не отвѣчалъ, а Котельниковъ снова впалъ въ свое заблужденіе, и былъ заключенъ въ Соловки, гдѣ и умеръ около 1854 года, снова раскаявшись.

Что касается до высказанныхъ Фотіемъ мнѣній о разныхъ лицахъ, то конечно отзывы эти и самые разсказы могутъ быть принимаемы только къ соображенію, и отнюдь не безусловно. Сила воли этого необыкновеннаго человѣка изумительна и, можетъ быть, поучительна; но при всемъ этомъ историкъ затруднится довѣрять его показаніямъ. П. Б.

Правительственныя мѣры по случаю появленія въ Лифляндіи секты Гернгутеровъ въ 1743 году.

1) *Имянной указъ Лифляндскому вице губернатору генералъ-лейтенанту Еропкину.*

С. Петербургъ 16 апрѣля 1743.

Извѣстно намъ учинилось, что въ Лифляндіи завелась новая секта называемая Эрнъ Гутеръ, которой предводительница нѣкоторая графиня Синцендорфова и столь много оная секта распространилась, что уже и великія строеніи для собранія оной секты послѣдователей въ Лифляндіи, а особливо около Дерпта поставлены; и оныя собраніи отправляются тайно, въ которыхъ изъ Лифляндскаго шляхетства, пасторовъ и протчихъ, а особливо крестьянъ, множество находится, и оные крестьяне тѣмъ развращеннымъ ученіемъ приведены въ непослушаніе помѣщикомъ и извѣтомъ (*) молитвы должныя свои работы покидаютъ, о которой сектѣ и Комисія въ Лифляндіи учреждена изъ шляхетства, духовенства и протчихъ; но оное вновь произшедшее зло здѣсь письмяннаго доношенія нигдѣ о себѣ не имѣетъ. Того для повелѣваемъ вамъ графиню Синцендорфову и всѣхъ ея помощниковъ, пріѣхавшихъ съ нею изъ чужихъ краевъ, сколько ихъ есть, учтивымъ поступкомъ позвавъ къ себѣ въ гости, и какъ будутъ, то всѣхъ отправить сюды къ намъ за карауломъ съ довольнымъ камвоемъ (sic), а Лифляндцамъ, ктобъ какого званія ни былъ, кои впали во оное Эрнъ Гутеровъ ученіе, запретить, и построенныя для собранія оныхъ строеніи заперетъ и никакому во оныхъ строеніяхъ или въ иномъ мѣстѣ, какоебъ гдѣ ни было, такимъ собраніямъ быть запретить и до того ихъ не допускать. А кто имянно послѣдующіе тому развращенному ученію въ Лифляндіи мужеска и женска пола обрѣтаются и о Комиссіи кто ее и на какомъ основаніи учредилъ и какое во оной дѣйство произошло и что̀ имянно содержитъ оное Эрнъ Гутеровъ ученіе и какое онаго употребленіе въ самомъ дѣлѣ явное или тайное есть, о томъ о всемъ подлинно освѣдомясь прислать къ намъ извѣстіе; чаятельно же есть, что книгами печатными и письмами оная секта разсѣяна. И для того у графини Синцендорфовой и ея помощниковъ кто ни будетъ взятъ и отправленъ сюды, въ ихъ квартирахъ всякія книги и письма, такоже въ ихъ построенныхъ для собранія строеніяхъ что̀ найдется оныхъ, взять и запечатавь прислать сюды.

(подп.) *Елисаветъ.*

(*) Подъ предлогомъ.

2) *Имянной указъ томуже Еропкину.*

С.-Петербургъ 19 Августа 1743.

Доношеніе ваше Августа отъ 3 числа до насъ дошло, въ которомъ пишите о посылаемомъ въ Ригу отъ графа Синцендорфа имянемъ Вулфѣ для доказательства о сектѣ Геренгутерской во учрежденной Комиссіи и требуете указу, когда оной въ Ригу пріѣдетъ что съ нимъ дѣлать. На оное вамъ повелѣваемъ: ежели оной Вулфъ въ Ригѣ явитца, то онаго велите арестовать и содержать его до указу, не давая ему ни съ кѣмъ изъ Лифлянскихъ жителей видѣтся и разговаривать и писма и книги, какія у него сыщутся, отобрать; а ежели онъ уже пріѣхалъ, то, гдѣбъ онъ ни былъ, взять за арестъ и такожъ содержать; а ежели еще не бывалъ, то велите смотрить, дабы прежде нежели у васъ явитца, не могъ ни съ кѣмъ изъ Лифлянцовъ видѣтся, или гдѣ скрытца.

(подп.) *Елисаветъ.*

3) *Имянной указъ Лифляндскому генералъ-губернатору генералъ-фельдмаршелу графу Ласси.*

С.-Петербургъ 23 Декабря 1743.

Доношеніе ваше сего мѣсяца отъ 11 числа и при томъ приложенное мнѣніе, поданное вамъ отъ присутствующихъ въ Регирунгсъ-Канцеляріи и Консисторіи о Эрнгутской сектѣ, мы получили; но понеже по вышеобъявленному мнѣнію о состояніи и силѣ сего дѣла совершенно знать не возможно: того для повелѣваемъ вамъ, взявъ подлинные репорты о томъ дѣлѣ, каковы во оную Регирунгсъ-Канцелярію и въ Консисторію поданы, отъ членовъ бывшихъ во учрежденной о томъ Комиссіи, всѣ сколько ихъ есть прислать сюды къ намъ немедленно.

(подп.) *Елисаветъ.*

4) *Имянной указъ томуже графу Ласси.*

С.-Петербургъ 26 Декабря 1743.

Доношеніе ваше отъ 14 сего Декабря съ приложенными писмами графа Синцендорфа, такожъ и книги и писма жъ отобранныя у него, здѣсь получены, по которому о задержаніи его Синцендорфа и протчихъ съ нимъ прибывшихъ мы извѣстны, и тѣми вашими поступками доволны, и повелѣваемъ вамъ его графа Синцендорфа со всѣми прибывшими съ нимъ, отобравъ у него всѣ оставшія писма и книги, тотчасъ выслать за границу и впредъ въ государство наше не впускать; а ежели онъ самъ или изъ сообщниковъ его кто впредь въ Ригѣ явитца, оныхъ арестовать и немедленно намъ доносить, а Лифлянца, прибывшаго съ нимъ Синцендорфомъ, въ Ригѣ удержать и ежели онъ въ Гернъ-Гутернскомъ ученіи состоитъ, то его для отвращенія отъ того отослать въ духовную Консисторію.

(подп.) *Елисаветъ.*

5) *Отношеніе Государственной Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ его сіят-ву г. ген. фельтмаршелу и кав. и ген. губ-ру Лифляндскому графу Фонъ-Лессіи. Отъ 24 Декабря 1743 г.*

Получена здѣсь при писмѣ вашего сіят-ва къ господину вице-канцлеру и д. т. с. графу Бестужеву-Рюмину отъ сего мѣсяца челобитная пріѣхавшаго въ Ригу графа Цинцендорфа, въ которой онъ о допущеніи своемъ сюды въ Санктъ-Питербургъ или объ учиненіи съ нимъ въ Ригѣ экзаминованія о его ученіи и содержаніи Геренгуттерской секты проситъ, и по учиненному о томъ всеподданнѣйшему докладу, Ея Императорское Величество соизволила указать оную челобитную назадъ ему графу Цинцендорфу отдать, которая для того при семъ и возвращается, и его не токмо сюда не допущать, но и изъ Риги обратно выслать, объявя ему пристойнымъ образомъ, что здѣсь и нигдѣ въ имперіи Ея Императорскаго Величества ни въ какія съ нимъ до оной Геренгуттерской секты принадлежащія экзаминованіи вступать намѣренія не

имѣется, якоже и ни малѣйшей въ томъ потребности не находится. И того ради дабы онъ безъ всякаго замедленія изъ Риги за границу куда пожелаетъ выѣхать и впредь бы никогда туда и нигдѣ въ Россійскія границы не пріѣзжать, также и отъ присылки своихъ эмиссаровъ и отъ всякой сюда коресподенціи удержатся изволилъ; еже вашему сіят-ву для исполненія по тому Ея Императорскаго Величества всемилостивѣйшему указу чрезъ сіе сообщается, а о дальнѣйшихъ о той Геренгуттерской сектѣ поступкахъ ваше сіят-во вящими ея И. В-ва указами изъ Кабинета Ея И. В-ва снабдены будете.

(подп.) *Гр. Алексѣй Бестужевъ Рюминъ*
Карлъ Бреверпъ.

ДѢЛО (1)

по отношенію Смоленскаго гражданскаго губернатора, объ открывающемся въ Смоленскѣ Отдѣленіи Библейскаго Общества.

Началось 11-го Августа 1819-го года.
Кончено 2-го Ноября тогоже года.

I.

Смоленскаго гражданскаго губернатора Смоленскому господину губернскому прокурору. Объ открывающемся въ Смоленскѣ Отдѣленіи Библейскаго Общества.

9 Августа 1819 г.

№ 7534. Здѣшній епархіальный архіерей, получивъ лестное одобреніе г. президента Россійскаго Библейскаго Общества, министра Духовныхъ Дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія князя Александра Николаевича Голицына на открытіе въ Смоленскѣ Отдѣленія Библейскаго Общества, обратился ко мнѣ съ просьбою о приглашеніи здѣшнихъ жителей и въ особенности первенствующихъ по службѣ членовъ и прочихъ чиновниковъ, а также и особъ иныхъ христіанскихъ исповѣданій (2), къ изъявленію согласія на вступленіе въ званіе членовъ Смоленскаго Библейскаго Общества, которое открыто будетъ, по полученіи свѣдѣнія о успѣхѣ сего приглашенія.

Изъ доставляемаго при семъ экземпляра правилъ, вы усмотрѣть изволите, что желающему быть членомъ, надо одолжиться взносить возможную сумму денегъ ежегодно, или ежемѣсячно и еженедѣльно. Представляя вашему высокоблагородію сіе Евангельское наслажденіе въ приглашеніи подвѣдомственныхъ вамъ гг. чиновниковъ ко вступленію въ члены здѣшняго Библейскаго Общества, я покорно прошу васъ, какъ о согласіи вашемъ, такъ и о имянахъ другихъ особъ, съ означеніемъ ежегоднаго взноса денегъ, доставить мнѣ свѣдѣніе сколь можно въ поспѣшнѣйшемъ времени; ибо его преосвященство располагаетъ вскорѣ открыть существованіе Библейскаго Общества.

Подпись губернатора: *Баронъ Ашъ.*

II.

ПРАВИЛА (3)

для Смоленскаго Отдѣленія Россійскаго Библейскаго Общества.

I. Смоленское Отдѣленіе Россійскаго Библейскаго Общества вспомоществуетъ Россійскому Библейскому Обществу въ дѣлѣ его, то есть, въ стараніи приводить въ большее употребленіе Библію, или книги Священнаго Писанія Ветхаго и Новаго Завѣта, безъ всякихъ на оныя примѣчаній и поясненій.

II. Смоленское Отдѣленіе состоитъ изъ членовъ всякаго вѣроисповѣданія христіанскаго, кои, будучи внутренно убѣждены въ пользѣ, отъ чтенія Библіи происходящей, пожелаютъ для того вступить въ члены Общества, и принять въ трудахъ его участіе для размноженія и раздачи сихъ книгъ между

(1) Камеры Смоленскаго губернскаго прокурора.
(2) Въ Иркутскѣ, членами Библейскаго общества были, при Сперанскомъ, даже и Монгольскіе тайши. П. Б.
(3) Печатныя.

жителями Смоленской губерніи, а наипаче между бѣдными людьми.

III. Смоленское Отдѣленіе, для произведенія дѣлъ своихъ, избираетъ изъ членовъ Россійскаго Библейскаго Общества особый Комитетъ. Комитетъ сей составляется изъ одного или нѣсколькихъ Вице-Президентовъ, четырехъ, шести, осьми или болѣе Директоровъ, одного Казначея, и одного или двухъ Секретарей. Въ отсутствіи Вице-Президентовъ, дѣла могутъ быть разрѣшаемы подъ предсѣдательствомъ одного изъ Директоровъ, который по списку первымъ состоитъ. Для составленія засѣданія нужно не менѣе троихъ Директоровъ съ однимъ Секретаремъ.

IV. Россійское Библейское Общество продаетъ и раздаетъ Библіи или книги Слова Божія на всякихъ языкахъ, и каждому вѣроисповѣданію христіанскому, тѣхъ самыхъ изданій, кои церковію каждаго вѣроисповѣданія издревле приняты и употребляются; а буде возможно, то снабжаетъ таковыми книгами Слова Божія и не христіанъ. Посему главное попеченіе Комитета Смоленскаго Отдѣленія заключается въ томъ, чтобы книги сіи раздавать и продавать въ Смоленской губерніи и тѣмъ содѣйствовать Обществу въ достиженіи цѣли его. Какъ цѣлыя Библіи, такъ и отдѣльно Новые Завѣты, сколько и на какихъ языкахъ потребно оныхъ имѣть для распродажи и раздачи, въ Смоленской губерніи, Комитетъ Смоленскій получаетъ отъ Петербургскаго Комитета съ назначеніемъ онымъ цѣнъ. По распродажѣ оныхъ желающимъ по тѣмъ самымъ цѣнамъ, вырученныя деньги отсылаются въ Комитетъ Россійскаго Библейскаго Общества. Комитетъ Смоленскій старается имѣть у себя всегда готовый запасъ Библій и Новыхъ Завѣтовъ на всѣхъ тѣхъ языкахъ, на коихъ оные нужны для жителей Смоленской губерніи всякаго вѣроисповѣданія, хотя бы они и не христіане были. По предмету сему сносится Комитетъ сей съ Комитетомъ Петербургскимъ.

V. Другое занятіе Комитета Смоленскаго есть приведеніе въ извѣстность цѣли Общества, и собираніе потребныхъ суммъ для подкрѣпленія дѣйствій онаго и предпріятій. Суммы сіи собираются по подпискамъ ежегоднымъ, или посредствомъ единовременныхъ приношеній. Всѣ таковые взносы, ежегодные и единовременные, суть произвольные для каждаго доброхотнаго дателя. Всякой даетъ сколько хочетъ и можетъ. Подписывающіеся на ежегодные, ежемѣсячные, или и еженедѣльные взносы какой либо суммы, признаются членами, а дающіе единовременное приношеніе благотворителями Россійскаго Библейскаго Общества вообще, но принадлежатъ въ особенности къ Смоленскому Отдѣленію онаго.

VI. Казначей принимаетъ всѣ деньги, ежегодно и единовремянно и во всякое время вносимыя, и даетъ въ томъ за своимъ подписаніемъ росписки или квитанціи. Собираемыя по Отдѣленію суммы хранитъ онъ у себя, и не иначе выдаетъ, какъ по приказамъ, которые даются ему по положеніямъ Комитета, въ засѣданіяхъ его дѣлаемымъ, за подписью Вице-Президента и Секретаря, или предсѣдательствовавшаго Директора, за отсутствіемъ Вице-Президентовъ. Казначей ведетъ у себя вѣрные записки и счеты всѣмъ приходамъ и расходамъ, каковые во всякое время должны быть готовы для представленія и повѣрки членамъ Комитета. Каждый годъ въ Декабрѣ мѣсяцѣ подаетъ онъ счеты свои Комитету, который разсматриваетъ оные самъ, или поручаетъ то нѣкоторымъ изъ своихъ сочленовъ.

VII. Собранныя суммы Комитетъ Смоленскій за оставленіемъ у себя нужныхъ денегъ на обыкновенные расходы по производству дѣла, отсылаетъ чрезъ мѣсяцъ или два, смотря

по накопленію ихъ и удобности, въ Петербургскій Комитетъ; при чемъ показываетъ особо, сколько поступило въ приношеніе отъ членовъ и благотворителей и сколько за проданные Библіи и Новые Завѣты. Также увѣдомляетъ подробно, какіе экземпляры книгъ Священнаго Писанія и сколько розданы по усмотрѣнію его безденежно.

VIII. Секретари ведутъ журналы каждому засѣданію Комитета. Журналъ таковый каждаго засѣданія подписывается предсѣдательствовавшимъ Вице-Президентомъ, а въ небытности Вице-Президентовъ тѣмъ изъ Директоровъ, который занималъ первое мѣсто въ засѣданіи, и Секретаремъ. Секретари заготовляютъ и производятъ такъ же всю переписку по дѣламъ Общества.

IX. Комитетъ собирается каждый мѣсяцъ по одному разу, а естьли нужда потребуетъ, то и чаще. Въ засѣданіяхъ своихъ Комитетъ занимается: разсмотрѣніемъ успѣха въ дѣлахъ своихъ и количества собранныхъ суммъ, разсужденіемъ о запасеніи себя потребнымъ числомъ Библій на тѣхъ языкахъ, на коихъ оныя для жителей Смоленской губерніи нужны, прочтеніемъ получаемыхъ бумагъ и сношеній разныхъ мѣстъ и лицъ съ Комитетомъ, и разрѣшеніемъ, что отвѣтствовать на оныя. Время засѣданія Комитета назначается Вице-Президентомъ, а въ небытность таковыхъ, первымъ изъ Директоровъ; созывъ же членовъ въ засѣданіе производится чрезъ Секретаря.

X. Наличные въ Смоленскѣ члены Библейскаго Общества и особы, желающія принять участіе въ свѣдѣніи объ ономъ, имѣютъ каждый годъ въ началѣ Генваря генеральное собраніе, въ которомъ слушаютъ отчетъ Комитета Смоленскаго въ управленіи имъ дѣлъ и въ употребленіи собранныхъ суммъ въ теченіи года. Отчетъ таковый, вмѣстѣ съ имяннымъ спискомъ членовъ и благотворителей по алфавиту, препровождается потомъ немедленно въ Петербургскій Комитетъ, для составленія общаго по дѣламъ всего общества отчета.

XI. Въ генеральномъ собраніи, по прочтеніи отчета, избираются нѣкоторые новые Директоры въ Комитетъ; ибо половина оныхъ каждый годъ перемѣняется. Тѣ изъ нихъ, кои въ теченіи минувшаго года часто бывали въ засѣданіяхъ Комитета, могутъ быть и снова избраны. Выборъ въ Директоры производится изъ членовъ Общества, то есть тѣхъ, кои подписались на опредѣленные всегдашніе взносы денегъ.

У подлиннаго тако: Президентъ Россійскаго Библейскаго Общества, Князь Александръ Голицынъ.

Секретарь Россійскаго Библейскаго Общества Василій Поповъ.

Съ подлиннымъ вѣрно: Іоасафъ Епископъ Смоленскій.

Въ С.-Петербургѣ Іюля дня 1819 года.

III.

Циркулярное предписаніе Губернскаго Прокурора по губерніи Уѣзднымъ Стряпчимъ.

Его превосходительство Смоленскій г. гражданскій губернаторъ и кавалеръ, въ отношеніи ко мнѣ, изъясняя, что здѣшній епархіальный архіерей, получивъ лестное одобреніе г. Президента Россійскаго Библейскаго Общества, министра Духовныхъ Дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія князя Александра Николаевича Голицына, на открытіе въ Смоленскѣ Отдѣленія Библейскаго Общества, обратился къ нему съ просьбою, о приглашеніи здѣшнихъ жителей и въ особенности первенствующихъ по службѣ членовъ и прочихъ чиновниковъ, а также и особъ иныхъ христіанскихъ исповѣданій, къ изъявленію согласія на вступленіе въ званіе членовъ Смоленскаго Библейскаго Общества, которое открыто будетъ по полученіи свѣдѣнія о успѣхѣ сего приглашенія.—А потому онъ, г.

губернаторъ, представляя сіе Евангельское наслажденіе въ приглашеніи подвѣдомственныхъ мнѣ чиновниковъ ко вступленію въ члены здѣшняго Библейскаго Общества, проситъ о согласіи таковыхъ съ означеніемъ взноса возможной суммы денегъ ежегодно или ежемѣсячно и еженедѣльно доставить ему г. губернатору свѣдѣніе сколь можно поспѣшнѣе, ибо его преосвященство располагаетъ вскорѣ открыть существованіе Библейскаго Общества.

Въ слѣдствіе чего, я предлагаю всѣмъ по губерніи Уѣзднымъ Стряпчимъ, въ томъ числѣ и вамъ, доставить, согласно вышеизложенному въ первомъ пунктѣ, свѣдѣніе о согласіи вашемъ на вступленіе въ члены Россійскаго Библейскаго Общества, съ означеніемъ и взноса ежегодно по возможности суммы денегъ. Несомнѣнно будучи увѣренъ въ соревнованіи вашемъ къ таковому душеспасительному подвигу, я ожидаю и сего самаго пожертвованія, оправдывающаго таковое о васъ мое мнѣніе. При чемъ даю вамъ знать, что на основаніи правилъ, изданныхъ для означеннаго Библейскаго Общества, сдѣлавшіе единовременное пожертвованіе признаются благотворителями, и потому, естьли не пожелаете быть въ числѣ сочленовъ того Общества, то можете имяноваться таковыми лестными для васъ именами, чрезъ единовременное вами пожертвованіе, каковое не оставить вмѣстѣ съ ожидаемымъ мною отъ васъ отзывомъ.

IV.

Отвѣтъ на № *7554. С. Г. П.* № *879.*
Августа 13 дня 1819 г.

Его превосходительству Смоленскому г. гражданскому Губернатору и кавалеру.

Соотвѣтственно отношенію ко мнѣ вашего превосходительства отъ 9-го сего мѣсяца, предложилъ я губернскимъ и уѣзднымъ стряпчимъ, о самопоспѣшнѣйшемъ доставленіи свѣдѣнія о согласіи ихъ на вступленіе въ члены предположеннаго открыться въ Смоленскѣ, Россійскаго Библейскаго Общества, одолжаясь ежегоднымъ для предмета сего взносомъ денегъ или единовременнымъ пожертвованіемъ сообразно правиламъ онаго Общества. По собраніи каковыхъ свѣдѣній и поспѣшу въ тоже самое время увѣдомить ваше превосходительство съ изъявленіемъ и моего на оное согласія.

V.

Его высокоблагородію Смоленскому господину губернскому прокурору и кавалеру Петру Ѳедоровичу Холодковскому

Порѣчьскаго Уѣзднаго Стряпчаго,
Рапортъ.

Съ величайшимъ удовольствіемъ имѣлъ честь получить предписаніе вашего высокоблагородія, приглашающее меня въ званіе членовъ Смоленскаго Библейскаго Общества; сколько бы пріятно было именоваться симъ достойнымъ именемъ, но къ сожалѣнію моему небольшое состояніе мое предограждаетъ мнѣ имѣть сей лестной подвигъ; единовременно жертвую для Смоленскаго Библейскаго Общества *двадцать пять* рублей.

Примите, ваше высокоблагородіе, сіе небольшое мое пожертвованіе какъ отъ искренне пріемлющаго участіе въ семъ благонамѣренномъ предпріятіи.

Подписалъ: Уѣздный Стряпчій Горбуновъ 2-й.

№ 197 Августа 17 дня 1819 г. Порѣчье.

За симъ слѣдуютъ подобнаго же содержанія рапорты отъ стряпчихъ другихъ уѣздовъ Смоленской губерніи. Они жертвовали кто 5, кто 10 рублей; но Вяземскій стряпчій увѣдомилъ, что не имѣетъ средствъ къ таковымъ взносамъ. Всѣхъ денегъ собрано 130 р.

Дѣло это сообщено въ «Русскій Архивъ» *Г. К. Рыпинскимъ*. Подобныя отдѣленія Библейскаго Общества были почти во всѣхъ нашихъ губернскихъ городахъ. Библейское Общество существовало тринадцать съ половиною лѣтъ (1812—

1826). Въ 1819 г. денежный сборъ его уже превышалъ полтора милліона рублей. (См. замѣтку о немъ *А. К.* въ Библіогр. Запискахъ 1861 г., ст. 118—122). Мы помѣстили это дѣло для показанія того, какими чисто-внѣшними способами устроивались Отдѣленія Общества въ Русскихъ городахъ. Не одни Фотіи, но и вообще люди трезваго благочестія имѣли право относиться съ улыбкою недовѣрія, а иногда и съ чувствомъ негодованія съ нѣкоторымъ дѣйствіямъ такъ называемыхъ библистовъ, напр. къ рѣчамъ князя А. Н. Голицына; тѣмъ не менѣе горько вспомнить, что, изъ-за частныхъ злоупотребленій, положены были преграды распространенію Слова Божія. Приведемъ на память читателямъ, что членомъ Библейскаго Общества былъ самъ императоръ Александръ Павловичъ. *П. Б.*

О ПАСТОРѢ ГОСНЕРѢ (*)
(Изъ Записокъ Н. И. Греча).

Любопытное дѣло Госнера могу я описать во всей подробности, потому что самъ участвовалъ въ немъ страдательнымъ лицемъ. Описаніе мое будетъ справедливое и безпристрастное, потому что, по истеченіи слишкомъ тридцати лѣтъ, исчезли въ душѣ моей всѣ неудовольствія и огорченія, претерпѣнныя мною: осталось воспоминаніе о любопытной драмѣ.

Въ то время, когда мистицизмъ, методизмъ, библизмъ и тому подобныя повѣтрія проникли въ Россію и распространились въ ней, какъ сорная трава на черноземѣ, пріѣхали сюда два католическіе священника Линдль и Госнеръ. Оба они, не отрекаясь отъ католицизма, проповѣдывали какой-то мистическій протестантизмъ, говорили южно-нѣмецкимъ нарѣчіемъ, прямо, грубо, съ убѣжденіемъ и съ краснорѣчіемъ проповѣдниковъ среднихъ вѣковъ. Линдль проповѣдывалъ въ Мальтійской церкви, а Госнеръ въ большой католической (свят. Екатерины), на Невскомъ Проспектѣ. Католики видѣли въ этихъ проповѣдникахъ предателей и еретиковъ, и проклинали ихъ. Слушателями ихъ были отчасти вѣрующіе и убѣжденные, но не находившіе достойной духовной пищи въ поученіяхъ пасторовъ протестантскихъ и православныхъ священниковъ, но большая часть ихъ ходила на эти поученія изъ угодливости покровителю ихъ Голицыну и т. п. Магницкій, Руничъ, Кавелинъ, Поповъ, Пезаровіусъ (основатель Инвалида), Ливенъ (кн. Карлъ Андреевичъ), Адеркасъ, директоръ Петровской школы Шубертъ, Сѣровъ и т. д. окружали ихъ каѳедры, выворачивали глаза, вздыхали, плакали, становились на колѣни. Желающіе знать содержаніе, направленіе и слогъ этихъ рѣчей, могутъ прочесть напечатанныя тогда, въ Русскомъ переводѣ, три проповѣди Линдля.

Госнеръ написалъ въ то время Толкованія на Новый Завѣтъ, на Нѣмецкомъ языкѣ. Набожный Карлъ Карловичъ фонъ-Поль (въ послѣдствіи тайный совѣтникъ и директоръ канцеляріи мин. внутр. д. при Блудовѣ) одобрилъ эту книгу къ напечатанію; думаю, онъ читалъ ее стоя на колѣняхъ. Другой усердный чтитель Госнера, отставной инженеръ генералъ-маіоръ Александръ Максимовичъ Брискорнъ (дядя Максима Максимовича, пострадавшаго въ дѣлѣ Политковскаго), вздумалъ перевесть эти Толкованія на Русскій языкъ; но, получивъ въ инженерномъ корпусѣ образованіе безграмотное, споткнулся на первомъ шагу, и нанялъ для перевода бывшаго Казанскаго профессора Яковкина и одного чиновника 5-го класса Трескинскаго. По окончаніи перевода перваго тома, Брискорнъ принесъ рукопись Павлу Христіановичу Безаку (моему двоюродному брату), съ которымъ мы вмѣстѣ купили и содержали

(*) См. выше, стр. 1368—1377. Предлагаемый разсказъ обязательно доставленъ въ Русскій Архивъ вдовою автора, Евгеніею Ивановною Гречь. Разсказъ этотъ служитъ опроверженіемъ отзывовъ архимандрита Фотія, который въ своей ревности затронулъ и Н. И. Греча. «Подъ вѣдѣніемъ министерства просвѣщенія—доносилъ онъ государю 29 апрѣля 1824 г.—содѣйствуютъ (пагубѣ Россіи) и типографія и цензура. Есть часть единомышленниковъ и въ нихъ: Гречь первый злодѣй съ сей стороны, и Тимковскій. Да еще и тайное печатаніе у нихъ бываетъ» (Чтенія въ общ. ист. и др. 1868, кн. 1, Смѣсь, стр. 273). П. Б.

типографію. Безакъ, какъ для увеличенія доходовъ типографіи, такъ и изъ угодливости къ партіи Голицына, къ которой принадлежалъ другъ его Николай Дмитріевичъ Жулковскій, охотно взялся напечатать книгу, но, взглянувъ на переводъ, ужаснулся. Не было ни смыслу, ни толку. Надлежало все исправить. Я обязанъ былъ принять участіе въ этой адской работѣ. Цѣлые дни проходили у насъ въ корректурахъ. Брискорнъ умеръ въ концѣ 1823 года. Госнеръ принялъ на себя продолженіе изданія. Василій Михайловичъ Поповъ взялся кончить переводъ, и перевелъ нѣсколько главъ.

Между тѣмъ произошла катастрофа. Магницкій, передавшись къ Аракчееву, возгласилъ, что Голицынъ покровительствуетъ шайкѣ безбожниковъ и злодѣевъ, которые пытаются сгубить въ Россіи христіанскую вѣру, и взялся доказать это книгою Госнера, которая печатается съ вѣдома и позволенія Голицына. Для этого нужны были доказательства, должно было выкрасть изъ типографіи книгу или хотя листокъ ея. „Дайте мнѣ три неважныя слова,“ сказалъ какой-то инквизиторъ: „я найду въ нихъ средство сгубить сочинителя.“ Однажды, въ мартѣ 1824 года, явился ко мнѣ нѣкто Платоновъ, крещеный жидъ, извѣстный шпіонъ, умѣвшій пробраться и въ порядочный домъ, напримѣръ къ князю Салтыкову, и съ іезуитскою покорностью просилъ дать ему, хотя бы только прочесть, листочекъ изъ душеспасительной книги Госнера, печатаемой въ моей типографіи. Зная этого молодца, я отвѣчалъ ему, что во-первыхъ я не смѣю распоряжаться чужою собственностью, а во-вторыхъ книга не отпечатана, слѣдственно билета на выпускъ въ свѣтъ не получено, и я не въ правѣ выпускать ее изъ типографіи. Онъ сталъ всячески ублажать меня. Я отвѣчалъ сухо, что не дамъ, и просилъ его оставить меня въ покоѣ. Не успѣвши у меня, нашли другой путь. Узнали, что Брискорнъ давалъ корректуру для прочтенія доктору Христіану Як..левичу Витту. Нѣкто Степановъ, чиновникъ 5-го класса, прикинулся больнымъ, послалъ за Виттомъ, и на вопросъ чѣмъ онъ боленъ, отвѣчалъ: „Стражду не тѣломъ, а душею. Меня давятъ тяжкіе грѣхи. Только духовная пища можетъ утолить меня. Вотъ, еслибъ я могъ прочитать хоть строчку святаго мужа Госнера, я непремѣнно бы выздоровѣлъ.“ Виттъ, не замѣчая и не подозрѣвая ничего, отвѣчалъ: „Въ этомъ случаѣ могу служить вамъ. У меня есть два листочка этой книги, и я пришлю ихъ вамъ.“ — „Благодѣтель! спаситель!“ отвѣчалъ ему Степановъ. Получивъ листки, воспрянулъ съ одра болѣзни, и кинулся къ оберъ-полицеймейстеру; тотъ отдалъ листки Магницкому. Магницкій, на первой-же страницѣ нашелъ богохульство и безбожіе, и препроводилъ къ Аракчееву. Аракчеевъ отдалъ ихъ на разсмотрѣніе Шишкову. Шишковъ, занимавшійся только корнями Славянскаго языка, не понимавшій ни Богословія, ни Философіи, сталъ разбирать листки. Цитаты и стихи изъ Библіи приведены были не на Славянскомъ языкѣ, а въ Русскомъ переводѣ. Что это! Храбрый адмиралъ нашелъ безбожіе и побужденіе къ мятежу въ словахъ самаго Спасителя. Такъ напримѣръ изъ словъ: „И не бойтесь убивающихъ тѣло, бойтесь могущихъ убить душу“, онъ вывелъ, что авторъ учитъ не бояться суда царскаго, и т. п. Критика его оканчивалась словами: „Читая таковыя мерзости, перо изъ рукъ *моихъ* упадаетъ.“ Подписали *Александръ Шишковъ, Василій Ланской* (тогдашній министръ внутреннихъ дѣлъ, не виноватый ни тѣломъ, ни душею). Вскорѣ разнесся въ городѣ слухъ объ этой книгѣ и ея богопротивномъ содержаніи. Ко мнѣ пріѣхалъ правитель канцеляріи военнаго генералъ-губернатора графа Милорадовича, Н. И. Хмельницкій, и спрашиваетъ, одобрена ли цензурою печатаемая у меня книга. Я показалъ ему одобреніе. Прибѣжалъ Булгаринъ и гово-

ритъ, что надо мною сбирается гроза. Я отвѣчалъ, что, дѣйствуя по совѣсти и по законамъ, не боюсь никакой грозы. Да и что мнѣ было тогда до глупыхъ свѣтскихъ и судебныхъ отношеній! Меня поразилъ ударъ, какого не могъ отвратить ни Александръ I-й, ни весь Священный Союзъ: 24-го апрѣля 1824 г., въ шесть часовъ утра, умерла моя милая одиннадцатилѣтняя дочь Ольга; вечеромъ въ тотъ же день родилась другая, Александра. Стеченіе и бореніе противоположныхъ чувствъ заглушало во мнѣ всѣ мои мысли, и я могъ бы въ то время перенести безтрепетно самые жестокіе удары.—Въ самый этотъ несчастный для меня день, Платоновъ (я узналъ его по описанію) приходилъ ко мнѣ въ типографію, нашелъ одного ученика на крыльцѣ, и предлагалъ ему сто рублей за четыре экземпляра листовъ Госнеровой книги. Мальчикъ просилъ его прійти на другой день. Онъ явился, и обѣщалъ троимъ ученикамъ двѣсти рублей за два экземпляра. Они отвѣчали, что не смѣютъ и не могутъ сдѣлать этого безъ вѣдома фактора. Искуситель удалился. Какъ сожалѣлъ я, что мнѣ не сказали о первомъ его посѣщеніи! Я захватилъ бы его при второмъ пришествіи, скрутилъ бы ему руки, какъ вору, и повелъ бы его съ дворникомъ моимъ среди бѣлаго дня на съѣзжую 1-ой части, мимо Гладкова и Милорадовича! Я пожаловался письменно Милорадовичу на подкупъ моихъ людей, и, разумѣется, не получилъ отвѣта. Къ чему были имъ нужны печатные экземпляры, когда они имѣли уже корректуру? Они хотѣли предъявленіемъ этихъ экземпляровъ подтвердить выдуманную и распространенную ими ложь, будто я напечаталъ двѣ тысячи экземпляровъ и распространилъ ихъ въ публикѣ. 27-го апрѣля, въ воскресенье, послѣ обѣда, является ко мнѣ одобрившій эту книгу къ напечатанію цензоръ Александръ Степановичъ Бируковъ, и говоритъ съ умильною улыбкою: „Ну, попали мы съ вами, Николай Ивановичъ!“—„Что за *мы?*“ возразилъ я: „*Вы, вы* одни восхищались Госнеромъ; *вы* съ Магницкимъ стояли предъ нимъ на колѣняхъ; *вы* подписали рукопись, со всѣми ея нелѣпостями: *вы* и отвѣчайте. Я только напечаталъ то, что́ вы одобрили, и еслибъ объявилъ, что не хочу печатать этой книги, Голицынъ предалъ бы меня суду, какъ богохульника и бунтовщика.“ — Бируковъ отвѣчалъ дерзко: „Да вы Богъ знаетъ что прибавили къ одобренной мною рукописи. Отдайте мнѣ рукопись!“—„Не отдамъ!“ отвѣчалъ я: „она одно мое спасеніе. Вы исключите теперь изъ нея что угодно, а я подвергнусь отвѣту.“—Онъ всячески старался убѣдить меня. Я отвѣчалъ, что рукопись у П. Х. Безака, товарища моего по типографіи, и тѣмъ отдѣлался отъ него. На другой день призвалъ я переплетчика, заставилъ его при себѣ переплесть рукопись, перемѣтилъ въ ней страницы, продѣлъ шнурокъ, и гдѣ были сдѣланы перемѣны въ рукописи цензоромъ, отмѣтилъ на полѣ. Изготовилъ и жду. Во вторникъ утромъ пріѣхалъ ко мнѣ адъютантъ графа Милорадовича, графъ Мантейфель, и просилъ пожаловать къ графу. Я взялъ рукопись и пріѣхалъ по назначенію, оставивъ ее у кучера. Милорадовичъ встрѣтилъ меня какъ-то торжественно, и сказавъ: „qu'il est *l'organ* (*) de Sa Majesté,“ объявилъ, что государь императоръ, обязанный пещись о благочестіи и нравственности своихъ подданныхъ, требуетъ, чтобъ не было печатаемо ничего богопротивнаго и безнравственнаго. „И потому,“ сказалъ онъ, „спрашиваю васъ, какъ вы смѣли напечатать книгу, не получивъ на то билета отъ цензуры?“ Узнавъ наканунѣ, что таковъ былъ въ комитетѣ министровъ отзывъ кн. Голицына, я отвѣчалъ ему: „Не удивительно, что ваше сіятельство, какъ человѣкъ военный, не знаете подробностей цензурнаго и ти-

(*) L'organ—это не ошибка: гр. Милорадовичъ такъ говорилъ.

пографскаго дѣла. Странно только, какъ оно не извѣстно министру просвѣщенія. Цензурный билетъ выдается изъ комитета по отпечатаніи книги и по сличеніи печатнаго экземпляра съ одобренною рукописью, а печатается книга по такой рукописи безъ всякаго билета. Книга не была еще отпечатана, и потому надобности въ билетѣ не настояло.“—„А рукопись была одобрена?“—„Была, в. с.“ — Казалось, онъ сомнѣвался въ правдѣ словъ моихъ. „Можете-ли вы представить ее мнѣ?“—„Я взялъ ее съ собою; она у моего кучера. Позвольте послать за нею Фогеля (шпіона 1-го класса), котораго я видѣлъ въ передней (*).“—„Извольте.“ Принесли рукопись. Графъ, увидѣвъ, что она продѣта шнуромъ за печатью и всѣ листы ея помѣчены, сказалъ улыбаясь: „Вы приняли всѣ предосторожности!“ — „Я зналъ,“ отвѣчалъ я, „съ кѣмъ буду имѣть дѣло: эти святоши люди безсовѣстные и наглые.“ Онъ посмотрѣлъ на меня съ удивленіемъ; видно было, что онъ почелъ было меня принадлежащимъ къ шайкѣ Магницкаго и подобныхъ. „Чья это рука?“ спросилъ онъ. —„Рука писаря,“ отвѣчалъ я, „перебѣлившаго переводъ покойнаго Брискорна.“—„А это?“—„Профессора Яковкина.“—„А это?“ — „5-го класса Трескинскаго.“—„А это?“—„Дѣйствительнаго статскаго совѣтника Попова, директора департамента министерства просвѣщенія.“ — „Точно-ли?“ — “Точно, в. с.“—„Да какъ цензоръ могъ дозволить все это?“—„Цензоръ не виноватъ: онъ не читалъ рукописи, и подписалъ ее по волѣ своего начальства, князя Голицына, Рунича, Попова и прочихъ.“—„Чѣмъ вы это докажете?“ спросилъ графъ.—„А вотъ чѣмъ: вотъ стихъ изъ Библіи: Іисусъ ходилъ..... исцѣляя всякую болѣзнь и всякую немощь въ людяхъ. Въ рукописи ошибка: вмѣсто въ людяхъ, написано *въ лошадяхъ*. Еслибы цензоръ читалъ ее, то непремѣнно поправилъ бы эту непростительную ошибку.“ Графъ, разсмѣявшись, согласился со мною, и мы разстались. Въ донесеніи своемъ онъ совершенно оправдалъ меня и другаго содержателя типографіи Края, печатавшаго Нѣмецкій подлинникъ. Вообще, во всемъ этомъ дѣлѣ, графъ Милорадовичъ велъ себя честно и благородно.

Имѣя давнишнюю злобу на Безака, который насолилъ ему въ Турецкую кампанію 1809 года, когда былъ директоромъ канцеляріи князя Багратіона, Милорадовичъ всячески допытывался, не участвовалъ ли и онъ въ этомъ дѣлѣ. Я отвѣчалъ, что я одинъ содержатель типографіи, и только долженъ за нее деньги Безаку.

Комитетъ министровъ рѣшилъ (*) предать суду за составленіе этой книги Попова, Яковкина, Трескинскаго, цензора Бирукова, фонъ-Поля, содержателей типографій Греча и Края. За двухъ послѣднихъ вступились нѣкоторые члены, находя ихъ невинными. Шишковъ замѣтилъ: если они невинны, то оправдаются по суду. Прекрасное сужденіе! Прочіе съ нимъ согласились. Въ послѣдствіи я спрашивалъ у Канкрина: какъ онъ могъ согласиться съ такою гнусностью? Онъ отвѣчалъ: „Дѣло шло о выгодахъ Православія. Нессельродъ, Моллеръ и я, какъ протестанты, не противились ничему, и согласились съ большинствомъ„. Поповъ былъ преданъ суду въ сенатѣ, Трескинскій и оба цензора въ уголовной палатѣ, а мы, содержатели типографій, какъ люди, производящіе свободный промыселъ, въ надворномъ судѣ. Процессъ тянулся. Разумѣется, что въ сенатѣ, какъ въ верхней инстанціи, онъ былъ рѣшенъ прежде нежели въ низшихъ присутственныхъ мѣстахъ. Всѣ сенаторы пристали къ сторонѣ сильнаго Аракчеева, всѣ — кромѣ одного, Ивана Матвѣевича Муравьева-Апостола. Раз-

(*) О немъ ср. Р. Архивъ 1866, стр., 921 въ Воспоминаніяхъ Ѳ. Н. Глинки о Пушкинѣ. *П. Б.*

(*) По выдержкамъ изъ Записокъ Фотія видно, что указъ разобрать дѣло о книгѣ Госнера, данъ 25 апрѣля 1824. *П. Б.*

смотрѣвъ и обсудивъ дѣло со вниманіемъ и чистою совѣстью, онъ написалъ свое рѣшительное и основанное на здравомъ смыслѣ и на законахъ мнѣніе, въ которомъ доказывалъ несправедливость обвиненія и невинность прикосновенныхъ къ дѣлу лицъ, особенно Попова, подлежавшаго непосредственному суду сената. По разногласію въ департаментѣ, дѣло слѣдовало перенести въ общее собраніе. Докладная записка о немъ была напечатана и разошлась въ публикѣ. Изумленіе и негодованіе было всеобщее. Дошло и до государя. Онъ встревожился и хотѣлъ узнать правду; но, не желая сдѣлать этого явно, далъ знать Муравьеву подъ рукою, чтобъ онъ въ такое-то утро былъ въ такой-то аллеѣ Каменнаго Острова, гдѣ Александръ Павловичъ часто прогуливалс съ Елисаветою Николаевною Кусовоюя урожденною Тухачевскою. Въ назначенное утро (это было въ августѣ 1825 года), онъ встрѣтился будто невзначай съ Муравьевымъ, сѣлъ съ нимъ на скамью, сталъ говорить о сенатѣ, и спросилъ, какія важныя дѣла производились у нихъ недавно. Муравьевъ исчислилъ ихъ и въ томъ числѣ назвалъ дѣло Попова. Императоръ пожелалъ узнать подробности, и Муравьевъ разсказалъ все откровенно, смѣло и справедливо. Александръ поблагодарилъ его, но не изъявилъ своего мнѣнія. Вскорѣ потомъ уѣхалъ онъ въ Таганрогъ, гдѣ судьба положила предѣлъ днямъ его. Не знаю, какое бы направленіе принялъ этотъ процессъ при жизни Александра. По вступленіи на престолъ Николая, рухнулось все это зданіе, составленное изъ флигелей Аракчеевскаго и Голицынскаго. Царствовать началъ Россійскій Самодержецъ, и ему не было дѣла, что говорятъ о немъ въ салонѣ мадамъ Сталь, какъ отзовется Шатобріанъ..... Пали и исчезли и протестантскіе іезуиты съ своими библіями, изъ которыхъ Черкесы дѣлали патроны, и съ трактатами, пославшими не одного человѣка въ домъ умалишенныхъ. Пали и исчезли Фотій и другіе монахи, полу-плуты и полу-дураки! Николай Павловичъ умеръ, и его можно хвалить безъ зазрѣнія совѣсти. Скажу прямо и отъ души: и онъ и его внутреннее правленіе Россіи было несравненно лучше его брата. Явишься къ какому нибудь министру, требуешь если не правосудія, то объясненія, отвѣта. Нѣтъ отвѣта: пожимаютъ плечами. Наконецъ добьешься: „ступайте къ графу Алексѣю Андреевичу.“ А этотъ былъ неприступенъ, какъ Китайскій бохдыханъ. При Николаѣ поступали иногда крутенько, но скоро и рѣшительно. При какомъ либо доносѣ, промахѣ или недоразумѣніи, пойдешь къ Фонъ-Фоку или къ Дубельту, или прямо къ Бенкендорфу и къ Орлову, объяснишь дѣло, оправдаешься или получишь замѣчаніе; тѣмъ и кончится. Какъ часто Николай просилъ прощенія у особъ, обиженныхъ имъ въ пылу гнѣва или нетерпѣнія! Внѣшняя политика дѣло иное. Александръ былъ въ ней тѣмъ, чѣмъ быть долженъ великій дипломатъ. Честный, благородный, чуждый притворства, Николай пошелъ бы на врага, какъ рыцарь XIII вѣка, со щитомъ и копьемъ правды, и встрѣтилъ бы штуцера Миньe! Уже теперь (въ іюнѣ 1858) начинаетъ заниматься для Николая заря правды. Со временемъ онъ явится въ исторіи во всемъ своемъ блескѣ чести и доблести.

Процессъ нашъ длился до 1828 года, по всей формѣ суда, и кончился въ сенатѣ совершеннымъ оправданіемъ подсудимыхъ. Я получилъ въ вознагражденіе (25 января 1829 года) чинъ статскаго совѣтника. Этому процессу обязана существованіемъ „Сѣверная Пчела.“ Въ 1824 году, видя, что мнѣ нѣтъ ходу по министерству просвѣщенія, я обратился къ Канкрину съ просьбою принять меня къ себѣ на службу. Онъ зналъ меня и прежде (я имѣлъ случай сдѣлать добро его сестрѣ госпожѣ Шлютеръ), и изъявилъ свое согласіе. Вдругъ узнали, что я преданъ суду. Канкринъ

объявилъ, что я не могу поступить къ нему на службу до оправданія. Что дѣлать? „Сынъ Отечества“ шелъ вяло. Мы съ Булгаринымъ затѣяли изданіе „Сѣверной Пчелы,“ и начали ее съ 1-го января 1825 года.

АДАМЪ ӨОМИЧЪ БРОКЕРЪ.

(Его Записки).

Знаменитый московскій главнокомандующій въ 1812 г. графъ Өедоръ Васильевичъ Ростопчинъ находился въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ къ своему подчиненному, полицемейстеру полковнику Адаму Өомичу Брокеру (*). Для разъясненія этихъ отношеній, будетъ не лишнею слѣдующая краткая біографія А. Ө. Брокера, составленая по оставшимся послѣ него собственноручнымъ Запискамъ, на русскомъ языкѣ, по воспоминаніямъ изъ его разсказовъ и по свѣдѣніямъ, какъ сохранившимся въ его бумагахъ, такъ и сообщеннымъ его сослуживцами, родными и знакомыми.

Собственноручныя Записки Брокера доведены до 1799 года. Приводимъ ихъ вполнѣ, такъ какъ, по нашему мнѣнію, онѣ разъясняютъ многія стороны общественной жизни того времени.

„Дѣдъ мой (говоритъ въ своихъ Запискахъ Адамъ Өомичъ), маіоръ шведской службы, былъ взятъ въ плѣнъ Русскими при разгромѣ Ревеля въ 1710 году, а какъ царю угодно было сохранить пріобрѣтенному городу всѣ права и прерогативы, то дѣдъ мой, Томасъ Брокеръ оставленъ капитаномъ города Ревеля, въ значеніи коменданта ([1]).

„Отца моего (Томаса же) 10-ти лѣтъ помѣстилъ въ военную школу въ Ингельштромъ и вскорѣ умеръ. Бабка моя, испытавъ тягости военной службы, ибо во всѣхъ походахъ находилась съ мужемъ, противилась опредѣленію отца моего въ военную службу и по смерти мужа отправила сына своего въ городъ Архангельскъ, для изученія торговли, къ родственнику своему Беккеру, который основалъ тамъ торговый домъ. Бабка осталась въ Ревелѣ и вдовство свое провела въ домѣ пастора Мейра. Она имѣла доходъ съ земли, пожалованной городомъ дѣду моему; землю эту отецъ мой по смерти ея предоставилъ Мейру.

„Отецъ мой былъ женатъ два раза; я и сестра ([2]) происходили отъ перваго брака. Онъ долго оставался вдовцемъ и отдалъ насъ въ школу ([3]). Отецъ мой имѣлъ хорошее состояніе и очень былъ любимъ въ городѣ; особенно часто навѣщали его моряки; сдружился съ нимъ адмиралъ Ваксель, который очень полюбилъ меня и, имѣя связи въ С.-Петербургѣ, записалъ въ лейбъ-гвардіи Преображенскій полкъ и подарилъ мнѣ мундиръ. Но на 10 году я, за неявкою, изъ списковъ полка исключенъ командующимъ графомъ Толстымъ. Тогда Ваксель посовѣтовалъ учить меня навигаціи и пустить по флоту. Отцу очень понравился этотъ совѣтъ. Оберъ-офицеры нашего флота всѣ почти были Англичане, и отецъ мой отдалъ меня, уговорясь въ платѣ, капитанъ-лейтенанту Гримму, служившему на кораблѣ флагмана Фолдезена, присланнаго для пріема и препровожденія эскадры изъ Архангельска въ С.-Петербургъ.

„Фолдезенъ пріятельски былъ принятъ въ нашемъ домѣ и согласился зачислить меня на корабль юнкеромъ,

(*) Письма гр. Ростопчина къ Брокеру помѣщены будутъ ниже.

([1]) На полѣ собственноручныхъ Записокъ, Брокеръ отмѣтилъ: «Опредѣленіе дѣда моего въ сію должность найдено въ бумагахъ отца и хранилось у меня, но, въ 1812 году, сгорѣло вмѣстѣ съ домомъ, ибо не имѣлъ я времени думать тогда о принадлежностяхъ собственныхъ».

([2]) Дарья Өоминишна Брокеръ, впослѣдствіи вышла за извѣстнаго въ Архангельскѣ коммерціанта Классена, у котораго государь императоръ Александръ Павловичъ останавливался въ домѣ, во время высочайшаго пребыванія въ Архангельскѣ.

([3]) Въ школѣ обучались дѣти обоего пола вмѣстѣ.

такъ какъ по регламенту Петра Великаго запрещено принимать на военные корабли волонтеровъ. Тутъ началась моя морская школа. Вахты были росписаны по часамъ днемъ и ночью и, когда наступала очередь Гримма, то и я долженъ былъ являться и, какъ скоро задремлю, Гриммъ приказывалъ развязать меня на пушку. Гонялъ подбирать рифы, а во время штурма гонялъ черезъ салпазъ, тогда какъ руки мои такъ еще были малы, что не могли обхватывать ванты ([4]); если же отъ страха я хотѣлъ пролѣзть въ собачью диру, ибо косыя ванты висятъ надъ моремъ, то Гриммъ тотъ же часъ самъ за мною и жгучимъ ударомъ принуждалъ меня исполнить приказаніе. Фолдезенъ и капитанъ Сорокинъ обратили на юные года мои вниманіе, и я поступилъ подъ покровительство флагмана, который и держалъ меня большею частью въ каютѣ. Я не могъ переносить корабельной качки и всегда былъ боленъ, но мои Англичане-начальники, также какъ и я начавшіе служеніе въ Англійскомъ флотѣ юнкерами, мнѣ не вѣрили. Во время этаго похода черезъ океанъ, находился на кораблѣ нашемъ артиллеріи генералъ или полковникъ съ чернымъ лицомъ и кудрявыми, какъ у араповъ, волосами; онъ былъ посланъ за штрафъ Екатериною Великою ([5]), былъ уважаемъ флагманомъ и также принялъ во мнѣ участіе. Когда мы достигли Копенгагена, онъ взялъ меня, съ дозволенія флагмана и Гримма, на берегъ. Это были пріятнѣйшія минуты, послѣ претерпѣнныхъ мною мученій. Здѣсь наша эскадра соединилась съ флотомъ, посланнымъ для навигаціи подъ командою Чичагова, который принялъ нашего контръ-адмирала подъ свою команду. Я жилъ въ Копенгагенѣ въ трактирѣ съ Ганнибаломъ, и всѣ офицеры нашего корабля насъ навѣщали. Когда послѣдовалъ приказъ сняться съ якоря, то за нами прислали шлюбку, и мы отправились къ Ревелю, гдѣ съ Ганнибаломъ я былъ нѣсколько дней на берегу и отыскалъ нѣкоторыхъ знавшихъ по фамильнымъ связямъ отца моего. Отсюда пошли въ Кронштадтъ, куда и прибыли благополучно. Гриммъ помѣстился со мной въ наемной квартирѣ. Это былъ самый безпечный человѣкъ; онъ ни о чемъ не заботился, уйдетъ на цѣлый день въ гости, а меня оставитъ голодать; деньщики изъ состраданія кормили меня. Денегъ, которыя получалъ отъ моего отца, не давалъ мнѣ ни копѣйки, ибо еще до прибытія въ Кронштадтъ израсходовалъ ихъ, а исключая жалованья, доходовъ не имѣлъ. Я сталъ задумывать, какъ бы мнѣ избавиться мученій и голода. Еще по отъѣздѣ изъ Ревеля имѣлъ я порученіе доставить письмо къ адміралу Грейгу, который былъ въ Кронштадтѣ командиромъ надъ портомъ. Не помню, кто мнѣ далъ это письмо, но помню, что адміралъ обласкалъ меня и приказалъ капитану часто отпускать къ себѣ. Зналъ я также, что въ Петербургѣ, на Васильевскомъ острову, въ домѣ Мартини, живетъ моя тетка по матери; но ни къ отцу, ни къ теткѣ не имѣлъ я способа и возможности писать, а пожаловаться на моего притѣснителя Грейгу боялся, зная строгость капитана. Случай помогъ. Адміралъ Грейгъ задумалъ дать балъ и приказалъ, чтобы я былъ на ономъ. Мнѣ пришло на мысль бѣжать къ теткѣ съ бала. Я разсказалъ объ этомъ деньщику, который, зная гоненіе, которыя я претерпѣваю, согласился нанять для меня ямщика парой и поставить къ дому Грейга. И такъ, часовъ въ 11-ть, я вышелъ въ баль-

([4]) По словарю В. И. Даля, *рифы* значатъ поперечныя подвязки на парусахъ для убавки ихъ, при крѣпкомъ вѣтрѣ; а *ванты*—толстыя смоленыя веревки, держащія мачту съ боковъ; слово *салпазъ* намъ неизвѣстно. *П. Б.*

([5]) Здѣсь говорится объ Осипѣ Абрамовичѣ Ганнибалѣ, дѣдѣ А. С. Пушкина; вина его была —дурное обращеніе съ женою. *П. Б.*

номъ нарядѣ и съ Богомъ отправился; морозъ былъ въ 20 градусовъ, ямщикъ укрылъ меня тулупомъ. Утромъ мы пріѣхали и отыскали въ 1-й линіи домъ. Теткѣ я во всемъ признался, она очень мнѣ обрадовалась. Была она очень стара и не выходила почти изъ комнаты, рядомъ съ нею жили три дѣвушки, изъ коихъ младшей было лѣтъ подъ 60. Всѣ онѣ полюбили меня, и я попалъ въ нѣгу и баловство; познакомили меня съ хозяиномъ, у котораго былъ сынъ моихъ лѣтъ, съ нимъ-то я узналъ Петербургъ. Но пріятное положеніе, въ которомъ я находился, меня тяготило; я затруднялся писать моему отцу о побѣгѣ. Тетушка написала и приказала мнѣ въ письмѣ своемъ откровенно описать всѣ мои проказы. Отецъ мой получилъ также письмо отъ адмирала Грейга, который не только одобрилъ поведеніе мое, но предлагалъ взять къ себѣ, зачислить въ флотской батальонъ и въ короткое время сдѣлать флигель-адъютантомъ къ себѣ (на что въ тогдашнее время предоставлено было адмираламъ право), а вмѣстѣ съ тѣмъ давался и чинъ соотвѣтственно назначенію. Но отецъ мой имѣлъ дурное понятіе объ офицерахъ флотскаго батальона, а потому не согласился. Зная, что въ Архангельскъ назначенъ въ командировку съ партіею матросовъ капитанъ Скотъ, упросилъ его привести меня въ Архангельскъ.

„Здѣсь я въ первый разъ увидѣлъ мачиху. Сестра моя была въ жалостномъ положеніи; мы пользовались любовью только родителя. Когда сдѣлался разладъ съ Англичанами (6), то повелѣно было адмиралу Макарову съ нѣсколькими фрегатами отправиться въ море для защиты Соловецкаго монастыря. Макаровъ былъ пріятелемъ моему отцу и, нуждаясь въ переводчикѣ съ Англійскаго языка, предложилъ отпустить меня съ нимъ въ походъ, и я съ адмираломъ отправился. Должность моя состояла въ осмотрѣ документовъ у встрѣчаемыхъ въ морѣ кораблей, не принадлежатъ ли они Англіи и если то оказывалось, мы должны были конфисковать ихъ и брать, какъ призы. Военныхъ кораблей Англіи мы не встрѣтили; съ однимъ только переговорили выстрѣлами; но онъ, удостовѣрившись въ нашей силѣ, по легкости судна ушелъ и скрылся; догнать его мы не могли. Напослѣдокъ получено приказаніе возвратиться въ портъ, такъ какъ непріятельскихъ судовъ въ морѣ не было.

„Архангельскимъ и Олонецкимъ генералъ-губернаторомъ былъ въ то время Тимоѳей Ивановичъ Тутолминъ. Ему предписано было сформировать въ Олонцѣ волонтеровъ, обмундировать ихъ, выучить и отправить въ С.-Петербургъ для дѣйствія противъ Шведовъ. Онъ предложилъ мнѣ ѣхать съ нимъ въ Олонецъ съ тѣмъ, что опредѣлитъ меня въ волонтеры офицеромъ. Отецъ согласился на это, и я отправился съ Тимоѳеемъ Ивановичемъ. За нимъ послѣдовалъ Арсеньевъ, его родственникъ, добрѣйшій человѣкъ, которому меня поручили, и Полторацкій. Я долженъ былъ являться съ 9 часовъ утра и состоять при кабинетѣ; завтракалъ и обѣдалъ всегда вмѣстѣ съ ними и никогда не забуду родительскаго попеченія обо мнѣ Варвары Алексѣевны (7). Здѣсь я сдружился со всѣми родственниками ихъ, а также съ жителями города. Въ Олонцѣ былъ пушечный заводъ, учрежденный Англичаниномъ Госкони, который и управлялъ имъ, за что получилъ чинъ генерала. Онъ полюбилъ меня и какъ по русски не говорилъ ни слова, то Тимоѳей Ивановичъ приказалъ мнѣ ежедневно отъ 12 до 3 часовъ являться на заводъ, гдѣ я переводилъ приказанія Госкони мастеровымъ. Онъ получалъ отъ императрицы огромное

(6) Въ 1789 году? *П. Б.*

(7) Вѣроятно жена Арсеньева.

жалованье и жилъ отлично. Семейство его составляла дочь Марья Карловна, образованнѣйшая дѣвица изъ всей Олонецкой публики; она впослѣдствіи вышла за мужъ за Александра Марковича Полторацкаго.

„Тимоѳей Ивановичъ Тутолминъ былъ самый пышный генералъ-губернаторъ. При учрежденіи губерній онъ былъ употребленъ императрицей для открытія оныхъ. Когда выѣзжалъ, то его всегда конвоировала большая свита штабъ и оберъ-офицеровъ и вновь сформированные драгуны. Въ табельные дни обѣдалъ онъ у подножія трона ([8]), а всѣ прочіе за большими столами; вечеромъ давался балъ съ церемоніею придворною. Хотя я былъ приписанъ къ формировавшимся волонтерамъ, но состоялъ при немъ, и въ назначенные часы при Госкони. На балы приглашались всѣ жители Олонца, и служащіе, и дворяне, и купцы. Балы были веселые и оканчивались въ 3 часа. Я долженъ былъ открывать балъ польскимъ, даму выбиралъ по приказанію Тутолмина, а во второй парѣ шелъ онъ самъ. Отходя польской, начинали Крзелой (sic), гдѣ Тутолминъ танцовалъ въ первой парѣ; по окончаніи этаго, контртанецъ, который я всегда танцовалъ съ Марьей Карловной или съ дочерью вицегубернатора Чичерина. Въ Олонцѣ мы прожили годъ.

„Между тѣмъ повелѣно формировку баталіоновъ оставить, набранныхъ зачислить за рекрутъ и Тутолмину явиться въ С.-Петербургъ. „Ну, Брокеръ", сказалъ онъ, дѣлать нечего, надо и тебѣ ѣхать—тамъ я опредѣлю тебя въ гвардію". Я отправился въ его свитѣ и въ 1791 году былъ имъ опредѣленъ въ Семеновскій полкъ подпрапорщикомъ, прослужилъ 4 года, а въ 1795 году съ чиномъ поручика отъ арміи вышелъ въ отставку. Въ это—то время сдружился я съ Алексѣевымъ, Запольскимъ, Колюбякинымъ, Алфимовымъ, Огородниковымъ. Всѣ мы состояли въ одной командѣ, жили на общихъ хлѣбахъ, какъ братья. Чрезъ Алексѣева ([9]) я сдѣлался любимцемъ графа и графини Салтыковыхъ, которыхъ Богъ привелъ мнѣ похоронить въ ихъ Ярославской вотчинѣ. Тогда отъ отца я почти не получалъ пособія, игралъ въ карты, мастерски на билліардѣ, былъ счастливъ въ игрѣ, дѣлилъ все съ друзьями и ни въ чемъ себѣ не отказывалъ. Наклонности къ игрѣ я никогда не имѣлъ: то была необходимость, иногда непріятная. Сколько разъ спасалъ я друзей отъ проигрыша навѣрное. Цѣня дружбу выше денегъ, умножалъ число пріятелей.

„При производствѣ меня въ офицеры отецъ прислалъ 300 руб. и просилъ пріѣхать къ нему. Выпросивъ въ полку Архангельскаго уроженца грена-

([8]) Къ этому конечно относится выраженіе Державина про Екатерининскихъ намѣстниковъ: «на карточныхъ престолахъ сидятъ мишурные цари». (изд. Я. К. Грота I, 249) У Державина съ Тутолминымъ были непріятности по службѣ. *П. Б.*

([9]) Въ 1797 году фельдмаршалъ графъ Иванъ Петровичъ Салтыковъ былъ опредѣленъ въ Москву главнокомандующимъ на мѣсто князя Юрія Владиміровича Долгорукова. Съ нимъ пріѣхалъ и адъютантъ его, другъ и сослуживецъ Брокера, Илья Ивановичъ Алексѣевъ. Бывшій въ то время оберъ-полицеймейстеръ Эртель опредѣлилъ его въ угодность графу полицеймейстеромъ. Проживая въ Крутицахъ, Алексѣевъ формировалъ полицейскихъ драгунъ и довелъ ихъ до такого совершенства, что въ послѣдствіи государю Александру Павловичу угодно было переименовать ихъ въ Митавскій драгунскій полкъ, а его назначить, въ 1806 году, шефомъ, съ приказаніемъ выступить въ Литву и на походѣ комплектовать и обучать полкъ. Съ полкомъ своимъ Алексѣевъ отличался въ Шведскую кампанію. Въ 1820 году, командуя корпусомъ, даннымъ ему гр. Воронцовымъ въ Мобежѣ, онъ привелъ его благополучно въ Россію. Израненный, всѣми любимый, добрѣйшій генералъ-лейтенантъ Алексѣевъ, получилъ безсрочный отпускъ и проживалъ съ сохраненіемъ всѣхъ окладовъ въ Москвѣ, гдѣ и скончался въ 1831 году въ собственномъ домѣ въ Старой Конюшенной. Илья Ивановичъ, отъ брака съ Натальей Филиповною Вигель, имѣлъ двухъ сыновей, изъ коихъ старшій былъ жертвой холеры 1830 года.

ѵера Батурина, я съ нимъ благополучно доѣхалъ. Тутъ я насладился ласкою и любовью; меня чествовали праздниками и обѣдами. Но прошло четыре мѣсяца, нужно было снова ѣхать въ Петербургъ и искать службы. Цѣль моя была поступить въ военную. Другъ мой Илья Иван. Алексѣевъ отъ полка отчислился въ штабъ графа Салтыкова, который находился тогда въ Польшѣ. Онъ писалъ, что графъ опредѣлитъ меня къ себѣ. Но все перемѣнилось. Графиня исходатайствовала, чтобы графъ былъ вытребованъ въ Петербургъ, и онъ вступилъ опять въ командованіе полкомъ лейбъ-гвардіи, котораго онъ былъ подполковникомъ и генералъ-адъютантомъ. При императрицѣ таковую должность занимали тогда знатнѣйшіе люди. Пріѣхавъ въ С.-Петербургъ, я остановился у своихъ друзей въ полку, въ ожиданіи графа Салтыкова. Когда же онъ возвратился, то я немедленно явился къ нему, и графиня приказала мнѣ жить вмѣстѣ съ Алексѣевымъ въ ея домѣ, призвала управляющаго Головлева и приказала, буде мы не придемъ къ столу, то подавать обѣдъ къ намъ. Здѣсь жили мы пріятно и весело, пользовались большимъ знакомствомъ и, по милости графа и графини, все было къ нашимъ услугамъ.

„Однажды графъ прислалъ за мною своего камердинера Лошевскаго и спросилъ: „Можете ли вы исполнить порученіе графини Дарьи Петровны?" Я отвѣчалъ: „Почту за счастіе исполнить волю моей благодѣтельницы". Самъ привелъ меня къ графинѣ и вышелъ. Графиня сказала: „Я имѣю къ вамъ порученіе, которое удалитъ васъ вмѣстѣ съ вашимъ другомъ изъ С.-Петербурга; согласны ли вы?" „За счастіе поставлю", отвѣтилъ я. „У меня, въ Калужской губерніи, продолжала графиня, есть боръ, который я желаю продать, а вмѣстѣ съ тѣмъ желаю обревизовать Московскую мою контору и подмосковную. Я дамъ Алексѣеву довѣренность смѣнять управляющихъ, а какъ онъ плохо свѣдущъ въ счетоводствѣ, то вы займетесь продажею бора и ревизіею. Алексѣева я очень люблю, но во всемъ полагаюсь на тебя. Поѣздка будетъ самая пріятная, ибо вы будете дѣлать вояжъ этотъ въ нашемъ лицѣ, и все будетъ къ вашимъ услугамъ. Въ погребахъ вина у меня много, а въ Калужскомъ имѣніи моемъ запасы еще Чернышевскіе (10); черезъ недѣлю, когда приготовятъ всѣ бумаги, васъ отправятъ". И ровно черезъ недѣлю отправился я съ Алексѣевымъ въ Москву, гдѣ провели нѣсколько пріятныхъ дней, ѣздили на два дня въ подмосковную Марѳино, тамъ воспользовались графской охотой; потомъ отправились въ Калугу, откуда черезъ двое сутокъ, взявъ съ собою купца Алтынникова и управляющаго Погодина (11), поѣхали въ вотчину графини со всѣми планами и бумагами. Цѣна не соотвѣтствовала достоинству бора, и это задерживало продажу. Къ намъ съѣзжались сосѣди Мещевскаго уѣзда, и каждый день мы веселились; вечеромъ многочисленная дворня пѣла и плясала. Здѣсь я получилъ извѣстіе о смерти отца и, какъ дѣло наше почти было кончено, поскакалъ въ Архангельскъ, куда меня вызывали для устройства дѣлъ

„Еще при жизни, отецъ приказывалъ мнѣ, въ случаѣ его смерти, раздѣлить

(10) Графиня Дарья Петровна Салтыкова была дочь гр. Петра Григ. Чернышева.

(11) Въ 1817 году, завѣдуя всѣми имѣніями графа Ростопчина, полицеймейстеръ Брокеръ былъ внезапно переведенъ по Высочайшему соизволенію полицеймейстеромъ же въ Петербургъ и въ письмѣ къ графу, находившемуся тогда въ Парижѣ, отъ 29-го ноября, пишетъ: «Я взялъ Погодина (Петра Моусѣевича) котораго знаю 30 лѣтъ по дому Салтыкова за добраго и честнаго человѣка и положилъ ему 100 руб. въ мѣсяцъ жалованья: онъ будетъ исполнять мои приказанія въ Москвѣ». Съ тѣхъ поръ Петръ Моусѣевичъ до смерти своей занимался по дѣламъ графа и съ честью оправдалъ рекомендацію Брокера.

все имущество на три части — мнѣ, мачихѣ и сестрѣ. Напрасно мачиха искала завѣщанія: его не было. Пріѣхавъ, я такъ и сдѣлалъ. Мачиха, не ожидавъ такой снисходительности, очень была обрадована и отправилась со всѣми своими пожитками въ С.-Петербургъ, гдѣ жили ея родители. Мы зажили съ сестрой пріятно; меня всѣ любили и старались женить на прекрасно воспитанной дочери вице-губернатора Бибикова, но я ни мало о томъ не думалъ. У насъ часто гостила двоюродная сестра моя Дарья Ивановна Фонъ-Бринъ. Однажды я еще спалъ, какъ домъ мой загорѣлся. Я вышелъ въ одномъ халатѣ, взявъ со стола часы, кошелекъ и книжку; множество людей нахлынуло въ комнаты, вытаскивали имущество. Увидавъ, что изъ погреба, который былъ хорошо снабженъ моимъ отцемъ, вытаскиваютъ вина, я просилъ губернатора Гревенца спасти его. Я узналъ, что пожаръ произошелъ отъ поджога, а какъ поджоги эти часто происходили въ городѣ, то и счелъ обязанностію объяснить о семъ военному губернатору Лестоку. „Вы, вѣрно, полагаете, сказалъ онъ мнѣ, что я сюда опредѣленъ въ сторожа къ обывательскимъ домамъ"? На что я поклонился и, выходя, объявилъ, что буду жаловаться. Тотчасъ, по пріѣздѣ въ Петербургъ, подалъ просьбу на имя государя императора Павла Петровича прокурору кн. Александръ Борисовичу Куракину, который распрашивалъ меня и, сверхъ ожиданія, принялъ благосклонно. На другой же день просьба моя была доложена, и отправленъ фельдъегерь съ Высочайшимъ повелѣніемъ. Такое сильное впечатлѣніе на сердце императора и докладчика просьба моя произвела потому, что была подтверждена свидѣтельствомъ обывателей всего города. Оказалось, что поджоги производили солдатскіе дѣти. Губернаторъ подалъ въ отставку и получилъ увольненіе, а мои убытки велѣно пополнить на его счетъ. За тѣмъ я сталъ искать службы.

„Еще служа въ гвардіи, я пользовался благосклонностію кн. Алекс. Андр. Безбородки. Я жилъ въ домѣ Петра Андреевича Данилова, котораго князь очень любилъ; къ нему и отправился я просить объ опредѣленіи меня по почтовому вѣдомству, ибо онъ управлялъ, какъ первый министръ, иностранныхъ дѣлъ, иностранною коллегіею и почтовымъ департаментомъ. Князь принялъ меня очень благосклонно и обѣщалъ немедленно опредѣлить. Спросилъ потомъ черезъ Данилова, гдѣ я желаю служить, въ С.-Петербургѣ или въ Москвѣ. Скаталъ я двѣ бумажки: по жребію вышла Москва, и отправился къ князю. Онъ совѣтовалъ остаться въ Петербургѣ, говоря, что лучше служить тамъ, гдѣ находится высшее начальство, но я вѣренъ былъ жребію. Князь написалъ собственноручную записку къ почтдиректору въ Москвѣ Ивану Борисовичу Пестелю, которую я лично доставилъ ему и немедленно былъ опредѣленъ въ **1798 г.** помощникомъ экспедитора отправленія всѣхъ почтъ. Вскорѣ назначили меня, по болѣзни экспедитора Огородникова, къ исправленію должности его. Тутъ я открылъ большія злоупотребленія. Отправляли черезъ газетную экспедицію партикулярныя письма и посылки. Этимъ руководствовалъ Лукьянъ Як. Я...въ, отправляя частную кореспонденцію въ тюкахъ газетныхъ, что доставляло значительный доходъ чиновникамъ, ибо учреждена была другая пріемная, „воровская" экспедиція. Это открытіе по произведенному мною слѣдствію дало мнѣ большое уваженіе. Многіе тутъ были виноваты и, можетъ быть, въ сердцѣ меня ненавидѣли, но боялись, выключая почтеннаго экспедитора Треборна (12), кото-

(12) Яковъ Ивановичъ Треборнъ изъ Гатчинскихъ офицеровъ, въ послѣдствіи былъ почтдиректоромъ въ Тамбовѣ и заслужилъ всеобщую любовь и уваженіе; дворяне тогда охотно опре-

рый одобрялъ меня и не очень былъ расположенъ къ любимцу Пестеля Ник. Иван. Трескину (13). Когда была коронація императора Павла 1-го, князь Александръ Андреевичъ былъ въ Москвѣ, и я былъ откомандированъ по тракту до Саратова, по именному повелѣнію императора, по жалобѣ ямщиковъ съ тѣмъ, чтобы они были немедленно удовлетворены, каковое порученіе выполнилъ съ точностію. Въ Саратовѣ навѣстилъ я друга моего Алфимова; онъ былъ женатъ на Марѳѣ Александровнѣ Плюсковой; у него проживали мать и сестра жены его,прекрасная дѣвица Наталья Александровна, и всѣ они непремѣнно хотѣли женить меня на этой дѣвицѣ.— Но сердце мое было занято: влюбился я во вторую дочь Треборна,„Катерину, на которой въ 1799 году и женился".

Здѣсь оканчиваются собственноручныя Записки Брокера; мы дополнимъ ихъ разсказами его о знакомствѣ съ графомъ Ростопчинымъ и о причинахъ, по которымъ Брокеръ оставилъ службу при почтамтѣ.

Еще въ 1798 г., видаясь почти ежедневно съ другомъ своимъ И. И. Алексѣевымъ, который въ то время былъ полицеймейстеромъ въ Москвѣ, Брокеръ познакомился у него съ почтеннымъ Орловскимъ помѣщикомъ Василіемъ Ѳедоровичемъ Ростопчинымъ. Благодушный старичокъ этотъ часто ѣздилъ въ Москву и самъ хлопоталъ по всѣмъ дѣламъ своимъ; любилъ простыхъ и добрыхъ людей; пользовался услугами Брокера по почтамту и даже, въ одинъ пріѣздъ, останавливался у него въ его убогой квартирѣ (14). Не только не стѣснялъ онъ собиравшуюся у Брокера молодежь, но самъ участвовалъ во всѣхъ увеселеніяхъ и поощрялъ ихъ. Въ то время сынъ его графъ Ѳедоръ Васильевичъ пользовался особымъ расположеніемъ императора Павла Петровича, чему добродушный Василій Ѳедоровичъ сердечно радовался, приговаривая, что его сынъ отлично учился и всегда былъ уменъ не по лѣтамъ. Въ 1799 году онъ скончался. Брокеръ былъ извѣстенъ и графу Ѳедору Васильевичу, для котораго онъ, какъ и для отца его, исполнялъ всѣ порученія по почтамту. Съ 1801 года графъ проживалъ то въ Москвѣ, то близь нея въ селѣ Вороновѣ или въ другихъ деревняхъ своихъ и самъ занимался хозяйствомъ. Въ 1809 году, во время пребыванія государя въ Москвѣ, графъ снова обратилъ на себя высочайшее вниманіе. Брокеръ съ генваря 1810 года былъ въ отставкѣ, искалъ мѣста и, въ 1812 году, получилъ его: 6 го іюля, по докладу, какъ говорилъ онъ, Якова Ивановича Десанглена, находившагося при государѣ въ Вильнѣ, повелѣно быть ему московскимъ полицемейстеромъ (15). Не мудрено, что представленіе послѣдовало отъ графа Ростопчина, который оцѣнилъ самостоятельную дѣятельность Брокера и одобрялъ причину, по которой Брокеръ вышелъ изъ почтамта. Твердый поступокъ нравился графу. 12-го іюля (16) графъ представилъ государю новаго полицемейстера, и Брокеръ въ тотъ же день

дѣлялись сверхштатными чиновниками почтамтовъ. Еще недавно многіе въ Тамбовѣ вспоминали о Яковѣ Ивановичѣ. Отецъ его былъ мстрдотелемъ Петра III-го и его любимцемъ.

(13) Николай Ивановичъ Трескинъ впослѣдствіи былъ губернаторомъ восточной Сибири, а Пестель ея генералъ-губернаторомъ; онъ долго не выѣзжалъ, управляя Сибирью изъ С.-Петербурга, на что гр. Ѳед. Васильев. Ростопчинъ замѣчалъ: У Пестеля отличное зрѣніе, онъ далеко видитъ.

(14) Маленькіе, вѣтхіе, деревянные домики, въ которыхъ въ то время жили почтовые чиновники, находились на пустопорожней землѣ, что по Мясницкому бульвару, гдѣ нынѣ выстроили великолѣпное зданіе мальпостовъ.

(15) Приводимъ копію съ указа правительствующему сенату: «Коллежскому совѣтнику Брокеру повелѣваемъ быть Московскимъ полицемейстеромъ» .На подлиномъ подписано собственною его императорскаго величества рукою тако: «Александръ. Контрасигнировалъ министръ полиціи А. Балашевъ. Въ Альховцѣ 6-го іюля 1812 года.»

(16) 12-го іюля 1812 года государь пожаловалъ въ Москву.

переименованъ по высочайшему повелѣнію изъ коллежскихъ совѣтниковъ въ полковники.

Вотъ обстоятельства, по которымъ, какъ мы слышали, Брокеръ оставилъ службу при почтамтѣ. Почтдиректоромъ вмѣсто Пестеля тогда былъ Өед. Петр. Ключаревъ ([17]). Масонскій мистицизмъ свой онъ умѣлъ прикрывать самою добродушною завѣсою и по этому уже былъ противенъ откровенному Брокеру, который зналъ цѣну добродушныхъ масоновъ, вовлекшихъ многихъ въ совершенное разореніе; но когда Ключаревъ приблизилъ къ себѣ Л. Я. Як—ва, Брокеръ сдѣлался внимательнѣе. Въ то время почтдиректоры злоупотребляли дарованнымъ имъ правомъ вести подъ своимъ пакетомъ переписку. Вмѣсто нея они посылали и получали подъ этою казенною печатью цѣлые тюки. Не ограничиваясь Россіей, даже изъ за-границы выписывали они все, что́ желали. Брокеръ былъ экспедиторомъ иностранной экспедиціи; пришла заграничная почта, и одна посылка разбилась; въ ней находились запрещенныя тарифомъ брауншвейгскія табакерки ([18]). При разборѣ этой почты находился чиновникъ Рудольфъ. По обязанности службы, слѣдовало составить актъ, который, по настоянію Брокера, и былъ составленъ. Посылка шла подъ почтдиректорскимъ пакетомъ. Ключаревъ вознегодовалъ и, призвавъ Рудольфа, обвиняя его въ обнаруженіи тайны пакета, приказалъ ему немедленно подать въ отставку. Рудольфъ былъ человѣкъ семейный, бѣдный и безъ всякихъ связей. Пылкій Брокеръ взялъ отпускъ, поѣхалъ въ Петербургъ и тамъ объяснилъ дѣло главноначальствующему кн. Куракину ([19]); выхлопоталъ Рудольфу мѣсто почтмейстера, а самъ, возвратившись, подалъ въ отставку, которую и получилъ въ январѣ 1810 года, а въ мартѣ того же года пожалованъ чиномъ коллежскаго совѣтника.

Графъ Ростопчинъ не любилъ масоновъ; онъ конечно лучше другихъ зналъ лицъ, навлекшихъ на себя подозрѣніе Екатерины II, изъ коихъ нѣкоторыя были, при немъ, помилованы Павломъ I. Могъ ли графъ, въ періодъ отечественной войны, довѣрять духу германскаго масонскаго братства? Смѣшно было бы останавливаться предъ завѣтною масонскою тайной, когда всякая тайна, въ эпоху эту, дѣлалась подозрительною. Конечно не месть и навѣты, какъ нѣкоторые предполагали, руководили графомъ при удаленіи изъ Москвы Ключарева, вліятельнаго члена тайныхъ обществъ. Мы, въ концѣ сей біографіи, сочли не лишнимъ передать, что́ слышали объ арестѣ Ключарева, о слѣдствіи и расправѣ съ Верещагинымъ, къ чему прибавили нѣкоторыя распоряженія по полиціи въ 1812 году и списокъ, съ отмѣтками на немъ, разныхъ лицъ, бывшихъ въ сношеніяхъ съ Французами, во время пребыванія ихъ въ Москвѣ: все это найдено нами въ бумагахъ Брокера.

Брокеръ былъ дѣятеленъ, необыкновенно вспыльчивъ, откровененъ и въ высшей степени не злопамятенъ. О примѣрномъ безкорыстіи его сохранилось много разсказовъ и доказательствъ. Такъ, однажды (въ 1813 г.) откупщики поднесли Брокеру значительныя для того времени деньги, 30 тысячъ руб. и,

([17]) Өедоръ Петровичъ Ключаревъ, изъ вольноотпущеныхъ графа Шереметева, воспитанникъ Московскаго университета при Шварцѣ. Гамалей и Лопухинъ особенно ему покровительствовали. Извѣстно, какъ многіе черезъ масонство составили себѣ служебную карьеру.

([18]) Какое значеніе игралъ Брауншвейгъ въ масонскихъ ложахъ, смотри «Новиковъ и мартинисты» Лонгинова, стр. 186, и хотя авторъ на стр. 232 говоритъ: что, съ 1785 года не имѣется документовъ о сношеніяхъ московскаго масонства съ заграничнымъ, но по этому разсказу Брокера видно, что масоны въ Москвѣ сохраняли о Брауншвейгѣ пріятныя воспоминанія. Ложи особенно распространились въ Москвѣ съ 1807 г. и офиціально закрыты въ 1821 году.

([19]) Князь Алексѣй Борисовичъ Куракинъ назначенъ въ 1807 году министромъ внутреннихъ дѣлъ; подъ его же управленіе поступило и почтовое вѣдомство.

чтобы скрыть даръ свой, спрятали его на дно корзины съ фруктами. Они добивались продлить время торговли въ кабакахъ. Брокеръ немедленно представилъ найденныя деньги главнокомандующему: тогда послѣдовало приказаніе на деньги эти выстроить увеселительную бесѣдку, которая, какъ сообщалъ намъ Синяевъ (20), и выстроена на Тверскомъ бульварѣ (21); тогда же Брокеръ получилъ отъ государя брилліантовой перстень (22).

Не бравъ никакихъ приношеній, Брокеръ не понималъ до глубокой старости, что можно давать ихъ. Такъ, когда производилось нескончаемое слѣдственное дѣло о подтопѣ его мельницы, пріѣхавшій на слѣдствіе становой попросилъ у него въ займы 100 руб. сер. на починку будто бы коляски: фигурный языкъ этотъ всякому былъ понятенъ; но Брокеръ, давъ 100 руб., вспомнилъ объ этомъ займѣ черезъ 25 лѣтъ и удивлялся, какъ можно было забыть долгъ, взятый на честное слово.

Узнавъ по опыту дѣятельность и безкорыстіе Брокера, графъ Ѳедоръ Васильевичъ Ростопчинъ удостоилъ его своею дружбою и довѣріемъ, поручилъ ему всѣ дѣла свои и имѣнія; назначилъ его исполнителемъ своей посмертной воли и опредѣлилъ опекуномъ и попечителемъ надъ малолѣтнимъ сыномъ своимъ гр. Андреемъ Ѳедоровичемъ.

Адамъ Ѳомичъ скончался въ 1848 году на 77 году жизни, въ совершенной бѣдности, переживъ своихъ благодѣтелей, многихъ друзей и пріятелей.

Вотъ что слышали мы, какъ отъ Брокера, такъ и отъ нѣкоторыхъ почтовыхъ чиновниковъ по дѣлу о Верещагинѣ. Домъ почтамта перестроенъ и утратилъ тотъ видъ, какой имѣлъ при Ключаревѣ. Тогда надъ вторымъ его этажемъ былъ бельведеръ, который прикрывался громаднымъ, двухглавымъ орломъ съ распростертыми крыльями; въ этомъ-то бельведерѣ проживалъ сынъ Ключарева, 25-лѣтній юноша; къ нему часто приходилъ сынъ пивовара, пріятель его, молодой человѣкъ Верещагинъ (23); повидимому, оба они принадлежали къ масонству. Верещагинъ зналъ хорошо французскій и нѣмецкій языки; онъ прочитывалъ у сына почтдиректора иностранные газеты и журналы—безъ цензуры. Такое противузаконное дѣло производилось слѣдующимъ образомъ: цензоры, прочитавъ журналы и отмѣтя запрещеное въ нихъ карандашемъ, по одному номеру приносили въ кабинетъ почтдиректора для просмотра; сынъ Ключарева бралъ ихъ, можетъ быть несвѣдома отца (24) и дѣлился съ легкомысленнымъ Верещагинымъ. Въ кофейныхъ и другихъ публичныхъ домахъ полиція давно замѣчала молодаго человѣка, который либерально разглагольствовалъ о политикѣ иностранной и

(20) Пав. Степ. Синяевъ, приставъ слѣдственныхъ дѣлъ въ Москвѣ, умеръ въ 1864 г.

(21) Любопытно бы повѣрить это въ бумагахъ архива по дѣламъ ген.-губернаторовъ за 1813 г.; но и безъ того Москвичи о томъ помнятъ. П. Б.

(22) Отношеніе министра полиціи къ главнокомандующему въ Москвѣ, отъ 9 фев. 1813 года за № 154, изъ главной квартиры, мѣстечка Конинъ, кн. Варшавское: «По письму ко мнѣ вашего сіятельства доводилъ я до высочайшаго свѣдѣнія о безкорыстномъ поступкѣ Московскаго полицеймейстера Брокера. Государь императоръ, въ изъявленіе благоволенія къ таковому его подвигу, всемилостивѣйше пожаловать ему соизволилъ брилліантовой перстень, которой при семъ препроводить честь имѣю.»

(23) Въ объявленіи графа Ростопчина, напечатанномъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» 1812, № 53, сказано про Верещагина, что онъ «сынъ Московскаго 2-й гильдіи купца, воспитанный иностранцемъ и развращенный трактирною бесѣдою».

(24) Составитель этой статьи съ 1832 по 1851 г. служилъ цензоромъ при Московскомъ почтамтѣ. Цензоры обязывались строжайшими подписками не разглашать тайны и не брать на домъ журналовъ неразрѣшенныхъ цензурою. Номера запрещенной газеты сперва сжигались; оставляли только одинъ экземпляръ; въ послѣдствіи запрещенныя статьи вырѣзывались или вытирались; въ публику ни одинъ изъ нихъ не проникалъ, исключеній ни для кого, а потому и для главнокомандующихъ въ Москвѣ, не было. Московскій университетъ просилъ разрѣшенія о полученіи выписываемыхъ имъ научныхъ журналовъ безъ цензуры; но ему было отказано.

внутренней. Въ то время зорко слѣдили за подобными явленіями; наконецъ въ іюлѣ 1812 года проявилась во многихъ экземплярахъ переведенная на русскій языкъ, переписанная одною рукой, хвастливая и дерзкая прокламація Наполеона о походѣ его на Россію. Съ этой бумагой схваченъ былъ въ кофейной Верещагинъ и представленъ къ главнокомандующему. Немедленно пошли розыски; обнаружилось, что и другіе экземпляры писаны тою же рукою, что писалъ ихъ Верещагинъ; дознано знакомство его съ Ключаревымъ (25). Пылкій графъ, наблюдавшій строго за волненіями въ городѣ, заподозрилъ масонское вліяніе. Его особенно огорчало, что въ эпоху нашествія, явился Русскій измѣнникъ, и онъ конечно повѣсилъ бы его безъ суда и слѣдствія, если бы не остановило его желаніе разъяснить корни разврата (26). Графъ самъ допрашивалъ Верещагина. Къ чести молодаго человѣка сказать нужно, что онъ упорно скрывалъ источникъ, изъ котораго черпалъ политическія свои знанія; графу неизвѣстны были запрещеныя цензурою рѣчи Наполеона, это и погубило Верещагина. Онъ счелъ его за сочинителя пасквилей и за шпіона Французовъ, такъ какъ изъ докладовъ полиціи зналъ о либеральныхъ его толкованіяхъ въ кофейныхъ. Разъ, запирательство его до того озлобило графа, что онъ схватилъ ножницы, которыми рѣжутъ бумагу и хотѣлъ заколоть ими Верещагина. Во всякомъ случаѣ, замѣтя въ юношѣ развращеный умъ и сердце, онъ готовилъ Русскаго измѣнника на поруганіе и казнь.

Поруганіе и казнь совершились. Многіе сказываютъ, что избитый Верещагинъ былъ привязанъ ногами къ хвосту лошади, съ которою казакъ поскакалъ со двора, а за нимъ ринулась толпа народа, нахлынувшаго утромъ 2 сентября на дворъ главнокомандующаго. Трупъ его долго валялся на Тверской (27). Говорятъ также (28), что бывшій при графѣ ординарецъ ударилъ Верещагина палашемъ по головѣ, отъ чего тотъ упалъ, и народъ схватилъ его. Напрасно полагаютъ нѣкоторые, будто графъ произвелъ всю эту операцію, единственно съ цѣлію скрыться отъ народа. Самый домъ графа, на Лубянкѣ (нынѣ г. Шипова), опровергаетъ подобное предположеніе. Домъ этотъ сохранилъ первобытную свою прекрасную форму; тотъ же балконъ, съ котораго графъ говорилъ 2 сентября нетерпѣливому народу, тотъ же подъѣздъ, изъ котораго вывели Верещагина. Онъ имѣетъ два громадныхъ двора, и задній дворъ при графѣ, былъ отдѣленъ отъ передняго каменнымъ заборомъ; а потому, не прибѣгая къ хитрости, можно было незамѣтно отъ народа уѣхать съ задняго двора. Графъ до поздняго вечера находился въ Москвѣ и наблюдалъ лично за проходомъ нашихъ армій.

Брокеръ не былъ при казни Верещагина. Въ ночь съ 1-го на 2 число и утро 2-го онъ исполнялъ распоряженія главнокомандующаго. Приводимъ любопытное, подлинное отношеніе Московской казенной палаты и отвѣтъ Брокера, найденный въ бумагахъ его.

„Г. полковнику, Московскому полицеймейстеру и кавалеру А. Ѳ. Брокеръ.

Г. генералъ маіоръ и кавалеръ Ивашкинъ далъ знать сей палатѣ, что предъ нашествіемъ въ Москву непріятеля съ 1-го на 2 е число сентября 1812 года вечера, отъ главнокомандующаго графа Ростопчина было ему приказано, чтобы

(25) Ключаревъ былъ взятъ ночью оберъ-полицемейстеромъ Ивашкинымъ и отправленъ въ Воронежъ.

(26) Сильные люди того времени на нравственныя нарушенія нѣкоторыхъ формъ, требуемыхъ общежитіемъ, которыя мы нынѣ клеймимъ развратомъ, смотрѣли какъ на шалость. Развратъ заключался, по ихъ мнѣнію въ, извращеніи ума и сердца ложными и вольнодумными идеями.

(27) Слышано отъ почтеннаго архитектора Фихтнера, остававшагося въ Москвѣ; онъ умеръ въ 1845 году.

(28) Такъ разсказывалъ по слухамъ и Брокеръ; ординарца звали, кажется, Бурдаевъ; онъ впослѣдствіи служилъ по полиціи въ Москвѣ, безупречно исполняя свои обязанности.

въ казенныхъ магазинахъ и въ содержательской конторѣ всѣ напитки были выпущены; въ слѣдствіе чего, въ питейную контору командированъ имъ былъ бывшій тогда полицемейстеръ Дурасовъ ([29]), а самъ онъ съ вами, отправился на винный дворъ„ и проч. Въ заключеніе, палата спрашиваетъ, исполнено-ли это порученіе, сколько бочекъ съ виномъ разбито и сколько уцѣлѣло. **1817 г. августа 31, № 8976-й.**

На это Брокеръ отвѣчалъ: „Дѣйствительно въ ночь съ 1-го на 2-е сентября, былъ я оставленъ([30]) оберъ-полицемейстеромъ Ивашкинымъ, для разбитія бочекъ съ виномъ, какъ на дворѣ оставленныхъ, такъ и въ магазейнахъ, и исполнялъ это приказаніе до 7-ми часовъ утра, въ которое время получилъ приказъ явиться къ начальству съ командой, за выходомъ изъ столицы полицейскаго корпуса; а потому, явился съ командой на сборное мѣсто, къ дому оберъ-полицемейстера, что у Красныхъ воротъ, и донесъ, что истребить всѣ бочки, въ подвалахъ хранящіяся, я не могъ, за полученіемъ приказанія о выступленіи. Сколько истреблено бочекъ, по смутнымъ обстоятельствамъ того времени, объяснить нынѣ не могу“ ([31]).

Вотъ списокъ лицамъ съ отмѣтками полиціи, найденный нами въ бумагахъ Брокера([32]); повидимому онъ не полный, но во всякомъ случаѣ доказываетъ, какъ наблюдали въ то время за измѣнниками.

Деневъ съ семействомъ	Во время бытности французовъ, показывалъ имъ всѣ мѣста и уѣхалъ съ арміею.
Музыкальный мастеръ Пекронъ	Былъ коммиссаромъ полиціи, уѣхалъ съ женою и 2 дочерьми съ французами.
Маліардъ-де-Форжъ . .	Говорятъ, что онъ объявилъ Наполеону о мѣстѣ гдѣ находится въ уѣздѣ порохъ, за что получилъ 50 т. наполеондоровъ и уѣхалъ за три недѣли до выступленія французовъ.
Жезіопре, учитель . .	Уѣхалъ съ французами.
Бернардъ, учитель. . .	Грабилъ вмѣстѣ съ французами и уѣхалъ съ ними, взявъ жену свою и сына.
Перру, Аднетъ, Бертрандъ и Белькуръ . .	Всѣ четверо уѣхали съ арміею французскою.
Лежинъ отецъ и сынъ. .	Были указателями и уѣхали съ французами.
Андре, портной	тоже.
Боргардъ, ресторатеръ.	тоже.
Дюверну съ женою . .	Уѣхалъ.
Клермонъ.	Былъ секретаремъ и уѣхалъ съ французами обще съ женою.
Споль.	Грабилъ и былъ доносщикомъ, уѣхалъ вмѣстѣ съ французами съ женою.
Дюпонъ.	Поѣхалъ было съ французами, но воротился обратно; онъ былъ партизанъ французовъ.
Торіакъ.	Былъ доносщикомъ и уѣхалъ съ арміею.
Ловопьеръ	тоже.
Дретъ, ресторатеръ . .	Уѣхалъ.

([29]) Егоръ Александровичъ Дурасовъ, впослѣдствіи сенаторъ въ Москвѣ, до конца жизни сохранилъ дружбу къ однослуживцу своему Брокеру.

([30]) Брокеръ говорилъ, что полиція выступила изъ Москвы по Калужской дорогѣ со всѣми пожарными инструментами. При исполненіи приказанія объ уничтоженіи вина встрѣтилось затрудненіе, котораго не могла остановить никакая строгость: вино лилось на улицу, и народъ припадалъ къ сточнымъ канавамъ, пользуясь, не смотря на приставленый надзоръ, даровымъ угощеніемъ, многіе тутъ и остались. Изъ пожарной команды двое чиновъ, при этомъ испытаніи, утонули въ бочкахъ.

([31]) Брокеръ получилъ паспортъ для проѣзда въ Тамбовъ, гдѣ находилось его семейство. Вотъ его оригинальное содержаніе: «По указу его императорскаго величества и пр. и пр. Объявитель сего, *бывшій* Московской полицемейстеръ полковникъ Брокеръ, по случаю занятія города Москвы непріятелемъ слѣдуетъ съ позволенія моего въ городъ Тамбовъ и другія мѣста куда пожелаетъ. Почему господа команду имѣющіе благоволятъ чинить ему въ пути свободный пропускъ. Въ свидѣтельство чего сей паспортъ за подписаніемъ моимъ и съ приложеніемъ герба моего печати и данъ ему полковнику Брокеръ *въ Калугѣ* сентября 25 дня 1812 года. Его императорскаго величества всемилостивѣйшаго государя моего генералъ отъ инфантеріи, оберъ-камергеръ, сенаторъ, орденовъ св. апостола Андрея Первозваннаго и другихъ многихъ кавалеръ графъ Ростопчинъ.»

([32]) Сличи «Русскій Архивъ» 1864, стр. 839—842 и «Русскій Архивъ» 1868, стр. 896—901.

Пети..........	Уѣхалъ общей съ семействомъ.
Алиберъ, поваръ ...	Уѣхалъ.
Клодель, учитель университета.....	Уѣхалъ.
Петиньакъ	Былъ сѣченъ нашимъ правительствомъ плетьми, грабилъ и уѣхалъ съ французами.
Миттонъ, учитель у Гизети	Товарищъ Виллерса, уѣхалъ.
Ниве.........	Уѣхалъ, былъ писаремъ.
Бурнъ	Былъ комиссаромъ, уѣхалъ.
Шальме	Былъ секретаремъ, уѣхалъ.
Ясинскій, содержавшійся прежде въ Ямѣ ..	Былъ факторомъ и уѣхалъ.
Боманъ.........	Былъ фуражеромъ и объявлялъ публично: «Теперь будетъ у насъ царь Московскій».
Лардье, кондиторъ... Патеръ Казиміръ ...	Уѣхали.
Коншъ, купецъ	Былъ переводчикомъ и секретаремъ, уѣхалъ.
Баронъ Рембекъ, учитель математики ..	Издавалъ прокламаціи противъ Россіи, уѣхалъ съ переводчикомъ с.....сына Бонапарте (sic).
Шильдбахъ.......	Былъ коммиссаромъ, уѣхалъ съ женою и 2 дѣтьми.
Мишель, поваръ.... Сентъ-Жоржъ, мать и дочери	Уѣхали
Фишеръ, докторъ ...	Былъ главнымъ указателемъ, уѣхалъ.
Белитеръ, поваръ ...	Уѣхалъ.
Сего жена.......	Вольнодумствовала, уѣхала.
Ламираль, жена	При самомъ входѣ разбойниковъ, явилась къ Коленкуру и уѣхала съ арміею.
Ороръ Бюри	Была указательницею и своднею, уѣхала съ Лефевромъ.
Мадамъ Шальме....	Извѣстна правительству по особымъ дѣламъ.
Бюшнеръ поваръ ...	За два мѣсяца до входа злодѣевъ уѣхалъ изъ Москвы и потомъ съ гвардіею шельмы пріѣхалъ грабить и скрылся.
Летеманъ, учитель ..	Былъ писаремъ у польскаго генерала, и уѣхалъ съ варварами.
Шитенъ, учитель ... Гринвальдъ молодая..	Уѣхали.
Кракъ	Былъ фуражеромъ, уѣхалъ.
Атлеръ........	тоже.
Лорберъ, купецъ ...	Былъ коммисаръ, уѣхалъ.
Преве, ламповщикъ ..	Грабилъ и уѣхалъ.
Цукъ, придворный музыкантъ	Былъ писаремъ, приставленъ къ воспитательному дому и уѣхалъ.
Меранвиль съ сыномъ, часовой мастеръ ..	Уѣхалъ.
Шнейдеръ, перчаточникъ.........	Показывалъ, гдѣ грабить, уѣхалъ съ Шальме, Божаномъ и Алтеромъ.
Бриндлеръ, поваръ ..	Уѣхалъ.
Виллерсъ, профессоръ .	Доносчикъ и оберъ-полицемейстеръ, уѣхалъ.
Франсуа Раубе	Предатель.
Антонъ Демандръ, коновалъ.........	Былъ шпіономъ у вице-короля, уѣхалъ.

ВОСПОМИНАНІЕ О БУЛГАКОВЫХЪ (*).

Александръ Яковлевичъ Булгаковъ, хотя собственно и не принадлежалъ ни Арзамасу, ни литературной дѣятельности нашей, былъ не менѣе того общимъ нашимъ пріятелемъ, то-есть Жуковскому, Тургеневу, Дашкову, мнѣ и другимъ. Онъ былъ, такъ сказать, членомъ-корреспондентомъ нашего кружка. Въ печати извѣстенъ онъ нѣкоторыми статьями, болѣе біографическими и полу-или бѣгло-историческими: но въ немъ, при хорошемъ образованіи и любви къ чтенію, не было ни призванія литературнаго, ни авторскаго дарованія. Впрочемъ, что касается до нѣкоторыхъ его печатныхъ статей, то и тутъ надобно сдѣлать оговорку. Дружба дружбой, а правда правдой. Онъ не всегда держался правила „не мудрствовать лукаво,“ улеекался своимъ воображеніемъ и живостью впечатлѣній и сочувствій. Помню, между прочимъ, статью его, гдѣ-то напечатанную, въ которой онъ будто записалъ слова Карамзина, сказанныя въ кабинетѣ графа Ростопчина за нѣсколько дней до вступленія Французовъ въ Москву. Сущность разсказа, вѣроят-

(*) Написано по поводу помѣщенія нижеслѣдующихъ писемъ Жуковскаго. *П. Б.*

но, отчасти и справедлива, но много придалъ онъ Карамзину и своего собственнаго витійства. Карамзинъ ни до войны 1812 года, ни при началѣ ея, не былъ за войну. Онъ полагалъ, что мы недостаточно для нея приготовлены: опасался ея послѣдствій, при настойчивости, властолюбіи, военныхъ дарованіяхъ и счастьи Наполеона. Онъ зналъ, что Наполеонъ поведетъ на насъ всю Европу, и что она отъ него не отстанетъ, покуда онъ будетъ въ силѣ и счастіи. Онъ былъ того мнѣнія, что нѣкоторыми дипломатическими уступками можно и должно стараться отвратить, хотя на время, наступающую грозу. Патріотизмъ его былъ не патріотизмомъ запальчивыхъ газетчиковъ: патріотизмъ его имѣлъ охранительныя свойства историка.

Собственно-литература Булгакова была обширная его переписка. Въ этомъ отношеніи, онъ, по-истинѣ, былъ писатель и писатель плодовитый и замѣчательный. Вольтеръ оставилъ по себѣ многіе томы писемъ своихъ: они занимаютъ непослѣднее мѣсто въ авторской дѣятельности и славѣ его; они пережили многія его трагедіи и другія произведенія. Разумѣется, не сравнивая одного съ другимъ, можно предполагать, что едва-ли не столько-же томовъ писемъ можно было-бы собрать и послѣ Булгакова. Нѣтъ сомнѣнія, что и они, собранныя во едино, могли-бы послужить историческимъ, или, по-крайней-мѣрѣ, общежительнымъ справочнымъ словаремъ для изученія современной ему эпохи, или, правильнѣе, современныхъ эпохъ, ибо, по долголѣтію своему, пережилъ онъ многія. Кромѣ насъ, выше поименованныхъ, былъ онъ въ постоянной перепискѣ со многими лицами, занимавшими болѣе или менѣе почетныя мѣста въ нашей государственной и оффиціальной средѣ. Назовемъ, между прочими, графа Ростопчина, князя Михайла Семеновича Воронцова, графа Закревскаго. Вѣроятно, можно было-бы причислить къ нимъ и Дм. Пав. Татищева, графа Нессельроде, графа Каподистрію и другихъ. Но важнѣйшее мѣсто въ этой перепискѣ должна, безъ сомнѣнія, занимать переписка съ братомъ его Константиномъ Яковлевичемъ. Она постоянно продолжалась въ теченіи многихъ лѣтъ. Оба брата долго были почтъ-директорами, одинъ въ Петербургѣ, другой въ Москвѣ. Слѣдовательно, могли они переписываться откровенно, не опасаясь нескромной зоркости посторонняго глаза. Весь бытъ, все движеніе государственное и общежительное, событія и слухи, дѣла и сплетни, учрежденія и лица—все это, съ вѣрностью и живостью, должно было выразить себя въ этихъ письмахъ, въ этой стенографической и животрепещущей исторіи текущаго дня. Судя по нѣкоторымъ оттѣнкамъ, свойственнымъ характеру и обычаямъ братьевъ и отличавшимъ одного отъ другаго, не смотря на ихъ тѣсную родственную и дружескую связь, можно угадать, что письма К. Я., при всемъ своемъ журнальномъ разнообразіи, были сдержаннѣе писемъ брата. К. Я. былъ вообще характера болѣе степеннаго. Положеніе его въ обществѣ было тверже и опредѣлительнѣе положенія брата. Вѣроятно, нѣкоторыя изъ пріятельскихъ отношеній къ лицамъ, стоящимъ на высшихъ ступеняхъ государственной дѣятельности, перешли къ послѣднему, такъ сказать, по родству, хотя и отъ младшаго брата къ старшему. Онъ смолоду шелъ по дипломатической части и бывалъ въ военное время агентомъ министерства иностранныхъ дѣлъ при главныхъ квартирахъ дѣйствующихъ армій. Это сблизило его съ графомъ Нессельроде, графомъ Каподистріемъ, княземъ Пет. Мих. Волхонскимъ и другими сподвижниками царствованія Александра I. Умственныя и служебныя способности его, нравъ общежительный, скромность, къ тому-же прекрасная наружность, всегда привлекающая сочувствіе, снискали ему общее благорасположеніе, которое впослѣдствіи и на опытѣ умѣлъ онъ обратить въ уваженіе и довѣренность. Им-

ператоръ Александръ особенно отличалъ его и, вѣроятно, имѣлъ на виду и готовилъ для опредѣленія на одинъ изъ высшихъ дипломатическихъ заграничныхъ постовъ. Говорили, что государь очень неохотно и съ трудомъ, по окончаніи Вѣнскаго конгресса, согласился на просьбу его о назначеніи на открывавшееся тогда почтъ-директорское мѣсто въ Москвѣ. Но не за долго предъ тѣмъ Булгаковъ женился и желалъ для себя болѣе спокойной служебной осѣдлости. Московскимъ старожиламъ памятно его директорство, всѣмъ доступное—подчиненнымъ и лицамъ постороннимъ, для всѣхъ вѣжливое и услужливое; памятенъ и гостепріимный домъ его, въ которомъ за-просто собирались пріятели и лучшее общество. Съ перемѣщеніемъ его изъ Москвы въ Петербургъ, на таковую-же должность, кругъ его служебной дѣятельности и общежительныхъ отношеній еще болѣе расширился. Билліардъ (оба брата были большіе охотники и мастера въ этой игрѣ) былъ два раза въ недѣлю, по вечерамъ, неутральнымъ средоточіемъ, куда стекались всѣ званія и всѣ возрасты: министры, дипломаты русскіе и иностранные, артисты свои и чужеземные, военные, директоры департаментовъ, начальники отдѣленій и многіе другіе, не принадлежащіе никакимъ отдѣленіямъ. Разумѣется, тутъ была и биржа всѣхъ животрепещущихъ новостей, какъ заграничныхъ, такъ и доморощенныхъ. Въ другіе дни, менѣе многолюдные, домъ также былъ открытъ для пріятелей и короткихъ знакомыхъ. Тогда еще болѣе было непринужденія во взаимныхъ отношеніяхъ и разговорѣ. Тутъ и князь П. М. Волхонскій, вообще мало обходительный и разговорчивый, распоясывался и при немногихъ слушателяхъ дѣлился своими разнообразными и полными историческаго интереса воспоминаніями. Тутъ, между прочимъ, разсказывалъ онъ намъ, въ продолженіи цѣлаго вечера, многія замѣчательныя подробности о походахъ императора Александра, или воспоминанія свои о преимущественно анекдотическомъ царствованіи императора Павла.

Собираясь говорить объ одномъ братѣ, я разговорился о другомъ; но это не отступленіе, а, скорѣе, самое послѣдовательное и логическое вводное предложеніе. Тѣмъ, которые были знакомы съ обоими братьями и знали ихъ тѣсную связь, оно не покажется неумѣстнымъ.

Александръ Яковлевичъ — уроженецъ Константинопольскій и чуть не обыватель Семибашеннаго замка, въ которомъ отецъ его довольно долго пробылъ въ заточеніи,—провелъ года молодости своей въ Неаполѣ, состоя на службѣ при посланникѣ нашемъ Татищевѣ. Онъ носилъ отпечатокъ и мѣста рожденія своего и пребыванія въ Неаполѣ. По многому видно было, что солнце на утрѣ жизни долго его пропекало. Въ немъ были необыкновенныя для нашего сѣвернаго сложенія живость и подвижность. Онъ вынесъ изъ Неаполя неаполитанскій темпераментъ, который сохранился до глубокой старости и началъ въ немъ остывать только года за два до кончины его, послѣдовавшей на 82-мъ году его жизни. Игра лица, движенія рукъ, комическія ухватки и замашки, вся эта южная обстановка и представительность, были въ немъ какъ-будто врожденными свойствами. Отъ него такъ и несло шумомъ и движеніемъ Кіяи и близостью Везувія. Онъ всегда, съ жаромъ и даже умиленіемъ, мало свойственнымъ его характеру, вспоминалъ о своемъ Неаполѣ и принадлежалъ ему какимъ-то родственнымъ чувствомъ. И немудрено! Тамъ протекли лучшіе годы его молодости. Молодость впечатлительна, а въ старости мы признательны къ ней и ею гордимся, какъ раззорившійся богачъ прежнимъ обиліемъ своимъ, пышностью и роскошью. Онъ хорошо зналъ итальянскій языкъ и литературу его. Въ разговорѣ своемъ любилъ онъ вмѣшивать итальянскія прибаутки. Впрочемъ, вмѣстѣ съ этою заморскою и южною прививкою, онъ былъ настоящій, коренной Русскій и по чувствамъ сво-

имъ и по мнѣніямъ. Отъ его сочувствій и сотрудничества не отказался-бы и современникъ его, нашъ пріятель Сер. Ник. Глинка, Русскій перваго разбора, и основатель „Русскаго Вѣстника.“ И умъ его имѣлъ настоящія русскія свойства: онъ ловко умѣлъ подмѣчать и схватывать разныя смѣшныя стороны и выраженія встрѣчающихся лицъ. Онъ мастерски разсказывалъ и передразнивалъ. Бесѣда съ нимъ была часто живое театральное представленіе. Тутъ опять сливались и выпукло другъ другу помогали двѣ натуры: русская и итальянская. Часто потѣшались мы этими сценическими выходками. Разумѣется, Жуковскій сочувствовалъ имъ съ особеннымъ пристрастіемъ и добродушнымъ хохотомъ. Булгаковъ вынесъ изъ Италіи еще другое свойство, которое также способствовало ему быть занимательнымъ собесѣдникомъ: онъ живо и глубоко проникнутъ былъ музыкальнымъ чувствомъ. Музыкѣ онъ не обучался и, слѣдовательно, не былъ музыкальнымъ педантомъ. Любилъ Чимарозе и Моцарта, нѣмецкую, итальянскую и даже французскую музыку, въ хорошихъ и первостепенныхъ ея представителяхъ. Самоучкой, по слуху, по чутью, разъигрывалъ онъ на клавикордахъ цѣлыя оперы. Когда основалась итальянская опера въ Москвѣ предпріятіемъ и иждивеніемъ частныхъ лицъ — кн. Юсупова, кн. Юрія Владиміровича Долгорукова, Степана Степановича Апраксина, кн. Дмитрія Владиміровича Голицина и другихъ любителей—Булгаковъ болѣе всѣхъ насладился этимъ пріобрѣтеніемъ: оно переносило его въ счастливые года молодости. Впрочемъ, имѣло оно, несомнѣнно, изящное и полезное вліяніе и на все Московское общество. Часто, послѣ представленія какой-нибудь новой оперы, заходилъ онъ ко мнѣ и далеко за-полночь разъигрывалъ съ памяти мѣста̀, которыя наиболѣе намъ понравились. Тутъ воспроизводились и въ звукахъ музыкальныя мелодіи, и въ лицахъ впечатлѣнія и сужденія иныхъ новозавербованныхъ меломановъ, которые, изъ подчиненности къ начальству и къ модѣ, выдавали себя за пламенныхъ диллетантовъ. Между тѣмъ, были и въ то время *запретительные* патріоты и протекціонисты: они, оберегая домашнюю духовную промышленность, вопили противъ привознаго заграничнаго удовольствія. Еще можно признавать, въ нѣкоторомъ размѣрѣ, требованія протекціонистовъ въ дѣлѣ фабричномъ и ремесленномъ; но въ дѣлѣ свободныхъ искусствъ, кажется, нельзя не быть фритредеромъ. Вообще, должно опасаться неблагоразумно съуживать чувство народности и любви къ отечеству: по этой дорогѣ скоро дойдешь и до Китайской стѣны. Кн. Николай Борисовичъ Юсуповъ не любилъ Кокошкина, тогда директора Московскаго театра. Можетъ быть, въ эту нелюбовь входила и частичка соперничества и ревности. Князь бывалъ самъ главнымъ директоромъ Петербургскихъ театровъ: большой и просвѣщенный любитель драматическаго искусства, по преданіямъ юности пламенный почитатель Сумарокова и знавшій наизустъ многія мѣста изъ его трагедій,—можетъ быть, желалъ онъ причислить и Московскую Дирекцію къ своему вѣдомству Кремлевской Экспедиціи. Своимъ рѣзкимъ, а иногда слегка и чингизъ-хановскимъ, остроуміемъ преслѣдовалъ онъ Кокошкина и поднималъ его на смѣхъ. Однажды говорилъ онъ кн. Дмитрію Владиміровичу Голицыну, что его кучеръ (т. е. кн. Юсупова) былъ-бы лучшимъ директоромъ, нежели Кокошкинъ. „Вотъ что со мною случилось“, продолжалъ онъ: „однажды, выходя изъ оперы, долго прождалъ я карету. Когда ее подали, я гнѣвно спросилъ кучера о причинѣ замедленія. — „Извините, Ваше Сіятельство,“ отвѣчалъ мнѣ кучеръ: „я былъ въ райкѣ, мнѣ хотѣлось послушать музыку.“ — Это признаніе совершенно обезоружило мой гнѣвъ. А вашъ Кокошкинъ ни разу не былъ въ итальянской оперѣ!“

Вотъ еще отступленіе. Но, собственно для меня, тутъ отступленія нѣтъ. Образъ Булгакова самъ собою такъ и вставляется въ раму итальянской оперы. Какъ-будто вчера, сижу въ креслахъ возлѣ него: такъ и кажется мнѣ, что онъ знакомитъ меня съ особенностями итальянизмовъ музыки и либретто.

Послѣ Неаполя, едва-ли не лучшее время жизни его было время его почтдиректорства. Тутъ былъ онъ также совершенно въ своей стихіи. Онъ получалъ письма, писалъ письма, отправлялъ письма: словомъ сказать, купался и плавалъ въ письмахъ, какъ осетръ въ Окѣ. Московскія барыни закидывали его любезными записочками съ просьбой переслать прилагаемое письмо или выписать что-нибудь изъ Петербурга, или Парижа. Здѣсь кстати сказать, что гражданскіе порядки у насъ какъ-то туго прививаются. Мы во многомъ держимся патріархальныхъ и доисторическихъ привычекъ. Многіе любятъ у насъ писать по „сей вѣрной оказіи“ и увѣдомлять, что „по отпускѣ письма сего, они, благодаря Бога, живы и здоровы.“ Также равно есть у насъ разрядъ Молчалиныхъ, которые любятъ списывать стишки, уже давно напечатанные. Булгаковъ не даромъ долго жилъ въ Неаполѣ и усвоилъ себѣ качества *cavaliero servente* и услужливаго *сичизбея*. Теперь, за истеченіемъ многихъ законныхъ давностей, можно признаться, безъ нарушенія скромности, что онъ всегда, болѣе или менѣе, былъ *inamorato*. Казенные интересы Почтоваго Вѣдомства могли немножко страдать отъ его любезностей; но за то почтъ-директоръ былъ любимецъ прекраснаго пола.

Въ одномъ письмѣ своемъ Жуковскій говоритъ ему: „ты созданъ былъ почтъ-директоромъ дружбы и великой Русской Имперіи“. Въ томъ-же отношеніи, въ другомъ письмѣ, Жуковскій, съ своимъ геніальнымъ шутовствомъ, очень забавно опредѣлилъ письмоводительное свойство Булгакова: „ты рожденъ гусемъ, т. е. все твое существо утыкано гусиными перьями, изъ которыхъ каждое готово безъ устали писать съ утра до вечера очень любезныя письма“. Обоихъ братьевъ называлъ я „Любовною Почтой“ (*). Но наконецъ бѣднаго гуся, Жуковскимъ прославленнаго, ощипали. Когда уволили его изъ почтоваго вѣдомства съ назначеніемъ въ Сенатъ, онъ былъ пораженъ, какъ громомъ. Живо помню, какъ пришелъ онъ ко мнѣ съ этимъ извѣстіемъ: на немъ лица не было. Я подумалъ, Богъ знаетъ, что за несчастіе случилось съ нимъ. Я убѣжденъ, что сенаторство, то-есть отсутствіе почтовой дѣятельности, имѣло прискорбное вліяніе на послѣдніе годы жизни его и ее сократило. До того времени бодро несъ онъ свою старость. Сложенія худощаваго, поджарый, всегда державшійся прямо, отличающійся стройной таліей Черкеса, необыкновенной живостью въ движеніяхъ и рѣчи,—онъ вдругъ осунулся тѣломъ и духомъ. Такимъ находилъ я его, когда въ послѣднее время пріѣзжалъ въ Москву. Мы и тогда часто видались, но бесѣды были уже не тѣ. Я видѣлъ предъ собою только тѣнь прежняго Булгакова, темное преданіе о живой старинѣ. Послѣ, и того уже не было. Бѣдный Булгаковъ, уже переживішій себя, окончательно умеръ въ Дрезденѣ у младшаго сына своего.

Въ одинъ изъ послѣднихъ пріѣздовъ моихъ въ Москву уже не нашелъ я и старшаго сына его Константина. Разбитый недугомъ и параличемъ и въ послѣдніе годы жизни казавшійся старикомъ въ виду молодаго отца своего, онъ обыкновенно угощалъ меня артистическимъ вечеромъ. Тутъ слушалъ я стихи Алмазова, комическіе разсказы Садовскаго и самого хозяина, котораго прозвалъ я Скарономъ; а самъ себя называлъ онъ скоромнымъ Скарономъ. На этихъ вечерахъ, уже хриплымъ голосомъ, но еще съ большимъ одушевленіемъ, распѣвалъ онъ рамансы прі-

(*) Опера кн. Шаховскаго.

ятеля своего Глинки. По наслѣдству отъ отца, имѣлъ онъ также отличный даръ передразниванья: представлялъ, въ лицахъ и въ голосѣ, извѣстныхъ пѣвцовъ итальянскихъ и русскихъ. Особенно умѣлъ онъ схватить пріемы пѣнья нашего незабвеннаго Вьельгорскаго и картавое произношеніе его. Вотъ также была богатая русская натура: это второе поколѣніе Булгаковыхъ. Музыкантъ въ душѣ, но также самоучка, остроумный, безъ приготовительнаго образованія, хорошо владѣющій карандашемъ, особенно въ каррикатурѣ, — онъ былъ исполненъ дарованій, не усовершенствованныхъ прилежаніемъ и наукой. Все это погубила преждевременно жизнь слишкомъ беззаботная и невоздержная. Онъ тоже былъ особенная и оригинальная личность въ Московской жизни. Все это переходитъ въ разрядъ темныхъ преданій.

Все близкое и знакомое мнѣ въ Москвѣ годъ отъ году исчезаетъ. Москва все болѣе и болѣе становится для меня Помпеей. Для отыскиванія жизни, то-есть того, чтó было жизнью для меня, я не могу ограничиваться одною внѣшностью: я долженъ дѣлать разъисканія въ глубинѣ почвы, давно уже залитой лавою минувшаго. *Князь Вяземскій.*

Царское Село.
Августъ.

Письма В. А. Жуковскаго къ Московскому Почтдиректору А. Я. Булгакову (1).

I.

10/22 Октября 1843.
Дюссельдорфъ.

Я такъ давно къ тебѣ не писалъ, моя рожица, что уже и не знаю какъ писать, а мнѣ надобно бы было еще и поблагодарить тебя за присылку твоей панегирической диссертаціи о гуслистѣ Листѣ. Слово *гуслистъ* весьма ему прилично, ибо всякой, слушая его, долженъ говорить: экой *гусь*! А ты это восклицаніе весьма хорошо перифразировалъ въ своей статьѣ, которую я прочиталъ съ большимъ удовольствіемъ, за которую тебя благодарю, хотя и долженъ признаться, что еще не слыхалъ Листа; а это тѣмъ непостижимѣе, что я *могъ* его слышать, ибо онъ проѣзжалъ черезъ Дюссельдорфъ; давалъ здѣсь концертъ, а я варваръ не полѣзъ изъ кожи, чтобы услышать его. Я только разъ имѣлъ счастіе встрѣтиться на пароходѣ съ его собакою изъ знаменитой фамиліи Шпицовъ, которую подарила ему Великая Княгиня Ольга Николаевна (по словамъ молодаго Француза, ѣхавшаго на пароходѣ съ этимъ Шпицомъ къ Листу, который тогда находился въ Кобленцѣ и который этому Французу поручилъ воспитаніе своей собаки). И подлинно я имѣлъ случай полюбоваться нѣжности этого воспитателя къ своему четвероногому питомцу: онъ безпрерывно кликалъ его, передъ нимъ коверкался, пощелкивалъ пальцами, посвистывалъ и уже пренебрегалъ остальнымъ міромъ пароходнымъ. А когда я спросилъ у него: что за собака, то онъ гордо поднялъ голову и отвѣчалъ мнѣ съ героическою декламаціею: C'est le chien de List.—Но это эпизодъ давнишняго путешествія; а въ нынѣшнемъ году я былъ въ безпрестанныхъ разъѣздахъ и только съ 26 Сентября н. с. усѣлся на мѣстѣ. Возилъ жену въ Эмсъ, гдѣ мы пробыли 5 недѣль; потомъ въ Швальбахъ, гдѣ прожили 3 недѣли. Проводивъ жену въ Дюссельдорфъ, я долженъ былъ съѣздить въ Штутгардъ, гдѣ говѣлъ и на проѣздѣ черезъ Баденъ, возвращаясь къ себѣ, узналъ о прибытіи въ Берлинъ Государя отъ Великаго Князя Михаила Павловича. Это заставило меня по пріѣздѣ въ Дюссельдорфъ отправиться въ Берлинъ, гдѣ я остался до Государева

---

(1) Сообщены Павломъ Александровичемъ Булгаковымъ. Сл. Библ. Зап. 1858, стр. 547.

отъѣзда; наконецъ я кончилъ свою Одиссею и остался на мѣстѣ и принялся за Одиссею Гомерову, съ которымъ мнѣ такъ же трудно ладить какъ самому Одиссею съ сердитымъ Нептуномъ; но надѣюсь на Минерву—поможетъ и мнѣ, какъ своему Греческому герою. Другихъ вѣстей у меня про тебя нѣтъ. О рожденьи царскаго внука ([2]) я узналъ скоро и самымъ пріятнымъ образомъ: отъ Великаго Князя Михаила Павловича, къ которому дошло изъ Берлина телеграфическое извѣстіе въ Маинцъ, гдѣ онъ сѣлъ на пароходъ для переѣзда въ Англію. Онъ остановился въ Дюссельдорфѣ и прислалъ за мною фельдъегеря, чтобы сказать мнѣ радостную новость. Жду его теперь на возвратномъ пути изъ Англіи.

Вотъ уже Богъ знаетъ сколько времени, какъ я не получаю писемъ ни отъ кого изъ своихъ. Я знаю, что ко мнѣ должны быть письма, а писемъ нѣтъ. Это проказа почты. Жалуюсь тебѣ, какъ Почтъ-Директору. У насъ, это извѣстно, письма распечатываются, и много незваныхъ читателей заглядываетъ въ страницы писанныя не для нихъ, отъ чего конечно великой пользы нѣтъ никому—но пусть читаютъ; да вотъ что худо, прочитанныя письма бросаются и не доходятъ къ тѣмъ, кому они адресованы. А часто бываетъ въ нихъ большая нужда. A propos. Читалъ ли ты Собаку-Кюстина? Вѣрно читалъ. Я не хочу знать, что̀ ты думаешь о его похвальномъ словѣ Русскому народу въ 4 томахъ въ 8°. Но вотъ что желаю знать, видѣлъ ли ты его самаго, когда онъ былъ въ Москвѣ. Я самъ былъ въ Москвѣ въ его время, ибо это было въ эпоху Бородинской годовщины; но я объ немъ не слыхалъ. Кого описываетъ онъ подъ именемъ Lovelace du Creml?

Я видѣлъ князя Дмитрія Владиміровича Голицына. Нарочно для меня пріѣзжали они изъ Кельна въ Дюссельдорфъ. Я былъ ему Ciccrone въ здѣшнихъ ateliers: потомъ онъ пилъ у меня чай и ужиналъ и на другой день на параходѣ отправился обратно въ Кельнъ, чтобы по желѣзной дорогѣ промчаться чрезъ Альпы и Бельгію и потомъ на нѣсколько мѣсяцевъ въ Парижъ. Я очень былъ радъ его видѣть и очень тронутъ его лестнымъ обо мнѣ воспоминаніемъ. Онъ, кажется, довольно здоровъ.

Прощай, моя душа. Приложенныя письма прошу разослать по адресамъ. Да напиши мнѣ побольѣе вѣстей Русскихъ. Въ Allgemeine Zeitung стоитъ о поѣздкѣ Императорской Фамиліи въ Москву. Я не имѣю никакихъ извѣстій объ этомъ. Правда ли, и что еще у васъ дѣлается? Еще вопросъ: я давно, давно уже слышалъ, что Боде ([3]) выигралъ свой процессъ въ Англіи и что имъ слѣдуетъ получить большія суммы. Правда ли это? и въ чемъ состоитъ выигрышъ?

II

Съ послѣдняго письма моего, милый Александръ, много воды утекло въ рѣкѣ Рейнѣ и во всѣхъ рѣкахъ сего міра. А съ Рейнской водою и я утекъ изъ Дюссельдорфа во Франкфуртъ на Майнѣ, гдѣ и поселился, гдѣ и пробуду до моего переселенія къ вамъ на берега Москвы, что̀ конечно не замедлитъ, если Богу угодно будетъ, чтобы жена моя благополучно подарила своей дочкѣ или брата или сестру и чтобы послѣ этого подарка ея здоровье устроилось.—Но теперь пишу къ тебѣ не для того, чтобы разсказывать о себѣ и о своихъ, до этого дойдетъ послѣ. Во все послѣднее время,

([2]) Покойнаго Великаго Князя Николая Александровича.

([3]) Баронъ Левъ Карловичъ Боде, покойный президентъ Московской дворцовой конторы; мать его была изъ старинной англійской фамиліи Киннерслей; процессъ бароновъ Боде состоитъ во взыскѣ съ Англійскаго правительства полученныхъ имъ съ Франціи для выдачи баронамъ Боде и не уплачиваемыхъ дослѣ суммъ.

отъ бездны разныхъ хлопотъ и отъ переѣздовъ, я не писалъ никому и былъ похожъ на размыканную тряпку; теперь начинаю быть похожимъ если еще не на человѣка, то хотя на обезьяну, а скоро дойду и до человѣческаго образа; тогда заговорю порядкомъ и съ тобою. Теперь же другое дѣло до тебя и очень важное: прошу тебя позаботиться о немедленномъ и вѣрномъ доставленіи приложеннаго письма. Если Викулина нѣтъ ни въ Задонскѣ, ни въ его деревнѣ, то нельзя ли черезъ Почтамтъ за деньги узнать, гдѣ онъ, дабы ему переслать письмо. Въ доставленіи его состоитъ кровная нужда, и ты обяжешь меня много, много, если примешь къ сердцу это дѣло.— Увѣдомь немедленно, что̀ сдѣлаешь. Тургеневъ былъ у меня, теперь въ Киссингенѣ, оттуда въ Вильдбадъ и можетъ быть въ Гастейнъ. Онъ теперь охилѣлъ и много страдаетъ отъ болѣзни и отъ мыслей. Послѣ леченья поживетъ у меня.—Дай вѣрныхъ вѣстей о томъ, что̀ у васъ дѣлается.

Твой Жуковскій.

$^{11}/_{23}$ Іюля 1844.

Франкфуртъ на Майнѣ.

Можетъ быть и еще будутъ письма на имя Викулина, они пойдутъ черезъ тебя; не откажись переслать ихъ: дѣло не только нужное, но и благодѣтельное со стороны твоей.

III.

Прошу тебя, мой милый Булгаковъ, описать мнѣ всѣ подробности, какія ты знаешь, кончины нашей несравненной Великой Княгини (¹). Хотя ты и не въ Петербургѣ, но вѣрно все знаешь; да въ Москвѣ многое можешь собрать. Я желалъ бы имѣть все, что̀ объ ней говорятъ, желалъ бы знать всѣ малѣйшія обстоятельства. Я знаю, что ты не полѣнишься мнѣ написать — ибо тебѣ будетъ усладительно говорить объ ней, и можешь быть увѣренъ, что сдѣлаешь мнѣ сердечное добро. И такъ буду отъ тебя ожидать большаго письма, и конечно ты мнѣ будешь отвѣчать немедленно. Я только что узналъ о этомъ общемъ несчастіи; но подробностей нѣтъ никакихъ, а изъ Петербурга никто ко мнѣ не пишетъ.

Самъ я къ тебѣ пишу мало, ибо надобно написать нѣсколько писемъ немедленно. Обнимаю тебя отъ всего сердца. Жуковскій.

$^{11}/_{23}$ Августа 1844.

Франкфуртъ Н. М.

(¹) Александры Николаевны.

IV.

$^{11}/_{23}$ Генваря 1845 г.

Мой милый Александръ, поздравляю тебя съ Новымъ годомъ; а ты поздравь меня съ сыномъ, который въ самый Новый годъ родился и теперь уже провелъ первые десять дней земной жизни своей весьма благополучно. И мать и ребенокъ здоровы, и все идетъ, благодаря милосердому Богу, такъ хорошо, какъ только желать можно. Сынишка мой начинаетъ уже нѣсколько бѣлѣть, благодаря здоровому питью, которое черпаетъ изъ груди матери; до сихъ поръ онъ былъ красенъ какъ ракъ и имѣлъ всѣ пріемы рака; теперь начинаетъ поглядывать кругомъ себя веселыми черными глазами, которые очень свѣтлы и милы; думаю, что онъ болѣе будетъ похожъ на свою мать нежели на меня: тѣмъ лучше; только едвали будетъ, какъ она, бѣлокурый. Благодарю тебя за скорое доставленіе моего послѣдняго письма и за увѣдомленіе о томъ. Но напрасно ты гнѣваешься на мой дурной почеркъ: онъ все конечно лучше твоего. Ты же для разбора моихъ писемъ имѣешь подлѣ себя нѣкоторую Ольгу, съ которою иногда по десяти минутъ за однимъ словомъ просиживаешь. Если бы у меня была такая помощница для разбора твоихъ писемъ, то я бы благо-

словлялъ твои каракульки; но жена по русски не разумѣетъ, Ольга ([5]) твоя далеко, и я долженъ биться одинъ какъ рыба въ сѣтяхъ твоего неизглаголаннаго маранья. И такъ мы другъ другу ничѣмъ не должны. И ты во всякомъ случаѣ въ выгодѣ. Не ворчи же. Изъ присланной мнѣ росписки Шевырева я вижу, что ты написалъ статью о кончинѣ кн. А. Н. Голицына. Я хотѣлъ просить тебя, чтобы ты мнѣ сообщилъ ея подробности; но въ твоей статьѣ вѣроятно заключается все главное. Пришли мнѣ ее или въ спискѣ или печатную, и дополни то, чего будетъ не доставать и чего, можетъ быть, ты не хотѣлъ сказать публикѣ. И для меня сердечная потеря кончина нашего добраго князя. Онъ основатель моего благосостоянія ([6]); онъ всегда мнѣ дѣлалъ добро по сердцу, и черезъ него всегда можно было дѣлать добро другимъ. Во многихъ отношеніяхъ рѣдкій человѣкъ. Съ нимъ исчезъ вѣкъ Екатерины; онъ былъ оставленный бояринъ, царедворецъ въ хорошемъ смыслѣ и пріятный собесѣдникъ. Такихъ экземпляровъ въ нынѣшнемъ нашемъ большомъ свѣтѣ ужъ не много осталось; да и осталось ли? кто бы? Если знаешь, назови.

Я забылъ тебѣ сказать, что мой сынъ будетъ названъ Павломъ. Крестить его будетъ Великій Князь Наслѣдникъ. Крестины совершены будутъ въ день моего рожденія 29 Генваря с. с. Въ этотъ день обо мнѣ вспомни. Обнимаю Жуковскій.

V.

Я къ тебѣ давнымъ давно писалъ, любезнѣйшій Александръ, о рожденіи моего сына Павла, которому теперь уже исполнилось шесть недѣль. Но видно, что ты этому извѣстію не радъ, ибо отъ тебя нѣтъ отвѣта; но видно и родные мои не рады, ибо ни на одно изъ писемъ, вложенныхъ въ твой пакетъ, я также не получилъ отвѣта; и никто изъ Петербургскихъ друзей моихъ мнѣ не отвѣчаетъ. Что за онѣмѣніе такое пришло въ васъ! Одинъ только крестный отецъ сына, мой милый Великій Князь, за всѣхъ ко мнѣ пишетъ; вчера получилъ третье письмо Его послѣ рожденія сына. За то, что въ такомъ случаѣ ты могъ со мною играть въ молчанку, болѣе писать не буду; а только возлагаю на тебя обязанность переслать приложенныя письма по адресамъ. И въ нихъ только весьма коротко сказанная побранка. Впрочемъ всѣ мы Русскіе люди—то есть безпечные лѣнивцы; между ними ты еще лучшій; ты человѣкъ аккуратный и въ перепискѣ часто восхитительный. А пишешь, не погнѣвайся, хотя и прекраснымъ почеркомъ, а менѣе четко нежели я; я не бѣсился бы на твои каракульки, если бы твоя милая княгиня Ольга мнѣ помогала ихъ разгадывать; но въ одиночку это горячка съ пятнами. Жена же на бѣду еще полная Нѣмка и Русскому языку не горазда.

Прощай. Увѣдомь что у васъ дѣлается. Жуковскій.

$^{10}/_{22}$ Февраля (1845).

VI.

$^{11}/_{23}$ Апрѣля (1845).

Христосъ Воскресе, мой милый Александръ. И это письмо не есть еще отвѣтъ на твои милыя, дружескія, длинныя и совершенно не разборчивыя. Теперь хочу только послать тебѣ братское, христіанское привѣтствіе въ день великаго праздника, который нигдѣ такъ не празднуется, нигдѣ такъ не говоритъ сердцу, нигдѣ такъ не согрѣваетъ въ душѣ семейнаго чувства, и божественнаго и человѣческаго, какъ въ нашей Москвѣ, гдѣ столько разъ въ моей молодости слы-

---

([5]) Княгиня Ольга Александровна Долгорукова, дочь А. Я. Булгакова.

([6]) См. Рус. Арх. 1867 г., стр. 816.

шалъ я голосъ нашего громозвучнаго колокола Ивановскаго, котораго гулъ въ великую полночь Воскресенія какъ будто сливалъ въ одинъ гимнъ и небо и землю. Приведетъ Богъ, авось, и на старости съ моими молодыми дѣтьми и съ моими старыми друзьями услышать опять этотъ голосъ, столь выразительный, столько прошедшаго воскрешающій, столько будущаго высказывающій.—Еще и съ тобою надѣюсь не разъ поцѣловаться въ Успенскомъ соборѣ, и услышать отъ тебя на мое Христосъ Воскресе, твое отвѣтственное Воистину Воскресе. Прощай пока. Передай одно приложенное письмо и перешли другое. И то и другое короче этого. Во всѣхъ нихъ только *Христосъ Воскресе!* Но развѣ этого мало?

Вчера я получилъ письмо отъ нашего старика Полетики (7). Онъ ѣдетъ за границу въ маѣ и обѣщаетъ навѣстить меня на берегу Майна. Радъ буду сердечно увидѣть его. Ж.

VII.

$^{1}/_{13}$. Октября 1845 г. Франфуртъ н/М.

Видишь ты какой—не пишешь да и только; а я писалъ къ тебѣ изъ Ниренберга и пакетъ къ тебѣ огромный послалъ и не знаю, получилъ ли ты эти письма; и сказалъ ли Тургеневу, что ему стыдно, пріѣхавши въ Москву, забыть меня и не увѣдомить по крайней мѣрѣ жену мою о томъ, что съ нимъ дѣлается, какъ его здоровье, что онъ дѣлаетъ, что будетъ дѣлать, гдѣ останется на зиму и что потомъ. Скажи ему опять, что я о болѣзни его и о разныхъ его похожденіяхъ съ Коппомъ не говорилъ, ибо это только бы разсердило Коппа: онъ за глаза никого лечить не хочетъ и разъ мнѣ это уже объявилъ. Попроси его покорнѣйше увѣдомить меня письмомъ и подробнымъ письмомъ такимъ, какія онъ пишетъ изъ Парижа къ друзьямъ для Современника и Москвитянина. Вотъ ужъ двѣ недѣли, какъ я возвратился изъ Ниренберга, гдѣ прожилъ болѣе двухъ недѣль, ожидая Императрицы (не считая поѣздки до Гофа и обратно, что произошло отъ сумятицы въ маршрутѣ) и наконецъ Ея дождался и очень радъ, что не поѣхалъ для свиданія съ Нею въ Берлинъ; иначе мнѣ, и особенно женѣ моей, не было бы никакого способа быть съ Нею. Напротивъ въ Ниренбергѣ это было какъ нельзя лучше. Она для отдыха цѣлый день провела въ Ниренбергѣ. Въ самый день Ея туда пріѣзда я выѣхалъ на встрѣчу къ Ней по желѣзной дорогѣ въ Гамбургъ, тамъ съ Нею обѣдалъ, съ Нею пріѣхалъ по желѣзной дорогѣ въ Ниренбергъ, и въ тотъ же вечеръ Она пригласила жену; на другой день въ 10 часовъ утра жена привела къ Ней дочь и осталась у Нея болѣе часа; потомъ мы у Нея обѣдали; послѣ обѣда въ пять часовъ Она велѣла женѣ опять придти къ Ней съ дочерью, которой надавала игрушекъ; потомъ опять мы у Нея ужинали. А на другой день и я и жена, пришедши рано по утру въ трактиръ, гдѣ Она почивала, чтобы съ Нею проститься, нашли Ее одну съ Великимъ Княземъ, и Она насъ пригласила съ собою завтракать. Такимъ образомъ въ двадцать четыре часа жена видѣла Ее на просторѣ шесть разъ, чего въ другомъ мѣстѣ въ цѣлый годъ не могло бы случиться, и изъ этихъ 6-ти свиданій два были такія, которыхъ душа никогда не забудетъ. Императрицу надобно видѣть въ близи; нѣтъ ничего прелестно-добрѣе этой высокой, свѣтлой души; въ Ниренбергѣ, послѣ пя-

(7) Петръ Ивановичъ Полетика, долго бывшій дипломатомъ и, между прочимъ, посланникомъ нашимъ въ Соединенныхъ Америк. Штатахъ, потомъ сенаторомъ въ Петербургѣ, кончившій жизнь свою въ отставкѣ. Онъ былъ членомъ Арзамазскаго общества, подъ прозваньемъ «Очарованный Челнокъ», вслѣдствіе многихъ странствованій его по старому и новому свѣту. При большомъ простодушіи и добродушіи, имѣлъ онъ какую-то формальность и брюзгливость квакера и американца. Ср. стр. 1466-ю.

ти лѣтъ разлуки, я встрѣтилъ Ее тс іно такую, какую зналъ въ лучшія минуты Ея жизни. А я знаю Императрицу конечно лучше всѣхъ Ея приближенныхъ: то есть знаю сокровища Ея сердца. На счетъ здоровья Ея я теперь совершенно успокоился: это не аневризмъ, а просто разстройство нервъ, которыя покоемъ, климатомъ и путешествіемъ придутъ въ порядокъ, и Она возвратится къ намъ совсѣмъ изцѣленною.—Я здѣсь видѣлъ Похвиснева; онъ мнѣ говорилъ о домѣ Вяземскаго въ Москвѣ и совѣтовалъ его нанять. Есть ли домъ у Вяземскаго? Нельзя ли мнѣ прислать его планъ? Я буду о немъ писать къ Вяземскому. Видишь, что я не на шутку къ вамъ собираюсь. Прощай. Приложенное перешли Ж.

VIII.

Вотъ какая оказія, Александръ Яковлевичъ! Вздумалось мнѣ подражать—хорошо, хорошо! радуюсь и поздравляю (8). Одиночество плохой товарищъ подъ старость; ты выдумалъ самое лучшее средство прогнать отъ себя этого надоѣдалу; и поступаешь, вижу, весьма осторожно; не на счастіе вынимаешь билетъ изъ лотерейной кубышки, ибо въ такомъ случаѣ могъ бы вынуть и пустой, а, подсмотрѣвъ выигрышный, хватаешься за него навѣрное. Въ добрый часъ, дай Богъ тебѣ долго, долго тѣшиться самоизбраннымъ счастіемъ; а когда придетъ пора, желаю, чтобы съ тобою и съ женою случилось тоже, что̀ съ покойнымъ Филемономъ и его сожительницею Бавкидою: оба, разомъ, въ одну минуту, стали сѣнистыми деревьями. И если въ самомъ дѣлѣ, по прошествіи многихъ лѣтъ, вздумается вамъ опять превратиться въ деревья, то обѣщаю тебѣ, что мои дѣти съ моими внуками будутъ приходить подъ вашу тѣнь и будутъ поминать васъ добромъ и меня вмѣстѣ съ вами. Но пока еще мы на этомъ свѣтѣ, дай Богъ тебѣ на долго такое счастіе, какое Онъ мнѣ далъ—лучшаго желанія тебѣ на свадьбу подарить не могу; пусть будетъ оно отъ меня приданымъ женѣ твоей. А когда ваша свадьба? Прошу увѣдомить объ этомъ и все описать съ обыкновеннымъ твоимъ любезнымъ многорѣчіемъ.—Въ будущемъ году самъ пріѣду освидѣтельствовать, вполнѣ ли получено посылаемое мною приданое, что̀ впрочемъ и несомнѣнно. Ибо такого рода посылка дойдетъ до тебя вѣрно: ты же самъ Почтъ-Директоръ. Прошу меня, представить будущей любезной женѣ твоей, а я заочно рекомендую ей свою.

Что же это дѣлается съ Тургеневымъ? Бывало, изъ Парижа и изъ Карлсбада пишетъ. А теперь давнымъ давно ни слова. Я этого понять не умѣю. Попроси его разгадать мнѣ эту загадку. Сердиться ему на меня кажется, не за что. А не писать писемъ противно его натурѣ. Тутъ есть какая нибудь закорючка. Но я, скажи ему, до тѣхъ поръ не напишу къ нему, пока не увижу передъ собою письма его.

Прощай. Жена тебѣ кланяется дружески. Жуковскій.

30 Октября. 1845 г.

IX.

20 декабря 1845 г
1 генваря.

Милый другъ, душевно благодарю тебя за то, что ты обо мнѣ вспомнилъ въ такую горькую для обоихъ насъ минуту (9). Вотъ и еще одинъ дорогой товарищъ жизни меня оставилъ, и онъ изъ всѣхъ былъ самый давнишній. По старшинству лѣтъ надлежало бы мнѣ пойти впередъ, но Богъ ми-

(8) А. Я. Булгаковъ въ это время женился вторично на вдовѣ Мацневой.

(9) Кончина А. И. Тургенева въ Москвѣ 3 декабря 1845 года.

лостивъ со мною; такъ недавно окруживъ меня моимъ особеннымъ міромъ, въ которомъ жизнь моя можетъ быть и мила и нужна, не мнѣ, а *моимъ*, Онъ благоволилъ отложить мое отбытіе; Онъ выбралъ изъ нашего круга одного изъ самыхъ усталыхъ и послалъ ему смерть какъ награду, быструю, безъ страданія, и даже христіански-приготовленную: какого приготовленія къ смерти можно желать лучше этихъ часовъ, проведенныхъ подъ зимнею вьюгою, посреди бѣдныхъ ссыльныхъ, для раздачи имъ помощи, предварительно собранной Христа ради?—Смерть удивительно и быстро знакомитъ съ *истиннымъ* бывшимъ человѣкомъ: теперь, когда думаю объ немъ, вижу одну младенческую душу безъ пятна, въ которую никогда злое намѣреніе не заходило. Все мелочное осыпалось какъ пыль; одно доброе, истинно прекрасное сіяетъ передъ умиленнымъ сердцемъ. Это мелочное принадлежало жизни, это прекрасное съ нимъ на всю вѣчность. Я считаю великимъ для себя счастіемъ, что онъ, въ послѣднее время (ведя такъ давно кочевую жизнь по Европѣ) отдохнулъ (и два раза) подъ моей семейной кровлею, гдѣ было ему очень привольно. Такимъ образомъ будетъ у меня не одно *одинокое*, *мое* объ немъ воспоминаніе, но и воспоминаніе *семейное*: жена съ нимъ тотчасъ сдружилась и поняла очень скоро все, что̀ было въ немъ такъ особенно прекрасно; смерть его была для насъ общимъ родственнымъ горемъ. Вчера я послалъ къ его брату ([10]) письмо *предупредительное*, дабы не вдругъ ударить по сердцу его страшнымъ извѣстіемъ. Изъ этого письма онъ увидитъ что ему нельзя ожидать ничего *хорошаго* и приготовится къ послѣднему слову; а это послѣднее слово пошлю къ нему нынче. Помоги ему Богъ сладить съ новою бѣдою! Правда, около него есть семья, но въ братѣ имѣлъ онъ все остальное, что̀ на землѣ дорого: друга, отца, благотворителя.—Прошу тебя увѣдомить меня, въ какомъ положеніи хозяйственныя дѣла ихъ? Все ли утверждено за братомъ? Такъ же я бы желалъ, чтобы бумаги, оставшіяся въ Москвѣ послѣ А., небыли тронуты. Думаю, что онѣ всѣ находятся у Ал. Ил. Нефедьевой ([11]). Нельзя ли попросить ее отъ меня, чтобы до моего прибытія въ Москву онѣ были оставлены подъ ея печатью: надобно ихъ сохранить и привести въ порядокъ. Это дѣло друзей его. Увѣдомь обо всемъ, что̀ было послѣ твоего посланнаго письма.

Поручаю тебѣ сказать мое душевное почтеніе Александрѣ Ильиничнѣ: Богъ послалъ ей великое утѣшеніе, даровавъ возможность закрыть глаза нашему другу. Думаю, что я вполнѣ понимаю ея теперешнее чувство; и я всѣмъ сердцемъ дѣлю его: оно болѣе умилительное нежели тяжелое и горькое.

X.

Благодарю тебя, мой милый, за доставленіе статьи Погодина ([12]). Въ ней есть хорошее, потому что она написалась съ доброжелательствомъ и съ убѣжденіемъ. Я бы желалъ, чтобы Вяземскій написалъ о нашемъ добромъ отшедшемъ. Въ смерти есть что-то магическое. Сорвавъ съ души тѣло и бросивъ его во гробъ, она вдругъ, какъ будто снова, но совершенно знакомитъ съ душею, отъ которой все, что̀ не она, вдругъ отдѣлилось и отпало. Такъ и здѣсь. Мнѣ такъ ясно, такъ вполнѣ видится его прекрасная, добрая, высокая душа, не омраченная никакою дурною примѣсью, всегда готовая на добро, всегда полная участія, до конца сохранившая свою чистоту и свое благородство.

([10]) Никол. Ив. Тургеневу въ Парижъ.

([11]) Родственницѣ Тургенева, у которой онъ останавливался и скончался въ Москвѣ.

([12]) Объ А. И. Тургеневѣ, въ Моск. Вѣд. 1845, № 148.

По всѣмъ качествамъ, составляющимъ прямо добраго человѣка, онъ былъ конечно между нами лучшій. Самые недостатки его имѣли источникъ добрый, и кого, когда нибудь оскорбляли его недостатки? Они не имѣли корня внутри души; они были какой-то внѣшній наростъ, который, какъ щелуха съ зерна, осыпался съ души въ минуту ея освобожденія. Я бы желалъ, чтобы Вяземскій посвятилъ памяти друга перо свое; я бы желалъ, чтобы онъ написалъ о немъ безъ *приготовленія*, какъ скажетъ сердце, что̀ придетъ въ умъ въ первую минуту. Пускай напишетъ онъ объ немъ ко мнѣ—я увѣренъ, что онъ скажетъ все и скажетъ какъ никто; и что неуловимая физіогномія ума Тургенева и весь чистый ѳиміамъ его души сбережется вполнѣ для его любившихъ. Перешли эти строки къ Вяземскому. А тебя прошу передать приложенное письмо князю Щербатову ([13]). Я прошу у него доставить мнѣ свидѣтельство о смерти Тургенева по всей надлежащей формѣ. Оно мнѣ нужно для пересылки въ Парижъ. И понеже оно должно быть документомъ для правительства французскаго, то оно должно быть скрѣплено или свидѣтельствомъ французской миссіи или французскимъ консуломъ, если таковой имѣется въ Москвѣ. Если есть въ Москвѣ консулъ, заставь его скрѣпить свидѣтельство; если же нѣтъ консула, пошли свидѣтельство къ Вяземскому, дабы онъ, выхлопотавъ скрѣпу отъ миссіи, немедленно доставилъ мнѣ бумагу. Ты меня весьма, весьма одолжишь, если это дѣло уладишь какъ можно скорѣе. Пришпорь Щербатова.

Жуковскій.

$\frac{\text{31 Декабря 1845.}}{\text{12 Генваря 1846.}}$

Дай Богъ тебѣ всякаго добра на Новый годъ. Тебѣ и всѣмъ.

([13]) Московскій градоначальникъ князь Алексѣй Григорьевичъ.

XI.

Благодарствую, голубчикъ ты мой, за доставленіе письма отъ Елагиной, которое получилъ я тому уже двѣ недѣли. Успокойся на счетъ посылаемыхъ писемъ: они всѣ доходятъ точно. Я получилъ отъ Лужина свидѣтельство о смерти Тургенева. Лужинъ въ письмѣ своемъ говоритъ, что было послано прежде свидѣтельство княземъ Алексѣемъ Григорьевичемъ Щербатовымъ. Я его не получалъ; какъ могло оно пропасть на почтѣ, понять не умѣю. Увѣдомь, душа моя, что̀ дѣлается съ Вяземскимъ, гдѣ онъ и пишетъ ли къ тебѣ? Ко мнѣ онъ совсѣмъ не пишетъ. Правда, и я къ нему не пишу. Но онъ и о смерти Тургенева не сказалъ мнѣ ни слова. Безъ тебя я бы узналъ объ ней изъ газетъ. Ты рѣдкой корреспондентъ. Ты созданъ былъ почтдиректоромъ дружбы и великой Русской Имперіи. Въ семъ отношеніи возлагаю на тебя легкую обязанность переслать приложенное письмо въ Одессу. А я долженъ кончить, не для того, чтобы положить перо, а для того увы! чтобы написать еще болѣе пятнадцати писемъ—все откладывалъ, все откладывалъ, наконецъ накопилось такъ много не отвѣтствованныхъ писемъ, что они окружаютъ меня какъ мучительныя привидѣнія, которыя день и ночь воютъ мнѣ въ уши: пиши, пиши, окаянный! И такъ прости, мой милый, эпистолярный проводникъ. Если у васъ хоть какая нибудь значительная новость, сообщи ее мнѣ. Обнимаю тебя всѣмъ сердцемъ.

Жуковскій.

$\frac{16}{28}$ Марта 1846.

XII.

$\frac{\text{21 Мая}}{\text{2 Іюня}}$ 1846.

Въ этотъ день за пять лѣтъ передъ симъ, подымались на гору (называемую Ротенбергъ, возвышающуюся

надъ маленькимъ городкомъ Канштатомъ) двѣ кареты. Въ одной изъ нихъ сидѣлъ однорукій инвалидъ съ двурукимъ поэтомъ; а въ другой пожилая дама съ двумя прекрасными дочерьми: инвалидъ былъ мужъ этой дамы и отецъ обѣихъ дочерей; а двурукій поэтъ былъ женихъ старшей дочери. Было три часа по полудни. На Ротенбергѣ была Русская церковь, надъ прахомъ Виртемберской королевы, Русской Екатерины. День былъ прекрасный. Въ церкви совершилось вѣнчаніе, тихо и благоговѣйно. Этотъ обрядъ повторили у подошвы горы въ церкви Лютеранской, гдѣ была сказана обвѣнчаннымъ простая, трогательная проповѣдь.—И теперь ровно пять лѣтъ прошло съ этой минуты; она имѣла благословенныя послѣдствія; и Жуковскій (ибо двурукій поэтъ былъ Жуковскій) можетъ сказать своему доброму Булгакову, что онъ въ эти пять лѣтъ познакомился съ настоящею жизнію, которой тайна хранится подъ замкóмъ во святилищѣ семейномъ. Довольно ли съ тебя? Болѣе писать мнѣ некогда. Приложенныя письма доставь немедленно. Если Свербеевой уже нѣтъ въ Москвѣ, то прошу тебя, и всѣми святыми умоляю, доставь письмо куда слѣдуетъ. Оно для меня весьма, весьма важное. А я тебѣ желаю продолженія того, чтò ты уже имѣешь, то есть, продолженія того добра, которое похоже на то, какое досталось мнѣ 1841 года.

Жуковскій.

2 Іюня / 21 Мая.

XIII.

$^{12}/_{24}$ Апрѣля 1846.

Благодарствую, душа моя, за доставленіе свидѣтельства. Оно пришло уже поздно и было, такъ сказать, послѣ ужина французская горчица; но ты свое дѣло сдѣлалъ какъ добрый пріятель, и я тебя сердечно благодарю. Въ тоже время благодарю и за московскія вѣсти. Царь явился Москвѣ на минуту, какъ доброе видѣніе, и вы познакомились съ младшими Царевичами: оба умны и милы; вотъ уже пять лѣтъ какъ я ихъ не видалъ; они конечно весьма много перемѣнились и къ лучшему, и вѣрно ужъ понравились Москвѣ, которая всегда, по Русской старинѣ, любила и любитъ Царя и Его семейство. Дай Богъ, чтобы этотъ духъ любви (историческое наслѣдство Русскаго народа, особенно Москвы отъ старыхъ за-Петровскихъ временъ) навсегда сохранился неприкосновеннымъ. Онъ палладіумъ нашего отечества, которому опредѣлено развиваться подъ властію патріархальнаго Самодержавія. Но я не намѣренъ входить въ дальнѣйшія разсужденія о семъ предметѣ по той законной причинѣ, что мнѣ писать болѣе къ тебѣ некогда. Хотѣлъ тебѣ сказать только два слова, поблагодарить тебя да и только. Въ заключеніе скажу тебѣ и всѣмъ твоимъ: Христосъ воскресе! Нигдѣ въ цѣломъ свѣтѣ этотъ свѣтлый праздникъ Воскресенія такъ не празднуется какъ въ Москвѣ; и ничто такъ не напоминаетъ о ней, какъ заутреня на свѣтлое Воскресенье. Я встрѣтилъ его въ Висбаденѣ, гдѣ провелъ недѣлю одинъ, говѣя. Тамъ очень хорошій священникъ. Но прощай. Жена тебѣ кланяется. Жуковскій.

XIV.

1846 г. 5 Іюля н. с.

Это письмо, которое пишу къ себѣ въ эту минуту, есть ровно тринадцатое написанное въ эти послѣдніе двадцать четыре часа. Я могъ бы, по щучьему велѣнью и по моему прошенію, просто запечатать въ пакетъ на твое имя письмо мое къ Свербеевой; но не хотѣлъ брать грѣха на совѣсть, не хотѣлъ давать тебѣ повода браниться, не хотѣлъ и себя лишить удовольствія сказать тебѣ *здравствуй*, чтò имѣетъ

особенное достоинство, когда къ сему сл.вцу здравствуй, столь легко произносимому словесно, надобно приклеить цѣлый письменный хвостъ, да еще этотъ хвостъ запечатать въ пакетъ и проч. и проч. Вотъ тебѣ письмо къ Свербеевой. Доставь его. А я страшно усталъ отъ своихъ 12 писемъ, въ числѣ которыхъ три такихъ, которыхъ нельзя писать на черно, а надобно переписать, и переписать четко, три поздравительныхъ письма: къ Государынѣ, къ Великой Княгинѣ и къ Великому Князю. Все это должно возбудить великое уваженіе, тѣмъ болѣе что я пишу стоя, что для написанія 12 писемъ надо было отстоять себѣ ноги, что мои ноги стары, и что теперь жара несносная. И такъ ты долженъ поцѣловать письмо мое. А что я тебѣ сказалъ въ этомъ письмѣ? Ровно ничего. Вотъ уже конецъ второй страницы; а ты узналъ отъ меня только то, о чемъ и говорить бы не слѣдовало, именно то, что я пишу къ тебѣ письмо. Да что же мнѣ впрочемъ и сказать тебѣ въ эту минуту? Ровно нѣтъ ничего. Жарко; ѣду черезъ два дни въ Швальбахъ; Убриль, слава Богу, здоровъ; нынче понедѣльникъ, завтра вторникъ.—Ну доволенъ ли ты? Что же еще? Да! вотъ что: мои Петербургскіе кореспонденты всѣ глухонѣмые, и у всѣхъ руки въ параличѣ; ни одинъ не пишетъ ко мнѣ. Ты не таковъ; ты рожденъ гусемъ, то есть все твое существо утыкано гусиными перьями, изъ которыхъ каждое готово безъ устали писать съ утра до вечера очень любезныя письма. Въ слѣдствіе сей гусиной добродѣтели, поручаю тебѣ увѣдомить меня обо всемъ, что́ случится на свадебномъ торжествѣ Царя Русскаго ([14]).—Какіе будутъ пиры, какія будутъ милости? напиши подробно. Только смотри, не такъ какъ написалъ въ послѣднемъ письмѣ, гдѣ назвалъ много свадебъ, а я почти ни одного имени разобрать не могъ.

([14]) Бракосочетаніе Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Николаевича. См. письма къ Нему Жуковскаго въ Р. Архивѣ 1867 года.

XV.

Благодарю тебя, любезнѣйшій другъ, за твое письмо, въ которомъ по своему обыкновенію ты бранилъ меня за мою лѣнь и которое вѣрно написано за два дня передъ тѣмъ, какъ ты получилъ письмо мое. Изъ этого письма ты могъ увидѣть, что я теперь не на розахъ, а естьли и на розахъ, то только на осыпавшихся розахъ, и чувствую одни ихъ шипы. До сихъ поръ это положеніе не перемѣнилось, и моя больная больна по прежнему. Дѣти, слава Богу, здоровы; въ эту минуту слышу, какъ они оба поютъ за три горницы отъ моего кабинета громкое дуо, въ которомъ голосъ Павла Васильевича гудитъ какъ колоколъ. Между извѣстіями твоими изъ Москвы одно для меня весьма печальное, извѣстіе о смерти Гр. Толстаго ([15]). Въ немъ было много хорошихъ качествъ; мнѣ лично были извѣстны одни только эти хорошія качества; все остальное было вѣдомо только по преданію; и у меня всегда къ нему лежало сердце; и онъ всегда былъ добрымъ пріятелемъ своихъ пріятелей. Но здѣсь пронесся слухъ о другой смерти въ Москвѣ, и этотъ слухъ меня тревожитъ—неужели Языковъ, поэтъ Языковъ умеръ? Прошу тебя, увѣдомь правда или нѣтъ. Молчаніе твое даетъ мнѣ надежду, что это извѣстіе басня. Будетъ жестокая потеря и для друзей Языкова и для отечества. Также и извѣстіе объ Аврорѣ для меня весьма печально. Увѣдомь о ней.—Прошу тебя переслать приложенное письмо и обнимаю тебя мысленно; всѣмъ сердцемъ желаю, чтобы семейное твое счастіе никакою тревогою не нарушилось.

Твой Жуковскій.

20 Генваря 1847.

([15]) Графа Ѳедора Ивановича?

XVI.

13/25 Мая 1847.

Мой милый Александръ, вотъ тебѣ еще нѣсколько писемъ для передачи и при нихъ дружеское объятіе, которое скоро обратится изъ эпистолярнаго объятія въ самоличное, ибо въ первыхъ числахъ Августа (н. с.) я надѣюсь быть *проѣздомъ* въ Москвѣ. Разумѣется, что, оставшись тамъ только день или много два, увижу только тебя. Знай это напередъ и смотри сдѣлай такъ, чтобы я тебя непремѣнно нашелъ въ это время въ Москвѣ. Планъ мой нынѣшнимъ годомъ возвратиться на *житье* въ Россію долженъ былъ перемѣниться; докторъ мой, признавая путешествіе весьма полезнымъ и цѣлительнымъ для жены моей, никакъ не позволяетъ ей провести *нынѣшнюю* зиму въ нашемъ климатѣ, предсказываетъ навѣрное возобновленіе болѣзни и не иначе соглашается на совершенный ея переѣздъ въ Россію, какъ въ слѣдующемъ 1848 году. Хотя я и имѣю отъ Государя милостивое позволеніе остаться за границею до совершеннаго выздоровленія жены, но не могу не пріѣхать нынѣшнимъ лѣтомъ: вотъ уже теперь ровно шесть лѣтъ, какъ я за границею; надобно всѣхъ васъ наконецъ увидѣть и все лично приготовить къ моему переселенію. Надѣюсь, что въ будущемъ году ничто не помѣшаетъ его совершить. Состояніе здоровья жены теперь стало сноснѣе; она не безпрестанно страдаетъ, но припадки отъ времени до времени возобновляются. Они приходятъ какъ мародеры арміи, которая сама удалилась, произведя великое опустошеніе; но мародеры по своей натурѣ бываютъ свирѣпѣе, хотя съ ними и легче сладить.—Теперь мы ждемъ нашего милаго, добраго, благодушнаго Великаго Князя Наслѣдника; на дняхъ я получилъ отъ Него письмо, въ которомъ Онъ увѣдомляетъ меня, что въ начальныхъ дняхъ іюня (с. с.) будетъ на Рейнѣ. Повидавшись съ Нимъ, я отправлюсь въ путь свой. Благослови меня Богъ добрымъ путешествіемъ, т. е. радостію увидѣть всѣхъ своихъ ближнихъ (теперешнихъ; въ числѣ ихъ уже много умерло) и радостію возвратясь найти всѣхъ своихъ на лицо. Все это въ рукѣ Божіей; по слабости сердца мы можемъ просить, чтобы было все по нашему; но твердость сердца состоитъ въ томъ, чтобы все принималось изъ дающей руки, какъ свое, какъ лучшее для насъ. Не всякому дана такая твердостъ. Теперь Франкфуртъ оживился, и опять начинаютъ являться Русскіе люди на Нѣмецкой почвѣ, и Русскій духъ въ очахъ совершается. Недавно явился больной баронъ Ливенъ, который для леченія своего поселится въ Гомбургѣ; третьяго дня я видѣлъ возвратившагося изъ Италіи Кавелина, который теперь купается въ Шлангенбадѣ, потомъ поѣдетъ въ Гельголандъ для морскихъ ваннъ, а потомъ въ Петербургъ: слава Богу, онъ совершенно поправился, но дорого заплатилъ за эту поправку. Думаю, что скоро увижу Владиміра Карамзина, который теперь въ Парижѣ и сбирается возвратиться въ Россію.

Я на многія письма твои не отвѣчалъ; право, было во все это время не до того. Теперь поотлегло на сердцѣ; и если бы не надобно было готовиться къ отъѣзду, опять бы усердно принялся за Одиссею; но эта служба еще впереди. Въ отвѣтъ на письма твои пишу, что мнѣ весьма, сердечно глубоко жаль, что и ты безпокоишься о женѣ своей: знаю, каково это и дѣлю твое горе; надѣюсь, что ей теперь лучше. Я слышалъ ей большія похвалы отъ нашего общаго друга Полетики, который съ мѣсяцъ тому былъ во Франкфуртѣ, у меня обѣдалъ, провелъ вечеръ, и весьма подружился съ женою моею. Устарѣлъ Петрикъ, но все тотъ же добрый, милый чудакъ и квакеръ. Благодарствую за

Балладу и за Антибалладу. Первая написана прекрасно; у Ростопчиной истинный талантъ... Но ты видишь, что четвертой страницы конецъ; пятой начинать не хочу, чтобы не попасть на обмѣръ. Ты скажешь: не такой-де ты человѣкъ, чтобы написать восемь страницъ! врешь, такой! а теперь нельзя потому, что надобно еще три письма писать, и не короткія. Прощай,—до свиданія. Жуковскій.

XVII.

Эмсъ. 1847 г. 7 августа н. с.

Ѣхалъ въ Москву, а попалъ въ Эмсъ: вотъ исторія нѣкотораго Русскаго дворянина Василья Андреевича Жуковскаго. Впрочемъ эта участь всѣхъ человѣковъ, дворянъ и не дворянъ. Живи не такъ какъ хочется, а такъ какъ Богъ велитъ. Вотъ почему я и живу теперь въ Эмсѣ, а не въ Москвѣ и не въ Швейцаріи. Докторъ Коппъ говоритъ женѣ: поѣзжай въ Эмсъ и утопи тамъ свою болѣзнь. Я и привезъ жену въ Эмсъ. И стараемся мы утопить врага своего въ тепломъ крейхенѣ; а утопимъ ли, это знаетъ Богъ. Вотъ уже третья недѣля пошла съ тѣхъ поръ, какъ мы работаемъ изъ всѣхъ силъ; еще остается намъ здѣсь прожить недѣли двѣ. Жена пьетъ воду и купается—авось Богъ поможетъ ей. Я что-то хромаю, какой-то врагъ поселился въ пятку; ужъ не подагра ли? Чего добраго, а кажется я велъ себя добропорядочно, въ чемъ и ты, старый шалунъ, мнѣ можешь дать свидѣтельство. Подагра, говорятъ, есть грамота на долгую жизнь. Хороша грамота! Впрочемъ, если она не болѣе будетъ меня теребить, какъ теперь, то въ часъ добрый. Въ Эмсѣ я нашелъ нѣкоторыхъ Русскихъ, но вообще мнѣ не знакомыхъ. Одинъ только былъ здѣсь милый Русской знакомецъ. Хомяковъ, но и онъ уѣхалъ. Нынѣшній день долженъ пріѣхать обратно изъ Киссингена въ Дармштатъ нашъ милый Наслѣдникъ съ Цесаревною, Которой, какъ сказываютъ, воды весьма помогли. Скоро я самъ Его увижу, ибо онъ, слышно, пробудетъ цѣлый мѣсяцъ въ Дармштатѣ; и намъ уже Швейцарія не дорога: въ сентябрѣ тамъ для житья холодно; женѣ же нуженъ свѣжій воздухъ. Въ будущемъ году, надѣюсь, непремѣнно быть на родинѣ; съ женою ли, одинъ ли, по буду. Я былъ бы и нынче, когда бы Коппъ не похерилъ моего счета Strich durch die Rechnung; на свѣтѣ все Strich durch die Rechnung. Черезъ нѣсколько времени буду писать тебѣ о важномъ дѣлѣ, въ которомъ ты весьма можешь помочь мнѣ, если только будетъ у тебя на то средство. Теперь скажу въ двухъ словахъ: хочу издавать полныя мои сочиненія и, можетъ быть, рѣшусь выдать на подписку. Все будетъ напечатано здѣсь: когда напечатается все, то отправлю экземпляръ въ Петербургъ. Иногородные, то есть не Петербургскіе и не Московскіе, будутъ посылать требованія и деньги въ почтамты Петербургскій и Московскій. Можно ли будетъ это такъ устроить, чтобы у тебя въ почтамтѣ могъ завѣдывать отправленіемъ экземпляровъ и принятіемъ денегъ и доставленіемъ денегъ куда слѣдуетъ, особый надежный чиновникъ? Напримѣръ, это сдѣлать бы такъ, чтобы, получивъ требованіе и деньги, пересылать ихъ въ Петербургскій почтамтъ, а оттуда уже экземпляры высылались бы по адресамъ, ибо всѣ экземпляры будутъ храниться въ Петербургѣ, кромѣ тѣхъ экземпляровъ, которые будутъ розданы книгопродавцамъ для Московскихъ и Петербургскихъ подписчиковъ. Скажи мнѣ объ этомъ свое мнѣніе.

Прости, милый другъ; прошу тебя переслать приложенныя письма по адресамъ. Твой вѣчный Жуковскій.

XVIII.

15/17 октября 1847 г. Фр. н/М.

Что могу сказать тебѣ, мой милый другъ, въ отвѣтъ на письмо твое, которое поразило меня такою горестною вѣстью. Тяжелѣ твоей печали ничего вообразить не умѣю и ничего не могу сказать тебѣ такого, что́ могло бы тебя утѣшить. Вполнѣ понимаю твое страшное одиночество и всю безотрадность твоего будущаго. Въ такомъ положенiи, какъ твое, жизнь уже не представляетъ никакой замѣны: въ наши лѣта здѣшнее и будущее не имѣетъ ничего привлекательнаго; если и то, что́ радовало насъ въ настоящемъ, не исчезнетъ, но уже не найдешь, да и не захочешь искать, ничего такого что́ бы заняло мѣсто опустѣлое, покинутое нашимъ земнымъ счастiемъ; извнѣ къ намъ уже ничто не придетъ. Ты, правда, имѣешь мирное убѣжище въ семьѣ твоихъ добрыхъ дѣтей; но и туда придешь ты сиротою; тамъ будешь не чужой, но все своего собственнаго нѣтъ; и въ душѣ будетъ глубоко сидѣть одиночество—печальный товарищъ на старости лѣтъ. Въ такое-то время становятся вполнѣ утѣшительны и понятны слова: *придите ко Мнѣ вси труждающiися и Азъ упокою вы*. Тутъ узнаешь другаго рода семейную жизнь, въ которой нѣтъ ни потерь, ни похоронъ, ни одиночества. Въ этомъ - то кругу семейномъ услышишь то, чему не льзя повѣрить, когда радостно обладаешь *земнымъ* счастiемъ; то, что наши земныя страданiя, ясно понимаемыя, не только не зло, но благо. Какъ чистая человѣческая философiя, это есть галиматья; какъ ученiе христiанское, это есть высочайшая, утѣшительная истина. Но человѣческое слово не выразитъ этой истины; поди въ школу къ тому, кто не только учитъ, но и дѣломъ доказываетъ истину своего ученiя. При нашихъ человѣческихъ, безотрадныхъ, часто эгоистическихъ умствованiяхъ—раненное сердце все остается неизлеченнымъ; все передъ нами гробъ, все вокругъ насъ пустота и молчанiе. Но когда обратиться къ живому и животворящему Учителю, то вдругъ все измѣняется: на сердцѣ пластырь, надъ гробомъ вѣетъ жизнь, а себя чувствуешь согрѣтымъ на груди Отца, Который уже однимъ своимъ присутствiемъ за все вознаграждаетъ. И такъ, мой милый, примись простымъ и вѣрующимъ сердцемъ за Евангелiе; тамъ и себя оживишь, и жена твоя тамъ воскреснетъ. Помоги тебѣ Богъ.

Прошу немедленно передать приложенное письмо по адресу. Обнимаю тебя всѣмъ сердцемъ.

Жуковскiй.

XIX.

7 Марта н. с. 1848 г.

Что скажешь о скачкѣ по желѣзной дорогѣ политическаго мiра? Что сдѣлалось въ послѣднiе двѣнадцать дней! Бывало, такiя событiя происходили въ теченiе вѣковъ. Нынче хронологiя перемѣнилась. Дни стали вѣками. Это значитъ, что скоро наступитъ вѣчность. Я не буду ничего тебѣ описывать, и на это теперь у меня нѣтъ довольно досуга. Въ то время, когда будетъ въ твоихъ рукахъ это письмо, ты будешь знать все изъ газетъ. Со мною лично ничего не случилось, и нашъ Франкфуртъ столько спокоенъ и безопасенъ, сколько можно быть въ сосѣдствѣ землетрясенiя и вулкана, льющаго свою лаву по окрестности. Онъ конечно теперь самое безопасное мѣсто въ Германiи. На него изъ первыхъ подѣйствовало влiянiе революцiи; были и здѣсь, на ряду съ Баденомъ, Дармштатомъ и Висбаденомъ, движенiя, но они кончились ничѣмъ, и теперь все пришло въ свою колеину—на долго ли? это вѣдаетъ Богъ. Въ эту минуту покинуть Франкфуртъ съ женою и дѣтьми было бы не благоразумно. Если бы я былъ одинъ, я давно

былъ бы на пути въ Россію, которая есть теперь убѣжище покоя. Сохрани Богъ Царя и укрѣпи въ рукѣ Его самодержавіе! Посмотрѣвъ въ глаза этой свободѣ, убѣждаешься въ томъ, какое твердое народное благо можетъ быть устроено на фундаментѣ самодержавія; этотъ фундаментъ у насъ есть: нашъ самодержавный Строитель можетъ еще спокойно и самобытно строить Русское зданіе великаго царства по плану Божіей правды. Чтобы это зданіе, столь богатое будущимъ, могло быть доведено до кровли, всѣ Русскіе теперь крѣпче, нежели когда нибудь должны слиться въ одну силу съ Царемъ своимъ. Каждый пой теперь и въ слухъ и про себя то, что̀ было пропѣто надъ могилами Бородинскихъ воиновъ воинами нашего времени:

Память вѣчная вамъ, братья!
Рать младая къ вамъ объятья
Простираетъ въ глубь земли!
Нашу Русь вы намъ спасли:
Въ свой чередъ мы грудью станемъ,
Въ свой чередъ мы васъ помянемъ,
Если Царь велитъ отдать
Жизнь за общую намъ мать.

Прощай! Напиши обо мнѣ Вяземскому. Самому писать некогда. Ж.

XX.

За что же бранишься? Получилъ отъ меня письмо и жалуешься на мою лѣнь. Что за фантазія! Да развѣ ты прилежнѣе меня на письма? Ну полно ссориться—благодарствую и за твои дружескія строки и за пересылку моего писанія по адресу. Вотъ ужъ и я на пути въ Россію. На пути? Да, то есть я уже отправилъ жену въ Эмсъ; а самъ еще сижу во Франкфуртѣ, чтобы уложить свои пожитки и предать ихъ на волю извощика и судьбы. Потомъ самъ въ Эмсъ, гдѣ и жена и я будемъ лечиться. Она тамъ уже болѣе двухъ недѣль и останется еще шесть. Да и я долженъ буду пить воду и купаться недѣли четыре. Занемогъ было не на шутку. Между тѣмъ гроза становится все грознѣе; тучи подходятъ ближе и ближе. Того и гляди, что вспыхнетъ война во всей Германіи, внѣшняя и внутренняя. Въ такихъ обстоятельствахъ быть принужденнымъ отложить еще на полные два мѣсяца отъѣздъ свой—весьма непріятно: никакъ нельзя быть увѣреннымъ, будетъ ли какая свободная дорога; можетъ легко случиться, что надобно будетъ ѣхать въ Россію чрезъ Англію. А что это все стоитъ карману, сказать невозможно. Я перевезу жену (если Богъ позволитъ) сперва въ Лифляндію, гдѣ у ней родные, дабы не вдругъ передать ее во власть нашего злаго климата; она тамъ проведетъ осень и зиму. А самъ я буду въ Петербургѣ, буду и у васъ въ Москвѣ. Гдѣ опущу свой якорь, это еще для меня не совсѣмъ ясно; но возможнѣе всего: въ Дерптѣ, ибо вмѣстѣ съ нами проѣдетъ туда и вся семья жены; и такимъ образомъ моя жизнь будетъ выражать стихъ Дмитріева:

Съ нѣжной вѣтки на другую
Перепархиваетъ онъ.

То есть я буду перепархивать изъ Дерпта въ Москву, изъ Москвы въ Петербургъ, изъ Петербурга въ Дерптъ. И такъ, дружище, моли за насъ Бога, моли, чтобы Онъ открылъ намъ свободный, безопасный путь на нашу родину, въ Россію, въ Россію, гдѣ есть такъ еще много того святаго, котораго и слѣдовъ не осталось въ этой Германіи, раздавленной грузомъ своей цивилизаціи. До свиданія

Твой Жуковскій.

14/26 Мая 1848 г.

XXI.

9/21 Августа 1848 г.

Вмѣсто длиннаго письма посылаю тебѣ, душа моя, коротенькую брошюрку, мною здѣсь напечатанную для немногихъ Русскихъ, здѣшнихъ и домашнихъ. Два экземпляра; пошли изъ нихъ одинъ Вяземскому, другой оставь себѣ. Но прошу тебя, никому не давай въ руки печатнаго; если тебѣ захо-

чется, чтобъ другіе читали, то вели сдѣлать списокъ, и пускай ходитъ по рукамъ манускриптъ. Иначе могутъ подумать, что я печатаю за границею для раздачи экземпляровъ на Руси. Я всего на все напечаталъ 40 экземпляровъ, изъ которыхъ не болѣе десятка пойдетъ на родину. Напиши объ этомъ и Вяземскому; а отъ него получишь извѣстія подробныя обо мнѣ. Въ двухъ словахъ: холера остановила меня на самомъ отъѣздѣ; ѣду на зиму въ Баденъ; а на будущій годъ съ первымъ путемъ, если Нѣмецкая революція не сожретъ меня, отправлюсь къ вамъ. Досадно, грустно, разорительно—а дѣлать нечего. Приложенныя письма раздай и разошли. Обнимаю тебя

Жуковскій

Я посылаю черезъ тебя такія тучныя письма въ томъ предположеніи, что ты, какъ Почтъ-директоръ, ничего за письма не платишь. Однако лучше будетъ, если ты мнѣ скажешь, такъ ли это, или нѣтъ.

XXII.

9 Октября н. с. 1848 г.

По адресу приложеннаго здѣсь письма ты вѣроятно заключишь, что я не имѣлъ намѣренія писать къ тебѣ, и ты не ошибешься. Но стало совѣстно, и я рѣшился прибавить нѣсколько строкъ на твое лице, ибо все таки ты можешь обо мнѣ хоть минуту побезпокоиться, читая въ газетахъ, что Штруве бунтуетъ и грозитъ возмутить весь Югъ Германіи, гдѣ азъ нижепоименованный избралъ свое мѣстопребываніе на всю зиму въ прекрасномъ Баденѣ; но въ тѣхъ же газетахъ ты прочтешь, что Штруве взятъ и что мятежъ успокоенъ; это однако не значитъ, чтобы все было въ порядкѣ—напротивъ все въ безпорядкѣ, и этотъ безпорядокъ часъ отъ часу увеличивается. До чего суждено мнѣ дожить въ Баденѣ, я не знаю; добра не предвидится; но дѣлать нечего: я не произвелъ, не выбралъ, а только покорился обстоятельствамъ; остальное во власти Божіей. Я совсѣмъ не благодаренъ за ту поправку, которую сдѣлали въ моихъ стихахъ, напечатанныхъ въ С. П. Вѣдомостяхъ и перепечатанныхъ въ Сѣверной Пчелѣ. И это не отъ авторскаго самолюбія, а просто отъ того, что изъ смысла сдѣлалась безсмыслица. Вотъ мои стихи:

Волнъ ругательные визги
Вѣтръ, озлившій ихъ, умчитъ:
Ихъ (волны) гранитъ твой разразитъ,
На тебя нападшихъ, въ брызги.

Вмѣсто послѣднихъ двухъ стиховъ стоитъ:

И летучія ихъ брызги
О гранитъ твой разразитъ.

Первое, жаль что энергическое слово брызги не осталось на концѣ: оно живописно оканчиваетъ картину. Послѣ *разразитъ* ждешь чего-то; кажется, нѣтъ конца. Но главное то, что нѣтъ смысла. Если перевести въ прозу мои стихи,—будетъ: *ругательный визгъ волнъ разнесетъ вѣтеръ, а если онѣ нападутъ на тебя, твой гранитъ разразитъ ихъ въ брызги.*

Вмѣсто того поправка говоритъ: *вѣтеръ умчитъ визги волнъ и разразитъ ихъ брызги объ гранитъ.*

Если *брызги*, то зачѣмъ разбивать ихъ снова? И какая въ этомъ нужда? Хорошо, когда разобьешь въ брызги *волны*—тутъ есть чѣмъ похвалиться! Тутъ есть сила. А сражаться съ брызгами, бить битаго—мало чести.

Прошу это послать Вяземскому, а приложенное письмо по адресу. Обнимаю тебя. Мой адрессъ: à Bade-Bade. Maison Kleinmann.

XXIII.

1849 $^{7}/_{19}$ Марта. Баденъ.

Благодарствую, мой милый Александръ, за твои письма, за доставленіе писемъ ко мнѣ, за отсылку моихъ, за описаніе печатное праздника и за разные конфекты, которыми ты потчуешь меня въ твоихъ письмахъ. Чтобы дать тебѣ еще болѣе права на сердечную мою благодарность, прила-

гаю толстый пакетъ, который прошу доставить по адресу. При ономъ пакетѣ просьба покорная: увѣдомить меня, получилъ ли слѣдующій ему экземпляръ Антонскій ([16]) и получилъ ли при экземплярѣ письмо? Его молчаніе меня тревожитъ. Прошу тебя не полѣниться и меня объ немъ увѣдомить. Хороши мои всѣ пріятели, которыхъ я вспомнилъ посылкою къ нимъ Одиссеи и прочаго. Ни одинъ не откликнулся, ни одинъ не сказалъ спасибо за подарокъ. Гдѣ Гоголь? Ты вѣдь съ нимъ знакомъ? видишь его? Если видаешь его, скажи ему, что я всѣмъ сердцемъ пѣняю ему за молчаніе. Не пишу самъ потому, что теперь на цѣлый мѣсяцъ наложилъ на себя эпитимью молчанія. Цѣлый мѣсяцъ не примусь за перо потому, что все время хочу посвятить Одиссеѣ, которую надѣюсь, съ Божіею помощію, кончить къ половинѣ апрѣля н. с. Это будетъ чисто къ 1 апрѣля нашего стиля. Тогда Россія скажетъ мнѣ, получивъ Одиссею: это-де Poisson d'Avril, Василій Андреевичъ изволитъ кормить насъ рыбкою. Но дѣло не объ томъ. Праздникъ у васъ, нечего сказать, былъ прекрасный ([17]). Мысль его мнѣ чрезвычайно понравилась, и почти жаль, что праздникъ былъ *данъ*: его непремѣнно бы надобно было отложить до перваго посѣщенія Москвы Императоромъ. По крайней мѣрѣ ограничиться бы однимъ Кенильвортомъ, а Россію сберечь про Русскаго Царя. Но это была службишка, а служба впереди. Можно повторить будетъ Россію при первомъ появленіи Царя въ ея древнюю столицу; но чтобы не было просто повторенія, можно прибавить къ представленію матеріальной Россіи въ ея народахъ, быстрый обзоръ ея Исторіи; можно въ немногихъ живыхъ картинахъ представить всѣ главныя эпохи ея исторіи. Надобно только, чтобы выбраны были сюжеты живописные, а эскизы и планъ разстановки, костюмы и освѣщеніе были поручены *живописцу* и чтобы онъ въ этомъ дѣлѣ былъ полнымъ господиномъ. Для избранія сюжетовъ, составить комитетъ изъ нашихъ ученыхъ профессоровъ, которыхъ особенный предметъ есть Исторія Россійская, не забыть пригласить въ этотъ комитетъ Хомякова и Гоголя. Все это должно составить одно *цѣлое*: быстрый, живописный обзоръ той дороги, которою судьба провела Россію до нашего времени. Надобно, чтобы этимъ обозрѣніемъ *начался* праздникъ; чтобы въ залѣ были рамы для всѣхъ картинъ; чтобы каждая сперва хронологически показывалась по одиначкѣ, потомъ разомъ показать всѣ. Представивъ такимъ образомъ Русскому Царю все славное прошедшее, покажите Ему могучее настоящее, то есть, теперешнюю Россію въ ея народахъ. Сообщи эту мысль графу Закревскому: она, я увѣренъ, ему понравится; тогда для Гостя будетъ достойное Его угощеніе, и бывшимъ прекраснымъ праздникомъ можно будетъ воспользоваться какъ не бывшимъ. Вотъ еще идея: когда пріѣду къ вамъ въ Москву я, ты долженъ дать мнѣ праздникъ изъ живыхъ картинъ: а картины взять изъ всѣхъ моихъ славныхъ твореній. Это будетъ тебѣ честь, а мнѣ удовольствіе. Прощай на цѣлый мѣсяцъ. Я писалъ скоро; не знаю, разберешь ли; но по дѣломъ тебѣ. Въ послѣднихъ твоихъ письмахъ я самъ могъ разобрать только половину.

XXIV.

Пишу къ тебѣ два слова только для того, чтобы тебя вывести изъ недоумѣнія обо мнѣ. До васъ уже дошли

([16]) А. А. Прокоповичъ-Антонскій, бывшій директоръ Университетскаго Пансіона, гдѣ воспитывался Жуковскій, который еще не зналъ тогда, что престарѣлаго наставника его уже нѣсколько мѣсяцевъ какъ не было въ живыхъ.

([17]) Праздникъ въ маскахъ, у Московскаго генералъ-губернатора графа Закревскаго, устроенный по мысли и заботами С. П. Шевырева.

вѣсти о томъ, что̀ творится въ Баденѣ. Анархія во всей звѣрской красотѣ своей. Я не дождался ея Сатурналій и во́-время перевезъ жену въ Страсбургъ, гдѣ она, то есть жена, а не анархія, пролежала недѣлю въ постелѣ. Теперь я въ Базелѣ, завтра ѣду въ Бернъ. О дальнѣйшемъ буду писать съ мѣста. А ты перешли приложенное письмо, и съ тѣмъ я только пишу о себѣ двѣ строки, чтобы родные не вздумали за насъ чего нибудь болтать. Страшенъ сонъ, да милостивъ Богъ! Прощай—обнимаю тебя.

Базель 17/29 мая.

P. S. Мой адресъ пока: à Berne poste restante. Прошу тебя не полѣниться написать ко мнѣ туда. Ты созданъ быть утѣшителемъ странствующихъ вдали отъ отечества; никто изъ моихъ пріятелей такъ не былъ ко мнѣ жалостливъ какъ ты; благодарю тебя. Многое для меня доходило—и доброе и худое; я не былъ изгнанникомъ. Благодарю за послѣднія увѣдомленія о пребываніи Царя въ Москвѣ: славно! Дай Богъ теперь другой славы, съ мечемъ въ рукахъ противъ бунта и анархіи. Прощай, мой милый, ты получишь въ свое время изъ Петербурга экземпляръ первыхъ томовъ изданія моихъ сочиненій. Раздай ихъ по прежнему образцу. Если увидишь Гоголя, скажи ему, что я получилъ коротенькую записочку, которая доказала мнѣ только то, что ему ко мнѣ писать не хочется; вслѣдствіе сего и я не пишу къ нему, а ты увѣдомь его, что Одиссея кончена и отпечатана, и ѣдетъ на долгихъ въ Россію. Доѣдетъ ли? Богъ знаетъ.

XXV.

Благодарствую, моя умница, за милую твою писулечку и за доставленіе письма отъ Кирѣевскаго, которому прошу переслать немедленно приложенное. Я получилъ твою эпистолу въ Бернѣ. Завтра переселяюсь съ своей семьей въ Тунъ, гдѣ мы дождемся Гугерта и гдѣ женѣ можно будетъ продолжать свое начатое леченіе. Пробывъ вмѣстѣ съ своими весь іюнь, въ началѣ іюля отправлюсь одинъ въ Петербургъ—какою дорогою, еще не знаю. Если Государь будетъ еще въ Варшавѣ, то черезъ Варшаву. Во всякомъ случаѣ имѣю вѣрную надежду увидѣть тебя, милаго друга, нынѣшнимъ лѣтомъ. Извѣстіе о Вяземскомъ грустно для меня: мнѣ вѣроятно суждено съ нимъ разъѣзжаться. Но оно меня радуетъ за него, ибо эта поѣздка разбудитъ его страждущую душу, обхваченную параличемъ горя. Отъ него самого я не имѣю отзыва на мое письмо: онъ не отвѣчалъ мнѣ. Напиши мнѣ о немъ подробно тотчасъ послѣ свиданія съ нимъ. Этимъ ты меня обяжешь.

Въ Баденѣ льется кровь; она падетъ на главу тѣхъ бѣшеныхъ, которые все взбунтовали своими нелѣпыми теоріями. Наше путешествіе или бѣгство изъ Бадена въ Страсбургъ было довольно тревожное. Оно случилось въ самый день вспышки бунта въ Карлсру. Поѣхавъ изъ Бадена по желѣзной дорогѣ, уже на первой станціи нашли мы главную квартиру Штруве (въ тотъ самый день освобожденнаго бунтовщиками). Передъ нашимъ вагономъ и позади его, около тридцати вагоновъ, всѣ наполнены солдатами и пьяною чернью съ заряженными ружьями, косами, дубинами и прочими конфектами; крикъ, шумъ, топотъ, стрѣлянье изъ ружей; и на каждой станціи надобно было ждать: одни выходили изъ вагоновъ, другіе въ нихъ лѣзли, съ крикомъ, пѣснями, воемъ, лаемъ, стрѣльбою; наконецъ до десяти героевъ сѣло на кровлѣ нашего вагона. Такое пріятное путешествіе продолжалось три часа....Но меня прерываютъ: надобно печатать письмо; прости, другъ, обнимаю тебя всѣмъ сердцемъ. Пиши. Жуковскій.

9 іюля н. с.

Бернъ (1849 г.)

XXVI.

Мой милый Булгаковъ, пишу къ тебѣ изъ Варшавы за два часа до моего отъѣзда. Но не радуйся ни за меня ни за себя: ѣду обратно въ Баденъ, гдѣ оставилъ жену больную; нѣтъ никакой возможности перевести ее на зиму въ нашъ климатъ. И такъ опять мой возвратъ отложенъ до будущаго лѣта. Горько мнѣ это; горько мнѣ бивакировать на чужой землѣ, гдѣ нѣтъ теперь ни покоя, ни пріюта; еще болѣе горько отъ причины, которая меня къ тому принуждаетъ; а ты все мнѣ пишешь: обасурманился, зажился, бросилъ Россію; это меня печалитъ и сердитъ. Государь понялъ мое положеніе и отпустилъ меня весьма милостиво: доказательствомъ этой милости служитъ то, что Онъ, уѣзжая изъ Варшавы въ самый день кончины нашего добраго ангела Михаила Павловича, далъ мнѣ Бѣлаго Орла съ прекраснымъ рескриптомъ. Я бы могъ тебѣ разсказать о здѣшнемъ бытѣ, но физически это мнѣ не возможно; ѣду черезъ два часа, укладываюсь, и у меня люди. Прости. Пиши по прежнему въ Баденъ. Баденъ au Graben, maison Kleinmann. Изъ Бадена напишу. Твой Жуковскій.

1 сентября 1849. Варшава.

XXVII.

Не могу сказать тебѣ, душа моя какъ я благодаренъ тебѣ за твои письма. Ты болѣе всѣхъ помнишь обо мнѣ и содержишь между мною и родиною постоянное сношеніе. И у меня письма твои всѣ до одного сохраняются; но по смерти моей ты ихъ не получишь: они и домашнимъ моимъ пригодятся. Теперь пишу къ тебѣ на скоро, чтобы переслать тебѣ письмо, которое ты доставь по адресу. Самъ же хлопочу о важномъ дѣлѣ. Устанавливаю все для вечерняго Христова праздника, который имѣетъ быть нынѣ въ моей семьѣ совокупно съ семьею моего тестя. Значительная эпоха въ дѣтской жизни! Теперь дѣти какъ въ лихорадкѣ: Саша на весь домъ поетъ; а Пашка прыгаетъ, брыкается и пляшетъ.

Поздравляю тебя съ праздникомъ и Новымъ годомъ и всѣмъ сердцемъ обнимаю. Жуковскій.

12/24 декабря 1849 г.

XXVIII.

1/13 іюля 1850 г.

Я совсѣмъ на мази, чтобы къ вамъ ѣхать; но весьма вѣроятно, что не поѣду — это зависитъ отъ того, что мнѣ напишетъ Великій Князь Цесаревичъ. Я рѣшился ѣхать непремѣнно нынѣшнимъ лѣтомъ особенно потому, что въ нынѣшнемъ ноябрѣ будутъ праздновать 25 лѣтъ царствованія нашего Великаго Царя. Но, услышавъ во время, что этотъ праздникъ долженъ повториться въ Москвѣ въ день коронаціи, я сдѣлалъ запросъ Моему милому Высочеству, точно ли будетъ повтореніе? Жду Его отвѣта. Если не будетъ повторенія и если праздникъ будетъ только въ нынѣшнемъ ноябрѣ—поѣду; если же будетъ повтореніе праздника въ Москвѣ—остаюсь еще на зиму. Это будетъ спасительно и для моего и для женина здоровья, и весьма, весьма выгодно для многихъ работъ, которыя разомъ и на долго остановятся, если я теперь отправлюсь въ Россію. Ты (я вижу отъ сюда) хмуришь лобъ, носъ и брови, и конечно запоешь свою старую, безсмысленную пѣсню: *ты де отказался отъ Россіи*. Пѣть легко, а терпѣть трудно, особливо такъ какъ мнѣ пришлось терпѣть, и особливо въ послѣдніе четыре года. И какъ я ни радовался въ мысляхъ своихъ возвращеніемъ въ отечество, но благоразуміе требуетъ, чтобы я воспользовался возможностію еще остаться здѣсь. Весьма не забавно ѣхать съ мыслію, что скоро придется подняться опять всѣмъ домомъ для возобновленія бивачной заграничной жизни. И

такъ, вмѣсто того, чтобы сердить меня своими неосновательными обвиненіями, на которыя ты никакого права не имѣешь, ибо не видишь, что̀ сомною дѣлается, войди дружески въ мои обстоятельства, прими въ нихъ участіе, пойми тягость моего положенія и не ври на меня вздоръ. Я не на однихъ розахъ; давъ мнѣ милостиво розы семейной жизни, Богъ не уничтожилъ ихъ колючекъ—и на это я не ропщу, напротивъ знаю, что въ этихъ колючкахъ много Его благости. Только мои пріятели не должны прибавлять къ этимъ колючкамъ своихъ собственныхъ. Вотъ тебѣ мое наставленіе. Ты же ничего не потеряешь и не выиграешь, если я нынѣшнимъ лѣтомъ останусь или поѣду: во всякомъ случаѣ я не буду въ Москвѣ прежде будущей весны. Мнѣ надобно будетъ сидѣть покойно дома и крѣпко беречься зимнихъ переѣздовъ и зимней возьни. Я отвыкъ отъ нашего климата; мнѣ 67 лѣтъ, а болѣзнь, которая дважды у меня начиналась (водяная въ груди) и устранена сперва *Копномъ*, а потомъ *Гугертомъ*, требуетъ отъ меня большой осторожности: въ мои лѣта выздоравливать трудно, надобно всѣми силами стараться *не занемогать*. Если бы еще лѣтъ десятокъ Господь Богъ позволилъ пожить на землѣ, это могло бы быть хорошо для семьи моей; но Онъ знаетъ лучше меня, что̀ мнѣ надобно. Мое же дѣло состоитъ только въ томъ, чтобы исполнить то, чего требуетъ Его воля въ настоящемъ. Твой Жуковскій.

XXIX.

¹/₁₃ октября 1850 г. Баденъ.

Начато, не помню котораго числа. Звѣзда первой величины ([18]) обнимаетъ тебя и благодаритъ за добрыя твои письма и доставленіе ей писемъ. Она докладываетъ тебѣ слѣдующее: дѣйствительно ей уже нанимали домъ въ Ливонскихъ Аѳинахъ; но звѣзда принуждена остаться на темномъ Нѣмецкомъ фирмаментѣ; понеже и она сама и ея созвѣздіе находятся въ болѣзненномъ состояніи. Теперь звѣзда первой величины кашляетъ; но она однако сбирается посѣтить небо Варшавы, чтобы тамъ полюбоваться Царицею Русскаго фирмамента, солнечнымъ сіяніемъ..... подруги Русскаго Царя. Это письмо начато тому дней десять. Оно служитъ новымъ доказательствомъ, что на семъ свѣтѣ плановъ никакихъ дѣлать не должно. Въ началѣ сего письма звѣзда первой величины собиралась въ Варшаву; а прежде нежели письмо перешло на другую страницу, у звѣзды сдѣлался геморой, и докторъ Гугертъ приговорилъ звѣзду сидѣть въ Баденѣ, изъ уваженія къ органу ея сидѣнія, который въ семъ случаѣ одержалъ верхъ надъ ея головою, органомъ ея разума и поэтическаго генія, такъ расхваляемаго Скверною или Сѣверною Пчелою. И такъ, любезный мой Александръ, я еще на зиму остаюсь въ Баденѣ....

Вотъ и еще нѣсколько дней прошло съ тѣхъ поръ, какъ звѣзда первой величины начала писать это письмо. Она докладываетъ тебѣ, блистательный Московскій Оріонъ, что, при всей своей тебѣ извѣстной глупости, она поступила весьма умно, что не устремила теченія своего въ Варшаву. Вотъ уже третій мѣсяцъ, какъ у насъ безпрестанный холодный дождь, погода премерзкая, и октябрь обѣщаетъ, кажется, быть весь холоднымъ, сырымъ и грязнымъ. Прогуливайся тутъ по желѣзной дорогѣ! А между тѣмъ Государыня въ Скерновицахъ, въ двухъ часахъ ѣзды по желѣзной дорогѣ отъ Варшавы. И такъ, пріѣхавъ туда на недѣлю, я бы каждый день дол-

---

([18]) Булгаринъ назвалъ Жуковскаго въ своей Сѣв. Пчелѣ звѣздою первой величины. Говорятъ, что однажды кто-то пробрался въ типографію, гдѣ печаталась Сѣверная Пчела и въ заголовкѣ газеты вмѣсто буквы *ѣ* поставилъ *к*. Номеръ такъ и вышелъ въ свѣтъ.

женъ былъ проводить по четыре часа на желѣзной дорогѣ, чтобы увидѣть Императрицу на минуту. Большое счастіе, что геморой во время испугалъ Гугерта. Что, если бы я слегъ въ Варшавѣ?—И такъ, дружище, не хмурься на меня. Вамъ хорошо тамъ судить и на вѣтеръ вторить: забылъ отечество, отказался отъ Россіи! Поглядѣлъ бы на то, что̀ у меня дома дѣлается и каково бываетъ мнѣ въ иныя минуты. Наконецъ однако рѣшительно лучше. Увидимъ, что̀ скажетъ зима и революція, которая, благодаря презрѣнному курфирстру, выросла на сто процентовъ. — Прости, пиши по прежнему. Ты одинъ держишь меня въ связи съ отечествомъ своими добрыми письмами. Твой Жуковскій.

М. П. ПОЛУДЕНСКІЙ.

Не некрологъ и не біографію принимаемся мы писать. Болѣе скромную, сердцемъ нашептываемую, задачу задаемъ мы себѣ, и въ разрѣшенія ея нашими сотрудниками будутъ, можно ручаться, всѣ тѣ, которые знали и имѣли случай оцѣнить добрую и въ высшей степени достойную личность того, къ кому обращается это загробное наше — прости! Наше слово — слово памяти и прощанія тому, чья преждевременная кончина оставила чувство осиротѣлости въ сердцахъ и родныхъ, и друзей, и пріятелей его, — и всѣхъ вообще, въ какихъ бы отношеніяхъ съ нимъ не состоявшихъ, начиная съ служебнаго начальника и до послѣдняго изъ его сослуживцевъ, чтившихъ въ немъ тѣ высокія качества ума и сердца, которыя въ высшемъ, въ равномъ, какъ и въ низшемъ, возбуждаютъ одинаковыя чувства любви, уваженія и преданности.

Таковымъ былъ и останется въ памяти всѣхъ его знавшихъ сопровожденный нами въ свою послѣднюю земную обитель Михаилъ Петровичъ Полуденскій, скончавшійся 18-го Іюля въ Москвѣ, на 39-мъ году доброй и честной жизни. Послѣдній изъ четырехъ сыновей почтеннаго служебнаго дѣятеля, Петра Семеновича Полуденскаго, котораго знала и уважала вся Москва, Михаилъ Петровичъ сдѣлался въ свою очередь жертвою, какъ бы отмѣтившей эту семью своимъ роковымъ перстомъ, злой болѣзни — чахотки. Ни одинъ изъ братьевъ не дожилъ даже до годовъ послѣдне-оплакиваемаго нами.

Тою же болѣзнью скончалась — за пять лѣтъ предъ симъ, почти въ одинъ съ нимъ день (20-го Іюля 1863 г.) и молодая, достойнѣйшая супруга (*) покойнаго, послѣ четырехъ лѣтъ счастливаго брака. Со времени ея кончины неутѣшный вдовецъ какъ бы считалъ дни, которые оставалось ему жить на свѣтѣ; онъ былъ убѣжденъ, что ему не миновать участи своихъ братьевъ и жены. — Изслѣдовавъ, такъ сказать, у одра предметовъ всей своей любви всѣ признаки и весь ходъ злаго недуга, онъ со дня на день примѣнялъ къ себѣ свою горькую опытность, слѣдилъ до послѣдней минуты надъ собой постепенное развитіе болѣзни, и хотя тайный голосъ молодой жизни и боролся въ душѣ его съ призракомъ разрушенія, тѣмъ не менѣе онъ съ невозмутимою силою духа, съ полною трезвостью разсудка, встрѣтилъ свой послѣдній часъ, напутствуемый тѣломъ и кровью Спасителя, съ молитвою на устахъ, съ перстами сложенными для осѣненія себя крестнымъ знаменіемъ.

Михаилу Петровичу Полуденскому не дано было ознаменовать свое кратковременное жизненное поприще блистательною служебною дѣятельностью. Послѣ основательнаго домашняго подготовленія, изъ котораго онъ

(*) Марья Михайловна, урожденная Ржевская, правнучка фельдмаршала графа Каменскаго.

вынесъ тѣ безоукоризненныя нравственныя начала, коими отличалась вся его личность, онъ прошелъ полный курсъ Московскаго университета по словесному факультету. На эту стезю влекли его его умственныя стремленія; по наклонности, врожденной-ли, или возбужденной въ немъ примѣромъ старшихъ братьевъ, съ которыми онъ неразлучно жилъ, отечественная литтература и библіографія съ раннихъ лѣтъ стали привлекать всѣ труды молодаго студента. Къ тому времени Полуденскіе Сергѣй и Николай, пріобрѣли, между прочимъ, довольно богатую библіотеку (Хрусталева), и для пытливаго и усидчиваго ума младшаго брата открылся новый источникъ его любимыхъ занятій.

Исключительность избранной имъ ученой стези повліяла разумѣется на занятія по другимъ частямъ факультетскаго преподаванія, и молодой человѣкъ удостоился лишь степени дѣйствительнаго студента, по окончаніи Университетскаго курса.

Затѣмъ, чтобы не разстаться съ родительскимъ домомъ, съ нѣжнолюбимыми имъ братьями, съ кружкомъ товарищей и дѣятелей, подвизавшихся на одной съ нимъ стезѣ, а вѣроятно также и потому, что кругъ избираемой имъ служебной дѣятельности совпадалъ болѣе съ его умственными наклонностями, Михаилъ Петровичъ Полуденскій поступилъ въ Московскій Архивъ Министерства Иностранныхъ дѣлъ. Поступилъ онъ не съ тѣмъ, чтобы жить въ Москвѣ архивнымъ юношею былыхъ временъ; это было бы не въ его характерѣ, не въ его правилахъ. Столь-же совѣстливый, сколько скромный въ исполненіи своихъ обязанностей, онъ съ перваго дня на службѣ сталъ такимъ, какимъ мы его знали до послѣдняго часа его силъ: не пренебрегающимъ никакимъ, даже самымъ мелочнымъ занятіемъ въ исполненіи своего долга.

Архивная часть, въ своемъ устройствѣ, далеко еще не достигла у насъ того совершенства, чтобы не относиться съ особеннымъ уваженіемъ къ обрекающимся на ея служеніе труженикамъ и не дорожить дѣятелями, съ любовью относящимся къ дѣлу и подготовленнымъ къ нему, каковымъ былъ Михаилъ Петровичъ Полуденскій. А потому нельзя и не пожалѣть, что онъ, по тѣмъ или другимъ причинамъ, не счелъ возможныхъ продолжать свое служеніе, на этомъ полезномъ и сродномъ ему поприщѣ.

Въ теченіи этого времени, занимаясь своимъ любимѣйшимъ предметомъ, библіографію, Михаилъ Петровичъ Полуденскій вмѣстѣ съ товарищемъ своимъ по Архиву, А. Н. Аѳанасьевымъ основалъ и непосредственно занимался редакціею перваго въ этомъ родѣ изданія въ нашей отечественной литтературѣ: „Библіографическихъ Записокъ“, выходившихъ въ 1858 и 59 годахъ и содержащихъ не мало его собственныхъ статей (*).

Въ объемѣ книгъ мы имѣемъ два весьма-почтенные его труда, а именно: „Указатель къ Вѣстнику Европы„. (Москва 1861-го года) и другой „Указатель статей по Русской Исторіи, Географіи, Статистики, Русскому Праву и Библіографіи въ Московскомъ Вѣстникѣ“.

Изъ помѣщавшихся въ Московскихъ періодическихъ изданіяхъ статей его, изданныхъ и въ отдѣльныхъ брошюрахъ, особенно замѣчательны, въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ и „Русскомъ Архивѣ“: „Матеріалы для Исторіи Дружескаго Ученаго Общества, 1782-го года“ (Москва 1863); „Русская Исторія Мильтона“. М, 1860. „Новое изданіе сочиненій Баронія“, „Русское Посоль-

(*) Такъ какъ служащимъ въ Архивѣ не дозволялось тогда быть издателями, то Библіографическія Записки выходили безъ именъ Аѳанасьева и Полуденскаго: по ихъ просьбѣ издателемъ объявилъ себя въ печати Н. М. Щепкинъ.

ство при Людовикѣ XIV", 1863. „Петръ Великій въ Парижѣ" 1865, кромѣ многихъ другихъ статей, помѣщенныхъ имъ въ этихъ двухъ журналахъ и въ Чтеніяхъ Общества Исторіи и Древностей при Московскомъ Университетѣ.

Съ 1861-го года Михаилъ Петровичъ былъ постояннымъ сотрудникомъ журнала, издаваемаго въ Парижѣ книгопродавцемъ Обри (Aubry) подъ заглавіемъ: Bulletin du Bouquiniste и сообщалъ въ оный статьи о книгахъ старыхъ и новыхъ, касающихся Россіи.

Будучи членомъ и однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ сотрудниковъ Общества Любителей Русской Словесности, онъ и тутъ оставилъ памятники своего полезнаго труда, сперва какъ секретарь, а въ послѣднее время, когда болѣзнь заставила его отказаться отъ этой должности, въ званіи казначея Общества. Члены Общества долго будутъ помнить его кроткое, всегда основанное на законности, примирительное участіе въ ихъ засѣданіяхъ.

При его главномъ сотрудничествѣ было, между прочимъ, издано Обществомъ въ 1867-мъ году, полное собраніе Стихотвореній Мерзлякова, и незадолго до кончины, надѣясь еще на свои силы, онъ готовился принять участіе въ обширной работѣ Общества, а именно въ „Словарѣ Русскихъ писателей."

Съ 1859-го года Михаилъ Петровичъ Полуденскій находился на службѣ въ Московской Дворцовой конторѣ, куда онъ перешелъ изъ вѣдомства Архива, сперва на должность одного изъ секретарей присутствія, а съ 1865 г. онъ состоялъ чиновникомъ по особымъ порученіямъ при г. Президентѣ Конторы, и въ послѣднее заявленіе вниманія начальства къ его службѣ, былъ возведенъ, за два мѣсяца до смерти, въ званіе Церемоній-мейстера Высочайшаго Двора.

Достаточно прислушаться къ отзыву о покойномъ начальниковъ, сослуживцевъ, къ искренному сожалѣнію, изъявляемому всѣми его знавшими о его утратѣ, чтобъ понять всю цѣну этого добраго, достойнаго и скромнаго дѣятеля, не оставившаго по себѣ инаго чувства, какъ скорбь дружбы и уваженіе науки. Въ такихъ-то именно людяхъ, скромно работающихъ и чуждыхъ общественной шумихи, нуждается, болѣе чѣмъ когда либо, наше отечество.

Миръ праху твоему, страдалецъ; добрая, сердечная память твоей безъукоризненной, сочувственной личности! *В. Неклюдовъ.*

Москва 10 Августа 1868 г.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКОЕ ИЗВѢЩЕНІЕ

Окончена печатаніемъ и поступила въ продажу новая книга:

СОЧИНЕНІЯ

Е. А. БАРАТЫНСКАГО.

Съ гравированнымъ портретомъ автора, его біографіею, письмами и проч. въ 8-ку. X и 519 стр. Цѣна 3 рубля.

ТИПОГРАФІЯ Т. РИСЪ, У МЯСНИЦКИХЪ ВОР. ДОМЪ ВОЕЙКОВА.

Тамъ же продается вышедшая вторымъ изданіемъ книга *Ю. Θ. Самарина*:

ІЕЗУИТЫ И ИХЪ ОТНОШЕНІЕ КЪ РОССІИ

(изданіе Русскаго Архива). Цѣна одинъ рубль, съ пересылкою 1 р. 25 к. Къ этому второму изданію прибавлено:

1) Статья о найденныхъ авторомъ въ Пражской университетской библіотекѣ „Тайныхъ Наставленіяхъ Общества Іисусова".

2) „Тайныя Наставленія" въ Латинскомъ подлинникѣ и Русскомъ переводѣ.

3) Польскій Катихизисъ.

4) Подробное оглавленіе всей книги.

ВЗГЛЯДЪ НА МОЮ ЖИЗНЬ.

Записки дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Ивана Ивановича Дмитріева. Москва 1866. 8°. 113 стр. Цѣна 2 р. с. съ пер. 2 р. 50 к.

Библіографическія Записки 1858, 1859 и 1861 годовъ 3 бол. тома въ 4°, со снимками, портретами и съ полнымъ указателемъ къ Вѣстнику Европы, составленнымъ *М. П. Полуденскимъ*. Цѣна каждому тому по 5 р. с. Указатель продается и отдѣльно по 1 р. с.

Записки о жизни и службѣ Александра Ильича Бибикова. М 1865. 8°. Цѣна 1 р. 50 к., съ пер. 2 рубли.

Воспоминанія графа *Соллогуба*. М. 1866. мал. 8°. Цѣна 50 к. съ пер. 75 к.

Записки *гр. Бассевича* о Россіи при Петрѣ Великомъ. М. 1866. бол. 8° Цѣна 75 к. съ пер. 1 р.

Въ непродолжительномъ времени выдутъ въ свѣтъ Записки Н. Н. Муравьева Карсскаго:

РУССКІЕ НА БОСФОРѢ.

ПОДПИСКА НА
РУССКІЙ АРХИВЪ
1869
(ГОДЪ СЕДЬМОЙ)

Принимается въ Москвѣ въ Чертковской библіотекѣ на Мясницкой, № 7. и у извѣстнѣйшихъ книгопродавцевъ.

Иногородные подписчики обращаются съ своими требованіями *исключительно* въ Москву, въ Чертковскую библіотеку.

Цѣна за годовое изданіе Русскаго Архива, состоящее изъ 12 выпусковъ, съ пересылкою и доставкою въ дома **шесть** рублей.

Тамъ же можно получать Русскій Архивъ прежнихъ годовъ (отдѣльныя тетради собранныя въ тома́) 1864 по 4 р., 1865, 1866 и 1867 по 5 р., 1868 по 6 р. Пересылка за каждый годъ по 50 коп. Покупающіе не менѣе двухъ томовъ пользуются уступкою по 50 к. съ тома. Желающіе получить *всѣ пять лѣтъ вмѣстѣ* высылаютъ съ пересылкою 23 рубля, а выписывающіе при томъ и на 1869 годъ,—платятъ съ пересылкою 28 рублей.

Тетради Русскаго Архива по одиначкѣ не продаются.

Лица, проживающія въ чужихъ краяхъ, могутъ выписывать Русскій Архивъ, обращаясь въ Берлинскій почтамтъ, а также въ Москву, въ Чертковскую библіотеку, и высылать на Русскія деньги: для доставленія *въ Германію* **7** р.; *во Францію и Бельгію* **7** р. **50** к.; *въ Англію* **8** р.; *въ Швейцарію и Италію* **9** р.

Тамъ же можно получать изданіе Русскаго Архива:

☞ ЗАПИСКИ ЛЬВА НИКОЛАЕВИЧА ЭНГЕЛЬГАРДТА О ВРЕМЕНАХЪ ЕКАТЕРИНЫ, ПАВЛА И АЛЕКСАНДРА I-ГО.

(Полный по возможности текстъ)

Съ примѣчаніями и указателемъ. М. 1867. (8°. VIII, 240 и VIII стр.)
Цѣна 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

☞ Въ сей тетради Рускаго Архива находится особый листокъ объ изданіи сборника: „Осмнадцатый Вѣкъ“.

Составитель и издатель Русскаго Архива: **Петръ Бартеневъ.**

ГОДЪ ШЕСТЫЙ

РУССКІЙ АРХИВЪ.

ИЗДАВАЕМЫЙ

10. ПРИ 1868.

ЧЕРТКОВСКОЙ БИБЛІОТЕКѢ.

СОДЕРЖАНІЕ

1. Письма фельдмаршала *графа Михаила Ѳедотовича Каменскаго* къ сыну его графу Николаю Михаиловичу, 1806—1809. съ біографическимъ предисловіемъ и примѣчаніями.
2. Сперанскій въ его государственной дѣятельности, съ общимъ очеркомъ исторіи внутренняго управленія въ XVIII вѣкѣ. Статья профессора *Ѳ. М. Дмитріева.*
3. Письма къ графу Аракчееву наперсницы его *Настасьи Ѳедоровой Минкиной.* 1816—1820.
4. Черты для біографіи графа Ѳ. В. Ростопчина. Замѣтки *М. Н. Лонгинова.*
5. Два разсказа изъ исторіи 1812 года.
6. Еще о Севастополѣ. Корниловъ и Тотлебенъ (изъ книги Кинглека). *В. В. Андреева.*

МОСКВА.

Типографія Грачева и К. у Пречистенскихъ воротъ д. Милюковой.

1868.

КНИГИ, КОТОРЫЯ МОЖНО ПОЛУЧАТЬ, ВЪ МОСКВѢ, ВЪ ЧЕРТКОВСКОЙ БИБЛІОТЕКѢ:

ВОЙНА И МИРЪ.

Историко-общественная хроника за первую четверть текущаго столѣтія.

Сочиненіе гр. *Льва Николаевича Толстаго.*

4 тома въ 8-ку, во всѣхъ до 80 печатныхъ листовъ. Продажная цѣна этого сочиненія въ книжныхъ лавкахъ безъ пересылки 8 р.; съ выходомъ 5-го тома цѣна возвысится. Покупающіе *Войну и Миръ* въ Чертковской библіотекѣ получаютъ билетъ на 5-й томъ и пользуются уступкою; а выписывающіе *прямо изъ Чертковской библіотеки* вмѣстѣ съ *Русскимъ Архивомъ,* платятъ съ пересылкою 7 р. 50 к.; пятый томъ будетъ немедленно высланъ безплатно по доставленнымъ адресамъ.

Сочиненія **Е. А. Баратынскаго,**

съ гравированнымъ портретомъ автора, снимкомъ его почерка, съ письмами и біографическими о немъ свѣдѣніями, М. 1868 въ 8-ку. X и 519 стр. Цѣна 3 р.

Выписывающіе прямо изъ Чертковской библіотеки за пересылку ничего не прилагаютъ.

☛ ЗАПИСКИ ЛЬВА НИКОЛАЕВИЧА ЭНГЕЛЬГАРДТА О ВРЕМЕНАХЪ ЕКАТЕРИНЫ, ПАВЛА И АЛЕКСАНДРА I-ГО.

(Полный по возможности текстъ)

Съ примѣчаніями и указателемъ. М. 1867 (8°. VIII, 240 и VIII стр.)

Цѣна 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Стихотворенія КНЯЗЯ П. А. ВЯЗЕМСКАГО:

ВЪ ДОРОГѢ И ДОМА.

М. 1862. Цѣна 1 р. 50 к., съ перес. 2 р. (8°. 420 стр.).

См. на внутренней сторонѣ задней обертки.

ПИСЬМА ГРАФА М. Ѳ. КАМЕНСКАГО

КЪ СЫНУ ЕГО ГРАФУ Н. М. КАМЕНСКОМУ.

1806—1809.

Письма эти печатаются съ подлинниковъ, хранящихся между рукописями Чертковской библіотеки. Оба графа Каменскіе и фельдмаршалъ-отецъ, и сынъ его тридцати-четырехъ лѣтній генералъ отъ инфантеріи, принадлежатъ къ славнымъ именамъ Русской исторіи. Очерки ихъ жизни составлены Бантышемъ-Каменскимъ (Словарь, изд. 1836 и 1847 годовъ); но письма, которыя теперь печатаются, прибавляютъ новыя черты къ ихъ жизнеописаніямъ и особенно живо рисуютъ намъ старика-фельдмаршала, эту своеобразнѣйшую личность XVIII вѣка.—Свѣдѣнія о жизни графа Михаила Ѳедотовича Каменскаго доселѣ мало разработаны. Онъ родился въ 1738 г., 8 мая (Росс. Род. книга, кн. П. Долгорукова, II, 191), и воспитывался въ Сухопутномъ Шляхетномъ корпусѣ, гдѣ образованіе было строгое и дѣльное. Ему рано дались и теорія и практика военнаго искусства, ибо въ самыхъ молодыхъ лѣтахъ онъ учился оному за границею (Вигель, I, 226), и съ отличіемъ участвовалъ въ Семилѣтней войнѣ. Въ Екатерининское время, имя его безпрестанно встрѣчается въ военныхъ извѣстіяхъ. Но и тогда уже, вмѣстѣ съ глубокимъ знаніемъ военнаго дѣла и личною храбростью, обнаруживались въ немъ чрезмѣрная пылкость и заносчивость характера. Ему недоставало той ловкости въ сношеніяхъ съ людьми, которая во всѣ вѣка помогаетъ служебному успѣху, между тѣмъ какъ честолюбіе естественно питалось въ немъ сознаніемъ истинныхъ своихъ преимуществъ передъ другими. Ученыя занятія при пылкомъ нравѣ порождали всякаго рода неровности въ обращеніи съ людьми. Екатерина тяготилась его бесѣдою. «Il nous vient un personage le plus ennuiant du monde» (къ намъ будетъ скучнѣйшій человѣкъ на свѣтѣ), отзывалась она секретарю своему Храповицкому (см. его Записки, стр. 224, подъ 2 іюня 1790 г.). Какъ кажется, къ великому князю Павлу Петровичу Каменскій выражалъ особенную приверженность. Когда, передъ второю Турецкою войною, императрица послала ему въ подарокъ 5000 рублей золотомъ, чудакъ-генералъ захотѣлъ показать, что подарокъ слишкомъ ничтоженъ и нарочно истратилъ эти деньги на завтраки въ Лѣтнемъ Саду, къ которымъ приглашалъ всѣхъ, кто ему попадался на глаза (Записки Энгельгардта изд. Р. Архива, стр. 67). Энгельгардтъ (стр. 70) обвиняетъ его въ лукавствѣ по отношенію къ кн. Потемкину, но врядъ ли это обвиненіе справедливо. Намъ кажется, что Каменскій, строгій служака и педантъ, съ понятіями, сравнительно-узкими, объ общихъ дѣлахъ управленія и о ходѣ войны, уже потому самому относился недоброжелательно къ распоряженіямъ свѣтлѣйшаго. Извѣстна роль Каменскаго въ Яссахъ по смер-

ти Потемкина (Записки Энгельг. 126—129, Соч. Держав. изд. Я. К. Грота II, 608 и Записки Храповицкаго, 252—254). Услышавъ въ Москвѣ о болѣзни свѣтлѣйшаго, Каменскій поскакалъ въ армію, въ качествѣ старшаго по чину генерала принялъ на себя главную команду немедленно по смерти свѣтлѣйшаго и сталъ требовать отчетовъ въ дѣлахъ и суммахъ. Екатерина пришла въ негодованіе и тотчасъ удалила Каменскаго, который послѣднія пять лѣтъ ея царствованія провелъ въ отставкѣ. Каменскаго обвинили въ сумасбродствѣ, но Храповицкій записалъ въ дневникѣ своемъ подъ 18 окт. 1791 г. многознаменательныя слова: «Видя самъ донесеніе Каменскаго (въ Петербургъ императрицѣ), замѣтилъ (я) Попова плутовство, что мнимое княземъ Потемкинымъ назначеніе Каховскаго въ главные начальники произошло оттого единственно, что Каменскій потребовалъ отъ Попова вѣрнаго отчета въ экстраординарной суммѣ, по счастію плута сего, безъ расчета и повѣрки оставшейся.»

Императоръ Павелъ поспѣшилъ вознаградить стараго генерала, обожателя Фридриховскихъ строевъ. М. Ѳ. Каменскій произведенъ въ фельдмаршалы, пожалованъ графомъ и назначенъ командовать полками въ Финляндіи. Въ Итальянскомъ городѣ 1799 гр. Каменскій не участвовалъ; кажется онъ скоро впалъ въ немилость и снова отправился въ свою деревню подъ Орломъ (Сабурово) заниматься сельскимъ хозяйствомъ, математическими науками, а иногда и опытами въ Россійскомъ стихотворствѣ. (См. ниже письма его. Онъ покровительствовалъ Богдановичу).

Въ селѣ своемъ Сабуровѣ доживалъ онъ преклонный вѣкъ свой, когда въ исходѣ 1806 года вызвали его въ Петербургъ для войны съ Наполеономъ, предпринятой въ оборону Пруссіи. Обыкновенно объясняютъ его назначеніе желаніемъ удовлетворить народному чувству, для котораго одно имя этого сѣдаго орла временъ Екатерининскихъ казалось залогомъ побѣдъ, и которое всего годъ тому назадъ было уязвлено неудачею Аустерлицкою. Можно думать, что на гр. Каменскаго указалъ государю усердный почитатель его воинскихъ талантовъ, графъ Аракчеевъ, тогда уже входившій въ силу.

Гр. Каменскій явился въ Петербургъ и, будучи героемъ дня, не покидалъ своего убогаго помѣщенія въ третьемъ этажѣ какой-то гостинницы. Читатели помнятъ мастерское описаніе встрѣчи съ гр. Каменскимъ, написанное Д. В. Давыдовымъ (соч. его, изд. 1860, II, стр. 35—38). 16 Ноября 1806 г. онъ опредѣленъ главнокомандующимъ. Восторгъ былъ всеобщій. Старикъ Державинъ напечаталъ оду на отправленіе его въ армію:

Оставшій мечь Екатерины,
Булатъ, обдержанный въ бояхъ.—
Каменскій, ты полки орлины
Ведешь на брань — и Галлу страхъ!..
Ты именемъ и духомъ камень,
Холодностью угасишь пламень...

Преданіе разсказываетъ, что едва оставилъ онъ Петербургъ, какъ уже начались съ нимъ непріятности. На станціи въ Стрѣльнѣ ему не дали нужнаго числа лошадей, и онъ письмомъ жаловался на это государю; едва доѣхалъ 68 лѣтній главнокомандующій къ театру военныхъ дѣйствій, какъ уже обнаружилась его физическая несостоятельность. Новые порядки, недостатокъ продовольствія въ войскахъ, и замѣченная недовѣрчивость со стороны государя, все это было ему не по силамъ. Д. В. Давыдовъ (II, 111—112) сохранилъ намъ подробности его внезапнаго удаленія отъ арміи, записанныя со словъ его безсмѣннаго адъютанта П. П. Валуева. 12 Декабря 1806 г. наканунѣ сраженія подъ Пултускомъ, гр. Каменскій уѣхалъ изъ своей главной квартиры, Новомѣста, и съ этой поры начинаются нижеслѣдующія его письма. Но для лучшаго пониманія ихъ слѣдуетъ сказать еще нѣсколько словъ о семейномъ бытѣ фельдмаршала.

Фельдмаршалъ гр. Каменскій былъ женатъ на княжнѣ Аннѣ Павловнѣ Щербатовой (р. 26 Сент. 1749, ум. 16 Но-

ября 1826), одинадцатью годами его моложе. Относительно брака судьба его похожа на судьбу Румянцова и Суворова (см. Р. Арх. 1866, стр. 932). Ему, принадлежавшему къ простому Русскому дворянству, не посчастливился союзъ съ знатною, хотя и добродѣтельною, княжною. И какое могло быть счастіе при томъ взглядѣ на супружескую жизнь, который былъ у гр. Каменскаго? Супруги съѣзжались довольно рѣдко. Однако плодомъ ихъ брака была дочь и два сына: гр. Сергѣй (род. 3 Іюня 1772, ум. 8 Дек. 1834) и знаменитый герой графъ Николай Михайловичъ (род. 27 Дек. 1776, ум. 4 Мая 1811) Старшаго сына отецъ не любилъ. По свидѣтельству Энгельгардта (128) однажны, когда сынъ уже былъ въ чинахъ, гр. Михаилъ Ѳедотовичъ публично далъ ему двадцать ударовъ арапникомъ за то, что онъ не явился въ срокъ по какому-то служебному дѣлу. Но на младшемъ сынѣ сосредоточилась вся нѣжность, къ какой только былъ способенъ крутой старикъ.—Если позволительно лицъ историческихъ сравнивать съ лицами, созданными художественнымъ творчествомъ, то намъ кажется, что гр. М. Ѳ. Каменскій напоминаетъ чрезвычайно старика-князя Болконскаго въ книгѣ: „Война и Миръ.“ Даже и внѣшняя физіономія, какъ описываютъ ее люди, знавшіе гр. Каменскаго, удивительно похожа.

Печатаемыя письма раздѣляются на три отдѣла, соотвѣтственно тремъ періодамъ жизни того, къ кому они писаны: 1) Походъ въ Пруссіи 1807 года. 2) Жизнь въ Москвѣ и Петербургѣ и 3) Походъ Шведскій 1808 и 1809 годовъ.

Фельдмаршалъ не дожилъ до новой славы покрытаго лаврами своего сына, до его назначенія главнокомандующимъ Дунайскою арміею. Извѣстно, что онъ погибъ насильственною смертью въ селѣ своемъ Сабуровѣ 12 Августа 1809, т. е. вскорѣ послѣ послѣдняго здѣсь напечатаннаго письма къ сыну. По словамъ одной современницы и родственницы, убійство было такого рода: престарѣлый, но бодрый графъ объѣзжалъ рощи свои въ низкихъ дрожкахъ. Сзади у него для посылокъ сидѣлъ казачокъ лѣтъ 15-ти, братъ бариновой наложницы, подкупленный ею и какимъ-то полицейскимъ чиновникомъ, котораго она предпочла фельдмаршалу. Этотъ то мальчикъ ударомъ топора раздробилъ черепъ графу М. Ѳ. Каменскому.

Не прошло двухъ лѣтъ, какъ въ Одессѣ 4 мая 1811 года скончался и знаменитый сынъ его, отъ слѣдствій какой-то таинственной болѣзни, припадки которой начались послѣ чаю у Французскаго консула. Съ тѣхъ поръ замолкло имя Каменскихъ, наполнявшее собою около полувѣка наши военные лѣтописи, и нынѣ оно отзывается лишь гуломъ старинной громкой славы. *П. Б.*

I

Николай Михайловичь, прости! Я команду сдалъ Буксеведену. Всѣ ретируются. Думаю, что ваши двѣ дивизіи останутся въ аріеръ-гардѣ; о томъ увѣдомь Эссена. Лошадь сѣрую оставилъ я у себя, а одна у князя Трубецкова. Я поручаю тебя Богу— да сохранитъ тебя и честь твою; мою за чужіе грѣхи замарали,—но чистое сердце утѣшается. Il faut tacher de savoir quand les dernières troupes de l'armée de Benigsen passeront Rosan, ou plutôt même à présent (¹). Всѣ суда, на рѣкѣ находящіеся Наревѣ, переведите на лѣвой берегъ, то есть вашъ. Потомъ и въ Остерминде должно мостъ сломать, чтобы за вами, чрезъ Остерминде, не такъ скоро непріятель перебрался. Лучше всего часть онаго сжечь, и нынѣ же кого détacher pour apprêter les matériaux (²) для сженія.

Вотъ все, что больной присовѣтовать можетъ. Покажи это Сакену, да

(¹) Надо постараться узнать, когда перейдутъ Розанъ послѣднія войска Бенигсеновой арміи, или скорѣе даже (переходить) теперь.

(²) Отрядить кого нибудь, чтобъ заготовить матеріаловъ для сженія.

не время ли и у Пултуска мостъ разломать, когда можно?

Надпись: Гр. Н. М. Каменскому, шефу Архангелогородскаго пѣхотнаго полку, въ дивизіи генералъ-лейтенанта Эссена 3-го.

NB. Числа и мѣста на этомъ письмѣ нѣтъ.

II

Графъ Николай Михайловичь!

Батюшка твой вмѣсто командира обратился тебѣ въ дворецкіе. — Я долженъ оставаться по указу государеву здѣсь ([3]); если провизія изойдетъ, то давай знать что̀ тебѣ надобно.—Я никого не озлобилъ въ командованіе мое и такъ тебѣ злодѣевъ не нажилъ, а недоброхоты можетъ что и есть. Веди себя учтиво, но не забывай, что и самъ Г. М. ([4]) и чей сынъ. Я бывалъ подъ огнемъ, и кой кто меня знаетъ. Уѣхалъ не тогда, какъ драться доводилось; вить не мы шли нападать, а кто знаетъ, когда на насъ нападутъ. А батюшка твой безъ слуги, потому что взятый Нѣмецъ занемогъ, безъ бѣлой рубашки и чулокъ, съ ободраннымъ ...... и съ килой ([5]) принужденъ былъ въ 70 лѣтъ девять дней прожить подъ открытымъ небомъ. Вотъ то-то мнѣ доказало, что я не гожусь болѣе къ походу, то-то заставило поручить команду старшему по себѣ.— Въ разговоры подробные избѣгай вступать: вотъ что тебѣ совѣтую, желая тебѣ счастливаго окончанія не только кампаніи, но и войны. Еще повторяю, живи сколько можно не чвановато, а что̀ надо, недостатка не будетъ, пока я въ Гроднѣ.—Я всѣхъ давно спустилъ отъ себя, одинъ остался Аграфены Александровны сынъ, Рибопьеръ ([6]); онъ послѣдней кусокъ къ тебѣ посылаетъ—двѣ бут. рому.

Михайла Каменскій

Декабря 29 дня 1806. Гродня.

III

2 Генваря изъ Гродны, 1807.

Графъ Николай Михайловичь, дай Богъ тебѣ счастливаго года. Я къ тебѣ уже недѣлю назадъ какъ послалъ нѣкоторую провизію съ Иваномъ Калуновымъ, въ бричкѣ, съ четырьмя лошадьми, да конюхъ Иванъ Семеновъ Столяровъ и Иванъ Бѣльской, да козакъ съ верховой лошадью, которую къ тебѣ посылаю вмѣсто твоей сѣрой; когда не тебѣ, такъ кому нибудь въ полку годится. Я обозу велѣлъ ѣхать изъ Гродны на Голынку, на Липскъ и на Ставинъ что̀ у рѣки Бобра, потому что намъ сказано, что будто всѣ ваши обозы тамъ остановлены; я однако написалъ ему въ запискѣ, чтобы въ Августовѣ тебя отыскивалъ. Александръ Ивановичь Рибопьеръ, племянничекъ твой взялся сіе письмо тебѣ доставить; ты по оному обозъ тотъ отыщи и ко мнѣ обратно въ Гродну отправь и дай знать, въ чемъ у насъ недостатокъ, какъ я говорилъ и Рибопьеру. Вамъ привыкать должно любить друга; я, какъ старинной отецъ, такъ эту свадьбу сыграю, но знаю, что молодые мои не разведутся, какъ многіе женатые нынѣшняго времяни. — Еще повторю:

([3]) Были слухи, что графа Каменскаго предадутъ суду за такой необыкновенно-дерзкій поступокъ, какъ оставленіе арміи наканунѣ сраженія; но ему приказано было жить въ Гроднѣ, а потомъ уволили его совсѣмъ.

([4]) Т. е. генералъ-майоръ.

([5]) Гр. Каменскій издавна страдалъ грыжею и потому ходилъ въ длинномъ мундирномъ сюртукѣ, бѣлою портупеею подвязанномъ. (Энгльгардтъ стр. 97).

([6]) Рибопьеръ, оберъ-камmергеръ графъ Александръ Ивановичь. Скончался въ Петербургѣ въ маѣ 1865 года. Мать его Аграфена Александровна, была дочь славнаго Александра Ильича Бибикова.

будь пожалуй здоровъ и надѣйся на Бога, о Которомъ многіе сверстники твои и не думаютъ.

Графъ М. Каменскій.

Надпись: Гр. Н. М. Каменскому, шефу Архангелогордскаго пѣхотнаго полку въ дивизіи генер-лейтенанта Эссена 3

IV.

Гродна, Генваря 5 дня 1806.

Графъ Николай Михайловичь.

Вотъ уже девять дней что я тебѣ послалъ бричку съ четырью лошадьми, и съ одной верховой лошадью съ провизіей, при ней козакъ Иванъ Калуновъ, Иванъ Бѣльской да конюхъ Иванъ Семеновъ. Тогда здѣсь говорили, что вы соединились съ Буксгевденомъ и что обозамъ вашимъ велѣно и вамъ слѣдовать не чрезъ Бѣлостокъ, а изъ Гродны на Голынку и на Штабенъ, гдѣ есть мостъ на рѣчкѣ Бобру. Я сіе письмо посылаю тебѣ чрезъ графа Петра Александровича (7), вели кому о томъ обозѣ отыскать, а людей и бричку пришли обратно въ Гродну; дай знать, естьли тебѣ еще что надо.

Гр. М. Каменскій.

Адресъ: Гр. Н. М. Каменскому, шефу Архангелогородск. мушкетерск. полка.

V

Здравствуй, графъ Николай Михайловичь. Что здоровъ ли ты? Я прошу, хотя изрѣдка меня о томъ увѣдомлять. Говорятъ, что у васъ изъ генеральнаго дежурства учрежденъ будетъ понедѣльно эстафетъ въ Гродну; такъ съ нимъ писать можно. Слышу, что Анрепъ убитъ—жалѣть должно! Да ты у кого въ дивизіи или въ корпусѣ? Это не секретъ, писать можно. Мы въ Гроднѣ теперь въ глуши; курьеры посылаются не черезъ насъ. Это письмо пишу къ тебѣ чрезъ сына Алексѣя Петровича Толстаго, двоюроднаго брата Анны Павловны (8), почему ты доводишься ему внучатный братъ: зовутъ его Павелъ Алексѣичь Толстой, прапорщикъ въ 25-мъ егерскомъ полку у Вуича, въ авангардѣ Багратіона. Ихъ два брата; другаго зовутъ Василій Алексѣичь и въ томъ же 25 егерскомъ полку. Чего у тебя недостаетъ для тебя да и для твоихъ штабъ-офицеровъ, дай знать, и о томъ, какъ тебѣ то доставить.

Графъ М. Каменскій.

Генваря 29 дня во вторникъ 1807 въ Гроднѣ.

Адресъ: Каменскому въ Архангелогородскомъ полку.

VI.

Февраля 13 дня 1807. Гродня.

Графъ Николай Михайловичь.

При семъ случаѣ, по дружбѣ Михаила Алексѣича, посылаю къ тебѣ еще двѣсти червонцевъ, а триста червонныхъ послалъ я къ тебѣ шесть дней назадъ чрезъ фельдъ-егеря Блументаля; но поспѣши увѣдомить меня, въ чемъ тебѣ нужда и естьли пришлешь извощика съ письмомъ и съ вѣдомостью о нужномъ, то доставлю тебѣ и бричку, и 4 лошади и маль-

(7) Толстаго?

(8) Жены гр. М. Ѳ. Каменскаго.

чика, когда хочешь и въ бричкѣ нужное, а особливо не чаю ли прислать? Да какова твоя контузія?

Графъ М. Каменскій

VII.

Февраля 14 дня 1807. Гродна.

Графъ Николай Михайловичь.

При сей же оказіи послалъ я къ тебѣ чрезъ Михаила Алексѣича Обрѣскова двѣсти червонныхъ, которые можетъ получишь въ одно время съ этимъ письмомъ, а за недѣлю предъ нимъ послалъ еще *триста* червонныхъ чрезъ фельдъ-егеря Блументаля, находящагося при Бениксонѣ; онъ обѣщалъ отпроситься къ тебѣ и оные отвести. Если будетъ отъ тебя какой офицеръ въ Гродну и съ нимъ извощикъ, то пришлю и бричку съ четверней, да и мальчика, наполня бричку чѣмъ тебѣ надобно. Это письмо пишу чрезъ Рибопьера. Богъ съ тобой, да будетъ воля Его надъ тобой и надъ ***Гр. Мих. Каменскимъ.***

VIII.

Вторникъ февр. 19 дня 1807 г Гродна.

Графъ Николай Михайловичь.

Я письмо твое отъ 10 февраля изъ Нейендорфа получилъ; благодарю за увѣдомленіе и очень радъ, que vous triomphés(*) - слово, съ котораго письмо твое начато.—Я на сихъ дняхъ сбираюсь въ деревню, въ Орелъ, и такъ пиши туда. Сожалѣю, что не успѣлъ къ тебѣ болѣе перевесть денегъ и переслать къ тебѣ бричку съ провизіей и съ 4-мя лошадьми; вотъ и верховая твоя сѣрая лошадь мнѣ въ тягость, но отведу ее въ деревню на память твою. Не знаю, получилъ ли ты по требованію твоему деньги чрезъ фельдъ-егеря Блументаля, у Бениксона находящагося, триста червонныхъ,—въ которыхъ я у него и росписку взялъ; за тѣмъ чрезъ Михайла Алексѣевича Обрѣскова двѣсти червонныхъ; объ нихъ я увѣдомилъ и Рибопьера, а повезъ изъ Гродны какой-то портупей-прапорщикъ при Бениксонѣ находящійся, посланной въ Гродну къ женѣ, имени его не знаю, ни полку. Теперь, провѣдавъ, что Архангелогородскаго полку офицеръ, находившійси здѣсь, провожаетъ двухъ Прусскихъ офицеровъ къ Бениксону, посылаю еще на удачу къ тебѣ триста червонныхъ, взявъ съ него и росписку. Боже дай тебѣ счастія и сохрани твое здоровье, да и подай намъ скорой конецъ войнѣ, послѣ котораго пріѣзжай домой, а естьли здоровье ослабѣетъ, то и до конца оной: отецъ тебѣ радъ! Мнѣ уже не льзя не желать имѣть кого при себѣ; однако для меня не принуждайся ни къ чему и естьли по службѣ повезетъ, естьли обласкаетъ самъ Государь, который, сказываютъ, скоро къ вамъ будетъ,—служи, мой другъ, служи! Но не надѣйтеся ни на князи, ни на сыны человѣческіе, въ нихъ же нѣсть спасенія.

Графъ Михаилъ Каменскій.

IX.

Графъ Николай Михайловичь.

Я пользуюсь отъѣздомъ графа Подгоричанина, подполковника Сумскаго гусарскаго полку, который сказалъ мнѣ, что тебя знаетъ и учились вмѣстѣ у Гебера, и посылаю къ тебѣ, за потерей тобой экипажа твоего, четыре новыя рубашки, ко мнѣ присланныя нынѣшняго года, а шесть въ

(*) Что вы торжествуете.

ноябрѣ. Ихъ въ походѣ не скоро сошьешь; боюся, что коротки будутъ рукава, но лучше короткіе, нежели никакіе. Посылаю я охоты твоей-чаю фунтъ, присланнаго съ рубашками отъ Кобылиной; да за нужное нахожу увѣдомить тебя, что я послалъ къ тебѣ 300 червонныхъ 10 февраля съ Блументалемъ, фельдъ-егеремъ, потомъ еще 200 червонныхъ чрезъ Михайла Алексѣевича Обрѣскова, да наконецъ февраля 19 послалъ еще 300 червонныхъ Архангелогородскаго полку чрезъ подпоручика Малезе, который посланъ изъ Гродны къ Бениксону съ двумя Прусскими курьерами. Я было желалъ прислать и бричку съ лошадью, съ провизіей и слугой, но отъ Государя получилъ вчера дозволеніе ѣхать въ деревню, куда просился; и такъ въ субботу отсюда поѣду, и ты пиши ко мнѣ уже въ Орелъ, хотя однажды въ мѣсяцъ: Рибопьеръ конечно доставитъ.—Послѣ твоего свиданія съ Государемъ, естьли что говорить будетъ обо мнѣ, увѣдомь; а ему можешь сказать, что отецъ твой, не могши хорошо дѣлать дѣло государево, лучше захотѣлъ его оставить, нежели какъ испортить, спрашиваясь у другихъ; а самому видѣть бы мнѣ ничего не льзя было: не успѣлъ объѣхать мѣста, да и въ дѣлѣ глазки нужны, а мои худенько видятъ; что голова и сердце у отца твоего прежнія, но тѣло состарѣлось къ бивуакамъ да и къ ѣздѣ.

Гр. М. Каменскій.

Февр. 22 дня 1807. Гродна.

Я поѣду на Минскъ, Смоленскъ, на Брянскъ и на Орелъ.

Приписка. №. 1-й. Естьли Ласси къ вамъ будетъ въ армію, то адресуйся къ нему во всемъ, онъ самъ мнѣ о томъ говорилъ; а естьли и не будетъ, то по тому же и въ деревню его, Августово, въ 4-хъ верстахъ отъ Гродны на нашей границѣ адресуйся. Я было письмо запечаталъ, но Ласси пріѣзжалъ проститься и еще подтвердилъ предложеніе свое. №. 2. Естьли за сею присылкою къ тебѣ 800 червонныхъ, нужда будетъ тебѣ занять, то до 2-хъ тыс. рубл. можешь адресовать на меня въ Орлѣ векселя, но ассигнаціями.

X.

Іюня 29 дня 1807, въ Петровъ день. Орелъ.

Графъ Николай Михайловичъ.

Посланный твой, штабсъ-капитанъ Иванъ Ивановичъ Карезинъ очень меня обрадовалъ, привезши извѣстіе о тебѣ, что ты здоровъ былъ во всѣ бывшія дѣйствія. Ни радоваться, ни печалиться много ничему не должно о себѣ, и такъ продолжай какъ началъ. Сколько бѣлье ни марай, а когда прямо бѣло, такъ бѣлизна видна, а пятна положенныя окажутся. Боже дай скорѣй намъ миръ для успокоенія публики и меня! Я реляцію о твоемъ дѣлѣ при Вексель-минде читалъ до полученія твоего письма, и по ней ты оправданъ, кромѣ рескрипта короля Прусскаго. И Тюрень, и Евгеній, и Фридрихи не всегда удачно дрались. — Естьли и не произведутъ генералъ-порутчикомъ, не оскорбляйся: больше нельзя бы сдѣлать было, естьли бы ты Гданскъ и выручилъ. Карезинъ твой сказалъ, что въ деньгахъ тебѣ нѣтъ нужды, что̀ ты подтвердилъ тѣмъ, что двухъ тысячь рублей (остатокъ отъ покупокъ), у матушки не требовалъ; и такъ я потому подарилъ ему сто червон-

ныхъ (*) вмѣсто всякаго другаго подарка, которымъ, въ деревнѣ живучи, и подарить его мнѣ было бы трудно. Пріѣзжайте право скорѣй, все пусто, пусто, да и въ третій разъ тоже. Братъ пишетъ, что онъ подъ Браиловымъ. Но и ему его не взять; коммуникацію у нихъ отрѣзать не льзя съ другой стороны Дуная,— такъ постой, естли не отобьютъ, принужденъ будетъ самъ отойти. Вотъ разносится слухъ со вчерашняго дня, что будто заключено перемиріе, кабы да! Богъ съ тобой, а и ты будь съ Нимъ и Его не забывай. Вотъ совѣтъ отца и друга *Графа Михаила Каменскаго.*

Адресъ на конвертѣ:

Его сіятельству, милостивому государю моему, графу Н. М. Каменскому, генералъ-маіору и разныхъ орденовъ кавалеру, при арміи генерала Бениксона.

XI.

Орелъ. Августа 14 дня 1807.

Графъ Николай Михайловичь.

Письмо ваше изъ Россіены іюля отъ 13-го получилъ и потому сіе письмо пишу чрезъ Могилевъ что̀ на Днѣпрѣ.— Отдохнуть можно, не постыдно, и если запрещенія о томъ нѣтъ, повидаемся. Вчерашняго числа областной нашъ начальникъ милиціи графъ Алексѣй Григорьевичь Орловъ отсюда въ Москву поѣхалъ. Пріѣхавъ въ Орелъ въ понедѣльникъ, въ обѣдъ, вспомнилъ обо мнѣ, приславъ ко мнѣ и въ деревню своего курьера о томъ меня извѣстить. Я во вторникъ поспѣшилъ и самъ къ нему поѣхать съ тѣмъ, чтобы его позвать къ себѣ и угостить,—но не засталъ: изволилъ въ 5 часовъ по утру подняться. Я къ чему писалъ въ Москву, что сожалѣю для Орла, что онъ не остановился; а правдуматку сказать, онъ что-то Орломъ недоволенъ; здѣшніе судьи его не очень полюбили: они какъ-то его дѣло съ Давыдовымъ, Володимеромъ Денисовичемъ по раздѣлу послѣ покойнаго Лопухина, Дмитрія Николаевича, шурина его, испортили. Я Орлова не видалъ, его уже не было въ Орлѣ, какъ я пріѣхалъ; а нынѣ не удалось же. О семъ ваше сіятельство всепокорнѣйше рапортую, желая здоровья и скораго свиданія.

Графъ Михаилъ Каменскій.

Адъютантъ твой, который у меня былъ, возвратился ли къ тебѣ? Онъ сказалъ, что ты денегъ своихъ отъ матушки не потребовалъ.

Адресъ: Его сіятельству, милостивому государю моему графу Н. М. Каменскому, генералъ-маіору и разныхъ орденовъ кавалеру, въ арміи генералъ отъ инфантеріи графа Буксгевдена, въ Могилевѣ на Днѣпрѣ.

XII.

Августа 29 дня 1807: Орелъ.

Графъ Николай Михайловичь.

Приложенное, отъ матери къ сыну писанное, прошу доставить по надписи Юшкову.—Гдѣ вы? Что вы?— Отдохнули? Богаты? Пришли ли въ Могилевъ на Днѣпрѣ, куда пишу сіе письмо. Желаю тебѣ здоровья, и буде можно, отпуска, но не повреждая репутаціи.

Графъ М. Каменскій.

(*) Восемьдесятъ только червонныхъ, а не сто. Примѣч. гр. М. Ѳ. Каменскаго.

XIII.

1807. Сентября 26. Орелъ.

Графъ Николай Михайловичь. Какъ ты увѣдомилъ меня, что пришелъ въ Шкловъ и что просился у Буксевдена, то не знаю, какъ переслать къ тебѣ деньги за твою библіотеку. Книги, которыхъ я не имѣлъ, изъ твоей библіотеки я присвоилъ, а прочія лежатъ въ твоемъ сундукѣ.— Да вотъ въ декабрѣ должно къ вамъ обоимъ послать мнѣ годовое ваше содержаніе, то въ не бытность твою, чтобы тѣ деньги опять не повернули, кому адресовать велите? Не хорошо, что опять ревматизмы тебя подхватили; къ счастію, что въ походѣ перенесъ; а по симпатіи я дважды въ деревнѣ былъ боленъ рожей или флюсомъ. Если отпустятъ, пожалуй повидаемся. Буксевдену скажи, что я радъ очень, что ему *должное* возвращено; Мих. Михайл. и женѣ его скажи, что желаю ему искренне всякаго счастія и уравненія противу Минскихъ въ награжденіи. Выздоравливай же пожалуй къ пріѣзду твоему въ Орелъ.

Графъ Мих. Каменскій.

XIV.

Безъ означенія числа.

Графъ Николай Михайловичь.

Богдановы сказывали мнѣ, что ты Авдотьѣ Ивановнѣ сказалъ, что Дениса Серг. племянника ея къ себѣ не берешь; но мнѣ кажется, еслибъ тебя и перевели въ другую дивизію, и отлучили отъ Архангелогородскаго полку, то можешь однако Дениса ихъ перепросить къ себѣ, съ переводомъ ли въ новой полкъ или и съ оставленіемъ въ Архангелогородскомъ. Отдыхаешь ли? отдохнулъ ли? Вотъ и Орловъ (10) свалился! Кто же заступилъ на его мѣсто? Что въ Москвѣ дѣлаешь, извѣсти меня.

Графъ М. Каменскій.

Высотскій прислалъ къ тебѣ по почтѣ приложенную піэсу музыки.

XV.

Генваря 12 дня 1808 года. Орелъ.

Графъ Николай Михайловичь.

Ты очень хорошо сдѣлаешь, что поживешь въ Москвѣ сколько можно болѣе. Хорошо дѣлаешь, что ѣздишь къ Алексѣю Ивановичу Пушкину,— что у него? Дни что ли положены? Тутъ политическихъ разговоровъ наслушаешься довольно! Я смѣшалъ Алексѣя Ивановича съ Алексѣемъ Семеновичемъ: вотъ такова-то старость; однако старикъ, Иванъ Яковлевичь Богдановъ 83 лѣтъ умеръ 9 генваря въ твердой памяти, и за три дни передъ кончиной читалъ газеты безъ очковъ; но я не таковъ: и съ очками не хорошо вижу. У графа Алексѣя Ивановича въ домѣ, какъ у бывшаго помнится директора академіи, разговоры должны быть учебныя, и въ нихъ почерпнуть можно, да и должно! Братецъ твой ѣзжалъ въ этотъ домъ, но только думаю, что часть сочиненій своихъ, то есть векселей, написалъ въ семъ домѣ. Желаю, чтобы ошибся, а то сказать можно avec Jean Jaques Rousseau: бѣда обществу отъ лишняго ученія. Князю Сергѣю Ѳедоровичу (11) всякихъ благъ желаю; я надѣюсь видѣть его начальникомъ въ Москвѣ.

(10) Гр. Алексѣй Григ. Орловъ-Чесменскій, сконч. въ Москвѣ 24 Дек. 1807.

(11) Голицыну.

Ко кстати: Тутолминъ([12]) часто ли имѣетъ гостей? естьли хотя день или два въ недѣлю для пріѣздовъ? — Въ Москвѣ у васъ есть отставной дворянинъ господинъ Охотниковъ, помѣщикъ здѣшній, онъ нашему Познякову шуринъ, Якова Андреича Познякова сынъ, а Шеншину Петру Алексѣичу внукъ; онъ продаетъ, по крайней мѣрѣ продавалъ, подлѣ меня деревню Сибекину. Есть ли его отыщешь, можешь сказать, что охотно желаю купить Сибекинскую его землю, не токмо одну, но и съ крестьянами, чтобы сказалъ настоящую цѣну, я намѣренъ ее купить на твое имя.— Будь же здоровъ, влюбляйся въ кого хочешь, но для Бога берегись крали червонной! А прочія кто тебѣ милъ, тотъ и мнѣ. Дядюшка твой, Поликарповъ и супруга его([13]) изволили ко мнѣ прислать очень ласковое письмо и родственное; дабы научить васъ штилю, копію пришлю на будущей почтѣ.

Графъ М. Каменскій.

XVI.

Генваря 20 дня 1808. Орелъ.

Графъ Николай Михайловичь.

Матушка твоя столько пишетъ мнѣ о тебѣ хорошаго ото всѣхъ Московскихъ жителей, что я опасаться начиналъ, чтобы кто тебя, разумѣя дѣвушку, или отца, имѣющаго дочь, подхватя, не увезъ. Qu'on me l'enléve, dirai-je, qu'on me l'enléve! ([14]) Я согласенъ съ тобой, что побывать тебѣ должно въ Петербургѣ, чѣмъ скорѣй, тѣмъ лучше; тамъ, въ разсужденіе болѣзни моей, можешь выпросить продолженія отпуска, а получа, пожить въ Москвѣ и постараться не о томъ, чтобы тебя увезли, а чтобы согласить кого раздѣлить съ тобою участь твою и носить твое имя, и особу такую, есть ли можно, чтобы къ личнымъ достоинствамъ присоединяла нѣсколько хлѣба-соли — то не портитъ ни стола, ни экипажа, хотя бы лежало въ запасѣ. На то искренно тебя благословляю и, полагая, что ты не въ Москвѣ, сіе письмо посылаю черезъ матушку.

На оборотѣ листа:

Генваря 20 дня 1808 Орелъ.

Марья Михайловна. ([15])

По письму матушки, чужіе люди берутся сватать брата вашего, Николая Мих., то потому стыдно будетъ тебѣ, естьли и ты въ то сватовство не вмѣшаешься. Пожалуй, сударыня, позаботься, поѣзди въ чужіе люди, заведи хотя новое знакомство, поубычтись, провѣтрись, а то мхомъ заросла. Счеты пришли, что̀ издержишь на карету или и на платье или и на дары свахѣ, какъ то водится, все заплачу. Есть ли Григорья Павловича въ Москвѣ это письмо не застанетъ, то приложенное отъ меня къ нему перешли въ Петербургъ. *Графъ М. Каменскій*

XVII.

Февраля 12 дня 1808 года

Графъ Николай Михайловичь.

Дай Боже, чтобы призывъ тебя къ Петербургъ не увезъ тебя куда далековато, чтобы между тѣмъ *коханная*

([12]) Тогдашній Московскій главнокомандующій.

([13]) Д. т. сов. Александръ Васильевичъ Поликарповъ и супруга его Елизавета Павловна, ур. княжна Щербатова.

([14]) Пусть у меня его похитятъ, пусть похитятъ!

([15]) Дочь фельдмаршала, въ супружествѣ за камергеромъ Григ. Павл. Ржевскимъ.

твоя Московская досталась кому другому. Ты писалъ, что есть у тебя пріятели, такъ ищи право черезъ нихъ остаться около Москвы. Двухъ зайцевъ травя въ одно время, ни одного не затравишь. Однако, не отвергая Московской твоей невѣсты, я бы совѣтовалъ тебѣ около Прозоровской ([16]) повертѣться: дѣвка добра, случайна, знатной фамиліи, одна дочь у отца, я давно на нее цѣлю: и хлѣбъ и соль есть.—Но полно писать; что̀ хочешь, то твори, а и въ Петербургѣ мѣстечко имѣть не худо. Не женятъ ли тебя на Лобановой? Я бы совѣтовалъ не отбѣгать Куракиныхъ — вотъ видишь, что старикъ какъ старикъ, вретъ все одно, любя сына, которому отъ чистаго сердца добра желаетъ. Отецъ твой, *Графъ М. Каменскій.*

Я надѣюсь, что видаешься съ Палагеей Ѳедотовной ([17]) и съ Варварой Андреевной; что-то происходитъ надъ Михаиломъ Алексѣичемъ Обресковымъ и княземъ Дмитріемъ Петровичемъ?

Когда о женидьбѣ говорено было при представленіи, какъ ты пишешь о томъ къ матушкѣ, то жаль, что ты не сказалъ Государю, что васъ у отца двое, и что конечно долженъ ты искать себѣ богатой женидьбы, а потому могъ попроситься, да и теперь можешь, въ Москву; но во всемъ да будетъ воля твоя. А и въ Петербургѣ, естьли бы къ чему тебя опредѣлили, такъ съ моей стороны могу прибавить тебѣ на содержаніе денегъ.

Но пустомелить полно;. дѣлай то, что̀ вложитъ тебѣ Богъ на сердце, а хотя и говорятъ, что Его спрашиваться не надо, но по моему иногда слѣдовать можно и таковому движенію.

На оборотѣ:

Его сіятельству графу Николаю Михаиловичу Каменскому Всепочтеннѣйше.

XVIII.

19 февраля 1808. Орелъ.

Графъ Николай Михайловичь,

По письму твоему наряженъ ты въ Финляндію ([18]), въ армію Буксеведена; почему въ разсужденіи неминуемыхъ лишнихъ издержекъ, посылаю при семъ на содержаніе твое и улучшеніе твоего экипажа ассигнаціями двѣ тысячи, *2000* рублей. Будучи тамъ, не слѣдуй примѣру прежнихъ полководцевъ, не отымай у мужиковъ ничего, и того не терпи отъ подчиненныхъ. Они, можетъ, помнятъ и вашу бытность у нихъ съ братомъ, и мою; вотъ дружескій совѣтъ, да не стыдно тебѣ въ недостаткахъ отнестись самому къ Государю Въ прежнюю съ ними войну, не смотря на всѣ заготовленія, генералы принуждены были посылать за покупками деньщиковъ своихъ. Придется и мнѣ прислать къ тебѣ двухъ конюховъ, но самъ знаешь, сколько они у меня трезвы. Боже тебя сохрани, и удостой покровомъ какъ въ Прусской войнѣ! *Графъ М. Каменскій. Надпись*: Его сіят. графу Н. М. Каменскому, генералъ поручику и разн. орд. кав., въ арміи графа Буксеведена, въ Выборгѣ.

При семъ 2000 р. ассигнаціями красными.

XIX.

Орелъ, апрѣля 8 дня 1808.

Графъ Николай Михайловичь.

Обозъ твой изъ полку ко мнѣ приведенъ. Стекло очень много лучше,

([16]) Княжна Анна Александровна, дочь фельдмаршала кн. Прозоровскаго, вышла потомъ за кн. Ѳедора Серг. Голицына.

([17]) Сестра фельдмаршала Каменскаго, дѣвица.

([18]) Война съ Швецiею объявлена манифестомъ 16 марта 1808.

въ немъ 6 лотковъ граненыхъ, цѣлы; фарфоръ почти и половины не осталось цѣлаго; особливо жаль, что въ прекрасномъ дежёне и доска на два куска переломана, а бортики въ щепы, которыхъ половины не отыскали. Берегись, чтобъ Шведы и новой твой обозъ не подтибрили! Палатки и домики твои я не осматривалъ, а противу аудиторской вѣдомости и мѣдная посуда пропала. Ко мнѣ привезенъ котелъ только одинъ, съ заплатами, крышка да чайникъ, а самоваръ, а кострюля знатно у генералъ-маіора не было! Ты у бабушки взялъ 900 р., я къ тебѣ послалъ по почтѣ 2000 рублей, да съ двумя твоими отъ меня посланными конюхами въ Петербургъ, къ дѣдушкѣ послалъ еще 500 рублей, на отправленіе ихъ къ тебѣ, все это дошло ли до тебя? Сейчасъ получилъ я чрезъ матушку письмо твое февраля 28 дня изъ Гельзингфорса; въ то время былъ цвѣтъ, теперь надѣюсь, что письмо это застанетъ тебя при плодахъ, принесенныхъ къ тебѣ водой, по растаяніи льда. Ухо востро, пока здоровъ, а естьли хотя малѣйше чувствуешь себя не по прежнему, спѣши отдыхать къ отцу, или и въ Москву, гдѣ самому покажется здоровѣй. Пишешь, что овесъ по 12 и по 13 р. четверть! А сѣно слишкомъ по рублю пудъ, — тѣмъ лучше: меньше лошадей держать будете. Но естьли нужда въ деньгахъ тебя пристигнетъ—не стыдись, еще тысячи двѣ пришлю; назначь: куда?

Графъ Михаилъ Каменскій.

XX.

Орелъ, іюня 14 дня. 1808.

Графъ Николай Михайловичь.

Здоровъ ли ты и ввѣренной тебѣ отрядъ, а по газетамъ въ резиденціи твоей произошло что-то нехорошее отъ взорванія пороха. На нынѣшнее время желалъ бы вамъ всѣмъ ходули, идти по морю на встрѣчу флотовъ. — Сколько ни нужно скрывать воинскія операціи, но отцамъ, думаю, не запрещено навѣдываться, гдѣ ихъ дѣти. Не странно, естьли Шведскіе мужики вооружатся противу васъ, когда и собственные въ тягость почитаютъ давать квартиры, когда еще имъ за все и платятъ. Когда Закревской ([19]) здоровъ, такъ по крайней мѣрѣ его прошу отъ 1 до 15 числа каждаго мѣсяца отписать ко мнѣ: «Изъ Абова, такого-то числа. Вотъ мы здѣсь».

Тучковъ былъ не только что герой, но и расторопной и распорядительной человѣкъ, но по газетамъ что-то и у него не ладно. — Вотъ Раевской командуетъ на его мѣстѣ! Иной идетъ сверху къ низу, иной идетъ съ низу къ верху—я желаю тебѣ по крайней мѣрѣ лучшую насѣстку.

Графъ М. Каменскій.

XXI.

Іюля 5 дня 1808. Орелъ.

Графъ Николай Михайловичь.

По дороговизнѣ у васъ всего, и когда рубль въ Москвѣ серебряной сдѣлался во 195 к. ассигнаціями, то не мудрено тебѣ имѣть недостатокъ въ деньгахъ. Не скромничай, дай знать, переслать ли двѣ тысячи пять сотъ рубл. и куда и какъ? Слышу, что къ вамъ изъ Польши еще взята дивизія изъ Польши князя Голицына, и такъ ты часъ отъ часу дѣ-

([19]) Впослѣдствіи графъ Арсеній Андреевичъ.

лаешься моложе; колесо твое все ниже, да ниже. Не бойся, катись съ нимъ смѣло въ сарай къ отцу, когда вдумается! Будь здоровъ, но при нездоровьи будешь въ тягость арміи, себѣ, да и отцу не во утѣшеніе; а я надѣюсь, что и я нѣкотораго уваженія заслуживаю.

Графъ М. Каменскій.

XXII.

1807. Іюля 18 дня. Орелъ.

Графъ Николай Михайловичъ.

Поздравляю съ новымъ гарнизономъ въ *Умео*, томъ вторый Шерешовской или еще не съ комментаріемъ ли? Все хорошо, все ладно, и благодаря Бога по письму твоему; въ Петербургѣ къ тебѣ не перемѣнились, но ты ищи солиднаго. Естьли вырвешься оттуда въ Петербургъ, не будь красной дѣвкой: первой разъ что̀ случится быть тебѣ на единѣ съ Государемъ, чуфись и проси, какъ Багратіону дано и многимъ другимъ, аренды. Вѣдь отецъ твой не миліонщикъ; тогда можешь сказать обо мнѣ, что ничего не пріобрѣлъ собой, что ничего мнѣ и не жаловано, и что потому отъ дѣдовскаго имѣнія тебѣ только что третья часть достается. Не стыдись, не краснѣй, спросъ не бѣда. Естьли можно, то Петра Михайловича выпроси къ себѣ и новому шефу его рекомендуй. Будь здоровъ.

Графъ М. Каменскій.

Приложенное доставь Петру Мих. *Надпись на письмѣ.* Его сіятельству, государю моему, графу Н. М. Каменскому, генералъ-порутчику и разныхъ орденовъ кавалеру, при Финляндской арміи.

въ Умео

вѣсовыхъ взято до Фридрихсгама отъ Риги 32 к.

XXIII.

Орелъ, августа 12 дня 1808.

Графъ Николай Михайловичъ.

Я два письма твои іюня отъ 21 изъ Гельзингфорса, другое іюля отъ 18 изъ Эстери получилъ вдругъ. Карьера твоя открылась. Клингспорнъ-самой тотъ, который при Павлѣ Петровичѣ останавливался въ Выборгѣ у меня съ сыномъ своимъ; тогда я заставилъ васъ побрататься, не думая, чтобы когда могли дѣйствовать непріятельски другъ противу друга. Желаю, искренно желаю, чтобы и при отступленіи твоемъ выполнилъ ты возможное: une retraite savante fait plus d'honneur qu'une heureuse attaque. (20) За Петра Михайловича (21) спасибо, но не лучше ли служить не съ родней, а попросить и чужихъ можно о неоставленіи. Правда, что онъ давно бредитъ тобой и въ письмахъ своихъ объяснялъ, что хочетъ проситься посланнымъ къ тебѣ быть хотя курьеромъ. Я оставляю судьбѣ Божіей промышлять о немъ и о тебѣ, а симъ дозволяю тебѣ взять его и къ себѣ. Я еще переслалъ къ тебѣ двѣ тысячи рублей къ тетушкѣ и ему пять сотъ рублей.

Графъ Михайла Каменскій.

---

(20) Искусное отступленіе почетнѣе счастливаго натиска.

(21) Этотъ Петръ Михаиловичъ былъ незаконнорожденный сынъ графа Михаила Ѳедотовича Каменскаго. Онъ носилъ имя Менкасскаго, и ему дано было, какъ воспитаннику гр. М. Ѳ. Каменскаго, во уваженіе отличныхъ подвиговъ сего послѣдняго,—дворянское достоинство, указомъ 24 Сент. 1801. Онъ то же погибъ насильственною смертію.

XXIV.

Графъ Николай Михайловичь.

Не спрашиваю о дѣлахъ вашихъ, ни о мѣстѣ пребыванія, но не государственная тайна отписать:" Августа 15 числа или 20. Я здоровъ, въ деньгахъ имѣю нужду или не имѣю„.

Графъ М. Каменскій.

XXV.

Орелъ Августа 24 дня 1808

Графъ Николай Михайловичь.

Давно я отъ тебя .писемъ не имѣю. Гдѣ ты? Здоровъ ли? Я къ тебѣ въ Петербургъ къ князь Андрею Николаевичу ([22]) переслалъ двѣ тысячи рублей на всякой случай, да пять сотъ для Петра Михаиловича (онъ уже въ Петербургѣ). Дай знать мнѣ, можешь ли отпроситься зимой, естьли большихъ операціевъ не будетъ, ко мнѣ, на нѣкоторое время. Товарищи твои многіе изъ Финляндіи повыѣхали кой за чѣмъ! Не ужель и тебѣ не льзя пріѣхать ко мнѣ, чтобъ жениться? Да, пора! Я предъ симъ писалъ къ тебѣ, просилъ извѣстія о бывшемъ слугѣ твоемъ въ полону, Тимоѳеѣ Михайловѣ Григорьевѣ, пьетъ онъ или нѣтъ? и не нуженъ ли тебѣ, когда хорошаго поведенія? Всѣхъ деньщиковъ у васъ всѣхъ большаго росту поотняли, такъ не отняли ль даннаго тебѣ Павломъ Петровичемъ? Я пришлю, когда хорошъ, по почтѣ. Всѣхъ я переженилъ, а о немъ, не зная поведенія, отложилъ до позволенія, или запрещенія твоего.

Графъ М. Каменскій.

([22]) Щербатову, дядѣ графини Анны Павловны Каменской.

XXVI.

Сентября 21 дня 1808 года Орелъ.

Графъ Николай Михайловичь.

Ты доставилъ мнѣ часъ радости послѣ потери нашей въ лицѣ внука Михаила Сергѣича ([23]). Благодари Бога и Государя ([24]) за сдѣланныя тебѣ отличія, они распространяются и на отца; но счастіе въ войнѣ перемѣнчиво, какъ и эстима публики: тотъ, кто героемъ казался поутру, иногда безвинно причитается ввечеру къ шутамъ. — Мнѣ теперь надобны не ленты ваши, а внукъ моего имени, дабы иногда сосѣдямъ напомнить и о мнѣ, да и о тебѣ. Естьли позывъ твой таковъ, что, не смотря иногда и на непріятности отъ Двора, чувствуешь ты, что судьба твоя влечетъ тебя къ командованію цѣлой арміей, къ распоряженію цѣлой войны—служи далѣе; но однако же не больнымъ будучи; въ противномъ случаѣ, свойственной скромности твоей послѣдуя, отпросиська и ты какъ многіе другіе, пріѣзжай ко мнѣ, женись на комъ хочешь, нажива мальчика-два, а за тѣмъ если нужда настанетъ, такъ брось и жену и дѣтей (разумная жена тогда и сама пожертвуетъ разлукой) и войди опять въ оставленную карьеру. Теперь увѣдомь меня, гдѣ мой Петръ Мих., у тебя или у Коновницына? Да оба вы какъ сносите ночи осеннія, Финляндскія и гдѣ шефъ его съ полкомъ? Я желалъ бы, чтобы Петрушу нѣсколько пріучили ко оборотамъ армейскимъ, либо по дежурству, или по рапортамъ да и къ фронту, чтобы, за-

([23]) Гр. С. М. Каменскій былъ женатъ Екатеринѣ Ѳедор. Левшиной.

([24]) Письмо это относится къ славнымъ подвигамъ гр. Н. М. Каменскаго въ Шведскую войну: онъ одержалъ побѣды при Алово и Куортанѣ, а 2 Сентября нанесъ Шведамъ рѣшительное пораженіе при Оровайсѣ.

служа крестикъ, не стыдно было взять въ отставку. По письму твоему о немъ оставляю тебѣ о семъ распорядиться, какъ дозволяютъ обстоятельства. Поручикъ Клингспорнъ адьютантъ фельдмаршальской, не сынъ ли его во время покойнаго Павла Петр.? Фельдмаршалъ этотъ и съ сыномъ своимъ ѣхалъ чрезъ Выборгъ, у меня обѣдалъ, и вы оба съ братомъ съ тѣмъ сыномъ его побратались en chevaliers d'armes ([25]). Когда сынъ, то снабди его въ чемъ будетъ нужда, а я плательщикъ. Portez v. bien et vive, vive Nicolas! ([26])

Гр. М. Каменскій.

Если Петруша у тебя, покажи ему сіе письмо, чтобы того же добивался. Денегъ послано тебѣ 2000 р., а къ нему 500, къ Щербатову.

XXVII.

Октября 7 дня 1808. Орелъ

Графъ Николай Михайловичь.

Я получилъ письмо твое отъ 14 сентября изъ Карлеби и, вѣрной карты Шведской не имѣя, полагаю, что то близко отъ Торнео, или и отъ Стокгольма; а потому въ отвѣтъ на короткой слогъ твой о денежномъ секурсѣ истощенному карману, каковой слогъ я люблю, посылаю при семъ ассигнаціями 6000 р.. но, не зная какъ оные къ тебѣ доставить, принужденъ нашелся о томъ просить графа Алексѣя Андреича ([27]); тебѣ, остается заслужить таковое его участіе о тебѣ. Я утруждалъ его потому болѣе, что, давъ тебѣ въ прошломъ ноябрѣ 5000 р., въ февралѣ 2500, да въ августѣ 2000, не имѣлъ отъ тебя увѣдомленія, получилъ ли ты оныя деньги отъ княгини Антонины Воиновны ([28]); да и Петръ Мих. не извѣстилъ меня, получилъ ли онъ посланные къ нему чрезъ нее же 500 руб. Не оставь, пожалуй его, если въ чемъ настоитъ ему нужда; отпиши о немъ правду, можетъ ли сносить нужду.

Счастливъ Александръ великій былъ въ дѣлахъ своихъ, но болѣе въ томъ, что Квинтъ Курцій писалъ жизнь его; ты нажилъ въ журналистѣ о дѣйствіяхъ Финляндской арміи своего гисторика. Боже дай тебѣ впредъ случай употребить его ко умноженію твоей репутаціи! Береги однако здоровье; оно тѣмъ нужнѣе мнѣ стало, что внукъ умеръ; и такъ очередь твоя доходитъ жениться. Поспѣшайте потому кончить Шведскую вашу войну, не откладывая въ дѣйствіяхъ до завтра что̀ сдѣлать можно тѣмъ же днемъ. *Графъ М. Каменскій.* Мнѣ сказали, что бѣлыя ассигнаціи у васъ почти не ходятъ, потому-то я послалъ къ тебѣ половину денегъ красными ассигнаціями.

XXVIII.

Октября 26 дня 1808. Орелъ.

Графъ Николай Михайловичь.

Давно не имѣю никакого извѣстія о Петрѣ Михайловичѣ, живъ ли онъ? а узналъ, что онъ какъ-то ушибся. Не нуждается ли въ чемъ, а я къ нему послалъ черезъ княгиню 500 рублей, а къ тебѣ чрезъ графа Алексѣя Андреевича шесть тысячь. Прикажи ему ко мнѣ о себѣ написать, и то его письмо доставь ко мнѣ; да не можно ли зимой отпросить его въ отпускъ? А здѣсь говорятъ, что у васъ будетъ или и есть перемиріе.

Графъ М. Каменскій.

([25]) Товарищами по оружію.
([26]) Будь здоровъ, и ура, ура, Николай!
([27]) Аракчеева.
([28]) Щербатовой, тещи графа Д. Н. Блудова.

XXIX.

Ноября 16 дня понедѣльникъ 1808. Орелъ.

Графъ Николай Михайловичь.

Здоровъ ли ты и гдѣ находишься? Буде не противно службѣ, такъ о сихъ двухъ статьяхъ увѣдомь, да притомъ и о смерти князя Долгорукаго, воспослѣдовавшей тогда, какъ всѣ здѣсь ласкались по перемирію вашему о мирѣ. Еще желательно знать здѣсь многимъ храбрыя дѣла г-на Олсуфьева, публикованныя по газетамъ. Товарища его, Петра Михайловича моего, желалъ бы очень видѣть въ отпуску, а не въ конюхахъ, какъ думаю живетъ при дежурствѣ. Гдѣ-то полкъ ихъ и Лобановъ? Жилъ бы тамъ да жилъ! Но узнать нельзя судьбы своей. Получилъ ли ты чрезъ графа Аракчеева 6000 р.? Истинно и тебѣ время, время жениться —но какъ хочешь.

Графъ М. Каменскій.

XXX.

Орелъ. Декабря 7 дня 1808.

Графъ Николай Михайловичь.

Въ хлопотахъ, въ которыхъ ты находился, не мудрено, что ко мнѣ и къ дѣдушкѣ не пишешь; но тѣ хлопоты награждены съ достаткомъ, когда въ одно лѣто пожалованъ въ генералъ-поручики не по старшинству, данъ орденъ Александра Невскаго, а потомъ орденъ Егорьевской, да и объявленъ завоевателемъ: ура тебѣ, ура! Теперь остается мнѣ сказать Богу, еслибъ ты женился, или хотя бы вышелъ за мужъ: „Нынѣ возьми раба твоего къ Себѣ!„ Естьли ты въ Петербургѣ, то надѣюсь, что привезъ съ собой Петра Михайловича, а естьли не привезъ, то испроси ему отпускъ мѣсяца на три и о томъ къ нему отпиши отъ себя. Здѣсь снѣгу напало на $1\frac{1}{2}$ аршина, а въ ущеліяхъ вашихъ Финляндскихъ думаю, что его есть болѣе 2 арш. Кстати для рода человѣческаго заключено перемиріе.

Графъ М. Каменскій.

XXXI.

Графъ Николай Михайловичь.

Оказатель сего, Василій Осиповичь Мацневъ, сосѣдъ нашъ по Орлу и братъ княгини Сонцевой, князя Михайла Дмитрича жены, отставленъ колежскимъ регистраторомъ; находясь сначала при князь Алексѣѣ Борисовичѣ Куракинѣ а потомъ при Орловской милиціи, онъ желаетъ вступить въ военную службу, и если можно, то быть въ твоей командѣ. Есть ли можешь въ томъ ему помочь, то помоги, и обласкай его что̀ сочту себѣ за ласку.

Графъ М. Каменскій.

Декабря 7 дня 1808.

Орелъ. Сей ночью на 8 число отправляюсь въ Курскъ.

Графу Н. Мих. Кам. въ Петербургѣ.

XXXII.

Орелъ Декабря 23 дня 1808.

Графъ Николай Михайловичь.

Я получилъ письмо твое изъ Улеоборга, отъ 27 дня Ноября. Далеко ты залетѣлъ, да и всѣ наши! Жаль, что въ тѣхъ мѣстахъ не ростетъ виноградъ, а вмѣсто его мерзнутъ подъ носомъ. . . . Велика милость Божія и государская! Теперь остается удержать тебѣ твою репутацію; у насъ

ее нажить таки можно, но удержать, сохранить долгое время—если можно, то сказать можно, что тотъ сотворилъ чудо. Много ты, другъ мой, обязанъ и министру вашему ([29]): онъ о всѣхъ твоихъ успѣхахъ извѣщалъ меня, чѣмъ чувствительно тронулъ; да отецъ ли онъ?—По милости его, мнѣ въ твоихъ журналахъ не было нужды, и то, что̀ ты нынѣ ко мнѣ прислалъ о конвенціяхъ твоихъ съ Адлеркрейцомъ, читалъ я прежде въ нашихъ газетахъ; но я о томъ не сѣтовалъ, и хорошо все вы дѣлали, что о движеніяхъ ничего не писали: публика наша и безъ того между экосезами управляетъ и полками и министерствомъ.

Ты много надѣлалъ чудесъ не только по воинской части, но и по гражданской. Слышно у насъ, что многіе господа сенаторы, тайными совѣтниками будучи, скучаютъ, что стали моложе новыхъ генералъ-лейтенантовъ, и такъ требуютъ повышенія—и оное имъ да будетъ! Но чтоже потомъ въ чинахъ и лентахъ, съ трудомъ пріобрѣтенныхъ? Не пора ли тебѣ, шишакъ и щитъ сложивъ, ѣхать въ Москву, самъ знаешь за чѣмъ. Отпустить тебя не грѣхъ. Я внука лишился моего имени смертію сына брата твоего: пора и тебѣ доставить мнѣ удовольствіе воспитывать и твоихъ дѣтей. Не забудь пожалуй въ бытность твою въ Петербургѣ попросить министра о отпускѣ на два, или три мѣсяца Петра Михайловича, да пожалуй не забывай дома Щербатовыхъ и не введи въ резонъ, что къ нимъ ты не писалъ. *Графъ М. Каменскій.*

У насъ было дѣло въ Курскѣ съ Изъѣдиновымъ о деревнѣ Новосергіевской въ 4-мъ департаментѣ сената; въ августѣ дѣло рѣшено. Присутствовали Александръ Александровичь Саблуковъ, Николай Васильевичь Леонтіевъ и Кирила Степановичь Рындинъ; они ту деревню не только что за тобой съ братомъ утвердили, но еще о томъ Рындинъ меня и увѣдомилъ. Мнѣ кажется, что сіе должно заставить тебя всѣмъ имъ сдѣлать по визиту и объявить мою признательность.

XXXIII.

Генваря 17 дня 1809. Орелъ.

Графъ Николай Михайловичь.

Очень я радъ ролѣ твоей Петербургской; но вѣрь мнѣ, что на все приглядѣться можно. И такъ за нѣсколько времени предъ тѣмъ лучше самому удалиться! Ты въ такихъ еще лѣтахъ, что, отложа всякое рвеніе, можешь пожить домомъ, жениться, нажить наслѣдниковъ, преемниковъ своей репутаціи, и опять пуститься въ карьеру. Поспѣши, пожалуй, въ Москву, гдѣ тебя ожидаютъ, а не ко мнѣ; въ деревнѣ тебѣ быть не кстати у меня, развѣ съ женой, такъ милости прошу,—Московская или Петербургская, для меня все равно, вѣдь я тебя не за мужъ выдаю.—Берегись, чтобы не случилось съ тобою подобнаго, что̀ читалъ въ Петербургскомъ журналѣ. Въ Петербургѣ и въ Москвѣ потерять можешь. Вотъ что я читалъ:

Ты жалкой человѣкъ!
Старался цѣлый вѣкъ
Гоняться за чинами,
Сравняться съ богачами
Первѣйшими хотѣлъ,
И вдругъ съ мечтой простился....
Ты честнымъ быть рѣшился,
И въ томъ ты не успѣлъ!

Пока, еще, какъ надѣюсь, ты честнымъ быть не пересталъ, спѣши, спѣши завесть себѣ конуру.

Графъ М. Каменскій.

([29]) Гр. Аракчееву.

Право не заживайся въ Петербургѣ, если слѣдовъ нѣтъ тебя тамъ пристроить къ мѣсту и по чину и по женидьбѣ.

XXXIV.

Орелъ. Февраля 24 дня 1809.

Графъ Николай Михайловичь.

Я письмо твое изъ Москвы получилъ.—Слава Богу, что вырвался. Государскія дѣла, кажется, что выполнилъ. Что кто ни говори, а о своихъ потрудиться тебѣ не грѣшно. Считая кошелекъ твой разстроившимся въ Петербургѣ, на Московское твое житье при семъ пять тысячь р. посылаю, да тысячу на счетъ брата твоего для дѣтей его, которые отдай матушкѣ съ приложеннымъ письмомъ. Дай Боже во всемъ тебѣ успѣхъ! Я въ полное распоряженіе твое всѣ дѣла твои предоставляю и въ дружбѣ, и въ женидьбѣ и въ службѣ, надѣясь что ничего постыднаго, да и хулы достойнаго, не сдѣлаешь.

Графъ Михаила Каменскій.

Въ Москвѣ. Его сіят. гр. Н. М. Каменскому, генералъ-лейтенанту и разныхъ орденовъ кавалеру. — При семъ шесть т. р. ассигнаціями.

Домъ у Землянаго города между Арбатомъ и Пречистенки. (30)

Ко мнѣ не спѣши; ни отъ чего тебя не отрываю; пользуйся нажитой репутаціей; но знай, однако, что въ Россіи ее долго удержать никому не удалось.

XXXV.

1809. Марта 9 дня, Орелъ.

Графъ Николай Михайловичь.

Ужели здоровѣй сталъ противу того, какъ пріѣхалъ?—Ты не пишешь мнѣ о Московскихъ дѣлахъ твоихъ: не становлюсь ли я тебѣ надобенъ? Употребляй смѣло; если хочешь, я къ извѣстной особѣ напишу, что̀ хочешь, чрезъ тебя же Ну, довольно ли?

Матушкѣ и сестрѣ скажи, что у меня рожа на ушибенной ножкѣ, а голова еще здорова. Видаешься ли съ Тутолминымъ и съ Остерманомъ? Каковы къ тебѣ тотъ и другой? Здѣсь, въ Орлѣ, не знаю за что, всѣ въ тебѣ интересуются. Желаю во всемъ удачи, зачиная со здоровья.

Графъ М. Каменскій.

XXXVI.

Марта 17 дня 1809. Орелъ.

Графъ Николай Михайловичь.

По слѣпотѣ моей готовясь быть Гомиромъ, не льзя не просить мнѣ тебя купить мнѣ въ Университетской книжной лавкѣ, на Тверской, въ домѣ Доктора Фрезе, у комиссіонера Переплетчикова, книгу: Русскую Просодію, въ переплетѣ бумажномъ, за 40 к. Изволишь видѣть, что за нынѣшнихъ стихотворцевъ платятъ меньше, чѣмъ за Бову Королевича; одноко я надѣюсь съ новой этой книгой скакать по слѣдамъ Ломоносова, по коневью.

Словарь Нѣмецко-россійско-французскій въ 3 тома Ивана Геймова, 1809, въ 4-ю долю листа, на лучшей Аглинской бумагѣ и въ лучшемъ сафьянномъ корешкѣ, 12 рубл.; вѣсовыя деньги прилагаются за 4 ф. и тогда пришлются ко мнѣ.

P. S.

Прежде о себѣ—потомъ о тебѣ.

Какъ твои дѣла? Я очень доволенъ поступкомъ противу тебя Володим.

(30) Нынѣ Земледѣльческая школа, на Зубовомъ валу.

Денисовича. Когда графиня ([21]) у него гостила, я сбирался къ нему съѣздить въ деревню; но для укрощенія пустаго преждевременнаго вранья — не ѣздилъ.

Адресъ. Его сіятельству графу Николаю Михаиловичу Каменскому, генералъ-порутчику и разныхъ орденовъ кавалеру, милостивому государю моему, въ Москвѣ домъ у Землянаго города, между Арбатомъ и Пречистенки у Ружейной улицы. ([22])

XXXVII.

Орелъ. Марта 22 дня 1809.

Графъ Николай Михайловичъ.

Матушка твоя хотя и пишетъ, что всякое принужденіе графини тебя отвлечетъ, но я считаю однако, что безъ того остаться можно въ дуракахъ. Соперниковъ, конечно, у тебя много; да и готовятъ, говорятъ здѣсь, графа Воронцова Семена Романовича сына; и такъ не отнестись ли мнѣ къ ней, къ Володимеру Григорьичу, или и къ Давыдову? Женщины всѣ очень любятъ faire filer le parfait amour, любятъ искать les Amadis, котораго любезная его Оріадна отослала отъ себя на 7 лѣтъ, и онъ то исполнилъ! Я два дни какъ живу въ Орлѣ, говѣю, и потому-то пишу откровенно. Въ праздники прошу отъ меня съ родными похристосоваться.

Графъ М. Каменскій.

Знаешь ли что есть родные и такіе, что сей твоей свадьбы не желаютъ и помѣшать готовы?

([21]) Т. е. графиня Анна Алексѣевна Орлова-Чесменская, на которой молодой гр. Каменскій думалъ жениться. В. Д. Давыдовъ—ея дядя по матери.

([22]) Нынѣ Ружейный переулокъ въ Зубовѣ.

XXXVIII.

1809. Апрѣля 7 дня. Орелъ.

Графъ Николай Михайловичъ.

Желаю, чтобъ сіе тебя въ полномъ удовольствіи застало; однако, какъ о томъ писалъ я и къ матушкѣ, желалъ бы знать, что кто взялся доложить Государю о свадьбѣ? Кому о томъ писано отъ невѣсты, да и женихъ съ чьей стороны докладывался ли, или уже имѣетъ позволеніе? — Я не получилъ отъ г. К. П. Шаликова, издателя журнала Аглая, журнала за Мартъ, а по газетамъ уже выходитъ журналъ его и за Апрѣль. Пошли кого справиться, посланъ ли онъ былъ ко мнѣ, да и къ тебѣ послалъ логогрифы и загадку, то при семъ случаѣ вели отдать оные г. Шаликову.—Не кашляй, будь здоровъ.

Графъ Михайла Каменскій.

XXXIX.

Орелъ. Іюня 6 дня 1809.

Графъ Николай Михайловичъ.

По письму твоему изъ Москвы, что сбираешься ѣхать въ Петербургъ, пишу еще письмо. Дай знать и поспѣши, куда тебя пошлютъ. Я въ Петербургѣ даю тебѣ коммиссію справиться въ военной коллегіи, въ коммиссаріатской экспедиціи, получила ли она просьбу мою, по почтѣ посланную, Маія 18 дня, о томъ, что жалованье мое за генварскую нынѣшнюю треть не выдано, и чтобы оное навсегда Орловской казенной палатѣ ассигновано было. А сіе произошло отъ того, что государственный казначей безъ себя никакихъ суммъ па-

лятѣ выдавать не дозволилъ на счетъ военной команды. Александръ Васильевичу и Елизаветѣ Павловнѣ ([33]) отъ меня пожелай всякаго добра,

Графъ М. Каменскій.

S. P. Пожалуй по сему жалованью моему поговорите и государственному казначею, Голубцову: отъ него дѣло остановилось. Указу вѣдь еще не было въ отмѣну прежняго, а естьли онъ Государемъ данъ, такъ должно о немъ меня увѣдомить.

Комиссаріатской экспедиціи однажды навсегда должно было жалованье мое положить въ число штатной суммы, и отчислить оное къ Орловскому казначейству.

СПЕРАНСКІЙ

И ЕГО ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ.

ЖИЗНЬ ГРАФА СПЕРАНСКАГО, изд. барономъ Корфомъ. Спб., 1862, 2 тома.
СТАТЬИ ГРАФА СПЕРАНСКАГО, отпечатанныя въ Архивѣ историческихъ и практическихъ свѣдѣній, относящихся до Россіи, изд. Калачовымъ, 1859. кн. 2, 3, 4 и 5.

На долю графа Сперанскаго выпала одна изъ тѣхъ странныхъ участей, которыя нерѣдко постигаютъ государственныхъ людей, призванныхъ дѣйствовать на зарѣ общественнаго развитія. Никто, конечно, не привлекалъ вниманія общества такъ сильно и такъ долго. Почти сорокъ лѣтъ Сперанскій не сходилъ съ государственнаго поприща; съ его именемъ связаны двѣ величайшія реформы новаго времени, которыя до сихъ поръ возбуждаютъ много толковъ; но не только его дѣятельность,— самыя происшествія его жизни долго оставались, и отчасти остаются до сихъ поръ, совершенною загадкой. Благодаря тому полу-свѣту, въ которомъ, до нашего времени, совершалась политическая жизнь Россіи, первая половина этой дѣятельности превратилась въ какую-то легенду еще до смерти Сперанскаго. Ни многочисленные враги, ни немногіе страстные поклонники не могли поднять завѣсы, за которою скрывалась мысль государственнаго человѣка. Зломѣренная клевета и легкомысленное слово соперничали въ очерненіи его памяти. До сихъ поръ мы знакомимся съ дѣломъ Сперанскаго всего болѣе изъ отзывовъ людей, которые стояли въ рядахъ его противниковъ или находились подъ сильнымъ ихъ вліяніемъ.

Книга барона Корфа, въ первый разъ, дала возможность справедливой оцѣнки. Почтенный авторъ воспользовался всѣми матеріялами, которые могли ему доставить государственные архивы и собственныя, подробныя изысканія. Благородное участіе къ судьбѣ и личности замѣчательнаго человѣка не помѣшали его безпристрастію. Онъ приводитъ всѣ свидѣтельства и указанія какъ въ пользу, такъ и противъ Сперанскаго. Обѣщанное изданіе его переписки (*), къ которому настоящая книга служитъ введеніемъ, безъ сомнѣнія, познакомитъ насъ еще ближе съ любопытной эпохою. Основательное ея изученіе не лишено въ наше время практическаго интереса. Для тѣхъ нововведеній, за которыя когда-то такъ ожесточенно винили Сперанскаго, въ свою очередь, настаетъ исторія. Новыя

([33]) Поликарповымъ.

(*) Статья эта была помѣщена въ 1862 года въ Московской газетѣ «Наше Время», откуда перепечатывается, съ обязательнаго дозволенія автора. *П. Б.*

(*) Печатаніе этой переписки уже начато въ Русскомъ Архивѣ. *П. Б.*

отношенія требуютъ новыхъ административныхъ реформъ, болѣе коренныхъ и болѣе широкихъ, чѣмъ тѣ, которыми ознаменовано начало нынѣшняго столѣтія. Въ такое время небезполезно узнать, какими потребностями былъ вызванъ отживающій административный порядокъ, и какая мысль руководила его первымъ основателемъ. Это тѣмъ болѣе важно, что дѣятельность Сперанскаго до сихъ поръ подвергается самымъ противоположнымъ отзывамъ, смотря по тому лагерю, изъ котораго идутъ симпатіи или обвиненія. Сперанскій поперемѣнно является то представителемъ либеральной администраціи, полнымъ сочувствія къ свободному развитію страны и къ интересамъ массы, то создателемъ огромной и нестройной бюрократической машины, предмета современныхъ жалобъ, и первымъ основателемъ позднѣйшей регламентаціи.

I.

Сперанскій родился 1-го января 1772 года(*), во владимірской губерніи, въ старинномъ селѣ Черкутинѣ, имѣніи князей Салтыковыхъ. Подобно многимъ изъ нашихъ общественныхъ дѣятелей, онъ происходилъ изъ духовнаго званія. О первыхъ годахъ его дѣтства сохранилось мало преданій. Изъ немногихъ, отрывочныхъ свѣдѣній видно, что матеріальное положеніе его семейства ничѣмъ не отличалось отъ остальнаго сельскаго духовенства, котораго доля, незавидная и теперь, была въ то время еще хуже. Отецъ его былъ человѣкъ ограниченнаго ума и безъ всякаго образованія. Изъ остальныхъ членовъ самъ Сперанскій любилъ впослѣдствіи вспоминать о своемъ дѣдѣ и бабкѣ, но и этими воспоминаніями онъ былъ, кажется, всего болѣе обязанъ собственной впечатлительности. Семейная сфера не могла, слѣдовательно, оказать большаго вліянія на будущаго государственнаго человѣка. Но все же происхожденіе оказало ему другую услугу. Благодаря ему, серьозное образованіе началось для Сперанскаго очень рано. Семи лѣтъ, онъ поступилъ во владимірскую семинарію, и съ этого времени, можно сказать, для него начинается та изумительная дѣятельность, которая какъ будто составляла его стихію и не покидала его до глубокой старости. Еще съ дѣтства, онъ отличался необыкновенной понятливостью и трудолюбіемъ. Его живой, вѣчно дѣятельный умъ заставлялъ его искать занятій и пополнять собственнымъ трудомъ и чтеніемъ то, чего не могло ему дать мѣсто воспитанія. Составъ семинарскаго преподаванія не отличался въ то время разнообразіемъ. Оно почти ограничивалось русскимъ, латинскимъ и греческимъ языками; изъ наукъ преподавались: риторика, математика, физика, философія и богословіе, — по устарѣлымъ, схоластическимъ учебникамъ. Но духовныя училища еще не успѣли тогда подвергнуться реформѣ, и безжизненность преподаванія искупалась отчасти изученіемъ классическихъ языковъ, которое долго составляло крѣпкую сторону учениковъ семинарій и развивало въ нихъ привычку къ самостоятельному труду. Сперанскій вынесъ изъ школы основательное знакомство съ древнею литературой и, кажется, въ особенности съ духовной. Едва ли эти раннія занятія и вся обстановка его первой молодости не отозвались впослѣдствіи въ томъ религіозномъ настроеніи, которому онъ поддался въ несчастную пору своей жизни. Во всякомъ случаѣ, строгій характеръ школы и самая сухость схоластическаго ученія не остались безъ вліянія на его умственное развитіе. Они не могли подавить его живой и впечатлительной натуры, а между тѣмъ пріучали его къ труду и, можетъ быть даже своими недостатками вызывали самодѣятельность пытливаго ума. Въ обществѣ, которое, подобно нашему, представляетъ такъ мало людей съ серьозною потребностью труда, эти раннія, трудолюбивыя правила были истиннымъ

(*) Слѣд. былъ почти шестью годами старше императора Александра, родившагося 12 дек. 1777 г. *П. Б.*

счастіемъ. Сперанскій скоро обратилъ на себя вниманіе учителей и семинарскаго начальства. Когда, въ 1790 г., была основана главная семинарія (послѣ переименованная въ духовную академію), и въ число ея студентовъ поступили лучшіе ученики епархіяльныхъ семинарій, то во Владимірѣ выборъ не подлежалъ сомнѣнію, и Сперанскій былъ отправленъ въ Петербургъ, вмѣстѣ съ двумя товарищами. Это былъ первый, счастливый поворотъ въ судьбѣ человѣка, которому потомъ пришлось извѣдать такъ много незаслуженныхъ удачъ и еще менѣе заслуженныхъ несчастій. Преподаваніе въ высшемъ училищѣ тоже не было образцовымъ; но оно всетаки было обширнѣе семинарскаго и привлекало студентовъ самою новостью предметовъ. До какой степени Сперанскій спѣшилъ воспользоваться новыми средствами образованія, видно изъ того, что, не смотря на обширность обязательныхъ занятій, отъ этой эпохи его жизни уцѣлѣло нѣсколько литературныхъ опытовъ. Эти опыты, сохранившіеся въ отрывкахъ, доказываютъ необыкновенную даровитость. Самый слогъ ихъ замѣчателенъ для эпохи, когда Карамзинъ едва начиналъ свою реформаторскую дѣятельность и не былъ еще, для своихъ современниковъ, образцемъ литературнаго вкуса. Не удивительно поэтому, что, при тогдашнемъ недостаткѣ въ преподавателяхъ, Сперанскій, едва окончивъ курсъ, былъ назначенъ учителемъ математики въ главной семинаріи. Съ этого времени начинается его извѣстность, сначала ограниченная тѣснымъ кругомъ петербургскаго духовенства. Его проповѣди и лекціи сохранились въ памяти многихъ, а списки съ небольшаго, составленнаго имъ руководства риторики ходили по рукамъ въ духовной академіи, спустя долгое время. Сперанскій уже отличался тѣмъ даромъ слова и блестящаго изложенія, которые, на первыхъ порахъ, должны были составить его карьеру.

Его характеръ тоже начиналъ образовываться. Въ скудныхъ извѣстіяхъ этой эпохи уже проглядываютъ тѣ качества, которыя мы видимъ въ немъ позже, въ полномъ развитіи. Ничего, напримѣръ, не можетъ быть характеристичнѣе, какъ тѣ извѣстія, которыя сохранились объ его любимыхъ занятіяхъ. Ясный, аналитическій умъ будущаго администратора, болѣе свѣтлый, нежели глубокій, выражался въ пристрастіи къ точнымъ наукамъ и въ недовѣріи къ отвлеченнымъ выводамъ философіи, которою онъ однако занимался, на сколько могъ, при тогдашнихъ его свѣдѣніяхъ. Языки составляли предметъ особенныхъ его усилій. Не смотря на предстоявшее ему поприще, Сперанскій старается не только узнать французскій языкъ, но и овладѣть имъ совершенно. Его литературныя упражненія писаны отчасти по-французски, и нельзя не подивиться легкости, съ которою Сперанскій усвоилъ себѣ въ короткое время языкъ, совершенно неизвѣстный ему прежде и, по всей вѣроятности, преподававшійся плохо. Еще любопытнѣе не многія, оставшіяся въ памяти его сверстниковъ, черты его нравственнаго характера. Чувствительный и добрый, Сперанскій владѣлъ тою способностью привлекать къ себѣ и подчинять людей своему вліянію, которая обыкновенно отличаетъ всѣ высшія натуры. Товарищи его любили. Съ нѣкоторыми изъ нихъ у него образовались прочныя связи, и къ чести Сперанскаго надобно сказать, что онъ ихъ сохранилъ и въ то время, когда судьба поставила его на другое, болѣе видное поприще. Но замѣчательно, что, мягкій и обязательный съ виду, онъ ни съ кѣмъ не дѣлился своимъ внутреннимъ міромъ. Никто изъ его товарищей не умѣлъ сообщить подробностей о нравственномъ его развитіи, котораго свидѣтельствомъ остались одни, полу-уцѣлѣвшіе и безсвязные отрывки его записокъ. Тонкость и житейскій тактъ, свойственные живой натурѣ, развились подъ деспотическимъ, подозрительнымъ надзоромъ полу-монашескаго воспитанія. Въ Сперанскомъ (скажемъ словами барона Корфа) „уже являлся зародышъ той ловкой вкрад-

чивости, того умѣнья выказать себя.... которыя остались при немъ на всю жизнь." Не слишкомъ энергическій, онъ умѣлъ сходиться со всѣми, умѣлъ ладить и съ начальниками, и съ товарищами, что̀, какъ извѣстно, составляетъ главное затрудненіе школьнаго быта. Въ немъ зарождалась и та мягкая, отрицательная энергія, которая дѣятельную борьбу замѣняетъ упорной привязанностью къ дѣлу и, не умѣя одолѣть препятствій, никогда однако не покидаетъ любимой мысли. Прибавимъ къ этому, что ранніе успѣхи должны были внушить ему ту вѣру въ себя, которая была такъ нужна ему въ дальнѣйшей жизни. Эта увѣренность уже слышится въ самостоятельныхъ пріемахъ его первыхъ литературныхъ опытовъ.

Учительская дѣятельность Сперанскаго продолжалась не долго. Въ это баснословное время разныхъ поворотовъ фортуны, когда самое слово *случай* получило техническое значеніе, одинъ изъ такихъ случаевъ, совершенно неожиданно, выпалъ на долю молодого преподавателя. Князю Куракину, который, подъ конецъ царствованія Екатерины, управлялъ третьею экспедиціей сената для свидѣтельства государственныхъ счетовъ, понадобился домашній секретарь, для русской переписки. Ему былъ рекомендованъ Сперанскій. Сохранилось преданіе, что, при первомъ сближеніи съ княземъ, Сперанскій изумилъ его быстрымъ приготовленіемъ и мастерскимъ слогомъ оффиціяльныхъ писемъ, которыя были ему заказаны въ видѣ опыта. Но это изумленіе не помѣшало Куракину держать его чѣмъ-то въ родѣ слуги. Жизнь домашнихъ секретарей князя составляетъ характеристическую черту тогдашняго быта. Они проводили время съ его камердинерами и пользовались въ домѣ гораздо меньшимъ значеніемъ. Нельзя не замѣтить, по этому поводу, гуманную черту въ характерѣ Сперанскаго, рѣзко противоположную съ вельможнымъ пренебреженіемъ знатнаго барина: онъ постоянно хранилъ благодарную память объ этихъ невольныхъ товарищахъ своей бѣдной молодости и, при всякой встрѣчѣ, готовъ былъ напомнить имъ о себѣ и ласковымъ словомъ, и радушной помощью.

Съ той минуты, когда Сперанскій вступилъ въ домъ Куракина, судьба его, можно сказать, была уже въ собственныхъ его рукахъ. Стоитъ прочесть любую канцелярскую бумагу лучшихъ дѣльцевъ этого времени, чтобы понять, какое блестящее исключеніе составлялъ между ними Сперанскій. Не только оффиціяльная переписка 90-хъ годовъ, но даже иные манифесты Екатерины и Павла писаны языкомъ далеко не изящнымъ, и даже не всегда правильнымъ. Щеголеватая и трезвая фраза Сперанскаго должна была казаться образцемъ слога. Естественно, поэтому, что домашній секретарь не замедлилъ перейти въ государственную службу. Благодаря обстоятельствамъ, этотъ переходъ совершился при особенно благопріятныхъ условіяхъ. Со смертью Екатерины, Куракинъ быстро возвысился и занялъ важное мѣсто генералъ-прокурора. Для новаго фаворита не было отнынѣ ничего невозможнаго, и Куракинъ могъ наградить своего секретаря „не въ примѣръ другимъ". То было время быстрыхъ возвышеній и неслыханныхъ милостей. 5-го апрѣля, 1797 года, Сперанскій былъ записанъ въ службу, съ чиномъ титулярнаго совѣтника, по званію магистра, а 18-го сентября, 1798 г., онъ былъ уже пожалованъ въ коллежскіе совѣтники. Самое предложеніе генер.-прокурора объ опредѣленіи Сперанскаго довольно любопытно, какъ образчикъ той быстроты, съ которою тогда дѣйствовали сильные люди, не любившіе стѣсняться формальностями. Какъ видно, магистерство тогда не давало права на чинъ, и „возложеніе" его на Сперанскаго надобно было чѣмъ-нибудь мотивировать. Куракинъ не задумался въ пріисканіи причины: онъ смѣло показалъ, что 25-лѣтній секретарь уже десять лѣтъ состоитъ въ званіи магистра.

Служба въ генералъ-прокурорской канцеляріи, куда въ то время стекалась большая часть самыхъ важныхъ административныхъ дѣлъ, быстро выдвинула Сперанскаго и сблизила его со многими вельможами. Онъ вскорѣ сдѣлался настоящимъ правителемъ дѣлъ, хотя все время носилъ титулъ экспедитора (т. е. начальника отдѣленія), и оставилъ это званіе, уже получивъ мѣсто статсъ-секретаря при императорѣ Александрѣ. Но это быстрое возвышеніе не даромъ доставалось Сперанскому. Еще въ царствованіе Екатерины, генералъ-прокурора называли первымъ министромъ, а при Павлѣ первые министры, если быстро возвышались, то также быстро и падали. Въ четыре года, съ конца 1796 по 1801, смѣнилось четыре генералъ-прокурора. За первымъ патрономъ Сперанскаго, уже въ 1798 г., слѣдовалъ князь Лопухинъ. Черезъ годъ Лопухинъ былъ низвергнутъ, вслѣдствіе разныхъ интригъ, вліянія гардеробмейстера (т. е. камердинера) государя, Кутайсова, который, въ андреевской лентѣ и съ важнымъ чиномъ, сохранялъ свое прежнее, скромное мѣсто. За тѣмъ былъ назначенъ Беклешовъ; но и тотъ не на долго: еще черезъ годъ его смѣняетъ Обольяниновъ... При этихъ перемѣнахъ, канцеляріи иногда приходилось плохо: когда Беклешовъ былъ уволенъ, то Павелъ, въ своемъ раздраженіи, приказалъ перемѣстить всѣхъ его чиновниковъ. Новому генералъ-прокурору удалось какъ-то отстоять одного Сперанскаго. Но кромѣ косвенныхъ ударовъ, угрожавшихъ судьбѣ молодаго чиновника, не легко было также удержаться въ милости и самихъ генералъ-прокуроровъ. Назначенные на короткій срокъ, они за то назначались съ страшнымъ полномочіемъ. — „Зналъ-ли ты прежнихъ генералъ-прокуроровъ?“ говорилъ государь, только что опредѣленному Беклешову: „какой былъ генералъ-прокуроръ Куракинъ! какой — Лопухинъ! Ты да я, да я ты: мы одни будемъ дѣла дѣлать“. — Точно, генералъ-прокуроръ нерѣдко одинъ дѣлалъ всѣ дѣла, и его чиновникамъ не разъ приходилось это чувствовать. Они должны были переносить всѣ его прихоти и грубости, да и при этомъ не всегда были увѣрены въ его расположеніи. Сперанскому понадобилась вся вкрадчивость, все умѣнье находиться въ затруднительномъ положеніи. Нельзя не сознаться, что честолюбивый чиновникъ не пренебрегалъ, при случаѣ, даже и внѣшними средствами. Усердно занимаясь работой, которой, буквально, былъ заваленъ, онъ старался снискать милостивое вниманіе начальника и личными сношеніями. Такъ, когда Обольяниновъ, на первыхъ же порахъ своего управленія, запугалъ чиновниковъ дикимъ бѣшенствомъ нрава и площадными ругательствами, — Сперанскій задумался и началъ искать средства уцѣлѣть въ административномъ ураганѣ, который разразился надъ генералъ-прокурорской канцеляріей. Вотъ какъ описываетъ баронъ Корфъ его первое свиданіе съ этой знаменитостью особеннаго рода: „Нашъ экспедиторъ понималъ, что многое должно рѣшиться первымъ свиданіемъ, первымъ впечатлѣніемъ; и вотъ, въ назначенный день и часъ, онъ является въ переднюю своего грознаго начальника. О немъ докладываютъ, и его велѣно впустить. Обольяниновъ, когда Сперанскій вошелъ, сидѣлъ за письменнымъ столомъ, спиною къ двери. Черезъ минуту онъ оборотился и, такъ сказать, остолбенѣлъ. Вмѣсто неуклюжаго, трепещущаго, раболѣпнаго подъячаго.... предъ нимъ стоялъ молодой человѣкъ очень приличной наружности, въ положеніи почтительномъ, но безъ всякой робости или замѣшательства, и притомъ, — что̀ кажется всего болѣе его поразило, — не въ обыкновенномъ мундирѣ, а во французскомъ кафтанѣ изъ сѣраго гродетура, въ чулкахъ и башмакахъ, въ завиткахъ и пудрѣ, — словомъ, — въ самомъ изысканномъ нарядѣ того времени.... Сперанскій угадалъ, чѣмъ взять надъ этой грубою натурой. Обольяниновъ тотчасъ предложилъ ему стулъ и вообще обошелся съ

нимъ такъ вѣжливо, какъ только умѣлъ". (I, стр. 53). Кромѣ этого искусства ладить съ начальствомъ, Сперанскій умѣлъ также находить поддержку въ тѣхъ лицахъ, съ которыми его сводили служебныя отношенія. Въ числѣ его покровителей мы находимъ графа Растопчина, впослѣдствіи одного изъ непримиримыхъ его враговъ. Но ни уклончивость, ни посторонняя защита не могли спасти Сперанскаго отъ всѣхъ невзгодъ тогдашней службы. Нерѣдко слабые его нервы не выносили служебныхъ строгостей, и товарищи заставали его въ слезахъ отъ грозныхъ „распеканій" Обольянинова.

Такъ быстро, хотя не совсѣмъ безмятежно, проходилъ административный искусъ Сперанскаго. Дорого въ то время доставалось таланту его признаніе, даже если онъ скоро подвигался по дорогѣ почестей? Не будемъ однако слишкомъ строги къ человѣку, котораго само воспитаніе пріучило къ безусловному подчиненію. Угодливость, эта не лучшая черта его характера, искупается его постояннымъ трудомъ и другими свойствами его истинно-гуманной личности. Къ тому же, нравы того времени выносили многое, и находчивость Сперанскаго была не очень виновнымъ орудіемъ среди безстрашныхъ витязей тогдашней администраціи.

Къ этому бурному періоду относится женитьба Сперанскаго. Нельзя не упомянуть о его семейной жизни, которая выставляетъ его въ особенно-привлекательномъ свѣтѣ. Лишившись жены очень скоро, онъ перенесъ всю свою любовь на дочь, о которой заботился, среди дѣлъ и въ ссылкѣ, съ какою-то женской нѣжносью, и которой внушилъ къ себѣ сильную, страстную привязанность. Вообще, въ семьѣ Сперанскій былъ совершенно другимъ человѣкомъ. Здѣсь онъ покидалъ свою осторожную сдержанность, и приносилъ съ собою оживленный разговоръ и ясную, тихую веселость.

Перемѣна, которая вскорѣ произошла въ судьбѣ Россіи, должна была еще болѣе выдвинуть Сперанскаго. Новое правительство искало людей, а Сперанскій былъ слишкомъ извѣстенъ, чтобъ не обратить на себя вниманія. Въ 1801 году, Трощинскій, по внушенію котораго былъ основанъ государственный совѣтъ въ его первомъ видѣ, помѣстилъ Сперанскаго въ канцелярію совѣта, съ званіемъ статсъ-секретаря. Но дѣятельность его не ограничивалась этимъ. Вскорѣ одинъ изъ самыхъ близкихъ людей къ государю, графъ Кочубей, сталъ поручать ему, безъ вѣдома Трощинскаго, разныя работы; а въ слѣдующемъ году Сперанскій перешелъ совершенно въ министерство внутреннихъ дѣлъ, по настоянію Кочубея и вслѣдствіе доклада самому государю. Въ 1806 году, гр. Кочубей, во время своей болѣзни, посылалъ Сперанскаго, вмѣсто себя съ докладами къ государю. Эти личныя сношенія съ императоромъ вскорѣ становятся интимными. Сперанскій оставляетъ министерство и, сохраняя званіе статсъ-секретаря, работаетъ только по порученію самаго государя. Въ 1808 г. находимъ его въ императорской свитѣ, на эрфуртскомъ свиданіи и въ числѣ лицъ, пользующихся особеннымъ довѣріемъ Александра.

Съ этого времени начинается періодъ самостоятельной дѣятельности Сперанскаго.

Первые годы царствованія императора Александра составляютъ замѣчательную эпоху. Не даромъ современники сохранили о нихъ такое свѣтлое воспоминаніе. Въ самомъ дѣлѣ, на этомъ времени нельзя не остановиться съ особеннымъ сочувствіемъ, тѣмъ болѣе, что оно многими чертами напоминаетъ ту эпоху, которую мы переживаемъ теперь. Точно также общество находилось въ возбужденномъ состояніи. Смутнымъ инстинктомъ оно понимало, что идти прежнею дорогой нельзя, и радостно привѣтствовало залогъ инаго направленія, въ лицѣ молодаго государя. Еще никогда правительство не было такъ популярно. Оно возбуждало сочувствіе и въ старыхъ приверженцахъ Екатерининскаго

порядка, нарушеннаго въ послѣдніе четыре года, и въ томъ небольшомъ, образованномъ меньшинствѣ, которое ожидало отъ новаго царствованія серьозныхъ, коренныхъ преобразованій.

Никогда также преобразованія не были, можетъ быть, такъ необходимы. Въ долголѣтнее правленіе Екатерины, Россія совершила огромный шагъ впередъ. До нея не было ни прочнаго государственнаго порядка, ни правительства, въ настоящемъ смыслѣ слова. Ближайшіе премники Петра Великаго не отличались административною мудростью. Къ тому же, ихъ шаткое, непрочное положеніе не давало возможности всматриваться въ потребности Россіи и стараться угадать ихъ. Все различіе между предъидущими правительствами заключалось въ томъ, что одни опирались на русскую партію, другія на нѣмецкую, одни управляли бережливѣе, другія тратили деньги безъ всякаго разбора. Въ царствованіе Елизаветы, которой вся популярность основывалась на русскомъ происхожденіи и близости къ великому преобразователю, все внутреннее управленіе основывалось на частныхъ мѣрахъ, и страшный безпорядокъ цѣлой администраціи съ трудомъ искупался нѣсколькими хорошими реформами. Екатерина рѣшилась положить конецъ этой безурядицѣ, и приступила къ изученію всюду царствовавшаго хаоса. Еще теперь нельзя не изумляться громадному подвигу, совершенному при самыхъ незначительныхъ средствахъ, при полномъ непониманіи и долговременной оппозиціи общества. Съ практической мудростью государственнаго человѣка, Екатерина знала препятствія и не отступала передъ ними. Она постоянно, упорно изучала и свои, и чужіе законы, узнавала людей, умѣла довольствоваться возможнымъ, и постепенно вводила все бо́льшій порядокъ въ управленіе обширнымъ государствомъ. Мало по малу, создалась администрація, довольно сложная и далеко не образцовая въ цѣломъ, но удовлетворившая главнымъ потребностямъ народа, и при томъ основанная на такихъ началахъ, которые были способны къ развитію. Другая сторона этой великой дѣятельности составляетъ еще бо́льшую заслугу. Въ первый разъ, правительство обращалось къ содѣйствію общества и старалось пробудить въ немъ спящія нравственныя силы. Екатерина постепенно освобождала сословія и, не смотря на свое сочувствіе къ энциклопедистамъ, поощряла даже западный аристократизмъ, который начиналъ проникать въ русское дворянство. Литература, начинавшая пріобрѣтать значеніе, находила въ ней поддержку и защиту. Подъ конецъ 34-лѣтняго царствованія, въ Россіи, конечно, было менѣе произвола и менѣе безпорядка. Но за то самыя реформы Екатерины должны были вызвать новыя потребности; еще болѣе создавала ихъ относительная самодѣятельность общества, ею же отчасти вызванная. Екатерина уничтожила, напримѣръ, коллегіи, которыя представляли смѣсь суда и мѣстнаго управленія съ управленіемъ центральнымъ; она замѣнила ихъ палатами, давшими первое основаніе мѣстной администраціи, въ духѣ новаго времени; но затѣмъ возникалъ вопросъ объ отношеніи новыхъ учрежденій къ сенату; усложнялись инстанціи суда, предметъ исконной, вѣковой жалобы русскихъ челобитчиковъ. Недостатокъ гражданскихъ законовъ, ясныхъ и доступныхъ каждому, становился еще чувствительнѣе. Все, что̀ прежде таилось за личными распоряженіями воеводъ, за слабостію сенатскаго надзора, за безгласностью тайной канцеляріи и самовластнымъ произволомъ вельможъ, выходило теперь на свѣтъ и требовало отъ правительства новыхъ мѣръ, новой дѣятельности. Цѣлыя отрасли государственнаго управленія, оставленныя послѣ Петра или не существовавшія прежде, требовали правильной организаціи. Къ сожалѣнію, среди начатыхъ реформъ, направленіе императрицы измѣнилось. Блестящіе военные успѣхи и, можетъ

быть, болѣе прочное положеніе заставили ее уклониться отъ вѣковыхъ началъ русской внѣшней политики. До сихъ поръ внѣшняя политика Россіи держалась правила — не вмѣшиваться безъ нужды въ дѣла Европы и строго преслѣдовать одни чисто-русскіе интересы; между русскимъ дворомъ и иностранными не было солидарности, которая обязывала бы первый къ постояннымъ союзамъ и антипатіямъ. Съ Екатерины это отношеніе измѣняется. Силою обстоятельствъ вынужденная принять участіе въ раздѣлѣ Польши, Россія втянулась въ систему европейскихъ союзовъ, и тѣмъ положено было начало тому союзу трехъ сѣверныхъ дворовъ, который составляетъ предметъ такого опасенія Европы въ наше время. Этотъ поворотъ внѣшней политики требовалъ отъ государства большаго напряженія силъ и большихъ пожертвованій. А между тѣмъ исключительное вниманіе, которое Екатерина обращала на внѣшнія дѣла, отвлекало ее отъ внутренняго управленія, постепенно приходившаго въ упадокъ. Администрація, не только мѣстная, но и высшая, втихомолку, болѣе прежняго, возвращалась къ завѣтнымъ преданіямъ старины. Неудовольствіе, уже не основанное на затаенномъ нерасположеніи къ реформамъ, расло и распространялось. Разстройство финансовъ, нечестность первыхъ людей въ государствѣ и снисходительность императрицы къ бездарнымъ фаворитамъ ея старости, ни для кого не были тайной. Къ этому надобно прибавить непопулярный оттѣнокъ, брошенный на послѣдніе ея годы тою подозрительностію, которая развилась въ ней, подъ вліяніемъ французской революціи, неумѣстное недовѣріе къ литературѣ, преслѣдованіе масоновъ и ссылки, рѣдко позорившіе прежде ея кроткое правленіе. Къ этому-то времени относится то скорбное письмо Александра къ графу Кочубею, гдѣ онъ съ такою силой изображаетъ состояніе Россіи: «Наши дѣла — въ неимовѣрномъ безпорядкѣ; грабежъ со всѣхъ сторонъ; порядокъ, кажется, изгнанъ отвсюду; а имперія стремится только къ расширенію своихъ предѣловъ».

Нечего говорить, что короткое царствованіе Павла не могло возстановить Россію. Александру предстояло удовлетворить справедливымъ жалобамъ, дополнить реформы Екатерины, ввести какой-нибудь порядокъ почти во всѣ части управленія и поднять рускіе финансы, которые находились въ жалкомъ состояніи, — все это въ такое время, когда цѣлая Европа была взволнована побѣдами Наполеона, и сама Россія ежеминутно могла быть втянута въ войну съ первой европейской державой.

Александръ почти немедленно приступилъ къ реформамъ. Положеніе правительства было до крайности затруднительно. Въ обществѣ развитомъ, привыкшемъ къ политической мысли, существуютъ стремленія, которыя, для либеральнаго правительства, могутъ быть указаніемъ, и во всякомъ случаѣ — поддержкой. Ошибки, разумѣется, возможны и въ подобной средѣ; но власть, которая прислушивается къ общественному мнѣнію, несетъ за нихъ, въ глазахъ общества, гораздо менѣе отвѣтственности. Просвѣщеніе сдерживаетъ страстную нетерпѣливость мысли и раздраженіе затронутыхъ интересовъ. Не такъ бываетъ въ обществѣ не развитомъ, привыкшемъ къ умственному бездѣйствію и въ обществѣ, гдѣ исключительно господствуютъ одни матеріальные интересы. Когда отживающій порядокъ вызываетъ наконецъ всеобщія жалобы, то взоры всѣхъ обращаются къ правительству. Отъ него ждутъ панацеи, которая должна положить конецъ всеобщему неудовольствію. Дѣтское повиновеніе смѣняется дѣтскимъ ропотомъ. Но это неудовольствіе не переводится въ политическую мысль, этотъ ропотъ не выражается ни въ какихъ опредѣленныхъ стремленіяхъ. Всякій ограничивается своими, частными жалобами, требуетъ попеченія только о своихъ, личныхъ интересахъ,

не заботясь о томъ, что̀ составляетъ корень зла, и нерасположенный жертвовать ничѣмъ для общаго возрожденія государства. При такой обстановкѣ правительство осуждено на дѣятельность изолированную, и, какъ скоро мѣры его задѣваютъ чьи либо интересы, негодованіе готово приписать этимъ мѣрамъ всѣ общественныя скорби, настоящія и будущія.

Таково дѣйствительно было тогдашнее состояніе русскаго общества. Не смотря на все его оживленіе, трудно было бы сказать, въ чемъ заключались его надежды и ожиданія. Масса, конечно, ограничивалась желаніемъ бо̀льшаго спокойствія, бо̀льшей законности. Въ рукописныхъ проектахъ, которые начали распространяться въ это время, рѣдко встрѣчается мысль о необходимости новыхъ и болѣе прочныхъ основаній для государственнаго порядка. Высшіе классы всего болѣе оживлялись въ пользу нѣкоторыхъ, отрицательныхъ правъ дворянства, напримѣръ, — права выходить въ отставку, когда вздумается; иногда проглядывало желаніе расширить право сената, въ которомъ, по старому преданію и на перекоръ недавнимъ опытамъ, иные еще видѣли какого-то защитника правъ. Но мысль о послѣдовательномъ, неуклонномъ развитіи общественныхъ учрежденій быта у немногихъ. Напротивъ, реформъ, которыя затѣвало правительство, почти боялись. За ними возникалъ призракъ освобожденія крестьянъ, уже смущавшій высшій классъ дворянства въ царствованіе Екатерины. Какъ смотрѣли на эту мѣру, сильно занимавшую Александра, видно изъ позднѣйшихъ записокъ, въ составленіи которыхъ иногда принимали участіе даже государственные люди. Вспомнимъ, что Державинъ (а ему, при узкости политическихъ идей, нельзя отказать въ какой-то горячечной справедливости) обвинялъ графа Румянцова, за указъ о вольныхъ хлѣбопашцахъ, въ „подлой трусости“. — Не болѣе опоры могло найти правительство и въ послѣднихъ сподвижникахъ великаго царствованія. Опустѣвшіе ряды екатерининской администраціи заключали въ себѣ уже немного истинно-государственныхъ людей; большею частію, они были наполнены рутинёрами, плохо понимавшими новыя требованія и вращавшимися въ заколдованномъ кругу привычныхъ понятій. Естественно, что правительство должно было принять направленіе теоретическое, кабинетное. Настоящимъ совѣтникомъ государя были: Кочубей и тотъ знаменитый тріумвиратъ, составленный изъ Строганова, Чарторижскаго и Новосильцова, который Александръ прозвалъ въ шутку „comité du salut public“; а общество, совсѣмъ не въ шутку, называло якобинцами. То были люди, съ высокимъ, но чисто-иностраннымъ образованіемъ, и которые сходились между собой въ одномъ поклоненіи англійской конституціи. Недостатокъ опытности и полное незнакомство съ условіями русскаго общества, положили печать безсилія на первыя мѣры правительства. Рутина была сильнѣе ихъ всѣхъ, пріобрѣтеннымъ навыкомъ въ дѣлахъ и, надобно сознаться, болѣе близкимъ отношеніемъ въ жизни. Что касается до самаго императора Александра, то его стремленіе едва ли въ это время опредѣлилось. Не смотря на знаменательную обстановку, окружавшую его при воцареніи, — въ его дѣйствіяхъ замѣтно колебаніе, которое свидѣтельствуетъ о мысли, не ясной для самой себя и еще не успѣвшей установиться.

Въ этотъ-то разнородный и внутри себя враждебный кругъ вступалъ теперь Сперанскій. Мы не знаемъ, на сколько его собственныя идеи тогда сложились и выяснились; но несомнѣнно, что онъ одинъ былъ способенъ стать дѣятельнымъ орудіемъ замышляемыхъ преобразованій. Въ дѣлѣ опыта онъ былъ по крайней мѣрѣ знакомъ съ центральнымъ управленіемъ, и хорошо извѣдалъ его недостатки; въ дѣлѣ мысли — онъ бралъ огромный перевѣсъ надъ своими современниками, въ привычкѣ

къ труду и въ болѣе серьозномъ образованіи. Находясь, по происхожденію, въ близкомъ отношеніи къ низшимъ классамъ, онъ, сверхъ того, приносилъ съ собою инстинктъ человѣка, не чуждаго народу, и горячо сочувствующаго его нуждамъ и потребностямъ.

Планъ коренной реформы высшаго управленія быстро созрѣлъ въ головѣ Сперанскаго. Но прежде, чѣмъ мы скажемъ объ этомъ планѣ, мы должны бросить взглядъ на ту администрацію, которой суждено было исчезнуть.

II.

Во все продолженіе XVIII вѣка управленіе, въ главныхъ чертахъ, еще держалось на тѣхъ началахъ, которыя были даны ему Петромъ Великимъ. Эти начала не были произведеніемъ его собственной мысли. Они были заимствованы имъ изъ западной Европы. Образцемъ для областнаго управленія служили учрежденія Швеціи и Остзейскихъ провинцій, которыя издавна прельщали Петра относительною зрѣлостью ихъ государственнаго быта. Центральная администрація была, съ немногими перемѣнами, осуществленіемъ мысли Лейбница, съ которымъ Петръ видѣлся въ самый годъ учрежденія сената. Планъ, предложенный великимъ философомъ, былъ исполненъ съ большою точностью. Даже первоначальное число коллегій было то самое, которое выставлялось необходимымъ въ проектѣ. Новыя учрежденія не безъ труда принимались на русской почвѣ. Петръ долженъ былъ безпрестанно измѣнять подробности своего административнаго плана. Особенно такими перемѣнами изобилуетъ при немъ областное управленіе. Оно измѣнялось три раза, и послѣдняя перемѣна была уже уступкой древнему, приказному порядку. Сначала, въ 1713 году, по примѣру Швеціи, были введены ландраты и ландрихтеры; но уже чрезъ шесть лѣтъ, рядомъ и отчасти совмѣстно съ ними, появляются надворные суды въ губерніяхъ и судьи отъ юстицъ-коллегіи по городамъ. Судъ совершенно отдѣляется отъ управленія. Но чрезъ два года Петръ долженъ былъ самъ сознаться, что его сложныя и многочисленныя инстанціи не совсѣмъ удобны. Провинціяльные и городовые судьи отмѣняются. Судъ и управленіе снова соединяются въ рукахъ воеводъ, на которыхъ духъ реформы отразился очень мало и которые, по прежнему, смотрятъ на свою власть съ точки зрѣнія кормленія, наживочныхъ дѣлъ. Такая уступка человѣка съ желѣзною волей доказываетъ неодолимое, внутреннее препятствіе и не могла остаться безъ послѣдствій. Въ самомъ дѣлѣ, старый порядокъ возвращается и по немногу разъѣдаетъ петровскія учрежденія. Еще надъ свѣжею могилой „перваго императора" верховный тайный совѣтъ, весь составленный изъ его сподвижниковъ и любимцевъ, произноситъ строгій приговоръ его административнымъ началамъ. "Умноженіе правителей, сказано въ указѣ 1727 года...... не токмо служитъ къ величайшему отягощенію штата, но и къ великой тягости народной....; всѣ тѣ разные управители имѣютъ свои особливыя канцеляріи... и каждый по своимъ дѣламъ бѣдный народъ волочитъ, и всѣ тѣ управители и канцелярскіе служители пропитанія своего хотятъ". Если въ областной администраціи камнемъ преткновенія для реформы служили „великая народная тягость" и „пропитаніе управителей", то въ центральной надо было бороться съ другими, еще болѣе важными затрудненіями. Административная машина не отличалась гибкостью и не всегда стѣсняла личный произволъ. Оттого здѣсь перемѣны еще чаще. Составъ сената измѣнялся четыре раза. Президенты коллегій то призывались въ сенатъ для согласнаго управленія, то исключались изъ него, для того, чтобъ надзоръ за ними сената былъ дѣйствительнѣе. Коллегіи умножались, соединялись и раздѣлялись снова. Петръ не колебался сознаваться въ своихъ затруд-

неніяхъ и соединяя ревизіонъ-коллегію съ сенатомъ, откровенно говорилъ въ указѣ: „понеже едино дѣло есть... и не разсмотря тогда учинено было“. Разсмотрѣніе и передѣлки вновь продолжались во все царствованіе.

Въ наше время эта безпрестанная ломка, эта передѣлка учрежденій производятъ не совсѣмъ пріятное впечатлѣніе. Мы привыкли не довѣрять административнымъ опытамъ и думать, что съ народною жизнію надобно обращаться осторожно, не навязывая ей того, что̀ противно ея духу. Но было бы въ высшей степени несправедливо судить учрежденія Петра по однимъ внѣшнимъ фактамъ ихъ исторіи. Коллегіяльное начало не было произвольнымъ созданіемъ нетерпѣливой мысли. Здѣсь, какъ и во многихъ реформахъ, мысль преобразователя сошлась съ дѣйствительною потребностью общества, и потому-то она и не осталась безплодною. Какъ въ западной Европѣ, такъ и у насъ, коллегіяльное начало было естественной реакціей противъ фискальнаго управленія. Когда на развалинахъ феодализма, въ Европѣ возникало государство, то окруженная враждебными элементами, монархическая власть не могла довѣрять прежнимъ органамъ общественной жизни. Въ обществѣ, гдѣ все тянуло врозь, гдѣ каждое учрежденіе представляло частный интересъ, сословный или мѣстный, ей нужны были свои орудія, органы государственнаго единства. Эти орудія она находила, совершенно готовыя, въ томъ частномъ хозяйствѣ государей, которое было зерномъ ихъ политическаго могущества. Только здѣсь и были вѣрные, преданные слуги, всегда готовые исполнить всякую волю своего государя. Поэтому, при первой возможности, формы вотчиннаго управленія распространялись на всякое новое пріобрѣтеніе, не появляясь только тамъ, гдѣ старые общественные элементы были слишкомъ крѣпки для полной, безусловной уступки. Фискальное управленіе исчезло въ Европѣ только при бо́льшемъ развитіи просвѣщенія, или вслѣдствіе политической борьбы. Германія въ особенности долго хранила слѣды администраціи, возникшей когда-то въ доменахъ ея многочисленныхъ князей. Въ такой администраціи произволъ не избѣженъ, потому что вниманіе правительства всего болѣе обращается на доходы и многомного на хозяйственныя улучшенія. Понятно, что, наконецъ, несостоятельность этого порядка стала очевидною не только для народовъ, которыхъ онъ давилъ всею тяжестью безотвѣтственной власти, но и для самихъ правительствъ, лишенныхъ средствъ надзора. Потребовались учрежденія менѣе произвольныя и болѣе отвѣтственныя. Но возложить надзоръ на самое общество было не въ духѣ правительствъ XVI и XVII вѣка. Самое общество еще не вездѣ было способно къ дѣятельному наблюденію за властью, неусыпному и спокойному, которое теперь признается лучшей гарантіей свободы и порядка. Оставалось одно средство—усилить отвѣтственность посредствомъ внутренняго устройства самаго управленія, подчинить его членовъ взаимному надзору, уменьшить личный произволъ раздѣленіемъ власти. Такъ естественно Европа постепенно пришла къ коллегіяльному началу. Въ той или другой формѣ оно появлялось вездѣ, а въ нѣкоторыхъ странахъ преобладало до конца XVIII вѣка. Тѣ-же самыя причины, не смотря на частное несходство явленій, должны были вызвать его и у насъ. Управленіе XVII вѣка держалось на двухъ началахъ, которыя, перекрещиваясь, проникали его сверху до низу. Однимъ изъ нихъ было кормленіе, другимъ та форма хозяйственнаго управленія, которая называлась у насъ приказною. Каждая соединялась съ полной безотвѣтственностью и лежала на обществѣ тяжелымъ бременемъ. Чѣмъ болѣе государство росло, чѣмъ болѣе требовалось ему органовъ, тѣмъ шире и шире становилась пестройная машина администраціи. Все XVII столѣтіе наполнено жалобами на этотъ

порядокъ, и ничто, можетъ быть, не характеризуетъ ихъ такъ сильно, какъ то полное убѣжденіе въ невозможности коренныхъ улучшеній, которое проглядываетъ въ нихъ. Правительство было постоянно озабочено своей неудачною войной противъ поборовъ и взятокъ. Напрасно оно грозило воеводамъ смертною казнью и составляло для нихъ наказы, исполненные мелочныхъ подробностей. Положеніе было тѣмъ отчаяннѣе, что даже народное происхожденіе мѣстной власти не было порукой въ ея направленіи. Воеводы смѣнялись губными старостами, губные старосты опять воеводами, а жалобы не прекращались; и самые города не всегда знали, кому дать предпочтеніе: выборному человѣку, или приказному. Не лучше было положеніе и центральной администраціи: здѣсь безотвѣтственность облегчалась еще обширностью вѣдомствъ и путаницей во взаимныхъ отношеніяхъ приказовъ.

Мѣры Петра были направлены противъ этихъ недостатковъ. Вмѣсто самовластнаго и безконтрольнаго управленія, онъ вводитъ коллегіи, въ которыхъ, „президенты не такую мочь имѣютъ, какъ старые судьи и не могутъ дѣлать, что хотятъ“. Въ старину не было твердыхъ правилъ о приказномъ дѣлопроизводствѣ. Уложеніе предписывало судьямъ „вершить дѣла вопче“, но при этомъ имѣло въ виду не челобитчиковъ, не зрѣлое обсужденіе дѣла, а просто раздѣленіе труда между членами приказа. Петръ видитъ въ коллективномъ приговорѣ залогъ правосудія, заботится о „непорядочномъ даяніи голосовъ“ и позволяетъ каждому члену коллегіи возвышать свой отдѣльный голосъ во имя правды. Другая черта прежняго управленія было его крайняя шаткость. Приказы не имѣли постояннаго характера, хотя нѣкоторые изъ нихъ существовали долго. Назначеніе судьи въ приказъ оставалось личнымъ порученіемъ такихъ-то дѣлъ такому-то лицу; достаточно было малѣйшаго предлога, чтобъ измѣнить и внутренній составъ, и отношеніе учрежденій. Когда на одного боярина „возлагалось“ нѣсколько приказовъ, они соединялись, и вмѣстѣ съ этимъ измѣнялось и все ихъ административное положеніе. Были приказы, которые, со смертью главнаго судьи, исчезали вовсе. При Петрѣ Великомъ появляются учрежденія постоянныя, внѣ подобныхъ случайностей. Учрежденіе отдѣляется отъ лица и становится вполнѣ государственнымъ. Отнынѣ его основаніе не личное довѣріе, а *законъ*—слово, которое такъ рѣдко употреблялось прежде. Въ первый разъ, можно сказать, возникаетъ идея правительства, которая, въ древней Россіи, совершенно терялась въ личной власти. Въ связи съ ней находится другое великое начало—требованіе законности отъ распоряженій власти и повиновеніе не лицу, а закону. Вотъ почему, не смотря на строгую теорію самодержавія, не смотря на то, что, по словамъ Петра, „самовластный монархъ, никому на свѣтѣ, о своихъ дѣлахъ, отвѣту дать не долженъ“ онъ ставитъ свой сенатъ такъ высоко. Сенатъ собирается „вмѣсто присутствія собственной его величества персоны“, онъ издаетъ указы, избираетъ въ высшія государственныя должности. Въ тоже время, случайное распредѣленіе дѣлъ замѣняется раздѣленіемъ ихъ по предметамъ. Каждая коллегія управляетъ особымъ родомъ дѣлъ, особой частью народнаго хозяйства. Отношенія коллегій опредѣлены съ точностью, а надъ всѣми поставленъ верховный надзоръ сената. Произволъ не допускается и въ замѣщеніи должностей. Прежде должности продавались, поручались по личному довѣрію, или давались въ качествѣ награды. Теперь каждое мѣсто само избираетъ подчиненныхъ чиновниковъ, и вмѣсто личнаго назначенія требуется баллотировка. На сенатъ возлагается обязанность наполнять коллегіи, на коллегіи — выборъ второстепенныхъ лицъ. Наконецъ, въ областномъ управленіи проглядываетъ таже мысль объ отдѣленіи судебной власти отъ административной.

Самостоятельность петровскихъ учрежденій отозвалась на ихъ исторіи. Въ нихъ была какая-то внутренняя крѣпость, которая спасала ихъ среди всѣхъ колебаній XVIII вѣка. Мысль о высокомъ ихъ значеніи проявлялась даже у людей, не способныхъ поддержать его. Въ этомъ отношеніи особенно любопытны притязанія сената, не смотря на ихъ неудачу, и на то, что ихъ успѣхъ едва-ли бы могъ принести пользу. Сенатъ сознавалъ себя государственною властью и смотрѣлъ на всякое стѣсненіе, какъ на что-то незаконное и несправедливое. Извѣстно, что противъ учрежденія верховнаго тайнаго совѣта онъ протестовалъ объявленіемъ, что остается „въ прежнемъ своемъ состояніи и достоинствѣ“ [1]). Возстановленный въ своихъ правахъ Елисаветою, онъ быстро пріобрѣтаетъ значительную силу. и даже, если вѣрить частнымъ извѣстіямъ, право самоизбранія, которое, со временемъ, могло бы превратить его въ настоящую сословную корпорацію [2]). Сенатъ, по словамъ Екатерины, „выдавалъ законы, раздавалъ чины, достоинства, деньги, деревни; однимъ словомъ, почти все“; онъ былъ полнымъ властителемъ надъ подчиненными мѣстами, и „раболѣпство персонъ, въ сихъ мѣстахъ находящихся, было неописанное“. Екатерина нашла въ сенатѣ двѣ партіи, изъ которыхъ одна помнила преданія верховниковъ и была не прочь повторить ихъ въ собственную пользу [3]). Постепенными, едва замѣтными мѣрами, Екатерина опять поставила сенатъ въ прежнее, законное положеніе; но въ началѣ царствованія Александра въ немъ замѣтны проблески того-же духа... Эти стремленія, конечно, не были прямымъ выводомъ изъ значенія, которое далъ сенату Петръ Великій. Еще менѣе можно видѣть въ нихъ зачатки чего-то прочнаго и благотворнаго. Ихъ неуспѣхъ былъ побѣдой просвѣщеннаго, широкаго развитія надъ узкими, сословными притязаніями. Но нельзя, однако, не замѣтить, что стремленіе къ самостоятельности, даже преувеличенное, не было лишнимъ въ обществѣ, которое видѣло казнь Волынскаго и кровавыя преслѣдованія людей, недавно правившихъ государствомъ. Рядомъ съ этою дѣятельностью была другая, болѣе скромная. Не смотря на всѣ интриги партій, не смотря на временщиковъ и олигарховъ, сенатъ долго сохранилъ свое право верховнаго надзора. До какой степени это право стѣсняло личный произволъ, видно изъ безпрестанныхъ попытокъ отодвинуть сенатъ на второй планъ. Подробности ихъ довольно любопытны. Верховники начали съ того, что отмѣнили должности генералъ-прокурора и прокуроровъ, чрезъ которыхъ сенатъ могъ слѣдить за администраціей. Въ правленіе принцессы Анны къ той же мѣрѣ прибѣгаетъ кабинетъ министровъ. Все это доказываетъ, что надзоръ сената не былъ сначала мертвою буквою закона.

Роль коллегій была другая. Коллегіи принесли несомнѣнную пользу. Можно даже сказать, что въ эпоху ихъ учрежденія онѣ были полезнѣе всякой другой формы управленія. Въ началѣ XVIII вѣка нужно было не столько управлять, сколько созидать и организовывать управленіе. Все приходилось заводить снова или передѣлывать. Войско, флотъ, разныя части народнаго хозяйства едва существовали по имени. Петру нужны были люди, которые бы помогали ему въ обширномъ дѣлѣ государственнаго устройства. Для организаціи, для обсужденія новыхъ мѣръ, для пріисканія средствъ управленія, коллегіальныя мѣста, по своей сущности, способнѣе личной администраціи. Мѣра, обдуманная многими лицами, прошедшая чрезъ медленную повѣрку долгихъ преній, имѣетъ болѣе ручательствъ полноты и зрѣлости. Личныя цѣли, которыя могли-бы

[1]) Чтенія въ обществѣ исторіи и древностей россійскихъ, 1858, книга 3, II, стр. 3.

[2]) Denkwürdigkeiten des Grafen J. Sievers, т. I. стр. 147—152.

[3]) Чтенія, 1858 г., книга I, V Секретнѣйшее наставленіе князю Вяземскому.

исказить ее, при такихъ условіяхъ проявляются менѣе. Сверхъ того коллегіяльный порядокъ представлялъ еще другую выгоду: онъ давалъ возможность вводить въ высшую администрацію спеціялистовъ подлѣ людей, облеченныхъ личнымъ довѣріемъ правительства. Эта мысль особенно видна въ первыхъ мѣрахъ Петра Великаго. Въ годъ учрежденія коллегій онъ думалъ въ каждой изъ нихъ предоставить часть второстепенныхъ мѣстъ иностранцамъ, болѣе знакомымъ съ технической стороной администраціи, нежели русскіе. Въ промежутокъ времени между Петромъ и Екатериной II коллегіи были особенно полезны этою стороной. Между тѣмъ, какъ высшія государственныя мѣста были нерѣдко заняты людьми, не имѣвшими за себя ничего, кромѣ успѣха, въ рядахъ второстепенныхъ членовъ коллегій встрѣчаются дѣльная мысль, болѣе серьозное образованіе. Наконецъ, коллегіи обыкновенно имѣютъ наклонность къ сохраненію всего завѣщаннаго временемъ. Духъ преданія живетъ въ ихъ организаціи, менѣе гибкой, неспособной къ тому быстрому и полному измѣненію, которому такъ легко поддается бюрократія. Этотъ характеръ учрежденій, который въ другое время могъ-бы сдѣлаться задержкой для общественнаго развитія, благопріятствовалъ ему въ первой половинѣ XVIII вѣка. Правительства послѣ Петра не отличались духомъ нововведенія. Они были расположены къ частнымъ мѣрамъ, къ употребленію средствъ простыхъ и скорыхъ; они безпрестанно прибѣгали къ административнымъ пріемамъ еще недалекой старины. Приказное управленіе возвращалось то подъ другими именами, то съ прежнимъ названіемъ и составомъ. Въ однѣхъ коллегіяхъ сохранялась мысль Преобразователя, огражденная безсознательнымъ уваженіемъ потомковъ къ великому дѣлу реформы.

Но если учрежденія Петра были благопріятны для развитія общества, то въ нихъ заключались такіе недостатки, которые, рано или поздно, должны были повести къ преобразованію. Источникъ ихъ скрывался отчасти въ самомъ коллегіяльномъ порядкѣ, отчасти въ несовершенствахъ организаціи, данной ему Петромъ Великимъ.

Организація самаго сената была очевидно недостаточна. Въ его рукахъ сосредоточивались два рода власти, которые существенно противорѣчатъ другъ другу. Это было, съ одной стороны, высшее исполнительное мѣсто, съ другой, мѣсто высшаго административнаго надзора. Для такой разнородной дѣятельности нужно было сочетаніе условій, изъ которыхъ одни совершенно исключались другими. Глава исполнительной власти, сенатъ долженъ былъ наблюдать за дѣлами во всѣхъ подробностяхъ, принимать новыя мѣры, пресѣкать и предупреждать злоупотребленія. Тѣсная связь съ остальнымъ управленіемъ и такой составъ, который-бы обезпечивалъ быстроту и единство дѣйствія, были для него первою необходимостью. Но, въ качествѣ власти надзирающей. отъ него требовались другія качества. Онъ долженъ былъ отличаться безпристрастнымъ отношеніемъ къ администраціи, повѣрять ея дѣйствія со всѣхъ сторонъ, зрѣло и осторожно обсуждать ихъ. Эти условія трудно соединить съ непосредственнымъ управленіемъ и быстротой распоряженій. Вотъ почему обширные предѣлы власти повредили сенату съ самаго начала. Этимъ объясняются тѣ колебанія, которыя видны въ законахъ Петра. Сначала онъ имѣлъ въ виду сдѣлать изъ сената высшее мѣсто непосредственнаго управленія. Въ этомъ смыслѣ онъ и далъ ему названіе „правительствующаго“, которое, въ одномъ указѣ, переводитъ знаменательнымъ словомъ „управительный“. Съ учрежденія его въ 1711 году до преобразованія, въ 1722 году, сенатъ былъ дѣйствительно „управительнымъ“, то есть не ограничивался однимъ надзоромъ, но и самъ управлялъ дѣлами. Учрежденный на первыхъ порахъ „для

отлучекъ“ государя, онъ былъ до 1718 года посредствующимъ звѣномъ между совѣтниками Петра, которые управляли отдѣльными частями съ властью настоящихъ министровъ, и всѣми, какъ центральными, такъ и мѣстными учрежденіями. Это значеніе видно и изъ его состава, и изъ рода порученныхъ ему дѣлъ. Такъ какъ сенатъ состоялъ еще изъ лицъ второстепенныхъ, то онъ былъ связанъ очень опредѣленною инструкціей и поставленъ въ зависимость отъ тѣхъ, кто будетъ писать къ нему „указомъ царскаго величества“. О характерѣ этихъ лицъ догадаться не трудно: онъ ясенъ изъ простаго перечисленія. То были: свѣтлѣйшій князь, адмиралъ графъ Апраксинъ, генералъ-фельдмаршалъ Шереметевъ, государственный канцлеръ графъ Головкинъ, президентъ ближней канцеляріи графъ Зотовъ и подканцлеръ баронъ Шафировъ. Ясно, что сенатъ былъ мѣстомъ чисто исполнительнымъ. Находясь подъ указами министровъ, онъ долженъ былъ управлять непосредственно. Ему, между прочимъ, поручалось „дворянъ собрать молодыхъ для запасу въ офицеры...; товары, которые на откупахъ, или по канцеляріямъ и губерніямъ, осмотрѣть и посвидѣтельствовать...; о соли стараться отдать на откупъ“... и т. д., — все дѣла административныя въ собственномъ смыслѣ слова *). Такимъ образомъ управленіе, коллегіяльное въ сенатѣ, въ высшей инстанціи оставалось личнымъ, бюрократическимъ. Но когда война перестала отвлекать Петра, и отлучки его прекратились, то временное управленіе надобно было замѣнить постояннымъ. Въ 1718 году учреждаются коллегіи, и сенатъ получаетъ другое устройство. Онъ превращается въ настоящее министерство. Сенатъ состоитъ изъ президентовъ всѣхъ коллегій, „и кромѣ нхъ, говоритъ указъ, никакой незванной персонѣ не входить въ то время, когда совѣты отправляются“... Отсутствующіе президенты замѣняются секретарями или другими членами изъ коллегіи, въ которыхъ ничто не могло происходить безъ вѣдома сената. Совершенно послѣдовательно съ главною цѣлью Петра, — установить кабинетъ, дѣйствующій совокупно, — отъ сената требуется, ко всякому дѣлу, единогласное рѣшеніе. По важнымъ дѣламъ велѣно увѣдомлять даже отсутствующихъ сенаторовъ. Въ такомъ видѣ сенатъ существовалъ почти до конца царствованія Петра. Только въ 1722 году онъ вздумалъ дать ему устройство отдѣльное отъ коллегій. Побужденіе было ясно высказано въ указѣ. У сената было много дѣлъ, не касающихся администраціи, и которыми президенты не имѣли времени заниматься, управляя каждый обширнымъ вѣдомствомъ. Но у великаго императора была и другая мысль, совершенно вѣрная въ основаніи, но выполненная не совсѣмъ удачно. Строгій надзоръ, важный во всякое время, былъ первымъ требованіемъ той эпохи, когда ближайшіе друзья преобразователя крали немилосердно, и когда ему безпрестанно приходилось расправляться съ ними средствами довольно азіятскими. Вотъ почему Петръ хочетъ, „дабы сенатскіе члены партикулярныхъ дѣлъ не имѣли... и смотрѣли-бы надъ коллегіями, яко свободные отъ нихъ“, и прибавляетъ для объясненія: „а нынѣ сами будучіе во оныхъ, какъ могутъ сами себя судить?“ Но, отдѣляя сенатъ отъ коллегій, Петръ не поступается вполнѣ своею прежнею мыслью: мѣсто надзора за министрами, сенатъ долженъ состоять изъ людей близкихъ къ главному управленію, знающихъ всѣ его тайны. Извѣстно, что съ этихъ поръ сенатъ состоялъ изъ тайныхъ и дѣйствительныхъ тайныхъ совѣтниковъ. Извѣстно также, что такое были эти тайные совѣтники Петра. То были лица самыя приближенныя, которыхъ названіе означало не чинъ, а мѣсто, которымъ давались самыя важныя, иногда секретныя, порученія. Президенты первыхъ трехъ

*) П. С. З. № 2342.

коллегій, двухъ военныхъ и иностранной не совершенно отдѣляются отъ сената. Они являются туда для всякаго новаго указа, для всякаго важнаго дѣла, которое требуетъ рѣшенія, и, въ особенности, когда присутствуетъ государь. И такъ, въ послѣдніе два года царствованія, сенатъ составляетъ нѣчто въ родѣ государственнаго совѣта.

Это превращеніе въ государственный совѣтъ требовало новаго опредѣленія обязанностей сената. Разъединенный съ высшимъ управленіемъ, онъ не могъ оставаться во главѣ исполнительной власти. Какъ скоро коллегіи были отдѣлены отъ сената, ему сдѣлалось труднымъ выполнять главное призваніе всякаго подобнаго учрежденія — давать направленіе администраціи. Не прилагая самъ никакой мѣры и зная объ управленіи только изъ докладовъ коллегій и рѣдкихъ ревизій, онъ могъ еще прекращать злоупотребленія, наблюдать за исполненіемъ закона, но сдѣлался совершенно не способенъ къ непосредственному управленію. Административныя дѣла доходили до него только въ формѣ разрѣшенія отдѣльныхъ случаевъ, или обсужденія частныхъ мѣръ; обыкновенный же ходъ администраціи совершенно ускользалъ отъ него. Вотъ почему его вмѣшательство, если и не было безъ пользы, то вообще замедляло теченіе дѣлъ. Медленныя формы коллегіяльнаго производства, чрезъ которыя всякое дѣло проходило въ отдѣльныхъ вѣдомствахъ, вновь затрудняли его въ высшей инстанціи. Въ запискахъ XVIII вѣка мы безпрестанно встрѣчаемъ жалобы на сенатъ со стороны не только губернаторовъ, но даже коллегій. Неудобства, которыя проистекали изъ медленности сената и его безпрестаннаго вмѣшательства въ дѣла, обнаружались еще въ первой половинѣ этого столѣтія. Его власть надъ коллегіями была еще сильна, онъ могъ не только требовать отъ нихъ полной зависимости, но даже имъ дѣлать выговоры, когда онѣ осмѣливались представлять собственное мнѣніе, а между тѣмъ и въ это время не видно его участія въ лучшемъ устройствѣ управленія. Онъ стоялъ въ сторонѣ отъ большей части улучшеній, которыя были сдѣланы въ эту эпоху. Для того, чтобы управленіе шло безостановочно и правильно, необходимо было отдѣлить надзоръ отъ непосредственной администраціи и дать ей устройство отдѣльное отъ сената. Въ той или другой формѣ, это раздѣленіе было неизбѣжно; не сдѣланное закономъ, оно должно было, рано или поздно, совершиться силою обстоятельствъ.

Другой недостатокъ парализировалъ дѣятельность коллегій. Коллегіи вовсе не были министерствами даже при Петрѣ Великомъ. Настоящимъ министерствомъ былъ сначала сенатъ, то есть одни президенты коллегій.

Въ одномъ изъ современныхъ источниковъ, тогдашнее отношеніе коллегій къ сенату изображается такимъ образомъ: „Такъ какъ сенаторы — вельможи, то сидящіе съ ними въ коллегіяхъ не осмѣливаются противорѣчить имъ и пляшутъ по ихъ дудкѣ, а отсюда рождается множество интригъ и несправедливостей. Когда на одного изъ нихъ приносится жалоба, или аппелируется къ сенату, всѣ они соглашаются между собой, и ужь, конечно, одна ворона не выклюетъ глазъ другой“. *)

Когда составъ сената былъ измѣненъ, коллегіи не получили бо́льшей самостоятельности. Сенатскій надзоръ не былъ очень дѣятеленъ: онъ ограничивался предписаніями, выговорами и наблюденіемъ генералъ-прокурора; но за то, лишившись постояннаго представителя въ сенатѣ, онѣ не могли уже отстаивать предъ нимъ свои распоряженія. Надъ ними постоянно тяготѣла какая-нибудь посторонняя сила: или власть сената, выступавшая даже за предѣлы закона, или вліяніе генералъ-прокурора, или, наконецъ, значеніе собственнаго президента, если онъ могъ испрашивать

*) Записки камеръ-юнкера Берхгольца, въ переводѣ г. Аммона, часть 2-я, стр. 48.

высочайшія повелѣнія. Все это постепенно искажало характеръ коллегій. Но еще серьознѣе были тѣ препятствія, которыя коллегіи находили въ своей внутренней организаціи и въ отношеніяхъ къ нимъ низшихъ мѣстъ. Общая дѣятельность была затруднительна для сложной администраціи. Совокупныя распоряженія коллегій, хотя и требовались закономъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, были на практикѣ очень рѣдки, а иногда почти невозможны: соглашенія могли происходить только медленнымъ путемъ дѣловой переписки, или чрезъ сенатъ; общія засѣданія, которыхъ, кажется, не было, не много бы ускорили дѣло и повели бы къ безконечнымъ преніямъ. Вѣроятно, поэтому, общія мѣры такъ рѣдко обсуждались коллегіями. Замѣчательно, что важнѣйшія постановленія XVIII вѣка выходили не только безъ ихъ участія, но даже и безъ ихъ вѣдома. Таковы: горная привилегія, горный уставъ, вексельный уставъ 1727 года, главныя мѣры по управленію церковныхъ имуществъ, почти всѣ законы Екатерины, банкротскій уставъ 1800 года и т. д. *). Средства надзора, находившіяся въ распоряженіи коллегій, тоже были недостаточны: онѣ могли дѣйствовать одними понужденіями. При выборѣ чиновниковъ нѣсколькими лицами, не могло быть и рѣчи объ отвѣтственности коллегій за способность назначеннаго лица, или за его распорядительность. Коллегіи могли „своего служителя, по изобрѣтенію персоны или дѣлъ, наказать лишеніемъ чина или весьма отставить“; но для этого нужно было прямое нарушеніе закона. Замѣна же удаленнаго чиновника другимъ снова подвергалась всѣмъ случайностямъ баллотировки. При своей неспособности къ быстротѣ распоряженій, коллегіи, однако, не спасали отъ личнаго произвола. Напротивъ, онѣ не рѣдко становились ширмами, за которыми прятался деспотизмъ президента, который избѣгалъ не только юридической, но даже и нравственной отвѣтственности. По разсказу правдиваго маіора Данилова, военная коллегія при графѣ Шуваловѣ обратилась въ его канцелярію *). Наконецъ цѣлое, огромное вѣдомство стояло совершенно въ сторонѣ отъ коллегій. Губернаторы и воеводы назначались сенатомъ, и хотя были обязаны исполнять указы коллегій, но были не очень послушными орудіями. Недостатокъ единства въ центрѣ сталъ еще чувствительнѣе, когда въ областяхъ, съ отмѣною Петровскихъ учрежденій, появилась крайняя централизація. Съ этого времени только спеціальныя вѣдомства, военное, морское и горное, сохранили въ провинціяхъ собственныхъ чиновниковъ, на которыхъ могли имѣть непосредственное вліяніе; все остальное управленіе ввѣрено лицамъ, вовсе не зависѣвшимъ отъ коллегій. Этотъ недостатокъ въ средствахъ управленія велъ и къ другому неудобству: такъ какъ въ провинціяхъ многія вѣдомства вовсе не существовали, то въ коллегіи стекались такія дѣла, которыя по своей сущности слѣдовало рѣшать на мѣстѣ. Ревизіонъ-коллегія, напримѣръ, повѣряла финансовые отчеты всѣхъ губерній и была завалена дѣлами. Малѣйшія несогласія между промышленниками доходили до свѣдѣнія трехъ экономическихъ коллегій. Нечего и говорить, что правильное раздѣленіе дѣлъ не было возможно. Правительство безпрестанно колебалось между двумя противуположными стремленіями: съ одной стороны, безконтрольность власти заставляла дробить ее, какъ можно болѣе; съ другой, недостатокъ въ людяхъ заставлялъ ее сосредоточивать.

Эти колебанія всего замѣтнѣе въ финансовомъ управленіи. Счетная часть то соединялась съ сенатомъ, то отдѣлялась отъ него, въ видѣ особой коллегіи. Государственные доходы и расходы, не

*) Архивъ историческихъ и практическихъ свѣдѣній, Калачова, 1859, книга 3 (записки Сперанскаго) стр. 30.—Записки Державина въ V книгѣ *«Русской Бесѣды»* за 1859 годъ, стр. 435.

*) Записки артиллеріи маіора Данилова, М., 1842. стр. 119.

смотря на тѣсную ихъ связь, были сначала ввѣрены двумъ особымъ учрежденіямъ: камеръ-коллегіи и штатсъ-конторѣ, которыя въ 1726 г. соединяются, а въ 1730 раздѣляются снова. Туже черту можно замѣтить въ измѣнявшемся устройствѣ и другихъ коллегій.

Административная система, какъ бы она ни была недостаточна, можетъ не только удержаться на долго, но даже упрочиться, если зло, которое она приноситъ, дѣйствуетъ медленно, если, тяжелая для управляемыхъ, она по крайней мѣрѣ удовлетворяетъ главнымъ цѣлямъ самаго правительства. Такъ было, напримѣръ, съ древнимъ приказнымъ порядкомъ. Безобразныя его пружины не были однако сложны, и если народу приходилось отъ нихъ нелегко, то правительство имѣло въ нихъ возможно быстрое, хотя и несовершенное, орудіе. Но когда недостатки администраціи таковы, что затрудняютъ собственную ея дѣятельность, то постепенное измѣненіе цѣлой системы неизбѣжно. Гласно или тайно, подлѣ несостоятельныхъ учрежденій выростаютъ другія, можетъ быть, столько же несовершенныя, но во всякомъ случаѣ съ недостатками противоположнаго свойства. Такой переработкѣ подверглись и петровскія учрежденія. Они грѣшили сложностью механизма, излишнимъ подраздѣленіемъ власти въ коллегіяхъ, излишнимъ сосредоточеніемъ ея въ сенатѣ. Рядомъ съ ними вскорѣ началъ возникать другой порядокъ. Подлѣ сената, гдѣ управленіе соединялось съ надзоромъ, образовались учрежденія чисто административныя; подлѣ коллегій, слишкомъ стѣсненныхъ и медленныхъ, снова поднялась бюрократія, тѣмъ болѣе сильная, что она была замаскирована коллегіяльнымъ устройствомъ.

Исторія постепеннаго образованія новой администраціи дѣлится реформами Екатерины II на двѣ эпохи: сначала новыя формы управленія возникаютъ случайно, вслѣдствіе личныхъ стремленій, или частныхъ мѣръ; потомъ перемѣны большею частію происходятъ на основаніи общаго плана.

Первое уклоненіе отъ коллегіяльнаго порядка было сдѣлано на другой годъ послѣ смерти Петра. Началось съ образованія министерства. Это было неизбѣжно, но, къ сожалѣнію, новая мѣра была совершена при такихъ условіяхъ, которыя уничтожали всю ея пользу. Выдѣленіе министерства сопровождалось устраненіемь всякаго контроля и лишеніемъ сената той его роли, на которую тогда онъ былъ вполнѣ способенъ, роли государственнаго совѣта, надзирающаго за непосредственнымъ управленіемъ и обсуждающаго общія мѣры. Но олигархическія стремленія верховниковъ не допускали надзора учрежденію, которое было еще проникнуто идеями своего основателя, и новое министерство стало не подлѣ сената, а надъ нимъ. Министерство, правда, было не полное: изъ пяти его членовъ только трое стояли во главѣ отдѣльныхъ управленій; но перемѣна въ способѣ рѣшенія дѣлъ была коренная. Коллегіяльнаго начала здѣсь не было, хотя между членами и были совѣщанія, потому что о важнѣйшихъ дѣлахъ докладывали самой императрицѣ. Такимъ образомъ, новое учрежденіе носило двоякій характеръ: для дѣлъ обыкновеннаго управленія оно было министерствомъ, для общихъ вопросовъ оно составляло родъ государственнаго совѣта. Три первыя коллегіи, которыхъ президенты сдѣлались членами совѣта, изъяты изъ зависимости отъ сената и сравнены съ нимъ въ правахъ. За сенатомъ осталось только внутреннее управленіе, но и здѣсь власть его была стѣснена совѣтомъ, чрезъ который онъ получалъ высочайшіе указы. Разумѣется, что и характеръ трехъ первыхъ коллегій долженъ былъ измѣниться: независимость членовъ отъ президентовъ не могла удержаться, когда эти же президенты были ихъ начальниками. Эта попытка личнаго управленія, при всей своей кратковременности, имѣла

вредныя послѣдствія. Она послужила примѣромъ для всѣхъ позднѣйшихъ мѣръ подобнаго рода и, первая, нанесла уронъ самостоятельности сената. Съ тѣхъ поръ, почти при каждомъ правительствѣ, образуется безконтрольное управленіе. Въ этомъ не всегда участвовали личныя цѣли и стремленіе къ безотвѣтственности. Потребность въ администраціи болѣе дѣятельной, нежели коллегіяльная, обнаружилась вскорѣ, а неумѣнье согласить личную администрацію съ правами сената довершало остальное. Вотъ почему министерство безпрестанно возникаетъ то въ той, то въ другой формѣ, не смотря на то, что почти каждое правительство спѣшитъ вначалѣ заявить свое неодобреніе всякому нарушенію петровскаго порядка. Уничтоживъ верховный тайный совѣтъ и строго осудивъ всѣ его мѣры, императрица Анна почти тотчасъ замѣняетъ его кабинетомъ министровъ. Это было высшее административное мѣсто, гдѣ обсуждались всѣ новыя мѣры, откуда безпрестанно выходили высочайшія повелѣнія по дѣламъ всякаго рода, куда поступали донесенія мѣстныхъ властей, иногда не только мимо коллегій, но мимо самаго сената и гдѣ, наконецъ, дѣлались назначенія даже въ второстепенныя должности *). Коллегіи, не только первыя три, но даже остальныя, дѣлали доклады то сенату, то прямо комитету министровъ, и трудно рѣшить, какъ распредѣлялись дѣла между этими двумя учрежденіями; несомнѣнно только то, что сенатъ потерялъ не только административную иниціативу, но и право верховнаго надзора. Первыя же три коллегіи уже и потому избѣгали его вліянія, что призиденты ихъ сами были членами кабинета. Въ правленіе принцессы Анны сдѣланъ еще шагъ къ стѣсненію сената. Дѣла между кабинетъ-министрами распредѣляются такъ, что каждый изъ нихъ имѣетъ особый департаментъ. При Елисаветѣ личное управленіе падаетъ снова, но за то возникаетъ другое учрежденіе, которое показываетъ, какъ измѣнился характеръ сената. Съ этого времени возникаютъ, въ различныхъ формахъ, тайные совѣты. Они сдѣлались необходимы, какъ скоро сенатъ сталъ многочисленнымъ собраніемъ, уже не составленнымъ изъ однихъ близкихъ совѣтниковъ правительства. Указать, когда именно произошла эта перемѣна въ его составѣ, конечно, довольно трудно; но она не подлежитъ сомнѣнію, и была вызвана самыми размѣрами сенатскаго вѣдомства. Судебныя дѣла, которыя были для него, при Петрѣ, второстепеннымъ занятіемъ, поглотили впослѣдствіи большую часть его времени. Сенату приходилось выслушивать множество дѣлъ и челобитчиковъ. Уже при Аннѣ это повело къ раздѣленію его на департаменты. Умноженіе же членовъ не могло не отозваться на политическомъ его значеніи. Всякое правительство, и тѣмъ болѣе самодержавное, не охотно внесетъ въ многолюдное собраніе дѣла, требующія тайны, особенно прежде ихъ исполненія. Отсюда потребность обсужденія всѣхъ подобныхъ дѣлъ въ болѣе тѣсномъ кругѣ государственныхъ людей. Возникновеніе тайныхъ совѣтовъ было поэтому естественно. Замѣчательно, что всякій разъ правительство старалось ограничить дѣятельность совѣта, но силою обстоятельствъ она постепенно распространялась. Такъ Елисавета, учреждая вмѣсто кабинета министровъ конференцію, предоставляетъ ей одни иностранныя дѣла, но черезъ нѣсколько лѣтъ туда поступаютъ вопросы, не имѣющіе ничего общаго съ внѣшней политикой: зѣсь напримѣръ, обсуждается мѣра объ управленіи церковными имуществами. Съ тою же самою постепенностью дѣйствуетъ и Екатерина. Въ **1769** г. она учреждаетъ „въ присутствіи своемъ совѣтъ", котораго цѣлью было „установить скорѣйшія сношенія между... политическихъ, военныхъ и казенныхъ мѣстъ". Совѣтъ учрежденъ

*) Записки князя Я. П. Шаховскаго, т. I, стр. 1—30.

только на время войны, но война проходитъ, а совѣтъ остается и занимается не одними военными дѣлами, но и многими другими, хотя, по словамъ императора Александра, «не имѣетъ ощутительнаго вліянія на дѣла общественныя». Это послѣднее обстоятельство объясняется сильной личной иниціативой Екатерины. Единство управленія достигалось при ней другими средствами. Она не нуждалась въ особомъ центральномъ учрежденіи и стояла сама во главѣ всей администраціи, разумно и дѣятельно направляя ее къ одной общей цѣли.

Между тѣмъ, какъ надъ сенатомъ учреждались то совѣты, то министерства, бюрократическій элементъ по немногу проникалъ въ коллегіи. Онъ выражался не въ одномъ паденіи прежняго ихъ значенія, не только въ томъ, что онѣ привыкали сгибаться передъ временщиками. но также и въ измѣненіи ихъ внутренняго состава. Внутри самихъ коллегій возникало личное управленіе, сначала, впрочемъ, съ зависимостью отъ коллегіяльнаго присутствія. Подобная перемѣна всего замѣтнѣе въ военномъ и морскомъ вѣдомствахъ. Для примѣра возьмемъ послѣднее. Еще при императрицѣ Аннѣ, адмиралтействъ-коллегія раздѣлялась на конторы, которыя управлялись особыми генералъ-директорами. Генералъ-директоры завѣдывали, каждый своею частью, совершенно отдѣльно, не стѣсненные никѣмъ, и только по самымъ важнымъ дѣламъ составляли общее присутствіе коллегіи. Екатерина удержала этотъ порядокъ, который потомъ становится правиломъ *). Составъ военной коллегіи близко подходилъ къ этому устройству. Нѣкоторыя вѣдомства, еще со временъ Петра, были устроены, подлѣ коллегій, на началахъ совершенно бюрократическихъ. Таковъ былъ почтовый департаментъ, зависѣвшій сначала отъ иностранной коллегіи, потомъ, съ 1782 года, отъ сената, но управлявшійся всегда бюрократически. Таково же было устройство полиціи въ Петербургѣ, гдѣ она находилась въ рукахъ генералъ-полиціймейстера. Были также спеціяльныя части управленія, носившія бюрократическій характеръ. Сюда принадлежало вѣдомство путей сообщенія, сколько можно заключить изъ указовъ не всегда ясныхъ. Канцелярія перспективной дороги (между Москвой и Петербургомъ), учрежденная Петромъ, и, смѣнившая ее въ 1755 году, канцелярія строенія дорогъ, которая управляла путями сообщенія въ цѣлой имперіи, походили, по своему составу, на старинные приказы: они управлялись главнымъ судьей и тремя членами, а названіе „главнаго судьи“ означало, кажется, не президента. Иногда самая попытка лучшей организаціи какого-нибудь вѣдомства вызывала стѣсненіе въ немъ коллегіяльнаго порядка и прекращала его зависимость отъ сената. Такъ, когда, при Аннѣ Іоанновнѣ, для лучшаго устройства горнаго дѣла, былъ вызванъ саксонецъ Шомбергъ, то бергъ-коллегія тотчасъ была переименована въ генералъ-бергъ-директоріумъ и подчинена однимъ высочайшимъ повелѣніямъ *). Несостоятельность коллегіяльнаго начала въ управленіи давно ощущалась на практикѣ, и мысль объ этомъ высказывалась иногда довольно наивно. Въ одномъ указѣ Екатерины I сказано, напримѣръ, что мануфактуръ-коллегія „безъ сенату и нашего кабинета никакой важной резолюціи учинить не можетъ, того ради и жалованье напрасно получаетъ **)“. Вотъ почему, почти въ каждомъ вѣдомствѣ старыя приказныя формы возникаютъ подлѣ коллегіяльныхъ и тѣмъ подготовляютъ будущее измѣненіе администраціи.

Въ правленіе Екатерины, всѣ эти частныя мѣры смѣняются наконецъ общими. Безсознательная, практическая необходимость, которая вызывала новое цен-

---

*) П. С. З. №№ 6156, 11981.

*) П. С. З. № 7047.

**) П. С. З. № 5017

тральное управленіе, уступаетъ мѣсто обдуманному плану. Потребность радикальной реформы постепенно обнаружилась Екатеринѣ. Сначала она считала нужнымъ только положить конецъ продолжительнымъ отступленіямъ отъ закона, искажавшимъ государственный порядокъ. Назначая князя Вяземскаго генералъ-прокуроромъ, она писала, въ секретнѣйшемъ наставленіи: „всѣ мѣста, и самый сенатъ, вышли изъ своихъ основаній разными случаями, какъ неприлежаніемъ къ дѣламъ моихъ нѣкоторыхъ предковъ, а болѣе случайныхъ людей пристрастіями„. Основаній, въ самомъ дѣлѣ, уже не было! Они начали падать съ тѣхъ поръ, какъ мысль геніяльнаго человѣка перестала слѣдить за развитіемъ его учрежденій. Но „прилежаніе“ къ дѣламъ самой Екатерины вскорѣ открыло ей, что вредъ не въ одномъ уклоненіи отъ прежнихъ основаній, что въ управленіи нужны и новыя начала, и болѣе послѣдовательное ихъ проведеніе. Осторожность, съ которой она приступила къ реформамъ, достойна вниманія, и если, на разстояніи многихъ лѣтъ, въ нихъ можно замѣтить частные недостатки, то ближайшее знакомство съ эпохой заставляетъ удивляться, что ихъ не было болѣе. Сначала она ограничилась новымъ раздѣленіемъ сената па департаменты. По первому его раздѣленію, сдѣланному въ царствованіе Анны, департаменты были простыми, приготовительными коммиссіями и ничего не рѣшали окончательно. Распредѣленіе дѣлъ между ними не отличалось правильностью: административныя дѣла были разсѣяны въ четырехъ департаментахъ; вѣдомство однихъ было слишкомъ обширно, другихъ—слишкомъ тѣсно; для судебныхъ дѣлъ, чрезвычайно многочисленныхъ, назначенъ одинъ департаментъ; канцелярія была устроена плохо. Екатерина распредѣлила дѣла правильнѣе, основываясь на предметахъ управленія, и соображаясь также съ числомъ коллегій.

*) Чтенія 1858 года, книга 1, смѣсь.

Всѣ “государственныя, внутреннія и политическія дѣла„ были сосредоточены въ первомъ департаментѣ; отъ нихъ было отдѣлено военное управленіе, сухопутное и морское, которыя поручены четвертому; изъ двухъ остальныхъ департаментовъ во второй поступили апелляціонныя дѣла, а въ третій—дѣла особенныхъ вѣдомствъ, то-есть привилегированныхъ провинцій и разныхъ частей придворнаго управленія. Два московскихъ департамента дѣлили свои занятія на томъ же основаніи: одинъ изъ нихъ былъ мѣстный административный, другой—мѣстный судебный. Дѣла оканчивались въ департаментахъ, и только при разногласія сенаторовъ, или протестѣ генералъ-прокурора, переходили въ общее собраніе. Эта мѣра справедливо почитается рѣшительнымъ ударомъ значенію сената: раздробленный на части, онъ не могъ сохранить прежній вѣсъ, и вліяніе генералъ-прокурора, къ которому стекались дѣла изъ департаментовъ, должно было усилиться. Но достаточно взглянуть на административную исторію сената, чтобъ понять всю необходимость этой мѣры. Она уменьшала медленность распоряженій, которою такъ долго сопровождались всѣ дѣйствія высшей инстанціи; она полагала начало раздѣленію суда отъ управленія, безъ котораго невозможенъ правильный ходъ ни того, ни другаго. До тѣхъ поръ высшая судебная инстанція была обставлена стѣснительными формальностями: жалоба подавалась генералъ-рекетмейстеру, и только по разсмотрѣніи имъ переходила въ сенатъ. Теперь апелляція шла быстрѣе и поступала на разсмотрѣніе людей, которые исключительно занимались судомъ и должны были пріобрѣтать въ немъ болѣе опытности, чѣмъ при соединеніи разнородныхъ призваній.

Послѣ этой первой реформы цѣлыя тринадцать лѣтъ проходятъ безъ всякой перемѣны. Этотъ промежутокъ наполненъ той многосторонней административной перепиской Екатерины, которая, къ сожалѣнію, извѣстна намъ еще въ

однихъ отрывкахъ. Результатомъ долгой приготовительной работы было убѣжденіе, что реформа должна начаться снизу, съ областнаго управленія. Въ этомъ дѣйствительно настояла главная потребность. Произволъ, который воцарился въ областной администраціи послѣ Петра Великаго, почти невѣроятенъ. Одинъ изъ екатерининскихъ губернаторовъ изображаетъ положеніе богатой новгородской губерніи слѣдующими мрачными красками: „Въ цѣлой области нѣтъ никакой полиціи. Она вся въ рукахъ однихъ сотскихъ, и къ нимъ посылаются приказы отъ воеводъ и губернаторовъ. Эти сотскіе — безграмотные, приказы имъ читаются и отчеты пишутся приходскими дьячками. Почты не существуетъ, кромѣ ямщицкой между двумя столицами, да еще Великими-Луками и Псковомъ... Чрезъ эту почту идетъ вся балтійская торговля имперіи... Дороги, кромѣ столичныхъ, состоятъ подъ надзоромъ однихъ сотскихъ. Дворянская грамота лишила губернатора возможности требовать дворянъ на службу, и съ тѣхъ поръ они берутъ не себя однѣ доходныя должности, то-есть именно тѣ, которыя не смѣешь имъ ввѣрить... Около двѣнадцати тысячъ преступниковъ въ кандалахъ наполняютъ тюрьмы, сверхъ цѣлой тысячи отпущенныхъ на поруки... Въ каждой изъ пяти провинцій губерніи отъ сорока до пятидесяти человѣкъ постоянно на пыткѣ *).“ Къ этому надобно прибавить, что единственная власть губерній, власть губернаторовъ и воеводъ, была почти безотвѣтственная, а между тѣмъ произволъ ея не вознаграждался быстротой администраціи: множество мѣстныхъ дѣлъ безпрестанно переходило изъ губерній въ столицу, и составляло едва-ли не главное занятіе коллегій. Однимъ словомъ, мѣстное управленіе не существовало.

Начала, на которыхъ Екатерина основала новыя учрежденія, слишкомъ извѣстны, чтобъ о нихъ говорить подробно. Въ настоящее время мы невольно смотримъ на нихъ сквозь призму современныхъ требованій. Преимущества ихъ исчезаютъ передъ недостатками, которые обличены временемъ и позднѣйшимъ ихъ развитіемъ. Теперь трудно не замѣтить, что знаменитое „Учрежденіе о губерніяхъ“ не могло простоять долго безъ существенныхъ измѣненій и поправокъ. Сложность инстанцій и здѣсь, какъ въ управленіи Петра Великаго, была первымъ зломъ. Личный произволъ не былъ достаточно ограниченъ. Преобладающее положеніе генералъ-губернаторовъ чувствовалось уже въ самомъ началѣ. Ихъ власть, поставленная слишкомъ высоко, стремилась поглотить остальныя, а вліяніе ихъ на судъ отзывалось въ недостаточной свободѣ судебнаго вѣдомства. Нѣкоторыя части управленія, напримѣръ все уѣздное, были организованы слабо и представляли то соединеніе суда и полиціи, котораго законъ такъ заботливо избѣгалъ въ губерніяхъ. Можно бы насчитать еще нѣсколько темныхъ сторонъ, еслибъ въ наше время онѣ давно уже не обратились въ общее мѣсто. Но всѣ эти недостатки съ избыткомъ искупались тѣми залогами лучшаго порядка, которые заключались въ этомъ достопамятномъ произведеніи административнаго генія. Трудно было лучше приспособить условія правильнаго управленія къ нуждамъ государства и согласить ихъ съ практической возможностью, съ степенью развитія общества, съ его матеріяльнымъ состояніемъ. Губернскія власти не стояли такъ изолированно другъ отъ друга, какъ въ областномъ управленіи Петра Великаго; онѣ не тянули врозь и не давили народа несогласнымъ дѣйствіемъ равноправныхъ начальниковъ. Требованія централизаціи, необходимой въ государствѣ, раскинутомъ на огромное пространство, были соблюдены. Всѣ органы исполнительной власти дѣйствовали согласно и въ строгомъ подчиненіи другъ другу. Но централизація

---

*) Denkwürdigkeiten des Grafen von Sivers, т. I. стр. 156—157.

смягчалась обширнымъ примѣненіемъ выборнаго начала. Отношенія выборныхъ лицъ къ чиновникамъ правительства опредѣлены Екатериной съ замѣчательнымъ практическимъ тактомъ. Въ каждомъ судѣ и почти въ каждомъ полицейскомъ управленіи появились выборные засѣдатели, но бо́льшая часть предсѣдателей, обязанныхъ руководить преніями, не была подвергнута случайностямъ выбора: они назначались сенатомъ или губернскимъ правленіемъ. Такъ соединялись гарантіи для населенія съ возможностью не отдавать всей администраціи въ руки людей несвѣдущихъ и неопытныхъ. Въ этомъ привлеченіи выборнаго начала лежалъ зародышъ мѣстнаго самоуправленія, которому упрочиться помѣшала неразвитость общества, и которому, можетъ быть, престоитъ еще будущность.

Но самою важною стороной въ „Учрежденіи о губерніяхъ" было твердое разграниченіе судебной и административной властей. Въ наше время трудно даже понять, какимъ успѣхомъ это было въ XVIII вѣкѣ, хотя на практикѣ судъ и полиція у насъ и теперь смѣшиваются довольно часто, даже въ понятіяхъ образованныхъ людей. До Екатерины въ обществѣ не было почти никакого сознанія объ этомъ различіи. Мы видѣли, что еще при Елисаветѣ начальникъ административнаго мѣста назывался „главнымъ судьей". Отъ смѣшенія понятій не далеко и до практическихъ смѣшеній. Отсюда безпрестанное перенесеніе судебныхъ формъ на администрацію, и административныхъ на судъ. Иногда полиція была устроена коллегіяльно, и въ самыхъ мелкихъ распоряженіяхъ требовался приговоръ по большинству голосовъ; иногда въ дѣлѣ суда и расправы, гдѣ первое правило — осторожность, появлялся вдругъ полнѣйшій произволъ одного лица, и подсудимые лишались всякихъ гарантій. Когда обѣ отрасли общественной власти соединялись въ однѣхъ рукахъ, всемогущій правитель переносилъ въ свой судъ незатѣйливые пріемы полицейской расправы и распространялъ ужасъ произволомъ, отъ котораго не было защиты нигдѣ, кромѣ отдаленной столицы. Екатерина положила конецъ и смѣшенію формъ, и безпредѣльному произволу. Наконецъ, внутренняя организація, которая была дана суду и управленію, отличалась вѣрностью основаній. Вмѣсто того, чтобъ колебаться между бюрократической и коллегіяльной формой, какъ это дѣлалось прежде, Екатерина каждой назначила свойственное ей мѣсто. Коллегіяльный составъ, какъ гарантія зрѣлаго обсужденія, былъ обезпеченъ судебнымъ мѣстамъ; напротивъ, въ управленіи, гдѣ распорядительность составляетъ первое условіе, преобладала бюрократія. Здѣсь коллегіяльныя мѣста являлись только или для надзора, или съ совѣщательнымъ характеромъ, или въ тѣхъ отрасляхъ управленія, гдѣ обширность дѣлъ и важность интересовъ не допускали личной власти. Роли между отдѣльными начальниками и исполнительными мѣстами были распредѣлены удачно: непосредственныя распоряженія ввѣрялись первымъ, повѣрка ихъ и обсужденіе мѣръ предоставлялись послѣднимъ. Въ этой искусной огранизаціи лежитъ причина относительнаго успѣха областныхъ учрежденій Екатерины.

Съ введеніемъ „Учрежденія о губерніяхъ" коллегіи становились совершенно лишними. Къ административной иниціативѣ онѣ всегда были неспособны, надзоръ ихъ былъ слабъ и, при новомъ порядкѣ, требовалъ другаго устройства, а мѣстныя дѣла, стекавшіяся изъ губерній, теперь отходили отъ нихъ. Палаты были не что иное, какъ раздробленіе коллегій, водвореніе ихъ на мѣстахъ вмѣсто сосредоточенія въ столицахъ. Инстанціи, судебныя и административныя, были подвинуты къ тѣмъ, кто въ нихъ нуждался. Вмѣстѣ съ тѣмъ онѣ становились ненужными въ центрѣ. Вотъ почему коллегіи были вскорѣ закрыты, съ сохраненіемъ трехъ первыхъ, которыя управляли только центральными

дѣлами и не находились ни въ какомъ отношеніи къ губерніямъ.

Оставалось устроить внутреннее центральное управленіе на другихъ началахъ. Екатерина думала объ этомъ. Вскорѣ послѣ 1775 года у нея готовъ былъ планъ новаго преобразованія сената. Устройство сената предполагалось согласить съ губернскимъ управленіемъ. Первый департаментъ долженъ былъ соотвѣтствовать губернскому правленію. Сюда входило обнародованіе и исполненіе законовъ, высшая полиція, надзоръ за чиновниками, опредѣленіе въ нѣкоторыя должности и повышеніе до извѣстнаго чина. Второму департаменту поручался надзоръ за казенными палатами. Здѣсь сосредоточивалось финансовое управленіе. Въ главѣ его стоялъ государственный казначей, при немъ были четыре сенатора, управлявшіе отдѣльными экспедиціями. За образецъ для этого департамента были приняты англійскіе лорды-коммиссіонеры казначейства, что, между прочимъ, намекаетъ на какое-то соединеніе коллегіяльнаго порядка съ бюрократическимъ. Въ важныхъ случаяхъ этотъ департаментъ соединяется съ первымъ. 3-й департаментъ остался съ прежнимъ характеромъ, т. е. завѣдывалъ дѣлами привилегированныхъ областей, но и здѣсь административныя дѣла не смѣшивались съ судебными, и для каждыхъ изъ нихъ было особое отдѣленіе. Четвертый департаментъ соединялъ вѣдомства гражданскихъ и уголовныхъ палатъ и также раздѣлился на два отдѣленія. Два московскихъ департамента предполагалось оставить съ прежнимъ, ограниченнымъ кругомъ дѣла. Три сохранившіяся коллегіи подчинены были первому департаменту *). Этотъ проектъ былъ совершенно обдуманъ, переписанъ рукою самой императрицы и, по обычаю, сообщенъ ею нѣсколькимъ довѣреннымъ лицамъ. Причина, почему онъ не получилъ исполненія, не извѣстна. Современники думали, что реформу остановилъ генералъ-прокуроръ князь Вяземскій, которому не хотѣлось выпустить изъ рукъ финансоваго управленія. Еще вѣроятнѣе, что сама Екатерина была не совсѣмъ довольна задуманнымъ преобразованіемъ. Это бы значило возстановить, въ другой формѣ, коллегіи, со всею отличавшею ихъ медленностью. Практика постепенно привела императрицу къ совершенно-другой системѣ управленія.

Еще въ началѣ царствованія Екатерина чувствовала всѣ неудобства излишняго раздробленія дѣлъ въ высшей администраціи и необходимость ихъ сосредоточить. Это неудобство всего болѣе обнаруживалось въ финансовомъ управленіи, которое распадалось на двѣ части: камеръ, и штатсъ-коллегіи съ присоединеніемъ еще третьей, контрольной, въ вѣдѣніи ревизіонъ-коллегіи. Бюджетъ, который находился на отвѣтственности трехъ независимыхъ мѣстъ, естественно не отличался точностью. Вотъ почему еще въ 1763 году сдѣланъ былъ шагъ къ лучшему устройству контроля. Подобно Петру Великому, соединившему ревизіонъ-коллегію съ сенатомъ, Екатерина поручала ее въ вѣдѣніе одного изъ сенаторовъ погодно; но чрезъ это коллегія не была поставлена въ зависимость отъ сената: отчеты подавались самой императрицѣ, слѣдовательно управленіе было въ сущности личное. Съ 1773 года начинаютъ соединяться остальныя части финансоваго управленія. Пунктомъ, около котораго онѣ сосредоточились, была должность генералъ-прокурора. Сначала при первомъ департаментѣ сената учреждена экспедиція о государственныхъ доходахъ, на которую возложены собираніе недоимокъ и ускореніе казенныхъ взысканій. Какъ часть сенатской канцеляріи, экспедиція должна была зависѣть отъ генералъ-прокурора, хотя о ближайшихъ его отношеніяхъ къ ней мы ничего не знаемъ. Въ 1780 году дѣлается еще шагъ. Во главѣ все-

*) Архивъ истор. и практ. свѣдѣній, книга 3, стр. 32. Denkwürdigkeiten des Gr. v. Sievers, т. 4. стр. 259.

го финансоваго управленія становится генералъ-прокуроръ, съ значеніемъ временнаго министра, потому что въ послѣдствіи предполагалось учредить особую должность государственнаго казначея. Въ Москвѣ и Петербургѣ открываются штатныя казначейства, подчиненныя главному надзору экспедиціи и того, кто ею управляетъ. Въ тоже время сама экспедиція раздѣлилась на четыре, обнимавшія всѣ отрасли финансовъ. Одна изъ государственныхъ экспедицій завѣдывала доходами, другая расходами; третьей былъ порученъ контроль, четвертая имѣла исполнительный характеръ и завѣдывала взысканіемъ недоимокъ и недоборовъ. Первому департаменту оставалось разрѣшать сомнительные административные вопросы и издавать понудительные указы по требованію генералъ-прокурора. Экспедиціи вовсе не имѣли коллегіяльнаго характера; онѣ составляли канцелярію. Надзоръ надъ ними всего менѣе принадлежалъ сенату: отчеты подавались императрицѣ, а новыя мѣры предпринимались съ высочайшаго разрѣшенія. Такъ цѣлая, важная отрасль государственнаго управленія получила совершенно бюрократическое устройство. За нею слѣдовала другая, въ которой тотъ же результатъ былъ достигнутъ косвенно. „Учрежденіе о губерніяхъ" умножило въ областяхъ число прокуроровъ, и, при раздѣленіи разныхъ отраслей управленія, усилило ихъ вліяніе. Въ нихъ генералъ-прокуроръ получилъ орудія, чрезъ которыя онъ могъ дѣйствовать на всѣ губернскія мѣста, судебныя и административныя. Прокуроры обращались къ нему по поводу всякаго сомнѣнія въ способѣ рѣшенія дѣлъ, и его объяснительныя предписанія имѣли почти силу закона. Судебныя мѣста были вслѣдствіе этого въ большой зависимости отъ него, и постепенно онъ пріобрѣталъ положеніе настоящаго министра юстиціи. Въ дѣлахъ административныхъ, гдѣ вліяніе его встрѣчалось съ генералъ-губернаторами, которые нерѣдко обращались къ самой императрицѣ, власть его была слабѣе, но и здѣсь она уже проявлялась. И такъ въ однихъ его рукахъ соединялись три главныя отрасли управленія: онъ соединялъ на дѣлѣ званія министровъ юстиціи, внутреннихъ дѣлъ и финансовъ. Но это расширеніе генералъ-прокурорской дѣятельности не усиливало власти сената, напротивъ оно скорѣе роняло ее. Сенатъ не имѣлъ никакого надзора надъ генералъ-прокуроромъ, напротивъ, генералъ-прокуроръ смотрѣлъ за сенатомъ. Правда, въ прежнее время обѣ власти дѣйствовали иногда за одно, но такъ могло быть только до тѣхъ поръ, пока генералъ-прокуроръ не управлялъ и не могъ дѣйствовать иначе какъ черезъ сенатъ или верховную власть. Теперь отношенія были извращены: власть надзирающая стала управлять непосредственно. Съ этого времени между сенатомъ и генералъ-прокуроромъ начинается антагонизмъ, гораздо болѣе сильный, нежели впослѣдствіи съ министрами юстиціи. Сильное положеніе его власти составляло предметъ жалобъ уже при Екатеринѣ. Предложенія его, которыми объявлялись высочайшіе указы, нерѣдко заранѣе рѣшали самыя важныя административныя дѣла *). Державинъ справедливо говорилъ, что „злоупотребленіемъ законовъ генералъ-прокуроръ присвоилъ себѣ всю власть, такъ сказать, самодержавную" **).

Послѣ этихъ перемѣнъ, высшее управленіе представляло немного слѣдовъ коллегіяльнаго порядка. Оно находилось въ рукахъ слѣдующихъ лицъ: 1) президентовъ иностранной, военной и адмиралтействъ-коллегій, 2) ген.-прокурора и 3) ген.-почтъ-директора. Изъ этихъ лицъ только первые трое управляли на прежнемъ основаніи, хотя и здѣсь личныя сношенія ихъ съ верховною властью не могли не отзываться на внутреннемъ ходѣ коллегій. Остальные были настоящими министрами. Не говоримъ

*) Denkwürdigkeiten von Sievers, II, стр. 147 и слѣд.

**) «*Русская Бесѣда*» 1859, книга V, стр. 439.

уже о тѣхъ вѣдомствахъ, которыя находились подъ чьимъ либо личнымъ вліяніемъ не по закону, а на дѣлѣ. Личное управленіе уже существовало, но ему не доставало контроля и правильной организаціи. Между различными частями еще не довольно было единства. Такъ, хотя контроль былъ сосредоточенъ въ экспедиціи государственныхъ доходовъ, но при двухъ военныхъ коллегіяхъ и иностранной были особыя экспедиціи для ревизіи счетовъ. Комитетъ для погашенія внутреннихъ долговъ, учрежденный въ 1796 году, стоялъ также особо; при немъ находилась своя счетная экспедиція. Для нѣкоторыхъ частей вовсе не было центральныхъ учрежденій. Понятно, какое отсутствіе единства, какой недостатокъ общей мысли порождалъ этотъ порядокъ!

По вступленіи на престолъ императора Павла, первою его мыслію было воротиться къ прежнему управленію. Черезъ двѣ недѣли послѣ смерти Екатерины, вышелъ указъ, въ которомъ говорилось о „крайней неудобности въ раздробленіи важныхъ отдѣленій государственной экономіи.“ По этой причинѣ велѣно вновь открыть бергъ, мануфактуръ и комерцъ-коллегіи, совершенно на прежнемъ основаніи и съ отмѣною только тѣхъ статей, которыя противорѣчатъ дворянской грамотѣ и городовому положенію*). Коллегіи были открыты, но совсѣмъ не на прежнемъ основаніи. Надъ президентами и членами ихъ были поставлены главные директоры, которые, не участвуя въ засѣданіяхъ коллегій, сносились съ ними предложеніями и объявляли имъ высочайшія повелѣнія. Право личнаго доклада императору исключительно принадлежало главнымъ директорамъ, президенты имъ не пользовались. Эта мѣра принесла сначала хорошія послѣдствія. Сперанскій, который самъ помнилъ это управленіе, писалъ въ 1827 году: "Дѣйствіемъ и личнымъ довѣріемъ сихъ директоровъ дѣла ихъ получили сначала нѣкоторое движеніе; но вскорѣ потомъ, съ перемѣною лицъ, и сіе движеніе измѣнилось: дѣла ихъ приняли одно общее направленіе въ канцеляріи генералъ-прокурора, гдѣ и учреждены были особыя экспедиціи" *). Директоры однако не были отмѣнены: въ указахъ о нихъ упоминается до 1800 года; но сосредоточеніе всѣхъ внутреннихъ дѣлъ въ рукахъ генералъ-прокурора было пополнено новымъ центральнымъ учрежденіемъ. Это учрежденіе носило странное названіе: „экспедиціи государственнаго хозяйства, опекунства иностранныхъ и сельскаго домоводства“ Въ учрежденіи ея проглядываетъ мысль не только о сосредоточен и государственнаго хозяйства, но частію даже объ экономической регламентаціи. Экспедиціи было предписано, чтобъ она "между упражненіями своими не менѣе такъ занялась предлогомъ, касающимся до мѣстныхъ выгодъ каждой губерніи въ особенности, дабы, узнавъ различныя преимущества и способности ихъ, тѣмъ вѣрнѣе открывала она точный путь, по которому бы не только рукодѣлія, но даже и самыя произведенія природы искусствомъ и тщаніемъ удобнѣе могли-бы быть приводимы въ лучшее часъ отъ часу состояніе и совершенство». Какой контрастъ съ Екатериной, которая, уничтожая въ 1779 году мануфактуръ-коллегію, говорила, что „собтвенная каждаго польза есть лучшее и надежнѣйшее поощреніе“ **) Востановленныя три коллегіи были подчинены этой экспедиціи, мимо которой онѣ уже не имѣли сношенія съ верховной властью.

Между тѣмъ, какъ внутреннее управленіе болѣе прежняго сосредоточивалось въ рукахъ генералъ-прокурора, отъ него отходила вся финансовая часть. Тотчасъ по восшествіи Павла былъ назначенъ государственный казначей, которому подчинены не только четыре экспедиціи о доходахъ, но также и всѣ другія счетныя экспедиціи. Разбросанныя

*) П. С. З. № 17,567.

*) Архивъ, кн. 3-я

**) П. С. З. №№ 17, 869, и 14, 947.

части финансоваго управленія соединились и составили особое вѣдомство. Вскорѣ было устроено еще одно управленіе. Водяныя сообщенія, для которыхъ прежде не было особаго учрежденія, ввѣрены съ 1797 года экспедиціи или департаменту водяныхъ коммуникацій, въ вѣдѣніи главнаго директора. Почты остались на прежнемъ основаніи.

Наконецъ, Павелъ остановился на мысли о министерствахъ. Трудно сказать, въ чемъ именно состояла эта мысль, и чѣмъ новое управленіе должно было отличаться отъ стараго. Кажется, въ ней высказалось темное чувство того важнаго недостатка, который присоединился ко всѣмъ прежнимъ опытамъ,—недостатка самостоятельности въ положеніи директоровъ. Главные директоры были только посредниками между верховной властью и коллегіями; не было никакой власти, на которую была бы возложена не одна исполнительная роль, но также и забота объ улучшеніи ввѣренной ей части. Первое министерство возникло въ 1797 году. Это былъ департаментъ удѣловъ, основанный вмѣстѣ съ изданіемъ „учрежденія объ императорской фамиліи". Онъ былъ устроенъ совершенно бюрократически и управлялся министромъ съ четырьмя товарищами. Послѣдніе составляли присутствіе департамента и въ немъ рѣшали дѣла коллегіяльно, по большинству голосовъ; но въ отношеніи къ министру они составляли родъ канцеляріи, представлявшей на его разрѣшеніе всѣ свои недоумѣнія. Министръ не присутствовалъ въ департаментѣ. Рѣшенія присутствія приводились немедленно въ исполненіе только по маловажнымъ дѣламъ, а въ важныхъ случаяхъ подносились на утвержденіе министра, или, чрезъ него самаго императора *). Черезъ три года учреждается другое министерство, на основаніяхъ довольно непрактическихъ. Предполагалось соединить коллегіяльный порядокъ съ бюрократическимъ, и первому дать назначеніе, всего менѣе свойственное ему, то есть возложить на коллегію исполнительную роль, а министру предоставить направленіе и руководство администраціи. Эта мысль была приложена въ 1800 году, къ званію министра коммерціи, которое учреждено при сохраненіи коллегіи. Отношенія ихъ опредѣлены сбивчиво, но Державинъ, находившійся тогда во главѣ коммерцъ-коллегіи, утверждаетъ, что государь „хотѣлъ президента... по исполнительной части уважить, а министра учредить для изобрѣтенія лучшихъ средствъ къ распространенію оной" *). Въ самомъ дѣлѣ, въ инструкціи, которая тогда же была составлена для новаго министра, видно стремленіе сохранить самостоятельность коллегіи. Министру не дано право перемѣнять ея опредѣленій, но когда онъ находилъ ихъ несообразными государственнымъ постановленіямъ или обстоятельствамъ, то могъ представлять на обсужденіе членовъ свои замѣчанія; если они не были приняты, то дѣло докладывалось императору. Между тѣмъ коллегія была подчинена министру: она подавала ему меморіи о дѣлахъ, не имѣла сама докладовъ, получала чрезъ него высочайшія повелѣнія и не сносилась съ другими мѣстами иначе, какъ чрезъ его посредство. Все это значило стѣснить разомъ и быстроту исполненія, и свободу разсужденія. Внутреннее устройство коллегіи напоминало нѣсколько позднѣйшіе министерскіе совѣты: она раздѣлялась на четыре экспедиціи, въ которыхъ, кромѣ чиновниковъ, присутствовали спеціялисты изъ купцовъ и мануфактуристовъ **). Подъ конецъ царствованія, надъ управленіемъ государственнаго казначея должно было возникнуть министерство финансовъ, съ такимъ же неопредѣленнымъ характеромъ. Любопытна причина, почему оно не состоялось. Державинъ, котораго хотѣли сдѣлать министромъ, затруднился своими отношеніями къ казначею и уговорилъ государя, безъ всякихъ нововведеній, смѣнить просто графа Васильева и по-

*) П. С. З. № 17,906

*) Записки Державина, стр. 410—411.

**) П. С. З. № 19,554.

садить себя на его мѣсто. У знаменитаго поэта былъ въ запасѣ удивительный аргументъ противъ новой мѣры. Державинъ находилъ сильное возраженіе въ томъ, что „финансъ-министровъ съ самаго начала политическаго образованія Россіи никогда не бывало", и что для министра еще не успѣли составить инструкціи. По собственнымъ его словамъ, ему не хотѣлось быть „изобрѣтателемъ и распредѣлителемъ государственныхъ доходовъ„ и болѣе нравилось скромное положеніе „счетчика оныхъ" *). Эта-то серьозная причина и помѣшала возникнуть министерству финансовъ.

Главнымъ недостаткомъ новаго управленія, постепенно сложившагося при Екатеринѣ и Павлѣ, было полное отсутствіе единства и правильнаго контроля надъ нимъ. Сильная, личная дѣятельность Екатерины долго скрывала этотъ недостатокъ, но когда безпрерывная ея работа прекратилась, онъ не замедлилъ обнаружиться во всей своей силѣ. Замѣчательный примѣръ полной несостоятельности сенатскаго надзора представляетъ исторія ревизіонъ-коллегіи, столько разъ подвергавшейся перемѣнамъ. Уничтоженная еще въ 1788 году, она сохранила одинъ департаментъ для обревизованія старыхъ счетовъ. Этому занятію она предавалась цѣлые девять лѣтъ, безъ всякаго результата. Въ 1797 году, департаменту, „по примѣру успѣха его въ дѣлахъ въ теченіи прошедшихъ лѣтъ", назначенъ былъ крайній годовой срокъ, съ тѣмъ, чтобы въ это время непремѣнно были сданы всѣ счеты. Вслѣдствіе этого строгаго указа департаментъ занялся отсылкой въ разныя мѣста ревизованныхъ книгъ и сдачею счетовъ въ архивъ. На это было употреблено двѣнадцать лѣтъ. Наконецъ, въ 1809 году, сенату было велѣно объявить департаменту двухгодичный срокъ для сдачи готовыхъ дѣлъ и описи остальныхъ; но этотъ срокъ назначался только *на первый случай;* послѣ этого государственному архиву предоставлялось еще сообразить, сколько времени потребуется для пріема старыхъ дѣлъ. Надъ министрами и главными директорами не только не было никакого надзора, но даже такого учрежденія, которое бы соглашало ихъ планы и наблюдало за единствомъ направленія. Отъ сената они почти вовсе не зависѣли, а государственный совѣтъ едва существовалъ по имени. Столкновенія различныхъ вѣдомствъ иногда кончались довольно странно. Въ 1800 году былъ поднятъ вопросъ о внутреннемъ судоходствѣ, которое находилось въ большомъ упадкѣ. По важности дѣла, оно не было поручено одному министру коммерціи и президенту адмиралтействъ-коллегіи. Сочтено было за нужное отдать его на судъ общаго собранія, составленнаго изъ купечества, коммерцъ-коллегіи и адмирала графа Кушелева. Каждая сторона подала особое мнѣніе: коллегія одно, купечество другое, а адмиралъ третье. Вопросы подобнаго рода давно уже не переходили въ сенатъ. Всѣ три мнѣнія были поэтому доложены самому императору и, среди его многочисленныхъ занятій, всѣ получили утвержденіе. Въ этомъ видѣ указъ былъ напечатанъ и вошелъ въ „Полное собраніе законовъ" *).

Въ такомъ положеніи находилось высшее управленіе въ началѣ нынѣшняго вѣка! Одинъ изъ первыхъ сподвижниковъ императора Александра, справедливо писалъ ему: „Можно сказать, къ сожалѣнію, что Россія никогда прямо устроена не была, хотя еще съ царствованія Петра Великаго о семъ весьма помышляемо было" **).

Съ перемѣною правительства эти „помышленія" возобновились; но въ нихъ было мало опредѣленнаго. Личные совѣтники Александра, „тріумвиратъ" и его друзья, не имѣли обдуманной программы. У людей, окружавшихъ Екатерину въ послѣдніе годы ея жизни и те-

*) Записки Державина, стр. 415.

*) Записки Державина, стр. 443. П. С. З. № 19,624.

**) Чтенія въ обществѣ исторіи и древностей россійскихъ, 1859, т. I, V, стр. 91.

перь снова призванныхъ дѣйствовать, былъ взглядъ болѣе установленный, но за то они не шли далѣе частныхъ мѣръ. Направленіе ихъ заключалось всего болѣе въ неодобреніи тѣхъ перемѣнъ, которыя съ такою быстротой происходили въ царствованіе Павла. У нихъ было однако важное преимущество: они ближе знали администрацію и, при ограниченности требованій, планы ихъ созрѣвали быстрѣе. Одинъ изъ такихъ проэктовъ былъ представленъ Александру и утвержденъ имъ черезъ двѣ недѣли по восшествіи. Онъ принадлежалъ Трощинскому, бывшему секретарю Екатерины, и состоялъ въ преобразованіи государственнаго совѣта на новыхъ началахъ. Трощинскій, который не зналъ ничего, кромѣ русской грамоты, придавалъ своей реформѣ большое значеніе; но, разсматривая ее, трудно понять, чѣмъ новый совѣтъ отличался отъ того, который игралъ такую жалкую роль при Екатеринѣ. Перемѣна ограничивалась измѣненіемъ личнаго состава и такимъ устройствомъ канцеляріи, которое должно было выдвинуть самого Трощинскаго. Членами совѣта сдѣланы всѣ министры, главные директоры и начальники отдѣльныхъ вѣдомствъ, вмѣстѣ съ нѣсколькими другими лицами. Въ числѣ послѣднихъ находился самъ Трощинскій, который, сверхъ того, управлялъ канцеляріей. Канцелярія раздѣлялась на четыре экспедиціи, для внѣшнихъ сношеній или политическихъ дѣлъ, для дѣлъ военныхъ, хозяйственныхъ и судебныхъ, каждая подъ начальствомъ статсъ-секретаря, съ небольшимъ числомъ чиновниковъ.

Такая незначительная реформа не могла удовлетворить передовыхъ людей того времени. Они инстинктивно чувствовали, что передѣлки въ сферѣ высшей бюрократіи не создадутъ однѣ прочнаго государственнаго порядка; имъ хотѣлось учрежденій, менѣе подверженныхъ произволу, разсчитанныхъ на поддержаніи закона и обезпеченіи правъ всѣхъ и каждаго. Эта мысль была прямо высказана человѣкомъ, который находился въ близкихъ отношеніяхъ къ „тріумвирату“ и пользовался большимъ вліяніемъ на правительство. Въ запискѣ о преобразованіяхъ, поданной Александру графомъ Воронцовымъ (впослѣдствіи государственнымъ канцлеромъ), ожиданія прогрессивной партіи были выражены такимъ образомъ: „Толь пространное государство, говорилось въ ней, не можетъ въ цѣлости остаться, и жители пользоваться спокойствіемъ и личною безопасностью подъ царствованіемъ государя съ большою властью и способами“ *). Средства, которыми предполагалось достигнуть цѣли, не представлялись реформаторамъ такъ ясно, и мысль ихъ сначала остановилась на сенатѣ.

Въ ноябрѣ 1801 года, вслѣдствіе однаго частнаго дѣла, вызвавшаго разногласія и жалобы на генералъ-прокурора, сенату было велѣно разсмотрѣть законы о собственныхъ правахъ, и подать мнѣніе государю. Этотъ указъ возбудилъ жаркія пренія между сенаторами. Старыя притязанія воскресли и нашли опору къ любимой мечтѣ молодаго поколѣнія. Раздались жалобы на прежнее время; въ классической цитатѣ знаменитыхъ словъ Тацита: „говорить было опасно, а молчать бѣдственно“ дѣлались намеки на недавнее прошедшее; старое учрежденіе Петра хотѣли обратить въ преграду для личнаго произвола. „Не положенія, сдѣланныя Петромъ Великимъ, писалъ графъ Воронцовъ, слѣдовало отмѣнять, а поправить только то, что̀ отъ времени, такъ какъ и всѣ установленія человѣческія, въ упадокъ приходить стало“ **). Подъ этимъ предлогомъ, сенату предполагалось предоставить полное распоряженіе бюджетомъ, право смертной казни безъ конфирмаціи государя и т. д. Пренія были шумныя и страстныя, и сенатъ подалъ какое-то мнѣніе, до сихъ поръ еще остающееся въ тайнѣ. Кажется, однако, все это не повело ни къ

*) Чтенія, 1859, т. I, V, стр. 96.
**) Тамъ же, стр. 92.

какому результату, но среди этихъ преній въ первый разъ было упомянуто о такомъ учрежденіи, которому суждено было не только упрочиться, но имѣть важное вліяніе на все будущее Россіи. По странному стеченію обстоятельствъ, первое слово о министерствахъ было сказано человѣкомъ, который потомъ смотрѣлъ на нихъ очень неблагосклонно. Притязанія сенаторовъ оскорбляли Державина, твердо хранившаго преданія старины. Но Державинъ принадлежалъ къ числу тѣхъ людей стараго покроя, которые поклонялись Екатеринѣ, совершенно не понимая ни ея генія, ни значенія ея эпохи. Вотъ почему, съ горячностью напоминая государю обѣщаніе его „царствовать по законамъ и сердцу Екатерины" и вызвавшись подать особое мнѣніе о преобразованіи сената, онъ сочинилъ такую „организацію", которую едва ли бы приняла сама Екатерина. Эта „организація" чрезвычайно любопытна, какъ доказательство совершеннаго отсутствія политическаго смысла и полнаго пренебреженія къ недавнимъ опытамъ. Обязанный одному себѣ своимъ полу-образованіемъ, Державинъ не сталъ далеко искать основаній для реформы. Всѣ свои юридическія познанія онъ привыкъ черпать изъ „Учрежденія о губерніяхъ". Вотъ почему онъ началъ съ того, что раздѣлилъ обязанности правленія на четыре власти: законодательную, судную, исполнительную и оберегательную, соединяя ихъ, по его выраженію, „яко въ центрѣ, въ единственной волѣ монарха". Въ чемъ же состояло это соединеніе? Проектъ начинался съ очень практическаго раздѣленія сената на двѣ части: правительствующую и судную, но это была единственная, практическая сторона его. Все остальное представляло самое странное смѣшеніе. Каждая часть сената подраздѣлялась на три отдѣла. Въ правительствующемъ сенатѣ были слѣдующіе: первый департаментъ, или имперское правленіе, вѣдалъ исполнительныя дѣла, соотвѣтствуя губернскимъ правленіямъ; второй назывался хозяйственнымъ и въ своемъ огромномъ вѣдомствѣ соединялъ дѣла государственнаго казначея, бергъ, мануфактуръ и коммерцъ-коллегій, управленія банковъ и т. д.; третій департаментъ — просвѣщенія и народнаго призрѣнія, имѣлъ въ вѣдѣніи дѣла, которыя по губерніямъ управлялись приказами общественнаго призрѣнія. Эта модификація екатерининскаго проекта увѣнчивалась оригинальнымъ изобрѣтеніемъ. Каждый изъ департаментовъ состоялъ подъ надзоромъ особаго министра; но министры были „опекуны только и надзиратели за успѣшнымъ теченіемъ дѣлъ и понудители оныхъ, имѣющіе власть предлагать только своему департаменту и, по утвержденіи его, входить съ докладомъ къ императорскому величеству, и ничего сами собою вновь постановляющаго не дѣлать, ни наказывать, ни награждать". Сверхъ опекуновъ-министровъ, надъ сенатомъ былъ еще цѣлый, особый департаментъ опекуновъ, составленный изъ всѣхъ оберъ-прокуроровъ и прокуроровъ, подъ предсѣдательствомъ генералъ-прокурора. Оберъ-прокуроры могли протестовать на министровъ къ генералъ-прокурору, который переносилъ дѣло въ общее собраніе сената, гдѣ департаментское рѣшеніе могло быть отмѣнено „указомъ императорскаго величества" *). Это значило, другими словами, соединить всѣ невыгоды личнаго управленія со всѣми невыгодами коллегіяльнаго: отсутствіе надзора съ медленностью распоряженій. Эта путаница возбудила общее сочувствіе. Державинъ очень гордился своей „организаціей", и не безъ права: она доставила ему александровскую ленту и, что еще лучше, одобреніе людей, не раздѣлявшихъ его образа мыслей, въ томъ числѣ графовъ Воронцова и Завадовскаго.

Но ни лента, ни сочувствіе не помогли „организаціи". Вмѣсто ея, 8-го сентября 1802 г., вышелъ указъ о ми-

*) Записки Державина, стр. 441 — 443.

нистерствахъ, обдуманный государемъ и его ближайшими совѣтниками въ такой глубокой тайнѣ, что многія важныя лица узнали о немъ только наканунѣ изданія. Этотъ указъ произвелъ сильное впечатлѣніе, по крайней мѣрѣ, въ рядахъ высшей администраціи. Самыя разнородныя обвиненія посыпались на нововводителей. Въ новомъ учрежденіи видѣли разомъ и стѣсненіе сената, и опасность министерскаго произвола, и въ тоже время какое-то ограниченіе самодержавія. Это впечатлѣніе вполнѣ объясняется новостью языка и либеральными идеями, которыя открыто высказывались правительствомъ; внутреннее содержаніе новой мѣры оправдывало его гораздо менѣе.

Манифестъ начинался признаніемъ, что до сихъ поръ управленіе имѣло болѣе возможности пресѣкать открывшееся зло, нежели предупреждать его; у правительства не доставало „спасительныхъ средствъ“ для открытія нуждъ народа, для утвержденія необходимаго во всемъ порядка и развитія народныхъ силъ. Такими-то „спасительными средствами“ должны были отнынѣ сдѣлаться министерства. Ихъ учреждалось восемь: 1) военныхъ сухопутныхъ и 2) морскихъ силъ, 3) иностранныхъ дѣлъ, 4) юстиціи, 5) внутреннихъ дѣлъ, 6) финансовъ, 7) коммерціи и 8) народнаго просвѣщенія. Сверхъ того сохранено особое вѣдомство государственнаго казначея. Для лучшаго наблюденія за администраціей установлены еженедѣльные доклады министровъ императору. Новые указы должны были выходить не иначе, какъ контрасигнированные министрами. Если дѣло идетъ о новой мѣрѣ, то министръ, прежде поднесенія доклада, долженъ предложить его другимъ министрамъ „для надлежащаго соображенія со всѣми государственными частями“. Всѣ министры сдѣланы членами совѣта и присутствуютъ въ сенатѣ. „Совѣтъ не иначе приступаетъ къ разсмотрѣнію дѣлъ, какъ въ присутствіи по меньшей мѣрѣ пяти министровъ, въ числѣ которыхъ долженъ находиться и министръ, по части котораго дѣло будетъ трактовано. Дѣла обыкновенныя трактуются въ комитетѣ, составленномъ единственно изъ нихъ; для другихъ же, особенную важность въ себѣ содержащихъ, прочіе члены совѣта будутъ собираться одинъ разъ въ недѣлю“. Надзоръ за министрами былъ ввѣренъ сенату. Каждый министръ ежегодно представлялъ ему письменный отчетъ въ своемъ управленіи, „исключая дѣла особенной тайнѣ подлежащія“. Здѣсь требовались подробныя указанія объ употребленіи денегъ, отпущенныхъ на содержаніе разныхъ частей управленія; объ успѣхѣ, сдѣланномъ каждою частью, ея положеніи и ожиданіяхъ министерства. Разсмотрѣніе каждаго отчета происходило въ присутствіи министра; сенатъ выслушивалъ его объясненія, сравнивалъ показанія его съ рапортами, которые самъ получалъ въ теченіи года изъ разныхъ мѣстъ, и, наконецъ, имѣлъ право разсматривать утвержденные государемъ доклады министра и высочайшіе указы, изданные на основаніи ихъ. Повѣренный и обсужденный такимъ образомъ отчетъ поступалъ къ государю, вмѣстѣ съ мнѣніемъ сената объ управленіи министра и состояніи ввѣренной ему части.

Все это было ново. До сихъ поръ не существовало никакихъ правилъ для надзора. Генералъ-прокуроръ слѣдилъ за одними злоупотребленіями администраціи; направленія ея мѣръ до него не касались. Теперь предполагалось обсуждать самую пользу сдѣланныхъ распоряженій. Но внутреннее устройство министерствъ не имѣло въ себѣ ничего новаго. Оно почти не отличалось отъ „главныхъ дирекцій“ и павловскаго министерства коммерціи. Различныя части управленія были, правда, сгруппированы болѣе прежняго, и близкія по своему характеру поставлены въ общую зависимость отъ одного министра. Бергъ и камморъ-коллегіи, горное правленіе, стоявшія отдѣльно, соединились въ министерствѣ финансовъ, вмѣстѣ съ бан-

ками, лѣснымъ департаментомъ и управленіемъ казенныхъ палатъ. Такое же сліяніе произошло въ вѣдомствѣ министерства внутреннихъ дѣлъ. Сюда вошли: хозяйственная экспедиція, соляная контора, мануфактуръ-коллегія, почты и губернскія правленія, прежде зависѣвшія отъ одного сената. Но бо̀льшее сосредоточеніе дѣлъ не измѣнило порядка управленія. Каждое учрежденіе сохранило, подъ надзоромъ министра, всю свою отдѣльность, а коллегіи остались даже съ прежнимъ способомъ дѣлопроизводства и самостоятельными положеніями. Каждое мѣсто было обязано посылать своему министру еженедѣльныя меморіи о дѣлахъ и дѣлать особыя представленія о тѣхъ изъ нихъ, которыя были затруднительны, или требовали скораго рѣшенія. Министръ, если находилъ нужнымъ, дѣлалъ свои замѣчанія, а на представленія давалъ рѣшительные отвѣты, тѣ и другія въ формѣ предложеній. Подчиненныя мѣста, въ случаѣ несогласія съ замѣчаніями министра на ихъ меморіи, могли представлять ему свои разсужденія; только по вторичному его предложенію они обязаны были къ исполненію. Такимъ образомъ министры въ сущности немногимъ управляли непосредственно. Министерства раздѣлялись на экспедиціи, но эти экспедиціи были только посредниками между ними и самостоятельными мѣстами *).

Неудобства новаго порядка обнаружились немедленно. Державинъ, имѣвшій обыкновеніе на все просить инструкцій и даже иногда страдавшій за это, потребовалъ ихъ и теперь. На этотъ разъ онъ былъ правъ. Положеніе „юстицъ-министра", какъ поэтъ называлъ свое новое званіе, было въ особенности неопредѣленно. Ему велѣно было руководствоваться законами о должности генералъ-прокурора; но достаточно самаго бѣглаго взгляда на управленіе, чтобы понять всю непримѣнимость ихъ къ министерствамъ. Генералъ-прокуроръ надзиралъ, по указамъ Петра, за всѣмъ управленіемъ и могъ, слѣдовательно, вмѣшиваться во всѣ его части; между тѣмъ теперь онъ самъ получалъ особое вѣдомство и стоялъ не выше другихъ министровъ, а наряду съ ними. Но этотъ частный недостатокъ ничего не значилъ въ сравненіи съ другимъ, гораздо болѣе серьезнымъ. Отвѣтственность, которая съ такой заботливостью всюду проводилась въ манифестѣ, на дѣлѣ оказалась не существующей. Сенатъ, о которомъ толковали такъ много, изъ котораго хотѣли сдѣлать верховнаго охранителя гражданъ, не только не могъ бдительно смотрѣть за министрами, но даже не умѣлъ повѣрить ни одного отчета! Въ сенатѣ не было ни сенаторовъ, ни дѣлопроизводителей, знающихъ въ подробности государственное управленіе, особенно же спеціяльныя его части; некому было указывать ошибки министровъ, и отчеты превратились въ пустую формальность. Первая коммиссія, назначенная для повѣрки ихъ сенатомъ, цѣлый годъ не могла кончить своей работы, не смотря на приставленныхъ къ ней оберъ-секретарей *). Уже въ 1803 году мысль о сенатскомъ контролѣ была почти оставлена: сенатъ былъ лишенъ важнаго права дѣлать замѣчанія на указы. Не лучшимъ органомъ надзора явился и государственный совѣтъ, учрежденный такъ недавно и уже успѣвшій склониться къ упадку. Совѣтъ не только не повѣрялъ министерскихъ проектовъ, не приводилъ ихъ въ единство, но мало по малу совершенно пересталъ заниматься административными дѣлами и обратился въ высшую судебную инстанцію для тяжебныхъ дѣлъ. Одинъ комитетъ министровъ продолжалъ дѣйствовать, обремененный всѣми дѣлами, которыя постепенно ускользали изъ другихъ рукъ.

Отношенія министерствъ къ остаткамъ прежняго управленія представляли такую неопредѣленность, которой трудно было долго укрыться. Въ одной позднѣйшей запискѣ, составленной Сперан-

*) П. С. З. № 20, 406

*) Записки Державина, стр. 456, 467.

скимъ, онъ мѣтко характеризуетъ ихъ. „Какое мѣсто, говоритъ онъ, въ порядкѣ государственныхъ установленій, должны были занять министерства? Съ одной стороны, они равнялись сенату, ибо независимо отъ него управляли и получали высочайшія разрѣшенія. Съ другой, они были подчинены сенату и по отчетамъ, и потому, что стояли на той же чредѣ, гдѣ были прежнія коллегіи, и потому что сенатъ, „яко учрежденіе правительствующее,“ оставленъ былъ въ своей силѣ. Если же они были равны сенату, то они, или первый департаментъ сената, были излишни: ибо и въ нихъ, и въ семъ департаментѣ дѣла были однородныя. Если они были подчинены сенату, то отъ него, или чрезъ него должны были получать окончательныя разрѣшенія“ *). Въ самомъ дѣлѣ, ничего не могло быть страннѣе отношеній этихъ двухъ первыхъ государственныхъ учрежденій: сенатъ, наблюдавшій за министрами, не могъ, по прежнимъ законамъ, разрѣшить расхода свыше десяти тысячъ рублей, между тѣмъ, какъ подчиненные ему министры располагали несмѣтными суммами.

Естественно, что ранѣе всего вниманіе правительства обратилось на самый очевидный недостатокъ, на сохраненіе коллегій. Въ 1803 году министръ внутреннихъ дѣлъ представилъ государю подробный докладъ, въ которомъ мѣстами мы узнаемъ уже изящное перо Сперанскаго. Объяснивъ историческое значеніе коллегій, ихъ зависимость отъ министра и неудобство ихъ „многотрудныхъ обрядовъ„, онъ дѣлаетъ общій выводъ: „Сверхъ того, что обрядъ коллегій съ настоящимъ положеніемъ ихъ несообразенъ, онъ представляетъ въ самомъ себѣ слѣдующія неудобства: a) медленность въ дѣлахъ управленія, толико нестерпимая, составляетъ, такъ сказать, существо коллежскаго обряда; b) недостатокъ раздѣленія работы и постепеннаго ея совершенія; c) множество формъ совершено излишнихъ и образъ письмоводства весьма затруднительный; d) недостатокъ отвѣтственности„.

— „Неудобства сіи умножаются, когда составъ коллегіи разсматривается въ отношеніи его къ министерству. Министръ, дѣйствуя въ коллегіи какъ главный директоръ, не можетъ иначе управлять ею какъ только внѣшнимъ образомъ, то есть: онъ долженъ получать отъ нея меморіи о дѣлахъ текущихъ, разматривать ея представленія, дѣлать на нихъ предложенія, составлять доклады, предписывать по нимъ исполненіе: — сколько излишней и ничего въ себѣ существеннаго не заключающей переписки! Онъ долженъ имѣть для каждой коллегіи свою канцелярію и свой архивъ, и все сіе только для того, чтобъ сказать ей свою резолюцію или объявить указъ! Сіе вводитъ министра въ безполезныя подробности, развлекаетъ вниманіе, отнимаетъ время и средства обозрѣвать ихъ въ совокупности„.

Затѣмъ въ докладѣ обозначались условія правильной администраціи. Всѣ эти соображенія завершались гласнымъ признаніемъ того начала, которое уже давно косвенно проглядывало въ мѣрахъ XVIII вѣка. Для того, чтобъ „единствомъ управленія доставить болѣе удобности“, непремѣннымъ условіемъ выставлялось бюрократическое устройство. Эта мысль высказана ясно. „Никакъ не должно, говорится въ докладѣ, употреблять къ такому дѣлу два лица, которое можетъ кончить одно съ равнымъ успѣхомъ; ибо всякое дѣствіе излишнее есть по тому самому дѣйствіе вредное“ *). Въ этомъ смыслѣ было немедленно преобразовано министерство внутреннихъ дѣлъ: коллегіяльныя формы исчезли въ немъ совершенно, и всѣ самостоятельныя части слились съ департаментомъ, подъ названіемъ экспедицій. На такомъ же основаніи черезъ два года были сдѣланы частныя перемѣны въ устройствѣ морскаго вѣдомства. Другія, менѣе важныя измѣненія понемногу начались почти во всѣхъ министерствахъ.

*) Архивъ, 1859 г книга 3, стран. 43.

*) П. С. З. №. 20, 852

Такъ постепенно, неотразимой силой обстоятельствъ, либеральныя стремленія нововодителей привели къ полному господству бюрократическаго порядка. Этому порядку не доставало самыхъ существенныхъ условій правильнаго управленія: согласнаго дѣйствія частей и какой нибудь отвѣтственности лицъ, которымъ ввѣрялась судьба государства. Сперанскій понималъ это ясно. Когда онъ сталъ у кормила правленія, ему предстояла трудная задача довершить великое дѣло Екатерины организаціей высшаго управленія, до котораго государственная мысль ея не успѣла коснуться.

III

Государственная жизнь народовъ, не смотря на разнообразіе внѣшнихъ формъ, управляется, въ своемъ развитіи, опредѣленными началами. Эти начала являются въ ней не случайно: они вытекаютъ изъ законовъ самаго общества. Только для поверхностнаго наблюдателя смѣна политическихъ формъ представляется дѣломъ произвола; болѣе внимательному взору открывается ихъ внутренняя связь, основанная на постепенности развитія. Народъ неразвитый, съ простыми, небольшими потребностями, не имѣетъ нужды въ сложной общественной власти. Управленіе, судъ, законодательство могутъ у него безпрепятственно соединяться въ рукахъ одного лица или народной толпы. Не требуя особаго приготовленія, они, если не слѣдуютъ неуклонно обычаю, то предоставляются личному таланту. Но когда общество развивается, первоначальная простота государственныхъ учрежденій исчезаетъ сама собою. Отношенія усложняются, и съ ними умножаются и органы власти. Раздѣленіе труда, основный законъ экономической дѣятельности, прилагается и къ государственной. Затѣмъ появляется другая потребность — въ спеціяльномъ знакомствѣ съ усложнившимися сторонами общественнаго порядка. Управленіе перестаетъ быть дѣломъ преданія или таланта; оно спеціялизируется; для его представителей настаетъ необходимость въ особой подготовкѣ, — путемъ опыта или науки. Такимъ образомъ устанавливаются границы между тремя главными сторонами общественной жизни, сообразно которымъ въ самой государственной власти различаются три вида: власть законодательная, судебная и исполнительная. Во всякомъ развитомъ государствѣ, съ какою бы то ни было формою правленія, принципъ раздѣленія властей всегда признается болѣе или менѣе. Верховная власть, принадлежащая одному или многимъ лицамъ, дробится въ своемъ проявленіи, и для каждаго рода дѣятельности нуждается въ особыхъ органахъ; только подъ этимъ условіемъ она можетъ дѣйствовать успѣшно и правильно. Гдѣ одно и тоже учрежденіе даетъ законы и исполняетъ ихъ, тамъ законодательство большею частію шатко и непостоянно: не существуетъ различія между закономъ, которымъ охраняются самыя дорогія права гражданъ, и полицейскою мѣрой, измѣнчивой по своей сущности. Гдѣ судебная власть не отличается отъ административной, тамъ господствуетъ произволъ въ сферѣ частныхъ интересовъ, нѣтъ гарантій для правосудія, и права отдѣльныхъ лицъ исчезаютъ передъ волей государства и его органовъ. Соединеніе властей — первый шагъ къ деспотизму, раздѣленіе ихъ — первое условіе свободы.

Но, чтобы стать вѣрнымъ залогомъ общаго блага, раздѣленіе властей не должно оставаться внѣшнимъ. Если для каждой изъ нихъ есть даже особые органы, но всѣ они дѣйствуютъ одинаково, то отъ раздѣленія ихъ будетъ не много пользы; иногда даже польза совершенно исчезнетъ передъ невыгодой сложнаго управленія, которое дорого обходится обществу. Примѣры такой неудачной организаціи мы видимъ въ исторіи многихъ государствъ. Стоитъ только вспомнить, какъ долго не удавались у насъ попытки отдѣлить судъ отъ управленія.

Русское общество XVIII вѣка не даромъ жаловалось на множество „управителей“. Въ самомъ дѣлѣ, какую пользу могли принести отдѣльные судьи, если судиться у нихъ было все равно, что у какого-нибудь воеводы? Итакъ для хорошо устроенной власти законъ долженъ указать не одни ея предѣлы, но и особенный, ей свойственный способъ дѣйствія. Судья, напримѣръ, не долженъ быть всемогущъ, какъ законодатель, и долженъ дѣйствовать иначе, чѣмъ администраторъ. Отсюда необходимость особеннаго внутренняго устройства для каждаго вида власти. Составъ государственныхъ учрежденій долженъ облегчать имъ возложенную на нихъ дѣятельность и служить ручательствомъ, что они не будутъ уклоняться отъ своего призванія.

Общія начала этой организаціи естественно вытекаютъ изъ характера той дѣятельности, къ которой призваны различныя учрежденія. Для каждаго изъ нихъ существуютъ условія, облегчающія или затрудняющія ихъ задачу. Опредѣлить ихъ въ главныхъ чертахъ не трудно. Такъ, законодательная дѣятельность, призванная направлять всю политическую жизнь народа, прежде всего требуетъ возможно полнаго разсмотрѣнія каждаго вопроса. Она затрогиваетъ множество разнородныхъ интересовъ, ошибки ея открыть не всегда легко, а поправить всегда трудно. Законъ только тогда хорошъ и безпристрастенъ, когда обдуманъ зрѣло, обсужденъ съ разныхъ точекъ зрѣнія и соображенъ съ другими законами. Такая обширная задача не подъ силу одному лицу, даже и геніяльному. Великій человѣкъ можетъ лучше всѣхъ сознавать цѣли, но средства достиженія ему необходимо обсудить со многими. Поэтому, въ той, или другой формѣ, совѣщаніе есть первое условіе законодательной дѣятельности. Мы находимъ его дѣйствительно у всѣхъ народовъ, на самой зарѣ ихъ политической жизни, и только у племенъ, обреченныхъ деспотизмомъ на вѣчную неразвитость, законъ можетъ быть дѣломъ одной личной иниціятивы. Точно также, хотя по другимъ причинамъ, единоличная власть вредна и въ сферѣ судебной дѣятельности. Назначеніе суда—ограждать частные интересы гражданъ, его основаніе — справедливость. Судебный приговоръ подводитъ подъ общую мѣрку закона частный случай, во всемъ разнообразномъ его проявленіи. Чтобъ быть справедливымъ, приговоръ долженъ уловить всѣ особенныя черты этого случая и понять отношеніе ихъ къ закону. Для этого необходимо внимательное разсмотрѣніе всѣхъ подробностей, необходима повѣрка. Сверхъ того судъ долженъ происходить безпристрастно, внѣ постороннихъ вліяній, какъ бы источникъ ихъ ни былъ, самъ по себѣ, чистъ и благороденъ. Судья не долженъ ни слѣпо подчиняться высшей власти, ни отражать въ себѣ страстныхъ увлеченій общества. На этихъ-то требованіяхъ основывается судъ въ тѣхъ счастливыхъ странахъ, гдѣ онъ почитается лучшею защитою гражданъ. Онъ не ввѣряется безраздѣльно единичнымъ лицамъ, справедливость его ограждается гласностью, судомъ присяжныхъ, коллегіяльнымъ составомъ трибуналовъ; а независимость—великимъ началомъ безсмѣнности судей, которые могутъ быть удалены только за преступленіе. Таковы общія основанія, на которыхъ держатся власти законодательная и судебная. Какъ бы ни было различно ихъ приложеніе, опытъ доказалъ, что они не могутъ быть нарушены безъ положительнаго вреда. Нечего говорить о послѣдствіяхъ законодательнаго произвола. Турція, которая долго не знала другаго источника закона, кромѣ воли султана, и другаго способа обсужденія, кромѣ личныхъ соображеній, пришла наконецъ къ печальной необходимости дѣлить законодательную власть съ иностранными державами. Точно также и основы судебной власти не извращаются безнаказанно. Всякая мѣра, которая ставитъ судей въ зависимость отъ чего бы то ни было, кромѣ закона, искажаетъ ихъ характеръ. Такъ выборное начало, создающее однако лучшій родъ

зависимости (отъ общественнаго мнѣнія) здѣсь не всегда приложимо. Когда, въ наше время, въ нѣкоторыхъ штатахъ сѣверной Америки безсмѣнные судьи были замѣнены выборными и срочными, то судъ сдѣлался игрушкой уличныхъ страстей, и самая жизнь гражданъ стала подвергаться опасности. Народное происхожденіе суда обратилось во вредъ для самаго народа.

Исполнительная или административная власть стоитъ между законодательной и судебной. Не имѣя общаго направленія первой, она не вполнѣ раздѣляетъ и обособляющій характеръ послѣдней. Не издавая законовъ, она однако не ограничивается однимъ примѣненіемъ ихъ. На ней сверхъ того лежитъ нерѣдко обязанность изыскать средства исполненія: отсюда право издавать предписанія или регламенты, въ предѣлахъ, указанныхъ закономъ. Отъ суда она отличается уже тѣмъ, что не караетъ зло, но предупреждаетъ или пресѣкаетъ его. Судъ всегда имѣетъ дѣло съ лицемъ; администрація относится къ лицамъ, какъ къ частямъ цѣлаго, какъ къ членамъ общества. Судъ отправляется отъ одной идеи правды; для него нѣтъ другихъ соображеній. Отъ администраціи требуется, чтобъ, не нарушая права, она имѣла въ виду и пользу. Частный интересъ стоитъ для нея на второмъ планѣ, въ строгомъ подчиненіи общему.

Этими цѣлями администраціи объясняются ея особенныя условія. Она не можетъ быть связана, въ каждомъ своемъ дѣйствіи, ни стѣснительными формами суда, ни даже слишкомъ частымъ совѣщаніемъ ея собственныхъ представителей. Быстрота дѣйствій, возможность рѣшаться въ минуту—первая необходимость для власти, которая можетъ находиться, лицемъ къ лицу, съ общественнымъ вредомъ, способнымъ распространяться быстро и безвозвратно. Поэтому коллегіальныя формы, медленныя и осторожныя, съ трудомъ прилагаются къ управленію. Кто не знаетъ комическихъ разсказовъ о томъ, какъ австрійскіе генералы прошлаго вѣка проигрывали сраженія, вслѣдствіе безпрестаннаго вмѣшательства военныхъ совѣтовъ? Точно также единоличная власть нерѣдко нужна и для администратора. Хорошо исполнить можно только собственное предначертаніе. Екатерина II держалась правила въ точности слѣдовать тому мнѣнію, которое принимала, и даже записывать всѣ его подробности, сознаваясь, что „только проводя такимъ образомъ чужую мысль, она могла надѣяться на успѣхъ“ *). Но единоличный составъ административной власти нуженъ не для одного этого. Есть еще другая причина, не менѣе важная: за мѣру, которая принята многими, въ сущности не отвѣчаетъ никто. Не только юридическая, но даже нравственная отвѣтственность слабѣетъ, когда всякій можетъ сослаться на неполное проведеніе его плана, не искаженіе его мысли. Только за дѣйствіе, совершенное лицомъ, лицо отвѣчаетъ вполнѣ. Вотъ почему въ администраціи совѣщательный способъ возможенъ только тогда, когда нужно обсудить новую мѣру. Исполнительная роль можетъ принадлежать только лицамъ, въ интересахъ и самой мѣры, и цѣлаго общества.

Нельзя однако не сознаться, что просторъ, необходимый для администраціи, соединенъ съ большою опасностью. Изъ всѣхъ видовъ государственной власти нѣтъ ни одной, болѣе наклонной къ произволу. Произволъ возможенъ здѣсь вслѣдствіе не однихъ злоупотребленій. Лучшая власть способна переступить свои предѣлы, когда, по сущности ея, они не могутъ быть обозначены довольно точно. Администрація не всегда можетъ входить въ подробности каждаго отдѣльнаго случая, а строгая справедливость основывается именно на соображеніи такихъ подробностей. Вотъ почему административныя мѣры легко ос-

---

*) *«Русскій Вѣстникъ»* 1861 г., октябрь, статья С. М. Соловьева: «Разсказы изъ русской исторіи XVIII вѣка. 1767 годъ», стр. 308.

корбляютъ частные интересы уже по самой своей общности. Но если общественное благо и строится иногда на частной жертвѣ, то это начало, безусловное въ исключительныхъ случаяхъ, не должно быть правиломъ ежедневной жизни. Изъ-за идеи пользы, администрація можетъ нарушить право, а этого не терпитъ благоустроенное государство. Наконецъ, самая привычка дѣйствовать въ интересахъ общества, а не частныхъ лицъ, даетъ администраціи наклонность вторгаться въ сферу частныхъ интерссовъ, подчинять ихъ своимъ цѣлямъ и, изъ самаго стремленія къ общему благу, мѣшать свободному развитію тѣхъ элементовъ, изъ которыхъ оно слагается. Духъ регламентаціи до того присущъ всякой административной власти, что онъ замѣтенъ даже въ управленіи тѣхъ странъ, гдѣ законъ заключилъ ее въ тѣсныя границы. Въ самой Англіи, не смотря на вѣковыя основы самоуправленія, попытки регламентировать встрѣчались въ XVIII вѣкѣ. Даже парламентъ, когда онъ пробовалъ распоряжаться административно, не совсѣмъ свободенъ отъ этого упрека. Между тѣмъ ничего не можетъ быть вреднѣе постояннаго вмѣшательства въ частную дѣятельность, которое, убивая въ ней всякую самостоятельность, дѣлаетъ цѣлое общество неспособнымъ къ свободѣ.

Итакъ для административной власти контроль необходимъ, какъ независимость для судебной. Если въ судѣ первое условіе — неприкосновенность приговора, полная свобода убѣжденія судьи: то управленіе, напротивъ, подчиняется принципу строгой отвѣтственности. Какъ же согласить это съ потребностью единоличной власти, быстрой и послѣдовательной? Очевидно, что личный элементъ не можетъ не только быть изгнанъ отсюда, но даже и занять второстепенное мѣсто. Безъ личной иниціятивы хорошее управленіе также невозможно, какъ успѣхъ промышленнаго предпріятія. Остается слѣдовательно организовать контроль такимъ образомъ, чтобы онъ не могъ стѣснять свободы и отвѣтственности лицъ, то есть поставить его не сверху администраціи, а подлѣ нея. На контролирующія учрежденія можетъ быть возложено не одно разсмотрѣніе отчетовъ, не одна повѣрка заднимъ числомъ того, что сдѣлано; но также и разборъ тѣхъ жалобъ, которыя вызываютъ дѣйствія администраціи, и которыя требуютъ скораго рѣшенія. Они же могутъ наблюдать за порядкомъ и ходомъ управленія, препятствуя столкновенію различныхъ мѣстъ и водворяя между ними правильныя отношенія. Этимъ назначеніемъ указывается и естественное устройство подобныхъ учрежденій. Призванныя взвѣшивать различныя распоряженія власти, или разрѣшать спорные случаи, они, по сущности своей суть мѣста совѣщательныя. Коллегіяльный составъ, какъ и въ судѣ, обезпечиваетъ здѣсь осторожность и справедливость рѣшенія.

Въ наше время эти начала правильной администраціи перешли уже въ науку и давно доказаны опытомъ. Необходимость административнаго контроля признается даже тамъ, гдѣ существуетъ контроль политическій. Надзоръ законодательной власти не можетъ услѣдить за управленіемъ во всѣхъ подробностяхъ и неизбѣжно устремленъ болѣе на характеръ мѣры, нежели на ея практическое удобство. Отъ того контролирующія учрежденія давно уже существуютъ во всѣхъ государствахъ, которыя могутъ похвалиться хорошимъ управленіемъ. Точно также бюрократическое устройство давно вытѣснило вездѣ коллегіяльное управленіе. Наука обобщила опыты политической жизни, и взгляды, которые прежде принадлежали немногимъ государственнымъ людямъ, составляютъ теперь истины, почти перешедшія въ общее сознаніе.

Но не такъ было въ эпоху Сперанскаго. Правильной администраціи не было не только въ Россіи, но и въ цѣлой Европѣ, за исключеніемъ одной

Франціи. Понять и взвѣсить ея условія, согласить ихъ съ особенными потребностями страны и съ застарѣвшими привычками было трудною задачею. Посмотримъ, какъ понималъ ее Сперанскій, и въ чемъ состоялъ предположенный имъ планъ.

Передъ Сперанскимъ лежалъ двоякій путь. Онъ могъ измѣнить всѣ основанія прежняго порядка, и также могъ воспользоваться для новой администраціи прежними элементами. Какъ истинный государственный человѣкъ, онъ предпочелъ послѣдній способъ. Учрежденія, которыя онъ рѣшился преобразовать и сдѣлать главными органами управленія, были: государственный совѣтъ, министерства и сенатъ.

Въ основаніе центральныхъ учрежденій было положено начало раздѣленія власти на законодательную, судебную и исполнительную. Это дѣленіе, до тѣхъ поръ существовавшее только въ губерніяхъ, въ первый разъ внесено было въ высшее управленіе. Реформа началась съ государственнаго совѣта, который предположено „расширить и дать ему публичныя формы". До сихъ поръ въ Россіи не было постояннаго органа законодательства. Новыя мѣры вносились или не вносились въ совѣтъ, по усмотрѣнію правительства, и самыя важные законы двухъ предыдущихъ царствованій изданы безъ его содѣйствія. Съ 1810 года онъ получаетъ постоянное участіе въ законодательной дѣятельности „державной власти" и вмѣстѣ съ этимъ „образованіе свойственное публичнымъ установленіямъ". Предсѣдательство въ совѣтѣ принадлежитъ императору, министры — непремѣнные его члены. Для болѣе правильнаго обсужденія новыхъ мѣръ, совѣтъ раздѣленъ на четыре департамента, которые предварительно разсматриваютъ вопросы и подготовляютъ ихъ для рѣшенія общаго собранія. Это родъ постоянныхъ коммиссій, составленныхъ изъ спеціалистовъ. Сюда стекаются дѣла изъ министерствъ и отдѣльныхъ вѣдомствъ, какъ скоро, по сущности своей, они требуютъ новаго закона или новой мѣры. Такъ въ департаментъ законовъ поступаютъ всѣ законодательные проекты, составленные коммиссіей; въ департаментѣ военныхъ дѣлъ сосредоточивается все, что относится къ двумъ военнымъ министерствамъ; въ департаментѣ гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ — вопросы юстиціи, духовнаго управленія и полиціи; только вѣдомство четвертаго департамента (государственной экономіи) опредѣлено слишкомъ обширно и не совсѣмъ правильно: сюда отнесены дѣла министерствъ народнаго просвѣщенія, коммерціи, финансовъ и государственнаго казначейства. Окончательному рѣшенію департаментовъ предоставлены только такіе вопросы, которые не требуютъ новой мѣры и нуждаются въ одномъ поясненіи закона. Какую обширную власть предполагалось дать государственному совѣту, видно изъ простаго перечисленія дѣлъ его вѣдомства. Сюда отнесены: 1) „всѣ предметы, требующіе новаго закона, устава или учрежденія; 2) предметы внутренняго управленія, требующіе отмѣны, ограниченія или дополненія прежнихъ положеній; 3) дѣла, требующія въ законахъ, уставахъ и учрежденіяхъ изъясненія истиннаго ихъ смысла; 4) мѣры и распоряженія общія, пріемлемыя къ успѣшнѣйшему исполненію существующихъ законовъ, уставовъ и учрежденій; 5) общія внутреннія мѣры, въ чрезвычайныхъ случаяхъ пріемлемыя; 6) объявленіе войны, заключеніе мира и другія важныя внѣшнія мѣры....; 7) ежегодныя смѣты общихъ государственныхъ приходовъ и расходовъ.... и чрезвычайныя финансовыя мѣры; 8) всѣ дѣла, по которымъ отчуждается какая либо часть государственныхъ доходовъ или имуществъ въ частное владѣніе; 9) дѣла о вознагражденіи частныхъ людей за имущества, на государственныя нужды взимаемыя; 10) отчеты всѣхъ министерствъ въ управленіи принадлежащихъ къ нимъ частей". Въ обезпеченіе, что отнынѣ за-

конодательство освободится отъ всякаго произвола, „образованіе государственнаго совѣта“ повторяетъ нѣсколько разъ, что проекты уложеній, гражданскаго и уголовнаго, будутъ утверждены не иначе, какъ съ его одобренія. Канцелярія департаментовъ управлялась статсъ-секретарями, которые подчинены государственному секретарю, завѣдывавшему дѣлами общаго собранія. Званіе послѣдняго, какъ извѣстно, было тотчасъ возложено на самаго Сперанскаго.

Такова была организація высшаго государственнаго учрежденія. Оно соединяло власть законодательную съ надзоромъ за органами исполнительной власти. Въ этомъ обширномъ, точно опредѣленномъ кругѣ дѣйствій нельзя не признать такого успѣха, какого Россія не дѣлала съ самаго „Учрежденія о губерніяхъ“. До сихъ поръ законы, не только по внѣшней формѣ, но иногда и по содержанію, представлялись единичнымъ актомъ царствующаго лица. Теперь, признавая одинъ, правильный органъ законодательства, государственная власть давала себѣ постоянное легальное выраженіе. Это значитъ, что государственный элементъ выдвигался на счетъ личнаго. Какое высокое значеніе Сперанскій придавалъ своему плану, высказано имъ съ благородной откровенностью самому государю, въ общемъ отчетѣ за 1810 годъ. „Совѣтъ учрежденъ, — писалъ онъ, — чтобы власти законодательной, дотолѣ разсѣянной и разнообразной, дать первый видъ, первое очертаніе правильности, постоянства, твердости и единообразія... Однимъ симъ учрежденіемъ сдѣланъ уже безмѣрный шагъ отъ самовластія къ истиннымъ формамъ монархическимъ. Два года тому назадъ умы самые смѣлые едва представляли возможнымъ, чтобы россійскій императоръ могъ съ приличіемъ сказать въ своемъ указѣ: „внявъ мнѣнію совѣта“; два года тому назадъ сіе показалось бы оскорбленіемъ величества...“ *) Этотъ великій шагъ въ народной жизни, этотъ переходъ отъ самовластія къ истинной монархіи совершенъ, по мнѣнію Сперанскаго, потому что учрежденіемъ совѣта правительство даетъ обществу гарантіи въ своемъ направленіи. „Положеніе нашихъ финансовъ, — говоритъ онъ въ одной изъ докладныхъ записокъ, — требуетъ непремѣнно новыхъ и весьма нарочитыхъ налоговъ: безъ сего никакъ и не къ чему приступить невозможно. Налоги тягостны бываютъ особенно потому, что кажутся произвольными. Нельзя каждому съ очевидностію и подробностію доказать ихъ необходимость. Слѣдовательно очевидность сію должно замѣнить убѣжденіемъ въ томъ, что не дѣйствіемъ произвола, но точно необходимостію, признанною и представленною отъ совѣта, налагаются налоги. Такимъ образомъ власть державная сохранитъ къ себѣ всю цѣлость народной любви, нужной ей для счастія самаго народа“ *). Итакъ цѣлью правительственной системы, которая открывалась первою реформой Сперанскаго, ставилось довѣріе общества, — довѣріе не къ лицу, а къ прочности государственныхъ учрежденій, охраняющихъ права гражданъ и цѣлость народныхъ интересовъ.

*) Жизнь графа Сперанскаго, т. I, стр. 120.

За государственнымъ совѣтомъ слѣдовало „новое раздѣленіе дѣлъ въ порядкѣ исполнительномъ“. Оно совершено двумя актами: манифестомъ 25 іюля 1810 года, гдѣ обозначены только число и характеръ вѣдомствъ, и общимъ учрежденіемъ министерствъ, изданнымъ почти черезъ годъ, 25-го іюня 1811 года. Въ запискѣ, которую Сперанскій подалъ государю по поводу этой мѣры, выставлялись несовершенства министерствъ 1802 года. Они заключались, по словамъ ея: 1) въ недостаткѣ отвѣтственности, которая „не должна состоять только на словахъ, но быть вмѣстѣ и существенною“; 2) въ недостаткѣ точности въ раздѣленіи дѣлъ, основанномъ на случайномъ соединеніи прежнихъ вѣдомствъ, а не на естественныхъ отрасляхъ государственнаго управленія; 3) въ недостаткѣ

*) Жизнь графа Сперанскаго, т. 1, стр 113.

учрежденій. Этимъ названіемъ Сперанскій обозначалъ самую слабую сторону прежней системы, отсутствіе твердой, внутренней организаціи министерствъ: „ни внутри министерствъ, — говорилъ онъ, — ни въ частяхъ, отъ нихъ зависящихъ, не сдѣлано никакого правильнаго образованія. Отсюда произошло, что дѣла, не бывъ раздѣлены на свои степени, всѣ по прежнему стекаются въ однѣ руки и естественно производятъ пустое многодѣліе и безпорядокъ. Время главнаго начальника безпрестанно пожирается тѣмъ, что̀ долженъ бы дѣлать одинъ изъ его подчиненныхъ; развлеченное на множество текущихъ дѣлъ, вниманіе не можетъ обозрѣть ихъ въ цѣлости и, вмѣсто того, чтобы остановиться на главныхъ и существенныхъ усмотрѣніяхъ, безпрестанно разсѣвается въ мелкомъ надзорѣ исполненія“ *).

Перемѣны, произведенныя Сперанскимъ, состояли: 1) въ болѣе правильномъ раздѣленіи вѣдомствъ, 2) въ однообразномъ и болѣе удобномъ внутреннемъ ихъ устройствѣ и въ 3) опредѣленіи какъ отвѣтственности министровъ, такъ и отношенія ихъ къ второстепеннымъ учрежденіямъ и лицамъ.

Отрасли исполнительной власти раздѣлены на слѣдующія категоріи: 1) внѣшнія сношенія (министерства иностранныхъ дѣлъ), 2) устройство внѣшней безопасности (министерство военное и морское), 3) государственная экономія (министерства финансовъ, государственное казначейство, ревизія государственныхъ счетовъ, министерства внутреннихъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, главное управленіе путей сообщенія); 4) устройство суда (министерство юстиціи); 5) устройство внутренней безопасности (министерство полиціи). Нечего говорить, что и это новое раздѣленіе было недостаточно: если прежнее ограничивалось простымъ сгруппированіемъ вѣдомствъ, уже существовавшихъ, то новое отзывалось стремленіемъ раціонально распредѣлить управленіе и обращало слишкомъ мало вниманія на практическое удобство. Вотъ почему, уничтожая министерство коммерціи, не смотря на обширность его и важность, оно вводитъ отдѣльное вѣдомство, въ которомъ вовсе не было практической нужды, — министерство полиціи. Финансовый контроль оставленъ въ рукахъ одного лица, между тѣмъ, какъ, для правильности счетовъ, его гораздо лучше было поручить коллегіяльному мѣсту. Распредѣленіе дѣлъ между министерствами тоже не всегда было удачно; потомъ оно подверглось многимъ перемѣнамъ, и нѣкоторыя дѣла начали странствовать изъ одного вѣдомства въ другое вскорѣ послѣ изданія „Учрежденія“. Но за нимъ все таки остается честь первой попытки основать управленіе на разумныхъ началахъ, и послѣ смѣшенія, какое представляли министерства 1802 года, оно было настоящимъ успѣхомъ. Еще удачнѣе было внутреннее устройство министерствъ. Вмѣсто прежняго, неловкаго смѣшенія коллегіяльныхъ и бюрократическихъ формъ, Сперанскій съумѣлъ правильно разграничить ихъ и связать въ одно стройное управленіе. Исполнительная роль была возложена на канцелярію министра и департаменты, съ чисто - бюрократическимъ устройствомъ. Канцелярія завѣдываетъ тѣми дѣлами, которыя касаются не отдѣльныхъ частей, но всего министерства, и сверхъ того распредѣляетъ дѣла по департаментамъ. Департаменты завѣдываютъ, каждый, особой отраслью дѣлъ, и состоятъ изъ отдѣленій. Назначеніе отдѣленій — подготовлять дѣла, поступающія на рѣшеніе директора или министра. Для того, чтобы министръ не былъ обремененъ мелкими подробностями управленія, опредѣлено въ точности, какія дѣла могутъ быть рѣшены въ департаментѣ, и какія непремѣнно восходятъ къ министру.

Совѣщательный элементъ представленъ двумя учрежденіями: общимъ присутствіемъ отдѣленій — для департамента, и совѣтомъ министра — для цѣлаго ми-

*) Тамъ же, стр. 122—123.

нистерства. Сюда поступаютъ всѣ важнѣйшія дѣла, и для того, чтобъ обсужденіе ихъ было зрѣлѣе, и въ общемъ присутствіи и въ совѣтѣ, собираются не одни чиновники. Вмѣстѣ съ ними сюда приглашаются специялисты, фабриканты, заводчики, купцы и т. д. Дѣла особенной важности не могутъ быть рѣшены безъ предварительнаго разсмотрѣнія совѣта, хотя министръ, который одинъ отвѣчаетъ за всякую мѣру, и не связанъ его мнѣніемъ.

Направленіе, которое Сперанскій желалъ дать высшимъ центральнымъ учрежденіямъ, особенно ярко выразилось въ общемъ наказѣ министерствамъ. Первою заботой его было опредѣлить законныя границы центральнаго управленія. „Существо власти, ввѣряемой министрамъ, — говоритъ наказъ, — принадлежитъ единственно къ порядку исполнительному; никакой законъ, никакое новое учрежденіе, или отмѣна прежняго, не могутъ быть установлены властію министра". Въ другомъ мѣстѣ характеръ этой власти опредѣляется еще ближе словами: „надзоръ за дѣйствіями всѣхъ подчиненныхъ мѣстъ и лицъ, понужденіе ихъ къ исполненію законовъ и учрежденій . Чрезвычайныя мѣры, необходимыя въ исключительныхъ обстоятельствахъ, разрѣшаются министру подъ условіемъ подробнаго отчета въ сдѣланныхъ распоряженіяхъ.

Отношеніе министровъ къ частной дѣятельности опредѣлено въ слѣдующей замѣчательной статьѣ: „Въ обширномъ кругѣ дѣлъ, въ разнообразной связи разныхъ нуждъ и пользъ, нельзя не встрѣтить въ исполненіи разныхъ затрудненій и неудобствъ; но не всѣ неудобства могутъ быть принимаемы поводомъ къ новымъ постановленіямъ. Министръ долженъ испытать прежде всѣ способы исправленія, не выходя изъ порядка существующаго, и потомъ, измѣривъ и сравнивъ неудобства, кои и отъ новаго закона по самой новости его произойдти могутъ, приступать къ его предложенію. Во всѣхъ министерствахъ, особливо же въ тѣхъ, коихъ предметомъ есть государственное хозяйство и общая промышленность, должно наблюдать, чтобъ мѣрами излишняго надзора и многосложностію правилъ не стѣснить частной предпріимчивости Истинные способы сего управленія должны состоять болѣе въ отвращеніи препятствій, нежели въ точномъ и понудительномъ предписаніи путей, коими должна шествовать промышленность. Здѣсь скорѣе найдти и указать ихъ можетъ частная польза, нежели законъ" (ст. 225). Не менѣе ясно Сперанскій понималъ отношеніе центральной власти къ подчиненнымъ учрежденіямъ. Законы Петра о правѣ коллегій заявлять свое мнѣніе сенату не только приложены къ министерствамъ, но распространены и усилены. Всякое подчиненное мѣсто, которое усмотритъ въ распоряженіяхъ министра противорѣчіе съ закономъ, имѣетъ право остановиться въ исполненіи и сдѣлать представленіе министру; если оно не будетъ уважено, то подчиненное мѣсто можетъ обратиться къ сенату, который окончательно рѣшаетъ всѣ подобные вопросы (ст. 259 и 260). Даже относительно законныхъ распоряженій министра, второстепенныя мѣста не связаны безусловнымъ исполненіемъ: они могутъ дѣлать представленія о неудобствѣ новой мѣры (ст. 261) Вмѣшательство въ судебную власть запрещается министрамъ (ст. 238).

Самую слабую часть новаго устройства составляютъ тѣ мѣры, которыми Сперанскій думалъ придать единство высшему управленію, и законы объ отвѣтственности министровъ. „Общее учрежденіе министровъ" ничего не говоритъ о комитетѣ министровъ и, по словамъ самаго Сперанскаго, онъ былъ, по новому образованію, вовсе назначенъ къ уничтоженію"*). Высшее управленіе предполагалось связать посредствомъ того учрежденія, къ которому

*) Архивъ историческихъ и практическихъ свѣдѣній, 1859, книга 3, стр. 15.

уже не разъ обращались составители проектовъ въ царствованіе Александра. Правительствующій сенатъ объявленъ снова средоточіемъ исполнительныхъ дѣлъ. Сюда поступаютъ всѣ доклады министровъ какъ по общимъ исполнительнымъ дѣламъ, такъ и по тѣмъ, которыя требуютъ особаго высочайшаго разрѣшенія. Уже самое перечисленіе этихъ дѣлъ показываетъ, до какой степени это назначеніе не соотвѣтствовало характеру и положенію сената. Дѣла поступали сюда, во-первыхъ, когда возникнетъ такое недоумѣніе въ способѣ исполненія, котораго разрѣшеніе зависитъ не отъ одного министестра, но отъ содѣйствія другихъ; во-вторыхъ, когда между министерствами, или губернскими мѣстами, возникнетъ сомнѣніе „о точной принадлежности самаго предмета исполненія"; въ третьихъ, когда распоряженія одного вѣдомства затрудняются предписаніями другаго; и въ четвертыхъ, когда нужно принять общую административную мѣру (ст. 234). Очевидно, что, при такомъ содѣйствіи сената, въ высшемъ управленіи не могло быть никакого единства. На сенатъ возлагался, съ одной стороны, надзоръ за центральной властію, съ другой непосредственное управленіе: два рода дѣятельности, взаимно исключающіе другъ друга, и которыхъ совмѣщеніе давно оказалось несостоятельнымъ. Точно также трудно не видѣть, что настоящаго единства между министерствами не могло быть, когда соглашеніе административныхъ мѣръ возлагалось не на нихъ, а на другое, постороннее учрежденіе. Личная иниціятива управленія снова должна была затрудниться предписаніями людей, которые сами не управляютъ и не отвѣчаютъ за исполненіе принятыхъ ими мѣръ. Наконецъ, не смотря на все желаніе гласности, трудно было вносить въ обширное, коллегіальное учрежденіе важнѣйшія государственныя дѣла, требующія тайны. Поэтому изъ общаго порядка докладовъ сдѣлано исключеніе, которое потомъ обратилось, и должно было обратиться, въ правило. „Дѣла, тайнѣ подлежащія, говорится въ наказѣ, хотя и принадлежатъ къ общему составу управленія, но образъ доклада и порядокъ рѣшенія ихъ установляется на особенныхъ правилахъ и составляетъ предметъ особеннаго учрежденія". Здѣсь лежалъ зародышъ личныхъ докладовъ, внѣ всякаго надзора, съ какой бы то ни было стороны. Сперанскій самъ чувствовалъ недостаточность своего плана. Онъ писалъ въ 1827 году, что составленныя имъ учрежденія двухъ министерствъ: полиціи и финансовъ, остались почти безъ дѣйствія, отъ того, что „цѣлая половина всего зданія, — составъ правительствующаго сената, былъ не оконченъ". Но эта вторая половина зданія далеко не отвѣчала совершенству первой. По проекту Сперанскаго, взятому имъ изъ предположеній Екатерины, сенатъ долженъ былъ раздѣлиться на судебный и правительствующій. Судебный, согласно съ мыслію императрицы, онъ хотѣлъ составить изъ сенаторовъ по назначенію отъ короны и по выбору отъ дворянства, размѣстивъ его по четыремъ округамъ: въ Петербургѣ, Москвѣ, Кіевѣ и Казани. Правительствующему сенату предполагалось дать устройство, согласное съ министерствами. Занятія раздѣлялись на дѣла текущія и тѣ, которыя требуютъ рѣшенія императора. Нѣтъ сомнѣнія, что отъ этой мѣры управленіе выигрывало немного. Въ новомъ видѣ сенатъ или представлялъ бы прежнія неудобства, или превратился бы въ комитетъ министровъ, точно также дѣйствующій внѣ всякаго надзора. Государственный же совѣтъ, куда вносятся только общія мѣры, не могъ ни направлять администрацію, ни наблюдать за ея распоряженіями.

Нетрудно указать, въ чемъ состояла теоретическая ошибка Сперанскаго: онъ ставилъ надзирающую власть выше исполнительной, вмѣсто того, чтобы поставить ихъ рядомъ, давъ каждой одинаково сильную организацію. При такомъ порядкѣ одна изъ нихъ должна была по-

глотить другую, и, разумѣется, перевѣсъ остался на сторонѣ исполнительной власти, какъ сильнѣйшей. Правила объ отвѣтственности министровъ, строго и точно опредѣленныя въ наказѣ, остались мертвою буквой. По смыслу закона, министръ подвергался взысканію не только за „важную государственную вину“, но и за дурное управленіе. Онъ могъ быть отданъ подъ слѣдствіе, удаленъ отъ должности и подвергнутъ верховному уголовному суду; но не было власти, которая, постоянно слѣдя за его дѣйствіями, могла бы обнаружить ихъ незаконность. Государственный совѣтъ имѣлъ право назначить изъ среды своей слѣдственную коммиссію по жалобамъ на министра, но министръ самъ былъ членомъ совѣта, и не доставало органа, чрезъ который жалобы могли бы доходить. Сенатъ вскорѣ возвратился къ прежней роли: административная власть осталась за нимъ только по имени. Недостатокъ контроля отразился на всей позднѣйшей администраціи. Отсюда тѣ явленія, на которыя жаловался Сперанскій, воротясь изъ ссылки. Дѣла естественно начали стекаться въ министерства, какъ къ единственной власти, прочно-организованной. Вслѣдствіе этого комитетъ министровъ, который прежде былъ только совѣщаніемъ ихъ, сдѣлался присутственнымъ мѣстомъ, „гдѣ дѣла всякаго рода, и малыя и большія, судебныя и правительственныя, рѣшались по голосамъ... Между тѣмъ, заключалъ Сперанскій, ни составъ сего мѣста, ни порядокъ, ни власть его, ни предѣлы, ни отношенія его къ другимъ установленіямъ, не опредѣлены никакимъ гласнымъ учрежденіемъ.“ *).

Не надобно думать однако, чтобы эти явленія были плодомъ одной ошибочности плана. Еще болѣе они проистекали изъ тѣхъ обстоятельствъ, среди которыхъ Сперанскій былъ призванъ дѣйствовать. Мысль о контролирующемъ учрежденіи, поставленномъ надъ министерствами, возникла у него не случайно. Передъ нимъ была администрація 1802 года, въ которой роли были распредѣлены между учрежденіями совершенно правильно, не смотря на всю недостаточность внутренней организаціи. Но и это управленіе было тоже лишено надзора. Послѣ этого было естественно воротиться къ мысли о верховномъ положеніи сената, котораго коллегіяльный составъ долженъ былъ служить задержкой для слишкомъ сильной личной власти. Неудача двухъ противоположныхъ системъ контроля объясняется условіями цѣлаго общественнаго порядка. Крѣпкія государственныя учрежденія не создаются только волею законодателя. Для нихъ необходимы условія, которыя скрываются въ цѣломъ строѣ общественной жизни. Дѣятельный надзоръ за администраціей возможенъ только въ обществѣ вполнѣ самостоятельномъ, при господствѣ гласности и сильнаго общественнаго мнѣнія. Однимъ внѣшнимъ механизмомъ учрежденій не легко достигнутъ этого высшаго результата гражданской жизни. Вотъ почему слабыя стороны учрежденій 1810 года едва ли могутъ быть поставлены въ вину Сперанскому, между тѣмъ, какъ превосходная внутренняя ихъ организація составляетъ неоспоримую его заслугу.

Сколько можно заключить изъ многочисленныхъ записокъ Сперанскаго, онъ живо чувствовалъ недостатки новаго управленія, которое, воротясь изъ ссылки, онъ называлъ „полу-устройствомъ“. Неполный успѣхъ своей реформы онъ приписывалъ недостатку самостоятельности во всѣхъ учрежденіяхъ, кромѣ министерствъ. Еще въ 1810 году онъ сознавалъ необходимость дать бо́льшую независимость судебной власти, и съ этою цѣлью хотѣлъ внести въ сенатъ выборное начало. Послѣ, когда онъ познакомился съ провинціей, Сперанскій пришелъ къ мысли усилить губернскія учрежденія, освободивъ ихъ отъ излишней опеки. Въ концѣ 1827 года онъ приписывалъ всѣ недостатки ихъ отсутствію

*) Архивъ истор. и практ. свѣд., книга 3, стр. 45.

надзора и преобладанію губернатора, который можетъ парализировать своимъ вліяніемъ всѣ другія власти. „Къ сему присоединяется, — писалъ онъ, — недостатокъ законной власти, при избыткѣ личнаго самовластія. Власть законная каждому начальству дается его уставомъ. Уставы наши, во первыхъ, недостаточны, а во вторыхъ, всѣ они составлены въ духѣ крайней недовѣрчивости къ мѣстному начальству, и не безъ основанія: ибо какъ можно ввѣрять исполнителю безотчетному? Между тѣмъ отъ сего недостатка законной власти, отъ сего стѣсненія въ мелочахъ рождаются безпрестанные вопросы, тысячи сомнѣній, огромная переписка съ высшимъ начальствомъ, медленность въ рѣшеніяхъ, упущеніе времени, предлогъ къ новымъ жалобамъ или злоупотребленіямъ“. Скажемъ нѣсколько словъ о тѣхъ реформахъ въ губернскомъ управленіи, которыя предлагалъ Сперанскій. Онѣ любопытны, потому что нѣкоторымъ его мыслямъ суждено было исполниться въ иной формѣ, а другія еще до сихъ поръ занимаютъ наше общество. Въ губерніяхъ и въ уѣздахъ онъ думалъ установить двоякую систему надзора, отдѣльно для суда и администраціи. „Безотчетное и личное дѣйствіе губернскаго правленія“ онъ предполагалъ „подчинить надзору мѣстному, не личному и самовластному, каковъ есть надзоръ генералъ-губернатора, и не слабому и ничтожному, каковъ есть надзоръ прокурора, но надзору коллегіяльному, постоянному, на твердыхъ началахъ установленному, имѣющему власть не только заявлять за тысячу верстъ безпорядки и злоупотребленія, но прекращать ихъ, останавливая зло не спустя мѣсяцы и годы, но въ самомъ его началѣ; держать чиновниковъ въ строгой дисциплинѣ; преслѣдовать виновныхъ судомъ“.—Тому же самому надзору и по тѣмъ же причинамъ подчинить и казенную палату. — „Другой надзоръ, сему подобный, но независимый, установить для дѣлъ судебныхъ, давъ ему надлежащій степень власти, не вмѣшиваясь въ судебныя рѣшенія по существу дѣлъ, разрѣшать частныя жалобы на безпорядки и нарушенія формъ въ производствѣ“.—“Личное, разсѣянное по всѣмъ мѣстамъ дѣйствіе прокурора и стряпчихъ, соединивъ въ одно постоянное и правильное установленіе, поставить его въ помощь и содѣйствіе сему главному судебному надзору“.—Оба учрежденія должны были состоять изъ соединеннаго присутствія подчиненныхъ мѣстъ, но подъ предсѣдательствомъ особаго чиновника, равнаго по степени гражданскому губернатору. Предсѣдатель судебнаго общаго присутствія долженъ зависѣть отъ одного судебнаго сената. На такихъ же началахъ устроивается надзоръ за уѣздными мѣстами. Въ земскій судъ, который „дабы удалить смѣшеніе понятій и утвердить еще болѣе различіе между судомъ и полиціей“, долженъ быть переименованъ уѣздною управой, опредѣляются, сверхъ выборныхъ засѣдателей, еще два, по назначенію двухъ губернскихъ общихъ присутствій. На одного изъ этихъ засѣдателей возлагается особенно судебная полиція, на другаго—хозяйственная; остальные, выборные засѣдатели завѣдываютъ частями общей полиціи.—Изъ должностей уѣзднаго казначея, солянаго и виннаго приставовъ предполагается составить особое мѣсто, подъ названіемъ казенной управы. Обѣ управы соединяются, для дѣлъ надзора, въ общее присутствіе, которое называется уѣзднымъ правленіемъ и состоитъ подъ предсѣдательствомъ особаго чиновника, „представляющаго въ уѣздѣ лицо гражданскаго губернатора“. Эту должность предполагалось соединить, гдѣ возможно, съ званіемъ уѣзднаго предводителя дворянства. Замѣчательно, что даже тамъ, гдѣ предводитель не можетъ быть предсѣдателемъ, непремѣнно требуется, „чтобъ чиновникъ сей былъ помѣщикъ той же губерніи„.—Кромѣ губернскаго и уѣзднаго надзора, Сперанскій думалъ о другой преградѣ самовластію. „Извѣстно,—говорилъ онъ,—что

вообще злоупотребленіе власти менѣе дѣйствуетъ на цѣлыя общества и сословія, нежели на частныя лица". Съ этою цѣлью онъ думалъ создать новое волостное управленіе болѣе твердое, чѣмъ существовавшее въ его время. Это волостное управленіе представляетъ, въ главныхъ чертахъ, замѣчательное сходство съ тѣмъ, которое образовалось послѣ освобожденія крестьянъ. Оно точно также основывается на соединеніи селъ въ волости, при двоякомъ вѣдомствѣ: волостномъ и сельскомъ, съ особою полицейской и судебной властью въ каждомъ изъ нихъ. Вмѣстѣ съ этими главными мѣрами, которыя, по мнѣнію Сперанскаго, должны были упрочить порядокъ, онъ предлагалъ частныя реформы, чтобъ усилить значеніе судебныхъ мѣстъ и дать полиціи болѣе правильную организацію. Главнымъ средствомъ для освобожденія суда отъ вліянія административной власти онъ полагалъ отдѣленіе судебной полиціи отъ общей. Сознаваясь, что „средства наши не дозволяютъ намъ помышлять о такомъ учрежденіи, которое потребовало бы значительнаго числа чиновниковъ и особенныхъ издержекъ", онъ говоритъ однако, что „ни судъ, ни хозяйство не могутъ вполнѣ отвѣтствовать за ввѣренное имъ управленіе, ибо успѣшное ихъ дѣйствіе зависитъ не отъ нихъ, но большею частію отъ полиціи, надъ коею они никакой власти не имѣютъ„. Также вѣрно онъ указываетъ на недостатки исполнительной полиціи, которая почти вся лежитъ на малочисленномъ уѣздномъ управленіи*).

Этимъ краткимъ, но замѣчательнымъ очеркомъ губернскаго управленія заключаются административные проекты Сперанскаго. Трудно сказать, что̀ изъ этого очерка входило въ первоначальный планъ 1810 года, и что̀ было плодомъ позднѣйшихъ наблюденій, въ непосредственномъ сближеніи съ провинціяльнымъ бытомъ. Но всякій, кто внимательно изучалъ „образованіе государственнаго совѣта" и „учрежденіе министерствъ", пойметъ, что записка 1827 года была только дальнѣйшимъ развитіемъ той же государственной мысли, которою созданы эти учрежденія. Съ начала своей дѣятельности до самаго конца ея, въ Петербургѣ и въ ссылкѣ, Сперанскій оставался вѣренъ себѣ и не измѣнилъ однажды избраному пути. Цѣлью его было создать управленіе стройное, крѣпкое, но окруженное надзоромъ и гласностью, сдержанное въ предѣлахъ уваженіемъ общественныхъ интересовъ и независимымъ устройствомъ мѣстныхъ учрежденій. Смотря на будущее съ спокойствіемъ ясной мысли, онъ не думалъ сразу достигнуть своей цѣли. Многое было имъ отсрочено, въ надеждѣ на развитіе общества, въ которомъ онъ видѣлъ лучшую опору для самихъ учрежденій. „Время, съ коего начали у насъ заниматься публичными дѣлами,—писалъ онъ по поводу государственнаго совѣта, — весьма еще непродолжительно: количество людей, кои въ предметахъ сихъ упражняются, весьма ограниченно, и въ семъ ограниченномъ числѣ надлежало еще, по необходимости, выбирать только тѣхъ, кои, по чинамъ ихъ и званіямъ, могли быть помѣщены съ приличіемъ. При семъ составѣ совѣта нельзя, конечно, и требовать, чтобы съ перваго шага поровнялся онъ, въ правильности разсужденій и въ пространствѣ его свѣдѣній, съ тѣми установленіями. кои въ семъ родѣ въ другихъ государствахъ существуютъ. По мѣрѣ успѣха въ прочихъ политическихъ установленіяхъ, и сіе учрежденіе само собою исправится". *) Въ чемъ заключались эти *прочія* установленія, которымъ не суждено было осуществиться, угадать не трудно: Сперанскій раздѣлялъ политическія убѣжденія императора Александра, онъ желалъ дать Россіи независимыя учрежденія. Одаренный бо̀льшимъ государственнымъ смысломъ, нежели первые друзья его, онъ началъ свою реформу съ самой глав-

*) Архивъ историческихъ и практическихъ свѣдѣній, книга 4-я стр. 92—104.

*) Жизнь графа Сперанскаго, часть 1-я, стр. 121.

ной потребности общества,—съ правильной администраціи. Эта постепенность въ преобразованіяхъ спасла, можетъ быть, Россію отъ неудачной политической попытки, которой неуспѣхъ могъ бы лечь тяжелымъ бременемъ на все будущее ея развитіе.

Разсмотрѣвъ административныя идеи Сперанскаго въ общей ихъ связи, мы можемъ теперь отвѣчать на тѣ обвиненія, которымъ подвергалось его дѣло. Одно изъ нихъ пережило современную ему эпоху и до сихъ поръ еще тяготѣетъ на его памяти. Сперанскаго упрекаютъ въ наклонности къ централизаціи и въ бюрократизмѣ. Эти упреки снова воскресли при выходѣ книги барона Корфа и нашли отголосокъ въ журналистикѣ. Извѣстно, что у насъ теперь нельзя сдѣлать болѣе сильнаго упрека. Слова: „централизаторъ" и „бюрократъ" превратились почти въ бранныя выраженія. Мы попробуемъ остановиться на смыслѣ этихъ обвиненій, чего теперь обвинители обыкновенно не дѣлаютъ.

Послѣ всего сказаннаго нами о прежнемъ управленіи Россіи до реформъ XIX столѣтія не нужно, кажется, объяснять, что Сперанскій не могъ быть творцемъ централизаціи. Она старѣе его нѣсколькими вѣками, и сами обвинители давно перестали возводить къ нему ея начало. Но ему дѣлаютъ упрекъ, что своими мѣрами онъ усилилъ вліяніе центральной власти и далъ ей средства распространяться за ея законные предѣлы. Это обвиненіе въ первый разъ было высказано правдивымъ языкомъ Карамзина. Въ запискѣ „о старой и новой Россіи", среди замѣчаній, не совсѣмъ основательныхъ и доказывающихъ малое знакомство съ администраціей, онъ высказалъ одно, въ которомъ есть кажущаяся правда. Съ министерствами, по мнѣнію его, правительство лишилось консервативнаго характера и даже утратило всякую послѣдовательность. „Съ сенатомъ, съ коллегіями, съ генералъ-прокуроромъ, — говоритъ онъ, — у насъ шли дѣла и прошло блестящее царствованіе Екатерины II. Всѣ мудрые законодатели, принуждаемые измѣнять уставы политическіе, старались какъ можно менѣе отходить отъ старыхъ. Если число и власть сановниковъ непремѣнно должны быть перемѣнены, — говоритъ умный Макіавель,—то удержите хотя имя ихъ для народа. Мы поступаемъ совершенно иначе: оставляя вещь, мы гонимъ имена; для произведенія того же дѣйствія вымышляемъ другіе способы! Зло, къ которому мы привыкли, для насъ чувствительно менѣе новаго добра, а новому добру какъ-то не вѣрится. Перемѣны сдѣланныя не ручаются за пользу будущихъ; ожидаютъ ихъ больше со страхомъ, нежели съ надеждою: ибо къ древнимъ государственнымъ зданіямъ прикасаться опасно; Россія же существуетъ около тысячи лѣтъ и не въ образѣ дикой орды, но въ видѣ государства великаго, а намъ все твердятъ о новыхъ образованіяхъ, о новыхъ уставахъ, какъ будто мы вышли изъ темныхъ лисовъ американскихъ! Требуемъ болѣе мудрости хранительной, нежели творческой". Учрежденіе министерствъ въ особенности подвергнуто Карамзинымъ злой, отчасти справедливой, критикѣ. Онъ указывалъ на недостатокъ дѣйствительной отвѣтственности министровъ, на обширность ихъ вѣдомствъ, безпрестанно вызывающую новые комитеты, которые служатъ сатирой на министерства, на неправильное распредѣленіе дѣлъ, и наконецъ заключалъ свой строгій приговоръ словами: „Основавъ бытіе свое на развалинахъ коллегій, министры стали между государемъ и народомъ, заслоняя сенатъ, отнимая его силу и величіе; хотя подвѣдомые ему отчетами, но сказавъ: „я имѣлъ счастіе докладывать государю", заграждали уста сенаторамъ, и сія мнимая отвѣтственность была доселѣ пустымъ обрядомъ. Указы, законы, предлагаемые министрами, утверждаемые государемъ, сообщались сенату только для обнародованія. Выходило, что Россіею управляли министры, т. е. каждый по своей части могъ творить и разрушать...

Правда, министры составляли между собою комитетъ; ему слѣдовало одобрить всякое новое установленіе прежде, нежели оно утверждалось монархомъ; но сей комитетъ не походилъ ли на совѣтъ шести или семи разноземцевъ, изъ которыхъ всякій говоритъ особымъ языкомъ, не понимая другихъ?.. Еще важнѣе то, что каждый изъ нихъ, имѣя нужду въ сговорчивости товарищей для особенныхъ своихъ выгодъ, самъ дѣлается сговорчивъ.“ *) — Упреки не замолкали и впослѣдствіи. Въ 1827 году въ Петербургѣ ходила по рукамъ записка о государственныхъ установленіяхъ, на которую самъ Сперанскій счелъ нужнымъ отвѣчать подробнымъ обзоромъ прежняго управленія и защитою собственныхъ реформъ. Эта записка отличается отъ другихъ произведеній подобнаго рода большой умѣренностью и духомъ, не враждебнымъ преобразованіямъ. Но и здѣсь, какъ ни признаются недостатки коллегіяльной системы, ей отдается предпочтеніе передъ русскими министерствами. По мнѣнію неизвѣстнаго автора, учрежденіе министерствъ уничтожило единство надзора, ввѣреннаго прежде генералъ-прокурору, дало возможность центральной власти выходить за границы, повело къ колебаніямъ и въ направленіи правительства, и даже въ наличномъ составѣ администраціи; наконецъ, совершенно задавило губернскія учрежденія, сосредоточивъ всѣ служебныя выгоды въ однихъ министерствахъ. **),

Эти замѣчанія имѣютъ смыслъ не для одной современной имъ эпохи. Едва ли будетъ ошибкою сказать, что они выражали и, можетъ быть, еще выражаютъ взглядъ огромнаго большинства. Съ этой точки зрѣнія они заслуживаютъ вниманія. Въ общественномъ мнѣніи, какъ бы оно ни заблуждалось, есть всегда вѣрная сторона. Оно можетъ ошибаться на счетъ лицъ, не вѣрно понимать значеніе мѣры, но его враждебное настроеніе всегда вызвано дѣйствительнымъ зломъ. Въ самомъ дѣлѣ, исторія нашего управленія въ нынѣшнемъ вѣкѣ представляетъ много печальныхъ явленій, порожденныхъ именно тѣми реформами, которыя совершились въ его началѣ. Болѣе богатые опытомъ, мы могли бы насчитать болѣе примѣровъ самовластія, нежели сколько зналъ ихъ знаменитый исторіографъ. Безконечные комитеты, на которые онъ жаловался въ 1811 году, сдѣлали съ тѣхъ поръ несомнѣнные успѣхи. Почти въ каждомъ вѣдомствѣ они возникали сотнями, свидѣтельствуя о страсти управлять, овладѣвшей министерствами въ ущербъ самостоятельности общества, а не рѣдко даже и въ подрывъ самому дѣлу. Мелочныя дѣла начали стекаться въ министерства, между тѣмъ какъ серьозныя нужды оставались безъ удовлетворенія. Завязалась безплодная переписка,—результатат многодѣлія, лишеннаго мысли Всѣ эти естественныя явленія безраздѣльно царствующей бюрократіи были менѣе возможны прежде, когда управленіе было менѣе сосредоточено и не обхватывало цѣлыя отрасли государственной жизни. Сперанскій далъ центральнымъ учрежденіямъ ту крѣпкую организацію, которая, облегчивъ дѣятельность власти, облегчила и ея злоупотребленія. Но слѣдуетъ ли изъ этого, чтобъ сама огранизація была ошибкой и не принесла ничего, кромѣ вреда? Глядя на тотъ хаосъ, въ которомъ находилось наше высшее управленіе до его реформы, трудно придти къ такому заключенію. Преобразованіе было неизбѣжно, и еслибы замѣна прежняго новымъ происходила старымъ путемъ случайнаго наростанія, то выгода была бы не большая. Можно смѣло сказать, что и тогда усиленіе центральной власти было бы неизбѣжно, и только бы совершилось съ меньшею правильностью и было бы еще тяжеле. Когда общество не умѣетъ дѣйствовать само, централизація является со всею силой неотразимаго

*) Жизнь графа Сперанскаго, часть 1-я, стр. 139—140 и 134—135.

**) Архивъ историч. и практич. свѣдѣній, книга 3-я стр. 50—59.

закона. Какъ бы точно ни были обозначены предѣлы центральной власти, ея вліяніе непремѣнно будетъ расширяться, если въ обществѣ нѣтъ другой сильной политической дѣятельности. Общественныя потребности, не удовлетворенныя самимъ обществомъ, вызовутъ регламентацію сверху даже и тогда, когда ея нѣтъ въ намѣреніяхъ закона. Законодатель, который сознаетъ вредъ подобнаго направленія, можетъ противодѣйствовать ему только заботясь о возможномъ развитіи мѣстныхъ учрежденій. Такова и была мысль Сперанскаго. Примѣняясь къ обстоятельствамъ, онъ желалъ усилить губернскія учрежденія, въ устройствѣ которыхъ доходилъ до первыхъ началъ самоуправленія. Еще лучшимъ противодѣйствіемъ могло сдѣлаться постепенное развитіе общественнаго сознанія, умѣнье пользоваться своими правами, умѣнье защищать ихъ въ предѣлахъ закона. Мысль объ этомъ созрѣваетъ въ наше время, и нѣтъ сомнѣнія, что только въ ней мы можемъ почерпнуть средства противъ недостатковъ управленія, которые такъ долго и такъ напрасно старались исправить однѣми внѣшними мѣрами.

Еще несправедливѣе упрекъ въ бюрократизмѣ. У Сперанскаго не было расположенія усиливать вмѣшательства чиновниковъ, и не замѣтно особеннаго довѣрія къ чиновничьему элементу. Напротивъ, онъ старался, по мѣрѣ возможности, привлекать къ управленію образованную часть общества, и не только боялся усложнять администрацію въ губерніяхъ, но вносилъ избирательное начало въ самый сенатъ, а въ совѣты министровъ—участіе спеціялистовъ. Считать его основателемъ бюрократіи, или хотя причиной ея преобладанія, значитъ обнаруживать совершенное незнакомство съ исторіей. Бюрократію точно также нельзя выдумать, какъ и централизацію. Въ Англіи была не одна попытка самовластія, отчего же тамъ не сложилось бюрократіи? Вотъ почему одно невѣжество можетъ называть русское чиновничество „нѣмецко-татарскимъ изобрѣтеніемъ“; одно легкомысліе можетъ не видать въ этой фразѣ тяжкаго оскорбленія для народа. Въ самомъ дѣлѣ, что такое нація, которую чуждое вліяніе можетъ подчинить силѣ, постоянно дѣйствующей нѣсколько вѣковъ сряду? Такое оправданіе народа хуже всякаго обвиненія. Еще хуже то, что такія фразы, выставляя въ ложномъ свѣтѣ цѣлый историческій фактъ, скрываютъ настоящій корень зла и замѣняютъ пониманіе его эффектными жалобами. Если бюрократическій элементъ до такой степени чуждъ русскому духу, то что же мѣшаетъ отъ него избавиться? Нѣтъ, бюрократія не была чужеземною выдумкой. Татары не могли подарить намъ ее по самой простой причинѣ: у нихъ ея не было; а нѣмцамъ было трудно дѣлать намъ такой подарокъ, за который мы могли бы отблагодарить ихъ сторицей. Не татарскіе баскаки, не „шрейберы“ петровскихъ временъ дали характеръ нашему управленію. Источникъ его заключается въ цѣломъ ходѣ нашей исторіи. Господство бюрократіи было плодомъ неразвитости общественныхъ элементовъ, которое долго дѣлало ихъ неспособными къ государственной роли. Въ обществѣ, сознающемъ интересы народнаго единства и умѣющемъ жертвовать имъ частною выгодой, бюрократія не усилится. Мѣсто ея займутъ сословія, общины, корпораціи, которыя въ административныя дѣла внесутъ начало самоуправленія, а въ государственныя — разумное содѣйствіе верховной власти. Бюрократія останется въ тѣхъ предѣлахъ, въ которыхъ она необходима. Но если общество держится только матеріяльными интересами, или безсознательною связью племеннаго единства; если, нуждаясь въ государственной власти, оно не умѣетъ содѣйствовать ей и руководится только частною пользою, то государству нѣтъ другаго средства, какъ усилить собственныя орудія. Чиновники являются здѣсь не одними изъ органовъ политической жизни, но исключительными ея пред-

ставителями. Добровольное содѣйствіе общественыхъ силъ замѣняется слѣпою покорностью людей, безусловно зависящихъ отъ власти и связанныхъ съ нею личною выгодой. Государство набираетъ для внутренняго управленія армію чиновниковъ точно также, какъ для внѣшней защиты оно набираетъ армію солдатъ. Стоитъ только вспомнить исторію западной Европы, чтобъ убѣдиться въ справедливости этого. Бюрократія не развилась только тамъ, гдѣ, какъ въ Англіи или Нидерландахъ, сословія не стояли враждебно другъ къ другу и были рано вынуждены содѣйствовать общему дѣлу. Гдѣ же, напротивъ, они были разъединены и не умѣли проникнуться государственными цѣлями, тамъ, въ интересахъ самаго народа, должна была создаться централизація, и побѣда государственной власти оставила за собою легіоны чиновниковъ. У насъ, если и не было борьбы сословій, то была за то другая, не менѣе сильная причина. Государство нигдѣ не встрѣчало ни поддержки, ни препятствія. На немъ лежала тяжелая обязанность созидать учрежденія, не выработанныя народною жизнью, но необходимыя Россіи для ея безопасности и развитія. Отъ того бюрократія появилась у насъ съ первыми началами государственнаго порядка. Она была вызвана несостоятельностью московскаго боярства, не умѣвшаго перемѣнить старыя понятія дружины на другія, болѣе государственныя. Великому князю всея Руси трудно было расчитывать на людей, которые не дѣлали различія между Литвою и Русью. Отъ того князья привыкали дѣлать дѣла, запершись въ своей опочивальнѣ, окруженные незнатными дьяками. Бюрократія развилась и усилилась вслѣдствіе слабости общиннаго быта, не удовлетворявшаго главнымъ потребностямъ государства. Передъ реформою Петра Великаго она стояла, готовая и могучая, проникая всѣ отрасли управленія и всюду принося духъ такаго формализма, какому и позже немного было примѣровъ. Въ нынѣшнемъ столѣтіи она подверглась только той перемѣнѣ, что сдѣлалась гораздо образованнѣе и принимала участіе въ лучшихъ законодательныхъ мѣрахъ. На эту-ту благопріятную перемѣну, вызванную впрочемъ самимъ временемъ, Сперанскій имѣлъ вліяніе. Ему принадлежитъ честь тѣхъ косвенныхъ мѣръ, которыя въ государственной службѣ упрочили первое мѣсто за образованіемъ и дали ему перевѣсъ надъ посѣдѣлою рутиной. Если дѣятельность русскаго чиновничества и была замѣтнѣе въ наше время, то причина этого въ томъ, что на долю его выпадало болѣе серьозныхъ вопросовъ, и что, по мѣрѣ развитія управленія, она естественно принимала большіе размѣры; но въ характерѣ этого явленія не было ничего новаго. Говоря объ администраціи XIX вѣка, этого не надобно упускать изъ виду. Справедливыя жалобы на недостатки настоящаго порядка не должны переноситься въ прошедшее. Какъ ни законно требованіе большей самостоятельности для общества, оно не даетъ намъ права бросать камень въ людей, которые дѣйствовали при другихъ условіяхъ. Осуждая недостатки бюрократическаго порядка, не забудемъ, что бюрократіи нынѣшняго столѣтія мы обязаны лучшими реформами, бывшими у насъ до сихъ поръ, и которыхъ прежде, кромѣ ея, некому было ни задумать, ни исполнить. Въ этомъ отношеніи исторія обязана отдать ей справедливость.

IV.

Переходимъ къ другимъ работамъ Сперанскаго. Мы не станимъ говорить о нихъ подробно. Это завело бы насъ слишкомъ далеко. Каждая сторона этой обширной дѣятельности могла бы сдѣлаться предметомъ особаго, большаго изслѣдованія. Укажемъ только на главные вопросы, которые занимали знаменитаго администратора въ то самое время, когда онъ пересоздавалъ высшее управленіе.

Особенное вниманіе Сперанскій обратилъ на состояніе финансовъ. Русскіе финансы находились въ его время въ довольно безотрадномъ положеніи. Періодическія колебанія, которымъ эта часть нашего управленія подвергается съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ, возобновились въ началѣ царствованія Александра I. Въ сущности однако положеніе государственнаго казначейства не было хуже того, которое продолжалось во весь XVIII вѣкъ, за исключеніемъ лучшихъ годовъ Екатерины; но обязанности, лежавшія на правительствѣ, въ виду внѣшнихъ столкновеній и внутреннихъ реформъ, дѣлали затрудненія болѣе чувствительными; къ этому надобно прибавить, что нѣсколько прежнихъ ошибочныхъ мѣръ заставляли опасаться настоящаго кризиса. Екатерина ввела въ первый разъ систему ассигнацій; эта мѣра, безъ всякаго сомнѣнія, была полезна; но потомъ, вслѣдствіе безпрестанныхъ дефицитовъ, была сдѣлана важная ошибка: неумѣренный выпускъ ассигнацій обременилъ денежный рынокъ и повелъ къ постепенному ихъ упадку. Правительство не знало, чѣмъ пополнить грозный недостатокъ средствъ, становившійся замѣтнѣе съ каждымъ годомъ. Государственный долгъ возрасталъ быстро. Бюджетъ на 1810 года представлялъ неутѣшительныя цифры: 125 милліоновъ дохода, 230 милліоновъ расхода, 577 мил. долга, ни малѣйшаго запаснаго фонда и ни одного готоваго источника дохода! Финансовая часть находилась въ рукахъ людей, то совершенно неспособныхъ, то не возвышавшихся надъ уровнемъ простой, практической опытности. Въ 1810 году оставалось не много людей и послѣдняго рода. Императоръ Александръ не зналъ, кому ввѣрить это министерство, и поручивъ его наконецъ, за отказомъ другихъ, Гурьеву, потребовалъ отъ Сперанскаго плана возможнаго преобразованія.

Этотъ планъ поспѣлъ съ той изумительной быстротою, съ какой обыкновенно созрѣвали административные проекты Сперанскаго. Въ манифестѣ объ образованіи государственнаго совѣта уже упоминалось о новыхъ мѣрахъ, и вскорѣ огромный докладъ въ 238 статей лежалъ передъ государемъ. Сперанскій отправлялся отъ мысли, что «всякій финансовый планъ, предлагающій способы легкіе и не помогающій ограниченію въ расходахъ, есть явный обманъ, влекущій государство въ погибель». Чтобъ вывести Россію изъ ея несчастнаго положенія, онъ требовалъ «сильныхъ мѣръ и важныхъ пожертвованій». Эти сильныя мѣры заключались: 1) въ пресѣченіи выпуска ассигнацій, 2) въ сокращеніи расходовъ, 3) въ установленіи лучшаго контроля надъ государственными издержками, и наконецъ 4) въ новыхъ налогахъ. Прежде всего Сперанскому удалось исполнить ту часть проекта, которая относилась къ сокращенію расходовъ. По бюджету 1810 года расходы были сокращены болѣе чѣмъ на 20 милліоновъ. Чтобы внести правильность въ употребленіе доходовъ, экономическія суммы всѣхъ вѣдомствъ объявлены принадлежащими государственному казначейству, и запрещены всякія издержки безъ представленія отъ министра финансовъ и утвержденія государственнымъ совѣтомъ. Для востановленія кредита и упадшей цѣнности ассигнацій образованъ особый капиталъ погашенія. Онъ долженъ былъ составиться посредствомъ постепенной продажи государственныхъ имуществъ въ частную собственность въ теченіи пяти лѣтъ. Сверхъ того предполагалось открыть внутренній срочный заемъ на сумму не свыше 100 милліоновъ, раздѣленную на пять частей. Коммиссія погашенія долговъ принимала вклады не менѣе 1,000 руб. серебромъ отъ лицъ всѣхъ состояній и выдавала на нихъ облигаціи, по которымъ уплачивала ежегодно по 6 процентовъ, а по истеченіи срока возращала самый капиталъ, производя всѣ эти платежи серебряною или золотою монетою. Ассигнаціи, возвратившіяся къ правительству черезъ эти вклады, сожигались.

Сама коммиссія получила такой составъ, который долженъ былъ внушить къ ней довѣріе торговыхъ классовъ: въ ней присутствовали лица какъ отъ короны, такъ и по выбору отъ купечества. Наконецъ, Сперанскій занялся положеніемъ размѣнной монеты. За главную монетную единицу принятъ былъ серебряный рубль, который съ тѣхъ поръ постоянно сохранялъ это значеніе. Приняты мѣры для увеличенія количества мелкой серебряной монеты, которою Сперанскій желалъ совершенно замѣнить мѣдную, оставивъ послѣднюю только въ небольшомъ числѣ и превративъ ее въ биллонъ. Чрезъ это онъ думалъ постепенно возтановить довѣріе къ ассигнаціямъ, облегчивъ ихъ размѣнъ на монету, и прекратить колебанія въ самой монетной системѣ.

Всѣ эти операціи удались только отчасти. Внутренній заемъ шелъ недурно, и первая часть его была покрыта въ началѣ слѣдующаго года. Но продажа государственныхъ имуществъ была очень незначительна и не покрыла нуждъ казначейства. Казенныхъ имѣній было продано, въ продолженіи 1810 года, на сумму, составлявшую около пятой части той, которую предполагалось выручить. Любопытны причины, которымъ потомъ Сперанскій приписывалъ неудачу этой мѣры. Они состояли въ слабыхъ средствахъ управленія и въ недостаткѣ вѣрныхъ свѣдѣній о государственномъ хозяйствѣ, Для продажи имѣній потребовалось составленіе описей, продолжавшееся очень долго; оцѣнка была сдѣлана преувеличенная, а мѣстныя коммиссіи, не находя въ продажѣ никакой для себя выгоды, тянули дѣло всѣми способами. Точно также не удалось и предположенное сокращеніе расходовъ. Дѣйствительный оборотъ 18.0 года превзошелъ бюджетъ на 56 милліоновъ и, вмѣсто ожидаемаго остатка, надобно было еще добавить эту сумму. Это непредвидѣнное обремененіе казначейства не было виною Сперанскаго: оно было слѣдствіемъ военныхъ приготовленій Россіи, но позже оно не разъ ставилось ему въ упрекъ. Еще болѣе жалобъ вызвала та мѣра, передъ которою такъ долго отступали русскіе финансисты, и которую рѣшительный Сперанскій не усомнился взять на себя,— увеличеніе налоговъ. По замѣчанію его, въ теченіи слишкомъ двадцати лѣтъ, „каждый членъ правительства хотѣлъ сложить съ себя бремя сей укоризны; надлежало однакожъ, чтобъ кто нибудь ее понесъ“. Налоги дали средство, по крайней мѣрѣ, уменьшить дефицитъ и, безъ всякаго сомнѣнія, много помогли правительству среди политическихъ его затрудненій. Всѣ эти мѣры были пополнены тарифомъ, имѣвшимъ благодѣтельное вліяніе на нашу торговлю, и особенно на сношенія съ Англіей.

Не входя въ подробный разборъ финансоваго плана Сперанскаго, замѣтимъ, что имъ въ первый разъ внесены начала отчетности и повѣрки въ ту часть нашего управленія, которая, нуждаясь въ нихъ всего болѣе, долѣе всѣхъ оставалась въ совершенномъ разстройствѣ. Это былъ важный и тяжелый подвигъ. Первый серьозный бюджетъ Россіи, обсужденный не однимъ или двумя лицами, а постояннымъ государственнымъ учрежденіемъ, былъ составленъ Сперанскимъ. Въ первый разъ устранялся произволъ въ финансовыхъ мѣрахъ, и распоряженія власти подкрѣплялись обращеніемъ къ довѣрію общества и гласностью операцій. Наконецъ, въ расходахъ въ первый разъ былъ какой нибудь порядокъ. Самъ Сперанскій такъ изображаетъ произведенную имъ перемѣну: „Вмѣсто того, что прежде каждый министръ могъ почерпать свободно изъ такъ называемыхъ экстра-ординарныхъ суммъ, въ новомъ порядкѣ надлежало все вносить въ годовую смѣту, потомъ каждый почти рубль подвергать учету въ двухъ инстанціяхъ совѣта, часто терпѣть отказы и всегда почти уменьшеніе, и въ концѣ всего, ожидать еще ревизіи контролера“. *) Благодаря этимъ мѣрамъ, доходы, въ

*) Жизнь графа Сперанскаго, часть 1, стр. 242.

теченіи двухъ лѣтъ, были слишкомъ удвоены. Въ 1810 году ихъ считалось только 125 милліоновъ, къ 1812 году сумма ихъ доходила до 300 милліоновъ. Опасенія, возбужденныя крутымъ поворотомъ въ финансахъ, не оправдались. Не смотря на ропотъ общества на налоги, а министровъ - на контроль и отчетность, не смотря на мрачныя предсказанія со всѣхъ сторонъ, правительство освободилось отъ главныхъ своихъ затрудненій.

Гораздо менѣе пользы принесла въ это время другая дѣятельность Сперанскаго. Человѣкъ, впослѣдствіи связавшій свое имя съ сводомъ законовъ и открывшій новую эпоху въ законодательствѣ Россіи, началъ свои труды съ самой неудачной попытки. Направленіе, которое, съ 1808 года до самой ссылки, онъ давалъ коммиссіи составленія законовъ, справедливо подвергалось нареканію. Онъ не понялъ тогда своей задачи и съ перваго раза попалъ на ложную дорогу. Но ошибка его не была совершенно-произвольна и объясняется отчасти исторіею законодательныхъ работъ въ Россіи. Трудно представить себѣ что-нибудь безотраднѣе состоянія русскихъ законовъ въ продолженіи XVIII вѣка и въ началѣ нынѣшняго. Слишкомъ сто лѣтъ смѣнялись, одна за другою, коммисіи законовъ, и когда Сперанскій приступилъ къ своей работѣ, ихъ насчитывалось уже десять. Вникая въ характеръ того законодательства, которое постепенно наростало послѣ уложенія 1649 года, легко понять причину ихъ полнаго неуспѣха. Уложеніе было плодомъ приказной практики и само продолжало пополняться ею. Всѣ его положенія и всѣ новоуказныя статьи, были результатомъ „примѣрныхъ дѣлъ" и приговоровъ боярской думы. Но приказная практика находилась тогда въ переходномъ состояніи. Въ теченіи XVII вѣка сложилось такъ много новыхъ отношеній, что старинное, казуистическое право давно не удовлетворяло имъ. Безпрестанно возникали дѣла, которыя не могли быть рѣшены по прежнимъ, немногосложнымъ законамъ. Помѣстное и вотчинное право, формы судопроизводства, система обязательствъ, все понемногу перерождалось. Нужна была полная переработка юридическихъ началъ, для которой не доставало у насъ самаго перваго условія—науки. Реформа Петра еще болѣе затруднила и безъ того сложную задачу. Она дала такой поворотъ жизни, при которомъ прежнія юридическія понятія не всегда оказывались состоятельными Половинныя мѣры этого времени не помогали дѣлу, а скорѣе запутывали его. Вскорѣ самыя главныя основанія русскаго права были подкопаны странною неопредѣленностью. Вотъ одинъ любопытный примѣръ этого. Въ 1738 году одна изъ многочисленныхъ коммиссій уложенія, пятая по счету, наивно требовала у коллегій и губерній объясненія по самымъ существеннымъ вопросамъ судопроизводства. Она спрашивала, по какимъ причинамъ разрѣшается неявка истцовъ и отвѣтчиковъ, какіе допускаются повѣренные, отчего „розыскныя и пыточныя дѣла" тянутся долго и не могутъ быть рѣшены „безъ дальняго кровопролитія" и проч. *). Къ запутанному положенію законодательства присоединялось еще совершенное непониманіе путей реформы. Коммиссіи должны были не только собирать существующіе законы, но также „и новые пунты дѣлать", если въ прежнихъ что нибудь покажется „несходнымъ". Работа ихъ называлась то „сводомъ", то „сочиненіемъ уложенія". Понятно, что исполнить заразъ обѣ эти задачи было почти невозможно: трудно исправлять законодательство, только что знакомясь съ нимъ и еще не зная его въ полномъ объемѣ. Неясность цѣли отражалась и въ составѣ коммиссій. Правительство то обращало вниманіе на техническую сторону работы, то заботилось, чтобъ законы были удобны для населенія. Поэтому составъ коммиссій безпрестанно измѣнялся. Онѣ поперемѣн-

*) П. С. З. № 7486.

но наполнялись то изъ числа „людей свѣдомыхъ въ правахъ“, то просто „знатными и добрыми людьми“ изъ офицеровъ и дворянъ, выбранныхъ въ провинціяхъ, по старому преданію уложенія. Послѣдній способъ лучше всего доказываетъ, какъ невѣрно понимались тогда и современныя требованія и труды прежняго времени. Соборъ, созванный въ 1649 году, вовсе не былъ законодательною коммиссіею; составить уложеніе было поручено не ему, а спеціялистамъ—дьякамъ. Соборъ долженъ былъ только выслушать законы и подать просьбы объ отмѣнѣ тѣхъ изъ нихъ, которые казались обременительны. Ему предоставлено было утвердить сдѣланную работу и дать ей значеніе „соборнаго уложенія“. Въ XVIII столѣтіи на депутатовъ хотѣли возложить обязанность, къ которой они были совершенно неспособны,—составить систематическій сводъ и, въ добавокъ, переработать его. Верховный надзоръ сената, разрѣшавшаго сомнительные вопросы, былъ плохою помощью, и съ 1700 года по 1767 ничего не было сдѣлано. Въ этомъ году императрица Екатерина созвала свою знаменитую коммисію, о которой теперь такъ много преданій и такъ мало вѣрныхъ свѣдѣній. Эта коммиссія отличалась отъ прежнихъ не только бо̀льшимъ значеніемъ, но и лучшимъ устройствомъ. Ей предоставленъ былъ пересмотръ законовъ по всѣмъ частямъ законодательства, исключая военную и морскую. Депутаты не были, по прежнему, выбраны сенатомъ, или губернаторами по соглашенію съ шляхетствомъ; купцы призывались не по однимъ коммерческимъ дѣламъ; всѣ сословія, даже крестьяне и иновѣрцы, выбирали своихъ депутатовъ непосредственно. По крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ сословія даже дали имъ инструкціи, съ подробнымъ указаніемъ на свои нужды. Это было настоящее законодательное собраніе. Организація коммиссіи была довольно удачна. Она подраздѣлялась на отдѣльныя коммисіи, которыя составляли проекты для общаго собранія; сверхъ того четыре изъ нихъ наблюдали за внѣшнимъ ходомъ дѣла; одна занималась особенно собраніемъ и сводомъ существующихъ законовъ. Казалось, всѣ условія соединились для успѣшнаго хода работы; но она подвинулась немного. Общее собраніе было распущено, правда, черезъ пять мѣсяцевъ, но отдѣльныя коммиссіи трудились цѣлыя пять лѣтъ и приготовили только нѣсколько плановъ и небольшихъ проектовъ. Замѣчательно, что почти тотчасъ было признано полезнымъ уменьшить число ихъ членовъ. Не имѣя подробныхъ свѣдѣній о работѣ ихъ, трудно, конечно, судить объ ея результатѣ. Сохранилось преданіе, что Екатерина много черпала послѣ изъ составленныхъ тогда проектовъ; но главная цѣль коммиссіи—составленіе сборника законовъ, все таки не была достигнута. По крайней мѣрѣ позднѣйшая исторія русской кодификаціи нисколько не свидѣтельствуетъ о подготовкѣ ея знаменитою попыткою Екатерины, имѣвшей много значенія для воспитанія общества, но, кажется, никакого для свода законовъ.

Послѣ такой блестящей неудачи, естественно было возвратился къ прежней методѣ. При императорѣ Павлѣ назначена была девятая коммиссія съ очень небольшимъ числомъ чиновниковъ, въ подчиненіи генералъ-прокурору, и съ самою простою задачей. Ей поручалось собрать существующіе законы и раздѣлить ихъ на три книги, по страннымъ рубрикамъ: законовъ гражданскихъ, уголовныхъ и казенныхъ. Работа совершенно отвѣчала лихорадочному типу цѣлой эпохи. Она шла быстро: было составлено 17 главъ о судопроизводствѣ, 9 о дѣлахъ вотчинныхъ и 13 объ уголовныхъ законахъ. Что̀ это были за проекты, видно изъ того, что при императорѣ Александрѣ пришлось все дѣло начинать снова.

Коммиссія 1804 года была первая, ставшая хотя отчасти на вѣрную дорогу. Возникшая по плану барона Розен-

кампфа, она находилась при министерствѣ юстиціи и состояла изъ совѣта и трехъ экспидицій, подъ начальствомъ референдаріевъ. Но отказываясь отъ двойной цѣли—собранія и исправленія законовъ, она по крайней мѣрѣ поняла невозможность дать государству вдругъ совершенно новое законодательство. По докладу тогдашняго министра юстиціи князя Лопухина, на коммиссію была возложена обязанность «изъ существующихъ въ Россіи указовъ и постановленій извлечь законы, утвержденные уже печатію народнаго благоденствія». Дѣломъ ея былъ притомъ не простой выборъ законовъ, но еще утвержденіе ихъ „на непоколебимыхъ основаніяхь права", выраженіе, которымъ докладъ переводитъ латинскій терминъ: principia juris*). Нѣтъ сомнѣнія, что цѣль кодификаціи никогда еще не была указана такъ ясно. Но избранная метода была менѣе удачна: безъ предварительнаго историческаго собранія законовъ коммиссіи легко было потеряться въ частностяхъ. Это и случилось, и притомъ тѣмъ легче, что главнымъ распорядителемъ работы было лицо иностраннаго происхожденія, мало знакомое съ Россіею и еще менѣе съ ея исторіей. Розенкампфъ,на практикѣ, безпрестанно уклонялся отъ собственнаго плана. Громадные размѣры труда давили его; онъ безпрестанно изобрѣталъ новыя системы кодификаціи, то занимаясь сличеніемъ иностранныхъ законодательствъ, то бросаясь въ историческую школу, то наконецъ прибѣгая къ тереотическому объясненію законовъ. „Его коммиссія, говоритъ баронъ Корфъ, подвигалась точно также медленно и безуспѣшно, какъ прежнія; въ публикѣ же не могли довольно надивиться, что къ составленію уложенія для величайшей въ свѣтѣ имперіи выбранъ, предпочтительно передъ всѣми, человѣкъ, не знающій ни ея законовъ, ни нравовъ и обычаевъ, ни даже языка". **)

Въ такихъ обстоятельствахъ императоръ Александръ обратился къ Сперанскому. Это было въ 1808 году, не задолго до эрфуртской поѣздки. Сперанскій былъ назначенъ присутствующимъ въ совѣтѣ коммиссіи, гдѣ до тѣхъ поръ находились только министръ юстиціи и его товарищъ, и вскорѣ сдѣлался настоящимъ ея начальникомъ. Не смотря на это, онъ не скоро принялся за работу, и назначеніе его имѣло сначала только одно послѣдствіе—совершенную остановку комиссіи. Занятія ея возобновились уже въ 1809 году, когда Сперанскій сдѣланъ былъ товарищемъ министра юстиціи. Составъ коммиссіи подвергся тогда полному измѣненію. Совѣтъ ея увеличенъ новыми членами и вмѣсто прежнихъ экспедицій, учреждены отдѣленія, особо для каждаго права: гражданскаго, уголовнаго, торговаго, провинціальнаго и т. д. Вся распорядительная часть сосредоточивалась въ рукахъ одного Сперанскаго; а совѣтъ, какъ онъ говорилъ впослѣдствіи, былъ учрежденъ болѣе „для примиренія коммиссіи съ общимъ мнѣніемъ". Но общему мнѣнію трудно было примириться съ дѣломъ, которое вовсе не двигалось, и, вѣроятно, чувствуя это, Сперанскій рѣшился взять коммисію въ ближайшее свое завѣдываніе. Въ 1810 году она была превращена въ учрежденіе, непосредственно подчиненное государственному совѣту, собственный ея совѣтъ упраздненъ, а Сперанскій получилъ званіе директора. Съ этой минуты работа закипѣла, и вмѣстѣ съ тѣмъ начались громкія, вполнѣ справедливыя жалобы на легкомысленный способъ, которымъ совершался величайшій законодательный переворотъ. Въ самомъ дѣлѣ, трудно представить себѣ что нибудь неудачнѣе. Изумительная легкость пріемовъ сопровождала законадательныя труды человѣка, который въ административной реформѣ обнаружилъ столько осторожности и такта. Сперанскій не затруднялся прісканіемъ средствъ для самой радикальной пере-

*) П. С. З № 21, 187.
**) Жизнь графа Сперанскаго, часть 1. стр. 147 - 148.

мѣны. Его метода не грѣшила сложностью. Онъ далъ каждому отдѣленію особый планъ для составленія различныхъ уложеній. Эти планы были простыя перечисленія рубрикъ по французскому кодексу, и къ нимъ-то канцелярскіе законодатели должны были пріурочивать будущее русское право. Но этого было мало. Канцелярская ребота лежала по прежнему на Розенкампфѣ, которому Сперанскій не довѣрялъ. Розенкампфъ составлялъ проекты по французски, и прежде внесенія ихъ въ государственный совѣтъ, ихъ надобно было, кромѣ исправленія, еще переводить. Эта переработка совершалась очень быстро. Директоръ коммиссіи посвящалъ ей нѣсколько часовъ въ каждый понедѣльникъ, передъ самымъ засѣданіемъ совѣта. Въ 6 часовъ утра къ нимъ являлся старшій письмоводитель Вронченко съ русскимъ переводомъ тетрадей Розенкампфа. „Сперанскій, прочитывая работу, перечеркивалъ большую ея часть; исправленное имъ Вронченко приводилъ въ порядокъ, а четыре писца переписывали, и къ началу засѣданія поспѣвало нѣсколько стройныхъ главъ". *) Такъ было составлено почти все гражданское уложеніе, котораго двѣ части были уже одобрены государственнымъ совѣтомъ въ 1812 лоду, а третья разсматривалась. Россія чуть не получила плохой переводъ наполеоновскаго кодекса въ качествѣ своего гражданскаго права. Что такое были эти проекты, можно заключить изъ этого, что ими безъ всякой нужды вносились чуждыя юридическія понятія, иногда стѣснительныя и тамъ, гдѣ они созданы исторіей, и пропускались безъ вниманія цѣлыя, вѣковыя стороны нашей юридической жизни. Напримѣръ, въ наслѣдственное право вносилось, неизвѣстно зачѣмъ, римское понятіе о законномъ наслѣдникѣ (въ противоположность легатарію), а между тѣмъ въ отдѣлѣ собственности не сказано были ни слова о различныхъ видахъ сословнаго владѣнія. Были не только безполезныя перемѣны, но даже и противорѣчія. Старинное наслѣдованіе женою 7-й части замѣнено было отдачею въ пожизненное владѣніе цѣлой половины имѣнія; въ одной статьѣ говорилось, что жалобы на составленіе участковъ въ наслѣдствѣ не допускаются, а другая позволяла просить передѣла по уважительнымъ причинамъ*). Нельзя понять, какимъ образомъ въ государственномъ совѣтѣ, гдѣ было столько личныхъ враговъ у Сперанскаго, подобные проекты не встрѣтили болѣе сильной оппозиціи и не были совершенно отвергнуты. Но сила его была такъ велика, что, не смотря на общее негодованіе, они проходили благополучно, и быстро воздвигался новый юридическій быть, къ великому прискорбію тѣхъ, которые утверждали его своимъ податливымъ согласіемъ.

Мы не станемъ оправдывать Сперанскаго. Его увлеченія нельзя объяснить однимъ легкимъ взглядомъ эпохи. Онъ очевидно не выполнилъ даже и тѣхъ условій, которыя, по собственному его мнѣнію, были необходимы для удачнаго хода дѣла. Не видно, напримѣръ, чтобъ переписка съ иностранными учеными, съ которыми сначала онъ хотѣлъ совѣтоваться, имѣла хотя сколько нибудь вліянія на скороспѣлую работу коммиссіи. Скажемъ просто: здѣсь онъ былъ менѣе приготовленъ, нежели въ администраціи, и поддался невольному чувству собственаго превосходства и довѣрія къ себѣ Можетъ быть также, что и онъ отчасти не могъ устоять противъ опьяняющаго дѣйствія власти и не желалъ лишить себя того значенія, которое новой трудъ давалъ ему въ глазахъ современниковъ. Но при всемъ этомъ. его увлеченіе было однако гораздо понятнѣе въ то время, чѣмъ оно было бы въ наше. Быстрое составленіе наполеонова кодекса его очаровало, а при недостаткѣ юридическаго образо-

*) Жизнь графа Сперанскаго, часть 1-я, стр. 158.

*) Чтенія, 1859 года, книга 3, смѣсь, стр. 1—28.

ванія, ему осталась неизвѣстна вѣковая, историческая подготовка этого памятника. Впослѣдствіи онъ сталъ серьезнѣе смотрѣть на дѣло, и понялъ, что законы не импровизируются.

Не останавливаясь на второстепенныхъ занятіяхъ Сперанскаго, которыхъ было очень много, поговоримъ о двухъ указахъ, которые играли важную роль въ его судьбѣ. Оба они вышли въ 1809 году. Одинъ относился къ придворнымъ званіямъ, другой былъ знаменитый указъ объ экзаменѣ на гражданскіе чины.

Указъ о каммергерахъ и каммеръ-юнкерахъ отнималъ у нихъ привилегію, которою они пользовались со временъ Екатерины II, получать, вмѣстѣ съ придворнымъ званіемъ, чины 4-го и 5-го классовъ. Это право, избавлявшее знатную молодежь отъ труда долговременной службы, вело къ наполненію высшихъ государственныхъ должностей людьми не только неспособными, но даже вовсе безъ опыта. Уничтоженіе такого страннаго преимущества, обдуманное государемъ съ однимъ Сперанскимъ, было новостью для всего двора. Понятно, какой гнѣвъ должна была возбудить эта мѣра въ рядахъ тогдашнихъ вельможъ, затронутыхъ въ лицѣ своихъ сыновей и родственниковъ. Указъ 3-го апрѣля не только отнималъ всякую надежду на быстрое повышеніе въ будущемъ, но оскорблялъ и настоящіе интересы, требуя отъ каммергеровъ и каммеръ-юнкеровъ поступленія въ дѣйствительную службу въ теченіи двухъ мѣсяцевъ. Въ глазахъ всѣхъ заинтересованныхъ сторонъ новый законъ принялъ размѣры настоящей политической катастрофы. Въ любопытной перепискѣ графа де-Мэстра сохранились живыя подробности всеобщей скорби, овладѣвшей сердцами настоящихъ и будущихъ придворныхъ: заговорили чуть-чуть не о паденіи государства; на Сперанскаго посыпались обвиненія въ иллюминатствѣ, революціонномъ духѣ, въ ненависти къ дворянству и т. д. Все это, безъ сомнѣнія, немало подготовило то нерасположеніе, съ которымъ были встрѣчены административныя реформы 1810 года.

Но Сперанскій не боялся ропота. Поразивъ интересъ высшаго дворянства въ самое чувствительное мѣсто, онъ поднялъ противъ себя, черезъ четыре мѣсяца, другую, страшную бурю въ низшихъ рядахъ государственной службы. 10-го августа того же года вышелъ другой указъ, тоже обдуманный Александромъ и Сперанскимъ съ глазу на глазъ и заранѣе извѣстный одному Аракчееву. Запрещалось производить въ чины коллежскаго ассессора и статскаго совѣтника безъ университетскаго аттестата или предварительнаго экзамена. Люди, посѣдѣлые на службѣ, вдругъ лишались всякой надежды на повышеніе. Стонъ и плачъ распространился по цѣлой имперіи, и провинціи, до тѣхъ поръ равнодушныя къ петербургскимъ сплетнямъ, присоединились къ столицамъ въ общемъ хорѣ проклятій. Сарказмы посыпались на дерзкаго поповича. Кто-то на публичномъ маскарадѣ въ Петербургѣ привлекъ общее вниманіе, нарядившись въ старинный мундиръ и повѣсивъ себѣ на спину надпись: „№ 1,200,301, вѣчнаго цеха титулярный совѣтникъ“. Кажущаяся непослѣдовательность указа давала обильную пищу критикѣ. Спустя два года Карамзинъ справедливо замѣчалъ въ своей запискѣ, что у насъ требованія отъ чиновниковъ, которыхъ прежде вовсе не было, вдругъ стали выше, чѣмъ въ самыхъ просвѣщенныхъ государствахъ. „У насъ предсѣдатель гражданской палаты обязанъ знать Гомера и Өеокрита, секретарь сенатскій-свойства оксигена и всѣхъ газовъ, вице-губернаторъ — пиѳагорову фигуру, надзиратель въ домѣ сумасшедшихъ — римское право, или умрутъ надворными и титулярными совѣтниками!“ *) Люди, которые и не доходили до такихъ преувеличеній, не могли однако не замѣтить, что вслѣдствіе новаго закона опытность совершенно исключалась, на пер-

*) Жизнь графа Сперанскаго, часть 1-я, стр. 180.

вое время, изъ высшихъ административныхъ мѣстъ. Всѣхъ поражала явная несообразность—требовать отъ чиновниковъ неспеціальнаго образованія, необходимаго для службы, а общаго, которое повидимому вовсе для нея не нужно. Чрезъ нѣсколько лѣтъ къ этимъ причинамъ осужденія можно было прибавить новыя: испытаніе сѣдыхъ экзаменующихся не могло быть серьознымъ; экзаменъ поэтому тотчасъ превратился въ пустую формальность, или, что̀ еще хуже, въ торговлю университетскими свидѣтельствами. Во всѣхъ этихъ нареканіяхъ была, разумѣется, доля правды. Радикальная ошибка новой мѣры состояла въ томъ, что она касалась не только будущаго, но не щадила и настоящаго. Въ сущности не было никакой необходимости подвергать такому истязанію людей, состарѣвшихся на службѣ, и достаточно было устранить необразованныхъ чиновниковъ на будущее время, назначивъ, напримѣръ, срокъ, послѣ котораго не допускается производства безъ аттестата. Но это единственный серьозный упрекъ, который можно сдѣлать указу 1809 года. Всѣ другіе разлетаются при первомъ внимательномъ взглядѣ. Въ особенности Сперанскій показалъ тактъ государственнаго человѣка, требуя вообще университетскаго аттестата, а не спеціяльнаго, административнаго экзамена. Послѣдній былъ невозможенъ вь тогдашней Россіи. Спеціяльное испытаніе хорошо тамъ, гдѣ существуетъ наука права, гдѣ есть обработанная судебная практика, юридическая или политическая литература. Ничего этого у насъ тогда не было; оставалось по этому ограничиться требованіемъ общаго образованія, съ цѣлью—доставить службѣ людей болѣе развитыхъ умственно и нравственно. Въ предѣлахъ возможности эта цѣль была достигнута. Съ 1809 года старинные подъячіе, наслѣдники московскихъ приказовъ, постепенно отодвигаются въ ряды низшей администраціи, и уровень служебной нравственности, какъ ни низко стоялъ онъ по временамъ, поднимается сравнительно съ тѣмъ временемъ, когда, безъ зазрѣнія совѣсти, служба называлась „наживочными дѣлами", и люди, составляющіе гордость потомства, не стыдились однако обкрадывать свое отечество.

V.

Въ то время, когда Сперанскій такъ быстро продолжалъ свои реформы, противъ него неутомимо велась подземная работа и накоплялась страшная гроза, ждавшая только минуты, чтобъ разразиться. Въ глазахъ придворной аристократіи Сперанскій былъ ненавистнѣе всякаго временщика. Онъ тревожилъ ее не только своими мѣрами. но цѣлой своей личностью. Временщики былаго времени дѣлались иногда предметомъ зависти, вызывали противъ себя интриги, но они не задѣвали всѣхъ интересовъ, и для нѣкоторыхъ вліяніе ихъ было не безъ личной пользы. Сперанскій, напротивъ, былъ опасенъ для всякаго личнаго вліянія, потому что своимъ значеніемъ былъ обязанъ не случаю, а тѣмъ государственнымъ идеямъ, которыхъ былъ представителемъ. Начатыя имъ реформы каждый день сметали какую нибудь привилегію. При новомъ порядкѣ становилось тѣсно полуграмотнымъ дѣльцамъ XVIII вѣка и фаворитамъ гатчинскаго лагеря. Съ другой стороны Сперанскій поднялъ на себя цѣлые полки подъячихъ. Опоры у него не было. Его свѣтскія связи были рѣдки и не прочны. Осторожность, а можетъ быть, и нѣкоторая гордость, мѣшали ему сближаться съ высшимъ кругомъ. Эта сдержанность, которая такъ много помогла ему въ началѣ карьеры, теперь обратилась ему во вредъ. Она многихъ оскорбляла и всѣхъ заставляла предполагать какіе-то скрытные замыслы въ молчаливомъ совѣтникѣ государя. Начались догадки, иногда, можетъ быть, даже искреннія. Сперанскій самъ помогалъ имъ. Среди упоенія успѣха и въ сознаніи власти, у него по временамъ вырывались слова, которыя пугали обще-

ство. Такъ, воротясь изъ Эрфурта, онъ безпрестанно говорилъ, что у насъ все дурно, все нужно передѣлать: *„il faut trancher dans le vif, tailler en plein drap“*, хотя самъ же черезъ годъ совѣтывалъ императору „не терять времени, но избѣгать всякой торопливости“. Личное неудовольствіе многихъ раздувало общественную подозрительность. Особенно негодовала на него большая часть министровъ, для которыхъ онъ былъ олицетвореніемъ надзора, между тѣмъ какъ, по его же выраженію, каждый изъ нихъ считалъ свое министерство за пожалованную деревню. Наконецъ, даже лучшія его реформы давали пищу обвиненіямъ. Благодаря имъ, зло, таившееся прежде, нерѣдко выходило наружу, а колебанія въ общественномъ порядкѣ, обыкновенно сопровождающія переходъ отъ стараго къ новому, клались на долю самихъ преобразованій.

Затронутыя страсти породили тысячу разнородныхъ слуховъ. Сперанскаго обвиняли и въ желаніи усилить дѣйствіе правительства, и въ стремленіи ограничить самодержавную власть, и въ иллюминатствѣ, и въ корыстолюбіи, а болѣе всего въ ненависти къ дворянству и въ пристрастіи къ поповичамъ и мелкимъ людямъ. Мало по малу эти неясныя обвиненія приняли опредѣленную форму. Какъ это сдѣлалось, понять не трудно. Въ обществѣ безгласномъ, естественно возникаетъ привычка вѣрить всякому слуху, какъ бы онъ ни былъ нелѣпъ, потому что доискаться истины почти невозможно. Для того, чтобъ придать темной, неясной клеветѣ всю силу полновѣснаго обвиненія, довольно бросить какое нибудь слово, подъ которымъ всякій можетъ разумѣть, что̀ ему угодно. Каждая эпоха имѣетъ свои подобныя слова. Въ наше время, когда направленіе правительственнаго лица не нравится, его называютъ „бюрократомъ“, и этого довольно, чтобъ окончательно осудить и лицо, и направленіе. Въ началѣ нынѣшняго вѣка этотъ терминъ не былъ еще въ ходу; найдено было другое странное слово: Сперанскаго обвиняли въ предательствѣ и, разумѣется, въ сношеніяхъ съ Франціею, съ которою начиналась великая борьба 1812 года.

Долгое время однако эти обвиненія не смѣли возвысить голоса къ самому государю. Они обращались только въ обществѣ. Въ высшихъ слояхъ его ходила по рукамъ записка о реформахъ 1810 года, которую тогда приписывали графу Армфельду, но, по догадкѣ барона Корфа, составленная Розенкампфомъ; въ среднихъ кругахъ распространился другой обвинительный актъ, подъ именемъ графа Растопчина и, по всей вѣроятности, подложный. Записка Розенкампфа повторяла, на плохомъ французскомъ языкѣ, тѣ мнѣнія, которыя мы видѣли въ другой, болѣе изящной формѣ подъ перомъ Карамзина; но то, что̀ Карамзинъ считалъ плодомъ политическаго легкомыслія принимало здѣсь размѣры стройнаго, революціональннаго плана, съ прямою цѣлью—разстроить всѣ отрасли управленія и привести государство къ конечной гибели. Еще проще и грубѣе обвиняло Сперанскаго мнимое письмо Растопчина къ императору Александру. Въ этомъ письмѣ государственный секретарь выставлялся главою заговора, дѣйствующаго въ интересахъ Наполеона, и желающаго лишить Россію средствъ обороны въ предстоящей войнѣ. Главный фактъ, на который опирался безыменный доносъ, состоялъ въ предположеніи, будто бы Сперанскій совѣтовалъ государю усилить польскую армію для того, чтобы оставить Финляндію и Петербургъ беззащитными передъ вторженіемъ непріятеля. Любопытно, что это подметное письмо, которое расходилось сотнями и привлекло наконецъ вниманіе полиціи, уже указывало на одного изъ главныхъ участниковъ въ паденіи Сперанскаго. „Избери орудіемъ,—сказано здѣсь,—Александра Балашева, который, хотя и участвовалъ въономъ дѣлѣ, но принуженно, для узнанія истины“.

Такими средствами, конечно, трудно было дѣйствовать на императора Александра, но ими цѣль достигалась косвен-

но. Распространялись слухи, которые пугали воображеніе общества, и безъ того сильно возбужденнаго. При случаѣ этотъ испугъ можно было выдать за голосъ общественнаго мнѣнія. Къ сожалѣнію, клевета нашла себѣ опору въ безпристрастномъ голосѣ двухъ честныхъ людей, говорившихъ отъ полноты убѣжденія. Въ 1811 году государь, посѣщая въ Твери сестру свою Екатерину Павловну, сблизился съ Карамзинымъ и прочелъ его записку „о старой и новой Россіи"; въ Петербургѣ онъ часто видѣлся съ знаменитымъ борцомъ реакціи, съ графомъ де-Мэстромъ, и благосклонно слушалъ его совѣты. Эти совѣты были опасны: въ нихъ, сквозь недовѣріе къ реформамъ и преувеличенный страхъ революціи, слышался голосъ государственнаго человѣка, котораго односторонній взглядъ искупался яснымъ пониманіемъ нѣкоторыхъ сторонъ общественнаго развитія. Не легко было устоять противъ такихъ разнородныхъ вліяній и всего труднѣе, можетъ быть, для императора Александра. Въ его тонкомъ умѣ и постоянномъ недовѣріи къ себѣ лежалъ зародышъ тѣхъ колебаній, которыя потомъ отозвались коренной перемѣной въ его политикѣ.

Долгое время враги не смѣли дѣйствовать открыто. Борьба съ Сперанскимъ была не легкое дѣло. Онъ былъ постоянно на сторожѣ и шелъ на встрѣчу своимъ непріятелямъ. Еще за годъ до паденія онъ прибѣгнулъ къ обыкновенной тактикѣ министровъ, и самъ предложилъ государю уволить его отъ всѣхъ должностей, кромѣ званія директора коммиссіи законовъ, указывая на ненависть къ себѣ двора и подробно упоминая о всѣхъ обвиненіяхъ. Какъ и слѣдовало ожидать, Александръ не пожертвовалъ Сперанскимъ. Позже онъ, кажется, былъ не прочь отъ болѣе рѣшительныхъ мѣръ. По крайней мѣрѣ въ Перми онъ публично сказалъ у архіерея, что еслибы Балашовъ не ускорилъ двумя часами, то былъ бы на его мѣстѣ. *) Не мудрено поэтому, что прежде окончательной борьбы враги попытались, вмѣсто низверженія, раздѣлить съ нимъ власть. Какія-то два лица, уже облеченныя довѣріемъ государя, по словамъ самого Сперанскаго, предлагали ему „учредить изъ нихъ и себя, помимо монарха, безгласный, тайный комитетъ, который управлялъ бы всѣми дѣлами, употребляя государственный совѣтъ, сенатъ и министерства единственно въ видѣ своихъ орудій" *). Онъ съ негодованіемъ отвергнулъ это предложеніе, и буря разразилась.

*) Жизнь графа Сперанскаго, часть 2-я, стр. 55.

17-го марта 1812 г., въ воскресенье, Сперанскій, за обѣдомъ, получилъ, черезъ фельдъ-егеря, приказаніе явиться къ государю въ 8 часовъ вечера. Эти приглашенія случались часто, и Сперанскій спокойно поѣхалъ въ зимній дворецъ. Въ секретарской комнатѣ дожидались дежурный генералъ-адъютантъ и два министра; но государственный секретарь былъ позванъ прежде ихъ. Цѣлые два часа продолжалась аудіенція. Наконецъ дверь отворилась, и Сперанскій вышелъ, блѣдный и взволнованный. Торопливо уложивъ въ портфель бумаги и простясь съ министрами, онъ отправился домой. Здѣсь уже ожидалъ его министръ полиціи Балашовъ. Кабинетъ его былъ опечатанъ. У Сперанскаго не достало духу проститься съ семействомъ. Поздно ночью онъ выѣхалъ изъ Петербурга, въ сопровожденіи частнаго пристава, въ ссылку, которой мѣстомъ былъ назначенъ Нижній-Новгородъ. Его ближайшій пріятель Магницкій, впослѣдствіи такъ храбро перешедшій въ другой лагерь, былъ тоже арестованъ ночью и сосланъ. Что происходило между Александромъ и его прежнимъ другомъ, осталось тайною. Ни въ многочисленныхъ запискахъ того времени, ни въ длинныхъ, оправдательныхъ письмахъ самого Сперанскаго, не видно, въ чемъ состоялъ доносъ на него. Въ письмѣ, которое онъ прислалъ изъ Перми, сказано, что Александръ говорилъ ему о трехъ пунктахъ обвиненія: разстройствѣ финансовъ, возбужденіи налогами народ-

*) Тамъ же, стр. 7.

ной ненависти, и дурныхъ отзывахъ о правительствѣ. Но очевидно, что такія общія мѣста не могли быть главной причиной ссылки. Сперанскій оправдывается только въ одномъ незаконномъ поступкѣ, — въ томъ, что, случайно употребленный въ дѣлахъ внѣшней политики, онъ позволилъ себѣ потомъ брать копіи съ нѣкоторыхъ депешъ изъ министерства иностранныхъ дѣлъ. Вѣроятно, только это и было выставлено, какъ доказательство сношеній съ Наполеономъ. Вѣрилъ ли этому Александръ, — сказать трудно. Повидимому, въ первую минуту онъ сталъ на сторону обвинителей. Это можно заключить изъ письма къ нему дерптскаго профессора Паррота, съ которымъ у императора была постоянная, никому не извѣстная переписка. Здѣсь говорится о намѣреніи „разстрѣлять Сперанскаго", противъ котораго Парротъ возсталъ съ ужасомъ честнаго человѣка. Во всякомъ случаѣ сильное подозрѣніе не долго продолжалось у государя. Можетъ быть даже, что оно было только невольнымъ влеченіемъ сердца оправдать передъ собою несправедливую мѣру. Какъ бы то ни было, впослѣдствіи Александръ постоянно говорилъ, что Сперанскій никогда не былъ измѣнникомъ. Остается предположить, что онъ былъ принесенъ въ жертву, какъ самъ онъ выразился, „мнимому общему мнѣнію", и въ угоду его удаленъ съ такою ненужною жестокостью. Иначе нельзя объяснить отзывовъ государя на другой день послѣ ссылки. Въ разговорѣ съ княземъ Голицынымъ, 18-го числа, онъ сказалъ ему замѣчательныя слова: „еслибъ у тебя отсѣкли руку, ты вѣрно кричалъ бы и жаловался, что тебѣ больно: у меня въ прошлую ночь *отняли* Сперанскаго, а онъ былъ моею правою рукой!" *)

Императоръ Александръ былъ правъ: Сперанскаго отняли, отняли не только у него, но и у цѣлой Россіи. Государь остался окруженный людьми безъ политической мысли, и часто преданными личнымъ интересамъ. Для Россіи — закрылась пора внутренняго обновленія, и лучшія намѣренія правительства остановились по недостатку орудій. Высшее управленіе снова погрузилось въ хаосъ случайныхъ мѣръ, изъ которыхъ на время оно было выведено смѣлымъ умомъ государственнаго человѣка.

Не лучшая пора начиналась для самого Сперанскаго; его характеръ болѣе гибкій, нежели твердый, не выдержалъ тяжелаго удара. Сначала онъ какъ будто не хотѣлъ вѣрить безвозвратности своего паденія. Въ твердой надеждѣ на свою невинность, онъ пишетъ, одно за другимъ, письма къ государю. Но письма не доходятъ, или остаются безъ отвѣта. Между тѣмъ положеніе его въ ссылкѣ становится невыносимымъ. За нимъ слѣдятъ шагъ за шагомъ, каждая фраза его доходитъ до Петербурга съ разными толкованіями, и въ то время, когда онъ ждетъ облегченія участи, довольно одного неосторожного слова, чтобъ удалить его изъ Нижняго Новгорода въ Пермь. Здѣсь, оставленный всѣми, заклейменный именемъ измѣнника, и даже безъ матеріальныхъ средствъ жизни, онъ падаетъ духомъ. Тонъ его переписки постепенно понижается. Вмѣсто оскорбленнаго достоинства, которымъ дышатъ первыя письма, онъ начинаетъ умолять о милосердіи. Въ 1814 году, когда нѣкоторыхъ изъ враговъ его уже не было на свѣтѣ, онъ обратился къ государю съ письмомъ, написаннымъ въ томъ мистическомъ тонѣ, который сталъ отличать его со времени ссылки. Въ этомъ письмѣ онъ проситъ позволенія поселиться въ своей маленькой новгородской деревнѣ, Великопольѣ. Просьба его была уважена, и онъ освободился по крайней мѣрѣ отъ слишкомъ стѣснительнаго полицейскаго надзора. Кажется, однако, что и въ это время онъ не потерялъ еще окончательно надежды. Послѣ онъ говорилъ, что „первое движеніе государя было вызвать его въ Петербургъ, второе—про-

*) Также, часть 2, стр 24.

водитъ за присмотромъ въ деревню". [1]) Въ Великопольѣ печальная истина окончательно открылась передъ нимъ: онъ понялъ, что прежнимъ отношеніямъ не воротиться, и сталъ искать опоры у людей, съ которыми, въ лучшую свою пору, не имѣлъ ничего общаго. Онъ обратился къ Аракчееву. Между прежнимъ и новымъ любимцами Александра завязалась переписка, которая вѣрно характеризуетъ ихъ обоихъ. Трудно сказать, который изъ двухъ выставляется въ ней въ лучшемъ свѣтѣ. Въ робкихъ и льстивыхъ выраженіяхъ Сперанскаго не слышно мужественнаго голоса, которымъ онъ защищалъ свои реформы въ докладахъ 1810 и 1811 годовъ. Онъ менѣе настойчиво требуетъ гласнаго суда съ обвинителями и довольствуется даже простымъ опредѣленіемъ на службу. Онъ льститъ мрачнымъ странностямъ своего покровителя, зоветъ суроваго временщика „добрымъ пустынникомъ", и не стыдится даже называть знаменитое Грузино „святою обителью". Аракчеевъ отвѣчаетъ ему лицемѣрно-смиреннымъ тономъ, не лишеннымъ ироніи и гдѣ проглядываетъ желаніе уколоть человѣка, еще не давно стоявшаго во главѣ правительства [2]). Его очевидно тѣшитъ нравственная слабость человѣка, такъ долго оскорблявшаго многихъ своимъ умственнымъ превосходствомъ. Результатомъ этихъ сношеній, на которыхъ непріятно останавливаться, было наконецъ прощеніе Сперанскаго, но какое прощеніе! Аракчеевъ дорого продавалъ свои милости и, соглашаясь протянуть Сперанскому руку, боялся однако видѣть его въ Петербургѣ. 30-го августа 1816 года бывшій государственный секретарь, уволенный безъ суда, по одному подозрѣнію, былъ назначенъ пензенскимъ губернаторомъ, для того, какъ сказано въ указѣ, чтобъ дать ему способъ „усердною службой очистить себя въ полной мѣрѣ". Пріѣздъ въ Петербургъ не былъ разрѣшенъ ему. Сперанскій самъ приписывалъ Аракчееву эту унизительную форму помилованія.

Но онъ былъ слишкомъ сломленъ, чтобъ останавливаться передъ такими соображеніями и принялъ свое назначеніе не безъ радости. Оно оживило его надежды. Онъ упорно видѣлъ въ немъ первый шагъ къ полному возстановленію своей чести и не смущался тѣмъ, что и въ Пензѣ ему не удавалось войти въ личныя сношенія съ государемъ. Замѣчательно, что точно также думали и его враги. Малѣйшая милость къ Сперанскому пугала ихъ. Имъ грезился всемогущій реформаторъ снова въ государственномъ совѣтѣ, душею цѣлаго управленія. Всѣ боялись „le revenant", какъ называлъ его князь Голицынъ, и въ сношеніяхъ съ нимъ важныхъ людей этотъ страхъ безпрестанно проглядываетъ. Самъ Сперанскій невольно увлекается прежними привычками; его донесенія принимаютъ иногда повелительный тонъ прежняго времени. Но это только временныя вспышки: рядомъ съ ними онъ расточаетъ ласкательства людямъ, которыхъ не уважаетъ, но въ которыхъ нуждается. Такъ было во все время его службы въ Пензѣ. Долгимъ искусомъ онъ думалъ купить себѣ право воротиться въ Петербургъ; мысль объ этомъ не покидала его и сдѣлалась наконецъ какимъ-то болѣзненнымъ чувствомъ. Но ему пришлось еще долго ошибаться въ своихъ расчетахъ. Не смотря на образцовое управленіе губерніей, гдѣ онъ оставилъ по себѣ прочную память, его не только не вызывали, но даже не давали ему отпуска. Терпѣніе его начало истощаться. Наконецъ въ началѣ 1819 года онъ получаетъ именный указъ и съ трепетомъ распечатываетъ его, ожидая найти въ немъ повелѣніе явиться. Это былъ указъ о назначеніи его сибирскимъ генералъ-губернаторомъ. Сперанскаго рѣшались повысить, но призвать его въ Петербургъ было слишкомъ страшно.

Управленіе Сибирью составляетъ прекрасную страницу въ жизни Сперан-

[1]) Жизнь графа Сперанскаго, часть 2, стр. 93.
[2]) Тамъ же, стр. 160.

скаго. Оно со временемъ войдетъ въ исторію. Сибирь находилась тогда въ страшномъ положеніи. Это было мѣсто систематическаго грабежа. Въ главѣ оффиціяльнаго разбоя находился самъ прежній генералъ-губернаторъ, извѣстный Пестель. Пестель былъ настоящій азіятскій деспотъ, неумолимо гнавшій въ своихъ подчиненныхъ всякую независимость духа. Подъ его покровомъ безтрепетно воровали всѣ, начиная отъ губернатора до исправника. Лучшимъ примѣромъ его самовластія служитъ то, что послѣдніе семь лѣтъ своего управленія онъ даже не жилъ въ Сибири, занимаясь въ Петербургѣ преслѣдованіемъ двухъ ненавистныхъ ему губернаторовъ. Сперанскому надобно было бороться съ злоупотребленіями, о которыхъ онъ не имѣлъ до того никакого понятія. Силою воли и неутомимою дѣятельностью ему удалось не только возстановить порядокъ, но многое совершенно измѣнить къ лучшему. Сверхъ того, съ своей организаторской способностью, онъ составилъ подробные проекты о будущемъ управленіи обширнаго края. Но эти занятія не отвлекали мысли его отъ Петербурга, и какъ скоро сибирскія дѣла приняли болѣе стройный видъ, Сперанскій снова началъ просить разрѣшенія пріѣхать. Послѣ частыхъ отсрочекъ онъ получилъ наконецъ это разрѣшеніе и въ началѣ 1821 года, черезъ девять лѣтъ послѣ своего внезапнаго удаленія, былъ на пути къ столицѣ.

Здѣсь ожидало его новое разочарованіе. Онъ надѣялся если не на прежнюю близость, то на примиреніе и полное признаніе своей невинности. Ничего подобнаго не случилось. Времена перемѣнились. „Безъ лести преданный“ Аракчеевъ стоялъ у трона; начиналась „система ложныхъ страховъ и подозрѣній“, о которой Сперанскій говорилъ въ своемъ пермскомъ письмѣ къ Александру. Бывшему государственному секретарю не было мѣста въ этой системѣ, и вскорѣ онъ почувствовалъ это. Императора не было въ Петербургѣ во время его пріѣзда. Съ нетерпѣніемъ ожидалъ его возвращенія Сперанскій. Наконецъ, государь пріѣхалъ, но свиданіе и тутъ замедлилось. Только черезъ двѣ недѣли они свидѣлись въ первый разъ послѣ памятной аудіенціи 1812 года. Свиданіе окончилось безъ всякихъ объясненій; первый разговоръ о причинахъ ссылки былъ уже черезъ два мѣсяца. Объ этомъ разговорѣ сохранилось только краткое извѣстіе въ дневникѣ самого Сперанскаго. Изъ него можно заключить, что объясненіе ограничилось однимъ указаніемъ на содержаніе доноса. Личныя сношенія его съ государемъ никогда уже не принимали прежняго характера. Въ нихъ замѣтно постепенное охлажденіе. Для Александра онъ уже былъ чужимъ человѣкомъ. Сперанскій это понялъ, но не имѣлъ духа удалиться отъ двора, гдѣ перенесъ столько оскорбленій, и съ малодушіемъ, извинительнымъ только для человѣка много страдавшаго, началъ искать поддержки въ связяхъ съ сильными людьми. На сколько это удавалось ему, можно видѣть изъ того, что онъ съ трудомъ выпрашивалъ самыя маловажныя мѣста для лицъ, которымъ покровительствовалъ, да и то не всегда прямо у министровъ, а больше у директоровъ департаментовъ. Къ этому времени относится его сближеніе съ аристократическимъ кругомъ, котораго онъ такъ гордо чуждался въ началѣ своего поприща. Его начали встрѣчать въ салонахъ высшаго общества, простившаго пріятному собесѣднику прошлые грѣхи смѣлаго нововводителя. Государственные труды его были незначительны. Онъ принималъ участіе въ засѣданіяхъ совѣта, былъ членомъ сибирскаго комитета и принялся опять за прежнюю работу надъ гражданскимъ уложеніемъ; но всѣ эти занятія оставались почти безъ результатовъ. На нихъ отражался тотъ застой, который послѣ 1815 года понемногу овладѣлъ общественною жизнію.

Дѣятельность снова началась для Сперанскаго уже при императорѣ Николаѣ.

Она не походила на прежнюю. Новый государь цѣнилъ его административную опытность, но, по крайней мѣрѣ сначала, не имѣлъ къ нему большаго довѣрія. Обвиненія, отъ которыхъ Сперанскому такъ напрасно хотѣлось оправдаться, бросали на него тѣнь. Въ 1826 году, когда ему былъ порученъ главный надзоръ надъ составленіемъ свода законовъ, государь сказалъ о немъ Балугьянскому: „смотри же, чтобъ онъ не надѣлалъ такихъ же проказъ, какъ въ 1810 году, ты у меня будешь отвѣчать за него“ *). Позже, подозрѣнія, кажется, разсѣялись, но императоръ видѣлъ въ немъ только своего „редактора“ и не былъ расположенъ давать большой просторъ собственной его мысли. Впрочемъ Сперанскій едва ли уже былъ способенъ къ сильной, самостоятельной дѣятельности. Въ немъ не было ни прежней силы мысли, ни прежней энергіи. Взглядъ его измѣнился, или по крайней мѣрѣ, примѣнился къ обстоятельствамъ. Въ своихъ запискахъ этого времени онъ говоритъ языкомъ, въ которомъ нѣтъ и слѣдовъ того Сперанскаго, который преобразовалъ высшее управленіе. Такъ проходили последніе годы знаменитаго государственнаго человѣка. Только въ частной жизни и въ его неутомимыхъ кабинетныхъ трудахъ видны проблески когда-то оживлявшаго его дѣятельнаго духа. Сперанскій перенесъ въ частныя занятія свое геніяльное трудолюбіе, для котораго уже не было мѣста въ политической сферѣ. Здѣсь мы опять можемъ удивляться неистощимому запасу силъ его природы. Среди тяжелой грусти, которая овладѣла имъ во время ссылки, онъ работаетъ, какъ юноша, исполненный надеждъ. Въ Перми онъ учится еврейскому языку, въ Пензѣ узнаетъ нѣмецкій. Пытливая мысль его обращается ко всему. Путешествуя по Сибири, среди всякихъ неудобствъ и почти пятидесяти лѣтъ, онъ читаетъ Шлегеля и Миллера. Не будучи настоящимъ ученымъ, онъ пріобрѣлъ однако разнородную и большую начитанность. Съ тѣхъ поръ, какъ несчастія сломили его душу, любимымъ чтеніемъ его было религіозное. Въ этомъ направленіи онъ былъ совершенно искрененъ, хотя, по свойству его мягкой природы, религія развила въ немъ одно незлобіе и не могла дать большой твердости его характеру. Въ немъ соединилось то, что нерѣдко встрѣчается въ набожныхъ людяхъ: религіозная мечтательность съ упорною привязанностью къ внѣшнимъ удобствамъ и съ нѣкоторой угодливостью міру. Но въ семейномъ кругу слабыя стороны его характера, результатъ долгой и неравной борьбы съ обстоятельствами, исчезали передъ добрыми свойствами. Его высокая терпимость къ людямъ, доходившая до того, что о злѣйшихъ своихъ врагахъ онъ говорилъ спокойно: „какіе чудаки“ или „безумные люди!“ его нѣжная привязанность къ близкимъ ему лицамъ и постоянное желаніе блага внушали всѣмъ, кто окружалъ его, какое-то благоговѣніе. Этимъ объясняется страстная привязанность къ нему друзей, не смотря на капризы, которые бывали у него въ молодости. Въ старости и эти неровности сгладились. Приближенные къ нему чиновники, которые скоро дѣлались членами его семьи, не даромъ называли его: „старикъ божій“. Вліяніе его на всѣхъ, кто съ нимъ сближался, было неотразимое. Онъ былъ обязанъ имъ не столько обширности ума, который, при всей его силѣ, былъ нѣсколько одностороненъ, но человѣческимъ свойствамъ и тому духу всепрощенія, съ которымъ онъ кончалъ свою бурную жизнь. Во имя этой человѣческой натуры, примиряющей со всѣми недостатками человѣка, Сперанскому можно простить его малодушную привязанность къ двору и неумѣнье отвернуться отъ людей, такъ безпощадно оскорбившихъ въ немъ одного изъ великихъ гражданъ своего отечества. Отвѣтственность за эти печальныя свойства пада-

*) Жизнь графа Сперанскаго, часть 2-я стр. 306

етъ не на него: она лежитъ безраздѣльно на той мертвящей средѣ, которая сгубила лучшія его силы и съ которой, при тогдашнемъ состояніи общества, борьба была не только трудна, но даже невозможна

Но Сперанскому не суждено было умереть безполезнымъ посѣтителемъ аристократическимъ салоновъ. Ему предстояло совершить, на благо Россіи, еще одинъ великій подвигъ. Съ 1826 года онъ былъ снова сдѣланъ распорядителемъ работъ коммиссіи составленія законовъ, преобразованной во 2-е отдѣленіе собственной канцеляріи. Съ этого времени положено было первое, твердое начало русской кодификаціи.

Сперанскій принялся за дѣло уже не съ тѣмъ легкомысленнымъ увлеченіемъ, съ какимъ когда-то составлялъ гражданское уложеніе. Онъ начерталъ планъ обширной работы опытною рукою. Вотъ что онъ самъ говоритъ объ этомъ планѣ: „Все дѣло раздѣляется на три части: 1) собраніе законовъ, 2) своды или приведеніе законовъ въ извѣстность и 3) составленіе уложеній. Опытъ указалъ необходимость сего раздѣленія. При подробномъ обозрѣніи прежнихъ работъ найдено, что онѣ, часто прерываясь и потомъ возобновляясь, всегда почти начинаемы были съ конца, т. е. или начинали сочинять уложеніе безъ свода законовъ существующихъ, или составлять своды безъ полнаго ихъ собранія и безъ твердаго плана. Уложеніе безъ свода есть умозрѣніе безъ практики; уложенія не изобрѣтаются, но слагаются изъ прежнихъ законовъ съ дополненіемъ и исправленіемъ ихъ, сообразно правамъ и обычаямъ и дѣйствительной потребности государства“ *). Согласно съ этимъ планомъ, предположено было сначала составить полное собраніе законовъ, начиная съ уложенія 1649 года, потомъ извлечь изъ него сводъ дѣйствующихъ законовъ и наконецъ уже приступить къ составленію уложеній. Сперанскому удалось исполнить первыя двѣ части этой работы. Благодаря систематическимъ пріемамъ, онѣ приведены къ концу очень быстро. Въ 1830 году была исполнена самая важная задача: появились 45 томовъ перваго „Полнаго собранія законовъ“, которые имѣли такое важное вліяніе на историко-юридическіе труды въ Россіи. Въ 1832 году было готово первое изданіе свода законовъ, въ 15 томахъ. При составленіи послѣдняго Сперанскій принялъ методу, которая доказываетъ, какъ созрѣлъ и опредѣлился взглядъ его на кодификацію. Вмѣсто прежнихъ инструкцій, составлявшихся по французскому кодексу, онъ обозначилъ главные пункты работы въ конспектахъ, которые написалъ, правда, по системѣ римскаго права, но съ большимъ вниманіемъ къ особенностямъ русскаго законодательства. Одинъ изъ такихъ конспектовъ, о правѣ собственности, былъ напечатанъ *). Что касается вообще до системы свода, то за образецъ его приняты были иностранные; но при этомъ Сперанскій желалъ, чтобъ не было ничего пропущено, „что въ нашихъ законахъ къ гражданскому порядку относиться можетъ“. Онъ не смотрѣлъ на „Сводъ“, какъ на окончательный трудъ, и видѣлъ въ немъ только первый шагъ къ будущему законодательству. До какой степени онъ не скрывалъ отъ себя его недостатковъ, видно изъ слѣдующихъ словъ „объяснительной записки къ своду законовъ гражданскихъ“: „есть два рода противорѣчій, сказано здѣсь въ примѣчаніи: одни въ законѣ, другія въ самыхъ началахъ, на коихъ онъ основанъ. Такъ, напримѣръ, много было противорѣчій въ законахъ о выкупѣ родовыхъ имѣній. Въ сводѣ всѣ они соглашены и подведены подъ одинъ законъ единообразный, но въ основаніи сего самаго закона есть еще противорѣчіе: дозволено выкупать проданное родовое имѣніе въ теченіе двухъ лѣтъ; между тѣмъ, другимъ закономъ, каждому ку-

*) Архивъ историч. и практ. свѣдѣній, Калачова, книга 2, стр. 2.

*) Архивъ, книга 2, стр. 7 и слѣд.

пившему имѣніе, хотя бы оно было и родовое, дозволено обращать его въ залогъ неограниченно; по сему закону, купившій родовое имѣніе всегда можетъ заложить его втрое выше цѣны его и слѣдовательно сдѣлать выкупъ невозможнымъ. Такимъ образомъ между закономъ о дозволеніи выкупа и закономъ о дозволеніи залога есть очевидное противорѣчіе; противорѣчія сего никакимъ сводомъ исправить невозможно*).“

Было бы безполезно говорить о пользѣ, которую принесло законодательству изданіе „Свода“. Онъ подвергался и подвергается многимъ нареканіямъ, въ которыхъ, безъ сомнѣнія, есть значительная доля правды. Сперанскій не имѣлъ серьознаго юридическаго образованія и не могъ почерпнуть вѣрнаго пониманія права изъ собственнаго опыта, какъ дѣлалъ это въ администраціи. Система, принятая имъ, взята изъ чуждаго права и только приложена къ нашему. Отъ того на ней лежитъ характеръ внѣшности. Но иначе и быть не могло въ странѣ, гдѣ дѣло законодательства не подготовлено наукой. Важнѣе другіе упреки—въ невѣрномъ пониманіи смысла тѣхъ русскихъ законовъ, изъ которыхъ извлечены статьи „Свода“, въ возведеніи частныхъ случаевъ въ общія правила, въ сопоставленіи началъ, которыя, если не прямо, то косвенно, противорѣчатъ другъ другу; въ повтореніяхъ и въ неясности; наконецъ, въ томъ, что, принимая за источникъ одни законы, „Сводъ“ сталъ въ противорѣчіе съ судебной практикой и принялъ такія правила, которыхъ несостоятельность уже была доказана опытомъ. Не слѣдуетъ однако слишкомъ безусловно осуждать „Сводъ законовъ“ и съ этой точки зрѣнія. Эти недостатки были неизбѣжны при томъ хаотическомъ состояніи, изъ котораго онъ долженъ былъ вывести наше законодательство. Собирать, исправлять и пополнять въ одно время—невозможная задача. Она-то именно и губила въ зародышѣ всѣ прежнія работы. Во всякомъ случаѣ „Сводъ“ достигъ самаго важнаго результата: онъ привелъ въ извѣстность недостатки русскаго права и водворилъ въ нашихъ судахъ нѣсколько болѣе законности. Если исправленіе недостатковъ подвигалось съ тѣхъ поръ довольно медленно, то причина этого не въ „Сводѣ“, а въ томъ способѣ, которымъ впослѣдствіи пополнялось наше законодательство, и всего болѣе въ слабости юридическаго образованія, до сихъ поръ такъ мало распространеннаго въ Россіи.

*) Тамъ-же, стр. 6.

Это была послѣдняя, самостоятельная работа Сперанскаго. Награжденный въ началѣ 1839 года графскимъ титуломъ съ характеристическимъ девизомъ въ гербѣ: «in adversis sperat» (*), онъ вскорѣ умеръ, оставивъ по себѣ какую-то сомнительную память, на которой долго лежали различные упреки. Къ Сперанскому еще вѣрнѣе можно приложить слова поэта, обращенныя имъ къ другому дѣятелю той же эпохи, который также понесъ, за совершенный имъ подвигъ, незаслуженную кару общественнаго мнѣнія. Это былъ одинъ изъ тѣхъ,

...«надъ кѣмъ ругается слѣпой и буйный вѣкъ,
«Но чей высокій ликъ въ грядущемъ поколѣньи
«Поэта приведетъ въ восторгъ и умиленье».

Ѳ. Дмитріевъ.

ПИСЬМА НАСТАСЬИ ѲЕДОРОВОЙ МИНКИНОЙ КЪ ГРАФУ А. А. АРАКЧЕЕВУ. (¹)

1.

17 Авг. 1816 года.

Батюшко ваше сіятельство Алексѣй Андреевичъ!

Прибывъ въ Грузины 15 числа Августа въ ночи, нашла все въ домѣ

(*) Въ невзгодѣ, уповаетъ.

(¹) Списаны съ подлинниковъ и сообщены въ Русскій Архивъ Н. Г. Богословскимъ. Правописаніе возстановлено; въ подлинникахъ оно, разумѣется, вопіющее. Мы помѣщаемъ эти письма, такъ какъ они изображаютъ домашній бытъ знаменитаго временщика. *П. Б.*

благополучно и въ порядкѣ — люди всѣ здоровы, а также и скотъ благополученъ. — У флигилей: музыкантскаго и людскаго крыльца передѣланы; въ погребномъ флигилѣ полъ опустили ниже и лѣстницу для входа въ комнату перенесли къ южной стѣнѣ — къ церкви; теперь дѣлаютъ крыльца у сего флигеля и у башнаго; дорожку изъ плиты между флигилей музыканскаго и людскаго перестилаютъ вновь и дѣлаютъ подъ плиту изъ щебня бутъ. Въ саду послѣ отъѣзда вашего сіятельства дорога отъ оранжереи къ домику, называющемуся моимъ именемъ, и до чугунныхъ воротъ, отдѣлана. Клубника выполота и вновь посажена; деревья и всѣ растенія убраны въ оранжерею 3-го числа; стрижка по дорогамъ кончена, а теперь продолжается обрѣзка по куртинамъ; по лѣсу верхи и прорѣзаютъ липовыя аллеи; изъ еловой рощи назначенныя лишнія елки вынуть—выняты. На цвѣточномъ островкѣ по берегу посажено флёкусовъ-красныхъ дикихъ 300 кустовъ. При семъ посылаю обращики парчи и бархату и перевязь для вашего сіятельства.—12-го числа пріѣзжалъ въ Грузины генералъ Левашовъ съ своимъ адъютантомъ, кои переночевавъ на другой день катались по деревнямъ и предъ отъѣздомъ заходили въ церковь во время службы, а также и въ первой день были въ соборѣ.—Цѣлую ручки ваши. Слуга ваша Настасья Ѳедорова.

2.

9 Сент. 1816 г.

Батюшко ваше сіятельство А. А.! Вчерашній день по утру былъ у насъ Ланской Сергѣй Сергѣевичъ съ двумя дамами, былъ въ обоихъ домахъ и въ Лѣтней Горѣ, а послѣ были въ соборѣ у обѣдни; предлагали имъ, что не угодно ли чай или кофе и послѣ обѣдни фриштыкать,—но отъ всего отказались торопясь ѣхать.—Герасима женила на крестьянской дѣвкѣ изъ Черницъ-Мелеховской крестьянина Якова Денисьева, Палагеѣ. Въ домѣ, слава Богу, все благополучно, и люди всѣ здоровы, — а также скотъ и птицы благополучны. Коверъ для собора, присланный изъ Парижа, полученъ, коего мѣрой 22 арш. 15 вершковъ. Настасья Ѳедорова, цѣлую ручку вашу — вѣрная слуга.

Скажу вамъ, отецъ мой,—горница, гостиная готова, только не повѣсила занавѣски, потому что зимнія рамы буду ставить, — какъ хороша вышла эта комната! У насъ былъ бѣшеный Ланской; ахъ, другъ, этотъ дуракъ не стоитъ, чтобы быть въ Грузинѣ; повѣрь, графъ, что я столь сердита на него,—скакалъ во весь упоръ, —я была это время на пристани,—подумала, что вы ѣдете во весь духъ, но карета жолтая показалась, догадалась, что Ланской, и думала, что спѣшитъ къ обѣдни; подумай, душа моя,—прямо въ садъ и въ домъ, а потомъ въ соборъ и всего, три четверти былъ въ миломъ Грузинѣ; спросить его, что онъ видѣлъ, то вѣрно не можетъ сказать,—какіе глупые были вопросы у человѣка! Бѣгалъ почти по саду, — сдѣлайте милость, не позволяйте навѣщать дуракамъ; скажу, что я обижена осталась и тѣмъ и сѣмъ, дѣлала приглашенія, но не въ часъ все. Прости, — ожидаю въ скоромъ времени увидѣть отца своего

3

17 Іюля 1819 года.

Любезный мой отецъ графъ!

Скажу вамъ, что письмо было писано по моему приказу и деньги по-

сланы мои; я вамъ могу доказать, что посуда вся исполна поставлена, но запасной у меня мало въ кладовой, то я для того велѣла вытребовать изъ С. Петербурга, а что я не сама писала, то не было время, а послала образцы, которые всегда хранятся у меня въ кладовой. Меня очень тронула ваша приписка: я вамъ говорила, чего не доставало и что выдала изъ запасной у меня посуды. Не думайте, отецъ мой — я нарочно все такъ поставлю, чтобы вы увидѣли мою преданность къ вамъ.

Въ молошникѣ разбилъ крышку Матюшка, но я хотѣла такую достать, зная, что вы любите ихъ; у меня къ ней крышка хрустальная, но все хотѣла купить точно такую. Я получила отъ Петра Андреевича разливательную ложку, фаянсовую, жолтую, еще книжку, какъ излѣчать пьяницъ, все положено у васъ въ кабинетѣ. Любезный мой отецъ, посылаю вамъ двойную георгину. Вы не изволили ея видѣть, а я боюсь, чтобы не отцвѣла безъ васъ; также письмо — вы увидите, что меня просятъ превосходительные. У меня работаютъ въ саду, именно чистятъ пруды и косятъ лугъ, который къ Волхову, нижніе, а я занимаюсь своими вареньями. Васъ прошу, чтобы Тимофея отдать поучиться мороженое дѣлать: намъ будетъ замѣна въ десертѣ, — также формочки поискать для мороженаго. Прошу васъ, отецъ, купить два маленькихъ окорока, они выгодны для стола намъ, и лимоноватой воды, дрождей два куш.... Я получила конфекты. Я получила теперь лучше не въ примѣръ какъ конфекты, такъ и укладка ихъ. Вѣрьте, что не одна конфетка не испортилась: вы увидите, также ихъ везли какъ прежніе. Вамъ было угодно купить сафьяну для стульевъ, которые изъ Высокаго. Прошу васъ — мой единственный другъ беречь свое здоровье; я прошу Всевышняго Отца о сохраненіи вашемъ. Будьте покойны по дому вашему — я сказала, что люблю болѣе своей жизни васъ, — то и хочу всѣмъ доказать, что слуга вѣрная своему графу.

4.

20 Іюля 1819 года — утро иду къ обѣдни, мой отецъ.

Любезный мой отецъ графъ!

Сколь ваше милое письмо обрадовало — какъ вы ко мнѣ милостивы! Ахъ душа, дай Богъ, чтобы ваша любовь была такова — какъ я чувствую къ вамъ — одинъ Богъ видитъ ее. Вамъ не надобно сомнѣваться въ своей Н...... которая каждую минуту посвящаетъ вамъ. Скажу — другъ мой добрый, — что часто въ васъ сомнѣваюсь, но все вамъ прощаю, — что дѣлать, что молоденькія берутъ верхъ надъ дружбою, — но ваша слуга Н.... все будетъ до конца своей жизни одинакова. Желаю, чтобъ нашъ сынъ общій (²) былъ примѣромъ благодарности; я ему всегда говорю, что Богъ намъ далъ отца и благодѣтеля васъ — душа единственная — моему сердцу, прости моему открытію: любви много и болѣе не могу любить. У насъ все, славу Богу, хорошо: люди и скотъ здоровы, я немножко своимъ желудкомъ страдаю, — но все пройдетъ. Дай Богъ васъ видѣть въ ва-

(²) Извѣстный Михаилъ Шумскій. Впослѣдствіи, уже въ царствованіе Николая, т. е. по смерти Настасьи, Аракчеевъ узналъ, что этотъ сынъ былъ подложный — Говорятъ, что кромѣ домохозяйства, Настасья очаровывала суроваго графа умѣніемъ гадать въ карты и предузнавать будущее. Близкая къ народу, черезъ хожалыхъ и богомолокъ, она все знала что дѣлалось въ Петербургѣ. Это была страстная женщина, смуглой кожи, съ магнетизмомъ въ черныхъ глазахъ.

шемъ миломъ Грузинѣ. Одное утѣшеніе васъ успокоивать. О — другъ! Сколь любовь мучительна, прости — три дня еще ожидать васъ — прошу Мишу поцѣловать, — если онъ заслуживаетъ вашихъ милостей. Я занимаюсь домашнимъ при васъ некогда будетъ — какъ вареньемъ, такъ и сушкою зелени и бѣльемъ и постелями; все хочется до васъ кончить — мой другъ, чтобы видѣли, что Н. васъ любитъ.

5.

22 Авг. 1819 года.

Отцу моему графу — прошу, прости мою смѣлость.

Отецъ мой, милый графъ, прости великодушно моей смѣлости, что смѣю васъ безпокоить своими нарядами. Прошу, когда вы будете въ Москвѣ, то купите мнѣ чернаго бархату на капотъ 14 арш. хорошаго, за что я буду заслуживать ваши ко мнѣ великія милости. Также—когда будете въ Варшавѣ, то, батюшка, прошу по образцу 6, а если можно 12 паръ простынь. Другъ и отецъ мой! еще если будете въ Одессѣ, прошу купить турецкій черной платокъ хорошій. У меня есть жалованья 400 р.; когда буду благополучна до вашего пріѣзда,—то вѣрно заслужу. Прости смѣлости моей, если безпокою отца моего. Я бы въ Петербургѣ купила, но зимою очень дорого, а лѣтомъ не живу въ немъ. Умоляю у ногъ вашихъ—не сердитесь на свою Н . . . . . Вы знаете, что не могу безъ слезъ просить лично васъ. Цѣлую ручки ваши. Вѣрная слуга ваша

Настасья Ф.

6.

10 Февр. 1820 г.

Любезный мой отецъ графъ!

Что могу писать окромѣ своей скуки безъ васъ, мой другъ? Когда я пріѣхала въ Петербургъ, нашла Мишу, слава Богу, здоровымъ, и я пріѣхала на вторникъ, но Миша не былъ еще камеръ-пажемъ,—въ среду я была у Ав.... Семеновны Ерш. . . и слышу, что мой Миша въ лазаретѣ. Ахъ, отецъ мой, какъ мнѣ было тяжко на сердцѣ, и я посылала къ нему по утру; но слыша, что не придетъ, на мысли думала, что Богъ хочетъ меня наказать и лишить сына, потому что очень много умираютъ, но сама не могла ѣхать къ нему. 5-го числа у меня была Екатерина Григорьевна съ радостной вѣсточкой, что Миша камеръ-пажъ, но все еще въ лазаретѣ, у него болитъ горло; такъ я ее подчивала блинами,—она была весела, просила, чтобы присылать къ нимъ лошадей; вы можете судить, какъ я веселилась,—нѣтъ отца,—нѣтъ сына со мною—однѣ слезы и грусть; —хотя посѣщали довольно, но все ложно—не быть у васъ, то вѣрно не заглянутъ ко мнѣ; въ субботу былъ Карлъ Фед.... и Вас..... Але..... Ефи..... на блины,—какъ я была рада имъ: они довольно времени посидѣли у меня, а Миша все въ лазаретѣ!—Въ воскресенье по утру я посылала къ Мишѣ и слышу, что Миша вышелъ,—будетъ представляться государынѣ Елизаветѣ Алексѣевнѣ. Ахъ отецъ мой, какая радость разлилась по моему сердцу !—Въ два часа послала я лошадей за нимъ;—когда мы увидѣли другъ друга, однѣ слезы были благодарностію къ Богу и къ вамъ, мой отецъ. Онъ похудѣлъ, но все хорошо. Государыню не видалъ,—въ понедѣльникъ на дежурство вступилъ. Я посылала къ нему узнать: слава Богу здоровъ; онъ пишетъ къ вамъ, мой другъ. Теперь скажу, что я нигдѣ не была окромѣ своей матушки и то вечеромъ. У меня былъ вечеръ, и всѣ мои знакомые

были—Вас..... Н: слава Богу здоровъ, Иванъ Кар..... тоже здововъ—навѣщаетъ меня часто. Бровцынъ здоровъ. Пріѣзжайте къ намъ скорѣе, мой отецъ. Вы пишите, что болитъ у васъ грудь. —Прошу, берегите свое здоровье—оно дорого для меня;—вы нашъ отецъ и другъ. Просимъ Бога о сохраненіи вашей жизни и здоровья. Цѣлую ножки и ручки ваши.—Ожидаю отца-благодѣтеля къ намъ. Въ Петербургѣ очень много похоронъ и болѣе дѣлаютъ грусть. Шкафъ посылаемъ сегодня къ вамъ, а что я прежде не писала, то Мишина болѣзнь удерживала меня, знавши, какъ вы любите его. Прости, мой отецъ. Цѣлую ваши ручки отъ глубины своего сердца. Самъ Богъ сохранитъ ваше здоровье —прошу и молюсь ему: истинно Онъ единъ всѣмъ намъ.—Прости.—Цѣлую ваши ножки и ручки. Вѣрная слуга Настасья Ѳедорова.

7.

22 Іюля 1820 года.

Любезный мой отецъ графъ!

Что могу сказать вамъ послѣ вашего дружескаго письма? Грусть мучитъ мою душу, не могу придумать, гдѣ вы теперь, мой благодѣтель.—Если вашей матушки нѣтъ лучше, и вы у ней, то позвольте мнѣ быть съ вами.—Я знаю ваше чувствительное сердце,—сколь вы мучите себя, —я буду дѣлить съ вами горесть.—А если вы останетесь одни тамъ, то вѣрьте, что и я не менѣе буду чувствовать мученія, не въ силахъ выдержать послушанія. Къ вамъ пріѣду въ тележкѣ,—чѣмъ представлять каждую минуту васъ съ разтерзаннымъ сердцемъ.—Я увѣрена въ Карлѣ Крестіяновичѣ, но все не я съ вами! Отецъ, умоляю у ногъ вашихъ —успокойте себя и своего преданнаго слугу.—Вотъ три дня, какъ я не найду мѣста, воображая васъ плачевнымъ; вѣрю, что дорогà родительница, но что дѣлать! Богъ единъ и воля Его—Онъ можетъ подать облегченіе; молите Его—и мы принесемъ къ Нему теперь молитву. Цѣлуя ваши ручки и ножки, прошу, —поберегите себя, моя душа. Посылаю къ вамъ списокъ, сколько было въ воскресенье гостей для любопытства Грузина, но мы ихъ не видали хорошо, — окромѣ Шлаттера: тотъ былъ у меня въ комнатѣ.

8.

27 Іюля 1820 года.

Отецъ мой, неоцѣненный благодѣтель!

Прошу именемъ Божіей матери—поберегите себя; я очень вѣрю и чувствую вашу потерю,—но, душа моя—вспомни лѣта ея и слабое здоровье—это можно было ожидать.—Но ваша вѣрная слуга проситъ, какъ единственнаго друга — поберегите свое здоровье. — Ахъ отецъ мой — еслибъ я знала вашу печаль, пріѣхала бы къ вамъ,—увѣрена была, что простили бы своей Н. Прошу Бога, чтобъ спасъ отца моего. Надѣюсь на Его милосердіе; Онъ сохранитъ васъ; но не знаю, гдѣ вы мой отецъ —какъ ваше здоровье: увѣдомь свою Н.: она ожидаетъ ежеминутно, не лишай милости своей и любви.—Вы пишите, чтобъ не оставила и была бы вѣрная слуга. Одинъ гробъ заглушитъ чувства моей къ вамъ любви,—я люблю васъ столь много, что не могу болѣе любить: этому Богъ свидѣтель.—Къ Мишѣ я писала: онъ, слава Богу, здоровъ, но очень огорченъ потерею своей благодѣтельницы; —пишетъ, что онъ еще никогда не чувствовалъ такой печали, какъ сія для него была. Дай Богъ ему доброе

сердце, чтобы цѣнилъ ваши милости, приносилъ бы отраду добрымъ своимъ поведеніемъ. Саша Карековъ уѣхалъ отъ меня 26 числа; я была рада—хоть онъ былъ при всей моей скукѣ со мною; хотя онъ мало говоритъ, но чувствуетъ также, какъ быть безъ благодѣтеля, какъ дѣлается облегченіе для страждущаго сердца, когда есть съ кѣмъ дѣлить несносную печаль. Я рада, что съ вами былъ Волынской Леля..... Леля...... дай Богъ ему здоровья, также Настасьѣ Никитишнѣ—спаси ихъ самъ Богъ. У насъ по дому и по вотчинѣ все, слава Отцу небесному, хорошо,—скотъ слава Богу, не слышно, чтобъ былъ падежъ, но я беру предосторожность—курю какъ около дому, такъ на берегу, гдѣ ходитъ наша скотина, потому что Высоцкіе на томъ берегу, а у нихъ былъ падежъ, то я боялась, когда они убирали свое сѣно,—но теперь, слава Богу, уѣхали, и мы все еще продолжаемъ куриво.

Долгъ вашей матушки сдѣлала—панихида была; дай Богъ ей царство небесное; она дѣлала добра много. Прости, отецъ мой — ожидаю вашихъ милыхъ писемъ.

9.

1820 г. Авг. 11-го.

Отецъ мой графъ!

Я получила ваши милыя письма, за которыя цѣлую ваши ручки и ножки, за галстукъ также цѣлую ваши ручки. Если васъ мнѣ не беречь и не любить, то я недостойна и по землѣ ходить — вы мой отецъ и все мнѣ сдѣлали — вы любите моего Мишу; неужели я могу всё это забыть! Нѣтъ,—мой любезный другъ,—нѣтъ минуты, чтобы могла васъ забыть: всегда прошу Бога о сохраненіи вашего здоровья и продолженіи жизни вашей на многіе годы, чтобъ намъ сиротамъ видѣть отца и благодѣтеля веселаго между своихъ подданныхъ. У насъ въ домѣ все, слава Богу, хорошо—люди здоровы, а также скотъ и птицы благополучны; лошадей проѣзжаютъ, какъ при васъ было. Посылаю къ вамъ записку — вы можете видѣть, что я ѣзжу по деревнямъ. Крестьяне всѣ на своихъ работахъ; работы ихъ, слава Богу, хорошо идутъ; по вашему приказу нигдѣ нѣтъ изъ крестьянства на господскихъ работахъ; я узнаю — сама ѣзжу и говорю съ ними.

Господинъ Минутъ поставилъ въ графской слободѣ на часовню столяровъ—Мишку и Петрушку, додѣлывать; и когда онъ уѣхалъ, то не сказалъ Семену; я поѣхала и вижу, что не въ приказанное время работаютъ, когда всѣ по милости вашей занимаются своими работами—мнѣ показалось очень странно; я спрашиваю, что они покосили ль свое сѣно?—Нѣтъ, сказали; Алек. Ивановъ не пускаетъ, а погода хороша. Вы меня простите, что я ихъ уволила—часовня будетъ сдѣлана; а сѣно, отецъ, пропадетъ; они равны съ прочими—за то я бранила голову, что онъ не исполняетъ вашъ приказъ, и зачѣмъ не сказалъ Минуту? Его былъ отвѣтъ—я не смѣлъ ему сказать, а сказалъ старшинѣ, чтобы всѣ были на своихъ работахъ. Также я нашла въ Любуни непорядочно у старшины въ домѣ: онъ худо смотритъ за своимъ домомъ—за что также пожурила: когда у него непорядочно, то можно ли требовать, чтобъ было у другихъ хорошо? И за то голову бранила, что онъ худо смотритъ. Еще я узнала отъ лекаря, что у мужика въ Оскуи пропало три недѣли тому назадъ три-

ста руб. денегъ, а голова не зналъ столько время; онъ сказалъ, что былъ въ Новгородѣ, но мужикъ донесъ старшинѣ и земскому; хотя дѣлали поискъ, но много время прошло - я посылала туда 8 Августа Семена съ головой. Также пропало въ Нѣкшинѣ шесть-сотъ руб. у старшины, я также посылала Семена съ головой—у того лежали деньги въ домѣ въ подпольѣ, въ незапертой коробкѣ, которая была безъ дна. Семенъ видѣлъ. Они не знаютъ, въ которой день пропали,—но въ которой хватились, тогда были всѣ на работѣ; въ деревни оставался одинъ мужикъ, который смотрѣлъ за деревней; а въ домѣ дѣвочка оставалась хозяйкою; входилъ къ нимъ только пастухъ, который живетъ у нихъ, но онъ не винится въ нихъ. Мотыльской старшина виноватъ, что скрывалъ больнаго, котораго ужалила змѣя; когда сказали лекарю и священнику, что есть больной, то прошло много времени и поздно было спасти его: ему захватило сердце—и тогда не сказалъ, что змѣя ужалила, а сказалъ, что болитъ сердце, думали, что онъ съѣлъ лишнее; онъ пріобщался Святыхъ Таинъ и скоро скончался. Послѣ вышло, что ужалила змѣя его; онъ ворожился—сдѣлалось ему легче, а потому не сказали лекарю. У насъ въ Крутихѣ также ужалила змѣя крестьянина, но тотчасъ захватилъ фершалъ и спасъ человѣка.

Въ графской слободѣ Ивлевичь былъ въ отлучкѣ 4 дня—въ 5-й пришелъ. Онъ говоритъ, что не любитъ жена его, не даетъ на свѣчку денегъ, то и пошелъ покосить, два дня былъ въ переходѣ и два дня въ чужой деревнѣ покосилъ - выработалъ два руб., а самъ горько плакалъ. Это человѣкъ несчастный, не любимъ женою и тестемъ, а дѣти любятъ его. Въ саду, въ прудахъ еще ничего не дѣлаютъ, а я Поляковъ заставляла въ праздникъ пропускать воду гдѣ глыбже; они прорыли канавку — вода выходитъ, и дѣлается сухо. На мызѣ работы идутъ казенныя, мастеровые строятъ сарайчикъ вишневой. На Полички дѣлаютъ фундаментъ, столяры отдѣлываютъ комнату у Патрикея и прочія работы. Мои дворовые занимаются садомъ, цвѣты у насъ въ саду очень хороши - я жалѣю, что вы не видите ихъ, но которые были посѣяны послѣ садовника, тѣ лучше идутъ, а я садъ свой держу въ лучшемъ видѣ, пріучаю Максима—какъ должно всегда дѣлать цвѣтникъ; когда отцвѣтаютъ цвѣты и чтобы всегда было въ школѣ запасныхъ; у меня полной садъ цвѣтовъ, также у кадокъ довольно стоитъ. Я воображаю, мой отецъ, что вы выходите изъ спальни и цѣлуете за сюрпризъ. У насъ довольно было господъ для любопытства; я всегда съ ними наряжала людей, никогда одни не ходили. 8-го былъ Фаборъ самъ третей; обѣдалъ въ гостинницѣ и гулялъ въ саду очень довольно; вы можете его спросить — какъ у меня было цвѣтовъ. Домъ Агофонихи дѣлается и будетъ хорошъ. Семенъ нашелъ по плану ошибку и не смѣлъ вамъ объ оной донести, но я велѣла ему писать ошибку въ томъ, что связь по плану должна строиться на $15\frac{1}{2}$ саженяхъ, а построена на $14\frac{1}{2}$ саженяхъ, отъ чего дворы для двухъ семействъ, говоритъ Семенъ, будутъ тѣсны. Если вами оное перемѣнено, то онъ не будетъ виновенъ, онъ самъ о семъ пишетъ къ вамъ. Оранжерея хороша будетъ. Хлѣбъ хорошъ у крестьянъ, только тяжело жать; нѣкоторые возятъ на гумна для сѣмянъ; но я не слышала, сколько умолоту, только хвалятъ. Отъ ма-

тушки вашей привезли вашу карету и два образа, которые я вычистила, поставила — одинъ къ себѣ въ кіотъ, скорбящую Божію Матерь; а когда я васъ проводила, то вынула изъ шкапу Владимірскую Божію Матерь, поставила въ кіотъ и ей молилась. Также получено отъ матушки вашей — холстъ и нитки, все убрала, мой отецъ. Василій Николаевичъ уѣхалъ отъ насъ — я ему дала старую коляску, которую починила въ Высокомъ. Минутъ уѣхалъ; письмо его я отдала Семену, чтобы въ точности смотрѣлъ за работами—онъ хорошой будетъ человѣкъ, если не испортится. Бѣдныхъ не забываю я, если только можно гдѣ помочь, я всегда и буду дѣлать: все ваше, мой другъ, и я ваша, моя душа. Сколь я благодарна за нынѣшнюю покупку; для дому провизію я сама все приказываю. Патрикей покупаетъ, и деньги отдаю тотчасъ; у меня для васъ всего есть довольно, и никакихъ непріятностей не получено. — Скажу вамъ, что у насъ въ саду очень довольно бѣлокъ и что онѣ любятъ шиповникъ и крыжовникъ кушать, — впрочемъ ничего не портятъ. Платья для людей отдала шить, будутъ хороши. Дай Богъ, чтобы васъ скорѣе увидѣть, моего отца. Отъ Миши получила я письмо — слава Богу, здоровъ. Я писала Екатеринѣ Григорьевнѣ объ учителѣ математическомъ; она пишетъ, что постарается пріискать,—но мнѣ Семенъ сказалъ, что Петрушевскаго братъ хорошо знаетъ; я спросила у Петрушевскаго— онъ говоритъ, что-де учениками занимается, когда готовятся къ выпуску — онъ знаетъ хорошо, то я писала Екатеринѣ Григорьевнѣ, чтобъ послать къ нему, если не найдетъ своего. Сколь ваши милости велики къ намъ сиротамъ! И послѣ этого васъ оставить — ахъ, отецъ, не думайте о своемъ слугѣ такъ. Дай Богъ здоровья Настасьи Никитишнѣ, что она любитъ васъ, а по васъ и меня также. Леля.... Леля.... Богъ не оставитъ, что онѣ не оставили васъ при горести—ахъ какъ я все чувствую! Померанцовую вазу посылаю, мой отецъ; простите мнѣ, что мало отпустила; цѣлую ваши ручки. Ризницу окончу на нынѣшней недѣли и примусь за старую бѣлокосовую, чтобъ вышить ее. Пелена вышита очень хорошо, но довольно дорого стала. Отецъ, я просила васъ въ письмѣ, которое у Карла Крестіяновича, о покупкѣ для меня — то прошу не сердитесь на мои глупыя желанія: я буду заслуживать вамъ, мой отецъ. Скажу, что Богъ насъ до сихъ поръ милуетъ Своимъ милосердіемъ, о которомъ молимъ Его и надѣемся на Него, — Онъ единъ защитникъ нашъ и сохранитъ отца нашего. У насъ былъ Василій Федоровичъ и просилъ, можно ли пріѣхать его женѣ и дочери. Если можно, то просилъ, чтобы написала я къ ней — я писала, но не скрою отъ васъ, мой другъ, Богъ сдѣлалъ по моему — они не пріѣхали и много сдѣлали мнѣ облегченія. Голова уѣхалъ въ Новгородъ по дѣламъ вашимъ. Я получила отъ Семена четыре ломбардныхъ билета суммою на 20 т. руб. и убрала ихъ въ вашемъ бюро. Липки Головинскія хорошо принялись, но не всѣ пошли,—а деревья, когда нужно будетъ убирать въ оранжерею то я уберу ихъ, мой отецъ. Я посылала фелдъегеря въ садъ, чтобъ вамъ все могъ сказать. Прости, мой отецъ, цѣлую ваши ручки и ножки,—да спасетъ самъ Богъ отца моего; прошу Его ежеминутно. — Прости — истинно другъ сердцу моему.

Вѣрная слуга ваша по гробъ свой Настасья Федорова — жива, здорова, любитъ очень васъ, мой отецъ.

10.

23 Авг. 1820 года.

Отецъ мой графъ, не знаю куда къ вамъ писать послѣ перваго Августа. Мы писемъ не получали отъ васъ мой, родной отецъ—видно вы забыли свое милое Грузино, или вы на меня сердитесь — скажи, отецъ мой! Вчерашній день 22-го числа былъ у насъ В. Ф. Ильинъ; сказалъ, что вы къ нимъ пишете. Это сокрушаетъ меня; я не вѣрила ему, потому что вы любите свое Грузино, то вѣрно напишете, чтобъ въ немъ все было хорошо. Не говорю о себѣ, несчастная; скажу, что у насъ всё, слава Богу хорошо и благополучно —какъ по дому, такъ и по вотчинѣ. Погода становится хороша. Мужики посѣялись и косятъ въ болотахъ сѣно, женщины жнутъ овесъ, и прочія работы идутъ всѣ хорошо; дворовые люди также хорошо ведутъ себя; въ саду очень хорошо; деревья убраны на мѣста. 21 и 22 числъ былъ у меня садовникъ изъ Царскаго Села, чему я очень была рада, что онъ видѣлъ наши деревья и теплицы и персики — растенія я ему показывала; онъ научилъ насъ, какъ все держать. Пруды еще работаютъ у птишнаго двора; сѣно казенное нагрузили въ барки; въ саду продолжается стрижка и прочія всѣ работы, чтобъ все было хорошо. Ризы готовы теперь — старыя передѣлываю. Лошадей проѣзжаютъ, и я сама ѣзжу по деревнямъ: рада, что могу хоть писать къ вамъ; не знаю, получите ли вы письмо. Посылаю Павлу Ивановичу, чтобы онъ послалъ къ вамъ. Я слышу, что вы поѣхали въ Варшаву. Вотъ какъ долго время вы не пишете къ намъ! Богъ знаетъ, что съ вами случилось. Прости, мой отецъ—цѣлую ваши ручки. Вѣрная слуга ваша по гробъ свой Настасья Федорова.

11.

2-е Сентября 1820 года.

Отецъ мой графъ! — Я получила сейчасъ записку отъ Клеймихеля, что можно писать къ вамъ, но мой другъ не знаю — какъ ваше здоровье. Послѣднее письмо писано было вами 17 Августа, за которое благодарю душевно. Цѣлую ваши милыя ручки. Самъ Богъ спасетъ васъ. Онъ Единъ утѣшитель нашъ. Вы всегда слышали онъ меня, что я надѣюсь на Него, и послѣ на васъ, моя душа.

Слышу, въ Петербургѣ получили письма, ко мнѣ нѣтъ. Скажи душа, если вы любите кого, то тяжко сердцу вашему было-бы, — такъ и я, несчастная женщина, которая посвятила свою жизнь собственно для вашего спокойствія, не могу узнать— какъ мой отецъ въ своемъ здоровьѣ, но надѣюсь на Всевышняго Отца: Онъ спасетъ ваше здоровье. За платья и за платокъ цѣлую ваши ручки и ножки. Мишѣ послала письмо и платья Софьѣ Карловнѣ,—для меня все хорошо, что вы только пожалуете. Марья Яковлевна цѣлуетъ ваши ручки за подарокъ; описать мнѣ, душа моя, о своихъ знакомыхъ я не смѣла, и болѣе при горести не пришло въ голову—только думала, гдѣ мой другъ и отецъ? Какъ его здоровье? Вотъ что было съ моимъ сердцемъ: оно видѣло всю мою горесть. Платья людямъ шьютъ; прислали одну пару очень хорошо сшиту; теперь дошиваютъ послѣдніе. Думаю, что будетъ готово къ вашему пріѣзду.

12.

3 Сентября 1820 года.

Любезный мой отецъ графъ!

Сей часъ получила ваше милое письмо — отъ 22-го Августа писано вами, и я 3-го числа Сентября получила утромъ, нарочно посылала въ Чудово — сколь оное обрадовало мое сердце, увидѣвъ милый вашъ почеркъ и названія столь лестныя вашему преданному слугѣ и другу. Я сказала единожды: единъ гробъ заглушитъ чувства моей къ вамъ благодарности, служить и беречь и любить — одна моя отрада есть. Что вы пишете, все исполню, — я посылала въ Буречи смотрѣть вашу квартиру, но она въ мезонинѣ. Степанъ говоритъ, что дуетъ. Я думала пропросить Петра Андреевича Клеймихеля, но вы пишете, что въ Высокомъ и Прусскомъ поселеніи приготовить — все сдѣлаю. Также у крестьянскихъ домовъ посмотрю сама — все будетъ сдѣлано хорошо; только пріѣжайте въ свое милое Грузино, гдѣ ждетъ ваша слуга. Ахъ — какъ я рада, когда получила письмо ваше, — вижу, что любима еще. Что не придетъ въ горестное мое сердце! Дай Богъ Государю многіе несчетные годы, что любитъ моего отца, и вамъ — прошу Бога — о сохраненіи здоровья вашего. Онъ одинъ спасетъ и подкрѣпитъ васъ. Письмо посылаю на удачу—не знаю, дойдетъ ли до рукъ вашихъ милыхъ.—Вы поберегите себя, душа моя; когда поѣдете, то не жалѣйте сдѣлать потеплѣе шинель себѣ, тамъ дешевле. Вспомните, что годы непрежніе, молодость прошла — прошу ради Бога, поберегите себя. Дай Богъ, чтобы вы скорѣе, мой отецъ, пріѣхали.

НѢКОТОРЫЯ ЧЕРТЫ ДЛЯ БІОГРАФІИ ГРАФА Ѳ. В. РОСТОПЧИНА.

I. Когда императоръ Александръ оставилъ знаменитое собраніе дворянства и купечества, бывшее въ Московскомъ Слободскомъ Дворцѣ 13 Іюля 1812 года, то присутствовавшіе написали постановленія, по которымъ учреждено было ополченіе изъ 80,000 человѣкъ, съ одеждою, вооруженіемъ и провіантомъ, и кромѣ того было пожертвовано деньгами 13.000.000 рублей. Ростопчинъ поѣхалъ съ этимъ извѣстіемъ къ Государю въ Кремлевскій дворецъ и нашелъ его въ кабинетѣ съ Аракчеевымъ и Балашовымъ. Государь сказалъ, что счастливъ тѣмъ, что возымѣлъ мысль пріѣхать въ Москву и назначить Ростопчина ея главнокомандующимъ, а на прощанье дружески поцѣловалъ его. По выходѣ изъ кабинета Аракчеевъ поздравилъ Ростопчина съ такимъ знакомъ милости царя и прибавилъ: „онъ никогда не поцѣловалъ меня, хотя я служу ему съ тѣхъ поръ, какъ онъ царствуетъ.“ Балашовъ сказалъ ему потомъ: „будьте увѣрены, что Аракчеевъ никогда не забудетъ и не проститъ вамъ этого поцѣлуя.“ Дѣйствительно, Аракчеевъ всегда старался потомъ дѣлать ему непріятности.

II. Ростопчинъ не могъ терпѣть извѣстнаго публициста Бенжамень (Веньямина) Констана (Benjamin Constant.) Въ бытность его въ Парижѣ, пріятельница его, любезная старушка княгиня Водемонъ (Vaudemont), принимавшая нерѣдко славнаго депутата, устроила такъ, чтобы Ростопчинъ съ нимъ встрѣтился у ней съ глазу на глазъ и вынужденъ былъ вести съ нимъ разговоръ. Она полагала, что это разсѣетъ его предубѣжденіе. Когда разговоръ кончился, княгиня спросила графа: „Ну какъ находите вы г. Констана?“—„Княгиня,“ отвѣчалъ Растопчинъ, „онъ никогда не будетъ моимъ Веньяминомъ.“ («Il ne sera jamais mon Benjamin.»)

III. Въ эту же эпоху, у герцога Эскара (d'Escars), Ростопчинъ велъ однажды жаркій споръ съ знаменитой г жею Сталь по поводу какого-то сочиненія того же Бенжамень-Констана. Г-жа Сталь сказала ему, разгорячась: „вы родились прежде эры цивилизаціи.“ Ростопчинъ возразилъ: „а вы — сорока-заговорщица“ („une pie-conspiratrice“). Г-жа Сталь выразила мнѣніе, что Русскимъ надо сдѣлаться опять варварами, какими они были прежде. На это Ростопчинъ сказалъ: „я происхожу отъ Татаръ и готовъ на это, если вы подадите мнѣ примѣръ; я стану пасти свои стада, только что вы возвратитесь въ контору вашихъ предковъ и станете вести конторскія книги; не знаю только, выиграете ли вы на этомъ столько, сколько родитель вашъ (Неккеръ) на курсѣ.“ Всѣ захохотали, и г-жа Сталь потерпѣла полное пораженіе.

IV. Извѣстіе о Петербургскихъ событіяхъ 14 Декабря 1825 застало Ростопчина въ Москвѣ, уже страдающимъ отъ той болѣзни, отъ которой онъ умеръ вскорѣ (18 Января 1826). Узнавши о нихъ, онъ сказалъ: „Ordinairement ce sont les cordonniers qui font les révolutins pour devenir grands seigneurs; mais chez nous ce sont les grands seigneurs qui ont voulu devenir cordonniers.“ („Обыкновенно сапожники дѣлаютъ революціи, чтобы сдѣлаться господами, а у насъ господа захотѣли сдѣлаться сапожниками.“)

ДВА РАЗСКАЗА ИЗЪ ИСТОРІИ 1812 ГОДА.

1.

Въ 1812 году, когда войска наши стояли при Тарутинѣ, къ полковнику Александру Ивановичу Базилевичу, командиру лейбъ-гвардіи 1-й батареи его высочества, явились два мужика изъ Малороссіи съ бумагою, въ которой отъ имени князя Кутузова приказано принять ихъ и употреблять на службу при орудіяхъ. Въ 1813 году, когда войска наши перешли Русскую границу и вступили въ Германію, тѣ же два мужика получили дозволеніе отправиться на родину въ Малороссію. — Они разсказывали, что видѣли сонъ, въ которомъ кто то повелѣвалъ имъ идти къ войскамъ и служить при пушкахъ до тѣхъ поръ, пока Русская земля не очистится отъ непріятеля. Они нашли доступъ къ главнокомандующему, которой дозволилъ имъ, не вступая формально на службу, исполнить таинственное велѣніе. И они несли свою службу со всѣмъ усердіемъ.

Разсказъ этотъ слышанъ отъ Николая Андреяновича Дивова, служившаго въ 1812 г. прапорщикомъ при вышеназванной батареѣ; другимъ нынѣ живущимъ свидѣтелемъ былъ графъ С. П. Сумароковъ.

2

Константинъ Христофоровичъ Бенкендорфъ разсказывалъ Ѳ. И. Тютчеву, что наши войска, оставивъ Французамъ Москву, находились въ крайнемъ уныніи. Но въ тотъ же вечеръ, 2 Сентября 1812 года, на первомъ ночлегѣ, солдаты увидѣли, какъ зарево въ нѣсколькихъ мѣстахъ поднялось надъ Москвою. При первомъ говорѣ о томъ, что Москва горитъ, отрядъ, которымъ начальствовалъ Бенкендорфъ, самопроизвольно выстроился, и оборотясь къ Москвѣ прокричалъ ура! Съ этой минуты, замѣчалъ Бенкендорфъ, солдаты снова сдѣлались бодры и охотны къ службѣ.

ЕЩЕ О СЕВАСТОПОЛѢ.

Исторія Крымской войны, соч. Кинглека.

Недавно вышли 3 и 4 томы этого еще далеко не оконченнаго сочиненія. Для Русскихъ читателей въ особенности полонъ интереса 3-й томъ, въ которомъ говорится о Корниловѣ и Тотлебенѣ, о затопленіи Русскихъ судовъ въ Севастопольской гавани и т. д. Замѣтимъ, что генералъ Тотлебенъ, бывъ въ Англіи, лично сблизился съ Кинглекомъ, сообщалъ ему данныя, которыми тотъ пользовался какъ матеріаломъ при составле-

нiи своего труда, и потому историкъ, членъ Англiйскаго парламента, въ состоянiи былъ изобразить ходъ событiй перомъ человѣка, которому одинаково было извѣстно происходившее въ томъ и другомъ лагерѣ враждовавшихъ армiй.

Кинглекъ насчитываетъ четыре ошибки союзниковъ, помѣшавшихъ имъ завладѣть Севастополемъ тотчасъ же послѣ сраженiя при Альмѣ. Не сдѣлай они одной изъ этихъ ошибокъ, Севастополь былъ бы въ ихъ рукахъ. Кинглекъ приводитъ авторитетъ Тотлебена, что Севастополь не могъ держаться, если бы союзники, не предпринимая осады, прямо повели атаку. Въ свою очередь, говоритъ Кинглекъ, и Русскiй главнокомандующiй, кн. Меньшиковъ, сдѣлалъ большую ошибку, допустивъ Англичанъ совершить извѣстное фланговое движенiе къ Балаклавѣ. Англичане совершенно не знали мѣстности, по которой имъ приходилось идти. Лордъ Рагланъ, полагая, что впереди его идетъ лордъ Луканъ съ кавалерiею, едва не попалъ со своимъ штабомъ въ руки Русскаго отряда, и если бы этотъ отрядъ выказалъ больше предпрiимчивости, то Англiйскiй главнокомандующiй былъ бы въ плѣну съ лучшими офицерами своей армiи. При неспособности маршала Сентъ Арно, послѣ смѣненнаго Канроберомъ, у котораго все время былъ въ карманѣ патентъ на званiе главнокомандующаго, до времени остававшiйся негласнымъ, и такъ, повторяемъ, при неспособности Французскаго главнокомандующаго, которому Кинглекъ приписываетъ всѣ ошибки, не отдавшiя Севастополь въ руки союзниковъ прямо по ихъ появленiи передъ нимъ — плѣнъ Англiйскаго главнокомандующаго со штабомъ могъ имѣть влiянiе на весь ходъ кампанiи. Сверхъ того не мало было случаевъ Русскимъ аттаковать и разсѣять Англичанъ по частямъ, когда они, буквально съ помощью компаса, пробирались въ невѣдомыхъ для нихъ лѣсныхъ чащахъ. Наконецъ союзники явились предъ южной частью Севастополя. Они имѣли въ виду приступъ и не думали объ осадѣ. Они возвели первыя траншеи лишь для прикрытiя своихъ колоннъ при наступленiи. Но время шло. Въ Севастополѣ былъ инженеръ, все время служившiй волонтеромъ, который какъ нельзя болѣе предназначенъ былъ для защиты города отъ нападенiя. Остзейскiй уроженецъ, Тотлебенъ былъ тотъ инженеръ-практикъ, способности котораго развертываются именно въ подобныхъ случаяхъ. На траншеи отвѣчали траншеями, на баттареи баттареями, и скоро приготовленiя къ приступу должны были измѣниться въ правильную осаду.

Кинглекъ съ душею рисуетъ личность двухъ главныхъ Севастопольскихъ дѣятелей: Корнилова и Тотлебена. Князь Меньшиковъ рѣшилъ затопить часть судовъ Черноморскаго флота при входѣ въ Севастопольскую гавань и отдаетъ Корнилову соотвѣтственныя приказанiя. Сердца моряка дрогнуло при мысли, что лучшiе корабли, надежда флота, безъ выстрѣла, безъ попытки обороны, канутъ въ воду. Онъ уговариваетъ Меньшикова не дѣлать этого. Его доводы сильны. Пусть дадутъ флоту помѣряться съ непрiятелями; Меньшиковъ могъ знать, что даже въ случаѣ пораженiя не все еще пропало; гавань всегда можетъ принять разбитый флотъ; а затопить все равно изстрѣлянныя, или цѣлыя суда. Но воля главнокомандующаго непоколебима. Если Корниловъ не желаетъ исполнять распоряженiй главнокомандующаго, то пусть его въ Севастополѣ замѣнитъ другой. „Послушайте, это самоубiйство, говоритъ Корниловъ; но въ такую минуту я не оставлю Севастополя. Я повинуюсь“.

Поставили пять линейныхъ кораблей и два фрегата у входа въ гавань. Все сдѣлано, чтобы они пошли ко дну, но они не тонутъ. Особенно упорно борется со своею участью 13-и пушечный корабль Трехъ Святителей. Тутъ моряки узнали цѣну этому кораблю, увидали, каковъ бы онъ былъ въ сраженiи. Взоры нашихъ моряковъ прикованы къ зрѣлищу борьбы ветерана-корабля съ его судь-

бою. Но вотъ раздался выстрѣлъ. Что это? Свой ударъ по своему кораблю? Это средство скорѣе затопить героя, борящагося съ волнами. Но это кощунство: это—ударъ кнутомъ дряхлаго коня, съ честью отслужившаго свой вѣкъ. И тутъ еще волны какъ бы отшатывались отъ затопляемаго великана. И опять это имя: „Трехъ Святителей"! Не шли ли, быть можетъ, стрѣлявшіе явно противъ защищавшихъ корабль, его св. патроновъ? Въ умѣ глядѣвшихъ матросовъ могло тоже промелькнуть, не оставлена ли на кораблѣ какая нибудь святыня, охраняющая его. Но наконецъ и „Три Святителя" пошли ко дну.

Вообще Кинглекъ живо начертилъ эту сцену „самоубійства" флота. Но Корниловъ не даромъ остался въ Севастополѣ. Англійскій историкъ дивится, что въ Россіи, въ имперіи, гдѣ чиноначаліе сильно, второстепенный начальникъ, безъ указа, безъ особаго распоряженія, могъ пріобрѣсти роль и значеніе главнаго дѣятеля. Душою обороны Севастополя Кинглекъ рисуетъ намъ Корнилова. Его вліяніе распространялось и на тѣхъ, кто офиціально вѣроятно никогда не призналъ бы его. Корниловъ вдохновлялъ подчиненныхъ и вообще всѣхъ защитникокъ Севастополя. Онъ вдохнулъ въ нихъ тотъ энтузіазмъ, который долго уравновѣшивалъ перевѣсъ средствъ на сторонѣ союзниковъ. И однако этотъ статный, худощавый, съ свѣтлымъ, проницательнымъ, умнымъ взоромъ, морякъ не былъ самъ энтузіастомъ. Онъ въ душѣ не зналъ той увѣренности, которую вселялъ въ окружающихъ. Онъ видѣлъ дѣло, какъ оно есть, не въ свѣтѣ розовыхъ красокъ. Онъ не имѣлъ увѣренности въ успѣхѣ дѣла; преобладающее чувство въ немъ было: бороться до конца и, если нужно, погибнуть.

Другимъ человѣкомъ во многихъ отношеніяхъ рисуетъ намъ Англійскій авторъ жившаго въ одной комнатѣ съ Корниловымъ—Тотлебена. Если Корниловъ, вливавшій энтузіазмъ въ окружавшихъ, былъ душею обороны, то Тотлебенъ былъ умомъ ея. Но это не былъ умъ теоретика. Тотлебенъ не сдѣлалъ новыхъ шаговъ въ инженерной наукѣ; онъ умѣлъ только необыкновенно искусно пользоваться обстоятельствами и примѣняться въ нимъ. Это былъ по преимуществу умъ-практикъ. Все что отзывалось теоріею, разсужденіемъ, отстранялось имъ. Если онъ не могъ тотчасъ же извлечь пользы изъ той или другой мѣры — онъ бросалъ ее. При всей трудности задачи, лежавшей на Тотлебенѣ, онъ находилъ время побалагурить съ солдатами, поднять ихъ духъ веселою шуткою. Сангвиникъ Тотлебенъ и холерикъ Корниловъ работали у одного стола и повѣряли другъ другу свои планы.

Въ сочиненіи Кинглека найдется не мало другихъ подробностей интересныхъ для Русскаго читателя; напр. глава о смерти Корнилова, о привычкахъ нашихъ матросовъ, перенесенныхъ съ моря на сушу, о сходствѣ въ боевомъ быту нашихъ и Англійскихъ матросовъ и т. д. Но вообще нельзя не замѣтить, что сочиненіе какъ-то растянуто. Одной кавалерійской аттакѣ Кардигана посвящено, напримѣръ, столько мѣста, что вниманіе наконецъ утомляется. Вышли 3 и 4 томъ сочиненія; но, судя по всему, ихъ еще будетъ много.

Ѳ. Андреевъ.

ПОДПИСКА НА

РУССКІЙ АРХИВЪ

1869

(ГОДЪ СЕДЬМОЙ)

И НА

ОСМНАДЦАТЫЙ ВѢКЪ.

Принимается въ Москвѣ въ Чертковской библіотекѣ на Мясницкой, № 7. и у извѣстнѣйшихъ книгопродавцевъ.

Иногородные подписчики обращаются съ своими требованіями *исключительно* въ Москву, въ Чертковскую библіотеку.

Цѣна годовому изданію одного **Русскаго Архива** на 1869 годъ, какъ въ Москвѣ и Петербургѣ, такъ и съ пересылкою въ другія мѣста и съ доставкою на домъ, **6** руб. сер.

Цѣна каждой книгѣ сборника: **Осмнадцатый Вѣкъ 2** р. **50** к., съ перес. **3** р.

Цѣна Русскому Архиву на 1869 годъ и вмѣстѣ съ нимъ одной только книгѣ **Осмнадцатаго Вѣка 8** р., а Русскому Архиву и вмѣстѣ съ нимъ двумъ книгамъ **Осмнадцатаго Вѣка**, съ пересылкою **десять** рублей. Книги XVIII вѣка продаются по одиначкѣ.

Желающіе получать **Русскій Архивъ и Осмнадцатый Вѣкъ**, надписываютъ свои требованія: въ Москву, въ Чертковскую библіотеку, Петру Ивановичу Бартеневу. Въ Петербургѣ можно подписываться въ книжномъ магазинѣ А. Ѳ. Базунова, но подписчики изъ другихъ городовъ обращаются *исключительно* въ Москву, въ Чертковскую библіотеку.

Тамъ же можно получать Русскій Архивъ прежнихъ годовъ 1864 года 4 р., 1865, 1866 и 1867 годовъ по 5 р. Пересылка за каждый годъ по 50 коп. Покупающіе не менѣе двухъ томовъ пользуются уступкою по 50 к. съ тома. Желающіе получить *всѣ шесть лѣтъ вмѣстѣ*, т. е. еще за 1868 и 1869 годы высылаютъ съ пересылкою 28 р., а выписывающіе при томъ и *двѣ книги* **Осмнадцатаго вѣка** — платятъ съ пересылкою за всѣ восемь книгъ 32 рубля.

Тетради Русскаго Архива по одиначкѣ не продаются.

☛ Въ сей тетради Рускаго Архива находится особый листокъ объ изданіи сборника. «Осмнадцатый Вѣкъ».

Составитель и издатель Русскаго Архива: **Петръ Бартеневъ.**

ГОДЪ ШЕСТЫЙ

РУССКІЙ АРХИВЪ.

ИЗДАВАЕМЫЙ

11. ПРИ 1868.

ЧЕРТКОВСКОЙ БИБЛІОТЕКѢ.

СОДЕРЖАНІЕ:

1. Письма Сперанскаго къ его дочери, Елисаветѣ Михаиловнѣ, съ дороги въ Сибирь, изъ Сибири и съ возвратнаго оттуда пути. 1819 и 1820.
2. Радищевъ и его книга: „Путешествіе изъ Петербурга въ Москву", статья *М. Н. Лонгинова.*
3. Замѣтка о книгѣ г. Кеневича: „Примѣчанія къ баснямъ Крылова". *Его же.*
4. Частное письмо изъ С.-Петербурга въ Тульчинъ о Семеновскомъ возмущеніи 1820 года.
5. Письма *Н. М. Карамзина* къ В. А. Жуковскому. 1803—1818. Съ примѣчаніями князя *П. А. Вяземскаго.*
6. Генералъ графъ Леонтій Леонтьевичъ Бенигсенъ. Біографическій очеркъ.
7. Письма герцогини Голштинской Анны Петровны, императрицы Анны Іоановны и камеръ-фрау Юшковой къ П. И. Машкову.
8. Рѣдкостная помѣщичья довѣренность. 1775 года.
9. Письмо Суворова къ гр. Д. И. Хвостову.
10. Указъ императора Павла Д. Е. Лесли.
11. Три разсказа изъ исторіи 1812 года. *В. Б-ра.*
12. Черта въ характерѣ Жуковскаго.

МОСКВА.

Типографія Грачева и К. у Пречистенскихъ воротъ д. Шиловой.

1868.

См. на внутренней сторонѣ задней обертки.

ПИСЬМА М. М. СПЕРАНСКАГО

КЪ ЕГО ДОЧЕРИ ИЗЪ СИБИРИ. (*)

1.

Тобольскъ 30 Мая 1819.

И здѣсь, любезная моя Елисавета, то же небо, тотъ же благотворный свѣтъ солнечный, тѣ же люди, смѣшеніе добра и зла, тотъ же Отеческій Промыслъ объемлющій всѣ пространства, сближающій меня съ тобою во всѣхъ разстояніяхъ, укрѣпляющій и исполняющій сердце мое довѣріемъ и надеждою.

Я прибылъ сюда 24 го мая, наканунѣ Троицына дня. Изъ Казани до Тобольска 1500 верстъ мы сдѣлали въ 8-мь дней, не смотря на разлитіе рѣкъ и частыя переправы. Таковы здѣшнія лошади и дороги. Безстрашная Сибирская царевна не могла бы летѣть скорѣе въ мои объятія. Въ дорогѣ мы всѣ были веселы и бодры. Время такъ намъ благопріятствовало, что отъ Пензы до Тобольска почти ни капли дождя и грязи. Легко себѣ представить, какъ мы здѣсь были приняты. Восторгъ, можно сказать, былъ общій. И самые тѣ, кои страшились меня, какъ судьбы грозной, утомленные ожиданіемъ, рады были видѣть рѣшеніе.

Третьяго дня почта принесла мнѣ письмо твое отъ 9 Мая. Слѣдовательно почта сюда ходитъ въ 19-ть, а иногда даже и въ 15-ть дней. По крайней мѣрѣ чрезъ двѣ недѣли буду я знать, что моя Елисавета была здорова. Не знаю еще сколько времени я здѣсь останусь; но вѣрно не менѣе мѣсяца а потомъ уже пущусь на край обитаемаго свѣта.

Съ условіями, чтобъ не ѣздить безъ Сонюшки, чтобъ всегда быть сопровождаемой Андреемъ К. *, разрѣшается тебѣ верховая ѣзда. Я боялся двухъ вещей 1, что ты не могла имѣть порядочно выѣзженной лошади и 2, что ты всегда скачешь и рѣдко можешь видѣть впереди. Впрочемъ скажи Кюмелю, ** что онъ отвѣчаетъ мнѣ своею головою за всякой опасный шагъ, не только за всякое паденіе.

Дорога насъ совсѣмъ ознакомила съ Жоржемъ. Онъ дѣйствительно имѣетъ прекрасную, дѣтскую душу и добрый, смѣтливый умъ: а съ симъ можно много сдѣлать и во всемъ почти успѣть. На сихъ дняхъ, разобравшись съ дѣлами, мы распорядимся въ его наукахъ и упражненіяхъ. По счастью къ сему есть подъ руками всѣ средства.

Прощай моя милая; Господь съ тобою.

(*) См. выше въ семъ году Русскаго Архива письма Сперанскаго изъ Пензы и съ дороги въ Сибирь.

* Андреемъ Карловичемъ Амбургеромъ.

** Извѣстному берейтору.

2.

Тобольскъ 7-го Іюня 1819.

Дѣла и хлопоты такъ мнѣ закружили голову, что я забылъ почтовой день и едва успѣваю сказать тебѣ, любезная моя Елисавета, что письма твои начали опять приходить ко мнѣ въ порядкѣ. Третьяго дни получилъ письмо твое отъ 15-го Мая. Поздравляю тебя на дачѣ; надѣюсь, что тусклость мыслей твоихъ освѣжится; впрочемъ тебѣ не въ первый разъ искать утѣшенія внутри себя; ты всегда его тамъ найдешь, если только поутру и ввечеру искать будешь.

Я окруженъ здѣсь хлопотами; а ты знаешь, какъ ненавижу я всякую хлопотливость. Не дѣла, но бездѣлки, чрезъ кои надобно пройти къ дѣламъ, непріятны; но я вижу берегъ; здоровье мнѣ служитъ и душа моя исполнена надежды.

Жоржа я одѣваю въ мундиръ и надѣюсь скоро будетъ онъ имѣть и первый офицерскій чинъ. Радость его смѣшна; но весьма чистосердечна и естественна. Его всѣ здѣсь любятъ; но не балуютъ.

Прощай моя милая; до первой почты, какъ до свиданія. Христосъ съ тобою.

3.

Тобольскъ. Іюня 14, 1819.

Письмо твое, любезная моя Елисавета, отъ 21-го Мая я получилъ 12-го Іюня. Такъ ходитъ сюда почта и я еще въ самомъ ближнемъ отъ тебя разстояніи. Что же будетъ, когда пущусь я въ самую глубину Сибири? И тебѣ и мнѣ много надобно терпѣнія; много молитвы; много помощи свыше.

Бодрость духа и здоровье меня не оставляютъ. Окончивъ здѣсь дѣла я поспѣшу въ Иркутскъ, какъ къ цѣли моего путешествія, путешествія конечно: ибо никогда не найду я въ себѣ ни силъ, ни способовъ не только здѣсь остаться, но и представить себѣ сіе вѣроятнымъ. Милость Божія никогда меня не оставляла и здѣсь не оставитъ. Ожидаю зимы, какъ ты весны: ибо зима для меня въ Иркутскѣ будетъ послѣднею эпохою моего удаленія; съ весною я начну обратный путь. Молись только, чтобъ я былъ здоровъ; прочее все устроится въ своемъ порядкѣ.

Не слушай разказовъ о Сибирской природѣ. Сибирь есть просто Сибирь. Надобно имѣть воображеніе не пылкое, но сумазбродное, чтобъ видѣть тутъ какую-то Индію. Доселѣ по крайней мѣрѣ я ничего не видалъ ни въ природѣ величественнаго; ни въ людяхъ отличнаго. Уральскія горы сколько ни называй ихъ Рифейскими, все будутъ скучные, неказистые, единообразные, безчисленные, утомительные холмы, растянутые на пространствѣ 400 верстъ. При переѣздѣ ихъ не встрѣтишь ни одной точки зрѣнія, гдѣ бы глазъ остановился; ни одной равнины, съ коей бы можно было вдругъ обнять какое либо значительное возвышеніе. Тутъ даже нѣтъ и красивыхъ ужасовъ. Болѣе скучно нежели опасно и даже совсѣмъ не опасно. Примѣть, что мы проѣзжали ихъ въ самое лучшее время и что глазъ мой пристрастенъ ко всякой красотѣ природѣ, ко всякому явленію изящному или величавому. О людяхъ тоже сказать можно. Доселѣ я еще не могъ составить никакого понятія, которое представляло бы мнѣ *Сибиряка*. Тѣже пороки; тѣже глупости; тоже терпѣніе въ бѣдныхъ и своекорыстіе въ богатыхъ. Различіе только въ томъ, что здѣсь, говоря вообще, всѣмъ жить широко, земля довольно хороша, и слѣдовательно бѣдныхъ меньше. Посмотримъ, что будетъ далѣе; а до Тобольска и въ Тобольскѣ я смѣло утверждаю, что Сибирь есть просто Сибирь, то есть: прекрасное мѣсто для ссылочныхъ, выгодное для нѣкоторыхъ частей торговли, любопытное

и богатое для минералогіи; но не мѣсто для жизни и высшаго гражданскаго образованія, для устроенія собственности, твердой, основанной на хлѣбопашествѣ, фабрикахъ и внутренней торговлѣ. Впрочемъ жизнь въ самомъ Тобольскѣ весьма дешева; великое изобиліе рыбы и прекрасной; но что значитъ сіе мѣстное изобиліе, когда за двѣсти верстъ по недостатку и даже по невозможности сообщеній вдругъ все измѣняется и въ виду избытка можно умереть съ голоду. Южная часть губерніи вообще довольно изобильна; но одинъ градусъ къ сѣверу; одинъ шагъ съ большой дороги и ты въ пустынѣ, среди болотъ непроходимыхъ, гдѣ дикій Остякъ гоняется только зимою за серною или соболемъ; а лѣтомъ, то есть два мѣсяца, живетъ рыбою.

Ты подумаешь, что даю тебѣ урокъ статистики. Мое намѣреніе есть только остеречь тебя отъ моднаго нынѣ заблужденія превозносить Сибирь и находить въ ней Индію. Сіи люди въ самомъ дѣлѣ могутъ возмечтать, что они сдѣлали важное открытіе.

Мы живемъ здѣсь весьма уединенно. Общества совсѣмъ нѣтъ и я весьма радъ сему образу жизни. Тѣмъ скорѣе и лучше могу я окончить дѣла мнѣ порученныя. Жоржъ началъ свои науки то есть читаетъ и переводитъ помоему назначенію. И нравомъ его и умомъ я весьма доволенъ.

Прощай моя милая; до будущей почты; Господь съ тобою.

Вели себѣ сыскать и прочитай непремѣнно № 43 мая мѣсяца Московскихъ Вѣдомостей. Ты увидишь тамъ мое прощанье съ Пензою. Не знаю еще моего Гомера; но онъ правдивѣе Греческаго.

4.

Тобольскъ 20 Іюня 1819.

Письмо твое, любезная моя Елисавета, отъ 29 Мая я получилъ въ свое время. По собственному опыту я знаю, какъ трудно писать въ жаркое время. И въ Тобольскѣ бываютъ жары; сегодня напримѣръ 36° въ тѣни. Природа вездѣ беретъ свое. Чрезъ нѣсколько дней я отсюда отправляюсь. Послѣдующее письмо мое будетъ уже изъ Томска то есть изъ второй Сибирской губерніи. Тебѣ не худо прочитать и возобновить въ памяти географію Сибири, чтобъ лучше знать, гдѣ я буду находиться. Съ нынѣшнею почтою дѣлаю представленіе въ Сенатъ о Жоржѣ, чтобъ доставить ему первый офицерскій чинъ. Въ Сенатъ о Жоржѣ — какая странность. Аркадій Алексѣевичъ тебя увѣдомитъ, когда онъ будетъ произведенъ. Это не подвержено сомнѣнію. Между тѣмъ онъ въ мундирѣ *и при шпагѣ*. Мундиръ прекрасный и онъ радъ безъ памяти. Сего не довольно; онъ получаетъ даже и жалованье изъ казны по триста рублей въ годъ. Скажи Марьѣ Карловнѣ, что онъ ведетъ себя прекрасно и начинаетъ служить на самомъ дѣлѣ. — Кто тотъ молодой человѣкъ, который такъ восхищенъ служить подъ моимъ начальствомъ *(а не подо мною)*? Ты забыла мнѣ сказать его имя. Рекомендація твоя конечно будетъ ему не безполезна. Впрочемъ я такъ мало себя здѣсь прочу, что никому ничего не обѣщаю, и никого къ себѣ не зову: ибо и самъ думаю только о возвратѣ. Тѣмъ не менѣе ѣду въ Иркутскъ съ бодрымъ духомъ и слава Богу съ добрымъ запасомъ здоровья. — Осипъ Петровичъ* самъ описывалъ мнѣ вашъ обѣдъ. Я пользуюсь его сосѣдствомъ съ вами, чтобъ доставить къ тебѣ сіе письмо. Впрочемъ буду иногда писать и чрезъ Сталыпина. Не мучь себя журналомъ; я знаю, что по образу вашей жизни

* Козодавлевъ.

это довольно трудно; пиши только ко мнѣ, какъ можно болѣе. — 90, пишется и говорится — девяносто; а *воспа* пишется и произносится на добромъ русскомъ языкѣ: *оспа*.

Прощай, моя милая; Христосъ съ тобою.

5.

Тобольскъ 25 Іюня 1819.

Сіе письмо, любезная моя Елисавета, будетъ послѣднее изъ Тобольска; завтра отсюда мы пускаемся во глубину Сибири и вмѣсто сѣвера возвращаемся къ югу. Чрезъ два дни буду я на границѣ Россіи, въ Омскѣ въ крѣпости, раздѣляющей и оканчивающей послѣднюю черту населенія народа образованнаго съ полудикими Киргизами. Оттуда мы обратимся въ Томскъ, гдѣ пробуду я недѣли двѣ и первое письмо, которое ты послѣ сего получишь, будетъ именно изъ сей средней полосы Сибирскаго царства. По счастью время и здоровье намъ благопріятствуютъ.

Воображеніе наше ищетъ въ Сибири чего-то чуднаго, отличительнаго и ничего не находитъ. Какъ жаль, что скучная, единообразная дѣйствительность вездѣ уничтожаетъ паренія романическія. Сей плоскій физическій міръ вообще стоитъ не въ мѣрѣ нашихъ мыслей и воображеній. Духъ человѣческій есть великанъ, коему все тѣсно. Привычка уничтожаетъ даже и призракъ разстояній. Мы теперь говоримъ о тысячѣ верстахъ, какъ о прогулкѣ. На сихъ дняхъ генералъ командующій въ Омской крѣпости пріѣзжалъ ко мнѣ со всѣмъ своимъ штабомъ за 600 верстъ съ визитою: отобѣдалъ, переночевалъ, уѣхалъ.

Жерве въ послѣднемъ своемъ письмѣ прощальномъ ничего ко мнѣ не пишетъ о продажѣ Маврина; изъ чего и заключаю, что она не скоро еще совершится. Лишь бы простояла она до будущей весны; а тамъ увидимъ.

Прощай моя милая. Господь съ тобою.

26 Іюня.

Предъ самымъ отъѣздомъ почта принесла мнѣ письмо твое отъ 2-го Іюня. Повѣствованіе Магницкаго конечно интересно; но я и безъ него знаю, что дѣйствительно все идетъ какъ нельзя лучше. О поѣздкѣ твоей въ Сибирь и говорить нечего; этому не бывать, если Промыслъ не захочетъ посѣтить меня новымъ несчастіемъ. Письмо рыцаря солнца изъ Тегерана читано въ Тобольскѣ! это весьма интересно. Сей молодой человѣкъ, кажется, видитъ вещи съ истинной ихъ точки зрѣнія. Прощай моя милая; Христосъ съ тобою.

Пиши ко мнѣ всегда въ Тобольскъ; почтамтъ найдетъ меня всюду.

Жоржъ не пишетъ за сборами въ дорогу.

6.

Томскъ 10-го Іюля 1819.

Мы оставили Тобольскъ, любезная моя Елисавета, 20-го Іюня. По равнинѣ простирающейся почти на тысячу верстъ скатились мы сюда и прибыли въ Томскъ, въ средоточіе Сибири 6-го Іюля. Первый пригорокъ на семъ пространствѣ встрѣтили мы съ радостію и восклицаніемъ: столько единообразіе сихъ степей утомительно. Здѣсь природа начинаетъ одушевляться. Растенія дѣйствительно роскошныя. Трудно видѣть луга болѣе тучные, лучше испещренные, и еслибъ не былъ я за 4500 верстъ отъ тебя: то можно бы симъ повеселиться; но сердце мое сжато и не прежде раскроется, какъ при обратномъ отсюда путешествіи. Физическіе труды ничто въ сравненіи съ нравственными огорченіями и безпокойствами. Видъ

здѣшнихъ неустройствъ и желѣзнаго управленія возмущаетъ душу.

На пути мы сдѣлали кругъ и были въ Омскѣ, на границѣ Европейскаго образованія. Дикіе Киргизы придвинувшись съ своими юртами давали мнѣ праздникъ, то есть давали намъ видѣть, какъ они жрутъ почти сырыхъ барановъ и пьютъ кумысъ (кобылье молоко). Послѣ сего было ристалище. Оно состояло въ скачкѣ. Молодые люди одинъ послѣ другаго старались тутъ нагнать верхомъ скачущую дѣвицу, одну изъ лучшихъ невѣстъ; а она отбивалась отъ жениховъ плетью. Нѣтъ ничего отвратительнѣе дикой природы, если въ самомъ дѣлѣ это есть природа, а не одичавшее ея произведеніе. Мы обѣдали и ночевали въ крѣпости. Ты можешь себѣ представить, какъ Жоржъ былъ гордъ видя, что мнѣ отдавали всѣ военныя почести. Онъ выросъ на полвершка. Кстати о ростѣ, онъ дѣйствительно вздумалъ здѣсь рости; скажи Марьѣ Карловнѣ, чтобъ къ возвращенію его готовила ему весь новый гардеробъ.

Мы проживемъ здѣсь еще недѣли двѣ. Надѣюсь, что отнынѣ переписка наша будетъ непрерывна. Прощай моя милая, Господь съ тобою.

7.

Томскъ 17-го Іюля 1819.

Письмо твое, любезная моя Елисавета, отъ 8-го Іюня, дошло ко мнѣ 14-го Іюля; какое ужасное разстояніе; а чрезъ двѣ недѣли я буду отъ тебя еще далѣе. Какъ же не желать, какъ не искать намъ вѣчности все соединяющей, когда здѣсь все раздѣлить насъ можетъ?

Разсужденіе твое о чувствительности прекрасно и даже весьма основательно. Упражняйся любезная, чаще въ сихъ размышленіяхъ; но упражняйся съ перомъ въ рукѣ: ибо симъ однимъ образомъ можешь ты установить и удержать полетъ твоихъ мыслей. Мысли твои такъ заманчивы, что я не могу не прибавить къ нимъ нѣсколько своихъ.

Чувствительность, въ собственномъ смыслѣ, есть способность духа человѣческаго понимать и услаждаться всѣмъ, что есть изящнаго (le beau) въ природѣ и дѣяніяхъ человѣческихъ, въ физическомъ и нравственномъ мірѣ.

Низшія степени чувствительности принадлежатъ всѣмъ существамъ мыслящимъ; но высшія даны не многимъ. И Остякъ имѣетъ свою музыку и увеселяется корольками и стеклярусомъ; но высшія зависятъ отъ устройства органовъ, отъ усовершенія ихъ и нравственнаго образованія; а еще болѣе они зависятъ отъ обилія и полноты живущаго въ насъ духа. Въ просторѣчіи говорятъ: онъ много имѣетъ духа; много характера. И дѣйствительно одинъ имѣетъ его отъ природы болѣе, другой менѣе.

Отсюда происходитъ та весьма важная истина, что великодушіе есть тоже что и чувствительность и что малодушный человѣкъ, хотя бы онъ плакалъ по сту разъ въ день, никогда не можетъ быть человѣкомъ чувствительнымъ. Это просто плакса съ слабыми или разстроенными нервами. —Здѣсь передаю тебя перо въ руки и разсужденіе твое есть ничто иное какъ продолженіе моей темы.

Ты старѣешь; ради Бога не допускай себя старѣть; не теряй розовыхъ твоихъ мыслей; не дозволяй входа въ сердце твое пустымъ страхамъ; не всѣ-ли, не вездѣ-ли мы въ рукахъ Вышняго Промысла; не ломаютъ-ли себѣ ногъ на паркетахъ и сверхъ того прошедшее должно тебѣ

ручаться за настоящее и будущее. Что бы ни говорили, а есть предчувствіе и сіе предчувствіе удостовѣряетъ меня, что судьба моя еще не исполнилась и не прежде исполнится, какъ по соединеніи съ тобою. Даже можно подивиться, какъ всѣ обстоятельства, самая погода мнѣ въ пути благопріятствуетъ. Здѣсь напримѣръ бываютъ лѣтомъ несносные жары; нынѣ время благорастворенное.

Я почти радъ, что Маврино пустѣетъ. Женское ваше общество прекрасно; но мужское ни къ чему негодится не потому, чтобъ было опасно: но потому что ничтожно.

Жоржъ продолжаетъ, какъ началъ то есть добръ, смѣтливъ, и готовъ всему учиться. Кочующая наша жизнь не дозволяетъ ему заниматься науками; но въ Иркутскѣ мы расположимся покойнѣе и полезнѣе. Я надѣюсь тамъ быть около 6-го Августа. Кто бы повѣрилъ?—Прошедшаго года въ сіе время я былъ въ Пензѣ; а вы на Бриловскомъ заводѣ—а нынѣ я буду къ тебѣ писать въ сіе же время изъ Иркутска.

Прощай, моя милая, Христосъ съ тобою.

8.

Томскъ 24-го Іюля 1819.

Нынѣшняя моя почта не такъ была счастлива, какъ предъидущая; я не получилъ твоихъ писемъ вѣроятно по какой нибудь остановкѣ въ Москвѣ, что бываетъ не рѣдко.

Томскъ и вообще Томская губернія, могла бы быть и по богатству произведеній и по климату ея весьма умѣренному и въ полуденной части прекрасному, могла бы быть одною изъ лучшихъ губерній въ Россіи; но худое управленіе сдѣлало изъ нее сущій вертепъ разбойниковъ. Сіе противорѣчіе между возможностью и дѣломъ разрываетъ сердце. Надежда со временемъ согласить противорѣчіе такъ еще слаба, что не можно на нее опереться. Я полагалъ здѣсь пробыть не болѣе двухъ недѣль; но встрѣтилъ столько дѣлъ непріятныхъ, что не надѣюсь окончить ихъ и въ мѣсяцъ. Можно-ли себѣ представить, что я тороплюсь въ Иркутскъ—между тѣмъ это сущая правда. Иркутскъ есть послѣдняя цѣль моего странствованія и сверхъ того дорога есть единственный мой отдыхъ.

Третьяго дня мы праздновали 22-е Іюля. У меня былъ большой обѣдъ, а ввечеру въ саду балъ и ужинъ. Тутъ собрано было все губернское великолѣпіе—и здѣсь танцуютъ матрадуры и котильонъ.

Ты весьма хорошо сдѣлала, что не писала ко мнѣ съ Сальватори; онъ меня по счастью и не засталъ.

Прощай моя милая, Христосъ съ тобою.

9.

Томскъ 1-го Августа 1819.

Среди нестройныхъ криковъ страстей и жалобъ здѣсь меня окружающихъ я читалъ, любезная моя Елисавета, письмо твое и мысли *о несчастіи*, какъ музыку Гайдена. Сей отрывокъ и по слогу и по предмету еще лучше прежняго. Продолжай утѣшать меня; мнѣ нужны твои утѣшенія; но не пиши мнѣ ни о медвѣдяхъ, ни о происшествіяхъ сему подобныхъ; вдали они слишкомъ для меня страшны и сверхъ того я могу лучше о семъ услышать отъ другихъ, нежели отъ тебя.

Я получилъ письмо и счетъ Марьи Карловны. Тѣмъ и другимъ совершенно доволенъ. Весьма радъ, что ты

разсталась съ твоею Агаѳьею. Есть предѣлы всякому терпѣнію. И впрочемъ всегда лучше летать на своихъ крыльяхъ; я думаю, что у тебя во фрейлинахъ недостатка не будетъ.

Ты читаешь Миллера, а я съ нимъ такъ, какъ и со всѣми другими книгами почти раззнакомился. Совершенно нѣтъ времени. Надѣюсь увидѣться съ ними въ Иркутскѣ. Мы отправляемся туда 3-го или 5-го сего мѣсяца. Не ожидай писемъ съ будущею почтою; мы будемъ въ пути и не прежде 15-го достигнемъ своего зимняго пребыванія; за то лучше и постояннѣе тамъ расположимся. Кочующая жизнь мнѣ крайне наскучила.

Не спрашивай меня, будешь-ли ты когда нибудь въ Сибири. Самый вопросъ, самая мысль о семъ для меня огорчительна. Частнымъ человѣкомъ можетъ быть я нашелъ бы и здѣсь способъ составить себѣ довольно сносный образъ бытія; но никогда начальникомъ. Слишкомъ много отвѣтственности и предъ Богомъ и предъ людьми и силы мои къ сему совершенно недостаточны. И такъ говори сколько хочешь объ отправленіи твоемъ въ Сибирь, но говори другимъ; мнѣ же проповѣдуй, какъ мы увидимся будущею весною въ Мавринѣ.

Прощай моя милая до Иркутска, какъ будто до свиданія. Христосъ съ тобою.

10.

Нижнеудинскъ 21-го Августа 1819.

Пишу къ тебѣ, любезная моя Елисавета, изъ сего маленькаго, грязнаго городка единственно для того, чтобъ ты не подумала, что мы на пути изъ Томска въ Иркутскъ потерялись или пожраны медвѣдями и волками. Мы слава Богу всѣ здоровы и давно уже были бы въ Иркутскѣ, если бы дѣла и горькія жалобы меня не остановляли. Здѣсь-то настоящая Сибирь и здѣсь-то наконецъ я чувствую, что Провидѣніе всегда правосудное, не безъ причины меня сюда послало. Я былъ здѣсь дѣйствительно Ему нуженъ, чтобъ уменьшить страданія, чтобъ оживить надежды почти уже исчезавшія, и ободрить терпѣніе слишкомъ утомленное.

Чрезъ два или три дни мы отправляемся въ Иркутскъ. Это пятьсотъ верстъ; два дни пути по здѣшнему. Съ будущею почтою надѣюсь писать къ тебѣ оттуда. Прощай моя милая до свиданія. Христосъ съ тобою.

11.

Иркутскъ 2-го Сентября 1819.

Наконецъ мы въ Иркутскѣ, на краю свѣта, на возвратной линіи нашего странствованія, любезная моя Елисавета. Намъ суждено вступать въ большіе города на канунѣ большихъ праздниковъ; сюда мы прибыли наканунѣ Александрова дня. Встрѣча была великолѣпная, хотя и старался я всемѣрно отклонить всѣ пышности. По стеченію народа, по яркости освѣщенія Иркутскъ показался намъ столицею. Поутру очарованіе изчезло; остался обыкновенный губернскій городъ, довольно многолюдный, торговый и опрятный. Я едва еще успѣлъ осмотрѣться и потому съ сею почтою не пишу еще ни къ кому кромѣ тебя.

Здѣсь я получилъ два письма твои отъ 9-го и 14-го Іюля почти чрезъ полтора мѣсяца. Весьма радъ, что ты видѣлась съ дядюшкой. Мнѣніе твое о прочихъ лицахъ сего дома весьма справедливо; но по счастью намъ нѣтъ до нихъ большой нужды, и привязанности твои къ Марьѣ Карловнѣ не подлежатъ ихъ пересудамъ.

Весьма одобряю намѣреніе твое сдѣлать путешествіе къ доброму и лѣнивому Лербасу. Это старая моя привязанность; они оба люди весьма добрые. Весьма премудро устроено, что люди злые всегда почти должны быть дѣятельны и безпокойны: ибо труднѣе, несравненно заботливѣе быть злымъ, нежели добрымъ.

Поздравляю тебя въ званіи учительницы дѣтей. Весьма не худо учить и лучшій способъ учиться. Ты будешь со временемъ Miss Edgeworth.

Мы расположились здѣсь, наконецъ, на зимнія, постоянныя квартиры. Кочующая наша жизнь чрезмѣрно наскучила. Жоржъ вступаетъ въ свои учебныя упражненія. И въ Петербургѣ трудно бы было ему найти столько способовъ, какъ мы здѣсь имѣемъ подъ руками. Онъ долженъ здѣсь приготовить себя къ университетскому курсу, который начнетъ, какъ скоро будетъ въ Петербургѣ. Ибо совсѣмъ нѣтъ моего намѣренія посвятить его канцелярской службѣ. Для него я весьма честолюбивъ.

Прощай моя милая до слѣдующей почты. Христосъ съ тобою.

Не бойся; далѣе я ни шагу; зимою сдѣлаемъ только прогулку въ Кяхту, чтобъ въ пограничныхъ воротахъ поклониться китайскому Богдо-хану. —Чаю милой мамѣ непремѣнно пришлю, но зимою.

12.

Иркутскъ 5-го Сентября 1819.

Давно-ли, любезная моя Елисавета, день твоего ангела праздновали мы въ Пензѣ?—Это кажется вчера. Между тѣмъ сколько происшествій, какая разлука, какая отдаленность! Но сила любви не знаетъ разстояній. И въ Иркутскѣ праздную сей день, счастливѣйшій въ моей жизни, благодареніемъ Всевышнему Отцу, который вмѣсто всѣхъ благъ жизни, даровалъ мнѣ тебя. Ангелъ хранитель невинности и чистоты душевной да будетъ съ тобою!

Вчера получилъ я письмо твое изъ Павловскаго отъ 24-го Іюля. Мѣсто сіе дѣйствительно исполнено для меня воспоминаній. Со временемъ мы сдѣлаемъ сюда *sentimental journey*. Не разрушай моихъ мечтаній; я все вѣрю, что мы нѣкогда и даже скоро будемъ вмѣстѣ и на свободѣ.

Я забылъ написать къ тебѣ, что если бы тебѣ встрѣтилась нужда въ деньгахъ прежде нежели поступятъ доходы съ аренды (они должны поступить къ Дазеру въ Декабрѣ сего года шесть тысячь и въ Мартѣ столько же) ты можешь располагать доходами съ дома: наемъ платится по третямъ по $^{2}/_{m}$ р. въ треть и долженъ поступить къ А. А. Сталыпину (*) По сіе время у него должно уже быть $^{2}/_{m}$ рублей.

6-го Сентября.

Вчера у насъ былъ въ биржевой залѣ отъ купечества обѣдъ и балъ —въ Иркутскѣ балъ; но кто же танцуетъ? 24 пары ва экоссезѣ. Такъ усовершается любезное отечество наше. Признаюсь, есть чѣмъ тебѣ въ пристрастіи твоемъ похвалиться. Завожу и здѣсь еженедѣльныя собранія: ибо мнѣ нужны точки соединенія; нужно снять оковы прежняго суроваго, угрюмаго правительства.—Едва вѣрятъ здѣшніе обыватели, что они имѣютъ нѣкоторый степень свободы и могутъ

(*) Договоръ сдѣланъ съ Масальскимъ. Дубенскій долженъ платить съ 1-го Іюля сего года по 500 р. въ мѣсяцъ и слѣд. 1-го Ноября долженъ тебѣ заплатить $^{2}/_{m}$ р., если ты къ нему пошлешь или скажешь А. Алексѣичу. С.

безъ спроса и дозволенія собираться, танцовать или ничего не дѣлать.

Какъ велика земля Русская! И здѣсь тѣ же люди, та же чернь, тѣ же нравы и обычаи; тѣ же почти и пороки и добродѣтели. Сіе единство почти не понятно. Во всѣхъ другихъ государствахъ несравненно есть болѣе разнообразія. Сіе происходитъ думаю, отъ того, что здѣшнее населеніе есть смѣсь или произведеніе всѣхъ странъ Россіи. Но не думай и не дозволяй думать, чтобъ Сибирь населена была ссыльными и преступниками. Число ихъ какъ капля въ морѣ; ихъ почти не видно, кромѣ нѣкоторыхъ публичныхъ работъ. Невѣроятно, какъ вообще число ихъ маловажно. По самымъ достовѣрнымъ свѣдѣніямъ они едва составляютъ до $^{2}/^{m}$ въ годъ и въ томъ числѣ никогда и десятой части нѣтъ женщинъ. Тебѣ покажется страннымъ предметъ письма сего; но надобно, чтобъ ты имѣла объ отечествѣ твоемъ вѣрныя понятія во всѣхъ отношеніяхъ. Со временемъ я издамъ таблицы, которыя удивятъ просвѣщенную Европу. Они докажутъ, что у насъ въ 20-ти тысячахъ едва можно найти одного преступника, да и то воришка маловажнаго; важныхъ же нѣтъ ни на сто тысячъ одного. Я самъ не повѣрилъ бы сему прежде и считаю это великимъ въ моральномъ мірѣ открытіемъ.

10-го Сентября.

Прощай моя любезная; Господь съ тобою.

13.

Иркутскъ 17 Сентября 1819.

Съ возвращающимся отсюда Сенатскимъ курьеромъ завтра, любезная моя Елисавета, буду я къ тебѣ писать подробнѣе; съ почтою же пишу теперь для того только, чтобъ срочное время не пропустить безъ писемъ. У насъ продолжается еще прекрасная погода и слава Богу здоровье мое ничего не потерпѣло отъ перемѣны климата. На сихъ дняхъ собираюсь сдѣлать небольшое путешествіе на Байкалъ; это 60 верстъ. Озеро сіе здѣсь называютъ моремъ и даже святымъ моремъ и увѣряютъ, что дерзновенный, который бы назвалъ его озеромъ, не останется безъ мести. Два уѣзда за нимъ лежащіе называются по той же логикѣ заморскими. Впрочемъ не думай, чтобъ я вздумалъ плавать; я осмотрю только берега и близъ лежащія селенія.

Прощай моя милая; готовясь къ отправленію курьера я окруженъ бумагами и чуть не упустилъ почту. Христосъ съ тобою.

14.

Иркутскъ 18-го Сентября 1819.

Аркадій Алексѣевичъ вручитъ тебѣ, любезная моя Елисавета, письмо сіе и ящичекъ чаю въ подарокъ любезной моей Софьѣ Ивановнѣ. Лѣтомъ посылать чай трудно; мнѣ часто привозили одну пыль. Зимою пришлю ей болѣе. Изъ всѣхъ здѣшнихъ товаровъ одинъ чай лучше и дешевле, нежели въ Москвѣ. Впрочемъ доброй чай надобно дѣлать съ умѣньемъ; онъ требуетъ болѣе времени и тепла, чтобъ настояться.

Двѣ недѣли, какъ я здѣсь и не могу еще обозрѣться, ни установить порядка въ моемъ времени. Дѣла чрезмѣрно запутаны; но надѣюсь, что къ новому году все существенное и грязное окончу. Останется одна окончательная, но уже болѣе умственная работа. Будущее во всѣхъ отношеніяхъ лучше настоящаго. И у меня есть свои фантазіи: могу-ли запретить ихъ тебѣ?

Меня въ самомъ дѣлѣ сдѣлали академикомъ то есть членомъ Академіи и что еще лучше Академіи наукъ, которая всегда дорожила сими дарами. Здѣсь на сихъ дняхъ получилъ я Латинскій свой дипломъ и вмѣстѣ съ симъ посылаю отвѣтную мою грамату. Въ слѣдъза тѣмъ и Казанскій Университетъ присвоилъ меня къ себѣ. Если бы сіи люди знали, какъ мало уважаю я знаніями человѣческими: вѣрно не удостоили бы меня сей чести.

Кстати о знаніяхъ; Жоржъ продолжаетъ свои уроки съ прилежаніемъ; онъ учится Математикѣ и Латинскому языку, и надѣюсь столько здѣсь успѣетъ, что по возвращеніи въ Петербургъ тотчасъ вступитъ въ университетскій курсъ, гдѣ я самъ за нимъ смотрѣть буду.

Прощай моя милая. Господь съ тобою.

15.

Иркутскъ 23 Сентября 1819.

Письма наши, любезная моя Елисавета, суть не что другое, какъ продолжительный разговоръ между страхомъ и надеждою; по счастью слова послѣдней и внятнѣе и сообразнѣе съ нашимъ сердцемъ. Предо мною лежатъ твои письма отъ 28-го Іюля и отъ 4-го Августа. Свиданіе твое съ Жуковскимъ * есть дѣйствительно происшествіе; рѣдко встрѣчаются геніи и съ того времени, какъ встрѣтился Шиллеръ съ Гёте, нынѣ случилось это въ первый разъ. Тутъ нельзя ошибиться; если онъ Шиллеръ: то ты Гёте. Соразмѣрность почти вѣрная.—Какъ живо я чувствую всѣ неудобства его положенія, всю страдательность его жизни. Я слишкомъ близко видѣлъ сей родъ неволи, чтобъ не сострадать и что̀ всего хуже, нѣтъ почти средства пособить ему; одна болѣзнь можетъ поправить; но и въ болѣзни не дадутъ ему ни лекаря, ни лекарства.

Что сказать тебѣ о здѣшнихъ новостяхъ? Кромѣ дѣлъ вотъ что въ двѣ недѣли сдѣлать мы здѣсь успѣли. *Во первыхъ* завели собранія, гдѣ разъ въ недѣлю по воскресеньямъ танцуютъ и кто же?—большею частію купчихи и ихъ дочери. Я напримѣръ Польской веду съ старухою одѣтою въ глазетовой юбкѣ и шушунѣ и повязанною платкомъ и тѣмъ не менѣе всё идетъ чинно и весело; они съ роду такъ свободно и пріятно не живали: ибо до меня здѣсь была настоящая Испанія. *Во вторыхъ* учредили въ пользу бѣдныхъ благотворительное общество; подписка теперь уже составляетъ до $^{8}/_{m}$ рублей. Должно отдать справедливость здѣшней щедрости и богатству. *Въ третьихъ* учредили и на сихъ дняхъ открыли Ланкастерскую школу; по счастью со мною была книжка о сей методѣ и все вскипѣло. Собираемся открыть библейское общество; такимъ образомъ все въ порядкѣ и зима наша пройдетъ не безплодно.

Запрещаю тебѣ желать быть мальчикомъ. Ты рождена именно для того, чтобъ быть моею Елисаветою и десяти мальчиковъ за сіе я не возьму. Сверхъ того это и не нужно; даже и въ томъ предположеніи, въ предположеніи для меня горестномъ и слишкомъ невѣроятномъ, чтобъ ты принуждена была посѣтить Сибирь, никакое превращеніе къ сему не нужно. Тутъ нужна только карета и 30-ть дней терпѣнія. Впрочемъ я не хочу о семъ и мыслить.

Прощай моя милая до слѣдующей почты. Христосъ съ тобою.

* Васильемъ Андреевичемъ.

16.

Иркутскъ 16 Сентября 1819.

У насъ зима, любезная моя Елисавета, хоть еще не строгая, но зима. Цѣлое почти лѣто пробывъ въ дорогѣ, на открытомъ воздухѣ, трудно мнѣ будетъ привыкать къ двойнымъ окошкамъ. Но къ чему наконецъ нельзя привыкнуть?—Изъ всѣхъ свойствъ это есть самое драгоцѣннѣйшее. Еслибъ скука и огорченія были для насъ всегда новы, нельзя бы было почти жить на свѣтѣ. Но привычка все умащаетъ, мягчитъ, притупляетъ и дѣлаетъ сноснымъ.

Сегодня во время обыкновеннаго моего утренняго чтенія вмѣсто Греческаго моего Завѣта мнѣ вздумалось читать Евангеліе въ новомъ Русскомъ переводѣ. Какая разность, какая слабость въ сравненіи съ Славенскимъ. Можетъ быть и тутъ дѣйствуетъ привычка, но мнѣ кажется все не такъ, и не на своемъ мѣстѣ и хотя внутренно я убѣжденъ, что это всё одно и тоже; но нѣтъ ни той силы, ни того услажденія. Вообще я никогда не смѣлъ бы одобрить сего уновленія; знаю, что оно сдѣлано съ наилучшими намѣреніями; можетъ быть для тѣхъ, кои не привыкли къ Славенскому языку, это услуга. Но для чего бы кажется не оставить ихъ привыкнуть. Это стоитъ труда. Никогда Русскій простонародный языкъ не сравнится съ Славенскимъ, ни точностію, ни выразительностію формъ, совершенно Греческихъ. И рече Богъ, да будетъ свѣтъ: и бысть свѣтъ — И сказалъ Богъ чтобъ былъ свѣтъ и былъ свѣтъ. Сравни сіи два перевода; въ одномъ есть нѣчто столь быстрое, столь точное; въ вругомъ все вяло, неопредѣленно, vulgar. Въ языкахъ, кои не имѣютъ другаго діалекта, разность сія не можетъ быть чувствительна. Но у насъ и для насъ она весьма ощутительна потому: что читая одно, умъ себѣ представляетъ какъ бы могло сіе быть выражено иначе.

Читай, продолжай читать Евангеліе и весь вообще Новый Завѣтъ на Славенскомъ, а не на Русскомъ языкѣ. Въ мѣстахъ или въ словахъ затруднительныхъ тебѣ легко опредѣлить смыслъ ихъ по Англинскому

Языкъ Славенскій въ послѣднее время много потерпѣлъ отъ того, что вздумалъ защищать его чѣловѣкъ добрый, но писатель весьма посредственный. Для чего Карамзинъ, Уваровъ, Жуковскій не принялись за сіе дѣло? Для того что они молоды; для того, что имъ можетъ быть нѣкогда было симъ заниматься. Ко мнѣ пишутъ кстати о Карамзинѣ, что и грозное царство Іоанна IV уже въ печати; прочитай сіи ужасы и скажи мнѣ свои мысли.

Мы готовимся къ открытію Китайской торговли; это обыкновенно бываетъ въ зимнихъ мѣсяцахъ. Ожидай себѣ прекрасныхъ Китайскихъ шелковъ для вышиванья. О мѣхахъ и думать нельзя; здѣсь или нѣтъ ихъ, или они дороже, нежели въ Петербургѣ. Я самъ принужденъ на зиму кой-какъ передѣлать себѣ старую полуизношенную мою медвѣжью шубу. Одному Жоржу дѣлается новая шуба и съ воротникомъ бобровымъ

Прощай моя милая; Христосъ съ тобою.

17.

Иркутскъ 8-го Октября 1819.

Минувшая почта не принесла мнѣ твоихъ писемъ, любезная моя Елисавета; это значитъ что въ половинѣ Августа ты еще была у Лербаса въ деревнѣ. Такимъ образомъ лишенъ я и того утѣшенія, чтобъ знать, что

шесть недѣль тому назадъ ты была здорова. Сколько же происшествій могло встрѣтиться на разстояніи сихъ шести недѣль! и нѣтъ способа ихъ сократить! Ничто по моему мнѣнію, не даетъ столько чувствовать всей грубости тѣлеснаго нашего бытія, какъ разлука. Она открываетъ, сколь сіе свинцовое бытіе не естественно, несоразмѣрно пареніямъ нашего духа. О! когда взыду и явлюся лицу Твоему, Господи; ибо тамъ только, предъ Нимъ нѣтъ ни разлукъ, ни разстояній, но души однородныя въ Немъ почивающія всегда въ Немъ соединены, всегда одна другой присущи. — Разлуки земныя, а особливо разлуки Сибирскія пріучаютъ къ смерти, даютъ чувствовать, не только понимать всю цѣну вѣчности.

Не приписывай сихъ размышленій горести или упадку духа. Есть нѣчто безконечно пріятное изъ среды мерзостей, коими здѣсь я окруженъ, возноситься къ истинамъ высшаго рода. Я думаю тутъ дѣйствуетъ сила контраста, сила худо еще опредѣленная, мало понимаемая, но сила важная и существенная,

Третьяго дня мы пили здоровье Жоржа новаго коллежскаго регистратора. Поздравь Марью Карловну и скажи, чтобъ она готовилась видѣть его со временемъ канцлеромъ.

Прощай, моя милая; Господь да будетъ съ тобою.

18.

Иркутскъ 15-го Октября 1819.

Письмо твое, любезная моя Елисавета, отъ 28-го Августа содержитъ нѣкоторыя подробности прогулки вашей въ Нарву. Два раза проѣзжалъ я сіи мѣста и всегда желалъ побывать въ нихъ на досугѣ. Ты за меня совершила сіе путешествіе. Совершенно правда, что величественные виды природы возвышаютъ душу и я всегда буду худаго мнѣнія о тѣхъ, надъ коими виды сіи не дѣйствуютъ. Они могутъ быть люди добрые, но никогда не будутъ способны къ высшимъ ощущеніямъ. Часто я сержусь на Сибирь именно въ семъ отношеніи. Какъ бы кажется на пространствѣ столь обширномъ не потѣшить унылаго странника. Но нѣтъ — вездѣ, исключая двухъ или трехъ мѣстъ, вездѣ скучное единообразіе.

Но отъ чего, спрашиваешь ты, въ прекрасной природѣ, нравы часто бываютъ столь жестоки или развратны. — Отъ множества причинъ; но наипаче отъ худаго управленія. Доказательство, Греція, Италія, Гишпанія и пр. и пр.

Послѣ кратковременной зимы у насъ здѣсь появилось полное лѣто, то есть лѣто жаркое, такъ что мы ходимъ еще по сіе время во фракахъ между тѣмъ, какъ вы думаете, что мы уже давно здѣсь мерзнемъ. Правда впрочемъ, что въ Тобольскѣ и въ Томскѣ полная зима. Но Иркутскъ причисляется къ южнымъ провинціямъ; въ самомъ дѣлѣ за 60 верстъ отсюда за границею почти не бываетъ снѣгу и скотъ всю зиму бродитъ по полямъ.

Прощай моя милая; Христосъ съ тобою.

Изъ пѣсенокъ твоихъ Егерь мнѣ болѣе нравится. Онъ оригинальнѣе. Ошибокъ нѣтъ; по крайней мѣрѣ я не примѣтилъ. Но письмо начинается ошибкою: *по возвращенію моему* т. е. по возвращен*іи моемъ* хотѣла ты сказать.

19.

Иркутскъ 23 Октября 1819.

Смѣло говори и разсуждай, любезная моя Елисавета *о твердости*; ис-

тинная твердость въ нашемъ вѣкѣ можетъ быть болѣе принадлежитъ женщинамъ, нежели мужчинамъ. И съ чего мужчины взяли присвоить себѣ исключительно сіе достоинство? Можно имѣть въ самомъ высшемъ степени чувствительность и вмѣстѣ твердость; я подозрѣваю даже, что одно безъ другаго быть не можетъ и истинная чувствительность едва ли не родная сестрица твердости. Какъ можно напримѣръ быть твердымъ въ несчастіи безъ живаго чувства какой-либо главной идеи нами обладающей? Кто скорѣе бросится въ рѣку за утопающимъ ребенкомъ? Отецъ или мать?— Мать безъ сомнѣнія. А развѣ пренебреженіе опасностей не есть твердость? — Можетъ быть намъ можно съ вами подѣлиться; мы возмемъ себѣ на нашу часть твердость продолжительную, упорную; а вы внезапную, стремительную, хотя впрочемъ и не знаю, справедливъ-ли будетъ и сей раздѣлъ. Жизнь вашего пола есть почти безпрерывное терпѣніе.

Какъ бы то ни было, сочиненіе твое *о твердости* принесло мнѣ много утѣшенія. Мысли вообще основательны; много есть тонкихъ и счастливыхъ выраженій, одному женскому перу свойственныхъ. Съ небольшими поправками оно могло бы быть съ удовольствіемъ прочитано *и не отцомъ*. Ты спрашиваешь, неужели въ слогѣ твоемъ нѣтъ ошибокъ? — Есть, но они уменьшаются такъ, что и изъ Пензы поправлять ихъ не стоило бы труда, а изъ Иркутска!

Напрасно Lord Byron смѣется надъ second hearing; это одно изъ самыхъ древнихъ примѣчаній и мнѣ разсказывали да я и читалъ не помню гдѣ, что на высокихъ горахъ и въ степяхъ среди уединенія точно слышатъ нѣчто въ дали говорящее: на семъ примѣчаніи весьма естественномъ основаны были и сказанія древнихъ о внушеніяхъ и вдохновеніяхъ музъ. Оссіанъ исполненъ сею мыслію. Ты права; гордость, а еще болѣе невѣжество наше въ познаніи духовнаго и даже нервнаго нашего тѣла причиною нашего невѣрія.

Кстати о *hearing*, я благодаренъ тебѣ за лекарство моей глухоты; но она проходитъ сама собою; особливо въ дорогѣ я совсѣмъ почти ее не чувствовалъ. Не оставлю однакоже испытать.

Обращаюсь еще къ твердости. Какъ не узнать Баума въ Меналкѣ?—Какъ не узнать себя въ его контрастѣ? Благодаренъ за привѣтъ, Елисавета Михайловна; впрочемъ, знаю, что если тутъ и обманываетъ тебя умъ; то конечно не обманываетъ сердце.

Прощай, любезнѣйшая; Христосъ всегда и вездѣ да будетъ съ тобою.

20.

Иркутскъ 29 Октября 1819.

Я надѣюсь, любезная моя Елисавета, что вы давно уже возвратились къ городскимъ вашимъ пенатамъ. По описанію твоему зима кажется мало предвѣщаетъ вамъ веселостей; но кто знаетъ, можетъ быть она будетъ еще веселѣе прошедшей? Впрочемъ по счастью веселости всегда въ твоихъ услугахъ; по крайней мѣрѣ скучною быть тебѣ нельзя съ твоимъ піано, съ нотами, книгою и иголкою.

Жаль и мнѣ бѣднаго Фе; но и подумать нельзя помѣстить его здѣсь. И имя конторы здѣсь не извѣстно. Каждый пишетъ и дѣла свои производитъ самъ; прикащики — дѣти или простые мужики. Въ двухъ копѣйкахъ не повѣрятъ Нѣмцу. Если надежда можетъ его утѣшить: то онъ

можетъ быть утѣшенъ тѣмъ, что въ Петербургѣ я съ удовольствіемъ займуся его положеніемъ. Въ Петербургѣ — пусть же онъ желаетъ и молится, чтобъ я тамъ былъ.

Не плачь о твоей Акулинѣ. Почти вмѣстѣ съ твоимъ письмомъ, я получилъ письмо отъ генерала Княжнина, который управляетъ твоимъ Великопольемъ и который проситъ меня оставить въ казенномъ вѣдомствѣ Вывдью (sic) и дозволить ей вытти за мужъ за садовника. Сіе подало мнѣ случай предложить ему замѣнъ и если дѣло сіе прежде не было устроено, то устроится теперь: ибо Трофимъ не разстанется съ Вывдью еще менѣе, нежели ты съ Акулиною. Впрочемъ о семъ хлопотать долженъ Г-нъ Поповъ: ибо въ реестрѣ, коего списокъ у меня остался, означена именно Акулина, а не Вывдья.

Дѣла мои здѣсь хотя огорчительны и несносны; но идутъ съ успѣхомъ. Къ новому году надѣюсь все кончить и тогда буду считать себя свободнымъ: ибо исполнилъ все, чего отъ меня требовали и ожидали. Тогда останется мнѣ одна забота, думать о обратномъ моемъ пути. Забота пріятная и по всѣмъ человѣческимъ соображеніямъ и возможная и вѣроятная.

Прощай, моя милая, Господь съ тобою.

21.

Иркутскъ 5-го Ноября 1819.

Мнѣ кажется, любезная Елисавета, для того и посланъ я въ Иркутскъ, чтобъ перепискою съ тобою возобновить курсъ словесности и нравственныхъ произведеній. Въ такой дали всѣ оттѣнки общежитія, кои обыкновенно составляютъ предметъ писемъ, теряются и исчезаютъ. Остается разсуждать, когда невозможно чувствовать въ слухъ.

Послѣднее письмо твое принесло мнѣ твои мысли о любви къ отечеству. Право прекрасныя! Особливо начало почти важное и классическое. Правда, что къ концу, гдѣ дѣло идетъ о портретахъ, опять появилась дѣвушка. Не ошибаюсь-ли я? — Кажется вижу предъ собою N. N. Какая перемѣна! И онъ нынѣ въ модникахъ; и онъ разсуждаетъ о нарядахъ и женской красотѣ. Елисавета, я совсѣмъ остарѣлъ, когда дожилъ до сихъ превращеній. Въ наше время это былъ просто приказный служитель.—Но я возращаюсь къ главному предмету, къ любви отечества: выраженіе твое: *уже звуки роднаго языка тебѣ были равнодушны!* — весьма справедливо. Надобно услышать сіи звуки на чужой землѣ, среди чужихъ людей, чтобъ почувствовать всю ихъ магическую силу. Впрочемъ всякая любовь есть взаимна. Можно хвалить, удивляться безъ взаимности; но любить невозможно. По крайней мѣрѣ должна быть взаимность надеждъ. Съ моей стороны я никогда не любилъ, кому не могъ я быть ни нуженъ, ни полезенъ, кто могъ быть счастливъ безъ меня. Сіе общеніе пользъ и удовольствій, сей ровный, совокупный шагъ къ счастію и совершенству составляетъ самую сущность всякой любви. И такъ не вини твои характеры; они готовы любить отечество—но ихъ не любятъ.

О Фе я уже писалъ; я радъ бы его принять и къ себѣ; но боюсь, что все время онъ проведетъ въ одних переѣздахъ: ибо къ тому времени, какъ ты получишь сіе письмо, какъ онъ можетъ сюда пріѣхать, я уже дѣйствительно буду собираться въ дорогу: ибо мнѣ надобно еще нѣсколько

времени остановиться и въ Томскѣ и въ Тобольскѣ. Что же онъ будетъ дѣлать? Пусть подождетъ до весны. Весна все откроетъ.

Жоржъ учится прилежно и успѣваетъ; ведетъ себя прекрасно.

Прощай, моя милая; Господь съ тобою.

22.

Получено 15-го Дек.

Иркутскъ 12 Ноября 1819.

Какъ я радъ, любезная Елисавета, что ты имѣешь ко мнѣ просьбу и что я могу удовлетворить ее. Дарю вамъ съ Сонюшкою не по сту рублей, но по двѣсти пятидесяти то есть цѣлые пять сотъ рублей обѣимъ. Самая справедливость требуетъ, чтобъ съ приращеніемъ моего жалованья и ваши подарки возрастали.—Я всё боюсь, чтобъ не было у тебя недостатка въ деньгахъ, хоть въ Декабрѣ должны поступить къ тебѣ и арендныя до $^{6}/_{m}$ рублей чрезъ Дазера и наемныя за домъ чрезъ Сталыпина. На сихъ дняхъ можетъ быть еще переведу что нибудь къ тебѣ въ прибавокъ на шубу: ибо помнится у тебя ее нѣтъ и вѣроятно нѣтъ и у Сонюшки. Козьмѣ * отвѣчать нечего; онъ долженъ оставаться въ настоящемъ его положеніи до моего возвращенія: ибо отсюда устроить его нѣтъ возможности.

Землетрясеніе. Наконецъ встрѣтилъ я нѣчто отличное въ Сибири; мнѣ давно хотѣлось чувствовать землетрясеніе и вчера ввечеру желаніе мое исполнилось. Здѣсь оно бываетъ каждую осень; но всегда слабое. Вчера въ 7-мь часовъ я ходилъ одинъ по комнатѣ, какъ вдругъ одна стѣна деревяннаго моего дома—не бойся—не обрушилась и не упала и даже не затрещала, но зашевелилась подобно какъ бы кто повелъ по ней вдругъ метлами. Это полсекунды. Время предъ тѣмъ было перемѣнчиво, оттепель и туманъ. Сегодня день прекрасный. Климатъ здѣсь ту имѣетъ выгоду, что въ полдень именно тогда, какъ я хожу пѣшкомъ, всегда яркое солнце и такъ тепло, что съ кровли идетъ капель, какъ бы впрочемъ по утру ни былъ великъ морозъ. Мы большихъ морозовъ еще не видали.

Никакъ я не согласенъ, чтобъ ты пошла въ Анны Петровны. Это слишкомъ дорого; молись Богу, думаю, что дѣло обойдется и дешевле; я имѣю твердую и возрастающую надежду. Дѣла мои здѣсь идутъ весьма успѣшно и все ближе и ближе къ концу.

Прощай, моя милая, Господь съ тобою.

23.

Иркутскъ 19-го Ноября 1819.

Письмо сіе придетъ къ тебѣ, любезная моя Елисавета, почти въ самый новый годъ. Поздравляю тебя, мой другъ, и благословляю всѣми благословеніями Небеснаго Отца. Поздравь отъ меня Софью Ивановну, Марью Карловну и Сонюшку; поздравь всѣхъ, кто тебя любитъ и меня помнитъ.

На обновку посылаю тебѣ двѣ тысячи рублей не въ счетъ твоихъ окладовъ. Сшей себѣ шубу или сдѣлай что разсудишь, подѣлясь съ Сонюшкою. Ты получишь ихъ отъ Дазера, къ коему вмѣстѣ съ симъ я перевожу чрезъ Цейера сіи деньги. Во всѣхъ случаяхъ ты можешь требовать у Дазера денегъ на дѣйствительныя твои нужды. Онъ никогда тебѣ не откажетъ.

* Брату М. М. Сперанскаго.

Кстати о деньгахъ; я вошелъ здѣсь въ переписку съ Англинскими миссіонерами здѣсь, то есть, еще 600 верстъ далѣе Иркутска пребывающими. Одинъ изъ нихъ называется Stallybrass. Нельзя не подивиться, что люди сіи рѣшились съ женами ихъ водвориться здѣсь въ такой отдаленности среди Бурятъ и Монголъ не зная ни слова не только по монгольски, но и по русски. Я принужденъ былъ къ Сталибрасу писать по англински. Ему случилась нужда въ деньгахъ и кто могъ ему пособить здѣсь? Кредитъ ихъ въ Петербургѣ и вѣренъ и великъ; но здѣсь и понятія о семъ не имѣютъ. Они учатся по монгольски и разумѣютъ уже довольно. И Монгольскій языкъ имѣетъ свою литературу и даже очень обширную. Въ Генварѣ надѣюсь увидѣться съ Сталибрасомъ и узнать его мнѣніе о семъ языкѣ.

Минувшая почта не принесла мнѣ отъ тебя писемъ; вѣроятно по затрудненіямъ и остановкѣ въ Москвѣ.

Подивись: изъ Иркутска хочу тебѣ рекомендовать книгу, изъ коей переводъ или отрывки мнѣ весьма понравились. Это Lettres à Sophie sur la physique, la chymie et l'histoire naturelle. Paris. 1818. Читая сіи письма ты можетъ быть вспомнишь наши Великопольскія упражненія и пожалѣешь, что они слишкомъ рано перервались; пожалѣешь, но не поропщешь: ибо всѣ происшествія нашей жизни нанизаны на одной нити и сію нить держитъ и ею управляетъ нашъ вѣрный—истинный—Небесный Отецъ.

Прощай моя милая; Христосъ съ тобою.

24.

Иркутскъ 25 Ноября 1819.

Минувшая почта вмѣсто одного, принесла мнѣ два твои письма, любезная моя Елисавета. Весьма умно, другъ мой, что собираешься говѣть съ дѣтьми; нельзя лучшаго общества; ты знаешь непостижимую силу сего таинства; оно точно и дѣйствительно укрѣпляетъ и душевныя и тѣлесныя силы; но не должно искать ощутить сіе укрѣпленіе; оно приходитъ нечувствительно и разливается непримѣтно, какъ тонкій воздухъ на все бытіе наше.

Съ великимъ удовольствіемъ читалъ я Англинское письмо твое; оно и дѣльно и прекрасно; я увѣренъ, что tante Barbe за чаемъ прочитаетъ его всѣмъ своимъ пріятельницамъ. Въ Англіи письмо изъ Россіи есть уже вещь примѣчательная, а письмо отъ племянницы и Англинское есть предметъ самолюбія; когда же прибавить къ сему и Пензенскій платочикъ: то изъ сего выйдетъ уже дѣйствительный праздникъ. Я представляю себѣ, какъ старый Planta * потирая очки будетъ искать на картѣ, гдѣ Пенза.

Что моей дурѣ нужны деньги, я всегда это зналъ и никогда не только ихъ не жалѣлъ, но даже и не заботился. Но если бы моя дура лучше читала или помнила мои письма: то увидѣла бы въ нихъ, что я еще изъ Пензы распорядилъ, гдѣ брать ей деньги и именно у Дазера, къ коему должны поступать арендные доходы, и который если бы они и не поступили, всегда имѣетъ для нее открытый кредитъ до $^{12}/_{т.}$ Ей надобно только съ нимъ увидѣться, то есть заѣхать или зайти въ Ниренбергскую лавку. Сверхъ сего я уже къ тебѣ писалъ, что и доходъ съ дома $^{6}/_{т}$ р. въ годъ по третямъ въ твоемъ распоряженіи; для сего надобно видѣться съ Аркадіемъ Алексѣевичемъ. Сверхъ сего въ предъидущемъ письмѣ я по-

---

* Братъ жены Сперанскаго.

слалъ къ Дазеру вексель на $^{4}/_{т}$ рублей отъ Сталлбраса. Сіи деньги также въ твоемъ расположеніи; изъ сего ты видишь, что въ деньгахъ не можетъ быть у тебя недостатка, а можетъ быть недостатокъ въ памяти и соображеніи. Если ты издержишь $^{6}/_{т}$ рублей въ годъ: я буду себя считать въ прибыли; если издержишь и болѣе: сіе не прибавитъ ни одной у меня морщины. Сдѣлай Марьѣ Карловнѣ такой подарокъ, какой сама ты разсудишь и скажи, что я именно тебѣ сіе поручилъ. Возьми учителя музыки, возьми даже учителя и для пѣнія, если есть что нибудь значительное; но не бери Флоріо; поведеніе его, если бы и съ ума онъ не сошелъ, дѣлается страннымъ и имѣть его не прилично. Впрочемъ въ семъ родѣ не должно дѣлать пустыхъ экономій; для чего бы не держаться Цейнера, взявъ къ нему и скрипку, если считаетъ онъ сіе нужнымъ. Еще одну зиму, это насъ не разоритъ. Впрочемъ не обыскивай себя въ успѣхахъ; ты ихъ не найдешь; они придутъ со временемъ. Помни мое правило о постепенномъ и непримѣтномъ созрѣваніи идей и способностей. Опытъ каждый день меня въ семъ увѣряетъ. Я теперь напримѣръ припоминаю и могу читать наизустъ такіе Латинскіе стихи, коихъ никогда я не училъ и кои я читалъ тому лѣтъ тридцать и никогда прежде сего не помнилъ. Душа наша есть неизслѣдимая бездна. Мы забываемъ, что она есть духъ; а духъ не дѣйствуетъ по законамъ времени.

Ты называешь зиму постомъ; во первыхъ это не извѣстно: ибо часто находимъ удовольствіе тамъ, гдѣ его не ищутъ; а во вторыхъ я отчасти и радъ сему посту; онъ дастъ тебѣ время еще болѣе собраться съ твоими силами. Будетъ время, любезная Елисавета, когда будешь ты желать сего поста, сей жизни посредственной и почти не извѣстной, но исполненной занятій простыхъ, беззаботныхъ и пріятныхъ, хотя и не блистательныхъ и не громкихъ. Будешь желать, и съ удовольствіемъ воспоминать о дняхъ прошедшихъ.

Прощай моя милая, Господь съ тобою.

Г-нъ Casamajor мнѣ извѣстенъ; онъ не въ первый разъ въ Петербургѣ. Это одинъ изъ острыхъ и лучшихъ англинскихъ дипломатовъ Онъ долго былъ въ Вѣнѣ и вѣроятно знаетъ M-me Stephens.

Не забудь мнѣ сказать что нибудь о вашей M-me Bourgondio. Тебѣ надобно непремѣнно стараться ее слышать и брать иногда ложу.

25.

Иркутскъ 3 Декабря 1819.

Я получилъ письмо твое, любезная моя Елисавета отъ 16-го Октября, вѣроятно послѣднее изъ Мавриной. Вы конечно послѣдніе оставите дачу; тѣмъ пріятнѣе будетъ городъ то есть теплая комната и разнообразіе прогулокъ: ибо, кажется въ семъ одномъ и состоитъ для васъ различіе города и деревни. Тѣмъ лучше, мой другъ; вкусы простые суть всегда лучшіе.

Въ предъидущихъ двухъ или трехъ письмахъ мы кажется исчерпали вопросъ о деньгахъ. Надѣюсь что ты не будешь имѣть въ нихъ нужды. Мнѣ остается только побранить твою маминьку, что она присылаетъ мнѣ счеты. Счеты вести должно; но присылать ихъ никакой нѣтъ нужды. Мнѣ нужно только два слова: деньги вышли, или выходятъ. Мнѣ досадно, что ты могла быть симъ хоть на ми-

нуту озабочена; но это собственная твоя вина; впередъ лучше помни мои письма и не забывай Дазера.

Ты хочешь быть хозяйкою; эта мысль всегда меня утѣшала. Ты помнишь, что еще въ Великопольѣ мнѣ хотѣлось посвятить тебя въ сіе званіе; но мозгъ твой тогда еще недовольно высохъ; нынѣ же онъ именно достигъ своей зрѣлости. Я надѣюсь, ты будешь довольна людьми и старыми и малыми. Въ семъ родѣ я пріобрѣлъ въ Пензѣ при отъѣздѣ сущее сокровище, взялъ человѣка отъ Кишинскаго. Всемѣрно буду стараться его тебѣ упрочить. Никита остепеняется и подъ *моимъ руководствомъ* становится изряднымъ поваромъ. Онъ въ большой модѣ. Гдѣ меня зовутъ обѣдать: тамъ обыкновенно кланяются и ему, чтобъ удостоилъ приготовить столъ для Генералъ-Губернатора; правда, что онъ и выдерживаетъ сіи почести съ достоинствомъ; одѣтъ всегда, какъ баринъ и при томъ длинная цѣпочка отъ часовъ.

О милой мамѣ мы дѣйствительно часто воспоминаемъ. Мнѣ кажется, нынѣ я люблю ее еще болѣе, хоть и всегда любилъ много. Жоржъ учится и ведетъ себя прекрасно. Переводитъ съ Латинскаго очень изрядно. Къ маминькѣ твоей не пишу: ибо ты сама живая предъ нею грамота.

Прощай моя милая; Господь съ тобою.

PS. Жоржъ не пишетъ потому, говоритъ, писать нечего.

26.

Иркутскъ 10-го Декабря 1819.

Съ послѣдними двумя почтами получилъ я мое *подражаніе* [*]. Тургеневъ [1] ко мнѣ пишетъ, что къ тебѣ послалъ онъ экземпляръ чрезъ Аркадія Алексѣевича.— Мое намѣреніе было издать сей переводъ такъ, чтобъ никто не зналъ и не подозрѣвалъ моего имени: ибо дѣла сего рода должны быть учреждаемы также, какъ подаяніе милостыни. Судьба расположила иначе и дѣло сіе стало гласнымъ. И сколько гласность сія ни противна моимъ правиламъ и предположеніямъ; но я не могъ поступить иначе. Во время гоненія между прочими нелѣпостями меня подозрѣвали въ безбожіи или по крайней мѣрѣ въ деизмѣ. Въ отвѣтъ я указалъ на сей переводъ, который взятъ былъ и хранился вмѣстѣ съ моими бумагами. Онъ начатъ былъ еще въ 1805-мъ году и продолжаемъ отрывками, но почти ежедневно. — Вотъ исторія сего изданія. Книга прекрасная, а переводъ отличается тѣмъ отъ всѣхъ прочихъ переводовъ, что онъ отмѣнно близокъ и почти буквальный; со всѣмъ тѣмъ мнѣ жаль, что все это огласилось. Я не люблю пустаго шуму; ибо по опыту знаю, что шумъ кромѣ зависти ничего не производитъ. Избранныя мѣста при концѣ приложенныя суть новость, коей нельзя найти ни на какомъ другомъ живомъ языкѣ. Они собраны были мною уже въ Перми, и сколько мнѣ извѣстно, будутъ для всѣхъ почти непонятны, хотя каждый будетъ думать, что онъ ихъ совершенно понимаетъ. Такова оптика сихъ книгъ [2]; таково почти и все подражаніе. Изъ ста читателей едва-ли одинъ можетъ постигнуть простоту,

[*] Переводъ Сперанскаго „О подражаніи Христу“ вышелъ въ 1819 году и имѣетъ слѣдующее заглавіе: „О подражаніи Христу, четыре книги, Ѳомы Кемпійскаго, съ присовокупленіемъ избранныхъ мѣстъ изъ другихъ его твореній.“

[1] Александръ Ивановичъ Тургеневъ принималъ участіе въ изданіи перевода Сперанскаго „О подражаніи Христу.“

[2] Тутъ всегда почти двѣ картины одна подъ другою. С.

глубокую простоту его. Со временемъ я сіе тебѣ растолкую и можетъ быть научу читать сіи книги; но время еще не пришло; надѣюсь однако же и молю Бога, чтобъ оно пришло.

Съ послѣднимъ письмомъ (23 Октября) я получилъ переводъ твой о воспитаніи изъ M-me Lambert. Мысли прекрасныя и переводъ хорошъ. Но я все буду твердить, что дѣти совсѣмъ неспособны къ нравственнымъ понятіямъ. Самая любовь ихъ къ родителямъ, всѣ чувства ихъ дружбы, суть привычки и влеченія физическія; слѣдовательно все должно и ограничивать однимъ физическимъ воспитаніемъ, добрыми, но физическими привычками. Нравственное чувство у всѣхъ почти раскрывается весьма поздно; въ вашемъ полѣ ранѣе, нежели въ нашемъ. Мальчикъ въ 15-ть лѣтъ есть всегда почти болванъ; умный иногда и пріятный; но всегда почти безчувственный, хотя бы онъ сто разъ на день плакалъ отъ нѣжности: ибо это есть только дѣло нервовъ. Есть исключенія, но они рѣдки и не разрушаютъ моего правила.

Съ сею почтою (*) отправляю къ тебѣ шелки и разныя Китайскія бездѣлки. Не знаю, хорошо-ли шелки подобраны и всѣхъ-ли цвѣтовъ; я не былъ еще въ Кяхтѣ; да и тамъ нѣтъ ихъ въ продажѣ, а должно заказывать. Но непремѣнно достану и пришлю тебѣ полную провизію шелковъ (**). Мнѣ хочется также подарить вамъ Китайскаго или лучше сказать Пекинскаго крепу на платья. Обѣщали купцы выписать. Вообрази себѣ, что изъ Пекина здѣсь чрезъ мѣсяцъ все почти выписать можно, а въ Петербургъ письмо идетъ въ одинъ конецъ 40 дней. По сему счету мнѣ сходнѣе переписываться съ Богдо-ханомъ, нежели съ тобою.

Прощай моя милая, Господь съ тобою.

Когда увидишь Петра Петровича Попова, скажи ему, чтобъ онъ какъ нибудь потерпѣлъ до моего возвращенія. Аркадій Алексѣичъ выдалъ ему въ награду отъ меня $^{5}/_{m}$ рублей. Я непремѣнно постараюсь устроить судьбу его; переводить же его въ Сибирь не вижу для него пользы. Мы можемъ встрѣтиться съ нимъ на дорогѣ и слѣдовательно одни издержки и для меня, и для него. Прочитай ему сіе.

27.

Иркутскъ 17-го Декабря 1819.

Ты права, любезная моя Елисавета: любовь ко всему изящному возрастаетъ по мѣрѣ жертвъ, кои ей приносятъ. Любовь къ отечеству точно въ семъ же положеніи.

Нельзя любить, кому мы совсѣмъ не нужны, кому ничѣмъ угодить не можемъ. Потому-то въ самыхъ высшихъ степеняхъ любви, въ религіи, требуются жертвы. Жертвою вливается часть бытія моего въ бытіе другое; мы составляемъ нѣчто единое: ибо въ немъ есть мое. Даже по расчету должно требовать и должно дѣлать друзьямъ жертвы; сіе служитъ залогомъ ихъ единства. Даже въ физическомъ мірѣ тотъ же законъ дѣйствуетъ. Два существа ничего одно другому не сообщающія не только не имѣютъ взаимнаго влеченія, но часто другъ друга отражаютъ. Какое положеніе двухъ существъ моральныхъ, изъ коихъ каждое было бы совершенно довольно самимъ собою и не требовало бы ничего отъ другаго? Они были бы непримиримые враги. Если

(*) Съ тяжелою, и ты получишь ящикъ недѣли чрезъ двѣ можетъ быть послѣ сего письма. С.

(**) Теперь же посылаю только образчики. С.

мысли сіи справедливы: то ты имѣешь полное право любить отечество. Много говорятъ о благодарности; но я не знаю сильнѣе-ли сіе чувство нежели чувство жертвы. Можетъ быть должно раздѣлить; въ однихъ благодарность; въ другихъ жертва; нельзя однако же не признать, что послѣднее благороднѣе перваго.

Ты винишься въ употребленіи 500 р. взятыхъ у Сталыпина. Я увѣренъ, что они издержаны не на ленты; а если бы и на ленты: то бѣда не большая. Мнѣ одно только огорчительно, что ты могла быть въ нуждѣ; могла имѣть тѣнь недостатка. Тутъ оскорбляется не только мое чувство, но и мое самолюбіе, что не умѣлъ я лучше распорядиться: ибо впрочемъ все сіе могло произойти только отъ нераспорядка. Сталыпинъ ко мнѣ пишетъ, что деньги за домъ (*) получилъ Масальскій и по обычаю своему издержалъ обѣщаясь также по обычаю, каждый день возвратить. Онъ запретилъ Дубенскому имѣть съ нимъ дѣло и слѣдовательно остальныя четыре тысячи ты будешь получать по третямъ отъ Сталыпина.

На сихъ дняхъ и именно чрезъ три дня отправляется отсюда въ Петербургъ купецъ Трапезниковъ; съ нимъ посылаю тебѣ нѣсколько чаю, крепу, и шелковъ. Съ нимъ же и писать буду.

Прощай моя милая; Христосъ съ тобою.

28.

Иркутскъ 18-го Декабря 1819.

Симъ представляю тебѣ, любезная моя Елисавета существо съ другаго свѣта, Иркутскаго купца Трапезникова. Съ нимъ посылаю тебѣ три ящика чаю и нѣсколько кусковъ крепу (*). Одинъ изъ нихъ приноситъ въ даръ Марьѣ Карловнѣ Г-нъ Вильде. И это лучшій то есть красный. Бѣлый и кирпичный также и шелкъ отъ меня; это все что здѣсь мы могли найти лучшаго. Недѣли чрезъ три мы будемъ въ Кяхтѣ и тамъ найдемъ что нибудь лучше. Скажи носятъ-ли у васъ сіи вѣтошки и годятся-ли они къ чему нибудь. Жоржъ также хотѣлъ послать матери подарокъ; но ничего не могли здѣсь найти. Положили послать изъ Кяхты.

Я пишу вмѣстѣ съ симъ къ графу Кочубею и къ Сталыпину. Подтверди Трапезникову, чтобъ онъ непремѣнно къ нимъ зашелъ при отъѣздѣ. И сама съ нимъ пиши, это добрый и весьма дѣльный малый.

У меня есть готовыя мысли на переводъ твой и особливо на примѣчанія твои къ письму Г-жи де Ламбертъ. Они стоятъ того чтобъ я особенно побесѣдовалъ. Мысли твои весьма справедливы и выраженіе ихъ вѣрно. Но я не имѣю теперь ни минуты времени.

Прощай моя милая; Господь съ тобою.

29.

Иркутскъ 23 Декабря 1819.

Поздравляю тебя, любезная моя Елисавета, со днемъ Рождества Христова. Желаю и молю, чтобъ родясь въ духѣ, Онъ всегда пребывалъ въ въ душѣ твоей и Онъ будетъ въ ней пребывать, если найдетъ въ ней Себѣ мѣсто, если ты ежедневно и даже нѣсколько разъ во дни будешь призывать Его къ себѣ молитвою. Никогда другъ не отзывается столь вѣрно на голосъ друга, какъ Онъ отзывается на нашу молитву.

(*) 2000 р. С.

(*) Въ двухъ ящикахъ № 1 и № 2. С.

Я долженъ тебѣ отвѣтомъ на примѣчанія твои къ письму о воспитаніи. Весьма справедливо, что душа безъ чувствительности не способна къ образованію. Подъ именемъ чувствительности Г-жа Ламбертъ вѣроятно разумѣла сію плаксивую чувствительность, которая нѣкогда была въ модѣ, и которая конечно можетъ *сдѣлать несчастія вѣчными:* ибо она любитъ ихъ питать и одно къ другому нанизывать; но это есть чувствительность de ma tante Aurore; чувствительность монастырокъ, кои не видя свѣта и не живя жизнію практическою, пустоту души своей наполняютъ разными призраками. Ихъ душа изнѣживается именно отъ недостатка впечатлѣній подобно какъ тѣло безъ труда и безъ воздуха. Но истинная чувствительность есть способность не только принимать, но и выдерживать впечатлѣнія, бороться съ ними и побѣждать ихъ внутреннею силою. Разсужденіе твое о славѣ женщинъ также весьма справедливо. Нѣсколько примѣровъ женщинъ, кои сами искали и достигли славы ничего не доказываетъ: *ce sont des aberrations de la nature*. — Пріучать дѣтей къ дружбѣ корыстолюбивой также вредно. Подаркомъ, ласковымъ словомъ можно иногда подкупить легкую благосклонность. Дружба производитъ подарки; но подарки никогда не произведутъ дружбы. Вообще любовь предполагаетъ взаимность и я никогда не повѣрю, что бы ни говорили всѣ старые романы, чтобъ можно было долго любить жестокихъ красавицъ: тотъ кто ихъ любитъ, надѣется; а надежда есть уже взаимность.

Удивляюсь, какъ вы могли столь долго пробыть въ Мавринѣ; послѣднее письмо твое было отъ 7-го Ноября. У насъ морозы стоятъ жестокіе; каждый день 30° и 36°. Но вчера былъ первый день, что я не могъ ходить пѣшкомъ. Въ полдень на солнцѣ довольно сносно. Впрочемъ хотя бы было и не сносно, но я безъ воздуха, какъ рыба безъ воды. За то, никогда я здѣсь не бывалъ не только боленъ, но и нездоровъ. Правда, что здѣсь я наблюдаю болѣе во всемъ осторожности; хожу по ниточкѣ и еслибы сей образъ жизни продолжился, я наконецъ сдѣлался бы старикомъ малодушнымъ. Но всему есть конецъ и по счастью конецъ моего пребыванія здѣсь каждый день ко мнѣ становится ближе.

Трудное время почти все уже миновало. Генварь есть уже для меня весенній мѣсяцъ, предвѣстникъ ясныхъ дней и скораго возврата. Кстати о морозахъ. Среди всей ихъ жестокости, нѣсколько уже недѣль продолжающейся, ужасная наша Ангара вчера только стала; рѣка дѣйствительно ужасная своею глубиною и быстротою. Въ Мартѣ она уже открывается и слѣдовательно стоитъ не съ большимъ два мѣсяца, и это на днѣ Сибири. Другая странность. Здѣсь снѣговъ столь мало, что на нѣкоторыхъ станціяхъ къ Иркутску и теперь еще съ трудомъ на саняхъ ѣздятъ. Въ самомъ Иркутскѣ едва на четверть аршина есть снѣгу, а горы чуть покрыты. И сіе есть явленіе здѣсь обыкновенное. Въ 60-ти верстахъ отсюда скотъ всю зиму на поляхъ бродитъ. Тутъ живутъ Монголы, древніе наши обладатели съ безчисленными ихъ стадами. Одинъ изъ ихъ князьевъ, кои называются у нихъ Тайшами, подарилъ въ пользу водворяемыхъ здѣсь поселенцовъ тысячу лошадей, какъ дарятъ бездѣлку. Жаль что ты не видала сихъ родоначальниковъ степной восточной Азіи. Вообрази себѣ дьякона въ парчевомъ стихарѣ подпоясаннаго золотымъ поясомъ съ саблею; прибавь только бобровую къ

стихарю опушку, длинные волосы заплетенные назадъ въ косу: и Тайша будетъ предъ тобою. Сколько я разкажу тебѣ сихъ диковинокъ, о ихъ языкѣ, о ихъ религіи и проч. Готовься къ моимъ повѣствованіямъ. Послѣ завтра открываю здѣсь Библейское Общество и Тайши Монгольскіе и Бурятскіе будутъ его членами.

Прощай моя милая; Христосъ съ тобою.

PS. Вотъ подарокъ одной изъ здѣшнихъ дамъ (ибо гдѣ нѣтъ дамъ) и собственной ея работы. Замѣть корзинку и собачку и признайся, что это довольно тонко для Иркутска.

30.

Иркутскъ. Генваря 1-го 1820.

Начинаю новый мой годъ, любезная моя Елисавета, бесѣдою съ тобою. Да благословитъ тебя Господь въ теченіи сего года также, какъ хранилъ и благословлялъ въ теченіи минувшихъ лѣтъ. Благословеніе Его состоитъ въ силѣ души, въ крѣпости, въ терпѣніи, кротости и веселіи духа. Всѣ сіи дары ты имѣла и имѣть будешь; слѣдовательно и не можешь сомнѣваться въ благословеніи Небеснаго Отца: ибо все сіе отъ Него происходитъ.

Друзей нашихъ перемѣнить намъ нельзя. Надобно любить ихъ каковы они есть. Помощи большой ожидать тебѣ отъ нихъ нельзя, особливо теперь, когда они заняты своими дѣлами. Впрочемъ должно оставить Арк. Алексѣевичу мыслить и говорить какъ онъ понимаетъ. Онъ судитъ о моемъ здѣсь положеніи по дѣламъ и судитъ справедливо; они несносны. — Ты судишь по состоянію моего духа и судишь также справедливо: ибо терпѣніе мое не истощилось и надежда, что сіе скоро кончится и что подвигъ сей можетъ быть есть послѣдній, сія надежда дастъ мнѣ нужную силу и крѣпость. Впрочемъ ни твои слова, ни его увѣренія положенія моего перемѣнить не могутъ. Если бы я каждый день здѣсь плакалъ и каждую почту писалъ слезами, а не чернилами, меня бы не послушали; я знаю людей. Если бы напротивъ и въ самомъ дѣлѣ находилъ я себя здѣсь весьма счастливымъ: то ни завидовать ни подозрѣвать они не перестали бы. Тутъ другой расчетъ и все зависитъ отъ партіи преобладающей и мнѣніемъ управляющей. Но что это за существо — мнѣніе? Я открою тебѣ великую истину. Въ моемъ положеніи и въ моихъ понятіяхъ мнѣніе есть почти физическая сила, дѣйствующая на меня единственно чрезъ тебя, единственно потому, что она можетъ разлучить или соединить меня съ тобою. Не ищи болѣе ничего; въ семъ состоитъ для меня вся сущность, вся гигантская сила мнѣнія, сгибающая, покоряющая, обладающая мною подобно какъ Индѣецъ обладаетъ слономъ. Но и сія сила минется: ибо Богъ милосердъ; а Государь правосуденъ.

Прощай моя милая. Христосъ съ тобою.

31.

Иркутскъ 7-го Генваря 1820.

Предъидущее письмо мое было уже написано и запечатано, какъ Жоржъ принесъ мнѣ вашъ подарокъ. Весьма благодаренъ, любезная моя Елисавета; портреты всѣ сходны; но лица всѣ, исключая твоего сердиты, особливо лицо Марьи Карловны. Сходства вообще много; а шаль и отдѣлана прекрасно. Я весьма благодаренъ Вильгельму, домашнему вашему живописцу; всѣхъ сходнѣе Алекъ. Лицо Марьи Карловны также очень сходно исключая, что

вмѣсто печали, она гнѣвается и кажется хочетъ кому-то сказать: ты дуракъ. Предо мною на столѣ всегда стоятъ двѣ твои Пензенскія миніатуры; къ сожалѣнію одна изъ нихъ въ сарафанѣ наиболѣе сходная линяетъ. Теперь будетъ чѣмъ замѣнить. Вильгельму я пришлю прекрасной туши изъ Кяхты.

Я самъ смѣялся вспомнивъ, что въ предъидущемъ письмѣ сравнилъ себя съ слономъ, а мнѣніе съ Индѣйцемъ, тебя же поставилъ началомъ и причиною моей покорности. Это все равно, какъ бы я жаловался на свой собственный умъ, на свое сердце. И въ самомъ дѣлѣ мы часто жалуемся на то и на другое, какъ будто лучше быть безъ ума и безъ сердца и какъ будто можно отдѣлить ихъ отъ себя и однако же мыслить и чувствовать. Большая часть нашихъ жалобъ столько же справедливы. Мы желали бы міръ и свои въ немъ дѣла устроить по своему; а этотъ міръ былъ бы безъ сомнѣнія и весьма глупъ, и для насъ самихъ несносенъ. Впрочемъ желанія и мелкія наши покушенія открываютъ намъ причину первобытнаго нашего паденія. Хотѣли перестроить міръ; думали сдѣлать лучше; вышли изъ покорности и тѣмъ себя и міръ погубили. Разсмотри движенія собственной воли и ты увидишь, что мы и нынѣ въ маломъ видѣ, въ мелкихъ нашихъ страхахъ, надеждахъ и желаніяхъ продолжаемъ и повторяемъ ту же древнюю большую исторію. По счастью бывъ лишены прежнихъ силъ, мы много испортить нынѣ не можемъ. Провидѣніе насъ водитъ, какъ дѣтей на лентѣ и только для опыта дозволяетъ иногда намъ обжечься или уколоться.

А когда дѣти упрямы и порвутъ ленту: тѣмъ для нихъ хуже; тутъ ожидаетъ ихъ лоза; но и тутъ еще рука ихъ наказующая, все есть дрожащая рука матери.

Прощай моя милая; Господь съ тобою.

Братъ пишетъ ко мнѣ изъ Георгіевска, что онъ Андрею Карловичу Амбургеру на обратный путь далъ 500 р. Я его за сіе похвалилъ.

32

Иркутскъ 13-го Генваря 1820.

Съ восхищеніемъ читалъ я, любезмоя Елисавета, твои мысли на слова: ***пріидите ко Мнѣ вси труждающіися и обремѣненніи и Азъ упокою вы.*** Предчувствіе Николаши весьма справедливо; большіе черные его глаза наполнятся нѣкогда горестію и слезами и онъ весьма будетъ счастливъ, если сердце его будетъ чувствовать силу сихъ словъ, если ангелъ-хранитель наставитъ его, гдѣ искать успокоенія. —Вѣришь-ли ты бытію ангела-хранителя? — Многіе и христіане сему не вѣрятъ; церковь наша принимаетъ ихъ бытіе при каждомъ человѣкѣ; они знаютъ и радуются всѣмъ добрымъ нашимъ помышленіямъ, напротивъ скорбятъ и печалятся о нашихъ заблужденіяхъ. Есть нѣчто столь идеальное, столь привлекательное въ сей мысли имѣть всегда съ собою домашняго друга —что если бы она и не была справедлива: то для утѣшенія принять ее должно. Она же и справедлива. Сей другъ не можетъ ни воспретить зла, ни понудить насъ къ добру; онъ можетъ только жалѣть о насъ или утѣшаться нами и тѣмъ положеніе его при насъ, мнѣ кажется, интереснѣе. Это страданіе безкорыстное; это привязанность болѣе страждущая, нежели дѣйствующая. Это другъ всегда вѣрный и въ молчаніи переносящій всѣ наши оскорбленія. Въ молитвахъ нашихъ часто

повторяется: *опечалихъ ангела-хранителя моего*. Въ самомъ дѣлѣ печалить существо столь намъ преданное, столь невинное есть родъ жестокости непростительной. Кстати о сихъ идеяхъ; какъ груба, какъ мертва религія безъ нихъ. Посуди изъ сего, какъ жалки Лютеране и все то что называютъ реформою; религія душъ холодныхъ, чувствъ матеріальныхъ, между тѣмъ какъ они хвалятся чистотою. Изрядная чистота! Еще бы лучше было все привести въ математическія исчисленія и линіи.

Никакъ не удивляюсь, что начало твоего письма не сходно съ продолженіемъ и что вышедъ изъ спектакля ты вспомнила текстъ Евангельскій. Это входитъ въ мою систему о контрастахъ или возбужденіи идей противоположностями.

У васъ спектакли; а у насъ маскерады и прекрасные; это сущая исторія всѣхъ нашихъ дикихъ костюмовъ. Тутъ Китайцы, Японцы, Алеуты, шаманы и Богъ знаетъ чего тутъ нѣтъ и все одѣто съ большою точностію и все весьма благопристойно. Число людей было не менѣе 500. Это было въ новый годъ и на другой день Рождества. Я не веселился: ибо здѣсь безъ тебя ничто веселить меня не можетъ; но любовался съ полчаса сему зрѣлищу.

Если Пензенской обозъ еще не пришелъ: то напиши къ тетушкѣ; она не столь разсѣяна — дядюшка же въ Пензѣ. Ты знаешь, что обозъ сей сданъ имъ на руки въ Пензѣ и вмѣстѣ съ ихъ обозомъ долженъ быть въ Москвѣ. Мнѣ помнится, къ тебѣ доставилъ я изъ Пензы и реестръ; тутъ книги, столовое бѣлье, часть столоваго серебра и проч.

Изъ письма А. А. Жерве съ удовольствіемъ вижу, что здоровье его поправляется. Я считаю почти излишнимъ къ нему писать. Какая даль!

На сихъ дняхъ пришлю вамъ прекраснаго крепу и шелковъ; ожидаю только случая къ отправленію. Жоржъ посылаетъ съ тѣмъ же случаемъ бабушкѣ чаю; это первый подарокъ ей отъ внучка.

Прощай моя милая; Христосъ съ тобою.

33.

Иркутскъ 20-го Генв. 1820.

Съ симъ нарочнымъ, любезная моя Елисавета ты ничего болѣе не получишь, какъ росписку въ моемъ здоровьѣ и извѣстіе, что въ слѣдъ за симъ съ возвращающимся фельдъегеремъ, съ коимъ получилъ я и письма твои и посылки, буду писать къ тебѣ подробно, пришлю и денегъ и крепу и шелковъ. Онъ отправляется отсюда дня черезъ три и можетъ быть пріѣдетъ въ Петербургъ прежде сего. Жоржъ пишетъ сегодня же къ своей маминькѣ и посылаетъ чаю бабушкѣ, первый плодъ гражданской его службы. Это еще не взятка; а просто подарокъ. Онъ ведетъ себя, какъ нельзя лучше.

Какъ огорчила меня исторія твоихъ денегъ. Мнѣ казалось я такъ хорошо все распорядилъ и вышло, что люди помнятъ только свои дѣла, а печужія, а чужимъ считаютъ все, что прямо и лично къ нимъ не принадлежитъ. Впрочемъ это урокъ изъ всеобщей исторіи. По счастью все можно поправить и по крайней мѣрѣ впередъ ты не будешь имѣть нужды. Всѣ дѣла денежныя я тебѣ поручаю и пришлю въ слѣдъ за симъ всѣ нужныя бумаги и полномочія. Раскаяваюсь, что прежде сего не сдѣлалъ. Отъѣздъ Жерве все

разстроилъ; онъ, какъ видно, при отъѣздѣ не сдѣлалъ съ Дазеромъ никакого положенія.

Прощай моя милая. Господь съ тобою.

34.

Иркутскъ 21-го Генваря 1820

Конечно, любезная моя Елисавета, нашъ подагрикъ не ловко сдѣлалъ, что сообщилъ письмо мое NN; но большой бѣды въ томъ нѣтъ. Оба они ничего не могутъ сдѣлать въ мою пользу; а повредить мнѣ не пожелаютъ. И впрочемъ къ тебѣ одной, моему *единственному* другу, пишу я съ полною откровенностію и довѣріемъ. Какое безмѣрное разстояніе между тобою и всѣми другими друзьями; всѣми не исключая никого, ни женщинъ, ни мужчинъ.—Къ подагрику я просто писалъ что дѣла мои здѣсь, по роду своему, для меня огорчительны, несносны: ибо я долженъ преслѣдовать и разыскивать виновныхъ; а это совсѣмъ не мое дѣло; что впрочемъ я надѣюсь къ новому году или къ Марту мѣсяцу ихъ кончить и что тогда мнѣ дѣлать здѣсь будетъ нечего: ибо управлять сими губерніями я никакъ не могу. Съ чего сіи политики взяли вывести изъ сего скорое свиданіе? Я и самъ надѣюсь; но въНоябрѣ, когда письмо сіе было писано, я не могъ надѣяться ничего скораго. Нынѣ это скорѣе, ибо мы ближе къ Маю; но все еще какое разстояніе! Впрочемъ оставь ихъ гадать и утверждать, что они хотятъ. Никто изъ нихъ прежде тебя ничего не узнаетъ вѣрнаго о моемъ возвращеніи.

Я писалъ къ тебѣ третьяго дня съ курьеромъ и въ теченіи сей недѣли еще надѣюсь писать болѣе и подробнѣе.

Прощай моя милая, Господь съ тобою.

35.

Иркутскъ 23 Генв. 1820.

Нечаянный случай представляетъ мнѣ возможность писать къ тебѣ, любезная моя Елисавета, и послать ящикъ обыкновеннаго здѣшнаго подарка, чаю. Шелки и крепы пойдутъ на сихъ же дняхъ съ курьеромъ. Человѣкъ имѣющій тебѣ представить письмо сіе есть нашъ Енисейскій купецъ Перфильевъ. Съ нимъ ты можешь писать, что угодно. Прикажи только ему за день до отъѣзда у тебя побывать. Онъ возвратится сюда послѣднею зимнею дорогою. Письмо сіе, какъ и одно изъ твоихъ походитъ на билетъ. Онъ встрѣтилъ меня почти на лѣстницѣ.

Прощай, моя милая, Господь съ тобою.

36.

Иркутскъ 28-го Генв. 1820.

Я имѣю удовольствіе, любезная моя Елисавета, писать къ тебѣ почти каждый день. Не знаю, какъ будутъ доходить къ тебѣ сіи письма; вѣрно совсѣмъ въ другомъ порядкѣ, нежели какъ были они писаны. Здѣсь отвѣчаю тебѣ на письмо писанное на другой день вашего маскерада у Конради. Какая старина! Я думаю, ты чуть уже помнишь.

Эдипъ Озерова точно таковъ, какъ ты его понимаешь. Слабое, натянутое подражаніе, сборъ разныхъ мѣстъ изъ французскихъ трагедій. Озеровъ никогда и ни въ чемъ не имѣлъ истиннаго таланта. Это трудолюбивая посредственность. Я зналъ его коротко. Онъ лучше писалъ по-французски и весьма поздно принялся за русскій. Но еслибъ онъ и ранѣе началъ: то не болѣе бы сдѣлалъ. Меня раздражаетъ не то, что онъ могъ ошибиться въ своемъ родѣ; но то, что вкусъ на-

шей публики такъ еще мало образованъ, въ такомъ ребячествѣ, что всякая мишура его веселитъ и восхищаетъ. Впрочемъ мы поздно пришли, чтобъ желать или надѣяться имѣть у себя драматическихъ стихотворцевъ; родъ сей вообще проходитъ или уже и прошелъ во всей Европѣ. Поэзія, языкъ боговъ, перелилась нынѣ вся въ политику. Нынѣ не стихи строятъ воображеніемъ; но государства. Правда, что одно другаго невиннѣе; но что же дѣлать? Поэзія точно приняла или скоро приметъ совсѣмъ другой путь. Платонъ былъ большой стихотворецъ; но въ его вѣкѣ, да и въ нашемъ еще, считаютъ его философомъ и политикомъ.

Зима наша почти кончилась; бываютъ утренники; но дни уже теплые. Не болѣе 8° или 10°.. Никогда можетъ быть возвращеніе весны не было для меня столь пріятно; это возвращеніе къ тебѣ, къ свободѣ. Съ первымъ весеннимъ путемъ я непремѣнно отсюда отправляюсь — разумѣется — сперва въ Томскъ, потомъ въ Тобольскъ; но все уже къ тебѣ ближе и все уже возвращаюсь.

Прощай моя милая. Господь съ тобою.

37.

Иркутскъ 1-го Февраля 1820.

Письмо твое любезная Елисавета, на четырехъ языкахъ съ фельдъегеремъ посланное я получилъ и по сіе время оно есть самое позднее то есть отъ 24-го Декабря. Сей курьеръ былъ въ дорогѣ только 25 дней, а могъ бы поспѣть сюда и въ 20 дней, если бы Петербургская дорога его не задержала.

Начну съ денежныхъ дѣлъ. Какъ прискорбно мнѣ, что положась на чужія распоряженія нанесъ тебѣ столько безпокойства. Я утѣшался мыслію, что къ огорченіямъ существеннымъ не прибавится по крайней мѣрѣ сей родъ печальной заботы. Мнѣ казалось я такъ все распорядилъ изъ Пензы, что не можетъ быть ни затрудненія, ни остановки. Но чтобъ не теряться въ пустыхъ сожалѣніяхъ посылаю тебѣ 1, тысячу рублей наличныхъ на всякій случай, 2, вѣрющее письмо на отдачу дома въ наймы. Цѣну и условія отдаю на твою волю. Если Дубенскій не согласится дать прежней платы $^{6}/_{т.}$ р. то можно и уступить по усмотрѣнію тѣмъ болѣе, что вѣроятно трудно будетъ найти другаго. По крайней мѣрѣ домъ содержится въ порядкѣ и приноситъ доходъ. Перестройку каминовъ и другихъ бездѣлицъ можно ему дозволить, лишь бы не было какихъ либо существенныхъ поврежденій. Для образца прилагаю при семъ и прежній контрактъ. Ты увидишь изъ него, что срокъ новому будетъ 1-го Іюля (*). 3, Письмо къ моему арендатору Г-ну Пекейру (Peucker). Я полагаю почти невозможнымъ, чтобъ доселѣ онъ не заплатилъ денегъ слѣдующихъ за вторую половину минувшаго года. Срокъ 15-го Декабря. Но если бы паче чаянія ни тебѣ лично, ни Дазеру онъ не заплатилъ: то пошли къ нему письмо съ первою почтою спросивъ только у Журавлева, не въ Петербургѣ-ли онъ, и точно-ли адресъ его въ Дерптѣ, какъ доселѣ было. Не худо, если бы и Журавлевъ къ нему вмѣстѣ съ тѣмъ написалъ. Никогда ни слова не было ему говорено о Сибири; напротивъ, какъ ты изъ письма можешь видѣть, онъ долженъ былъ платить или Жерве, или Дазеру.

(*) Должно узнать, гдѣ же дѣвались прежнія деньги. — Они должны быть или у Масальскаго, или у Сталыпина. Я ничего отъ найма дома не получалъ. С.

4, Письмо къ Дазеру на случай крайній и почти невѣроятный, если бы Нейкеръ и по письму моему не прислалъ дохода: тогда Дазеръ долженъ, какъ уже онъ Цейеру и обѣщалъ, открыть тебѣ кредитъ отъ $^{10}/_{т.}$ до $^{12}/_{т.}$, а я съ нимъ въ свое время разочтуся. 5, Письмо къ нему же отъ Цейера на случай, если бы затруднился онъ выдать тебѣ тѣ $^{4}/_{т.}$ рублей, которыя переведены къ нему отсюда отъ Англинскаго миссіонера Сталибраса на Сарептскій торговый домъ въ Петербургѣ. Письмо сіе отъ Цейера. Само собою разумѣется, что оба сіи письма должно оставить безъ дѣйствія и ему не отдавать, если они не нужны. Симъ кончатся всѣ денежныя твои дѣла и мои предосторожности. Надобно быть особенному несчастію, чтобъ они всѣ вдругъ не удались. Впрочемъ считаю излишнимъ тебя ограничивать: ибо ты сама утверждаешь, что ты уже *не малолѣтная* и я весьма согласенъ сему вѣрить. Одно примѣчаніе: если деньги будешь брать у Дазера: то бери по частямъ и по мѣрѣ нужды ибо проценты въ купеческихъ домахъ расчитываются со дня полученія денегъ. Росписки давай ему, какъ онъ потребуетъ по формѣ, или просто. Не худо было бы тебѣ самой съ нимъ увидѣться. Тутъ ничего нѣтъ неприличнаго. Къ нему всѣ ходятъ въ лавку и не стыдятся быть ему должны. Это старый обычай. Я бы тебѣ даже совѣтовалъ отдавать ему подъ сохраненіе и тѣ деньги, кои могутъ оставаться у тебя лишними, что легко быть можетъ, если ты 1-го Апрѣля получишь половину денегъ арендныхъ. Курсъ у васъ слышно 350-к. на серебро: слѣдовательно вся годовая арендная сумма должна составить около 11.600 рублей ассигнаціями. Выгода сей отдачи подъ сохраненіе есть та, что онъ точно также платитъ проценты (6 %) съ тѣхъ денегъ, кои принимаетъ, какіе платятъ ему, когда у него берутъ. Симъ кончится исторія денегъ.

Я уже писалъ къ тебѣ мои мысли о нескромностяхъ нашего подагрика и о довѣріи его N. N. По счастью тутъ ничего нѣтъ вреднаго. Я къ нему ничего не пишу, что бы не могло быть прочитано вслухъ предъ всѣми. Онъ составилъ себѣ весьма странное предположеніе; вздумалъ, что показавъ мое письмо графу Кочубею онъ произведетъ такое впечатлѣніе, что за мною тотчасъ отправятъ фельдъегеря. Есть люди, кои вѣчно не будутъ имѣть истиннаго расчета вѣроятностей и опытъ для нихъ всегда будетъ безполезный учитель, хоть учителю сему они платятъ и дорого.

Дѣла мои дѣйствительно здѣсь къ Генварю почти кончились. Мнѣ осталось привести ихъ въ порядокъ. Съ 1-го Мая я оставляю Иркутскъ. О семъ пишу я нынѣ къ Государю; доказываю, что мнѣ послѣ сего дѣлать въ Сибири совершенно нечего. Управлять ею невозможно; къ сему надобны люди и другой порядокъ. Письмо посылаю чрезъ К. Голицина; но пишу при томъ и къ графу Кочубею. Отвѣтъ надѣюсь получить по крайней мѣрѣ въ концѣ Марта. Судя по содержанію его я могу ускорить или умедлить обратный мой путь; но во всѣхъ случаяхъ, хотя бы и не получилъ я никакого отвѣта, все съ 1-го Мая отправляюсь въ Тобольскъ и между тѣмъ приму рѣшительныя мѣры. Независимо отъ разлуки съ тобою, я не могу здѣсь (т. е. въ Сибири) и потому еще долѣе оставаться, что продолжая управленіе безъ способовъ и безъ людей, я могъ бы утратить и честь и довѣріе мною здѣсь пріобрѣ-

тенное. Чѣмъ болѣе я цѣню сіе довѣріе: тѣмъ болѣе чувствую, что поддержать его въ послѣдствіи никакъ не могу. Такимъ образомъ мнѣ не остается почти и выбора и если въ укоризну всѣмъ увѣреніямъ и надеждамъ не получу я другаго мѣста: то долженъ буду оставить службу. На сіе не рѣшусь я конечно не испытавъ всѣхъ другихъ средствъ, кои у меня есть еще въ запасѣ.—Но когда и рѣшусь, то вѣроятно ни ты, ни я жалѣть о томъ не будемъ. Лишь бы была свобода жить, гдѣ пожелаемъ. А сей свободы кажется, лишить меня теперь невозможно. Хотя публичное мнѣніе въ Россіи еще весьма молодо: однакоже оно существуетъ и знаю, что оно все въ мою пользу. Изъ всѣхъ сихъ предположеній одинъ случай можетъ сдѣлать исключеніе: это есть путешествіе Государя въ Сибирь. Признаюсь, я радъ бы былъ сему событію. Оно отложило бы мои надежды на мѣсяцъ или на два; но тѣмъ вѣрнѣе, кажется, было бы въ послѣдствіи. Сибирь для меня есть театръ довольно выгодный. Если не много я здѣсь сдѣлалъ: по крайней мѣрѣ много осушилъ слезъ, утишилъ негодованій, пресѣкъ вопіющихъ насилій, и, что можетъ быть еще и того важнѣе, открылъ Сибирь въ истинныхъ ея политическихъ отношеніяхъ. Одинъ Ермакъ можетъ спорить со мною въ сей чести. Все сіе — разумѣется — я пишу только къ тебѣ и для тебя.

Посылаю тебѣ (*) моя милая, наконецъ послѣ всѣхъ обѣщаній, прекраснаго крепу и шелковъ. Мнѣ обѣщали и еще доставить; но все сіе надобно выписывать изъ Пекина. Чаю надѣюсь у васъ еще довольно. Впрочемъ онъ такъ будетъ дешевъ, что не стоитъ труда пересылать. Здѣсь 250 р. мѣсто т. е. 250-к. фунтъ весьма добраго. У васъ вѣроятно будетъ онъ въ 350 к. Нынѣшній годъ вывезли его несравненно болѣе. Вообще по счастью или иначе Кяхтинская торговля при мнѣ взяла самый счастливый оборотъ.

Прощай, моя милая; Господь съ тобою.

(*) Съ фельдъегеремъ Графа Нессельрода.

38.

Иркутскъ 4-го Февраля 1820.

Начинаю письмо мое окончаніемъ твоего. Жаль конечно, любезная моя Елисавета, что судьба насъ непрестанно разлучаетъ. Никто конечно лучше меня понять тебя не можетъ: ибо тонкія души ощущенія понимаются сердцемъ, а не умомъ. Впрочемъ, сколько дозволено намъ постигать непостижимыя пути Провидѣнія, мнѣ кажется въ самой разлукѣ Оно имѣло благотворную для насъ цѣль. Обоихъ насъ Онъ учитъ терпѣнію; тебя же въ особенности учитъ ходить на своихъ ногахъ, разбирать собственныя свои чувства, соображать ихъ съ другими и дѣйствовать. До какой степени сія наука и сей навыкъ нужны въ будущей твоей практической жизни, ты узнаешь сіе въ свое время. Отчего женщины большею частію слабы, нерѣшительны? — Оттого, что долго ходили на помочахъ, долго въ самыхъ мелочахъ опирались на другихъ. Сіе выгодно для мужчинъ, но совсѣмъ не выгодно для женщинъ. Тотъ степень слабости, или лучше сказать уклончивости, какую женщинамъ имѣть иногда должно, всегда можно пріобрѣсть. Онъ зависитъ отъ кротости, даже отъ правильнаго расчета взаимныхъ отношеній: но крѣ-

ность души и силу чувствъ не всегда найдешь, когда ищешь. Ее должно имѣть въ запасѣ и въ привычкѣ.

Я все еще не отправился въ заморскія мои владѣнія то есть въ двѣ округи за Байкаломъ лежащія, гдѣ побывать мнѣ нужно и оттуда посѣтить Кяхту, гдѣ продаютъ тѣневые шелки и крепы, но на первой недѣлѣ поста непремѣнно туда отправлюся. Это будетъ верстъ 500 далѣе на югъ. Меня увѣряютъ, что тамъ и теперь снѣгу нѣтъ или очень мало. Посмотримъ. На сихъ дняхъ у меня были два Англинскіе миссіонера, которые поселяются въ Селенгинскѣ. Ни слова ни по Русски, ни по Европейски. Я позвалъ ихъ къ себѣ на другой день обѣдать. Отворяются двери и ко мнѣ движется большая, длинная, сухая, пожилая женская фигура. Это Шотландка изъ роду піетистокъ, жена одного изъ сихъ миссіонеровъ. Это первая женская фигура, которой духъ явился въ моихъ комнатахъ съ тѣхъ поръ, какъ я въ Сибири. По счастью она такъ молчалива, что мнѣ не нужно было раскрывать для нее всѣ неизвѣстныя и самому мнѣ сокровища Англинскаго языка. Жоржа не было дома и такъ мнѣ одному оставалось нести всю сію тяжесть. Странное дѣло! одинъ изъ сихъ миссіонеровъ есть молодой человѣкъ лѣтъ 23 или 25. Прекрасной фигуры, открытое лицо, образъ ангельской чистоты и невинности. Ангелъ обвинитель да изгладитъ слезою всякую мысль подозрѣнія, чтобъ люди сіи имѣли какую-нибудь другую цѣль въ ихъ путешествіи.

Прощай, моя милая, Господь съ тобою.

39.

Иркутскъ 10-го Февраля 1820.

Письмо твое отъ 26-го Декабря на другой день Рождества Христова весьма печально, любезная моя Елисавета. Чтобъ утѣшить себя, я представляю себѣ, что ты была нездорова, а не огорчена. Впрочемъ какое другое утѣшеніе могу я имѣть, или тебѣ дать, кромѣ надежды на Отца Небеснаго.

Послѣ завтра я отправляюсь въ Кяхту и оттуда въ Нерчинскъ, подлинно уже на край свѣта. Быть можетъ, что слѣдующая почта не принесетъ тебѣ моихъ писемъ; но не болѣе, какъ одна почта. Надѣюсь, что и изъ Нерчинска письмо мое дойдетъ къ тебѣ въ срочное время, это только 700 верстъ далѣе.

Сіе путешествіе есть послѣднее: ибо возвращеніе мое отсюда я не считаю уже путешествіемъ. Отлучка моя отсюда означаетъ, что дѣла мои здѣсь кончились; прочее есть дѣло писцовъ и канцеляріи; но и сіе меня не задержитъ. Во всѣхъ возможныхъ случаяхъ, исключая одного высочайшаго посѣщенія, съ 1-го Мая я отсюда отправляюсь.

Архимандритъ сюда еще не прибылъ, слѣдовательно и писемъ твоихъ съ нимъ я еще не имѣю.

Не знаю еще, какой подарокъ привезу тебѣ изъ Кяхты; вѣроятно тѣневыхъ шелковъ: ибо тамъ ничего другаго достать нельзя.

Прощай моя милая; Господь съ тобою.

40.

Кяхта 18 Февраля 1820.

Внезапный случай представляетъ мнѣ удобность писать къ тебѣ отсюда, любезная моя Елисавета и тѣмъ вознаградить одну пропущенную почту. Я пріѣхалъ сюда третьяго дня. Вчера былъ на праздникѣ у Китайцовъ въ торговой ихъ слободѣ Маймадчинахъ. Какая странная узорочность. Это лихорадочный бредъ, не-

изъяснимое смѣшеніе блестящихъ мѣлочей, уютности и порядка въ частяхъ и смѣси въ цѣломъ. Подробности ты найдешь со временемъ въ моемъ журналѣ. Въ гостинецъ тебѣ ничего здѣсь не нашелъ; чаю же посылать не стоитъ труда. Шелки еще не доставлены изъ Пекина.

Сегодня отправляюсь отсюда прямо въ Нерчинскъ. По счастью зима здѣсь стоитъ постоянная и, что бываетъ здѣсь, то есть на границѣ довольно рѣдко, много снѣговъ и хорошая дорога. По сему я имѣю всю надежду совершить мое путешествіе съ успѣхомъ. Я буду первый начальникъ, который посѣтилъ Нерчинскъ. Хотя первенство сіе не возбуждаетъ моего честолюбія, но возбуждаетъ надежду, что путешествіе сіе будетъ полезно и утѣшительно обывателямъ того края. Кто знаетъ, какой плодъ принесетъ со временемъ сѣмя брошенное на сію землю? Впрочемъ въ Сибири и такъ далеко не бываютъ два раза въ жизни и потому должно въ одинъ разъ сдѣлать все что можно.

Прощай моя милая; письмо сіе доставитъ тебѣ здѣшній чиновникъ сынъ извѣстнаго Нижегородскаго механика Кулибина. Господь съ тобою.

41.

Верхне-Удинскъ 20 Февр. 1820

Тебѣ надобно, любезная моя Елисавета, твердо знать Сибирскую географію, чтобъ угадать или найти мѣсто, откуда къ тебѣ пишу. Это за Байкаломъ въ 400 верстахъ отъ Иркутска. Третьяго дня изъ Кяхты писалъ къ тебѣ съ Г—номъ Кулибинымъ; нынѣ пишу только для того, чтобъ не пропустить почты. Завтра поутру отсюда отправляюсь въ Нерчинскъ, откуда чрезъ три или четыре дня надѣюсь къ тебѣ писать. По расчету моему письмо сіе придетъ къ тебѣ около Свѣтлаго Воскресенья. На второй недѣлѣ поста поздравляю тебя съ симъ свѣтлымъ праздникомъ и за $^{m}/_{m}$ верстъ лобызая тебя въ духѣ говорю Христосъ воскресе. Воскресенію Его въ душахъ ни мѣсто, ни время не препятствуетъ.

Воздухъ и движеніе удивительно какъ способствуютъ моему здоровью; напротивъ сидячая жизнь меня утомляетъ. По сему-то между прочимъ переношу я всѣ трудности моего путешествія съ бодрымъ духомъ. Должно тебѣ примѣтить, что я путешествую попеременно въ саняхъ и въ колясkѣ. Здѣсь за моремъ во многихъ мѣстахъ снѣгъ уже сошелъ. Небольшое число верстъ можетъ быль доведется сдѣлать верхомъ. Жаль, что здѣсь нѣтъ ни моей Діаны, ни твоей Великопольской Рогатки. На нихъ покойнѣе было бы перебраться за хребетъ Нерчинскихъ горъ.

Прощай моя милая, Господь съ тобою.

42.

Нерчинскъ 29-го Февраля 1820.

Христосъ воскресе, любезная моя Елисавета. Вчерашній день я возвратился сюда изъ преисподней, изъ Нерчинскихъ заводовъ, гдѣ спускался я на 36 саженъ подъ землею, чтобъ видѣть своими глазами послѣднюю линію человѣческаго бѣдствія и терпѣнія. Ничто не можетъ быть поучительнѣе сего впечатлѣнія.

Письмо мое будетъ коротко; я усталъ и спѣшу возвратиться въ Иркутскъ, который теперь представится мнѣ столицею. Впрочемъ кромѣ усталости здоровье мое никакой не испытало перемѣны, хотя шесть разъ

я перемѣнялъ повозки лѣтнія на зимнія. Здѣсь снѣгу мало, да и то по мѣстамъ.

Прощай моя любезная. Господь съ тобою.

43.

Иркутскъ 10-го Марта 1820.

Наконецъ я въ Иркутскѣ, любезная моя Елисавета; то есть въ столицѣ, послѣ всего, что въ продолженіи пути мнѣ встрѣчалось Въ три недѣли я совершилъ болѣе 3/т. верстъ; странствовалъ въ саняхъ, въ коляскѣ, на телегѣ и только не верхомъ. Не жалѣю однакоже ни трудовъ, ни усталости: ибо я видѣлъ бѣдствія человѣческія кажется на послѣдней ихъ линіи. Впрочемъ кромѣ усталости ничего не чувствую. Отдыхая и разбираясь съ бумагами не могу много къ тебѣ писать. Письма твои получалъ исправно. Весьма радъ, что Кяхтинскія бездѣлки столько тебѣ понравились. Постараюсь ихъ достать болѣе и съ собою ихъ привезу. Крепы для тебя и для Сонюшки есть у меня прекрасные. Молись и ожидай Сонюшку цѣлую за письмо. Прощай моя милая; Господь съ тобою.

44.

Иркутскъ 17-го Марта 1820.

Написавъ сіе число я вспомнилъ, любезная моя Елисавета, роковой мой день. Почему же роковой? — Потому только, что человѣкъ привыкъ ставить себя обладателемъ своей судьбы, что онъ съ удовольствіемъ переноситъ всѣ трудности, странствуетъ по бѣлу свѣту, но не тогда, какъ его пошлютъ, а когда онъ самъ того захочетъ. Человѣкъ не умѣетъ еще покоряться Провидѣнію, не можетъ понять, что онъ не что иное, какъ кусокъ глины, коей даютъ разныя формы, что въ гибкости и мягкости состоитъ все его достоинство, что планъ и экономія вселенной такъ обширны, такъ многосложны, что странно и смѣшно вздумать управлять ими и между тѣмъ въ семъ то именно и состоитъ наше притязаніе: ибо нельзя управлять частію, не касаясь цѣлаго. Покорность и гибкость вотъ все, что намъ осталось. Всякій ропотъ есть бунтъ противъ Провидѣнія. Такъ разсуждалъ бы я о другомъ въ обстоятельствахъ моихъ подобныхъ. Но о себѣ самомъ я долженъ разсуждать еще строже. Сколько возмездій, сколько милостей небесныхъ получилъ я въ сіи *восемь* по видимому несчастныхъ лѣтъ! Сколько истинныхъ прозрѣній въ природу человѣческую и даже высшую. И что жъ послѣ всѣхъ такъ называемыхъ гоненій и страданій наконецъ нашлось?—волосъ не упалъ съ головы моей. Обращаюсь къ тебѣ: ибо существо мое не простое, но сложное. Буря застала тебя въ такія лѣта, когда ты ее не чувствовала. Ты играла въ Нижнемъ, играла въ Перми и начала чувствовать бытіе твое въ Великопольѣ. Всѣ вѣроятности есть, что оставаясь въ Петербургѣ ни умъ, ни характеръ твой не получили бы ни развитія, ни твердости. Я не могъ бы тобою заниматься; обстоятельства болѣе изнѣжили бы тебя, нежели укрѣпили. Ты была бы по сіе время не что иное, какъ вялый ребенокъ. Таковы суть большая часть женщинъ. Слово трусъ по мнѣнію моему выражаетъ одно всѣ пороки и въ самомъ дѣлѣ большая ихъ часть происходятъ отъ трусости. Какъ же быть мужественнымъ, не посмотрѣвъ прямо въ глаза опасности и несчастію? Несчастіе! его должно бы было называть другимъ именемъ, именемъ благород-

нѣйшимъ, какое только есть въ происшествіяхъ человѣческихъ. Въ духовномъ смыслѣ оно есть помѣщеніе въ число чадъ Божіихъ, сыноположеніе. Въ моральномъ сопричтеніе въ дружину великодушныхъ. Несчастіе! его должно бы было вводить въ систему воспитанія и не считать его ни оконченнымъ, ни совершеннымъ безъ сего испытанія.

Ты видишь изъ сего, любезная моя Лиза, что я отдохнулъ отъ моего путешествія. Отдохнулъ и готовлюсь издалека къ другому. Все яснѣетъ предо мной. Самое небо кажется беретъ въ томъ участіе. Зима наша кончилась; мы гуляемъ уже во фракахъ; я покрайней мѣрѣ такъ гуляю. Шубы носятъ только по привычкѣ и то рѣдко. Зимній путь совершенно рушился. Сколько бы ни желалъ я послать тебѣ Китайскихъ бездѣлицъ, не могу. У меня есть для тебя *между прочимъ* полный Китайскій нарядъ женскій—но прекрасный и онъ къ тебѣ весьма пристанетъ.

Въ послѣднемъ письмѣ я вижу тебя на балѣ у Линга. Чинъ и имя конечно что нибудь значатъ и въ танцахъ. Но еслибъ ты была *maussade*: ни то, ни другое не запретило бы тебя отъ сидѣнья. Трапезниковъ еще не бывалъ. Я ожидаю съ нимъ интересныхъ писемъ.

Вотъ письмо къ новому моему куму. Услади его твоими привѣтами. Мысль его дѣйствительно мнѣ обязательна. Я всегда искренно любилъ Елисавету Карловну за ея добродушіе и кротость. Совсѣмъ иначе написалъ бы я, если бы къ ней писать было можно. Но я знаю его и знаю оттѣнки характеровъ.

Прощай моя милая; Господь съ тобою.

45.

Иркутскъ 24 Марта 1820.

Я говѣю, любезная моя Елисавета, и потому съ сею почтою писать къ тебѣ много не буду. Минувшая почта принесла мнѣ твое письмо съ извѣстіемъ о возобновившихся ячменяхъ. Съ нетерпѣніемъ ожидаю дальнѣйшихъ извѣстій. Вѣроятно это пройдетъ съ лѣтами.

Цейеръ съ минувшею почтою получилъ увѣдомленіе отъ Пирлинга, что деньги за вторую половину аренды 6220 р. отъ Пейкера получены отданы имъ въ Банкъ. Къ 1-му Апрѣля сего года онъ долженъ будетъ заплатить такую же сумму и вѣроятно къ нимъ же, то есть къ Дазеру и Пирлингу доставитъ. Всѣ деньги сіи $^{12}/_{т}$ р. въ твоемъ распоряженіи. Сверхъ того у нихъ есть 2000 р. оставшихся отъ векселя высланнаго отсюда Англинскими миссіонерами.

Прощай моя милая; Господь съ тобою.

46.

Иркутскъ 31-го Марта 1820.

Вотъ день, любезная моя Елисавета, въ который сидя подъ окошкомъ въ Пензѣ, услышалъ я колокольчикъ и взглянувъ увидѣлъ фельдъ-егеря и Сибирь. Это кажется было вчера; а сегодня я въ Иркутскѣ. Голова кружится, когда подумаешь, сколько перемѣнъ, происшествій, путей, движенія, дѣлъ въ теченіи одного года; и что же значитъ сей годъ въ сравненіи со всею жизнію; а что жизнь въ сравненіи съ вѣчностію; откуда наконецъ должно будетъ нѣкогда взглянуть на все прошедшее подобно, какъ теперь смотрю я на минувшій годъ. Но тогда духъ не связанъ будетъ тѣ-

ломъ; тогда шесть тысячь верстъ, Пенза и Иркутскъ все сольется въ одну точку; все будетъ ясно, но ничто не будетъ раздѣльно; ибо всѣ несообразности здѣшней жизни согласятся и все войдетъ въ одинъ обширный, но весьма простой планъ Провидѣнія.

Третій день, какъ я угощаю у себя въ теченіи сей свѣтлой недѣли здѣшнюю публику. Третьяго дня принималъ духовенство и въ томъ числѣ осанистаго, тебѣ знакомаго Пекинскаго Архимандрита [1]; вчера обѣдали чиновники; сегодня купечество. Я усталъ жить въ непрестанныхъ ябедахъ, слѣдствіяхъ и обвиненіяхъ; слава Богу они кончились и готовясь оставить Иркутскъ, я хочу оставить его съ пріязнію. Еще мѣсяцъ и много полтора и я съ ними распрощаюсь — на вѣки-ли? — Богъ знаетъ, но кажется, намъ болѣе не видаться.

Лишь только успѣлъ я написать съ прошедшею почтою къ тебѣ: *я говѣю,* какъ получаю и отъ тебя въ письмѣ тѣже слова *я говѣю.* Разница только та, что ты говѣла на первой недѣлѣ; а я на страстной.

Не удивляйся смущенію духа; это почти обыкновенное состояніе поста и говѣнья. Когда вино вливаютъ въ самую чистую воду: она сначала струится: ибо вино не вдругъ соединяется съ водою; но потомъ такъ ее проникнетъ, что нѣсколько капель окрасятъ цѣлый стаканъ и раздѣлить ихъ невозможно. Таково дѣйствіе благодати. Утѣшенія и сладостныя чувствія приходятъ послѣ, а бываетъ, что не приходятъ повидимому и никогда: ибо превращаются въ пищу, въ самый составъ души, въ нравственное ея здоровье. Кто же когда чувствовалъ, какъ прибавляются силы и здоровье? Кто чувствовалъ, какъ ростутъ? [2]

У насъ почти лѣто и дни прекрасные; глаза мои отдыхаютъ покоися хоть не на зелени, покрайней мѣрѣ не на снѣгу ослѣпляющемъ отъ яркаго преломленія лучей. Ожидаемъ землетрясеній, кои обыкновенно бываютъ въ Апрѣлѣ; но здѣсь никто ихъ не боится: въ самомъ дѣлѣ они обыкновенно бываютъ легки. Не знаю, будетъ-ли Жоржъ сегодня къ вамъ писать. Ему на праздникахъ большія хлопоты: надобно объѣздить весь городъ съ визитами; надобно ѣздить верхомъ; вчерась же было собраніе и слѣдовательно надобно ему же танцовать за полночь.

Прощай, моя милая; поцѣлуй за меня Сонюшку. Христосъ съ вами.

Предваряю тебя, что почта съ сего времени начнетъ отставать; это обыкновенно бываетъ въ распутицу.

47.

Иркутскъ 7-го Апрѣля 1820.

Въ письмѣ твоемъ отъ 20-го Февраля я нахожу, любезная моя Елисавета, что весеннее солнышко глядитъ къ вамъ въ окно. Не завидую вашему счастію. Ко мнѣ въ окно глядитъ не только весеннее, но само лѣтнее солнышко и вмѣстѣ съ нимъ глядитъ надежда скораго отсюда отправленія. Легко себѣ представить дѣйствіе сихъ соединенныхъ лучей.

Бѣдные люди, еслибы смерть была всему конецъ. Подлинно бѣдные! и мысль твоя весьма справедлива. Но по счастью будущее, для меня по крайней мѣрѣ, кажется вѣрнѣе настоящаго. Я такъ привыкъ къ сей мысли,

[1] Петра Каменскаго, отправленнаго въ Китай на смѣну Іакинѳа Бичурина.

[2] Религіозныя мысли Сперанскаго нигдѣ такъ полно не выразились, какъ въ большомъ письмѣ его изъ Перми, къ Словцову (Библ. Зап. 1861, № 17)

что упрекаю себя, когда занимаюсь настоящимъ, хоть занимаюсь имъ еще весьма часто. Мнѣ кажется это потерянное время, столькоже потерянное, какъ въ дорогѣ на почтовыхъ дворахъ. Какая неизмѣримость насъ ожидаетъ! Что будетъ тутъ эта капля, которую привыкли мы называть временемъ, жизнію.

Между тѣмъ какъ ты читаешь Journey from Moscow, я путешествую въ Китаѣ. Сколько привезу я тебѣ вѣстей объ исторіи и словесности сего чудеснаго народа. Двѣсти милліоновъ головъ, то есть число болѣе всей Европы, подъ одною шапкою! это первое чудо; чудо политики, образованія доселѣ неслыханное и небывалое въ исторіи міра. За симъ слѣдуютъ другія чудеса не менѣе разительныя, не меніе смиряющія гордость Европейскаго просвѣщенія. Признаться должно, что наши учители Греки и Римляне не большіе были знатоки въ народномъ воспитаніи и видно суждено востоку всегда брать верхъ надъ западомъ.

Прощай моя милая. Христосъ съ тобою.

48.

Иркутскъ 14 Апрѣля 1820.

Не бойся надѣяться, любезная моя Елисавета. Богъ милостивъ. Онъ вложилъ надежду въ сердце наше, какъ залогъ, какъ предчувствіе вѣчности. И если надежда иногда и обманываетъ: мы все не въ убыткѣ: ибо взяли впередъ то, что есть въ жизни лучшаго. Французская твоя мысль дѣйствительно прекрасна. Можно къ ней присоединить еще одно практическое правило на томъ же законѣ основанное: никогда событіями нельзя человѣка вести столь далеко, какъ надеждами. Дѣло состоитъ только въ томъ, чтобъ умѣть ихъ распредѣлять безъ расточенія и поддерживать съ точностію. Schwärmerey Нѣмцовъ происходитъ изъ того же источника. Но не всѣ люди способны къ мечтательности (почему бы не перевесть симъ словомъ Schwärmerey). Есть сердца положительныя, умы столповые, способные къ всѣмъ расчетамъ жизни, но неспособные къ тонкому ощущенію будущаго. Отсюда, отъ сей неподвижности ихъ видовъ, отъ единообразія и ограниченности ихъ чувствій происходятъ всѣ ихъ успѣхи. Успѣхи, на кои не промѣнялъ бы я несчастій.

Мнѣ весьма любопытно, а можетъ быть и пріятно будетъ познакомиться съ Поггенполемъ. Изъ привязчивыхъ душъ много можно сдѣлать добраго.

Ты спрашиваешь о Вильде. Онъ ведетъ себя здѣсь очень хорошо. Поигрываетъ въ карты, но умѣренно; ничего не дѣлаетъ, никакихъ дѣлъ на рукахъ у него нѣтъ и слѣдовательно не можетъ ничего употребить во зло. Не знаю даже, былъ-ли бы къ сему и способенъ. Доселѣ я въ немъ видѣлъ человѣка обыкновеннаго, но не худаго и къ порокамъ не склоннаго. Для Жоржа онъ даже и полезенъ: ибо я не могу надзирать за нимъ въ обществахъ; а держать его дома въ заперти всегда надъ книгами, невозможно. Жоржъ не только не потерялъ ни одного добраго и любезнаго качества, но я надѣюсь, вы всѣ найдете, что онъ кой-что и пріобрѣлъ въ семъ родѣ. Съ нимъ остались ребяческое его добродушіе, прямизна и откровенность, но прикрашенная и убранная нѣкоторыми познаніями, басистымъ голосомъ и усами (разумѣется еще чуть возникающими). Чего же лучше? Онъ пойдетъ далѣе: ибо сердце его прекрасно и умъ гибкій и способный. Вильде можетъ самъ имѣть нѣкоторыя шалости; но никакъ не способенъ быть ни потатчикомъ, ни соблазнителемъ.

Съ сей стороны мы безопасны. Кстати о Вильде. Онъ послалъ твоей маминькѣ кусокъ краснаго крепу; а она не сказала ему и спасибо.

Время у насъ стоитъ прекрасное. Каковъ-то будетъ Май, время нашего путешествія. Вчера осматривали мы наши экипажи. Неужели все это будетъ мечта? хоть я по сіе время еще живу во мракѣ неизвѣстности; но все твержу и въ умѣ и чувствую въ сердцѣ: Богъ милостивъ.

Прощай моя милая, Господь съ тобою.

49.

Иркутскъ 21-го Апрѣля 1820.

Твой флюсъ привелъ мнѣ на память, любезная моя Елисавета, прежнее мое правило, что въ свѣтѣ есть три только существенныя несчастія: порокъ, бѣдность и болѣзнь. Все прочее можно поправить умомъ или терпѣніемъ; но болѣзнь именно лишаетъ насъ сихъ средствъ. Я не вѣрю даже, чтобъ въ болѣзни можно было имѣть терпѣніе. Терпѣливыми въ болѣзни кажутся только тѣ, коихъ степень чувствительности физической различенъ отъ обыкновеннаго, отъ нашего. А различіе сіе столь далеко простирается, что дикій поющій побѣдную пѣснь въ то время, когда палятъ его на огнѣ, для меня совсѣмъ не есть предметъ удивленія, но предметъ познанія и опыта, до какаго степени устройство нервъ можетъ быть различно и обстоятельствами измѣняемо.

Молодой человѣкъ отправляющійся съ Китайскою миссіею еще не бывалъ, я его нетерпѣливо ожидаю: ибо онъ вѣроятно привезетъ мнѣ о тебѣ подробности. Между тѣмъ мы каждую недѣлю по немножку сбираемся; я дописываю свою Сибирь, люди заботятся о разныхъ мелочахъ и все въ движеніи. Съ сей стороны я счастливѣе тебя: ибо образъ надежды кажется ближе и живѣе, когда сборы и мѣлочи его украшаютъ.

Прощай моя милая, Господь съ тобою.

50.

Иркутскъ 28-го Апрѣля 1820.

Наконецъ Пекинскій приставъ*) привезъ мнѣ письмо твое, любезная моя Елисавета, привезъ отъ тебя носки и отъ Жерве газеты. Признаюсь первое лучше послѣднихъ. Продолжителное наблюденіе заблужденій и глупостей человѣческихъ дѣлаетъ почти къ нимъ равнодушнымъ.

Съ симъ нарочнымъ я получилъ много писемъ изъ Петербурга—всѣ розовыя и въ томъ числѣ есть самаго яркаго и положительнаго цвѣта. Терпѣнію твоему осенью будетъ конецъ. Но внѣшніе твои отзывы должны оставаться такъ же неопредѣленны, какъ и прежде. Надежда бываетъ еще прелестнѣе, когда таится въ душѣ и наружу не испаряется. — Поггенполю я непремѣнно буду отвѣчать на письмо его, но не надѣюсь скоро отыскать здѣсь Толмачева, о коемъ онъ говоритъ. Сибирь не комната; ее скоро не обыщешь; скажи маминькѣ, что я употреблю всѣ способы. Объ Александрѣ подумаемъ осенью: дѣла сего рода не дѣлаются за $^{6}/_{т.}$ верстъ; ихъ надобно сдѣлать лично.

Жаль, что я старѣю, что слишкомъ много въ свѣтѣ видѣлъ и наблюдалъ. Духъ твой, любовь твоя къ отечеству сдѣлали бы меня любочестивымъ.

Прощай моя милая; Господь съ тобою.

*) Тимковскій Егоръ Θеодоровичъ, напечатавшій въ 1824 г. чрезвычайно интересное описаніе своего путешествія въ Китай, подъ заглавіемъ: Путешествіе въ Китай чрезъ Монголію, въ 1820 и 1821 годахъ.

51.

Иркутскъ 5-го Мая 1820.

Нѣтъ, любезная моя Елисавета, не женщины въ томъ виноваты, что молодые люди большею частію суть повѣсы. Не женщины, а война. Война умудряетъ храбрыхъ, дѣлаетъ ихъ скромными и кроткими; война ничтожныхъ людей дѣлаетъ наглыми и несносными. Война и скороспѣлое воспитаніе. Когда толпа мальчиковъ, кои должны бы быть еще въ пенсіонѣ подъ лозою Мюралта *), пущена будетъ на свою волю -- чего тутъ ждать добраго?

Мысли твои о вдохновеніи такъ привлекательны, что я написалъ бы цѣлое сочиненіе и точно доказалъ бы, что это не мечта, но дѣйствительное и весьма существенное свойство нашего духа усыпляемое разсѣянностію чувствъ, но возбуждаемое обстоятельствами, мѣстомъ, уединеніемъ, временемъ, воспоминаніями, связію мыслей. Но отложимъ сіе до бесѣды, или до той большой книги, которую столько лѣтъ я собираюсь написать.

Ты не дома; понимаю любезная Елисавета всю горесть сея мысли; но потерпи еще немного; заря не только занимается, но уже и занялась. Ты вѣрно видѣлась съ графинею Кочубей? Ты будешь дома; будешь имѣть удовольствіе у себя угощать тѣхъ, кои тебя столь добродушно, столь сердечно угощаютъ и добрая твоя душа ни у кого не останется въ долгу.

Я полагаю, что вы уже на дачѣ. Жаль что я васъ, можетъ быть, тамъ уже не застану. Желай чтобъ лѣто было прохладно, а осень самая сухая и продолжительная.

Прощай моя милая; Господь съ тобою.

*) Извѣстный реформатскій пасторъ, содержатель пансіона въ Петербургѣ,

52.

Иркутскъ 12-го Мая 1820.

Съ фельдъегеремъ сюда прибывшимъ я не получилъ отъ тебя писемъ, любезная моя Елисавета. Вѣроятно друзья наши или не знали, или сказать тебѣ не успѣли. Впрочемъ онъ ничего не привезъ мнѣ ни новаго, ни интереснаго. Та же неизвѣстность и заря моя опять превращается въ полночь. Впрочемъ меня Богъ научилъ ходить и во мракѣ. О семъ буду писать къ тебѣ подробнѣе при первомъ удобномъ случаѣ.

И такъ талантъ Зеера образуетъ твой вкусъ къ музыкѣ. Слѣдовательно я правъ, когда предвѣщалъ тебѣ, что ты будешь любить ее, противъ всѣхъ твоихъ чувствъ и увѣреній. Мнѣ казалось неестественнымъ, чтобъ имѣя душу чистую можно было не любить музыку. Недостатокъ чувства происходилъ единственно отъ недостатка органа и отъ боязни трудностей. Изящное есть степень высокаго, а высокое есть степень божественнаго, безпредѣльнаго. И въ изящномъ предѣлы, т. е. вещественное уже чуть примѣтны—въ высокомъ они теряются, а въ божественномъ совсѣмъ исчезаютъ. Что бы была жизнь моя здѣсь, еслибы не размышлялъ я о сихъ предметахъ и размышляя не забывалъ прошедшее и настоящее? — Счастливъ, что могу съ тобою говорить о нихъ и быть увѣреннымъ, что ты ихъ понимаешь или лучше сказать чувствуешь.

Прощай моя милая; Господь съ тобою.

53.

Иркутскъ 15-го Мая 1820.

Половина Мая, а я еще въ Иркутскѣ. Не хочу скрывать отъ тебя, любезная моя Елисавета, истиннаго моего положенія. Отъ 8-го Марта я получилъ чрезъ графа Кочубея высочайшее повелѣніе прибыть въ Петербургъ къ послѣднимъ числамъ Октября. Срокъ сей былъ сносенъ и даже довольно сходенъ съ собственнымъ моимъ расположеніемъ. Я распорядился и водою отправилъ отсюда почти всѣ тяжести, дабы отправясь на легкѣ найти ихъ въ Москвѣ. Послѣ того три недѣли спустя получаю другое повелѣніе чрезъ К. Голицына отъ 20-го Марта, чтобъ прибыть мнѣ въ Петербургъ уже не въ Октябрѣ настоящаго года, но въ Мартѣ будущаго. Отстрочка сія и сама по себѣ горестна; но горестнѣе еще по смыслу, который она въ послѣдствіи имѣть можетъ. Если безъ всякой видимой причины могли отстрочить до будущаго Марта: то могутъ отсрочить еще на годъ и такъ далѣе.— Въ письмѣ графа Кочубея по крайней мѣрѣ означена причина и именно путешествіе государя и возвращеніе его въ столицу не прежде 14-го Октября. Но въ письмѣ К. Голицына не означено никакой причины, я разумѣю причины истинной: ибо въ предлогахъ никогда не можетъ быть недостатка. По сему я рѣшился сдѣлать слѣдующее: *во первыхъ* съ симъ же фельдъегеремъ пишу и къ Е. В. и къ министрамъ, что отсрочку сію я принимаю въ точномъ смыслѣ удаленія. *Во вторыхъ* чрезъ мѣсяцъ или два посылаю прошеніе въ отставку, о чемъ нынѣ же и предваряю графа Кочубея. Первый шагъ вѣроятно не сдѣлаетъ никакой перемѣны въ моемъ положеніи—промолчатъ. Второй можетъ болѣе подѣйствовать. Отставки вѣроятно не дадутъ; покрайней мѣрѣ почувствуютъ, что нельзя никого держать Генералъ-Губернаторомъ по неволѣ и слѣдовательно скорѣе на что нибудь рѣшатся. Впрочемъ я исчислилъ всѣ послѣдствія. Если меня и уволятъ отъ службы: ни ты, ни я ничего не потеряемъ.—Ничего существеннаго. Время то прошло, когда могли меня тѣснить по произволу: ибо всему есть конецъ, даже и народнымъ заблужденіямъ и моему терпѣнію. Публичное мнѣніе у насъ слабо; но существуетъ. Оно же мнѣ и нужно въ самой малой мѣрѣ и только для тебя.

Какъ бы то ни было я долженъ буду провести будущую зиму въ Сибири и именно въ Тобольскѣ. Мои собственныя огорченія тутъ не должны быть въ счетъ принимаемы; я всегда найду силу ихъ перенести и даже сдѣлать ихъ для себя равнодушными. Чувствительность моя вся въ тебѣ. Если при семъ отдаленіи нашего свиданія нужны тебѣ мои какіе-либо совѣты: требуй ихъ откровенно и не полагай никакихъ предѣловъ моимъ чувствамъ. Не бери въ счетъ моего бытія; думай только о своемъ счастіи и будь увѣрена, что я буду совершенно счастливъ, когда за 6-т. верстъ буду только знать, что ты счастлива. Любовь моя къ тебѣ совершенно безкорыстна: ибо мое личное счастіе и по лѣтамъ моимъ и по милости Божіей такъ удостовѣрено, что оно ни отъ кого не зависитъ. Слѣдовательно думай только о себѣ, если хочешь видѣть меня счастливымъ. Можетъ быть тебѣ придетъ мысль видѣться со мною въ Тобольскѣ; вещь почти невозможная. Если бы Марья Карло-

вна и согласилась проводить тебя: то сверхъ трудностей пути, сверхъ неимовѣрныхъ издержекъ, сверхъ опасности измучиться и заболѣть въ пути—мнѣ помѣстить васъ негдѣ; совершенно нѣтъ дома не только удобнаго, но даже и сноснаго. Сверхъ сего отсутствіе твое изъ Петербурга уронитъ всѣ надежды друзей моихъ, сдѣлаетъ ихъ малодушными и ободритъ нашихъ непріятелей. Словомъ это невозможно. Самая власть моя здѣсь отъ сего поколеблется: ибо между прочимъ она держится на томъ, что я лично буду въ Петербургѣ.

Какъ желалъ бы я сказать тебѣ что-нибудь въ утѣшеніе; но ничего не могу. Можетъ быть смыслъ, который я даю отсрочкѣ слишкомъ обширенъ; можетъ быть отсутствіе Государя дѣйствительно продолжится до Марта и въ семъ предположеніи отсрочка имѣетъ нѣкоторое основаніе; нѣкоторое, но несовершенное: ибо я не знаю, почему бы бытіе мое такъ было важно, чтобъ нельзя было мнѣ видѣться съ тобою, иначе какъ только въ данное время и при извѣстныхъ обстоятельствахъ.

Всѣ дары, которые я съ такимъ удовольствіемъ тебѣ готовилъ, по полученіи перваго извѣстія отправилъ я водою въ Москву со всѣми своими тяжестями бывъ увѣренъ, что найду ихъ тамъ въ Октябрѣ и привезу съ собою. Безъ меня они должны тамъ лежать цѣлую зиму. Можетъ быть однакоже найду я способъ достать ихъ изъ ящиковъ и велѣть переслать изъ Москвы къ тебѣ. Они адресованы не къ дядюшкѣ, который добрый пріятель, но худой коммиссіонеръ.

Между тѣмъ въ письмѣ къ Дазеру при семъ прилагаемомъ содержится вексель въ $^4/_m$ р. Ты отдай письмо сіе сама, или пошли съ самымъ вѣрнымъ человѣкомъ. Деньги сіи также будутъ въ твоемъ распоряженіи. Между тѣмъ Дазеръ отдастъ ихъ въ банкъ. Это долгъ тѣхъ же самыхъ Английскихъ миссіонеровъ, о коихъ прежде я писалъ.

Прилагаю здѣсь (¹) отвѣтъ Г-ну Поггенполю и письмо къ графу Нессельроду объ Андреѣ Карловичѣ; онъ долженъ самъ ему представить его когда въ Петербургъ пріѣдетъ. Между тѣмъ я съ симъ же фельдъегеремъ писалъ къ Графу Нессельроду и просилъ его о семъ молодомъ странникѣ усердно.

У насъ здѣсь весна совершенная. Мы собирались отправиться въ путь въ теченіи сего мѣсяца; но теперь спѣшить не куда и я проживу здѣсь еще съ мѣсяцъ. Въ Тобольскъ я пріѣду къ осени. Лѣто же проведу въ путешествіи по Южной Сибири, коей одну только часть я видѣлъ. Можетъ быть сіе путешествіе освѣжитъ и разсѣетъ мои мысли. Дай Богъ. Прощай моя милая, Господь съ тобой. Излишнимъ считаю напоминать тебѣ, что ты не должна роптать ни на кого, а особливо въ письмахъ. Это воля Божія. Можетъ быть и всё къ лучшему. Не можетъ быть, но вѣрно къ лучшему въ порядкѣ вещей высшемъ.

Что это за Енисейскій купецъ, который къ тебѣ является (²). Я его не помню. Я писалъ къ тебѣ одно письмо съ купцомъ Иркутскимъ, съ Трапезниковымъ. Какъ по крайней мѣрѣ зовутъ его?

54.

Иркутскъ 19-го Мая 1820.

Я получилъ вчера чрезъ Американскую контору престарое письмо

(¹) Передумалъ; прилагаю ихъ къ письму Марьи Карловны С.

(²) См. выше письмо 35-е отъ 23 Генв. 1820.

твое, любезная моя Елисавета отъ 23 Февраля, съ письмомъ отъ Жерве, съ газетами и книжками. За намѣреніе благодаренъ; но и газеты и книжки остаются не развернуты. Равнодушіе, холодность моя ко всѣмъ происшествіямъ съ лѣтами и опытомъ возрастаютъ. Все это потерянное время. Совсѣмъ къ другимъ сценамъ, къ сценамъ высшаго рода я долженъ себя готовить. На землѣ же для меня есть одна только точка интересная: ты. Но и ты перестанешь меня привязывать къ землѣ, какъ скоро я увижу, или услышу что земное твое положеніе устроено и что можешь ты итти и безъ меня. Тогда я скажу: нынѣ отпущаеши раба твоего съ миромъ. Не вводи меня въ составъ земной твоей участи, всякъ, кто привязывался ко мнѣ — страдалъ — болѣе или менѣе. Таковы суть тайныя судьбы Провидѣнія. Можно положительно утверждать, что всѣ друзья мои, исключая весьма немногихъ, суть земные страдальцы. Никогда, ни въ какую эпоху жизни не привязывались ко мнѣ душевно люди счастливые, да и самъ я къ нимъ не прикасался. Я утверждаю сіе по самымъ вѣрнымъ воспоминаніямъ. И здѣсь напримѣръ кто истинные друзья мои? Колодники и чернь. Такъ было, такъ есть и такъ должно быть.

Прощай моя милая; Господь съ тобою.

55.

Иркутскъ 28-го Мая 1820.

Mille remerciemens, chère Sophie, pour la lettre que Lise avoit commencée et que vous avez finie. La communauté des biens est une très belle chose et surtout quand l'amitié s'en mèle. Un bras malade est bientôt supplée par la main d'une amie. Et ces sortes de supplemens peuvent aller trés-loin et s'étendre même aux yeux, au nez etc., etc. Je vous conseille même d'essayer de vous suppléer mutuellement pour le manger; peut-être cela vous reussira (¹).

Какъ бы то ни было, но сіе двухъязычное письмо могло бы меня обезпокоить, если бы съ тою же почтою не получилъ я другаго твоего письма, любезная моя Елисавета отъ 1-го Апрѣля, гдѣ столь яркими красками изображаешь ты богиню твою надежду: знакъ что ты здорова: ибо сія прелестная богиня рѣдко посѣщаетъ болящихъ; одинъ недостатокъ; другой, что она любитъ юность, пристрастна къ ней одной и рѣдко благопріятна къ намъ старикамъ. Я говорю рѣдко: ибо желаю имѣть и дѣйствительно имѣю право на исключеніе. Кисть твоя дѣйствительно прекрасна и легка; даже и дѣдушка ей улыбнулся: ибо иногда, чтобъ развести его морщины, я читаю ему нѣкоторыя мѣста твоихъ писемъ — разумѣется, когда онъ не очень мраченъ, да и то нѣкоторыя; ибо дружба имѣетъ свои и весьма большіе степени.

Я читалъ твое *solo* объ Исландіи. Вообрази, что я ничего почти о ней не знаю. Это страна новыхъ для меня открытій. Но можетъ быть мы откроемъ въ Сибири новую Исландію. Ко мнѣ прислали цѣлыя двѣ партіи молодыхъ морскихъ офицеровъ для открытій по Ледовитому морю (²). На сихъ дняхъ отправляю ихъ въ

(¹) Тысячу разъ благодарю, дорогая Sophie, за письмо, начатое Лизою и вами оконченное. Общность имущества—прекрасная вещь, и особенно, когда къ нему примѣшивается дружба. Рука больная тотчасъ восполняется рукою подруги, и эти восполненія могутъ идти очень далеко и даже простираться до глазъ, носа и пр. Я вамъ совѣтую даже испробовать замѣнить другъ друга при ѣдѣ. Быть можетъ это вамъ удастся.

(²) Въ числѣ ихъ были: баронъ Врангель, Анжу и Матюшкинъ.

путь къ бѣлымъ медвѣдямъ. Есть дѣйствительно признаки большаго острова, а можетъ быть и земли соединяющей Сибирь съ Америкой. Со временемъ можно будетъ ходить пѣшкомъ чрезъ Иркутскъ въ Бостонъ или Филадельфію.

Отправивъ мои письма съ фельдъегеремъ я успокоился. Resignation! мнѣ не привыкать къ тебѣ. Но писемъ твоихъ въ отвѣтъ буду ожидать съ нетерпѣніемъ. Мнѣ хочется, по крайней мѣрѣ знать планъ твоей жизни на цѣлый годъ безнадежнаго свиданія. Богиня твоя мила; но какъ вѣроломна!

56.

Иркутскъ 2 Іюня 1820.

Носить за друга бремя горести и стихъ и дѣло прекрасное; вообще стихи твои, любезная моя Елисавета, посвященные Сонюшкѣ суть вдохновеніе не поэзіи, но дружбы; они просты, плавны и искренни, какъ она.

Когда встрѣтишься съ Бутягинымъ (*) въ Іюлѣ, поклонись ему отъ меня и увѣрь, что я точно не въ Петербургѣ и напротивъ половину Іюля проведу въ Иркутскѣ. Я дѣйствительно на сіе рѣшился какъ потому, что спѣшить мнѣ болѣе некуда, такъ и потому, что здѣшній климатъ лучше, нежели во всѣхъ другихъ городахъ Сибири. — Весна здѣсь полная; въ Апрѣлѣ началась и по сіе время продолжается. Дѣйствительно рѣдкое явленіе даже и въ Россіи. — Мнѣ иногда досадно, что климатъ тутъ въ противорѣчіи и съ людьми и съ моими мыслями. Но сія глупая досада при первомъ взглядѣ на цвѣтущія деревья исчезаетъ. Желалъ бы я прислать тебѣ въ письмѣ здѣшнюю яблоню. Вся почти въ цвѣтѣ; листовъ не видно; а яблоки на ней величиною съ бруснику; имѣютъ однако же все образованіе, всѣ притязанія настоящихъ яблокъ. Для умовъ нѣкотораго разбора они могли бы служить поучительною эмблемою.

Прощай моя милая; Господь съ тобою.

(*) Павелъ Степановичъ Бутягинъ, коллежскій совѣтникъ и камеръ-юнкеръ, служилъ въ Государственной Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ. Онъ нѣкогда былъ очень любимъ въ Петербургскихъ салонахъ.

57.

Иркутскъ 9-го Іюня 1820.

Легко понимаю, любезная моя Елисавета, какъ тяжело разставаться съ умнымъ человѣкомъ, особливо если онъ имѣетъ пріятность разговора, пріятность на которую всѣ имѣютъ притязаніе, и которою рѣдкіе обладаютъ. Уединеніе ума всё однако же лучше, нежели пустое и безвкусное его развлеченіе. Я привыкъ здѣсь къ сему уединенію; не съ кѣмъ слова промолвить. Словцовъ, одинъ здѣсь умный и нѣкогда острый человѣкъ, боленъ и старъ. Это потухающій огонекъ, который изрѣдка только вспыхнетъ. Правда, что и въ Пензѣ участь моя съ сей стороны, особливо по вашемъ отъѣздѣ, была не завидна.

Весьма много меня обяжешь, если окончишь Итальянскій свой языкъ. Это старый и единственный долгъ, который у меня на тебѣ остался; я увѣренъ въ твоей честности; тебѣ же это ничего не стоитъ; четыре мѣсяца и все будетъ кончено. Не жалѣй денегъ; найми учителя. Я достовѣрно знаю, что онъ нуженъ тебѣ на два или на три мѣсяца. Тутъ нельзя разориться. — Кстати объ Италіанскомъ языкѣ. Ты ничего мнѣ не пишешь о твоемъ пѣніи. Какъ жалко, что люди

такъ глупы, что не слышатъ въ твоемъ голосѣ будущаго его раскрытія, не знаютъ цѣны его timbre, который требуетъ только упражненія и гибкости. — Не кому слушать и я очень понимаю, что и пѣть для глухихъ не хочется; но пой для меня и вѣрь, что за $^{6}/_{m}$ верстъ я услышу.

Ты сбираешься на дачѣ читать всеобщую исторію. Теперь съ Сегюромъ (Segur) нѣтъ отговорки не знать ее наизустъ. Онъ умѣлъ сдѣлать изъ нее классическую книгу. Купи ее; она и для меня пригодится; но купи хорошаго изданія и въ добромъ переплетѣ, чтобъ она могла оставаться въ Библіотекѣ. Я узналъ ее здѣсь въ Иркутскѣ и нашелъ ее у Словцова.

Прощай моя милая. Господь съ тобою.

58.

Иркутскъ 13-го Іюня 1820.

Вотъ курьеръ, любезная моя Елисавета, а у меня послать къ тебѣ нечего; всѣ вещи мои давно уже отосланы и теперь плаваютъ по рѣкамъ Сибирскимъ. Даже и чаю нѣтъ, кромѣ обыкновеннаго.

Пишу къ тебѣ чрезъ Аркадія Алексѣевича потому, что курьеръ найдетъ его скорѣе, нежели тебя. Сей курьеръ, глупый человѣкъ, не зналъ, что у меня есть дочь въ Петербургѣ, не привезъ мнѣ ни одного письма.

Съ минувшею почтою получилъ я твое письмо, въ коемъ ты извѣщаешь о продажѣ дома. Доброе дѣло и сверхъ того мнѣ такъ пріятно видѣть тебя хозяйкою! Я увѣренъ, что ты большой ошибки не сдѣлаешь, а небольшую если и сдѣлаешь: то Богъ проститъ: ибо все твое; моихъ нуждъ никогда въ счетъ принимать тебѣ не должно. Слава Богу! они каждый день сокращаются: ибо каждый день есть шагъ изъ сего міра. Почти жаль, что твой путь еще столь длиненъ; сокращай его мыслію о будущемъ.

Куда завела меня мысль о продажѣ дома? Кажется очень далеко и однако же очень близко. Чтобъ возвратиться однако же отъ вѣчности къ Таврическому саду, я считаю нужнымъ тебѣ примѣтить, что домъ сей заложенъ у Баташевой въ $^{50}/_{т}$ рубляхъ и слѣдовательно изъ цѣны его необходимо должно заплатить ей сіи $^{50}/_{т.}$ р. (*). Въ семъ то и состоитъ выгода всякаго покупщика: ибо по всей вѣроятности всякому, хотя не много значительному лицу, она можетъ отсрочить и потому наличныхъ денегъ въ покупкѣ нужно не много. Заплативъ сіи $^{50}/_{т.}$ р. я останусь ей долженъ всего около $^{50}/_{т.}$ р. и сей долгъ уже есть послѣдній. Я увѣренъ, что она платежа сихъ остальныхъ $^{50}/_{т.}$ р. настоятельно не потребуетъ, а если бы и потребовала: то Аркадій Алексѣичъ дѣло сіе сладитъ и уговоритъ ее или повѣреннаго ея къ отсрочкѣ. По сему остальныя деньги отъ продажи дома будутъ въ твоемъ расположеніи. Ихъ должно отдать къ Дазеру, нашему банкиру. Они у него будутъ вмѣстѣ съ прочими до времени въ вѣрныхъ рукахъ и принося вѣрный доходъ. Не должно ввѣрять ихъ болѣе никому, какъ бы ни прельщали тебя вѣрностію или большими процентами. Гдѣ большіе проценты: тамъ опасность и отвага; а намъ отваживать и некогда и не кстати. Если удастся продать домъ за $^{75}/_{т.}$ р. тогда остатокъ будетъ составлять около $^{25}/_{т.}$. Приложивъ его къ тѣмъ денегамъ, кои находятся у Дазера, будетъ у тебя на всякій даже и важный случай порядочный запасъ.

(*) И возвратить отъ нее закладную, безъ коей и купчей крѣпости совершить будетъ нельзя.

Хотя и есть вѣрющія письма на продажу дома и у Аркадія Алексѣича и можетъ быть у Петра Григорьича, тѣмъ не менѣе, я не излишнимъ счелъ доставить къ тебѣ и особенное вѣрющее письмо на твое имя.

Поповъ хотя и мнителенъ и не расторопенъ, но по дѣламъ мнѣ всегда онъ былъ вѣренъ. То же можно сказать и о Масальскомъ, кромѣ крайней его отлагательности; но онъ никогда меня не обманывалъ и какъ бы другіе ни судили, ко мнѣ онъ всегда былъ вѣренъ.

Прощай, моя милая, чрезъ два дня съ почтою писать къ тебѣ буду. Господь съ тобою.

59.

Иркутскъ 16-го Іюня 1820.

Есть дни, любезная моя Елисавета, въ которые мнѣ писать къ тебѣ, кажется, нечего. Голова такъ пуста или такъ занята дѣлами (что для меня почти одно и тоже), что съ трудомъ или горестію къ тебѣ умъ обращается. Писать въ семъ расположеніи есть писать однѣ жалобы; а я сто разъ запрещалъ себѣ всякое роптаніе.

Не благодарно было бы приписать сіе времени или здѣшнему климату. Напротивъ и время и климатъ здѣсь прекрасны. Вообще сторона довольно пріятная для жизни, если бы можно было уединить и оторвать сердце и воображеніе отъ естественныхъ ихъ связей. Счастіе и несчастіе суть тайна; никто со стороны угадать ее не можетъ кромѣ тѣхъ, кои ихъ съ нами раздѣляютъ.

Съ курьеромъ возвращающимся я писалъ къ тебѣ подробно о домѣ. Прибавить кажется нечего. Я надѣюсь, что по сіе время дѣло сіе уже кончено, или близко къ окончанію.

Прощай, моя милая, Господь съ тобою.

Я не помню, писалъ ли я къ тебѣ, что твой дядюшка поселился въ Пензѣ. Отъ него писемъ еще я не имѣю; но его туда ожидаютъ.

60.

Иркутскъ 23 Іюня 1820.

Я получилъ отъ тебя, любезная моя Елисавета, полтора письма на прошедшей недѣлѣ. Половину письма съ почтою: ибо другой листъ остался по ошибкѣ у тебя и цѣлое письмо съ Енисейскимъ твоимъ купцомъ. Я совсѣмъ о немъ позабылъ; это просто мѣщанинъ; но очень добрый человѣкъ. И онъ и товарищъ его не могутъ тобою нахвалиться и безъ слезъ не могутъ вспомнить, что *такіе высокіе люди*, какъ Елисавета Михайловна и Марья Карловна такъ съ ними были ласковы, это ихъ слова.

Болѣзнь руки твоей (отъ 5-го Марта) потому только меня не безпокоитъ, что послѣдующія письма удостовѣряютъ, что она прошла. Не понимаю, что это за болѣзнь. У тебя не можетъ быть ревматизма.

Напрасно ты не досказала мнѣ, чего ты хочешь отъ меня о Сонюшкѣ; это не политика, слѣдовательно писать можно. Если на почтѣ и прочитаютъ, то бѣда не большая. Если бы были Иркутскія газеты, то я сталъ бы печатать въ нихъ мои и твои письма.

У меня вчера былъ прощальный обѣдъ, какой въ Сибири только быть можетъ. На одной сторонѣ сидѣлъ архимандритъ и свита его сегодня отправившіеся въ Пекинъ, на восточный конецъ свѣта. На другой сторонѣ трое молодыхъ морскихъ офицеровъ, также сегодня отправившіеся

на Ледовитое море къ бѣлымъ медвѣдямъ, къ самому полюсу. Двѣ сіи противоположныя по всѣмъ видамъ экспедиціи оставляютъ отечество одна на пять, другая на десять лѣтъ почти безъ сожалѣнія, даже съ нѣкоторымъ удовольствіемъ. Это дополненіе къ твоему письму и къ разсказамъ Енисейскихъ твоихъ странниковъ. Я думаю, Сибирь есть настоящая отчизна Донъ-Кихотовъ. Въ Иркутскѣ есть сотни людей бывшихъ въ Камчаткѣ, на Алеутскихъ островахъ, въ Америкѣ съ женами ихъ и дѣтьми и они все сіе расказываютъ, какъ дѣла обыкновенныя. Человѣкъ ко всему привыкаетъ, а привычка къ странствованію, къ тому чтобъ искать похожденій, кажется, еще скорѣе другихъ приходитъ.

Прощай, моя милая; Господь съ тобою.

61.

Иркутскъ 30 Іюня 1820.

И такъ пророчества мои сбываются; мозгъ твой сохнетъ, любезная моя Елисавета, ты сама сіе чувствуешь и попеченіе твое о хозяйствѣ доказываетъ сіе съ очевидностію. Благодаря тебѣ, съ продажею дома мы свободимся отъ долговъ и будемъ хоть и не богаты, но независимы. Всѣ расчеты должны привести Дубенскаго къ сей покупкѣ;я давно твердилъ о семъ Сталыпину; но онъ не хотѣлъ или не умѣлъ за сіе приняться. — Можетъ быть и часъ еще не ударилъ: ибо важная вещь во всѣхъ дѣлахъ, знать часъ.

Понимаю, другъ мой, всю твою потерю въ Погенполлѣ. Знаю общество твое совершенно. Но что же дѣлать? вотъ вопросъ, который девять лѣтъ сряду мы дѣлаемъ другъ другу и девять лѣтъ не находимъ ему отвѣта.

То, что ты говоришь о Графѣ Румянцовѣ есть дѣйствительно для меня новость. Но изъяснить ее не трудно. Кто жалуется на несправедливости человѣческія: тотъ указываетъ на меня. Въ высшихъ отношеніяхъ вѣчной истины лучше быть жертвою, нежели жрецомъ.

Маврина и при мнѣ уже близка была къ разрушенію; но я не желалъ бы, чтобъ рѣшили судьбу прежде моего возвращенія.

Радъ, что я изъ Иркутска познакомилъ тебя съ письмами Софіи. Пусть они напоминаютъ тебѣ Великополье: счастливѣйшее время моей жизни, когда я занимался только Богомъ и тобою. Бѣдность грозя желѣзнымъ своимъ прутомъ, одна могла меня оттуда выгнать.

Прощай моя милая; Господь съ тобою.

62.

Иркутскъ 7-го Іюля 1820.

Благодаренъ, весьма благодаренъ тебѣ, любезная моя хозяйка, за продажу дома. Чего не можно сдѣлать изъ здраваго смысла? Это золото, принимающее всѣ формы; изъ него все выливается; тягучесть его непостижима. Я долго занимался твоими дѣлами; справедливость требуетъ, чтобъ ты занялась теперь и своими и моими. Я увѣренъ, что отъ сего они пойдутъ не хуже.

Продажа весьма выгодна и точно такова, какъ я представлялъ себѣ въ самыхъ лестныхъ моихъ мечтаніяхъ. Я радъ, что при томъ и Петръ Григорьичъ оправдался въ глазахъ твоихъ; я точно такъ всегда его видѣлъ: лѣнивымъ, несноснымъ, но усерднымъ въ случаяхъ рѣшительныхъ. О расположеніи денегъ я уже писалъ къ тебѣ. Если Баташева потребуетъ, чтобъ отданы ей были всѣ деньги

полученныя за домъ, то и въ семъ не можетъ быть большаго затрудненія: тогда вмѣсто 50/т. я останусь ей долженъ только 25/т. бездѣлка въ сравненіи съ тѣмъ, что было и впрочемъ и сей долгъ я въ состояніи нынѣ же заплатить такъ, что съ продажею дома можно положительно сказать, что я ничего не долженъ и все имѣніе наше чисто. Дай Богъ, любезная моя Елисавета, никогда не знать тебѣ долговъ. Это особенный родъ душевнаго страданія, который ни съ чѣмъ не сходенъ, который не на всѣхъ дѣйствуетъ; но когда дѣйствуетъ: то превращается въ зубную боль. Суди же по сему, какъ я тебѣ благодаренъ. Ты лучше всѣхъ Соссеротовъ, ибо лѣчишь безъ боли. Впрочемъ имѣніе наше все въ наилучшемъ положеніи; оно ничего не имѣетъ блистательнаго; но всѣ части его тверды и не представляютъ ни малѣйшей отваги (risque). Такъ всегда я желалъ его имѣть. Ни деревня, ни земли сгорѣть не могутъ; не могутъ даже быть и разорены при всемъ неустройствѣ. Изъ Пензы по сему предмету получаю я одни пріятныя извѣстія. Тамъ все идетъ просто, беззаботно и можетъ такъ итти, хотя бы мы съ тобою были за тридевять земель: ибо все основано не на машинахъ, не на выдумкахъ и искусственныхъ заведеніяхъ: но на матери-землѣ — всегда движущейся и всегда для насъ неподвижной. Въ нравственномъ мірѣ такова надежда всегда измѣняющаяся въ своихъ видахъ, но всегда постоянная въ существѣ: ибо якорь ея брошенъ на небѣ.

Поздравляю тебя, моя милая, и съ другимъ добрымъ дѣломъ а именно съ тѣмъ, что ты даешь уроки въ русскомъ языкѣ. Ничто такъ не остритъ, не раскрываетъ всей тонкой мозаики языка, какъ сей родъ упражненія. Десять разъ прочитаешь одно и не примѣтишь ошибки; а уча примѣтишь ее съ перваго взгляда. Я предполагалъ, что ты будешь съ нею читать и грамматику. Среди прекрасныхъ мыслей и самыхъ живописныхъ выраженій у тебя еще вырываются нѣкоторыя ошибки въ языкѣ—слѣдствіе твоего младенчества—такъ точно младенчества. Такова сила первоначальнаго языка. Правда, что ихъ весьма мало и всѣ они маловажны; но есть. И напримѣръ въ послѣднемъ письмѣ сказано „Братъ его не имѣетъ ни ум*ъ* его ни способности" то есть: ни ум*а*, ни способност*ей*. Это тѣмъ хуже, что сказано о Поггенполѣ младшемъ; *и тутъ il faut être correcte* (*). Извините, Елисавета Михайловна.

Я уже изъяснялъ тебѣ, какимъ образомъ неблагородная богиня — Надежда еще разъ насъ обманула. Но теперь и она, бѣдная, совсѣмъ невиновна. Путешествіе заграничное все изъясняетъ самымъ простымъ образомъ. Меня огорчали нравственныя послѣдствія, кои могъ я предполагать и выводить изъ сей перемѣны перрыхъ намѣреній. На необходимость же было было бы глупо и безполезно гнѣваться. Укажи мнѣ необходимость и я спокоенъ. Теперь она указана ясно. Впрочемъ продолженіе разлуки нашей четырьмя мѣсяцами болѣе, въ томъ счетѣ, къ коему судьба насъ уже пріучила, не дѣлаетъ большой разницы.

Отвѣтъ на сіе письмо я получу ранѣе: ибо я поѣду къ нему на встрѣчу. 1-го Августа я положилъ непремѣнно отсюда отправиться въ Тобольскъ.

Прощай моя милая; Господь съ тобою.

(*) Надо быть точною.

63.

Иркутскъ 14-го Іюля 1820.

Надобно любезная моя Елисавета, чтобъ ты испытала всѣ роды огорченій, узнала всѣ разнообразія характеровъ. Демонъ домашняго несогласія конечно есть одинъ изъ злѣйшихъ и хотя онъ для тебя не новъ; но въ первое его явленіе ты не имѣла еще довольно зрѣлости и ума, чтобъ узнать его въ подробности. Теперь ты можешь на него наглядѣться и различить всѣ черты его, чтобъ послѣ быть въ состояніи узнать его по первому взгляду, какъ бы онъ ни скрывался.

Что значитъ добродушіе темперамента? Старость, болѣзнь, припадокъ и оно исчезло. И понеже большая часть людей добродушныхъ суть таковы существенно по темпераменту: то для сего-то я всегда твердилъ и впредь твердить буду о здоровьѣ. Гдѣ нѣтъ высшихъ нравственныхъ навыковъ и понятій: тамъ здоровье есть единственный залогъ спокойствія, мира и дружбы. Болѣзнь вообще омрачаетъ мысли. Но въ людяхъ нравственныхъ вся горесть кроется внутри; они страждутъ; но не заставляютъ страдать другихъ.

Впрочемъ это почти обыкновенно случается съ людьми, кои всю жизнь свою просмѣялись. Подъ старость они или плачутъ, или сердятся. Лучше плакать или по крайней мѣрѣ лечиться, если есть лекарство отъ старости. Вотъ что значитъ пускаться въ путь жизни безъ запаса молитвы или по крайней мѣрѣ навыковъ и вкусовъ къ изящному. Сіе вкусы остаются намъ вѣрными даже и тогда, какъ старость клюкою своею отгонитъ всѣ смѣхи и обыкновенныя глупости и погремушки жизни. Добрая книга, умный разговоръ, вкусъ къ музыкѣ, словомъ науки суть ангелы хранители добрыхъ нравовъ, когда нѣтъ другихъ ангеловъ лучшихъ и сильнѣйшихъ— ангеловъ религіи и молитвы.

Впрочемъ твое искусство въ настоящемъ положеніи все состоитъ въ томъ, чтобъ ни во что не мѣшаться и сколь можно быть просто зрителемъ всѣхъ сихъ явленій. И въ самомъ дѣлѣ ты зритель весьма худой мелодраммы. Правда, что зрѣлище слишкомъ продолжительно; но тѣмъ не менѣе оно точно зрѣлище; піеса будетъ вѣроятно продолжаться до самой смерти актеровъ. Но ты наконецъ оставишь сей театръ и дѣло тѣмъ кончится. Марья Карловна также выйдетъ изъ него вмѣстѣ съ тобою и съ Сонюшкою. Какой бы жребій нашъ ни былъ: но мы съ ними подѣлимся. Послѣ чего даже и Софья Иванова будетъ покойнѣе: ибо расположенія сего рода умягчаются разлукою и рѣдкимъ свиданіемъ.

Если бы однако же противъ моего чаянія обстоятельства ваши дошли до нетерпимости: то отъ васъ, то есть отъ тебя и отъ Марьи Карловны зависитъ и прежде моего пріѣзда отдѣлиться. Къ сему не болѣе надобно какъ рѣшимость. Ты снимешь всю вину на себя. Марья Карловна будетъ имѣть видъ принужденія и слѣдовательно самое злословіе не найдетъ тутъ возможности къ ней прикоснуться. Ты же не обязана жить въ чужомъ домѣ и можешь имѣть свой. Къ составленію его ты найдешь почти все нужное въ остаткахъ нашего Пензенскаго дома и Великопольскаго. Сіи послѣднія должны быть въ кладовыхъ Андрея Андреича; они туда отправлены Поповымъ. Остатки же Пензенскаго дома должны уже къ тебѣ по сіе время прид-

ти изъ Москвы. Такъ проживете вы до Марта; а тамъ мы устроимъ уже вмѣстѣ все окончательно.

Я положилъ оставить Иркутскъ непремѣнно 1-го Августа. Отсюда получишь ты еще двѣ почты. Утѣшаюсь по крайней мѣрѣ тою мыслію, что въ Сентябрѣ буду къ тебѣ ближе $^3/_т$. верстъ. Цѣлою половиною; и буду получать твои письма не чрезъ шесть, но чрезъ три недѣли.

Прощай моя милая; Господь съ тобою.

64.

Иркутскъ 21-го Іюля 1820.

Поздравляю, любезная Елисавета, съ новымъ знакомствомъ Walter Scott. Я думаю у стихотворцовъ то есть у истинныхъ поэтовъ есть предчувствіе; они знаютъ другъ друга никогда не видавшись. Мудрено-ли, что онъ угадалъ и бытіе твое и чувства?

Шатобріанъ есть великій волшебникъ. Францiя имѣла только двухъ истинныхъ поэтовъ; Фенелона и его. Прочіе не исключая и Расина суть остроумные люди; но ни въ одномъ изъ нихъ нѣтъ искры сильнаго воображенія. Можетъ быть цѣпи, коими они себя оковали, подавили естественный ихъ талантъ; но то справедливо, что никогда не воспламенятъ они воображенія читателей. Смѣшиваютъ удовольствіе разума съ восторгомъ; это двѣ вещи совсѣмъ разныя.

Но сей самый высокій, парящій Шатобріанъ есть простой площадной враль въ политикѣ. Таковъ былъ Нютонъ за Апокалипсисомъ. Разсудокъ пріобыкшій къ высокимъ созерцаніямъ изящнаго рѣдко можетъ приспособить себя къ грубымъ вещественнымъ формамъ міра физическаго или политическаго. Слѣдовательно ошибки тутъ происходятъ не отъ недостатка разудка, но отъ свойствъ его. Есть свой разсудокъ для поэтовъ и свой для политиковъ. Словомъ разсудокъ есть слѣдствіе таланта и имъ образуется. Кстати о Фенелонѣ; тебѣ предлежитъ великое удовольствіе, это есть читать Телемака. Ты удивишься, что книга, которую ты вѣрно сто разъ имѣла въ рукахъ, есть для тебя теперь книга совершенно новая. Такъ по крайней мѣрѣ было со мною, когда я читалъ ее. Великая книга для всѣхъ и особенно для государей.

Мы въ хлопотахъ обыкновенныхъ сборовъ къ путешествію. Напишу къ тебѣ отсюда еще два письма и тѣмъ заключу 11-ти мѣсячное мое пребываніе въ Иркутскѣ.

Прощай моя милая; Господь съ тобою.

65.

Иркутскъ 28-го Іюля 1820.

Письмо твое, любезная моя Елисавета, исполненное надеждъ близкаго свиданія раздираетъ мою душу. Ты уже знаешь какъ надежды сіи разрушились. Упрекаю себя, что преждевременно и самъ повѣрилъ и тебѣ ихъ сообщилъ. Но они казались вѣрными. Я забылъ, что нѣтъ въ судьбѣ моей ничего вѣрнаго, кромѣ вѣчности. Она одна не зыблется и не зависитъ отъ мнѣній человѣческихъ.

Дядюшка твой дѣйствительно поселился въ Пензѣ; это лучшее, что могъ онъ сдѣлать: ибо опытъ ему показалъ, что лечиться и жить невоздержно, есть мечта: а воздержаніе для него есть вещь невозможная. Онъ очень худо сдѣлалъ, что обратился къ тебѣ съ требованіемъ долгу на Софьѣ Ивановнѣ. Онъ долженъ былъ знать ея положеніе. Ты весьма умно сдѣлала не сказавъ ей о семъ. Я пе-

ревелъ отсюда къ нему въ Пензу пять тысячь рублей; кажется довольно на обзаведеніе и устройство его дома. Хлѣбъ и припасы онъ будетъ имѣть изъ деревни. Слѣдовательно можетъ жить покойно, если будетъ разсудителенъ и умѣренъ. Впрочемъ я запретилъ ему вступаться въ управленіе нашей деревни. Онъ не имѣетъ довольно для сего ни разсудка, ни постоянства. Управленіе остается по прежнему у Андрея Сергѣича Мартынова и я всѣ причины имѣю быть имъ довольнымъ.

Пѣсенка твоя къ Мечтѣ прекрасна: есть одна ошибка или описка: *тяжка горесть одинако*; одинокой (*т.е. мнѣ*): ибо одинакій и одинокій есть разница; первый есть le même, uniforme, одинакого росту, одинакого цвѣту; второй есть solitaire, isolé. Вотъ тебѣ цѣлая диссертація объ одной буквѣ *о*. Впрочемъ слово одинокій взято изъ деревни и можетъ быть употребляемо только въ простомъ легкомъ слогѣ. Много есть деревенскихъ словъ весьма выразительныхъ и жаль что они не приняты въ высшія сообщества. Это есть одна изъ тысячи человѣческихъ несправедливостей.

Прощай моя милая; чрезъ два дня еще писать къ тебѣ буду и тѣмъ заключу письма мои къ тебѣ изъ Иркутска. Господь съ тобою.

66.

Иркутскъ 1-го Августа 1820.

Одинадцать мѣсяцовъ письма мои къ тебѣ, любезная моя Елисавета, имѣли сію траурную надпись: *Иркутскъ*. Сіе письмо будетъ отсюда послѣднее. Пишу въ самый день отъѣзда въ обыкновенныхъ хлопотахъ и окруженъ народомъ. Надѣюсь писать къ тебѣ съ будущею почтою изъ Томска.

Все, что есть въ сердцѣ моемъ вѣры и надежды нужно было собрать, чтобъ читать письмо твое отъ 19-го Іюня, въ коемъ твердость упованія твоего борется съ вѣстьми отъ меня дошедшими. Надобно, чтобъ новость сія пришла къ тебѣ изъ Иркутска. Ни одинъ изъ друзей моихъ не имѣлъ ни разума, ни сердца предупредить и смягчить первое впечатлѣніе. Я не жалуюсь на нихъ; но поведеніе ихъ весьма поучительно.

Впрочемъ духъ мой не упадаетъ. Мнѣ надобно еще перенесть двѣ, или три почты, когда идеи твои установятся и сладостная улыбка покорности замѣнитъ мѣсто перваго волненія. По счастью я буду въ дорогѣ; а дорога есть лучшее для меня успокоеніе. Тутъ я одинъ съ моими мыслями и сей родъ бытія всегда имѣлъ для меня прелесть неизъяснимую.

Прощай, моя милая, Господь съ тобою.

67.

Красноярскъ 7-го Августа 1820.

Въ теченіи одной недѣли я получилъ три письма твои, любезная моя Елисавета; послѣднее отъ 1-го Іюля.

Первое движеніе мое во всякой глубокой душевной скорби есть бѣжать въ горнее мое отечество. Въ семъ расположеніи мыслей я стараюсь скорѣе распорядить земныя дѣла мои и сдѣлать послѣднее мое завѣщаніе и какое другое могу я имѣть дѣло на землѣ, кромѣ твоего счастія? Письмо мое къ тебѣ было въ существѣ своемъ не что иное, какъ вопросъ: можешь ли ты найти другаго въ жизни спутника кромѣ меня, меня, который по странному сцѣпленію судьбы, вмѣсто того чтобъ тебя вести, запинаетъ твой путь. За

шесть тысячь верстъ я не могъ разрѣшить сего вопроса. Ты еще не знаешь всей заботливости, всей тонкости отеческаго сердца. Нѣкоторыя черты твоихъ писемъ открывали мнѣ, что нѣчто лежитъ у тебя на сердцѣ; я не могъ опредѣлить, что именно. Я видѣлъ четыре дѣйствующія лица; но не зналъ, какъ ихъ сложить. Все что могъ и долженъ былъ я сдѣлать, было предоставить тебѣ полную свободу, разрѣшить тебя на всѣ случаи, увѣрить, что одно знаніе, одинъ слухъ о твоемъ счастіи есть уже для меня дѣйствительное счастіе. Я долженъ былъ сіе сдѣлать потому, что въ любви къ тебѣ не имѣю я никакого самолюбія, и что жертвуя всѣмъ я желаю одного—чтобъ ты была неприкосновенною, чтобъ на одного меня излили все, что есть горестнаго въ судьбѣ моей. Я не могу чувствовать радостей жизни безъ тебя. Но могу жить и безъ радостей; одного желаю и прошу у Бога, чтобъ ты была счастлива. Вотъ содержаніе письма моего. Никогда не перестанешь ты меня *привязывать къ землѣ*, доколѣ желаніе сіе не совершится и если бы должно было еще пять разъ быть въ Сибири, я чувствую себя въ силахъ все перенесть безъ ропота и безъ ослабленія. Я писалъ въ семъ же смыслѣ къ Марьѣ Карловнѣ. Но она поняла меня иначе. Тутъ не личной своей свободы я ищу—куда мнѣ ее дѣвать? Ищу одного, чтобъ ты не была жертвою моихъ обстоятельствъ, чтобъ не мѣшать тебѣ въ путяхъ жизни Провидѣніемъ тебѣ предназначенныхъ — словомъ чтобъ ты была неприкосновенною; но не отдѣльною: ибо мысль отдѣлить мое бытіе отъ твоего счастія есть выше всего моего терпѣнія.

Впрочемъ въ самыхъ обстоятельствахъ моихъ съ того времени многое прояснилось. Мысли мои были слишкомъ предупредительны; я смотрѣлъ не столько на отсрочку, сколько на ея послѣдствія и побужденія. Нашлось, что я хотѣлъ видѣть далѣе, нежели человѣку дозволено видѣть и я радъ, что на сей разъ ошибся.

Какъ желалъ бы я отсюда подать тебѣ руку помощи во внутреннихъ твоихъ чувствіяхъ. Одного прошу, отсрочь свои страхи и надежды. Въ Мартѣ или въ Апрѣлѣ мы разберемъ ихъ вмѣстѣ и вѣрно разберемъ лучше. Тотъ же самый совѣтъ давай и Сонюшкѣ. Тверди ей, что привязанности твердыя и основательныя укрѣпляются, а не разрушаются временемъ. Тверди ей, но не принимай на себя никакого посредства. Ты сама признала, что это неосторожно: а я прибавлю, что и опасно: ты сама не знаешь, куда можетъ тебя повести сей первый шагъ. Рѣшись тотчасъ перемѣнить линію твоего поведенія въ семъ дѣлѣ; лучше перемѣнить ее вдругъ, нежели исправить. Одобреніе М. Карл. тутъ не защита; она не знатокъ въ дѣлахъ сего рода и сверхъ того сердце матери есть само по себѣ источникъ разныхъ очарованій. Одного прошу, отстрочьте обѣ и страхи ваши и надежды. Тотъ, кто искренно любитъ мою Елисавету, долженъ по первому ея знаку прилетѣть съ того свѣта, иначе онъ ее не знаетъ или любовь его есть игра ума и воображенія. Участь Сонюшки не можетъ зависѣть отъ ветхихъ соображеній богатства; покуда я буду что нибудь имѣть, она не можетъ быть въ нуждѣ.

Мы продолжаемъ путь нашъ довольно успѣшно. Время намъ благопріятствуетъ. Прощай моя милая,—Читаю письмо твое и не могу довольно читать его; никогда горесть не изображалась столь глубоко, какъ

горести твои печатлѣются на моемъ сердцѣ. И я причиною всѣхъ сихъ горестей и я не могу искупить ихъ никакими жертвами! Вотъ ничтожество; оно все во мнѣ, а не въ тебѣ. Господь съ тобою.

68.

Томскъ 19-го Августа 1820.

Еще два письма отъ моей Елисаветы. Если бы и не было другой выгоды возвращаться съ востока на западъ: то одна встрѣча твоихъ писемъ стоила бы путешествія.

Послѣднія твои два письма припоминаютъ мнѣ Дюссека Consolation. Въ нижнихъ тонахъ, въ глубинѣ сердца слышенъ еще гулъ печали; но въ верхнихъ проявляется уже нѣкоторая радость и по крайней мѣрѣ надежда. Такъ время и разсудокъ утоляютъ всѣ печали. Впрочемъ должно отдать справедливость и обстоятельствамъ: они по старому начинаютъ улыбаться. Здѣсь получилъ я два положительныя письма, коими утверждается наше свиданіе въ Мартѣ, а можетъ быть нѣсколько и ранѣе. Подвяжи крылья симъ пяти или шести мѣсяцамъ. Фантазіи твоей это не будетъ стоить большаго труда; ты же не одна съ книгами и фортепіано Изъ шести мѣсяцовъ можно вычесть одинъ на путешествіе; а это уже полу-свиданіе.

Поздравляю съ прогулкою въ Петергофъ. Это участь всѣхъ прогулокъ сего рода и я не понимаю, какъ можно предпринимать ихъ два раза въ жизни.

Докторовъ вашихъ я велѣлъ остановить въ Тобольскѣ и тамъ имъ дамъ экзаменъ, разумѣется, не надъ собою. Ни одной капли лекарства не принималъ и не приму я въ Сибири. Обхожусь своимъ горькимъ чаемъ и своею діетою. Вообще лекарь для меня нуженъ только для разговора и для того, что я не могу самъ писать рецептовъ; но никогда никому изъ нихъ, кромѣ Вейкарта, я не вѣрилъ.

Мы пробудемъ здѣсь еще день и потомъ отправимся въ мѣста прекрасныя, говорятъ, но коихъ даже и имена мало извѣстны. Кто у васъ напримѣръ умѣетъ выговорить *Барнаулъ*? Оттуда вдоль Иртыша въ Тобольскъ. Быть можетъ, что въ семъ длинномъ пути какъ нибудь пропущу я почту; но за то письма мои изъ Тобольска будутъ приходить скорѣе.

Прощай моя милая; Господь съ тобою.

69.

Барнаулъ 24-го Августа 1820.

Мы оставили Томскъ 20-го Августа и чрезъ два дня очутились въ Барнаулѣ. Путь нашъ лежалъ прямо на полдень. Въ Сибири-ли мы? Едва можно вѣрить сему очарованію. Прекраснѣйшій климатъ, пріятнѣйшія мѣстоположенія, орошаемыя величественною, гордою, покойною Обью. За двѣ станціи до Барнаула встрѣтили насъ арбузы растущіе здѣсь на воздухѣ, величиною съ твою голову, а цѣною по 5-ти и 10-ти копѣекъ. Дыни здѣшнія также весьма вкусны. Словомъ это очарованіе. Какъ можно себѣ представить? Шесть дней тому назадъ мы были среди болотъ и лѣсовъ почти непроходимыхъ. Чувствовали уже не только осень, но даже почти и морозы, а здѣсь полное лѣто во всемъ блескѣ и роскоши растеній и все это вмѣстѣ есть Сибирь; вопіющее смѣшеніе и злоупотребленіе словъ. На каждомъ шагу здѣсь

встрѣчаешь пчельники и медъ здѣшній есть превосходнѣйшій, ароматный.

Здѣсь въ Барнаулѣ встрѣтилъ я чудака Кохрана*) Острота, бродяжничество, упрямство и вмѣстѣ безразсудное легкомысліе и несвязность предпріятій. Онъ кончитъ сумасшествіемъ и по моему мнѣнію есть уже и теперь помѣшанъ. Совсѣмъ неправда, чтобъ онъ путешествовалъ пѣшкомъ. Онъ благополучно нанимаетъ лошадей и ѣдетъ довольно покойно. Здѣсь купилъ даже и повозку; доселѣ онъ ихъ перемѣнялъ; вся особенность состоитъ только въ томъ, что онъ одинъ безъ слуги и отпустилъ себѣ маленькую рыженькую бородку. Добрый путь! Одна примѣчательная черта въ его путешествіи. Онъ былъ ограбленъ между Петербургомъ и Тосною и прошелъ половину Сибири не потерявъ ни одного волоса и хвалясь вездѣ ласкою и гостепріимствомъ. Я увѣренъ, что пройдетъ и другую половину стольже покойно и безопасно. А Сибирь по вашему мнѣнію населена преступниками. Дай Богъ, чтобъ честные люди были также доброхотны и кротки, какъ сіи преступники. Съ послѣдними можно жить; а съ первыми трудно.

Завтрашній день я отсюда отправляюсь въ Семипалатинскъ то есть на самый полдень. Мѣсто сіе получило званіе отъ древнихъ развалинъ неизвѣстнаго народа изъ семи палатъ состоявшихъ. Это есть средоточіе довольно значительной торговли. Мы поѣдемъ по Иртышу то есть по самой границѣ и если Киргизы наши сосѣди вздумаютъ на насъ сдѣлать нападеніе: то по всей вѣроятности первое мое письмо къ тебѣ будетъ изъ Персіи или изъ Константинополя.

Прощай любеная моя Елисавета, до свиданія въ Семипалатинскѣ. Господь съ тобою.

*) Джонъ Кохрэнъ, Англичанинъ, извѣстный всей Европѣ своими пѣшеходными странствіями.

70.

Семипалатинскъ 30-го Августа 1820.

Мы прибыли въ Семипалатскъ 28-го Августа. Для Александрова дни здѣсь остановились. Въ Россіи-ли мы? Въ одномъ-ли я съ тобою отечествѣ?—Здѣсь окружаютъ меня Бухарцы, Ташкинцы, Киргизы. Это сущій маскарадъ и хоть послѣ Иркутска я долженъ привыкнуть къ симъ превращеніямъ: тѣмъ не менѣе они поразительны. Домы безъ крышъ по Азіатскому обычаю, всѣ почти головы въ чалмахъ или въ скуфьяхъ, три мечети и ни одной церкви. Путешествіе по Сибири есть сущій бредъ, особливо когда путешествуютъ съ примѣчаніемъ. Два дня тому назадъ мы были въ самыхъ ущеліяхъ Алтайскихъ хребтовъ, коихъ верхи покрыты вѣчными льдами. Сегодня въ степи, коей одна сторона примыкаетъ къ Ледовитому морю; другая идетъ почти непрерывно до Тибета, и гдѣ снѣгу почти не бываетъ.

Торговля здѣшняя маловажна. Даже и подарка тебѣ купить не могъ. Видѣлъ шали только лишь привезенныя изъ Кашемира и идущія ко двору. Ничего нѣтъ замѣчательнаго. Купецъ, Грузинецъ родомъ, самъ былъ въ Кашемирѣ и думалъ, что онъ произведетъ чудо заказавъ на бордюрѣ изобразить Россійскій гербъ и Рускую пословицу: *кого люблю: того дарю*. Желаю ему успѣха; но увѣренъ, что всѣ примутъ ихъ за поддѣльныя.

Сію минуту письмо отъ моей Елисаветы. Я не ожидалъ сего удовольствія въ Семипалатинскѣ, но услужливая почта умѣла меня и здѣсь встрѣтить. Мнѣ кажется судьба насъ предопредѣлила къ странностямъ. Общество, въ коемъ ты живешь, принадлежитъ къ сему предопредѣленію. Живопись твоя прекрасна; я его вижу предъ собою. Италіанскій твой языкъ есть послѣдняя черта моихъ о тебѣ желаній. Окончивъ ее кажется все будетъ окончено, что было начато и безъ тщеславія можно быть покойнымъ. Ты не отстанешь отъ своего вѣка, сколько бы ходъ образованія его ни былъ обширенъ и стремителенъ. Всѣ двери познаній, всѣ источники чистыхъ удовольствій тебѣ открыты. Ангелъ хранитель да будетъ съ тобою. Завтра мы отправляемся въ Тобольскъ. Прощай моя милая; Господь съ тобою.

71.

Тобольскъ, 11 Сентября 1820.

Вчерашній день, любезная моя Елисавета, я возвратился наконецъ въ Тобольскъ, въ мѣсто откуда началъ я поприще Сибирскихъ моихъ подвировъ; возвратился живъ и здоровъ, хотя чрезмѣрно усталъ и отъ пути и отъ разнообразія видѣнныхъ мною предметовъ. Здѣсь получилъ я письмо твое отъ 19-го Августа: слѣдовательно чрезъ двадцать почти дней; въ ожиданіи лучшаго и это уже утѣшеніе быть къ тебѣ тремя тысячами верстъ ближе и получать каждый почти мѣсяцъ вопросъ и отвѣтъ. Отъ усталости много писать не могу. Просьба: прислать мнѣ дюжину или двѣ носовыхъ платковъ. Они могутъ быть здѣсь въ концѣ Октября; я отлагалъ сіе до свиданія; но тебѣ пріятно будетъ, когда старые платки мои дойдутъ до такого состоянія, что нельзя уже будетъ мнѣ подарить тебя ими. Если ты хочешь сего подарка: то поспѣши, покуда они имѣютъ еще видъ платковъ.

Прощай моя милая до слѣдующей почты. Господь съ тобою.

72.

Тобольскъ, 18-го Сентября 1820.

Письмо твое, любезная Елисавета, отъ 26-го Августа пришло ко мнѣ чрезъ 20 дней. Отсюда надежда получать отъ тебя и о тебѣ каждыя три недѣли вѣрныя извѣстія.

Пять тысячь рублей насъ не разорятъ, лишь бы они дѣйствительно поправили дѣла К. Карловича. Возьми деньги сіи у Дазера и отдай ихъ Марьѣ Карловнѣ. Пусть она дастъ ихъ отъ себя, а не отъ меня и не отъ тебя и съ тѣмъ, чтобъ никому не было извѣстно, гдѣ она ихъ взяла. Сія осторожность для разныхъ причинъ необходима. О возвратѣ сихъ денегъ и думать нечего: онъ можетъ быть; но вѣроятнѣе его не предполагать и не надѣяться.

Тотъ же самый Тобольскъ; но совсѣмъ иначе мнѣ нынѣ представляется. Минувшаго года предъ нимъ стояла грозная туча, Иркутскъ; теперь туча назади; а передъ нимъ яркіе цвѣты радуги. Отъ нихъ все принимаетъ другой видъ. Дѣла и люди иначе смотрятъ. Правда, что дѣла и сами по себѣ становятся стройнѣе; и люди привыкаютъ къ порядку. Какъ непріятно, горестно обвинять и подозрѣвать! Слава Богу это прошло и я живу если не среди друзей, то покрайней мѣрѣ не среди непріятелей.

Здѣсь мы нашли цѣлую колонію Нѣмцевъ и Нѣмокъ, сосланныхъ сюда

по извѣстному Ревельскому дѣлу и контръ-бандѣ. Они привезли мнѣ много рекомендательныхъ писемъ; но много пособить я имъ не могу. Сколько можно однако же пособлю. Впрочемъ я ихъ еще не видалъ.

Здѣсь всѣ дивятся времяни; и въ самомъ дѣлѣ осень прекрасная и здѣсь почти не бывалая. Легко себѣ представить, какое благотворное дѣйствіе она имѣетъ на мое здоровье и вообще на игру и цвѣтъ моихъ мыслей. Четырехъ-мѣсячный мой здѣсь карантинъ дѣлается отъ сего сноснѣе, хотя впрочемъ каждый день имѣетъ тѣ же часы и минуты, какъ и въ Иркутскѣ.

Прощай моя милая; Христосъ съ тобою.

Вчерась у Губернатора (*) на балѣ я видѣлъ здѣшнее женское общество. Сурокъ да кротъ да двѣ-три набожныя лани. Жоржъ танцовалъ однако отъ чистаго сердца. Онъ ростетъ и нравственно и физически. Прекрасный характеръ!

73.

Тобольскъ 25-го Сентября 1820.

И такъ судьба Сонюшки должна рѣшиться. Никогда почта не была для меня интереснѣе. Я ожидаю ее, любезная моя Елисавета съ нетерпѣніемъ. По всѣмъ предчувствіямъ сердечнымъ, даже по всѣмъ расчетамъ здраваго смысла она будетъ счастлива. Помѣщеніе Поггенполя есть одно изъ выгоднѣйшихъ. Стакельбергъ (**) мнѣ знакомъ; онъ брюзгливъ, но поладить съ нимъ можно. Какъ странно! Сонюшка въ Италіи и въ Неаполѣ! Мы живемъ въ такое время, когда смѣшеніе языковъ достигаетъ, кажется, послѣднихъ своихъ предѣловъ. Народы проникаются взаимностію и нельзя будетъ никуда заглянуть не встрѣтивъ родни или друга.— Если для устройства ея нужно будетъ какое нибудь и съ твоей стороны денежное пособіе: то напередъ тебя на все разрѣшаю, сколько ограниченныя наши средства дозволить могутъ. Ихъ мѣра есть одна: не входить въ долги. Въ Декабрѣ ты получишь $^{6}/_{т}$ р, отъ аренды. Жаль, что нѣтъ на сей случай Жерве въ Петербургѣ.

Подробности о продажѣ дома я получилъ; но не отъ тебя, и не отъ Масальскаго, который ко мнѣ совсѣмъ не пишетъ, чему впрочемъ я и радъ; но совсѣмъ нечаяннымъ образомъ — отъ моего вѣрнаго Лазарева, который ко мнѣ пишетъ изъ Тулы, гдѣ онъ съ своею женою посѣщаетъ свои владѣнія. Жаль, что не согласили Баташеву ограничить платежъ $^{50}/_{т}$ рублями: тогда бы изъ $^{25}/_{т}$ остальныхъ можно было при настоящемъ случаѣ сдѣлать лучшее употребленіе.

Прощай моя милая: Господь съ тобою.

74.

Тобольскъ 1-го Октября 1820.

Всеобщій нашъ Отецъ да благословитъ Сонюшку всѣми своими благословеніями! Тебѣ, любезная моя Елисавета, извѣстны были прежде мои мысли о женихѣ ея. Тайное нѣкоторое чувство и все, что ты мнѣ о немъ писала, влекло меня къ нему и ты можешь быть увѣрена, что я буду любить его искренно и душевно.

Понимаю безпорядокъ письма твоего. Но жалѣю не о тебѣ, а о Марьѣ Карловнѣ. Ты все перенесешь, а ей

---

* Губернаторомъ въ Тобольскѣ въ это время былъ тайный совѣтникъ Францъ Абрамовичъ Фонъ Бринъ.

** Чрезвычайный посланникъ въ Неаполѣ, дѣйствительный тайный совѣтникъ графъ Густавъ Оттоновичъ Стакельбергъ.

всѣ сіи волненія перенесть будетъ трудно. Не думаю, чтобъ тайна ваша долго сохранилась; но если бы ее и узнали: то большой бѣды тутъ не вижу. Жаль, что вы запретили мнѣ говорить о семъ Жоржу; онъ былъ бы симъ обрадованъ. Я часто съ нимъ стороною говорилъ о Николаѣ Васильевичѣ * и всегда находилъ въ немъ большое къ нему пристрастіе, разумѣется въ его пользу.

Сонюшкѣ сегодня не пишу въ ожиданіи письма ея и письма отъ Марьи Карловны. Но упрекъ, который Сонюшка себѣ дѣлаетъ, что не ожидали моихъ писемъ, дѣлаетъ честь тонкому ея чувству, въ самомъ же дѣлѣ онъ не имѣетъ никакого основанія: ибо какъ могъ я не одобрить привязанности ея не зная ничего противнаго и видя, что и Марья Карловна ее одобряетъ. Мелкіе расчеты родни ея слишкомъ очевидны, чтобъ можно было на нихъ остановиться. Какъ много должно имѣть чистоты въ душѣ и правильности въ мысляхъ, чтобъ собственные наши виды устранить отъ счастія друзей нашихъ. Непримѣтно привыкаешь смотрѣть на все сквозь собственное стекло свое и думать, что всѣ ошибаются, когда видятъ иначе.

Прощай моя милая; Господь съ тобою.

* Поггенполѣ.

75.

Тобольскъ 9-го Октября 1820.

Если сердце моей Елисаветы спокойно: то нѣтъ для меня горестей на свѣтѣ. Сіе одно существенно; все прочее исчезнетъ, какъ мечта, какъ призракъ при первомъ нашемъ взглядѣ другъ на друга.

Ты не угадала. Въ числѣ четырехъ лицъ на сценѣ, совсѣмъ не было Ф. Карл. Сіе четыре лица суть ты, Сонюшка и оба Погг. —О Ф. Карл. я думалъ, какъ о добромъ маломъ, каковы почти всѣ они; но никакъ не далѣе и не болѣе. Болѣе сего мнѣ и въ мысль не входило и признаюсь, кажется никогда не войдетъ. Кстати о немъ и о связи родственныхъ чувствъ, мнѣ пришло теперь на умъ одно примѣчаніе. Я не знаю настоящаго тона вашего дома; но въ мое время между мужчинами и женщинами много было короткости (фамиліарности); это происходило съ одной стороны отъ чистоты женскихъ нравовъ, а съ другой отъ того, что привыкнувъ жить всегда въ одномъ семейственномъ кругѣ, они мало по малу теряли тонкость различій, даже и съ посторонними Всѣ были друзья, а потому всѣхъ они считали и своими братьями, и понеже племянница могла гулять одна съ дядею: то не находили страннымъ, чтобъ гуляла съ нимъ и не племянница. Словомъ не было различія между родствомъ и дружбою. Всѣ сіе было въ совершенной невинности; но все сіе не могло быть въ совершенномъ приличіи; а свѣтъ повелительно требуетъ *non seulement être, mais paroître.* (*) И сіе требованіе тѣмъ нужнѣе примѣчать, что оно различно, само по себѣ часто неправильно и непостоянно, а иногда и глупо, но всегда повелительно. Въ Англіи дѣвица можетъ гулять одна съ молодымъ мужчиною, сидѣть съ нимъ одна въ каретѣ и проч., но молодая женщина совсѣмъ не должна и не можетъ. У насъ совсѣмъ напротивъ: однѣ только замужнія женщины пользуются сею свободою.

Но къ чему вся сія исторія?—Ни къ чему; одно бѣглое примѣчаніе къ

(*) Не только внутренняго, но и внѣшняго.

самой отдаленной предосторожности; примѣчаніе почти излишнее для всѣхъ другихъ; но для тебя не безполезное; ибо въ составъ судьбы нашей съ тобою входитъ та странность, что ты болѣе обязана ко всѣмъ тонкостямъ, ко всей взыскательности самыхъ глупыхъ и стѣснительныхъ приличій, нежели всѣ другія. Это есть слѣдствіе твоего и моего положенія и той всеобщей пытливости, которой можно избѣгнуть, но коей нельзя отразить, ни презрить. Это еще есть жертва, которую ты должна принести моей судьбѣ. Я объясню тебѣ сіе однимъ примѣромъ. У васъ зимою могутъ быть катанья. Всѣ дѣвицы могутъ быть въ саняхъ съ мужчинами: ты одна не можешь; ты не можешь быть даже съ Жоржемъ. Ты не можешь нигдѣ носу показывать безъ Марьи Карловны. Даже Сонюшка тебѣ тутъ не защита: ибо нигдѣ не написано, что она тебѣ сестра; а за вами стоитъ ея дядя. Вотъ тиранство. По счастью оно не можетъ быть продолжительно. Со мною придетъ къ тебѣ свобода.

Надежда моя оставить Тобольскъ и Сибирь въ первыхъ числахъ Февраля остается непремѣнна. По счастью ничего я не вижу, что бы могло перемѣнить ее. Жоржъ пишетъ къ своей маменькѣ, чтобъ прислать ему нѣкоторыя математическія книги. Хотя время остающееся здѣсь и коротко: но всё еще мѣсяцъ или два онъ можетъ воспользоваться прекраснымъ своимъ математическимъ учителемъ. Съ Вильде онъ переводитъ съ русскаго на французскій; а подъ моимъ руководствомъ читаетъ по латыни. Все идетъ очень хорошо.

Прощай моя милая; Господь съ тобою.

76.

Тобольскъ 16-го Октября 1820.

Сколько писемъ любезная моя Елисавета и какъ жаль, что они пришли столь поздно. Вдругъ три письма отъ 14-го Іюня, отъ 6-го Іюля и отъ 1-го Іюля. Всѣ они по видимому готовлены были съ фельдъегеремъ и потомъ посланы съ почтою; прошли въ Иркутскъ вмѣстѣ съ Парижскими газетами, тамъ меня не застали, пошли въ слѣдъ за мною на южную Сибирскую линію и наконецъ третьяго только дня пришли ко мнѣ въ Тобольскъ. Всѣ обстоятельства сихъ писемъ по счастью изъяснились уже послѣдующими; жаль только, что въ нихъ вложено 750 р. старыми ассигнаціями, коихъ срокъ и здѣсь давно уже миновалъ. Онъ продолжался не далѣе 1-го Августа; слѣдовательно если бы письма сіи были посланы и всѣ отъ 1-го Іюля: то не поспѣли бы уже къ сроку въ Иркутскъ. Деньги сіи должно считать невозвратно потерянными; я сохраню однако же ихъ у себя на всякій благопріятный, хотя и маловѣроятный случай.

Сколько ты терпѣла, моя милая Елисавета! Но Господь милостивъ; Онъ вознаградитъ тебя въ послѣдствіи, если не благами жизни, то сердечными чувствіями, коихъ наслажденіе и вѣрнѣе и насъ достойнѣе.

Обращаюсь къ послѣднему письму твоему отъ 22-го Сентября; я получилъ его 14-го Октября. Прежняя твоя подруга—веселость, не знаетъ толку въ людяхъ, когда тебя оставляетъ. Гдѣ ей лучше, какъ съ тобою? Ей такъ пристало быть съ тобою! Кажется вы сдѣланы другъ для друга. И впрочемъ всѣ обстоятельства кажется, теперь такъ располагаются, чтобъ быть намъ неразлучными. Это

не есть притязаніе на счастіе, слово слишкомъ громкое и нарядное. Но ясность души, тихій лунный свѣтъ надежды, сего кажется можно желать и ожидать безъ дерзости и самолюбія. Одна дружба къ сему достаточна. Кто же отторгнетъ отъ меня твое сердце или кто перемѣнитъ мое?

Что бы ни говорила ты объ Италіанскомъ языкѣ: но мнѣ весьма пріятно будетъ тебя на немъ слышать. Я всегда плѣнялся его звучностію; вѣроятно потому, что онъ сходенъ съ Латинскимъ. Онъ не можетъ быть самъ по себѣ бѣденъ; но мысли писателей могли быть и даже должны быть бѣдны. Разумъ тогда только что выходилъ изъ пеленъ; удивительно-ли, что онъ только лепеталъ. То, что имъ казалось превосходно, даже высоко, было ребячество. Столько пріобрѣтеній сдѣлано съ того времени, а безъ познаній мудрено быть краснорѣчивымъ. Я даже увѣренъ, что тотъ же самый языкъ подъ перомъ нынѣшнихъ писателей, если бы Италія еще ихъ имѣла, принялъ бы другой видъ и музыка его не помѣшала бы ему быть глубокимъ. Что бы былъ Шиллеръ если бы онъ обладалъ симъ языкомъ? Я насмотрѣлся на дикую природу; она часто бываетъ поразительна; но можно быть высокимъ и безъ дикости.

14-е Октября (*) былъ у насъ большой праздникъ; у меня былъ большой обѣдъ а ввечеру данъ былъ въ другомъ отдѣльномъ домѣ маскерадъ. Одна маска поднесла мнѣ букетъ цвѣтовъ и стишки, кои при семъ прилагаю. Послѣ узнали, что эта была одна дѣвица Нѣмка, которая послѣдовала сюда изъ Ревеля съ матерью за вотчимомъ (le beau père), посланнымъ сюда на сихъ дняхъ по извѣстному таможенному дѣлу Роде. Важнѣйшее то, что при семъ случаѣ удалось собрать до 4/ₜ. рублей въ пользу здѣшнихъ бѣдныхъ. Благотворительное общество прошедшаго году мною здѣсь заведенное, идетъ весьма удачно, несравненно лучше и Томскаго и Иркутскаго.

Руслана (*) я знаю по нѣкоторымъ отрывкамъ. Онъ дѣйствительно имѣетъ замашку и крылья генія. Не отчаявайся; вкусъ придетъ; онъ есть дѣло опыта и упражненія. Самая неправильность полета означаетъ тутъ силу и предпріимчивость. Я также, какъ и ты замѣтилъ сей метеоръ. Онъ не безъ предвѣщанія для нашей словесности.

Прощай моя милая; Господь съ тобою.

77.

Тобольскъ 23 Октября 1820.

Письмо твое любезная моя Елисавета, послѣднее изъ Маврина отъ 28-го Сентября дошло сюда вчера — распутица. 28-го Сентября у васъ была уже зима, а у насъ и теперь еще ее почти нѣтъ. Тому пять только дней, какъ начались небольшіе морозы. Разсуждай послѣ сего о климатахъ.

Исповѣдь!—добро пожаловать; радъ быть духовнымъ твоимъ отцомъ; ты ошибешься, если выберешь другаго; никто не можетъ быть ни правдивѣе, ни снисходительнѣе.

Я былъ вчера съ тобою на вечерѣ у княгини Щербатовой; видѣлъ, какъ медвѣжёнки одѣтые мальчиками или дѣвочками плясали. Знаю и батюшку и матушку. Сущая правда, что и толстая Матрена и тонкая модница

(*) День рожденія Е. В. императрицы-матери. С.

(*) Поэму А. С. Пушкина.

равно несносны въ припадкахъ самолюбія и какъ его ни скрывай, у него для всѣхъ ослиныя уши. Дѣтей нужно пріучать къ свѣту, чтобъ они не были застѣнчивы. Но лучше заставлять ихъ просто играть при людяхъ между собою такъ, чтобъ никто ими и они никѣмъ не занимались, нежели дѣлать изъ нихъ зрѣлище, дѣйствительно, всегда скучное.

Кстати о вечерахъ; не оставляй иногда быть у Вѣры Николаевны (*), дабы показать имъ, что Марья Карловна ничему не мѣшаетъ и не разрываетъ, какъ то имъ кажется, никакихъ дружескихъ связей. — Впрочемъ Сталыпинъ ко мнѣ совсѣмъ почти не пишетъ, да и я къ нему не пишу. Но это ничего не перемѣняетъ въ нашемъ положеніи. Есть разные степени дружбы и каждому можно найти мѣсто и пристроить. Въ дружбѣ есть свои романы, какъ и въ любви; но по симъ романамъ не должно и нельзя поступать въ общежитіи и не должно искать химерическаго совершенства. Довольно, если добрыя качества имѣютъ перевѣсъ надъ худыми.

Что дѣлаетъ наша невѣста? Спокойна-ли? Вѣритъ-ли своему счастію? Не худо бы и ей вмѣстѣ съ тобою приняться за Италіанскій языкъ, c'est toujours autant de fait.

Видѣла-ли ты, какъ прославляютъ меня въ газетахъ (въ Петербургскихъ, но не въ Инвалидѣ)? Мнѣ стыдно и жаль, что лгутъ столь нескладно. Не могу довольно надивиться, какъ все сіе печатать дозволяютъ.

И такъ къ тебѣ опять возвратился ребяческій твой нравъ. Увѣряю тебя, что и въ шестьдесятъ лѣтъ онъ тебя не оставитъ, если силою ты его не выгонишь. Это есть печать, которую на извѣстные характеры полагаетъ сама природа; горести могутъ ее затмить но не изгладить, проглянетъ солнце надежда—и печать тутъ. Я первый ее въ тебѣ примѣтилъ, для другихъ и теперь еще это тайна; они не знаютъ къ чему отнести все это, что есть въ характерѣ твоемъ пріятнаго; а это *candeur*; это не есть отыровенность franchise, ни пристота simplicité, ни то, что называютъ naïvété, хотя часто смѣшиваютъ одно съ другимъ (собственно говоря ты не имѣешь naïvété). Это есть нѣчто невыражаемое на словахъ; но въ природѣ это можно отличить и указать. Я бы назвалъ это *бѣлизною нрава*: ибо и въ самомъ дѣлѣ *candeur* по нашему означаетъ бѣлизну. Даръ безцѣнный, источникъ тонкой, глубокой, внутренней чистоты и невинности, тихихъ удовольствій и кроткаго веселонравія. Дѣти всѣ почти имѣютъ сей даръ; но у кого онъ не глубоко на сердцѣ положенъ, тотъ теряетъ его скоро. Рѣдкіе сохраняютъ. Но я знаю примѣры, что сохраняютъ до глубокой старости. Я его совсѣмъ не имѣю. У тебя онъ отъ матери.

Прощай моя милая; Господь съ тобою.

78.

Тобольскъ 29 Октября 1820.

Здравствуй, любимица счастія! Надобно имѣть много здраваго разума, чтобъ тебѣ, любезная моя Елисавета, назвать себя симъ именемъ. И однако же это справедливо; но справедливо въ такомъ смыслѣ и въ такомъ образѣ мыслей, который не многіе понять могутъ. Столько-то внѣшнее можетъ быть въ противоположности съ внутреннимъ; столь высокъ и независимъ духъ человѣческій; столь

(*) Сталыпиной.

мнѣнія наши разнятся съ перемѣною точки зрѣнія. Дай Богъ, моя милая, чтобъ сей образъ мыслей былъ всегда твоимъ. Онъ совершенно справедливъ и всегда будетъ ангеломъ-хранителемъ твоего счастія. Пропасти, къ коей судьба тебя подвела, я не совсѣмъ вѣрю и думаю, что это была не пропасть, а просто небольшой ровъ или яма; искушеніе, опытъ знакомства съ собственнымъ своимъ сердцемъ, опытъ драгоцѣнный, если ты умѣешь изъ него сдѣлать употребленіе: ибо слѣпота дѣйствительно даетъ цѣну зрѣнію. Какая тема для будущихъ нашихъ разговоровъ и размышленій.

Сегодня только наконецъ у насъ зима стала. Жоржъ мнѣ сказывалъ, изъ твоего письма, что Елисавета Карловна осталась жить на дачѣ. Что значитъ это уединеніе: я боюсь за нее и за дѣтей ея.

Зять Мыльникова, Неупокоевъ, мнѣ знакомъ. Онъ не глупъ и говорить умѣетъ. Онъ былъ въ числѣ притѣсненныхъ и слѣдовательно мнѣ пріятель.

Прощай, моя милая, Господь съ тобою. Тысячу поклоновъ милой мамѣ.

79.

Тобольскъ 6-го Ноября 1820.

Мы съ тобою, любезная моя Елисавета, столько пережили страховъ, что не могу я страшиться простуднаго твоего припадка. Мерцъ и Марья Карловна одни пусть трусятъ; это ихъ дѣло.

Изъ Пензы я получаю письма почти въ 12 дней. Тамъ худой урожай и деревня наша на сей годъ не дастъ и третьей части дохода. Самые богачи тамошніе вздыхаютъ и перестаютъ курить вино. Это впрочемъ пройдетъ; надобно только умѣть перенести: ибо тамъ рѣдко неурожай бываетъ два года сряду. Дядюшка твой Кузьма хочетъ служить въ Пензѣ; такъ она ему понравилась и такъ худо понимаетъ онъ свое положеніе. Впрочемъ если въ самомъ дѣлѣ здоровье его поправилось, или поправиться можетъ: то нѣтъ большой трудности тамъ его пристроить.

Вотъ одинъ изъ тѣхъ дней, когда писать кажется нечего и какъ ни тяни, мысли не развиваются. Прощай, моя милая; Господь съ тобою.

80.

Тобольскъ 13-го Ноября 1820.

Почта еще не пришла; но въ замѣнъ того сегодня явился ко мнѣ Бутацъ съ твоими письмами отъ 16-го го Іюля. Предсказаніе твое совершилось; я не только ему улыбнулся: но нашелъ въ лицѣ его пріятность; таково очарованіе твоихъ писемъ или лучше сказать такъ цвѣтъ нашихъ идей отражается обыкновенно на всѣ предметы.

Но вотъ и почта; вотъ и письмо отъ 22 Октября. Слѣдовательно всѣ дѣла наши въ порядкѣ; ты здорова: ибо ничего не говоришь о твоей простудѣ, а я веселъ и безъ заботы о тебѣ на цѣлую недѣлю.

Предчувствіе твое не сбудется; никогда не будешь ты мнѣ причиною горестей, да и никогда не бывала; что я разлученъ съ тобою, это вина обстоятельствъ; что забочусь о тебѣ, это вина моя, вина маловѣрія, недостатокъ преданности къ Промыслу, остатокъ того прирожденнаго намъ чувства, по коему мы считаемъ, что собственная наша дѣятельность всё лучше бы расположила и что мы самому Богу въ судьбахъ Его весьма нужны.—Глупость!

Слѣдовательно умѣй только быть счастлива, умѣй молиться и быть ребенкомъ Промысла и будь увѣрена въ совершенномъ моемъ счастіи.

Я получилъ съ Бутацомъ письмо Марьи Карловны и твои счёты. Денегъ вышло дѣйствительно много; но что же дѣлать? Ничего, кажется, нѣтъ расточительнаго; впрочемъ все сіе мы устроимъ лучше, когда будемъ вмѣстѣ.

Марья Карловна пишетъ о библіотекѣ. Дѣло не совсѣмъ несбыточное; но его, какъ и множество другихъ дѣлъ должно отложить до свиданія. Тѣмъ или другимъ образомъ я найду способъ устроить сію библіотеку.

Прощай моя милая; Господь съ тобою.

81.

Тоболвскъ 20-го Ноября 1820.

Я тебѣ предсказывалъ, любезная моя Елисавета, что слава стиховъ твоихъ промчится до предѣловъ міра. Англія есть средоточіе всѣхъ сообщеній; слѣдовательно чрезъ годъ, чрезъ два имя твое извѣстно будетъ и въ Америкѣ, о коей очень много писала классическаго извѣстная miss Smith. Съ твоими стихами дѣлается то же, что съ моими мыслями; ихъ печатаютъ на всѣхъ Европейскихъ языкахъ.

Я получилъ твои платки. Благодаренъ тебѣ и Сонюшкѣ за трудъ: въ нихъ одинъ недостатокъ; слишкомъ тонки, жаль ихъ употреблять. Едва ли не пожертвую имъ табакомъ, единственнымъ моимъ тираномъ.

Кто этотъ Львовъ? Сынъ ли Львова или братъ жены его *). Одного изъ нихъ я помню. Если сынъ: то это наслѣдственный даръ. Вечера ваши дѣйствительно должны быть пріятны; не завидую имъ потому, что и самъ не отчаяваюсь скоро ими наслаждаться. Какое рѣдкое положеніе: три почти года не слышать ни одной ноты. Прибавь къ сему ни одного почти умнаго слова; три года ни разу съ удовольствіемъ не смѣяться. Что же значатъ всѣ посты отшельниковъ? И все это надѣюсь не сдѣлало ни одной лишней на лбу моемъ морщины; доказательство, что можно жить не одною жизнію, но различными и что въ счастіи и въ несчастіи внутреннее расположеніе духа есть истинный талисманъ.

Прощай, моя милая, Господь съ тобою.

*) Здѣсь идетъ рѣчь объ Алексѣѣ Ѳеодоровичѣ Львовѣ, извѣстномъ знатокѣ музыки.

82.

Тобольскъ 27 Ноября 1820.

Трудно, любезная моя Елисавета, опредѣлить, какимъ образомъ можно быть авторомъ въ корсетѣ. Признаюсь, мнѣ всегда было смѣшно, когда я воображалъ себѣ M-me Stael сидящею за большимъ бюро и за кипою бумагъ. Тутъ есть какое-то противорѣчіе, которое изъяснить трудно, но нельзя его не чувствовать. Все, что можно женщинамъ дозволить, это есть быть M-me Sevigné; это ихъ родъ, nec plus ultra женскаго генія; изрѣдка можно написать и пѣсенку и стишки; но всё не болѣе однаго полулисточка.

Словесность Европейская вообще еще въ младенчествѣ: ибо въ ней много еще механическаго. Мы всѣ притворяемся; всѣ выработываемъ вещи легкія. Истинная словесность должна быть вдохновеніе. Совершенство ея есть не писать, но говорить краснорѣчиво. Въ Греціи она уже почти доходила до сего степени. Стихотворцы истинные тамъ пѣли свои

стихи. Италіанскіе импровизаторы въ новѣйшихъ временахъ даютъ нѣкоторую идею о семъ тихомъ, продолжительномъ восторженіи ума и воображенія. Музыка есть душа поэзіи и слѣдовательно наши стихотворцы еще не поэты. Ихъ скорѣе можно назвать живописцами.

Вотъ тебѣ отвѣтъ на споръ твой съ NN. Жоржъ показывалъ мнѣ стихи его. Не дай Богъ тебѣ имѣть такихъ Петрарковъ.

Весьма радъ, что ты была у графини Кочубей; хоть изрѣдка, но должно ее посѣщать. Въ искренней ихъ дружбѣ я не могу имѣть ни малѣйшаго сомнѣнія; друзей же надобно любить такъ, какъ Богъ ихъ создалъ, а не такъ, какъ бы мы имѣть ихъ желали.

Прощай моя милая; Господь съ тобою.

83.

Тобольскъ 3-го Декабря 1820.

Еслибъ я менѣе имѣлъ довѣрія къ Промыслу и къ здравому твоему смыслу: то письмо твое показалось бы мнѣ грознымъ. Ты грозишь себѣ какими то горестями, предвѣщаешь, что мнѣ будетъ, за что бранить тебя. — Увѣряю тебя, что это одно воображеніе. Богъ милосердъ; Онъ не попуститъ, чтобъ страдалъ я въ тебѣ: ибо сей родъ страданія едва-ли не будетъ выше силъ моихъ. Содержи только сердце твое въ свободѣ; а за умъ твой я тебѣ отвѣчаю. Омраченія его не могутъ быть, какъ только мгновенны; одно слово можетъ ихъ разсыпать. Не похищай только у Провидѣнія Его плановъ. Не дѣлай никакого важнаго шагу впередъ; не связывай ни ума твоего, ни сердца; и будь увѣрена, что никогда человѣкъ не можетъ быть слабѣе, нежели онъ самъ быть хочетъ. Здѣсь-то сила вѣры и если сила сія не управляетъ нашими поступками, и самыми внутренними побужденіями: то она есть пустой предлогъ, пустое слово. Ты изъ сего видишь, что я беру назадъ ту свободу, которую тому шесть мѣсяцовъ тебѣ давалъ; но обстоятельства различны. Я окруженъ былъ тогда страхомъ и неизвѣстностію; теперь разлуку мою съ тобою я считаю не годами и не мѣсяцами, но недѣлями и почти днями.

Весьма радъ, что ты рекомендовала Петра Петровича NN-у; но вотъ все, что должно было для него сдѣлать и на семъ должно остановиться. Въ письмѣ ко мнѣ онъ предъявляетъ разныя притязанія; я поручаю его Аркадію Алексѣевичу. Лучше, чтобъ онъ къ нему, нежели къ тебѣ относился. Скажи только ему, что онъ найдетъ всѣ его аттестаты у Аркадія Алексѣевича, къ коему вмѣстѣ съ симъ я ихъ посылаю. Аркадій Алексѣичъ вручитъ тебѣ также и деньги, о коихъ ты писала. Я посылаю къ нему пакетъ всѣхъ сихъ бумагъ не съ почтою, но по случаю.

Весьма умно, что ты готовишь подарокъ нашей невѣстѣ. Хотя вы немножко и поразстроили планы моихъ финансовъ; но я надѣюсь, что буду еще въ состояніи принять нѣкоторое участіе въ ея приданомъ

Прощай моя милая; Господь съ тобою

84.

Тобольскъ 11-го Декабря 1820.

Предъидущее письмо мое есть почти отвѣтъ, любезная моя Елисавета, на настоящее. Новый знакъ предчувствія. Въ поступкѣ Запольской есть нѣчто не деликатное. Герой ея не виноватъ, что онъ имѣетъ чинъ;

при достоинствахъ это простить можно; но онъ виноватъ и самъ себя обличилъ въ грубости чувствъ, вздумавъ рѣшить выборъ свой по одному взгляду. Кого же онъ тутъ избираетъ?—Не тебя конечно; но или меня или предполагаемое у тебя богатство. Вотъ чего Запольская не умѣла себѣ изъяснить. Впрочемъ выборъ его легко быть могъ слѣдствіемъ похвалъ, кои она тебѣ заочно воспѣвала. Часто браки рѣшались симъ образомъ и вотъ почему мы видимъ столь много уродливыхъ браковъ (*). Запольская ведетъ дѣло сіе, какъ обыкновенно они идутъ въ свѣтѣ; отъ нее нельзя болѣе и требовать. Для нее участь генеральши есть самая блистательная. По крайней мѣрѣ тутъ можно извинить усердіе. Но Зейдель неизвинителенъ. Скажи ему, что я вызову его на поединокъ, если онъ осмѣлится любить тебя.

Всѣ сіи непріятности суть слѣдствіе того круга, въ коемъ ты живешь; онъ всѣмъ открытъ и всѣмъ кажется приступенъ. Утѣшаюсь только тѣмъ, что все сіе должно скоро перемѣниться и повторяю прежнее: содержи сердце свое въ свободѣ; не дѣлай никакого выбора: ибо ты стоишь въ самомъ невыгодномъ положеніи, чтобъ сдѣлать его безошибочно. Время еще не ушло и спѣшить я не вижу никакой нужды. У меня есть множество идей, кои должно сообщить тебѣ. Ты знаешь, что я прежде никогда не говорилъ съ тобою о сихъ предметахъ: ибо считалъ сіе неблаговременнымъ. Вотъ почему нужно намъ прежде все сіе разобрать и уложить вмѣстѣ: ибо что бы ни говорили; но самая пламенная любовь зависитъ отъ идеала и въ правильномъ составленіи сего идеала состоитъ все дѣло. Можно утвердительно сказать, что каждый предметъ любви знакомъ намъ былъ прежде. Мы образъ его нашли уже въ душѣ своей и человѣкъ тутъ есть только подлинникъ сего образа. Тутъ двѣ ошибки быть могутъ. Ошибка въ образѣ и ошибка въ приложеніи его къ человѣку. Сколько слезъ пролито отъ сихъ двухъ ошибокъ; какія ужасныя они имѣли послѣдствія.

Изъ сего ты можешь видѣть, сколь обширенъ, почти неограниченъ твой выборъ. Никакая мысль любочестія, а еще менѣе мысль богатства не смѣетъ прикоснуться къ понятіямъ моимъ о твоемъ счастіи. Я бы желалъ чтобъ ты тутъ забыла даже собственное мое счастіе, если забыть и раздѣлить его можно. Таково было содержаніе и прежнихъ моихъ писемъ. Бросаю всѣ сіи черты почти съ сожалѣніемъ; они безобразятъ только мои мысли не выражая ихъ ни малѣйшей части. Тутъ надобенъ голосъ и взглядъ: они только могутъ изображать душу.

Прощай моя милая; Господь съ тобою.

85.

Тобольскъ 18-го Декабря 1820.

Теперь остается одного желать для бѣдной Елисаветы Карловны — смерти и если и на сей разъ предчувствіе мое справедливо: то или ее нѣтъ уже на свѣтѣ, или скоро она его оставитъ. Можно быть увѣреннымъ въ ея счастіи; она заплатила здѣсь дань свою и Всемилосердый приметъ сію измученную, кроткую душу въ Свои объятія. Исторія ея жизни весьма поучительна; она всегда была жертвою.

Живо представляю себѣ ваши домашнія смятенія и что бы ты ни го-

(*) Примѣтила-ли ты, что люди посредственные не только живутъ чужимъ умомъ, но даже чувствуютъ чужими чувствами. С.

ворила, не могу быть спокойнымъ. Большая школа терпѣнія; но я боюсь, чтобъ оно не истощилось. Все упованіе мое на милость Господа. Онъ не попуститъ, чтобъ послѣ столь долговременной и жестокой разлуки нашелъ я умъ твой омраченнымъ или сердце не свободнымъ. Не имѣй никакого личнаго сношенія съ больною: я бы желалъ тебя отъ нее спрятать. — Тутъ всѣ благопристойности могутъ быть нарушены. Они и безъ того уже много страждутъ; но перемѣнить нечѣмъ.

Слѣдовательно Баумъ банкротъ. Вотъ какъ почти обыкновенно кончаются ихъ скорыя пріобрѣтенія. Самый худой и опасный промыслъ, самый неразборчивый и безразсудный бракъ; но они были жертвою своихъ обстоятельствъ, желали можетъ быть поддержать падающій домъ, быть подпорою отцу и матери. Не справедливо-ли послѣ сего, чтобъ они получили свой вѣнецъ въ будущемъ лучшемъ мірѣ.

Прощай моя милая; Господь съ тобою. Ему единому тебя поручаю.

86.

Тобольскъ 25 Декабря 1820.

Христосъ раждается, любезная моя Елисавета; да раждается Онъ въ насъ, да освѣщаетъ тайнымъ Своимъ присутствіемъ умъ твой и сердце; да устроятся царство Его на земли такъ, какъ нѣкогда оно устроилось на небеси. Какъ малы, какъ странны и смѣшны представятся намъ съ сей высоты всѣ настоящія наши заботы, радости и безпокойствія. Они могли бы и нынѣ таковыми намъ казаться, если бы мы умѣли держать себя всегда въ молитвѣ, которая одна возвышаетъ душу и отрѣшаетъ ее отъ міра.

Письмо твое отъ 3-го Декабря много меня успокоило; но жизнь Елисаветы К. мнѣ кажется все еще въ опасности. Чахотка есть почти обыкновенное слѣдствіе сего рода болѣзней. У нихъ же она нѣсколько и природная.

Я всегда вамъ твердилъ о Мерцѣ. Вы мнѣ не вѣрили — мало-ли кто мнѣ не вѣрилъ и послѣ раскаялся. Мы медики издалека другъ друга видимъ. Не удивляюсь чудесамъ, которыя онъ производитъ. Онъ первый докторъ въ Петербургѣ да можетъ быть не послѣдній былъ бы и въ Европѣ, если бы умѣлъ казаться.

Прощай моя милая, Господь съ тобою.

87.

Тобольскъ 1-го Генваря 1821.

Начинаю новый годъ бесѣдою съ тобою, любезная моя Елисавета и не могу начать его лучше. Желаю тебѣ, мой другъ, не новаго счастія, но новаго благословенія, пріумноженія благодати свыше. Желаю, чтобъ проходя путь жизни, ты легкою ногою касалася земли, помнила бы всегда, что ты идешь, возвращаешься въ отечество; что все встрѣчающееся съ тобою на пути, собственно для тебя, есть чуждое и постороннее, предметъ любопытства и наблюденія, изученіе языка, коимъ говорить ты будешь въ вѣчности. Есть Евангельская притча о буіихъ дѣвахъ, кои идучи во срѣтеніе жениха, не взяли съ собою масла. Я не знаю ничего точнѣе сего изображенія. Мы всѣ живемъ въ родѣ сумасшествія. Знаемъ, что должно будетъ явиться въ вѣчности, должно къ сему готовиться и въ тлѣнномъ тѣлѣ изъ свитка червей составленномъ, слагать и возращать другое тѣло, тѣло духовное (сіе есть елей), кото-

рое одно можетъ горѣть и свѣтить въ вѣчности и безъ коего мы тамъ окружены будемъ сырымъ холоднымъ мракомъ; знаемъ все сіе болѣе или менѣе, и каждый день только сбираемся готовиться; время проходитъ въ сихъ сборахъ, часъ бьетъ и ничего не сдѣлано. Ступай въ тьму кромѣшную! А музыка, а книги, а народы, а надежды, а привязанности? — все прошло, все точитъ червь. Тутъ спрашиваютъ сердца чистаго и тѣла свѣтлаго. Ступай во тьму, или начинай, буія дѣва, новую жизнь, новую науку, новыя бѣдствія, вновь покупай елей—купишь несравненно дороже—возвратишься опять ко дверямъ жениха, но двери, можетъ быть, найдешь уже затворенными; бытіе міра кончилось и тебѣ скажутъ съ другими: не вѣмъ васъ.

Мнѣ кончилось сегодня пятьдесятъ лѣтъ. По общему счету жизнь довольно долговременная—а готовъ-ли я?—Все упованіе мое на одно милосердіе Божіе. Одно достовѣрно, что собственно для себя я не привязанъ къ міру; но слишкомъ много привязанъ къ твоему счастію и по странному противорѣчію чего не желаю себѣ, того желаю тебѣ. Вотъ тонкая игра самолюбія. Но Господь разсыплетъ сіе обольщеніе. Онъ дастъ мнѣ силы видѣть тебя даже и несчастною и не роптать, если для вѣчности твоей сіе будетъ нужно, если Ему угодно. Молись!

Чтобъ новый годъ не оставить тебя безъ подарка — прими вмѣсто подарка вѣсть, что съ сего дня остается мнѣ написать къ тебя еще только три письма и болѣе уже не писать.

Твоя Черницына составила ложную спекуляцію. Она вообразила, что я уже въ Петербургѣ, что въ милостяхъ, что во всемогуществѣ и раздаю всѣмъ пенсіоны; а чтобъ не опоздать: то она рѣшилась писать въ Тобольскъ — а ей совсѣмъ пенсіонъ и не слѣдуетъ ни по службѣ мужа, ни по какимъ уваженіямъ. Дѣло другое милостыня; такъ и проси просто милостыни. Остерегись сихъ раннихъ слёзъ; ты не можешь знать ихъ источника, а между тѣмъ пройдетъ слухъ, что ты даешь уже обѣщанія; ты чувствуешь, какое употребленіе могутъ изъ сего сдѣлать мои пріятели. Сверхъ того, я не знаю, извѣстно-ли тебѣ, что я никакого не имѣлъ и не имѣю вкусу выпрашивать милости, считаю ихъ даже вредными. Помогать нищимъ изъ своего кармана, это дѣло другое; но ходить за симъ въ чужой карманъ, никогда не будетъ моимъ промысломъ. Если бы служба состояла въ сихъ мѣлкихъ частныхъ чувствительностяхъ: то я не гожусь для службы. Дѣло другое поправить несправедливость; вступиться за слабаго противъ сильнаго. Тутъ я поспорю съ самимъ Донъ-Кихотомъ, и готовъ принять тебя моимъ Санхою.

Прощай, моя милая, Господь съ тобою.

88.

Тобольскъ 8-го Генв. 1821.

Я радъ, любезная Елисавета, что сношенія твои съ тетушкою остались въ прежнемъ положеніи. Она имѣетъ много добраго смысла въ умѣ, и много мужества въ сердцѣ. Въ Москвѣ я остановлюсь въ ихъ домѣ и она будетъ первая, которая мнѣ раскажетъ о тебѣ. Но что разсказъ противъ личнаго свиданія? Я же привыкъ видѣть всѣ вещи съ такой точки зрѣнія, которая не можетъ быть общею. Всѣ тетушки и всѣ свахи на свѣтѣ перемѣнить сего не могутъ: ибо это основано на свойствахъ души моей.

Признаюсь, и я радъ, что концертъ твой кончился и у меня за три тысячи верстъ сердце билось. Слава Богу, что все прошло благополучно.

Я получилъ при письмѣ твоемъ письмо Коля и рисунокъ *Rhododendron*. Не знаю, удастся ли мнѣ сыскать его въ Иркутскѣ. Пишу *по дорогѣ* и въ Камчатку.—Какъ жаль, что ты не Причудница и что нѣтъ у тебя крестной матери, которая бы туда слетала (*). Безъ нее отвѣта на мое письмо нельзя ожидать прежде февраля 1822-го года. Въ замѣну я привезу Колю другія сего рода рѣдкости

Прощай моя милая; Господь съ тобою.

Мнѣ осталось написать къ тебѣ еще только два письма а тамъ и послѣднее! Между тѣмъ позвольте Елисавета Михайловна старому вашему учителю сдѣлать одно примѣчаніе. Ты пишешь *la mariée* est trop belle; а пословица гласитъ: *la marée* est trop belle. А что такое *la marée* справься въ лексиконѣ; это морской приливъ; а вмѣстѣ морская рыба, которую лакомые Парижане прямо и каждый день свѣжую получаютъ изъ Діепа. Виноватъ! Но не ты одна въ этомъ ошибаешься. Покойная твоя бабушка, помнится, дѣлала ту же самую погрѣшность; но ее поправить, оборони Боже. Ты видишь, что это тебѣ досталося по наслѣдству.

89.

Тобольскъ 15-го Генв. 1821.

Не пѣняй и не сердись, любезная моя Елисавета, на тетушекъ и уважь болѣе ихъ побужденія, нежели поступки. Мнѣніе ихъ о видахъ Марьи Карловны есть мнѣніе довольно общее; твое положеніе въ семъ домѣ подало къ сему поводъ; никто не обязанъ такъ знать твою маменьку, какъ знаешь ты и я. Всѣ другіе изъясняютъ ее по внѣшности; неправильно; но для нихъ вѣроятно. Прежде тетушекъ я получилъ о семъ четыре письма и ни одного отъ Сталыпина. По симъ-то письмамъ и по соображенію ихъ съ твоими писалъ я тебѣ держать сердце на свободѣ, отнималъ у тебя, или по крайней мѣрѣ хотѣлъ отнять на время право выбора. Ты видишь, что и я былъ въ тетушкахъ съ тѣмъ только различіемъ, что я относилъ происшествія къ истинной ихъ причинѣ, къ тебѣ, а не къ ней. Успокойся, никогда подозрѣвать ее я не стану: ибо знаю ея душу, и вмѣстѣ знаю, что нельзя никому водить тебя за носъ, кромѣ однако же *NB* тебя самой. Несравненно чаще мы обманываемся, нежели бываемъ обмануты. Еще повторяю тоже, что и прежде писалъ, ты въ самомъ невыгодномъ положеніи, чтобъ сдѣлать въ семъ родѣ основательный выборъ. Весьма многое тебѣ неизвѣстно и не можетъ быть извѣстно; одинъ я могу истолковать тебѣ истинное значеніе многихъ лицъ и обстоятельстъ, кои тебѣ представляются совсѣмъ въ другомъ видѣ. Терпи и молись; по счастію теперь виденъ уже твоему терпѣнію конецъ.

Третьяго дня былъ у меня большой обѣдъ въ день Елисаветы. Послѣдній обѣдъ въ Сибири—слово послѣдній есть магическое. Къ нему относятся и имъ приправляются всѣ непріятности. Прощай моя милая, Господь съ тобою.

Жоржъ тебѣ кланяется, но не цѣлуетъ да и тебѣ цѣловать его запрещаетъ: ибо онъ считаетъ себя муж-

(*) Намекъ на извѣстную стихотворную сказку И. И. Дмитріева.

чиною; усы его даютъ ему на сіе право. Прекрасный характеръ; отличная душа.

90.

Тобольскъ 22 Генваря 1821.

Не знаю, любезная Елисавета, не огорчило-ли тебя предъидущее письмо мое; но ты будешь большая дура, если вздумаешь въ немъ искать болѣе, нежели что я хотѣлъ сказать. Я не имѣю никакихъ и ни противъ кого предубѣжденій; мысли мои о тебѣ, о будущемъ твоемъ, совершенно свободны и независимы ни отъ какихъ внѣшнихъ уваженій. Тѣмъ болѣе я имѣю надежды видѣть ясно въ твоихъ обстоятельствахъ и судить о нихъ съ безпристрастіемъ.

Чѣмъ ближе къ разлукѣ съ Сибирью: тѣмъ болѣе дѣла. Молись Богу, чтобъ стало глазъ моихъ и терпѣнія. Бѣдный Жоржъ также очень занятъ; но это для него полезно.

Прощай моя милая; Господь съ тобою. — Правда твоя, что чѣмъ ближе къ свиданію: тѣмъ скупѣе на письмо. Жаль безобразить свои мысли и чувства на столь неблагодарномъ инструментѣ, каково бѣдное наше свинцовое письмо.

91.

Тобольскъ 28-го Генваря 1821.

Письмо сіе, любезная моя Елисавета, должно бы было быть послѣднее; но оно только *предпослѣднее*. Я полагалъ оставить Тобольскъ именно 1-го Февраля; но дѣла удержатъ меня здѣсь до 6-го; но далѣе 6-го ничто уже не удержитъ. По сему расчету я еще могу писать къ тебѣ въ будущую субботу; а въ воскресенье утромъ считай меня въ повозкѣ и въ полномъ походѣ. О домѣ напишу къ тебѣ изъ Пензы, или изъ Москвы. Никакой нѣтъ нужды нанимать этажъ въ вашемъ домѣ. На первый разъ я остановлюся и долженъ остановиться въ трактирѣ; а потомъ мы посмотримъ и рѣшимся. Со мною пріѣдетъ довольно большая канцелярія, которую необходимо должно будетъ помѣстить въ томъ же домѣ, или по близости. Все сіе не можетъ быть улажено за глазами.

Успокойся. Никакія тетушки ни въ Москвѣ, ни въ Петербургѣ на меня не подѣйствуютъ Душа твоя и нравъ твой для меня по крайней мѣрѣ никогда тайною не будутъ; а ихъ тайна мнѣ также извѣстна: это мелкія расчеты тщеславія, суетности и самолюбія.

Прощай, моя милая; Господь съ тобою.

92.

Тобольскъ 5-го Февраля 1820.

Вотъ наконецъ давно желанное *послѣднее* письмо къ тебѣ изъ Сибири. Послѣ завтра я Сибирь оставляю. Въ среду буду уже я въ Россіи, въ одной съ тобою части свѣта, по сю-сторону Рифейскихъ горъ, въ Европѣ. Мысли мои толпятся безъ порядка; я могу только обнять число ихъ, но не могу ни одной изобразить раздѣльно. Молись — мнѣ нужна твоя молитва болѣе еще въ радости, нежели въ печали, чтобъ взглядомъ недовѣрія или излишнихъ надеждъ не изурочить счастія, не оскорбить Провидѣнія ко всему снисходительнаго, кромѣ гордости.

Ничего не перемѣняю въ планѣ моего путешествія. По всѣмъ расчетамъ буду я въ Пензѣ около 25-го Февраля и слѣдовательно около 10-го Марта въ Москвѣ и слѣдовательно, какое прекрасное послѣдствіе, около по-

ловины или 20-го Марта съ тобою. Изъ Москвы къ тебѣ напишу и можетъ быть назначу тебѣ встрѣчу въ Царскомъ Селѣ. На первой разъ я непремѣнно долженъ остановиться въ трактирѣ; сего требуютъ разныя приличія.

Молись и прощай! Господь съ тобою. Болѣе ко мнѣ не пиши развѣ въ Москву; но и то подъ кувертомъ тетушки.

93.

Пенза 1-го Марта 1821.

Пишу къ тебѣ, любезная моя Елисавета, на томъ самомъ столѣ, изъ той самой комнаты, гдѣ писалъ тому два года. — Писалъ о надеждѣ свиданія, которое тогда казалось столь близкимъ и вдругъ стало столь далекимъ. Такъ угодно было Богу. Съ сей точки зрѣнія всѣ происшествія двухъ лѣтняго моего странствованія кажутся мечтою. Да будетъ сія жестокая мечта послѣднею въ моей и твоей жизни.

Я пріѣхалъ сюда 24-го Февраля. Усталъ; встрѣченъ нетолько съ радостію, но можно сказать, торжественно. Весь городъ пришелъ въ движеніе. Живу въ толпѣ непрестанно меня окружающей и отъ усталости чуть переношу всѣ изъявленія участія и приверженности. Что сдѣлалъ я для сихъ людей?— Ничего почти кромѣ желанія быть имъ полезнымъ—желанія впрочемъ большею частію безплоднаго.

Отсюда отправляюсь въ Москву 6-го сего мѣсяца на Тамбовъ и Рязань. Надѣюсь тамъ быть 14-го и тотчасъ по пріѣздѣ буду къ тебѣ писать. Здоровье мое по счастью мнѣ не измѣняетъ: ибо усталость не болѣзнь. Привезу къ тебѣ множество усердныхъ воспоминаній, и платье вышитое у Дуровой.

Дядюшку твоего я нашелъ въ горестномъ положеніи; онъ имѣлъ несчастіе вывихнуть себѣ ногу и къ сему несчастію присоединилось другое, а именно: ее худо вправили и совсѣмъ тѣмъ онъ веселъ. Я устрою его здѣсь какъ можно лучше и покойнѣе.

Деревенскія наши дѣла я нашелъ въ порядкѣ; но доходовъ менѣе, нежели ожидалъ. Здѣсь всѣ разоряются дешевизною хлѣба. Надѣюсь однако же, что съ умѣренностію можно намъ будетъ жить безъ нужды.

Не могу опредѣлить съ точностію дня моего отъѣзда изъ Москвы; но ты легко повѣришь, что каждый лишній день безъ тебя, будетъ для меня жертвою. Вообще намѣреніе мое есть остаться въ Москвѣ сколь можно менѣе. Григорья Даниловича я здѣсь не засталъ. Всѣ Сталыпины въ Москвѣ.

Я видѣлъ твою Катиньку Ховрину. Она вся благодарность и кротость. Мать стала къ ней благосклоннѣе съ тѣхъ поръ, какъ поссорилась съ сыномъ.

Писемъ твоихъ ожидаю въ Москвѣ. Молю Бога, чтобъ наказалъ меня чѣмъ-нибудь другимъ, кромѣ разлуки съ тобою. Христосъ да будетъ съ тобою.

Жоржъ здоровъ и вамъ кланяется; всѣ узнали въ немъ здѣсь его маменьку.

94.

Москва 16-го Марта 1821.

Москва! и семь сотъ только верстъ разстоянія отъ мой Елисаветы. Легко понять все, что въ сей мысли есть для меня радостнаго. Я пріѣхалъ сюда третьяго дня и завтра поутру рано

уѣзжаю. Въ обыкновенное время чрезъ три дни я былъ бы уже съ тобою; но по настоящей распутицѣ не смѣю надѣяться сего счастія прежде 25-го сего мѣсяца. Да будетъ день Благовѣщенія благою для насъ вѣстію. Во всѣхъ случаяхъ увѣдомлю тебя изъ Царскаго Села, гдѣ полагаю на день остановиться, чтобъ отдохнуть и пріискать въ Петербургѣ квартиру. Я долженъ пристать непремѣнно въ трактирѣ по крайней мѣрѣ дня на три или на недѣлю.

Я получилъ сегодня два письма твои отъ Вѣры Яковлевны *. Отъ спазмъ твоихъ у меня есть вѣрное лекарство, если только это спазмы. Богъ милостивъ.

Сейчасъ отправляюсь къ Вѣрѣ Яковлевнѣ на свиданіе. Прощай моя милая. Господь съ тобою.

17-го Марта Четвертокъ.

Восемь часовъ утра и чрезъ часъ я отправляюсь. Дорога ужасная; но Господь милостивъ; дней чрезъ семь я съ тобою.

РАДИЩЕВЪ и его книга: Путешествіе изъ Петербурга въ Москву. С. П. Б,. въ печ. В. Головина 1868. Въ 16. IV и 256 стр.

Книжка эта есть жалкая спекуляція именемъ человѣка, извѣстнаго гораздо болѣе своимъ несчастіемъ, нежели литературными трудами. Довѣрчивый читатель, особенно иногородный, увидѣвши объявленіе о ней, томится любопытствомъ познакомиться съ знаменитымъ „Путешествіемъ“ Радищева, о которомъ онъ столько наслышался, и спѣшитъ пріобрѣсти новинку. И вотъ за 1 р. 25 к. онъ получаетъ разгонисто, безвкусно и со множествомъ ошибокъ отпечатанную книжку, по объему стоющую 50 или 75 коп., что прежде всего должно удивить его. Но и внутреннія ея достоинства не оправдаютъ этой цѣны.

Таинственная для большинства публики, книга Радищева была немало выхваляема въ нашей литературѣ съ тѣхъ поръ, какъ сдѣлалось возможнымъ не только произносить въ печати запретное имя Радищева, но и оцѣнивать его произведеніе, (о чемъ нельзя было бы и подумать ранѣе, нежели лѣтъ за двѣнадцать предъ симъ). Иначе и не могло быть: въ Радищевѣ видѣли слишкомъ рано явившагося пророка или провозвѣстника разныхъ либеральныхъ идей, на разработку которыхъ всякій какъ бы считалъ себя призваннымъ въ концѣ прошедшаго десятилѣтія. Имя Радищева не могло не сдѣлаться популярнымъ въ такое время, когда люди, не подвергшіеся (какъ онъ) ссылкѣ въ Сибирь, а просто, въ слѣдствіе пустой болтовни или ребяческихъ замысловъ, выраженныхъ въ интимныхъ бесѣдахъ, пожившіе годъ-другой подъ надзоромъ полиціи гдѣ нибудь въ Вяткѣ, успѣвали выставить себя мучениками за правду и получить (торжествующаго либерализма ради) разныя служебныя выгоды. Лондонская печатня Трюбнера освятила репутацію Радищева безграмотнымъ (по обыкновенію) изданіемъ пресловутой его книги, съ пустозвоннымъ предисловіемъ, подписаннымъ многознаменательными буквами: И—ръ. (1858.) Но потомъ совершилась нѣкоторая реакція: талантъ Радищева сталъ подвергаться оцѣнкѣ, и проявилась здравая мысль, что несчастная ссылка въ Илимскъ не есть еще дипломъ на геніяльность. Дѣло дошло даже до того, что недавно нашелся голосъ, который почелъ нужнымъ упрекнуть критику за то, что она сомнѣвается въ литературныхъ дарованіяхъ Радищева.

Екатерина II называла Радищева Мартинистомъ. Это происходило отъ того, что она подозрѣвала въ Мартинистахъ тайныхъ Иллюминатовъ, въ которыхъ предполагала, не безъ основанія, революціонные замыслы. Пушкинъ назвалъ Ради-

* Сталыпиной.

щева тѣмъ же именемъ уже по ошибкѣ, принявши на вѣру выраженіе Екатерины. Пушкинъ мало былъ знакомъ съ этимъ вопросомъ, но сдѣлалъ при этомъ случаѣ, угаданный какимъ-то свойственнымъ ему особымъ поэтическимъ прозрѣніемъ, мастерской очеркъ характера извѣстнаго рода людей конца XVIII в., слегка пропитанныхъ духомъ, такъ сказать, легкаго, салоннаго Мартинизма. Н-ръ въ своемъ предисловіи докторально повторилъ, что Радищевъ былъ Мартинистъ, или „поклонникъ возникавшей революціи и философіи энциклопедистовъ", то есть спуталъ разнородныя понятія, очевидно не зная того, о чемъ говоритъ.

Но если Пушкинъ ошибся въ этомъ отношеніи, то оцѣнка таланта и характера Радищева, сдѣланная имъ, совершенно вѣрна. Талантъ этотъ ничтоженъ; поступокъ же его при изданіи „Путешествія" ничѣмъ не объяснимъ, и опредѣлить школу, къ которой принадлежалъ авторъ—невозможно.

Нѣтъ сомнѣнія, что Радищевъ былъ человѣкъ умный, много читавшій и много размышлявшій. Но, знакомясь съ нимъ по тому, чтò онъ написалъ, нельзя не убѣдиться, что умъ его, какъ говорится, „зашелъ за разумъ," что отъ чтенія этого въ головѣ его образовалась, по выраженію Французовъ, bibliothèque renversée и что слѣдовательно всѣ его размышленія не могли имѣть никакого выхода изъ сферы чисто - отвлеченной. Онъ писалъ въ проэктахъ своихъ о равноправности, гласномъ судопроизводствѣ, вѣротерпимости, свободѣ печати, уничтоженіи крѣпостнаго права, поземельной подати, свободной торговлѣ и т. п. Все это не дошло до насъ. Но мы достаточно знаемъ Радищева, чтобы быть увѣренными, что во всѣхъ этихъ проэктахъ не могло быть ничего, кромѣ похвальнѣйшихъ намѣреній, громкихъ и искреннихъ, но ребяческихъ фразъ и общихъ мѣстъ, но не было ни одного указанія, не только вполнѣ практическаго, но даже способнаго быть примѣненнымъ къ практикѣ.

Чтò касается его политическихъ убѣжденій, то онъ конечно сознавалъ нѣкоторые недостатки тогдашнихъ порядковъ, подобно многимъ современникамъ. Но „революціонерство" его было не болѣе, какъ проявленіе рождавшейся въ немъ (и то вѣроятно изрѣдка) потребности выразить въ преувеличенномъ размѣрѣ и риторскимъ тономъ нѣкоторыя мысли довольно распространенныя въ теоріи у лучшихъ людей его поколѣнія. Разница была только въ томъ, что тѣ высказывали ихъ изустно и не публично. Радищевъ же, рѣшительно непонятно почему (чтò замѣтилъ еще Пушкинъ и чтò теперь подтверждается смысломъ собственныхъ признаній Радищева), напечаталъ ихъ, прибавивши къ тому нѣкоторыя произведенія своей фантазіи, разцвѣченныя увлеченіями, происходящими иногда у иныхъ отъ опьяненія процессомъ сочинительства и силясь подражать Рейналю, какъ самъ онъ сознался. На самомъ дѣлѣ, это былъ смирный, образованный чиновникъ, считавшій за счастіе получить Владиміра въ петлицу изъ рукъ Екатерины, которую почиталъ великой и славной государыней.

Собственно - литературный талантъ Радищева ничтоженъ, сказали мы. Радищевъ просто писалъ, потому что любилъ писать, не обладая вовсе авторскимъ искуствомъ. Языкъ его рѣшительно варварскій, чудовищный и для его эпохи. Читать его „Путешествіе" могутъ только литературные археологи и люди, одаренные особымъ любопытсвомъ. Это чтеніе чуть ли не утомительнѣе чтенія „Разговора между чужестраннымъ человѣкомъ и Россійскимъ объ ороографіи" и тому подобныхъ славныхъ твореній „Профессора элоквенціи, а паче хитростей піитическихъ" съ братіею. Недавно возбужденъ вопросъ о томъ, не онъ ли авторъ нѣкоторыхъ писемъ въ „Почтѣ духовъ"? Намъ кажется, что главный аргументъ противъ утвердительнаго отвѣта состоитъ въ томъ, что едвали Радищевъ могъ писать

такимъ относительно-легкимъ языкомъ, какимъ писаны эти письма.

Новое изданіе „Путешествія" прежде всего неполно, потому что и теперь нельзя печатать выходки, подобныя напр. знаменитому „Сновидѣнію," которое будто бы привидилось автору въ Спасской Полести. Напечатано это изданіе, вѣроятно, по искаженному списку и съ страшными опечатками и ошибками. Съ первыхъ же страницъ встрѣчается: „кого чортъ давитъ" (вм. „даетъ"), крестьянинъ, „пасущій" (вм. „пашущій ")ниву (стр. 71 и 77.) и т. п. Статья о Радищевѣ новаго издателя составлена наскоро, коротко, безъ разбора или приведенія въ порядокъ матеріяловъ и вообще безъ знанія и всякаго тщанія. Радищевъ названъ въ одномъ мѣстѣ, вмѣсто Александра Николаевича, Николаемъ Александровичемъ (стр. 11). Авторъ думаетъ, что излагать родословную Радищева „совершенно не идетъ къ дѣлу" (стр. 1.), хотя и имѣетъ ее подъ рукою. Онъ безцеремонно и рѣшительно объявляетъ, что „Пушкинъ никогда и ничему не учился" (стр. 7.) Онъ не знаетъ даже, занимаясь однако специяльно Радищевымъ, откуда взяты матеріялы, которыми пользуется и называетъ брошюрой безъ означенія мѣста печати и имени автора" (стр. 32 и др.) оттискъ изъ 3 книги „Чтеній" въ Московскомъ Обществѣ Исторіи и древностей Россійскихъ за 1865 годъ. Онъ принимаетъ на вѣру обстоятельства явно вымышленныя и опровергнутыя, напр. о доносѣ Державина (стр. 12), о причинѣ смерти Княжнина (стр. 14) и др., не умѣетъ объяснить имена товарищей Радищева въ Лейпцигѣ (стр. 4—7.), давно указанныя сперва нами, а потомъ окончательно Я. К. Гротомъ. Словомъ, видно, что издатель незнакомъ хоть сколько нибудь порядочно даже съ небогатымъ запасомъ матеріяловъ по избранному имъ предмету. Отзывы о Державинѣ и о Пушкинѣ, выраженія въ родѣ того, что „цензура *выхерила* нѣсколько листовъ (?) изъ Путешествія" (стр. 66) и тому подобные признаки, ясно указываютъ, изъ какой литературной сферы вышла на свѣтъ эта книжка, которая, повторяемъ, есть не что иное, какъ жалкая спекуляція.

Но обратимся еще разъ къ Радищеву. Если Радищевъ, какъ писатель, не имѣетъ достоинствъ, то Радищевъ, какъ оригинальный экземпляръ между образчиками современнаго ему общества, какъ главное дѣйствующее лицо въ любопытномъ эпизодѣ изъ вѣка Екатерины, которая выходитъ въ немъ сама такъ рельефно на сцену, стоитъ изученія со стороны всякаго любителя или изыскателя старины. Поэтому приводимъ здѣсь перечень всѣхъ источниковъ, существующихъ донынѣ для такого изученія.

1. *Бантышъ-Каменскій, Д. Н.* „Радищевъ, Александръ Николаевичь." (Слов. достоп. людей, 1836, Ч. IV, стр. 258.)

2. *Борнъ, И. М.* „На смерть Радищева" (Свитокъ Музъ, 1803, Ч. II, стр. 116.)

3. *Гротъ, Я. К.* а., „Записка о ходѣ въ 1860 году приготовительныхъ работъ по изданію Державина" стр. 34 и б., „Сочиненія Державина", Изд. Академіи Наукъ Т. III, стр. 579 и 757.

4. *Hellbig.* „Radichew". („Russische Günstlinge", 1809, стр. 457.) Русскій переводъ князя Н. Н. Голицина въ Библ. Зап., 1858, № 23, стр. 729.

5. *Е. Я.* „Проза Пушкина." (Библ. Зап., 1859, № 6, стр. 161.)

6. *Кеневичъ.* „Иванъ Андреевичь Крыловъ." (Вѣстн. Евр., 1868, Кн. II, стр. 709.)

7. *Корсуновъ.* „Александръ Николаевичь Радищевъ." (Русск. Вѣстн., 1858, Т. XVIII, № 23, стр. 379.) Приложенія П. А. Радищева и примѣчанія М. Н. Лонгинова.

8. *Лонгиновъ, М. Н.* а., „Алексѣй Михайловичь Кутузовъ и Александръ Николаевичь Радищевъ." (Совре-

мен., 1856, № 8, смѣсь, стр. 147.) б., „Русскіе студенты въ Лейпцигскомъ Университетѣ“ (Библ. Зап., 1859, № 17, стр. 539.)

9. *Пнинъ. И. П.* „Стихи на смерть Радищева.“ (Свитокъ Музъ, 1803.)

10. *Пушкинъ, А. С.* „Александръ Радищевъ.“ (Соч. Пушк., Изд. Исакова, Т. V, стр. 439.)

11. *Пыпинъ, А. Н.* „Крыловъ и Радищевъ.“ (Вѣстн. Евр., 1868, Кн. V, стр. 419.)

12. *Селивановскій, Н. С.* „Записки.“ (Библ. Зап., 1858, № 17, стр. 518.)

13. Подлинные документы, относящіеся къ дѣлу Радищева помѣщены: а., Въ Сочиненіяхъ Екатерины II, Изд. Смирд., Т. III, стр. 392 и 393 и б., Въ „Чтеніяхъ въ Императ. Общ. ист. и древн. Рос.“, 1865, Кн. III, Отд., 5, стр. 67.

Изданія сочиненій Радищева: а., „Путешествіе изъ Петербурга въ Москву.“ 1-е изданіе, С. П. Б., 1790, чрезвычайно рѣдко. 2-е изданіе, Лондонъ 1858. Чрезвычайно неисправно. 3-е изданіе, С. П. Б., 1868. Тоже. (Есть превосходные, современные первому изданію, рукописные экземпляры) б., „Собраніе Сочиненій.“ 6 Частей, М., 1807—1811 съ портретомъ автора. (Очень рѣдко, хотя въ немъ и нѣтъ „Путешествія.“)

Портретъ Радищева со снимкомъ съ его почерка приложенъ къ „Библіографическимъ Запискамъ“ 1861 года.

Орелъ.
1 Іюня 1868.

Михаилъ Лонгиновъ.

ЗАМѢТКА.

Нельзя не привѣтствовать отъ души прекрасный трудъ г. Кеневича: „Библіографическія и историческія примѣчанія къ баснямъ Крылова“. Такихъ ученыхъ, подробныхъ и добросовѣстныхъ изслѣдованій у насъ очень и очень немного, да и въ другихъ, болѣе богатыхъ по этой части литературахъ, книга подобная изданной Кеневичемъ, была бы явленіемъ весьма замѣтнымъ. Наша Академія ознаменовала день Крыловскаго юбилея напечатаніемъ ея. Имѣя „примѣчанія“ г. Кеневича и статью Академика Я. К. Грота о журнальной дѣятельности Крылова (Вѣстн. Евр., 1868, Кн. 3), мы уже можемъ надѣяться, что въ скоромъ времени изданіе сочиненій великаго писателя, достойное его имени, будетъ дѣломъ сбыточнымъ.

Считаю нелишнимъ дополнить примѣчанія Г. Кеневича немногими замѣтками, которыя у меня подъ рукою.

1., Къ числу переводчиковъ басней: I, „Дубъ и трость“; V, „Лягушка и Волъ“ и XIV „Стрекоза и муравей“ должно присоединить Ю. А. Нелединскаго-Мелецкаго. Въ Смирдинскомъ изданіи сочиненій его переводы эти напечатаны на стр. 174, 167 и 169.

2., Басня И. И. Дмитріева „Орелъ и Каплунъ“, съ которою имѣетъ сходство XV басня Крылова „Орелъ и Куры,“ заимствована изъ Арно (Arnault), род. 1766, ум. 1834.

3., Басня И. И. Дмитріева „Муха,“ съ которою сближается XVI басня Крылова „Муха и Дорожные,“ заимствована у Вилье (Villiers.)

4., Анекдотъ, который разсказанъ при баснѣ XLIX „Лжецъ“ происходилъ въ Петербургскомъ Англійскомъ клубѣ и именно слѣдующимъ образомъ. Копьевъ, авторъ комедіи „Лебедянская ярманка“, говорилъ за обѣдомъ, будто ѣлъ огромную стерлядь, и прибавилъ: „она была длиной вотъ какъ отъ меня до... до, вотъ какъ до Ивана Андреевича“ (Крыловъ сидѣлъ напротивъ его). Крыловъ отодвинулся въ бокъ и спросилъ Копьева: „не мѣшаю ли я вамъ?“

5., Опечатки. Стр. 109, с. 13, нап. 1762, чит. 1862. Стр. 117, с. 26, нап. 1819 чит. 1813. Стр. 143, с. 5 нап. Арсеневъ, чит. Арсеньевъ.

6., Стихотвореніе князя Вяземскаго, о которомъ говорится на стр. 139, называется: „И. И. Дмитріеву, въ день его именинъ“. Оно напечатано въ „Сынѣ Отечества,“ 1822, Ч. 82, стр. 83.

7., Стр. 161. Штабсъ капитанъ, изображающій лицо Катенина въ „Черной Женщинѣ“ Греча, называется тамъ не Закатаевымъ, а Залетаевымъ.

8., Стр. 243. На картинкѣ, приложенной къ баснѣ Крылова „Кукушка и пѣтухъ“ въ 2 томѣ альманаха „Сто русскихъ литераторовъ,“ изображены карикатуры Греча и Булгарина, бесѣдующихъ въ книжной лавкѣ.

9., Кстати сообщу подлинный анекдотъ, относящійся къ Чичагову, о которомъ говорится на стр. 116 по поводу басни „Щука и Котъ.“ Когда знаменитый графъ Ростопчинъ жилъ въ Парижѣ, во время реставраціи, его очень часто навѣщалъ по утрамъ любезный и просвѣщенный князь Кастельчикалла, Неаполитанскій посланникъ при Людовикѣ XVIII, страшный ненавистникъ Наполеона. Часто являлся туда и Чичаговъ. Только что послѣдній, тощій какъ спичка, входилъ въ комнату, огромный и толстый Кастельчикалла бросался къ нему на шею и душилъ его въ объятіяхъ, крича: Permettez, cher amiral, que je vous «exprime ma reconnaissance!» Чичаговъ вырывался отъ него, а князь продолжалъ: «Vous avez laissé passer la Bérézina à Napole«on! Si vous l'aviez pris, je n'aurais pas eu «la joie de le voir crever de rage à Sainte Hé«lène!» (*) Чичаговъ, имѣвшій очень горячій характеръ, приходилъ въ ярость, начиналъ жестоко ругать Кутузова и такъ бранился съ княземъ, что дѣло чуть не доходило иногда до грозной развязки, и Ростопчинъ долженъ бывалъ вступаться въ дѣло и мирить пріятелей.

Орелъ.
20 Марта 1868.

М. Лонгиновъ.

(*) Переводъ: „Позвольте, любезный адмиралъ, выразить вамъ мою признательность! Вы допустили „Наполеона перейти черезъ Березину! Еслибъ вы его „взяли, я не имѣлъ бы той радости, что онъ околѣваетъ отъ бѣшенства на островѣ Святой Елены!“

ЧАСТНОЕ ПИСЬМО

ИЗЪ ПЕТЕРБУРГА ВЪ ТУЛЬЧИНЪ О СЕМЕНОВСКОМЪ ВОЗМУЩЕНІИ 1820 ГОДА.

Дабы предупредить ложные слухи или пристрастные разсказы о происшествіи въ Семеновскомъ полку, я долгомъ считаю довести до свѣдѣнія Вашего Превосходительства подробное онаго описаніе, будучи во многихъ случаяхъ очевиднымъ свидѣтелемъ.

17-го числа (октября 1820) въ субботу, 1-я рота 1-го баталіона въ 8-мь часовъ вечера собралась самовольно какъ будто къ перекличкѣ. Когда фельдфебель сказалъ имъ, что переклички еще нѣтъ, тогда они ему объявили, что желаютъ видѣть своего капитана и просятъ попросить его къ нимъ, ибо имѣютъ принести ему жалобу единогласно. Послали за Кошкаровымъ; не застали его дома; искали по городу, и въ 11-мъ часу явился онъ къ солдатамъ. – Они ему объявили, что не могутъ переносить болѣе тиранства полковаго ихъ командира Шварца, что весь полкъ рѣшился просить о другомъ начальникѣ, и что съ сей роты сія просьба начинается. «Ваше высокоблагородіе «насъ умнѣе», —сказали они,— «сдѣ«лайте какъ думаете лучше, лишь «бы главное начальство узнало о на«шей жалобѣ, и вошло въ несчастное «наше положеніе». — Кошкаровъ отвѣчалъ: «Я не могу сдѣлать этого «мимо полковаго командира, но обѣ«щаю вамъ доложить о томъ выше;— «теперь ложитесь спать: завтра все «поправится». Они пошли спать.

Кошкаровъ тотчасъ увѣдомилъ о семъ Шварца и генерала Васильчикова, и ужасное слово: «взбунтова-

лась государева рота», — произнесено громогласно. — Васильчиковъ въ 1-мъ часу посылаетъ Бенкендорфа спросить у преступниковъ: что̀ это значитъ? Бунтующихъ солдатъ перебудили и собрали къ отвѣту. — Они сказали: что тиранства Шварца превосходятъ мѣру ихъ терпѣнія, что они употребили всѣ средства для обнаруженія ихъ положенія, но что ихъ не слушали; нѣкоторые солдаты и унтеръ-офицеры приходили объявлять о томъ въ Ордонансъ-Гаузъ, жертвуя собою; но ихъ били, отсылали въ свои мѣста и шефа не укрощали; и что наконецъ просили они своего капитана довести о томъ до свѣдѣнія главныхъ начальниковъ, о чемъ и весь полкъ проситъ. — Генералъ сказалъ: «Хорошо; я перескажу все корпусному «командиру, а вы ложитесь спать». Бунтовщики полегли спать.

На утро воскресенья съ тѣмъ же присланъ былъ Бистромъ, и тоже ему солдаты сказали. Между тѣмъ въ понедѣльникъ—Семеновскій караулъ; солдаты зачали чистить аммуницію и сдѣлали расчетъ. Васильчиковъ посылаетъ Великаго Князя (*) — усмирить бунтовщиковъ и поступить, какъ военная дисциплина повелѣваетъ, Его Высочество пріѣзжаетъ въ роту, и солдаты еще разъ повторяютъ тоже. Начинается сужденіе, что̀ съ ними дѣлать. Двѣ Павловскихъ роты отряжены къ экзерциргаузу, а ротѣ Семеновской въ 6 часовъ вечера велѣно безоружною идти тудаже. Она пошла. Павловскіе имѣли по три патрона, и однимъ зарядили ружья на дворцовой площади. Рота пришла, ее окружили и отвели въ крѣпость. Въ полку о семъ узнали, и тогда весь полкъ пришелъ въ волненіе: солдаты спать не ложились; въ два часа ночи всѣ вышли передъ полковой дворъ, и рѣшились не идти въ караулъ, если не отдадутъ имъ ихъ 1-ю роту, ибо всѣ они одно говорятъ, одного желаютъ и одинаково виноваты, если 1-я рота виновата.

(*) Михаила Павловича.

Пріѣзжаетъ Васильчиковъ. «Стройся!» 2-й и 3-й батальонъ построились, а 1-й сказалъ, что нельзя ему строиться, ибо головы нѣтъ. Тогда и тѣ два разошлись, закричавъ: «отдайте намъ нашу 1-ю роту». Солдаты были въ фуражкахъ и шинеляхъ, и безъ малѣйшаго оружія.

Васильчиковъ въ 4 часа ночи поѣхалъ къ Милорадовичу, разбудилъ его самъ, и просилъ его вступиться въ это и поговорить съ солдатами, сказавъ: «Солдаты васъ любятъ, и кромѣ васъ некому намъ помочь». Графъ съ нимъ поѣхалъ въ полкъ и вошелъ къ солдатамъ. «Что это, братцы, такъ ли я васъ привыкъ видѣть— въ толпѣ и въ непослушаніи?» — Всѣ къ нему: «Ваше сіятельство! вы насъ «знаете,—было ли это когда нибудь; «но насъ мучаютъ, не хотятъ слу«шать, и никто за насъ не всту«пается. Войдите въ наше положеніе,— «заступитесь за насъ. Богу и Госу«дарю мы вѣрны; но тиранства бо«лѣе сносить не можемъ». Тутъ зачали просить о 1-й ротѣ и сказали, что сдѣлаютъ все, что̀ угодно, если ее имъ отдадутъ.

Генералы всѣ поѣхали толковать; а между тѣмъ нѣкоторые вошли въ домъ Шварца, разбили тамъ три стекла и одно зеркало; можетъ быть пошло бы это и далѣе, но сторожъ въ комнатахъ объявилъ имъ, что Шварца нѣтъ (онъ въ то время скрылся, и не прежде появился на свѣтъ, какъ на третій день по происшествіи) — сказавъ: «Эхъ, братцы! что вы ка«зенное портите, вѣдь на насъ взы-

«щется». — «Правда», — сказали они, «что ихъ въ бѣду вводить!», и вышли вонъ. Вошедшихъ солдатъ было 13 человѣкъ, какъ говорятъ.

Теперь въ Главномъ Штабѣ судятъ и рядятъ. Противу сихъ 3/т. фуражныхъ и шинельныхъ бунтовщиковъ, вооружили весь Петербургскій гарнизонъ. На 12-ти передкахъ забрали боевыхъ патроновъ съ картечами изъ лабораторіи на 30 пушекъ. Кавалергардовъ и конную гвардію посадили на коня. Орловъ (**) говорилъ рѣчь: какъ..... надо стрѣлять и рубить хорошенько Семеновскихъ солдатъ. Два баталіона лейбъ-гренадеровъ съ боевыми патронами поставлено около крѣпости. Полагали, что пойдутъ выручать 1-ю роту. Послано за драгунами въ Петергофъ. Положено было приступить вдругъ со всѣхъ сторонъ. Когда конницѣ велѣно было двинуться, тогда Васильчиковъ съ Бенкендорфомъ пріѣхали напередъ къ солдатамъ и стали уговаривать ихъ къ послушанію. Солдаты повторили имъ прежнюю свою просьбу и просили о 1-й ротѣ. Генералы сказали: «Ваша 1-я рота въ крѣпости; выпустить ее нельзя; ступайте къ ней, когда хотите».—«Покорно благодаримъ, ваше превосходительство; пойдемъ, ребята, въ крѣпость», и какъ были, такъ и пошли. Офицеры рѣшились идти съ ними, для удержанія порядка. А между тѣмъ конная гвардія, въ полномъ вооруженіи, чрезъ Обуховъ къ Семеновскому полковому двору, прибыла благополучно, и не заставъ никого, кромѣ народу, бывшаго зрителемъ, прошла мимо казармъ и повернула чрезъ Семеновской мостъ къ себѣ домой, не застрѣливъ и не изрубивъ ни одного человѣка. Каблукову, командовавшему отрядомъ кавалергардовъ, донесено, что корпусъ непріятеля прошелъ уже къ Троицкому мосту, и что его войска могутъ токмо испугать однихъ отставшихъ солдатъ, кои малыми кучками спѣшатъ принять оковы съ своими товарищами; — и для того генералъ Каблуковъ велѣлъ своему отряду пройти мимо его повзводно и сдѣлать нѣсколько оборотовъ, дабы чернь не испугалась и могла бы сіе принять за ученье. Но, къ несчастію его, дождь и грязь мѣшали таковому предположенію, и народъ всѣ ихъ проказы видѣлъ ясно.

Между тѣмъ генералы всѣ возвратились въ Штабъ и зачали разсуждать о дальнѣйшихъ подвигахъ. Пріѣхалъ къ нимъ Милорадовичь, извѣщенный полиціею о всѣхъ мѣрахъ вооруженія, вмѣстѣ съ Закревскимъ; стали говорить противу сей мѣры и подали мнѣніе ихъ, чтобъ солдатъ не разбивать по три человѣка въ полкъ (какъ предполагалъ Толь), а разлучить по баталіонно. Поѣхали всѣ въ крѣпость. Солдаты уже тамъ. Гр. Милорадовичь, увидя лейбъ-гренадеровъ у крѣпости, отослалъ ихъ назадъ. Въ крѣпости съ Закревскимъ вмѣстѣ пошелъ по казематамъ, куда солдаты размѣщены были, и зачали имъ говорить о ихъ ошибкѣ, но не такъ, какъ съ бунтовщиками; уговаривали ихъ къ повиновенію, и графъ обѣщалъ имъ ходатайствовать за нихъ у государя, снялъ отъ нихъ часовыхъ и поручилъ имъ самимъ смотрѣть за собою, объявивъ токмо, что они арестанты.—„Слушаемъ, ваше сіятельство, будемъ смотрѣть сами за собою и ослушниковъ не будетъ".—И въ самомъ дѣлѣ никто за дверь не выглянулъ.

Положено: одинъ баталіонъ въ Кексгольмъ, другой въ Свеаборгъ, 1-му

(**) Впослѣдствіи князь Алексѣй Ѳедоровичь.

здѣсь остаться. Въ понедѣльникъ, 19 числа, сдѣланы исполнительныя распоряженія; во вторникъ по утру готовы были у крѣпости пароходы, для перевоза войскъ назначенные. Не знали, пойдутъ ли солдаты добровольно на суда, или должно будетъ ихъ принудить. Съѣхались генералы. Васильчиковъ не говорилъ ни слова съ солдатами; Потемкинъ много уговаривалъ; надъ Толемъ солдаты смѣялись и не слушали его. Болѣе же всѣхъ успѣли Милорадовичь съ Закревскимъ; сей послѣдній говорилъ хотя и строго, но разумно и милосердо, а графъ оказалъ удивительное искусство говорить съ солдатами и возбуждать въ нихъ готовность къ выполненію воли начальства. Одинъ солдатъ въ казематѣ оказалъ сопротивленіе, сказавъ: „не прежде мы пойдемъ, какъ когда отдадутъ намъ роту". Сего графъ самъ взялъ за шинель и толкнулъ въ дверь вонъ, сказавъ: „вотъ одинъ, который всѣхъ васъ мараетъ. Много ли еще такихъ между васъ? Ихъ искоренить надобно; они недостойны быть между вами." Солдатъ, воспротивясь выйти, отскочилъ въ сторону, закричавъ: „за меня ребята!",—но никто съ мѣста не тронулся, и Закревскій съ графомъ, вытолкнувъ солдата насильно, приказали взять его подъ караулъ особо. Тутъ пошли солдаты на суда, прося графа, чтобы онъ за нихъ у государя предстательствовалъ и не оставилъ бы ихъ женъ и дѣтей. При семъ словѣ графъ, оборотясь къ своему адъютанту Фридрихсу, приказалъ ему ѣхать къ женамъ солдатскимъ и объявить имъ, что онъ особенно принимаетъ ихъ подъ свое покровительство, а что всегдашняя его привязанность къ женщинамъ достаточно можетъ ихъ увѣрить, что онъ сдержитъ свое слово.

Солдаты поѣхали, офицеры съ ними; остались токмо Обрѣзковъ и Нарышкинъ, первый за женою, другой за болѣзнію; чрезъ четыре дня Нарышкинъ поѣхалъ.

Поведеніе солдатъ примѣрно; ни одного грубаго слова никому не сказали. Со всѣми офицерами своими и встрѣчными говорили учтиво и снявъ фуражку. По дорогѣ въ крепость за все платили что̀ въ лавочкахъ брали. Любопытнымъ отвѣчали: „идемъ въ крѣпость, видно тамъ есть какая нибудь работа."— При всякомъ разговорѣ съ генералами напоминали о присягѣ ихъ, о вѣрности Богу и государю; о готовности за него пролить кровь свою, но и о нестерпимости ихъ мученій. Жаловались, что Шварцъ приказывалъ одному на другаго плевать въ рожу; одной шеренгѣ другую бить по щекамъ; самъ щипалъ за губы подъ носомъ у тѣхъ, у коихъ усы, за неимѣніемъ натуральныхъ, нерегулярно нарисованы, разувалъ ноги и голыми ступнями заставлялъ у себя маршировать для выправки носковъ (дабы сказать сію новомодную похвалу маршированію: *какая игра въ носкахъ*!); увязывалъ солдатъ въ ремни для выправки талій; и наконецъ принуждалъ для чистки аммуниціи распродать имъ послѣднее ихъ имущество.

На нихъ наряженъ военный судъ. Левашевъ презусомъ; Гурьевъ и Сухтеленъ ассесорами; полковниковъ довольно: Воропановъ, Бергманъ и проч. Никого еще не обвинили. Съ донесеніемъ къ государю поѣхалъ 22-го Чаадаевъ. Шварцу приказомъ отказали отъ команды, а приказомъ 29-го дали выговоръ Орлову за опозданіе развода. Теперь все находится между страха и надежды въ ожиданіи рѣшенія государя. Городъ пре-

возноситъ Милорадовича; терпѣть не можетъ Васильчикова, обвиняя его, что (по словамъ солдатъ) инспекторскій смотръ сдѣлалъ онъ въ Семеновскомъ полку въ августѣ мѣсяцѣ такъ, что съ перваго слова всѣмъ солдатамъ ротъ зажалъ, оказавъ явное потворство Шварцу.

Вотъ Вашему Превосходительству подробнѣйшее извѣстіе о происшествіи семъ, котораго я по несчастнымъ моимъ обстоятельствамъ былъ свидѣтелемъ, но которое есть послѣднее при мнѣ: ибо по отправленіи курьера и я дни черезъ три отправлюсь, призывая до времени возвращенія моего всемилостивое и благодѣтельное ваше ко мнѣ расположеніе,—да не буду я лишенъ оныхъ за цѣну тѣхъ чувствъ привязанности и почтенія, съ коими я за честь и счастіе поставлю именоваться и пр.

(*Получено въ современномъ спискѣ изъ Симбирска отъ князя Василія Ивановича Баюшева.*)

ПИСЬМА Н. М. КАРАМЗИНА КЪ ЖУКОВСКОМУ (*)

(Изъ бумагъ Жуковскаго).

1.

1804 г. 31 октября.

Сердечно благодарю васъ, мой любезный Василій Андреевичъ! Катерина Андреевна, слава Богу! родила хорошо, и до сей минуты все идетъ, какъ надобно. Съ душевнымъ удовольствіемъ вѣрю вашей дружбѣ и смѣю думать, что между искренними, добрыми сердцами и моимъ не должно быть антипатіи. Обнимаю васъ мысленно и дамъ вамъ знать, когда можемъ увидѣться безъ хлопотъ.

Это письмо, вѣроятно, написано при самомъ началѣ дружескаго сближенія Карамзина съ Жуковскимъ. Рѣчь идетъ о рожденіи дочери его, Наталіи, которая скончалась въ младенчествѣ.

2.

Именинница васъ искренно благодаритъ, любезный мой Василій Андреевичъ! Поздравьте отъ меня Катерину Семеновну. Если не можно нынѣшній день, то нельзя ли обѣдать въ субботу?

Должно быть писано 24-го ноября. Катерина Семеновна- вѣроятно, Тургенева, мать Александра Ивановича.

3.

Христосъ воскресе! Я не забылъ нашего условія; но жестокая болѣзнь князя и нѣсколько времени мое собственное нездоровье мѣшали мнѣ назначить день для чтенія. Князю опять нѣтъ лучше, и мы въ крайнемъ безпокойствѣ. Поздравьте отъ меня съ праздникомъ любезнаго Димитрія Николаевича и скажите ему о причинѣ моего долговременнаго молчанія. Желаю, чтобы онъ не имѣлъ обо мнѣ худыхъ мыслей: ибо искренно уважаю его.

Это письмо писано, вѣроятно, въ 1806 году — годъ кончины князя Андрея Ивановича Вяземскаго, послѣдовавшей на Пасхѣ. Дмитрій Николаевичъ, долженъ быть Блудовъ.

(*) Сообщены княземъ Петромъ Андреевичемъ Вяземскимъ. Ему же обязаны мы и за примѣчанія къ этимъ письмамъ. *П. Б.*

4.

Остафьево, 10 іюля 1813.

Сердечно благодарю васъ за дружеское письмо, любезный Василій Андреевичъ. Горесть наша велика. Богъ знаетъ что̀ и для чего дѣлаетъ. Да будетъ Его святая воля! Между тѣмъ, я не то, что̀ былъ. Душа болѣе и болѣе темнѣетъ. Истерзанный потерями, опасаюсь наслаждаться и остальнымъ. Искренно желаю увидѣть васъ. Въ надеждѣ на скорый миръ, думали мы ѣхать въ Петербургъ: теперь говорятъ, что опять возобновится война. Можетъ быть, останемся въ Москвѣ на зиму. Не хочу дѣлать плановъ. Жена и дочери мои вамъ дружески кланяются. Меньшая опять неможетъ. Простите. Обнимаю васъ отъ души. Преданный вамъ

Н. Карамзинъ.

На конвертѣ:

Его Благородію Милостивому государю моему Василью Андреевичу Жуковскому. *Въ Бѣлевѣ.*

Около этого времени Карамзины лишились еще ребенка. Передъ тѣмъ понесли они подобную утрату въ Нижнемъ Новгородѣ.

5.

Любезнѣйшій! Императрица Марія приказала вамъ послѣ-завтра, то есть, въ воскресенье по утру въ 11 часовъ, передъ обѣднею, быть у нея въ Павловскѣ, чтобы познакомить васъ съ Великою Княгинею. И такъ, просимъ непремѣнно тамъ явиться. Вашъ *Н. Карамзинъ.*

24 авг.

На конвертѣ:

Нужное.

Василію Андреевичу Жуковскому. На Невскомъ проспектѣ, за Аничковымъ мостомъ, въ домѣ Блудова, противъ Барбизана. Въ С. Петербургѣ.

Это письмо должно быть отнесено къ 1816 году, когда уже Карамзинъ съ семействомъ переселился на житье въ Петербургъ, и рѣчь въ немъ идетъ о представленіи Жуковскаго Великой Княгинѣ Александрѣ Ѳедоровнѣ.

6.

Любезнѣйшій! Я къ вамъ писалъ вчера, но теперь еще посылаю нарочнаго съ сею запискою. Императрица вдова, наговоривъ мнѣ объ васъ много прекраснаго, велитъ вамъ въ воскресенье по-утру явиться къ ней въ Павловское, т. е. завтра, чтобы представить васъ Великой Княгинѣ. Итакъ, непремѣнно отправьтесь, чтобы быть тамъ прежде одиннадцати часовъ утра. Приготовьтесь къ нѣмецкимъ фразамъ. Обнимаю васъ нѣжно. Напишите ко мнѣ строчку. Вашъ *Н. Карамзинъ.*

25 авг.

Адресъ:

Василью Андреевичу Жуковскому. Въ домѣ Д. Н. Блудова, на Невскомъ проспектѣ.

„*Приготовьтесь къ нѣмецкимъ фразамъ*“: вѣроятно, для разговора съ Великою Княгинею, которая не за долго предъ тѣмъ пріѣхала въ Россію и не могла вести разговоръ порусски. Послѣ, подъ руководствомъ Жуковскаго, она полюбила русскій языкъ и русскую поэзію, собственноручно записывала въ свои записныя книжки стихотворенія, которыя ей болѣе нравились, и многія знала наизустъ. Никогда не забуду, съ какимъ чувствомъ изволила она мнѣ показывать въ Николаевскомъ Дворцѣ, во время коронаціи нынѣ царствующаго Императора, на комнату и едва-ли не на самый тотъ столъ, гдѣ слушала она уроки Жуковскаго.

7

С. Петербургъ, 1 ноября 1817.

Любезнѣйшій поэтъ! Сердечно благодарю васъ за милое, дружеское

письмо, которое меня до слезъ тронуло (это слабость.) Мы любимъ, чтобы насъ любили, а особливо хорошіе люди, такіе какъ Ваше Превосходительство. Привѣтствую васъ въ кельѣ; надѣюсь, что и Музы уже васъ тамъ привѣтствовали. Дайте знать о слѣдствіяхъ вашего съ ними свиданія. Искренно могу сказать, что всякое новое изящное произведеніе Свѣтланы меня порадуетъ. Въ самомъ дѣлѣ мѣсто прекрасно для вдохновенія. Куда ни взглянешь, все старо и болтливо для воображенія *Чу!* NB. Это *Чу!* есть здѣсь прилагательное, г. учитель!—Прошу менѣе тосковать о минувшемъ, а болѣе веселиться настоящимъ. Ваше положеніе имѣетъ немало пріятностей: говорите себѣ это почаще и благодарите Бога, Который къ намъ милостивъ.—Не хӯдо, еслибъ вы сказали мнѣ, что̀ вамъ именно полюбилось и *не* полюбилось въ моей исторіи; впрочемъ sans apprêt et sans gêne.—Мы здоровы. Работаю съ утра до вечера: отъ чего иногда худо сплю. Дай Богъ, чтобы все это сошло съ рукъ хотя изрядно, не худо!—Всѣ васъ обнимаемъ, любезнѣйшій; но за *невѣсту* не отвѣчаемъ; впрочемъ ищемъ, ищемъ! M-lle Левенштернъ у насъ пила чай; и объ васъ говорили: бьется-ли сердце? Простите. Жена въ особенности вамъ кланяется, и болѣе, нежели кланяется. Богъ съ вами и съ нами. Вашъ

Н. Карамзинъ.

Къ Императрицѣ я уже писалъ: не можете-ли узнать, дошло-ли это письмо, не малаго размѣра, по своему адрессу?

Рукою Екатерины Андревны: Bonsoir, mon cher et bon Joukovsky, soyez tranquille. Je pense souvent à vous, donc je songe aussi à la promise future, je suis à la recherche. На конвертѣ надпись рукою Карамзина:

Его Высокоблагородію Милостивому Государю моему Василью Андреевичу Жуковскому при Е. И. В. Великомъ Князѣ Николаѣ Павловичѣ. Отдать во дворцѣ. Въ Москвѣ.

Привѣтствую васъ въ кельѣ. Вѣроятно, подразумѣвается здѣсь комната, въ которой жилъ Жуковскій въ Кремлѣ. *Чу*—вѣроятно, шутка относительно Дашкова, который въ Арзамасѣ прозывался: *Чу*. Жуковскій всегда былъ озабоченъ мыслію и желаніемъ жениться и, полушутя-полусерьезно, поручалъ Карамзинымъ пріискать ему невѣсту.

8

Генв. 2, 1818.

Любезнѣйшій Василій Андреевичъ! Будьте здоровы и благополучны во все теченіе наступившаго года; разумѣется также любите насъ, какъ мы васъ любимъ. Я долго не писалъ къ вамъ; за то теперь пишу нездоровый: это стоитъ двухъ писемъ. Милый Тургеневъ увезъ у меня ваше послѣднее письмо и до сего времени не возвратилъ. Помню его содержаніе; но мнѣ хотѣлось имѣть его передъ глазами, чтобы отвѣчать вамъ. На Тургенева сердиться не могу: онъ такъ мило ведетъ себя противъ насъ! Вообразите, что никогда даже не дремлетъ въ нашемъ домѣ; поетъ, какъ птица, то о женщинахъ, то о мущинахъ; и ѣздитъ къ намъ черезъ день или черезъ два и не для общества, ибо у насъ (кромѣ рѣдкихъ визитовъ) никого не бываетъ.

Вы угадали наши чувства, любезнѣйшій, по случаю внезапной для насъ кончины добраго Митеньки. Князь Петръ рано поступилъ въ училище страданія. Горесть проходитъ, конечно; но что-то горькое остается въ сердцѣ. Скажите мнѣ, продолжается-ли ваше благословенное очарованіе? *Учи-*

тельство такъ-ли веселитъ васъ, какъ прежде?—На той почтѣ доставлю вамъ и Д. Н. Блудову (любезному и любимому) IV т. Исторіи, вмѣстѣ съ третьимъ. Истинно-дружески обнимите за меня и Дм. Николаевича и Дмитрія Петровича съ умиленіемъ (дѣйствительно умиленіемъ). Чувствую всю цѣну ихъ дружбы. Простите, добрый и мнѣ милый человѣкъ! Я не думалъ и столько написать къ вамъ. Надобно-ли говорить, что мы любимъ васъ *двое?* Въ этомъ случаѣ жена и мужъ одинъ человѣкъ. Обнимаю васъ нѣжно. На вѣки вашъ.

Н. Карамзинъ.

На адресѣ его-же рукою:

Его Высокоблагородію Милостивому Государю Василью Андреевичу Жуковскому. Отдать Е. П. Константину Яковлевичу Булгакову. Въ Москвѣ.

Тургеневъ имѣлъ отмѣнную способность или слабость, засыпать среди пріятельскаго кружка и самой оживленной бесѣды. И то правда, что онъ всегда вставалъ рано и проводилъ день, частью весьма дѣятельно, частью весьма подвижно: занимался дѣлами Департамента своего; кромѣ того состоялъ при разныхъ Комитетахъ, разъѣзжалъ по пріятелямъ и знакомымъ, которыхъ было у него много, по обѣдамъ, именно ***по обѣдамъ,*** ибо иногда справлялъ онъ ихъ по два въ день, говоря, что не знаетъ, ***успѣетъ ли проголодаться.*** Помню, что однажды переслалъ я къ нему, чрезъ Константина Яковлевича Булгакова, письмо съ надписью: ***безпутному Тургеневу гдѣ-нибудь на перепутьи,*** и Булгаковъ такъ приноровилъ, что почтальонъ передалъ ему письмо по дорогѣ въ Царское Село или въ Петергофъ. Относительно сонливости его, припомню слѣдующій случай. Однажды, при чтеніи Карамзинымъ въ Петербургѣ нѣкоторыхъ главъ изъ Исторіи (тогда еще не напечатанной) и въ присутствіи Жуковскаго, Блудова, Дашкова,—Тургеневъ такъ неожиданно и такъ звучно всхрапнулъ, что мы всѣ вздрогнули, а онъ проснулся. Карамзинъ, будто ничего не примѣчая, спокойно продолжалъ чтеніе свое. Въ ту самую зиму мы часто съѣзжались по вечерамъ у любезной и просвѣщенной Свѣчиной и почти всегда встрѣчали у нея извѣстнаго графа Іосифа де-Местра съ семействомъ, т. е. съ женою и дочерьми. Способность его засыпать превышала еще способность Тургенева. Онъ былъ большой говорунъ и говорилъ прекрасно, а иногда и краснорѣчиво: часто, среди разговора самаго увлекательнаго, вздремнетъ онъ на минуту или двѣ и, потомъ встрепенувшись, договариваетъ мысль свою, или возражаетъ противнику. Описывая салонъ Свѣчиной, который былъ отборный и по собесѣдникамъ своимъ и по личности самой хозяйки, умѣвшей руководить разговоромъ и оживлять его собственнымъ участіемъ, я когда-то сказалъ:

„И гдѣ, не зная принужденья,
Спитъ Местеръ самъ-четвертъ, Тургеневъ самъ-одинъ“.

Жена и дочери де-Местра не были такими савоярскими сусликами, какъ онъ; но вообще были довольно сонны. Графъ Ростопчинъ, также одинъ изъ прилежныхъ посѣтителей салона Свѣчиной, разсказывалъ, что, когда, послѣ долгой разлуки, семейство де-Местра пріѣхало къ нему въ Петербургъ, и онъ, увидя подъѣзжающую къ крыльцу дорожную карету, сбѣжалъ съ лѣстницы—мать и дочери выпрыгнули изъ кареты: они бросились въ объятія другъ къ другу и тутъ-же заснули. Кто-то пришелъ и разбудилъ ихъ.

9.

С. Петербургъ, 11 марта 1811 *)

Обнимаю васъ, любезнѣйшій мой и нашъ Василій Андреевичъ, съ сер-

*) Описка, должно быть 1818.

дечной благодарностію за дружеское послѣднее письмо и за двѣ тетрадки прекрасныхъ стиховъ, которые я нѣсколько разъ читалъ и для себя и для другихъ. Вмѣсто: *Для немногихъ*, я поставилъ-бы: *не много, да хорошо*. Видите, что я не врагъ стихотворства, хотя и рѣдко читаю стихи! Есть люди, съ которыми рѣдко видимся: не слѣдуетъ изъ того, чтобы мы имѣли къ нимъ нелюбовь. Но вы помните нѣкоторыя мои злословія.... виноватъ; но кто иногда не злословилъ? Довольно, что читаю ваши стихи съ искреннимъ удовольствіемъ: это все примиряетъ.

Исторія моя вступила въ продажу 2 февр., а 26 февр., въ 11 часовъ утра, были куплены у меня послѣдніе экземпляры. И такъ, она скончалась, къ неутѣшной горести десяти, (а можетъ-быть и болѣе) знаменитыхъ мужей, но къ живѣйшему удовольствію смиреннаго ея родителя—и къ вашему, какъ я увѣренъ, не сомнѣваясь въ дружбѣ Жуковскаго къ Карамзинымъ. Вотъ наши новости! А что дѣлается у васъ? Продолжается-ли очарованіе, или кроткое удовольствіе сердца? Такъ-ли вамъ хорошо, какъ было? Умный, добрый Блудовъ говоритъ, что вы совершенно довольны. Я два раза былъ здѣсь у В. К. Николая Павловича, не заставалъ его и отдалъ два экз. Исторіи камердинеру его, для него и для Великой Княгини, но не имѣлъ никакого отзыва отъ ихъ высочествъ: дошли-ли до нихъ экземпляры?

Простите и любите насъ — мужа, жену и дѣтей. Будьте здоровы и веселы. На вѣки вашъ. *Н. Карамзинъ.*

Рукою Екатерины Андреевны приписано:

Oui, mon cher et bon monsieur Joukovsky, suivez l'avis de mon mari et aimez nous un peu, parceque nous vous aimons beaucoup. Je vous remercie pour *les petits livres* qui contiennent tant de jolies choses. J'espère que la Grande D. apprendra avec plaisir une langue qu'on lui enseigne avec tant de grâce. Bonsoir, personne au monde ne vous désire plus de bien et plus sincerement que celle qui est pour la vie votre toute devouée C. K.

Карамзинъ былъ очень строгъ къ стихотворцамъ и къ стихамъ и *рѣдко читалъ ихъ*, какъ и самъ признавался. Особенно обращалъ онъ вниманіе и критику свою, такъ-сказать, на экономическое расположеніе и ходъ стихотворенія. Въ этомъ отношеніи, Жуковскій былъ иногда чрезъ мѣру обиленъ. Говоря языкомъ, которымъ часто любилъ онъ забавно выражать свою мысль, можно сказать, что онъ *расплывался*, хотя и звучными и блестящими стихами. У него не было трезвой сжатости и строго-стройной соразмѣрности, которыми такъ отличался Пушкинъ. Однажды у Дмитріева, пріѣзжавшаго въ Москву изъ Петербурга во время министерства своего, Жуковскій читалъ намъ только-что написанную поэму свою: „Пѣвецъ на Кремлѣ". Карамзинъ слушалъ со вниманіемъ, но въ срединѣ чтенія не вытерпѣлъ и сказалъ: „Впередъ, впередъ! Вы все на одномъ мѣстѣ кружитесь". Въ этомъ письмѣ Карамзинъ говоритъ о поэтическихъ бездѣлкахъ, которыя Жуковскій издавалъ *Для немногихъ*.

Дмитріевъ не такъ отзывался о нихъ. Онъ вообще былъ кровный и всецѣлый классикъ: очень уважалъ Жуковскаго и сочувствовалъ ему, но никогда не могъ совершенно примириться съ романтическими и фантастическими произведеніями нѣмецкой поэзіи, которой Жуковскій явился у насъ отголоскомъ и представителемъ. При появленіи первой книжечки, князь Александръ Николаевичъ Голицынъ, встрѣтясь съ Дмитріевымъ, спросилъ его: „Читали-ли вы „Для немногихъ" ?"— „Для немногихъ, да и не много" отвѣчалъ онъ.

Князь Вяземскій.

ГЕНЕРАЛЪ ГРАФЪ ЛЕОНТІЙ ЛЕОНТЬЕВИЧЬ БЕНИГСЕНЪ.

Бенигсенъ изъ Ганноверскихъ дворянъ, вѣчно въ Россійскомъ подданствѣ никогда быть не желалъ, и на то присягою не обязанъ (¹).

Сначала онъ служилъ въ Ганноверской пѣхотной гвардіи, произведенъ въ прапорщики въ 1759 году, поручикомъ въ 1760 г., капитаномъ въ 1763 г., маіоромъ въ 1768, подполковникомъ въ 1773-мъ (²).

Въ томъ же году Декабря 31-го перешелъ въ Россійскую службу и принятъ премьеръ-маіоромъ. Онъ опредѣленъ въ Тенгинскій пѣхотный полкъ сверхъ комплекта, а изъ онаго помѣщенъ въ комплектъ въ Нарвскій пѣхотный въ 1775-мъ; пожалованъ въ подполковники въ 1778 Декабря 12-го; по генеральному производству помѣщенъ въ Кіевскій легкоконный, и въ семъ же полку произведенъ въ бригадиры.

Бенигсенъ сдѣлалъ походъ Турецкій въ такъ называемую Румянцовскую войну, кончившуюся миромъ при Кучукъ-Кайнарджи въ 1774 году; съ 1783 по 1784 г. употребленъ былъ въ Польшѣ; съ 1788-го отличался въ Потемкинской войнѣ съ Портою Оттоманскою. — Онъ находился на Очаковскомъ приступѣ, въ сраженіи подъ Каушанами, при осадѣ и взятіи Бендеръ. — По заключеніи мира, онъ посланъ опять въ Польшу, гдѣ заслужилъ особенное благоволеніе Суворова, который поздравилъ его съ генералъ-маіорскимъ чиномъ 28 Іюня 1794 года. Императоръ Павелъ произвелъ его въ генералъ-лейтенанты въ Февралѣ 1798-го, а 30 Сентября тогожъ года онъ уволенъ, по прошенію, въ отставку (³). Изъ его послужнаго списка не видно, когда вступилъ онъ опять въ военную службу; однакожъ извѣстно, что въ 1801-мъ находился въ оной.

Въ первый разъ я повстрѣчалъ генерала Бенигсена въ Кремлевскомъ дворцѣ, въ день коронаціи Императора Александра и съ невольнымъ почтеніемъ остановился передъ этою величавою фигурою. Онъ былъ въ общемъ кавалерійскомъ мундирѣ, съ Александровскою лентою черезъ плечо и Георгіемъ на шеѣ. Высокій, сухощавый, съ длиннымъ лицомъ и орлинымъ носомъ, съ важною осанкою, прямымъ станомъ и холодною физіономіей, онъ поразилъ меня своею наружностію, между круглыми, скуластыми и курносыми лицами Русскихъ генераловъ и сановниковъ. Я сталъ разспрашивать о немъ у знакомыхъ мнѣ офицеровъ; мнѣ сказали: это Бенигсенъ! Онъ и тогда уже былъ весьма извѣстенъ храбрыми подвигами въ Польскую войну 1794 года, подъ начальствомъ всесокрушающаго Суворова;..... (*) Долго спустя (въ 1812-году), Бенигсенъ разсказывалъ о первыхъ мѣсяцахъ 1801 года генералу Паисію Сергѣевичу Кайсарову.—«Я находился на Кавказской линіи на службѣ и, имѣя въ Сенатѣ тяжебное дѣло, просился въ Петербургъ въ отпускъ; мнѣ было отказано. Вмѣстѣ съ отказомъ я по-

(¹) Послужной списокъ, подписанный Бенигсеномъ.
(²) Тамъ же.
(³) Послужной списокъ, подписанный Бенигсеномъ.
(*) Мы не рѣшаемся предать печати того, что дальше изложено въ имѣющейся у насъ рукописи. *П. Б.*

лучилъ письмо отъ графа П. А. Палена, въ которомъ онъ, какъ С. Петербургскій военный губернаторъ и сильный человѣкъ при Императорѣ, приглашалъ меня тайно пріѣхать въ столицу, на короткій срокъ, для устройства дѣлъ моихъ. Вмѣстѣ съ этимъ письмомъ присланъ былъ ко мнѣ и паспортъ на проѣздъ въ Петербургъ. — Тяжба моя была не шуточная; я поскакалъ, явился къ графу Палену, получилъ отъ него билетъ на прожитіе подъ именемъ повѣреннаго генерала Бенигсена, и далъ честное слово не показываться ни въ какихъ публичныхъ мѣстахъ до разрѣшенія, которое обѣщалъ онъ исходатайствовать мнѣ у Государя. Такимъ образомъ жилъ я, выходя только къ сенатскому секретарю и оберъ-секретарю, производившимъ мое дѣло....

Но перейдемъ къ Бенигсену-полководцу 1806 и 1807 годовъ, державшему тогда судьбу Европы въ рукахъ своихъ. На него, въ продолженіи полугода, обращено было вниманіе царей и народовъ.

Прежде, однакожъ, взглянемъ на политическое и военное состояніе Франціи, Россіи и Пруссіи передъ открытіемъ военныхъ дѣйствій на Вислѣ между двумя первыми державами.

$^{8}/_{20}$ Октября 1806 года, Россія заключила съ Пруссіею наступательный и оборонительный союзъ, полагая, что она, въ предстоявшей войнѣ сего королевства съ Франціею, будетъ вспомогательною, а не главною дѣйствующею державою, на которую одну обрушится вся тягость войны, всѣ силы могущественной, побѣдоносной Франціи. Можноли было вообразить, что военное государство, созданное геніемъ Фридриха Великаго, государство, которое семь лѣтъ славно противостояло соединеннымъ силамъ цѣлой Европы, сокрушится въ 14 дней? Однакожъ это случилось въ нашихъ глазахъ! И Россія, совсѣмъ неожиданно, увидѣла себя, грудь съ грудью, въ единоборствѣ съ побѣдоносною Франціею и съ геніальнымъ ея императоромъ. И гдѣ же? Не на берегахъ Рейна, не на берегахъ Эльбы, а на берегахъ Вислы и Наревы!

Россійскія военныя силы состояли тогда изъ 18-ти дивизій ([4]).

Въ арміи, назначенной дѣйствовать за одно съ Пруссаками противъ Французовъ подъ предводительствомъ осмидесятилѣтняго фельдмаршала графа М. Ѳ. Каменскаго ([5]) считалось 8 дивизій. Она раздѣлена была на два корпуса. Первымъ командовалъ генералъ отъ кавалеріи баронъ Л. Л. Бенигсенъ. Дивизіями его начальствовали генералъ-лейтенанты: графъ Остерманъ, Толстой, баронъ Сакенъ, князь Д. В. Голицынъ и генералъ-маіоръ Седьморацкій. 1-й корпусъ состоялъ изъ 78 баталіоновъ, 90 эскадроновъ, 24 пѣшей и 4-хъ ротъ конной артиллеріи и 4-хъ же ротъ піонеръ. Всего до 50-ти тыс. человѣкъ подъ ружьемъ. Второй корпусъ порученъ былъ генер. отъ инфантеріи графу Ѳ. Ѳ. Буксгевдену и составленъ изъ 4 дивизій, коими начальствовали генералъ-лейтенанты Тучковъ 1, Дохтуровъ, Эссенъ 3-й и генералъ-маіоръ Анрепъ. Сей корпусъ сильно потерпѣлъ въ походѣ 1805 года, и въ немъ считалось не болѣе 36-тыс. подъ ружьемъ.

Сюда же нѣкоторымъ образомъ принадлежалъ резервный корпусъ генерала отъ кавалеріи С. С. Апраксина, заключавшій въ себѣ 16, 17 и 18-ю дивизіи, предводимыя генераломъ Ртищевымъ, княземъ Д. И. Лобановымъ-Ростовскимъ и княземъ Горчаковымъ.

([4]) Высочайшіе приказы. ([5]) Приказъ 16 Ноября.

Молдавская армія составлена изъ 9, 10, 11, 12 и 13-й дивизій. Она поручена генералу отъ кавалеріи Михельсону. Дивизіонными командирами къ нему назначены: князь Д. П. Волконскій, Милорадовичъ, Мейендорфъ, Ланжеронъ и Дюкъ-де-Ришелье. Впослѣдствіи двѣ дивизіи изъ пяти, ускоренными переходами, прибыли на Вислу.

Здѣсь не включаются Кавказскій, Оренбургскій и Сибирскій отдѣльные корпуса, также войска, по старой Финляндской границѣ расположенныя, и гарнизоны.

Въ Ноябрѣ у Прусскаго короля оставался одинъ только корпусъ генералъ-лейтенанта Лестока. Въ немъ считалось 23 баталіона, 74 эскадрона, 5 батарей пѣшей и 5 батарей конной артиллеріи; всего до 15 тыс. человѣкъ. Въ Мемелѣ при королѣ находилось 1500 чел.; въ Данцигскомъ гарнизонѣ 6 т., въ Кольбергскомъ 2 тыс. и въ Грауденцкомъ до 3 т. человѣкъ. Вотъ все, что̀ уцѣлѣло отъ двухсоттысячной блестящей и надмѣнной побѣдами Фридриха Великаго Прусской арміи!

Французская же армія, по приходѣ ея на Вислу, состояла изъ 8 корпусовъ, а именно:

Ими командовалъ маршалъ Лёфебръ.

Гвардейскій	12.000.	челов.
Маршала Ляна	23.000.	—
— Даву	34.000.	—
— Сульта	30.000.	—
— Ожеро	11.000	
— Бернадота	17.000.	—
— Нея	22.000.	—
— Мюрата, кавалерійскій	20.000.	—
— Бессьера, кавалерійскій	20.000.	—
Всего	189.000.	челов. (6.)

(6) *Примѣчаніе.* Это на бумагѣ, а во фронтѣ и $^{100}/_{т}$. не было. По скудости продовольствія и почти непроходимымъ дорогамъ, весьма трудно было собрать на одной точкѣ и $^{80}/_{т}$. человѣкъ; доказательство этого видѣли мы подъ Прейсишъ-Эйлау.

Петербургскій кабинетъ сдѣлалъ важную ошибку, отдѣля $^{80}/_{т}$. челов. для занятія Молдавіи и Валахіи, и возстановя противъ себя Турцію въ такое время, когда Россіи угрожалъ Наполеонъ. Впослѣдствіи (въ 1812 г), для поправки этой ошибки понадобился такой великій полководецъ и такой хитрый дипломатъ, какъ князь Кутузовъ.

Россіяне уже много разъ встрѣчались на полѣ брани съ Французами. Побѣды Суворова въ 1799 г. въ Италіи и Швейцаріи, знаменитое отступленіе маленькой арміи Кутузова въ 1805 году, побѣда подъ Кремсомъ, подвигъ князя Багратіона, который съ 5 тыс. пробилъ себѣ дорогу штыками сквозь тридцати-тысячную непріятельскую армію, окружившую его подъ Шёнграбеномъ, славныя дѣйствія адмирала Сенявина въ Средиземномъ морѣ, при оборонѣ крѣпости Бокко-ди-Каттаро и Черногоріи, хорошо познакомили съ нами Французовъ. Бонапарту нельзя было не уважать насъ. Онъ невольно повторялъ слова Фридриха II-го, что Русскихъ скорѣе можно перебить, нежели побѣдить.

Въ 1806 году, первый Россійскій корпусъ генерала Бенигсена перешелъ границу 20 Октября (1 Ноября) въ Олитѣ, Гроднѣ и Яловкѣ (7). Съ 30 Октября (11 Ноября) главная квартира его находилась въ Пултускѣ; онъ расположился 3-15 Ноября на берегахъ Вислы и, въ ожиданіи втораго корпуса, занялъ предмостное укрѣпленіе Варшавы—Прагу. Прусскій генералъ-лейтенантъ Лестокъ, подчиненный Бенигсену, стоялъ въ кр. Торнѣ и содержалъ цѣпь до самого Данцига (8). Варшаву занималъ Прусскій гар-

(7) Генер.-лейт. Хатовъ, генералъ Жомини.

(8) Генер.-лейт. квартирмейстерской части Хатовъ, Жомини, донесенія генерала Бенигсена.

низонъ подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Плёца. Съ самаго начала Бенигсенъ показалъ нерѣшимость и робость; 21 Ноября (3 Декабря) онъ оставилъ берега Вислы, войска его отступили къ Пултуску; на другой день къ Остроленкѣ; но одумавшись, выступилъ онъ торопливо 23 Ноября (5 Декабря) въ обратный походъ, а 24 Ноября (6 Декабря) вошелъ въ прежнія квартиры (9). Ноября 20-го онъ предписалъ генералъ-лейтенанту Лестоку опорожнить Торнъ, а 26-го далъ ему повелѣніе возвратиться туда; но уже было поздно! Такія четырехдневныя, безочетныя движенія и передвиженія сдѣланы были въ пользу непріятелей. Они, безъ боя и потери времени, овладѣли переправою на Вислѣ и крѣпостями Прагой, Торномъ и Модлинымъ.

Первыя стычки съ полковникомъ Юрковскимъ и Русановымъ и капитаномъ Кулешемъ кончились въ пользу Россіянъ. Дѣло съ дивизіею графа Остермана-Толстаго на берегахъ Вкры важнѣе: сей храбрый изъ храбрыхъ генералъ поддержалъ честь Россійскаго оружія. —Декабря $^{12}/_{24}$-го онъ же въ Насельскѣ принялъ вторичный ударъ непріятеля, держался до послѣдней крайности, не допустилъ разбить и, также стройно и плавно какъ на манёврахъ, отошелъ къ Пултуску согласно съ даннымъ ему приказаніемъ. Въ тоже время, авангардъ генералъ-маіора Барклая-де-Толли у Колозамба и Сокочина атакованъ корпусомъ маршала Ожеро. Русскіе стойко выдержали стремленіе непріятеля, и медленно отступили также къ Пултуску.

Старый фельдмаршалъ графъ Каменскій прибылъ къ арміи 9-го Декабря; 10 и 11-го обозрѣвалъ онъ положеніе обѣихъ армій и особливо лѣваго крыла нашего, не имѣвшаго никакой опоры; $^{12}/_{24}$ отправился въ Насельскъ, а $^{13}/_{25}$ рано утромъ въ Пултускъ, гдѣ на канунѣ вечеромъ собралось до $^{45}/_{т}$ войска. Фельдмаршалъ былъ весьма недоволенъ, не найдя ни боевыхъ, ни съѣстныхъ припасовъ, ни госпиталей и, боясь быть обойденнымъ съ лѣваго крыла, приказалъ арміи отступить къ своимъ границамъ (10).

Бенигсенъ объявилъ ему, что онъ получилъ отъ Императора строгое повелѣніе защищать до послѣдней возможности Кёнигсбергъ, гдѣ имѣетъ пребываніе король Прусскій съ своею фамиліею, а потому исполнить его приказаній не можетъ и не отступитъ

Въ припадкѣ бѣшенства, которое, какъ извѣстно, часто находило на графа М. Ѳ. Каменскаго, онъ ускакалъ въ тотъ же день изъ Пултуска въ Остроленку, гдѣ, подъ предлогомъ болѣзни, бросилъ армію и удалился въ свои Орловскія деревни. (*) Напрасно встрѣтившійся съ нимъ на дорогѣ генералъ Б. Ѳ. Кнорингъ убѣждалъ его возвратиться къ арміи: Каменскій былъ слишкомъ раздраженъ и оскорбленъ; онъ не хотѣлъ благоразумнымъ окомъ взглянуть на великое дѣло, которое Богъ и Государь ему предоставляли. Суворовъ разстрѣлялъ бы Бенигсена такъ, какъ онъ хотѣлъ разстрѣлять Австрійскаго генерала Меласа (11); Кутузовъ прогналъ бы его изъ арміи, какъ сдѣлалъ это въ Октябрѣ 1812 года.

Генералъ Кнорингъ, знатокъ военнаго дѣла, начальникъ штаба гене-

(9) Дюмасъ, Жомини, Хатовъ, донесенія Бенигсена.

(10) Генералъ отъ инфантеріи Б. Ѳ. Кнорингъ.

(*) Это не совсѣмъ такъ, какъ видѣли наши читатели. См. выше, стр. 1495.

(11) Подъ Нови, когда онъ не послушался Суворова и не хотѣлъ идти атаковать правое крыло Французовъ. Я слышалъ это отъ графа Комаровскаго (ген. адъют.), который былъ посыланъ къ Меласу съ этимъ приказаніемъ. С. С. Кушниковъ привезъ ему первое приказаніе выступить.

рала Бенигсена, доказалъ автору сей статьи, что приказаніе стараго графа Каменскаго отступить арміи къ нашимъ границамъ отнюдь не было сумасшествіемъ, ни ослабленіемъ умственныхъ способностей, какъ хотѣлъ увѣрить всѣхъ Бенигсенъ. Это было единственное средство растянуть Французскую операціонную линію, отдалить ее отъ ея способовъ и, приближась къ своимъ, усилить свою армію тремя дивизіями генерала Апраксина, утомить, оголодить, заморозить непріятельскую армію и истребить ее навѣрное. Въ 1812 году Барклай отступалъ до Москвы, а его не только не сочли за сумасшедшаго, но и признали эту мѣру мудрою. „Во всякомъ случаѣ", замѣчаетъ генералъ Кнорингъ, „война при Каменскомъ не „могла кончиться хуже того, какъ она „кончилась при Бенигсенѣ—Тильзит-„скимъ миромъ".

Умышлено (12) раздража вспыльчиваго фельдмаршала, Бенигсенъ торжествовалъ, ибо удалилъ его изъ арміи — и остался старшимъ (13). Этого мало! Онъ, по счастливому случаю, стоялъ къ непріятелю ближе, чѣмъ корпусъ графа Буксгевдена и 14/26 Декабря храбро отразилъ жаркій натискъ полутора корпуса непріятельскихъ (14) подъ Пултускомъ.

Въ пышной реляціи, посланной къ Государю, нагло описалъ Бенигсенъ это дѣло, какъ генеральное сраженіе съ цѣлою Французскою арміею, предводимою самимъ Наполеономъ (15). Извѣстно, что въ сей же самый день Наполеонъ сражался подъ Голиминымъ (16) съ дивизіею князя Голицына, подкрѣпленною бригадою г. м. графа Палена, Московскимъ драгунскимъ и Московскимъ пѣхотнымъ полками, которыя присланы къ нему были отъ г. л. Дохтурова. Князь Голицынъ крѣпко держался до вечера; ночью же на 15 Декабря примкнулъ къ дивизіи Дохтурова, увязя въ грязи нѣсколько батарейныхъ орудій, имъ заклёпанныхъ. Бонапарте самъ признался, что неудача Голиминская была ему чувствительнѣе пораженія подъ Пултускомъ (17).

Бенигсенъ дѣйствительно отразилъ маршала Лана, который потерпѣлъ важный уронъ и отретировался въ безпорядкѣ. Гюденева дивизія уничтожена во всемъ смыслѣ этого слова. Но Русскій генералъ не извлекъ изъ своей побѣды никакихъ существенныхъ выгодъ. Счастье и тутъ помогло ему. Его реляція принята съ восторгомъ при Петербургскомъ дворѣ: досугъ ли тогда было повѣрять написанное Бенигсеномъ? Побѣдителю повѣрили на слово; ему пожалована Андреевская лента и 100-т. рублей; онъ сдѣланъ главнокомандующимъ арміею, а ему того только и желалось!

Надобно однакожь думать, что Бенигсенъ часто раскаявался, наложа на себя столь тяжелое бремя. Оно было ему не подъ силу. Уже 12 лѣтъ прошло,

---

(12) Кнорингъ ни сколько въ этомъ не сомнѣвался; дежурный генералъ Бенигсеновой арміи графъ П. А. Толстой тоже.

(13) Генералъ-лейт. Хатовъ увѣрительно говоритъ, что графъ Буксгевденъ былъ старше Бенигсена по службѣ, но ничѣмъ не подкрѣпляетъ словъ своихъ. — Покрайней мѣрѣ, съ Ноября мѣсяца и по отъѣздѣ фельдмаршала, Бенигсенъ первенствовалъ, распоряжался нѣкоторыми отрядами корпуса Буксгевдена и, хотя сносился съ нимъ какъ съ равнымъ, но и отъ него не получалъ никакихъ приказаній. — Надобно признаться, что графъ Буксгевденъ во все это время игралъ жалкую роль.

(14) Корпусъ Лана 23-т. и дивизія Гюденя отъ 10-т. до 12-т. человѣкъ.

(15) См. Печатную книгу: Журналъ военныхъ дѣйствій Россійской арміи въ 1806 и 1807 годахъ Сѣверную Почту и вѣдомости обѣихъ столицъ.

(16) Жомини.

(17) Жомини.

какъ этотъ полководецъ умеръ; мы пишемъ для потомства. Исторія начала уже разоблачать его. При геройской храбрости, при обширныхъ тактическихъ и стратегическихъ познаніяхъ, при наблюдательномъ умѣ, при опытности, пріобрѣтенной имъ въ походахъ съ Суворовымъ, при непоколебимомъ хладнокровіи, Бенигсенъ именно не имѣлъ тѣхъ качествъ души, которыя необходимы предводителю Русской арміи и, въ особенности такому, которому предстояла борьба съ великаномъ Наполеономъ. Составляя умные планы, онъ или искажалъ ихъ измѣняя тогда, какъ они уже были дополовины исполнены; или медлилъ тогда, какъ все зависѣло отъ дружнаго, мгновеннаго удара; онъ никогда не падалъ на враговъ, какъ снѣгъ на голову, и не зналъ смысла словъ: *взоръ*, *быстрота*, *натискъ*. Какъ администраторъ, онъ былъ слабъ; не умѣлъ заставить себѣ повиноваться; ему не извѣстно было мудрое правило графа Румянцова, что *войну надобно начать съ брюха* (18). Солдаты его во всю зиму питались сырымъ картофелемъ безъ соли; они шатались какъ тѣни, безъ обуви, безъ пріюта, слабѣли, заболѣвали и умирали съ голоду.

И всѣ эти лишенія переносили они безъ всякой надобности, мучились безъ всякой цѣли: ибо и послѣднему убѣжищу Прусскаго короля, Кёнигсбергу, угрожало приближеніе корпусовъ Бернадота и Нея; Грауденцъ, ключь къ устью Вислы, едва держался. Двѣ такія важныя причины принудили главнокомандующаго Россійскою арміею перемѣнить оборонительную систему въ наступательную. Корпусъ Нея, слишкомъ отважно подавшійся впередъ, былъ бы разбитъ наголову, еслибъ Русскихъ вели поспѣшнѣе и прямо на Найденбургъ и еслибъ хотя на нѣсколько дней отбросили трусливую осторожность(19), которая столько разъ была гибельна Австрійцамъ, изобрѣтателямъ кордонной системы, и съ которою нельзя взять штурмомъ ни Измаила, ни Ленкораня, ни Варшавы.

Упустя Нея, Бенигсенъ $^{13}/_{25}$ Января напалъ подъ Морунгеномъ на Бернадота, который, послѣ кратковременнаго успѣха, былъ смятъ и отброшенъ съ чувствительнымъ урономъ.— Бенигсенъ преслѣдовалъ его до Лобау и оттянулъ часть осадныхъ войскъ отъ Грауденца. Прусскій генералъ-лейтенантъ Лестокъ искусно тѣмъ воспользовался; онъ снабдилъ сію крѣпость свѣжими войсками и съѣстными припасами. Послѣ того опять нѣсколько частныхъ сшибокъ счастливо кончились для Россіянъ. Донскіе казаки съ ихъ лихимъ атаманомъ Платовымъ дённо и нощно тревожили Французовъ, непривычныхъ маршировать по колѣно въ снѣгу и ночевать на замёрзшихъ земляныхъ глыбахъ. Жаль, что правила партизанской войны не были приведены въ ясность, и мы не воспользовались вполнѣ тѣми преимуществами, которыя доставили бы намъ Донцы, Уральцы, Черноморцы, Башкирцы и Калмыки.

Наполеону весьма не хотѣлось выступать въ поле со всею своею арміею въ такую суровую пору года;

(18) Генералъ поручикъ Ив. Игн. Поливановъ, генер. маіоръ П. Н. Жеребцовъ.

(19) Въ самомъ дѣлѣ, „на войнѣ", говоритъ маршалъ Мармонъ, „самыя благоразумныя, самыя вѣрно-разсчитанныя мѣры часто разстраиваются отъ непредвидѣнныхъ случайностей, такъ что, распорядившись какъ можно лучше, необходимо предаться нѣсколько и счастью, тому слѣпому и скрытому вліянію, которое дѣйствуетъ независимо отъ всякой мудрости.

но успѣхи Россіянъ, которые день ото дня становились важнѣе, вызвали его съ теплыхъ зимнихъ квартиръ. Онъ разставилъ было сѣть Бенигсену; но счастье опять стало за него горою — онъ ускользнулъ изъ нея, и сталъ отступать, чтобъ не быть опрокинуту къ морю и не лишиться сообщеній съ Россіею. Непріятель горячо напиралъ на него. Такимъ образомъ, обѣ арміи очутились подъ Прейсишъ-Эйлау. Французскій императоръ, заснувъ наканунѣ подъ Русскими батареями, никакъ не ожидалъ, что мы остановимся твердою ногою. И Русскіе, не находя тутъ ничего выгоднаго, особливо послѣ несчастной потери мѣстечка Прейсишъ-Эйлау, также были изумлены неожиданною рѣшимостью своего главнокомандующаго, который принялъ сраженіе.

Какъ назвать упорную битву Января 27 го 1807 года? Бойней всего приличнѣе. Съ чѣмъ сравнить ее? Съ побоищемъ подъ Бородинымъ на лѣвомъ крылѣ нашемъ. Ядра, картечи, гранаты, пули летали тучами и, направленныя въ густыя колонны, косили людей какъ траву; штыки, палаши, сабли, пики, не давали промаха; кровь лилась ручьями; трупы людей и лошадей были взгромождены, какъ валъ; черезъ него шагали остервенившіеся солдаты. ..... Рѣзанина въ центрѣ, когда Русскіе грозно ударили въ штыки, а честолюбивые, храбрые ихъ противники приняли ихъ вызовъ; громъ и топотъ огромной массы конницы, стремглавъ ударившей на нашу пѣхоту, прорвавшей нашу первую линію и погибшей на штыкахъ сомкнувшихся Русскихъ колоннъ, на штыкахъ второй линіи, на палашахъ кирасиръ и казацкихъ пикахъ...... Земля заколебалась........ свѣтъ померкъ..... Мы устояли. — Не стану описывать ни прихода маршала Даву, растерявшаго двѣ трети солдатъ своихъ на дорогѣ, ни важной помощи, какую оказалъ намъ Прусскій корпусъ Лестока. — Французы отхлынули; Русскіе устояли; ночь и совершенное изнеможеніе развели сражающихся.

40. 000 человѣкъ, цѣлая половина Русской арміи, легли на снѣжныхъ поляхъ Прейсишъ-Эйлау. Чтоже мы выиграли? Ничего! Гдѣ великія послѣдствія столь великихъ усилій? Всѣ выгоды остались на сторонѣ враговъ нашихъ: они удержали за собою поле битвы, упрочили свои завоеванія, устрашили Австрію, получили спокойныя зимнія квартиры въ странѣ, всѣмъ изобильной, и всѣ средства живо продолжать осаду Грауденца и Данцига; а мы?....

Правду говорилъ мнѣ старый сослуживецъ Задунайскаго и Рымникскаго, генералъ Кнорингъ, что не надобно иностранцамъ ввѣрять Русскія арміи. Всякій Русскій генералъ того времени — Багратіонъ, Милорадовичь, Анрепъ, Раевскій, Дохтуровъ, воспользовались бы безчисленными выгодами, которыя были на нашей сторонѣ послѣ пораженія маршала Ожеро и уничтоженія отборной конницы Мюрата до появленія маршала Даву. Чего не совершилъ бы Суворовъ въ эти драгоцѣнные два часа? И много ли было нужно рѣшимости, чтобы съ 8000 Русскихъ побить 6000 Французовъ, уже разстроенныхъ, уже полупобѣжденныхъ? Ударить бы всѣми силами на Сент-Илера.. .. тогда Наполеонова армія была бы уничтожена — и 1814-й годъ настaлъ бы осмью годами ранѣе. Бенигсенъ не посмѣлъ этого сдѣлать: эта ледяная глыба не воспламенилась. Онъ стоялъ неподвижно, пропустилъ благопріятную минуту, далъ время сильному корпусу Даву подоспѣть на

выручку къ своему императору, отсрочилъ на долго его паденіе — и издалека приготовилъ Фридландское сраженіе, въ которомъ все потеряли мы, кромѣ чести.

Зачѣмъ Бенигсенъ не преслѣдовалъ разбитую подъ Прейсишъ-Эйлау Французскую армію на другой день, какъ это предлагали ему вечеромъ въ военномъ совѣтѣ Кнорингъ, графъ П. А. Толстой и Лестокъ. Мнѣ возразятъ, что дороги были занесены снѣгомъ, что настали сильные морозы, что у насъ было множество больныхъ, раненыхъ, усталыхъ, что мы терпѣли крайній недостатокъ въ фуражѣ и хлѣбѣ. — А развѣ для Французовъ сіяло іюльское солнце? — замѣчу я, — развѣ для нихъ по дорогамъ разосланы были персидскіе ковры? Развѣ они, пришельцы съ юга, выносили стужу лучше сыновъ сѣвера? Развѣ Русскій главнокомандующій, отступя къ Кёнигсбергу, доставилъ своимъ солдатамъ теплыя квартиры, учредилъ исправные госпитали, водворилъ довольство, избѣжалъ опасности быть прижатымъ къ морю и отрѣзану отъ пути сообщенія съ Россіею? Ничего этого не случилось ([20]). Тѣсная полоса, занятая Русскими, не въ силахъ была прокормить и пріютить многочисленную армію; зима лишила ее подвоза съ моря. Положимъ однакожь, что ужасная потеря людей въ Прейсишъ-Эйлавскомъ побоищѣ, $^{20}/_{т.}$ больныхъ и раненыхъ, убыль боевыхъ снарядовъ, необходимость пополнить полки, переформировать дивизіи, требовали отдыха; но все же не четырехъ-мѣсячнаго! И чѣмъ меньше показывалъ Французскій полководецъ желанія продолжать зимній походъ, тѣмъ убѣдительнѣйшимъ свидѣтельствомъ долженствовало это служить Бенигсену о слабости и плохомъ состояніи непріятельскихъ войскъ.

([20]) Генер.-лейт. Скобелевъ — Указъ о снятіи мундировъ съ коммисіаратскихъ и провіантскихъ чиновниковъ по преданіи ихъ военному суду.

Очевидецъ всѣхъ этихъ ужасовъ, Денисъ Васильевичь Давыдовъ, не въ красивомъ видѣ представляетъ намъ отступленіе Французовъ.

„Французская армія, говоритъ онъ, опасаясь на пути впередъ новаго сраженія, осталась около Эйлау. Только двадцать четыре эскадрона двинулись для наблюденія на берега Фришинга, къ Мансфельду и Людвигсвальду, и то по истеченіи слишкомъ двухъ сутокъ, и когда Наполеонъ удостовѣрился въ прибытіи нашей арміи къ Прегелю.“

«5-го Февраля Наполеонъ рѣшился отступить за Пассаргу для занятія кантониръ-квартиръ: онъ оставилъ Эйлау, преслѣдуемый нашимъ авангардомъ и всѣми казачьими полками, подъ начальствомъ атамана Платова, который съ того дня началъ свою Европейскую репутацію.“

„Обратное шествіе непріятельской арміи, не смотря на умѣренность стужи, ни въ чемъ не уступало отступленію ея пять лѣтъ изъ Москвы къ Нѣману. Находясь въ авангардѣ, я былъ очевидцемъ кровавыхъ слѣдовъ отъ Эйлау до Гудштадта. Весь путь усѣянъ былъ ея обломками“, продолжаетъ славный партизанъ „не было простаго мѣста. Вездѣ встрѣчали мы сотни лошадей, умирающихъ или завалившихъ дорогу своими трупами, и лазаретныя фуры, полныя умершими или умирающими солдатами и чиновниками. Торопливость въ отступленіи доходила до того, что кромѣ страдальцевъ, оставленныхъ въ повозкахъ, мы находили многихъ, выброшенныхъ на снѣгъ безъ покрова и одежды, истекающихъ кровью. Та-

кихъ было на каждой верстѣ не одинъ, не два, но десятки и сотни. Сверхъ того, всѣ деревни на пути нашемъ завалены были больными и ранеными, безъ врачей, безъ пищи, безъ малѣйшаго призора.—Въ этомъ преслѣдованіи казаки наши захватили множество усталыхъ, много мародеровъ и восемь орудій, завязшихъ въ снѣгу и безъ упряжи".

Непростительное бездѣйствіе Бенигсена перемѣнило положеніе обѣихъ армій:

1., Русскій полководецъ, сложа руки, смотрѣлъ на осаду Данцига, которая кончилась взятіемъ этой важной крѣпости. Когда же? Почти черезъ четыре мѣсяца послѣ кровопролитнаго сраженія при Прейсишъ-Эйлау. По взятіи Данцига, Наполеонъ присоединилъ къ себѣ 25-т. человѣкъ, которые заняты были осадою.

2., Бенигсенъ далъ время непріятелю выгнать изъ Помераніи Шведовъ и разсѣять собиравшихся тамъ подъ знамена Густава IV Пруссаковъ и Ганноверцовъ.

3., Въ четыре мѣсяца спокойной стоянки, императоръ Французовъ успѣлъ образовать внутреннее управленіе Ганноверомъ, Пруссіею и Польшею.

4., Наполеонъ притянулъ къ себѣ свѣжія войска изъ Италіи и Швейцаріи, набралъ 80 т. конскриптовъ, оставилъ въ Прусскихъ крѣпостяхъ самое ограниченное число войскъ, прочія же всѣ присоединены къ дѣйствующей въ старой Пруссіи арміи.

5., Въ Декабрѣ и Январѣ Россійская армія имѣла гораздо болѣе пушекъ, чѣмъ непріятельская; прозорливый вождь Французовъ тотчасъ замѣтилъ это превосходство и поспѣшилъ добавить ихъ числительный недостатокъ Прусскими пушками.—Французы еще въ началѣ зимы истратили свои боевые снаряды; имъ подвезли ихъ изъ Магдебурга. Изнуренныя ихъ лошади поправились въ теплыхъ Прусскихъ конюшняхъ. Императоръ Французовъ едва могъ сосредоточить подъ Прейсишъ-Эйлау 70 т. Въ концѣ Мая онъ выставилъ 160 т, не считая отдѣльныхъ корпусовъ. Бенигсенъ, усиленный гвардіею и четырьмя дивизіями, не могъ противопоставить ему болѣе 120 т. человѣкъ.

6., Ни чѣмъ нельзя извинить Бенигсена въ томъ, что онъ, имѣя отличную легкую конницу и летучіе полки Донскихъ и Уральскихъ казаковъ, Калмыковъ, Башкирцевъ, не усилилъ партизанской войны, а въ продолженіе 4-хъ зимнихъ мѣсяцевъ Донцы, подкрѣпленные строевою кавалерію и конною артилеріею, успѣли бы наудить арканами по крайней мѣрѣ 25 т. Французовъ на мародерствѣ, фуражировкѣ, въ деревняхъ и на дорогахъ. Какое бы это имѣло сильное нравственное вліяніе на нашихъ босыхъ и голодныхъ солдатъ! Какъ успѣхи партизановъ уронили бы духъ непріятелей! Вспомнимъ Испанію, Тироль и Россію въ 1812 году.

7., Около 20 Мая, Бенигсенъ началъ наступательныя дѣйствія, но они производились вяло; мы то съ излишнею отвагою наступали, то отступали съ такою торопливостію, какъ будтобы насъ на голову разбилъ непріятель и по пятамъ преслѣдуетъ. Нашъ главнокомандующій возгордился удачею 24 Мая подъ Гудштатомъ и 29 подъ Гейльсбергомъ, и не размыслилъ, что эта удача была сѣть, Наполеономъ ему разставленная. Онъ не могъ себѣ представить, что его арміи скоро придется отступать усиленными переходами и въ безпорядкѣ, чтобъ не дать раздавить себя. На-

канунѣ Фридландскаго сраженія не было ничего приготовлено къ обезпечнiею отступа, а это одна изъ важнѣйшихъ заботъ начальника арміи.

Бенигсенъ любилъ сваливать свою вину на другаго: это не дѣлаетъ ему чести. По его представленію, генералъ-лейтенантъ (впослѣдствіи Парижскій военный губернаторъ, фельдмаршалъ, князь, главнокомандующій 1-ю арміею) баронъ фонъ деръ-Остенъ-Сакенъ отданъ былъ подъ военный судъ. Предсѣдателемъ суда назначенъ генералъ отъ инфантеріи Б. Ѳ. Кнорингъ, чтимый Задунайскимъ и Чесменскимъ, уважаемый Рымникскимъ, другъ князя Таврическаго, учитель Барклая де-Толли, который въ молодости своей былъ у него на безсмѣнныхъ ординарцахъ, имѣвшій Георгія со звѣздою еще при Екатеринѣ Великой, начальникъ штаба Бенигсеновой арміи, одинъ изъ тѣхъ, которому, вмѣстѣ съ дежурнымъ генераломъ графомъ П. А. Толстымъ, обязаны мы тѣмъ, что Даву не опрокинулъ лѣваго крыла нашего на центръ подъ Прейсишъ-Эйлау, въ то критическое время, когда главнокомандующій, забывъ свою обязанность, поскакалъ отыскивать Лестоковъ корпусъ, оставя громимую ядрами и картечьми армію на произволъ судьбы. Кнорингъ имѣлъ право судить о военныхъ дѣйствіяхъ и былъ ихъ безпристраснымъ свидѣтелемъ. Членомъ военнаго суда надъ Сакенымъ опредѣленъ генералъ лейтенантъ князь Волконскій; кто былъ другой, не припомню. Императору Александру весьма хотѣлось, чтобъ это дѣло было кончено какъ можно скорѣе, а Кнорингъ тянулъ его. Выведенный изъ терпѣнія, Государь призываетъ князя Волконскаго и спрашиваетъ: скороли оно кончится?—„ Оно еще и не начиналось“, — докладываетъ Его Величеству князь Волконскій — „предсѣдатель велѣлъ положить его подъ красное сукно и никогда объ немъ не напоминать ему“. Удивленный Государь спрашиваетъ объ этомъ Кноринга. Прямодушный Лифляндецъ смѣло отвѣчаетъ ему: „Васъ увѣрили, что Сакенъ виноватъ, а онъ правъ; у него въ мизинцѣ больше мозгу, чѣмъ у Бенигсена въ головѣ“ ([21]). Съ тѣхъ поръ дѣло это предано было забвенію, а Сакенъ блистательными подвигами оправдалъ и доброе мнѣніе о немъ Кноринга и милость монаршую ([22]).

Императоръ Александръ, обманувшись въ Каменскомъ, ошибившись въ Бенигсенѣ, хотѣлъ испытать: не счастливѣе ли для него будетъ искреннее сближеніе съ Бонапартомъ.— Онъ заключилъ Тильзитскій миръ. Какъ тяготила мудраго, но скромнаго монарха пятилѣтняя опека коварнаго и наглаго его союзника, доказываютъ его слова одному знаменитому нашему полководцу ([23]) на полѣ сраженія подъ Фершампенуазомъ. —„Поздравляю Ваше Величество съ побѣдою; теперь ворота Парижа для Васъ отворены!» — Отъ всей души принимаю ваше поздравленіе, отвѣчалъ Государь торжественнымъ тономъ, двѣнадцать лѣтъ я слылъ въ

([21]) Авторъ статьи слышалъ отъ генерала Кноринга. В.

([22]) Послѣ втораго сраженія подъ Бріенномъ, Государь былъ отмѣнно доволенъ порядкомъ и храбростью Русскихъ войскъ. Онъ въ особенности выхвалялъ дѣйствія генерала Сакена и присовокупилъ: „Какъ чуствую я себя виноватымъ предъ нимъ! Этому причиною Бенигсенъ: онъ оклеветалъ его передо мною. Надѣюсь однакожъ, что теперь Сакенъ будетъ мною доволенъ“. — Орденъ Св. Андрея былъ наградою польководца. Осматривая потомъ корпусъ Сакена, монархъ благодарилъ всѣхъ, а генералу сказалъ: «Ты побѣдилъ не только внѣшнихъ непріятелей, но и внутреннихъ».

([23]) А. П. Ермолову. В.

Европѣ посредственнымъ человѣкомъ: теперь посмотримъ, что-то заговоритъ она! — И съ этими словами крѣпко, крѣпко пожалъ его руку.

Насталъ бѣдственный, священный, славный, великій 1812-й годъ. Бенигсенъ сильно домогался командованія арміею; онъ употреблялъ самыя низкія средства, чтобы оклеветать передъ Государемъ Кутузова и, кто знаетъ? можетъ быть успѣлъ бы въ этомъ, еслибъ князь П. А. Зубовъ, Кнорингъ, Аракчеевъ, Балашовъ и Шишковъ не отстояли его въ тайномъ военномъ совѣтѣ (24). Уже поговаривали вслухъ, что князь Зубовъ назначенъ на смѣну старому фельдмаршалу, а Кнорингъ въ начальники штаба его. Однажды, въ засѣданіи совѣта, обвиняли Кутузова, что онъ спитъ по 18-ти часовъ въ сутки. „Слава Богу, что онъ спитъ; каждый день его бездѣйствія стоитъ побѣды", замѣтилъ Кнорингъ. — Онъ возитъ съ собою переодѣтую въ казацкое платье любовницу. — „Румянцевъ возилъ ихъ по четыре. Это не наше дѣло!" (25).

Сраженіе подъ Тарутинымъ, которое при всякомъ другомъ предводителѣ (Барклаѣ, Коновницынѣ, Раевскомъ) кончилось бы совершенною гибелью Французскаго 35/т. авангарда, имѣло для насъ самыя ничтожныя выгоды; потеря же наша была безмѣрна. Это сраженіе разбудило безпечно спавшаго на пеплѣ Москвы Наполеона. И на другой же день, 7 Октября, непріятельская армія начала выступать изъ Москвы.—Хитрый фельдмаршалъ. хотя наружно и показывалъ, что онъ восхищенъ этою побѣдой, въ самомъ дѣлѣ не могъ простить себѣ того, что онъ послушался краснобая Бенигсена. (26) — У нихъ уже давно начались нелады, а тогда они явно разсорились. Вскорѣ послѣ 7 Октября, Кутузовъ, споря съ начальникомъ своего штаба, очень ласково замѣтилъ ему: «Мы никогда, голубчикъ мой, съ тобою не согласимся; ты думаешь только о пользѣ Англіи, а по мнѣ, если этотъ островъ сегодня пойдетъ на дно моря, я не охну" (27).

Какъ бы однакожъ то ни было, Кутузовъ въ донесеніи своемъ Государю отнесъ къ Бенигсену всю славу побѣды подъ Тарутинымъ; онъ испрашивалъ ему 100/т. руб. и шпагу съ лавровымъ вѣнкомъ и бриліантами. Съ тѣмъ же самымъ курьеромъ, Бенигсенъ послалъ Государю свой подлый доносъ о томъ же самомъ: въ немъ онъ выставилъ свою побѣду въ лучезарномъ свѣтѣ, хвалилъ храбрость солдатъ, увеличивалъ уронъ и разстройство непріятелей и, позабывъ объ убитомъ подлѣ фельдмаршала ординарцѣ Безобразовѣ, упомянулъ, будто онъ за старостью и лѣнью не могъ быть личнымъ свидѣтелемъ битвы. Извѣстно, до какой степени императоръ Александръ ненавидѣлъ всякой низкій поступокъ. Онъ утвердилъ представленіе князя Кутузова, препроводилъ къ нему шпагу съ лаврами и 100/т. руб. для Бенигсена и вмѣстѣ съ тѣмъ, прислалъ доносъ его (28)

Главнокомандующій съ изысканною жестокостію отмстилъ ему. Онъ призвалъ къ себѣ Бенигсена, велѣлъ (капитану Скобелеву) громко читать свое представленіе, въ которомъ, поздравляя Государя съ славною побѣдою, онъ

(24) Слышалъ отъ генерала Кноринга, который жилъ въ Дерптѣ въ то время, когда авторъ статьи былъ тамъ профессоромъ. Ему обязанъ онъ знакомствомъ съ Барклаемъ, Сакенымъ, графомъ Остерманомъ-Толстымъ. В.

(25) Слышалъ отъ Кноринга и Балашова. В.

(26) Отъ Коновницына и Кикина. В.

(27) Отъ нихъ же.

(28) Отъ г. л. Скобелева. В.

писалъ — «что поручилъ войска сей экспедиціи маститому вождю, увѣнчанному лаврами, извѣстному опытностью и распорядительностію, и что онъ выполнилъ его предначертаніе съ мужествомъ и искусствомъ, его отличающими». — Чтеніе кончилось. Кутузовъ вручилъ Бенигсену шпагу и сотню тысячь рублей. Потомъ приказалъ читать громко вторую бумагу, имъ отъ Императора полученную. Бенигенъ стоялъ, какъ будто громъ разразилъ его, блѣднѣлъ и краснѣлъ. Кутузовъ безъ дальнихъ церемоній прогналъ его изъ арміи. Бенигсенъ очутился подъ Малымъ-Ярославцемъ, распоряжалъ войсками, какъ начальникъ штаба всѣхъ дѣйствующихъ армій, бросался въ опасности и присылалъ къ фельдмаршалу съ рапортами. — Эту ролю разыгривалъ онъ и подъ Краснымъ. Наконецъ фельдмаршалъ потерялъ терпѣніе, и съ сердцемъ сказалъ второму офицеру, къ нему присланному: «Скажи своему генералу, что я его не знаю и знать не хочу, и если онъ пришлетъ ко мнѣ еще разъ, то я велю повѣсить его посланнаго». — Послѣ такого краснорѣчиваго приказанія, Бенигсенъ пересталъ вмѣшиваться въ военныя дѣла, а разъѣзжалъ нѣсколько времени за арміею волонтеромъ; но это вскорѣ ему наскучило, и онъ отправился въ Петербургъ.

Въ 1813 году, по кончинѣ князя Кутузова, ему поручено было главное начальство надъ вновь сформированною арміею, которая наименована Польскою. Онъ привелъ ее въ Германію, на театръ войны, и, въ качествѣ второстепеннаго генерала, оказалъ важныя услуги въ знаменитомъ трехдневномъ Лейпцигскомъ сраженіи. Оттуда онъ посланъ подъ Гамбургъ, гдѣ не сдѣлалъ ничего блестящаго; однакожъ за взятіе Гамбурга получилъ орденъ Св. Георгія 1 класса.

По заключеніи Парижскаго мира, Бенигсенъ сдѣланъ главнокомандующимъ второю арміею. Время его управленія извѣстно ослабленіемъ дисциплины и чрезвычайными злоупотребленіями по коммисаріатской и провіантской части. По увольненіи отъ командованія арміею онъ поселился въ Ганноверѣ, гдѣ и скончался 2 Октября 1826 года.

Имя Бенигсена принадлежитъ исторіи. Онъ первый послѣ Суворова удачно употребилъ стратегическія и тактическія нововведенія въ большомъ размѣрѣ; ибо Кутузовъ не дѣлалъ предначертаній и не распоряжалъ дѣйствіями въ Австерлицкомъ сраженіи: планъ составилъ тотъ же Вейротеръ, который повредилъ при Ровердо, Бассано и Риволи, и котораго Моро побилъ какъ дурака при Гогенлинденѣ. Бенигсенъ устоялъ противъ Лана и Гюденя подъ Пултускомъ, не допустилъ себя разбить Наполеону подъ Прейсишъ-Эйлау, гдѣ почти истребилъ корпусъ Ожеро кирасирскій и конно-егерскій; еще усиліе — и онъ разгромилъ бы всю побѣдоносную Французскую армію. Тогда Бенигсену былъ бы воздвигнутъ памятникъ. Но „Богъ отмщеній, Господь, Богъ отмщеній воздалъ ему беззаконіе его, и по лукавствію его посрамилъ его Господь".

Авторъ этой статьи намъ неизвѣстенъ. По буквѣ *В.*, выставленной при нѣкоторыхъ примѣчаніяхъ и особенно по примѣчанію 24-му, можно думать, что она писана извѣстнымъ издателемъ Русскаго Инвалида А. Ѳ. Воейковымъ. Рукопись получена изъ Симбирска отъ князя В. Н. Баюшева. *П. Б.*

ПИСЬМА КЪ П. И. МАШКОВУ.

Письма эти печатаются съ подлинниковъ, хранящихся въ богатомъ семейномъ архивѣ барона Михаила Львовича Боде. Чѣмъ былъ Машковъ (давшій свое имя извѣстному Машкову переулку, близь Зимняго дворца въ Петербургѣ) видно изъ слѣдующаго пергаменнаго листа съ императорскою подъ кустодіею печатью:

Божіею милостью мы Петръ Первый імператоръ и самодержецъ Всероссійскій и протчая, и протчая, и протчая.

Извѣстно и вѣдомо да будетъ каждому, что объявитель сего Петръ Мошковъ употребленъ въ службу нашу во дворѣ нашемъ съ 1698; а 1705 году обрѣтался онъ въ Санктъпетербургѣ у надзиранія всякихъ вещей, комнатныхъ уборовъ, и денежной нашей казны, и устроеніевъ нашихъ домовъ. Такожъ въ надзираніи стекляныхъ и другихъ заводовъ, и въ протчихъ домовыхъ служеніяхъ. А нынѣ мы оного, для оказанной ево въ службѣ нашей ревности и прилежности, всемилостивѣйше пожаловали и опредѣлили въ наши надворные інтенданты: яко же мы его симъ жалуемъ и учреждаемъ, повелѣвая всѣмъ нашимъ подданнымъ помянутаго Петра Мошкова нашего інтенданта двороваго и пр. Данъ въ Санктъпетербургѣ декабря 12 дня 1724 года

Петръ.

I.

Господинъ.

Мы всегда желаемъ, чтобъ вы своими письмами насъ не оставляли; при томъ васъ имѣемъ увѣдомлять, что я и его королевское высочество съ любезнымъ нашимъ сыномъ есмь здрава, и прошу поклонъ мой отдать любезной вашей супругѣ. Впрочемъ пребываю доброжелательная вамъ

«Анна». *)

Киль апрѣля 12 дня 1728 года.

II.

Мошковъ.

Когда батюшка повезутъ изъ Ямской, то больше не надобно какъ одинъ архимандритъ за нимъ поѣдетъ; а пѣвчихъ не надобно: мои пѣвчіи будутъ въ Сергіевскомъ ево дожидаться. Только надобно, ктобъ ево проводилъ изъ мірскихъ, чтобъ бережно ево довезли. Также и салдатъ человѣкъ шесть. А своей волею кто хочетъ пускай проваживаетъ, только съ похоронъ никто бъ въ Петеръгоѳъ не ѣздилъ.

„Анна

а нехудо какъ вы сами ево праводите, то уже изъ мирскихъ ненадобно“

Іюля 27 го дня 1737 году.

Надпись: „Петру Машкову“

Здѣсь и въ нижеслѣдующихъ письмахъ рѣчь идетъ вѣроятно о похоронахъ духовника императрицы Анны

III.

Мошковъ.

Прикажи во дворахъ батюшковыхъ и въ Сергіевскомъ, какъ при немъ было, такъ бы и нынѣ было. Только

---

*) Означенное вносными знаками, какъ здѣсь, такъ и ниже, писано собственноручно. Герцогиня Голштинская Анна Петровна пишетъ къ старому слугѣ отца своего. Извѣстно, что не красна была жизнь ея съ тупоумнымъ супругомъ въ бѣдномъ Килѣ, и она могла ждать себѣ отрады только изъ Россіи, гдѣ въ это время властвовали Долгорукіе. Письмо писано за 22 дня до кончины: Анна Петровна скончалась двадцати лѣтъ отъ роду, 4 мая (а не марта, какъ означено въ Энциклопедич. Лексиконѣ въ прекрасной статьѣ П. П. Пекарскаго) 1728 года.

строиться не вели вновь, и что̀ сдѣлано, то бъ не развалилося, и того надобно смотрѣть, чтобъ росходу лишняго не было. Надобно изъ его людей или и старцовъ выбрать добрыхъ и приказать, а васъ бы о всемъ спрашивались. Такъ же надобно вамъ указомъ нашимъ отписать къ Троицѣ въ Сергіевъ монастырь къ келарю тамошнему, чтобъ пожитки батюшковы, которые въ кельяхъ ево есть, не роспропали-бъ, всѣ бъ въ цѣлости были до указу.

„Анна“

Надпись: «Машкову въ Сан. Питербурхе».

Іюля 31 дня 1737 году.

IV.

Государь мой Петръ Ивановичь.

Приказала всемилостивѣйшая государыня, чтобы вы накормили нищихъ двѣнадцать человѣкъ, а деньги посланы двадцать рублевъ, на кормъ и на милостыню, а кормить въ день Спаса Нерукотвореннаго во вторникъ, и деньги посланы съ онымъ ѣздовымъ и отправивши объ ономъ отпиши ко мнѣ. При семъ остаюсь

„Анна Юшкова“. *)

Питергофъ Августа 14 дня 1737 года

РѢДКОСТНАЯ ПОМѢЩИЧЬЯ ДОВѢРЕННОСТЬ

Петръ Николаевичь.

Увѣдомился я Саранской мей вотчины села Большой Танѣевки отъ прикащика Ивана Переполова, что въ проѣздъ государственнаго злодѣя Пугачева находятся нѣкоторые крестьяне виновны въ грабежѣ моего дома и въ протчемъ. Того ради васъ прошу, чтобъ означенныхъ крестьянъ, кто явится по дѣламъ своимъ виненъ, о таковыхъ просить въ канцеляріяхъ о наказаніи кнутомъ и плетьми и объ отнятіи членовъ, то есть ушей; а естли достойны будутъ лишенія живота, то таковыхъ представя просить, что̀ по законамъ будетъ слѣдовать учинить съ ними по указомъ. Въ томъ я тебѣ вѣрю и впредь прекословить не буду. Впротчемъ есмь вашъ доброжелательный слуга и дядя Сергѣй Нестеровъ 25 Генваря 1775 года.

Сіе повѣренное письмо подлинно писано статскимъ совѣтникомъ Сергѣемъ Михаиловымъ сыномъ Нестеровымъ и подписано его рукою, въ чемъ засвидѣтельствуя подписуюсь секундъ-маіоръ Димитрей Іевлевъ сынъ Тюменевъ. Въ томъ же свидѣтельствуя, подписуюсь прапорщикъ Сергѣй Васильевъ сынъ Измайловъ. Въ томъ же свидѣтельствуя, подписуюсь лейбъ-гвардіи прапорщикъ Степанъ Петровъ сынъ Кузовлевъ. Надворный совѣтникъ Яковъ Васильевъ сынъ Игнатьевъ. Секундъ-маіоръ Иванъ Яковлевъ сынъ Игнатьевъ. Порутчикъ Николай Петровъ сынъ Левашовъ.

Печатается съ подлинника, хранящагося у В. В. Селиванова. Писано черезъ двѣ недѣли послѣ того, какъ Пугачевъ былъ казненъ въ Москвѣ.—Гдѣ дана довѣренность, изъ подлинной бумаги не видно. Село Большая Танѣевка — родовое имѣніе Нестеровыхъ, въ 10-ти верстахъ отъ Саранска по большой дорогѣ въ Пензу. Въ деревянной церкви этого села, доселѣ существующей, какъ извѣстно по преданію, садился на престолъ злодѣй Пугачевъ, котораго крестьяне принимали съ хлѣбомъ-солью, при чемъ передъ каждою избою выставлены были столы съ угощеньемъ, а на станкахъ у кузницъ воздвиглась висѣлица, для казни отрекавшихся принести присягу государю Петру Ѳедоровичу.

*) Главная камерфрау, Анна Ѳедоровна Юшкова (жена подполковника) находилась въ особенной близости къ императрицѣ Аннѣ. См. о ней Р. Архивъ 1866, стр. 1533, и 1867, стр. 162. Она была извѣстна отличнымъ умѣніемъ стричь ногти на ногахъ и сводить мозоли. Въ послѣдніе часы жизни Анны, когда всѣмъ нужно было узнать ея послѣднию волю касательно престолонаслѣдія, эта Юшкова сдѣлалась очень важнымъ лицомъ.

ПИСЬМО СУВОРОВА КЪ Д. И. ХВОСТОВУ.

Херсонъ Іюля 29 1793 году.

Дмитрій Ивановичъ! Младенчество флота опрокинуло крѣпости, дѣтство Наташи — ея кораблекрушеніе. Не П. и Ту. или иной кто Меркурій для Г. Валері. и проч. Послѣжь его закрываю жениха: всѣхъ нынѣ стерегитесь, будьте сами лишь благовидны; для оказанія довѣренности, открывать одну самую бездѣлицу за великую таиность и тѣмъ клевретамъ пароли; но будьте во всемъ дѣльномъ наискромнѣйшимъ. Наташѣ не танцовать, а выходить за мужъ; натанцуется какъ будетъ Эльмптова или Дол—а, и Бога ради не вдавайтесь въ тотъ подвохъ. Г. Н. И-чь уже не въ числѣ пріятелей, но въ злодѣяхъ. Въ 1786 году году вступилъ я въ чинъ 9-мъ, нынѣ я 10; к. Ю. Дол. имѣетъ надо мною списочное старшинство, онъ и для Ф-а и тѣмъ министра влечетъ съ собою въ президенты; а вороны ваши мнѣ соколу выпустятъ кишки. Не остается инаго, хотя бы я по порученію Ѳра Пав-а (*) и блистательное удовольствіе получилъ: но ѣхать волонтеромъ; дѣйствуйте прошеніемъ, коли хотя не 20,000, то золотомъ тысячъ до 15,000 р. присылайте ко мнѣ. Мѣсто Кахо., Прозор. и Долго. Чтобъ меня поравнять. Никого изъ списка не выключаютъ, развѣ еще наполнятъ, и какъ я страждущая особа, то и надлежитъ мнѣ искать спасенія. «Напрасно вы подавали о мѣстѣ. «Прес. Г. П. А. развѣ бы слѣдовало «на приказъ, а не отказъ, и только «что для клеврета въ осторожность. «П. Х. Т. безчестно втравилъ—самъ «не подалъ, чтобъ не отвѣчать. Тожъ «и другая цидуля, гдѣ пора К. Ю. «Дол. въ видѣ пустаго лая, напрягающаго гоненіе. Я до времени не «хочу съ Г. Н. Х. ни малой связи «имѣть, и не С. П. Б. Когда нашли «секретъ меня отъ дѣлъ удалить, то «и впредь легче найдутъ. Я твердъ «въ моемъ неудовольствіи и нынѣ «очень боленъ. Наташѣ съ домашни«ми Божіе благословеніе.»

(*) Франца Павловича Деволана?

Списано слово въ слово съ подлинника и сообщено Н. Н. Мурзакевичемъ.

СОБСТВЕННОРУЧНЫЙ УКАЗЪ ИМПЕРАТОРА ПАВЛА ДМИТРІЮ ЕГОРОВИЧУ ЛЕСЛИ.

„Господинъ генералъ маіоръ Лесли. Полку вашего маіоръ Мясоѣдовъ 1-й безъ всякаго основанія просилъ Насъ о уравненіи его съ протчими его сверстниками; и потому повелѣваемъ Мы вамъ арестовать его при полку на мѣсяцъ. Павелъ.

Санктпетербурхъ. Ноября 1-го дня. 1798-го году"

Сообщено графомъ А. С. Уваровымъ.

РАЗСКАЗЫ ИЗЪ ИСТОРІИ 1812 ГОДА.

1.

Въ числѣ остававшихся при нашествіи непріятеля чиновниковъ Московскаго почтамта, находился и г. Н...въ — замѣчательнѣйшая личность, единственный прототипъ, котораго даже безпощадное время щадило, указывая на него въ

подтвержденіе того, какъ долго сильный духъ въ сильномъ тѣлѣ можетъ переносить безропотно жизненныя мытарства. Онъ принадлежалъ къ геройской эпохѣ Суворовскаго времени. Храбрымъ гренадеромъ участвовалъ онъ во всѣхъ италійскихъ битвахъ и былъ дѣйствующимъ лицомъ при блистательномъ переходѣ нашей арміи чрезъ швейцарскіе Альпы. На стоянкѣ въ Богеміи онъ обабился (какъ говорилъ) и, возвратившись на родину, поступилъ въ Московскій Почтамтъ, въ которомъ съ честью служилъ въ разныхъ чинахъ болѣе 50 лѣтъ. Вотъ эта-то достойная личность осталась въ Москвѣ съ цѣлію отомстить, во что бы ни стало, врагамъ. Разсказомъ моимъ не желалъ бы я уменьшить достоинство того чувства, которое, зародясь въ благородномъ сердцѣ суворовскаго витязя, разрѣшилось неудачей, а потому подернулось смѣшнымъ оттѣнкомъ.

Злобно посматривалъ на враговъ отечества г. Н.. Узнавъ однажды, что самъ Наполеонъ собирается навѣстить Почтамтъ, въ который насажалъ онъ своихъ пришельцевъ, г. Н.... возымѣлъ мысль убить французскаго императора. Обдумывая свой планъ, онъ сообразилъ, что явное нападеніе невозможно, способнаго оружія у него не было, добыть его было трудно, а еще труднѣе было подойти къ лицу окруженному свитою, не возбуждая подозрѣнія. Долго соображалъ онъ; наконецъ обдумавъ, что императоръ войдетъ вѣроятно въ домъ, рѣшился сторожить его и поразить его съ верху. Такъ какъ всѣ этажи дома заняты были Французами, то, улучивъ время, обманувъ бдительность стражей, и взявъ ловкое полѣно, онъ пробрался съ нимъ безопасно на чердакъ и сталъ наблюдать. Три дня, голодный и трепещущій, сидѣлъ онъ надъ гипсовымъ орломъ, который подъ самымъ чердакомъ украшалъ тогда зданіе Почтамта, и выжидалъ счастливой минуты. Наконецъ заслышалась суматоха. Съ улицы повертывала толпа всадниковъ, часовые, поставленные у воротъ, отдавали честь; г. Н. воодушевился, зорко принаравляясь долбонуть господчика, котораго призналъ онъ за Бонапарта и, сбросилъ въ него смертоносный снарядъ свой. Полѣно слетѣло въ ту минуту, когда предполагаемый Бонапартъ всходилъ на крыльцо; но къ крайнему сожалѣнію г. Н... полѣно ни въ кого не попало, а только возбудило вниманіе Французовъ, сообразившихъ, что таковое чудо не могло совершиться безъ пособника. Пошли поиски, отъ которыхъ герой нашъ, изучившій занятую мѣстность, ловко прятался. Непріятель былъ близокъ, но не нашелъ его. Продежуря два дня, послѣ поисковъ, осторожно пробрался онъ съ чердака и, отдѣлавшись голодомъ, невредимо примкнулъ къ товарищамъ.

Въ послѣдствіи часто трунили надъ г. Н., увѣряя его, что Наполеонъ не пріѣзжалъ на дворъ Почтамта, но онъ, съ досадой утверждалъ, что Бонапартъ пріѣзжалъ; что онъ угадалъ его; что полѣно бросилъ вѣрно и если пролетѣло оно, не размозживъ головы, то развѣ чудомъ. Теперь поступокъ г. Н—ва обратили мы въ анекдотъ, а что стало бы съ войною и міромъ, еслибы умыселъ его удался? [1])

2.

Когда Французовъ погнали изъ Россіи, и Почтамтъ возвратился въ Москву, то первою заботою начальства было возстановленіе почтоваго сообщенія, нарушеннаго вторженіемъ враговъ, для чего, по смоленскому тракту, посланъ былъ чиновникъ Л—ъ.

Сельскіе жители только что начинали собираться на разоренныя пепелища свои, а потому дорожили уцѣлѣвшими избами, и толпами собирались въ нихъ на ночь. Погода въ концѣ Октября стояла холодная. Не доѣзжая Гжатска, измученный чиновникъ, желая согрѣться и отдохнуть, заѣхалъ къ вечеру на уцѣлѣвшій дворъ;

[1]) Слышалъ отъ почтеннаго Н...ва; недавно еще онъ окончилъ свое служебное и жизненное поприще на 98 году отъ рожденія.

въ гостепріемной избѣ было много народу, расположившагося на ночлегъ по лавкамъ и на голомъ полу. Всѣ спали, въ печкѣ свѣтился огонекъ. Снявъ верхнюю одежду и разыскавъ скамейку, Л. сѣлъ противъ печи и, убаюкиваемый здоровымъ храпѣніемъ крестьянъ, сталъ дремать, какъ услышалъ надъ собою голосъ и увидалъ растрепанную бороду, свѣсившуюся съ печи. Краснолицый крестьянинъ съ склоченными волосами зорко смотрѣлъ на него сѣрыми глазами, выглядывавшими изъ насупленныхъ бровей. „Панокъ, говорилъ онъ, а что я тебя спрошу?"—„Ну спрашивай" отвѣчалъ г. Л.—Что Французовъ-то далеко угнали?"—„Далеко," отвѣчалъ Л., желая отдѣлаться короткимъ отвѣтомъ. Но только что предавался онъ сладкому забытью, безпокойный крестьянинъ снова начиналъ спрашивать его: „Панокъ, а панокъ!"—„Ну что тебѣ?"—„А что я тебя спрошу, Французовъ-то много побито?"—„Много", отвѣчалъ раздосадованный чиновникъ, „на то и война, чтобы бить!" Но крестьянинъ не могъ успокоиться; онъ ворочался, кряхтѣлъ и выглядывая приставалъ съ докучливыми вопросами. „Панокъ, а панокъ, а что я тебя спрошу, такъ убивать ихъ Французовъ-то можно?"—„Я же сказалъ тебѣ," съ сердцемъ отвѣчалъ Л.—„Оно того..." приставалъ мужикъ, „хотя враги... землю разорили, а все же по образу и подобію..." Видимо упрекала его совѣсть, и онъ желалъ повѣрить сомнѣнія свои грѣвшемуся чиновнику. „Да ты, панокъ, скажи мнѣ, да не гнѣвайся, панокъ," приставалъ онъ! „Говори что-ли!" отвѣчалъ чиновникъ, выведенный изъ терпѣнія. „А вотъ вишь ты, сказалъ крестьянинъ, наловили мы это ихъ, Французовъ-то, десятка два и стали думать, чтò бы съ ними надѣлать, свести что ли куда, сдать что ли кому, да куда поведешь и кому сдашь? Вотъ и приговорили міромъ побить ихъ." Тутъ онъ пріостановился и, подумавъ, со вздохомъ продолжалъ: „Оно точно того, еслибы онъ на тебя съ ножемъ лѣзъ, ничего бы... а то смотритъ какъ баранъ; какъ тутъ быть то? Французъ не баранъ а все же человѣкъ, врагъ только, землю разорилъ. Вотъ мы и порѣшили."—Тутъ онъ опять пріостановился. „Выкопали въ перелѣскѣ глубокую яму, повязали имъ Французамъ руки и пригнали гуртомъ; стали это они вокругъ ямы, а мы за ними стали; почуяли, знать, свою злодѣйскую участь и начали жалостно талалакать, точно Богу молятся; мы наскоро посовали ихъ въ яму да живыхъ и зарыли. Вѣришь ли, панокъ, такой живущій народъ, подъ землею съ полъ часа ворошились!" И мужикъ окончилъ разсказъ свой молитвословіемъ за многогрѣшную душу свою.

3.

Тотъ же г. Л.—ъ, слѣдуя по тракту далѣе, пріѣхалъ въ Смоленскъ; здѣсь очищали городъ. Его поразило удушающее зловоніе и длинная паленица, виднѣвшаяся у крѣпостнаго валу: то были собранные трупы; ихъ сжигали. Страшно было видѣть, какъ огонь, жаркимъ дыханіемъ своимъ размягчая замерзшія ноги, заставлялъ ихъ маршировать: то было послѣднее загробное движеніе!.. Жители еще не собрались; уцѣлѣвшіе отъ разгрома дома стояли пустые, только въ крѣпости работали. Туда онъ и направился, отыскивая нужную ему мѣстную полицію. Былъ полдень, осеннее солнушко пригрѣло на время и свѣтило привѣтливо прямо въ лице его. Г. Л. стоялъ въ шубѣ у раскрытаго окна, выжидая капитана-исправника. Жалкая и вмѣстѣ съ тѣмъ умилительная картина рисовалась передъ нимъ. Изъ раскрытой двери противуположнаго дома, по одиночкѣ выползали какіе-то люди, одѣтые въ разнохарактерныхъ костюмахъ, кто съ пестрою повязкою на головѣ, кто въ колпакѣ. Къ какому полу и состоянію принадлежали они, распознать было трудно; съ трудомъ, путаясь въ одеждѣ, полягушичьи перебирались они черезъ улицу и, разсаживаясь подъ окномъ,

весело переговаривали, выкликая изъ дома опоздавшихъ товарищей. То были храбрые воины, потерявшіе въ сраженіяхъ руки и ноги, покинутые въ холодномъ климатѣ, безъ средствъ, гордымъ завоевателемъ. Они обрадовались солнышку, ползли на пригрѣвъ его, подсмѣиваясь надъ неловкими товарищами. Когда г. Л.—ъ, смѣясь сквозь слезы, спросилъ у нихъ, почему не пользуются они костылями, то они отвѣчали, что имѣлось только три костыля, но что въ морозы пожгли ихъ вмѣстѣ съ мебелью что была въ домѣ. Съ чиновникомъ былъ бѣлый хлѣбъ и водка, онъ вышелъ къ бѣднякамъ и предложилъ свою закуску; съ благодарностію приняли они ее, но только помогая другъ другу могли ею воспользоваться. Г. Л. замѣтилъ, что у 15 человѣкъ уцѣлѣло 18 рукъ и 12 ногъ; остальные были ампутованы.

Вл. Бр—ъ.

ЧЕРТА ВЪ ХАРАКТЕРѢ ЖУКОВСКАГО.

Въ Русскомъ Архивѣ напечатано довольно много писемъ В. А. Жуковскаго и матеріаловъ для его жизнеописанія. По поводу ихъ намъ случалось слышать отзывы, упрекающіе Жуковскаго какъ бы въ нѣкоторомъ избыткѣ добросердечія. Такіе упреки вовсе не справедливы, и мы надѣемся со временемъ представить тому многія доказательства. Теперь же приводимъ слѣдующій случай, о которомъ мы слышали отъ лицъ достовѣрныхъ.

Въ 1840 году, передъ своею женитьбою, Жуковскій пріѣзжалъ въ Москву и жилъ въ ней нѣкоторое время. Друзья его и почитатели его таланта задумали угостить его обѣдомъ по подпискѣ, и нѣсколько человѣкъ распорядителей этого праздника пріѣхали къ Жуковскому, чтобы пригласить его и вмѣстѣ съ тѣмъ показать ему, кто именно будетъ на обѣдѣ. Жуковскій сначала не хотѣлъ и смотрѣть списка лицъ, пожелавшихъ выразить ему свое вниманіе; но когда ему прочли этотъ списокъ, онъ сказалъ, чтобы одно лицо непремѣнно вымарали. Это былъ одинъ изъ пожилыхъ профессоровъ. „Я не хочу слушать, какіе о немъ ходятъ толки—говорилъ добродушно Жуковскій —но я не въ силахъ простить ему одной обиды“, и при этомъ разсказалъ, какъ тому три года, когда нынѣ благополучно царствующій Государь Императоръ, обозрѣвая Москву, посѣщалъ, въ сопровожденіи Жуковскаго университетскія лекціи, этотъ профессоръ цѣлый часъ выводилъ Жуковскаго изъ терпѣнія чтеніемъ ему въ лицо и въ торжественной обстановкѣ, чрезвычайно-льстивыхъ восхваленій его таланту и пр. „Этой бани не могу я забыть“, говорилъ Жуковскій. Многіе знаютъ, какимъ незлобіемъ отличался В. А. Жуковскій; но добросердечіе не исключало въ немъ цѣльности и твердости нравственныхъ ощущеній.

Стихотворенія КНЯЗЯ П. А. ВЯЗЕМСКАГО:

ВЪ ДОРОГѢ И ДОМА.

М. 1862. Цѣна 1 р. 50 к., съ перес. 2 р. (8°. 420 стр.).

ВЗГЛЯДЪ НА МОЮ ЖИЗНЬ.

Записки дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Ивана Ивановича Дмитріева. Москва 1866. 8°. 113 стр. Цѣна 2 р. с. съ пер. 2 р. 50 к.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАПИСКИ

1858, 1859 и 1861 годовъ.

3 бол. тома въ 4°, со снимками, портретами и съ полнымъ указателемъ къ Вѣстнику Европы, составленнымъ *М. П. Полуденскимъ*. Цѣна каждому тому по 5 р. с. Указатель продается и отдѣльно по 1 р. с.

Записки о жизни и службѣ Александра Ильича Бибикова. М. 1865. 8°. Цѣна 1 р. 50 к., съ пер. 2 рубля.

Воспоминанія графа *Соллогуба*. М. 1866. мал. 8°. Цѣна 50 к. съ пер. 75 к.

Записки *гр. Бассевича* о Россіи при Петрѣ Великомъ. М. 1866. бол. 8°. Цѣна 75 к. съ пер. 1 р.

РУССКІЙ АРХИВЪ
1869
и
ОСМНАДЦАТЫЙ ВѢКЪ.

ПЕРВЫЯ ДВѢ КНИГИ.

Подписка на оба эти изданія принимается въ Москвѣ въ Чертковской библіотекѣ на Мясницкой, № 7. и у извѣстнѣйшихъ книгопродавцевъ.

Иногородные подписчики обращаются съ своими требованіями *исключительно* въ Москву, въ Чертковскую библіотеку.

Цѣна годовому изданію одного **Русскаго Архива** на 1869 годъ, какъ въ Москвѣ и Петербургѣ, такъ и съ пересылкою въ другія мѣста и съ доставкою на домъ, 7 руб. сер.

Цѣна Русскому Архиву на 1869 годъ и вмѣстѣ съ нимъ одной только книгѣ **Осмнадцатаго Вѣка** 10 р., а Русскому Архиву и вмѣстѣ съ нимъ двумъ книгамъ **Осмнадцатаго Вѣка**, съ пересылкою **двѣнадцать** рублей. Книги XVIII вѣка продаются по одиначкѣ. Первая книга вышла, вторая печатается.

Желающіе получать **Русскій Архивъ и Осмнадцатый Вѣкъ**, надписываютъ свои требованія: въ Москву, въ Чертковскую библіотеку, Петру Ивановичу Бартеневу. Въ Петербургѣ можно подписываться въ книжномъ магазинѣ А. Ѳ. Базунова, но подписчики изъ другихъ городовъ обращаются *исключительно* въ Москву, въ Чертковскую библіотеку.

Тамъ же можно получать Русскій Архивъ прежнихъ годовъ 1864 года 4 р., 1865, 1866 и 1867 годовъ по 5 р. 1868 г. 6 р. Пересылка за каждый годъ по 50 коп. Покупающіе не менѣе двухъ томовъ пользуются уступкою по 50 к. съ тома. Желающіе получить *всѣ шесть лѣтъ вмѣстѣ*, т. е. еще и 1869 годъ высылаютъ съ пересылкою 29 р., а выписывающіе при томъ и *двѣ книги* **Осмнадцатаго вѣка**—платятъ съ пересылкою за всѣ восемь книгъ 34 руб.

Тетради Русскаго Архива по одиначкѣ не продаются.

☞ Подписныя цѣны на Русскій Архивъ и Осмнадцатый Вѣкъ, означенныя въ особомъ объявленіи (которое было приложено къ 9-й и 10-й тетрадямъ Русскаго Архива) нынѣ по необходимости измѣнены: до сихъ поръ за пересылку Русскаго Архива взимаемо было по 50 копѣекъ съ каждаго подписчика, вслѣдствіе же новаго распоряженія Почтоваго Начальства о разсылкѣ повременныхъ изданій съ 1869 года будетъ взимаема уже пятая доля ихъ объявленной стоимости.

Составитель и издатель Русскаго Архива: **Петръ Бартеневъ.**

ГОДЪ ШЕСТЫЙ

РУССКІЙ АРХИВЪ.

ИЗДАВАЕМЫЙ

12. ПРИ 1868.

ЧЕРТКОВСКОЙ БИБЛІОТЕКѢ.

СОДЕРЖАНІЕ.

1. Письма *графа Ѳ. В. Ростопчина* къ А. Ѳ. Брокеру изъ Петербурга и изъ чужихъ краевъ. 1815—1819.
2. Письма въ Россію съ острова святыя Елены *графа де-Бальмена*, Русскаго пристава при первомъ Наполеонѣ. 1817 годъ. Французскіе подлинники съ Русскимъ переводомъ.
3. Разсказы изъ исторіи 1812 года (собственноручная тетрадь *А. Н. Оленина*).
4. Краткія свѣдѣнія о Русскихъ писателяхъ и ученыхъ, умершихъ въ 1866 году. Изъ Справочнаго Словаря, составляемаго *Г. Н. Геннади*.
5. Графъ Алексѣй Алексѣевичъ Бобринскій, статья *князя П. А. Вяземскаго*.
6. Московиты у Нѣмцевъ въ 1576 году. ОС.
7. Заглавные листы, содержаніе и подробный указатель собственныхъ именъ къ Русскому Архиву 1868 года.

МОСКВА.
Типографія Т. Рисъ, у Мясницкихъ воротъ, д. Воейкова.
1868.

ВЫШЛА ВТОРАЯ КНИГА СБОРНИКА:

ОСМНАДЦАТЫЙ ВѢКЪ

СОДЕРЖАНІЕ.

I. Письма о Россіи въ царствованіе Петра II-го, въ Испанію, *Дука де-Лирія*, бывшаго первымъ Испанскимъ посланникомъ при нашемъ дворѣ. Переводъ съ испанскаго, священника *К. Л. Кустодіева*.

II. Родственное письмо Цесаревны Елизаветы Петровны къ графинѣ Скавронской.

III. Бумаги первыхъ годовъ Елизаветина царствованія:
- а) Собственноручная записка Императрицы.
- б) Указъ Кабинету.
- в) Упражненія въ словесности Великаго Князя Петра Ѳеодоровича.
- г) Письма Великой Княжны Екатерины Алексѣевны къ Императрицѣ Елисаветѣ
- д) Неизданные отрывки Камерфурьерскаго журнала 1744 года съ предисловіемъ *П. П. Петрова*.
- е) Вѣдомость челобитень, передъ свадьбою В. Кн. Петра Ѳеодоровича.

IV. Густавъ Биренъ, братъ Регента, статья *М. Д. Хмырова*.

V. Житіе Ѳедора Васильевича Ушакова, съ пріобщеніемъ нѣкоторыхъ его сочиненій. Статья *А. Н. Радищева*, съ послѣсловіемъ Издателя.

VI. Автобіографическое показаніе *Арсенія Маціевича*, съ примѣч. *П. И. Григоровича*.

VII. Приказъ Ярославскаго помѣщика *Карновича* 1765 года.

VIII. Масонскія бумаги:
- а) Посланіе Симбирскихъ Масоновъ въ Москву.
- б) Письмо *И. П. Тургенева* къ А. П. Соковнину.
- в) Письма *Кауница Ритберта* къ князю А. Б. Куракину съ послѣсловіемъ и примѣчаніями *М. Н. Лонгинова*.
- г) Изъ донесенія *князя Прозоровскаго* Императрицѣ Екатеринѣ о Масонахъ (сообщено *С. М. Соловьевымъ*).

IX. Семейство Разумовскихъ. I. Графы Алексѣй и Кирила Григорьевичи. Статья *А. А. Васильчикова*, написанная на основаніи печатныхъ источниковъ, новооткрытыхъ архивныхъ бумагъ, писемъ и семейныхъ преданій.

X. Похожденіе извѣстныхъ Петербургскихъ дѣйствъ. Записка Малороссіянина о восшествіи на престолъ Екатерины II.

XI. Письма, относящіяся къ восшествію на престолъ Екатерины II:
- а) *Адмирала Талызина* къ Н. И. Панину.
- б) *Графа Дивіера* къ Е. И. Шарогородской. (Сообщено *княземъ М. А. Оболенскимъ*).

XII. Procès-verbal du décès de l'Impératrice Catherine II. (Запись о кончинѣ Императрицы Екатерины II-й).

Получать можно въ Чертковской Библіотекѣ. Цѣна 3 р. 50 к., съ пер. 4 р.

ПИСЬМА ГРАФА Ѳ. В. РОСТОПЧИНА КЪ А. Ѳ. БРОКЕРУ.

Печатаются съ подлинниковъ, сохранившихся у Владиміра Адамовича Брокера.—Переписка начинается съ 1815 г., когда графъ Ростопчинъ, оставивъ Москву, проживалъ нѣкоторое время въ Петербургѣ, передъ отъѣздомъ въ чужіе края. Вытерпѣвъ грозу 1812 года, изумивъ соотечественниковъ и чужестранцовъ необычайнымъ напряженіемъ своей дѣятельности, графъ Ростопчинъ нуждался въ отдыхѣ. Кромѣ того, съ наступленіемъ мирнаго времени, снова возникли тѣ отношенія, которыя держали его внѣ службы съ 1801 по 1812 годъ, и 30 августа 1814 г. онъ вышелъ въ отставку. Ср. письма его того же времени къ Московскому пріятелю Д. И. Киселеву въ Р. Архивѣ 1863, стр. 822. Объ А. Ѳ. Брокерѣ см. въ этомъ году Р. Архива выше, стр. 1413 и д. *П. Б.*

1815.

1.

Я свое слово сдержалъ и въ Воскресенье, въ 2 часа по полудни, былъ уже здѣсь. Слѣдственно поспѣлъ къ обѣду. Графиня съ дѣтьми имѣла весьма безпокойную дорогу, по недостатку снѣга, и пріѣхала въ пятницу. Я еще кромѣ родни и короткихъ никого не видалъ, но принужденъ былъ вчера познакомиться съ однимъ Англичаниномъ, который, узнавъ, что я сюда буду, остался, чтобы меня видѣть. Въ Ливерпулѣ, въ Англіи, новой площади дали мое имя. Въ Гишпаніи вошло въ пословицу, если что очень честно и сильно,—„*это Ростопчинъ!*„ Желаю, чтобы многіе изъ Русскихъ этимъ пользовались. Прощай, другъ сердечный, будь здоровъ. Не перемѣняй образа мыслей и предоставь времени исправить то, что̀ люди испортили въ тебѣ крови. Катеринѣ Яковлевнѣ (1) и Григорью Григорьевичу Спиридову поклонъ. Скажи, что я совсѣмъ не охрипъ и дня черезъ два воспользуюсь правомъ объявлять вельможамъ за урядъ имянныя истинны. Leben Sie wohl, liebster Bruder und treuer Camrad in 1812 Jahr (2).

Пожалуйста отошли письмо къ Тончи и если отъ него будетъ посылка, то черезъ почту повѣрнѣе отправь.

С.Пб. 5 января, утромъ.

2.

Вотъ третій день, что̀ я сижу дома. У меня была геморройная боль въ головѣ и еще совсѣмъ не прошла; отъ сего я пропустилъ балъ у князя Куракина, гдѣ былъ весь дворъ. Новостей здѣсь нѣтъ, ибо никто ничего не знаетъ.

Смѣялись тому, что Козодавлевъ (3) просилъ у Аракчеева позволенія съѣздить въ Грузиново, а онъ ему отвѣчалъ, *что онъ ему въ семъ отказать не можетъ, сожалѣя, что не можетъ принять какъ въ городѣ*; а должно знать, что здѣсь Аракчеевъ запретилъ швейцару принимать Іосифа Козадавлева и пускать въ домъ. Графиня съ благодарностію кланяется, а я цѣлую въ горячую голову (4).

С.Пб. 12 января.

3.

Покорно благодарю васъ, Адамъ Ѳомичъ, за извѣстіе о себѣ и обо всемъ, что̀ касается до моего дома. Загородный подъ заведеніе водочное отдавать мнѣ не очень хочется, тѣмъ болѣе, что я не знаю, сколько и какое строеніе на сіе будетъ обраще-

(1) Супруга Брокера.

(2) Т. е., прощай, любезный братъ и вѣрный сотоварищъ 1812 года.

(3) Тогдашній министръ внутр. дѣлъ.

(4) Намекъ на чрезвычайную пылкость и отвагу Брокера.

но, а лучше бы всего, если бы господа пьянства—откупщики купили у меня и строеніе и землю, а я бы отдалъ за 80,000 р. Я надѣюсь, что дня черезъ три переѣду въ наемный домъ. Пріемъ, сдѣланный мнѣ и графинѣ, весьма лестный, и Государыня позволила мнѣ безъ зова ѣздить къ ней. Графу Сергѣю Ѳеодоровичу ([5]) Шведскій король прислалъ орденъ Меча, и выходитъ, что за моремъ лучше цѣнятъ меня, чѣмъ здѣсь. Прощай. Обнимаю и желаю здоровья. Возвращеніе Государя неизвѣстно, и всѣмъ ждать.

С.Пб. 19 января.

4.

Сегодня утромъ я получилъ съ почты повѣстку о посылкѣ Тончи, а вчера письмо ваше, за которое благодарю. Жаль очень, что у васъ повальная болѣзнь и кажется прилипчивая и „навозная". О Даниловѣ ([6]) здѣсь знаютъ. А. Д. Б. ([7]) не оставитъ его безъ мѣста. Я съ своей стороны жалѣю, что, хотя доставить ему случай оправдать хорошее мнѣніе, коимъ онъ своей службѣ обязанъ, черезъ сіе навлекъ ему непріятныя послѣдствія. Но предвидѣть недовольно многаго, но ничего нельзя. Мы здоровы, обживаемся въ наемномъ домѣ въ ожиданіи своего. Знакомыхъ, кажется, довольно. Я по прежнему думаю въ слухъ: вора называю разбойникомъ, а дурака скотомъ. Многіе смѣются сему чистосердечію, но иные крехтятъ. Пожалуйста, Адамъ Ѳомичъ, прикажи уложить, разобравъ хорошенько, билліардъ, а особливо сукно, ибо оно новое и съ нимъ полдюжины получше кіевъ и шары. Отправь сюда съ нимъ вмѣстѣ полóтна, если оныя присланы изъ Ливенскихъ деревень. Алексѣю паспортъ годовой при семъ прилагаю. Кланяйся всѣмъ тѣмъ, которые меня не бранятъ по . . . . Затѣмъ обнявъ тебя съ Кат. Яков. mit ganz Familie, остаюсь тебя истинно любящій Г. Ѳ. Ростопчинъ.

С.Пб. 23 января.

5.

Письма ваши два я получилъ и очень удивился, узнавъ, что въ Москвѣ меня разбили параличемъ — отняли одинъ языкъ, руку и ногу. Я радъ, что они этимъ забавляются. Урокъ добрый всѣмъ тѣмъ, кои захотятъ жертвовать собою для пользы Русскихъ. Хороша публика! Хороши и люди! Мои всѣ вамъ кланяются, а я, обнявъ отсюда, говорю Adieu.

С.Пб. 19 февраля.

6.

Письмо твое, любезный другъ, я получилъ и, дождавшись отъѣзда Булгаковыхъ, пишу съ ними. Кажется, исторія Ключарева съ концемъ, и объ немъ сказано было: *этотъ человѣкъ дурно кончилъ*. Мнѣ кажется, что новый твой и Москвы начальникъ ([8]) хочетъ тебя сохранить въ службѣ и говорилъ, что представитъ къ 3-му Владиміру. Но правду сказать, если сіе и выйдетъ, то онъ тебя свяжетъ. Ты видишь, что онъ только въ под-

---

([5]) Старшій сынъ графа Ростопчина, гр. Сергѣй Ѳеодоровичъ, род. 1794 г., служилъ адъютантомъ при князѣ Барклаѣ-де-Толли, впослѣдствіи женился въ Италіи на какой-то владѣтельной принцессѣ Marie de Solge (въ Россіи Марья Игнатьевна). Родовое имѣніе его въ Орловской губ. ушло на уплату долговъ. По смерти родителя своего, онъ пріѣхалъ въ Россію и поручилъ Брокеру скупить его векселя, въ громадномъ количествѣ; но не дожилъ окончанія этого дѣла и умеръ 4 апрѣля 1836 г.

([6]) Приставъ городской части въ Москвѣ.

([7]) Александръ Дм. Балашовъ, министръ полиціи.

([8]) Графъ Александръ Петровичъ Тормасовъ, (1752 — 1819) генералъ отъ кавалеріи, бывшій военнымъ губернаторомъ Кіевскимъ, Рижскимъ, главнокомандующій на Кавказѣ и съ 1812 года на Волыни, и потомъ сподвижникъ Кутузова. Въ Москву онъ назначенъ 30 августа 1814. Про его управленіе, сравнительно съ тревожною дѣятельностью его предшественника, говорили: «Москву затормозили».

писи начальникъ, а воли и дѣла у него нѣтъ. Его, какъ слѣпца, водятъ изъ угла въ уголъ. Признался, говорятъ, что на мѣсто Ивашкина (⁹) будетъ Шульгинъ. Хотя онъ чрезъ полгода и сломитъ самъ себѣ шею; но каково съ пьянымъ капраломъ служить и съ твоею запальчивостью! Тормасову прибавили 12 т. въ годъ столовыхъ денегъ. Говорятъ, будто В. К. Е. П. (¹⁰) поѣдетъ чрезъ Москву въ Штутгардъ и если Тормасова отправятъ ее принимать, то онъ ничего самъ не успѣетъ сдѣлать, а здѣсь и безъ него дѣла много. Гр. С. Ѳ. четыре дня какъ пріѣхалъ изъ Берлина. Онъ былъ съ мѣсяцъ боленъ, тою же болѣзнію въ груди; не знаю, для чего ему пускали кровь. Теперь мнѣ должно дожидаться, чтобы его, по представленію Барклая, отпустили въ чужіе края до излѣченія, и я уже отсюда съ нимъ поѣду въ концѣ апрѣля, пробуду недѣли двѣ въ Москвѣ, а оттуда поѣду на Битюкъ и въ Ливны, куда въ началѣ Августа пріѣдетъ графиня съ дѣтьми. Мы чрезъ Кіевъ отправимся за границу. Слѣдственно, прикажи моихъ каминовъ не топить. Отпиши пожалуйста о деньгахъ, кои долженъ отдать Дунашевъ и о 10,000 р. слѣдующихъ мнѣ по уговору въ нынѣшнемъ мѣсяцѣ. Прощай. Богъ съ тобой. Желаю, если не отставятъ, то чтобы поздравить съ Владиміромъ, а у меня на этой лентѣ есть медаль, которая бьетъ мою грудь и напоминаетъ 12-й годъ.

С.Пб. 20 февр.

7.

Письмо ваше съ роспискою Дунашева я получилъ и очень исправно, сего утра денегъ 7000, при немъ надписавъ на роспискѣ. Но 2000 руб. за мартъ еще нѣтъ. И я боюсь, что отъ неисправной пересылки выйдетъ для меня затрудненіе въ случаѣ моего отъѣзда къ водамъ. Здѣсь безпокоятся на счетъ Бонапарта и, правду сказать есть отъ чего. Вѣроятно, что наши войска пойдутъ во Францію, если злодѣй вскорѣ не будетъ тамъ истребленъ. Я воображаю, что за толки въ Москвѣ и что за радость между Французами! Прощайте. Жду съ нетерпѣніемъ Волкова, чтобы объ васъ до сыта наговориться.

Долгорукимъ (¹¹), Спиридову (¹²) и Волкова женѣ нижайшій поклонъ.

С.Пб. 29 марта.

8.

Я совсѣмъ не жалѣю, что Вороново горитъ. Кромѣ омерзенія къ сему мѣсту я ничего другаго не чувствую (¹³). Волковъ на Святой ѣдетъ въ Москву, сожалѣя о прогонахъ. Новаго ничего нѣтъ. Европа вся вооружается противъ Бонапарте, а этотъ разбойникъ прибѣгаетъ къ Якобинцамъ, дабы свертѣть еще болѣе головы Французскія. Въ Парижѣ грабежи. Но чѣмъ кончится — неизвѣстно. Что, Вороновскій лѣсъ приплылъ? Есть ли надежда, что скоро продастся?

С.Пб. 15 апрѣля.

9.

Вашъ начальникъ свои доклады долженъ представить въ Комитетъ, со-

(⁹) Петръ Александровичъ Ивашкинъ, съ 1802 г. полицеймейстеръ, съ 1811 г. оберъ-полицеймейстеръ; а въ 1816 г. мѣсто его занялъ Александръ Сергѣевичъ Шульгинъ 1-й.

(¹⁰) В. Княгиня Екатерина Павловна.

(¹¹) Долгорукіе, князь Александръ Николаевичъ и княгиня Екатерина Александровна урожден. (Го)лицына Дарья Александровна; сестра ея была за Дм. Ал. Олсуфьевымъ.

(¹²) Григорій Григорьевичъ Спиридовъ, сынъ Екатерининскаго адмирала. Сестра его Александра Григорьевна была за Екатерининскимъ генераломъ Густавомъ Ѳедор. Цимерманомъ.

(¹³) Теперь уже вымираютъ свидѣтели необыкновеннаго поступка графа Ростопчина въ селѣ его Вороновѣ, такъ что это погубленіе милліоннаго имущества кажется какимъ то миѳомъ. Въ Запискахъ Вильсона подробно говорится о томъ. Покойный гр. Мих. Ю. Віельгорскій былъ тутъ же, и разсказывалъ, какъ послѣ гостепріимнаго обѣда подали факелы, и началось зажженіе.

ставленный изъ Балашева и Козодавлева, а они черезъ Аракчеева подадутъ уже Государю. Прощайте. Нетерпѣливо хочется тебя видѣть и про старину поговорить.

С.Пб. 21 апрѣля.

10.

Въ первыхъ числахъ мая я отправлюсь, если еще чего отъ Бога не зайдетъ, и съ большимъ прискорбіемъ разлучусь съ своими на нѣсколько мѣсяцевъ. Извѣстія у насъ не хорошія, не смотря на слухи Вѣнскіе, которые преданы здѣсь печати. Мюратъ уже въ Ломбардіи, и должно полагать, что усилится Итальянцами, кои Австрійцевъ не терпятъ, а боготворятъ Бонапарте. Во Франціи, кажется, королевская слабая партія раздавлена, и Бурбонцы всѣ за границей. Теперь надежда на Якобинцевъ, въ коихъ Бонапарте ищетъ силы. Но послѣ того, что̀ съ нимъ случилось, ничего предвидѣть и угадывать не можно. Прощайте, на будущей недѣли напишу къ вамъ длинное письмо. Дѣлаютъ ли изъ флигилей, что̀ на улицѣ, лавки, какъ я предполагалъ, чтобы отдавать внаймы. Будьте здоровы. Гр. Ѳ. Ростопчинъ.

С.Пб. 25 апрѣля 1815 г.

11.

Я къ вамъ пишу съ Волковымъ и жалѣю очень, что перемѣна обстоятельствъ принудитъ васъ, можетъ быть, долго остаться въ непріятной должности, гдѣ вы кромѣ безпокойствъ ничего получить не можете: ибо, вѣроятно, что Москва еще болѣе прежняго забыта будетъ, а начальникъ вашъ займется своимъ благосостояніемъ, откупщиками, трактирами и пр. Я на будущей недѣлѣ намѣренъ непремѣнно ѣхать и съ большимъ огорченіемъ разстаюсь съ своими. Графиня не очень здорова и три дня, какъ сидитъ дома. Прошу васъ, когда Дунашевъ за май внесетъ 10,000 руб., то ихъ не пересылать, а внести тотчасъ и взять росписку изъ Дворянской Опеки: 9,000 р. составляющихъ десятую часть объявленнаго мною дохода; да въ октябрѣ мѣсяцѣ отдать также подъ росписку 1600 руб. князю Дмитрію Егоровичу Багратіону, зятю кн. Мих. Дмитр. Циціанова, который съ нимъ рядомъ и живетъ. Деньги, которыя будутъ какъ за проданный лѣсъ изъ Воронова, такъ и прочія или изъ доходовъ отъ Шрама или съ дома—тотчасъ размѣнивать на имперіалы или полуимперіалы и оставить у себя до моего пріѣзда въ Москву. Дѣла во Франціи всѣ въ пользу Бонапарте. Роялистовъ нѣтъ, а Якобинцы —новый инструментъ въ рукахъ злодѣя. Въ іюнѣ увидимъ, что̀ выйдетъ изъ страшныхъ пріуготовленій всей Европы противъ одного мужичка. Но не умѣли избавить отъ него миръ. Прощай, любезный другъ. Я ѣду чрезвычайно сердитъ на Москву, ибо она причиною моей разлуки съ семьею. Желаю тебя найти здороваго и столько же честнаго, каковъ ты былъ до нынѣ. Григ. Григ. Спиридову поклонъ. Прощай. Я писать буду до отъѣзда.

С.Пб. 1815 г. 26 апрѣля.

12.

Два твоихъ письма я получилъ, но для того не отвѣчалъ, что въ Воскресенье на Святой очень занемогъ. Доказательствомъ служитъ то, что четыре дня лежалъ въ постели. Теперь спѣшу отправиться къ вамъ, дабы въ концѣ мая возвратиться сюда и ѣхать тотчасъ въ Карлсбадъ, не упуская лѣтняго времени. Я надѣюсь (если чего отъ Бога не сойдетъ) чрезъ недѣлю выѣхать. Пожалуйста, любезный другъ, прикажи въ моихъ горницахъ поставить бывшія въ нихъ мебели по прежнему, то есть на моей половинѣ. Да приговори какого-нибудь ученика отъ повара, что̀ у меня жилъ, недѣли на двѣ. Я намѣренъ обѣдать дома, а кушанье мое самое

простое. Также мнѣ нуженъ лакей, если есть хорошій, ѣздить за каретой, а лошадей наймемъ. Вотъ мои намѣренія. Нетерпѣливъ тебя видѣть. Начальникъ здѣсь ждетъ утвержденія плана, но мнѣ кажется, что я буду его предтечею.

С.Пб. 28 апрѣля.

13.

Графиня недѣлю, какъ больна. Она выкинула, бывъ шесть недѣль беременна и послѣдствій бы дурныхъ не было, если бы ея не безпокоила тошнота. Я пріостановилъ свой отъѣздъ, и мнѣ очень грустно: и болѣзнь ея и мой походъ. Вотъ вамъ листъ. Порадуйтесь, какъ 150 т. Австрійцевъ дѣйствуютъ противъ 35 т. сволочи Неаполитанской, давъ Мюрату завладѣть почти всею Италіею. Вы вѣрно ждете, что какой нибудь Якобинецъ убилъ или убьетъ Бонапарте, но это его хитрости, и жаль, если слухъ сей подѣйствуетъ, а ему нужно время, дабы къ іюню имѣть 300 т. готоваго войска. Простите, живите, сѣките и не дремлите. Богъ съ вами.

С.Пб. 30 апрѣля.

14.

Завтрашній день, любезный другъ, я оставляю свое семейство и съ сжатымъ сердцемъ ѣду за границу. Путь мой на Берлинъ, откуда Гуфландъ отправитъ меня, не знаю къ какимъ водамъ. Въ началѣ іюля я надѣюсь быть въ главной квартирѣ. Графиня ѣдетъ въ Сарское Село. А объ насъ графъ Н. Н. тебѣ разскажетъ подробно. Деньги, слѣдующія и за май 10 т. Дунашевъ хочетъ отдать здѣсь графинѣ. Слѣдственно 9000, кои должно внести съ доходовъ моихъ, постарайся выручить лѣсомъ. Лавки изъ бесѣдокъ, кои на улицѣ, должно непремѣнно сдѣлать и отдать въ наймы. Я весьма бы желалъ, чтобы крышка на Сокольницкомъ домѣ была сдѣлана, дабы сохранить строеніе можно. Взять желѣза въ долгъ до зимы, а балки и прочій лѣсъ на стропила привести изъ Воронова. Если сіе сдѣлаешь, то одолжишь крайне. Скотъ лѣтомъ въ Вороново будетъ, но что изъ сего будетъ? Богъ знаетъ. Я не знаю почему, но былъ два раза призыванъ на важный совѣтъ касательно безпорядка и разстройства государственнаго и объявилъ, что доходовъ никогда не станетъ, пока будутъ красть, а о вольности до тѣхъ поръ будутъ говорить, пока Государь не раздастъ деревень. Пиши пожалуйста хоть въ мѣсяцъ разъ и отсылай свои письма къ Н. Игн. Калинину ([14]). Онъ будетъ ваши мнѣ доставлять, а мои къ вамъ. Кланяйся тѣмъ, кто обо мнѣ помнитъ. Не забывай стараго правителя и командира 12-го года, который, обнявъ тебя, желаетъ счастія и здоровья.
Гр. Ѳ. Ростопчинъ.

С.Пб. 15 мая.

15.

Я сюда пріѣхалъ благополучно и пробылъ двѣ недѣли лишняго отъ простуды, желанія узнать рѣшимость судьбы Франціи и отъ холодной погоды, во время которой въ бани ходить не можно. Здоровье мое нѣсколько поправилось тѣмъ, что я не чувствую тягости въ желудкѣ. Гуфландъ меня отправляетъ въ Теплицъ и въ Пирмонтъ, и я надѣюсь въ концѣ сентября быть возвратно въ Россіи. Побѣда Веллингтона и Блюхера свергла во второй разъ Бонапарте съ престола. Но я боюсь, чтобы онъ не ушелъ, а покуда сей звѣрь живъ, роду человѣческому покоя не будетъ. По извѣстіямъ 1-го іюля нов. ст. Блюхеръ и Веллингтонъ должны быть въ Парижѣ. Первому хочется войти насильно, чтобы пограбить. А. Д. Балашева я видѣлъ въ проѣздъ его черезъ

([14]) Николай Игнатьевичъ Калининъ, С.-Петербургскій почтдиректоръ, потомъ сенаторъ въ Москвѣ.

Берлинъ. Онъ имѣетъ препорученіе прекращать безпорядки внутренніе, не вступая однакоже въ управленіе М. П. ([15]); не знаю, какъ онъ успѣетъ, при существованіи почтеннаго Комитета, управляющаго имперіею. Пруссія страшныя сдѣлала пожертвованія, и 270 т. человѣкъ на войнѣ за границей. Дай Богъ добрый конецъ. Пріемъ на дорогѣ и здѣсь мнѣ чрезвычайный, иногда трогательный до слезъ. Часто дамы вхаживали ко мнѣ въ горницу и, извиняясь, объявляли, что онѣ желаютъ меня видѣть. Отцы приводили дѣтей на меня смотрѣть. Городъ просилъ дать себя списать. Звали на чай. Вечера, обѣды и проч. Не знаю, что́ будетъ въ Теплицѣ и въ Пирмонтѣ, а здѣсь я порядочнымъ человѣкомъ. Пожалуйста пиши ко мнѣ. Отсылай письма къ Ник. Игн. Калинину. Посмотри, чтобы въ домѣ не распропало. Кланяйся Катеринѣ Яковлевнѣ и тѣмъ, кои въ душѣ ко мнѣ расположены по прусски, а не по русски. Прощай. Богъ съ тобой. Будь здоровъ.

Берлинъ 26 іюня ст. ст.

16.

Я еще здѣсь принужденъ былъ нѣсколько дней остановиться отъ разстройства гемороя, такъ что мнѣ ставили піявки. Но коль скоро будетъ легче, то поѣду въ Теплицъ къ водамъ. Здѣсь Н. С. Муромцевъ, который также ѣдетъ въ Теплицъ и Пирмонтъ. Извѣстія: король Французскій 8 числа въѣхалъ въ Парижъ, Бонапарте ушелъ, и еще не знаютъ гдѣ. А армія, которая по капитуляціи пошла изъ Парижа въ назначенное мѣсто, прислала депутатовъ къ королю, что она безъ договора отдастся въ его власть. Государь нашъ и другіе государи ѣдутъ въ Парижъ. Вотъ вамъ послѣднія извѣстія.

Шопенгееръ пишетъ, что ему нужно листовое желѣзо для кубовъ и что онъ посылалъ за нимъ. Пришлетъ уксусу на продажу. Я увѣренъ, что вы по его требованію сдѣлали. Уксусъ должно продать, да поговорите съ Дунашевымъ, для чего онъ не беретъ крупъ съ Битюга. Если Богъ дастъ здоровья, то въ концѣ сентября надѣюсь быть въ Россіи. Прощайте, кланяйтесь тѣмъ, кои меня не забыли. Богъ съ вами. Гр. Ѳ. Ростопчинъ.

Берлинъ 5 іюля.

17.

Я уже три недѣли скоро, какъ здѣсь и пью воды. До сихъ поръ одну перемѣну чувствую, что послѣ обѣда не бываетъ тягости въ желудкѣ, а гемморой все въ томъ же положеніи. Здѣсь много очень людей, также и Русскихъ, изъ коихъ съ нѣкоторыми я видаюсь часто, а съ другими встрѣчаюсь. Король Прусскій здѣсь и пробудетъ три недѣли; но онъ ведетъ жизнь самую уединенную и никого не принимаетъ, даже ни съ кѣмъ не говоритъ. Здѣсь жить скучно, и ненависть, которая поселилась между Пруссаковъ и Саксонцевъ, все разсѣяла. Поляки насъ не могутъ терпѣть и заняты возстановленіемъ своего королевства, чего весьма и Австрія и Пруссія боятся. Давыдовъ писалъ, что въ Ливенскихъ деревняхъ сгорѣли четыре двора, и спрашиваетъ, что́ дѣлать. Прикажите, чтобы дома выстроили на мой счетъ, но отнюдь не рубя Кузмодемьянскаго лѣса. Меня безпокоятъ двѣ вещи: Дунашева долгъ и засуха, о коей всѣ пишутъ изъ Россіи. Я здѣсь пробуду еще три недѣли и поѣду прямо въ Баденъ на Рейнъ брать ванны и оттуда буду писать къ тебѣ, а можетъ быть и прежде. Кланяйся тѣмъ, кои обо мнѣ помнятъ. Теперь вамъ приходится хлопотно, и если Государь изволитъ быть въ половинѣ августа, то я на-

---

([15]) Министерства полиціи.

дѣюсь, что начальникъ твой выпроситъ награжденіе за усердную твою службу и ты меня о семъ увѣдомишь. Прощай, любезный другъ; прикажи, чтобы Кампорези хорошенько прибралъ картины, когда ихъ привезутъ изъ Петербурга. Кат. Яковлевнѣ мой дружескій поклонъ. Прощай.

Карлсбадъ 30 іюля.

18.

Окончa ванны въ Теплицѣ, я пріѣхалъ сюда и надѣюсь черезъ двѣ недѣли отправиться въ Берлинъ, гдѣ пробывъ дней десять, поѣду въ Петербургъ, куда душа и сердце чрезвычайно меня тащатъ. Дай Богъ, чтобы я нашелъ своихъ всѣхъ здоровыми. Я хотя не совсѣмъ вылечился, однакожъ чувствую себя лучше. Только странно, что можно сносить ванны, а внутренно воды меня безпокоятъ и требуютъ помощи и лѣкарства. Я здѣсь получилъ твое письмо и благодарю за поѣздку въ Вороново. Пожалуйста напиши ко мнѣ въ Петербургъ, куда я надѣюсь быть, если Богу угодно, въ половинѣ октября; что̀ дѣлается въ Вороновѣ и напиши, какъ идетъ въ Каменкѣ. Я бы желалъ отдать Московскій домъ въ наймы, если бы дали тысячь восемь, то есть кромѣ низа, куда должно будетъ поставить мраморы и картины. Меня совсѣмъ замучили любопытствомъ; до того, что изъ деревень пріѣзжали, подваживали дѣтей, чтобы на меня смотрѣли. Въ Касселѣ трактирщикъ не хотѣлъ было взять денегъ за то, что я у него сутки пробылъ. Въ Англіи первому скакуну дали мое имя. Слава Богу, что Московская компанія, то есть Мерлинъ, Пушкинъ, Кутузовъ и товарищи не сбили съ пути Нѣмцевъ. Во Франціи умы бродятъ и коль скоро союзныя войска выйдутъ, то Бурбоновъ опять выгонятъ и хоть Франція безъ Бонапарта и не можетъ быть опасна для Европы, но можетъ еще нанести безпокойство, ибо нельзя 26 милліоновъ съумасшедшихъ спустить съ цѣпи. Вѣрнаго еще ничего нѣтъ, когда Государь изволитъ возвратиться. Много дѣла во Франціи. Гр. Сер. Ѳед. въ Парижѣ съ фельдмаршаломъ. Ему Неаполитанскій король прислалъ (ко мнѣ) большой свой военный орденъ, и это будетъ новое—видѣть мальчика двадцати лѣтъ въ звѣздѣ. Но такъ тому быть, онъ и въ Москву покажется. Прошу Обрѣзковымъ очень отъ меня кланяться. Можетъ быть, зимою увидимся, но не въ клобѣ, не у кн. Юрья и не у Апраксина. Прощай, Богъ съ тобой. Обними Гр. Григорьича и тѣхъ, кои думаютъ, что я не хуже Тутолмина и Козадавлева. Кат. Яковлевнѣ мой поклонъ. Прощай.

Пирмонтъ 30 августа.

19.

Увѣдомъ пожалуйста, что̀ дѣлается съ Карамзина семьею. Онъ мнѣ писалъ, что у него одна дочь умерла, а двое еще дѣтей въ скарлатинѣ. Да мнѣ нужно знать о Дунашевѣ, когда онъ сюда пріѣдетъ для разсчета, сколько привезетъ денегъ и если онъ замедлитъ, то я Пшеницыну напишу, чтобы продали Елецкимъ. Прощай, я былъ недѣлю нездоровъ отъ колики. Великіе князья пріѣхали. Теперь ждутъ великихъ княженъ на сей недѣли, а Государя къ 25-му. Кланяйся своимъ и моимъ

С.Пб. 18 ноября.

20.

Письмо твое я получилъ и могу увѣрить, что причины моего отвращенія къ Воронову основаны на опытѣ: лѣнь крестьянъ, неблагодарность ихъ и разбой въ 1812 году. Я конечно бы охотнѣе продалъ домъ городской и дачу, но мнѣ нужны деньги для устройства дочерямъ приданаго. Наташѣ уже 18-ти лѣтъ и представлена къ двору. Шрамъ напрасно на меня

клепитъ, будто я ему мѣшаю прибавлять тягла. Мнѣ кажется, что вывозъ угля легче долженъ быть лѣсу, также и дрова, что̀ бы прибавило къ ничтожному доходу, который я получаю съ этого имѣнія. Хлѣба на 137 т. я продалъ Дунашеву. Онъ ѣдетъ завтра въ ночь, съ нимъ я пришлю заключенное условіе, которое должно подписать его женѣ съ ея поручительствомъ. Деньги 83,458 р. примите отъ него въ исходѣ января или въ началѣ февраля и 80 т. положите въ Воспитательный Домъ на мое имя, взявъ четыре билета, каждый въ 20,000 р., а 3,458 перешлите ко мнѣ. Я болѣе недѣли нездоровъ и завтра надѣюсь выѣхать и видѣть Государя. Прощай, съ Дунашевымъ напишу еще.

С.Пб. 6 декабря.

21.

Я выѣзжаю. Былъ у Государя. Принятъ очень хорошо, и мнѣ лучше всѣхъ, отъ того, что я ничего не хочу для себя. Министры очень дрожатъ. Перемѣнъ, я думаю, много будетъ, а по секрету Балашеву весьма дурно, и изъ нихъ никто у Государя не былъ. Прощай, Богъ съ тобой.

С.Пб. 8 декабря.

1816.

22.

До сихъ поръ я тебѣ ничего не могу сказать ни удовлетворительнаго, ни утѣшительнаго относительно твоей отставки. Волковъ ([16]), имѣющій и знакомыхъ и пріятелей, не знаетъ самъ о себѣ ничего. Теперь очень заняты новыми учрежденіями. Государь изволитъ заниматься дѣлами по Военной Коллегіи съ однимъ гр. Аракчеевымъ. У меня все здорово. Въ городѣ празднуютъ свадьбу Ек. Павл.; готовятся къ другой, то есть Ан. Павл. У меня все здорово, но Серг. Өедор. много мнѣ портитъ крови своею легкостью и слабостями. Онъ еще въ Берлинѣ. Если я пріѣду въ концѣ будущаго мѣсяца, то жить буду въ прежнихъ своихъ комнатахъ и топить должно только билліардную и столовыя и тѣ, что̀ я занималъ. Прощай, любезный другъ, веселись домашнею жизнію, она всѣхъ пріятнѣе.

С.Пб. 24 янв.

23.

Письмо ваше съ векселемъ на 15 т. я получилъ; теперь я вижу совершенно, что я дуракъ, потому что въ 51 годъ могу думать, что изъ Русскихъ кто нибудь и что нибудь можетъ сдѣлать изъ благодарности. Дунашевъ мнѣ можетъ стоить жизни, ибо, не заплатя денегъ, коими онъ мнѣ долженъ, я не въ состояніи буду ѣхать въ чужіе края лѣчиться и при-

([16]) Александръ Александровичъ Волковъ (коего біографія, соч. А. Я. Булгакова, издана отдѣльною книгою), женатъ былъ на Софьѣ Александр. Римской-Корсаковой. Въ 1812 г. онъ служилъ полицеймейстеромъ, а впослѣдствіи начальникомъ жандармскаго округа въ Москвѣ. Дружескія его письма къ товарищу по службѣ А. Ө. Брокеру, сохранились. Они сами по себѣ замѣчательны, и мы приводимъ одно изъ нихъ: «Увы! другъ любезный Адамъ Өомичъ, общая судьба наша не рѣшается и, кажется, опредѣлено еще намъ страдать! Возвращеніе государя императора вмѣсто того, чтобы приближаться, кажется на неопредѣленное время отлагается. Шельма Бонапартъ, адскими своими способами, развратилъ умы вѣтреной французской націи, такъ что опять ему все покланяется. Хотя и нѣтъ еще здѣсь офиціальныхъ извѣстій, но полагаютъ навѣрное, что онъ вошелъ уже въ Парижъ и что король, съ нѣкоторымъ числомъ войскъ, принужденъ удалиться въ Голландію. Генералы, адъютанты и армейскіе штабъ и оберъ-офицеры, здѣсь проживающіе, получили строгое приказаніе немедленно ѣхать къ своимъ мѣстамъ. Нѣсколько колоннъ уже пошло впередъ, на сихъ дняхъ отправляется и молодой графъ Ростопчинъ. Вчера обѣдалъ я у графини, графа не засталъ, онъ былъ у Головина. Прими, любезный другъ, изъявленіе чувствительнѣйшей моей благодарности за неоставленіе моей хозяйки, она тобою нахвалиться не можетъ и пр. и пр. твой преданный и нелицемѣрный Алек. Волковъ 30-го марта 1815 года. С.-Петербургъ».

нужденъ буду пробыть зиму въ Москвѣ, что меня убьетъ. Замѣтьте, что онъ не въ состояніи не довольно стараго долга, но и по договору на нынѣшній годъ платить. Я сбираюсь въ концѣ будущаго мѣсяца ѣхать въ Москву, хотя не могу похвастаться здоровьемъ. Начальникъ вашъ вчера мнѣ сказывалъ, что онъ не знаетъ, когда отсюда поѣдетъ, а съ дѣлами у Государя онъ еще не былъ. Жаль, что вы до новаго начальника полиціи не вышли въ отставку, а тутъ много исторій будетъ. Прощайте, Адамъ Ѳомичъ; желаю, чтобы вамъ не такъ грустно было, какъ мнѣ.

С.Пб. 24 марта.

24.

Вотъ еще письмо г-жи Козаковой. Пожалуйста справьтесь, чтобы мнѣ не платить своихъ денегъ и не прослыть *воромъ*, а Москва по любви своей ко мнѣ очень случаю будетъ рада. Начальника вашего здѣсь и съ Цицiановымъ ждутъ. Вотъ мои извѣстія. 15 т. я получилъ по векселю, но очень Дунашевъ много у меня испортилъ крови, и онъ помѣшаетъ мнѣ ѣхать лѣчиться. Прощайте; будьте здоровѣе меня. Небольсина ([17]), которая такъ была разорена, сыплетъ деньгами, и свадьба племянника ей будетъ стоить тысячь 80-ть.

С.Пб. 1816. 30 марта.

25.

Я все намѣренъ пріѣхать въ Москву въ маѣ, и мнѣ непремѣнно должно побывать въ деревняхъ, гдѣ отъ жиру дворовые люди избаловались. Пожалуйста отошлите приложенное письмо къ Кампорезе ([18]); мнѣ должно имѣть планъ дома для нѣкоторыхъ передѣлокъ, то есть, на половинѣ графини, а она, я думаю, осень и зиму проживетъ въ Москвѣ.

Начальникъ вашъ до сихъ поръ живетъ и въ кабинетѣ не былъ. Здѣсь большое безпокойство навелъ проэктъ о вольности Эстляндской губерніи, о чемъ уже трактуется въ Департаментѣ Гражданскихъ Дѣлъ Совѣта. Народу много набито въ голову и, Богъ знаетъ, какой выйдетъ конецъ. Прощайте. Я очень нетерпѣливо желаю быть въ Москвѣ, хотя и я ея и она меня не любимъ. Поклонъ добрымъ людямъ.

С.Пб. 7 апрѣля.

26.

Пожалуйста въ сходствіе прилагаемой при семъ бумаги справься у Ивашкина о Бодштейнѣ. Мнѣ помнится, что онъ ушолъ изъ полка, и былъ отосланъ къ Глазенапу въ числѣ вралей: тутъ былъ еще и Французъ Дельсаль. Напиши, что узнаешь и возврати К. В. ([19]) отношеніе. Начальникъ вашъ ждетъ и, можетъ быть, я прежде въ Москву пріѣду. Мнѣ хочется, чтобъ онъ привезъ 3-го Владиміра дѣятельному полицеймейстеру. Прощайте. У меня боль въ головѣ, и припускаютъ піявки.

С.Пб. 14 апрѣля.

27.

Въ Пятницу по утру. Утромъ я пустился къ вамъ по прекрасной дорогѣ и погодѣ; но, пріѣхавъ на третью станцію, почувствовалъ боль въ головѣ, въ боку и стѣсненіе въ груди. Принужденъ былъ остановиться и проведя самую безпокойную ночь, чувствуя себя больнымъ, счелъ благоразумнѣе воротиться назадъ. Я располагаюсь, если не занемогу, въ началѣ будущаго мѣсяца ѣхать прямо въ Карлсбадъ, а графиня останется здѣсь ждать Анну Степановну ([20]),

---

([17]) Авдотья Селиверстовна. Ея племянникъ, Никол. Ив. Небольсинъ служилъ въ послѣдствіи въ Москвѣ гражд. губернаторомъ.

([18]) Вольнопрактиковавшій архитекторъ.

([19]) Кн. Петру Михаил. Волконскому?

([20]) Протасову, тетку графини Екатерины Петровны Ростопчиной.

коей возращеніе будетъ въ сентябрѣ, и потомъ по первому пути поѣдемъ въ Москву и тамъ до мая проживемъ; слѣдственно съ Шрамомъ должно устроить доставленіе въ домъ дровъ, овса и сѣна. Теперь вся сила въ Дунашевѣ. Онъ противъ меня поступилъ яко сущій Московскій гражданинъ и тѣшитъ меня какъ ребенка. А что мнѣ больнѣе, — это то, что оставшіяся отъ дохода деньги опредѣлилъ въ приданое Натальѣ Ѳедоровнѣ ([21]). Отпиши пожалуйста, считать ли мой долгъ пропадшимъ или думаешь, что можно взять. Но возьми же и то въ соображеніе, что этотъ бородачъ моими деньгами и большимъ капиталомъ торгуетъ годъ и болѣе безъ процентовъ. Мнѣ ни въ чемъ удачи нѣтъ, а я ему 46 т. послѣ Французовъ подарилъ. Кажется, что Шрамъ ничего еще не сдѣлалъ, а обѣщалъ много. И это мерзкое Вороново кромѣ знатнаго капитала пропадшаго и тьмы неудовольствій мнѣ ничего не принесло. Но для Шрама должно быть пріятно. Посылаю къ вамъ гостинецъ — мозаикъ въ табакеркѣ, да славные мои брегетовы часы, кои, Богъ знаетъ какъ, я уронилъ въ первый разъ, и они стали. Ихъ хорошо чинилъ Штрасеръ, живущій въ домѣ Усачева. Отдайте ихъ ему и заплатите, но чтобы онъ починилъ къ 1-му іюня.

P. S. Мнѣ очень жаль, что нечаянное препятствіе, помѣшавшее мнѣ доѣхать до Москвы, нанесетъ тебѣ такъ много хлопотъ; но пожалуйста, любезный другъ, не покинь моихъ дѣлъ, а меня гонитъ изъ своей земли въ чужія несносная болѣзнь, которой здѣсь помочь не могли. Мнѣ очень жаль, что твое усердіе и дѣятельность достались подъ начальство человѣка, который своими глазами ничего не видитъ и для другихъ выпрашивать не смѣетъ. Поговори съ к. М. Д. Циціяновымъ, какъ онъ не рѣшился сказать слова Государю въ кабинетѣ о тѣхъ, за коихъ его просилъ Циціяновъ, хотя Государь и самъ допрашивался. Но дѣло въ томъ, что онъ подалъ записку, куда натурально всунулъ и Штенгеля и пр. Эта записка отослана въ Комитетъ, и я, какъ ни желаю тебѣ добра, но сомнѣваюсь, чтобы вышло. Можно ли Кремлевскій дворецъ совсѣмъ отдѣлать и меблировать къ 15-му августа? А Тормасовъ и Юсуповъ взялись. Кн. Салтыковъ при послѣднемъ концѣ. Трощинскій, по мнѣнію докторовъ, не оправится, отъ того что силъ нѣтъ, и онъ погибнетъ безвременно отъ страданья. Я очень радъ, что отпущенъ до излѣченья. Если Богъ дастъ здоровья, то въ концѣ будущаго лѣта возвращусь въ Москву, и хотя я ея и не терплю, но принужденъ въ ней буду жить, а здѣсь нѣтъ способа выдержать отъ дороговизны, скуки, сплетень и мерзостей. Графиня ожила какъ муха отъ весны. Лиза не совсѣмъ здорова: у ней сыпь, которой здѣсь много въ городѣ. Прощай, любезный другъ.

С.Пб. 15 мая.

28.

Я готовлю все, что́ потребно для тебя, какъ то вѣрющія письма и пр. и всѣ сіи бумаги отправлю къ тебѣ съ гр. Ник Ник. ([22]), который ѣдетъ на будущей недѣли въ Москву и въ Нижній. Изъ посланныхъ моихъ писемъ на послѣдней почтѣ ты увидишь, что я разрѣшилъ запросъ касательно покрыши Вороновскаго дома, но нахожу, что лучше уже крыть желѣзомъ. Хотя я Шраму отказалъ въ продажѣ рыбы изъ Юрьевскаго пру-

---

([21]) Наталья Ѳедоровна, старшая дочь гр. Ростопчина, въ 1819 г. вышла за Василья Дм. Нарышкина, полковника гвардіи и впослѣдствіи Симферопольскаго губернатора. По матери своей, онъ приходился родственникомъ гр. Семену Ром. Воронцову.

([22]) Головинымъ.

да, но если ты находишь, что сіе можетъ принесть большую пользу, то разрѣшаю. Прощай. На будущей недѣли хочется выѣхать. Сегодня было великолѣпное погребеніе кн. Салтыкова ([23]). Государь изволилъ идти за гробомъ пѣшкомъ отъ дома до Казанской. Богъ съ тобой.

С.Пб. 1 іюня.

29.

Я могъ бы выѣхать изъ Петербурга сегодня, но какъ принцъ Оранскій поѣхалъ по той же дорогѣ вчера и беретъ по 99 лошадей, то я и даю имъ трое сутокъ переду. Пожалуйста, любезный другъ, раздѣлывайся съ Дунашевымъ. Ему покойно чрезъ годъ за срокъ платить. Это мнѣ 5 или 6 т. разницы, а ему вдвое противъ барыша. Еще я долженъ тебѣ сказать, что если бы графъ Н. Н. Головинъ потребовалъ денегъ, то ты ему отдай все, что̀ ни есть или что̀ ему понадобится, ибо мы съ нимъ дѣлежа не знаемъ, а имѣнія и собственность общія. Прошу также духовную мою отдать въ Воспитательный Домъ, для чего и вѣрющее письмо прилагаю, а ту, что̀ положена въ 1811-мъ году, взять и оставить у себя. Я также прилагаю и къ Лунину письмо. Если должно или такъ заведено, то внеси рублей 200 при отдачѣ духовной. Я ѣду не съ самымъ сильнымъ здоровьемъ, но съ упованіемъ на Бога: ибо жизнь моя, для меня ничего не стоющая, нужна для жены и дѣтей, особливо въ теперешнихъ обстоятельствахъ. Послѣдній разъ, что̀ я былъ у Государя въ кабинетѣ, говорено было о Москвѣ и, кажется онъ тебя знаетъ, судя по слѣдующимъ словамъ: „*Брокеръ—дѣятельный и хорошій человѣкъ, отъ чего его иные и не любятъ, но, исполняя должность и не плутуя,—есть вѣрный способъ досаждать*". Генералъ вашъ—баба, но подлаживается всѣмъ. Балашевъ хотя и расказываетъ многое, но по моему употребленъ съ довѣренностію не будетъ. Графъ Аракчеевъ есть душа всѣхъ дѣлъ. Много онъ на себя взялъ; а дурно, что Пестель совѣтникъ и Пуколовъ самый ближній къ нему человѣкъ. Я отъѣзжаю спокойнымъ на счетъ имѣнія, избавя жену отъ хлопотъ и препоруча все честнѣйшему человѣку, на кого надѣюсь болѣе, чѣмъ на себя, ибо я немного и старъ и лѣнивъ — былъ конь, но укачался. Обнимаю тебя отъ души. Прости. Напишу изъ Риги.

Графа Сергія Ѳедоровича есть на 11 т. векселей у какого-то кн. Гагарина. Булгаковъ А. Я. ко мнѣ пишетъ, что ихъ можно тысячи за три или меньше выкупить, то переговори съ нимъ и если дѣло сойдется, то заплати, но не болѣе 3000. Выкупи и оставь у себя.

С.Пб. 11 іюня.

30.

Я въ четыре дня, ночевавъ каждый день, пріѣхалъ сюда и не знаю, какъ далѣе ѣхать, потому что Вел. Княг. Анна Павловна медленно ѣдитъ — нездорова отъ начала беременности и беретъ 130 лошадей. Вообрази, каково мнѣ будетъ замыкать и скоро ли я буду во Франкфуртѣ на Одерѣ! Пожалуйста, Адамъ Ѳомичъ, когда въ августѣ приведутъ быковъ Англійскихъ въ Вороново, то, оставя двухъ лучшихъ, остальныхъ продать въ Москвѣ. Лучшее же время и цѣнное—это въ три года, и должно тогда ихъ пооткормить. Мнѣ чрезвычайно какъ грустно. Никогда разставанье столько не было тяжело. Богъ знаетъ, что̀ изъ сего выйдетъ, а я не могу о графинѣ и о дѣтяхъ вспомнить, чтобъ не заплакать. Прости, любезный другъ, будь здоровъ и благодари Бога, что съ женой и дѣтьми вмѣстѣ.

Рига 18 іюня.

([23]) Скончался 16 мая 1816 г.

31.

По пріѣздѣ моемъ сюда изъ Висбадена, я нашелъ присланный изъ Москвы списокъ награжденіямъ. Первое мое движеніе было искать Г. П. Брокера и не мало обрадовался, узрѣвъ праотца нашего Адама въ равноапостольномъ Владимірѣ. Ты можешь похвастаться, что его досталъ пóтомъ, сокомъ, кровью и любовью къ службѣ и къ Государю. Поздравь себя и Катерину Яковлевну, да потрудись поздравить отъ меня почтеннаго кн. М. Д. Циціянова, А. А. Волкова, Дурасова и Киселева. Это, кажется, люди знакомые. Видно, что Москва показалась во всемъ блескѣ и перестала на время пребыванія Государя кряхтѣть, стонать и ворчать. Отсюда вижу, какъ многіе дворянства члены изъ тулупа въ мундиръ и во весь духъ, куда слѣдуетъ быть пріѣзду, въ надеждѣ *авось либо и имъ что-нибудь да будетъ*. Я здоровьемъ своимъ не очень доволенъ; геморрой часто меня мучитъ. Отсюда я поѣду въ Штутгардтъ на недѣлю, а потомъ чрезъ Стразбургъ въ Парижъ, гдѣ располагаю пробыть до марта и потомъ чрезъ Брюссель и Веймаръ попасть въ маѣ въ Карлсбадъ. Вотъ мои намѣренія живыя, а впрочемъ Богу единому извѣстны судьбы человѣческія. Въ Парижъ меня рѣшили ѣхать три причины: 1-я просьба гр. Семена Романовича Воронцова, чтобы доставить ему удовольствіе до смерти еще разъ меня обнять, и онъ и сынъ будутъ зиму въ Парижѣ; 2-я климатъ и любопытства достойныя вещи; 3-я желаніе увѣриться самимъ собою, въ какомъ положеніи умы или головы Французскіе. Тебѣ, какъ главнокомандующему моимъ имѣніемъ, отдаю отчетъ, что у меня еще изъ 760 червонныхъ, взятыхъ изъ Петербурга, 200 въ остаткѣ, а за почту заплатилъ много и, кажется, живу и самъ и люди въ изобиліи, но главныхъ двухъ источниковъ исхода денегъ нѣтъ — *картъ и дѣвокъ*. По требованію графини отпускайте денегъ, сколько она назначитъ и учредите пожалуйста съ нею вѣрное доставленіе гр. Сер. Ѳед. въ Петербургъ, коему, чтобы не упли скоро, опредѣлено въ мѣсяцъ по тысячѣ рублей. Я пишу на нынѣшней почтѣ къ Шопенгееру и Давыдову, чтобы они извѣщали часто васъ о состоящихъ цѣнахъ хлѣба, дабы вы, сравнивая съ Московскими цѣнами, могли въ концѣ ноября продавать. Я желаю очень, чтобы крестьяне были облегчены подводами, и вы знаете, что я не останавливаюсь на нѣсколькихъ тысячахъ. Я здѣсь еще на пять дней; хочу посмотрѣть, что̀ за празднество будетъ 18 числа—день Лейпцигской баталіи и избавленія Германіи. Но участь крестьянъ не улучшилась, и ни полушки до сихъ поръ податей съ нихъ не убавлено, а они только что переходятъ изъ рукъ въ руки. Прощайте, берегитесь зимою меньше чѣмъ осенью отъ простуды и отъ жолчи. Нѣтъ нужды вамъ говорить о женѣ и дѣтяхъ, кои должны уже быть въ Москвѣ. Но рекомендую вамъ Андрея. Онъ надежный ребенокъ и милый. Богъ съ вами, а я съ Нѣмцами, кои ко мнѣ милостивѣе Всероссійскаго дворянства.

Франкфуртъ на Майнѣ. $\frac{3}{15}$ октября 1816 г.

32.

Письмо твое, любезный другъ, я третьяго дня получилъ и симъ отвѣчаю. Благодарю за попеченіе и за труды. Я здѣсь завтра двѣ недѣли и совсѣмъ не намѣренъ былъ пріѣхать, но рѣшился по убѣдительной просьбѣ гр. Сем. Ром. Воронцова. Теперь я и доволенъ, ибо, кромѣ того, что имѣю случай быть часто съ ними, этотъ городъ превосходитъ всякое о немъ понятіе. Не одна Франція, но вся Европа въ немъ заключаются. Нѣтъ вкуса прихоти, которыхъ бы

здѣсь удовольствовать не можно было; все доведено до совершенства, и со всего пошлина и оброкъ. Я не боюсь ни обмана, ни прельщеній, а весьма занятъ постиженіемъ Французовъ и не могу надивиться довольно ихъ уму, дѣятельности и безпечности. Сами себя мучаютъ и сами себя веселятъ. Тяжелы имъ 150 т. войска, которыя приставлены въ дядьки, но Русскихъ чрезвычайно любятъ, и симъ мы обязаны въ началѣ Государю, коего великодушіе проникло въ души, и порядку, который наблюдаетъ гр. Воронцовъ въ своемъ корпусѣ. Я имѣлъ честь быть на приватной аудіенціи у короля близъ часу и наединѣ. Удивленъ его умомъ, знаніями и памятью. Дай Богъ, чтобъ онъ долго царствовалъ и пріуготовилъ спокойное царствованіе своимъ наслѣдникамъ. Нѣтъ учтивости, вниманія и уваженія, которое бы мнѣ здѣсь не оказывали, и я доволенъ, что Московскіе сіе видятъ и, можетъ быть, узнаютъ въ Парижѣ, что я нѣчто сдѣлалъ полезное для Россіи въ 1812 году. Жизнь здѣсь дешевле, чѣмъ въ другихъ столицахъ: аппартаментъ мой стоитъ 250 руб., карета 500 въ мѣсяцъ; обѣды — отъ пяти до шести рублей; но если покупать, водиться съ дѣвками и ѣсть отборное, то попадешь въ яму. Пожалуйста поклонись нашимъ пріятелямъ; люби меня, какъ я тебя люблю и вѣрь, что навсегда твой гр. Ѳ. Ростопчинъ.

Парижъ $\frac{17}{29}$ ноября.

1817.

33.

Черезъ Булгакова и отъ графини я знаю, любезный другъ, что ты здоровъ и чтó мнѣ пріятно, это то, что трудами, справедливостью и честью ты пріобрѣлъ уваженіе Московскихъ погорѣлыхъ. Часто и всегда почти бываетъ, что начнутъ любить и потомъ разлюбятъ, но рѣдко и лестно завоевать любовь и уваженіе правилами и поведеніемъ. Я очень доволенъ, что мои всѣ здоровы въ Москвѣ и живутъ спокойно. Я отъ частыхъ бурь, которыя здѣсь, иногда страдаю геморроемъ. Меня лѣчитъ Галь, но лѣкарствами наружными, а внутреннихъ я совсѣмъ не принимаю. Живу уединенно и долженъ остерегаться въ рѣчахъ, потому что въ Англійскихъ газетахъ и въ Брюсселѣ печатаютъ, чтó я иногда говорилъ и часто, чего не говорилъ. Общества здѣсь мало: или душно отъ тѣсноты, или никого нѣтъ, и безъ зова одинъ лишь домъ, въ которомъ принимаютъ ежедневно. Новые дворяне не хотятъ жить открыто, а старымъ нечѣмъ жить. Этотъ Парижъ престранный городъ, точная бездна, гдѣ все отыскать со свѣчею можно. Гр. Сем. Ром. Вор., сынъ его, Англійскій и Неаполитанскій послы, принцесса Водемонъ — вотъ мои знакомства и собесѣдники обыкновенные.Ясъ удовольствіемъ видѣлъ Илью Ивановича Алексѣева [24]; онъ здѣсь былъ недѣлю и былъ у меня. Свѣжъ, здоровъ и доволенъ. Говорили много о тебѣ, о старинѣ и бранили тебя за *лѣнь* и за *равнодушіе*. Онъ говоритъ и я говорю, что ты двужильный, но можешь себя подорвать. Когда гр. Сер. Ѳед. въ апрѣлѣ поѣдитъ за границу ко мнѣ, то ему должно дать на дорогу 500 р. ассигнаціями и 250 голландскихъ червонныхъ. Прощай, любезный другъ. Новостей здѣсь никакихъ нѣтъ, и дай Богъ, чтобы и не было. Знакъ, что спокойно, и людямъ наскучило бѣсноваться. Прошу обо мнѣ напомнить Спиридову, Волкову, Дурасову. Тысячу поклоновъ Екатеринѣ Яковлевнѣ. Къ Булгакову я буду писать съ курьеромъ. Прощай, другъ сердечный, будь здоровъ и если можно веселъ. Это лѣкарство.

Парижъ. $\frac{\text{26 декабря 1816.}}{\text{6 января 1817.}}$

---

[24] См. выше, стр. 1420.

34.

Я живу очень спокойно и могъ бы сказать пріятно, если бы проклятый геморрой меня не мучилъ и такъ, что не бывъ никогда совершенно боленъ, то есть въ постелѣ, безпрестанно что нибудь да чувствую, не смотря на самую регулярную жизнь и осторожность отъ простуды.

Здѣшняя полиція совсѣмъ осрамилась: у графа Модена Русскій человѣкъ, не знающій ни слова по французски, укралъ 300 червонцевъ и бѣлье, которое найдено тамъ, гдѣ онъ жилъ; товарищъ его пойманъ, а воръ, три уже недѣли бывъ безъ паспорта, еще не найденъ. Прошу о семъ заявить Яковлеву и Чистякову ([25]). Я разсказывалъ ихъ чудотворенія. Русскихъ здѣсь много, но я иныхъ нигдѣ не встрѣчаю. Теплая погода приводитъ всѣхъ въ ужасъ; морозовъ нѣтъ: безпрестанные дожди и до 10 градусовъ тепла. Деревья въ почкахъ, а озимыя сѣмена въ землѣ гніютъ. Хлѣбъ и такъ дорогъ, и содержаніе одной столицы стоитъ ежедневно 72000 франковъ, а мы на 130 мил. отпустили хлѣба за границу, и Козадавлевъ совсѣмъ въ эту фабрику не мѣшался. Прощай, любезный другъ. Сдѣлай одолженіе, прикажи посмотрѣть на кладбищѣ, не сломали ли или испортили памятники, что̀ надъ моими маленькими дѣтьми поставлены и если что̀ найдется, то прикажи поправить. Катеринѣ Яковлевнѣ и любящимъ меня кланяйся, а меня обними и будь здоровъ.

Парижъ. 18 января 1817.

35.

Такъ какъ по всѣмъ извѣстіямъ изъ Петербурга, кажется, что намѣреніе Государя уже извѣстно—прибыть въ Москву и продлить въ ней свое пребываніе, то я и думаю, что отдача въ наемъ дома на Лубянкѣ можетъ быть выгодна.

Пожалуйста, любезный другъ, сбудьте съ рукъ табакъ, сдѣланный въ Вороновѣ и который въ бочкахъ стоитъ въ кладовой. Его хоть самой низкой цѣной, но на нѣсколько есть тысячь рублей. Съ гр. Сер. Ѳед., когда онъ поѣдетъ изъ Москвы въ чужіе края, отправьте ящика два зеленаго лучшаго чаю, фунта по два, да столько же чернаго, но не цвѣточнаго, да два хорошихъ черныхъ пѣхотныхъ султановъ. Гр. Воронцовъ ѣдитъ въ Мобежъ для принятія В. К. Николая Павловича, и тамъ будетъ тысячь 15 войска для маневровъ. Французы очень радуются, что 30 т. убавили изъ иностранныхъ войскъ, кои ихъ держатъ подъ карауломъ. Но нельзя этотъ милый и забавный народъ оставить на свой произволъ; надо быть между ними, чтобы постигнуть, что̀ это за головы и что въ нихъ вмѣсто мозга — вихрь. Я здѣсь въ большой модѣ и извѣстенъ подъ названіемъ просто губернатора (разумѣется Москвы).

Въ случаѣ прибытія Государя къ вамъ, хлопотъ много будетъ, и я увѣренъ, что тебѣ быть оберъ-полиц., и тутъ покоя мало будетъ. Прощай, любезный другъ, кланяйся нашимъ. Многіе изъ Русскихъ ко мнѣ очень милостивы, но я живу съ Воронцовымъ и часто вижу Орлова Григорья и Стренкевича. Богъ съ тобой.

Парижъ. $\frac{\text{26 февраля}}{\text{10 марта}}$ 1817 г.

36.

Я очень признателенъ, любезный другъ, за вниманіе не сообщать мнѣ о дурныхъ извѣстіяхъ, происходящихъ отъ небреженія и безпорядка въ моемъ имѣніи. Это точно то, что̀ въ отлучкѣ и въ дальнемъ разстояніи извѣщать о всѣхъ болѣзняхъ, при началѣ, дорогихъ намъ людей. Лучше сказать послѣ, когда выздоровѣютъ.

([25]) Извѣстные въ Москвѣ приставы сыскной полиціи.

Впрочемъ только бы не было чего-нибудь важнаго, а прочее должно быть терпимо, и во всякомъ имѣніи должно видѣть цѣлое государство, которое обыкновенно предается на грабежъ и разстройство. Такъ есть вездѣ, такъ было и будетъ. Замѣчу одно, касательно контракта, что не должно ничего купцамъ отдавать на ихъ *рѣшеніе* и *волю*, и по слову *такой же доброты*, о пшенѣ, могутъ произойти толки и непріятности, тѣмъ паче, что Орловскіе купцы шельмы изъ плутовъ. Цѣны очень хороши, и поставка самая легкая. Предчувствіе мое на счетъ Дунашева справедливо оказалось, и я почти увѣренъ, что эти 80 т. пойдутъ на соединеніе къ тѣмъ, кои я ему подарилъ въ 1812-мъ году. Теперь предупрежу васъ на счетъ отъѣзда графини, что ей должно къ іюню приготовить 30000 р. ассигнаціями на кредитивъ и 1000 червонныхъ. Для меня же въ теченіе года, кромѣ посланныхъ въ Петербургъ 10 т., еще столько же на заплату векселя, который къ вамъ высланъ будетъ для заплаты. Я для того беру эти деньги здѣсь отъ *Перего* и *Лафитъ*, чтобы не брать въ другихъ мѣстахъ до конца года. Теперь прошу приготовить къ осени 10000 р. новой молодой, Варварѣ Егоровнѣ(26) и выдать ей подъ ея росписку. Разумѣется додать то, чего не дано ей будетъ въ число 10 тыс. Графиня полагала, что я ей намѣренъ былъ дать шесть тысячъ, но она ошиблась, и если ей дано 3000, то еще дать 7000; а если дано до полученія сего письма 6000, то еще выдать 4000 р. такъ, чтобы всего было десять. Я для того назначаю осень, чтобы не брать изъ Восп. Дома, куда хорошо прибавлять, а не убавлять. Если гр. Ник. Ник. (27) будетъ въ Москву съ дворомъ и захочетъ жить въ моемъ домѣ на Лубянкѣ, то ему его отдать на все время его пребыванія въ Москвѣ, прибравъ въ сухое мѣсто картины, привезенныя изъ Петербурга. Если графъ не возметъ съ собою Алексѣя Петрова, то можно ему препоручить смотрѣніе дома и кладовой, тѣмъ лучше что она у него была на рукахъ. Хлопотъ много вамъ готовится, если Государь будетъ въ Москву; то-то наши Римскіе тулупы и благородныя дамы съ Бутырокъ пустятся кричать, врать и дрожать; порядочные будутъ ждать и вздыхать, а вамъ хлопоты. Я думаю черезъ три недѣли оставить Парижъ, который видѣлъ и вдоль и поперекъ, безъ предубѣжденія, холодно и подробно. Сожалѣнія, въ числѣ будущихъ, при мнѣ нѣтъ; вкусы мои просты; здоровье не крѣпкое и воображеніе, сокращенное временемъ. Слѣдственно забавъ большихъ для меня не было; но 28 милліоновъ, народу, который самъ не знаетъ, что̀ завтра сдѣлаетъ, привыкшій къ безпорядку, готовый на все и раздраженный всѣмъ и всѣми — вотъ что внушаетъ страхъ на будущее, а они въ покоѣ не останутся и потрясутъ опять спокойствіе общее. Я ничего здѣсь не покупалъ кромѣ рублей на тысячу рисунковъ, потому что они здѣсь за безцѣнокъ. Здоровье исправилось въ желудкѣ и въ нервахъ, но геморрой безпокоитъ, и ревматизмъ въ шеѣ сидитъ. Я ѣду въ Баденъ на Рейнъ, гдѣ пробуду мѣсяца два и буду купаться. Туда пріѣдетъ гр. Сер. Ѳед., а ему, лѣчась, потребенъ надзиратель. Какъ я доволенъ портретомъ Андрюши. Какой богатырь! Я ему приготовилъ собаку и, что̀ странно, такой шерсти, какъ на портретѣ написана. Пожалуйста, любезный другъ, не препоручайте ничего продавать управляющимъ и повѣряйте не расходы денежные—итоги у нихъ вѣрны—а отпуски хлѣбные. Мужики охотники доносить.

Парижъ. $\frac{3}{15}$ апрѣля 1817 г.

(26) Дѣвица Салькова, воспитавшаяся въ домѣ гр. Ростопчина. Она вышла за мужъ за г. Дельсаля.

(27) Головинъ.

37.

Получа письмо ваше за день до моего отъѣзда изъ Парижа, я не имѣлъ времени на оное отвѣчать. Я ѣду къ Баденскимъ водамъ на Рейнѣ, гдѣ полагаю пробыть недѣль шесть, а оттуда отправлюсь на встрѣчу къ графинѣ, и самъ еще не знаю, гдѣ мы зиму проведемъ. Шесть мѣсяцевъ спокойной жизни, бережливости и попеченія не уменьшили ни мало дѣйствій геммороя, кои меня часто мучаютъ и иногда пугаютъ. Не знаю, что̀ будетъ, но съ 12-го года пошелъ крѣпко на низъ съ горы. Не могу похвастать, чтобы очень повеселился и пожилъ въ свое удовольствіе; но не даромъ говорится: „не такъ живи, какъ хочется, а какъ Богъ велитъ“. Здѣсь бѣдность престрашная: люди мрутъ съ голоду. Фунтъ дурнаго хлѣба на наши деньги 70 коп., фунтъ говядины до рубля; фунтъ масла 1 р. 50 к. Народъ кормится травой, ѣстъ мертвыхъ собакъ, кошекъ и бросается пить кровь на бойняхъ, а странно то, что съ деньгами все достать можно. Не знаю, что̀ будетъ, а Бурбонамъ не усидѣть на престолѣ, особливо, когда выведутъ союзныя войска, коихъ Парижъ чрезвычайно изволитъ бояться. Прошу васъ, Адамъ Ѳомичъ, слѣдовать вообще правилу и написать къ управляющимъ моими деревнями, чтобы они по разсчету давали всего, что̀ нынѣ называется вольными пожертвованіями и положено будетъ дворянскимъ сословіемъ. При отъѣздѣ графини, когда вы возмете на ея имя кредитивъ въ 30,000 руб. отъ Рованда, то его должно адресовать на слѣдующія мѣста, предоставя ему имена банкировъ, отъ коихъ получать деньги: Francfort sur le Mein, Bruxelles, Paris.

Я полагаю, что тысячу червонныхъ, кои также съ графинею отпустить, не заставятъ ее брать деньги дорогой, но лучше имѣть лишнее и избѣгать затрудненій. Прощай, любезный другъ, я чрезъ пять дней ѣду въ Баденъ, гдѣ мѣсяца два пробуду и оттуда отправлюсь по письмамъ жены къ ней на встрѣчу куда нибудь близъ Франкфурта на Майнѣ, а письма всѣ отсылай къ Ник. Игн. Калинину для пересылки ко мнѣ.

Мая 1817.

38.

Я здѣсь два дня и полагаю пробыть два мѣсяца. Мѣсто прекрасное. Докторъ Рейманъ также тутъ, и людей много наѣдитъ. Стану еще лѣчиться, хотя большой надежды въ успѣхѣ и не полагаю. А когда узнаю, что графиня приближается, то поѣду къ ней на встрѣчу и, признаюсь, что не спокоенъ буду, доколѣ не обниму ихъ здоровыхъ. Я пробылъ двѣ недѣли въ Штутгардтѣ и былъ свидѣтелемъ распущенія депутатовъ, которые хотѣли прибрать къ себѣ въ руки управленіе королевствомъ. Нѣмцы на вольности и на бунтахъ совсѣмъ помѣшались, и Французская революція съ полымя перешла на ледникъ. Трудно нынѣ царствовать: народъ узналъ силу и употребляетъ во зло вольность.

Письма ваши, по отъѣздѣ графини, надписывайте на мое имя, а внизу aux M-rs Bethman à Francfort sur le Mein. Когда вы узнаете, что бывшій мой каммердинеръ Иванъ Родіоновичъ возвратился въ Россію, то жену его и дѣтей отпустите изъ Воронова, ибо нѣтъ нужды ихъ кормить за пьянство отца и мужа. Такъ какъ я полагаю, что Англійскій рогатый скотъ въ Вороновѣ и тамъ много быковъ, то, оставя нужное число для завода и лучшихъ, остальныхъ можно продать въ Москвѣ. Тутъ, вѣрно, есть быки рублей въ тысячу. Остальное же, какъ домъ и все, что̀ въ немъ есть, препоручаю вашей дружбѣ. Пожалуйста, чтобы не сгноили картины,

купленныя въ Берлинѣ и бумаги мои, что въ бюро и сундукѣ.

Баденъ $\frac{31 \text{ Мая}}{12 \text{ Іюня}}$.

39.

Нѣмцы съ ума сошли на конституціяхъ и таинствахъ, даже до того, что начинаютъ и бунтовать. Сила въ рѣшимости, но сильныхъ мало. Осторожно поступать должно и нельзя солдатъ ставить противъ народа. Приложиться могутъ, а курка не спустятъ.

У меня двѣ верховыя лошади, коихъ далъ король Виртембергскій. Онъ и королева будутъ сюда скоро на мѣсяцъ. Прощай, любезный товарищъ бурнаго года. Вотъ письмо къ графинѣ. Богъ съ тобой.

Баденъ $\frac{4}{16}$ Іюня 1817.

40.

Письмо твое, любезный другъ, отправленное съ гр. Сер. Өедор., я во Франкфуртѣ получилъ и жалѣю очень, что стеченіемъ многихъ непріятностей онъ не могъ пріѣхать прежде и воспользоваться хорошимъ временемъ у водъ. Теперь онъ здѣсь пьетъ и купается, а я, бывъ здѣсь на три недѣли, по разнымъ излѣченіямъ многихъ больныхъ, пью также воду, которая дѣйствуетъ сильно надъ геморроидами и засорившимися каналами желудка. Два мѣсяца въ Баденѣ, не смотря на самую порядочную жизнь, движеніе пѣшкомъ и верхомъ, не принесли мнѣ никакой пользы, и передъ отъѣздомъ за четыре дня Рейманъ припускалъ мнѣ піявокъ, чтобы уменьшить волненіе въ крови и унять боль въ ногахъ. Графиня, полагая, что тетка гдѣ нибудь по близости ее ждетъ, остановилась въ Прагѣ, не зная, что тетка давно уже въ Россіи, проѣхавъ черезъ Берлинъ. Такъ какъ Эмсъ на дорогѣ въ Брюссель, то я ее и жду. Надѣюсь, что чрезъ недѣлю обойму всѣхъ моихъ. Они здоровы всѣ, и графиня очень тебѣ благодарна за все попеченіе: она умѣетъ, такъ какъ и я, чувствовать признательность. Я съ большимъ прискорбіемъ узналъ отъ г. С. Ө. о смерти Адлера (28). Я надѣюсь, что убійцы отданы подъ судъ и наказаны. Прошу никакъ не беречь всѣхъ тѣхъ, кои въ семъ злодѣйствѣ какое нибудь участіе имѣли. Послѣ подобной кончины трудно будетъ сыскать на мѣсто Адлера, а отъ сего остановится заведеніе, кое могло давать хорошій доходъ. Я пишу въ письмахъ къ Шопенгееру и Давыдову, чтобы они вамъ прислали ихъ мысли на счетъ дворовыхъ людей. Ихъ такъ много расплодилось, что совсѣмъ съѣли, и мое мнѣніе—оставя тѣхъ, кои нужны для заведенія, и весьма малое число для дома, остальнымъ отвести землю такъ, какъ крестьянамъ, и предоставить имъ землю обработывать самимъ и себя содержать. Симъ я избавлюсь и мѣсячины и содержанія ихъ особъ и скота. Не знаю, какъ теперь Шопенгееръ сдѣлаетъ съ заводомъ виннымъ, ибо вино для продажи будетъ все ставиться въ казну. Я отсюда вижу,, сколько вамъ будетъ хлопотъ нынѣшнею зимою. Дай Богъ только здоровья. Деньги отдавайте въ Восп. Домъ, а мнѣ къ Декабрю заготовьте тысячъ тридцать и перешлите векселемъ на мое имя, куда я ассигную, по курсу, какой будетъ. Я деньги берегу, но съ семьею жить совсѣмъ въ обрѣзъ—нельзя. Нѣмцы совсѣмъ помѣшались на умствованіи и конституціяхъ. Хорошо и рѣшительно съ ними поступилъ Виртембергскій король: далъ четыре мѣсяца на проэкты, потомъ нарочно согласился на ихъ требованія, а они съ новыми затѣями явились. Онъ имъ далъ 8 дней сроку и потомъ, видя упорство, уничтожилъ депутат-

(28) Управляющій стекляннымъ заводомъ въ Орловскомъ имѣніи гр. Ростопчина, Каменкѣ, Адлеръ былъ убитъ рабочими.

ское собраніе и велѣлъ каждому ѣхать во свояси. Здѣсь людей много, но всѣ сидятъ по своимъ №, и забавы никому нѣтъ. Я пробуду однакоже до 15 Сентября новаго стиля; потомъ поѣду въ Брюссель, а васъ прошу письма адресовать по прежнему aux M-rs Bethman à Francfort sur le Mein. Прощай, любезный другъ, обними своихъ и пожелай, чтобы я съ своими не разлучался.

Эмсъ. $\frac{18}{30}$ Августа 1817.

41.

Спѣшу, любезный другъ, тебя извѣстить о благополучномъ соединеніи всей моей семьи. Графиня третьяго дня пріѣхала сюда. Я, полагая, что она едва пріѣдетъ тотъ день ночевать въ Кобленцъ, поѣхалъ къ ней на встрѣчу; но, поднявшись на высокую гору, встрѣтилъ жену и дѣтей и послѣ четырнадцатимѣсячной разлуки обнялъ ихъ въ первый разъ. Они всѣ здоровы, и такъ какъ для меня и для гр. С. Ѳ. должно еще здѣсь пробыть недѣлю, то они всѣ и отдыхаютъ. Здоровье Сергія Ѳед. весьма худо. Частыя повторенія его болѣзни разстроили корпусъ, и я не знаю, что̀ изъ сего выйдетъ, ибо при продолженіи сей болѣзни ничего инаго ожидать нельзя, какъ или водяной въ груди или чахотки. Онъ часто впадаетъ въ задумчивость и слезами оплакиваетъ самые лучшіе годы жизни, для него пропадшіе. Несчастная и безплодная жертва слова: отечество! А у насъ оно должно быть въ лексиконахъ, подъ юбками и въ панталонахъ.

Я тебя не благодарю за всѣ труды и попеченія, что̀ знаю изъ словъ жены и изъ послѣднихъ твоихъ двухъ писемъ. Можетъ быть, Богъ мнѣ поможетъ на семъ свѣтѣ съ тобою поквитаться. Весьма жалѣю о смерти Адлера и если плохо пойдетъ заводъ (ибо Алексѣй слишкомъ вѣтренъ), то по мнѣнію моему и графини, Каменку можно продать, а за нее въ нынѣшнемъ ея положеніи могутъ дать тысячь 200. Попробуйте объ ней поговорить съ охотниками. Въ ней заводъ, фабрика и что̀ дороже, тамъ лѣсъ. Но должно выговорить тѣхъ, кои переведены и поселены на Битюкѣ. Желаю очень, чтобы предсказанія ваши соотвѣтствовали желанію устроить Вороновское имѣніе. Нынѣшній годъ увидимъ, что̀ оно дастъ. О Шрамѣ я писалъ уже къ вамъ, чтобы ему прибавить жалованья. Онъ, я думаю, свое дѣло знаетъ и дѣятеленъ, а плутовать подъ вашими глазами трудно. Я давно не люблю Давыдова—онъ воспитанъ въ нормальной школѣ, и тутъ, кромѣ якобинства, т. е. разбоя, ничего не выйдетъ. Но согласенъ съ вами, что замѣнить вдругъ трудно. Въ послѣднемъ письмѣ и Шопенгееръ пишетъ много о 70-ти своихъ годахъ, что онъ ничего не имѣетъ и пр. Хотя онъ и крадетъ, но благопристойно, и у него въ порядкѣ. Я къ вамъ писалъ, чтобы къ Декабрю перевести на мое имя въ Парижъ 30000 р. ассигнаціями, а тамъ я васъ оставлю до Мая въ покоѣ. Извѣстія о хлѣбахъ хороши, но и цѣны, надѣюсь, будутъ хороши, потому что пребываніе двора подниметъ все. Хотя я и увѣренъ, что Вороновскій лѣсъ есть капиталъ, но онъ почти мертвый, а беречь его должно. Мнѣ графиня говорила о рыбѣ въ Юрьевскомъ прудѣ. Если онъ можетъ дать хорошія деньги, то для чего не спустить. Все, что̀ вы говорили о себѣ и о здоровьи — не требуетъ совѣта. Дѣятельностью и честью никто еще изъ больныхъ не оправлялся. И такъ лучше думать о себѣ и о дѣтяхъ, чѣмъ о химерахъ, кои пускаютъ иныхъ по міру, а другихъ опускаютъ въ землю.

Прощай, любезный другъ, письма свои надписывай такъ:
à S. E. M-r le C-te Rostopsine chez M-rs Perrigaux et la Fitte à Paris.

Графиня, уставъ отъ дороги, хочетъ сократить путь и ѣдетъ чрезъ Майнцъ прямо въ Парижъ, а я чрезъ недѣлю поѣду напередъ туда же.

Эмсъ. $\frac{\text{9 Сентября.}}{\text{28 Августа.}}$

42.

Наконецъ, любезный другъ Адамъ Ѳомичъ, мы всѣ здѣсь уже двѣ недѣли и сегодня восемь дней, какъ расположились въ томъ домѣ, который наняли на годъ. Здѣсь очень одна вещь покойна, и мы ею пользуемся. Это то, что вмѣстѣ съ домомъ даютъ постелю, бѣлье, какъ для стола, такъ и кухни, мѣдную посуду, сервизъ фарфоровый и чашки. Сей артикулъ довольно значущъ, тѣмъ больше, что при отъѣздѣ должно продать все за безцѣнокъ или бросить. Дѣти ѣздятъ со мною смотрѣть; разъ одинъ только были въ театрѣ и будутъ ѣздить по одному разу въ недѣлю. Графиня еще не представлялась у двора и не спѣшитъ, а для нея Англійскій посолъ сдѣлалъ вечернее собраніе. Я вчера имѣлъ честь быть у короля въ кабинетѣ и нашелъ Е. В. въ весьма цвѣтущемъ здоровьи. Жизнь моя весьма единообразна: встаю въ 8 часовъ, завтракаю въ половинѣ 11-го со всею семьею, обѣдаю въ 5 и въ 8-мъ ѣзжу или въ театръ или на вечеръ, а въ 11 всегда дома и въ постели. Здоровье ни впередъ, ни назадъ не подается. Что-то будетъ къ веснѣ. Домъ покоенъ и съ садомъ. Дочери здоровы. Андрей воюетъ и толстѣетъ и, когда сердитъ, то просится въ Москву. Гр. С. Ѳ. гораздо лучше, и я начинаю думать, что Эмсъ ему сдѣлалъ добро. Онъ весьма тихъ, скроменъ и уменъ, чѣмъ пріобрѣтаетъ себѣ родъ уваженія и принятъ очень хорошо. Теперь вы вѣрно въ большомъ движеніи, но Булгаковъ мнѣ писалъ, что вы какъ-то уволены отъ мостовой полиціи и присутствуете главнымъ въ Управѣ. Я опять здѣсь принятъ съ уваженіемъ и ласкою. Жду гр. Сем. Ром. Воронцова, который на зиму будетъ сюда. Прощайте; коль скоро получу отъ васъ письмо, буду отвѣчать. Затѣмъ будьте здоровы и кланяйтесь и вашимъ и нашимъ.

Парижъ. $\frac{7}{19}$ Октября.

43.

Отправя къ вамъ три дня тому назадъ письмо касательно и дѣлъ моихъ, и подробностей нашей здѣсь жизни, получилъ письмо ваше отъ 3-го Сентября. Хотя и непріятно мнѣ попасть въ число обывателей ([29]), тѣмъ болѣе, что я, сберегая картины и мраморы, не хотѣлъ отдать домъ въ наймы, но если такъ Богу угодно, то попросите Васильчикова, чтобы не перегадили вещей; особливо я боюсь офицериковъ, кои отъ скуки, дожидаясь генерала, станутъ отбивать носы у бюстовъ и ломать пальцы у статуй. Книги я полагаю перенести въ нижній этажъ. Вотъ, что̀ могу вамъ сказать, на счетъ единаго цѣлаго моего въ Россіи дома.

Жаль очень, что здоровье ваше рѣшаетъ васъ оставить службу, въ коей вы довольно доказали усердія и способности. Честные люди должны васъ почитать и помнить 1812 годъ, въ коемъ они, сверхъ ихъ чаянія, всѣ живы и здоровы остались не отъ личной храбрости (она была въ языкахъ), а отъ бдительности полиціи и моей безразсудной дѣятельности. Мы всѣ одинъ другаго хуже здоровьемъ, а они въ жиру и отъ сего жира увѣрили себя, повторяя ложь, что они такъ же были тверды духомъ, какъ теперь тѣломъ. Но дай Богъ имъ здоровья. Большая часть изъ нихъ дураковъ, и во многомъ я самъ на

([29]) На время пребыванія Двора въ Москвѣ, въ домѣ графа Ростопчина на Лубянкѣ жилъ (кн.) Ил. Вас. Васильчиковъ. Пустые обывательскіе дома приказано было тогда занимать за извѣстную плату.

нихъ похожъ, вздумавъ, что будетъ признательность, которую въ своемъ отечествѣ я бы предпочелъ всѣмъ титламъ, превозношеніямъ и памятникамъ чужеземцевъ. Въ сію самую минуту получаю письмо ваше отъ 10-го Сентября и вижу, что вы настоятельно идете отъ службы прочь. Причины вамъ извѣстны, а я ихъ могу лишь угадывать. Полагая, что вы отставку получите, прошу васъ (увѣряя, что отъ отказа будетъ первая у насъ ссора) переѣхать жить ко мнѣ. Вы можете помѣститься въ нижнемъ этажѣ и, надѣюсь, что на счетъ дровъ, запасу и пр. вы затрудненія не сдѣлаете, располагая моимъ имѣніемъ. Я прибавлю къ разсужденіямъ вашимъ на счетъ управляющихъ, что они не только охотно не желаютъ отдавать отчета въ управленіи, но иногда воображаютъ, что имѣніе ихъ собственное или по крайней мѣрѣ, что они по смерть арендаторы. Я же къ вамъ два раза въ прошломъ мѣсяцѣ писалъ о высылкѣ 30000 руб., взявъ вексель по курсу на Лафита или на кого. Ровандъ переведетъ, ибо деньги брать все равно. За симъ, любезный другъ, прощайте. Графиня васъ очень любитъ и знаетъ, и мнѣ сіе тѣмъ еще болѣе пріятно, что въ случаѣ моей смерти она въ совѣтахъ вашихъ найдетъ замѣну моего попеченія объ имѣніи. Катеринѣ Яковлевнѣ тысячу поклоновъ. Лиза и Андрей завтра ѣдутъ на дѣтскій праздникъ, который имъ даетъ принцъ Бельмонте, мой старинный знакомый; съ дѣтьми и я. Обыкновенно я въ $^1/_2$12 часа въ постелѣ, а здѣсь на балы (кои еще не начинались) собираются въ 12-мъ часу и продолжаются до 5 и 6 часовъ утра, и для сего я полагаю на оные ѣздить на полчаса.

Парижъ. $\frac{19}{31}$ Октября. 1817.

44.

Послѣ двухъ отъ тебя полученныхъ писемъ я ожидаю съ нетерпѣніемъ еще однаго, дабы рѣшительно узнать о твоей судьбѣ въ слѣдствіе поданной просьбы въ отставку. Если оная воспослѣдуетъ, то любопытенъ знать, получилъ ли при отставкѣ чинъ генералъ-маіорскій. Кажется, онъ вамъ слѣдуетъ за 5-тилѣтнее служеніе въ одномъ чинѣ, не говоря про 1812-й годокъ, который одинъ можетъ считаться въ формулярныхъ спискахъ за 10 кампаній. Я полагаю, что въ Москвѣ, если не совсѣмъ весело, то по крайней мѣрѣ совершенно шумно, и покуда Государь изволитъ пробыть въ столицѣ, то большая часть коренныхъ и пристяжныхъ жителей, въ ожиданіи великія и богатыя милостыни, будутъ ходить съ веселыми лицами. На балахъ и на большихъ съѣздахъ въ Парижѣ такъ много наѣхало иностранныхъ, что домовъ найти не можно. Гр. Кочубей и лордъ Пемброкъ (зять г. Воронцова) живутъ въ трактирахъ. Однихъ Англичанъ считается до 23,000, а зимой наѣдетъ еще больше; хорошо, что ничто отъ сего не вздорожало. Несносно то, что Французы сердятся, когда иностранные не въ восхищеніи отъ всего, что у нихъ въ Парижѣ, а первое дурно то, что у нихъ хлѣбъ кислый. Новая непріятность та, что Французы, узнавъ о расположеніи помогать дѣйствительно бѣднымъ, душатъ письмами, кои во всѣ части города въ Парижѣ можно разсылать чрезъ маленькую почту, и я съ великимъ трудомъ, не принимая и отсылая назадъ, уменьшилъ число, кое доходило до 20 писемъ въ сутки и стоило въ двѣ недѣли 36 франковъ порто. Графы Воронцовы здѣсь, и мы всякій день видаемся. Впрочемъ короткихъ знакомствъ здѣсь завести не можно, отъ того, что между жителями ни связи, ни пріязни нѣтъ, а они между собой живутъ какъ въ лѣсу. Причина сему слѣдствіе революціи, которая, докончивъ развратъ, поселила ненависть и вражду, которыя питаютъ страхъ

и злобу. Долго времени протечетъ, пока загладятся слѣды зла и сумашествія, а какъ доказывать Французу и говорить разсудительно — невозможно, слѣдственно всего ожидать должно.

Парижъ. $\frac{13}{27}$ Ноября. 1817.

45.

Хотя я чрезъ письма А. Я. Булгакова и знаю все, что̀ съ вами произошло, но весьма бы желалъ имѣть отъ васъ самихъ извѣстіе и тутъ же узнать, что̀ съ моими дѣлами воспослѣдуетъ. Весьма лестно для васъ получить мѣсто въ пребываніе Государя и столь необыкновеннымъ образомъ вмѣсто отставки. Сперва васъ г-нъ Тормасовъ гналъ, а послѣ нашелъ нужнымъ. Выходитъ, что славный его Штейнгель, который объявилъ себя покровителемъ сирыхъ, нищихъ и притѣсненныхъ, тотъ-то вышелъ и разбойникъ, какъ сюда во многихъ письмахъ увѣдомляютъ. Признайтесь, что лестно и почтенно служить честно, но куда тяжело! Если бы вы получили отставку, то кубка бы не получить, а это расчетъ плута головы; подумалъ: ну, не равно со временемъ нагрянетъ въ Москву об.-полиціймейстеромъ. Я принужденъ былъ нечаянно отвѣчать г-ну Вязмитинову по случаю просьбы дѣвки Салваторія ([30]), поданной чрезъ четыре года, гдѣ она, называясь его женою, проситъ о возвращеніи драгоцѣнныхъ камней, бывшихъ въ его шкатулкѣ при отправленіи. Былъ запросъ Ивашкину и Яковлеву, кои истинно показали, что она привезена была ко мнѣ, а я отвѣчаю по своему. И эта шкатулка сгорѣла въ моемъ загородномъ домѣ, а въ ней были бумаги Салваторія, изъ коихъ нужныя остались у меня.

Здоровье мое приводитъ меня въ уныніе. Я весь мѣсяцъ сидѣлъ почти дома и очень боюсь, если зима продлится, чтобы не придти въ такое положеніе, въ какомъ былъ въ Москвѣ въ 1813 году. Нервы раздражены, и мучаетъ ревматизмъ въ шеѣ, который, не знаю какъ, досталъ въ Эмсѣ. Графиня и нѣсколько (sic) дѣтей

([30]) Черновой отвѣтъ этотъ сохранился въ бумагахъ Брокера. Вотъ онъ:

Письмо вашего высокопревосходительства отъ 7 Ноября 1817 года подъ № 1708 я получилъ и на содержаніе онаго имѣю честь отвѣтствовать.

Въ 1812 году при отправленіи въ Пермь (въ исполненіе высочайшей воли чрезъ ваше высокопревосходительство мнѣ объявленной) докторъ Сальватори по приказанію моему привезенъ ко мнѣ былъ оберъ-полицимейстеромъ Ивашкинымъ и частнымъ приставомъ Яковлевымъ, и при немъ ящикъ съ бумагами. Разбирая оныя самъ и оставя у себя тѣ, кои служили доказательствомъ, что онъ былъ шпіономъ французскаго посла и имѣлъ съ нимъ по сему переписку, о чемъ я тотъ же день донесъ, ящикъ съ бумагами остался у меня въ кабинетѣ, въ загородномъ моемъ домѣ, гдѣ я жилъ до вступленія непріятеля въ Москву; но въ семъ ящикѣ кромѣ бумагъ ничего не было, по отъѣздѣ же моемъ, въ томъ загородномъ домѣ, жило множество французскихъ офицеровъ и жандармовъ, кои всѣ 6 Октября отправились въ походъ, но нѣкоторые изъ нихъ воротились назадъ; и нанося въ комнаты сѣна и соломы, зажгли, отъ чего домъ и все, что̀ въ немъ по грабительствѣ осталось, сгорѣло; вѣроятно что сей пожаръ произведенъ былъ по приказу Наполеона, въ знакъ отличія.

По возвращеніи моемъ въ Москву, 10 дней спустя по выходѣ непріятеля, между прочими въ крайнюю бѣдность приведенными была и Нѣмка, которая нынѣ называетъ себя женою Сальватори, но бывшая въ то время у него дѣвкою на содержаніи, и какъ мнѣ препоручено было отъ Государя пещись объ участи несчастныхъ жителей Москвы, то и сія Нѣмка получила нѣкоторое денежное пособіе; описывая тогда совершенное свое разореніе отъ Французовъ, она не упоминала ничего ни о драгоцѣнныхъ вещахъ Сальватори, ни о притѣсненіяхъ полиціи; полагать должно, что мысль о просьбѣ родилась по времени и что на опись вещей потребно было четыре года.

Я весьма доволенъ тѣмъ, что симъ объясненіемъ уничтожу всякаго роду оскорбительное сомнѣніе, могущее пасть на г. Ивашкина и Яковлева, кои совершенную истину показали въ ихъ отвѣтѣ, и я заранѣе увѣренъ, что сіи два чиновника службою и честными правилами пріобрѣли себѣ право быть уже свыше подозрѣнія отъ безстыднаго доноса гнуснаго шпіона и распутной дѣвки. 17/29 Дек. 1817 г. Парижъ.

здоровы, кромѣ Нат. Ѳед. У ней сдѣлалась рожа и опять пришла въ другой разъ, отъ того, что скоро встала; но теперь лучше. Гр. С. Ѳ. очень часто страдаетъ кашлемъ и удушьемъ. Уговорить нельзя, очень легко одѣвается и въ пищѣ невоздерженъ. Ты, вѣрно, пожалѣлъ очень о Ник. Вас. Обрѣзковѣ. Я его любилъ, и онъ мнѣ пособлялъ въ 12-мъ и 13-мъ годахъ. Прежняя жизнь убила прежде время. Я пожалѣлъ о племянникѣ (31), узнавъ, что онъ попалъ въ полиціймейстеры. Это для него бѣда: отъ него, кромѣ пустаго шума, ничего не будетъ и со всѣми перебранится. Прощай, любезный другъ, привыкай къ Петербургу; тамъ смѣлѣе дѣйствуютъ московскаго, и я боюсь, что твои правила многимъ не на ладъ будутъ. Но Богъ, я думаю, милостивъ къ честнымъ людямъ. Ты, вѣрно, часто будешь видѣть гр. Головина и Н. И. Калинина. Прощай.

Парижъ. $\frac{19}{31}$ Декабря. 1817 г.

1818.

46.

Въ теченіе пяти дней я отъ тебя получилъ два письма: одно изъ Москвы отъ 22 Ноября, другое изъ Петербурга отъ Декабря. Сожалѣю очень, любезный другъ, что ты свою службу началъ въ новой столицѣ пожертвованіемъ кожи на пальцахъ, но это съ тобою не въ первый и не въ послѣдній разъ случается. Дай Богъ, чтобы мнѣніе Государя о твоей чести осталось всегда и повело тебя честію къ почестямъ.

Я предполагаю въ половинѣ Апрѣля ѣхать въ Лондонъ на одинъ мѣсяцъ: меня формально чрезъ Веллингтона приглашаетъ Принцъ-Регентъ; потомъ въ концѣ Августа или началѣ Сентября ѣхать въ Италію. Къ Маю перешлите тысячь 30, да къ Августу столько же, чтобы мнѣ стало до конца года въ Италіи. Я сижу недѣли по двѣ дома, и къ старымъ болѣзнямъ прибавился въ шеѣ ревматизмъ; по счастію есть кому разгонять скуку. Я очень удерживаюсь отъ покупокъ, ибо здѣсь многія вещи за ничто, отъ того что денегъ нѣтъ, а у богатыхъ—страхъ, и двѣ эпохи могутъ явить странныя происшествія для сумасшедшихъ Французовъ и для державъ, спокойно на нихъ смотрящихъ. Они ждутъ: 1) выхода войскъ иностранныхъ, 2) смерти Людовика XVIII. Одни должны выйдти черезъ два года, а другой можетъ, съ своей подагрой, толстотой и желудкомъ, отправиться во всякій часъ на тотъ свѣтъ.

Парижъ. $\frac{3}{15}$ Января. 1818.

47.

Мой планъ—оставить Францію въ началѣ Сентября по новому стилю и ѣхать на зиму до весны въ Италію. Я не могъ воздержаться, чтобы не покупать здѣсь картинъ и книгъ. Это такъ дешево, что смѣшно у насъ будетъ сказывать. И, право, есть картины, кои въ Россіи продаютъ за 1000 р. и болѣе, кои я имѣлъ за 100 франковъ и съ прекрасными рамами. Бронзы и фарфоръ также за треть цѣны, что у насъ. Но мои 32 картины, въ разныхъ мѣстахъ купленныя, не стоятъ мнѣ 3000 франковъ. Предъ отъѣздомъ надобно будетъ купить и въ приданое дочерямъ: кружева, батистъ и пр. ниже половинной цѣны противъ нашего.

Теперь здѣсь заняты очень происшествіемъ Дюка Веллингтона. Заговоръ его убить извѣстенъ былъ въ Брюсселѣ и здѣсь. Изъ пистолета въ него выстрѣлили въ то самое время, какъ онъ въѣзжалъ къ себѣ на дворъ въ 1-мъ часу по полуночи. Онъ со-

(31) Александръ Александровичъ Обрѣзковъ въ 1817 назначенъ полицемейстеромъ въ Москву на мѣсто переведеннаго въ Петербургъ Брокера.

всѣмъ и не думалъ, что по немъ стрѣляли; а, видя огонь и слыша выстрѣлъ, подумалъ, что у солдата или часоваго, въ караулѣ бывшихъ, выстрѣлило ружье. Побѣжали за тѣмъ, который хотѣлъ его убить, но отъ тумана онъ скрылся. Нашли двухствольный пистолетъ на улицѣ. Лакеи видѣли, что этотъ человѣкъ бѣжалъ близь стѣны противъ кареты Дюка, чтобы стать у воротъ, откуда онъ выстрѣлилъ, но такъ дурно, что и въ карету не попалъ. Полиція ищетъ, но ничего не нашла, и я увѣренъ, что она хороша, когда хочетъ, а не когда надобно. Между тѣмъ слухи распущены, что это Англійское правительство скрытно и отъ Дюка подослало человѣка, который по немъ выстрѣлилъ безъ пули, потому что ее не нашли ни въ стѣнахъ, ни на улицѣ. Но какъ бы то ни было, а эта шутка Французовъ стоить можетъ имъ 500 или больше милліоновъ по той причинѣ, что союзные государи, видя злость и волненіе земли, гдѣ самое слабое и презрѣнное правленіе, не захотятъ прежде пяти лѣтъ вывести войска и подвергать Европу сумасшествію 27 милліоновъ безмозглыхъ головъ.

Парижъ. $\frac{1}{13}$ Февраля. 1818.

48.

У васъ, вѣрно, разные толки о выстрѣлѣ изъ пистолета по Веллингтону. Общее мнѣніе состоитъ въ двухъ пунктахъ: 1) что это выдумка Англійскаго правительства, чтобы раздражить союзныхъ государей противъ Франціи и что ни одинъ Французъ не въ состояніи быть убійцей, 2) что всякій изъ Французовъ долженъ убить Веллингтона за то, что онъ самъ собою ввелъ Бурбоновъ опять въ 1815 году. Полиція боится открывать и ничего не нашла, но всѣ умы раздражены, и можетъ быть во всей Франціи нѣтъ ста человѣкъ, кои бы желали сохранить Бурбоновъ на престолѣ. Что̀ будетъ—Богу единому извѣстно, но 28 милліоновъ сумасшедшихъ заслуживаютъ весьма прилежнаго вниманія, и они тѣмъ болѣе подозрительны, что весьма желаютъ вывода союзныхъ войскъ, чтобы на свободѣ дѣйствовать къ своей собственной погибели и вреду общему. У насъ есть слухъ, что будто Тормасовъ смѣняется графомъ Толстымъ. Если это такъ, то Тормасовъ въ просрочкѣ, ибо я даю начальнику Москвы двухъ лѣтъ съ половиною (sic) срокъ, и потомъ онъ долженъ или отправиться на тотъ свѣтъ или получить покойныя кресла въ Совѣтѣ.

Прощай, любезный другъ, будь здоровъ и не очень горячись на пожарахъ: у тебя одна голова, хорошо, что еще цѣла, а душъ много, кои отъ тебя зависятъ—я разумѣю: дѣти.

Парижъ. $\frac{16}{28}$ Февраля. 1818.

49.

Я намѣренъ на той недѣлѣ съѣздить къ Воронцову въ Мобежъ и, пробывъ у него дня четыре, ѣхать съ нимъ въ Камбре, къ Дюку Веллингтону. Слѣдственно, отсутствіе мое продолжится дней восемь. Великій Князь Михаилъ Павловичъ завтра пріѣдетъ въ Мобежъ и, пробывъ два дня, поѣдетъ въ Англію. Въ послѣднемъ письмѣ я тебя увѣдомлялъ объ отправленіи изъ Гавръ де Гросъ части моихъ картинъ. При семъ посылаю „коносементъ“ и опись картинъ, повторяя, что ихъ продержать въ сухомъ мѣстѣ до перваго пути и послать въ Москву; да если въ таможнѣ непремѣнно станутъ осматривать и разбивать ящики, то должно хорошенько уложить, чтобы не изгадить въ перевозѣ. Я васъ также просилъ написать къ тому, который смотритъ въ Москвѣ за домомъ, чтобы ящики съ картинами поставить въ самомъ сухомъ мѣстѣ, всего лучше, въ столовой, въ верхнемъ этажѣ, и не дур-

но, если немного и протапливать. На томъ кораблѣ, который привезетъ картины, отправьте гилянскихъ куръ и пѣтуха, также красныхъ утокъ, о коихъ я васъ просилъ еще прежде, адресуя все въ *à Rouen à M-r Trappe Vice-Consul de Prusse,* а онъ о семъ уже заранѣ отъ меня предувѣдомленъ.

Изъ Мобежа съ курьеромъ Воронцова пошлю на имя Н. Иг. Кал. ящикъ, въ коемъ будетъ табакерка для гр. Головина и часы для тебя, кои я заказывалъ Брегету. Я велѣлъ сзади вырѣзать А.Б.Г.Р., что́ значитъ Адамъ Брокеръ и графъ Ростопчинъ; хотѣлъ было выставить и пріятный 1812 годъ, но раздумалъ, потому что если онъ много значитъ въ исторіи, за то въ спокойной жизни—ничего.

Парижъ. $\frac{18}{30}$ Мая. 1818 г.

50.

Я очень былъ доволенъ своею поѣздкою; со мною ѣздилъ Орловъ, и я у гр. Воронцова побылъ шесть дней, воображая, что былъ въ Россіи, ибо Мобёжъ столько же Русскій, какъ Клинъ, Коломна и пр.; квасъ, сбитень—вездѣ, печи русскія; брань наша. Дрожки разъѣзжаютъ, пѣсни, пляска и даже вывѣски на лавкахъ Русскими литерами и словами написаны. Воронцова боготворятъ и наши, и жители—онъ строгъ, но справедливъ и доступенъ. Странно, въ самой Франціи, найти въ одно утро—Русскихъ въ Мобёжѣ, Датчанъ — въ Бушенѣ, Англичанъ въ Валансьенѣ и казаковъ въ Брикетѣ! Со всѣмъ тѣмъ и не смотря на все это, Французы говорятъ и поютъ, что они не были и не будутъ побѣждены. Дай Богъ имъ здоровья!

Вчерашній день отправлены отсюда сухимъ путемъ въ Руанъ въ пяти ящикахъ, отъ 7-го до 11-го №, 49 картинъ и группа мраморная. Они г-мъ Трапомъ, Прусскимъ вицеконсуломъ посланы будутъ моремъ въ Петербургъ и адресованы на твое имя. По привозѣ поступи съ этими, какъ и съ первымъ отправленіемъ, и первымъ путемъ, обшивъ хорошенько, послать въ Москву, гдѣ до моего пріѣзда поставить въ сухое мѣсто, чтобы сырость не испортила.

Прошу, любезный другъ, купить слѣдующее и уложа хорошенько, попросить Арс. Андр. Закревскаго (къ коему я о семъ напишу), чтобы онъ съ своимъ курьеромъ послалъ къ гр. Воронцову въ Мобежъ, а тамъ уже мнѣ доставлено будетъ:

1) Для графини шалевой платокъ; середина чтобы была черная, гладкая, а если нѣтъ, то хотя съ цвѣтами или полосами рублей въ 1000.

2) Три шали бѣлыя съ узкою каймой и безъ борта въ низу, ибо изъ нихъ сдѣлаются зимніе капоты. Я думаю, что можно купить каждую рублей въ 500. Нужно, чтобъ были бѣлы, а на толщину не смотрѣть.

3) Хвостовъ на опушку собольихъ 17, въ 300 или больше рублей, ибо на каждый капотъ пойдетъ $8\frac{1}{2}$ ар., слѣдственно обѣ опушки я полагаю отъ 600 до 1000 р.

4) Третью опушку какихъ нибудь хвостовъ лисьихъ или „куницыныхъ“ подешевле, ибо это пойдетъ въ подарокъ.

Парижъ. $\frac{16}{28}$ Іюня 1818 г.

51.

Русскихъ стало подъѣзжать много и къ зимѣ наѣдетъ куча. Но, вѣроятно, что корпусъ Воронцова, такъ какъ и прочія иностранныя войска, оставитъ Францію и симъ снимется узда съ сумазброднаго, мерзкаго и столько же презрительнаго, какъ забавнаго народа. Дай Богъ, чтобы ихъ сумашествіе дѣйствовало единственно надъ ними и у нихъ, а чтобы за границу не выходило. Здѣсь засуха, и нѣкоторымъ хлѣбамъ нуженъ еще дождь. За то вино будетъ славное и

18-й годъ поровняется съ 11, названнымъ кометой. Я еще не знаю, поѣду ли въ Англію. Крѣпко зовутъ, но я тяжелъ на подъемъ, и если поѣду, то не больше какъ на мѣсяцъ и съ проѣздомъ.

Парижъ. $\frac{5}{17}$ Іюля. 1818.

32.

Мы рѣшились остаться здѣсь до будущаго лѣта, а тамъ что Богу угодно будетъ. Такъ какъ домъ, въ коемъ мы живемъ и продается и дымится, то я нанялъ другой *Rue Faux-bourg S-t Honoré № 49*; но письма лучше продолжать надписывать Лафиту какъ прежде. Теперь прошу учредить такъ, чтобы ко мнѣ пересылать по 10000 р. каждый мѣсяцъ или больше (sic) сумму, но ежемѣсячно должно имѣть десять тысячъ. Откладывая съ весны ѣзду мою въ Англію, рѣшился наконецъ ѣхать 26-го или 27-го числа сего мѣсяца. Я поѣду одинъ съ однимъ человѣкомъ; пробуду въ Лондонѣ дней девять и столько же въ деревнѣ зятя графа Воронцова, гдѣ и онъ самъ. Я ему не хотѣлъ отказать, а пуще всего частыя приглашенія Принца-Регента. Надѣюсь, что совсѣмъ мѣсяца не проѣзжу, а во время моего отсутствія графиня переѣдетъ въ новый домъ.

Парижъ. $\frac{4}{16}$ Августа.

33.

Мы съ недѣлю переѣхали въ новый домъ, который и покойнѣе и пріятнѣе. Изъ сада двери въ большое городское гулянье, называемое Champs Elisées, а платежъ за домъ меньше прежняго.

Теперь мы ожидаемъ рѣшенія судьбы союзныхъ армій, которыя отправляли три года здѣсь полицейскую должность и какъ ни оскорблены были Французы ихъ пребываніемъ, но вѣрно—хоть и ничего можетъ быть не произойдетъ по выходѣ — нашихъ помнить долго будутъ. Трудно завести такой порядокъ и въ своей землѣ. Эту справедливость отдать должно графу М. С. ([32]) и его помощникамъ. Онъ намѣренъ отпроситься и, доведя армію за Рейнъ, пріѣхать на нѣсколько времени сюда, и потомъ провести полгода съ отцемъ въ Англіи. Старику 76 лѣтъ, и тутъ всякій „прощай“ можетъ быть послѣднимъ въ жизни. У насъ сюда пришли слухи о назначеніи областныхъ начальниковъ и даже прислали списки, но я лишь вѣрю оффиціальнымъ бумагамъ. Я жду съ нетерпѣніемъ пріѣзда гр. Головиной— будетъ съ кѣмъ говорить о Головинѣ. Небольсина опять пропала, и вотъ годъ, что она ѣдетъ и не попадетъ въ Парижъ, а нельзя однакоже полагать, чтобы въ Нѣмецкой землѣ заблудилась. Я поѣздку свою въ Англію отложилъ, а если зимою Императрица - Мать будетъ въ Брюссель, то туда на недѣлю съѣзжу.

Парижъ. $\frac{11}{23}$ Сентября 1818.

34.

Мы переѣхали въ новый домъ, гдѣ всѣмъ очень покойно, а разница 10 т. фр. предъ прежними двумя наймами. Кухарка, которая ничѣмъ не хуже повара, дѣлаетъ разницу уже теперь франковъ 700 въ мѣсяцъ, не смотря, что у насъ живутъ двое сиротъ Буксгевденыхъ и двѣ ихъ русскія женщины. Я очень былъ обрадованъ пріѣздомъ Булгакова, который пробудетъ здѣсь мѣсяцъ. Много говорили о тебѣ, и желательно, чтобы для пользы Москвы и службы твоей тебѣ быть на мѣстѣ Шульгина, но сіе въ волѣ Государя ([33])..... Утѣшать отцовъ—трудно, а я на него не сердитъ. Съ своей стороны я сдѣлалъ все; даже онъ былъ главною причиною, для коей я пошелъ въ службу въ 12-мъ году.

Парижъ. $\frac{4}{16}$ Октября.

([32]) Воронцову.

([33]) Передъ этимъ говорится о графѣ Сергѣѣ Ѳедоровичѣ.

55.

. . . . Прибавленіе жалованья Шраму, прошу сдѣлать и поблагодарить отъ меня за его дѣятельность. Напрасно огорчился отрѣзаніемъ 100 десятинъ лѣсу въ Овечнѣ. Эта деревня давно предана волѣ Божіей; а беречь ее должно потому только, что она еще (земля) пожалована царемъ Иваномъ Грознымъ предку Ростопчину, который одинъ остался изъ пяти братьевъ отъ Казанскаго похода.

Жалѣю, что хлопотъ у тебя много; но, право, и безъ дѣла отъ нихъ не уйдешь. Они нераздѣльны съ пульсомъ, пока онъ бьется въ тѣлѣ. Мы очень заняты были плачевнымъ зрѣлищемъ болѣзни и смерти внучка Ав. Сем. Небольсиной. Графиня три ночи не спала. Два здѣшніе доктора ребенка пресильнаго отправили на тотъ свѣтъ.

Русскихъ много сюда наѣхало, иныхъ я и не вижу. Во время бытности Государя ни одинъ изъ Русскихъ не удостоился его видѣть, а окружали его Жомени и Поляки. Войско наше отправилось: солдаты съ радостію, офицеры съ печалію. Гр. Воронцовъ, кромѣ соблюденнаго порядка и славы съ признательностію за оный отъ Французовъ, представилъ на смотру и на маневрахъ примѣрное войско, да сверхъ всего четыре милліона франковъ сдѣланной въ три года экономіи. Его боготворятъ всѣ и, правду сказать, есть за что. Насъ теперь Русскихъ здѣсь обоего пола 103 человѣка. Въ Парижъ наѣхало множество знаменитыхъ особъ всѣхъ націй, проѣздомъ изъ Ахена и на короткое время, иные только чтобы нѣсколько разъ объѣсться. Вотъ мои извѣстія. Я очень радъ, что второй корабль съ картинами приплылъ въ Петербургъ; въ Маѣ надѣюсь отправить остальныя картины и рѣдкое мое собраніе любопытныхъ книгъ.—Этого всего здѣсь сотнями тысячъ, все дешево чрезвычайно, а какъ Парижъ далѣе Ливенъ, то и хочется на поминъ достать вещей рѣдко дешевыхъ. Дѣти будутъ благодарить.

Прощай, почтенный человѣкъ, будь здоровъ и помни, что изъ Россіи вывезенъ во Францію человѣкъ стараго вѣка, который съ старыми чувствами тебя здѣсь любитъ и почитаетъ—слово въ слово какъ въ Москвѣ въ 1812 году.

Парижъ. 20 Ноября / 2 Декабря.

ИЗЪ БУМАГЪ

ГРАФА ДЕ БАЛЬМЕНА,

Русскаго пристава при первомъ Наполеонѣ на островѣ Святой Елены (*).

MISSION DE Ste HÉLÈNE.

1817.

CORRESPONDANCE OFFICIELLE DE COMTE DE BALMAIN, COMMISSAIRE DE RUSSIE.

Mes rapports au Comte de Nesselrode.

1.

S-te Hélène ce 6 Janvier 1817 n. st.—Par l'Icarus brig. Cap. Devon.

Monsieur le Comte.

Le commissaire d'Autriche et le gouverneur de S-te Hélène sont en guerre ouverte. Ce n'est entr'eux, depuis environ six semaines, qu'un échange continuel de notes et de billets, des explications à perte de vue et des emportements à faire craindre l'eclat. Le tout sur un objet insignifiant. Je vais entrer dans le detail de cette affaire.

(*) См. выше, стр. 659—734.

Une dame Marchand, en condition chez l'Archiduchesse Marie Louise et mère du sieur Marchand, valet de chambre de Bonaparte, sut à Vienne qu'un botaniste autrichien nommé Welle devait suivre le Baron Stürmer à S-te Hélène. Voulant profiter de cette occasion pour faire tenir à son fils une boucle de cheveux, elle engagea M-r Boze, inspecteur du jardin de Shoenbrun, d'engager Welle à s'en charger. Ce dernier y consentit. Les cheveux etaient d'un blond de filasse et roulés dans un papier sur lequel on avait ecrit: „Je t'envoie de mes cheveux. Si tu as le moyen de te faire peindre, envoies moi ton portrait. Ta mère Marchand".

A peine arrivé à S-te Hélène Welle rencontre en ville le sieur Marchand, fait à l'étourdie sa commission et ne croit pas devoir en prevenir le Baron Stürmer. Au bout d'un certain temps, il en fut bruit sur ce rocher que de cheveux de Roi de Rome sont remis en cachette à Bonaparte. Bientôt on sut que Welle en avait apporté de la dame Marchand à l'insu des autorités Anglaises. On fit à Longwood et partout la recherche exacte du fait. Le gouverneur ne nous en a pas communiqué le resultat, mais on assure que le message confié à Welle est du Roi de Rome et que la dame Marchand n'y est que prête-nom. Je passe sous silence l'argument absurde, qu'on en tire contre Marie Louise et la maison d'Autriche. Quoiqu'il en soit à cet egard, le botaniste devint suspect au gouverneur, et son renvoi fut décidé.

Le Baron Stürmer ne savait encore rien de cette belle histoire, car on évitait d'en parler devant lui. Au moment où il y pensait le moins, Sir Hudson Lowe le prévient par une note officielle que le sieur Welle, n'etant muni d'aucune autorisation spéciale du gouv. Britanique pour résider à S-te Hélène et que trois mois de séjour devant suffire à ses achats de plantes et bêtes rares, il etait urgent de l'en faire partir. En donnant, je ne sais pourquoi, un tour spécieux à cette affaire au lieu de s'en expliquer nettement, on l'embrouilla. Le commisaire d'Autriche prit en mauvaise part la note du gouverneur. Ce ne fut à ses yeux qu'une pure fantaisie, des airs d'autorité qu'on se permettait avec les commisaires. Il y répondit en termes assez forts et s'opposa au renvoi du botaniste. C'etait le cas ou jamais d'en venir à un eclaircissement. Sir Hudson Lowe n'en fit de nouveau rien. Il s'etablit alors entr'eux une correspondance à trois et quatre notes officielles par jour où de part et d'autre on se traite avec beaucoup d'aigreur et de dedain.

M-r de Stürmer decouvrit enfin ce qu'il ignorait de cette affaire. Welle fut interrogé de suite. Il déclara par serment n'avoir jamais vu ni connu la dame Marchand ni soupçonné que le message, dont il s'etait chargé, put venir du Roi de Rome. Après s'etre bien assuré de la moindre circonstance relative à ce fait, le commissaire d'Autriche s'en expliqua franchement et en detail avec Sir Hudson Lowe.

—„Savez vous, lui dit ce dernier, d'un ton sévère, que la chose est importante, très importante. On a remis des lettres à mon insu, et l'on pretend même que vous en aviez connaissance."

—„Celui, qui pretend cela, s'écria l'autre pâle et tremblant de colère, est un lâche, un coquin."

—„Ce que vous me dites du sieur Welle, ajouta le gouverneur, ne me suffit pas. C'est moi qui dois l'interroger."

—„Voulez vous m'insulter? répartit M-r de Stürmer en faisant un saut en avant,—non, vous ne verrez pas Welle. Vous n'avez aucun droit sur lui. On ne traite pas ainsi

un commissaire, un homme revétu de la confiance de son souverain. Si la cour de Vienne eut songé à faire passer à Bonaparte des cheveux de son fils, c'est à moi qu'on les eut remis et je m'y serais pris plus adroitement."

—„Ce n'est pas, dit le gouverneur, que j'envis à un père le plaisir si naturel de recevoir des cheveux de son enfant, mais on ne doit pas m'en faire mystère. C'est une infraction à la loi."

Ils furent une heure entière à s'accabler l'un l'autre de reproches en tout genre. Enfin M-r de Stürmer voulut savoir s'il est prouvé que le message en question ne soit pas de la dame Marchand. „Je désire, repondit Sir Hudson Lowe, ne rien dire là dessus." En effet, il ne s'en est jamais ouvert à personne, du moins à aucun des commissaires; mais il a agi dans cette affaire comme s'il n'en doutait pas.

Le résultat de leur querelle, car c'en est une véritable, fut de nouvelles écritures. Welle subit un second interrogatoire. Il mit pas écrit son serment et tout ce qu'il avait dit à sa justification; néanmoins le gouverneur tint ferme pour le renvoyer, et le commissaire d'Autriche dut à la fin céder. Le sieur Welle quittera l'ils de S-te Hélène à l'entrée de la belle saison.

J'ai l'honneur d'etre etc.

Переводъ.

1.

Островъ св. Елены. 6 Янв. 1817, н. ст. Бригъ Икаръ, капитанъ Девонъ.

Ваше сіятельство. Австрійскій комиссаръ и губернаторъ острова св. Елены находятся въ явной враждѣ между собою. Вотъ уже 6 недѣль какъ у нихъ происходитъ безпрерывный обмѣнъ нотъ, писемъ, объясненій, которымъ не видно конца и такихъ горячихъ выходокъ, что очень можно опасаться разрыва— къ чему служитъ поводомъ весьма неважный предметъ. Здѣсь передаю о томъ въ подробности.

Въ числѣ дворцовой прислуги эрцгерцогини Маріи Луизы, есть одна женщина, прозывающаяся Маршанъ; сынъ ея служитъ камердинеромъ у Бонапарта. Узнавъ, что одинъ ботанистъ Велле въ свитѣ барона Штюрмера отправляется также на островъ св. Елены, Маршанъ пожелала воспользоваться этимъ случаемъ и переслать сыну прядь своихъ волосъ, почему обратилась къ г. Бозе, смотрителю Шенбрунскихъ садовъ, чтобы онъ убѣдилъ Велле взять на себя передачу ея посылки. Прядь волосъ льнянаго цвѣта была завернута въ бумажку, на которой было написано слѣдующее: „Посылаю тебѣ мои волосы. Ежели ты найдешь средство снять съ себя портретъ, то перешли мнѣ его, мать твоя Маршанъ".

Какъ только Велле ступилъ на островъ, то скоро встрѣтилъ въ городѣ означеннаго Маршана, и по легкомыслію своему тотчасъ свелъ съ нимъ знакомство, даже не предупредивъ о томъ барона Штюрмера. Вскорѣ за тѣмъ на островѣ пронесся слухъ, что Бонапарту переданы волосы Римскаго короля, черезъ Велле, втайнѣ отъ Англійскихъ властей. Въ Лонгвудѣ начались тщательные розыски; губернаторъ ничего не сообщалъ намъ о послѣдствіяхъ; но увѣряютъ, что посылка точно была отъ Римскаго короля и что имя Маршанъ употребили только для прикрытія. Умалчиваю о нелѣпомъ заключеніи, выведенномъ изъ того относительно Маріи Луизы и Австрійскаго двора. Какъ бы то ни было, но Велле навлекъ на себя подозрѣніе губернатора и по его приказанію долженъ оставить островъ.

Баронъ Штюрмеръ еще ничего не зналъ объ этой прекрасной исторіи: при немъ избѣгали случая говорить о ней. Вдругъ Сиръ Гудсонъ Лоу предупреждаетъ его оффиціальною нотой, что Велле, не имѣя отъ Британскаго

правительства особаго разрѣшенія для постояннаго жительства на островѣ, долженъ возвратиться назадъ, что въ теченіи 3 мѣсяцевъ, прожитыхъ имъ здѣсь, онъ имѣлъ довольно времени для своихъ закупокъ по части ботаническихъ растеній и рѣдкихъ животныхъ, а теперь необходимо отправить его отсюда. Не знаю почему, приданъ былъ оффиціальный характеръ этому дѣлу, о чемъ просто можно было переговорить, а тутъ вышла путаница. Австрійскій комиссаръ оскорбился, получивъ отъ губернатора эту ноту; онъ принялъ ее за простую фантазію, за начальническую выходку, неприличную въ отношеніи къ комиссарамъ. Отвѣтъ написанъ былъ въ довольно рѣзкихъ выраженіяхъ, и въ немъ выражено было несогласіе на высылку ботаниста. Случай представлялся къ объясненію, но Сиръ Гудсонъ Лоу опять имъ не воспользовался; послѣ этого пошла у нихъ переписка, оффиціальныя ноты, по три и и по четыре раза въ день, были пересылаемы; и тотъ и другой выражались въ нихъ высокомѣрнымъ и колкимъ образомъ.

Баронъ дознался наконецъ, въ чемъ состояло дѣло, потребовалъ Велле къ себѣ и распросилъ его. Послѣдній подтвердилъ клятвенно, что онъ никогда не знавалъ и даже не видывалъ помянутую Маршанъ, и вовсе не подозрѣвалъ, чтобы посылка пряди волосъ могла быть отъ Римскаго короля. Распросивъ о самомалѣйшихъ подробностяхъ этого происшествія, баронъ откровенно и подробно объяснился о немъ съ губернаторомъ.

— „А знаете ли вы, отвѣчалъ послѣдній строгимъ голосомъ, что дѣло это очень, очень важно. Письмо передали безъ моего вѣдома, и сверхъ того утверждаютъ, что вамъ это было не безъизвѣстно“.

— „Кто говоритъ это, вскричалъ баронъ, поблѣднѣвъ и дрожа отъ гнѣва, кто говоритъ это, тотъ подлецъ или плутъ“.

— „Для меня недовольно того, что вы мнѣ передали о Велле, продолжалъ губернаторъ, мнѣ самому надобно допросить его“.

— „Такъ вы хотите оскорбить меня, возразилъ баронъ, прискокнувъ на шагъ впередъ; нѣтъ! Вы не увидите Велле. Вы не имѣете надъ нимъ никакого права. Такъ не слѣдуетъ поступать съ комиссаромъ, облеченнымъ довѣріемъ своего государя! Если бы при Вѣнскомъ дворѣ и пожелали передать Бонапарту волосы его сына, то отнеслись бы ко мнѣ, и я бы поступилъ тутъ гораздо искуснѣе“.

— „Я вовсе не намѣренъ лишать отца удовольствія получить прядь волосъ своего сына, но тутъ не должно быть тайны. Здѣсь нарушеніе закона“.

За тѣмъ провели они цѣлый часъ, дѣлая другъ другу упреки всякаго рода. Баронъ спрашивалъ, есть ли доказательства на то, что г-жа Маршанъ на участвовала въ отправкѣ посылки. „Я не желаю ничего говорить о томъ“, отвѣчалъ губернаторъ; и въ самомъ дѣлѣ онъ никогда и никому не объяснялъ того, по крайней мѣрѣ ни которому изъ комиссаровъ; но судя по его дѣйствіямъ, кажется, что онъ былъ убѣжденъ въ этомъ.

Послѣдствіемъ этой ссоры, дѣйствительной ссоры, была новая переписка. Велле вторично допрашивали. Не смотря на его клятвенное отрицаніе, данное имъ письменно и на все, что онъ говорилъ въ свое оправданіе, губернаторъ настойчиво требовалъ его высылки, и баронъ долженъ былъ уступить. Съ наступленіемъ благопріятнаго времени Велле оставитъ островъ. Имѣю честь быть и проч.

2.

S-te Hélène ce 28 Janvier 1817 n. st.
Par l'Icarus brig. Cap. Devon.

Monsieur le Comte.

Le chagrin que Bonaparte ressentit de la perte de Las Cases parait s'être entièrement

dissipé. Il est plus gai que de coutume et se porte à merveille. Mais il a un peu maigri. C'est M-me de Montholon, à ce qu'on dit, qui est aujourd'hui son secrétaire. Il continue à ne recevoir personne et ne sort presque pas de sa maison. L'amiral Malcolm, depuis son retour du Cap, ne l'a vu que deux fois. Le gouverneur ne le voit jamais. Souvent on est huit jour sans en entendre parler.

J'ai l'honneur d'être etc.

P.S. V. E. me permettra de joindre à ce rapport la figure de Bonaparte, faite à la hâte et dans un moment où il reprimandait Bertrand. Cela donne une idée de son costume actuel. Comme toute ma mission se compose de bagatelles, j'ai cru pouvoir y ajouter celui-ci.

2.

О. св. Елены 28 Янв. 1817 н. ст. Посл. съ бригомъ Икаръ, кап. Девонъ.

В. с. Горесть Бонапарта о разлукѣ съ Ласказомъ, кажется, совсѣмъ разсѣялась. Онъ сталъ веселѣе обыкновеннаго и совершенно здоровъ, только нѣсколько похудѣлъ. Сказываютъ, что теперь госпожа Монтолонъ занимаетъ мѣсто его секретаря. Онъ не принимаетъ никого и почти не выходитъ изъ дому. Адмиралъ Малькольмъ, по возвращеніи своемъ съ мыса Доброй надежды, видѣлся съ нимъ только два раза. Губернаторъ никогда его не видитъ, и часто цѣлая недѣля проходитъ такъ, что о немъ ничего не слышно.

P.S. В. сіятельство. Позвольте приложить къ этому донесенію изображеніе Бонапарта, снятое съ него наскоро въ то время, когда онъ дѣлалъ выговоръ Бертрану. По этому очерку можно имѣть понятіе объ его внѣшнемъ видѣ въ настоящее время. Вся моя должность ограничивается пустяками, и это внушаетъ мнѣ смѣлость препроводить къ вамъ вышепомянутое.

3.

S-te Hélène ce 28 Fevrier 1817 n. st. Par l'Earl of Balcarras de la Comp-e des Indes. Capt. Jameson.

Monsieur le Comte.

Il y a déjà six mois que Bonaparte n'a vu ni reçu d'etrangers, hors l'amiral Malcolm et près des trois mois qu'il n'est sorti de sa maison, même pour prendre l'air. Il vit seul, sans faire d'exercice ni presque se remuer, dans un climat où le trop grand repos et la solitude abiment la santé et peuvent causer la mort. Souvent par ennui il change tout à coup son train de vie. Il dine à six heurs, s'abstient de dejeuner, se lève, se couche plus tòt ou plus tard qu'il ne le faisait, puis se dégoute de ce changement et reprend son ancienne coutume. L'amiral et Lady Malcolm, qui le virent ces jours passés, lui trouvèrent une mauvaise mine, mais de bonne humeur et une extrêm affabilité. En causant de choses et d'autres il soutint à l'amiral: *que les Bourbons, revenant en France sur les épaules des alliés, ne s'y soutiendraient pas, que lui seul savait conduire et mettre les Francais à la raison.*—Vous les conduisiez à la victoire, dit l'amiral, mais ce n'est pas ce qui fait la félicité publique ni ce qu'il faut en ce moment."

—*Oh non*, reprit il en riant, *tout a un terme. Je ne veux plus de guerre. Si je règnais, je ne bougerais pas.* Il a dit aussi: *que jamais les Autrichiens ne seraint aimés en Italie, et que l'Empereur François est Barbe-bleu, qu'il tue toutes ses femmes* (*).

Le commissaire d'Autriche a déjà fait un emprunt de 1000 liv. sterl. Il en avait reçu près de 3000 de son gouvernement, et ces deux sommes suffisent à peine à sa dépense.

(*) Сличи выше письма князя А. Б. Куракина.

Ceci prouve à V. E. que rien n'est comparable à la cherté de S-te Hélène. J'y ai vu payer 6 liv. sterg. la moitié d'un porc et en demander 60 d'une douzaine de chaises.

J'ai l'honneur d'etre etc.

3.

О. св. Елены. 28 Февр. 1817 н. ст. Кор. Балеарскій Графъ, капитанъ Джемсонъ.

В. с. Вотъ уже полгода съ тѣхъ поръ какъ Бонапартъ не принимаетъ и не видитъ никого изъ посторонних, выключая адмирала Малькольма, и вотъ уже три мѣсяца какъ онъ не выходитъ изъ комнаты, хотя бы для того, чтобы подышать воздухомъ. При такой уединенной жизни онъ даже не прохаживается по комнатѣ и остается почти неподвижнымъ. Въ такомъ климатѣ, каковъ здѣшній, совершенная недѣятельность и отчужденіе отъ людей могутъ причинить смерть. Скука заставляетъ его часто перемѣнять порядокъ жизни. Онъ обѣдаетъ въ 6 часовъ, не завтракаетъ, встаетъ и ложится иногда ранѣе, иногда позднѣе противъ того какъ дѣлалъ прежде; потомъ такая перемѣна становится ему противна, и онъ возвращается къ старымъ привычкамъ. Адмиралъ и леди Малькольмъ были у него на этихъ дняхъ и нашли, что лице его не обнаруживаетъ здоровья; впрочемъ онъ въ хорошемъ нравѣ и чрезвычайно любезенъ. Разговаривая о томъ и о другомъ, онъ сказалъ адмиралу, что „союзники внесли Бурбоновъ на своихъ плечахъ во Францію, но что послѣдніе тамъ не удержатся, что только онъ умѣлъ управлять Французами и возвращать ихъ къ разсудку". „Вы водили ихъ къ побѣдамъ, отвѣчалъ адмиралъ, но не на томъ основано благоденствіе государства, особенно въ настоящее время".

— О нѣтъ, возразилъ Наполеонъ улыбаясь, всему есть конецъ. Я не хочу болѣе воевать. Если бы я опять сталъ царствовать, то я бы не тронулся съ мѣста. Далѣе онъ говорилъ, что Италіанцы никогда не будутъ любить Австрійцевъ, и что императоръ Францъ, точно Рауль Синяя Борода, моритъ всѣхъ своихъ женъ.

Австрійскій комиссаръ занялъ 1000 ф. ст., не смотря на то, что получилъ отъ своего правительства 3000 ф. Этого недостало на его расходы. В. С. можете себѣ представить, какая здѣсь дороговизна. Я знаю, что за половину свиной туши заплачено 6 ф. ст. Дюжина стульевъ 60 ф. ст.

4.

S-te Hélène ce 1-er Mai 1817 n. st. Par le Batavia de la Comp-e des Indes. Capt. Mayne.

Monsieur le Comte.

Sir Hudson Lowe continue à avoir pour nous de grands égards, à nous prévenir par toutes sortes de bons offices. Il en est même aux petits soins avec nous. Ainsi personnelement je n'ai qu'à m'en louer. Mais nos rapports officiels sont moins satisfaisants, et je doute fort, Monsieur le Comte, d'après l'experience journalière que j'en fais depuis dix mois, que les commissaires des Puissances Alliées et les autorités Anglaises puissent jamais s'accorder et être bien ensemble. Je vais en expliquer à V. E. tous les motifs separément.

1-mo. Bonaparte est le prisonnier de l'Europe, mais il est au pouvoir des Anglais qu'il deteste et dont il croit avoir à se plaindre. De cette inimitié qui ne peut eclater avec fruit dans le cercle où il vit, nait en lui le besoin de voir les commissaires, pour se déchainer à son aise contre le gouvernement Britannique et interesser les autres cours en sa faveur. Ceci naturellement chagrine les Anglais et nous est défavorable, car ils s'en prennent en quelque sorte à nous de la facheuse hummeur d'un homme à qui tous sur ce rocher veut plaire. „C'est, disent-ils, depuis l'arrivée des commissairais que Longwood est en insurrection, qu'on y a conçu

de vaines espérances, qu'on s'y est défait des Anglais, en un mot, que la résignation, la paix en sont bannies.“ De la résulte en grande partie la mauvaise volonté qu'ils ont pour nous, et voilà déjà, sans que personne ait le moindre reproche à se faire, un germe de désunion, un état naturel des choses nuisibles à nos affaires.

2-do. Lorsqu'on publiait à S-te Hélène l'acte du Parlement, où il y a peine de mort pour qui aidera d'une manière quelconque à l'évasion de Bonaparte, le gouverneur nous y croyant compris, adressa à chacun des commisaires la note et les incluses dont V. E. trouvera ci joint le duplicata. Celui de France entra de suite en débat là-dessus et soutint que cet acte ne pouvait le concerner, qu'il n'était justiciable d'aucun tribunal Anglais. Comme la lettre du Lord Bathurst ne fait pas mention expresse des commissaires, le gouverneur ne crut pas devoir insister sur ce point. Mais il a l'air depuis ce temps-là de se mefier de nous. Il nous éloigne des affaires. Il s'inquiete et prend ombrage de tout ce que nous faisons, il nous fait épier et quand on lui demande raison de sa conduite: „Vous étes, répond-il, dans l'exception de la loi du Parlement. Ma position vis-à-vis de vous devient embarassante.“

„Vous me reprochez, dit-il un jour au Baron Srürmer, de me fier à l'amiral Malcolm et pas à vous. Songez que je puis le faire pendre et vous pas.“ L'absurdité de cet argument saute aux yeux, mais il le soutient à toute outrance, crie et s'emporte dès qu'on y fait la moindre objection, et il s'ensuit de là que mes collègues disputent sans cesse contre lui et que jamais on ne sera d'accord sur ce point.

3-tio. Sir Hudson Lowe est certainement un digne homme, un homme d'honneur et d'une probité reconnue. Il est en outre fort instruit et écrit, à ce qu'on dit, excellemment. Mais en affaires, c'est un esprit étroit, un homme, que la responsabilité dont il est chargé etouffe, fait trembler, qui s'alarme de la moindre chose, s'alambique la cervelle sur des riens et fait avec peine en s'agitant beaucoup, ce qu'un autre eut fait presque sans se remuer. Dès qu'on l'interroge sur Bonaparte ou sur quelqu'un de sa suite, son front se ride, il croit qu'on lui tend un piège et ne répond qu'à demi; ou, s'il entre en matière, comme dans l'affaire du botaniste Welle, on n'en tire de même aucun eclaircissement. Il vous découvre une chose, vous en cache une autre, jamais ne dit sa façon de penser nette, entière, explique tout à contre-sens, chicane sur les mots, vous embrouille l'esprit. Puis il a le défaut de s'emporter. Pour peu qu'on lui résiste, il se mit en furie, ne sait plus ce qu'il dit, où il en est, perd la tête, de sorte qu'il n'y a pas moyen de le ramener à la raison. Avoir affaire à lui et être bien avec lui sont deux choses incompatibles.

Voilà, Monsieur le Comte, ou en sont nos rapports officiels à Longwod. On nous y voit de mauvais oeil, parceque Bonaparte, mecontent des Anglais, veut s'expliquer avec nous sur sa position. On s'y méfie de nous parceque nous ne sommes pas dans la dépendance des autorités Anglaises, et toutes nos discussions et remontrances à ce sujet n'ont servi de rien, parseque le gouverneur est un homme intraitable.

Il résulte de cet état de choses que notre rôle, qui ne devait être que passif, est nul dans toute la force du mot. Malgré le déplaisir mortel que j'en ressens quelquefois, j'ose assurer V. E. que ma conduite vis-à-vis des Anglais a toujours été conforme à mes instructions. J'ai eu ainsi que mes collègues des explications longues et détaillées sur toutes ces tracasseries. J'ai plus d'une

fois reproché à Sir Hudson Lowe sa méfiance, sa mauvaise volonté pour nous, mais sans me facher, ni le pousser à bout; et quand j'ai vu que je perdais avec lui mon temps et mes peines, je l'ai abandonné aux commissaires d'Autriche et de France et je me tiens aujourd'hui tranquille là-dessus.

Le général Gourgaud, que j'ai rencontré ce matin à la promenade m'a assuré que Bonaparte était fort impatient de nous voir. „Il a pour vous, me dit-il, des dispositions tout à fait amicales. Venez le trouver sans gêne, sans façon. Vous nous ferez à tous un extrême plaisir.“ Je le remerciai beaucoup de son honnêteté et lui expliquai en peu de mots que M-rs de Stürmer et de Montchenu, n'ayant pas encore reçu d'Europe de réponse à l'affaire du procés-verbal, je leur devais en quelque sort de ne pas faire de démarche isolée, mais que quand ces Messieurs sauraient à quoi s'en tenir à cet égard, je m'arrangerais avec le gouverneur sur la manière de voir Bonaparte.

C'est en effet ce que je compte faire dès que ces nouveaux ordres que nous attendons incessamement seront arrivés.

J'ai l'honneur d'être etc.

4.

О. св. Елены 1 Мая 1817 н. ст. Кор. Батавія Остъ-Индской комп. Кап. Майнъ.

В. с. Сиръ Гудсонъ Лоу не перестаетъ оказывать намъ большое уваженіе и предупредительность, даже и въ мелочныхъ вещахъ. Говоря лично о себѣ, я не могу довольно имъ нахвалиться, но оффиціальныя наши сношенія далеко не такъ удовлетворительны, а потому я сильно сомнѣваюсь, чтобы комиссары Союзныхъ Державъ и Англійскія власти были согласны въ дѣйствіяхъ и въ то же время оставались между собою въ хорошихъ отношеніяхъ. Здѣсь изложу каждый поводъ къ тому отдѣльно.

1. Бонапартъ есть плѣнникъ Европы, но онъ во власти ненавистныхъ ему Англичанъ; ему кажется, что онъ имѣетъ причины на нихъ жаловаться, и потому ему желательно видѣться съ комиссарами другихъ державъ, излить передъ ними безпрепятственно свои жалобы на Британское правительство и возбудить участіе другихъ Монарховъ. Естественно, что Англичане на то досадуютъ, смотрятъ на насъ неблагопріятно и начинаютъ привязываться къ бездѣлицамъ, вымѣщая намъ нерасположеніе того, кому всѣ хотятъ здѣсь угодить. Они говорятъ, что со времени пріѣзда комиссаровъ, миръ и спокойствіе исчезли въ Лонгвудѣ, потому что съ тѣхъ поръ не видно болѣе покорности судьбѣ, и что ихъ стали чуждаться отъ возбудившихся несбыточныхъ надеждъ. Вотъ откуда ведетъ свое начало ихъ непріязненность. Хотя никому изъ насъ нечего упрекать себя въ этомъ, но здѣсь то именно кроется зародышъ разъединенія. Для нашихъ дѣлъ такое состояніе невыгодно.

2. Когда на островѣ св. Елены объявили парламентскій указъ, въ которомъ назначается смертная казнь каждому, кто станетъ способствовать Бонапарту въ покушеніи къ побѣгу, то губернатору представилось, что этотъ указъ относится и къ комиссарамъ. Каждому изъ насъ порознь прислалъ онъ по этому случаю ноту, съ приложеніемъ указа въ двухъ экземплярахъ. Прилагаю здѣсь дубликатъ его. Французскій комиссаръ тотчасъ поднялъ споръ, утверждая, что этотъ указъ до него не относится, ибо онъ не состоитъ подъ вѣдомствомъ Англійскихъ судовъ. Губернаторъ, видя, что въ письмѣ Лорда Батурста ничего не сказано о комиссарахъ, не настаивалъ болѣе, но съ того времени онъ какъ будто остерегается насъ и отдаляетъ насъ отъ дѣлъ. Всѣ наши дѣйствія тревожатъ его и становятся ему подозрительными. По его приказанію за нами присматриваютъ. Если просишь у него на то

объясненія, то онъ даетъ слѣдующій отвѣтъ: „Вы не подлежите парламентскимъ законамъ, и мое положеніе въ отношеніи къ вамъ становится затруднительнымъ“.

Вотъ что̀ онъ сказалъ однажды барону Штюрмеру: „Вы упрекаете меня въ томъ, что я больше вѣрю адмиралу Малькольму, нежели вамъ, но возьмите въ разсужденіе то, что я могу его повѣсить, а васъ нѣтъ“. Нелѣпость такого аргумента очевидна, но онъ упорствуетъ въ томъ, кричитъ и выходитъ изъ себя, ежели кто станетъ ему противорѣчить, и вотъ у моихъ товарищей возникаютъ съ нимъ безпрестанные споры, а согласія никогда не будетъ.

3. Безъ сомнѣнія Сиръ Гудсонъ Лоу человѣкъ достойный почтенія за свою честность, сверхъ того онъ очень свѣдущъ и хорошо пишетъ, но въ дѣлахъ по управленію онъ обнаруживаетъ узкія понятія; отвѣтственность душитъ его, заставляетъ страшиться и трепетать всякой бездѣлицы, умъ его запутывается мелочами; и, не смотря на свою хлопотливость, онъ съ трудомъ приступаетъ къ дѣйствію, каковое всякій другой совершилъ бы спокойно. Сто̀итъ сдѣлать ему вопросъ о Бонапартѣ или о комъ-нибудь изъ Французовъ, губернаторъ начинаетъ хмуриться, воображая, что ему разставляютъ сѣти, и отвѣчаетъ полусловами. Если же и войдетъ въ разговоръ, какъ напр. касательно ботаниста Велле, то отъ этаго дѣло нисколько не выясняется; онъ вамъ сообщаетъ одно и скрываетъ другое, просто и вполнѣ никогда не высказываетъ своего образа мыслей, толкуетъ все въ превратномъ смыслѣ, привязывается къ выраженіямъ и запутываетъ ваши мысли. Сверхъ того въ немъ есть еще тотъ недостатокъ, что онъ горячится, если кто нибудь начнетъ ему противурѣчить или не захочетъ подчиняться его требованіямъ; тутъ онъ уже не помнитъ самъ себя, не знаетъ что̀ говоритъ, на чемъ слѣдуетъ остановиться, и теряетъ окончательно голову, такъ что нѣтъ возможности возвратить его къ здравому сужденію. Имѣть съ нимъ дѣловыя сношенія и при этомъ оставаться въ мирѣ — это вещь невозможная.

Вотъ, в. с., каковы наши оффиціальныя сношенія въ Лонгвудѣ; здѣсь на насъ смотрятъ недружелюбно, отъ того что Бонапартъ, недовольный Англичанами, желаетъ объяснить намъ свое положеніе. Намъ недовѣряютъ отъ того, что мы не зависимъ отъ ихъ власти; наши замѣчанія и представленія, сдѣланныя съ цѣлію прекращенія поводовъ Бонапарту къ неудовольствію, ровно ни къ чему не повели отъ непреодолимаго упорства губернатора.

Конечно наша роль должна быть пассивна, но при такомъ положеніи дѣлъ становится она совершенно ничтожною. Впрочемъ, не смотря на большія, встрѣчающіяся мнѣ неудовольствія, въ обхожденіи съ Англичанами я всегда сообразовался съ моими инструкціями, въ чемъ смѣю увѣрить в. с—ство. Мнѣ случалось, также какъ и моимъ товарищамъ, имѣть съ губернаторомъ неоднократныя и продолжительныя объясненія по разнымъ спорнымъ предметамъ и даже упрекать его за недовѣріе и нерасположеніе къ намъ, комиссарамъ; но я дѣлалъ это безъ запальчивости и не доводилъ его до изступленія. Наконецъ, замѣтивъ, что я понапрасну трачу и трудъ и время, я предоставилъ это комиссарамъ Французскому и Австрійскому, а самъ замолчалъ.

Сегодня, во время утренней прогулки, я встрѣтилъ генерала Гурго; онъ говорилъ мнѣ, что Бонапартъ нетерпѣливо желаетъ насъ видѣть. Особенно къ вамъ, продолжалъ Гурго, онъ имѣетъ большое расположеніе. Приходите къ нему безъ церемоніи, за просто. Ему пріятно будетъ васъ видѣть. Я благодарилъ его за такое привѣтливое приглашеніе, но въ тоже время кратко объявилъ, что баронъ Штюрмеръ и г. Моншеню еще не получили отъ своихъ дворовъ отвѣта о протоколѣ, и я почитаю себя

обязаннымъ въ нѣкоторой степени къ совокупнымъ дѣйствіямъ съ ними; но какъ только они получатъ ожидаемыя инструкціи, я снесусь съ губернаторомъ о свиданіи моемъ съ Бонапартомъ.

Я дѣйствительно думаю поступить такимъ образомъ, послѣ того какъ здѣсь будутъ получены ожидаемыя въ скоромъ времени новыя распоряженія.

5.

S-te Hélène, ce 6 Mai 1817 n. st. Par la P-sse Amélie de la Comp-e des Indes. Cap. Boldstone.

Monsieur le Comte.

Depuis que Bonaparte s'est enfermé entre quatre murs, sa vie n'offre aucun détail intéressant. Il se porte bien, il étudie, fait la revue de toutes ses campagnes, s'amuse à tracer des plans militaires, travaille sans relâche à son histoire. C'est tout ce qu'on sait de lui. L'Amiral Malcolm le voit de temps à autre, mais il y a du refroidissement entr'eux. Bonaparte s'en est lassé comme de tous les Anglais. Ces jours derniers il lui a dit, je ne sais plus à quelle occasion:

Je n'ai fait la guerre aux Russes que pour rétablir le royaume de Pologne. J'aurais mieux fait peut-être de marcher sur Pétersbourg, mais je craignais d'y manquer de vivres.

On a remarqué qu'il aimait beaucoup sa campagne d'Egypte, car il en parle à tout propos et ne tarit point sur ce sujet.

Je viens d'apprendre, Monsieur le Comte, que le botaniste Welle a remis au G-l Gourgaud, le lendemain de notre arrivée à S-te Hélène, à l'insu des autoritées Anglaises, une lettre et un mouchoir de soie. Comme il ne s'est ouvert de ce message à personne, lors même qu'il était question de celui de la dame Marchand, il est clair que c'est un homme suspect et qu'on a bien fait de le renvoyer.

J'ai l'honneur d'être etc.

5.

О. св. Елены, 6 Мая 1817, н. ст. Кор. Ост.-Индск. комп. Принц. Амелія. Кап. Болдстонъ.

В. с. Съ тѣхъ поръ, какъ Бонапартъ заключился въ четырехъ стѣнахъ, жизнь его не представляетъ ничего значительнаго. Онъ здоровъ, занимается науками, просматриваетъ исторію своихъ походовъ, чертитъ военные планы и постоянно занятъ своею біографіею. Вотъ все, что́ мы объ немъ узнаёмъ. Адмир. Малькольмъ рѣдко съ нимъ видится, между ними произошло охлажденіе; одинаково съ прочими Англичанами онъ надоѣлъ Бонапарту. Вотъ что онъ на дняхъ сказалъ адмиралу:

„Моя война съ Россіею повела только къ возстановленію Польши. Можетъ быть, я лучше бы сдѣлалъ, если бы пошелъ на Петербургъ, но я опасался, что тамъ будетъ недостатокъ въ продовольствіи".

Замѣтно, что онъ любитъ говорить о своемъ походѣ въ Египетъ; при всякомъ случаѣ онъ возвращается къ нему и неистощимъ въ разсказахъ.

В. с. Я сей часъ узналъ, что, на другой день по выходѣ нашемъ на о. св. Елены, Велле помимо Англійскихъ властей передалъ г. Гурго письмо и шелковый платокъ. Это сдѣлано было тайно отъ всѣхъ, и не обнаружено даже, когда и началось дѣло о посылкѣ Маршанъ, изъ чего видно, что ботаникъ дѣйствительно человѣкъ подозрительный и что хорошо сдѣлали, что его выслали.

6.

S-te Hélène ce 4 Juillet 1817 n. st. Par la fregate le Nord-Castle, Amiral Malcolm.

Monsieur le Comte.

L'amiral Malcolm vient d'être rappelé de son commandement. Il fera voile aujourd'hui

pour l'Angleterre. L'Amiral Plampin, qui le remplace, est arrivé à S-te Héléne, le 29 Juin dernier, à bord du „Conqueror“, vaisseau de ligne de 74 canons, cap. Davie. Cet Amiral, avant de se rendre à son poste, a fait une tournée au cap de Bonne Espérance, où il est resté quinze jours. L'ile de France n'appartient plus à sa station, et son escadre a été diminuée, en consequence de ce nouvel arrangement, d'une frégate „le Phaeton“ cap. Heaufield, de deux vaisseaux armés, le „Falmouth“ cap. Riche, „le Spey“ capt. Murrey et d'un brig „le Griffon“ cap. Wright.

Depuis environ trois mois, sir Pulteney Malcolm et le gouverneur sont en mésintelligence. Ils ont cessé de se voir, de s'inviter à diner, de conférer ensemble. On dit, mais je ne garantis pas le fait, que le premier a intrigué, cabalé à Londres pour supplanter l'autre. Le motif apparent de cette brouillerie est que l'Amiral a pris, à l'egard des approvisionnements de S-te Hélène, de fausses mesures, que nous avons manqué de vin, de farine, de viande fraiche, que tous les chevaux de l'ile, sans en excepter ceux de Longwood, sont encore à demi-ration et que le blâme en tombe sur le gouverneur. Pour moi, je ne puis que regretter sir Pulteney Malcolm. Il m'a, en toutes occasions, témoigné beaucoup de confiance, et je me suis toujours bien trouvé de son amitié, de ses conseils.

Les commissaires d'Autriche et de France ont reçu ordre de ne pas insister à voir Bonaparte officiellement. M-r de Stürmer a été fort réprimandé par le Prince Metternich sur l'affaire des cheveux du Roi de Rome et sur sa conduite en général. M-r de Montchenu a obtenu un traitement de 60.000 fr. avec effet rétroactif du jour de son arrivée à S-te Hélène le 18 Juin 1816.

Lord Amherst, à son retour de la Chine, a passé quelques jours sur ce rocher. Il y sollicita, par le Maréchal Bertrand, une audience à Longwood, et Bonaparte le reçut à merveille. Ils furent une heure en tête à tête. Sa seigneurie s'est remis en mer à bord „César“, batiment marchand, le 2 de ce mois. La frégate „l'Alceste“ qui portait cette ambassade, a fait naufrage à une côte deserte, non loin de Batavia. L'equipage s'est sauvé, mais on y perdit beaucoup d'effets et quelques papiers importants. Tous les détails de ce voyage sont inserés dans les journaux Anglais.

Bonaparte a une fluxion sur le visage, sa tête est enflée, et il a mal aux dents. Son médecin le presse de s'en faire arracher une qui branle, mais il répugne à cette opération et aime mieux souffrir.

Jai l'honneur d'être etc.

6.

О. св. Елены. 4 Іюля 1817. н. ст. Фрег. Нордъ-Кестль. Адм. Малькольмъ.

В. с. Адм. Малькольмъ отозванъ и сегодня отправляется въ Англію. Мѣсто его занялъ Адмиралъ Плампей (Plampey); послѣдній съ 29 Іюня находится уже здѣсь, онъ прибылъ на линейномъ кораблѣ Конкерорѣ, о 74 пушкахъ, капитанъ Деви. Адмиралъ стоялъ двѣ недѣли у мыса Доброй Надежды. Иль-де-Франсъ былъ выключенъ изъ числа его стоянокъ, и вслѣдствіе такого новаго распоряженія отъ его эскадры были отдѣлены: фрегатъ Фаэтонъ, кап. Гофильдъ, два вооруженныя судна: Фальмутъ, кап. Ричь, Спей, кап. Муррей, бригъ Грифонъ, кап. Рейтъ.

Несогласія между адмираломъ Малькольмомъ и губернаторомъ продолжаются въ теченіе трехъ мѣсяцевъ. Они перестали видаться, не приглашаютъ другъ друга къ обѣду и прекратили взаимныя совѣщанія. Говорятъ (не ру-

чаюсь за достовѣрность), что адмиралъ интриговалъ въ Лондонѣ о смѣнѣ губернатора. Повидимому, непріятности возникли между ними по той причинѣ, что адмиралъ не принялъ надлежащихъ мѣръ для своевременнаго доставленія жизненныхъ припасовъ на островъ св. Елены, отъ чего мы терпѣли недостатокъ въ винахъ, въ мукѣ, въ свѣжей говядинѣ, а наши лошади, даже и тѣ, которыя находятся въ Лонгвудѣ, должны были довольствоваться половинною порціей. Во всемъ этомъ винили губернатора. Что касается до меня, то я жалѣю объ отозваніи Сира Малькольма. Онъ при всякомъ случаѣ оказывалъ мнѣ довѣріе, и дружескіе совѣты его были мнѣ полезны.

Французскій и Австрійскій комиссары получили предписаніе отъ своихъ дворовъ не настаивать на томъ, чтобы имѣть оффиціальное свиданіе съ Бонапартомъ. Баронъ Штюрмеръ получилъ строгій выговоръ отъ Князя Меттерниха по дѣлу о доставкѣ волосъ короля Римскаго и вообще за его поступки въ этомъ случаѣ. Г. Моншеню получилъ годовой окладъ въ 60,000 фр., считая со дня прибытія его на островъ, т. е. съ 18 Іюня 1816 года.

Лордъ Амгерстъ, возвращаясь изъ Китая, провелъ нѣсколько дней на нашей скалѣ. Онъ обращался къ маршалу Бертрану для полученія аудіенціи въ Лонгвудѣ, и Бонапартъ принялъ его отлично. Они провели въ двоемъ цѣлый часъ. 2 числа текущаго мѣсяца Лордъ отправился отсюда на купеческомъ кораблѣ. Фрегатъ Альцеста, на которомъ находилось посольство, потерпѣлъ крушеніе близъ пустыннаго берега, недалеко отъ Батавіи. Люди спаслись, но множество вещей и нѣсколько важныхъ документовъ погибло. Подробности можно найти въ Англійскихъ журналахъ.

Бонапартъ страдаетъ отъ опухоли лица, головы и отъ зубной боли. Докторъ убѣждаетъ его согласиться на то, чтобы дозволить вырвать одинъ зубъ, который шатается, но Бонапартъ лучше хочетъ страдать: ему противна такая операція.

7.

S-te Hélène ce 8 Juillet 1817 n. st. Par le Falmouth vaisseau armé. Cap. Riche.

Monsieur le Comte.

Ces jours derniers le gouverneur de S-te Hélène réunit chez lui les commissaires des Puissances Alliées et leur annonça:

1-mo. Qu'il a reçu ordre de communiquer, à chacun d'eux séparément, tout ce qui a rapport à l'état de santé de Bonaparte. Il m'a, en conformité de cet ordre, envoyé les deux bulletins ci-joints du docteur O. Meara en date des 6 et 7 Juillet de cette année.

2-do. Que le Prince Régent les excepte individuellement de l'acte du Parlement, dont il me fut donné communication par le gouverneur le 8 Octobre 1816, mais qu'à l'avenir leurs gens y seraient compris indistinctement. M-rs de Stürmer et de Montchenu voient d'un oeil de dépit l'un que sa femme, l'autre que la capitaine Gors, son aide de camp, sont justiciables des autorités Anglaises. Mais, d'autant que cette communication n'a été faite que verbalement, aucun d'eux n'a cru devoir y rien objecter. Pour moi, j'attends encore les ordres de Ministère Imperial à cet égard.

Depuis l'arrivée du „Conqueror" Bonaparte est dans l'impatience de nous voir. Il sait que l'affaire du procès-verbal est terminée, que les commissaires d'Autriche et de France peuvent aller à Longwood comme particuliers. Il détache ses Français l'un après l'autre pour nous y attirer. Gourgaud me cherche, me suit partout et me presse avec importunité de contenter son maitre. Bertrand en fait autant à M-me de Stürmer. L'autre jour, étant assis près d'elle, il feignit, pour n'être entendu de personne, de relever

un mouchoir et lui dit à voix basse: „Madame, au nom du Ciel, venez voir l'Empereur; je vous en conjure, il vous attend, il ne parle que de vous, il a besoin de société, il ne voit que des Anglais, et c'est bien triste". De sorte qu'il n'y a plus moyen de les éviter ni d'échapper à leurs pressantes sollicitations.

Sir Pulteney et Lady Malcolm, avant de quitter S-te Hélène, firent à Bonaparte une visite d'adieu. Il s'emporta devant eux en invectives contre le P-ce Régent, le Parlement, les Ministres et tous les Anglais. L'Amiral, soit pour conserver l'honneur de ses bonnes graces, soit par timidité, écouta patiemment et ne dit mot. Ce silence plut au grand homme. Il gratifia Lady Malcolm d'une belle tasse de porcelaine et les assura de son amitié.

Le gouverneur, outré de cette conduite et de ce que les officiers de marine en jasaient à tous les coins de rue, se rendit aussitôt chez l'Amiral et lui fit une scène. Celui repoussa vivement son attaque et lui repondit ferme. Ils s'écrivirent onze lettres officielles sur ce sujet, et selon toute apparence on les a envoyées au Lord Bathurst.

L'Amiral Plampin est un homme bon, timide, assez aimable, qui veut vivre en repos et ne se mêle de rien. Il a vu Bonaparte une fois, n'a fait aucune impression sur son esprit et s'en console. Au grand scandale de la colonie de ce rocher, il a amené de Londres une dame, à qui il donne son nom et qui n'est que sa maitresse. Tout le monde à cause de cela lui jette la pierre.

Le 1-er bataillon du 66-me d'inf. est arrivé il y a quinze jours à S-te Hélène pour y relever le 2-de bataillon du même régiment et le 2-de bataillon du 53-me d'inf. Chacun d'environ 600 hommes. Ces deux derniers seront renvoyés incessamment. Le capt. Poppleton du 53-me devant suivre son bataillon est remplacé à Longwood par le capt. Blakeney du 66-me.

J'ai l'honneur d'être etc.

7.

Остр. св. Елены. 8 Іюля 1817. и ст. Фрег. Фальмутъ. Кап. Ричь.

В. с. Недавно губернаторъ, пригласивъ къ себѣ комиссаровъ Союзныхъ Державъ, объявилъ имъ слѣдующее:

1. Что онъ получилъ повелѣніе сообщать отдѣльно каждому изъ насъ все, что касается до состоянія здоровья Бонапарта. Вслѣдствіе чего онъ прислалъ мнѣ прилагаемые здѣсь два бюллетеня доктора О. Меара отъ 6 и 7 Іюля текущаго года.

2. Что Принцъ Регентъ дѣлаетъ для личностей коммиссаровъ изъятіе изъ парламентскаго закона, о которомъ я получилъ извѣщеніе чрезъ губернатора 8 Октября 1816, но что на будущее время сила послѣдняго распространяется на людей, состоящихъ при комиссарахъ. Баронъ Штюрмеръ и г. Моншеню въ большой досадѣ; первый потому, что его жена, а второй, что его адъютантъ, капитанъ Горсъ, такимъ образомъ поставлены въ зависимость отъ Англійскаго суда. Впрочемъ и первое и второе было передано намъ словесно; по этому ни тотъ, ни другой не сдѣлали никакихъ возраженій, а я буду ожидать приказаній императорскаго министерства.

Со времени прибытія сюда корабля Конкероръ, Бонапартъ чрезвычайно желаетъ насъ видѣть. Онъ знаетъ, что съ протоколомъ рѣшено, и что Австрійскій и Французскій комиссары могутъ являться къ нему какъ частные люди. Онъ посылаетъ своихъ Французовъ одного за другимъ приглашать насъ въ Лонгвудъ. Гурго отыскиваетъ меня, ходитъ повсюду за мною и пристаетъ, чтобы я удовлетворилъ желанію его повелителя. Бертранъ точно также поступаетъ съ баронессою Штюрмеръ. Недавно, сидя подлѣ нея, онъ наклонился какъ будто бы для того, чтобы под-

нять платокъ, но въ самомъ дѣлѣ для того, чтобы его никто не слыхалъ, и сказалъ ей шепотомъ: „Баронесса! ради Бога повидайтесь съ Императоромъ, умоляю васъ. Онъ ждетъ васъ, говоритъ о васъ безпрестанно; ему нужно общество! Онъ видитъ однихъ Англичанъ, а это очень скучно". Нѣтъ никакого способа избѣжать встрѣчи съ Французами и не выслушать ихъ настоятельныхъ просьбъ.

Передъ отъѣздомъ отсюда Сиръ Пелтней и Леди Мальсольмъ сдѣлали прощальное посѣщеніе Бонапарту. Онъ сталъ говорить имъ очень рѣзко противъ Принца-Регента, противъ Парламента, министровъ и всѣхъ Англичанъ. Адмиралъ молчалъ и не сказалъ ни одного слова, или отъ робости, или отъ желанія сохранить его благоволеніе. Такое молчаніе было пріятно великому человѣку; онъ подарилъ Леди Малькольмъ прекрасную фарфоровую чашку, въ удостовѣреніе дружескаго расположенія.

Раздраженный такимъ поступкомъ и тѣмъ, что офицеры морскаго экипажа говорили объ этомъ на всѣхъ перекресткахъ, губернаторъ отправился къ Адмиралу и сдѣлалъ ему сцену; послѣдній не оробѣлъ и живо отразилъ его нападки. По этому поводу оба написали другъ къ другу 11 писемъ, и очень вѣроятно, что письма отосланы къ Лорду Батурсту.

Адмиралъ Плампей человѣкъ добрый, и робкій; любезенъ въ обращеніи, но хочетъ жить въ покоѣ и потому ни во что не вмѣшивается. Онъ только одинъ разъ видѣлъ Бонапарта, не произвелъ на него никакого впечатлѣнія и не сожалѣетъ о томъ. Къ великому соблазну здѣшней колоніи, онъ привезъ съ собою изъ Лондона одну даму, которой даетъ свое фамильное имя, тогда какъ она ничто иное, какъ его любовница; поэтому онъ сдѣлался предметомъ общаго порицанія.

Двѣ недѣли тому, высаженъ на здѣшній островъ 1-й баталіонъ 66 пѣхотнаго полка на смѣну 2-го, того же 66 нумера; кромѣ того 2-й баталіонъ 53 пѣхотнаго полка. Въ каждомъ баталіонѣ по 600 чел. Смѣнившіеся отправляются немедленно. Кап. Поппльтонъ, состоящій въ 53-мъ, тоже уѣдетъ, его мѣсто въ Лонгвудѣ заступитъ капитанъ Блакснеи, служащій въ 66-мъ.

8.

S-te Hélène ce 20 Juillet 1817 n. st.
Par le Falmouth, vaisseau armé. Capt. Riche.

Monsieurs le Comte.

Conséquemment à ce que j'eus l'honneur de mander à V. E. dans mon rapport sub № 6 de cette année, que je n'attendais pour voir Bonaparte que les réponses d'Europe à l'affaire du procés-verbal, je me rendis ces jours passés chez le Gouverneur et lui exposai d'une manière non officielle mon intention. Je lui adressai en même temps, selon la coutume à S-te Héléne, un billet conçu en ces termes:

Mon Général.

«Rien ne s'opposant aujourd'hui à ce que les commissaires de Puisances Allieés voient Napoleon comme particuliers, j'ose vous prier, à l'exemple de tous vos compatriotes, de Lord Amherst entr'autres, de m'autoriser à faire la visite d'usage au C-te Bertrand. Si vous aviez la bonté de m'y conduire vous même, je vous en serais doublement reconnaissant.„

J'observe à V. E. que l'ayant prévenu de cette démarche un mois d'avance, je le trouvai prêt à me seconder. Je dirai plus, il m'y encourageait. Or voici mot à mot la réponse décousue qu'il me fit, quand il fallut en venir à l'effet:

„La chose m'est impossible, j'y ai bien réflechi, je n'ai pas d'ordre à cet égard. Ecrivons une seconde fois à nos Ministres. Puis vous étes dans l'exception de la loi du Parlement. Tous les Anglais peuvent être

pendus, je puis avoir la tête tranchée. Mais vous ne pouvez être ni pendu ni avoir la tête tranchée. Votre cas est different du notre. D'un autre côté Bonaparte me traite indignement, comme un cochon. Il m'outrage, me calomnie. Il vous dirait des horreurs, des abominations. Je ne puis le souffrir. C'est depuis l'arrivée des commissaires, je ne vous le cache pas, que nous sommes brouillés. Cet homme est trop fin. Il a l'esprit encore inquiet. Il s'agite, ordonne, travaille, fait des projets comme aux Tuilleries. Je connais des gens de mérite (l'Amiral Malcolm) qui, sans le vouloir, sans le savoir, sont devenus ses instruments. Sa suite est mauvaise, terrible, il n'y a que des intrigants. Votre position est difficile, pénible, extraordinaire, je le conçois. La mienne l'est aussi, et vous devez m'aider, me défendre, épouser mes interêts".

Il m'eut été aisé de renverser cette logique de fond en comble, mais il eut fallu disputer, batailler longtemps, et je préférai me désister de ma demande.

J'ai l'honneur d'être etc.

P. S. J'avais déjà terminé ce rapport lorsqu'on me remit de la part du gouverneur la note que j'ai l'honneur de transmettre ci-joint en copie à V. E. J'y ai ajouté en marge mes observations sur son contenu. C'est une réponse détaillée et semi-officielle à mon petit billet. Il veut, suivant son habitude, entamer une correspondance, parcequ'il écrit beaucoup mieux qu'il ne parle. Mais loin de me prêter à ce desir, de donner suite à cette affaire, je lui ai declaré positivement qu'il n'en sera plus question. Je l'ai prié en outre de la regarder comme non avenue.

8.

О. св. Елены. 20 Іюля 1817 н. ст. Съ вооруж. кор. Фальмутъ. Кап. Ричь.

Я уже имѣлъ честь извѣстить в. с. въ донесеніи моемъ за 6 №-мъ текущаго года, что для свиданія съ Бонапартомъ ожидалъ только отвѣтовъ изъ Европы по извѣстному протоколу. На дняхъ я былъ у губернатора, сообщилъ ему частнымъ образомъ о своемъ намѣреніи и, сообразно наблюдаемому здѣсь обычаю, подалъ ему записку слѣдующаго содержанія:

„В. Пр. Комиссарамъ союзныхъ державъ, повидимому, не представляется никакого препятствія для свиданія съ Бонапартомъ, и я прошу васъ дать мнѣ пропускъ, какъ выдается оный другимъ вашимъ соотечественникамъ, равно и выданъ лорду Амгерсту, для обычнаго посѣщенія графа Бертрана. Чрезвычайно буду вамъ обязанъ, если вы дозволите мнѣ отправиться къ нему вмѣстѣ съ вами".

Прибавлю къ тому, что, еще за мѣсяцъ тому, я предупредилъ губернатора о томъ, что я поступлю такимъ образомъ, и въ то время нашелъ его готовымъ меня удовлетворить. Онъ даже какъ бы поощрялъ меня къ этому посѣщенію. Вотъ слово въ слово несвязный его отвѣтъ въ тотъ часъ, когда надобно было приступить къ исполненію.

„Это для меня невозможно; я долго размышлялъ о томъ, но я не имѣю на этотъ счетъ предписанія отъ министровъ. Напишемъ къ нимъ вторично. Сверхъ того вы вѣдь исключены изъ парламентскаго закона. Каждый изъ Англичанъ можетъ быть повѣшенъ. Мнѣ могутъ отсѣчь голову. Вы же не подвергаетесь ни тому ни другому. Ваша участь не одинакова съ нашею. Съ другой стороны Бонапартъ обходится со мною недостойнымъ образомъ. Онъ поступаетъ со мною какъ съ свиньей, дѣлаетъ мнѣ оскорбленія, клевещетъ на меня. Онъ говорилъ вамъ обо мнѣ ужасы, отвратительныя вещи. Я не могу этого вынести. И все это со времени пріѣзда комисаровъ! Я не скрываю, что мы въ ссорѣ. Этотъ человѣкъ слишкомъ лукавъ. Духъ его все еще въ тревогѣ. Онъ волнуется, отдаетъ повелѣнія, рас-

поряжается, составляетъ планы, точно какъ будто бы онъ находится въ Тюильери. Я знаю очень достойныхъ людей (онъ разумѣлъ тутъ Малькольма), которые, вовсе не желая и не подозрѣвая того, стали его орудіями. Его окружаютъ дурные люди, страшные интриганы. Я понимаю, что ваше положеніе выходитъ изъ ряда обыкновенныхъ; оно затруднительно и тягостно. Мое точно таково же, и вы должны мнѣ помогать, защищать меня и дѣйствовать въ мою пользу".

Мнѣ бы не трудно было окончательно опровергнуть всю его логику, но надобно было поднять продолжительный споръ, и я предпочелъ лучше отказаться отъ желаемаго свиданія.

P. S. Я уже оканчивалъ мое донесеніе, какъ мнѣ подали отъ губернатора ноту, копію съ которой имѣю честь при семъ препроводить къ в. с. съ моими на нее замѣчаніями, записанными на поляхъ. Это длинный и полуофиціальный отвѣтъ на мою коротенькую записку. Губернаторъ по своей привычкѣ хочетъ завести со мною переписку (онъ пишетъ лучше, нежели говоритъ), но я положительно объявилъ ему, что этого не будетъ, и что лучше о моей запискѣ и не упоминать, какъ бы ея совсѣмъ не было.

9.

S-te Hélène ce 23 Juillet 1817 n. st. Par le Falmouth, vaisseau armé. Capt. Riche.

Monsieur le Comte.

Je crois devoir informer V. E. que depuis ma dernière explication avec le gouverneur, j'ai de nouveau rencontré le G-l Gourgaud près de Longwood. Comme je n'étais pas seul, que le G-l Bingham me suivait à quelques pas, rien ne m'obligeait cette fois à me retirer, et je continuai ma promenade avec ces Messieurs. Gourgaud me parla de ma visite à Bertrand:

„Le Conqueror est arrivé, me dit-il, pouvons nous espérer de voir les commissaires»?

Je lui déclarai tout uniment que j'en avais écrit au gouverneur selon la coutume à S-te Hélène, mais qu'il formait des difficultés sur cette affaire et que je devais me soumettre à sa décision.

„Comment, reprit-il, pas même un petit bonjour à M-me Bertrand?"

„Non, répondis-je, tant que Longwood et Plantation-House seront en guerre, que la porte de Bonaparte sera fermée à Sir Hudson Lowe, pas même un petit bonjour à M-me Bertrand. Faites la paix avec lui. C'est un brave homme, il n'est pas méchant. Il désire se rapprocher de vous. Vous serez de ses diners, de sa société. On ira chez vous de temps à autre, et nous nous ennuyerons tous moins à S-te Hélène."

„Ah! Monsieur, dit Gourgaud, il a pris de fausses directions au commencement. Le mal est sans remède."

Ici finit notre entretien. J'en ai rendu comte au Ministère Imperial, parceque la circonstance est assez délicate et que le gouverneur met de l'importance aux plus petites choses.

J'ai l'honneur d'être etc.

9.

О. св. Елены. 23 Іюля 1817 н. ст. Съ вооруженнымъ кор. Фальмутъ. Кап. Ричь.

В. с. Долгомъ считаю извѣстить ваше сіят., что послѣ моего недавняго объясненія съ губернаторомъ я опять встрѣтился съ генераломъ Гурго близь Лонгвуда. Я былъ не одинъ, со мною шелъ генер. Бингамъ, почему я и не почелъ за нужное уходить, и мы всѣ вмѣстѣ пошли далѣе. Гурго заговорилъ о моемъ визитѣ Бертрану:

„Конкероръ присталъ къ здѣшнему острову. Можемъ ли мы надѣяться на посѣщеніе комиссаровъ"?

Я объявилъ ему, что я писалъ о томъ къ губернатору, соображаясь съ заведеннымъ здѣсь обычаемъ, но какъ онъ находитъ къ тому разныя препятствія, то я долженъ подчиниться его рѣшенію.

„Какъ, продолжалъ онъ, даже и въ томъ, чтобы пожелать добраго утра госпожѣ Бертранъ“?

„Да, отвѣчалъ я. Пока между Лонгвудомъ и Плантешіонгузомъ будетъ продолжаться война, пока дверь Бонапарта будетъ заперта для Сиръ Гудсона Лоу, до тѣхъ поръ нѣтъ возможности сдѣлать и самое короткое посѣщеніе госпожѣ Бертранъ. Помиритесь съ нимъ. Онъ честный человѣкъ и не злой. Онъ желаетъ сблизиться съ вами. Бывайте у него на обѣдахъ, на вечерахъ, тогда и къ вамъ станутъ приходить, и всѣмъ намъ будетъ менѣе скучно“.

„Губернаторъ съ самаго начала принялъ ложныя мѣры, сказалъ Гурго. Зло непоправимо“.

На этомъ разговоръ нашъ кончился. Я написалъ о томъ въ императорское министерство; обстоятельства затруднительны, а губернаторъ и неважныя вещи принимаетъ за важныя.

10.

S-te Hélène ce 10 Septembre 1817 n. st.
Par l'Alexandre transport. Capt. Thompson.

Monsieur le Comte.

Depuis que le gouverneur m'a ôté tout espoir d'aller à Longwood, que sa tête est débarassée de crainte, d'inquiètude à cet égard, il est plus liant que de coutume. Je n'ai plus tant de peine à le faire parler, et hier nous eumes un long entretien ensemble sur sa dernière note. Ce qu'il m'a dit mérite d'etre rapporté fidèlement à V. E.

„Est ce Bertrand, lui demandai-je, qui vous a annoncé à Bonaparte lors de votre arrivée?“

Le G-r. Oh non, ce n'est pas lui. Mais oui, je ne m'en souviens plus. Je l'ai rencontré, par hazard, à la porte, — et il m'a annoncé.

„Vous voyez que la chose n'est pas sans exemple“.

Le G-r. (avec vehemence). Je n'approuve pas cet arrangement. Mais l'Amiral Cockburn l'ayant souffert, je suis forcé de le souffrir également. Bertrand se donne de grands airs qu'il faut rabattre. Au surplus, Bonaparte ne le qualifiant plus de *Maréchal*, cette prétention vaine, ridicule tombe à rien.

(Il y a une contradiction manifeste entre ce qu'il dit là de Bertrand et ce qu'il en écrit dans sa note. Je supplie V. E. d'y jeter un coup d'oeil).

„Vous avez cru que je voulais être présenté à Longwood par Bertrand. C'est une erreur. Je n'ai voulu que vous imiter, faire ce que tous vos Anglais ont fait, font et feront toujours à S-te Hélène. Vous avez donc eu tort, convenez-en, de m'écrire cette note remplie d'inutilités et qui n'est pas une réponse à mon billet.

Le G-r. Vous devriez, je le sens, j'en suis convaincu, être traité sur ce rocher comme les Anglais, jouir de la même confiance et liberté. Il faut que les commissaires aient accés auprès de Bonaparte ou qu'on les rappele. Telle est mon opinion. Mais je vous proteste que cela ne dépend pas de moi. J'obéis à mes ordres.

„Ce n'est pas, je vous prie le croire, pour renouer cette affaire que j'ai pris la liberté de vous en parler. Mon désir de voir, d'entendre Bonaparte ne va pas jusqu'à vous donner ce déplaisir. Mon devoir à S-te Hélène est de suivre en tout vos directions. Comme je ne m'en suis pas écarté jusqu'à ce jour, je n'y contreviendrai pas non plus dans cette circonstance. Mais il m'importait de vous découvrir le véritable sens de mon billet.»

Le G-r. Ma position vis à vis de vous est vraiment embarassante. C'est tout ce que je puis dire. La votre n'est pas agréable. Mais à Longwood notre position est la même. Je ne vois jamais Bonaparte, et cela doit vous consoler.

«Quant à mes rencontres avec Gourgaud que vous me reprochez dans cette note, veuillez m'expliquer votre intention, vos désirs, établissez de suite un réglement là-dessus. Je vous promets de m'y conformer. Mais je vous previens qu'il me cherche partout et j'avoue de bonne foi que je n'aime pas à me detourner de son chemin, c'est humiliant. Il serait plus naturel, ce me semble, de défendre à ces Messieurs de nous suivre.»

Le G-r. Otez vous de l'esprit que j'aie songé à vous en faire un reproche. Vous étes parfaitement en régle avec moi, et Gourgaud est un brave homme, un franc militaire. Ce n'est pas lui que je crains. Mais si je n'y prends garde, ou vous décochera Bertrand ou Montholon, et je n'ai pas d'eux la même opinion. Ce sont des intrigants.

«Ce que Gourgaud m'a communiqué ne peut vous intéresser. Il m'a parlé de son service, de ses campagnes, de la bataille de Waterloo».

Je lui debitai tout au long ces minuties, il écouta attentivement, puis me dit:

«J'ai eu avec l'Amiral Malcolm à cause de ses visites trop fréquentes à Longwood des discussions épouvantables. Il se permettait d'y envoyer des journaux à mon insu. Il violait tous les réglements, ne voulait rien faire qu'à sa tête. J'ai fini par en porter mes plaintes au Ministère. J'ai écrit contre lui des rapports très détaillés. C'est un homme sans jugement».

—«Jamais nous ne serons en mésintelligence. Soyez tranquille à cet égard. Ma conduite depuis quinze mois vous est un sur garant de l'avenir. Mais quittez à votre tour ce systéme de réserve, de mifiance envers les commissaires».

Le G-r. Il y a des choses que je ne puis vous révéler. Il y en a d'autres que je dois vous cacher. La faute n'en est pas à moi. Cela tient à mes devoirs.—Là dessus il me raconta des faits anciens et oubliés, promit de me communiquer ses notes sur la lettre de Montholon, fit de nouveau un portrait affreux de Bertrand, me dit que Piontowski avait essayé, en promettant monts et merveilles, de corrompre quelques officiers de la garnison, que jusqu'à présent il leur écrivait à cet effet des lettres extravagantes, mais que ne voyant en lui qu'un aventurier, un homme sans moyens et méprisé de Bonaparte, il n'en prenait aucun ombrage.

En rapprochant, Monsieur le Comte, tout ce que le Gouverneur a dit et écrit sur ma présentation à Longwood, on ne peut disconvenir qu'il n'y ait beaucoup d'inégalité dans sa conduite. D'abord, il m'encourage à y aller comme particulier, sans étiquette; puis, il y oppose des obstacles insurmontables, et il finit par me déclarer que ce n'est pas à lui, mais à son gouvernement que je dois m'en prendre de ces contre-temps.

C'est ainsi qu'il agit en toute occasion et ce sont des gaucheries de ce genre qui l'ont perdu dans l'esprit de Bonaparte.

J'ai l'honneur d'être etc.

10.

О. св. Елены. 10 Сент. 1817. н. ст. Транспортъ Александръ. Капитанъ Томпсонъ.

В. с. Съ того времени какъ у меня отняли надежду побывать въ Лонгвудѣ, а голова губернатора стала свободна отъ безпокойства и тревогъ, онъ сталъ веселѣе и обходительнѣе прежняго, и мнѣ не такъ уже трудно ввести его въ разговоръ; вчера мы долго разсуждали съ нимъ о его послѣдней нотѣ. Сказанное

имъ на этотъ счетъ стоитъ того, чтобы передать в. с-ву.

— Когда вы пріѣхали сюда, спросилъ я, кто тогда докладывалъ о васъ Бонапарту? Бертранъ или кто другой?

„Нѣтъ, не онъ. Да, такъ! Не помню. Я нечаянно встрѣтился съ нимъ у дверей, онъ и пошелъ доложить обо мнѣ".

—Такъ, стало быть, его бывалая вещь.

„Да я не одобряю такого порядка", продолжалъ горячо губернаторъ, „но адмиралъ Кокбурнъ допустилъ это, а за тѣмъ и я принужденъ былъ согласиться. Бертранъ очень важничаетъ, надобно его осадить. Сверхъ того самъ Бонапартъ не называетъ его болѣе маршаломъ, стало быть эта пустая и смѣшная претензія уничтожается сама собою".

(Но въ словахъ губернатора относительно Бертрана находится явное противорѣчіе съ тѣмъ, что̀ онъ писалъ въ своей нотѣ по тому же самому предмету. Прошу в. с. снова взглянуть на копію).

— Вы думали, что я добивался того, чтобы Бертранъ представилъ меня Бонапарту, но это ошибочно. Я хотѣлъ поступить также какъ вы, какъ поступаютъ всѣ ваши Англичане и какъ то будетъ далѣе на островѣ св. Елены. Согласитесь же, что вы напрасно писали мнѣ эту ноту, которая ровно ничего не заключаетъ важнаго и вовсе не составляетъ отвѣта на посланную мною вамъ записку.

„Я чувствую и убѣжденъ вполнѣ, что съ вами здѣсь должно было бы обходиться съ тѣмъ же довѣріемъ, какъ съ прочими Англичанами. Комиссарамъ слѣдуетъ имѣть доступъ къ Бонапарту, иначе они должны быть отозваны. Вотъ мое мнѣніе. Но увѣряю васъ, что это не отъ меня зависитъ; я только исполняю повелѣнія".

— Съ своей стороны увѣряю васъ, что я заговорилъ объ этомъ вовсе не съ тѣмъ, чтобы возобновить мою просьбу. Желаніе мое видѣть Бонапарта и говорить съ нимъ совсѣмъ не такъ велико; я не хочу навлекать на васъ неудовольствія. Моя обязанность на островѣ св. Елены состоитъ въ томъ, чтобы соображаться съ вашими узаконеніями. Донынѣ я ни въ чемъ отъ нихъ не уклонялся и впредь по тому же самому поводу не стану идти вопреки. Для меня важно было объяснить вамъ прямой смыслъ моей записки.

„Мое положеніе въ отношеніи къ вамъ крайне затруднительно, вотъ все, что̀ я могу сказать. Ваше положеніе также непріятно. Я никогда не видаюсь съ Бонапартомъ, и это должно васъ утѣшить".

— Касательно моихъ встрѣчь съ генераломъ Гурго, за которыя вы упрекаете меня въ вашей нотѣ, не угодно ли будетъ вамъ объяснить теперь ваши намѣренія и желанія; дайте правила: даю вамъ слово, что буду имѣть ихъ въ виду; но предупреждаю васъ, что Гурго слѣдуетъ за мной повсюду, и признаюсь чистосердечно, что не люблю сворачивать съ его дороги: это было бы для него обидно. Мнѣ кажется, было бы гораздо проще запретить этимъ господамъ за нами слѣдовать.

„Выкиньте изъ головы, что я хотѣлъ васъ упрекать за эти встрѣчи. Вы поступаете со мною какъ должно, и Гурго хорошій человѣкъ, онъ прямодушный воинъ. Его я не опасаюсь; но если я не приму своихъ мѣръ, то на васъ напустятъ Бертрана или Монтолона, а я объ нихъ совсѣмъ другаго мнѣнія. Это интриганы".

— Разговоръ Гурго для васъ не имѣетъ значительности. Онъ говорилъ со мною о своей службѣ, о своихъ походахъ, о сраженіи при Ватерло.

Я повторилъ ему всѣ эти мелочи, онъ слушалъ внимательно и потомъ сказалъ: „У меня бывали ужасныя ссоры съ адмираломъ Малькольмомъ за то, что онъ слишкомъ часто бывалъ въ Лонгвудѣ. Онъ позволялъ себѣ посылать туда журналы безъ моего вѣдома! Онъ не смотрѣлъ ни на какія правила, хотѣлъ все дѣлать по своему. Я писалъ о немъ подробныя донесенія. У этаго человѣка не было разсудительности".

— Будьте спокойны, у насъ никогда не случится никакихъ несогласій. Мои поступки въ продолженіи 15 мѣсяцевъ ручаются вамъ за будущее, но оставьте же съ вашей стороны систему скрытности и недовѣрчивости къ комиссарамъ.

„Есть вещи, которыя я не могу вамъ открыть, есть и такія, которыя я долженъ отъ васъ скрывать. Тутъ не моя вина, такъ повелѣваетъ мой долгъ". На этотъ счетъ онъ разсказалъ мнѣ нѣсколько старыхъ и забытыхъ происшествій, обѣщалъ прочитать мнѣ свои ноты въ отвѣтъ на письмо Монтолона; снова изобразилъ Бертрана въ ужасномъ видѣ, сказывалъ, что Піонтковскій старался склонить къ измѣнѣ нѣкоторыхъ солдатъ изъ гарнизонной стражи, и сулилъ имъ золотыя горы, и что даже въ настоящее время присылаетъ сюда нелѣпыя письма такого же содержанія, но что̀ онъ не страшится этого интригана, какъ человѣка безъ всякихъ средствъ и презираемаго самимъ Наполеономъ.

В. с. Сличивъ то, что̀ высказалъ губернаторъ съ тѣмъ, что онъ писалъ касательно моего представленія въ Лонгвудѣ, нельзя отрицать, что въ характерѣ его много неровностей. Сначала онъ какъ будто бы одобрялъ мое намѣреніе, отклонивъ этикетъ, отправиться къ Бонапарту въ качествѣ частнаго лица, потомъ противъ этого плана выставилъ непреодолимыя затрудненія и кончилъ тѣмъ, что за такое противудѣйствіе я долженъ винить не его самаго, а Британское правительство.

Такъ поступаетъ онъ въ каждомъ случаѣ, и подобныя неловкости болѣе всего повредили ему въ умѣ Бонапарта.

11.

S-te Hélène ce 1-er Octobre 1817 n. st. Par l'Iphigenie-frégate. Capt. Tancock.

Monsieur le Comte.

Lorsque Bonaparte apprit que les commissairs des Puissances Alliées ne pouvaient même *comme particuliers*, le voir par le canal de Bertrand, que le gouverneur s'y opposait de toute force,—sa mauvaise humeur le prit à un tel point que personne n'osait l'aborder. Il fut dix jours sans sortir de sa chambre, dinant seul, ne s'occupant à rien et brusquant ses entours. Gourgaud surtout en essuya de rudes bourrasques et ne parlait alors que de se tuer, de se détruire.

«L'Empereur, me disait-il, est inconnaissable. Quand il était à la tête de ses armées, on le servait avec plaisir. Aujourd'hui, les malheurs lui ont aigri l'esprit. C'est un autre homme.» Heureusement cet orage a passé. Bonaparte s'est consolé de ce contre-temps et n'y pense plus.

Le 9 Septembre, il y eut à Longwood une course de chevaux. Il s'y rassembla une quantité de monde et Bonaparte lui même, entouré de ses compagnons d'infortune, parut sur son perron. Je m'en approchai avec M-me de Stürmer à une portée de pistolet. Dès qu'il nous aperçut, toute sa suite, sans en excepter les enfants, vint à notre rencontre, nous accabla de politesses à la vue du gouverneur, de son Etat-Major, de tous les assistants, et ne nous quitta plus. Cette particularité est assez remarquable. Ce jour-là je fis la connaissance de M-r de Montholon, qui me parla beaucoup des affaires de son maitre. Voici en raccourci ce qu'il m'en dit.

1. «On m'accuse, ainsi que le C-te Bertrand, d'envenimer l'Empereur contre tout le monde, de lui avoir mis en tête une vie sauvage, retirée, qui deplait tant aux Anglais. Ce sont des faussetés. S'il sortait, s'il voyait plus d'étrangers, il y aurait à Longvood un peu de variété, et moins d'accablement. On y sèche de tristesse. Ainsi donc, quel intérêt puis-je avoir à l'en détourner? Le fait est que ces Messieurs l'ennuyent. Leur

langue et façons lui sont insupportables. Il aime mieux être seul.»

Je crois que M-r de Montholon a raison et dit la vérité.

2. «L'Empereur a voulu et désire encore prendre un nom d'incognito. Il choisirait celui de Malmaison ou de M-r Murron (un colonel que Bonaparte affectionnait). Dès son arrivée à S-te Hélène il en fit la proposition à l'Amiral Cockburn. Il l'a renouvelée depuis à Sir Hudson Lowe. On repond toujours qu'il en sera référé au Ministère et jusqu'à présent on n'a pas de réponse. Après cela, si on dispute sur l'étiquette, à qui en est la faute?»

Dans sa note M-r de Montholon déclare expressement que l'Empereur est décidé à ne pas prendre un nom d'incognito; cela implique contradiction. Neanmoins, le fait est vrai, on vient de me le confirmer.

3) «Le Gouverneur est d'une lésinerie incroyable. Tous les approvisionnemens de Longwood sont de mauvaise qualité. On n'en fournit jamais que le stricte nécessaire. Souvent la moitié n'en est pas mangeable. Ce matin encore j'ai dû acheter un veau pour la table de l'Empereur. Nous ne touchons notre propre argent que sur billets de Balcombe et C° (fournisseurs de Bonaparte) à 50 pounds à la fois. Un jour j'en ai demande 60, on a fait des difficultés. A Plymouth nous avions 4000 napoleons. Depuis, l'argenterie imperiale a été mise en pièces et vendue à raison de 5 shillings l'once. M-r de Las Cases, en partant, a fait un prêt de 4000 louis en lettres de change. Nous en sommes déjà à la dernière, et tous ces fonds ont servi à nos besoins. Jugez de là et des prix du pays et de l'insuffisance des 8000 liv. sterg. alloués à l'Empereur.»

Il est sur que la viande est dure, la volaille fort chétive, les légumes aqueux, tous les approvisionnemens mauvais. Mais on n'en trouve pas d'autres, et Longwood a toujours ce qu'il y a de meilleur. On sait aussi que les rations n'y sont pas fortes, mais on est à S-te Hélène, a 500 lieus de tout continent. On a 3000 hommes à nourrir et il n'y a que deux transports qui accueillent les vivres. Il en faudrait au moins six pour être dans l'abondance. Le fait de la vaisselle, du prêt de Las Cases est également vrai, mais le Gouverneur assure que l'entretien de la maison de Longwood coute au de là de 14,000 liv. sterg. par an. Elle est montée sur un pied très mesquin, c'est tout ce que je puis dire.

4. «Le Gouverneur est un tyran, un geolier revêtu d'un pouvoir absolu, qui se plait à nous vexer. Ce qu'il imagine tout les jours pour empecher une évasion est d'un ridicule affreux. Enfin, je ne puis, en marchant avec vous, sortir du grand chemin, il s'en alarmerait. Cet homme est au dessous de sa place et connait peu son prisonnier. L'Empereur n'est pas un aventurier à se jeter dans un esquif pour arriver, je ne sais où. Du temps de Cockburn nous étions libres, on nous voyait partout. Bertrand donnait les passes de Longwood. Il nous faudrait un homme ferme, attaché à ses devoirs, mais humain, délicat et moins borné que celui-ci. Ce choix fait honte à l'Angleterre».

Le Gouverneur n'est pas tyran, mais il est incommode et d'une déraison à n'y pas tenir. Il tue son monde à coups d'epingles. C'est un esprit faible, embrouillé, qui s'effraye de peu de chose. Il est tel enfin que je l'ai toujours depeint.

5. «Le Comte de Las Cases a été arreté, enlevé, on n'a jamais dit pourquoi. Il ecrivait à une Lady Clavering, son ancienne maitresse. Peut-être s'est-il servi de quelque

moyen secret pous faire passer une lettre et l'informer en detail de ce qui le concernait individuellement. C'est donc en pure perte que le gouverneur a fait tant de bruit, car il n'y a pas eu de projet d'evasion».

6. «Un Anglais de Calcutta envoya à l'Empereur un superbe jeu d'échecs, tout orné de figures orientales et à chaque pièce il y avait une aigle française d'un merveillieux travail. Le gouverneur n'aperçut pas ces aigles à la premiere vue et nous remit le jeu sans y regarder une seconde fois. Peu de jours après, quelqu'un lui en ayant parlé, il se crut trahi, compromis, perdu, et pour se rassurer il écrivit de suite à Bertrand sur cette méprise et protesta formellement contre l'envoi du jeu d'échecs. Voilà de ces traits qui le caractérisent bien, tous les jours il en fait de pareils et de plus forts.»

Ce dernier fait est connu de tout le monde. On en rit encore à S-te Hélène.

Je n'ai pas manqué, Monsieur le Comte, de faire part au gouverneur de cette conversation. J'ai omis ou adouci ce qui pouvait le blesser, lui être désagréable. Il m'a su gré de ma franchise, m'a dit que Bonaparte était un extravagant, Montholon un menteur, que tous ses prisonniers étaient parfaitement heureux. Je me suis bien gardé de le contredire, d'énoncer mon opinion là-dessus; mais il n'en est pas moins vrai que sa conduite envers eux est un peu folle, que les Anglais même y trouvent à redire et que la voix publique est contre lui.

J'ai l'honneur d'être etc.

11.

О. св. Елены. 1 Окт. 1817. н. ст. съ кор. Ифигенія. Кап. Танкокъ.

В. с. Когда Бонапартъ узналъ, что комиссары Союзныхъ Державъ не могутъ являться къ нему по докладу Бертрана даже въ качествѣ частныхъ людей, и что губернаторъ противится тому всѣми силами, то онъ до такой степени былъ раздраженъ, что никто не смѣлъ къ нему подойти. Онъ провелъ десять дней въ своей комнатѣ, обѣдалъ одинъ, не занимался ничѣмъ и обращался грубо съ своею свитою. Гурго болѣе прочихъ терпѣлъ отъ его гнѣвныхъ выходокъ, до того, что хотѣлъ прекратить свою жизнь.

„Императора нельзя узнать, говорилъ онъ мнѣ. Когда онъ былъ во главѣ своихъ армій, тогда мы съ радостію служили ему; въ настоящее время несчастія разстроили его духъ. Онъ сталъ совсѣмъ другой человѣкъ". Буря по счастію миновалась, Бонапартъ пересталъ огорчаться такимъ противленіемъ и не думаетъ болѣе объ этомъ.

9 Сентября въ Лонгвудѣ происходила скачка на верховыхъ лошадяхъ. Зрителей собралось множество, и даже самъ Бонапартъ, окруженный своими товарищами въ несчастіи, вышелъ на крыльцо своего дома. Вмѣстѣ съ баронессою Штюрмеръ я подъѣхалъ къ нему и остановился на разстояніи пистолетнаго выстрѣла. Какъ только онъ насъ увидѣлъ, то въ глазахъ губернатора, его штаба и зрителей, вся его свита, не выключая и самыхъ дѣтей, подошла къ намъ съ изъявленіемъ величайшей учтивости и уже не отходила отъ насъ болѣе. Такое отличіе довольно замѣчательно. Въ этотъ день я познакомился съ г. Монтолонъ; послѣдній много разсказывалъ мнѣ о дѣлахъ своего повелителя, что̀ передаю въ сокращеніи.

1. „Меня и графа Бертрана обвиняютъ въ томъ, что мы противъ всѣхъ раздражаемъ Императора, и подали ему мысль вести эту дикую, уединенную жизнь, что̀ очень не нравится Англичанамъ. Все это неправда. Если бы онъ выходилъ изъ Лонгвуда и принималъ бо̀льшее число посѣтителей, то у насъ было бы болѣе разнообразія и не такъ томительно. Мы сохнемъ отъ скуки. Какая же мнѣ польза отвращать его отъ разсѣянія? Дѣло въ томъ, что эти

господа наводили на него скуку; языкъ ихъ и обращенiе для него невыносимы. Онъ предпочитаетъ одиночество".

Мнѣ кажется, что г. Монтолонъ правъ и говоритъ истину.

2. „Императоръ хотѣлъ, да и въ настоящее время имѣетъ то же самое желанiе, принять фамилiю частнаго лица, напр. де Мальмезонъ или де Мюрронъ (имя одного полковника, котораго Бонапартъ очень любилъ); по прибытiи своемъ на островъ св. Елены, онъ немедленно сообщилъ о томъ Сиру Кокбурну, и возобновилъ то же замое заявленiе Сиру Гудсону Лоу. Отвѣтъ отъ того и другаго былъ одинаковый, что заявленiе представятъ на разсмотрѣнiе министровъ, но отвѣта еще не было. И если послѣ этого досадуютъ на соблюденiе этикета, то кто же тутъ виноватъ"?

Впрочемъ г. Монтолонъ въ своей нотѣ положительно объявляетъ, что Бонапартъ рѣшился не принимать на себя фамилiи частнаго человѣка. Здѣсь оказывается противорѣчiе, но меня увѣряли и обѣщали доказать, что дѣло было такъ.

3. „Губернаторъ скупъ до невѣроятности. Съѣстные припасы, доставляемые въ Лонгвудъ, очень плохаго качества, и отпускаются въ маломъ количествѣ, а часто изъ того, что̀ отпущено, половину невозможно ѣсть. Сегодня утромъ я купилъ на свой счетъ телятины для Императора. Мы можемъ получать наши собственныя деньги только по билетамъ Балькомба и комп. (поставщики Бонапарта) и то не болѣе 50 ф. въ разъ. Случилось, что я однажды попросилъ 60: мнѣ представили затрудненiя. Въ Плимутѣ у насъ было 4000 наполеондоровъ, а съ тѣхъ поръ мы уже продали императорскую серебряную посуду по 5 шиллинговъ за унцiю. Г. Ласказъ предъ своимъ отъѣздомъ далъ намъ взаймы 4000 луйдоровъ банковыми билетами, и намъ уже приходится починать послѣднюю тысячу, остальное все истрачено на домашнiе расходы. По дороговизнѣ здѣшнихъ припасовъ, судите сами, можетъ ли быть достаточна сумма въ 8000 ф. ст., опредѣленная на содержанiе Императора".

Это правда, что говядина чрезвычайно жестка, птица худа, овощи водянисты. Всѣ съѣстные припасы дурны, но другихъ не найдешь; впрочемъ въ Лонгвудъ все таки посылаютъ что̀ получше. Извѣстно также, что и сѣно дается тамошнимъ лошадямъ въ половинной порцiи, но вѣдь островъ св. Елены находится въ 500 миляхъ разстоянiя отъ всякаго материка, а здѣсь надобно содержать 3000 чел.; сверхъ того транспорты съ съѣстными припасами приходятъ сюда только два раза въ годъ. Чтобы не было въ нихъ недостатка, то перевознымъ судамъ слѣдовало дѣлать по 6 оборотовъ въ годъ. Что Императорская серебряная посуда продана, и что сдѣланъ заемъ у Ласказа, это также совершенная правда; но губернаторъ увѣряетъ, что годовое содержанiе Лонгвуда стоитъ болѣе 14,000 ф. ст. Впрочемъ могу сказать, что домъ отдѣланъ очень неважнымъ образомъ.

4. „Губернаторъ есть тиранъ, темничный стражъ, облеченный полною властiю, которому прiятно угнетать насъ. Всѣ его выдумки для предотвращенiя побѣга отвратительно-смѣшны. Онъ всполошится, если, идучи съ вами рядомъ, я вдругъ сворочу въ сторону съ большой дороги. Этотъ человѣкъ ниже занимаемаго имъ мѣста и мало понимаетъ своего плѣнника. Императоръ не какой нибудь искатель приключенiй, который бросится въ малую ладью, не сообразивъ гдѣ надобно пристать. При адмиралѣ Кокбурнѣ мы были свободны; насъ видали повсюду. Бертранъ давалъ пропуски въ Лонгвудъ. Здѣсь надобенъ человѣкъ твердый, вѣрный своей обязанности, но человѣколюбивый, деликатный и не до такой степени ограниченный, какъ этотъ. Такой выборъ дѣлаетъ стыдъ Англiи".

Губернаторъ собственно не тиранъ, но безпокойнаго нрава и невыносимой

неразсудительности. Онъ мучаетъ окружающихъ его булавочными уколами. Будучи слабаго, замѣшавшагося ума, онъ пугается всякой малости, и дѣйствительно оказывается точно такимъ, какимъ я его описывалъ.

5. „Графъ Ласказъ былъ задержанъ, выпровожденъ отсюда, а намъ никогда не говорили за что̀. Онъ писалъ къ нѣкоторой Леди Клеверингъ, которую нѣкогда любилъ. Можетъ быть, онъ искалъ тайныхъ средствъ для пересылки такого письма, гдѣ онъ подробно описывалъ ей все, что̀ до него касалось лично. Слѣдовательно губернаторъ совершенно понапрасну поднялъ такой шумъ; никакого намѣренія къ побѣгу у насъ не было".

6. „Одинъ Англичанинъ прислалъ Императору изъ Калькутты превосходную шашечную игру. Всѣ шашки, отличной работы, представляли фигуры въ восточномъ вкусѣ, и сверхъ того, на каждой былъ французскій орелъ. Губернаторъ съ перваго разу не замѣтилъ этихъ орловъ и передалъ намъ шахматы по первому осмотру. Спустя нѣсколько дней послѣ того, кто-то ему сказалъ объ этомъ; онъ вообразилъ, что его предали, сдѣлали подозрительнымъ правительству, погубили. Для собственнаго своего успокоенія, немедля написалъ онъ къ Бертрану, заявляя свою ошибку и сильно протестуя противъ присылки этой шахматной игры. Вотъ черта, обрисовывающая его характеръ; всякій день проявляются подобныя и даже еще разительнѣе".

Этотъ случай всѣмъ извѣстенъ, и теперь не перестали еще тому смѣяться.

Я конечно передалъ этотъ разговоръ губернатору, выключивъ изъ него, или смягчивъ все то, что̀ могло его оскорбить, или быть ему непріятно. Онъ былъ мнѣ благодаренъ за мою откровенность, и сказалъ, что Бонапартъ безумецъ, а Монтолонъ лжецъ, и что всѣ его плѣнники счастливы. Я конечно не сталъ противорѣчить и не излагалъ своего о томъ мнѣнія; но тѣмъ не менѣе справедливо, что скорѣе его поступки съ ними можно назвать умопомѣшательствомъ, что сами Англичане не одобряютъ его и что голосъ общества тоже противъ его.

12.

S-te Hélène ce 14 Octobre 1817, n. st.
Par l'Iphigenie, frégate. Capt. Tancock.

Monsieur le Comte,

J'ai l'honneur d'envoyer ci-joint à V. E. la relation que le Docteur O'Mearn a donnée du tremblement de terre du 21 Septembre, et six bulletins de Longwood, en date des 5, 6, 7, 9, 11 et 13 de ce mois.

M-rs Gourgaud et Montholon m'ont assuré que Bonaparte souffrait beaucoup, que le manque total d'exercice lui altérait le tempérament.

«Pourquoi, leur demandai-je, ne sort-il jamais, ne monte-t'il pas à cheval? Tachez donc de l'y engager.»

—Chaque fois, me dirent-ils, que Bertrand, nous ou d'autres lui en parlent, il répond avec colère: *Laissez moi tranquille. Puisqu'on veut me tuer, qu'on me tue et que cela finisse.* Ces jours derniers, M-r de Montholon insinua au Baron Stürmer que Bonaparte désirait le voir en particulier. «S'il était en danger de mourir, lui dit-il, et qu'il vous fit appeler, viendriez vous?» Cette question embarassa fort mon collègue. Il évita d'y répondre. Le gouverneur est dans de furieuses inquiétudes sur la santé de son prisonnier et ne sait où donner de la tête. Les médecins ordonnent à cor et à cri l'exercice du cheval, mais le malade s'y refuse, jure qu'il ne bougera pas de sa chambre, à moins qu'on n'annule les réglements actuels et qu'on en rétablisse en entier ceux de Cockburn. On est en négociation pour arranger cette affaire. Bertrand a déjà obtenu une extension de limites, la permission de sortir des grands chemins et d'entrer dans

les maisons. Je crois qu'il obtiendra le reste incessamment. V. E. trouvera dans ce pli la correspondance de ces messieurs à ce sujet.

Le Julien Brig. Capt. John, de l'escadre de l'Amiral Plampin, a fait naufrage à l'ile de Tristan d'Achuna, où il était en croisière. Le Capitaine, deux aspirants et quinze matelots se sont sauvée. Le reste de l'equipage a péri.

J'ai l'honneur d'être etc.

Начались переговоры, чтобы уладить дѣло. Бертранъ уже добился расширенія границъ, позволенія сворачивать въ сторону съ большой дороги и свободнаго входа въ частные дома. Я полагаю, что въ скоромъ времени онъ добьется и остальнаго. Прилагаю при семъ донесеніи переписку этихъ господъ относительно вышесказаннаго.

Бригъ Юліанъ подъ командою кап. Джона, бывшій въ эскадрѣ Адмирала Плампина, крейсировалъ близь остр. Тристанъ д'Акуна и потонулъ. Капитанъ, двое мичмановъ и 15 чел. матросовъ спаслись, остальные погибли.

12.

О. св. Елены. 14 Окт. 1817 н. ст. Съ кораблемъ Ифигенія, кап. Танкокъ.

Имѣю честь препроводить къ в. с. реляцію доктора О'Меара о бывшемъ землетрясеніи 21 сент. и 6 его бюллетеней изъ Лонгвуда 5, 6, 7, 9, 11 и 13 чиселъ сего мѣсяца.

Г.г. Гурго и Монтолонъ увѣряли меня, что Бонапартъ очень страдаетъ, что недостатокъ движенія чрезвычайно вреденъ для его сложенія.

„Отъ чего же онъ никогда не выходитъ? Отъ чего не ѣздитъ верхомъ? Постарайтесь уговорить его.

— Всякій разъ, отвѣчали они, когда мы, или Бертранъ или другіе станутъ ему о томъ говорить, то онъ отвѣчаетъ съ гнѣвомъ: Оставьте меня въ покоѣ. Меня хотятъ уморить, пускай морятъ! Лишь бы все кончилось! Недавно графъ Монтолонъ передалъ барону Штюрмеру, что Бонапартъ желаетъ видѣть его наединѣ. Если бы онъ былъ при смерти, продолжалъ онъ, и пригласилъ васъ къ себѣ, пришли ли бы вы къ нему? Этотъ вопросъ очень смутилъ моего товарища. Онъ отклонилъ отвѣтъ. Губернаторъ въ страшномъ безпокойствѣ о здоровьѣ своего плѣнника и не знаетъ какъ ему поступать. Доктора неотступно требуютъ отъ больнаго прогулки верхомъ, но тотъ отказывается, и клянется, что не двинется изъ комнаты, ежели не отмѣнятъ существующихъ нынѣ уставовъ и не возобновятъ бывшихъ при Кокбурнѣ.

13.

S-te Hélène ce 20 Octobre 1817. n. st. Par l'Iphigenie, frégate. Capt. Tancock.

Monsieur le Comte,

Bonaparte ayant appris, je ne sais quand ni comment, que le gouverneur et les commissaires des Puissances Alliées recevaient des bulletins officiels de sa santé, vient de défendre expressément au Docteur O'Meara, et sous peine de le renvoyer, d'en communiquer à l'avenir aucun, dont l'original n'ait été au préalable vu, examiné, rectifié et déposé à Longwood. En même temps, il lui fit une vigoureuse réprimande sur ce qu'il l'y qualifiait de général, dit que c'était une infamie et se facha sérieusement contre lui. Le Docteur O'Meara, étant un homme essentiel à S-te Hélène, qu'on emploie à la surveillance indirecte des Français, le gouverneur consentit, pour ne pas se priver de ses services, à n'en plus recevoir de bulletins officiels. Mais, il n'en sera pas moins informé journellement, de tout ce qui a rapport à la santé du Prisonnier de l'Europe.

V. E. trouvera ci-joint cinq gros cahiers d'observations faites à Longwood par ordre de Bonaparte sur le discours de Lord Bathurst à la chambre des Paris le 18 Mars

1817. On les envoya à Plantation-House le 7 de ce mois, cachetées et adressées à Lord Liverpool. Je m'occupe en ce moment à y faire des notes marginales, que je transmettrai au Ministère Imperial, par la plus prochaine occasion. Il y a dans cet écrit trop de déclamation et de longueurs. Tout y est éxagéré, excessif. La conduite du gouverneur est réellement inconséquente. Il a l'imagination frappée de la responsabilité dont il est chargé et passe sa vie à faire, refaire et défaire.

J'ai l'honneur d'être etc.

13.

Остр. св. Елены. 20 Окт. 1817 н. ст. Фрег. Ифигенія, кап. Танкокъ.

В. С. Не знаю, когда и какъ Бонапартъ узналъ, что губернаторъ и комиссары Союзныхъ Державъ получаютъ оффиціальные бюллетени о его здоровьѣ и положительно запретилъ доктору О'Меара посылать ихъ, прибавивъ, что иначе отошлетъ его, если онъ впредь пошлетъ какой бы то ни было бюллетень прежде нежели представитъ ему для просмотра и провѣрки оригиналъ, а за тѣмъ оригиналъ долженъ остаться въ Лонгвудѣ. Бонапартъ въ то же время сдѣлалъ сильный выговоръ доктору за то, что въ своихъ бюллетеняхъ онъ называлъ его генераломъ, называлъ это поношеніемъ и очень на него разсердился. Губернаторъ, не желая лишиться О'Меара, который приставленъ для косвеннаго наблюденія за Французами, согласился на то, чтобы бюллетени не имѣли оффиціальнаго характера; тѣмъ не менѣе онъ будетъ получать каждодневныя свѣдѣнія о здоровьѣ Плѣнника Европы.

В. С. Прилагаю пять толстыхъ тетрадей; это замѣчанія, сдѣланныя въ Лонгвудѣ по приказанію Бонапарта на рѣчь, произнесенную Лордомъ Батурстомъ въ Парламентѣ 18 Марта 1817. Они доставлены 7 числа с. м. къ губернатору на имя Лорда Ливерпуля. Я пишу на поляхъ свои отмѣтки и при первой возможности перешлю гр. Ливену. Въ этихъ замѣчаніяхъ слишкомъ много декламаціи, длинноты; тутъ все преувеличено, во всемъ излишество. Но поступки губернатора дѣйствительно непослѣдовательны. У него воображеніе сильно поражено возложенною на него отвѣтственностію, и потому онъ проводитъ жизнь свою въ томъ, что дѣлаетъ, передѣлываетъ и потомъ раздѣлываетъ.

14.

S-te Hélène ce 2 Novembre 1817. n. st. Par le Boyne, vaisseau marchand. Capt. Fergusson.

Monsieur le Comte,

J'ai l'honneur de transmettre ci-joint à V. E. un bulletin de Longwood, signé Baxter, inspecteur général des hopitaux. Depuis le 14 du mois passé le Docteur O'Meara n'ose plus en donner ni rien communiquer à cet égard. Bonaparte s'obstine à le lui défendre. Mais ces deux médecins ont ordre de conférer ensemble sur l'état de sa santé, et c'est Baxter, qui en fait le rapport au gouverneur. Ainsi cette affaire est arrangée à la satisfaction de tout le monde.

Le G-r Gourgaud, qui j'ai vu ce matin à la promenade, m'a assuré que Bonaparte devenait mélancolique et tombait par degrés dans une entière apathie. «Il ne travaille plus, me dit-il, à son histoire. Il a tout abandonné et passe sa vie à niaiser ou ne rien faire. Il lui en coute même de se raser. Depuis cinq semaines, il dine seul, s'isole entièrement et ne parle que de sa mort. Hier, il nous fit un tableau de son infortune qui me dechira le coeur. J'eus peine à retenir mes larmes.»

J'ai vu aussi le C-te de Montholon, qui m'a répété la même chose. «Pourquoi, ajouta-t-il, ne venez vous pas à Longwood, dissiper un peu nos ennuis. On vous y appelle. L'Empereur a fort loué votre conduite la

premiere année,—elle était prudente. Ne connaissant pas le terrain ni les individus, vous ne pouviez mieux faire que de temporiser, mais après toutes les avances qu'il vous a faites, c'est pousser la réserve trop loin. Vous a-t'on dit de l'éviter, de le fuir ou bien, dependez vous entièrement des caprices, de la folie du gouverneur? L'Empereur me charge de vous dire que s'il était votre souverain, il vous désapprouverait, car rien ne peut, ne doit vous empecher de lui faire une politesse.»

Je ne repondis pas un mot.

«Longwood, reprit il en souriant, se plaint de votre indifférence, mais ne vous en veut pas. On vous y recevra toujours à bras ouverts, ainsi que M-r et M-me de Stürmer et le Capitaine Gors. Quant au Marquis de Montchenu, on l'en exclut. Il fait de nous des contes ridicules et en remplit les journaux. L'Empereur s'en trouve insulté et ne veut pas le voir, non comme émigré ou sujet de Louis XVIII, mais comme libelliste.»

J'ai l'honneur d'être etc.

P. S. La dernière malle de Londres nous a apporté un pamphlet intitulé: «Manuscrit venu de S-te Hélène d'une manière inconnue». Comme il fait grand bruit en Europe et répand beaucoup de jour sur les événements passés, je tâche d'en découvrir l'auteur. M-r de Montholon m'a déclaré positivement qu'il ne venait pas de Longwood. En effet cet ouvrage étant rempli d'anachronismes ne peut être de Las Cases. Bonaparte a dit en le lisant: *Ce n'est pas de moi, mais de quelqu'un qui me connait bien.* Voilà tout ce que j'en sais maintenant.

14.

О. св. Елены. 2 Ноября 1817 н. ст. Съ купеческимъ кор. Бойнъ, кап. Фергюссонъ.

При семъ донесеніи имѣю честь препроводить къ в. высокопревосходительству бюллетень изъ Лонгвуда, за подписью Бекстера, главнаго инспектора госпиталей. Съ 14 числа истекшаго мѣсяца докторъ О'Меара не можетъ уже ни доставлять бюллетеней, ни даже сообщать что либо по предмету ихъ содержанія. Бонапартъ положилъ на то рѣшительное запрещеніе; но такъ какъ оба медика совѣтуются между собою относительно его здоровья, то Бекстеръ и даетъ отчеты губернатору. Такимъ образомъ дѣло улажено къ общему удовольствію.

Сегодня я видѣлъ генерала Гурго на утренней прогулкѣ. Онъ говорилъ мнѣ, „что Бонапартъ становится унылъ, и предается иногда совершенной апатіи. Онъ не занимается болѣе своею исторіею и проводитъ время въ совершенной праздности. Для него трудно даже обриться. Вотъ уже пять недѣль какъ онъ обѣдаетъ постоянно одинъ, остается въ полномъ одиночествѣ и говоритъ только о своей смерти. Вчера онъ представилъ намъ картину своихъ бѣдствій, такъ что сердце мое надрывалось, и я насилу могъ удержаться отъ слезъ".

Гр. Монтолонъ при свиданіи со мною говорилъ тоже самое. „Отъ чего, спрашивалъ онъ меня, отъ чего не приходите вы въ Лонгвудъ? Вы сколько нибудь разсѣяли бы нашу скуку. Васъ туда зовутъ. Императоръ очень одобрялъ ваши дѣйствія въ минувшемъ году; они были согласны съ благоразуміемъ. Вы не знали ни здѣшней почвы, ни людей, и потому должны были выжидать времени. Но послѣ его предупредительныхъ вызововъ, съ вашей стороны выказывается уже излишняя осторожность. Развѣ вамъ приказано удаляться и даже бѣжать отъ него? или вы поставлены въ полную зависимость отъ капризовъ и глупостей губернатора? Императоръ поручилъ мнѣ вамъ передать, что если бы онъ былъ вашимъ государемъ, то онъ бы васъ не одобрилъ въ этомъ случаѣ. Вамъ ничто не препятствуетъ оказать ему вѣжливость".

Я не отвѣчалъ ни слова.

„Лонгвудъ, продолжалъ онъ, улыбаясь, жалуется на ваше равнодушіе, но на васъ не сердится. Васъ всегда примутъ съ отверстыми объятіями, также какъ барона и баронессу Штюрмеръ и кап. Горса, но конечно не Маркиза Моншеню. Онъ сочиняетъ про насъ смѣха достойныя сказки и наполняетъ ими журналы. Императоръ этимъ оскорбляется и не хочетъ его видѣть, не за то, что онъ эмигрантъ и подданный Людовика XVIII, но за то что онъ ругатель".

P. S. Съ послѣдней почтой изъ Лондона мы получили памфлетъ, подъ заглавіемъ: „Рукопись доставленная неизвѣстнымъ образомъ съ о. св. Елены". Книга эта дѣлаетъ много шуму въ Европѣ; она выясняетъ минувшія событія, и потому я стараюсь развѣдать, кто ея сочинитель. Гр. Монтолонъ рѣшительно увѣрялъ меня, что она вышла не изъ Лонгвуда. Въ самомъ дѣлѣ книга писана не Ласказомъ; тамъ слишкомъ много анахронизмовъ. Бонапартъ, прочитавъ ее, сказалъ: „Книга писана не мною, но кѣмъ либо изъ тѣхъ, кто меня хорошо знаетъ". Вотъ все, что я могъ узнать.

15.

S-te Hélène ce 10 Novembre 1817 n. st. Par l'Alcona, transport. Capt. Spoor.

Monsieur le Comte,

J'ai reçu la lettre que V. E. m'a fait l'honneur de m'adresser de S-t Pétersbourg en date des 5 Avril dernier. Le traitement que l'Empereur a daigné m'accorder suffit amplement à mes besoins. Veuillez, Monsieur le Comte, mettre aux pieds de Sa Majesté l'hommage de ma reconnaissance. Je sens vivement le prix de ses bienfaits et n'aspire qu'au bonheur de lui plaire, de mériter son approbation, d'être utile au service. Mais, je ne puis cesser de le répéter, ma position à cet égard est fort embarassante. Le gouv-t Anglais ou plutôt le gouverneur s'oppose décidément à ce que je sois présenté à Bonaparte. On en detourne l'occasion tantôt sous un pretèxte et tantôt sous un autre. On me donne le change sur tout. On s'alarme de mes rencontres à Longwood. Enfin on ne veut pas que je vois les choses de près parceque la vanité nationale en souffrirait. Etant ainsi gêné, surveillé de tous côtés, attiré pas les Français, retenu par les Anglais, je me ménage autant que possible entre les deux partis contraires et n'ose presque me remuer.

Pour ma santé, elle continue à être mauvaise. Je souffre beaucoup des nerfs, et ce climat les affaiblit. L'ile de S-te Hélène est réellement insalubre. Les médicins ne sont pas d'avis que j'y reste vingt mois encore. Ils y voient de grands inconvénients. Mais je me soumets sans murmurer à la volonté de l'Emp-r et suis prêt à lui sacrifier ma vie.

J'ai l'honneur d'être etc.

15.

О. св. Елены. 10 Ноября 1817 н. ст. Съ кор. Алкона, Капит. Шпоръ.

В. С. Я получилъ изъ Петербурга письмо в. в.-пр.-ства, которымъ вамъ угодно было почтить меня, помѣченное 5 ч. минувшаго Апрѣля. Жалованье, которое Его Величество благоволилъ мнѣ назначить, вполнѣ меня обезпечиваетъ. Благоволите, в. с., повергнуть къ стопамъ Его И. В. изъявленіе моей признательности. Я живо чувствую всю цѣну Его благодѣяній, и почту себя счастливымъ, ежели буду ихъ достоинъ, заслужу Его одобреніе, и ежели моя служба будетъ полезна. Но я снова долженъ повторить, что мое положеніе чрезвычайно затруднительно. Англійское правительство или здѣшній губернаторъ рѣшительно противится тому, чтобы я былъ представленъ Бонапарту. Когда предстоитъ къ тому случай, отводятъ его подъ разными предлогами, или хитростями. Опасаются моихъ

встрѣчъ въ Лонгвудѣ, наконецъ не хотятъ, чтобы я видѣлъ вещи вблизи, отъ того что національное тщеславіе тутъ пострадаетъ. Въ такомъ стѣснительномъ положеніи, зная, что за мной вездѣ подсматриваютъ, получая приглашенія отъ Французовъ и встрѣчая препятствія на то отъ Англичанъ, я держу себя сколько возможно осторожнѣе между двумя противными партіями и почти не смѣю двигаться.

Здоровье мое въ худомъ состояніи. Много страдаю нервами, а здѣшній климатъ ихъ ослабляетъ. О. св. Елены въ самомъ дѣлѣ вреденъ для здоровья. Доктора не совѣтуютъ мнѣ оставаться здѣсь еще на 20 мѣсяцевъ. Они предвидятъ отъ того большое разстройство, но я безропотно исполняю волю моего Государя и готовъ пожертвовать для него жизнію.

16.

S-te Hélène ce 13 Decembre 1817 n. st. Par le Sir Charles Price, batiment marchand.

Monsieur le Comte,

J'ai l'honneur d'envoyer ci-joint à V. E. deux bulletins.

Bonaparte est réellement attaqué du foie et sa santé dépérit à vue d'oeil. L'air dévorant des tropiques, ce trop grand repos lui altèrent le sang, les humeurs, le tempérament. La nuit il ne dort pas. Le jour il est assoupi. Il a le tient livide, les yeux battus et enfoncés. L'état où il est fait pitié. Le docteur O'Meara m'a dit en confidence qu'il ne lui donnait pas deux années de vie. Il n'y a que l'exercice qui puisse le rétablir; mais il n'en fera pas, j'y mettrais ma tête, tant que Sir Hudson Lowe sera gouverneur de S-te Hélène.

J'ai l'honneur d'être etc.

16.

О. св. Елены. 13 Дек. 1817 н. ст. Съ купеческимъ кор. Сиръ Чарльсъ Присъ.

В. С. Имѣю честь препроводить къ в. в.-превосходительству два бюллетеня.

Бонапартъ дѣйствительно страдаетъ отъ боли въ печени, и его здоровье разрушается съ каждымъ днемъ. Пожирающій воздухъ тропическихъ странъ и неподвижность испортили ему кровь, соки и темпераментъ. Ночи онъ проводитъ безъ сна, день въ сонливомъ забытьи. Лице его синевато, глаза тусклы, впалы. Такое состояніе внушаетъ жалость. Докторъ О'Меара сказалъ мнѣ за тайну, что Бонапартъ не проживетъ болѣе двухъ лѣтъ. Его можетъ поправить только движеніе, но онъ не двинется, ручаюсь въ томъ головою, пока Сиръ Гудсонъ Лоу будетъ губернаторомъ на островѣ св. Елены.

17.

S-te Hélène ce 17 Decembre 1817 n. st. Par le Kangurou, batiment marchand.

Monsieur le Comte,

Je m'empresse d'envoyer ci-joint à V. E. un bulletin de Longwood que j'ai reçu ce matin. Le Docteur O'Meara m'a dit que son malade devait avoir une obstruction au foie, mais, que n'en étant pas tout à fait sur, il n'avait pas osé l'affirmer. Bonaparte, qui ne fait aucun cas ni des médecins ni de la médecine, ne se laisse voir, examiner que de loin en loin et ne veut pas s'expliquer à fond sur l'état de sa santé.

J'ai l'honneur d'être etc.

17.

О. св. Елены. 17 Дек 1817 н. ст. Съ купеч. кор. Кангуру.

В. С. Спѣшу препроводить къ в. в.-пр.-ству бюллетень изъ Лонгвуда, полученный мною сегодня утромъ. Докторъ О'Меара говорилъ мнѣ, что у его больнаго долженъ быть завалъ въ печени; но что, не будучи въ этомъ совершенно увѣренъ, онъ не смѣетъ этого утверждать. Бонапартъ, не уважая ни медицины, ни медиковъ, не часто позволяетъ себя видѣть и распрашивать, а самъ не хочетъ обстоятельно объясниться о состояніи своего здоровья.

18.

S-te Hélène ce 31 Decembre 1817 n. st.
Par le Phaéton frégate, Capt. Steanfield.

Monsieur le Comte,

J'ai l'honneur de transmettre ci-joint à V. E. un bulletin etc. Ces jours derniers Bonaparte n'a parlé que de notre Auguste Maitre. Il a raconté à M-me Bertrand des anecdotes de l'entrevue de Tilsitt, de feue la Reine de Prusse et autres dans ce genre. Il parait aimer l'Empereur et dit toujours: *J'ai fait une sottise de ne pas être allé en Russie. Je m'en repentirai éternellement.* Il est facheux que je ne puisse pas le voir, car il est disposé à prendre confiance en moi, à me communiquer des choses fort intéressantes. Un jour il voulut me donner sa relation de la bataille de Waterloo. On en avait déjà fait une copie pour moi, mais, soit qu'il ait craint d'alarmer le gouverneur, soit qu'il ait tout à coup changé d'idée, comme cela lui arrive assez souvent, il serra l'original et la copie dans son bureau et n'en a plus parlé.

Il y a de la mésintelligence entre sir Hudson Lowe et le docteur O'Meara. Celuici, dégouté du caractère ombrageux et des chicanes de l'autre, a cessé de le voir, d'être en relation avec lui et ne l'informe plus de ce qui se passe a Longwood. Le gouverneur lui demanda raison de ce changement et selon sa coutume usa de menaces. Il répondit en peu de mots qu'il était médecin et non pas espion. Je tiens ces details du docteur O'Meara lui même.

«Sir Hudson Lowe, me dit-il, n'a pas la marche droite et sincère. On ne peut pas avoir affaire à lui, car on n'est jamais sur de ce qu'il dit ou écrit. Il croit devoir user d'astuce, être dur et tracassier avec les habitants de Longwood et les a exaspérés». Telle est, Monsieur le Comte, l'opinion du docteur O'Meara. J'ai cru devoir la rapporter fidélement à V. E. parceque ce témoignage d'un Anglais et d'un Anglais en position de tout voir et à qui rien ne peut échapper ne saurait être suspect et est plus convainquant que le mien.

J'ai l'honneur d'être etc.

P. S. V. E. trouvera ci-joint un second bulletin de Longwood que je reçois à l'instant même. La santé de Bonaparte se détériore visiblement.

18.

О. св. Елены. 31 Дек. 1817. н. ст. Съ фрег. Фаэтонъ, К. Стенфильдъ.

В. С. Имѣю честь препроводить полученный сего утра бюллетень.

Въ эти послѣдніе дни Бонапартъ ни о чемъ другомъ не говоритъ, какъ о нашемъ Августѣйшемъ Государѣ. Разсказывалъ госпожѣ Бертранъ анекдоты о Тильзитскомъ свиданіи, о покойной Прусской королевѣ и другіе въ томъ же родѣ. Онъ, кажется, любитъ нашего Государя и всегда повторяетъ: „Я сдѣлалъ глупость что не пошелъ въ Россію, и буду вѣчно въ томъ раскаяваться". Очень жаль, что я не могу его видѣть; онъ расположенъ имѣть ко мнѣ довѣріе, сообщить много занимательнаго. Однажды онъ вздумалъ послать мнѣ свое описаніе битвы при Ватерлоо, чтó и было уже для меня переписано; но— или онъ не захотѣлъ пугать губернатора, или вдругъ перемѣнилъ мысли, чтò часто съ нимъ случается, только онъ спряталъ и подлинникъ и списокъ въ свое бюро, и замолчалъ объ этомъ.

Между губернаторомъ и докторомъ О'Меара возникли несогласія. Послѣдній, которому наскучалъ подозрительный нравъ перваго и его привязчивость, пересталъ являться къ нему въ домъ, прекратилъ съ нимъ сношенія и пересталъ извѣщать его о томъ чтó происходитъ въ Лонгвудѣ. Губернаторъ потребовалъ отъ него на то объясненія

и, по своему обыкновенію, употребилъ угрозы. Тотъ въ короткихъ словахъ отвѣчалъ, что онъ медикъ, а не шпіонъ. Онъ самъ пересказалъ мнѣ всѣ эти подробности, прибавивъ, что „Сиръ Гудсонъ Лоу не умѣетъ ходить по прямой дорогѣ. Съ нимъ нельзя имѣть дѣла, потому что никогда нельзя вѣрить ни тому чтó онъ говоритъ, ни тому чтó онъ пишетъ. Онъ воображаетъ, что долгъ обязываетъ его употреблять коварство противъ жителей Лонгвуда, поступать съ ними грубо и привязчиво“. Вотъ в. с., мнѣніе доктора О'Меара; я счелъ обязанностію вѣрно передать его. Мнѣніе Англичанина и притомъ такого, который по своему положенію властенъ все видѣть и отъ котораго ничто не укроется, не можетъ быть подозрительно и будетъ убѣдительнѣе моего собственнаго.

В. С. Прилагаю здѣсь вторый бюллетень изъ Лонгвуда, полученный мною сію минуту. Здоровье Бонапарта видимо ухуждается.

(*Продолженіе будетъ.*)

РАЗСКАЗЫ ИЗЪ ИСТОРІИ 1812 ГОДА.

(*Собственноручная тетрадь А. Н. Оленина*).

Въ подлинной рукописи разсказы эти озаглавлены такъ: «Собраніе разныхъ происшествій, бывшихъ въ нынѣшней войнѣ съ Французами и кампаніи, со вступленія ихъ въ предѣлы Россійскіе т. е. съ Іюня 1812 по Декабрь того же года». Незабвенный другъ просвѣщенія и пламенный патріотъ, Алексѣй Николаевичъ Оленинъ, въ войну 1812 года, лишился старшаго сына, Николая, убитаго въ Бородинскомъ сраженіи. Другой сынъ его, недавно скончавшійся, Петръ Алексѣевичъ, тогда же получилъ тяжелую рану въ голову. За сообщеніе этой тетради въ Русскій Архивъ мы обязаны дочери А. Н. Оленина, Варварѣ Алексѣевнѣ Олениной.
П. Б.

1) Оскверненіе католическихъ храмовъ въ Полоцкѣ.

2) Тоже Русскихъ въ Смоленской губерніи. Питье вина простаго въ церковныхъ сосудахъ.

3) Въ Малоярославцѣ превращеніе церкви въ конюшню съ надписью ругательною: Ecurie du Général Guilleminot.

4) При томъ же Малоярославцѣ биваки французскіе, изъ мѣстныхъ образовъ сдѣланные.

5) Биваки французскіе подъ Борисовымъ, сдѣланные изъ тѣлъ ихъ товарищей, обозженныхъ раскладеннымъ въ нихъ огнемъ, отъ холода.

6) Французы съ отмороженными по локоть и колѣна руками и ногами, уподобляющіеся кости слоновой.

7) Наказаніе смертью 18-ти крестьянъ села Бунькова (г-на Рюмина) собственными ихъ товарищами за то, что торговали съ Французами.

8) Убіеніе крестьянами села Гуслицъ (г-жи Жеребцовой) пришедшихъ Русскихъ купцовъ изъ Москвы покупать припасы для Французовъ и отбитіе у нихъ денегъ.

9) Посрамленіе женъ и дѣвокъ воинами Наполеона въ храмѣ Божіемъ и убіеніе тутъ же младенцевъ, изъ коихъ вырванная внутренность послужила имъ къ украшенію, въ поругательство иконостаса и престола. Свидѣтель сего былъ ген. бар. Винцингероде. Разбѣжавшіеся того селенія крестьяне побиваютъ за то французскихъ плѣнныхъ.

10) Содраніе кожи съ нѣкоторыхъ старостъ за то, что защищались; между прочихъ у гр. А. К. Разумовскаго въ подмосковной.

11) Отличная охота у Французовъ— ставить лошадей въ жилые дома, а са-

мимъ становиться въ конюшни, и готовить кушанье въ церквахъ, а не на кухняхъ.

12) Наказаніе Русскихъ Русскому за то, что пошелъ въ солдаты къ Французамъ: четыре Француза были просто штыками убиты, а Русскаго закопали живаго.

13) Знаменитое слово Русскаго солдата, который слушалъ увѣщаніе начальника быть храбрымъ: „Чтó насъ уговаривать быть безстрашными! Стóитъ на матушку-Москву оглянуться, такъ на чорта полѣзешь!"

14) Жесточайшіе истязатели и варвары изъ народовъ, составлявшихъ орду Наполеонову, были Поляки и Баварцы; изъ нихъ двое, поймавъ одного зажиточнаго прежде сего купца и принудивъ его долго въ кузницѣ ковать, потомъ разсудили изъ него сдѣлать кашевара; на сей конецъ привели они его въ церковь, которая у нихъ была превращена въ поварню. Купецъ, увидѣвъ, что посрединѣ церкви поставленъ таганъ съ котломъ, подъ которымъ раскладенъ былъ огонь для варенія тутъ же разрубленной скотины, и что на подтопку употреблены ими были колотые образа, просилъ дозволенія принести дровъ. Поляки и Баварцы показали ему иконостасъ; нашъ купецъ палъ предъ ними на колѣни, объявилъ имъ рѣшительно, что у него рука не подымется, чтобъ поругаться святынею. Поляки на это ему отвѣчали ударомъ ефеса близь виска и потомъ рубнули его по головѣ. Когда купецъ отъ сихъ ударовъ упалъ, то Баварецъ палашемъ своимъ тыкалъ его разъ до пяти, и купецъ потерялъ чувства. Къ вечеру онъ опомнился и увидѣлъ, что онъ лежитъ на чистомъ воздухѣ подлѣ той церкви между нѣсколькими мертвыми, нагишомъ. Онъ переждалъ до ночи, и въ семъ одѣяніи вышелъ изъ города, дотащился до первой деревни, гдѣ его крестьяне призрѣли.

15) Между разными оскверненіями храмовъ Господнихъ, любимое у Французовъ было: послѣ всего, опрокинуть престолъ, чтобы осквернить его.

16) Очевидный свидѣтель и генералъ, отличный знаніемъ, храбростію и справедливостію, сказывалъ, что по вступленіи въ Вильну Русскихъ войскъ, во время погони за Наполеономъ, найдено было въ семъ городѣ многое число больныхъ Французовъ, которые были расположены въ разныхъ домахъ. Умершихъ изъ сихъ больныхъ Французовъ не вывозили за городъ для погребенія ихъ, но просто выбрасывали на томъ же дворѣ сего дома, гдѣ больные были расположены, чтó наконецъ составляло цѣлыя кучи мертвыхъ тѣлъ подлѣ дверей или входа въ сіи госпитали, а больные, чтобъ далеко не ходить, на сихъ же тѣлахъ расположили нужныя свои мѣста! Вотъ плоды просвѣщенія, и наконецъ побѣжденіе всѣхъ предразсудковъ!

17) *Портики* — прозваніе, данное нашими крестьянами мародерамъ Французскимъ, не извѣстно почему.

18) Поставленные Французами на поруганіе болваны въ соборѣ изъ числа тѣхъ, на которыхъ надѣты были латы въ Оружейной Палатѣ.

19) Очевидные свидѣтели показываютъ, что Французы, за неимѣніемъ пищи, ѣли мертвыхъ своихъ товарищей, поджаривая часто оныхъ на мѣсто жаркого, а когда имъ Русскій офицеръ, встрѣтившій ихъ на семъ адскомъ пиру, изъявилъ свой ужасъ и омерзеніе, то одинъ изъ гостей отвѣчалъ ему довольно равнодушно: „C'est horrible, il est vrai, mais ça vaut mieux que du koniak, c: à: d: du cheval: c'est le nom que les Français avaient donné à la petite race de chevaux, dont se servent les paysans Russes" (*).

20) Высокія философическія познанія прошедшаго вѣка открыли Французамъ, что человѣкъ, какъ машина, тогда

(*) Правда, это ужасно; но все же лучше нежели конякъ, т. е лошадь (этимъ именемъ Французы называли малорослыхъ лошадей у Русскихъ крестьянъ).

только годенъ, когда онъ въ цѣлости находится, то есть когда онъ физически здоровъ. Если же онъ боленъ или немощенъ и врачеваніе его затруднительно, то лучше дряхлую его машину разломать разомъ, ибо она только что препятствуетъ дѣйствіямъ другихъ цѣлыхъ или здоровыхъ машинъ. На семъ основаніи заведено у нихъ, чтобы присталыхъ и ненадежныхъ въ выздоровленіи, своихъ собственныхъ больныхъ, изъ человѣколюбія или лучше сказать изъ филантропіи, отправлять немедленно на тотъ свѣтъ, посредствомъ такъ называемой Французскими солдатами, *полуночной похлебки*, soupe de minuit, т. е. ядъ въ видѣ лѣкарства, тяжко больнымъ даваемый при наступленіи ночи, дабы къ утру они были готовы къ выбрасыванію изъ больницы, просто безъ погребенія, на пищу хищнымъ птицамъ, собакамъ или хищнымъ звѣрямъ.

Съ плѣнными же они обходятся безъ дальныхъ обиняковъ: усталый или тяжко больной тотчасъ пристрѣленъ. Одинъ изъ нашихъ офицеровъ кн. Голицынъ, взятый въ плѣнъ въ Бородинское сраженіе, передалъ намъ въ доказательство сего, сверхъ прочихъ достовѣрныхъ извѣстій, до насъ по сему предмету дошедшихъ, слѣдующую рѣчь одного изъ врачей французскихъ, къ сему офицеру обращенную. „Что́ вы медлите „бѣжать отсюда, неужели васъ ежедневные примѣры не устрашаютъ! Вѣдь и „васъ та же участь сегодня или завтра „ожидаетъ". Всякій день изъ числа плѣнныхъ нашихъ, усталые, тяжело раненные или больные, были пристрѣлены. Молодой нашъ офицеръ послушался добраго совѣта и вскорѣ послѣ того бѣжалъ; но, не довольствуясь спасти себя, онъ по человѣколюбію, присвоенному Русскому народу, на плечахъ своихъ вынесъ раненаго своего соотчича, полковника Соковнина, у котораго нога была отнята. Въ это время, къ ночи, попалъ онъ на партію Французовъ; онъ присутствіемъ духа своего отъ нихъ освободился, спросилъ ихъ на французскомъ языкѣ, гдѣ такая-то партія ихъ идетъ; они его приняли за земляка и не тронули.

Вотъ къ чему должно служить знаніе языковъ, а не къ возненавидѣнію собственнаго своего языка, обычаевъ и народа! Наконецъ нашъ молодой витязь спряталъ раненаго своего въ лѣсу, явился къ Русскимъ мужичкамъ и съ помощію ихъ спасъ его и самаго себя.

22 Іюня 1813, бывши въ Павловскомъ у Ея Величества Государыни Маріи Ѳеодоровны, читалъ приказы 1811 и 1812, 2-го гренадерскаго французскаго полка, отбитые у нихъ во время ихъ бѣгства. Изволила мнѣ разсказывать, что она сама слышала отъ адмирала Чичагова, что, когда онъ вступалъ въ Минскъ, то, вошедши въ захваченную въ томъ городѣ французскую больницу, онъ самъ нашелъ нѣсколько изъ выздоровѣвшихъ, которые спокойно занимались карточною игрою. За неимѣніемъ столовъ, склали они нѣсколько чуть умершихъ и окостенѣвшихъ своихъ товарищей, которыхъ спины служили имъ столомъ, а вокругъ стѣнъ, для украшенія комнаты, поставлены были стоймя такіе же товарищи, которымъ они забавлялись рожи расписывать углемъ и на таковые надѣвать сдѣланные ими шутовскіе колпаки.

21) Между возвращенными утварью и ризами, по отбитіи оныхъ у непріятеля, найдены между нашими Русскими ризами двѣ ризы католическихъ священниковъ.

22) Очевидные свидѣтели: г. Штейнъ, Муравьевы (*), Феньшау, Муравьевъ и проч. утверждаютъ, что они сами видѣли, какъ Французы ѣли мертвыхъ своихъ товарищей. Между прочимъ послѣдній разсказывалъ, что часто онъ встрѣчалъ Французовъ въ какомъ ни-

---

(*) Николай Николаевичъ (Карскій) и младшій братъ его (графъ) Михаилъ Николаевичъ (Виленскій).

будь сараѣ, забравшись отъ холода, сидящихъ около огонька на тѣлахъ умершихъ своихъ товарищей, изъ которыхъ они вырѣзывали лучшія части, дабы тѣмъ утолить свой голодъ; потомъ, ослабѣвая часъ отъ часу, сами тутъ падали мертвыми, чтобъ быть въ ихъ очередь съѣдены новыми едва до нихъ дотащившимися товарищами.

23) Одинъ молодой Русскій офицеръ (Муравьевъ, изъ колоновожатыхъ) разсказывалъ, что, будучи въ Вильнѣ, безпрерывно удручаемъ былъ просьбами и стономъ оставленныхъ тамъ Французовъ, отъ коихъ храбрые ихъ начальники бѣжали; наконецъ и сердце его стало пожесточѣе. Одинъ день, работая съ товарищемъ, молодой офицеръ услышалъ голосъ просящаго Француза, который тутъ же началъ вспоминать законъ вѣры. Сей несчастный началъ просьбу свою молитвою, говоря жалкимъ образомъ: Pater Noster, Отче Нашъ. Офицеръ, услышавъ несносный духъ (ибо Французы голодные стервою пахли), съ досадою спрашивалъ его, зачѣмъ онъ въ комнату вошелъ и чего онъ хочетъ? съ досадою, потому что не было возможности быть ни минуты вмѣстѣ съ французскими солдатами, по причинѣ особаго рода вони, которая ихъ сопровождала. Французъ просилъ помощи для отмороженныхъ его ногъ, которыя вмѣсто сапогъ были завернуты въ ранцы. Офицеръ спросилъ у него, котораго онъ былъ полка. Французъ отвѣчалъ: 32 provisoire (запаснаго). Офицеръ: сколько васъ осталось? Французъ: 14 человѣкъ! Неправда, сказалъ офицеръ, — я вашего полка многихъ оставилъ въ разныхъ положеніяхъ на дорогѣ. „Какъ бы я счастливъ былъ, еслибъ и я съ ними вмѣстѣ былъ, я бы того уже не терпѣлъ, что́ теперь терплю, не имѣя даже средствъ себя умертвить". Молодые офицеры хотѣли попробовать, не фанфаронишка ли онъ и спрашивали его, — застрѣлится ли онъ, если они дадутъ ему на то способы? Французъ со слезами у нихъ сталъ просить оружія; они взяли, показали ему будто они пистолетъ зарядили порохомъ, опустили туда пулю съ пыжемъ и на затравку посыпали пороху. Французъ съ радостью бросился на пистолетъ, приложилъ его къ себѣ въ лобъ и спустилъ курокъ; пистолетъ натурально осѣкся. Французъ бросилъ оный, укоряя офицеровъ, что они столь жестокосердны, что не хотѣли дать ему средства прекратить мучительную его жизнь. Тутъ офицеры дали ему рубль серебренный и отправили радостнаго въ гошпиталь.

Непріятеля жестокосерднаго и хищнаго должно явно порицать, непріятеля благороднаго хвалить. Тотъ же самый молодой офицеръ разсказывалъ, что послѣ сраженія подъ Краснымъ случилось ему быть въ деревнѣ, гдѣ онъ въ одномъ сараѣ нашелъ несчетное число раненыхъ плѣнныхъ Французовъ съ оторванными руками и ногами, простѣленныхъ въ голову, въ ноги, жестоко порубленныхъ и проч., безъ пищи много уже время бывшихъ и не имѣвшихъ уже средствъ напитаться болѣе сутокъ. Войдя въ сарай, общій стонъ отъ сихъ несчастныхъ произошелъ. Всѣ просили пить. Молодой офицеръ приказалъ принести ушатъ воды, но не успѣли его внести, что они всѣ къ ушату бросились и, отъ нетерпѣнія толкая и оттаскивая другъ друга, его весь пролили не напившись. Тутъ офицеръ приказалъ другой ушатъ имъ принести съ тѣмъ условіемъ, что онъ прикажетъ раздавать имъ пить. Тутъ кой какъ они напились. Послѣ сего молодой офицеръ бросилъ имъ нѣсколько горстей сухарей: новая драка и безполезная милостыня; сухари отъ жадности каждаго никому не достались. Офицеръ опять нѣсколько сухарей взялъ и приказалъ ихъ порядкомъ раздать; между тѣмъ примѣтилъ онъ, что, отдаляясь отъ прочихъ, въ углу сидѣлъ одинъ раненый, руки сложа смотрѣлъ, казалось, хладнокровно на все сіе происшествіе, ни слова не говоря. Моло-

дой офицеръ у него спросилъ: Ты что за человѣкъ, за чѣмъ ты ничего не просишь и не берешь? Я офицеръ, отвѣчалъ сидящій въ углу, и когда мои солдаты утолятъ свою жажду и голодъ, тогда я только могу просить о помощи. Вотъ можно сказать ихъ же рѣчью: Ou diable la vertu va-t-elle se nicher? (*) и между разбойниковъ! Жаль, что этотъ тутъ съ ними вмѣстѣ былъ.

24) Вонь, происходящая отъ плѣнныхъ, причинена была испорченными ихъ желудками отъ претерпѣннаго ими жестокаго голода, и отъ того, что, попавшись одинъ разъ въ избу, они изъ оной уже не выходили, пока силою оттуда ихъ не выгоняли, и всѣ нужды исправляли, не выходя на дворъ и даже не раздѣваясь. Очевидцевъ тому много имѣется, между прочихъ князь Дмитрій Владиміровичъ Голицынъ; послѣ Березинскаго дѣла, идучи къ Вильнѣ, встрѣчали они кучу оставленныхъ на мѣстѣ сраженія раненыхъ и умирающихъ съ голоду и холоду. Одинъ изъ Французовъ сихъ, оставшійся на ногахъ, изъ числа деньщиковъ, останавливаетъ его и спрашиваетъ, видя военачальника, ѣдущаго верхомъ со многими офицерами: Не онъ эрцъ-герцогъ Карлъ? Онъ хотѣлъ сказать, не онъ ли Великій Князь Константинъ Павловичъ, котораго онъ хотѣлъ просить о помощи; но по старой привычкѣ воевать съ Цесарцами спрашивалъ эрцъ-герцога.—Нѣтъ, отвѣчалъ ему князь Голицынъ, я не эрцъ-герцогъ; но что тебѣ надобно? — Ахъ! добрый мой господинъ (mon bon monsieur) сжальтесь надъ моимъ полковникомъ, прикажите ему дать руку помощи.—Да гдѣ онъ, сказалъ князь?—Вотъ здѣсь, лежитъ между мертвыми, ранеными и умирающими, не ѣвши уже нѣсколько дней.—Тутъ князь приказалъ его поднять, посадить на лошадь и приказалъ его вести въ Вильну за дивизіею своею. Прибывши на ночлегъ, приказалъ онъ полковника сего накормить. А какъ въ походѣ иногда тутъ же спальная, гостиная и столовая бываетъ и кухня, то полковникъ нашъ, увидѣвъ что говядину разрѣзали на части, чтобъ оную въ кушанье готовить, какъ голодный волкъ бросился на сырое мясо и началъ его зубами драть, сколько ему ни говорили, чтобы онъ подождалъ, пока изготовятъ кушанье; онъ ничему не внималъ, одурѣвъ и почти какъ изступленный отъ холода и голода; потомъ, чтобъ довершить сходствіе его съ дикими звѣрями, тутъ же, не выходя изъ комнаты, началъ исполнять естественныя свои нужды, не внимая, какъ шальной, никакимъ представленіямъ.

25) Смоленскіе крестьяне Порѣцкой округи, уставшіе прибирать тѣла убитыхъ оружіемъ и умершихъ голодныхъ Французовъ, досаду свою изъявляютъ слѣдующими словами тамошнимъ нарѣчіемъ, говоря о тѣхъ жителяхъ, которые сражались съ непріятелями: „Воткили цортъ помогалъ имъ набить, „а теперь прибирай; а тебѣ Француза „не цортъ несъ сюды“.

26) Нѣкоторые помѣщичьи крестьяне Нижегородской губерніи, узнавъ, что баринъ ихъ (Андреянъ Ивановичъ Диковъ) принужденъ удалиться въ Нижній-Новгородъ съ больною своею женою, дабы не попасться въ руки неистовымъ Французамъ и знавъ притомъ, что онъ въ семъ городѣ пристанища не имѣетъ, рѣшились сами отъ себя сторговать порядочный домъ и, купивъ оный на свои деньги, предложили своему помѣщику помѣститься въ семъ домѣ съ его семьею. По прогнаніи Французовъ, тѣ же крестьяне, узнавъ, что больная ихъ госпожа желаетъ ѣхать въ Москву; но не смѣетъ пуститься въ дорогу, безъ того врача, который ее пользовалъ въ Нижнемъ-Новгородѣ, а именно Г-на Мудрова (который, содержаніе свое получая отъ трудовъ своихъ, просилъ потерянное имъ время въ проѣздѣ до Москвы вознаградить суммою, равняющеюся той, которую онъ въ сіе бы

(*) Гдѣ, чортъ возми, скрывается доблесть?

время могъ получить отъ вольной практики) крестьяне, узнавъ справедливое требованіе врача и, будучи свѣдомы о недостаточномъ положеніи помѣщика ихъ, явились къ г. Мудрову и предложили требуемыя имъ деньги и уговорили его ѣхать съ помѣщицею ихъ. Когда же пришло время къ отъѣзду, то помѣщикъ старался какъ можно менѣе обременять сихъ примѣрныхъ крестьянъ поборами, назначилъ съ нихъ для подъема его семьи и цѣлаго дома 12 лошадей; но крестьяне исчислили, что ему менѣе 40 подводъ на подъемъ взять не можно, поставили оныя и довезли такимъ образомъ помѣщика и жену его безмездно въ Москву.

Здѣсь опять вышло новое прѣніе *между крестьянами и помѣщикомъ, неизвѣстное въ просвѣщенныхъ Европейскихъ земляхъ*! Сей послѣдній, расчитывая, что́ бы должно заплатить вольнонаемнымъ извощикамъ, насчиталъ отъ Нижняго до Москвы на 40 конныхъ подводъ до 1800 рублей: но крестьяне не только что не взяли сихъ денегъ, но напротивъ того объявили помѣщику, что они было приготовили поклониться ему 20-ю тысячами рублей на обзаведеніе его дома послѣ Московскаго раззоренія; но какъ съ нихъ скоро очень потребовали казенныя подати и другія повинности, то они принуждены были означенныя деньги на сіи предметы употребить, примолвя къ сему слѣдующее: Отецъ нашъ, кормилецъ, не бось: мы другія соберемъ и ими тебѣ челомъ ударимъ! Русскій, просто благочестивый человѣкъ, слушая сію истинную повѣсть, скажетъ: вотъ плоды родительскаго семейнаго правленія! Просвѣщенный же Европеецъ отнесетъ сей подвигъ къ невѣжеству, глупости и къ рабству нашего народа!

27) По полученнымъ къ 11-му Марта 1813 свѣдѣніямъ отъ гражданскихъ чиновниковъ, занимающихся схороненіемъ и сожженіемъ человѣческихъ тѣлъ послѣ погибшей въ Россіи Французской арміи и другихъ всей почти Европы войскъ, извѣстно, что до сего числа, при открытіи однакожъ ежедневно новыхъ тѣлъ, схоронено и сожжено уже въ однихъ Московской, Смоленской и Витебской губерніяхъ 213,000 съ сотнями, а въ Вильнѣ и вокругъ оной на двѣ только версты 53,000, и того по сіе время 266,000 съ сотнями.

28) Здѣсь не худо помѣстить слѣдующіе два анекдота, разсказанные мнѣ ген.-маіоромъ Николаемъ Матвѣевичемъ Бороздинымъ, чтобы видѣть мѣру развращенія такъ называемыхъ просвѣщенныхъ народовъ и степень честности варваровъ и дикихъ такъ называемыхъ народовъ.

Въ преслѣдованіи Французской арміи отъ Березины до Вильны, въ томъ отрядѣ, въ которомъ находился Бороздинъ, взяли въ полонъ стараго солдата изъ числа *саперовъ*. Черты лица, сѣдые его волосы и борода, доказывали маститую его старость и въ самомъ дѣлѣ онъ сказывалъ, что онъ еще началъ служить при Людовикѣ XV. Сіи обстоятельства и его благородное и скромное поведеніе привлекли къ нему нѣкоторое снисхожденіе побѣдителей. Вмѣстѣ съ нимъ былъ взятъ 7-ми или 8-ми лѣтній мальчикъ, ибо Наполеонъ съ собою не армію привелъ, а цѣлое переселеніе воиновъ, мастеровыхъ, женъ ихъ и дѣтей. Мальчикъ сей по лѣтамъ своимъ и фигурѣ полюбился г. Бороздину; онъ взялъ его къ себѣ и обходясь какъ съ сыномъ, вечеромъ, когда пришло время ложиться спать, приказалъ онъ ему молиться. Что́ такое молиться? сказалъ мальчикъ. Молиться Богу, сотвори молитву свою, перекрестись и ложись спать. Что́ такое Богъ! закричалъ мальчикъ, не хочу молиться, не хочу креститься. Тутъ было г. Бороздинъ на него прикрикнулъ и пригрозилъ; но мальчикъ съ криками, съ слезами продолжалъ: Что́ это Богъ? что́ за глупости, не хочу молиться. Старый солдатъ саперъ, о которомъ выше сказано, свидѣтель былъ сего происшествія; онъ, обратясь къ нашимъ чиновникамъ, ужа-

сенный степенью сего развращенія, сказалъ имъ:—„Вотъ, господа, вы удивляетесь, что мы у васъ обругали святыню, разграбили ваши церкви и пр.: что̀ вы хотите отъ такихъ людей! вѣдь всѣ генералы, офицеры и солдаты, всѣ они дѣти неистовой Французской революціи—и вотъ ея плоды!"

Напротивъ того, тотъ же генер. Бороздинъ мнѣ разсказывалъ, что часто случалось ему видѣть Башкирца, который къ нему на походѣ принесетъ цѣлый комъ серебра, отбитаго у непріятелей, изъ числа грабленныхъ въ церкви образовъ, и говоритъ изломаннымъ Русскимъ языкомъ: „Вотъ, бачька, серебра, прикажи взять". Какъ взять? Да оно твое, ты его отбилъ.—„Да, бачька, отбилъ, но оно твой мечетъ".—Что̀ же ты его и возми, оно тебѣ теперь принадлежитъ. „Нѣтъ, бачька, Магометъ убьетъ. Вотъ, видишь, собакъ Французъ умираетъ (показывая тутъ же на дорогѣ лежащаго и умирающаго Француза, каковой примѣръ на всякомъ шагу встрѣчался!) видишь, бачька, онъ умираетъ за то, что мечетъ вашъ грабилъ!" Какая противоположность просвѣщеннаго и невѣжественнаго народа!

Когда, при бѣгствѣ Наполеона изъ Москвы, былъ взятъ генералъ *Симсонъ*, управляющій тогда генеральнымъ штабомъ арміи Французской, то упоенный еще славою своего народа и вѣрою въ геній Наполеоновъ, онъ съ похвальбою разсказывалъ Русскому офицеру, приставленному къ нему, какъ къ плѣнному генералу, чтобы мы не гордились и не надѣялись на мнимые наши успѣхи, что императоръ его взялъ уже позицію на Днѣпрѣ, гдѣ онъ учредилъ и зимнія свои квартиры (что̀ въ самомъ дѣлѣ и сбылось по несчастію не для его самаго, но для его войска, которое около сихъ мѣстъ не токмо остановилось на винтеръ, но даже и на вѣчныхъ квартирахъ) и станетъ снаряжать новую армію въ Польшѣ. А какъ Его Величество усмотрѣлъ выгоду имѣть при арміи казаковъ, то онъ въ Польшѣ же приказалъ оныхъ образовать до 30 т. человѣкъ. Казацкій офицеръ (одинъ изъ Иловайскихъ), взявшій помянутаго ген. Симсона въ плѣнъ, бывшій тутъ же при немъ, не понимая языка Французскаго, вслушался однакожъ въ слово *козакъ*, и спросилъ у офицера, что̀ это онъ говоритъ про козаковъ? — Офицеръ перевелъ ему слова г-на Симсона. Г-нъ Иловайскій весьма остроумно и забавно просилъ офицера ему перевести, чтобы онъ далъ знать Имп. Наполеону, что онъ такимъ образомъ никогда не заведетъ у себя козаковъ, а если онъ хочетъ ихъ непремѣнно имѣть, то надобно ему изъ Парижа прислать къ нимъ на Донъ побольше молодыхъ и хорошихъ бабъ и дѣвокъ, такъ онъ берется, что ему тамъ надѣлаютъ пропасть настоящихъ козаковъ. (*Разсказъ генералъ - адъютанта Гол.-Кутузова*).

При отбитіи подъ Краснымъ обоза маршала Нея, козакъ, которому при раздѣлѣ сей богатой добычи достался собственной маршальской мундиръ Москворѣцкаго принца, вздумалъ изъ онаго сдѣлать забавное употребленіе; онъ, съ черною длинною бородою, надѣлъ на голову маршальскую шляпу, а на себя напялилъ шитый его мундиръ и въ такомъ нарядѣ, какъ стрѣла, ударился прямо къ первому французскому отводному караулу; доѣхавъ до онаго въ нѣсколькихъ шагахъ, на всемъ скаку остановилъ свою лошадь и предъ изумленными Французами, караульнымъ офицеромъ и его отрядомъ, вытянулъ языкъ какъ можно длиннѣе, — стремглавъ обратился назадъ къ своимъ товарищамъ, не давъ даже времени по немъ выстрѣлить. (*Разсказъ полковника Ѳедора Семеновича Уварова*).

29) Русскій солдатъ видитъ вещи своимъ порядкомъ и даетъ инымъ такой толкъ, который не скоро войдетъ въ голову самыхъ просвѣщенныхъ людей. Когда увидѣли они въ первый разъ медаль съ окомъ Провидѣнія на 1812; то они объ ней говорили слѣдующее:

„Надпись то: не намъ, не намъ, мы знаемъ, она еще при государѣ Павлѣ Петровичѣ была на рубляхъ, а вотъ ужъ за глазъ то спасибо! Вѣдь это въ память покойнаго фельдмаршала: у него у батюшки одинъ глазъ былъ, да онъ имъ болѣе видѣлъ, нежели иной съ двумя“. (Того же Уварова).

30) Передъ сраженіемъ гвардіи подъ Кульмомъ, гдѣ Вандамъ былъ на голову разбитъ и взятъ въ плѣнъ, положеніе Государя и всей арміи было столь опасно, что В. К. Константинъ Павловичъ, подъѣхавъ къ первому гвардейскому полку, сказалъ ему: „Ребята, друзья— Императоръ въ горахъ, спасите Царя!“ Сіе слово, переходя мгновенно изъ устъ въ уста по всей линіи гвардейскихъ войскъ, было имъ священнымъ завѣтомъ: костями на мѣстѣ лечь, какъ говаривали наши праотцы, или побѣдить.

31) Во время сего же Кульмскаго дѣла, одинъ изъ генералъ-адъютантовъ Государя И., посланный къ войску для отдачи нѣкотораго приказанія, встрѣтилъ гвардейскаго солдата изъ числа великановъ, составляющихъ первую ширингу сего отборнаго войска; онъ былъ раненъ въ руку пулею и шелъ хотя бодро и твердою выступкою, но взоръ его былъ пасмурный. Встрѣтившійся съ нимъ генералъ спросилъ его: Что̀ братъ? Видно тебя ранили?—„Ранили ваше превосходительство, да это горе небольшое, а вотъ что обидно, ранилъ то младенецъ“! И такъ сей храбрый воинъ не о потерѣ члена или опасности раны своей заботился, но простить того не могъ, что нанесена она ему была молодымъ, невзрослымъ еще мальчикомъ, изъ коихъ нынѣ вся почти Французская армія составлена.

32) При Кульмскомъ дѣлѣ, гдѣ лютый Вандамъ былъ взятъ въ плѣнъ и гдѣ Россійская гвардія подъ предводительствомъ графа Остермана-Толстаго, покрылась вѣчною славою, сей неустрашимый и отважный военачальникъ былъ жестоко раненъ; подъ конецъ сраженія ядро ему оторвало руку. Врачи хотѣли было его вести въ Теплицъ, чтобъ тамъ въ тишинѣ сдѣлать графу надлежащую операцію; но онъ сего не позволилъ и приказалъ отнять себѣ руку съ тою неустрашимостію и съ тѣмъ же равнодушіемъ, съ каковымъ былъ онъ при войскѣ во все время того жестокаго сраженія, въ которомъ 35 или 40 тыс. Французовъ нападали невступно на 7 тыс. человѣкъ Россійской гвардіи; а чтобъ доказать сіе равнодушіе и солдатамъ подать сильнѣйшій примѣръ онаго, онъ во время, какъ на самомъ почти полѣ сраженія отымали ему руку, приказалъ привести пѣсельниковъ, которые пѣли во время операціи, а лѣкарямъ, начавшимъ между собою лепетать по латинѣ, приказалъ непремѣнно говорить по-русски или по-французски, съ тѣмъ, чтобы онъ могъ разумѣть о чемъ дѣло идетъ. (Отъ Кутузова).

33) (Отъ его превосходительства Ивана Александровича Вельяминова и Шилова). Между многими отважнѣйшими предпріятіями храбраго и смѣлаго покойнаго полковника Фигнера, какъ-то бытіе его въ Москвѣ для соглядатайства подъ видомъ Русскаго мужика, или переодѣваніе его во французскій мундиръ и явленіе въ таковомъ нарядѣ посреди Французскихъ войскъ для узнанія ихъ силъ, можно въ числѣ первыхъ изъ сихъ предпріятій поставить дерзновенное его намѣреніе войти въ Данцигъ и тамъ осмотрѣть положеніе и число непріятеля. Сіе дерзновеніе и опаснѣйшее его предпріятіе исполнено было весьма счастливо; но не избѣгнулъ онъ роковаго удара въ самомъ незначущемъ, говорятъ, дѣлѣ. Вотъ какъ мнѣ очевидцы разсказывали сей знаменитый подвигъ г. Фигнера.

Въ началѣ осады города Данцига, является онъ къ осаждающимъ оный Русскимъ начальникамъ съ повелѣніемъ покойнаго князя Голеницева-Кутузова Смоленскаго, чтобы его пропустить въ Данцигъ. Сіе исполнено, онъ входитъ въ городъ, гдѣ является начальству

подъ видомъ какого-то Италіянскаго купца. Осаждающіе тщетно ожидаютъ его возвращенія въ теченіи двухъ мѣсяцевъ и наконецъ теряютъ совершенно надежду его видѣть, узнавъ, что въ Данцигѣ повѣсили какого-то будто Русскаго лазутчика. Въ сіе самое время благополучно является къ осаждающимъ изъ города Данцига г-нъ Фигнеръ: онъ не токмо удостовѣрилъ Данцигскаго начальника *Раппа* (производившаго надъ нимъ строгое изслѣдованіе при появленіи Фигнера въ Данцигъ, что онъ купецъ Италіянскій); но онъ, при выходѣ изъ сего города, получилъ отъ *Раппа* рекомендательное письмо къ Наполеону. Комедію сію онъ удачно игралъ, по случаю долгаго его пребыванія въ Италіи, знанія сего языка и короткаго знакомства съ однимъ тамъ купеческимъ домомъ.

Покажите намъ Французскаго офицера, который бы дѣлалъ такія чудеса, какъ Фигнеры знаменитые, Сеславины, Давыдовы и проч.

34) При окончаніи сраженія подъ Краснымъ представили покойному князю Гол.-Кутузову Смоленскому четыре отбитые Французскіе орла и нѣсколько другихъ значковъ. Онъ тотчасъ, сѣвъ на лошадь, съ своимъ штабомъ и въ сопровожденіи сихъ трофеевъ, поѣхалъ вдоль по линіи нашихъ бивуаковъ; солдаты, стоя въ рядахъ, душевно радовались на сію похищенную у непріятелей славу и восклицали громогласно радостное для насъ и ужасное для враговъ: Ура!

Князь былъ встрѣченъ при бивуакахъ л. г. Семеновскаго полка тогдашнимъ гвардіи начальникомъ г.-л. Лавровымъ, который просилъ князя на чашку чая. Старецъ сошелъ съ лошади, сѣлъ на походный стулъ и, разсматривая знамена, привѣшенныя къ орламъ Французскимъ, онъ на нихъ прочиталъ: *Ульмъ, Остерлицъ*.

— „Вотъ имя, сказалъ онъ, котораго „я терпѣть не могу, но впрочемъ je „m'en lave les mains (*), я этого сраже„нія никогда не хотѣлъ", потомъ вынулъ изъ-за пазухи бумажку и началъ всѣмъ предстоящимъ читать полученную имъ басню г. Крылова.—„*Волкъ на псарнѣ*". Когда же дошло до стиха:

«Ты сѣръ, а я, пріятель, сѣдъ:

то князь, приподнявъ свою фуражку, всѣмъ показалъ почтенное свое чело, украшенное сѣдинами, слѣдственно и опытностію—сіе знаменитое вмѣстилище столь великихъ думъ и замысловъ ко спасенію отечества! (Отъ Л. О. Гурки, Семеновскаго офицера).

(*) Умываю въ этомъ руки.

КРАТКІЯ СВѢДѢНІЯ О РУССКИХЪ ПИСАТЕЛЯХЪ И УЧЕНЫХЪ,

умершихъ въ 1866 году (*).

(Изъ Справочнаго Словаря о Русскихъ писателяхъ и ученыхъ, составляемаго Г. Н. Геннади.)

Аделунгъ, Ѳедоръ Яковлевичъ, старшій врачъ александровскаго сиротскаго корпуса въ Царскомъ Селѣ, а въ послѣдствіи старшій ординаторъ 1-го спб. военно-сухопутнаго госпиталя; ум. 26 сент. 1866, на 70 году жизни (Спб. Вѣдом. 1866, № 281).

Аркасъ, Захаръ Андреевичъ, генералъ-лейтенантъ, сынъ грека, р. въ Ѳессаліи въ 1793. Обучившись въ николаевскомъ штурманскомъ училищѣ, поступилъ на службу въ черноморскій флотъ; съ 1839 года служилъ въ Севастополѣ, занимая разныя должности и былъ строителемъ севастопольской морской библіотеки, которую въ 1855 перевезъ въ Николаевъ. Ум. 23 Марта 1866.

Онъ былъ членомъ одесскаго общества ист. и древн., въ Запискахъ коего помѣстилъ нѣсколько статей и матеріаловъ, между прочими археологическое описаніе ираклійскаго полуострова и древностей его (т. II, съ чертежами) и отрывки изъ исторіи черноморскаго флота. Статьи его указаны въ некрологіи его, *Н. Мурзакевича*, въ Запискахъ общества, т. VI, стр. 492—494.

Беклемишевъ, Николай Васильевичъ, ум. 8 Мая 1866, въ Спа, на 50-мъ году.

Онъ былъ любитель театра, другъ актера Мочалова, для котораго написалъ драмы; „Жизнь за Жизнь“ и „Майко“ (Спб. 1847), и оставилъ дневникъ, любопытный для исторіи московскаго театра.

N. Въ Антрактѣ (М. 1867), № 8-й съ подписью: *Лобоничекъ*.

Березинъ, Иванъ Григорьевичъ, физіологъ, былъ прикомандированъ къ медико-хирургич. академіи. Ум. 11 Авг. 1866 въ Спб. отъ холеры. (См. Мѣсяцословъ академич. 1868 года стр. 298).

Брашманъ, Николай Дмитріевичъ, д. с. с., моравскій уроженецъ, изъ купцевъ, р. близъ Брюнна, 14 Іюня 1796, учился въ университетѣ и въ политехническомъ институтѣ въ Вѣнѣ. По прибытіи въ Россію нѣсколько мѣсяцевъ былъ учителемъ въ спб. петропавловскомъ училищѣ, потомъ адъюнктомъ казанскаго университета по каѳедрѣ чистой математики, потомъ преподавалъ сѳерическую астрономію и механику и былъ надзирателемъ въ казанской гимназіи. Въ 1834 г. перемѣщенъ въ моск. университетъ экстр. профессоромъ и въ 1835 утвержденъ ординарнымъ по каѳедрѣ математики. Въ 1838 опредѣленъ инспекторомъ классовъ въ училищѣ ордена Св. Екатерины и александровскомъ. Ум. 13 Мая 1866 г.

Нѣсколько математическихъ изслѣдованій его помѣщено въ Уч. Запискахъ Моск. унив. 1834 и 1835, и въ Bulletin академіи наукъ 1842 и 1851 и статья объ англ. университетахъ въ Журналѣ мин. н. пр. 1843, т. 38. — Его курсъ оптики началъ печатаніемъ въ 1840—41 г., но не оконченъ. Элементарный курсъ механики литографированъ въ

(*) Свѣдѣнія о писателяхъ умершихъ въ 1857 г. напечатаны въ Библіогр. Запискахъ т. 1-й (1858, № 12); въ 1858 г. тамъ же т. 2-й (1859, № 20); въ 1859, тамъ же т. 3-й (1861, № 4); въ 1860—1862 г. въ Р. Архивѣ 1864, № 5 и 6; въ 1863 г. тамъ же (1865, стр. 115—128); въ 1864 г. тамъ же (1866, стр. 561—580); въ 1865 г. тамъ же (1867, стр. 953—981). Обширный и неуклонно продолжаемый трудъ Г. Н. Геннади, обнимающій собою всю новую Русскую словесность, заслуживаетъ полнаго уваженія. Ошибки и неполноты неизбѣжны въ такого рода работахъ; но они могутъ быть исправлены и пополнены другими лицами. *П. Б.*

1847, а 1-я часть механики издана въ 1853.

1) Курсъ аналитической геометріи, М. 1836. 8°. 2) Теорія равновѣсія тѣлъ твердыхъ и жидкихъ или статика и гидростатика, М. 1837. 8°. 3) Рѣчь о вліяніи математики на развитіе умственныхъ способностей. М. 1841. 4°. 4) Теоретическая математика, т. I. М. 1859.

Онъ способствовалъ основанію въ Москвѣ математическаго общества, въ трудахъ котораго (Математич. Сборникъ т. I) помѣщена его біографія.

Біогр. Словарь Моск. професс. I, 99—102.

Буяльскій Илья Васильевичъ, т. сов. заслуженный профессоръ медико-хирургической академіи, знаменитый операторъ. Онъ учился въ новгородъ-сѣверскомъ уѣздномъ училищѣ, потомъ кончилъ курсъ философіи въ черниговской семинаріи. Въ 1809 г. онъ былъ опредѣленъ въ московское отдѣленіе медико-хирургич. академіи, черезъ годъ переведенъ въ петерб. академію, гдѣ, окончивъ курсъ, остался прозекторомъ анатоміи и прикомандировалъ къ военно-сухопутному госпиталю ординаторомъ. Онъ былъ адъюнктомъ по каѳедрѣ анатоміи (при Загорскомъ), въ 1831 году произведенъ въ орд. профессоры и занялъ каѳедру анатоміи по увольненіи Загорскаго въ 1833 г. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ операторомъ при всѣхъ военно-учеб. заведеніяхъ и при александровскомъ лицеѣ. Онъ уволенъ былъ изъ академіи по выслугѣ лѣтъ въ 1844 году. Ум. 8 Дек. 1866.

20-го Сент. 1864 года праздновали пятидесяти-лѣтіе его медицинской службы. (См. описаніе его въ Голосѣ 1864, № 310).

Онъ дѣлалъ весьма рѣдкія, смѣлыя и удачныя операціи (см. между прочимъ въ фельетонѣ *Ѳ. Булгарина* въ Сѣв. Пчелѣ 1853, № 31), сдѣлалъ коллекцію замѣчательныхъ препаратовъ, пожертвовалъ академіи свой кабинетъ патологическихъ, анатомическихъ и хирургическихъ предметовъ и занимался бальзамированіемъ тѣлъ. Много статей его въ Военно-Медиц. журналѣ, въ Другѣ Здравія и другихъ изданіяхъ.

1. Diss. Momenta quaedam aneuryematum pathologiam therapiamque spectantia. Petrop. 1823. 8°. 2) Tabulae anatomico-chirurgicae operationes ligendarum arteriarum majorum exponentes, ad naturam depictae et aeri incisae, brevi cum descriptione, earum anatomica succinctaque doctrina encheirescos operationum etc. XIV Tab. Petrop. 1828. In folio. (Текстъ русскій и латинскій. Этотъ важный и тщательно изданный трудъ переведенъ былъ въ Берлинѣ на нѣмецкій яз.) 3) Анатомико-патологическое описаніе двухъ сросшихся младенцевъ женскаго пола. Съ рис. Спб. 1832. 8°. 4) Анатомико-патологическое описаніе двойной матки, изъ коихъ каждая въ разное время была беременною. Съ рис. Спб. 1832, въ листъ. 5) Литографированные анатомическіе рисунки для обучающихся врачебной наукѣ. Спб. 1833. 4°. 6) Краткая общая анатомія тѣла человѣческаго. Спб. 1844. 8°. 7) Анатомико-хирургическія таблицы, объясняющія производство операцій вырѣзыванія и разбиванія камней, рисованныя съ натуры и выгравированныя на мѣди съ краткимъ описаніемъ оныхъ и объясненіемъ производства операцій. Съ латинскимъ переводомъ. Спб. 1852, въ листъ, съ 10 таблицами 8) Фотографическіе рисунки вытравленныхъ артерій и венъ почекъ человѣческихъ (arteriae et venae renum excarnatae), снятые съ препаратовъ, съ подробнымъ описаніемъ способа приготовлять таковые препараты. Спб. 1863.

Списокъ изданій и статей Буяльскаго въ Московской Медиц. Газетѣ 1865, № 28—47.

Васильевъ, Михаилъ Андреевичъ, штатный смотритель псковскихъ училищъ, ум. 28 Іюля 1866. Онъ учредилъ безплатную женскую школу, библіотеку для чтенія при уѣздномъ училищѣ и былъ знатокъ древностей Пскова, о коихъ напечаталъ нѣсколько статей въ Псковскихъ Губ. вѣдомостяхъ.

N. Илл. Газета 1866, № 35.

Васильевъ, Петръ Михайловичъ, адъюнктъ-профессоръ прикладной математики въ казанскомъ университетѣ, въ которомъ преподавалъ также съ 1827 по 1833 артиллерію и фортификацію. Ум. 9 Іюня 1866 г. на 81 г. жизни.

Некрологъ. П. М. Васильевъ. Сост. *В. Владиміровъ* (Изъ Каз. Г. Вѣд. 1866, № 28). 8°. 6 стр.

Видеманъ, Германъ, докторъ философіи, основатель частной гимназіи въ Петербургѣ, въ которой преподавалъ древніе языки въ высшихъ классахъ. Ум. 28 Авг. 1866.

1) Пригласительная программа къ торжественному выпуску воспитанниковъ училища церкви Св. Анны, назначенному быть 14 Іюня 1857 въ залѣ училища. Спб. 1855, 1856 и 1857, 8°. (Отчеты и статьи). 2) Руководство къ первоначальному обученію географіи съ присовокупленіемъ болѣе подробнаго описанія Росс. Имперіи. Спб. 1864. 12°. Съ 3-мя картами. 3) Руководство къ первоначальному обученію исторіи, изложенное въ біографической формѣ для низшихъ классовъ гимназій, 2 ч. Древняя и Средняя исторіи. Спб. 1865.

Вильсонъ, Александръ Яковлевичъ, инженеръ-генералъ, ум. 13-го Февраля 1866 г. на 90 году.

Голицынъ, князь Николай Борисовичъ, р. 1795, служилъ въ военной службѣ (1810—1835) до чина полковника и участвовалъ въ войнахъ 1812—1815 г. Живя въ отставкѣ, преимущественно въ своемъ имѣніи новооскольскаго уѣзда и въ Петербургѣ, занимался литературою и музыкою и былъ знатокомъ классической музыки и отличнымъ віолончелистомъ. Онъ много посвятилъ труда изученію вопроса о возможности соединенія православной восточной церкви съ западною, переводилъ для этого на французскій языкъ русскія богословскія сочиненія и писалъ брошюры и статьи подъ псевдонимомъ: Un Grec-uni. Во время Крымской войны и прежде онъ печаталъ въ Journal de St. Pétersbourg 1853—1855 и La Presse 1846—1849 патріотическія статьи съ подписью: Un vétéran russe de 1812; во время Крымской кампаніи командовалъ Курскимъ ополченіемъ подъ Севастополемъ. Сконч. въ помѣстіи своемъ 23-го Октября 1866 г. Онъ былъ сынъ ген.-лейт. кн. Бориса Андреевича († 1822) и княгини Анны Александровны († 1842), рожд. царевны Грузинской.

1 Le pénitent noir. Traduction en vers du poëme de Kazloff Чернецъ. Odessa, 1837. Idem: Le moine, histoire Kiovienne. M. 1839. 12°. 2) Офицерскія Записки или воспоминанія о походахъ 1812, 1813 и 1814. Въ 3-хъ отдѣленіяхъ. М. 1837. 8°. 3) La fontaine de Baghtsché-Sarai (Бахчисарайскій фонтанъ) poëme d'Alexandre Pouchkine, trad. en vers libres. M. 1838. 12°. 4) Au détracteurs de la Russie trad. de Pouchkine. M. 1839. 8°. (Въ стихахъ). 5) Epitre en vers au prince de Varsovie, comte Paskevitch d'Erivan. Spb. 1839. 8°. 6) Essais poétiques. M. 1839. 8. Idem, Spb. 1849. 7) Borodino — Moscou. Hymne guerrier à l'occasion de la cérémonie du 26 Août 1839, par un vétéran de l'armée M. 1839. 8°. Idem: Borodino, 26 Août. Spb. 1839. 8°. 8) Перенесеніе тѣла князя Багратіона на бородинское поле. М. 1839. 12°. 9) La bataille de Borodino, par un témoin oculaire. 2-e éd. Spb. 1840. 8°. 10) Liturgie de St. Jean Chrysostome telle qu'elle est célébrée dans toute l'eglise orthodoxe d'Orient et au Saint Mont-Athos. Traduit d'après l'original slavon et rectifié sur l'original grec. Paris (1843) 8°. 10) Souvenirs et impressions d'un officier russe pendant les campagnes de 1812, 1813 et 1814, avec la relation de bataille de la Borodino. Spb. 1849. 11) Lettres à un ami sur l'office divin de l'eglise catholique orthodoxe d'Orient. Par André Muravieff. Traduites du russe. Spb. 1850—1853. 8°. Idem, première partie, Charkow, 1847. 12) Жизнеописаніе генерала отъ кав. Емануеля. Спб. 1851. Съ портретомъ. 13) Reponse à M-r Léon Faucher sur son article: Les finances de la Russie (Journal de St. Pétersbourg 1853).

Записки о родѣ кн. Голицыныхъ *Евг. Серчевскаго* (Спб. 1853), стр. 258—260. *N. Л.* Вѣсть 1866, № 90.

Гуляевъ, Михаилъ Спиридоновичъ, профессоръ кіевской духовной академіи. Ум. 7 Іюля 1866, въ Кіевѣ.

Въ Трудахъ академіи помѣщенъ былъ его переводъ историческ. книгъ Вѣтхаго Завѣта.

Гусевъ, Матвѣй Матвѣевичъ, исправляющій должность директора Виленской астрономической обсерваторіи, уроженецъ г. Вятки, студентъ казанскаго университета, служившій долго при Струве на пулковской обсерваторіи, ум. 10 Апрѣля 1866, въ Берлинѣ.

Онъ перевелъ съ нѣмецкаго Космосъ, *Гумбольта* томы 1-й и 3-й, М. 1851—1853 и т. III, отд. 2-е, 1857, изданіе *Фролова*, перепечатанное въ 1863 г. 8°, и издавалъ въ Вильнѣ: Вѣстникъ математическихъ наукъ съ 1860 г., коего вышло 25 №№ in-4° (томъ 1-й и № 1 тома 2-го).

N. Спб. вѣдом. 1866, № 127. (Изъ Вятскихъ Губ. вѣдом.).

Дестунисъ, Надежда Александровна, рожденна Крылова, р. 2 Ноября 1837 г. ум. 1 Мая 1866. Кромѣ нѣск. журнальныхъ статей напечатала для дѣтскаго чтен я:

1) Деревня, Спб. 1859 и 2) Сборникъ русскихъ народныхъ пѣсенъ и пословицъ для юношества. Спб. 1861.

N. *А. Ярославцова* въ Спб. Вѣдом. 1866, № 166.

Діевъ, Михаилъ, протоіерей въ Нерехтѣ, съ 1829 г. членъ московскаго общества исторіи и древностей, въ изданіяхъ коего напечаталъ нѣсколько статей и матеріаловъ Его археологическія статьи находятся также въ К - стромскихъ губ. вѣдомостяхъ и въ Журналѣ мин. нар. просв.

Дмитріевъ, Михаилъ Александровичь, р. 23 Мая 1796 г., воспитанникъ моск. благороднаго пансіона. Онъ жилъ и служилъ въ Москвѣ, начавъ службу въ архивѣ министерства иностр. дѣлъ, съ 1826 былъ судьею моск. надв. суда, съ 1828 совѣтникомъ моск. палаты уголовнаго суда, съ 1831 при оберъ-прокурорскомъ столѣ 2-го отдѣла шестаго деп-та сената, оберъ-прокуроромъ 7-го деп-та съ 31 Дек. 1839, а съ 3 Іюля 1843 завѣдывалъ дѣлами общаго собранія моск. деп-товъ сената до увольненія отъ службы 25 Февраля 1847 г. ум. 5 Сент. 1866.

Еще въ бытность свою въ пансіонѣ онъ сталъ заниматься литературою. Стихотворенія его печатались въ Моск. Вѣстникѣ, Телескопѣ, Молвѣ и Москвитянинѣ и въ нѣкоторыхъ сборникахъ. Вращаясь въ кругу московскихъ писателей и какъ племянникъ поэта И. И. Дмитріева, онъ записалъ много преданій и анекдотовъ въ запискахъ, которыя напечаталъ въ Москвитянинѣ и послѣ готовилъ ко вторичному изданію.

1) Торжество музъ на открытіе моск. театра. М. 1824. 8°. (Стихи). 2) На кончину Г. И. Александра Перваго. Стихотвореніе, М. 1826. 8°. 3) Люциферовъ праздникъ, романтическая карикатура (въ стихахъ). М. 1828. 9) О противникахъ и защитникахъ исторіографа Карамзина, М. 1829. 8°. 5) Стихотворенія М. Дмитріева. 2 ч. М. 1830. 8°. 6) Къ радости, Шиллера. Перев. въ стихахъ. М. 1843. 8°. 7) Князь Иванъ Михайловичъ Долгорукой и его сочиненія. Статья первая. Его жизнь, характеръ; мои воспоминанія. М. 1851. 8°. Второе, передѣланное и пополненное изданіе, М. 1863. 8°. 8) Мелочи изъ запаса моей памяти, М. 1854 8°. (Изъ Москвитянина). 9) Воспоминаніе о С. Е. Раичѣ. М. 1855. 8°. (Изъ Моск. Вѣдом. № 141). 10) Ода на священное коронованіе и мvропомазаніе Е. И. В. Г. И. Александра II. М. 1856. 8°. 11) Московскія элегіи. М. 1858. 8°. 12) Сатиры Кв. Горація Флакка. Съ лат. въ стихахъ. Съ объяснит. примѣчаніями. М. 1858. 13) Стихотворенія. 2 ч. М. 1865. 8°

Краткое жизнеописаніе М. А. Дмитріева, М. 1863. 8°. 28 стр. (Автобіографія).—N. *П. Бартенева* въ Моск. Вѣдом. 1866, № 189.

Дмитріевъ, Н. В. членъ-корреспондентъ моск. археологическаго общества, въ засѣданіяхъ коего прочелъ нѣсколько статей объ древне-русской архитектурѣ, изученіемъ которой онъ зани-

мался. Ум. 22 Февр. 1866. (См. протоколъ общества, № 25).

Дудышкинъ, Степанъ Семеновичъ, (р. 25 Дек. 1820, ум. 16 Сент. 1866). Родомъ бѣлоруссъ, воспитанникъ Витебской гимназіи и Спб. унив-та, съ 1846 года участвовалъ въ Отеч. Запискахъ, особенно по отдѣлу критики, а съ 1859 до кончины былъ ихъ редакторомъ, съ А. Краевскимъ. Онъ помѣстилъ въ нихъ много критическихъ статей, изъ которыхъ замѣчательны о Фонъ-Визинѣ (1847, № 8 и 9), о соч. Тургенева (1857, т. 110 и 111) и другія. Въ Современникѣ онъ помѣстилъ обширную статью о Кантемирѣ (т. XII, 1848, № 11). Подъ его редакціею и съ его примѣчаніями вышло послѣднее изданіе сочиненій Лермонтова (Глазунова).

N. Въ протоколахъ собранія общества для пособія литерат. 23 Окт. въ Спб. вѣдом. 1866, № 304.—Голосъ № 317. — О похоронахъ его, *И--ова*, въ Соврем. Лѣтописи 1866, № 33.

Дурова, Надежда Андреевна, р. въ Херсонѣ въ 1790. Молодою дѣвицею въ 1806 г. 17 Сент. вступила она рядовымъ въ конно-польскій уланскій эскадронъ и участвовала въ кампаніи 1807 г. По представленіи ея имп. Александру I, она получила георгіевскій крестъ и принята въ маріупольскій гусарскій полкъ (31 Дек. 1807 г.). Въ 1811 она была переведена въ литовскій уланскій полкъ, участвовала въ отечественной войнѣ 1812 г. и въ заграничныхъ походахъ и уволена въ 1817 г. съ чиномъ штабъ - ротмистра. Въ арміи она находилась подъ именемъ Александра Александровича *Александрова*, а въ литературѣ получила извѣстность своими разсказами подъ названіемъ *Кавалеристъ-дѣвицы*. Записки ея о походахъ 1812—13 гг. появились въ Современникѣ Пушкина 1836 г. кн. II. Послѣдніе годы жизни она провела въ уединеніи въ г. Елабугѣ, гдѣ скончалась 23 Марта 1866 г. Портретъ ея находится въ Сборникѣ Сто русск. литераторовъ Смирдина и при ея романѣ: Гудишки.

1) Кавалеристъ - дѣвица. 2 ч. Спб. 1836. 8°. 2) Записки (добавленіе), М 1839. 8°. 3) Гудишки, романъ, 4 ч. Спб. 1839. 12°. 4) Повѣсти и разсказы 4 ч. Спб. 1839. 8° 5) Уголъ. Спб. 1840. 6) Ярчукъ, собака - духовидецъ, 2 ч. Спб. 1840. 7) Годъ жизни въ Петербургѣ или невыгоды третьяго посѣщенія. Спб. 1840. 12°. 8) Кладъ. Спб. 1840. 12°.

Справочный Энц. Словарь, IV, 186. — Переписка, относящаяся до начала ея службы, въ Голосѣ 1863, № 346.—N. Вѣсть, 1866, № 35.— Біографич. замѣтка о ней (корресп. изъ Елабуги), *Е. Меньшова*, въ Спб. вѣдом. 1861, № 3, стр. 65.

Зернинъ, Александръ, изъ воспитанниковъ педагогическаго института, по полученіи степени магистра въ спб. университетѣ 1846, опредѣленъ былъ въ 1847, адъюнктомъ въ харьковскій университетъ на каѳедру исторіи и въ 1850 г. утвержденъ экстр. профессоромъ. Онъ преподавалъ новую всеобщую исторію, а потомъ русскую.

Его магистерская диссертація была: Объ отношеніи константинопольскаго патріарха къ русской іерархіи, Спб. 1846, а докторская: Учрежденіе въ Россіи патріаршества (въ Архивѣ Калачева, кн. II, отд. II, 1855). Отдѣльно также вышло его изслѣдованіе: Жизнь и литературные труды имп. Константина Багрянороднаго. I. Харьковъ, 1858.

Его статьи въ Библіотекѣ для Чтенія, въ Русск. Словѣ и другихъ изданіяхъ, исчислены въ некрологѣ его въ Харьковскихъ Губ. вѣдом. 1866, № 73.

Касторскій, Михаилъ Ивановичъ, докторъ философіи. По окончаніи курса въ педагогич. институтѣ слушалъ лекціи берлинскихъ профессоровъ, особенно историковъ и въ 1837 занимался въ Прагѣ изученіемъ чешскаго языка и славянскихъ древностей, подъ руководствомъ Шафарика. Статьи его: О новѣйшей чешской литературѣ и о пѣсняхъ южныхъ Славянъ напечатаны въ Журналѣ мин. н. пр. т. XVIII и XXVIII, По возвращеніи въ 1838 г., онъ написалъ пробную лекцію: О вліяніи карловингской династіи на славянскія племена

(Журналъ мин. н. пр. т. XIV) и опредѣленъ въ спб. университетъ адъюнктомъ по каѳедрѣ всеобщей исторіи; вмѣстѣ съ тѣмъ читалъ литературу славянскихъ нарѣчій до назначенія особаго профессора по этому предмету. Въ 1839 г. онъ былъ опредѣленъ преподавателемъ и наставникомъ-наблюдателемъ въ дворянскомъ полку. Въ 1841 получилъ степень магистра; въ послѣдствіи былъ экстр. профессоромъ. Ум. 6 Іюля 1866 г. (Спб. вѣдом. № 163).

1) Письма леди Рондо супруги англійскаго министра при росс. дворѣ въ царств. имп. Анны Іоанновны. Перев. съ англійскаго М. К. Спб. 1836. 8⁰. 2) Начертаніе славянской миѳологіи. Спб. 1841. 8⁰. 3) Историческія судьбы Закавказья въ древнія времена. Рѣчь въ годичномъ актѣ спб. унив. 1852 г. 2) Аристотеля категоріи на греческ. и русск. языкѣ. Переводъ Спб. 1839.

Кромѣ нѣск. статей въ Журналѣ мин. н. просв., онъ помѣстилъ жизнеописаніе Ксеніи Шестовой, матери ц. Михаила Ѳеодоровича, въ изданіи Фридебурга: Домъ Романовыхъ.

Клинъ (Klien), Эрнестъ Ѳеодоровичъ, сынъ пастора, р. въ 1795. Онъ былъ Лужичанинъ, учился въ Лейпцигѣ, былъ домашнимъ учителемъ въ Москвѣ и въ 1837 г. по приглашенію попечителя моск. уч. округа графа Строганова, опредѣленъ въ моск. университетъ преподавателемъ латинскаго языка и стилистики, сначала въ юридическій и медицинскій, а потомъ въ историко-филологическій факультетъ.

Еще до вступленія въ унив-тъ, онъ написалъ три латинскихъ стихотворенія, потомъ перевелъ вторую часть анатоміи Лодера (ненапечатанную), произнесъ рѣчь при открытіи греко-латинской семинаріи и защитилъ диссертацію на степень доктора: Quo modo et quo ordine classici Graecorum et Romanorum auctores in scholis legendi sunt. Ум. 3-го Декабря 1866. (Моск. вѣдомости № 256. *Л. К.*)

Біографич. Словарь моск. проф. I, 419—422.

Ковалевскій, Евграфъ Петровичъ, членъ государственнаго совѣта, сенаторъ, бывшій попечитель московскаго учебнаго округа (съ 15 Апр. 1856), потомъ (съ 23 Марта 1858 г.) министръ народнаго просвѣщенія и президентъ вольнаго экономическаго общества, сконч. въ Петербургѣ, въ Маѣ 1866 г. Служилъ сначала по горному вѣдомству.

Лавровъ, Николай Петровичъ, священникъ и учитель ярославской семинаріи. сотрудникъ Яросл. Епарх. вѣдомостей.

Лобановъ-Ростовскій, князь Александръ Яковлевичъ (р. 1788), скончался въ отставкѣ, въ чинѣ генералъмаіора 26 Ноября 1866, въ Петербургѣ. Живя въ Парижѣ, онъ напечаталъ въ 1821 г. въ небольшомъ числѣ на русскомъ, у Дидота, Евангеліе отъ Матѳея (8⁰) и Молитвы при божественной литургіи (12⁰). Его богатое собраніе картъ поступило въ главный штабъ. Онъ ревностно собиралъ портреты Петра Великаго, печаталъ списки недостающихъ и рѣдкихъ для пополненія коллекціи какъ своей, такъ и въ имп. публичной библіотекѣ, которую пополнялъ своими экземплярами.

1) Catalogue des cartes geographiques, topographiques et marines de la bibliothèque du prince Lobanoff de Rostoff à St. Pétersbourg. suivi d'une notice de manuscrits, Paris. 1823. 8⁰. 2) Recueil de pièces historiques sur Anne ou Agnès épouse de Henri Id roi de France et fille de Jaroslaf I, granduc de Russie. Avec une notice et des remarque du prince A. Lobanoff de Rostoff-Paris. 1825 8⁰. 3) Lettre à M. le rédacteur du Globe au sujet de la prétendue ambassade en Russie de Charles Talleyrand. Paris. 1827. 8⁰. и вторично въ 1828. 4) Lettres inédites de Marie Stuart. Paris. 1839. 5) Lettres, instructions et mémoires de Marie Stuart. Londres, 1844—1845, 7 томовъ. (Сборникъ, извлеченный изъ архивовъ). 6) Notice sur la collection des portraits de Marie Stuart appartenant au prince A. Lobanoff précédée d'un resumé chronologique. St. Pétersb. 1856. 8⁰. Съ портре-

томъ и видомъ мавзолея. 2-е изданіе 1860. 7) Lettres de Marie Stuart, publiées avec sommaires, traductions, notes et facsimile par A. Teulet . . . Paris. 1859. Это дополненіе къ прежде изданнымъ въ 7 томахъ документамъ о Маріи Стуартъ. 8) Tablettes gastronomiques de Saint-Pétersbourg redigées par un amateur et précédées d'une liste d'ouvrages à consulter. St. Pétersb. 1856. Seconde partie. Recueil de menus, Ibidem, 1858. 8°.

N. *Г. Геннади* въ Соврем. Лѣтописи 1867. № 3.

Лугининъ, Святославъ Θеодоровичъ, мировой посредникъ, потомъ предводитель дворянства ветлужскаго уѣзда. Ум. 1-го Апрѣля 1866 г. Онъ печаталъ статьи въ журналахъ.

N. *Вс. Баскаковъ*, въ Моск. вѣдом. № 104.

Мельницкій, Всеволодъ Петровичъ, капитанъ-лейтенантъ, ум. 16 Сент. 1866, въ Петербургѣ.

Онъ былъ до 1855 г. помощникомъ редактора и съ 1860 редакторомъ журнала: Морской Сборникъ, въ которомъ есть его статьи; онъ печаталъ также въ Современникѣ, Библіотекѣ для Чтенія и другихъ періодическихъ изданіяхъ.

1. Сравнительные обзоры иностранныхъ морскихъ законодательствъ. Французское законодательство. Спб. 1853. 2) Шхеры финскаго залива. Спб. 1854. 3) Адмиралъ П. И. Рикордъ и его современники. ч. I. Съ портретомъ. Спб. 1856 8°. (Изъ Морскаго Сборника). 8) Вечера въ каютъ-компаніи. Спб. 1856. (Въ 71-й книжкѣ Библіотеки для дачь, изд. А Смирдина). 4) Русскій коммерческій флотъ по 1-е Января 1858. Спб. 1859.

N. Книжный Вѣстникъ 1866. стр. 350.

Муравьевъ, Николай Николаевичъ, старшій братъ Михаила Николаевича, сынъ генералъ-маіора Николая Николаевича, р. 14 Іюля 1794. Находясь въ военной службѣ съ 1811, участвовалъ въ войнахъ съ французами, въ 1817 состоялъ при Ермоловѣ въ Персіи и на Кавказѣ и по его порученію предпринялъ поѣздку въ Хиву, которую описалъ въ книгѣ, переведеной на языки франц., нѣм. и англійскій. Въ 1827 онъ былъ начальникомъ штаба при фельдмаршалѣ Паскевичѣ, участвовалъ въ турецкой и польской кампаніяхъ. Въ 1833 г. онъ командовалъ экспедиціоннымъ корпусомъ, назначеннымъ для защиты Султана отъ нападенія египетскаго паши Мегметъ-Али, къ которому М. былъ посланъ уполномоченнымъ. Послѣ того онъ былъ произведенъ въ генералъ-адъютанты и назначенъ командовать 5-ю пѣхотною дивизіею. Съ 1838 до 1848 находился въ отставкѣ, съ 1848 командовалъ гренадерскимъ корпусомъ, съ 1854 кавказскою арміею, предводительствовалъ войскомъ въ дѣйствіяхъ противъ турокъ въ Малой Азіи, увѣнчавшихся взятіемъ Карса (въ ноябрѣ 1855). Послѣ похода онъ ѣздилъ за границу, а по возвращеніи назначенъ былъ предсѣдателемъ коммиссіи, учрежденной для разслѣдованія злоупотребленій, открытыхъ во время крымской войны. Скончался 23 Октября 1866.

Онъ съ молодости велъ подробныя записки, изъ которыхъ были напечатаны отрывки въ Русск. Вѣстникѣ 1860, т. 30 (о войнѣ 1855 въ Малой Азіи) и въ Русск. Архивѣ 1868, № 4 и 5 (изъ сочиненія: „Турція и Египетъ въ 1833 году").

Путешествіе въ Туркменію и Хиву въ 1819 и 1820. 2 ч. съ атласомъ, М. 1822. 4°. Voyage en Turcomanie et à Chiva fait en 1819 et 1820 par M. N. Mouraviev... Revu par M. M. J. B. Eyriès et J. Klaproth. Paris. 1823. 8°. (Перевелъ Lecointe de-Laveau). 2) Русскіе на Босфорѣ въ 1833 году. Съ рисункомъ. Изд. Чертковской библіотеки. М. 1869. 8°.

B. Unzere Zeit B. VII, 718.

Ножинъ, Николай Дмитріевичъ, сотрудникъ Книжнаго Вѣстника, ум. 23 лѣтъ, 3 Апрѣля 1866 г. (См. Кн. Вѣстникъ 1866 г. стр. 137).

Нордманъ, Александръ Давидовичъ, натуралистъ, р. 10 Мая 1803 въ Фридрихсгамѣ, ум. 13 (25) Іюня 1866 г., въ Гельсингфорсѣ. Онъ съ Дѣлингеромъ

совершилъ въ 1836 г. ботаническую поѣздку по югу Россіи и Закавказью, и собранные имъ матеріалы были обработаны Ледебуромъ (См. объ этой поѣздкѣ Bulletin de l'Academie de St. Pétersb. II, № 6 и № 20). Онъ участвовалъ въ ученой экспедиціи, снаряженной А. Н. Демидовымъ въ Южной Россіи, и изслѣдованія его вошли въ изданныя Демидовымъ описанія его путешествій. Въ послѣдствіи онъ былъ директоромъ ботаническаго сада въ Одессѣ и профессоромъ Ришельевскаго лицея, потомъ профессоромъ зоологіи и ботаники и директоромъ ботаническаго сада въ Гельсингфорсѣ. Въ послѣдніе годы онъ ревностно занимался палеонтологіею Россіи. Кромѣ статей въ изданіяхъ академіи наукъ и моск. общества испытателей природы, мнѣ извѣстны его брошюры:

1) Описаніе одесскаго сада съ замѣчаніями о растительности и климатѣ окрестностей города Одессы, безъ года. 8°. (См. Каталогъ Вольно-эк. общества 1865, ст. 119). 2) Symbolae ad monographiam Staphilinorum. Spb. 1836. 3) Christian Steven, der Nestor der Botaniker. (Біографія умершаго въ 1863 году Стевена).

N. Мѣсяцословъ 1867. Прилож. стр. 100.

Перевлѣсскій, Петръ Мироновичъ, профессоръ русской словесности въ александровскомъ лицеѣ. Ум. 3 Сент., 1866 г.

Сынъ дьякона рязанской губерніи села Перевлѣса, отъ котораго получилъ фамилію, воспитанникъ рязанской семинаріи и моск. университета, въ 1839 г. былъ опредѣленъ учителемъ русскаго языка въ рязанскую гимназію, съ 1843 по 1852 служилъ въ Москвѣ, потомъ преподавателемъ въ лицеѣ.

1) Практическая ороографія, съ предварительными къ ней замѣчаніями. М. 1842. 8°. 2) Практическій синтаксисъ сложнаго предложенія и стихосложеніе. М. 1842. 12°. 3) Избранныя сочиненія Ломоносова. М. 1846. 16°. 4) Начертаніе русскаго синтаксиса. М. 1847. 8° и 2-е изд. попр. и доп. 1848. 12° 5) Избранныя сочиненія Тредьяковскаго. М. 1849. 12°. 6) Избранныя сочиненія Кантемира. М. 1849. 7) Грамматика старо-славянскаго языка. Спб. 1852. 8°. 2-е изд. исправл. 1856. 12°. 3-е 1862. 7) Практическая русская грамматика, 4 ч. 1. Введеніе и начала грамматики. 2-е Начертаніе этимологіи. 3-е Начертаніе синтаксиса. 4-е Ороографія. Спб. 1854—1855. 12°. 2-е изд. 1861. 9) Памятники старо-славянскаго языка. Изд. для лицея. Спб. 1854. 12°. 10) Русское стихосложеніе. Изд. 3-е, 1853. 12°. 11) Избранныя сочиненія Фонъ-Визина. Спб. 1858. 12) Стихотворенія Н. Языкова. 2. ч. Спб. 1858. Съ портретомъ и статьею о немъ. 13) Предметные уроки по мысли Песталоцци. Руководство для занятій въ школѣ и дома съ дѣтьми отъ 7 до 10 лѣтъ. Спб. 1862. 14) Наука грамотѣ съ изборникомъ для послѣдовательнаго письма съ голосу. Спб. 1865. 16°.

N. Голосъ 1866, № 301 (*В. Классовскаго*). Спб. вѣдом. 1867, № 28 Рѣчь (*М. Богоявленскаго*).

Рейнъ, Гавріилъ уроженецъ г. Выборга, докторъ философіи и доцентъ абовскаго унив-та, потомъ профессоръ исторіи и статистики въ александровскомъ унив-тѣ, извѣстенъ своими учеными трудами по исторіи и статистикѣ Финляндіи, указанными здѣсь по каталогу имп. публ. библіотеки. Ум. на 67 году въ 1866 г. въ Гельсингфорсѣ. (Мѣсяцословъ 1868, стр. 299).

I. Diss. Periculum historicum de Curonibus saeculis XII et XIII Fenniam infestantibus. Helsingforsiae. 1824. 4°. Specimen historicum de vetero Carelia. Lect, I, part. I—IV, Aboae, 1825—1830. 4°. 3) De gente Lumorum in annalibus Russicis commemorata. Aboae, 1827. 4°. 4) De rerum Fennicarum scriptoribus ante conditam Academiam Aboënsem partis I—IV. Aboë, 1828. 4°. 5) Doctrinae grammaticorum de declinationibus Fennicis brevis expositio. Helsingfors. 1829. 4°. 6) Finlands Forntid. 1 Haftet et 1 Afd, af. II Haft, Helsingf. 1831. 2 v. 8°.

7) De loco quo arma Tavastis illaturus appelerit Birgerus. Helsingf. 1833. 8⁰. 8) Rein et H. A. Mechelin: Disquisitio chronologica annum quo verbum crucis contra Carelios praedicari jusserit ecclesiae catholicae pontifex expositura. Helsingf. 1835. 4⁰. 9) Kaiserdömet Rysslands Statistik i Samma drag. Helsingf. 1838. 8⁰. Idem, andra ceppla gan. ibid., 1845. 12⁰. 10) Statistiche Darstellung des Gross-Fürstenthums Finland. Helsingf. 1839. 8⁰. Статистич. очеркъ Великаго Княжества Финляндіи. Перев. съ нѣм. *Соловьева*. Гельсингфорсъ 1840. 8⁰. Storfürslend Finlands Statistik öfversättn. Stockh. 1842. 8⁰. 11) Biscop Thomas och Finland... Helsingf. 1839. 8⁰. 12) De antiquis Fenniae incolis aphorismi nonnulli. Helsingf. 1840. 4⁰. 13) De historia Fenniae per aetates distribuenda aphorismi. Helsingfors 1840. 4⁰. 14) Statistik teckning af Stor fürstend Finland. Helsingf. 1843. 8⁰ и 1853. 15) Sententiarum circa Mythologiam Fennicam decas. Helsingf. 1844. 8⁰. 16) De sacerdotibus ethnicis veterum Fennorum quaestiones. Helsingf. 1844. 8⁰. 17) De statu Fenniae regnante Carolo XII. Helsingf. 1850. 4⁰. 18) Om finska Folkens fordna hedniska dopoch dopnama. Helsingf. 1853. 8⁰. 1)

Recke u. *Napiersky*, Lexicon. III, 503 u Nachtrag. II, 140.

Розенбергеръ, Карлъ Оттовичъ, д. с. с. генералъ-штабъ докторъ флота род. въ Дерптѣ 24 Дек. 1806, учился въ тамошней гимназіи и унив-тѣ, въ 1828 получилъ степень доктора медицины (diss. de febri puerperali) и поступилъ 1-го Апр. 1829 на службу врачемъ во флотѣ, въ 1836 оставилъ морскую службу и путешествовалъ по Европѣ. Въ послѣдствіи онъ былъ инспекторомъ казенной аптеки въ Оренбургѣ, съ 1843 главнымъ докторомъ женской больницы въ Петербургѣ, въ 1844 причисленъ къ медицинскому департаменту, въ 1845 опредѣленъ консультантомъ больницы чернорабочихъ и членомъ врачебно-полицейскаго комитета. Онъ въ теченіи 9 лѣтъ завѣдывалъ женской больницею въ Измайловскомъ полку, имъ устроенною. Въ 1851 по порученію правительства онъ ѣздилъ въ Парижъ на конференцію для составленія новыхъ карантинныхъ правилъ для гаваней средиземнаго моря. Въ 1853 его назначили директоромъ тюремнаго комитета, и въ 1857 его избрали членомъ медико-филантропическаго общества. Послѣ крымской кампаніи ему порученъ былъ надзоръ за очисткою во время войны зараженныхъ мѣстностей, а по возвращеніи его въ Петербургъ онъ былъ назначенъ директоромъ мед. деп-та. Съ 1849 по 1856 онъ былъ секретаремъ, а въ послѣдствіи предсѣдателемъ спб. нѣмецкаго собранія врачей, а съ 1865 предсѣдателемъ холернаго комитета. Онъ принималъ участіе въ санитарной коммиссіи думы и былъ назначенъ попочителемъ калинкинской больницы. Ум. 17 Дек. 1866. (Илл. Газета 1867, № 11, стр. 173).

Кромѣ упомянутой его диссертаціи, въ Словарѣ Реке и Напіерскаго указана другая: De eclamsia parturientium, Dorpati, 1829. 8⁰ и брошюра: Можно ли въ настоящее время упразднить карантины? Разборъ англійскаго сочиненія: General Board of health, Report on quarantine. London, 1849. Спб. 1851. 8⁰ 64 стр. Его статьи въ Medic. Zeitung Russlands, 1845, стр. 62; 1848, № 1 и 2; 1858, № 12—18 (Отчетъ о санитарныхъ мѣрахъ, принятыхъ имъ въ Крыму).

N. Spb. Medic. Zeitschrift 1867, № 10 и 11, статья д-ра *Майделя* и отсюда на русскомъ въ Архивѣ Суд. Медиц. 1867, № 1, Мартъ, извѣстія, стр. 41—48. *Recke* u. *Napiersky* Lexicon III, 559 и Nachtrag II, 151.

Серебрянниковъ, Семенъ Алексѣевичъ, ярославскій купецъ, собиратель древностей, занимавшійся исторіею ярославской губерніи, сотрудникъ Яросл. Губ. Вѣдомостей, издатель (съ Тихомировымъ) Ярославскаго Литтературнаго Сборника (2 книжки, Ярославль, 1849 и 1850), въ которомъ находятся и его статьи.

Серно-Соловьевичъ, Н. петербургскій книгопродавецъ и писатель, ум. въ Февралѣ 1866. (См. Книжный Вѣстникъ 1866, № 4, стр. 238).

Скачковъ, Александръ Андреяновичъ, преподаватель гражд. права и коммерч. наукъ въ спб. коммерч. училищѣ, членъ вольнаго экономическаго общества, писавшій въ разныхъ журналахъ, особенно въ Биржевыхъ Вѣдомостяхъ. Ум. въ Вестфаленѣ въ 1866. (Книжный Вѣстникъ 1867, стр. 72).

Словцова, Екатерина Александровна, помѣщавшая въ Русскомъ Вѣстникѣ повѣсти подъ псевдонимомъ *Камской*, (Любовь и Дружба, 1859, кн. 22 и Моя Судьба, 1863, кн. 47 и 48).

Живя въ Перми, въ удаленіи отъ общества, изучая современные вопросы науки и литературы, она такъ усидчиво и настойчиво занималась своимъ образованіемъ и сочиненіями, что погубила свое здоровье и умерла отъ чахотки въ Ревелѣ 25 Августа 1866 г. 28 лѣтъ.

N. *Ѳ. Л—нова*, въ Голосѣ 1866, № 298.

Смирновъ, Димитрій Александровичъ, сконч. 29 Янв. 1866, на 48 году.

Онъ написалъ нѣсколько повѣстей и разсказовъ изъ народнаго быта въ Русской Бесѣдѣ, отрывки изъ записокъ мироваго посредника въ Эпохѣ. Какъ родственникъ Грибоѣдова, онъ занялся его біографіею и старательно собиралъ матеріалы о немъ, изъ которыхъ напечатаны двѣ статьи въ Русскомъ Словѣ 1859, № 4 и 5. (Черновыя тетради Грибоѣдова) и въ Бесѣдахъ Любит. р. слов., кн. II (М. 1868) отрывокъ біографіи.

N. Мѣсяцословъ 1867. Прилож. стр. 101.

Солнцевъ, Гавріилъ Ильичъ, (р. 1785, ум. 1 Дек. 1866 въ Казани). Сынъ священника села Радогощи, дмитровскаго у., учился въ сѣвской семинаріи, служилъ въ Орлѣ, потомъ въ Москвѣ, гдѣ слушалъ лекціи въ университетѣ. Выйдя въ отставку и поселившись въ Казани, онъ занялся изученіемъ языковъ и юридич. наукъ, получилъ въ тамошнемъ университетѣ степень доктора правъ (1814) и назначенъ былъ экстр. (1815) и потомъ (1817) ордин. профессоромъ „правъ знатнѣйшихъ народовъ", былъ ректоромъ (1819). Онъ былъ удаленъ изъ унив-та Магницкимъ и съ 1824 г. служилъ казанскимъ прокуроромъ.

1) Важнѣйшія истины для прекраснаго пола, Казань. 1813. 8°. 2) Естественное право *I. Финке*. Съ нѣмецкаго, Казань. 1816. 8°. 3) Приданое моей дочери или уроки для благор. дѣвицъ, *Гейденрейха* (изъ соч. *де-Ламберта*). Съ нѣм. Казань. 1838. 8°.

Исторія русск. философіи архим. *Гавріила*. (Казань, 1840), стр. 98.—N. Моск. вѣдом. № 278, гдѣ сказано, что онъ умеръ 97 лѣтъ и что профессоръ Бутлеровъ произнесъ надгробную о немъ рѣчь. Дополненія въ Соврем. Лѣтописи 1867, № 3.—Книжный Вѣстникъ 1867, стр. 96.

Тарновскій, Василій Васильевичъ, кандидатъ нѣжинскаго лицея (1826), учитель исторіи въ житомирской гимназіи, членъ коммиссіи, учрежденной при университетѣ св. Владиміра для описанія губерній кіевскаго учебнаго округа, въ Трудахъ коей онъ помѣстилъ статью „О дѣлимости семействъ въ Малороссіи" (ч. II, 1853) и программу для описанія имѣній въ хозяйственномъ отношеніи (сост. съ Ходецкимъ т. III, 1855). Онъ участвовалъ въ редакціонныхъ коммиссіяхъ Положенія въ качествѣ эксперта, какъ черниговскій помѣщикъ. Сконч. въ 1866 г.

Лицей князя Безбородко (Спб 1859), стр. 206.

Тихомировъ-Платоновъ, Сергѣй Іоанновичъ, студентъ богословія и информаторъ франц. языка въ моск. духовной академіи въ 1813 г., въ послѣдствіи протоіерей троицкой церкви на Арбатѣ въ Москвѣ, ум. 16 Февраля 1866. (Моск. Вѣдом. № 37).

С. Смирнова: Ист. Моск. академіи, стр. 372.

Фатѣевъ, Андрей Михайловичъ, служившій въ военной службѣ, потомъ въ московскомъ почтамтѣ, ум. въ Москвѣ 2 Янв. 1866.

Онъ помѣстилъ нѣсколько живо написанныхъ и занимательныхъ военныхъ разсказовъ въ Русск. Вѣстникѣ: Сдача оружія Гёрги, Разсказы о венгерской кампаніи и нѣсколько повѣстей (Русск.

Бесѣда 1859, № 4 и 1860, № 21 и День 1864, № 24—29).

N. Соврем. Лѣтопись 1866, № 6.

Фешухановъ, Хуссейнъ Мулла, лекторъ татарскаго языка спб. унив-та, ум. 28 Августа 1866 въ симбирской губерніи. (Спб. Вѣдом. 1866, № 256).

Филаретъ (Димитрій Григорьевичъ Гумилевскій) сынъ священника шацкаго у., воспитанникъ тамбовской семинаріи и моск. дух. академіи (1830), докторъ богословія, съ 1835 по 1840 ректоръ моск. академіи и профессоръ богословскихъ наукъ, потомъ епископъ рижскій и ревельскій и викарій псковскій, съ 1848 — харьковскій, а съ 1859 архіепископъ черниговскій и нѣжинскій. Ум. 9 Авг. 1866 въ городѣ Конотопѣ

Ученый богословъ, историкъ русской церкви и археологъ, дополнившій трудъ митр. Евгенія о русскихъ духовныхъ писателяхъ, поч. членъ академіи наукъ, трудолюбивый и плодовитый писатель, онъ, какъ архіепископъ харьковскій и черниговскій, оказалъ значительныя услуги устройствомъ школъ своей епархіи, о чемъ есть печ. извѣстія въ Черниг. Епарх. Извѣстіяхъ 1861, 1862 и проч. Это изданіе онъ началъ и поддерживалъ.

Множество его статей находится въ Москвитянинѣ (1842 г. кн XI, о Максимѣ Грекѣ и пр.), въ Чтеніяхъ и Временникѣ моск. общ. ист. и др., коего онъ былъ членомъ, въ Воскресномъ Чтеніи (слова), въ Христ. Чтеніи, въ Извѣстіяхъ и Ученыхъ Запискахъ академіи, въ Трудахъ Кіев. дух. академіи и особенно много въ Черниг. Епарх. Извѣстіяхъ съ 1861 г. Статьи его указаны въ статьѣ о немъ *С. Пономарева*. Здѣсь исчислимъ только отдѣльно изданныя.

1) Изысканіе о русск. проповѣдникѣ XII в. владимірскомъ епископѣ Серапіонѣ и слова его, М. 1843 г. (Прибавл. къ Твореніямъ Св. Отцевъ).

2) Кириллъ и Меѳодій, славянскіе просвѣтители. 1847. (Чтенія кн. IV и V); тоже въ Кирилло-меѳодіевскомъ Сборникѣ. М. 1865.

3) Богослуженіе русской церкви до монгольскаго времени. М. 1847. (Чтенія, кн. VII).

4) Исторія Русской церкви. Періодъ I (отъ начала христіанства въ Россіи до нашествія Монголовъ, М. 1848; Харьковъ, 1849; М. 1857 и М. 1859. 8°; II періодъ монгольскій, М. 1848 и 1852; III періодъ до учрежд. патріаршества, М. 1847 и 1851. IV періодъ патріаршества. Рига 1847 и Харьковъ 1853. V п. синодальный, М. 1838 и 1859. Первые четыре періода вышли третьимъ изданіемъ въ М. 1857 и всѣ пять четвертымъ изданіемъ, Черниговъ, 1862—1863, въ 2-хъ томахъ.

5) Блаженнаго Іоанна Мосха Лугъ Духовный, въ переводѣ съ греч. М. 1848 и 1853.

6) Черніевъ николаевъ монастырь. Харьковъ, 1849. 2 ч.

7) Слова и бесѣды, говоренныя въ Ригѣ, М. 1850.

8) Историко-статистическое описаніе харьковской епархіи (2 ч.). 1-е Краткій обзоръ епархіи и подробное разсмотрѣніе монастырей, М. 1852 и Харьковъ 1859; 2-е отд. М. 1856; 3-е отд. М. 1865; 4-е отд. Харьковъ, 1857 и 5-е Харьковъ, 1858.

9) Житіе преп. отца нашего игумена печерскаго Ѳеодосія (✝ 3 мая 1074), описанное преп. Несторомъ, въ переводѣ на соврем. русскій языкъ. Спб. 1856. (Ученыя Записки 2-го отд. академіи, кн. 2).

10) Слово противъ вражды, пристрастной къ доносамъ М. 1856 и 2-е изд. съ переводомъ малорусскимъ, Черниговъ, 1859.

11) Черноморская николаевская обитель при лебяжьемъ лиманѣ. Харьковъ. 1856. 16°.

12) Обзоръ русской духовной литературы съ 862 по 1720. Спб. 1857. (Изъ Уч. Записокъ т. III); 2-е изд. Харьковъ, 1859. Дополненія его же въ Черниговскихъ Епарх. Извѣстіяхъ, 1863, № 16—21 и 1864, № 1—24.

13) Бесѣды о страданіяхъ Господа

нашего Іисуса Христа. 2 ч. М. 1857 и 1859 (съ портретомъ автора) 8⁰.

14) Гласъ Божій къ грѣшнику. Поученіе. Чугуевъ, 1857. Изданіе 3-е, Черниговъ, 1860.

15) Изслѣдованіе о смерти царевича Димитрія. М. 1858. 8⁰. (Изъ Чтеній, кн. I).

16) Слова и бесѣды. 3 ч. Спб. 1859 (съ портретомъ). 2-е изд. 4 ч. Черниговъ, 1863.

17) Историческое ученіе объ отцахъ церкви. 3 ч. Спб. 1859.

18) Исторія Русской церкви. Спб. 1860. (Сокращеніе).

19) Историческій обзоръ пѣснопѣвцевъ и пѣснопѣній Греческой церкви, съ примѣчаніями и снимкомъ древнихъ нотныхъ знаковъ. Спб. 1860 и Черниговъ 1864.

20) Обзоръ русской духовной литературы 1720—1858 (умершихъ писателей). Спб. 1861. 2-е изд. дополн. Черниговъ. 1863. 8⁰. Дополненія *С. Пономарева*, въ Дух. Вѣстникѣ 1862, № 8—12 и самаго автора въ Черниг. Епарх. Извѣстіяхъ 1865, № 3—19 и 1866, № 2—8.

21) Общій обзоръ епархіи черниговской. Ч. 1861. 8⁰.

22) Каѳедральные черниговскіе монастыри: Ильинскій (Троицкій), Елецкій и Борисоглѣбскій. Ч. 1861. 8⁰.

23) Русскіе святые, чтимые всею церковію или мѣстно. Опытъ описанія жизни ихъ. 9 книжекъ (мѣсяцевъ). Ч. 1861—1865; отд. III, 2-е изд. Ч. 1865.

24) Письма преосв. Лазаря, архіеп. Черниговскаго и Новгородсѣверскаго. 1865 (Изъ Черниг. Епарх Извѣстій).

25) Когда должно начинать воспитаніе человѣка въ вѣрѣ? Ч. 1861. (Изъ Черниг. Епарх. Изв. 1861. № 1).

26) Опытъ объясненія на посланія Апостола Павла къ Галатамъ. Ч. 1862.

27) Козелецкій георгіевскій третьеклассный муж. монастырь. Ч. 1862.

28) Гамалѣевскій харлампіевъ женскій монастырь. Ч. 1862. (Изъ Епарх. Извѣстій).

29) Описаніе каменскаго успенскаго женскаго монастыря. Ч. 1863. (Изъ Епарх. Изв.).

30) Православное догматическое богословіе. 2 ч. Ч. 1864 и 1866.

31) Историческое ученіе объ отцахъ церкви. Ч. 1864. (Сокращеніе).

N. Спб. Вѣд. 1866, № 227.—N. *А. Страдомскаго* въ Соврем. Лѣтописи 1866, № 33.—Вѣсть 1866, № 68.—Голосъ, № 228.—Душепол. Чтеніе, № 9.—Извѣстіе о кончинѣ въ Полт. Епарх. Вѣдом. № 16.—Черниг. Епарх. Извѣстія 1866, № 17 и 21.—Память Филарета, Дух. Вѣстникъ 1866, № 9.—Статья *І. Шероцкаго* въ Дух. Вѣстникѣ 1866, №. 12.—День 1863 № 13 и 18.—Статья о его трудахъ, какъ настыря и ученаго, со спискомъ его сочиненій *С. Пономарева* въ Полт. Епарх. Вѣдом. 1866, № 18 и 19. Есть оттиски.

Хотинскій, Матвѣй Семеновичъ, воспитанникъ спб. университета, въ которомъ кончилъ курсъ въ 1829 г.

Онъ занимался естественными науками и напечаталъ множество статей въ петербургскихъ періодическихъ изданіяхъ, между прочимъ въ Журналѣ мин. н. пр. объ открытіяхъ по астрономіи, химіи; рецензіи въ Современникѣ (между прочимъ обширная статья о волшебствѣ и натуральной магіи, т. 19, 20, 23, 27 и 30), въ Сынѣ Отечества и другихъ. Изданныя имъ книги укажемъ по каталогамъ.

1) Руководство къ химическому испытанію неорганическихъ тѣлъ противудѣйствующими веществами или объ употребленіи реактивовъ въ минералогическомъ отношеніи. Спб. 1831. 8⁰. 2) Астрономія, для всѣхъ образованныхъ читателей изложенная. 4 ч. Спб. 1849—1851. Съ 2 картами. 3) Звѣздное небо. Очеркъ знаній о распредѣленіи звѣздъ въ пространствѣ и ихъ взаимныхъ разстояніяхъ. Извлечено изъ соч. Струве, Гершеля, Аргеландера, Петерса и другихъ. Съ лит. картами. Спб. 1849. Карты звѣзднаго неба, съ объясненіями созвѣздій и примѣчательнѣйшихъ звѣздъ. 1849. (Было въ Журналѣ мин. н. пр. т. LXI). 4) Чародѣйство и таинственныя явленія въ новѣйшее время. Спб. 1850. 5) Природа съ ея таинствами и

богатствами. Отд 2-е физическое земледѣденіе или физика земнаго шара. 3 т. Спб. 1852. 6) Указатель открытій и наблюденій по физическимъ и естественнымъ наукамъ за 1850—1855 г. Спб. 1851—1856. 8°. 7) Исторія паровыхъ машинъ, пароходовъ и паровозовъ, общепонятно изложенная. Спб. 1853, съ 42 политипажами и Спб. 1861. 8) Пища и одежда человѣка, или чѣмъ человѣкъ питается и чѣмъ одѣвается. Спб. 1853. 9) Новая многообѣщающая отрасль отечественной промышленности. Спб. 1857. 16°. (Изъ Спб. Вѣдом.) 10) Громъ и молнія. Записки *Ф. Араго.* Спб. 1859. 11) Общепонятная астрономія *Ф. Араго.* 4 ч. съ 360 чертежами и рис. Спб. 1861. 12) Изложеніе системы міра, *Лапласа.* 2 тома. Спб. 1861. 13) Разсказы о темныхъ предметахъ, о волшебствѣ, натуральной магіи, обманахъ чувствъ, суевѣріяхъ, фокусничествѣ, колдунахъ, вѣдьмахъ и т. п. съ рисунк. Спб. 1861. 8°. (Изъ Сына Отечества). 14) Историческая записка о паровыхъ машинахъ *Ф. Араго.* Перев. Спб. 1861. 16) Избранныя статьи изъ записокъ *Ф. Араго* о научныхъ предметахъ. Перев. съ дополненіями. Спб. 1866. 8°.

Храпиловъ, Иванъ Ивановичъ, ростовскій купецъ, любитель древностей, ревностно занимавшійся возобновленіемъ ростовскаго кремля. Онъ напечаталъ брошюру о ростовскомъ уѣздѣ и нѣсколько статей въ Яросл. Губ. Вѣд.

Ѳедченко, Григорій Павловичъ, натуралистъ, ум. 7 Іюня 1866 г. 29 лѣтъ. Какъ кандидатъ московскаго университета, избравшій своею спеціальностью технологію, которую преподавалъ въ ремесленномъ заведеніи въ Москвѣ, онъ былъ назначенъ университетомъ къ отправленію за границу, для приготовленія себя къ каѳедрѣ технологіи. Передъ смертію онъ началъ печатаніе обширнаго труда: О самосадочной соли и соляныхъ озерахъ южной Россіи, назначеннаго для III тома Извѣстій общества любителей естествознанія при моск. университетѣ. Нѣсколько статей его помѣщено въ Моск. Вѣдомостяхъ.

N. *П. Пановскаго,* въ Моск. Вѣд. 1866, № 119.

ГРАФЪ АЛЕКСѢЙ АЛЕКСѢЕВИЧЪ БОБРИНСКІЙ.

I.

Пріятели графа А. А. Бобринскаго— а ихъ много — были на-дняхъ неожиданно поражены извѣстіемъ о скоропостижной кончинѣ его, послѣдовавшей въ Смѣлѣ, помѣстьи, ему принадлежавшемъ, въ Кіевской губерніи. Электрическая сила телеграфа, такъ же внезапная и быстрая, какъ и самая смерть, не даетъ времени ни приготовиться къ удару, ни опомниться. Разомъ ошеломитъ она мысль и сердце: и тутъ же страшно замолкнетъ. Сердце ожидало бы и требовало бы дальнѣйшихъ подробностей и объясненій—конечно, не къ утѣшенію своему, но къ полному сознанію своей скорби и своего несчастія. Напрасно! Суровый лаконизмъ телеграфа остается безжалостенъ.

Въ кончинѣ графа мы всѣ понесли сердечную и незабвенную утрату. Онъ былъ одна изъ благороднѣйшихъ и въ высшей степени сочувственныхъ личностей нашего времени. О скорби семейства его и говорить нечего. Онъ былъ связью и душою его. Онъ былъ не столько старшимъ и высшимъ звѣномъ въ семейномъ кругу своемъ, сколько свѣтлымъ средоточіемъ, къ которому стекались, къ которому свободно, дружно и крѣпко примыкали всѣ живыя, всѣ нравственныя силы, всѣ чувства, вся любовь этого семейнаго круга. Въ сыновнемъ почтеніи,

въ сознательной уступчивости, въ нѣжныхъ заботахъ, которыми былъ онъ окруженъ, было что-то и дружеское и братское. Онъ казался старшимъ братомъ сыновей своихъ. Онъ съ ними молодѣлъ, они съ нимъ созрѣвали и мужали. Можетъ быть, не безъ основанія нѣкоторые замѣчаютъ какое-то ослабленіе семейныхъ узъ, которыя встарину были туго стянуты. Въ этомъ свободномъ и домашнемъ равновѣсіи, на которое мы указываемъ, не должно искать ни обезсиленія этихъ узъ, ни дѣла случая. Здѣсь заключались нача́ла болѣе нравственныя и назидательныя. Кромѣ природныхъ сочувствій здѣсь ясно были видны слѣды и плоды воспитанія. Подобныя семейныя отношенія, разумѣется, приносятъ большую честь дѣтямъ; но, скажемъ искренно, приносятъ еще болѣе чести родителямъ, которые умѣли (здѣсь идетъ рѣчь *о сердечномъ умѣньи*) зародить въ сердцахъ дѣтей своихъ эти отношенія, ихъ развить, ихъ, такъ сказать, застраховать отъ всѣхъ случайностей и превратностей жизни. Нельзя также не согласиться, что нынѣ часто и во многомъ замѣчается, можно сказать, вопіющій разладъ между поколѣніями: онѣ, словно, разбиты на два воинственные стана. И если не всегда доходитъ до битвы, то надъ каждымъ изъ этихъ становъ развѣвается враждебное знамя. Въ виду этой печальной междоусобицы, нельзя было намъ не остановиться и не отдохнуть мыслію и чувствомъ на картинѣ, которую представляло намъ семейство графа Бобринскаго. Здѣсь отрадно проявляется примиреніе между минувшимъ, еще не отрѣшившимся отъ настоящаго, и будущимъ, которое уже созрѣваетъ въ настоящемъ, но не отворачивается отъ опытности и отъ безпристрастныхъ, строгихъ, но кроткихъ, назиданій ея.

Намъ не достаетъ здѣсь ни времени, ни положительныхъ данныхъ для составленія полнаго біографическаго очерка. Ограничимся на сей разъ нѣкоторыми бѣглыми воспоминаніями и впечатлѣніями, глубоко запавшими въ сердце наше отъ долголѣтней пріязни.

Впрочемъ, и сама жизнь графа Бобринскаго, можетъ быть, не обильна событіями. Можетъ быть, нѣтъ въ ней достаточно тѣхъ драматическихъ движеній, которыя нужны для разнообразія и занимательности біографическаго изображенія. Обстоятельства были вообще благопріятны ему, но не выдвинули они его на особенную ступень, на высоту, которая могла бы господствовать надъ окрестностью.

Онъ былъ свѣтлое, стройное изваяніе, которымъ любовались ближніе и достойные цѣнители изящнаго; оно имѣло свое опредѣленное мѣсто въ уваженіи общества; но судьба не подвела подъ это изваяніе высокаго пьедестала. При всѣхъ общественныхъ преимуществахъ, дарованныхъ ему рожденіемъ, можно сказать, что онъ положеніемъ своимъ былъ обязанъ наиболѣе себѣ самому, а не внѣшней обстановкѣ. Всѣми помышленіями и внутренними силами своими принадлежалъ онъ обществу; болѣлъ и, по возможности, радѣлъ о пользѣ общественной; принималъ живое, теплое, даже пламенное, участіе въ общественныхъ вопросахъ, стоящихъ на очереди; но онъ не имѣлъ случая руководить ими, окончательно разрѣшать ихъ своимъ непосредственнымъ вліяніемъ. Однимъ словомъ, чтобы говорить оффиціальнымъ и общепонятнымъ для всѣхъ языкомъ, онъ никогда не былъ отдѣльнымъ управляющимъ какою либо вѣтвію государственнаго устройства; но совѣщательный голосъ его былъ часто слышенъ и, вѣроятно, нерѣдко уваженъ. Хотя безъименно, но не безслѣдно прошло участіе его въ разработкѣ многихъ правительственныхъ вопросовъ.

Онъ пользовался особымъ благоволеніемъ Императора Николая I, который зналъ и достойно цѣнилъ способности его, прямодушіе и независимость мнѣній. Нынѣ царствующій Государь наслѣдовалъ отъ Родителя Своего уваженіе и сочувствіе къ характеру графа Бобринскаго. Въ прежнее царствованіе и въ настоящее, онъ часто былъ назначаемъ членомъ въ особые комитеты, имѣвшіе цѣлію разработку финансовыхъ и другихъ государственныхъ мѣръ. Здѣсь невольно рождается вопросъ: почему же, съ умственными способностями его, съ образованностью, съ усердіемъ, которыя были признаваемы Высшею Властію и государственными людьми, не пренебрегавшими его указаніями и мнѣніями, — почему не вышелъ онъ прямо въ правительственныя лица, наравнѣ съ другими, у кормила государства? Дадимъ, по разумѣнію своему, отвѣтъ откровенный. Его подозрѣвали въ нѣкоторыхъ увлеченіяхъ къ утопіи, къ идеологіи. Со времени Наполеона I слово: „идеологія" не въ чести на языкѣ оффиціальномъ. Замѣтимъ мимоходомъ, что нелюбовь Наполеона къ такъ называемымъ идеологамъ окончательно не принесла ему много пользы. Не идеологи сокрушили могущество его: сокрушили тѣ же матеріальныя силы, которыми, въ свое время, онъ сокрушалъ другихъ. Впрочемъ, нѣтъ сомнѣнія, что излишняя отвлеченность въ понятіяхъ не можетъ всегда согласоваться съ дѣйствительностью и настойчивыми ея требованіями. Практика имѣетъ свои необходимые, непреложные условія и законы.

Государственнымъ людямъ, этимъ въ высшей степени практикамъ, блюстителямъ и врачамъ государственнаго тѣла, нѣтъ часто ни времени, ни возможности предаваться теоретическимъ умозрѣніямъ. Положимъ, идеологія неумѣстна на сценѣ дѣйствующихъ лицъ; но въ партерѣ, такъ называемые идеологи могутъ имѣть свое законное мѣсто и быть очень полезны. Они возвышаютъ уровень дѣйствительности, они напоминаютъ правительственнымъ лицамъ, что внѣ текущихъ дѣлъ, и даже надъ самими текущими дѣлами, есть какая то нравственная, если не сила, то, по крайней мѣрѣ, нѣчто такое, которое не худо принимать иногда въ соображеніе. Разумѣется, говорится здѣсь объ идеологахъ благонамѣренныхъ и добросовѣстныхъ. Былъ ли бы графъ Бобринскій болѣе полезенъ прямымъ и личнымъ участіемъ своимъ въ высшей государственной дѣятельности, нежели въ своемъ, такъ сказать, стороннемъ содѣйствіи — это рѣшить трудно. Можетъ быть, Жуковскій и даже самъ Карамзинъ были бы не вполнѣ хорошими министрами, хотя бы и народнаго просвѣщенія. Всякое министерство, кромѣ высшаго значенія своего, есть еще многосложное ремесло, а ремесло не всегда дается и самымъ избраннымъ людямъ. Но не менѣе того можно быть полезнымъ дѣятелемъ по той или другой части, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, не считаться въ спискѣ высшихъ чиновниковъ того или другаго вѣдомства. Въ кругу и въ размѣрѣ своего призванія, и графъ Бобринскій можетъ тому служить примѣромъ.

Графъ Канкринъ очень уважалъ графа Бобринскаго, служившаго въ министерствѣ финансовъ, хотя и расходился съ нимъ во многихъ мнѣніяхъ. Но къ чести того и другаго, начальникъ не требовалъ безусловнаго подчиненія мыслямъ своимъ, разумѣется, не по исполнительной части, но только въ свободномъ обмѣнѣ мыслей; а подчиненный не уступалъ начальнику своихъ убѣжденій. Впрочемъ графъ Бобринскій, должно сознаться, былъ человѣкомъ увлеченій, но всегда благородныхъ и чистыхъ. Любознательная натура его безпрестанно требовала себѣ пищи: онъ искалъ ее вездѣ. Вся-

кая новая мысль, открытіе, новое ученіе—политическое ли, финансовое, соціальное, гигіеническое—возбуждали въ немъ тоску и лихорадочную дѣятельность любопытства. Ему непремѣнно нужно было вкусить отъ всякаго свѣжаго плода. Онъ съ ревностью, съ горячностью кидался въ новую, незнакомую область, старался изслѣдовать ее, проникнуть въ ея таинства. Ему недостаточно было бы, подобно Колумбу, открыть одну Америку; онъ хотѣлъ бы открыть ихъ нѣсколько. И тутъ, если было бы время впереди, онъ еще не остановился бы, а стремился бы все далѣе. Съ ревностью новообращеннаго, новопосвященнаго въ эти таинства, онъ дѣлался на время ихъ сторонникомъ и провозглашателемъ. Въ немъ былъ избытокъ любознательности, пытливости и дѣятельности. Но чистая душа его, благородство чувствованій и правилъ охраняли его всегда отъ ученій вредныхъ, или отъ крайностей и злоупотребленій всякой теоріи. Добросовѣстность и праводушіе отрезвляли пылъ его умозрительныхъ ненасытностей. Не говорю уже о жадности, съ которой онъ кидался на вопросы, имѣющіе болѣе или менѣе ученую и общечеловѣческую приманку: онъ покушался часто на извѣданіе и такихъ вопросовъ, которыхъ важность могла казаться сомнительною. Напримѣръ, въ отношеніи къ гигіенѣ, онъ испыталъ на себѣ не знаю, сколько терапевтическихъ ученій по мѣрѣ того, какъ они начинали дѣлаться извѣстными. А между тѣмъ, онъ не былъ ни болѣзненнаго сложенія, ни мнительный больной. Одна любознательность и вѣра въ преуспѣяніе и завоеванія науки дѣлали изъ него добровольнаго и вѣрующаго паціента. Въ Парижѣ усердно занимался онъ одно время магнетизмомъ. Точно ли вѣрилъ онъ въ истину, силу и самобытность магнетизма, или только увлекался его заманчивою таинственностью,—сказать не умѣю. Эти подробности, конечно, имѣютъ небольшое значеніе; но приводимъ ихъ, какъ воспоминанія, какъ частныя и мелкія особенности его личности; для полнаго сходства портрета не должно ничѣмъ пренебрегать; самые тонкіе и мельчайшіе оттѣнки, схваченные вѣрно, содѣйствуютъ сходству съ подлинникомъ. Съ умомъ, склоннымъ ко всему, что̀ нынѣ называется позитивизмомъ и утилитаризмомъ, съ умомъ, обращеннымъ наиболѣе къ вопросамъ дѣйствительнымъ и положительнымъ, онъ могъ имѣть и свои суевѣрія. Онъ любилъ выводить истину на свѣтъ Божій, но способенъ былъ гоняться иногда и за призраками въ обаятельномъ сумракѣ волшебнаго лѣса. Въ его богатой натурѣ было много разнокачественныхъ родниковъ. Какъ бы то ни было, запасы опытовъ или попытокъ, изученій, пріобрѣтеній, придавали разговору его обильное и увлекательное разнообразіе. Онъ бывалъ иногда парадоксаленъ; бывало видно, что онъ подъ властію новаго ученія: но такъ много было живости, теплоты искренняго увлеченія въ рѣчи его, что, и не соглашаясь съ нимъ, нельзя было слушать его безъ удовольствія и даже безъ нѣкотораго сочувствія.

Гр. Бобринскій былъ либералъ, въ лучшемъ и возвышеннѣйшемъ значеніи этого слова. Либерализмъ его былъ нечисто политическій, который можно легко позаимствовать, брать на прокатъ и усвоивать себѣ изъ памфлетовъ и газетъ. Либерализмъ его заключался въ прирожденномъ чувствѣ, во внутреннемъ, никогда неразвлекаемомъ и ничѣмъ не соблазняемомъ служеніи вѣчнымъ началамъ любви человѣческой, законности, правосудности и правомѣрія, которое не имѣетъ двухъ вѣсовъ и двухъ мѣръ, смотря по тому, какъ приходится судить—направо, или налѣво. Есть либерализмъ, свободолюбіе не чуждое, между тѣмъ, и нетерпимости: оно, и

послѣ Положенія 19-го Февраля, еще хочетъ удержать за собой помѣщичье крѣпостное право надъ чужой мыслью и надъ чужимъ мнѣніемъ. Либерализмъ гр. Бобринскаго былъ другаго свойства и совершенно враждебенъ вышеприведенному. Въ примѣненіяхъ своихъ онъ былъ шире и доброжелательнѣе. Онъ держался своихъ мыслей, старался защищать ихъ, давать имъ ходъ; но онъ никогда не налагалъ ихъ насильственно на другихъ. Въ дѣлѣ промышленности и торговли, ученикъ Канкрина, онъ былъ нѣсколько *протекціонистомъ*; но въ средѣ умственной онъ былъ чистымъ послѣдователемъ Кобдена: онъ былъ искренній сторонникъ и вѣрный приверженецъ свободнаго обмѣна мыслей. На этой свободѣ основывалъ онъ торжество истины. Споры съ нимъ могли быть живы и горячи, но никогда не доходили они до раздраженія и не зарождали злопамятства.

Онъ былъ патріотъ, также въ лучшемъ и высшемъ значеніи этого слова, всецѣло преданный отечеству. Но также и патріотизмъ его не имѣлъ узкихъ свойствъ односторонности и исключительности. Русскій душою, онъ былъ Европеецъ по образованности и сочувствіямъ своимъ. Онъ не раболѣпно предавался подчиненію французскому, нѣмецкому или англійскому; но признавалъ, что и Россія есть часть Европы, т. е. признавалъ географическую истину, часто опровергаемую нѣкоторыми изъ нашихъ новѣйшихъ публицистовъ. Онъ считалъ, что не можетъ и не должно быть систематическаго разлада и разрыва между Россіею и всѣмъ тѣмъ, что̀ есть хорошаго и поучительнаго въ Европѣ.

Благодарностью преданный Двору, среди котораго находилъ онъ всегда милостивый и ласковый пріемъ, онъ не былъ тѣмъ, что̀ обыкновенно называется царедворцемъ.

При всей мягкости и утонченной вѣжливости нрава, онъ былъ одаренъ необыкновенною силою воли. Памятниками этой силы остаются по немъ въ Россіи желѣзныя дороги и свеклосахарная промышленность. Онъ родоначальникъ первыхъ и могучій труженикъ, способникъ и распространитель послѣдней. Построенная желѣзная дорога между Петербургомъ и Павловскомъ, первый сей опытъ въ Россіи, существованіемъ своимъ обязана его иниціативѣ и, преимущественно, непреклонному упорству его. Много претерпѣлъ онъ противудѣйствія, много вынесъ бореній для достиженія цѣли своей. Къ чести его относится и то, что въ томъ и другомъ дѣлѣ онъ долженъ былъ идти наперекоръ начальнику своему, котораго онъ уважалъ и любилъ. Канкринъ, при всемъ обширномъ умѣ своемъ, худо вѣрилъ въ будущія судьбы желѣзныхъ дорогъ и свеклосахарной промышленности.

Въ доказательство того, какъ Бобринскій настойчиво и добросовѣстно преслѣдовалъ всякую цѣль, которую онъ себѣ предназначалъ, приведу слѣдующій примѣръ. Когда поступилъ онъ на службу въ Министерство Финансовъ, по кредитному отдѣленію, онъ спохватился и призналъ, что недостаточно-правильно владѣетъ русскимъ письменнымъ языкомъ. Изъ чиновника сдѣлался онъ, вмѣстѣ съ этимъ, и ученикомъ: засѣлъ за грамматику и чуть ли не затвердилъ наизустъ всю грамматику Греча, которая предъ тѣмъ только что была издана. Онъ упражнялся въ изученіи языка, подобно прилежному гимназисту, желающему перейти въ высшій классъ. Помню, какъ однажды одинъ изъ пріятелей его смѣялся надъ этимъ ученическимъ смиреніемъ, признавая его вовсе не нужнымъ. Дѣло пошло на споръ. Бобринскій предложилъ противнику биться объ закладъ, что онъ не напишетъ пяти строкъ безъ ошибокъ. Закладъ состоялся. Онъ продиктовалъ ему двѣ, или три фразы.

На повѣрку вышло, что Бобринскій выигралъ закладъ. Все это происходило съ отмѣнною важностью, не чуждою для зрителя и смѣшной стороны. Но эта черта дорисовываетъ человѣка и такъ и просится въ характеристику его.

II.

Мать графа Бобринскаго, урожденная Унгернъ-Штернбергъ, бывшая въ замужествѣ за извѣстнымъ графомъ Бобринскимъ, уединилась, послѣ кончины мужа своего, въ деревню. Тамъ провела она много годовъ, исключительно посвященныхъ благоустройству значительнаго имѣнія мужа, которое оставилъ онъ обремененнымъ долгами и въ безпорядкѣ. Заботясь объ обезпеченіи матеріальной будущей участи своихъ дѣтей, занималась она вмѣстѣ съ тѣмъ и нравственною ихъ участью, постоянными стараніями о ихъ воспитаніи и образованіи. Въ томъ и другомъ отношеніи, попеченія нѣжной матери увѣнчались успѣхомъ. Устроивъ хозяйственныя дѣла свои, переселилась она въ Петербургъ. По склонностямъ своимъ и умѣнью жить, графиня была рождена для общества. До кончины своей жила она открытымъ домомъ то въ Москвѣ, то въ Петербургѣ. „Жить открытымъ домомъ"— выраженіе, нынѣ почти непонятное. Истолкованія ему должно искать въ преданіяхъ, а преданія у насъ скоро стираются. Графиня жила жизнью общежительною, гостепріимною. Она веселилась весельемъ другихъ. Всѣ добивались знакомства съ нею, всѣ ѣздили къ ней охотно. А она принимала всѣхъ такъ радушно, — можно сказать, такъ благодарно, какъ будто мы ее одолжали, а не себя, посѣщая ея домъ. Въ обѣихъ столицахъ давала она праздники. Эти праздники были не только блистательны и роскошны, но и носили отпечатокъ вкуса и художественности. Не жалѣть денегъ на праздникъ еще ничего не значитъ. Въ званіи, въ обязанностяхъ гостепріимной хозяйки дома есть, безъ сомнѣнія, своя доля художества: тутъ надобно призваніе и умѣніе, пріобрѣтаемое опытностью. Эти свойства, эта наука мало-по-малу пропадаютъ. Кто-то замѣтилъ, что общество, что эта гостепріимная, неутральная область, которую встарину называли „салономъ", утратила нынѣ свою обаятельтельную прелесть и силу, съ тѣхъ поръ, что не стало *женщины*. Разумѣется, и теперь встрѣчаются милыя и любезныя женщины; но характеръ, но типъ женщины исчезъ. Этой властительницы, этой царицы свѣтской общежительности уже нѣтъ. Она сошла или низвергнута съ престола своего. Кстати здѣсь замѣтить, что для полнаго владычества въ этомъ салонномъ царствѣ, женщинѣ не нужно быть первой молодости, и даже не второй. Молодость живетъ болѣе для себя, молодость себялюбива. Нѣтъ, лучше, если хозяйка дома въ зрѣломъ возрастѣ, болѣе безпристрастномъ и безкорыстномъ. Можетъ она благополучно царствовать и до глубокой старости, какъ мы это видимъ изъ мемуаровъ французскаго общества послѣдней половины минувшаго столѣтія, т. е. до революціи. Гр. Бобринская имѣла много изъ тѣхъ качествъ и дарованій, которыя даютъ и освящаютъ эту власть.

Графъ А. А., рожденный и воспитанный въ этой средѣ, въ этой благорастворенной атмосферѣ, проникнулся и пропитался ею. Нельзя было найти и придумать собесѣдника, болѣе его пріятнаго, вѣжливаго, болѣе уважающаго того, съ которымъ онъ велъ бесѣду. Когда послѣ самъ зажилъ домомъ, онъ явилъ себя послѣдователемъ, достойнымъ образца своего. Домъ его привлекалъ и собиралъ въ себѣ избранное общество. Приглашалъ ли онъ гостей на свои обѣды или вечера, онъ умѣлъ подбирать, т. е. сортировать гостей своихъ, не столько

по чинамъ, сколько по внутреннему ихъ сходству и сочувствію. Онъ принималъ участіе въ разговорѣ, но не присвоивалъ себѣ въ немъ львиной части и монополіи. Онъ не подчинялъ разговора своему лозунгу, не настраивалъ его подъ свой собственный камертонъ. Каждый держался своего: и эта разноголосица имѣла свою прелесть и окончательно свою гармонію. Князь Козловскій, умный и свѣтскій человѣкъ по превосходству, говорилъ, что умѣнье слушать есть одно изъ первыхъ отличій благовоспитаннаго человѣка. Въ самомъ пылу разговора и сшибки противорѣчащихъ мнѣній, Бобринскій отличался этимъ умѣньемъ.

Въ отношеніи общежительно-хозяйственной науки дѣйствовалъ онъ не одинъ. У него была помощница, его достойная. Графиня Софія Александровна Бобринская, урожденная гр. Самойлова, была женщина рѣдкой любезности, спокойной, но неотразимой очаровательности. Есть женскія прелести, такъ-сказать, завоевательныя и побѣдоносныя. Передъ ними и къ ногамъ ихъ кладемъ оружіе съ какимъ-то самолюбіемъ и самодовольствіемъ. Намъ лестно, мы почти гордимся тѣмъ, что удостоились побѣжденія. Есть другія женщины, которыхъ прелесть и власть, такъ-сказать, притягательны. Онѣ не завоевываютъ, не ищутъ побѣды: а просто, невольно, нечувствительно, какъ будто безсознательно, поддаешься ихъ власти. Если позволительно заимствовать такое уподобленіе, то мы сказали бы, что есть женщины, которыя, *„какъ лиліи, не трудятся, не прядутъ“*, но просто красуются и благоухаютъ. Этой прелестью въ высшей степени обладала гр. Бобринская. Ей равно покорялись мужчины и женщины. Она была кроткой, миловидной, плѣнительной наружности. Въ глазахъ и улыбкѣ ея были чувство, мысль и доброжелательная привѣтливость. Ясный, свѣжій, совершенно-женственный умъ ея былъ развитъ и освѣщенъ необыкновенною образованностью. Европейскія литературы были ей знакомы, не исключая и русской. Жуковскій, встрѣтившій ее еще у Двора Императрицы Маріи Ѳеодоровны, при которой была она фрейленой, узналъ ее, оцѣнилъ, воспѣвалъ и остался съ нею навсегда въ самыхъ дружескихъ сношеніяхъ.

Императрица Александра Ѳеодоровна угадала ее по сочувствію и сблизилась съ нею. Этому и слѣдовало быть. Въ ней также таилась не многимъ замѣтная поэтическая струя (здѣсь подъ именемъ поэзіи разумѣемъ все свѣтлое, все возвышенное и чистое, присущее душѣ человѣческой и въ особенности женской). Императрица часто съ нею видалась и вела постоянную переписку. Сколько въ этихъ письмахъ должно таиться драгоцѣнныхъ царскихъ жемчужинъ и чисто человѣческихъ сокровищъ! Какъ не пожалѣть, что подобныя драгоцѣнности остаются подъ спудомъ! Сколько неизвѣстныхъ намъ подземныхъ родниковъ ожидаютъ еще воздуха и свѣта! Часто при жизни знаемъ мы людей по одной ихъ внѣшности и обстановкѣ; по этимъ наружнымъ знакамъ и судимъ о нихъ. Мы знаемъ и видимъ только то, что̀ лицомъ къ лицу обращено къ обществу. Бываетъ — хотя и рѣдко—что, вопреки извѣстной поговоркѣ, обратная сторона медали еще прекраснѣе и драгоцѣннѣе лицевой стороны. Не всѣмъ даны случаи и умѣнье заглядывать во внутренніе тайники и святилища. Можно намъ позавидовать внукамъ нашимъ, которымъ, можетъ быть, сдѣлаются доступны эти пока потаенныя сокровища: имъ, можетъ быть, нѣкогда посчастливится раскрыть эти родники и утолить жажду свою ихъ свѣтлою и прозрачною свѣжестью.

Графиня мало показывалась въ многолюдныхъ обществахъ. Она среди

общества, среди столицъ, жила какою-то отдѣльною жизнію—домашнею, келейною; занималась воспитаніемъ сыновей своихъ, чтеніемъ, умственною дѣятельностью; она,такъ сказать, издали и заочно слѣдила за движеніями общественной жизни, но слѣдила съ участіемъ и проницательностью. Салонъ ея былъ ежедневно открытъ по вечерамъ. Тутъ находились не многіе, но избранные. Сходились люди, которымъ потребно было послѣ заботъ, а иногда и пустыхъ развлеченій дня, насладиться часъ или два пріятнымъ разговоромъ, обмѣномъ мыслей и впечатлѣній. Молодые люди могли тутъ научиться свѣтскимъ условіямъ вѣжливаго и утонченнаго общежитія. Дипломаты, просвѣщенные путешественники находили тутъ осуществленіе преданій о томъ гостепріимствѣ, о тѣхъ салонахъ, которыми нѣкогда славились западныя столицы. Нѣкоторые изъ нашихъ государственныхъ людей любили тутъ искать и находить не тупое и праздное, а умственное отдохновеніе отъ трудовъ, а иногда и докукъ, своей дневной дѣятельности. Графъ Несельродъ занималъ тутъ едва ли не первое мѣсто. Въ этомъ замѣчательномъ человѣкѣ были двѣ натуры: одна—совершенно оффиціальная и дипломатическая, способная и прилежная къ государственной работѣ, къ благоразумному разрѣшенію, а подъ часъ и ловкому обходу, высшихъ политическихъ задачъ, холодная, осторожная, вѣчно безотвѣтная на всѣ вопросы нескромнаго любопытства. На безстрастномъ лицѣ его была какъ будто врѣзана надпись, въ родѣ Дантовской: „Вы, которые приступаете ко мнѣ, *оставьте надежду* что нибудь узнать отъ меня.“ Эта натура была, такъ сказать, мундиръ его: онъ снималъ ее съ плечъ по окончаніи служебной дѣятельности. Тутъ запиралъ онъ ее вмѣстѣ съ дѣлами и бумагами подъ ключъ въ свой письменный столъ. Кажется, еще глубже и крѣпче запиралъ онъ въ особенный, потаенный ящикъ ума своего заботы, мысли и самую память о дѣлахъ. Тогда пробуждалась и выходила на смѣну первой другая натура, болѣе сообщительная, даже веселая и радушная. Тогда, и въ старости, проявлялась въ немъ молодость съ ея живыми потребностями и воспріимчивостію. Онъ любилъ поэзію, цвѣты, театръ, музыку; онъ любилъ дамское общество, чуждое политическихъ притязаній на обсужденіе современныхъ вопросовъ. Съ этими вопросами онъ уже разъ покончилъ, выходя изъ своего кабинета, и не хотѣлъ вечеромъ быть снова на стражѣ и на часахъ, чтобы отбиваться отъ приступовъ политической назойливости. Салонъ гр. Бобринской былъ любимымъ пріютомъ его. Здѣсь наслаждался онъ затишьемъ и тихою радостью прекраснаго вечера. Непосредственно за именемъ гр. Нессельроде могло-бы слѣдовать другое имя, которое сочувственно и родственно складывается съ именами графини и графа Бобринскихъ. Но мы здѣсь о живыхъ говорить не хотимъ. Мы исключительно остаемся въ тихомъ пристанищѣ и объемѣ некрологическихъ границъ.

Мы уже замѣтили, что графиня была домосѣдка. Мужъ ея охотно принималъ гостей у себя, но и самъ охотно ѣздилъ въ общество. Въ теченіи многихъ лѣтъ, былъ онъ постояннымъ и блестящимъ посѣтителемъ столичныхъ собраній Петербурга и Москвы. Утро его посвящено было пытливости, ученію и хозяйственнымъ дѣламъ, которыя, по обширности и многосложной спеціальности, требовали неусыпныхъ заботъ. Было время: утро его было исключительно посвящено службѣ. Помню, какъ мы съ нимъ по сосѣдству просиживали утро за департаментскимъ столомъ — онъ въ канцеляріи по кредитной части, я по департаменту внѣшней торговли. Въ

промежуточныя минуты, *рекреаціи*, выбѣгали мы другъ къ другу, чуть-ли не съ перомъ за ухомъ, чтобы обмѣниваться нѣсколькими пріятельскими словами и условливаться, какъ бы и гдѣ бы встрѣтиться въ теченіи дня. Послѣ урочныхъ часовъ (должно признаться, что онъ всегда позднѣе меня засиживался) отряхивали мы съ себя— онъ кредитныя, я таможенныя числа и, оправляя крылья свои, вылетали изъ своихъ клѣтокъ на чистый воздухъ. Часто встрѣчались мы съ нимъ въ кабинетѣ графа Канкрина, но уже не чиновниками, а внимательными слушателями его живой, остроумной и всегда своеобразной рѣчи. Встрѣчались мы часто и въ домѣ графа и графини Фикельмонъ, которые оставили у насъ по себѣ незабвенную память. Ихъ салонъ былъ также европейско-русскій. Въ немъ и дипломаты и Пушкинъ были дóма. Въ то время было нѣсколько подобныхъ общественныхъ средоточій, о которыхъ нынѣ можно сказать: „преданья старины глубокой.“ Бобринскій любилъ женскую аудиторію. Рѣчь его была свободна, иногда цвѣтиста, но чужда всякаго педанства. Онъ довольно охотно и слегка преподавалъ слушательницамъ любимые предметы своего ученія и новыхъ открытій.

Такъ протекли многіе годы. Въ 1856 году Бобринскій отправился въ свое Кіевское помѣстье, куда нерѣдко вызывали его потребности личнаго хозяйственнаго надзора. Тутъ заболѣлъ онъ и заболѣлъ опасно. По первому извѣстію о томъ, графиня, почти никогда не выѣзжавшая изъ Петербурга, отправилась къ мужу. Съ этой поры наступилъ рѣшительный переломъ въ ихъ образѣ жизни. Со дня отъѣзда ея, всѣмъ намъ знакомые и привлекательные домъ въ Галерной улицѣ и дача на Каменномъ острову опустѣли. Хозяева ихъ окончательно остались въ деревнѣ. Блестящая Петербургская жительница перенесла въ свое уединеніе склонности, привычки, всю внутреннюю и внѣшнюю обстановку своей прежней жизни. Мнѣ не удалось навѣстить ихъ, но я увѣренъ, что тамъ устроилась эта vie de château (выраженіе, едва переводимое на русскій языкъ и пока на русскую дѣйствительность), которою мы такъ любуемся въ хорошихъ англійскихъ романахъ. Тутъ, во всей стройной полнотѣ хорошо придуманной домовитости, складывается и перерождается свѣтская жизнь: она очищена отъ всѣхъ столичныхъ повинностей и тягостей, но сохраняетъ всѣ вещественныя и умственныя удобства, не исключая и прихотей. А вмѣстѣ съ тѣмъ тутъ и независимость, и досуги, и спокойствіе жизни деревенской.

Около десяти лѣтъ не видались мы съ Бобринскимъ, даже не было между нами и письменнаго сообщенія. Нечаянно судьба свела насъ въ Петербургѣ: онъ пріѣзжалъ на время изъ деревни, я возвращался изъ-за границы. Мы встрѣтились, какъ будто разстались вчера, какъ-будто продолжая только-что прерванный разговоръ. Въ этотъ пріѣздъ онъ возобновилъ свои прежнія связи. Нечего и говорить, какъ пріятели его ему обрадовались. Они убѣдились, что годà и болѣзнь не остудили прежняго пыла его, не истощили живыхъ запасовъ внутренней его бодрости. Въ старомъ, то есть постарѣвшемъ, Бобринскомъ нашли мы прежняго Бобринскаго, съ нѣкоторыми оттѣнками съ лѣтами нажитой опытности. Онъ былъ какъ-будто еще болѣе кротокъ, доброжелателенъ и дружелюбенъ. Конецъ пребыванія его между нами омраченъ былъ великою скорбью. Нечаянный и роковой ударъ поразилъ его въ самую глубь сердца; болѣзненно отозвался онъ и въ насъ. Онъ получилъ извѣстіе о кончинѣ нѣжно-любимой жены своей. Отправившаяся изъ Россіи для возстановленія разстроеннаго здоровья, она умерла въ Парижѣ. Ихъ, нѣсколько лѣтъ соеди-

ненныхъ въ деревнѣ общею и постоянно-неразрывною жизнію, судьба разлучила, казалось, на время, какъ будто съ тѣмъ, чтобы она предъ кончиною своею не имѣла отрады пожать на прощаніи дружескую и милую ей руку, чтобы онъ не могъ оказать ей послѣднія нѣжныя заботы и принять послѣдній вздохъ жизни, ему цѣло, нѣжно и свято преданной.

Позднѣе съѣхались мы съ нимъ лѣтомъ 1867 года въ Ливадіи, гдѣ прожилъ онъ недѣли двѣ гостемъ Царскаго Семейства. Тутъ опять, разумѣется, были мы съ нимъ неразлучны: гуляли по живописнымъ окрестностямъ, вспоминали свою старину и другъ другу повѣряли свои потаенныя мысли и чувства.

Лѣтомъ 1868 года неожиданно встрѣтилъ я его въ Москвѣ. Онъ пріѣзжалъ туда печатать книгу свою: „*О примѣненіи системъ охранительной и свободной торговли къ Россіи.*“ Не признавая себя законнымъ судьей подобнаго труда, не буду оцѣнивать его. Около двадцати лѣтъ прослужилъ я по вѣдомству министерства финансовъ; но, долженъ я сознаться, служилъ не по призванію, а по обстоятельствамъ. По мѣрѣ силъ и способностей своихъ старался я исполнять обязанность свою усердно и добросовѣстно, но исполнялъ ее безъ увлеченія, безъ вдохновенія: а нѣкоторая доля вдохновенія нужна и въ примѣненіи къ самымъ сухимъ занятіямъ. Въ этомъ-то и заключалось особенное свойство Бобринскаго. Онъ съ вдохновеніемъ, со страстью принимался за всякое дѣло. Вычисленія, цыфры не пугали его. Но для меня истина цыфръ казалась всегда самою головоломною, наименѣе привлекательною, и даже наименѣе убѣдительною истиною. Онъ находилъ въ нихъ рычагъ, которымъ поднималъ и разрѣшалъ жизненные вопросы гражданскаго устройства: политическая экономія, статистика живутъ, дѣйствуютъ, господствуютъ цыфрами. Въ молодости и зрѣломъ возрастѣ, можетъ быть, Бобринскій и носилъ въ себѣ нѣкоторые зародыши благороднаго честолюбія; но съ умиротвореніемъ годовъ и при опытности жизни они дальнѣйшихъ ростковъ не пустили, а окончательно заглохли. Слѣдовательно, въ появленіи книги его непозволительно искать тайныхъ помышленій и личныхъ видовъ. Справедливѣе будетъ признать въ этомъ дѣло честнаго и добросовѣстнаго труженика. Ею достойно завершилъ онъ свою многостороннюю дѣятельность, свое желаніе и всегдашнее стремленіе быть полезнымъ обществу.

Странное и грустное сближеніе обстоятельствъ! Графиня Бобринская, прожившая послѣдніе года неразрывно, такъ сказать, рука въ руку и, за нѣкоторыми временными исключеніями, съ глазу на глазъ съ мужемъ,— умираетъ вдали отъ него. Онъ, почти постоянно имѣвшій при себѣ, въ деревнѣ своей, часть своего семейства, умираетъ одинъ. Сыновья его только-что разъѣхались. Одинъ изъ нихъ съ своимъ семействомъ провелъ у него нѣсколько мѣсяцевъ и долженъ былъ возвратиться въ Петербургъ. Другой, неожиданно и по собственной волѣ отправился на дняхъ въ Америку, съ цѣлью изучать систему американскихъ желѣзныхъ дорогъ, для возможнаго примѣненія ихъ къ нашимъ. Третій сынъ былъ также въ отсутствіи. Зная Бобринскаго, можно угадать, какъ отрадна была ему поѣздка сына за дальній океанъ, не просто путешественникомъ, а искателемъ пользы. Въ немъ могъ узнать онъ кровь и плоть свою, духъ и предпріимчивость.

III.

Не все сказали мы о Бобринскомъ, что можно было бы сказать. Но надѣемся, что и сказаннаго нами достаточно, чтобы нѣсколько ознакомить и

сочувственно сблизить съ нимъ незнавшихъ его, а предъ тѣми, которые знали его и были ему пріятелями, возсоздать въ легкомъ очеркѣ нѣкоторыя черты этого милаго и незабвеннаго спутника и товарища нашего.

Другимъ, болѣе свѣдущимъ цѣнителямъ, предоставляемъ мы задачу опредѣлить въ исторіи промышленности нашей и вообще нашего экономическаго развитія мѣсто, которое ему достойно подобаетъ. А на такое мѣсто имѣетъ онъ, безъ сомнѣнія, полное право. Онъ положилъ первыя желѣзные рельсы на русской почвѣ. Это была попытка, которой важность и богатыя послѣдствія должны были обнаружиться позднѣе. Онъ поступилъ съ общественнымъ мнѣніемъ, какъ съ ребенкомъ,—сперва заманивая его, словно игрушкою. Онъ устроилъ желѣзный путь между Петербургомъ и увеселительнымъ Павловскимъ воксаломъ. Но онъ предчувствовалъ, что рельсы его разростутся. Онъ разчелъ, что удобство, съ которымъ можно прокатиться до Павловска, родитъ желаніе съ такимъ же удобствомъ прокатиться до Москвы, и такъ далѣе. Въ этой попыткѣ, какъ въ могущественномъ зародышѣ, таилось до времени сближеніе Балтійскаго моря съ Чернымъ, промышленныхъ нашихъ областей съ хлѣбородными—однимъ словомъ, таились новыя звѣнья, которыми русская дѣятельность прочно и плодотворно связывалась съ дѣятельностью всемірною. Предчувствіе его долго не разрѣшалось отъ бремени. Но онъ отъ него не отказывался, онъ не отчаявался въ немъ. Онъ дожилъ еще до той отрады, что могъ видѣть и убѣдиться въ томъ, что съ легкой руки его и съ первоначальной мысли его, дѣло пошло въ ростъ и въ даль.

Свекловично-сахарная промышленность извѣстна у насъ уже съ начала столѣтія, но только въ видѣ частныхъ и робкихъ начинаній. Бобринскій вынесъ ее на плечахъ своихъ и далъ ей важность и размѣры государственной промышленности. Водвореніе въ какой нибудь мѣстности промышленности обширной и значительной есть не только личное предпріятіе и частная спекуляція: оно вмѣстѣ съ тѣмъ истинное и общее благодѣяніе для края, по которому она разливается. Въ сторонѣ малолюдной, безжизненной она создаетъ средоточіе дѣятельности, новой жизни; привлекаетъ къ себѣ, воплощаетъ въ себѣ частныя и личныя силы, остающіяся праздными въ своемъ единичномъ безсиліи. За такимъ водвореніемъ промышленности, человѣчески и разумно постигаемой, послѣдовательно возникаютъ мастерскія, училища, больницы. Кругомъ разносится благосостояніе, улучшается, просвѣщается смиренная и скудная доля работника. Тѣмъ важнѣе, тѣмъ плодотворнѣе польза подобной промышленности, когда она вызывается изъ нѣдръ естественной почвы, когда почерпаетъ она пособія и силы свои въ распространеніи и улучшеніи земледѣлія. Въ этомъ отношеніи, графъ Бобринскій многое сдѣлалъ для многихъ въ живой средѣ частной своей дѣятельности. Этою дѣятельностью, еще во время оно, возвысилъ онъ и нравственно облагородилъ званіе и права помѣщика.

Эти заслуги его предъ Россіею должны быть приведены наукою въ извѣстность и въ цыфры. Мы уже откровенно и смиренно признались, что этотъ трудъ намъ не по силамъ и не по нашей части (*).

(*) Въ числѣ предшественниковъ Бобринскаго, по сахарной промышленности, нельзя забыть нашего общаго съ нимъ пріятеля, Дмитрія Александровича Давыдова. Онъ также положилъ въ нее много лѣтъ, много усилій и трудовъ и много денегъ,—едва ли не все свое благосостояніе, заключавшееся въ милліонѣ рублей ассигнаціями. Удача не вознаградила его усердія и пожертвованія; но и самыя неудачи, тяжкія для того, кто ихъ понесъ, могутъ служить полезнымъ указаніемъ и предостереженіемъ для другихъ: слѣдовательно, также имѣютъ свою общую пользу.

Въ нашихъ воспоминаніяхъ мы не имѣли цѣлію выставить вполнѣ общественную и государственную дѣятельность графа Бобринскаго; мы только хотѣли обрисовать его личность и указать на любезныя и благородныя свойства, которыя въ общественной жизни—нравственной и гласной—давали ему полное право на уваженіе и любовь современниковъ. А современникамъ предстоитъ обязанность замолвить о такомъ человѣкѣ, хотя и частнымъ образомъ, доброе и памятное слово грядущимъ поколѣніямъ.

Князь Вяземскій.

Царское Село.
Октябрь. 1868.

МОСКОВИТЫ У НѢМЦЕВЪ

въ 1576 году.

Въ 1576-мъ году Царемъ Московскимъ были отправлены къ Кесарю легкіе послы: князь Захарій Ивановичъ Сугорскій-Бѣлозерскій и дьякъ Андрей Арцыбашевъ. Іюля въ 7-ый день они пріѣхали въ Рейншпоркъ (Regensburg); 16-го числа, въ понедѣльникъ, получили торжественный пріемъ. Все это описано въ первомъ томѣ *Памятниковъ дипломатическихъ сношеній древней Россіи съ державами иностранными. С. Петербургъ, 1851*, столбцы 703 и 704.

Недавно отысканы въ Германіи современныя гравюры, съ изображеніемъ этого пріема; онѣ находятся въ Висбаденскомъ музеѣ; тамъ ихъ четыре, скленныхъ боками, одна за другою вмѣстѣ.

Четвертая намъ была уже извѣстна; неполный экземпляръ оной находится въ Императорской библіотекѣ и представляетъ богослуженіе Московитовъ; надъ этимъ изображеніемъ слѣдующая печатная надпись:

Contrefactur der Kirchen=Ceremonien so die Moscowitter bei jrem Gottesdienst gebrauchen. Wie auf dem jetzgen Reichstag zu Regenspurg ist gesehen worden, im Jahr 1576.

Но у этого экземпляра, хранящагося въ Петербургѣ, отрѣзанъ низъ; въ Висбаденѣ же тутъ напечатано въ три столбца слѣдующее:

Въ первомъ столбцѣ:

So du jrn Gottsdienst wissen wilt,
Sie haben Christenliche Bild,
Wellicher fünff an der zal war,
Gantz und gar gleich einem Altar.
Und das Principal Bildnuß,
War unser lieber Herr Christus,
Vor jedem Bild bran ein Wachßliecht,
Auch hat man mich fürwar bericht,
Das ihr Priester Griechisch Münch sein,
Vor dem Altar sah ich stehn ein
Inn solcher Kleidung, form und gstalt,
Wie in dieser figur ist gmalt,
Der hat in einem Buch gelesen,
Zwei Moscowitter sind neben ihm gwesen,

Во второмъ:

Die dienten ihm zu Altar,
Einer zur rechtn, der ander zur linckn zwar
Bisswellen laß einr und sungen zwen
Bald lassen zwen, sung einer denn.
Noch eines mercke dieser zeit:
Wann der Name der H. Dreifaltigkeit
Inn ihrer Sprache wird benendt
Bald so machen sie an dem endt
Für sich drey Creutz an stirn und brust,
Wie mir dann solchs ist wol bewust,
Und falle, mit andechtigr geberd,
Auff ihr angesichter zur Erdt.

Въ третьемъ: молитва (Gebett) въ шести стихахъ, далѣе надпись: Gedruckt zu Prag bei Michael Peterle и запрещеніе перепечатывать.

Эта четвертая гравюра, изображающая молящихся, должна считаться отдѣльною; но первыя три составляютъ

одно цѣлое и должны быть соединены; надъ всѣми тремя напечатана наборомъ одна неразрывная сплошная надпись, которая въ Висбаденѣ закрашена, но изъ подъ краски разбирается такъ:

Warhafftige Contrefactur der Legation oder gesandten des Groß fürsten aus Moscaw, an die Römische Kayserliche Mayestät: Auch in was Kleydung und gestalt ein jeder gen Hof gezogen, da sie der Römischen Kayserlichen Mayestät den Credentz Brieff und Geschenck überantwort haben, zu Regenspurg auf diesen Reichstag, den achtzehenden Julij dieses MDLXXVI Jars. Замѣтимъ мимоходомъ, что по нашимъ памятникамъ пріемъ пословъ отнесенъ къ 16-му, а по нѣмецкимъ эстампамъ къ 18-му числу Іюля.

На всѣхъ этихъ трехъ гравюрахъ вмѣстѣ, изображено 28 Московитовъ въ порядкѣ торжественнаго ихъ шествія; подъ гравюрами напечатаны въ стихахъ и прозѣ: перечень именъ и подносимыхъ подарковъ, описаніе одеждъ и ихъ цвѣта. Впереди идетъ Knesch Zachary Iwanowitsch Sugurski, Stadhalter am Weissen Sehe; съ нимъ рядомъ Andre Gawrillowitz Ertzy Buschuf; потомъ Trzetzjajk (Третьякъ), Dymitrewf sohn, Subaty; тутъ же Mamley, Ivans sohn и Affannasy, Michaels son, Monastiref. Монастыревъ несетъ на подушкѣ царское письмо; за нимъ остальныя лица, изъ коихъ девять несутъ дары Царя, дары посланниковъ и свои собственные, какъ это изъяснено въ подписяхъ. Наши соотечественники представлены очень некрасивыми людьми, но они богато одѣты. На третьемъ листѣ, сверхъ прочаго, та же подпись о мѣстѣ изданія (Prag), издатель Michael Petterle на этотъ разъ названъ съ двумя t.

Михаилъ Петровичъ Демидовъ заказалъ фотографическіе снимки съ этихъ рѣдчайшихъ гравюръ; одинъ экземпляръ снимковъ поднесенъ имъ Императорской Публичной библіотекѣ, другой — Чертковской, третій назначенъ въ здѣшній Музей. Снимки сдѣланы не въ настоящую величину, а въ половинную; судя по этому — подлинные листы должны быть in folio (полдесть). Эти подлинники раскрашены, что̀ было неудобно для фотографа; фотографіи же не раскрашены, такъ что мы только по нѣмецкимъ подписямъ можемъ судить о цвѣтѣ изображенныхъ одеждъ.

Москва, 7-го Ноября 1868 г. *ЭС.*

Чертковская библіотека крайне благодарна М. П. Демидову за этотъ прекрасный подарокъ; желательно, чтобы больше нашихъ путешественниковъ послѣдовало сему примѣру, отыскивая за границею неизвѣстные еще памятники Русской старины; а ихъ вѣроятно еще много. Описаніе этихъ гравюръ помѣщено также въ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ 1868, № 322. *П. Б.*

ОБЪ ИЗДАНІИ ГАЗЕТЫ

„КАВКАЗЪ“

ВЪ 1869 ГОДУ.

Въ 1869 году „Кавказъ“ будетъ издаваться по той же программѣ какъ и въ нынѣшнемъ. Въ составъ газеты войдутъ: 1) Офиціальная лѣтопись. 2) Передовыя статьи по вопросамъ нашего матеріальнаго и нравственнаго быта. 3) Внутреннія извѣстія. 4) Корреспонденціи изъ разныхъ мѣстъ здѣшняго края, Персіи и Турціи. 5) Политическія извѣстія. 6) Телеграммы. 7) Разныя извѣстія. 8) Торговыя свѣдѣнія. 9) Казенныя объявленія. 10) Объявленія частныхъ лицъ. Кромѣ того въ газетѣ будутъ помѣщаться статьи литературно-ученаго содержанія, критическіе разборы замѣчательныхъ сочиненій о Кавказѣ и библіографическія извѣстія.

Метеорологическія наблюденія, съ наступленіемъ 1869 года будутъ сообщаемы нами—не только производимыя на здѣшней обсерваторіи, но и изъ другихъ пунктовъ Кавказа.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Съ доставкою на домъ въ Тифлисѣ и съ пересылкою въ другіе города:

На годъ	12 р. 50 к.
— полгода . . . , ...	6 — 50 —

ПОДПИСКА НА ГАЗЕТУ ПРИНИМАЕТСЯ: *Въ Тифлисѣ* въ конторѣ редакціи, въ домѣ г. Гамбарова. *Въ С.-Петербургѣ*: въ газетной экспедиціи С.-Петербургскаго почтамта. *Въ Москвѣ:* у книгопродавца Клачкова.

МОСКОВСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ

СЪ ЯНВАРЯ 1869 ГОДА.

Будутъ издаваться, по благословенію Святѣйшаго Сѵнода, при Московскомъ Обществѣ любителей Духовнаго Просвѣщенія, еженедѣльно, по воскресеньямъ, въ объемѣ отъ одного до двухъ листовъ, въ 4-ю долю листа.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

ВЪ МОСКВѢ, въ конторѣ Московскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей при епархіальной библіотекѣ въ Высокопетровскомъ монастырѣ, въ книжной лавкѣ: „Русская Грамота“ и у книгопродавца Андрея Николаевича Ѳерапонтова.

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ, въ книжномъ магазинѣ Кораблева и Сирякова и во всѣхъ почтовыхъ конторахъ имперіи.

Цѣна годовому изданію ТРИ рубля; съ доставкою и пересылкою ЧЕТЫРЕ рубля.

Общество любителей духовнаго просвѣщенія покорнѣйше проситъ редакціи вѣдомостей, газетъ и журналовъ какъ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ присылать въ обмѣнъ свои изданія, если то найдутъ для себя удобнымъ, адресуя на имя секретаря общества, священника Ризположенской, близъ Донскаго монастыря, церкви Виктора Петровича Рождественскаго.

Къ нему же просятъ присылать статьи для помѣщенія въ Вѣдомостяхъ. Всѣ статьи, замѣтки и свѣдѣнія, соотвѣтствующія цѣли и характеру изданія, будутъ принимаемы съ благодарностію.

СЪ **1863** ГОДА ОБЩЕСТВО ИЗДАЕТЪ

ЧТЕНІЯ

ВЪ МОСКОВСКОМЪ ОБЩЕСТВѢ ЛЮБИТЕЛЕЙ ДУХОВНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Въ будущемъ 1869 году оно предполагаетъ выпустить 4 книжки ЧТЕНІЙ въ размѣрѣ отъ 10 до 12 листовъ каждая.

Въ нихъ, по примѣру прежнихъ лѣтъ, будутъ помѣщаться статьи догматическія, нравственныя, полемическія, церковно-историческія, матеріалы для біографіи Московскаго митрополита Филарета и исторія московскаго епархіальнаго управленія съ 1721 г.

Годовая цѣна 3 р., съ доставкою и пересыл. 4 р.

ОБЪ ИЗДАНІИ ЕЖЕМѢСЯЧНАГО ЖУРНАЛА

„ДУШЕПОЛЕЗНОЕ ЧТЕНІЕ“

ВЪ 1869 ГОДУ.

Изданіе журнала **Душеполезное Чтеніе**, при помощи Божіей, будетъ продолжаемо въ 1869 году на прежнихъ основаніяхъ. Редакція постарается остаться вѣрною своей первоначальной задачѣ—служить духовному и нравственному наставленію христіанъ, удовлетворить потребности общеназидательнаго и общепонятнаго духовнаго чтенія.

ВЪ СОСТАВЪ ЖУРНАЛА БУДУТЪ ВХОДИТЬ ПО ПРЕЖНЕМУ:

1) Труды, относящіеся къ изученію Св. Писанія. По этой части редакція будетъ продолжать начатый ею въ 1866 году трудъ истолкованія церковныхъ чтеній изъ Св. Писанія, извѣстныхъ подъ именемъ *паремій*. 2) Статьи догматическаго и правоучительнаго содержанія. При семъ не будутъ упускаемы изъ виду современныя явленія въ общественной жизни, согласныя или несогласныя съ ученіемъ и установленіями православной церкви. Иногда обсужденію этихъ явленій будутъ посвящаемы особыя статьи. 3) Разсказы изъ общей церковной исторіи, и изъ исторіи русской церкви. 4) Воспоминанія о лицахъ, замѣчательныхъ по заслугамъ для церкви и по духовно-нравственной жизни. 5) Статьи относящіяся къ православному богослуженію. 6) Очерки изъ священной географіи. 7) Общепонятное и духовно-поучительное изложеніе свѣдѣній изъ наукъ естественныхъ. 8) Описаніе путешествій ко святымъ мѣстамъ. 9) Миссіонерскія записки. 10) Свѣдѣнія и сужденія о расколѣ. 11) Разныя извѣстія и замѣтки.

Душеполезное Чтеніе по прежнему будетъ выходить ежемѣсячно.

Цѣна годовому изданію безъ доставки и пересылки остается прежняя: 3 р. с.; съ доставкою въ домъ жителямъ Москвы—3 р. 50 к., какъ и прежде. Но цѣна изданію съ пересылкою иногороднымъ, вслѣдствіе новыхъ почтовыхъ правилъ, увеличивается на 25 копѣекъ: иногородные подписчики благоволятъ присылать за годовое изданіе съ пересылкою не 3 р. 50 к., какъ было прежде, а 3 р. 75 копѣекъ.

Оставшіеся неразобранными полные экземпляры **Душеполезнаго Чтенія** за 1861, 1862, 1863, 1864, 1865 и 1866 годы отпускаются по *два* рубля съ пересылкой, за 1867 и 1868 годы по 3 р. 50 коп. съ пересылкою.

Подписка на **Душеполезное Чтеніе** принимается: **Въ Москвѣ:** въ домѣ редактора, священника Николаевской, въ Толмачахъ, церкви, Василія Нечаева; въ конторѣ Университетской типографіи; у книгопродавцевъ Соловьева, Глазунова, Ѳерапонтова и Салаева. **Въ С.-Петербургѣ.** въ книжныхъ магазинахъ Базунова и Глазунова.

Иногородные благоволятъ относиться для подписки *исключительно* въ редакцію **Душеполезнаго Чтенія** въ Москвѣ. Въ почтовыхъ мѣстахъ допускается только пріемъ пакетовъ съ подпискою, адресуемыхъ въ Редакцію, а не самая подписка.

Издатель и редакторъ священникъ **ВАСИЛІЙ НЕЧАЕВЪ.**

СОДЕРЖАНІЕ РУССКАГО АРХИВА ЗА 1868 ГОДЪ

(Шестый годъ съ начала изданія)

XVIII-й ВѢКЪ

1. Одинъ изъ собственноручныхъ указовъ *Петра Великаго*, какъ бить зорю. 105.
2. Письмо *Петра Великаго* къ князю М. М. Голицыну о разведеніи буковыхъ деревьевъ. 106.
3. Черты изъ исторіи книжнаго просвѣщенія при Петрѣ Великомъ. Переписка директора Московской Синодальной типографіи *Ѳедора Поликарпова* съ начальникомъ Монастырскаго приказа гр. И. А. Мусинымъ-Пушкинымъ (1715 — 1717) 1041.
4. Письма герцогини Голштинской Анны Петровны, императрицы Анны Іоанновны и камеръ-фрау Юшковой къ И. И. Машкову. 1861.
5. Епископъ Левъ Юрловъ, и его письмо къ родственникамъ (1743), съ предисловіемъ *Л. Н. Майкова*. 1058.
6. Правительственныя мѣры 1743 года противъ появившейся въ Россіи секты Гернгутеровъ. 1391.
7. Заплечный мастеръ (1768) *Л. Н. Трефолева*. 1063.
8. Рѣдкостная помѣщичья довѣренность. 1775 года. стр. 1863.
9. Замѣтки о самозванствѣ въ Россіи и новыя свѣдѣнія о самозванцахъ XVIII вѣка, *профессора С. М. Соловьева*. 265.
10. Изъ дипломатической кореспонденціи XVIII вѣка, статья *Д. И. Иловайскаго*. 822.
11. Радищевъ и его книга: „Путешествіе изъ Петербурга въ Москву“, статья *М. Н. Лонгинова*. стр. 1811.
12. Указъ императора Павла Д. Е. Лесли. стр. 1866.
13. Письмо Суворова къ гр. Д. И. Хвостову. стр. 1865.
14. Разсказы о странѣ (*Н. О. Котлубицкаго* и другихъ), записанные *А. О. Ханенкомъ*. 1069.
15. Генералъ Бонапартъ—оборонитель Грековосточнаго вѣроисповѣданія, съ предисловіемъ *князя М. А. Оболенскаго*. 108.

XIX-й ВѢКЪ

16. Генералъ графъ Леонтій Леонтьевичъ Беннгсенъ. Біографич. очеркъ. стр. 1837
17. О возстановленіи новаго Славяносербскаго государства. Записка митрополита *Стратимировича* 1804 года. 112.
18. Письма государыни императрицы *Маріи Ѳеодоровны* къ двумъ младшимъ ея сыновьямъ съ введеніемъ и объяснительными примѣчаніями барона *М. А. Корфа*. 337.
19. Письма государыни императрицы *Маріи Ѳеодоровны* къ кн. С. И. Гагарину. 1.
20. 1807-й годъ. Письма съ дороги отъ *князя А. Б. Куракина* къ государынѣ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, 23 и 161.
21. Сперанскій въ его государственной дѣятельности, съ общимъ очеркомъ исторіи

внутренняго управленія въ XVIII вѣкѣ. Статья профессора *Ѳ. М. Дмитріева.* 1527

22. Письма *М. М. Сперанскаго* къ его дочери, изъ Пензы и съ дороги въ Сибирь. 1103.

23. Письма *Сперанскаго* къ его дочери, съ дороги въ Сибирь, изъ Сибири и съ возвратнаго оттуда пути. 1681.

24. Письма фельдмаршала *графа Михаила Ѳедотовича Каменскаго* къ сыну его гр. Николаю Михаиловичу, 1806—1809. съ біографическимъ предисловіемъ и примѣчаніями. 1489.

25. Дѣло о должностныхъ лицахъ Московскаго правленія, учрежденнаго Французами въ 1812 году. Статья *Н. С. Киселева* (по подлиннымъ бумагамъ). 881

26. Разсказы изъ исторіи 1812 года (собственноручная тетрадь *А. Н. Оленина*). 1983.

27. Два разсказа изъ исторіи 1812 года. 1675.

28. Три разсказа изъ исторіи 1812 года. *В. Б-ра.* стр. 1866.

29. Какъ былъ взятъ Русскими войсками городъ Соассонъ и какое значеніе имѣлъ этотъ городъ въ войну 1814 года. Изъ Дневника и Воспоминаній *И. П. Липранди.* 903.

30. Графъ М. А. Мамоновъ. Разсказъ изъ семейной памяти *П. Г. Кичеева.* 91

31. Еще о графѣ Дмитріевѣ-Мамоновѣ (его письма къ кн. Д. В. Голицыну и характеристика его болѣзни, доктора *В. Малиновскаго*). 962.

32. Существуютъ ли Записки графа М. А. Мамонова? Замѣтка *Н. С. Киселева.* 87.

33. Письма къ великому князю цесаревичу Константину Павловичу *графа Аракчеева* и *Н. М. Карамзина* съ замѣткою *Г. Н. Александрова.* 289.

34. Письмо *графа Аракчеева* къ графинѣ Е. З. Канкриной, съ замѣткою *князя П. А. Вяземскаго.* 281.

35. Письма къ графу Аракчееву наперсницы его *Настасьи Ѳедоровой Минкиной.* 1816—1820. 1656.

36. Предсмертные дни и кончина графа Аракчеева (со словъ очевидца, *Е. М. Романовича*). 283.

37. Настоящій разсказъ о предсмертныхъ дняхъ и кончинѣ графа Аракчеева *А. П. Бровцына.* 951.

3 . Дополненія къ Запискамъ *Д. Б. Мертваго.* (Два разсказа и Завѣщаніе). 123.

39. Адамъ Ѳомичъ Брокеръ. Его Записки и біографія. 1413.

40. Письма *графа Ѳ. В. Ростопчина* къ А. Ѳ. Брокеру изъ Петербурга и изъ чужихъ краевъ. 1815—1818. 1873.

41. Черты для біографіи графа Ѳ. В. Ростопчина. Замѣтки *М. Н. Лонгинова.* 1674.

42. Матеріалы для полнаго собранія сочиненій и для біографіи гр. Ѳ. В. Ростопчина. *М. Н. Лонгинова.* 851.

43. Два письма министра народнаго просвѣщенія *князя А. Н. Голицына* къ директору царскосельскаго лицея Е. А. Энгельгардту. 873.

44. Воспоминанія *Н. В. Басаргина* о генералѣ-маіорѣ Н. Н. Муравьевѣ и его училищѣ для колонновожатыхъ. 793.

45. Графъ А. А. де Бальменъ (Русскій приставъ при первомъ Наполеонѣ на островѣ св. Елены), біографическій очеркъ. 462.

46. Письма въ Россію съ острова святыя Елены *графа де-Бальмена*, Русскаго пристава при первомъ Наполеонѣ. 1816 и 1817 г. Французскіе подлинники съ Русскимъ переводомъ. 659 и 1924

47. Письмо императора *Александра Павловича* къ графинѣ Шарлоттѣ де Бальменъ (1824). 473.

48. Записка о крамолахъ враговъ Россіи, съ объяснительнымъ введеніемъ и примѣчаніями отца *М. Я. Морошкина.* 1329.

49. Дѣло объ открытіи въ Смоленскѣ отдѣленія библейскаго общества. 1395.

50. Къ исторіи библейскимъ обществъ въ Россіи (письма митрополита *Серафима*, епископа Пензенскаго *Иннокентія*, архимандр. *Фотія* и графа *Аракчеева*)

съ примѣчаніями отца *М. Я. Морошкина.* 940.

51. Записки *Н. И. Греча.* (Дѣло о книгѣ пастора Госнера). 1403.

52. Воспоминаніе о М. Л. Магницкомъ. Некрологическая статья *А. С. Стурдзы.* 926.

53. Частное письмо изъ С.-Петербурга въ Тульчинъ о Семеновскомъ возмущеніи 1820 года. стр. 1820.

54. Воспоминаніе о П. Я. Чаадаевѣ, статья *Д. Н. Свербеева.* (1856). 976.

55. Эпизодъ изъ жизни П. Я. Чаадаева Статья *М. Н. Лонгинова.* 1318.

56. Воззваніе къ Грекамъ *князя Александра Ипсиланти* въ 1821 г. 293.

57. Замѣтки и поправки: а) *И. С. Ульянова* (о великомъ князѣ Константинѣ Павловичѣ) и б) *С. Д. Комовскаго* (о Московской присягѣ 1825 года), 1031.

58 Н. А. Райко. біографическій очеркъ *Б. М. Маркевича.* 297.

59. Письмо *Н. А. Райка* къ гр. А. Х. Бенкендорфу. 308.

60. Письмо *гр. И. А. Каподистріи* къ гр. А. Х. Бенкендорфу о Н. А. Райкѣ. 313

61. Холера въ Петербургѣ въ 1831 г. Разсказъ очевидца, *Пл. В. С—ва.* 958.

62. Изъ Записокъ генералъ-адъютанта *Н. Н. Муравьева-Карскаго,* 1832 и 1833 г. (Двѣ главы: Отправленіе въ Египетъ къ Мегметъ-Али-Пашѣ и Пребываніе Русскихъ на Босфорѣ). 733.

63. Еще разсказъ очевидца о Петербургскомъ пожарѣ 1837 г. *И. Д. Лужина,* съ приложеніями. 844.

64. Письмо великой княгини *Александры Николаевны* къ В. А. Жуковскому. 107.

65. Записка *Иннокентія,* архіепископа Херсонскаго и Таврическаго о Римско-католической епархіи въ Херсонѣ, съ примѣчаніями *П. И. Савваитова.* 412.

66. Письмо Сербскаго патріарха *Раичича* къ Русскому консулу въ Бѣлградѣ. 120.

67. Адмиралъ Павелъ Степановичъ Нахимовъ. Біографическій очеркъ, сочиненіе *А. Б. Асланбегова.* 373.

68. Письмо Адмирала *П. С. Нахимова* къ Е. Т. Лазаревой (въ Мартѣ 1855). 410.

69. Еще о Севастополѣ. Корниловъ и Тотлебенъ (изъ книги Кинглека). *В. В. Андреева.* 1676.

70. Письмо г-на управляющаго Морскимъ Министерствомъ *Н. К. Краббе* (по поводу „Записокъ Севастопольца"). 877.

71. Изъ Кавказскихъ воспоминаній *В. А. Инсарскаго.* Поѣздка въ Баку (1857). 475.

72. Кавказскіе праздники. Глава изъ Записокъ *В. А. Инсарскаго.* 1003.

73. Походъ 1859 года Изъ Кавказскихъ воспоминаній *В. А. Инсарскаго.* 1245.

74. Послѣдняя записка по крестьянскому дѣлу *Я. И. Ростовцова.* 1213.

75. Графъ Алексѣй Алексѣевичъ Бобринскій, статья *князя П. А. Вяземскаго.* 2025.

76. Воспоминаніе о Булгаковыхъ. *Князя П. А. Вяземскаго.* 1436.

КЪ ИСТОРІИ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

77. Очеркъ помѣщичьяго быта въ началѣ нынѣшняго вѣка. Посмертная статья *С. Т. Аксакова.* 529.

78. Замѣтка на „Воспоминанія" В. И. Панаева, *Н. В. Путяты.* 141.

79. Письмо *Е. А. Баратынскаго* къ В. А. Жуковскому. 147.

80. Воспоминанія объ Е. А. Баратынскомъ *П. Г. Кичеева* 866.

81. Выдержки изъ бумагъ Остафьевскаго Архива. Письма къ князю П. А. Вяземскому:
а) *В. А. Жуковскаго.*
б) *Сильвіо Пеллико.*
в) Профессора *Боруффи.*
г) *Сергѣя Львовича Пушкина.*
д) *А. В. Кольцова.*
е) *И. П. Мятлева,* съ объяснительнымъ введеніемъ *князя П. А. Вяземскаго.* 436.

82. Письмо *Д. В. Давыдова* къ В. А. Жуковскому, при посылкѣ уса. 975.

83. Письма къ Ивану Ивановичу Дмитріеву: а) 12 писемъ *Д. В. Дашкова* б) 29 писемъ *кн. П. А. Вяземскаго* 583.

84. 24 письма *И. И. Дмитріева* и 2 записки *Карамзина* къ Д. Н. Языкову, съ примѣчаніями *А. Ѳ. Бычкова.* 1081.

85. Письмо *В. А. Жуковскаго* къ Д. В. Дашкову. 837.

86. Протоколъ двадцатаго Арзамаскаго засѣданія, въ стихахъ *В. А. Жуковскаго.* 829.

87. Письма *В. А. Жуковскаго* къ князю А. Н. Голицыну о Баратынскомъ. 156.

88. Письма *В. А. Жуковскаго* къ А. Я. Булгакову. 1443.

89. Черта въ характерѣ Жуковскаго. 1871.

90. Письма *Н. М. Карамзина* къ В. А. Жуковскому. 1803—1818. Съ примѣчаніями кн. *П. А. Вяземскаго.* стр. 1827.

91. Два письма *М. Т. Каченовскаго* къ Н. И. Гнѣдичу. 970.

92. Любовь баснописца Крылова, замѣтка *П. В. Алабина.* 860.

93. Левъ Андреевичъ Крыловъ, братъ баснописца и его переписка съ Иваномъ Андреевичемъ (1799 — 1823). *В. Ѳ. Кеневича.* 239.

94. Замѣтка о книгѣ г. Кеневича: „Примѣчанія къ баснямъ Крылова“. *М. Н. Лонгинова.* стр. 1817.

95. Замѣтка о сосланномъ въ Сибирь стихотворцѣ Мешевскомъ. *Н. П. Б—кова.* 938.

96. М. П. Полуденскій, некрологическая статья *В. С. Неклюдова.* 1483.

97. Письма *А. С. Пушкина* и *В. А. Жуковскаго* къ М. Н. Загоскину. 973.

98. Нѣсколько объяснительныхъ словъ *графа Л. Н. Толстаго* (по поводу сочиненія его: „Война и Міръ“). 515.

99. Четыре письма высокопреосвященнѣйшаго *Филарета*, митрополита Московскаго: а) къ А. А. Полторацкой. б) Д. Б. Мертваго, в) В. М. Мертваго. 137.

100. Краткія свѣдѣнія о Русскихъ писателяхъ и ученыхъ, умершихъ въ 1866 году. Изъ Справочнаго Словаря, составляемаго *Г. Н. Геннади.* 2001.

СМѢСЬ.

101. Московиты у Нѣмцевъ въ 1576 году. 96. 2047.

102. О вліяніи Смоленскаго бульвара въ Москвѣ на Португальскій парламентъ въ Лиссабонѣ, замѣтка *С. А. Соболевскаго.* 330.

103. Дополненія, замѣтки и поправки. 334 и 528.

104. Отъ издателя (по поводу Записокъ Севастопольца). 336.

105. Книжныя заграничныя вѣсти. 317.

106. Общая роспись статьямъ „Русскаго Архива“ за первые *пять* лѣтъ сего изданія. Въ приложеніи.

107. Заглавные листы, содержаніе и подробный указатель собственныхъ именъ къ Русскому Архиву 1868 года.

АЗБУЧНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

СОБСТВЕННЫХЪ ИМЕНЪ

къ

РУССКОМУ АРХИВУ 1868 ГОДА.

Абаза, его домъ въ Москвѣ 100.
Аббасъ-мирза, 746.
Аварей, гр. 39.
Аварцы, нар. свѣдѣнія о немъ 1306. 1307.
Авни-бей, командиръ полка, 768. 769. 770
Агу гр. 39.
Адамъ, учитель музыки 1165.
Аданы, гор. (въ Малой Азіи). Занятіе его егип. войсками 735.
Адеркасъ, директоръ Петровской школы 1404.
Адлеркрейцъ, упомин. въ пис. гр. Каменск. 1521.
Адлеръ, управляющ. стеклянн. заводами гр. Ростопчина; убитъ рабочими 1906. 1907.
Администрація (Русская) въ XVIII вѣкѣ 1545-1582.
Аднетъ, измѣнникъ 1434.
Андріанопольскій миръ, 735. 738. 741. 751.
Аксаковъ, Серг. Тим. его «Очерки Помѣщичьяго быта» 529—584.
Алабинъ, П. В. его статья: Къ біографіи Крылова 860—866.
Албрехтъ, ген. 1036.
Алединскій, маіоръ, кавалеръ при В. К. Николаѣ и Михаилѣ Павл. 340.
Александрія, гор. уп. въ Зап. Муравьева 733. 738. 744. 749. 750. 752.
Александра Николаевна, В. Княг. письмо къ Жуковскому 107. 108. который проситъ Булгакова описать ему подробности Ея кончины 1449. 1450.
Александра, герц. Виртембергская 29.
Александра Павловна, В. Княг. 113.
Александра Θеодоровна, Вел. Княг. уп. въ пис. Карамзина 1829. 1835. занималась русск. языкомъ. 1830. Императр. участв. въ живыхъ картинахъ 108 пожаръ въ Зимн. дворцѣ 845. 849. Ж... скій представляетъ ей экземпляръ «Рославлева» 974. 975. упом. 1454. 1463. 1482. 1483.
Александровъ, Г. П. 989—293.
Александръ Александровичъ, Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ, Его бракосочетаніе 317.
Александръ I Павловичъ, Импер. упомин. въ пис. И-цы Маріи Θеод. 10, поручаетъ кн. Куракину разобрать оставшіяся по смерти Павла бумаги 24. упом. въ пис. кн. Куракина 1807 г. 25. 31. 32. 39. 40 47—51. 56—60. 62. 68. 71. 79—86. 170. 172. 173. 176. 180. 182. 183. 187. 188. 189. 194. 195. 202—207. 213. 214. 219—221. 232. 239. гнѣвъ на гр. М. А. Дмитріева-Мамонова 94 воззваніе въ 1812 г. 95. 96. проэктъ письма къ нему гр. М. А. Дмитріева-Мамонова 103. 104. составленная для поднесенія ему записка о возстановленіи новаго Славяносербск. государства 111—120; пожаловалъ: медаль владѣльцу Калмыцкому Чу-

чею 128, Жуковскому пенсію въ 4000 р. 157; при немъ Баратынскій произведенъ въ офицеры 160; отзывъ его о басняхъ Крылова 247 поѣздка въ Каменецъ 248. 249. 250. 251 въ Винницу 258. докладъ ему Оленина о Крыловѣ 262. его спальня въ Грузинѣ 281 привязанность къ нему Аракчеева 282. отношенія къ братьямъ 350. 351. 354. 371 по вступленіи на престолъ освобождаетъ гр. де Бальмена изъ казармъ 463 назначаетъ его на остр. св. Елены приставомъ къ Наполеону I 468 Бальменъ отказывается доставить письмо къ нему Наполеона 469. 470 (уп. 471) пис. его къ гр. Шарлоттѣ Бальменъ 474 инструкція гр. де Бальмену 661. 662. 663. 665. 666; читаетъ его донесенія 668 отзывъ о немъ Наполеона 715. 718. 729. 730. пребываніе въ Москвѣ въ 1818 г. 588 отзывъ о немъ Екатерины 828 его портретъ 849 письмо къ нему гр. Ростопчина 855. 856 обращаетъ вниманіе на Баратынскаго 870 источникъ благорасположенія его къ Энгельгардту 873. 874. его забота о Царскосельскихъ учителяхъ и Лицеѣ 875. 876. 877. желаетъ знать мнѣніе Энгельгардта о возможности опредѣлить гр. Д. Н. Шереметева въ Лицей 875. 876, ему препровождаются бумаги и книги найденныя въ 1812 г. у купца Находкина 886 его довѣріемъ пользовался Винцегероде 917, въ концѣ 1813 г. по его плану рѣшено продолжать войну въ предѣлахъ Франціи 921. 923. 924; письма къ нему: Шишкова 938. 939, митр. Серафима 940—945, даетъ аудіенцію архим. Фотію 948 оказ. ему вниманіе 949, 950, память о немъ въ Грузинѣ 285. 952. 953. 954. 956 (упом. 1072) дѣлаетъ Заводовскаго министромъ народнаго просвѣщенія 1076. проѣздъ черезъ Смоленскую губер. 1079. 1080 Чаадеевъ, Семеновская исторія и слѣдствіе оной 977—983. 989. 990. 997. 1318. 1319. 1320. 1321. 1322. 1323. 1325. 1326 нравилось стихотвореніе Пушкина «Уединеніе» 997. 998. въ пис. Сперанскаго 1140. 1187. 1211. 1724. 1734. 1735. 1755. 1332 «покушенія враговъ Россіи» въ его царствованіе 1342—1391. членъ библейскаго общества 1403 (уп. 1407) дѣло о книгѣ Госнера 1411; сравненіе его съ Николаемъ 1412, его пребываніе въ Архангельскѣ 1414, переименовываетъ полицейскихъ драгунъ въ Митавскій драгун. полкъ, 1420 указъ объ опредѣленіи Брокера Московск. полицеймейстер. 1426; жалуетъ ему брилл. перстень 1429 (уп. 1438), отличаетъ К. А. Булгакова 1439. въ 1806 г. вызываетъ изъ деревни гр. Каменскаго 1492 упом. въ письмахъ его 1495. 1500. 1501. 1509. 1510. 1513. 1516. 1526. 1527. (упом 1535); первые годы его царствованія 1538—1545. (упом. 1551. 1565) высшее управленіе 1582—1593 финансы 1625 приближаетъ къ себѣ Сперанскаго 1634. 1637. 1641. 1642—1644, паденіе Сперанскаго 1644—1646. 1648, 1649 возвращеніе его въ столицу 1649. 1650 (упом. 1673) цѣлуетъ гр. Ростопчина 1674. Уп. 1824. 1826. 1838. 1839. приказываетъ Бенигсену защищать Кенигсбергъ, гдѣ имѣлъ преб. король Прусск. съ семействомъ 1844, уп. 1846. 1855. Тильзитскій миръ 1856. Ермоловъ поздравляетъ его съ фершампенуазск. побѣдой 1856. Его ненависть къ доносамъ 1858. уп. 1859. Уп. въ пис. Ростопчина 1875. 1879. призываетъ Ростопчина на совѣтъ касательно безпорядковъ въ государствѣ 1882. Уп. 1883. 1884. 1886. 1887. Занимается по военному вѣдомству съ однимъ Аракчеевымъ 1888. уп. 1889. 1892. Шелъ пѣшкомъ за гробомъ умершаго кн. Салтыкова 1893. уп. 1895. Любимъ Французами. 1897. уп. 1899. 1900. 1902. 1912. 1913. 1915. 1922.

Въ Парижѣ окруженъ поляками и Жомини 1923. Уп. въ донесеніяхъ гр. Бальмена 1981. 1982. 1997.
Александръ II Николаевичъ, (Императоръ) Всемилостивѣйше дозволяетъ напечатать письма И-цы Маріи Өеодоровны къ двумъ младшимъ ея сыновьямъ 337; будучи наслѣдникомъ престола 4 іюня 1835. г. присутствовалъ въ синодѣ 428, упом. въ пис. кн. Вяземскаго къ И. И. Дмитріеву 612. 626. снисходительность къ провинившимся воспитанникамъ учебныхъ заведеній 808, упом. въ Запискахъ Инсарскаго 1010. 1287. 1288. 1301. 1306. крестьянская реформа 1213. 1214. 1215 — 1246 упом. въ пис. Жуковскаго къ Булгакову 1451. 1452. 1454. 1463. 1465. 1466. 1468. 1480 посѣщаетъ Моск. универ. 1872.
Александръ III, папа 432.
Алексій Михаиловичъ, царь 991.
Алексѣева (урожден. Вигель) Нат. Фил., уп. 1420.
Алексѣевъ, Илья Ив. адъютантъ гр. И. П. Салтыкова, упом. въ Зап. Брокера 1420. 1421. 1422. 1425. въ п. гр. Ростопчина 1898.
Алексѣй, слуга гр. Ростопчина, 1876. 1907.
Алжиръ, замѣчаніе Николая I-го по поводу завоеванія сей страны французами 746.
Али, турокъ 766.
Алиберъ, поваръ 1435.
Алмазовъ, стихотв. 1444
Алмейда, португал. 304.
Алтынниковъ, куп. 1422.
Алфимова (урожд. Плюскова), Марөа Александ. 1425.
Алфимовъ, 1420. 1425.
Альбедиль, 85. 195.
Амбургеръ, Карлъ Карл. 1106. 1133. 1153. 1169. 1199.
Амбургеръ, Андрей Карловичъ, 1682. 1726.
Амвросій, арх Московскій. его убіеніе 1340.
Амгерстъ, Лордъ, 1944. 1945. 1950. 1952.
Анастасій, грекъ, 1042, 1048. 1050.
Ангара, рѣка, 1722.
Англійскій клубъ, въ Москвѣ 614.
Ангулемскіе герц. и герцогиня, упом. въ пис. кн. Куракина 38.
Андре, портной 1434.
Андреевъ, Матвѣй, колодникъ 1066.
Анжу, морякъ 1758.
Анке, Богданъ, учитель ком ак. 902.
Анна Іоанновна, импер. 1058. 1060. 1061. 1563—1565.
Анна Леопольд. 1552. 1563.
Анна Павловна, в. кн. 1070. Приготовленія къ ея свадьбѣ 1888. Уп. въ пис. Ростопчина 1894.
Анна Петровна, герцогиня Голштинская; собственноручныя письма къ Машкову 1861. 1862. жизнь въ Килѣ. 1862.
Анна Өеодоровна, в. княгиня 1069.
Анненковъ, уп. въ пис. Сперанскаго 1178.
Аннино, сельцо. 13.
Анрепъ, флигель ад. 144.
Анрепъ, о его смерти сожалѣетъ гр. Каменскій 1498; уп. 1840. 1850.
Антроповъ, Н. Н. 909. 910. 305.
Апраксинъ, Ст. Ст. основ. итал. оп. въ Москвѣ 1441. уп. 1840. 1845 уп. въ пис. Ростопчина 1886.
Апраксинъ, Ст. Ө. 277.
Апраксинъ, гр (Өедоръ Матв.), 1555.
Аракчеевъ, гр Алексѣй Андреевичъ, его письмо къ гр. Ек. Зах. Канкриной 281 —283 предсмертные дни и кончина 283—289. Опроверженіе 951—958 пис. къ цесарев. Конст. Павловичу 289. 290. 292. 293 Магницкій дѣйствуетъ сообразно съ его замыслами противъ кн. А. Н. Голицына 932. 1405 архим. Фотій поручаетъ за него молиться 944. 946. 947 переписка съ митр. Серафимомъ объ арх. Фотіѣ 947—950 письма къ сему послѣднему 950. 951. Служба въ кад. корп. 1072. Сперанскій получаетъ отъ него «дружеское и ласковое письмо» 1168 письмо къ нему Сперанскаго 1198. (уп. 1332) призываетъ для допроса есаула Котельникова 1346, по его совѣту Серафимъ назначается митрополит. Петербургскимъ, 1390 под-

держиваетъ сего послѣдняго въ борьбѣ съ кн. Голицынымъ 1390, его участіе въ дѣлѣ о книгѣ Госнера 1406. 1410. 1411 (уп. 1321), неприступ 1412, усердный почитатель гр. М. Ѳ. Каменскаго 1492, упом. въ пис. сего послѣдняго 1517—1519. 1521. Письма къ нему его наперсницы 1656—1673 (уп. 1638); отношенія къ Сперанскому 1647, его всемогущество 1649, дѣлаетъ непріятности гр. Ростопчину 1674, его мать 1663—1665. 1669. Защищаетъ Кутузова противъ клеветъ Бенигсена 1857. Колкій отв. Козодавлеву на просьбу его позволить съѣздить въ Грузино 1874. Уп. въ пис. гр. Ростопчина 1879 Единствен сотрудникъ Александра I-го 1888. Замѣчаніе о немъ Ростопчина 1894.

Аракчеевъ, Петръ Андр. 288. 1659.

Арапова, Елиз. Никол. уп. въ пис. Сперанскаго 1191. 1196 выходитъ за мужъ за П. А Бекетова 1197.

Араповы уп. въ пис. Сперанскаго 1180. 1181. 1186. 1187. 1190.

Арендтъ, лейбъ-мед. 285. 300. 618. 956.

Арзамасское общество, протоколъ его засѣданія 829—838. уп. 1436.

Армфельдтъ, гр. Густавъ (отецъ) 1462.

Армфельдтъ. гр. Густавъ (сынъ) 903. 909. 912.

Арсеньева, Варв Алексѣевна 1418.

Арсеньевъ полк., кавалеръ при в. кн. Николаѣ и Михаилѣ Павл. 340.

Арсеньевъ, уп. въ Записк. Брокера 1418.

Архаровъ, Николай Петр. 825.

Арцыбашевъ, истор. 1103.

Асланбеговъ, А. Б. его біогр. очеркъ адм. Нахимова 373—410.

Асланбековъ, армянинъ 276.

Астафьевъ, депутатъ Воронеж. дворянства 280.

Атлеръ, измѣнникъ 1436.

Атрыганьевъ, П. А. 1075.

Ахвердовъ, ген. м., кавалеръ при в. кн. Николаѣ и Михаилѣ Павл. 340.

Ахмедъ-паша дивизіон. генералъ гвардіи, 757. 766. 769. 770. 772. 778. 782. 783. 787. 790—792.

Ашъ, бар. Смоленскій губерн. открытіе въ Смоленскѣ Отд Биб. Общ. 1396. 1401.

Аѳанасій (Корчановъ), еп. Пензенскій, производитъ впечатлѣніе на Сперанскаго 1105. избранъ въ вице президенты Пензенск. Отд. библ. общ. 1139.

Аѳанасьевъ. Алдръ Николаев., 1486.

Аѳанасьевъ, Никаноръ, мѣщанинъ уп. въ пис. гр. М. А. Дмитріева Мамонова къ кн. Д. В. Голицыну 965. 966.

*

Баварія, дурныя отношенія ея къ Россіи, 207.

Баварцы, самые жестокіе въ войскѣ Наполеона 1-го, 1985.

Багратіонъ, кн. Дмитрій Егоровичъ, уп. въ пис. гр. Ростопчина 1880.

Багратіонъ, кн. Петръ Ив. (получаетъ пис. отъ в. кн. Екатер. Павловны 214?), пис. къ нему гр Ростопчина 855; его директоръ канцеляріи «насолилъ» въ 1809 гр. Милорадовичу, 1410. упом. въ пис. гр. Каменскаго 1498. 1513, его Шёнграбенскій подвигъ 1842 (упом. 1850).

Базенъ, инженерн. генер. 646.

Базилевичъ, Александръ Ив. 1675.

Байкалъ, озеро 1698.

Байронъ, 301. 1705. 1706.

Баклановъ, Кавказскій ген. 1260.

Баку городъ 485. 491. 492.

Бакуринскій, А. Я., племянникъ Безбородка 1077. 1078.

Балашовъ, Александръ Дмитріевичъ 888. 1426 участ. въ низверженіи Сперанскаго 1642. 1643. 1644, сопровождалъ въ 1812 году Импер. Александра въ Москву 1674, участвовалъ въ тайномъ военномъ совѣтѣ избравшемъ Кутузова въ главнокомандующіе 1857. Уп. въ пис. гр. Ростопчина 1875. 1879. 1882. 1887. 1894.

Балугьянскій. М. А. 1651.

Балькомбъ, поставщикъ Наполеона I, въ бытность

его на остр. С. Елены 706. 1963. 1967.
Бальменъ, гр. Ад. Александровичъ сообщилъ бумаги отца съ біограф. очеркомъ 462.
Бальменъ, гр. Алексан. Ант. русскій приставъ на остр. Св. Елены, біогр. его очеркъ 462 — 473. Инструкціи: гр. Нессельроде 659 — 663; гр. Ливена 663—667. Оффиц. сообщенія графу Нессельроде 669—734. 1924—1984.
Бальменъ, гр. Ант. Богд. 462.
Бальменъ, гр. Шарлотта 473. 474.
Барановичъ, 846.
Барантъ, отзывъ онемъ кн. Вяземскаго 641. 642.
Баратынская (урожд. Энгельгардтъ), Наст. Льв. 868.
Баратынская (урожд. Черепанова) Алекс. Өед. 154.
Баратынскій, Евг. Абр. опроверженіе показаній о немъ В. И. Панаева 143—147 его письмо къ Жуковскому 147—156 два о немъ письма Жуковскаго къ кн. А. Н. Голицыну 156—160 восп о немъ Н. Г. Кичеева 866—872.
Барклай-де-Толли,кн.Мих. Богдан., его портретъ 849. упом. 1843, 1845 его учитель 1855 упом. 1857. уп. въ пис. гр. Ростопчина 1875. 1877.
Бароніевы книги 1044.
Барсуковъ, Никол. Плат. его замѣтка о стихотворцѣ Мещевскомъ 938. 939.
Барятинскій, кн. Александръ Ив. упом. въ Зап. Инсарскаго 475. 478. 480. 481. 488. 1003. 1004. 1008—1010. 1012. 1015. 1017. 1018. 1021—1023. 1027. 1029. 1247. 1248. 1250. 1251. 1253. 1255. 1256. 1258—1260. 1265—1270. 1271. 1274—1277. 1281. 1283. 1285. 1286—1290. 1292. —1301. 1303. 1305. 1306. 1308—1310. 1313. 1315. —1318.
Барятинскій, кн. Влад. Ив. 1026.
Басаргина (урожд. Бланкъ) Екатер. Карл. 794.
Басаргинъ, В. 794. 795.
Басаргинъ, Н. В. его восп. о Школѣ колоновожатыхъ 793—822.
Басковъ, Петръ, ротм. 898.
Бассомпьеръ, m-lle 234.
Баташева, ей долженъ Сперанскій 1183. 1762. 1766. 1784.
Батуринъ, грен. 1421.
Батуринъ, Іоасафъ, подпор. 276—279.
Батурстъ, лордъ 666. 714. 729. 1935. 1938. 1947. 1949. 1972. 1973.
Батюшковъ, Конст. Никол., упом. въ пис. Дашкова 596 кн. Вяземскаго 642. съ «жадностью» читался воспитанниками Школы колоновожатыхъ 810. 811. Жуковскій расчитывалъ на его сотрудничество въ предполагаемомъ имъ вмѣстѣ съ Дашковымъ изданіи Аонидъ 840. 841. упом. въ пис. Каченовскаго 970. 971.
Батюшковъ, корнетъ 274. 275.
Баумъ. упом. въ пис. Сперанскаго 1801.
Бахметевъ, Н. Ө. преподавалъ въ Школѣ колоновожатыхъ 796. 802.
Бахметевъ, упом. въ пис. Сперанскаго 1187.
Баюшевъ, кн. Вас. Ив. сообщаетъ: частное письмо о Семеновск. Исторіи 1820 года; 1820—1828 и біограф. очеркъ гр. Беннигсена 1838—1860.
Беатриса, пр. Моденская, 47.
Бебутовъ, кн. Вас. Осип. упом. въ Зап. Инсарскаго 1007—1011.
Безакъ, Пав. Христіан. упом. въ Зап. Греча 1404. 1405. 1408. 1410.
Безбородко, кн. Александръ Андр., пріѣзжалъ въ Москву произвести слѣдствіе надъ мартинистами 825 и успокоить гр. А. Г. Орлова 826 въ сопровожденіи гр. Ростопчина ѣздилъ въ 1791 году заключать миръ съ Турціею 852 былъ секретаремъ гр. П. А. Румянцева, пріѣзжаетъ въ Петербургъ имѣя слишкомъ 30 лѣтъ 1076 здѣсь выучивается пофранцузки, понѣмецки и поитальянски 1077 его первые шаги въ Петербургѣ 1077 удивительная память 1077. поѣздки на родину. 1077. 1078, которую всегда любилъ 1078, спасаетъ Смоленскаго помѣщика Храповицкаго отъ смертной каз-

ни 1079. 1080; благосклоненъ къ А. Ѳ. Брокеру. 1424. 1425.

Безобразовъ, Влад. Павл. доставляетъ бумаги Д. Б. Мертваго 123.

Безобразовъ убитъ подъ Тарутинымъ 1858.

Бекаделли, Іосифъ, иностранецъ, прожив. въ Москвѣ 892, 899.

Бекетовъ, Петръ Алексѣев. упом. въ пис. Сперанскаго 1196. 1197.

Бекетовъ, Плат. Петр. оставшимися послѣ него рукописями интересуется кн. Вяземскій 644. 645. 647. 651 и сожалѣетъ, что они «не попались въ хорошія руки» 645 упом. въ пис. И. И. Дмитріева 1084. 1087.

Беккарія, 1081.

Беккеръ, основалъ торговый домъ въ Архангельскѣ 1414.

Беклемишевъ, Серг. Вас. 125.

Беклешовъ, Алексанр. Андр. упом. въ пис. кн. Куракина 26. 29. 32. 37. 195. 196. Генералъ-прок. 1535.

Бекстеръ, докторъ Наполеона. І-го уп. въ донес. гр. Бальмена 1974. 1976.

Белизаръ, книгопродавецъ, 606. 620, 621.

Белитеры поваръ и повариха 1435.

Белій, упом. въ пис. Сперанскаго 1140.

Белла, англ. нянька дочери Сперанскаго 1126. 1127. 1232.

Беллингсгаузенъ, Ѳ. Ѳ. в. адмиралъ 375

Белькуръ измѣнникъ 1434.

Бельмонте, принцъ, упом. въ пис. гр. Ростопчина 1911.

Бенедиктовъ, В. Г. отзывъ о его произведеніяхъ 610. 641. 642.

Бенигсенъ, гр. Леонтій Леонт. упом. въ пис. кн. Куракина 43. 44. 49. 65. 67. 69. 71—74. 78. 79. 80—82. 84. 86. 170—172. 181. 182. 194. 214. упом. въ пис. гр. Каменскаго 1494. 1499. 1500. 1501. 1503. его біограф. очеркъ 1837—1860.

Бенкендорфъ, гр. Александръ Христ. находился подъ покровительствомъ и-цы Маріи Ѳеод. 227, письма къ нему: гр. Каподистрія 303. 313—317. И. А. Райка 308—313 уп. въ Зап. Н. Н. Муравьева 735. 736. 754. упом. въ пис. кн. Вяземскаго 609 въ Зап. Греча 1412, въ письмѣ о Семеновскомъ возмущеніи 1820 года 1821. 1823.

Бенкендорфъ, Константинъ Христоф. его военная дѣятельность въ 1812 году 885. 887 при взятіи Суасона 1814 г. 914. 919. 922. разсказъ о 1812-мъ годѣ 1676.

Бенсонъ, Сарра, нянька дочери Сперанскаго 1126.

Бергманъ, полковникъ 1826.

Бердяевъ, ген. 1034. 1035.

Берліозъ, 995.

Бернадотъ 1847. 1848.

Бернардъ, учитель 1434.

Бертрандъ, измѣн. 1434.

Бертранъ, маршалъ 675 679. 694. 695. 696. 697. 698. 700. 701. 702. 714. 715. 720. 1931. 1944. 1945. 1946. 1942. 1950. 1952 — 1962. 1964 — 1966. 1968—1972. 1981. 1982. его супруга 1954. 1955.

Бертье маршалъ, 188. 203. 207. 220.

Бестужевъ-Рюминъ Алексѣй Д... чиновникъ Вотч. Департ. 885. 889. 890. 896.

Бестужевъ-Рюминъ, гр. Алексѣй Петр. 277, 1394. 1395.

Бетаніе, кавказское имѣніе бар. Николаи 1003.

Бетманъ, уп. въ пис. гр. Ѳ. В. Ростопчина 1904. 1907.

Бибиковъ, Александръ Ильичъ 1496.

Бибиковъ, Мих. Ларіон. 822.

Бибиковъ, вице-губ. Архангельскій 1423.

Библейское Общество, 940, 943, 945 1139. 1344. 1380—1382. 1396. 1400. 1700. 1723.

Бингамъ, ген. уп. въ пис. гр. Ѳ. В. Ростопчина 1953. 1954.

Биронъ, 1335.

Бируковъ, Александръ Степ. цензоръ, 599. 1351 1407. 1408. 1410.

Бистромъ, ген. 1821.

Битюгъ, рѣка, уп: 1877. 1884. 1908.

Благоевичъ, бар. 122.

Блакеней, капитанъ, упом. въ донес. гр. Бальмена 1948. 1950.
Бланкъ, Бор. Карл. 642.
Бланкъ, Карлъ Ив. 794.
Блудовъ, гр. Дм. Никол. упом, въ пис. кн. Вяземскаго 615. 617. 624. 627. 631. 633. 634. 643. его Арзамасское прозвище 832. 833. 335. 837. его литер. дѣятельность 840. 841. исходатайствовалъ пенсіонъ для сестры Вигеля 1206 министръ внутрен. дѣлъ 1404. упом. въ пис. Карамзина 1828—1830. 1833—1835.
Блументаль, фельдъ-егерь 1498—1501.
Блюхеръ. 214. 905. 913. 915. 918. 924. 925. 1882.
Бобринская Анна Владим. 858. 2035.
Бобринская граф. С. А. 2037.
Бобринскій гр. А й А-ев. 2025—2048.
Богдановичъ, военный историографъ 883. 885. 904. 907. 918—920. 921. 1491.
Богдановъ, Ив. Як. 1506.
Богдановы, 1505
Боголюбовъ, Варѳол. Фил. домашній человѣкъ кн. Куракиныхъ 229.
Боде, бар. Левъ Карловичъ 1448.
Бодиско, ротм. 920.
Бодштейнъ, уп. въ пис. гр. Ростопчина 1890.
Бозе, смотритель Шернбургскихъ садовъ. 1925. 1928.
Болдстонъ, капитанъ, упом. въ донес. гр. Бальмена 1941. 1942.
Болдыревъ, поруч. ген. штаба; авторъ *Письма русскаго солдата въ 1833 году* 762.
Болотниковъ, сенаторъ 887
Боманъ, измѣнникъ 1435.
Боргардъ, ресторатер. 1434
Борнъ, Николай 498
Борнъ, Н. М. 1816.
Бородинъ, Василій Москов. купецъ 897.
Бороздинъ, Никол. Матв. полковн. 70. Два анекдота его 1994. 1995.
Бороздна, Черниг. помѣщ. 893.
Боруффи, проф., свѣдѣнія о немъ 438. 439. пис его къ кн. Вяземскому 451—454.
Браницкая, гр., сестра Кор. Станислава-Августа, уп. въ пис. кн. Куракина 226. 227. 233. 234.
Бревернъ, Карлъ 1395.
Брегетъ, часовщикъ въ Парижѣ уп. въ пис. гр. Ростопчина 1919.
Брикетъ, гор. во Франціи, уп. 1919.
Бриндлеръ, поваръ 1436.
Бринъ, (фонъ), Ив. 1423.
Бринъ, (фонъ), Францъ Абр. Тобольск. губ. 1783.
Брискорнъ, Александр. Максим. 1404. 1409.
Брискорнъ, Мокс. Макс. 1404.
Бріонъ, Фердинандъ. 897.
Бровцынъ, Алексѣй Плат., опровергаетъ разсказъ о кончинѣ графа Аракчеева 951—958 упом. 1663.
Брокеръ (урожд. Треборнъ), Екат. Як. уп 1425. Уп. пис. гр. Ростопчина 1873. 1876. 1883. 1885. 1886. 1895. 1898. 1899. 1911.
Брокеръ, Адамъ Ѳом. его Записки 1413—1425 біог. очеркъ 1425—1434, бумаги 1434—1436. Письма къ нему гр. Ростопчина 1873—1824. Его черновое письмо къ Ростопчину 1913.
Брокеръ, Влад. Ад. уп. 1873
Брунн, нарисовалъ Пушкина въ гробу 1455.
Брюсъ, 462
Бувитъ, книгопродавецъ? 1086. 1089.
Будбергъ, баронъ (Анд. Як.) мин. ин. дѣлъ, упом. въ пис. кн. Куракина 43. 45. 46. 48. 50. 64. 74. 76. 82. 84. 182. 190. 213. 220 228.
Буксгевденъ, графъ Ѳед. Ѳед. упом. въ пис. гр. Каменскаго, 1494. 1497. 1504. 1505. 1510 упом. 1840. 1845.
Буксгевдены, живутъ въ домѣ гр. Ростопчина 1922.
Булавинъ, 271.
Булатовъ, Ѳ. Е. упом. въ зап. Инсарскаго 1245. 1248. 1310.
Булгаковъ, Александръ Як. упом. въ пис. Жуковскаго 440 кн. Вяземскаго 651. 658 его статья о гр. Ростопчинѣ 859. Воспоминаніе о немъ и братѣ его Константинѣ кн. Вяземскаго 1436—1445 письма къ нему Жуковск. 1445—1483, его вторая супруга 1455. 1456. 1466 его бумаги 895. Составилъ біографію А. А. Волкова 1887 уп. въ пис. гр. Рос-

топчина 1894. 1897. 1898. 1909. 1913. 1922.
Булгаковъ, Конст. Алексан. 1444. 1445
Булгаковъ, Конст. Як. 1833.
Булгаковъ, Пав. Александр. 1444. сообщ. письма Жуковскаго къ его отцу 1445
Булгаковъ, Як. Ив. дипломатъ 1440.
Булгаринъ. Өад. Венед. уп. въ пис. кн. Вяземскаго 616 619. 636. 646. 658 его «Иванъ Выжигинъ» отбиваетъ у гр. Бальмена охоту къ чтенію русскихъ романовъ 471 отзывъ Жуковск. о его Димитріи Самозванцѣ 974 уп. въ Зап. Греча 1406. 1407. Сѣверная Пчела 1413, называетъ Жуковскаго «звѣздою первой величины» 1481.
Буайе, первый медикъ и-га Наполеона І-го 213.
Буньково, село (Московс. губ.), имѣніе Рюмнныхъ, уп. 1984.
Бурдаевъ, ординарецъ при гр. Ростопчинѣ 1432.
Буржа, Ив. Леонт. капит. пор. 901.
Бурнашовъ, подполк. 246. 251 253. 255—257. 259.
Бурнъ, измѣнникъ 1435.
Бутаръ. 923.
Бутацъ. упом. въ пис. Спер. 1794. 1795.
Бутеневъ Апол. Петр. дипломатъ 585. 589. посланникъ въ Царьградѣ, уп. въ Зап. Н. Н. Муравьева 739. 749. 750, близкія сношенія съ Д. В. Дашковымъ 753 уп. 754. 755, присутствуетъ при смотрѣ войскамъ султана 784. 787. 791.
Бутковъ, Петръ Григ. Академикъ 648.
Бутурлинъ, гр. Александръ Бор. фельдмарш. 58.
Бутягинъ, Пав. Ст камеръюнкеръ, былъ любимъ въ Пбургскихъ салонахъ 1759
Бушенъ, гор. во Франціи 1919.
Бушотъ, коммисаръ 889. 898.
Буюкдере, по описанію Дашкова 585.
Быстряковъ, тит. сов. уп. въ пис. и-цы Маріи Өеодовны 12.
Бычковъ, Аө. Өед. Академикъ, сообщилъ письма Н. Н. Дмитріева и двѣ записки Карамзина съ примѣчаніями 1081.
Бѣлявинъ. Н. Н. Новгород. предв. двор. 955.
Бѣлогужевъ, А. Н. ген. отъ инфат. 903.
Бѣлокопытовъ, воевода 124.
Бѣльскій, Иванъ 1496. 1497.
Бѣхово деревня 11.
Бѣловъ, ген. 905 916. 922. 923. 925.
Бюрно, инженеръ подполк. 776.
Бюшнеръ, поваръ 1435.

*

Вагнеръ, писатель 842.
Ваксель, адмиралъ 1414.
Валансьенъ, гор. уп. въ пис. гр. Ростопчина 1919.
Валуева, (урожд. кн. Вяземская), Мар. Петр. 647.
Валуевъ, Дм. Александр. 989.
Валуевъ, Петръ Александр. 647.
Валуевъ, Петръ Петровичъ адъют. гр. Каменскаго 1492.
Валуевъ, Петръ Ст. 855.
Вальтеръ-Скоттъ, 1771.
Вандамъ, маршалъ; подъ Кульмомъ взятъ въ плѣнъ 1997.
Васильевское подмосковное село 87. 101.
Васильевъ гр. (Алексѣй Ив.) 1580.
Васильково, бѣлорусское имѣніе Потемкина 824.
Васильчиковъ, кн. Илар Вас. упом. въ пис. кн. Куракина 227 въ Воспоминаніяхъ о Чаадаевѣ 977. 978. 998. 1317. 1319. 1320. 1321 въ письмѣ о Семеновской исторіи 1821 — 1825. 1827 уп. въ пис. гр. Ростопчина 1910.
Ватсонъ, Рихардъ, президентъ Великобр. библ. общ. его рѣчь 1382, 1383.
Веденъ, резиденція Шамиля 1274. 1275.
Вейкардтъ, Егоръ Егор. упом. въ пис. Сперанскаго 1126. 1166. 1173. 1174. 1175. 1181. 1183. 1187. 1203—1210. 1212. 1682 1683—1686. 1689. 1691. 1695. 1699. 1702. 1703. 1709. 1715. 1720. 1724. 1728. 1737. 1746. 1748. 1783. 1785. 1787. 1793. 1797. 1806. 1807. 1810.
Вейкардтъ, Мар. Карл. уп. въ пис. Сперанскаго 1105. 1106. 1113. 1126. 1127.

1129. 1132. 1134—1136. 1139. 1143—1145. 1146. 1148. 1151. 1153—1157. 1160. 1162. 1164. 1166. 1167. 1168. 1174. 1175. 1178. 1180. 1181. 1183. 1184. 1186. 1188. 1191. 1192. 1195. 1201. 1209. 1210. 1212. 1689. 1692. 1694 1703. 1710. 1713. 1720. 1724. 1754. 1756. 1764. 1770. 1775. 1776. 1782. 1784. 1785. 1787. 1791. 1793. 1795. 1806.

Вейкардтъ, Соф. Карл. см. Погенполь.

Вейкардтъ, докторъ 1106. 1778

Веймарскій. герц. 922.

Вейротеръ, тактикъ 1860.

Вейсгауптъ, 1335.

Веле, ботаникъ уп. въ донес. гр. Бальмена 1925. 1926. 1927—1930. 1936. 1939. 1941. 1942.

Великополье, имѣніе Сперанскаго 1199.

Велингтонъ, герцогъ 702. 849. 921. уп. въ пис. гр. Ростопчина 1882. 1915. покушеніе на жизнь его 1916. 1917. уп. 1918.

Вельяминовъ-Зерновъ, подпор. преподавалъ въ Школѣ колонновожатыхъ 802.

Вельяминовъ-Зерновъ, Влад. Влад. Академикъ его соч. о Касимовскихъ царяхъ царевичахъ переведено на нѣмецкій языкъ 323.

Вельяминовъ-Зерновъ, Владим. Ѳед. издатель «Сѣвернаго Меркурія» 1090.

Вельяминовъ, Ив. Александр. уп. 1998.

Вельяшевъ, упом. въ пис. Сперанскаго 1200. 1201.

Венгерцы, 59.

Веніусъ, упом. въ пис. Поликарпова 1042.

Верделемовскій, ген. 74. 82.

Верещагинъ, Московскій купецъ, объявленіе о немъ гр. Ростопчина 855. 858 слѣдствіе и расправа съ нимъ 1428. 1430—1432.

Вернекъ, ген. 70.

Верре, Екатер. Ив., каммеръ-фрау и-цы Маріи Ѳеодоровны 38.

Веселовскій. упом. въ пис. кн. Вяземскаго 643. 644.

Веттерлингъ, жена смотрителя Прусскихъ таможенъ 238. 239.

Вигель (урожд. Лебедева) мать автора Записокъ, упом. въ пис. Сперанскаго 1162.

Вигель, Елис. Фил. упом. въ пис. Сперанск. 1206.

Вигель, Фил. Фил., его характеристика Крылова 265 266 его Арзамасское прозвище 829 ссылки на его Зап. 1035. 1489.

Визаръ, Ив. 889. 898.

Визаръ, Левъ, 900.

Вакулинъ, упом. въ пис. Жуковскаго къ Булгакову 1449.

Вилламовъ, Г. И. секретарь и-цы Маріи Ѳеод. I, 4.

Виллеръ, магистръ Московскаго Унив. 892. 893. 897. доносщикъ и оберъ-полицеймейстеръ 1436.

Вильгельмина, принц. Прусская 40.

Вильгельмъ, кор. Виртембергскій 48. уп. въ пис. Гр. Ростопчина. 1905. 1906.

Вильгельмъ, Принцъ Оранскій, уп. въ пис. гр. Ѳ. В. Ростопчина 1893.

Вильде, Густавъ Григ., домашній учитель у Г. Д. Столыпина и покровительствуемый Сперанскимъ 1165. 1192. 1193. 1209. 1210.

Виллье, Я. В., лейбъ-медикъ 954. 956.

Виллье, И. И. Дмитріевъ у него заимствовалъ басню «Муха» 1818.

Вильна, гор. уп. 1986. 1989. 1991. 1994.

Вильневъ, морякъ, его изреченіе 382; уп. 704,

Вильсонъ, уп. его Записки 1878.

Виноградовъ, Василій, чиновникъ 2-го департамента Московскаго Надворнаго суда 898.

Винценгероде, бар., ген., взятіе Соассона въ 1814 году 903—909. 912. 920. 922. 924. 925. Уп. 1984.

Витвортъ, его депеша 829.

Виттъ, Христ. Яковл., докт. 1406.

Вишневскій, чиновникъ 892. 894. 901.

Віардо, 325.

Віельгорская (урожд. Биренъ—Луиза Карл.) упом. въ пис. кн. Вяземскаго 624.

Віельгорскій, графъ Мих. Юр. упом. въ пис. кн. Вяземскаго 619. 624. 646. упом. въ пис. Сперанскаго 1178? въ воспоминаніи кн. Вяземскаго о Булгаковыхъ

1145? Ссылка на его разсказы о зажженіи села Воронова 1878.
Власопуло, кол. сов. 312.
Вобанъ, 918.
Водемонъ, принцесса. уп. въ пис. гр. Ростопчина 1898.
Воеводскій. П. В. 400.
Воейковъ, Александръ Ѳеод. Журналистъ, упом въ пис. кн. Вяземскаго 653. его посланіе къ женѣ и друзьямъ 840 упом. въ пис. Шишкова 939. упом. 960. 1860.
Волантъ (де) упом. въ пис. кн. Куракина 30.
Волкова (урожд. Римская, Корсакова), Софья Александровна, уп. 1887. уп. въ пис. А. А. Волкова 1888
Волковъ, Александръ Александровичъ (б. полицеймейстеромъ въ Москвѣ въ 1812 году) Уп. въ пис. гр. Ѳ. В. Ростопчина 1878. 1879. 1887. 1888. 1895. 1898. Его письмо къ А. О. Брокеру 1887. 188.
Волконскіе, князья 966.
Волконскій, кн. Д. П. 1841.
Волконскій, кн. Петръ Мих. пожаръ въ Зимнемъ дворцѣ 845 упом въ пис. кн. Голицына 877. въ Воспоминаніяхъ о Чаадаевѣ 1320. 1321. 1323. Свидѣтельство онемъ кн. Вяземскаго 1438. 1439. былъ членомъ военнаго суда надъ Сакеномъ 1855. 1856. Уп. въ пис. гр. Растопчина 1890.
Волконскій, кн. Никита Григ., 204.
Волконскій, кн. Сер. Григ. 903. 910.
Волынскій, Арт. Петр., 1552.
Волынскій, упом. въ пис. наперсницы Аракчеева 1665. 1670.
Вальтеръ, 643. 1335. 1337 1342. 1437.
Вольфъ, капит. гвард. стрѣлковъ 70.
Вольфъ, колл. сов. кавалеръ при В. Кн. Николаѣ и Михаилѣ Павл. 340.
Воронинъ, Ив. въ 1812 году по жертвовалъ собою на спасеніе почтоваго дома, 895.
Вороново. Имѣніе гр. Ростопчина 858. 1426, ненависть къ нему гр. Ростопчина; пожаръ 1878. уп. 1880. 1882. 1885. Крестьяне с. Воронова разбойничали въ 1812 году 1886 1891. 1894. Разводили табакъ 1900. уп. 1908.
Воронцовъ, графъ Александръ Ром. госуд. канцел. 1584. 1586.
Воронцовъ, (кн.) Мих. Сем. взятіе Соассона въ 1814 году 906, 916. 922 — 925 непріятныя отношенія съ Магницкимъ 930, который посвятилъ ему «Руководство къ дѣловой и государственной словесности» 937 возвращеніе его Корпуса изъ Франціи въ 1818 году 984. 1420 его письму о мирѣ сочувствовалъ Чаадаевъ 994. ограничиваетъ власть начальника гражданскаго управленія на Кавказѣ 1008. (уп. 1273) былъ въ перепискѣ съ Булгаковымъ 1437. уп. въ пис. гр. Ростопчина 1895. 1897. 1898. 1900. 1912. Порядки заведенные имъ въ Мобежѣ; любимъ и войскомъ и французами 1919. уп. 1920. 1922; отличное состояніе его Корпуса, экономія отъ продовольствія войска 1923.
Воронцовъ, графъ Сем. Ром. 856 уп. 1891. уп. въ пис. гр. Ростопчина 1895. 1896. 1898. 1910. 1912. 1921. 1922.
Воропановъ, полковн. 1826.
Востоковъ, Алек. Христоф. по предложенію Каченовскаго избирается въ члены Общ. Люб. 971. И. И. Дмитріевъ съ похвалою отзывается о его стихотвореніяхъ 1082. 1083. 1095. 1100. 1101.
Врангель, бар., Кавказскій генералъ 1283. 1304. 1305.
Врангель, бар., морякъ 1758.
Вреде, 906.
Вронченко, упом. въ пис. Сперанскаго 1171. 1179. (упом. 1635).
Всеволожскій, Николай Серг. путешественникъ 1113.
Вуичь, 920 упом. въ пис. гр. М. Ѳ. Каменскаго 1498.
Вульфертъ, артил. капит., 763.
Вурмъ, Яганъ, «учитель цесарска языка» 1049. 1050.
Вырубка лѣсовъ на Кавказѣ, 1273. 1274.
Вырубовъ, издатель «La Philosophie positive 324.
Высотскій, упом. въ пис. гр. М. Ѳ. Каменскаго 1506.

Вышлованни, родовое Орбеліановское имѣніе на Кавказѣ 1017.

Вяземская (урожд. княж. Гагарина) Вѣра Ѳед. упом. въ пис. Жуковскаго 444. Серг. Льв. Пушкина 457. Дашкова 586 свѣдѣніе о ея родителяхъ 602. гоститъ въ Саратовскомъ селѣ Мещерскомъ 602. упом. въ пис. кн. П. А. Вяземскаго 606. 608. 615. 641. 646. поѣздка въ Деритъ 630.

Вяземская, княжна Над. Петр. ея могила въ Баденъ-Баденѣ 440. 607.

Вяземская (урожд. Столыпина) кн. Мар. Арк. упом. въ пис. Жуковскаго 444.

Вяземскій, кн. Александръ Алекс. ген. прок. 1551. 1567. 1574.

Вяземскій, кн. Андр. Ив. его домъ въ Москвѣ 100. помѣщаетъ сына у проф. Рейса для слушанія лекцій 640. упом. въ пис. Карамзина 1828.

Вяземскій, кн. Дм. Петр. упом. въ пис. Карамзина 1832.

Вяземскій, кн. Пав. Петр. упом. въ пис. Жуковскаго 440. 441. 444.

Вяземскій, кн. Петръ Андр. сообщилъ: пис. В. кн. Александры Николаевны къ Жуковскому 108. пис. гр. Аракчеева къ графинѣ Канкриной 281. выдержки изъ бумагъ его Остафьевскаго Архива съ объяснительнымъ введеніемъ и примѣчаніями 436—461. 20-й протоколъ засѣданія Арзамасскаго Общества 829 пис. Карамзина къ Жуковскому съ примѣчаніями 1827—1836 замѣчаніе о графѣ Аракчеевѣ 282. 283. письма къ И. И. Дмитріеву 602—658. его Арзамасское прозвище 830 изъ Варшавы «горько» жалуется на критиковъ Карамзина и на его вступленіе въ Академію 592. Издаетъ Бахчисарайскій Фонтанъ Пушкина 600 Жуковскій расчитываетъ на его сотрудничество въ предполагаемомъ имъ вмѣстѣ съ Дашковымъ изданіи Аонидъ 840. 841 Сообщилъ письмо Д. В. Давыдова къ Жуковскому 975. его стихотвореніе «И. И. Дмитріеву» 1819 Воспоминаніе о Булгаковыхъ 1436—1445. дружба съ Баратынскимъ 146 упом. въ пис. Дашкова 586. 599 Жуковскаго 938. 1455. 1458—1460. 1471—1474 1478 во время управленія Министерствомъ Н. Просв. испрашивалъ Высоч. соизволенія на разсмотрѣніе въ особомъ комитетѣ изданія сочиненій Жуковскаго 443

Вязмитиновъ, гр. Серг. Кузм. 888. 1193. уп. въ пис. гр. Ростопчина 1913.

Гавріилъ, мит. Молдаво-Валахскій екзархъ 428.

Гавріилъ, архіеп. Херсонскій и Таврическій, 429. 933. 934.

Гагарина (урожд. кн. Трубецкая), кн. Праск. Юр. во второмъ бракѣ за Петр. Александрович. Кологривовымъ, 602.

Гагарина (урожд. Пушкина), кн. Варв. Михайл. 9. 12.

Гагаринъ, кн. (Матв. Петр), 1051.

Гагаринъ, кн. Пав. Павловичъ, предсѣдатель Комитета Министровъ, 1040.

Гагаринъ, кн. Серг. Ив. свѣдѣнія о немъ, 1, 2. письма къ нему и-цы Маріи Ѳеодоровны 3—24.

Гагаринъ, кн. Ѳедоръ Сергѣевичь убитъ въ Варшавѣ, во время мятежа на страстной недѣли 1795 года 602

Гагаринъ, кн. упом. въ пис. кн. Куракина 195.

Гагаринъ, кн. въ 1812 году вооружилъ на свой счетъ полкъ 87.

Гагаринъ, князь, уп. въ пис. гр. Ростопчина 1894.

Гакстгаузенъ, бар. путешественникъ посѣщалъ въ Москвѣ Чаадаева 995.

Галдановъ Василій, капитанъ, квартальный поручикъ 898.

Галиль-паша, былъ съ посольствомъ въ Петербургѣ 748.

Галинковскій, Як. Ѳед. издатель Корифея или Ключа литературы 1094.

Галлеръ, сочинитель 937.

Галь, докторъ, пользовавшій въ Парижѣ гр. Ѳ. В. Ростопчина 1898.

Гамалей, (С. И.) масонъ, 1427.

Гамельтъ, упом. въ пис. Поликарпова, 1043.
Гаментовъ, дьякъ 1052.
Ганнибалъ, маіоръ 920.
Ганнибалъ, Ос. Абр. (дѣдъ Пушкина) 1415, 1416,
Гарве, сочинитель 842.
Гарденбергъ, Прусск. министръ 42. 48. 74. 82. 175. 183. 207.
Гаррисъ, Американскій консулъ 1109.
Гауеръ, лордъ 43. 48. 61. 63. 64. 68. 74. 82. 181. 183.
Гваренги, архитект. 1075.
Гебель, 842
Геберъ, у него учился гр. Н. М. Каменскій 1500.
Гейбель, иностранецъ 892.
Гейдекъ, полковн., 316.
Гейденъ, графъ, адмир. 374.
Геймъ, Ив. Андр. Профес. Моск. Унив. Графъ М. Ѳ. Каменскій поручаетъ сыну своему купить его словарь 1524 ректоръ 795. 890.
Гекимъ-Баша, главный мудрецъ, врачъ или шутъ при Султанскомъ дворѣ 786.
Гельбигъ, его Russische Günstlinge 823 — 826. 1816.
Гельгудъ, 467.
Гельманъ, маіоръ 885.
Генрихъ, пр. Прусскій 221. 233.
Георгій Дашковъ, іеромонахъ 1059.
Георгій Черный 113.
Герасимовъ, Ѳедоръ, писецъ 1049.
Герасимъ, архим. Симоновскій, пис. къ нему архим. Фотія 946. 947.
Гердеръ, 841. 843.
Германъ, ген. 242.
Германъ, проф. 323. 822.
Гернгутеры 131. 1352 правительственныя мѣры по случаю появленія ихъ въ Лифляндіи въ 1743. г. 1391—1395.
Геродотъ, его читаетъ Сперанскій 1202.
Гете, 841—843. 1699.
Гіонъ, сочинительница 1358.
Гладковъ, упом. въ пис. Сперанскаго 1164.
Гладковъ, упом. въ Зап. Греча 1407.
Глазенапъ, уп. въ пис. гр. Ростопчина 1890.
Глинка, Г. И., кавалеръ при В. К. Николаѣ и Михаилѣ Павл. 340. 372
Глинка, Мих. Ив. 1445.
Глинка, Серг. Никол. упом. въ пис. 633 и въ воспоминаніи о Булгаковыхъ кн. Вяземскаго 1441. пис. къ нему гр. Ростопчина 854.
Глинка, Ѳед. Никол. его Записки «съ жадностью» читались воспитанниками Школы колонновожатыхъ 810 упом. 1409.
Гнѣдичь, Никол. Ив. отзывъ о немъ брата Крылова 260 пис. къ нему Каченовскаго 970—972.
Гогартъ, 1177.
Гоголь, посѣщеніе Чаадаева 995 упом. въ пис. Жуковскаго 1475. 1476. 1477. упом. 1326.
Голенищевъ—Кутузовъ Смоленскій, Князь Мих. Иллар. его переписка съ гр. Ростопчинымъ 858. 881. 884. ненавидимъ Чичаговымъ 1819 «великій полководецъ и хитрый дипломатъ» 1842; въ 1812 избирается въ главнокомандующіе 1857. Отношенія къ Бенигсену 1857 — 1859. упом. 356. 1675 уп. въ пис. гр. Ѳ. В. Ростопчина 1876. 1886, замѣчаніе о немъ солдатъ-его сподвижниковъ 1997. Его замѣчаніе объ Аустерлицкомъ сраженіи; читаетъ солдатамъ басню Крылова Волкъ на псарнѣ 1999. 2000.
Голенищевъ-Кутузовъ, гр. Пав. Вас. 369. 370. 633 Его разсказы объ 1812 годѣ 1996. 1998.
Голенищевъ-Кутузовъ, Пав. Ив. 836., 1087. 1088. (уп. въ пис. гр. Ѳ. В. Ростопчина 1885 г.)
Голиковъ, 1058.
Голицына (урожд. кн. Прозоровская), княг. Анна Александровна; гр. М. Ѳ. Каменскій совѣтуетъ своему сыну Николаю «повертѣться» около нея 1509.
Голицына (урожд. Столыпина), Вѣра Аркад. 1124.
Голицына княг. Наталья Петр. 653.
Голицынъ, кн Александръ Никол. упом. въ пис. кн. Куракина 55. 59. принимаетъ участіе въ судьбѣ Баратынскаго 146 два письма къ нему Жуковскаго 156—160 отношенія его къ Магницкому 930. 932. 936 1405 низверженіе 944. 948. 1387. 1389. 1390. 1405 президентъ Библейскаго общества 1139. 1380—1382

1385. 1386. 1395. 1400. 1403 преслѣдуетъ ректора Пбургской Семинаріи Иннокентія 1384. покровительствуетъ иностраннымъ проповѣдникамъ въ Пбургѣ 1404. 1405. дѣло о книгѣ Госнера 1408. 1409 статья А. Я Булгакова объ его кончинѣ 1451 Жуковскій съ сочувствіемъ о немъ воспоминаетъ 1451 называлъ Сперанскаго «le revenant» 1648. упом. въ пис. Сперанскаго 1734 1753. упом. 1332. 1411. 1836. 1645.

Голицынъ, кн. Дав. Оед. 1124.

Голицынъ, кн. Дм. Влад. его столкновенія и неудовольствія съ гр. М. А. Дмитріевымъ-Мамоновымъ 98. 963 письмо къ нему сего послѣдняго 964—967. ходатайствуетъ объ освобожденіи Чаадаева изъ подъ ареста 987 одинъ изъ основателей итальянской оперы въ Москвѣ 1441. 1442 военное поприще 181. 1840. 1846? Свиданіе съ Жуковскимъ въ Дюссельдорфѣ 1147. 1148. уп. 1991.

Голицынъ Младшій, кн. Мих. Мих. фельдмаршалъ, пис. къ нему Петра Великаго 106.

Голицынъ, кн Серг. Павл. Черниговскій губернаторъ, купилъ принадлежавшій Завадовскому памятникъ гр. Румянцова Задунайскаго и подарилъ его гор. Глухову 1075.

Голицынъ, кн. Серг. Ѳед. упом. въ пис М. Ѳ. Каменскаго 1506. 1512? въ его домѣ жилъ Крыловъ 241

Голицынъ, кн. Ѳед. Серг. егермейстеръ (262?) 1124.

Голицынъ, князь. Взятъ въ плѣнъ въ Бородинск. сраженіи; бѣгство и спасеніе полковника 1987. 1988.

Голландъ, бар. 466.

Головина, М. І. 1058.

Головинъ, гр. Ник. Ник., уп. 1888. уп. въ пис. гр. Ѳ. В. Ростопчина. 1892. 1893. 1901, 1902. 1915. 1919. 1922. Супруга его уп. 1922.

Головкинъ, графъ Гавр. Ив. великій канцлеръ 1555.

Головкинъ, гр. Н. П. 856.

Головлевъ, упом. въ Зап. А. Ѳ Брокера 1421.

Голохвастовъ, (Дм. Пав.), монографъ 991.

Голубцовъ, Ѳед. Александ. госуд. казначей 1527.

Гольтцъ, г жа 35. 40.

Гольтцъ, дипломатъ 74 82.

Гомеръ, Жуковскій его переводитъ 443. 444. Дашковъ—изучаетъ 590 уп. 1524.

Гопъ, голландецъ 1059.

Горбуновъ, уѣздн. стряпч. 1042

Горѣново, село 4—6. 9. 10. 22.

Горсъ, капит., уп. въ донес. гр. Бальмена 1946 1948. 1975. 1977.

Горчаковъ, кн. Андр. Ив. 77. 84. 172 181. 227. 1840.

Госкони, Англичан., 1418. 1419.

Госнеръ, патеръ, 1333. 1349. 1350. 1368—1377. 1387. 1388. Записки Греча 1403—1413.

Гофильдъ, капитанъ, уп. въ донесеніи гр. Бальмена 1943. 1944.

Граббе, убитый во время Польск. возмущенія 1305.

Граве, чиновникъ Кремлевской экспедиціи 899.

Граммонъ, герцогъ 33. 34. 37. 39.

Гревенцъ, губерн. 1423.

Грейгъ, адмир. 1416. 1417.

Грейгъ, (младшій), адмир. 387. 755.

Греки, отзывъ о нихъ Стефана, митрополита Сербскаго 115.

Гречъ, Ник Ив. упом. въ пис. кн. Вяземскаго 616. 619. Жуковскаго 843 его Записки 1403—1413 уп. 1819.

Гречъ, Александра Никол., 1407.

Гречъ, Евг. Ив. 1403.

Гречъ, Ольга Никол. 1407.

Грибоѣдова, Нина Александров. 1030.

Грибоѣдовъ, Александръ Серг., его кончина 606.

Григорьевъ, Тимоѳ. Мих., 1515.

Гриммъ, 621.

Гриммъ, упом. въ Зап. А. Ѳ. Брокера 1414. 1415. 1416.

Гринвальдъ, 1435.

Гротъ, Як. Карл., Академикъ, его изданіе Державина 1419. 1491. 1816 его розысканіе о товари-

щахъ Радищева 1815 статья о журнальной дѣятельности Крылова 1818.
Грузино, село 283. 289. Сперанскій называетъ его «святою обителью» 1647. по письмамъ наперсницы гр Аракчеева 1656—1661. 1664. 1666—1673. уп. въ пис. г. Ростопч. 1874.
Грузинскій, кн. 1062.
Грушй, 703.
Гугертъ. докторъ 1478. 1481. 1483.
Гудовичъ, гр. Ив. Вас. главнокомандующій въ Москвѣ 94. 95.
Гудсонъ-Лоу, губер. остр. св. Елены 468. 470. 474. 674. 676. 678. 679. 693. 696. 697. 700. 702. 713. 716. 717. 720. 724. 725. 729. 731. 732 734, 1924 — 1931. 1934 — 1939. 1941. 1943—1984.
Гумбольдтъ, 379. 842.
Гунибъ, аулъ 1304.
Гурго генер., уп. въ донес гр. Бальмена 675. 698—701. 715. 1937. 1940 1941. 1942. 1946. 1948. 1953—1955. 1957. 1960. 1962. 1966. 1970. 1971. 1974. 1976.
Гурка, А. О. офицеръ Семеновск. п. сообщилъ разсказъ о фельдмаршалѣ Кутузовѣ 2000.
Гурьевъ, гр. Дмитрій Александровичъ, министръ финансовъ 61. 62. 1625.
Гурьевъ ассесоръ военнаго суда надъ Семеновцами 1826.
Гуслицы, село, имѣніе г-жи Жеребцовой, уп. 1984.
Густавъ IV, кор. Шведск. 1853.
Гуфландъ, докторъ, уп. въ пис. гр. Ростопчина 1881. 1882.
Гюденъ, ген. 1846. 1860.
Гюббенетъ, профес. хирургіи 402.

*

Даву 919. 929. 1850
Давыдовъ, Влад. Ден. дѣдъ по матери гр. А. А. Орловой-Чесменской 1504. 1524 1525.
Давыдовъ, Ден. Вас. упом. въ пис. кн. Вяземскаго 656. его встрѣча съ гр. М. Ѳ. Каменскимъ. Сообщилъ подробности внезапнаго удаленія Каменскаго отъ арміи 1492. пис. его къ Жуковскому 975. его свидѣтельства 1852 уп. 1999.
Давыдовъ, управляющій Ливенск. имѣніями гр. Ростопчина 1884. 1896. 1906. 1908.
Давыдовъ, Ив. Ив. проф. Моск. Унив. 1872.
Дадіановскій домъ, въ Москвѣ 902.
Дадьянъ, кн. Екатер. Александр., 1030.
Дазеръ, банкиръ, Сперанскій имѣлъ съ нимъ денежныя дѣла 1696. 1709. 1710. 1712. 1713. 1715. 1729. 1732. 1733. 1744. 1755 1756. 1762. 1782.
Даламбертъ, 1342.
Даль, Влад. Ив. его словарь 1415.
Даненбергъ, ген., 1032.
Даниловъ, Семенъ, 1047.
Даниловъ, Петръ Андреевичъ 1424.
Даниловъ, маіоръ, его Записки 1560.
Даниловъ, приставъ городск. части въ Москвѣ, уп. въ пис. гр. Ростопчина 1875.
Данцигъ, осада; подвигъ Фигнера 1998. 1999.
Д'Артуа, графъ 983.
Дахновичи. село 1075.
Дашкова, мать Дмитр. Васильевича ур. Кашинцова 592. 598. 599.
Дашковъ. Дмитрій Васильевичъ, его письма изъ Букюкдере къ И. И. Дмитріеву 583 — 596 къ нему же изъ с. Тонина 596 – 598. изъ Петербурга 598 — 602. упом. въ пис. кн. Вяземскаго 607, 611. 614. 615. 617. 620, 624. 626. свиданіе съ нимъ Н. Н. Муравьева передъ отправленіемъ въ Константинополь 752. 753. письмо къ нему Жуковскаго по поводу предполагаемаго ими изданія «Аонидъ» 837—843. его друзья 1436. арзамасское прозвище 1832. упом. 1834.
Дефоли, Польскій повѣренный при Петербургскомъ дворѣ 825.
Девель, упом. въ Зап. Инсарскаго 1305.
Деви, капитанъ, уп. въ донес. гр. Бальмена 1943. 1944.
Деволанъ, Фр. Павл. 1865.
Девонъ, Капитанъ, уп. въ донес. гр. Бальмена 1924. 1927. 1930. 1931.
Де-Гаве, герцогъ 34. 39
Де-Дука, 66. 70.

Декроа, упом. въ Зап. Инсарскаго 1277.
Делиль, 1128.
Дельвигъ, бар. Антонъ Антоновичъ 143. 145. 146.
Дельсаль (урожден. Салькова), Варвара Егоровна, воспитывалась въ домѣ гр. Ѳ. В. Ростопчина 1901.
Дельсаль, французъ, уп. въ пис. гр. Ѳ. В. Ростопчина 1890.
Демандръ, Антоній, коновалъ, уп. 1436.
Демидовъ, въ 1812 году вооружилъ на свой счетъ полкъ 87.
Деневъ, измѣнникъ 1434.
Деперрадовичъ, генералъ 1034.
Деревково, сельцо 871.
Державина, Екатер. Яковлевна 126.
Державинъ, Д. Б. Мертваго говоритъ о немъ съ признательностью 125. уп. въ Зап. В. И. Панаева 142. памятникъ ему 633. зап. Дмитріева 649. 652. уп. 656. въ пис. И. И. Дмитріева 1098 воспѣваетъ гр. М. Ѳ. Каменскаго 1492 его государственная дѣятельность 1543. 1580. 1581. 1585. 1586. 1589. его мнимый доносъ 1815 сочиненія 1419. 1491. 1816. Запис. 1559. 1576. 1580. 1581 1586.
Десангленъ, Як. Ив. 1426.
Джанотти, полк. преподавалъ инженерную часть В. кн. Николаю и Михаилу Павловичамъ 340. 364.
Джемсонъ, капитанъ, уп. въ донес. гр. Бальмена 1932. 1933.
Джонсонъ, англ. полковн., 470.
Джонъ, капитанъ, уп. въ донес. гр. Бальмена 1971. 1972.
Дибичь, гр. фельдм. 600.
Дивовъ, Андреянъ Ивановичъ, нижегородск. помѣщикъ; любовь къ нему крестьянъ 1992. 1993. уп. Супруга его 1992. 1993
Дивовъ, д. сг. сов., кавалеръ В. Князей Николая и Михаила Павловичей 340.
Дивовъ, Николай Андреянов., 1676.
Дилаверъ-паша, изъ плѣнныхъ грузинъ 787.
Димитрій (Сулима), преосв. Кишиневскій 942.
Діаконовъ, капит. 802
Д'Эонъ, его Mémoires 319.
Дмитріевъ, Иванъ Гаврил. 589.
Дмитріевъ, Иванъ Ивановичъ, пис. къ нему Дашкова 583—602 князя Вяземскаго 602—658 гр. М. А. Дмитріева-Мамонова 962—964. былъ первымъ посѣтителемъ Чаадаева въ самый первый день его опалы 987. его пис. къ Д. И Языкову 1081.—1102. намекъ Сперанскаго на его стихотворную сказку 1805 «кровный и всецѣлый классикъ» 1836. его басни 1818, посланіе къ нему кн. Вяземскаго 1819.
Дмитріевъ, Михаилъ Александровичъ, Дашковъ поздравляетъ его съ камеръ-юнкерствомъ 597.
Дмитріевъ, П. Д. 475.
Дмитріевъ, Ѳедоръ Михайловичъ, бывшій професс. Москов. Университета, сообщилъ: пис. Дашкова 583, кн. Вяземскаго 602 и графа М. А. Дмитріева-Мамонова 963. его статья о Сперанскомъ 1527—1656.
Дмитріева - Мамонова, (урожд. кн. Щербатова) гр. Дарья Ѳедоровна 92.
Дмитріева - Мамонова, граф. Марья Александровна 101.
Дмитріева - Мамонова, Прасковья Матв., фрейлина 96. 98
Дмитріевъ-Мамоновъ, гр. Александръ Матвѣевичъ, 87. 90—92.
Дмитріевъ-Мамоновъ, гр. Матвѣй Александровичъ, существуютъ ли его Записки? 87—91 очеркъ его жизни 91—102. его письма 962—967 болѣзнь 967—969.
Дмитріевъ - Мамоновъ, Матвѣй Васильевичъ, сенаторъ 92. 93. 96.
Долгорукая, (урожд. гр. Бутурлина), кн. Варвара Александровна 54. 58.
Долгорукая, (урожд. гр. Бутурлина), кн. Екатерина Александровна 54. 58.
Долгорукая, (урожд. Голицына) княгиня Екатерина Александровна, уп. въ пис. гр. Ѳ. В. Ростопчина 1878.

Долгорукая, (урожд. Булгакова) Ольга Александр. 1450—1452.
Долгорукіе, князья 1861.
Долгорукій, князь Александръ Николаевичъ, уп. въ пис. гр. Ѳ. В. Ростопчина 1878.
Долгорукій, кн. Вас. Влад. 54. 58.
Долгорукій, кн. Василій Юрьевичъ, 58.
Долгорукій. кн. Ив. Мих. 642.
Долгорукій, кн. (Михаилъ Петровичъ) убитъ въ Финляндіи 1519.
Долгорукій, кн. П. В. ссылки на его Родословную Книгу 1489.
Долгорукій, кн. Юрій Владимір. 54. 58. 1420. одинъ изъ основателей итальянской оперы въ Москвѣ 1441.
Доноровичь, Христофоръ 897. 902.
Дохтуровъ, (Дм. Серг.) ген. 1840, 1846, 1850.
Дретъ, ресторатъръ, 1434.
Дро, Гумбертъ 898.
Дроновъ, Ив. Петр. Моск. купецъ 899.
Дубельтъ, Леонтій Васильевичъ, 1432.
Дубенскій, Николай Порфирьевичъ, сенаторъ упом. въ пис. Сперанскаго 1199. 1204. 1696. 1719. 1732. 1765.
Дубровицы, подмосковная гр. Мамонова 88. 92. 97—99.
Думбельтонъ, капит. 720. 723.
Дунашевъ, должникъ гр. Ѳ. В. Ростопчина 1877. 1879. 1881. 1884. 1886—1889. 1891. 1893. 1901.
Дункеръ, докторъ 226. 237.
Дункеръ, 323.
Дурасовъ, Егоръ Александровичъ, сенаторъ 1433 уп. въ пис. гр. Ѳ. В. Ростопч. 1895. 1898.
Дурова, упом. въ пис. Сперанскаго 1810.
Духоносцы, секта 940. 1345. 1348. 1355.
Дэ (Day) его The Russian Government in Poland 320.
Дювернуа, измѣнникъ 1434.
Дюгазонъ, актеръ, 701.
Дюгамель, гвард. ген. штаба полковникъ назначенъ состоять при Н. Н. Муравьевѣ; порученія на него возложенныя 743; отзывъ о немъ 744. уп. 792.
Дюлонъ, Московскій купецъ, 893. 896.
Дюмануаръ, 382.
Дюпонъ, измѣнникъ, 1434.
Дюронель, губерн. 852.
Дюрокъ, 203. оберъ-гофмаршалъ 220.
Дюссо (Dussault), фр. критикъ 604.
Дюфуръ, 61. 62.

*

Евангеліе, въ русскомъ переводѣ, замѣчаніе Сперанскаго, 1701.
Евгеній, митр. Кіевскій, вызывается въ Петербургъ 941. 942.
Евгеній, принцъ. 1502.
Евдокимовъ, графъ, упом. въ Зап. Инсарскаго 1255. 1269. 1274. 1277. 1286. 1290. 1300.
Евдокія Ѳеодоровна, царица 1060.
Евреевъ, Матвѣй 1044. 1045. 1047.
Евреинова, Марія, уп. въ пис. Сперанскаго 1196.
Едлинскій, командиръ казачьей бригады 1253. 1254.
Екатерина I, импер. 1059, 1566.
Екатерина Великая, импер. 23. 87. путешествіе въ полуденную Россію 90. 91. самозванцы въ ея царствованіе 274. 275. 278—280 (уп. 323. 330. 373). церковныя дѣла 427. одариваетъ семейство де Бальмена 462. 463. свидѣтельства дипломатовъ 824—828. ея комнаты въ Зимнемъ Дворцѣ 849. гр. Ростопчинъ описалъ послѣдній день ея жизни 855. поправляетъ планъ дома Завадовскаго. постр. въ его селѣ Ляличахъ 1075. выводитъ въ люди Безбородка. 1077 увеличиваетъ прогонные платежи 1078 опредѣляетъ Потемкина въ Сvнодъ и даетъ ему инструкцію 1329—1331 «покушенія враговъ Россіи» въ ея царствованіе 1335—1336 указъ о запрещенныхъ книгахъ 1343. 1337; ссылаетъ дѣда Пушкина 1415 покровительствуетъ англичанину Госкони 1418. 1419 (уп. 1421) не расположена къ масонамъ 1328. 1812; по словамъ Жуковскаго съ кн. А. Н. Голицынымъ исчезъ ея вѣкъ 1451; тяготилась бе.

сѣдою съ гр. М. Ѳ. Каменкимъ 1490 ея государственная дѣятельность 1533—1535. 1539—1543. Ея внѣшняя политика 1541. 1551. 1553. 1561. 1562. 1564. 1565. 1567. 1569. 1571 — 1574. 1576 — 1578. 1581—1585. 1598. 1618. 1625. 1631. Радищевъ изъ рукъ ея получаетъ Владиміра въ петлицу. 1814. уп. 1816.

Екатерина Іоанновна, герц. Мекленбурская 107.

Екатерина Медичи, письма ея хранятся въ Импер. Публичной библіот. 321.

Екатерина Павловна, в. кн. упом. въ пис. кн. А. Б. Куракина 28. 31. 32. 36. 40—42. 47. 48. 53—60. 62. 63. 67. 70. 176. 190. 196. 206. 207. 214. 221. 227. 230. 233. 240 пис. къ ней гр. М. А. Дмитріева-Мамонова 103. 104. для нея Карамзинъ написалъ свою политическую записку о Россіи 644. 1643 ея могила 1461. трауръ по ней 1193 уп. въ пис. гр. Ѳ. В. Ростопчина 1875; празднованіе свадьбы ея 1888 уп. 1905.

Екатерины Св. костелъ, см. Санктъ-Петербургъ.

Екатеринодаръ, с. 1075.

Елагина, (Авдотья Петровна), упом. въ пис. Жуковскаго 1460.

Елены Св., островъ 673—675 1924—1984.

Елизавета Алексѣевна, импер. 1114. 1662. Оказываетъ благосклонность гр. Ѳ. В. Ростопчину 1875.

Елизавета Петровна, импер. 272. 274. 276. за нее сватался пр. де-Конти 319. ея мнимая дочь 323 упом. 1061. ея благочестіе 1329 ея указы Лифляндскому вице-губернатору Еропкину 1391. 1392—1394 ея государственная дѣятельность 1539. 1551. 1563. 1564. 1571.

Елизавета Валуа, жена Филиппа II, 321.

Енгіенскій герцогъ 705.

Ермакъ, упом. въ пис. Сперанскаго 1735.

Ермолаевъ, Иванъ вольноотпущенный, 898.

Ермолаева, 1181 выходитъ замужъ за Бахметева 1187.

Ермоловъ, Алексѣй Петровичъ, 742. 802, Записки 855 слова, сказанныя ему и. Александромъ I-мъ 1856. 1857.

Еропкинъ, ген. лейт., Лифляндскій вице-губернат., 1391—1393.

*

Жандръ, его сочиненіе 394.

Жезіопре, учитель 1434.

Жерве, (урожд. Амбургеръ), 1127.

Жерве, Андрей Андреевичъ, упом. въ пис. Сперанскаго 1127. 1132. 1134. 1148. 1157. 1171. 1184. 1192. 1200. 1201. 1203. 1205. 1210. 1727. 1728. 1732.

Жеребцова, уп. въ разсказѣ А. Н. Оленина о 1812 годѣ 1984.

Жеребцовъ, П. Н. ген. м. 1847.

Жихаревъ, С. П., его арзамасское прозвище 829. 838.

Жомини, воен. писатель, пользовал. расположеніемъ Александра I-го 1923.

Жуковская, Александра Васильевна, 1480.

Жуковская (урожд. Рейтернъ), супр. Василія Андреев. 1446. 1450. 1451. 1453. 1454. 1456. 1457. 1461. 1462. 1465. 1466. 1467. 1468. 1472.

Жуковскій, Василій Андреевичъ, пис. къ нему В. Кн. Александры Николаевны 107. 108 принимаетъ участіе въ судьбѣ Баратынскаго 146. Письмо къ нему Баратынскаго 147—156 два письма къ кн. А. Н. Голицыну о Баратынскомъ 156—160. отзывъ объ его сочиненіяхъ брата Крылова 260 о пис. его къ В. Кн. Константину Николаевичу 334. отзывъ о немъ кн. Вяземскаго 437. 438. пис. къ кн. Вяземскому 440—444. упом. въ пис. Серг. Льв. Пушкина 456. 457. его грамматическія таблицы 593. уп. въ пис. кн. Вяземскаго 612. 617. 618. 621. 624. 625. 629—631. 634—636. 642. 646. 648. 656 его Бородинская годовщина 733 его пріятельскія отношен. къ Муравьевымъ 810 его сочиненія съ «жадностью» читались воспитанниками Школы Колонново-

жатыхъ 810. 811. его протоколъ 20-го засѣданія Арзамасск. общества 830 — 838. упом. 866 принимаетъ участіе въ судьбѣ стихотворца Мещевскаго 938 упом. въ пис. Каченовскаго 970 пис. къ нему Д. В. Давыдова 975. его замѣчаніе на знаменитое письмо Чаадаева 986. 987. его друзья 1436 съ «особеннымъ пристрастіемъ» сочувствовалъ «сценическимъ выходкамъ» А. Я. Булгакова 1441. письма его къ А. Я. Булгакову 1443—1483. свиданіе его съ дочерью Сперанскаго 1699. замѣчаніе о немъ Сперанскаго 1699. 1700. 1702. Черта его характера 1871. 1872. письма къ нему Карамзина 1827—1836 комната въ Николаевскомъ Московскомъ дворцѣ, гдѣ онъ давалъ уроки в. кн. Александрѣ Θеодоровнѣ 1830 всегда былъ озабоченъ мыслію и желаніемъ жениться 1832; о его произведеніяхъ 1837. упом. 1207.

Жуковскій, Павелъ Васильев., 1450. 1451. 1464. 1480.

Жулковскій, Никол. Дмит. 1405.

Журавлевъ, Иванъ Θедоровичь, умеръ сенаторомъ 1106. 1732.

*

Завадовскій, гр. Петръ Васильев., его село въ Черниговской губерніи 1074. 1075 разсказъ о немъ 1075. 1076 уп. 1586.

Завальное Ханенѣвка тожъ, Пензенская деревня Сперанскаго 1122.

Загоскинъ, Михаилъ Николаевичъ, пис. къ нему Пушкина 973 Жуковскаго 973. 974.

Загряжская, Наталія Кирилловна, 1159.

Загряжскій, отставн. шталмейст., 895. 901.

Законодательныя Коммиссіи, въ Россіи, 1629—1635.

Закревскій, гр. Арсеній Андреевичъ, принималъ участіе въ судьбѣ Баратынскаго 146 уп. въ Воспоминаніяхъ о Чаадаевѣ 977. 984. 998. 1320. 1328 праздникъ въ маскахъ, устроенный въ его домѣ 1475. Жуковскій поручаетъ А. Я. Булгакову сообщить ему свою мысль по этому поводу 1476. въ перепискѣ съ А. Я. Булгаковымъ 1437. упом. въ пис. гр. М. Θ. Каменскаго 1517. въ пис. о Семеновской исторіи 1824. 1825 г. Уп. въ пис. гр. Θ. В. Ростопчина 1920.

Залѣтовъ, Сергѣй, тит. сов., 898.

Запольская, упом. въ пис. Сперанск. 1798. 1799.

Запольскій, упом. въ Зап. А. Θ. Брокера 1420.

Заремба, докторъ 507.

Захаржевскій, Яковъ Васильевичъ, ген. м. 876. 877.

Захаровъ, частный приставъ 966.

Зееръ, упом. въ пис. Сперанск. 1752.

Зейдель, упом. въ пис. Сперанскаго 1799.

Зейманъ, докторъ 405.

Зенеръ, граверъ 843.

Зенфъ-де-Пильсакъ, бар. 45. 46. 51. 74. 82.

Зиссерманъ, полковн. упом. въ Записк. Писарев. 1249. 1250. 1255. 1260. 1264. 1278. 1296. 1297. 1298.

Злобина, Маріанна, вышла за мужъ за Пиберха 1169.

Злобинъ, Василій Алексѣевичъ, 126.

Зотовъ, графъ 1555.

Зубковъ, прапорщикъ 802.

Зубова (урожден. кн. Суворова), Наталья Александровна, уп. въ пис. отца 1865.

Зубовъ, кн. Платонъ Александровичъ 75. 83. 1857.

Зыкова, упом въ пис. Сперанскаго 1191.

*

Ибрагимъ паша, сынъ Мегмедъ-Али паши, предводительствуетъ войскомъ отца противъ султана Махмуда II-го 735. 749. 754. 792.

Иваницкій, Семенъ 276.

Иванчинъ-Писаревъ, кн. Вяземскій проситъ Н. И. Дмитріева заказать ему некрологическую статью о В. В. Измайловѣ 611.

Ивашкинъ, Петръ Александровичъ оберъ-полиціймейстеръ Московскій, 1431—1433. уп. въ пис. гр. Θ. В. Ростопчина 1877. 1890. уп.

въ пис. Брокера 1913. 1914.
Иващенцовъ, начальникъ съемки Каспійскаго моря, упом. въ Зап. Инсарскаго 502. 504. 506. 508.
Иванъ Родіоновичъ, камердинеръ гр. Ростопчина 1904.
Игнатій (Смола), членъ св. Сvнода 1060.
Игнатьевъ, Иванъ Яковлевичъ, секундъ-маіоръ 1864.
Игнатьевъ, Яковъ Васильевичъ, надв. сов. 1864.
Измайловъ, Александръ Ефимовичъ. 144. 145 отзывъ брата Крылова о его басняхъ 260.
Измайловъ, Владиміръ Васильевичъ, сочувственный отзывъ о немъ кн. Вяземскаго 607. 610. 611. упом. въ пис. И. И. Дмитріева 1086.
Измайловъ, Сергѣй Васильевичъ, 1864.
Измайловъ, комендантъ 1044.
Изралевичъ, Еврей 901.
Изъѣдиновы, дѣло ихъ съ гр. М. О. Каменскимъ о деревнѣ 1521. 1522.
Иловайскій, Дм. Ив. 882 сообщ. «Изъ дипл. корресп. XVIII в.» 822.
Иловайскій, ген. 885. 887. 890.
Иловайскій, казачій офицеръ, уп. 1996.
Ильинъ, В. Ф. 1671.
Иннокентій, митр. Московскій 374.
Иннокентій, еп. Пензенскій, 932 письмо его къ архим. Фотію 945 упом 1384. 1385.
Иннокентій, архіеп. Херсонскій, его служеніе и проповѣданіе во время крымской войны 399 Записка 412—435.
Инсарскій, Василій Антоновичъ, его Записки 475—514; 1003 1031; 1245—1318.
Ипсиланти, кн., его воззваніе къ Грекамъ 293. 294.
Исаевъ, Иванъ Петровичъ, Московскій купецъ 899.
И—ръ, 1812. 1813.
Исландія, упом. съ пис. Сперанскаго 1758.
Истоминъ, Владиміръ Ивановичъ, адмиралъ, 386. 405. 410. 411. 412.
Ичнерипскіе лѣса, на Кавказѣ 1273. 1274.

*

Іакинѳъ Бичуринъ, 1745.
Іаковъ II кор., 462.
Іелачичь, банъ 122.
Іеронимъ, пр. 220.
Іоаннъ Антоновичъ, импер. 1061.
Іоаннъ IV Васильевичъ Грозный, пожаловалъ предку гр. О. В. Ростопчина дер. Овечну 1923. Сперанскій совѣтуетъ своей дочери прочитать его Царствованіе, описанное Карамзинымъ 1702.
Іоаннъ, митр. 1059.
Іоаннъ, протоіерей Семіоновскій, въ Петербургѣ духовникъ Сперанскаго 1134.
Іоасафъ, еп. Смоленскій, 1396. 1400.
Іовичъ, бар. 122.
Іовскій, докторъ 460.
Іовъ, мон. Новгородскій 1049. 1050.
Іогель, секр. кн. А. Б. Куракина 222.
Іона, преосв. Тверскій 942.
Іосифъ II, Импер. 90. 330.
Іосифъ, Раячичъ, патр. Сербско-Австрійскій, пис. его къ Русскому консулу въ Бѣлградѣ 120—123.
Іосифъ, палатинъ, супр. В. К. Александры Павловны 113. 214. 242 уп. въ пис. кн. А. Б. Куракина 55. 59. 60.
Іосифъ, кармелитъ, 1044.

*

К. генералъ, 284. 286.
К... въ, И. И. 1071.
Кабардинскій, полкъ, 1288. 1289. 1293.
Каблуковъ, генералъ. командовавшій отрядомъ кавалергардовъ, во время возмущенія въ Петербургѣ 1820 года, 1823. 1824.
Кавелина (родомъ англичанка), упом. въ пис. Сперанскаго 1172.
Кавелинъ, Дмитрій Александровичъ, Директоръ Педагогическаго Института, членъ Арзамасскаго общества, 830. 838. Упом. въ запис. Жуковскаго 841. Упом. въ пис. Сперанскаго 1167. 1169. 1172. Упом. въ Запискахъ Греча 1404. Упом. въ пис. Жуковскаго 1466.
Кавелинъ, генералъ, директоръ Пажескаго корпуса 626.

Кавосъ, учитель музыки 1138.

Каджоры, загородное мѣсто подъ Тифлисомъ, 1003. 1009.

Казаки; ихъ значенiе; самозванцы — ихъ орудiе въ борьбѣ съ государствомъ 269 — 272. Наполеонъ I предполагалъ сформировать отрядъ въ 30.000 казаковъ 1995.

Казаки Донскiе. Мнѣнiе объ нихъ Кавказцевъ 1260. 1261. 1262. 1263. Скачка ихъ, на смотру Турецкаго Султана Махмуда II го, приводитъ всѣхъ въ восхищенiе 790.

Казаки Линейные, въ сравненiи съ казаками Донскими 1260.

Казаки Сунженскiе; ихъ пѣсни 1269. Благоговѣнiе ихъ предъ именемъ Слѣпцова 1270.

Казамажоръ, англiйс. дипломатъ; уп. въ пис. Сперанскаго 1714.

Казимiръ Патеръ, уп. 1435.

Кайсаровъ, Паисiй Сергѣевичъ, генералъ 1838.

Калачовъ, Николай Васильевичъ. Ссылка на его «Архивъ историческихъ и «практическихъ свѣдѣнiй, «относящихся до Россiи». 1527. 1559.

Калмыки, нар. 128—132. 1848.

Калуповъ, Иванъ. Упом. въ письм. графа М. О. Каменскаго 1496. 1497.

Калининъ, Николай Игнатьевичъ, Петербургскiй почтдиректоръ, уп. въ пис. гр. О. В. Ростопчина 1882. 1883. 1904. 1915. 1919.

Калькрейтъ, графъ; фельдмаршалъ, Прусскихъ войскъ 61. 63. 65. 69. 73. 74. 77. 81. 82. 85. 183.

Каменка, орловск. имѣнiе гр. Ѳ. В. Ростопчина, уп. 1885. Стеклянный заводъ 1906—1908.

Каменный Островъ, См. С. Петербургъ.

Каменская (бывшая Левшина) графиня Екатерина Ѳеодоровна уп. 1516. 1524.

Каменская, (урожден. Щербатова) графиня Анна Павловна, супруга фельдмаршала М. Ѳ. Каменскаго. 1498. 1502. 1508. 1509. 1511. 1524. 1525. 1526.

Каменская, Палагея Ѳедотовна, сестра фельдмаршала М. О. Каменскаго 1509. 1524.

Каменскiй, графъ Михаилъ Ѳедотовичь фельдмаршалъ. Письма его къ сыну его графу Н. М. Каменскому: 1489—1528. упом. внучка его 1484. очеркъ его жизни составленъ Бантышъ-Каменскимъ; воспитывался въ сухопут. Шляхетн. корпусѣ; съ отличiемъ участвов. въ Семилѣтней войнѣ; въ сношенiяхъ съ людьми былъ заносчивъ 1489. Екатерина II тяготилась его бесѣдой. Павлу I выражалъ особенную приверженность. Уп. въ запискахъ Энгельгардта, который обвиняетъ его въ лукавствѣ къ Потемкину 1490. Уп. въ Записк. Храповицкаго. По смерти Потемкина произвольно принялъ на себя команд. армiей, за что удаленъ Екатериной отъ службы. Павелъ I произвелъ его въ фельдмаршалы. Впалъ въ немилость и поселился въ своей орловской дер. занимался тамъ хозяйствомъ, математикой, а иногда стихотворствомъ. 1491. Вызванъ въ Петербургъ для войны съ Наполеономъ. Аракчеевъ уважалъ его. Стихи Державина. Внезапно уѣхалъ изъ армiи 1492. Въ супружеской жизни былъ несчастливъ. Насильствен. смерть 1493. 1494. Упом. въ статьѣ «Генералъ графъ Леонтiй Леонтьевичъ Бенигсенъ» 1840. 1843. 1844. 1845.

Каменскiй, графъ Николай Михайловичъ. Упом. въ письмѣ кн. А. Б. Куракина къ Императрицѣ Марiи Ѳеодоровнѣ 35. 40. Письма отъ отца его фельдмаршала М. О. Каменскаго 1489—1528. Таинственная смерть 1494.

Каменскiй, графъ Сергѣй Михайловичъ. Онъ не былъ любимъ отцемъ своимъ, фельдмаршаломъ Каменскимъ 1493. Умом въ письмахъ фельдмаршала Каменскаго 1503. 1510. 1521.

Каменскiй, графъ Михаилъ Сергѣевичъ, внукъ фельдмаршала 1516. 1518. 1521.

Кампiони, домовладѣлецъ Московскiй 98.

Кампорези. архитекторъ, уп. въ пис. гр. Ѳ. В. Ростопчина 1885. 1889.

Канашевскій, Андрей, причастный къ дѣлу «о должностныхъ лицахъ Московскаго правленія, учрежденнаго французами въ 1812 году» 892. 902.

Канкрина, графиня Екатерина Захарьевна. Письмо къ ней графа Аракчеева 281. 283.

Канкринъ, графъ Ег. Фр. Его мѣткая и живописная рѣчь 609. 610. Упом. въ Запискахъ Н. И. Греча 1410. 1412.

Канроберъ, главнокомандующій французскихъ войскъ подъ Севастополемъ 1677.

Канштатъ, гор. 1461.

Капнистъ, пародіи на его стихи 1092. 1094.

Капо д' Истріа, графъ Августинъ. 302.

Капо д' Истріа, гр. Іоаннъ Антоновичъ. Упом. въ запискѣ И. А. Райко 302—305. Упом. въ письмѣ Райко 311—313. Письмо его къ графу Бенкендорфу 315—317. Упом. въ письмѣ Д. Дашкова 592. Отрывокъ изъ его депеши къ Государю 982. Упом. 1438.

Капустинъ, Московскій купецъ 892.

Капцевичъ (Петръ Михайловичъ) воспитанникъ 2-го Кадетскаго Корпуса 1072.

Карамзина (урожд. Шернваль, въ первомъ бракѣ за Демидовымъ), Аврора Карловна, уп. въ пис. Жуковскаго 1464.

Карамзина, Екатерина Андреевна. Упом. въ письм.: Жуковскаго 440. 441. Д. Дашкова 594, Карамзина къ Жуковскому 1827. 1831. кн. П. А. Вяземскаго 618. 623. 630 641. 648. 653.

Карамзина, Софья Николаевна. Пожалована фрейлиною 597.

Карамзина, Наталья Николаевна, упом. въ письмѣ Карамзина къ Жуковскому 1827.

Карамзина, Наталья Николаевна, уп. въ пис. гр. Ѳ. В. Ростопчина 1886.

Карамзинъ, Александръ Николаевичъ, студентъ Дерпт. Ун 623, его служба въ гвардейской артиллеріи 646.

Карамзинъ, Андрей Николаевичъ. Студентъ Дерптскаго Универс. 623. Опасно боленъ 641. 646. Уп. въ письмѣ кн. П. А. Вяземскаго 653.

Карамзинъ, Владиміръ Николаевичъ. упом. въ письмѣ Жуковскаго 1466.

Карамзинъ, Николай Михайловичъ. Жилъ въ домѣ кн. А. И. Вяземскаго въ Москвѣ 100. Упом. въ пис. Л. А Крылова 259. О письмахъ его къ Константину Павловичу 290. Письма его къ Константину Павловичу 290 — 292. Упом. 336. Упом. въ письмахъ. Жуковскаго 440. 839. Д. Дашкова 589—594. 597. 601. кн. П. А. Вяземскаго 603. 606. 609. 611. 612. 623. 624. 628. 629. 644. 649. Его Исторія съ жадностію читалась воспитанниками Школы Колонновожатыхъ 810. Упом. въ протоколѣ 20-го Арзамас. засѣданія 831. Упом. 937. Отзывъ о немъ М. Каченовскаго 972. Ходатайствуетъ предъ Александромъ I-мъ за Пушкина 977. 978. Вліяніе его на современную ему литературу 987. 989. Упом. въ письмахъ. И. И. Дмитріева 1086. 1089. 1091—1093. 1101. 1102. Двѣ записки его къ Д. Языкову 1103. 1104. Уп. 1531. Его записка «о старой и новой Россіи» 1617. 1638. 1642. 1643. Упом. въ пис. Сперанскаго 1702. Его письма къ Жуковскому 1827—1836. Строгъ къ стихотворцамъ и къ стихамъ 1836. уп. въ пис. гр. О. В. Ростопчина 1886.

Карамзины, упом. въ письмахъ: Д. Дашкова 597. 599. 601; кн. П. А. Вяземскаго 608. 611. 614. 618. 622. 623. 626. 629. 630. 633—635. 646. 648. 658. уп. въ пис. гр. О. В. Ростопчина 1886.

Карамышевъ, Модестъ Дмитріевичъ, воспитанникъ Царскосельскаго Лицея 875.

Карезинъ, Иванъ Ивановичъ, штабсъкапит. Упом. въ письмѣ фельдмарш. Каменскаго 1502.

Карековъ, Алекс. Упом. въ письмѣ къ графу Аракчееву 1665.

Карлъ, князь мекленбургскій; уп. въ пис. кн. А. Б. Куракина, 66. 70.
Карлъ VI, король французскій 269.
Карлъ VII, король французскій 269.
Карлъ X, король французскій 746. 983.
Карлъ XIII, кор. шведскій, присылалъ гр. С. Ѳ. Ростопчину орденъ Меча 1875.
Карлъ, эрцъ-герцогъ австрійскій уп. 1991.
Карльсбадъ. гр. Ѳ. В. Ростопчинъ засталъ здѣсь нѣсколько Русскихъ, пользующихся водами 1884.
Карнѣевъ, Михаилъ, московскій купецъ 901.
Каролина (урожд. принцесса баварская), супруга австрійскаго. Импер. Франца I-го. 47.
Кастельчикалла, князь, неаполитанскій посл. при Людовикѣ XVIII-мъ 1819.
Каховскій, (графъ Михаилъ Васильевичъ); назначеніе его главнокомандующимъ 1491.
Каченовскій, Михаилъ Трофимовичъ. Его «Вѣстникъ Европы» съ жадностію читался воспитанник. Школы Колонновожатыхъ 810. Два письма его 970—972.
Кашкинъ, Д. Е. Упом. въ пис. кн. П. А. Вяземскаго 652.
Квакеры, въ Петербургѣ; ихъ ученіе 1349.
Келимъ-эффенди, провіантмейстеръ 772. 773.
Келлеръ, Андрей (Генрихъ), иностранецъ, проживавшій въ Москвѣ 897.
Кеневичъ, В. О. его біографическіе очерки: Льва Андреевича Крылова 239—266 и Ивана Андреевича Крылова 860, 1816. «Библіографическ. примѣчанія къ баснямъ Крылова» 1817.
Кенжинъ, суконщикъ, соучастникъ Батуринскаго заговора. 276—278.
Кенигсбергъ, гор. 35. 40. 72—74. 77—82. 85. 86.
Кенигъ, ссылка на его «Literarische Bilder aus Russland.» 147. 870.
Кетовъ, гренадеръ, соучастникъ Батуринскаго заговора 276—278.
Кингстонъ, герцогиня 824.
Кинглекъ, членъ англійск. парламента, его «Исторія Крымской войны» 1676—1680.
Кингъ, капитанъ англійск. корабля «Корнвалисъ» 693. 706.
Киннерслёй, старинная англійская фамилія 1448.
Кикинъ, ссылка на его разсказъ 1858.
Киргизы, нар. 1689.
Кирьяковъ, А. А. его домъ въ Москвѣ 100.
Кирѣевскій, Ив. Васильевичъ, замѣчаніе кн. Вяземскаго по поводу запрещенія его «Европейца» 616. 617. Упом. въ пис. Жуковскаго 1477
Киселевъ, Н. С. его замѣтка: «существуютъ-ли Записки графа М. А. Мамонова?» 87—91. Сообщилъ «Дѣло о должностныхъ лицахъ Московскаго правленія, учрежден французами въ 1812 году» 881—903.
Киселевъ, Дмитрій Ивановичъ. Письма къ нему гр. Ростопчина 855. Ссылка на эти письма 1873. уп. 1895.
Киселевъ, графъ Павелъ Дмитріевичъ 821.
Кисловка, деревня 11. 18. 20. 21.
Китай, страна 1747.
Китайская торгов. 1702.
Кичеевъ, Г. М. учитель Россійской словесности гр. Мамонова 91—93.
Кичеевъ, П. Г. его разсказъ «Графъ М. А. Дмитріевъ-Мамоновъ» 91—102. 962. 963. Его статья о Баратынскомъ 866—872.
Кишинскій, упом. въ пис. Сперанскаго 1715.
Кишинскіе, упом. въ пис. Сперанскаго 1180.
Кіевъ, гор. Екатерина II нашла, что улицы его грязны и постройки неизящны 90.
Клаверингъ, француженка 724.
Классенъ, коммерціантъ въ Архангельскѣ; въ его домѣ останавливался Александръ I-й 1414.
Классенъ (урожден. Брокеръ) Дарья Ѳоминишна 1414.
Клеверингъ леди, уп. въ донес. гр. Бальмена 1964. 1969.
Клейнмихель, гр. Петръ Андреевичъ; ген.-адъют.

Присутствуетъ на похоронахъ Аракчеева 956. 957. Уп. въ письмахъ къ Аракчееву 1672. 1673.
Клермонъ, измѣнн. 1431.
Клингенорнъ, поручикъ; упом. въ пис. фельдмаршала Каменскаго 1514. 1517.
Клодель, учитель 1435.
Клоповъ, управитель гг. Лазаревыхъ: упом. въ пис. Сперанскаго 1185.
Клопштокъ, упом. въ пис. Сперанскаго 1152. 1185. 1189.
Клушинъ, Александръ Ивановичъ; участвовав. въ изданіи журн. «Зритель» 240. Упом. въ письм. къ И. А. Крылову 243. 245. Участ. въ изд. журн. «С. Петербургскій Меркурій» 862.
Ключаревъ, Андрей, комисаріатскаго штата комисаръ 901.
Ключаревъ, Өедоръ Петровичъ, почтдиректоръ въ Москвѣ; масонъ. 887. 1427. Удаленъ Ростопчинымъ изъ Москвы 1428. 1430. Уп. въ пис. гр. Ѳ. В. Ростопчина 1876.
Ключаревъ, сынъ почтдиректора 887. Подозрѣвается въ масонствѣ 1430. Сосланъ въ Воронежъ 1431.
Кничанинъ, сербскій полковникъ 121.
Кнорингъ, Богданъ Өедоровичъ, ген. отъ-инф. Уграшиваетъ фельдм. Каменскаго возвратиться къ арміи 1844. 1845. 1850. 1851. Его авторитетъ въ войскѣ 1855. Замѣчанія его о Кутузовѣ и Румянцовѣ 1857.
Княжнинъ, Яковъ Борисовичъ уп. 1815.
Княжнинъ, генералъ, упом. въ пис. Сперанскаго 1707.
Кобылина, упом. въ пис. фельдм Каменскаго 1501.
Кожина, упом. въ пис. Сперанскаго 1178.
Кожинъ, генералъ; упом. въ пис. кн. А. Б. Куракина 66. 70.
Козакова, уп. въ пис. гр. Ѳ В. Ростопчина 1889.
Козловскій, совѣт. Пушкину перевесть Ювеналову сатиру «Желанія» 655.
Козловскій, Алексѣй Семеновичъ, оберъ-прокуроръ Синода 1331.
Козловъ, Иванъ Козьминъ, московскій купецъ 894. 896
Козодавлева, (рожден. кн. Голицына) Анна Петровна. Упом. въ письмахъ Сперанскаго 1134. 1135.
Козодавлевъ Осипъ Петровичъ. Уп. въ письмахъ Сперанскаго 1131. 1686. Аракчеевъ относился къ нему очень неуважительно 1874. Уп. въ пис. гр. Ѳ В. Ростопчина 1879. 1886. 1899.
Кокбурнъ, англійскій адмиралъ. Упом. въ донесеніяхъ и друг. бумагахъ гр. де Бальмена 669. 676. 694. 697 699. 1956. 1959. 1963. 1967. 1968. 1970. 1971
Кокошкинъ ген.-адьют. Петербургскій оберъ-полицеймейстеръ 846.
Кокошкинъ. Его статья: «Уніатская оппозиція въ Подляськи» 108.
Кокошкинъ, Өедоръ Өедоровичъ, директоръ Московскаго театра. Кн. Н. Б. Юсуповъ не любилъ его и преслѣдовалъ насмѣшками 1442.
Коледино, село. уп. въ пис. митроп. Филарета Моск. 137.
Коленкуръ, француз. дипломатъ. Упом. въ письмахъ. кн. Куракина 203. 208; кн. П. А. Вяземскаго 658. Былъ друженъ съ графомъ Ѳ. В. Ростопчинымъ 895.
Колингвудъ, англійскій адмиралъ 382. 395.
Коллегіи, характеръ и значеніе ихъ въ Россіи 1552—1553. 1555. 1558. 1559—1561.
Коллоредо, князь, австрійскій дипломатъ 1321.
Кологривовъ, Петръ Александровичъ 602. Упом. въ пис. кн. П. А. Вяземскаго 606.
Колонновожатыхъ Школа. Воспоминанія о ней Н. В. Басаргина 794 —822.
Колосовскій, интендантъ Кавказской арміи 1311.
Колошинъ, Петръ Ивановичъ, гвардіи подпоручикъ, преподаватель въ Школѣ Колонновожатыхъ 802.
Колтовской, маіоръ. Письмо его И. А. Крылову 263.
Колычевъ, посланникъ при Французск. Дворѣ 918.
Коль, упом. въ пис. Сперанскаго 1127.
Кольцовъ, Алексѣй Васильевичъ; письма къ кн. П. А. Вяземскому 458. 459. 460. 461. Его стихотво-

реніе переведено на нѣмецкій языкъ 634.
Кольчугинъ, Григорій Никитинъ, Московскій купецъ 897.
Колюбякинъ, офицеръ Семеновскаго полка 1420.
Комаровскій графъ Евграфъ Ѳедотовичъ, 259. 260 ссылка на его Записки 59. 1038—1040.
Комидасъ, испанецъ 780.
Комненъ, состоялъ при послѣ Татищевѣ въ Испаніи 301.
Коновницынъ, гр. Петръ Петровичъ, упом. въ пис. Имп. Маріи Ѳеодор. 356. 362. 363. 364. 1857. 1858. упом. въ пис. фелдм. Каменскаго 1516.
Конради, упом, въ пис. Сперанскаго 1730.
Константинова, Анна Алексѣевна; въ нее б. влюб. И. А. Крыловъ и безуспѣшно просилъ ея руки 860—866.
Константинова, (урожд. Ломоносова) Елена Михайловна 863.
Константинова, Елена Михайловна 863.
Константиновъ, придворный библіотекарь 863.
Константиновъ, Михаилъ Васильевичъ, орловскій помѣщикъ 863.
Константантиновы, гордятся родствомъ своимъ съ Ломоносовымъ 864.
Константинополь, гор. блокада адмирала Сенявина 51. Убійства христіан. 596.
Константинъ Николаевичъ, В. Кн. Ген.-Адмиралъ; рескриптъ адмиралу Нахимову 396. Уп. 878 Уп. въ пис. Жуковскаго 1463.
Константинъ Павловичъ В. Кн. упом. въ пис. Кн. А. Б. Куракина 46. 52. 70. 75—77. 83—85. 169. 189. 230. 240. Письма Карамзина и гр. Аракчеева, отвѣты на нихъ 290—293, принимаетъ участіе въ судьбѣ Грековъ; письмо Шульгина съ приложеніемъ «воззванія къ Грекамъ князя Ипсиланти 293. уп. 306. Принялъ отъ Наполеона I орд. Почетнаго Легіона 220. Бумаги его расхищены въ Варшавѣ, во время возмущенія 648. Его портретъ въ Зим. Дворцѣ 849. Проектъ русской конституціи, найден. въ его бумагахъ 982. «Замѣтки» о немъ Ульянова 1031—1038 упом. 1069. 1991. Передъ Кульмскимъ сраженіемъ воодушевляетъ гвардейскихъ солдатъ 1997.
Констанъ, Веньяминъ; публицистъ; ненависть къ нему гр. Ѳ. В. Ростопчина 1674. 1675.
Конти, французск. принцъ 319.
Контъ, Огюстъ 324.
Коншъ, Московскій купецъ 1435.
Конюховъ, Андрей, чиновникъ Московск. оберъ-егермейстерск. вѣс. 897.
Коняевъ. Василій Ѳедоровъ, Московск. купецъ 897.
Коппъ, докторъ, упом. в письмахъ Жуковск. 1454 1467. 1468. 1481.
Копьевъ, авторъ комеді «Лебедянская ярмарка 1818.
Корбелецкій, кол. ассес 901.
Корниловъ, Владимір Алексѣевичъ, адміралъ его оцѣнка Синопскаго сраженія 387, 388; поручен. оборона сѣверной стороны Севастополя, потомъ—южной 394. уп. 405. упом въ пис. адмирала Нахимова 410. Желаніе быть похороненнымъ около Лазарева, что̀ и было исполнено 412. упом. въ пис. Н. Краббе 878. упом. 1676 скорбь по случаю приказанія затопить часть судовъ Черноморск. флота 1678. Вліяніе на подчиненныхъ 1679. Разница между имъ и Тотлебеномъ 1680.
Коробовъ, Петръ Московс. купецъ 894. 896.
Коробовъ, Павелъ Петровъ, купеческій сынъ 899.
Короткой, упом. въ пис. къ гр. И. А. Мусину-Пушкину 1047.
Корсуновъ, его «Александръ Николаевичъ Радищевъ» 1816.
Корфъ, баронъ Модестъ Андреевичъ, директоръ имп. публичн. библіотеки въ Петербургѣ, уп. 337. Его «Жизнь гр. Сперанскаго» 1103. 1528. 1532. 1536. 1633. 1642.
Костыревъ, морской офицеръ, уп. 400.

Котельниковъ, Евламній, есаулъ, основатель секты *Духоносцевъ*, на Дону, 1345; его «Воззваніе къ че«ловѣкамъ о послѣдованіи «внутреннему влеченію ду«ха Христова». 1345. 1358—1367. бесѣды съ Аракчеевымъ и Фотіемъ 1346. 1347. Его ученіе 1346—1349. Рукописи 1355. уп. въ запискахъ Фотія 1391.

Котлубицкій, Никол. Осиповичъ, генер.-адъютантъ Павла I-го, упом. въ «Разсказахъ о старинѣ» Ханенки 1069—1072.

Котлы Верхн. и Нижніе, подмосковныя деревни, уп. 810.

Кохрэнъ, Джонъ, англичанинъ-путешественникъ, уп. въ пис. Сперанскаго 1779.

Кочранъ, морякъ, уп. 729. 732.

Кочубей, (урожден. Васильчикова) графиня Марья Васильевна, уп. въ пис. Сперанскаго 1159.

Кочубей, графиня Марія Васильевна, лестные отзывы о ней Сперанскаго 1164. 1165. 1195. 1196. 1751. 1797.

Кочубей, графъ Викторъ Павловичъ, уп. въ пис. кн. П. А. Вяземскаго 627. Уп. въ пис. Сперанскаго 1159. 1188. Покровительствуетъ Сперанскому 1538. Письмо Александра I о безпорядкахъ въ Россіи 1541. 1542. Пользуется особымъ довѣріемъ Алексан. I-го 1544. Упом. въ пис. Сперанскаго 1720. 1734. 1753.

Кочубей, Семенъ Михайловичъ, Полтавскій губерн. предв. дворянства, извѣст. своею расточительностью 1072—1074.

Кочубей, графъ жилъ въ Парижѣ вмѣстѣ съ лордомъ Пемброкомъ, уп. въ пис. гр. Ѳ. В. Ростопчина 1912.

Кошелевъ, Родіонъ Александровичъ, масонъ, уп. въ пис. А. Б. Куракина 46. 51.

Кошкаровъ, капитанъ Семеновскаго полка, уп. 1820.

Краббе, Н. К., управляющ. морск. министерствомъ, его письмо по поводу ст. «Изъ Записокъ Севастопольца» 877. 878.

Край, содержатель типографіи, уп. въ Запискахъ Греча 1410.

Краковская г-жа см. Браницкая

Кракъ, измѣнникъ, уп. 1436.

Красновичи, село, упом. 1075.

Красовскій, цензоръ, уп. въ пис. кн. П. А. Вяземскаго 599.

Крейтонъ, лейбъ-медикъ, упом. въ письмахъ кн. А. Б. Куракина 66. 70. 213. 221.

Кремеръ (урожденная фонъ-Фокъ), уп. 1112.

Кремеръ, Петербургскій негоціантъ, уп. въ пис. Сперанск. 1112. 1140. 1171. 1184.

Кремлевскій дворецъ, см. Москва.

Кремневъ, Гаврила, самозванецъ 275.

Крестьяне помѣщичьи, *Нижегородск. губерніи*; ихъ преданность и любовь къ своему помѣщику (г. Дивову) 1992. 1993.

Московской губерніи: энергически защищались отъ французовъ въ 1812 году, за что съ нѣкоторыхъ содрана кожа, 1984. Крестьяне д. Гуслицъ (г-жи Жеребцовой) убив. купцовъ, пришедшихъ къ нимъ изъ Москвы для закупки припасовъ для французовъ 1984. Крестьяне с. Бунькова (г-на Рюмина) убили 18 своихъ товарищей за то, что они торговали съ французами 1984.

Смоленской губ. Порѣцкой волости, ихъ замѣчаніе объ убит. въ 1812-мъ году французахъ 1922

Орловской губ.: крестьяне с. Воронова (гр. Ростопчина), лѣнивы, не благодарны и занимались разбоемъ въ 1812 году, 1886.

Новгородской губ. крестьяне с. Грузина, вступали въ браки не иначе какъ по приказанію владѣльца, гр. Аракчеева, отчего въ семействахъ были ссоры и развратъ 289.

Кривская, упом. въ пис. Сперанскаго 1178.

Кривцовъ, Николай Ивановичъ, уп. 602.

Криднеръ (урожден. Фитингофъ) баронесса Юлія; ея духовныя бредни 1349. 1350.

Крокъ, измѣнникъ, уп. 902.
Крокъ, Николай Николаевъ, москов. купеческій сынъ, уп. 896.
Кроликъ, Өеофилъ. уп. въ пис. къ гр. Мусину-Пушкину 1043.
Кропотова, Марья, уп. 275.
Крузенштернъ, уп. 1028.
Крутицкій, Александръ Московск. купецъ 898.
Крыловъ, Иванъ Андреевичъ, уп. 239. Издаетъ журн. «Зритель»; постоянный другъ и покровитель своего брата 240. Переписка съ братомъ 241—262. Портретъ 247. Смерть брата сильно дѣйствуетъ на него 264. 265. (Вигель и Плетневъ) 265. 266. Его басни переведены на французск. языкъ 322. 323. Уп. въ пис. кн. П. А. Вяземскаго 616 Жуковскаго 840. Его первая и единственная любовь 860—866. Отзывъ о немъ Сперанскаго 1190. Статья Пыпина 1817. «Замѣтка» Лонгинова 1817—1819. Фельдмаршалъ Кутузовъ читаетъ его басню *Волкъ на псарнѣ* 2000.
Крыловъ, Левъ Андреевичъ, братъ баснописца: біографическій очеркъ его, Кеневича 239—266.
Крюднеръ, баронъ, художникъ 400.
Крюковъ, прапорщикъ корпуса Колоновожатыхъ, уп. 802.
Крюковъ, Нижегород. вице-губернаторъ, уп. 855.
Кузнецовъ, московскій книгопродавецъ, уп. въ пис. А. Кольцова 460. кн. П. А. Вяземскаго 649. 652. 655.
Кузовлевъ, Степанъ Петровичъ, гвардіи прапорщикъ, уп. 1864.
Кузьминскій, маіоръ, обратившій на себя вниманіе Махмуда II-го 789.
Кузьминъ, Григорій, разбойникъ, уп. 1067.
Кузьминъ, Харитонъ, питомецъ Воспит. Дома, уп. въ пис. Имп-цы Маріи Өеодоровны 22.
Кулешъ, капит. уп. 1843.
Кулибинъ, механикъ-самоучка, уп. пис. Сперанскаго 1739.
Кулибинъ, сынъ механика, уп. въ пис. Сперанскаго 1739.
Кульманъ Иванъ, штабъ лѣкарь, уп. 897.
Кульмъ, побѣда 1997. 1998.
Кундуховъ, полковникъ, уп. 1250.
Куницынъ, профес. естеств. права; его свободомысліе; его лекціи слушаютъ гвардейскіе офиц. стихи Пушкина 1379.
Куракина (урожд. Лопухина), княгиня Ксенія Өеодоровна, уп. 23.
Куракинъ, князь Алексан. Борисовичъ; другъ Царей; родство съ гр. Н. И. Панинымъ; воспитывался вмѣстѣ съ Павломъ 1-мъ; приверженность къ Павлу; помогаетъ ему деньгами; жизнь въ с. Надеждинѣ 23. Обильно награжденъ Императоромъ Павломъ 1-мъ; Александръ I поручаетъ ему разобрать бумаги Павла; дѣлаетъ для себя выписки изъ бумагъ, которыя хранятся нынѣ въ Архивѣ барона Сердобина; окончилъ курсъ въ Лейденскомъ Университетѣ, путешествіе по Голландіи и Англіи; его журналъ путешествія 24. Отношенія къ крестьянамъ; назнач. посломъ въ Вѣну. Еженедѣльно присылалъ Маріи Өеодоровнѣ донесенія о путешествіи въ Вѣну 25—86. 161—240. Поправки вкравшихся въ донесенія ошибокъ 334. 335. Ссылка на его пис. 1932. Его балы посѣщалъ Дворъ 1874.
Куракинъ, князь Алексѣй Борисовичъ. ген.-Прокур. при Павлѣ І-мъ. уп. 1423. уп. 1428. 1526. Покровительство его своему бывшему домашнему учителю Сперанскому 1533—1535.
Куракинъ, князь Борисъ Ивановичъ, свояк Петра I-го 23.
Куракинъ, князь, (Новороссійскій) ген. губернаторъ, отличался роскошью 1072.
Курляндія, по мнѣнію князя А. Б. Куракина составляетъ одно изъ лучшихъ пріобрѣтеній Россіи 35, 39, 40.
Кусова (урожд. Тухачевская), Елисавета Николаевна, уп. 1411.
Кустъ, Карлъ Карловъ, иностранецъ, прожив. въ Москвѣ 892. 897.

Кутайсовъ, камердинеръ Павла I. уп. 1535.
Кутузовъ См. Голенищевъ-Кутузовъ.
Кушниковъ, почетный опекунъ, упом. въ пис. Имп-цы Маріи Өеодоровны 13.
Кушниковъ, С. С., уп. 1844.
Кюмель, берейторъ, уп. въ пис. Сперанскаго 1171. 1682.
Кюстинъ, уп. 995. упом. въ пис. Жуковскаго 1447.
Кюхельбекеръ, упом. 143.

*

Лаваль, графиня, упом. въ пис. кн. П. А. Вяземскаго 642.
Лаваль, французск. генералъ упом. въ пис. кн. А. Б. Куракина 204.
Лавизонъ, консулъ въ Александріи 738. 739. 754.
Лавровъ, уп. 2000.
Лагарпъ, воспитатель Александра I, упом. 981.
Ладыженскій, дворянинъ, поступ. въ іезуитск. орденъ 1334.
Лазарева, Екатерина Тимоѳѣевна; пис. къ ней адмирала Нахимова 410. 411.
Лазаревъ, Михаилъ Петровичъ, адмир. упом. 374—376. 378. Упом. въ пис. адмиралъ Нахимова 410. 411. Сооруженіе Храма Св. Владиміра въ Севастополѣ б. его любимою мечтою 411. Нахимовъ и Корниловъ желаютъ быть похороненными возлѣ него 412. Упом. въ пис. Н. Краббе 878.
Лазаревъ, Христофоръ Іоакимов, находился въ дружествен. отношеніяхъ съ Сперанскимъ 1108. Упом. въ пис. Сперанскаго 1112. 1149. 1169. 1784.
Лакроа, квартальный поручикъ уп. 896.
Лакроа, Павелъ, кол. рег. уп. 901.
Лалансъ, Егоръ, иностранецъ прожив. въ Москвѣ 898.
Ламбертъ, писательница, упом. въ пис. Сперанскаго 1717. 1721.
Ламенне, его ученіе объ отдѣленіи церкви отъ государства 432.
Ламираль, иностр. проживающая въ Москвѣ 1435.
Ламсдорфъ, графъ Матвѣй Ивановичъ, воспит. Вел. князей Николая и Михаила Павловичей, уп. 339. 340. Уп. въ пис. Имп. Маріи Өеодоровны 348. 363.
Ланжеронъ, графъ, командиръ дивизіи 1841.
Ланской, Василій Сергѣевичъ, упом. въ Запискахъ Греча 1406.
Ланской, Сергѣй Сергѣевичъ, посѣщаетъ село Грузино 1657. 1658.
Ланъ, французскій маршалъ 1846. 1860.
Ларднье, московс. кондиторъ, уп. 1435.
Ласказъ, графъ, состоялъ при Наполеонѣ I на ос. Еленѣ 675. 694. 698—701. 715. 716. 723—725. 729. 731—733. 1930. 1931. 1963. 1964. 1967. 1968. 1969. 1975. 1977.
Ласказъ. гр. (сынъ) 723—725. 729—732.
Лассанъ, Карлъ иностранецъ, прожив. въ Москвѣ уп. 898.
Ласси, Морицъ, Петровичъ, уп. въ пис. фельдмаршала Каменскаго 1501. 1502.
Ласси, графъ Петръ Петровичъ, фельдмаршалъ; два именныхъ указа Им-цы Елисаветы и отношеніе государств. Коллегіи иностранныхъ дѣлъ 1393—1395.
Лафитъ (Парижскій банкиръ). уп. въ пис. гр. Ѳ. В. Ростопчина 1901. 1908. 1911. 1921.
Лачиновъ, Колоновожатый уп. 802. 821, адъютантъ. кн. И. В. Васильчикова 1317. 1319. Сошелъ съ ума 1326.
Лебедевъ, лѣкарь уп. 274.
Лебедевъ, Маркитантъ Кавказск. войс. 1285. 1311.
Левашовъ, (графъ Василій Васильевичъ), ген. адъютантъ; посѣщалъ, с. Грузино 1657. Назнач. презус. военнаго суда надъ соучастниками Семеновск. возмущенія 1826.
Левашовъ, Николай Петровичъ, поручикъ, уп. 1864.
Левенштернъ, баронъ В. И. полковникъ уп. 904. 916. 925.
Левенштернъ (баронесса) упом. въ пис. Карамзина 1831.
Левицкій, домашній врачь Аракчеева 285. 954.

Левъ Евдокимовъ, священникъ, уп. 275.
Левъ Юрловъ, епископъ, біографич. свѣдѣнія о немъ. 1058—1062. Его письмо 1062—1064.
Лежинъ, отецъ и сынъ, измѣнники, уп. 1434.
Лейбницъ, бесѣдовалъ съ Петромъ I и сообщилъ ему проэктъ центральной администраціи, 1545.
Лейбъ-Кампанцы, уп. 277.
Лекокъ, житель г. Авена, требовавшій сдачи сего города Русскимъ войскамъ 923.
Леонтьевъ, Николай Васильевичъ, сенаторъ, уп. въ пис. фельдмарш. Каменскаго 1522.
Леопольдъ вел. герцогъ Тосканскій (братъ австр. Импер. Іосифа II) упом. 330.
Лепцельтернъ, баронъ, австр. посланникъ въ Петербургѣ уп. 1320.
Лербасъ, упом. въ пис. Сперанскаго 1695. 1702.
Лескюръ, его Correspondance secrète inédite sur Louis XVI, Marie Antoinette, la cour et la ville. (1777—1792). 321.
Лесли, Павелъ Дмитріевичъ, ген.-маіоръ. Собственноручный указъ Павла I-го 1866.
Лестокъ, прусск. ген.-лейт. упом. 73. 74. 81. 1841. 1842. 1843. 1848. 1850. 1851. 1855.
Лестокъ, воен.-губернатор. уп. 1423.
Летеманъ, учитель, упом. 1435.
Ливенъ, (урожден. Поссе) княгиня Шарлота Карловна; другъ Имп-цы Маріи Θеодоровны и воспитательница дочерей ея. Помѣстье въ Курляндіи 35. 39. 40. упом. въ пис. кн. А. Б. Куракина 176. 240.
Ливенъ, баронъ (Вильгел. Карловичъ), уп. въ пис. Жуковскаго 1466.
Ливенъ, князь Карлъ Андреевичъ, мин. нар. просв; покровитель и усердный почитатель пастора Госнера 1404.
Ливенъ, князь Христофоръ Андреевичъ, б. посломъ въ Берлинѣ и Лондонѣ. Уп. въ пис. кн. А. Б. Куракина 45. 50. 182. 214. 220. Уп. 662. 663. Его инструкція графу Бальмену 665—667. уп. въ донес. гр. Бальмена 1973.
Ливенскія деревни гр. Θ. В. Ростопчина, доставляли полотна 1876. 1884.
Ливерпуль, лордъ, уп. въ донес. гр. Бальмена 1973.
Ливерпуль, гор.; нов. площади дано имя гр. Θ. В. Ростопчина 1873.
Ливны, гор. Орловс. губ. уп. въ пис. гр. Θ. В. Ростопчина 1877. 1924.
Ливонія, неурожай, дороговизна на хлѣбъ 27. 31. уп. въ пис. кн. А. Б. Куракина 40.
Лимановскій, дежурн. генералъ кавказской арміи 1279.
Лингъ, упом. въ пис. Сперанскаго 1743.
Линдель, пасторъ уп. 1349. 1350. уп. въ Запискахъ Греча 1403. 1404.
Листъ, уп. 995. уп. въ пис. Жуковскаго 1446.
Литва, стр. въ пис. кн. А. Б. Куракина 67. 71.
Литта (урожд. Энгельгар.), графиня Екатерина Васильевна, уп. въ пис. кн. А. Б. Куракина 175. 176.
Литта, графъ, упом. въ пис. кн. А. Н. Голицына 873.
Лихудій (монахъ), уп. въ пис. гр. Мусина-Пушкина 1055.
Лобанова, уп. въ пис. фельдмаршала Каменскаго 1509.
Лобановъ, Михаилъ Евстафьевичъ уп. въ пис. Каченовскаго 971; Дмитріева 1102.
Лобановъ-Ростовскій, князь Алексѣй Яковлевичъ, уп. въ пис. кн. А. Б. Куракина 176.
Лобановъ-Елецкій, уп. въ пис. къ гр. Мусину-Пушкину 1043.
Лобановъ-Ростовскій, князь Дмитрій Ивановичъ (мин.-юстиціи), уп. въ пис. кн. А. Б. Куракина 71. 77. 80. 84. Велъ переговоры съ Наполеономъ о заключеніи мира (тильзитскаго) 172. Уп. въ пис. кн. А. Б. Куракина 173. 187—190. 203. 207, 219. уп. 1840.
Лобановъ-Ростовскій, князь Яковъ Ивановичъ,

уп. въ пис. кн. А. Б. Куракина 176.
Ловопьеръ, иностранецъ, прожив. въ Москвѣ упом. 1434.
Лоде, управляющій имѣніями, уп. въ пис. им--ы Маріи Θедоровны 5. 19. 24.
Ломоносовъ, Михаилъ Васильевичъ, Шишковъ уважаетъ память его 633. уп. 863. 864. Уп. въ пис. фелд. Каменскаго 1524.
Лонгвудъ, гор. (на ост. С. Елены) мѣстопребываніе Наполеона I-го, уп. въ донесен. гр. Бальмена 674 —733. 1924—1984.
Лонгиновъ, Михаилъ Николаевичъ, ссылки на его стат. о Баратынскомъ 147, на книгу о Новиковѣ 825. 1427. сообщилъ матеріалы для біографіи гр. Ростопчина 851 — 859. на статью о Чаадаевѣ 976. «Эпизодъ изъ жизни Чаадаева» 1317 — 1328. Его отзывъ о новомъ изд. «Путешествія Радищева» 1811 —1816.
Лопухинъ, Дмитрій Николаевичъ уп. въ пис. фелдм. Каменскаго 1504.
Лопухинъ, Иванъ Владиміровичъ, (мартинистъ); его «Записки» 825; въ пріязни и свойствѣ съ граф. А. Г. Орловымъ 826. за принадлежность къ масонск. обществу отданъ подъ надзоръ полиціи 1337. Пользовался милостивымъ вниманіемъ Павла I-го 1338. «Черты внутренней церкви» 1348. уп. 1427.
Лопухинъ, князь Петръ Васильевичъ, (мин.-юстиціи), интриги противъ него камердинера Павла I-го Кутайсова 1535. Его докладъ Александру I-му о обязанностяхъ, имѣющихъ быть возложенными на коммиссію составленія законовъ 1633.
Лорберъ, московск. купецъ, уп. 1436.
Лошевскій, камердинеръ графа Салтыкова, 1421.
Лубяновскій, Θедоръ Петровичъ, Пензенскій губернаторъ, уп. въ пис. Сперанскаго 1207. 1209.
Лужинъ, уп. въ пис. Жуковскаго 1460.
Луиза, принцесса Прусская, уп. въ пис. кн. А. Б. Куракина 35. 36. 40.
Луканъ, лордъ, англійскій кавалерійскій генер. 1677.
Лукинъ, Ефимъ, москов. купецъ, уп. 278.
Лунина (урожд. Муравьева), Θедосья Никитична, уп. 1035.
Лунинъ, Михаилъ Сергѣевичъ, отношенія къ нему В. Кн. Константина Павловича 1033—1036. Обвиненъ въ участіи съ декабристами 1036. Констант. Павловичъ ходатайствуетъ за него 1037. арестъ и ссылка въ Сибирь 1037. 1038. (уп. въ пис. гр. Θ. В. Ростопчина 1893?).
Лысково, село князя Грузинскаго, уп. 1061.
Львова, упом. въ пис. Сперанскаго 1111.
Львовъ, Алексѣй Θеодоровичъ, уп. въ пис. Сперанскаго 1795.
Львовъ, Павелъ Юрьевичъ; отзывъ Сперанскаго объ его одѣ 1118. уп. 1141.
Львовъ, С., издатель Московскаго Курьера, уп. въ пис. Дмитріева 1096.
Любичи, село, уп. 602.
Людовикъ, герцогъ, братъ им-цы Маріи Θеодоровны, уп. въ пис. кн. А. Б. Куракина 229.
Людовикъ XIV, кор. французскій, уп. 918.
Людовикъ XV, кор. французскій уп. 1994.
Людовикъ XVI, кор. французскій, уп. въ пис. кн. А. Б. Куракина, 34. 39. Секретная переписка о немъ, хранящ. въ Имп. Публич. Библіот. 321.
Людовикъ XVIII, кор. французс. уп. въ пис. кн. А. Б. Куракина 33. 34. 37 —39. Уп. 983. 1819. уп. въ пис. гр. Θ. В. Ростопчина 1883; замѣчаніе о немъ Ростопчина 1897. уп. 1909. Его болѣзненность 1916. уп. въ донес. гр. Бальмена 1975. 1977. уп. въ пис. А. А. Волкова 1888.
Люневичь, офицеръ, приставленный къ графу Мамонову, уп. 100.
Люцероде, баронъ, сакс. посланникъ въ Петербургъ, уп. въ пис. кн. П. А. Вяземскаго 634.
Ляличи, село Черниговск. губ. подарокъ Екатерины II-й графу Завадовскому;

дворецъ, паркъ, статуя гр. Румянцова. Позднѣйш. владѣтели села 1074—1076.

*

Маврино, село, принад. Сперанскому, уп. 1687. 1691. 1693. 1766.

Мавромихали, Геор. убійца гр. Капо д'Истріи, уп. 304.

Мавромихали, Констант. убійца гр. Капо д'Истріи, уп. 304.

Магницкій, Мих. Леонт. воспоминанія о немъ Стурдзы 926—938. уп. въ пис. Сперанскаго 1161. 1162. 1163 1164. 1167. 1168. 1170. 1172. 1176. 1179. 1183. 1194. 1211. Сокрушается о гибельномъ направленіи умовъ въ учебн. заведеніяхъ 1379. 1380. Интригуетъ противъ мин. нар. просвѣщ. кн. Голицына 1390. 1405; усердный слушатель и почитатель пастора Госнера 1404. 1406. 1408. уп. 1409; арестованъ и сосланъ 1644 уп. 1688. Его жена уп. 1167; сынъ, служивш. въ гвардіи уп. 930. 936.

Мадьяры, нар.. уп. 120—122.

Мазадъ, Шарль, французскій публицистъ, уп. 322.

Мазарини, кардиналъ; его пис. хранящіяся въ Импер. Публич. Библіотекѣ 321.

Майковъ, Леонидъ Николаевичъ, сообщилъ біографическій очеркъ епископа Льва Юрлова и письмо его: 1058—1064.

Маймадчины, Китайская торговая слобода, уп. въ пис. Сперанскаго 1738. 1739.

Майнъ, капитанъ, уп. въ донес. гр. Бальмена 1934. 1937.

Макаровъ, Петръ Ивановичъ, издат. Московскаго Меркурія уп. 1088.

Макаровъ, М. Н., издатель Журнала для милыхъ, уп. 642. 1088. 1089.

Макаровъ, адмиралъ, уп. 1417.

(Максимиліанъ) принцъ Баварскій. Совѣтъ кн. А. Б Куракина избрать его въ супруги В. Кн. Екатерины Павловны 207. онъ-же описываетъ его наружность и характеръ 221. уп. 233.

Малезе, подпоручикъ архангелородскаго полка 1501.

Малиновскій, А. И. сообщилъ записку митр. Стратимировича, о возстановленіе Славяносербскаго государства 111.

Малиновскій П. докторъ, уп. 963; его статья «о помѣшательствѣ» 967—969.

Малоярославецъ, гор., оскверненіе Храма Божія французами въ 1812 году. 1983.

Малькольмъ, леди, уп. въ донес. гр. Бальмена 1932. 1933. 1947. 1949.

Малькольмъ, англійск. адмиралъ, упомин. въ донесеніяхъ графа Бальмена 669. 675. 676. 694. 695. 697. 699. 700. 702—704. 713. 715. 717. 721. 730. 731. 733. 1931—1933. 1935. 1939. 1941—1945. 1947. 1949. 1951. 1953. 1957. 1960.

Мальмезонъ(-де), фамилія, ее принять хотѣлъ Наполеонъ I, сдѣлавшись частн. человѣкомъ 1963. 1967.

Мальтицъ, нидерландскій министръ, уп. въ пис. Жуковскаго 441.

Мальтійскій орденъ, въ Россіи 1338.

Мальтійская церковь, См. Санк.-Петербургъ.

Мамоновскій казачій полкъ (Мамоновцы), сформированный на свой счетъ графомъ Мамоновымъ, отличался своеволіемъ 96. 97.

Мамыкинъ, самозванецъ, уп. 276.

Мандевиль, англ. повѣренный въ дѣлахъ въ Константинополѣ 781. 786.

Мансуровъ, статсъ-секретарь; его донесеніе о кончинѣ адмирала Нахимова 405. 406.

Мантейфель, графъ, адют. графа Милорадовича, уп. въ Запискахъ Греча 1408.

Маргарита Валуа, королева Наваррская, ея письма хранящіяся въ Импер. Публич. Библіотекѣ 321.

Марія Александровна, Императрица Всерос. уп. въ пис. Жуковскаго 1467. 1468.

Марія Антуанета, секретная переписка о ней, хранящаяся въ Импер. Публич. Библіотекѣ 321. 322.

Марія Луиза, Эрцгерцогиня Австрійская (супруга

Наполеона I-го) уп. въ донесеніи гр. Бальмена 1925. 1928.
Марія Павловна, Вел. Княгиня, уп. въ пис. кн. А. Б. Куракина 36. 40.
Марія Терезія, уп. 47. Письма къ ней 329. 330.
Марія Θеодоровна, Императрица Всероссійская, отличалась неутомимою благотворительностью; ея рабочій кабинетъ — источникъ блага для бѣдныхъ. 1. Отмѣнно удачный выборъ людей для благотворительныхъ учрежденій; стихъ Жуковскаго 2. Шницлеръ до сихъ поръ единственный біографъ ея. 3. Ѣздила въ Москву на коронацію Николая I и жила въ д. гр. Разумовскаго на Гороховомъ полѣ. 4. Путешествовала по Европѣ, вмѣстѣ съ Павломъ Петровичемъ, подъ именемъ графовъ Сѣверныхъ 38. Письма къ кн. С. И. Гагарину 3 — 24. Письма кн. А. Б. Куракина съ дороги 23—86; 161—240. 334. 335, оказываетъ благосклонность Крылову 258. 263. Заботливой попечительности ея Крыловъ обязанъ освобожденіемъ отъ тяжкаго недуга и написалъ по этому поводу басню Василекъ 261. Письма Вел. Князьямъ Николаю и Михаилу Павловичамъ, по случаю отправленія ихъ въ армію 337 — 355; 356 — 366. Письмо Вел. кн. Николаю Павловичу, по случаю отправленія его въ путешествіе по Россіи 367—373. Уп. 849. Благоговѣйное отношеніе къ ней Духосцевъ 1348. Празднованіе дня рожденія ея Сперанскимъ въ Сибири 1789. Упом. въ пис. Карамзина 1829. 1830. Уп. въ пис. гр. Θ. В. Ростопчина 1922. Разсказывала, со словъ адмирала Чичагова, о цинизмѣ французовъ, пользовавшихся въ Минской больницѣ въ 1812 году 1988.
Марія, принцесса (Виртембергская), уп. въ пис. А. Б. Куракина 26. 30.
Маркевичь, Б. М. сообщилъ біографическій очеркъ «Н. А. Райко» 297—308.
Маркусъ, докторъ, уп. въ пис. кн. П. А. Вяземскаго 614.
Маркъ, Михаилъ, учитель Екатерининск. Института въ Москвѣ, уп. 892. 898.
Марье, уп. 995.
Мартираки, армянинъ, 782.
Мартыновъ, переводчикъ Трактата о высокомъ или величественномъ, отзывъ его о И. И. Дмитріевѣ 1083.
Мартыновъ, Андрей Сергѣичь, управляющій имѣніями Сперанскаго 1205. 1773.
Маршалъ, лифляндскій уроженецъ, уп. въ пис. Дашкова 593.
Маршанъ, служанка эрцгерцогини Маріи Луизы, уп. въ донес. гр. Бальмена 1925—1930. 1941. 1942.
Маршанъ, камердинеръ Наполеона I въ Лонгвудѣ, уп. въ донес. гр. Бальмена 1925. 1928.
Марθа Матвѣевна, царица, уп. 1058. 1059. 1063.
Марθино, подмосковная графа Салтыкова, уп. 1422.
Масальскій, Петръ Григорьевичъ, упоминается въ письмахъ Сперанскаго: 1112. 1115. 1117. 1129. 1132. 1153. 1159—1161. 1182. 1183. 1185. 1186. 1696. 1732. 1763. 1766. 1784.
Маскле, переводчикъ басень Крылова, уп. въ пис. кн. П. А. Вяземскаго 622.
Масловъ, шт. кап. 19 егерс. полка при взятіи крѣп. Ротенбурга лишился ноги; дамы г. Бремена поднесли ему, заказанную ими, поддѣльную ногу 920. 921.
Масонскія ложи въ Россіи 1350.
Масоны въ Россіи 1336. 1337. 1338. 1350.
Матвѣевъ, Семенъ, разбойникъ, уп. 1066.
Матьюсъ, капитанъ англійск. морской службы 673. 678.
Матюшкинъ, морской офицеръ, уп. въ пис. Сперанскаго 1758.
Махмудъ II, султанъ; возмущеніе Египетскаго паши 735. Николай I находитъ выгоднымъ его поддержать 737 — 741. 745. Замѣчаніе о немъ Николая 746. уп. 748. 750. 754. 767. 770. производитъ смотръ десантному отряду 782 — 793.

Мацневъ, М. Н., полковникъ уп. 909.
Мацневъ, Василій Осиповичъ, уп. въ пис. фелдм. Каменскаго 1520.
Машковъ, Петръ П., указъ Петра I-го. Письма Анны Петровны и камерфрау ея Юшковой 1861—1863.
Машковъ переулокъ, въ Петербургѣ уп. 1861.
Меара, О., докторъ Наполеона I-го 688. 702. 713. 1946. 1948. 1970—1974. 1976. 1979—1984.
Мегмедъ-Али, паша Египетскій, 735—741. 743. 745—755. 774. 788.
Медальвъ память 1812 года, замѣчаніе солдатъ о изображенномъ на ней всевидящемъ окѣ и о надписи 1996. 1997.
Межерица, дер. кн. Конст. Чарторижскаго, уп. въ пис. кн. А. Б. Куракина 232.
Мезонъ, графъ, французскій генералъ 922. 923.
Мейендорфъ, генер. 1841.
Мейеръ, пасторъ въ Ревелѣ 1414.
Мекленбургъ-шверинское герцогство, уп. 204.
Меласъ, австрійск. генералъ, уп. 1844.
Мелиссино, Иванъ Ивановичъ кураторъ Московс. универс. уп. въ пис. кн. П. А. Вяземскаго 644 Антагонистъ масоновъ 1331.
Мелиссино, Петръ Ивановичъ, артиллерійск. генералъ, уп. 1072.
Меллеръ-Закомельскій, генералъ, уп. въ пис. кн. А. Б. Куракина 227.
Мельниковъ, казацкій полковникъ, уп. 910.
Мемель, гор. уп. въ пис. кн. А. Б. Куракина 32. 35. 37. 40. 41. 47. 61. 63. 73. 74. 81. 82.
Megдъ, подполковн. генер. штаба 768.
Менкаскій, Петръ Михайловичъ, незаконнорожд. сынъ фельдм. Каменскаго, который упом. объ немъ въ письмахъ 1513. 1514. 1515. 1516. 1517 1518. 1519. 1521.
Меньенъ, Егоръ, Виртембергскій уроженецъ, уп. 892. 896. 902.
Меншиковъ, князь Александръ Даниловичъ, генералисимусъ уп. 105.
Меншиковъ, князь Александръ Сергѣевичъ, адмиралъ; главнокомандующ. войсками въ Крыму, уп. въ «Запискахъ Севастопольца 380. уп. 381. Донесеніе Государю о морской побѣдѣ Нахимова 389. Отвѣтный рескриптъ Государя 389. 390. Знаменитое фланговое движеніе 393. уп. 394. уп. въ Запискахъ Н. Н. Муравьева 755. 756. Управлялъ походн. канцеляріею Александра I-го 1320. Уп. 1321. У него останавливался Чаадаевъ по пріѣздѣ въ Троппау съ извѣстіемъ о Семеновск. исторіи 1323. Ссылка на его разсказы о Чаадаевѣ 1328. Его ошибка, дозволившая англичанамъ совершить фланговое движеніе къ Балаклавѣ 1677. Отдаетъ приказаніе затопить часть судовъ черноморск. флота 1678.
Меранвиль, часовой мастеръ въ Москвѣ, уп. 1436.
Мериловка, село, уп. 1075.
Мердеръ, (Карлъ Карловичъ), генералъ, состоявшій при Наслѣдникѣ Цесаревичѣ (нынѣ благополучно царствующ. Государѣ) Александрѣ Николаевичѣ; пользовался общимъ уваженіемъ; опасно болѣнъ 626.
Мерзляковъ, Алексѣй Өедоровичъ; отзывъ Жуковскаго о его стихотворствѣ 642. уп. полное собраніе его стихотвореній, издан. Общ. Любит. Рус. Словесн. 1487.
Мериме, уп. 995.
Мерлень, докторъ, уп. въ пис. Сперанскаго 1180.
Мерлинъ, уп. въ пис. гр. Ө. В. Ростопчина 1885.
Мерлинъ, артиллерійс. генералъ, уп. 910.
Мерманъ, Егоръ, иностранецъ, прожив. въ Москвѣ уп. 897.
Меровичъ, поставщикъ провіанта въ армію ген. Бенигсена уп. въ пис. кн. А. Б. Куракина 182.
Мертваго, (урожден. Полторацкая), Варвара Марковна, уп. 132. Письмо къ ней Митроп. Филарета Московск. 141.
Мертваго, Дмитрій Борисовичъ; дополненія къ его Запискамъ 123—132; духовное завѣщаніе 132—136. Письмо Митроп. Филарета Московскаго 140.

Мерцъ, докторъ, уп. въ пис. Сперанскаго 1153. 1802.
Мессіада Клопштока, отзывъ о ней Сперанскаго 1185.
Местръ, графиня, родственница жены Пушкина, уп. 439.
Местръ, графъ Іосифъ; его способность неожиданно засыпать; стихъ Карамзина 1834 уп. его переписка 1637. Александръ I благосклонно слушалъ его совѣты 1643.
Местръ, графъ Ксаверій, занимался живописью, его сочиненія на франц. языкѣ: «Путешествіе вокругъ моей комнаты» и друг. 439. 593. Онъ приходился дядей Пушкину 439.
Меттернихъ, князь, австрійс. дипломатъ; уп. въ донесеніи графа Бальмена 718. На Троппаусскомъ конгрессѣ занимаетъ второе мѣсто послѣ Александра I 979. Узналъ о Семеновск. Исторіи въ Спб. раньше Александра I и разсказалъ ее въ полномъ собраніи конгресса 980. Поселяетъ въ Александрѣ I недовѣріе къ либерализму 981. Опровергается мнѣніе, что семеновскую исторію онъ узналъ прежде Александра 1-го 1320. 1321. 1322. уп. въ донес. гр. Бальмена 1943. 1945.
Мещевскій, А., уп. 840. Замѣтка о немъ 938. 939.
Мещерская (урожден. Карамзина) княгиня Екатерина Николаевна, уп. въ пис. кн. П. А. Вяземскаго 630.
Мещерская (урожден. Всеволожская) княгиня Софья Сергѣевна; принимала живое участіе въ дѣлахъ библейскихъ обществъ и нѣкоторое время пользовалась особеннымъ благоволеніемъ Александра I-го. Переводила мелкія стихотворенія съ англійс. яз. 1113.
Мещерскій, князь Николай Петровичъ, умеръ въ Дерптѣ 630.
Мещерскій, князь Петръ Ивановичъ, (женатъ на доч. Карамзина). уп. въ пис. кн. П. А. Вяземскаго 630. 633.
Мещерскій, князь Петръ Сергѣевичъ, засѣдалъ въ библейскомъ обществѣ 932. Былъ Оберъ-Прокуроромъ синода 1329. 1333.
Мещерское, село, Саратовс. губ. уп. 602
Микльджонъ, англійск. писатель, передѣлавшій «Записки Охотника Тургенева и издавшій ихъ подъ названіемъ: Russian life in the interior, уп. 324.
Миллеръ, уп. въ пис. Жуковскаго 842. Сперанскаго 1184. 1652. 1693.
Миллеръ, докторъ, пользовавшій Аракчеева 954. 955.
Милорадовичъ, графъ Михаилъ Андреевичъ; воен. ген. губернаторъ въ Петербургѣ, уп. 896; уговариваетъ Семеновцевъ къ повиновенію 978. членъ комитета для разбора Семеновской исторіи 1406. 1320. Уп. въ Записк. Греча 1407. 1408. Допрашиваетъ Греча по дѣлу о напечатаніи книги Госнера 1409. 1410. Любимъ солдатами 1822. Его искусство говорить съ солдатами 1824. 1825. уп. 1827. 1841. 1850.
Мильтонъ, уп. въ пис. кн. П. А. Вяземскаго 651.
Милютинъ, Дмитрій Алексѣевичъ, начальникъ главн. штаба Кавказской арміи, уп. 1276.
Министерства учреждены указомъ 8 Ноября 1802 г., 1586. указъ произвелъ сильное впечатлѣніе: опасались министерскаго произвола. Манифестъ о учрежденіи министерствъ 1587. 1588. Внутрен. устройство министерствъ не имѣло въ себѣ ничего новаго 1588. Неопредѣленность отношенія министерствъ къ остаткамъ прежняго управленія 1590.
Минкина, Настасья Ѳедоровна, любовница Аракчеева; ея письма 1656—1673.
Минскъ, гор., цинизмъ французовъ, пользовавшихся въ здѣшней больницѣ въ 1812 году, 1988.
Минутъ, подрядчикъ, уп. 1666. 1669.
Мирзоевъ, Гавріилъ Минаевичъ, уп. 1027. 1028.
Мирзоевъ, Иванъ Минаевичъ извѣст. тифлисскій богачъ, уп. 1023—1028.
Мироновъ, Иванъ отстав. унт.-офицеръ, уп. 900.
Мироновъ, Иванъ, разбойникъ, уп. 1066.

Митава, гор. уп. въ пис. кн. А. Б. Куракина 26. 29. 32. 37.

Миттонъ, учитель, уп. 1435.

Михайловскій-Данилевскій, воен. историкъ, присутствуетъ на экзаменахъ въ школѣ колоновожатыхъ 815. упом. 903. 904. 909. 910. 913—916. 918.

Михаилъ, митрополитъ Новгородскій и Санктпетербургскій; умеръ, какъ говорятъ, отъ огорченій, причиненныхъ ему кн. А. Голицынымъ. Его письмо къ Александру І-му, незадолго до кончины 1389.

Михаилъ Николаевичъ, вел. кн., уп. въ пис. Жуковскаго 1462.

Михаилъ Павловичъ, вел. кн., уп. 284. Письмо имп-цы Маріи Ѳеодоровны по случаю отправленія его въ армію 337—355. 356—366. уп. 473. уп. въ пис. кн. П. А. Вяземскаго 600. уп. 844. уп. въ пис. Жуковск. 1446. 1447. 1479. уп. 1821. уп. въ пис. гр. Ѳ. В. Ростопчина 1886. 1918.

Михей, уп. въ пис. епископа Льва Юрлова, 1062.

Михельсонъ, (Иванъ Ивановичъ), ген. отъ кавалеріи, упом. въ пис. кн. А. Б. Куракина 204. 222. уп. 1841.

Мишель, поваръ уп. 1435.

Мнишекъ, (урожден. Замойская), графиня Урсула-Марія уп. въ пис. кн. А. Б. Куракина 237. 238.

Мнишекъ, графиня Паулина-Констанція, уп. въ пис. кн. А. Б. Куракина 238.

Мобежъ, гор., сборъ войскъ для маневровъ, по случаю пріѣзда В. К. Николая Павловича 1900, уп. въ пис. гр. Ѳ. В. Ростопчина 1918. Порядки заведен. здѣсь гр. Воронцовымъ 1919. уп. 1920.

Могенъ, уп. 995.

Могилянскій, Матвѣй Васильевичъ, уп. въ пис. Сперанскаго, 1197. 1199.

Моденъ, графъ, уп. въ пис. гр. Ѳ. В. Ростопчина 1899.

Модерахъ, сенаторъ, уп. 887.

Мойра, лэди, путешественница, уп. 696. 698.

Мокрая Елань, рѣка, уп. въ пис. имп-цы Маріи Ѳеодоровны 15.

Молинари, (кондиторъ), уп. въ пис. Баратынскаго 152.

Моллеръ, ген.-лейтен. уп. 394.

Моллеръ, уп. въ Запискахъ Греча, 1410.

Монголы, уп. въ пис. Сперанскаго 1722.

Монлюкъ, уп. его письма, хранящіяся въ имп. пуб. библіот. 321.

Монтескье, уп. 439. уп. въ пис. Сперанскаго 1128.

Монтолонъ, графъ одинъ изъ приближен. Наполеона I, въ бытность его на остр. Св. Елены, уп. въ донесеніяхъ гр. Бальмена 469. 675. 697—702. 715. 717. 718. 720. 725. 1931. 1957. 1958. 1960 — 1963. 1965—1967. 1969 —1971. 1974—1976.

Монферранъ, рисовал., уп. въ пис. Жуковскаго 839.

Монфоръ, баронъ, частный приставъ въ Тифлисѣ. уп. 490.

Моншеню, маркизъ, уп. въ донесеніяхъ графа Бальмена, 679. 713. 715. 716. 717. 734. 1935. 1937. 1938. 1940. 1943. 1945. 1946. 1948. 1975. 1977.

Морганъ, операторъ, уп. въ пис. кн. А. Б. Куракина 213.

Мордвиновъ, Н. С. уп. 1109.

Морли, профессоръ, упом. издан. имъ Sketches of Russian Life before and after the Emancipation of the Serfs. 320.

Моро, французск. генералъ, комендантъ крѣп. Соассона 916. 925; уп. 1860.

Морошкинъ, Михаилъ Яковлевичъ, священникъ Казанскаго Собора въ Петербургѣ, издалъ Записки Шишкова 938. Сообщилъ записку о крамолахъ враговъ Россіи 1329 — 1391. Ссылка на соч. его объ іезуитахъ 1338.

Мортье, французскій маршалъ, уп. 885. 886.

Москва, гор. заботы имп-цы Маріи Ѳеодоровны о малолѣтнихъ сиротахъ 5. 11. 22. Александръ I посѣщаетъ благородное собраніе 94. Въ *Донскомъ монастырѣ* похороненъ гр. М. А. Дмит.-Мамоновъ 102. Англійскій путешеств. Диси очарованъ Кремлемъ и кремлевскими видами 317.

Холера 612. Москов. бюллетени Погодина 613. 614. газетн. комната английск. клуба 614. Дѣло о должн. лицахъ Московскаго правленія, учрежден. французами въ 1812 году 883—903; университету отказано въ просьбѣ получать научные журналы безъ цензуры 1430. Празднованіе свѣтлаго праздника въ Москвѣ 1452. Величавый гулъ Ивановскаго колок. 1453. Исконная любовь Москвы къ царямъ 1462.

Кремлевскій Дворецъ отдѣлывается для пріѣзда царской фамиліи 1892.

Новгородское подворье, библіотека нѣмецкихъ, еврейскихъ и французскихъ книгъ 1056.

Поклонная гора, на ней 1 го Сент. 1812 г. Кутузовъ увѣрялъ Ростопчина, что отстоитъ Москву 884.

Прозоровскаго садъ, славился яблоками 1046.

Слободскій Дворецъ, знаменитое собраніе дворянства въ 1812-мъ г. 1674. Ложные слухи о болѣзни гр. Ѳ. В. Ростопчина 1876. Уп. въ письм. гр. Ростопчина 1879. 1880. 1889. 1890. 1892. 1895. 1902. 1910. 1912. Замѣчаніе солдата о значеніи Москвы 1985. Подвиги Фигнера 1998.

Моцартъ, композ. уп. 1441.

Мудровъ, докторъ. уп. въ разсказѣ А. Н. Оленина о 1812 годѣ 1992. 1993.

Муравьевъ - Апостолъ, Иванъ Матвѣевичъ, сенаторъ; написалъ безпристрастное мнѣніе о невинности лицъ, обвиненныхъ за изданіе книги Госнера, 1410. 1411.

Муравьевъ-Карскій, Николай Николаевичъ, ген.-адъют. по повелѣнію Николая I-го ѣздилъ въ Царьградъ и Александрію; его сочиненіе *«Турція и Египетъ въ 1833 году.»* Его поѣзд. имѣла результатомъ Ункіаръ-Скелессійскій договоръ, о которомъ есть намекъ въ стихахъ Жуковскаго *Бородинская годовщина* 733. До самой кончины онъ велъ непрерывныя записки; *путешествіе въ Туркменію и Хиву* перев. на иностранные языки 734. Его Записки 734—794. уп. въ разсказѣ Оленина о 1812 годѣ 1988.

Муравьевъ (графъ) Михаилъ Николаевичъ, инспекторъ классовъ въ школѣ Колоновожатыхъ 799; уп. 800. 802. уп. въ разсказѣ А. Н. Оленина о 1812 годѣ 1988. Разсказъ его о плѣнн. французахъ 1989. 1990.

Муравьевъ, Михаилъ Никитичь, попечитель Моск. Унив. уп. въ пис. И. И. Дмитріева 1098. 1099.

Муравьевъ, Никита Михайловичъ (декабристъ) уп. въ пис. Дашкова 592. уп. въ пис. Жуковскаго 840. 841.

Муравьевъ, Николай Николаевичъ; уп. въ Запискахъ его сына Н. Н. Муравьева-Карскаго 747. учредилъ школу колоновожатыхъ; уп. біографія его написанная Путятой 793; читалъ въ шк. колоновож. воен. исторію и тактику; его лекціи особенно нравятся колоновожатымъ 798. общая любовь къ нему 801; каждое лѣто онъ собираетъ всѣхъ колоновожатыхъ въ своей подмосковной Осташовѣ, гдѣ обучаетъ ихъ фронту и съемкѣ 803; его справедливость 806. 807; благоразумный взглядъ на дѣтскія шалости 807. Находился въ пріятельскихъ отношеніяхъ съ Жуковскимъ 810. Воспоминанія о немъ Басаргина 794—822.

Мурзакевичъ, Н. Н., сообщилъ письмо Суворова, 1866.

Муромцевъ, Н. С., уп. въ пис. гр. Ѳ. В. Ростопчина 1883.

Муррей, уп. въ донес. гр. Бальмена 1943. 1944.

Мусатовскій, П. А., сообщилъ ст. «Предсмертные дни и кончина графа Аракчеева» 283—289.

Мусинъ-Пушкинъ, графъ Иванъ Алексѣевичъ, начальникъ Монастырскаго Приказа; письма къ нему директора Московс. Сѵнод. типографіи Ѳ. Поликарпова 1041—1050. 1051—1053 Отвѣтъ 1050. 1051. Письмо къ архіепископу

пу Θеофилакту Лопатинскому 1053. 1054. Еще письма Поликарпова 1054 — 1057.
Мусинъ-Пушкинъ, графъ Алексѣй Ивановичъ, собиратель древностей, замѣчаніе гр. М. Θ. Каменскаго объ его обществѣ 1506.
Мѣшковскій, Александръ Яковлевичъ, Воронежскій вице-губернаторъ, уп. въ пис. Кольцова 458.
Мюралтъ, пасторъ, содерж. пансіона въ Петербургѣ, уп. въ пис. Сперанскаго 1751.
Мюратъ, вел. герц. Бергскій, уп. въ пис. кн. А. Б. Куракина 203. 207. 220. уп. въ донес. гр. Бальмена 705. уп. 899. 1850 уп. въ пис. гр. Θ. В. Ростопчина 1879. 1881.
Мюрронъ, полковникъ, уп. въ донес. гр. Бальмена 1963. 1967.
Мясоѣдовъ, I-й, маіоръ, уп. въ указѣ Павла I го, 1866.
Мятлевъ, И. П., его шуточная пригласительная записка 461. уп. 620.

*

Надеждино, (Саратовской губерн. Сердобскаго уѣзда) деревня, въ которой проживалъ князь Александръ Борис. Куракинъ 23. 25.
Надеждинъ, Николай Ив. уп. въ пис. кн. Вяземскаго 646 шутка И. И. Дмитріева 646. печатаетъ въ «Телескопѣ» статью Чаадаева 976. 985. его оправданіе и ссылка 986.
Наполеонъ I, имп. упом. въ пис. кн. А. Б. Куракина 25. 44. 50 65. 67. 69. 71. 73. 76—79. 81. 83. 86. 183. 188. 189. 203 —205. 207. 213. 219 — 221. вторженіе въ Россію 95. 96. 881. 889. 891. 899. 1340. 1342. 1431. 1437. оборонитель грековосточнаго исповѣданія 108 — 112. на остр. Св. Елены 466. 468. 469. 473. 659. 661. 666—668. 673 675. 676. 678. 679. 693. — 699. 701—706. 713. 714. 718. 721. 723. 725. 729 —731. 733. 1924. 1925. 1927. 1928. 1930—1984. упом. 114. 119. 906. 921. 924. 928. 1343. 1542. 1642. 1645. 1819. 1840. 1842. 1846. 1847. 1848. 1849. 1852. 1853. 1854. 1856. 1860. 1867. 1868. Бѣгство съ о. Эльбы и вторичное вооруженіе противъ него всей Европы 1878. Пораженіе роялистовъ и союзъ съ Якобинцами 1879 — 1881. Разбитъ при Ватерлоо и вторично свергнутъ съ престола 1882. уп. въ пис. гр. Θ. В. Ростопчина 1883. 1914. Безъ него Франція не опасна для Европы 1885. уп. въ пис. А. А. Волкова 1885. уп. въ разсказахъ А. П. Оленина о 1812 годѣ 1986. 1994. 1995. 1996. 1999.
Наполеонъ II, Францъ-Іосифъ, «Король Римскій» (сынъ Наполеона I и Маріи Луизы), уп. въ донес. гр. Бальмена 1925 — 1929. 1943. 1945.
Нарбонъ, графиня, 34. 39.
Нарышкина, (урожд. гр. Ростопчина) Наталья Θеодоровна, представлена ко Двору 1886. приданое 1891; болѣзнь 1915.
Нарышкинъ, упом. въ пис. кн. А. Б. Куракина 66. 70.
Нарышкинъ, Василій Дмитріевичъ гвардіи полковникъ (былъ Симферопольскимъ губернаторомъ) 1891.
Нарышкинъ, упом. въ пис. о Семеновской исторіи 1826.
Насакинъ, подполк. ген. штаба, 908.
Нахимовъ, Павелъ Степановичъ, адмир. біогр. очеркъ 373—410. пис. его къ М. П. Лазаревой 410 — 411. его могила 412. упом. 878.
Находкинъ, Петр. Ив. Моск. купецъ 885. 886. 888. 896.
Находкинъ, Пав. Петр. купеческій сынъ 897.
Нащокинъ, упом. въ пис. кн. Вяземскаго 632.
Небольсина, Авдотья Селиверстовна, истрачиваетъ на свадьбу своего племянника 80.000 руб. 1889; уп. въ пис. гр. Θ. В. Ростопчина 1922. уп. о болѣзни и смерти ея внучка 1923.
Небольсинъ, Николай Ивановичъ (Московскій гражд. губернаторъ), уп. 1889.
Неводчиковъ, Н. В., священникъ сообщилъ статью Стурдзы о Магницкомъ 938.

Невѣровъ, послѣдователь Чаадаева 987.
Негри, Московскій купецъ 98.
Неджибъ-паша, бригадный генералъ 771—773. 777.
Ней, маршалъ. 705. 890. 1847. 1848. уп. въ разсказѣ А. Н. Оленина о 1812 годѣ 1996.
Неккеръ, 1675.
Неклюдовъ, В. С., о М. П. Полуденскомъ 1488.
Нелединскій-Мелецкій, Юрій Александровичъ, его кончина 606. кн. Вяземскій имѣлъ намѣреніе написать его біографію и издать стихотворенія 606. Мерзляковъ въ его домѣ не былъ короткимъ знакомымъ 642. переводч. басней 1818.
Нелидова, (Екатер. Ивановна, камеръ-фрейлина И-цы Маріи Θеодоровны), упом. въ пис. кн. А. Б, Куракина 37. 41. 46, 52, 70, 176. 215, 230. 240.
Нельсонъ, адмир. 382. 392.
Нессельроде, гр. Карлъ Васильевичъ, его инструкціи гр. де Бальмену 659—663. 667—669; его нерѣшительность 736. 737. уп. 738. 741—743. 745 749—752, разсѣянность 753 уп. 754. 755. и донесенія ему гр. де Бальмена 669—734. 1924—1984. упом. въ Зап. Греча 1410. въ перепискѣ съ А. Я. Булгаковымъ 1437. близокъ съ К. Я. Булгаковымъ 1438. упом. 1735. пис. къ нему Сперанскаго 1756.
Нестеровъ, Сергѣй Михайловичь, 1864.
Нестеровы, 1864.
Неупокоевъ, упом. въ пис. Сперанскаго 1793.
Нефедьева, Ал. Ил., родственница А. И. Тургенева 1458.
Нечаевъ, Павелъ, 898.
Нивельтъ (фонъ), подполковн., адъют. Наполеона I 889.
Николаевъ, Иванъ, коллежск. регистр. 900.
Николай Александровичъ, Цесаревичъ, о его рожденіи Жуковскій узнаетъ отъ В. Кн. Михаила Павловича 1447.
Николай Николаевичъ, Великій Князь, упом. въ пис. Жуковскаго 1462.
Николай I Павловичъ, (в. кн.) по его представленію Баратынскій произведенъ былъ въ унт. офиц. 155. письма къ нему и-цы Маріи Θеодоровны 337—373. уп. 1832. Карамзинъ представляетъ ему свою исторію 1835. Уп. въ пис. гр. Θ. В. Ростопчина 1886. Въ Мобежѣ его ожидаютъ для маневровъ 1900. (Императоръ) коронація 4. 1327. возваніе къ нему Сербовъ 122. Аракчеевъ сходитъ съ своего поприща 284. Его указъ адмир. Грейгу о Фрегатѣ «Рафаилъ» 387. донесенія кн. Меньшикова 389. рескриптъ Меньшикову 389. 390. Награждаетъ Нахимова 397. дѣла церковныя 428. 432. обезпечиваетъ графиню Бальменъ пенсіономъ 467. принимаетъ на свой счетъ издержки на предполагаемое путешест. Карамзина 601. депутація изъ Москвы 622. упом. 612. 626. предсѣдательствовалъ на «знаменитомъ Законодательномъ» засѣданіи государственнаго совѣта 627. 628. остается доволенъ трагедіею бар. Розена «Россія и Баторій» 636. угощаетъ во Дворцѣ обѣдомъ фабрикантовъ и промышленниковъ 630. выѣзжаетъ изъ Пбурга осмотрѣть войска въ Ригѣ 630; Онъ одинъ, и вопреки всеобщаго мнѣнія, увидѣлъ необходимость совершенно измѣнить относительно Турціи политическую систему, существовавшую со временъ Петра I-го 733. 735. 736. 737—743. Его бесѣда съ Н. Н Муравьевымъ, по поводу отправленія сего послѣдняго въ Константинополь 744 — 749. упом. 750—754 763. 764. 774. 789. 791. пожаръ въ Зимнемъ Дворцѣ 844. 845. 847 850. 851. посылаетъ лейбъ-медика Вилье къ умирающему Аракчееву 954. назначаетъ оставшееся послѣ Аракчеева имущества въ Новгродскій Кадетскій корпусъ 957. холерное возмущеніе въ Петербургѣ 962. кн. Д. В. Голицынъ ходатайствуетъ о Чаадаевѣ 987. вступленіе на престолъ 1038. 1039 (упом. 1332) пріостанавливаетъ дѣйст-

вія библейскихъ обществъ 1388. 1389. Сравненіе его царствованія съ предъидущимъ царствованіемъ 1411. 1412. упом. въ пис. Жуковскаго 1446. 1462. 1463. 1465. 1475. 1478—1480. въ его царствованіе снова началась государственная дѣятельность Сперанскаго 1650. 1651 упом. 1660.
Николай, справщикъ, 1047. 1049.
Николаи, бар., 1003. генералъ-адъютантъ 1292.
Никонъ, патр. 991.
Новгородская губер. 1569.
Новгородскій Кадетскій корпусъ 288. 957.
Новгородское подворье, см. Москва.
Новиковъ, Николай Ивановичъ, 825. 886. 1337. 1427.
Новосильскій, контр. адмир. 383.
Нивосильцовъ, Николай Николаевичъ, упом. въ пис. кн. А. Б. Куракина 44. 45. 50. 64. 68. 74—76 82—84. 195. 1544.
Новосильцовъ, Петръ Петровичъ, 1040.
Нортики, прозваніе данное крестьянами французскимъ мародерамъ 1986
Ностицъ, графъ, командиръ Нижегородскаго драгунскаго полка 1256.
Нѣманъ, рѣка, проэктъ гр. Сиверса соединить ее съ Зап. Двиною 27. 30.
Ньютонъ, замѣчаніе о немъ Сперанскаго 1771.

Оболенская (урожд. Нелединская-Мелецкая), кн. Аграѳена Юрьевна 606.
Оболенскій, кн. А. П, калужскій губерн. 606.
Оболенскій, кн. Михаилъ Андреевичъ, сообщ. «генер. Бонапартъ — оборонитель греко-восточнаго исповѣданія» 108—112.
Оболенскій, кн. Н. С. 25.
Обольяниновъ, Петръ Хрисаноовичъ, ген. прок. 1535. 1536.
Обри, Парижскій книгопродавецъ, издатель Bulletin du Bouquiniste 1487.
Обрѣзковъ, Александръ Александровичъ, полицеймейстеръ Московскій, 1915.
Обрѣзковъ, Михаилъ Алексѣевичъ, упом. въ пис. гр. М. Ѳ. Каменскаго 1498. 1499. 1500. 1501. 1509.
Обрѣзковъ, Николай Васильевичъ, уп. въ пис. гр. Ѳ. В. Ростопчина 1915.
Обрѣзковъ(?) упом. въ пис. о Семеновскомъ возмущеніи 1826.
Обрѣзковы, уп. въ пис. гр. Ѳ. В. Ростопчина 1886.
Овечно, деревня графа Ѳ. В. Ростопчина, пожалованная его предку царемъ Іоанномъ Грознымъ 1923.
Огинскій, гетм. 1072.
Огородниковъ, уп. въ Зап. А. Ѳ. Брокера 1420. 1424.
Оде-де-Сіонъ, прапорщ. лейбъ-гвардіи Литовскаго полка 901.
Одоевскій, князь Владиміръ Ѳедоровичъ, собиралъ третью книжку Пушкинскаго Современника 658.

Ожеро, маршалъ 1843. 1850. 1860.
Озеровъ, Владиславъ Александровичъ, его трагедіи читались «съ жадностью воспитанниками Школы колоновожатыхъ 810 отзывъ Сперанскаго объ его талантѣ 1730 1731.
Озеровъ, (Петръ Ив.), адъют. В. К. Константина Павл. 180.
Оленина, Варвара Алексѣевна 264. 1983.
Оленина (урожд. Полторацкая), Елизавета Марковна 264. 265.
Оленинъ, Алексѣй Николаев. 258. 261. 262. упом. въ пис. Дашкова 592. Его разсказы изъ исторіи 1812 года 1983—2000.
Оленинъ, Николай Алексѣевичъ, убит. въ Бородинск. сраженіи 1983.
Оленинъ, Петръ Алексѣевичъ тяжело раненъ въ Бородинск. сраженіи 1983.
Оленины, 261.
Олсуфьева (урожд. де-Лицына) Дарья Александровна, уп. 1878.
Олсуфьевъ, Адамъ Васильевичъ, 280.
Олсуфьевъ, Дмитрій Адамовичъ, уп. 1878.
Олсуфьевъ, упом. въ пис гр. Н. М. Каменскаго 1519.
Ольга Николаевна, В. Кн. оказываетъ вниманіе Листу 1446.
Омеръ-Ага, бѣглый австрійск. офицеръ, принявшій мусульманство 768.
Опочининъ, упом. въ пис. кн. А. Б. Куракина 76, 84.

Опочининъ, (?) 274. 275.
Опошня, село Полтавской губ. Зеньковскаго уѣзда 1071, 1073.
Орбеліани, кн. Димит. 1028
Орбеліани, кн. Марія Ивановна 1018. 1029. 1030. 1304? ея дочь 1030.
Орбеліяни, князья 1003. 1017
Орлова-Чесменская, графиня Анна Алексѣевна, присутствовала при заключеніи союза архимандр. Фотія съ Магницкимъ противъ кн. А. Н. Голицина 932. подкрѣпляетъ митр. Серафима въ его борьбѣ съ кн. Голицынымъ 1390. на ней думалъ жениться гр. Н. М. Камен. 1525. упом. 1332.
Орловъ-Чесменскій, граф. Алексѣй Григорьевичъ, ссора съ кн. Прозоровскимъ и «странное» письмо къ Екатеринѣ 825. 826. упом. въ пис. гр. Н. М. Каменскаго 1503. 1504. 1506.
Орловъ (кн.) Алексѣй Өедоровичъ, 736., его вліяніе на дѣла государственныя 741. 742. 743. 751-753 1412. 1823. 1826
Орловъ, Григорій (Өедоровичъ?), уп. въ пис. гр. Ө. В. Ростопчина 1900.
Орловъ, Михаилъ Өедоровичъ, его Арзамасское прозвище 829. 835. 838.
Орловъ, канцеляристъ 895. 901.
Орловы, 274.
Орловскіе купцы. Замѣчаніе о нихъ гр. Ө. В. Ростопчина 1901.
Ороръ-Бюри, «указательница и сводня» 1435.
Оссіанъ, замѣчаніе о немъ Сперанскаго 1706.
Остафьево, подмосковная кн. Вяземскаго 620.
Осташево, село, школа колоновожатыхъ 803. 811. 812. 818—820
Остенъ-Сакенъ, графъ Фабіанъ Вильгельмовичъ 467. 1840. судъ надъ нимъ 1855. 1856. упом. 1857.
Остенъ-Сакенъ, графъ, генадьют., начальникъ Севастопольскаго гарнизона 398.
Остерманъ-(Толстой, гр. Александръ Ивановичъ) уп. въ пис. кн. А. Б. Куракина 74 82 упом. въ пис. гр. М. Ө. Каменскаго 1524.; уп. 1840. 1843. 1857. При Кульмскомъ дѣлѣ командовалъ гвардіей; былъ жестоко раненъ и во время операціи приказалъ пѣсельникамъ пѣть пѣсни 1997. 1998.
Остерманъ, графъ, Иванъ Андреевичъ, вице канцлеръ 827.
Остзейскія провинціи, 1545.
Осѣкъ, гор. 122.
Отишанъ, маркизъ 35, 39.
Отрепьевъ (Луба), первый Лжедмитрій, 272.
Оттонъ, король Греческій 304.
Охотниковъ, Орловскій помѣщикъ, упом. въ пис. гр. М. Ө. Каменскаго. 1507.

*

Павелъ I Петров. (импер.) его дружба съ кн. А. Б. Куракинымъ 23. 24. отставляетъ гр. Сиверса 30. путешествовалъ по Европѣ подъ именемъ гр. Сѣвернаго 38. къ нему былъ близокъ Р. А. Кошелевъ 51. намѣреніе возвести его на престолъ при жизни матери 274. его крестная дочь 238. преданность къ его памяти гр. Аракчеева 282. Его политика относительно Турціи 735. прискорбныя недоразумѣнія между нимъ и матерью 826. 827. гнѣвъ его на гр. Литту 873. присутствуетъ въ засѣданіяхъ Капитула Малт. Ордена и строго слѣдитъ за исполненіемъ орденскихъ формальностей 873. остается доволенъ докладомъ в. кн. Александра Павловича 873. 874. разсказы о немъ 1069. 1070—1076. 1079. 1080. мѣры его противъ «замысловъ масоновъ и софистовъ нечестія» 1338. упом. въ Зап. А. Ө. Брокера 1423. 1425, 1426. 1428. разсказы о немъ кн. П. М. Волконскаго 1440. приверженность къ нему гр. М. Ө. Каменскаго 1490. производитъ его въ фельдмаршалы и жалуетъ графомъ 1491. даетъ сыну его деньщика 1515. государственная дѣятельн. 1534. 1535. 1577. 1579. 1581. 1583. 1632. производитъ Бенигсена въ генералъ-лейтенаты 1837. 1838. указъ его Д. Е. Лесли 1866 упом. 29. 1514. 1517. уп. въ разсказѣ А. Н. Оленина о 1812 годѣ 1997.

П—въ, упом. въ пис. кн. Вяземскаго 609.
Павловъ, Алексѣй Александровичъ, свѣдѣнія о немъ 1329. 1332. 1333. былъ у митр. Серафима, когда онъ собирался ѣхать во дворецъ 1930
Паглиновскій, упом. въ пис. Сперанскаго 1182.
Паланжъ, прапорщикъ 889. 898.
Паленъ, графъ Петръ Алексѣевичъ, Петербургс. генер. губерн. 1074. 1839.
Паленъ, графъ ген. м. 1846.
Паленъ, бар., офицеръ лейбъ гвардіи, упом. въ пис. кн. А. Б. Куракина 234.
Панаевъ, Владиміръ Ивановичъ, замѣтки на его Записки 141—147. ссылки на нихъ 930.
Пангалъ, Николай, уп. его письмо 293.
Панинъ, графъ Викторъ Никитичъ, предсѣдат. Редакціонныхъ Коммиссій 1214. Высочайшій рескриптъ на его имя 1214. 1215
Панинъ, графъ Никита Ивановичъ, его родство съ кн. Куракиными 23.
Панова (урожд. Улыбышева) къ ней писалъ Чаадаевъ свои философскія письма 985. 1328.
Парижъ, грабежи 1878; всеобщее уваженіе и почтеніе къ гр. Ѳ. В. Ростопчину 1897. Раздражительность и безтолковость жителей; дешевизна рисунковъ 1902. Страшная бѣдность жителей, дороговизна, голодъ 1903; удобства квартиръ 1909; приливъ иностранцевъ и невозможность найдти квартиру 1912. Съѣздъ многихъ знаменитыхъ особъ 1923.
Парротъ, профес. 1645.
Паскевичъ, князь Эриванскій, писалъ къ Николаю 1-му, что уже настало время Турецкой имперіи раздѣлиться на два царства 749.
Паскевичъ, отецъ фельдмаршала 1073.
Пассекъ, генер. 66. 70.
Пато д' Орфланъ, французскій консулъ 893.
Патрикѣевъ, маіоръ 275.
Пашковъ, вице-губернаторъ Воронежскій 1059. 1060.
Пашковъ, ген. м. Александръ Васильевичъ 903.
Пащенко, Петръ Петровичъ, разсказы о немъ 1071—1073.
Пезаровіусъ, основатель Инвалида 1404
Пейкеръ, упом. въ пис. Сперанск. 1732. 1734.
Пекарскій, Петръ Петровичъ, Академикъ, 1862.
Пекронъ, музыкальн. мастеръ, 1434.
Пелль, Петръ. Петербургскій купеческій сынъ 900.
Пемброкъ, графъ уп. въ пис. кн. А. Б. Куракинъ 61. 63. 64. 68. 74. 82. (зять гр. Воронцова), уп. въ пис. Гр. Ѳ. В. Ростопчина 1912. 1921.
Пенза, гор. 1105. 1116. 1122. 1147. 1150.
Перевощиковъ, Казанскій, а потомъ Дерптскій профессоръ 628.
Переполовъ, Иванъ, прикащикъ 1864.
Периго, (французскій банкиръ?), уп. въ пис. гр. Ѳ. В. Ростопчина 1901. 1908.
Пероты, уп. въ Запискахъ Н. Н. Муравьева 762.
Перру, измѣнникъ 1434.
Персіяне, уп. въ Запискахъ Н. Н. Муравьева 745.
Перфильевъ, Енисейскій купецъ 1730.
Пестель, Иванъ Борисовичъ, 1425. 1427. замѣч. о немъ Ѳ. М. Дмитріева 1649; уп. въ пис. гр. Ѳ. В. Ростопчина 1894.
Петергофъ, замѣчаніе о немъ Сперанскаго 1143.
Петерсонъ, miss. 1132.
Пети, измѣнникъ. 1435.
Петиньякъ, измѣн. 1435.
Петровъ, Александръ, чиновникъ Московской казенной палаты 900.
Петровъ, Алексѣй, слуга гр. Ѳ. В. Ростопчина 1902.
Петровъ, (Василій Петровичъ), лирикъ, кн. Вяземскій предполагалъ издать выборныя мѣста изъ его произведеній и приложить къ нимъ замѣчанія и біографическое извѣстіе 650. 651. его переводъ «Потеренняго Рая» 651.
Переплетчиковъ, Иванъ, Московскій купецъ 896. 1524?
Петрушевичъ, 1076.
Петръ Великій, его родство по первой супругѣ съ кн. Куракиными 23. его указъ 105. пис. къ кн. М. М. Голицыну 106. казацкіе бунты 271. Его политика относительно Турціи 735. уп. въ Запискахъ Н. Н. Му-

равьева 746. Петровская зала въ Зимнемъ Дворцѣ 849. (упом. 994.) книжное просвѣщеніе 1042—1057. присутствовалъ на ассамблеѣ у голландца Гоппа 1059. мысли его о восточномъ вопросѣ 1063. 1064. «покушеніе» въ его царствованіе «враговъ Россіи ослабить ея могущество» 1334. мѣры къ искорененію расколовъ 1341. (упом. 1413) регламентъ 1415. государственная дѣятельность 1539. 1540. 1545. —1547. 1549 — 1555. 1562. 1564—1566. 1569. 1570. 1574. 1584. 1623. пис. къ П. И. Машкову. 1861.

Петръ III, имп., 1329. 1345. 1425.

Петти, вліятельный домовладѣлецъ въ гор. Авенѣ 923.

Пигулевскій, Бакинскій уѣздный начальникъ; упом. въ Зап. Инсарск. 484—514.

Пиль, Иванъ Алферьевичъ, Иркутскій генер. губерн. 124.

Пиль, Елизавета Ивановна 124.

Питтъ, М-мъ, лектрисса при и-цѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ 1114, 1122, 1140.

Піонтовскій, находился при Наполеонѣ на остр. Св. Елены 701. 725. 730. 731. 1958. 1961.

Пламкинъ, англ. адмиралъ, уп. въ донес. гр. Бальмена 1943. 1944. 1947. 1949. 1971. 1972.

Планта, дядя жены Сперанскаго 1147.

Платовъ, Матвѣй Ивановичъ Донской атаманъ 1848.

Платоновъ, упом. въ Запискахъ Греча 1405, 1407.

Платонъ, замѣчаніе о немъ Сперанскаго 1731 его изучаетъ Дашковъ 590.

Плетневъ, Петръ Александровичъ, 146. 261. 266.

Плецъ, ген. лейт., 1843.

Плещеевъ, упом. въ пис. Поликарпова 1048.

Плохова, поруч. 1067.

Плюскова, Наталья Александровна 1425.

Плюскова, Наталья Яковлевна, фрейлина Высочайшаго двора 587. 589. 593. 594. 597. 599. 601.

Плюшаръ, 653.

Пнинъ, И. П. его стихи на смерть Радищева 1817.

Поггенполь, (урожд. Вейкардтъ), Софья Карловна, упом. въ пис. Сперанскаго 1106. 1110. 1113. 1121. 1124. 1129. 1131. 1136. 1142. 1144. 1146. 1151. 1155. 1157. 1163. 1164. 1166. 1168. 1176. 1195. 1210. 1211. 1710. 1770. 1776. 1784—1787. 1795.

Поггенполь, Николай Васильевичъ, 1106. 1748. 1750. 1756. 1765. 1783. 1785. 1786.

Погодинъ, Михаилъ Петровичъ, историкъ, издавалъ во время холеры 1830 года «*Вѣдомости о состояніи города Москвы*» 613, которыя князь Вяземскій называлъ «*убійственною литературою Маркуса и Погодина*» 614. упом. въ Воспоминаніи о Чаадаевѣ 993. замѣчаніе Жуковскаго о его «*Воспоминаніи объ А. И. Тургеневѣ*» 1458.

Погодинъ, Петръ Моисѣевичъ, свѣдѣнія о немъ 1422. упом. въ Зап. А. Ѳ. Брокера 1422.

Подгоричанинъ, графъ, уп. въ пис. гр. М. Ѳ. Каменскаго 1500.

Поджіо, Преображенскій капитанъ 144.

Пожарскій, кн. его грамота къ Австрійскому эрцъгерцогу 991.

Позе, докторъ, 1153.

Позняковъ, Иванъ Гавриловъ, Московскій купецъ 895. 901.

Позняковъ, Яковъ Андреевичъ, Орловскій помѣщикъ, упом. въ пис. гр. М. Ѳ. Каменскаго 1507.

Поклонная гора, см. Москва.

Покровскій, И. Г. 99. 101.

Покровское, Сердобская деревня Сперанскаго 1205.

Полевой, Николай Алексѣевичъ, упом. въ пис. кн. Вяземскаго 605. 616. 627.

Поленскій, участковый засѣдатель, упом. въ Записк. Инсарск. 490. 493. 494. 498. 499. 503. 504.

Полетика, Петръ Ивановичъ, (!?) его Арзамасское прозвище 1453. 1466.

Поливановъ, Ив. Игн., ген. пор. 1847.

Поликарпова, (урожд. кн. Щербатова) Елизавета Павловна 1507. 1527.

Поликарповъ, Александръ Васильевичъ, 1507. 1527.

Поликарповъ, Θедоръ, директоръ Московской Синодальной типографіи, его переписка съ гр. И. А. Мусинымъ-Пушкинымъ 1041—1057.

Политковскій 1404.

Полоцкъ, гор., оскверненіе католическихъ храмовъ Французами въ 1812-мъ году 1983.

Полтава, гор., ея прошлое 1073.

Полтарацкая, (урож. Шишкова) Агаθоклея Александр. пис. къ ней Московскаго митр. Филарета 137—140.

Полтарацкая, (урожд. Госкони), Марья Карловна 1419.

Полтарацкій, Александръ Марковичъ, 1418. 1419.

Полтарацкій, Дмитрій Марковичъ, пис. къ нему гр. Θ. В. Ростопчина 854.

Полтарацкій, Константинъ Марковичъ, 923.

Полуденская, (урожден. Ржевская) Марья Михайловна, правнучка фельдм. гр. М. Θ. Каменскаго 1484.

Полуденскій, Михаилъ Петровичъ, библіографъ, біографическія о немъ извѣстія 1483—1488.

Полуденскій, Николай Петровичъ 1485.

Полуденскій, Сергѣй Петровичъ, 1485.

Полуденскій, Петръ Семевичъ, 1484.

Полухинъ, офиц. 909.

Поль (фонъ), Карлъ Карловичъ, 1404. 1410.

Польша и Поляки, 76. 77. 84. 115. 1079. 1307. Николаю I-му предлагали постороннее участіе къ усмиренію бунта 1831 года, но онъ отказался 748. По мнѣнію Наполеона I-го, его война съ Россіей, повела только къ возстановленію Польши 1941. 1942. Послѣ бѣгства изъ Москвы, Наполеонъ I хотѣлъ снаряжать новую армію въ Польшѣ 1995. 1996. Въ десантномъ отрядѣ Н. Н. Муравьева, между матросами, было много *Поляковъ*: никто изъ нихъ не бѣжалъ; съ русскими не сходились; чистоплотны 759. Они просили не назначать ихъ въ полевыя войска и оставить въ инвалидной ротѣ 760. По замѣчанію гр. Θ. В. Ростопчина, они не любятъ русскихъ и заняты возстановленіемъ своего королевства 1884. Самые жестокіе въ войскѣ Наполеона I 1985.

Помпадуръ, 319.

Пономарева, Соф. Дм. 144. 146.

Поповъ, Василій Михайловичъ, секретарь Библейскаго Общества, 1400. 1404. 1405. 1409. 1410. 1411.

Поповъ, Василій Степановичъ, Потемкинскій дѣлецъ, 61. 63. 78. 79. 86. 1491.

Поповъ, Петръ Петровичъ, управлялъ Новгородскимъ имѣніемъ Сперанск. 1150. 1159. 1718, 1770.

Поппльтонъ, капит., приставленный къ особѣ Наполеона и отвѣчающій за цѣлость его въ Лонгвудѣ 702. 704. 705. 1948. 1950.

Поскочинъ, морякъ, 504.

Поспѣловъ, Иванъ, чиновн. 900.

Поспѣловъ, Академикъ 592.

Потаповъ, Кипріянъ 1066.

Потемкинъ-Таврическій, кн. Григорій Александровичъ, его замѣчаніе о Рахмановѣ, съ которымъ онъ любилъ препираться въ вопросахъ отвлеченныхъ и богословскихъ 89. 90. свидѣтельство о немъ дипломатической корреспонденц. 823—826. праздникъ 873. служба въ Синодѣ 1329—1332. отношенія къ гр. М. Θ. Каменскому 1490. 1491. дружба съ Б. Θ. Кнорингомъ 1855.

Потемкинъ, упом. въ пис. о Семеновской. ист. 1825.

Потѣхины, старшій и младшій, литераторы 490. 497.

Похвисневъ, упом. въ пис. Жуковскаго 1455.

Поццо-де-Борго, дипломатъ 619. 648. 983.

Прадтъ, 633.

Пребышевская, Анна 274.

Прево, ламповщикъ 893. 898. 1436.

Прейсишъ-Эйлау 44. 49. 50. 1849. 1855.

Присъ, капитанъ, упом. въ донес. гр. Бальмена, 1979.

Приссъ, меръ гор. Авена 923.

Прозоровскаго, садъ, см. *Москва*.

Прозоровскій, кн. Александръ Александр. Москоск. главнокомандующій, гонитель мартинистовъ 825. ссора съ гр. А. Г. Орловымъ 825. 826. его дочь 1509.

Прокоповичъ - Антонскій, Антонъ Антоновичъ, 1475.

Прокоповичъ, докторъ 261.

Протасова, Анна Степановна, уп. въ пис. гр Ѳ. В. Ростопчина 1890. 1905.

Протасовъ, граф. Николай Александровичъ, впослѣдствіи Оберъ-Прокуроръ Св. Сѵнода, товарищъ Чаадаева по лейбъ-гвардіи гусарскому полку и по адъютанству у Ил. Вас. Васильчикова 1318. 1319.

Пруссаки, мнѣніе о нихъ Наполеона, выраженное на остр. Св. Елены 703.

Псковская губернія, 27. 31.

Публичное мнѣніе въ Россіи, замѣчаніе о немъ Сперанскаго 1735. 1754.

Пугачевъ, 1340. 1864.

Пузыревъ, Филиппъ, подлѣкарь 902.

Пуколовъ, приближенный Аракчеева, уп. въ пис. гр. Ростопчина 1894.

Пукъ, придворный музыкан. 1436.

Пулавы, 238.

Путята, Николай Васильевичъ, его замѣтка на Воспоминанія В. И. Панаева 141—146 написалъ біографію Н. Н. Муравьева отца 793. упом. 869.

Пушкина (урожд. кн. Волконская), Наталья Абрамовна 9.

Пушкина (урожд. Ганнибалъ). Надежда Осиповна, ея болѣзнь и кончина 646. 647.

Пушкинъ, Александръ Сергѣевичъ, въ воспомининіяхъ В. И. Панаева 142—144. его дружба съ Баратынскимъ 146. Бакчисарайскій фонтанъ 600. замѣчаніе о немъ Д. В. Дашкова 600. подарокъ И. И. Дмитріеву 615. собирается въ Москву 633. поэтическая производительность 635. осень есть пора оной 641. его журнальное поприще 623. 623. 644. пребываніе въ Москвѣ 623. бесѣдовалъ съ кн. Вяземскимъ о необходим. жизнеописанія Карамзина 623. «печально озабоченъ» болѣзнію матери своей 646. отправился въ Псковскую деревню для погреб. скончавшейся матери 647. доставляетъ И. И. Дмитріеву даровой билетъ на полученіе *Современника* 646. 647. 648. 649. поэтическая шутка И. И. Дмитріева на путешествіе его дяди 649. замѣчаніе кн. Вяземскаго на его Капитанскую дочку 650. совѣтуетъ кн. Вяземскому назвать свой Сборникъ «Старина и *Новина*», а не *Новизна* 652. не задолго до кончины перечитывалъ сочиненія И. И. Дмитріева и говорилъ о нихъ съ живѣйшимъ участіемъ и уваженіемъ 655. приготовлялся къ переводу Ювеналовой сатиры Желанія 655 много «начинаній» найдено въ его бумагахъ 655. Современникъ издается въ пользу его семейства 655. біографическая о немъ статья въ Revue de deux mondes 658. Жуковскій расчитываетъ на его сотрудничество въ предполагаемомъ имъ вмѣстѣ съ Дашковымъ изданіи Аонидъ 840. 841. пис. къ М. Н. Загоскину 973. отношенія къ Чаадаеву 976. 978. воспоминаніе о проф. Куницынѣ 1379. его дѣдъ 1415, замѣчаніе о немъ Сперанск. по поводу «Руслана» 1790. о Радищевѣ 1812—1814. 1817. «безцеремонный и рѣшительный» о немъ отзывъ послѣдняго издателя «Путешествія» Радищ. (1868 г.) 1815. замѣчаніе кн. Вяземскаго объ его стихѣ 1836. уп. 617. 1409. его родство съ гр. де Местромъ 439. Бруни нарисовалъ его въ гробу. 455. упом. въ пис. отца къ кн. Вяземскому 454—457.

Пушкинъ. Алексѣй Михайловичъ, 9. (уп. въ пис. гр. Ѳ. В. Ростопчина 1885?)

Пушкинъ, Василій Львовичъ, упом. въ пис. Дашкова 586. кн. Вяземскаго 605. 639. 649. 651. его Арзамасское прозвище 840.

Пушкинъ, Михаилъ Алексѣевичъ 9.

Пушкинъ, Сергѣй Львов. его пис. къ кн. Вяземскому по поводу смерти сына 454—457. упом. въ пис. кн. Вяземскаго 651. 655. 656.
Пущинъ, И. И. его Записки 873.
Пшеницынъ. уп. въ пис. гр. Ѳ. В. Ростопчина 1886.
Пыпинъ, А. Н., его статья «Крыловъ и Радищевъ» 1817.
Пюжо, иностр. 897. 901.

*

Рагланъ, лордъ, главнокомандующій англійск. войс. въ Крыму, уп. 1677.
Радзивилъ, (урожд. Мнишекъ), княгиня Изабелла, уп. въ пис. кн. А. Б. Куракина 238.
Радзивилъ, князь Доминикъ, камергеръ, уп. въ пис. кн. А. Б. Куракина 238.
Радищевъ, Александръ Николаевичъ, замѣтка о немъ и о его «Путешествіи» 1811—1817.
Раевскій, Николай Никол. генералъ, уп. въ пис. фельдмаршала Каменскаго 1512. уп. 1850. 1857.
Раевскій, Александръ Николаевичъ, адъютантъ кн. И. В. Васильчикова, уп. 1318. 1319.
Разумовскій, графъ Алексѣй Григорьевичъ, уп. 277.
Разумовскій, графъ Алексѣй Кириловичъ, уп. въ разсказѣ А. Н. Оленина о 1812-мъ годѣ 1984.
Разумовскій, Графъ Кирила Григорьевичъ, упом. домъ его въ Москвѣ 4; уп. въ пис. кн. А. Б. Куракина 228.
Райко (урожденная Антропова), Алек. Ник., уп. 305.
Райко, Алексѣй Николаевичъ, офицеръ Семеновск. полка уп. 297.
Райко, Николай Алексѣевичъ, біографическій очерк. 297—308; письмо къ гр. Бенкендорфу 308—313; уп. въ пис. гр. Капо д'Истріи 313—317.
Равичь, уп. въ пис. кн. П. А. Вяземскаго 605
Раичь, отзывъ кн. П. А. Вяземскаго объ его журналѣ «Галатея» 605.
Раль, Петербургск. банкиръ, уп. въ пис. Сперанскаго 1119.
Рамзай де Бальменъ, старинная Шотландская фамилія, 462.
Раппъ, уп. въ разсказѣ А. Н. Оленина о 1812 годѣ 1999.
Расинъ отзывъ о его сочиненіяхъ Сперанскаго 1771.
Расколъ, въ Россіи; безуспѣшность мѣръ правительства къ искорененію его 1341. 1342.
Раскольники, уп. 1339.
Раубе, Франсуа, предатель, 1436.
Рахмановъ, генералъ, съ которымъ князь Таврическій любилъ спорить о вопросахъ богословскихъ 89. 90.
Рачъ, В. Ѳ. артиллерійс. генералъ. уп. 955.
Рейманъ, докторъ въ Баденѣ, уп. въ пис. гр. Ѳ. В. Ростопчина 1904. 1905.
Реймскій, герцогъ, архіепископъ, дядя Талейрана, уп. въ пис. кн. А. Б. Куракина 34. 39.
Рейнъ, р. уп. въ пис. кн. А. Б. Куракина 53. 57.
Рейтъ, капит., уп. въ донес. гр. Бальмена 1943. 1944.
Рембекъ, баронъ, учитель математики, уп. 1435.
Реми, Францъ, учитель моск. гимназіи и Александровс. Института, уп. 889. 898.
Ренне, ген. маіоръ, уп. 909.
Реутъ, переводчикъ на польскій яз. нѣкотор. стихотвореній Дмитріева, уп. въ пис. кн. П. А. Вяземскаго 622.
Ржевская, (урожд. графиня Каменская), Марія Михайловна; письмо къ ней фельдм. Каменскаго 1508.
Ржевскій, Григорій Павловичъ, камергеръ, женатъ на доч. фельдм. Каменскаго, уп. 1508.
Ржевскій, Тимоѳей, прапорщикъ; уч. въ заговорѣ Батурина, уп. 276.
Ржевскій, офицеръ Павлогр. Гусарс. полка, адъютантъ ген. Винценгероде, уп. 909.
Рибопьеръ (урожден. Бибикова), графиня Аграфена Александровна, уп. въ пис. фельдм. Каменскаго, 1496.
Рибопьеръ, графъ Александръ Ивановичъ, оберъ-камергеръ, уп. въ пис. фельдм. Каменскаго 1466. 1499. 1500. 1501.

Рига, гор. уп. въ пис. кн. А. Б. Куракина 26. 29. 37.
Рикордъ, вице-адмиралъ, командиръ Балтійской эскадры, находившейся въ Греческихъ водахъ, 747. 755.
Ричардсонъ, англійс. писатель; отзывъ Сперанскаго объ его романахъ 1144.
Ричь, капит., упом. въ донес. гр. Бальмена, 1944. 1946. 1948. 1950. 1951. 1953. 1954.
Ришелье, наставница гр. Мамоновыхъ, уп. 92.
Ришелье дюкъ де-, дивизіон. командиръ въ Молдавской арміи, 1841.
Ровандъ (Парижскій банкиръ), уп. въ пис. гр. Ѳ. В. Ростопчина 1903.
Роде, уп. въ пис. Сперанскаго 1790.
Родіоновъ, Михаилъ, дьякъ посольскаго приказа, уп. въ пис. къ гр. Мусину-Пушкину 1048. 1050.
Розенкампфъ, баронъ, коммиссія 1804 года, для составленія законовъ возникла по его плану, неодобриваемому юристами 1632. 1633. Сперанскій не довѣрялъ ему. Свои проэкты онъ составлялъ по французски. 1635. Его записка о реформахъ 1810 года 1642.
Розенъ, баронъ, издатель Альціоны, уп. въ пис. кн. П. А. Вяземскаго 627. Николай І-й очень доволенъ его трагедіей «Россія и Баторій» 636. Отзывъ кн. П. А. Вяземскаго о его дарованіи ibid.
Ромадинъ, Егоръ, сенатск. регистраторъ, уп. 900.
Романовичъ, Евгеній Михайловичъ, его разсказъ о предсмертныхъ дняхъ и кончинѣ Аракчеева 283—289. Опроверженіе этого разсказа 951—958.
Ростовцовъ, графъ Михаилъ Яковлевичъ, уп. 1213.
Ростовцовъ, графъ Яковъ Ивановичъ; выписка изъ статьи: «*Болѣзнь и кончина ген. Ростовцова*» 1213. Его образъ дѣйствій, какъ предсѣдателя Редакціон. коммиссій по крестьянскому дѣлу; ссылки на статью: «*Дѣятельность Я. И. Ростовцова въ редакц. ком. по крест. дѣлу*». Преемникомъ ему назначенъ гр. В. Н. Панинъ 1214, съ условіемъ не отступать отъ главн. основаній, указанныхъ въ «*Послѣдней запискѣ по крестьянскому дѣлу генерала Я. И. Ростовцова*» 1215—1246.
Ростокъ, гор. уп. въ пис. Петра І-го 106.
Ростопчина (урожден. Сушкова), графиня Евдокія Петровна, въ пис. кн. П. А. Вяземскаго названа *Московск. Сафо* 653. Въ Спб. она принята очень хорошо 654. уп. 854. Жуковскій о ея талантѣ 1467.
Ростопчина (урожден. Протасова), графиня Екатерина Петровна, уп. 854, уп. въ пис. ея мужа гр. Ѳ. В. Ростопчина 1873—1875. 1877. 1879. 1881. 1888. 1890. 1892—1894. 1896. 1897. 1901. 1903—1905. 1907—1909. 1911. 1914. 1920. 1921. 1923.
Ростопчина, Елисавета Ѳеодоровна, гр. умер. въ дѣвицахъ, уп. 854. уп. въ пис. отца гр. Ѳ. В. Ростопчина 1892. 1911.
Ростопчина (урожд. принцесса Marie de Solge), граф. Марья Игнатьевна, 1875.
Ростопчина (урожд. Крюкова), мать графа Ѳ. В. Ростопчина, уп. 852.
Ростопчинъ, Василій Ѳедоровичъ, отстав. маіоръ, уп. 852. Доброта его 1425—1426.
Ростопчинъ, графъ Андрей Ѳедоровичъ, (женатъ на писательницѣ Е. П. Р.) уп. 854. 1429. уп. въ пис. отца 1896. 1902. 1909. 1911.
Ростопчинъ, графъ Сергѣй Ѳедоровичъ, уп. 854. уп. въ пис. отца 1875. 1877. 1886. 1888. 1894. 1896. 1898. 1900. 1902. 1905—1907. 1909. 1915. 1922.
Ростопчинъ, графъ Ѳедоръ Васильевичъ; отзывъ о немъ Лонгинова; его сочиненія изданы очень небрежно 851. Біографическія данныя и его послужной списокъ 852—854. Перечень его сочиненіямъ, не помѣщеннымъ въ Смирдинск. изданіи 854. 855. Перечень сочиненіямъ, вовсе не изданнымъ у насъ и написаннымъ по французски 855. 856. Перечень произведеніямъ, неосновательно приписывае-

мымъ ему 856. Перечень афишамъ 1812 года 857. 858. Его надписи къ своему портрету 858. Эпитафія самому себѣ 859. Заявляется желаніе имѣть новое изданіе его сочиненій 858. Отношеніе Кутузову, объ числѣ оставшихся въ Москвѣ жителей 881. 882. Выписки изъ рапорта Сенату 884. 885. Пылкость и безпощадность его въ дѣлѣ патріотизма 886. Назначенъ членомъ Коммиссіи по дѣлу, о должност. лицахъ правленія, учрежденнаго французами 887. 888. Его имѣніями управляютъ, сначала А. Ѳ. Брокеръ, а потомъ П. М. Погодинъ 1422. Пользовался особен. расположеніемъ Павла I-го; отзывъ отца о его прилежаніи и умѣ; по смерти Павла больше жилъ въ своихъ деревняхъ. Обратилъ на себя вниманіе Александра I — 1426. Не любилъ масоновъ 1428. Строго наказываетъ Верещагина, задержаннаго съ прокламаціей Наполеона 1431. 1432; уп. о его разговорѣ съ Карамзинымъ, за нѣск. дней до вступленія французовъ въ Москву 1436. 1437. Сначала покровительствуетъ Сперанскому, а потомъ его непримиримый врагъ 1537. Мнимое письмо его къ Александру I. 1642. Александръ I дружески цѣлуетъ его, что поселяетъ въ Аракчеевѣ чувство зависти 1674. Ненависть къ французск. публицисту Б. Констану 1674. Споръ съ M-me Сталь; замѣчаніе его по поводу полученнаго имъ извѣстія о возмущеніи въ Петербургѣ 1675. уп. 1819. Шутливый анекдотъ на счетъ сонливости графа де Местра 1834. Его письма къ А. Ѳ. Брокеру 1873 — 1924.

Ротенбергъ, гора съ Русскою церковью, надъ прахомъ Виртембергской королевы Екатерины Павловны, въ которой вѣнчался Жуковскій 1460. 1461.

Ротинъ, купецъ-арендаторъ, уп. въ пис. Им-цы Маріи Ѳеодоровны 14.

Ротъ, генералъ уп. 122.

Ртищевъ, генералъ, уп. 1840.

Рубанъ, приказный служитель, уп. 1094.

Рудинъ, П. М. уп. 871.

Рудинъ, Павелъ, кол. регис. уп. 895.

Рудинъ, Петръ, кол. секр. уп. 895.

Рудольфъ, почтовый чиновникъ, уп. 1427. 1428.

Румянцовъ графъ Николай Петровичъ; Державинъ обвинялъ его за указъ о вольн. хлѣбопашцахъ 1543. Уп. въ пис. Сперанскаго 1766.

Румянцовъ, графъ Петр. Александровичъ, фельдм., Екатерина II, во время путешествія въ Крымъ, была поражена внѣшнимъ безпорядкомъ въ губерніяхъ, состоящихъ подъ его вѣдѣніемъ. Отвѣтъ его на сдѣланное по этому поводу замѣчаніе 90. 91. Непріязнь его къ Потемкину 91. Завадовскій поставилъ въ своему саду его бронзовую статую, которая была потомъ подарена гор. Глухову 1075. Покровительствуетъ Завадовскому и Безбородкѣ 1076. Въ супружеской жизни онъ несчастливъ 1493 Ссылка на его поговорку 1847. уп. 1857.

Румянцовъ, графъ Сергѣй Петровичъ; уп. въ письмѣ Дашкова 601, его страсть къ картежной игрѣ 617.

Руничъ, уп. въ Запискахъ Греча 1404. 1409.

Русановъ, полковникъ, уп. 1843.

Руска̀, французск. генералъ уп. 907. 912. 924.

Русло, Карлъ, иностранецъ, прожив. въ Москвѣ 899.

Руссенъ, вице-адмиралъ, французс. посолъ въ Константинополѣ, 786.

Руссо, Жанъ Жакъ, уп. въ пис. фельдм. Каменскаго 1506.

Рутковскій, чиновникъ упом. 1247. 1248.

Руфимскій, Николай, титул. совѣт., уп. 895.

Рындинъ, Кирила Степановичъ, сенаторъ, уп. въ пис. фельдм. Каменскаго 1522.

Рѣпинскій, Г. К., сообщилъ дѣло объ открывающемся въ Смоленскѣ отдѣленіи Библейскаго общества 1395 — 1402.

Рѣпинскій, Косьма Григорьевичъ, студентъ (нынѣ сенаторъ), уп. въ пис. Сперанскаго 1210.

Рѣпниковъ, Николай, воспитан. военно-сиротск. отдѣленія, уп. 900.
Рѣпнинъ, кн. Николай Васильевичъ, фельдмаршалъ, уп. 1072.
Рѣтькинъ, гусаръ, уп. въ пис. Сперанскаго 1187.
Рэбэ, Францъ, иностранецъ, прожив. въ Москвѣ 892. 898.

*

С-ъ, А. И., уп. 962.
Саблинъ, почетн. опекунъ, уп. въ пис. Им-цы Маріи Ѳеодоровны, 3. 4. 13.
Саблуковъ, Александръ Александровичъ, сенаторъ, уп. въ пис. фельдм. Каменскаго 1522.
Сабурово, Орловское имѣніе фельдм. Каменскаго, 1491. 1493.
Савельевъ, К. С., уп. 240.
Савельевъ, уп. въ пис. Сперанскаго 1193.
Садовскій, московскій актеръ, его комическіе разсказы 1444.
Сакенъ, уп. въ пис. фельдм. Каменскаго 1494.
Салтыкова, (урожд. гр. Чернышова), графиня Дарья Петровна, уп. 1421.
Салтыкова, князь (Александръ Николаевичъ?), уп. въ Запискахъ Греча 1405.
Салтыковъ, графъ Иванъ Петров. (фельдмаршалъ), уп. 1420. 1421. 1422.
Салтыковъ, кн. Николай Ивановичъ, ген.-фельдм., его кончина 1892. Великолѣпное погребеніе; Александръ I шелъ пѣшкомъ за его гробомъ 1893.
Салтыковъ, Борисъ, жившій въ Женевѣ въ дружескихъ отнош. съ Вольтеромъ и служившій посредникомъ между имъ и Шуваловымъ, особенно въ то время, когда тотъ писалъ исторію Петра I-го, 643.
Сальванди, французск. писат.; его сочиненіе la Révolution et les Révolutionnaires одобривается кн. П. А. Вяземскимъ, 617.
Сальватори, докторъ; дѣло о пропажѣ его шкатулки 1913. 1914.
Сальватори, уп. въ пис. Сперанскаго 1692.
Самборскій, А. А., протоіерей, уп. 111. 112. Выписки изъ писемъ его къ кн. Чарторижскому и Александру I-му 113. 114.
Самойловичъ, колоновожатый, уп. 811. 813.
Самойловъ, Семенъ, поручикъ, уп. 1065. 1066. 1068.
Сандуновъ, журналистъ, уп. въ пис. Дмитріева 1096.
Санктъ Петербургъ, уп. въ пис. кн. А. Б. Куракина 25. 45. 50. 74. 82. Впечатлѣніе, произведенное имъ на Англійск. путешественника Диси 317. уп. 1349. гр. Ѳ. В. Ростопчинъ не могъ долго жить здѣсь, вслѣдствіе дороговизны, скуки и сплетень 1892. Онъ же замѣтилъ, что служащія лица дѣйствуютъ здѣсь смѣлѣе, чѣмъ въ Москвѣ 1915. Наполеонъ I раскаевается въ томъ, что не пошелъ прямо на Петербургъ 1941. 1942.
Каменный островъ любимая аллея Александра I 1411.
Мальтійская церковь, проповѣди Линдля 1404.
Костелъ Св. Екатерины (на Невскомъ Просп.), проповѣди Госнера 1404.
Солодовникова домъ, въ которомъ собирались скопцы 1349.
Саранча, насѣком., суевѣрное отношеніе къ ней жителей Закавказья 1257. 1258. Появленіе ея надъ крѣпостью Грозною 1258. наблюденія надъ нею фельд. кн. Барятинскаго 1258. 1259.
Сатаръ, Персіянинъ-пѣвецъ, уп. 1019—1021.
Сафоновъ, уп. 241.
Свербеева, Е. А. уп. въ пис. Жуковскаго 1463.
Свербеевъ. Д. Н. Его «Воспоминанія о П. Я. Чаадаевѣ» 976—1001. 1317. Замѣчанія на нихъ Лонгинова 1327.
Свиньинъ, Пав. Петровичъ, уп. въ пис. кн. П. А. Вяземскаго 631; ссылка на издаваем. имъ Отечествен. Записки 914.
Сводъ законовъ, уп. 627. 1653. 1654. 1655. 1656.
Свѣчина (урожден. Соймонова) Софья Петровна, ея салонъ, 1834.
Свѣчинъ, уп. въ Запискахъ Инсарскаго 1026.
Себастьяни уп. въ пис. кн. А. Б. Куракина 45. 51. 204.

Себастьяни, французск. генералъ, уп. въ Запискахъ Н. Н. Муравьева 754.
Севастополь, гор. статья Андреева: «Еще о Севастополѣ» 1676—1680.
Севинье,, уп. въ пис. Сперанскаго 1108. 1796.
Севрюковъ, Борисъ, уп. 1054. 1055.
Сегюръ (урожд. гр. Ростопчина), графиня Софья Феодоровна, уп. 854.
Сегюръ, уп. въ пис. Сперанскаго 1761.
Седьморацкій, ген.-маіоръ, уп. 1840.
Селивановскій, Н. С. уп. его «Записки» 1817.
Селивановъ, Андрей, скопецъ, уп. 1349.
Селивановъ В. В. уп. 1864.
Селисъ, уп. въ пис. Дашкова 597.
Семенова, актриса, уп. въ пис. Сперанскаго 1180
Семеновская Исторія въ Петербургѣ, ссылка на ст. въ Чтен. Общ. ист. и др. 1319. 1320.
Семеновскій полкъ; всѣ роты размѣщены по приморск. крѣпостямъ Финляндіи 1320. Возмущеніе 1820, 1821. 1822. 1823. 1824. 1825. Военный судъ 1826.
Семеновъ, Николай Петровичъ сенаторъ, сообщилъ «послѣднюю записку Я. И. Ростовцова» 1215.
Семенъ, зеленщикъ-крест. крестный отецъ гр. М. А. Мамонова 92.
Семенъ, курьеръ уп. въ пис. къ гр. Мусину-Пушкину 1051.
Семипалатинскъ, гор., впечатлѣніе произведенное имъ на Сперанскаго 1780.
Семово, село, уп. 1062. 1064.
Сенатъ, при Петрѣ I-мъ 1550; при Елисаветѣ, Екатеринѣ II и Александрѣ I 1551; при Аннѣ Іоанновнѣ 1552. Организація Сената 1554—1558.
Сенковскій (баронъ Брамбеусъ), Осипъ Ивановичъ; Его «Путешествіе» покупается и превозносится на расхватъ 635. 636. Уп. въ пис. кн. П. А. Вяземскаго 645. 656.
Сентъ-Арно, французск. маршалъ, уп. 1677.
Сентъ-Жоржъ, мать и дочь, уп. 1435.
Сенъ-Илеръ, французъ. генералъ уп. 1850.
Сенъ-При, (старшій), уп. въ пис. кн. А. Б. Куракина 66. 70.
Сенъ-При, (младшій), уп. въ пис. кн. А. Б. Куракина 66. 70.
Сенявинъ, адмиралъ, уп. въ пис. кн. А. Б. Куракина 45. 51. уп. 1842.
Серафимъ, митроп. Новгородскій и С. Петербургскій; письма къ Александру I, по поводу дѣла о Духоборцахъ 940—944. Послѣдствіемъ ихъ было закрытіе Библейскихъ Обществъ 945. уп. въ пис. Фотія 946. Письмо къ Аракчееву о награжденіи Фотія 947—949. Отвѣтъ Аракчеева 949. 950. уп. 1332. 1333. 1346. 1347. Докладываетъ Александру I-му о зловредности книги Госнера; слова Александра 1387. уп. 1388. 1389. Избранъ въ митрополиты по совѣту Аракчеева, Засѣдаетъ въ Библейскомъ обществѣ; борьба съ кн. Голицынымъ, кончившаяся паденіемъ послѣдняго; Аракчеевъ, Фотій, Орловъ и Магницкій настаиваютъ, чтобы онъ доложилъ Александру о вредной дѣятельности кн. Голицына 1390.
Сербиновичъ, Костантинъ Степановичъ, пользовался довѣріемъ и уваженіемъ Карамзина 629. Издаетъ журналъ Министер. Народн. Просвѣщенія 633. 635. уп. въ пис. кн. П. А. Вяземскаго 648. 652.
Сербы, ихъ любовь къ Россіи и царямъ ея; ихъ территорія 115. Проэктъ возстановленія Славяносербскаго государства 116—120. уп. 121. 122.
Сергіевскій, Николай Александров. протоіерей проф. богословія въ Москов. Унив, духовникъ П. Я. Чаадаева 1000. 1001. Его погребальное слово 1002.
Сердобинъ, баронъ М. П., влад. архива кн. А. Б. Куракина 24.
Серебряковъ, капит. лейт., родомъ крымск. Армянинъ, 755. 756.
Серпинѐ перев. на французс. яз. рѣчи и проповѣди митроп. Московскаго Филарета 322.

Серранъ, герцогиня, уп. въ пис.кн. А. Б. Куракина 34. 39.
Сеславинъ, партизанъ уп. 1999.
Сесси, пѣвица, уп. въ пис. Сперанскаго 1177.
Сибекина, дерев., уп. въ пис. фельдм. Каменскаго 1507.
Сибирь, подъ управленіемъ Сперанскаго 1648. 1649. замѣчанія Сперанскаго: о природѣ ея 1684; объ условіяхъ жизни 1684. 1685. 1687. Окрестности Томска плодородны и разнообразны 1688. праздникъ дикихъ Киргизовъ 1689. Обѣдъ и балъ въ Иркутскѣ 1696. Составъ населенія Сибири; ничтожный процентъ ссыльныхъ 1697. Скучное однообразіе ландшафтовъ 1704. Землетрясеніе, наблюдаемое Сперанскимъ 1709. Климатъ 1710. 1763. Характеръ зимы; описаніе костюма монгольскаго князя 1722. 1723. Предполагаемое путешествіе Александра I по Сибири; благотворная дѣятельность Сперанскаго 1735. Прощальный обѣдъ Сперанскаго 1764, 1765. Барнаулъ; рѣка Обь 1778. Доброхотность, кротость и честность жителей Сибири 1779. Торговля 1780. колонія сосланныхъ нѣмцевъ 1782. 1783. характеристика женскаго общества на балѣ Тобольск. губернатора 1783.
Сиверсъ, графъ Яковъ Ефимовичъ; принималъ близко къ сердцу вопросы о водяныхъ сообщеніяхъ; доказывалъ выгоду для торговли отъ канала между Нѣманомъ и Двиною 27. 30. Ссылка на его докладъ Екатеринѣ II, о безпорядкахъ въ Новгородской губерніи 1569. Ссылка на Denkwürdigkeiten des Gr. v. Sievers. 1573. 1576.
СигизмундъIII-й, кор. Польскій уп. 273.
Симсонъ, плѣнный французск. генералъ; его хвастливые разсказы о Наполеонѣ 1-мъ 1995. 1996.
Синцендорфъ, графиня, задерж. за принадлежн. къ сектѣ гернгутеровъ 1392.
Синцендорфъ, графъ задерж. за принадлеж. къ сектѣ гернгутеровъ 1393. 1394.
Синяевъ, Павелъ Степановичъ, приставъ слѣдствен. дѣлъ въ Москвѣ, уп. 1429.
Сиркуръ, уп. 995.
Скванчи, тосканецъ, состоявш. въ русской службѣ, уп. 298.
Скобелевъ, капитанъ, уп. 1858.
Скопцы, ихъ вѣрованіе; ссылки на статью *«о ереси скопческой»* 1345.
Скотъ, капитанъ морск. службы 1417.
Скотъ, мулатъ, уп. 724. 735.
Славяно-Сербское государство; записка о возстановленіи его, помощью Россіи, 114—120.
Славянофилы Московскіе 988—994.
Сленинъ, книгопродавецъ, уп. 263.
Слободскій Дворецъ, *См. Москва*
Словцовъ, П. А. ссылка на письмо къ нему Сперанскаго 1746. замѣчаніе о немъ Сперанскаго 1760. уп. 1761.
Слѣпцовъ: кавказск. генералъ. имя его прославляется въ казацкихъ пѣсняхъ; характеристика его; разница между имъ и кн. Барятинскимъ. Сунженскіе казаки благоговѣютъ предъ его памятью 1269. 1270.
Смирдинъ, Александръ Филиповичъ, книгопродавецъ-издатель; уп. въ пис. кн. П. А. Вяземскаго 616. 622. 631. 635. 636. 652. уп. 851.
Смирновъ, Н. М., 301.
Смирновъ, Московск. купецъ, уп. 889.
Смирновъ, уп. въ пис. Сперанскаго 1191. 1193.
Смитъ, англійс. писательница, уп. въ пис. Сперанскаго 1795
Смитъ, Ф. уп. его *Исторія Польскаго возстанія и войны 1830—1831 года* 1031.
Смоленская губ., оскверненіе храмовъ православныхъ французами въ 1812 году 1989.
Смоленскъ, гор. Отдѣленіе библейскаго общества 1395—1403. Картина города, по изгнаніи французовъ 1812 г. 1870.
Соассонъ, городъ, о взятіи его, статья Липранди, 903—

921. О значеніи его въ кампанію 1814 года 921—925.
Соболевскій, Сергѣй Александровичъ. Его замѣтка о *вліяніи Смоленск. бульвара на Португальскій парламентъ* 330—334. уп. въ пис. Пушкина 973.
Соковнинъ, полковникъ, взятый въ плѣнъ французами и избавленный отъ онаго к. Голицынымъ 1987.
Соловецкій монастырь, уп. 1417.
Соловьевъ, Сергѣй Михайловичъ, историкъ, его замѣтки о Самозванцахъ 265 281, ссылка на его *Исторію России* 1058.
Солодовникова домъ, См. *Санктъ Петербургъ*.
Сонцевъ, Матвѣй Михайловичъ, 456.
Сонцева (урожд. Мацнева) княгиня, уп. въ пис. фельдм. Каменскаго 1520.
Сонцовъ, князь Михаилъ Дмитріевичъ, уп. въ пис. фельдм. Каменскаго 1520.
Сорокинъ, солдатъ, уп. 278. 279.
Сорокинъ, капитанъ морской службы, уп. 1415.
Софроній, уп. въ пис. къ гр. Мусину Пушкину 1043.
Сохацкій, Павелъ Аѳонасьевичъ, профессоръ Москов. Университета, издавалъ *Минерву* 1096.
Спаѳаріевъ, командиръ Ревельскаго порта, извѣстн. своимъ хлѣбосольствомъ 262.
Сперанскій, А. А., студентъ уп. 960.
Сперанскій, Козьма Михайвичъ, уп. 1108. 1203. 1709. 1772. 1794.
Сперанскій, графъ Михаилъ Михайловичъ; рескриптъ Никол. I, составленный Блудовымъ 627. Во время засѣданія Государс. Совѣта, предъ выпускомъ въ свѣтъ Свода Законовъ, Николай I надѣлъ на него свою андреевск. звѣзду 628. Уп. 927. 929. Посѣщаетъ Одессу; письмо Магницкаго 933. 934. Свиданія съ нимъ 934. уп. *Дума на гробѣ* его, соч. Магницкимъ 937 его *Жизнь*, соч. барона Корфа 1103. Выписки изъ предисловія Корфа 1104. Его письма къ дочери 1104—1212. уп. 1395. Его. *Государственная дѣятельность*, соч. проф. Дмитріева 1527 — 1656. Его письма къ дочери изъ Сибири 1681—1811.
Спиридовъ, Григорій Григорьевичъ, сынъ Екатерининскаго адмирала, уп. въ пис. гр. Ѳ. В. Ростопчина 1873. 1878. 1880. 1886. 1898.
Споль, иностр. прожив. въ Москвѣ, уп. 1434,
Стакельбергъ, графъ Густавъ Оттоновичъ, чрезвыч. послан. въ Неаполѣ. Замѣчаніе о немъ Сперанскаго 1783.
Сталлибрасъ, англійск. миссіонеръ въ Сибири, уп. въ пис. Сперанскаго 1711. 1713.
Сталь, писательница, уп. въ пис. Сперанскаго 1192; ея салонъ 1411; споръ съ гр. Ростопчинымъ 1675. Замѣчаніе о ней Сперанскаго 1796.
Станиславъ - Августъ (Понятовскій), кор. Польскій, уп. 90.
Станевичь, Евстафій, уп. его «*Бесѣда на гробѣ младенца*» 1384.
Старовъ, команд. егерск. роты, уп. 909.
Стенфильдъ, капит., уп. въ донес. гр. Бальмена 1981. 1982.
Степановъ, чиновн., уп. въ Запискахъ Греча 1406.
Стефанъ Яворскій, митроп. Рязанскій, уп его *Камень вѣры* 937. 1335. уп. 1059.
Стивенсъ, Францисъ, братъ жены Сперанскаго, уп. 1126. 1127. 1132.
Столыпина (урожд. Мордвинова), Вѣра Николаевна, уп. въ пис. Сперанскаго 1109. 1134. 1144. 1791. 1210.
Столыпина, Вѣра Яковлевна, уп. въ пис. Сперанскаго 1811.
Столыпина (урожд. Устинова) Марія Александровна, уп. 1117. 1727.
Столыпина, Наталья Алексѣевна, уп. въ пис. Сперанскаго 1165. 1209. 1210.
Столыпина (супр. Дмитр. Алексѣев. Стол.) уп. въ пис. Сперанскаго 1118.
Столыпинъ, Александръ Алексѣевичъ, уп. 1211.
Столыпинъ, Аркадій Алексѣевичъ (сенаторъ), уп. въ пис. Сперанскаго 1109. 1124. 1127. 1128. 1133.

1150—1153. 1188. 1199. 1204. 1210. 1686. 1696. 1709. 1712. 1716. 1718. 1719. 1720. 1723. 1761. 1762. 1763. 1765. 1791. 1798. 1806.

Столыпинъ, Аѳанасій Алексѣевичъ, уп. въ пис. Сперанскаго 1108. 1117. 1178. 1180. 1188. 1191. 1727. 1755.

Столыпинъ, Григорій Даниловичъ (Пензенск. губернс. предводитель дворянства) уп. въ пис. Сперанскаго 1160. 1208. 1209. 1810.

Столыпинъ, Дмитрій Алексѣевич., (ген.-лейт.), уп. въ пис. Сперанскаго, 1108. 1117.

Столыпинъ, Николай Алексѣевичъ, воен. ген. губернаторъ; растерзанъ народомъ въ Севастополѣ, во время холеры, уп. 1108.

Столыпины, уп. въ пис. Сперанскаго 100. 128. 1107. 1109. 1117. 1168.

Столыпино, село, уп. въ пис. Сперанскаго 1205.

Стольное, село Черниговс. губ. имѣніе Безбородки, уп. 1078.

Столяровъ, Иванъ Семеновъ, конюхъ фельдм. Каменскаго, уп. 1496. 1497.

Стратимировичъ, митрополитъ Славяно-Сербскій, его *Записка* 111. 113. 114—120.

Страховъ, Николай Ивановичъ, главн. приставъ въ Калмыцкой ордѣ, его намѣреніе написать Исторію о Калмыкахъ 128. Посѣщеніе Калмыцк. владѣтеля Чучея 129. 132.

Стренкевичъ, уп. въ пис. гр. Ѳ. В. Ростопчина 1900.

Стриневскій, Николай Ѳедоровичъ, тамбовскій помѣщикъ, пріятель Баратынскаго 866—868. 872.

Строгонова (урожд. гр. Кочубей), графиня Наталья Викторовна, уп. въ пис. Сперанскаго 1165.

Строгоновъ, графъ Александръ Григорьевичъ, ген.-адьют. уп. 1165.

Строгоновъ, графъ Григорій Александровичъ (былъ посланникомъ въ Мадритѣ и Константиноп.), уп. въ пис. Дашкова 584. 588. 590. 591. 594.

Строгоновъ, графъ Павелъ Александровичъ, пользовался особеннымъ довѣріемъ Александра 1544. (упом. въ пис. кн. Куракина 74, 82.?)

Строгоновъ, графъ Сергій Григорьевичъ, (ген. адьют.) участвовалъ при взятіи *Соассона* 903. 909. 922—924.

Стройновскій, графъ, уп. 856.

Ступикова, Марья Михайловна, уп. 264.

Ступинъ, книгопродавецъ, уп. въ пис. Баратынскаго 150.

Стурдза, Александръ Скарлатовичъ, уп. 303. Его *Воспоминанія о Магницкомъ* 926—938.

Стюартъ, англичанинъ, уп. въ пис. кн. А. Б. Куракина 61. 63.

Суворовъ, князь Александръ Васильевичъ (генералиссимусъ), уп. въ пис. кн. А. Б. Куракина 182. уп. 1070. былъ несчастливъ въ супружеской жизни 1493. уп. 1837. уп. его побѣды 1799-го года 1842. Хотѣлъ застрѣлить австрійск. генер. Меласа за ослушаніе 1844. уп. 1847. 1850. 1860. Его письмо къ Д. И. Хвостову 1865. 1866.

Суворовъ, князь Аркадій Александровичъ, (ген. лейт). уп. въ пис. кн. А. Б. Куракина 227.

Суворовъ, князь Николай Александровичъ, уп. въ Записк. Инсарскаго 1251. 1306.

Суворовъ ген. маіоръ, главн. начальникъ Нерчинскихъ Заводовъ, уп. 276.

Суворовъ, авторъ Похвальнаго Слова Екатеринѣ II-й 1088.

Сумароковъ, Александръ Петровичъ, замѣчаніе о немъ кн. П. А. Вяземскаго 613. кн. Н. Б. Юсуповъ былъ пламеннымъ почитателемъ его и зналъ наизусть многія мѣста изъ его трагедій 1442.

Сумароковъ, Панкратій Богдановичъ, уп. въ пис. кн. П. А. Вяземскаго 636.

Сумароковъ, Петръ Панкратьевичъ; Жуковскій очень хвалилъ его повѣсти 636.

Сумароковъ (графъ,) Сергій Павловичъ, уп. 1676.

Сумбатова, княгиня, уп. въ Запискахъ Инсарскаго 1016.

Сумбатовъ, князь, уп. въ Запискахъ Инсарскаго 1302. 1303.
Супруновъ, актеръ уп. въ пис. Сперанскаго 1164.
Сутерландъ, банкиръ, уп. 824. 825.
Сухтеленъ, графъ Павелъ Петровичъ, участв. при взятіи Соассона 910. 911. 914. (назнач. ассесоромъ военнаго суда, по дѣлу о Семеновскомъ возмущеніи 1826. ?)
Сушковъ, Николай Васильевичъ. 1038.
Сущовъ, Андрей, чиновникъ вѣдомства Московс. Универс. 894. 897.
Сѣверинъ, Дмитрій Петровичъ, уп. въ пис. Дашкова 585. 589. Его скорбь по случаю кончины жены 590. уп. 596. Замѣчаніе о немъ кн. П. А. Ваземскаго, 630. Уп. въ письмахъ: Вяземскаго 653; Жуковскаго 840. 841.
Сѣровъ, уп. въ Запискахъ Греча 1404.

*

Т-ъ, А. А. 795.
Тагиръ-Паша, адмиралъ, уп. въ Запискахъ Н. Н. Муравьева 787.
Тайныя общества въ Россіи, 1350.
Талейранъ, князь Беневентскій 34. 39. 65. 69. 203. 205. 212. 219. 220. 617. Александръ I. пожаловалъ ему орденъ Св. Андрея 220.
Танкокъ, капит., уп. въ донес. гр. Бальмена 1961. 1965. 1970—1973.
Тараканова, княжна 272.
Татаринова, сектаторша 1349. 1350.
Татариновъ, дворовый человѣкъ 892. 899.
Татары (Кавказскіе) 1266. 1267.
Татары Крымскіе, волненіе и пророчества о скоромъ прибытіи Египетскаго Паши «Заступника православныхъ мусульманъ» 747.
Татищевъ, Дмитрій Павловичъ, дипломатъ 301. 1430. 1437.
Тесье, его книга Les délices de la convalescence 610.
Тикъ, писатель 842. 843.
Тильзитъ, 161.
Тимковскій, Егоръ Өедоровичъ, его «Путешествіе въ Китай» 1750.
Тимковскій, цензоръ 1351. 1352. 1403.
Тифлисъ, гор., вьюки 1264, торжественный въѣздъ въ него кн. А. И. Барятинскаго 1313. 1318.
Тихонравовъ, Никол. Сав., проф., его статьи о гр. Ростопчинѣ 859.
Толстая (урожденная кн. Хилкова, въ первомъ бракѣ за кн. С. Г. Щербатовымъ), графиня Анна Михайловна. Замѣчаніе о ней Сперанскаго 1134. 1135., о ея дѣтскомъ вечерѣ 1790. 1791.
Толстой, графъ Александръ Николаевичъ, оберъ-гофмейстеръ 1135.
Толстой, Алексѣй Петровичъ, упом. въ пис. гр. Н. М. Каменскаго 1498.
Толстой, Василій Алексѣевичъ, упом. тамъ же 1498.
Толстой, графъ Николай Александровичъ, оберъ-гофмаршалъ, при имп. Алекс. 1-мъ 45. 50. 175. 182.
Толстой, граф. Левъ Никол. его нѣсколько объяснительныхъ словъ по поводу сочиненія его «Война Миръ» 515—528.
Толстой, Павелъ Алексѣевичъ, упом. въ пис. гр. М. Ѳ. Каменскаго 1498.
Толстой, графъ (Петръ Александровичъ?) 79. 86. 172. 227. 814. 1414. 1497. 1840. 1851. 1855.
Толстой, граф. Өедоръ Ивановичъ, замѣчаніе о немъ Жуковскаго 1464.
Толстой, графъ, слухъ о назначеніи его главнокомандующимъ Москвы, на мѣсто Тормасова, уп. въ пис. гр. Ѳ. В. Ростопчина 1918.
Толь, (граф. Карлъ Өедоровичъ), 1824. 1825.
Томпсонъ, капит., уп. въ донес. Бальмена 1955. 1958.
Томская губернія, замѣчаніе о ней Сперанскаго 1691.
Тончи, уп. въ пис. гр. Ѳ. В. Ростопчина 1874. 1875.
Торіакъ, донощикъ 1434.
Тормасовъ, графъ Александръ Петровичъ ген. 28. 31. Московскій главнокомандующій 814. Поговорка, сложившаяся по случаю назначенія его главнокомандующимъ Москвы 1876. Замѣченіе о немъ Ростопчина 1877. уп. 1885. 1889.

1890. 1892—1894. 1913. слухъ о смѣнѣ его 1918.
Тосканская великая герцогиня 827
Тотлебенъ инженеръ, 1676—1678. 1680.
Трамповскій, ген., состоящій при кн. А. И. Барятинскомъ упом. въ Зап. Инсарскаго 1010. 1253. 1256. 1268. 1272. 1276.
Трапезниковъ, Иркутскій к. 1709. 1720. 1743 1756.
Траппъ, Прусскій вице-консулъ въ Руанѣ, уп. въ пис. гр. Ѳ. В. Ростопчина 1919.
Треборнъ, Иванъ, метрдотель и любимецъ Петра III 1425.
Треборнъ, Яковъ Ивановичъ, изъ Гатчинскихъ офицеровъ, впослѣдствіи почт-директоръ Тамбовскій, свѣдѣнія о немъ 1424. 1425.
Тредьяковскій Василій Кирилловичъ 1099. 1814.
Трескинскій, чиновникъ V класса 1404. 1409. 1410.
Трескинъ, Николай Ивановичъ, губернаторъ Восточной Сибири 1425.
Троекуровъ, кн. Иванъ Борисовичъ, 1058.
Трощинскій, (Дмитрій Прокофьевичъ) 1538. 1583. опасно болѣнъ 1892.
Трубецкой, кн. (Василій (Сергѣевичъ?) 66. 70. 1494.
Трубецкой, кн. Николай Ивановичъ, президентъ Московской Дворцовой Конторы, 1488.
Трюбнеръ, издатель 1812.
Тургенева, Екатерина Семеновна 1828.
Тургеневъ, Александръ Ивановичъ. отправился вмѣстѣ съ Жуковск. за границу 621. 629 прозвище данное ему И. И. Дмитріевымъ и друзьями 621 письмо изъ Венеціи 625 подарокъ И. И. Дмитріеву 631 его «академическія тетради» 642 парижская хроника 646 сравненіе съ Надеждинскою хроникою 646 «борзописецъ» 651 архивная котомка» 653 Арзамазское прозвище 829. его друзья 1436 кончина 1456—1460. Воспоминаніе о немъ Погодина 1458. Жуковскій изъявляетъ желаніе, чтобы кн. Вяземскій «посвятилъ памяти его перо свое» 1458. 1459. принималъ участіе въ изданіи «О подражаніи Христу» 1715. 1716. упом. въ пис. Карамзина 1832. Жуковскаго 1449. 1453 кн. Вяземскаго 627. 652. 655. замѣчаніе о немъ кн. Вяземскаго 1833
Тургеневъ, Николай Ивановичъ, его Арзамазское прозвище 829. Жуковскій извѣщаетъ его о кончинѣ брата 1457.
Туссенъ-ле-Прево д'Ирэ, смотритель лазарета въ Екатерининскомъ институтѣ 899.
Тутолминъ, Тимоѳей Ивановичъ, Архангельской и Олонецкой генер. губернаторъ, 1418. его пышность 1419 Московскій главнокомандующій? упом. въ пис. гр. М. Ѳ. Каменскаго 1507. 1524. уп. въ пис. гр. Ѳ. В. Ростопчина 1886.
Тучковъ, (Николай Алексѣевичъ) упом. въ пис. кн. А. Б. Куракина 79. 86. 227 замѣчаніе о немъ гр. М. Ѳ. Каменскаго 1512 упом. 1840.
Тучковъ (Павелъ Алексѣевичъ), почетн. опекунъ 13.
Тыртовъ, Новгородск. уѣздный предводитель дворянства 288. А. Д. Тыртовъ 956.
Тыртовъ, подпор. 276-278.
Тюммель, его Reisen in Frankreich 842.
Тюменевъ, Дмитрій Іевлевъ 1864.
Тюрень, гр. М. Ѳ. Каменскій приводитъ его въ примѣръ 1502.
Тютчевъ, Ѳедоръ Ивановичъ, сообщилъ разсказъ К. Х. Бенкендорфа изъ исторіи 1812 года 1676.
Тяпугинъ, Василій, 900.

*

Убрилъ, (П. Як. посланникъ при Германскомъ сеймѣ во Франкфуртѣ) упом. въ пис. Жуковскаго 1463.
Уваровъ, графъ, Алексѣй Сергѣевичъ, сообщ. указъ импер. Павла I-го 1866.
Уваровъ, (графъ) Сергѣй Семеновичъ, слухи о назначеніи его товарищемъ министра 617. просилъ Шишкова дать отъ лица Академіи 10 т. р. на памятники Державина и Карамзина 633. на его дачѣ, подъ Петербургомъ, Карповкѣ, построена бесѣдка, посвященная Штейну 829

Арзамазское прозвище 829. Православіе, самодержавіе и народность 989. упом. въ пис. Сперанскаго 1174. 1702.

Уваровъ, Ѳедоръ Петровичъ, генер., упом. въ пис. гр. М. А. Мамонова 103. 104. кн. А. Б. Куракина 181.

Уваровъ, Ѳедоръ Семеновичъ, сообщалъ А. Н. Оленину разсказы изъ 12-го года 1996. 1997.

Указы о придворныхъ званіяхъ и объ экзаменѣ на гражданскіе чины 1637—1639.

Ульяновъ, И. С., его замѣтки 1038.

Университеты Россійскіе 1378. 1379.

Уральскія горы, замѣчаніе о нихъ Сперанскаго 1684.

Урнежевскій, Александръ, вахмистръ 276. 277.

Урусовъ, кн. (Александръ Васильевичъ?) 803.

Усатовъ, унт. оф. 264.

Ушакова, 262.

Ушаковъ, А. А. 912.

Ушаковъ, Егоръ, дворовый человѣкъ 898.

Ушаковъ, Ѳедотъ, 1055.

Ушаковъ, солдатъ, 278.

*

Фадѣевъ, А. М. 1004.

Фадѣевъ, военный писатель, 1004. упом. въ Зап. Инсарскаго 1248. 1252. 1273. 1283. 1314.

Фарнгагенъ фонъ Энзе, его статья о гр. Ростопчинѣ 859.

Фе, упом. въ пис. Сперанскаго 1706.

Фенелонъ, замѣчаніе о немъ Сперанскаго 1771. 1772.

Феньшау, (сенаторъ) 1031. 1032. 1988?

Феньшъ, 1032.

Фергюсонъ, капит. морск. 1974. 1975.

Фердинандъ, импер. Австрійскій 120.

Фердинандъ VII, кор. Испанскій 983.

Ферзенъ, графъ, упом. въ Зап. Инсарскаго 1255.

Феррьеръ (le comte Hector de la Ferrière), его розысканія въ И. Публ. Библіотекѣ по исторіи Франціи 321.

Фигнеръ, полковникъ-партизанъ 1998. 1999.

Филаретъ, митр. Московскій, 123 его письма 137—141. переводъ на французскій языкъ его проповѣдей 322. статья Мазада по поводу ихъ въ Revue de deux Mondes 322 замѣтка 1038. 1039. Замѣчаніе Сперанскаго о его сочиненіи *„Начерт. церк. библ. истор.“* 1112. 1113.

Филанджерій, 1101.

Фитингофъ, г-жа 26. 28. 29. 31.

Фихте, 842.

Фихтнеръ, архитекторъ 895. 1432.

Фишеръ, m-me упом. въ пис. Сперанскаго 1146. 1151. 1171.

Фишеръ, докторъ, 1435.

Флетчеръ, 991.

Флоріо, упом. въ пис. Сперанскаго 1132. 1138. 1146. 1713.

Фогель, упом. въ Зап. Греча 1409.

Фокіонъ, 936.

Фокнеръ, его разговоръ съ Екатериною Великою 828.

Фокъ, (фонъ), упом. въ Зап. Греча 1412.

Фолдезенъ, флагманъ 1414. 1415.

Фёлькерзамъ, Саксонскій дипломатъ, въ Петербургѣ, его донесенія 823—825.

Фонъ-Визинъ, Денисъ Ивановичъ, его біографіею занимается кн. Вяземскій 613. 615. его слова 615. Запросы о немъ у И. И. Дмитріева 643. 644. 645.

Фонъ-Визинъ, Павелъ Ивановичъ 644.

Форжъ, измѣнникъ 1434.

Фоссъ, г-жа 35. 40.

Фотій, архимандр. Юрьевскій съ особенною торжественностью заключаетъ союзъ съ Магницкимъ 932. письмо къ Симоновскому архимандр. Герасиму 944. 946. 947. пис. къ нему еписк. Пензенскаго Иннокентія 945. митр. Серафимъ черезъ Аракчеева хлопочетъ о его награжденіи 947—950 письмо къ нему Аракчеева 950. 951. аудіенція у имп. Александра Павловича во дворцѣ на Каменномъ островѣ 948. дѣлаетъ увѣщанія Котельникову 1346. 1347. поддерживаетъ м. Серафима въ его борьбѣ съ кн. А. Н. Голицынымъ 1390 его За-

писки 1391. отзывъ его о Гречѣ и Тимковскомъ 1403 упом. въ пис. кн. Вяземскаго 615. въ Зап. Греча 1412 упом. 1332.

Фракманъ, Московскій именитый гражданинъ 896.

Франкъ, упом. въ пис. кн. Вяземскаго 608.

Францъ, I (II), импер. Австр. свѣдѣнія о немъ 47. сватовство за в. кн. Екатерину Павловну 47. 48. 56. 57. 58. 59. низкое мнѣніе о немъ импер. Александра I 47. 57. 58 неудовольствіе съ братомъ 60 упом. 25, 230. 233. 980. 1932. 1934. Наполеонъ I говорилъ, что онъ моритъ своихъ женъ, какъ Рауль Синяя Борода 1932. 1934.

Фрезе, докторъ, 1524.

Фрейгангъ, надв. сов. 222. 228.

Фрейгангъ, начальн. морской станціи въ Баку, уп. въ Зап. Инсарск., 485. 489. 495. 496. 497. 498. 499. 502. 503. 513.

Фридландъ, 72. 73. 78—81. 85. 173. 194. 204. 214. 1851.

Фридрихъ II, кор. Прусск. 1491. 1502. 1839. 1842.

Фридрихъ Вильгельмъ III, кор. Прусскій, упом. въ пис. кн. А. Б. Куракина (1807 г.) 35. 40. 42. 48. 61. 62. 72. 73. 74. 81. 82. 173. 175. 183. 188. 204. 207. 219 гр. М. Ѳ. Каменскаго 1502 гр. Ростопчина 1884 упом. 980. 1841. 1844. 1847.

Фридрихъ, пр. Гессенскій 108.

Фридрихъ, адъют. гр. Милорадовича 1825.

Фрикенъ (фонъ), ген. 954. 955.

Фролова-Багреева (урож. гр. Сперанская), Елизавета Михайловна, приноситъ въ даръ Имп. Публ. библіотеки письма своего отца съ условіемъ издать ихъ въ свѣтъ безъ пропусковъ 1103. ея біографія 328. пис. къ ней (гр.) М. М. Сперанскаго 1103—1212. 1681—1811.

Фуке, писатель 842. 843.

Фэ, Христіанъ, Дерптскій купецъ 897.

*

Х., пажъ, 145. 151. 152.

Ханенко, А. И. разсказы о старинѣ 1069—1080.

Ханенко, Н. Д., его дневникъ 1073.

Ханыковъ, Николай Владиміровичъ, принималъ участіе въ Кавказскихъ праздникахъ 1004. 1005.

Харитоновъ, А. А. 1006.

Хатовъ, ген. лейт. 1845.

Хвостовъ, А. С. его посланіе къ Фонъ-Визину 644. 645. 647.

Хвостовъ, графъ Дмитрій Ивановичъ, упом. въ пис. кн. Вяземскаго 610. 620. 622. 623. 639. въ Арзамазскомъ протоколѣ 835. въ пис. И. И. Дмитріева 1087. 1097. 1098. пис. къ нему Суворова 1865.

Херасковъ, Михаилъ Матвѣевичъ, 644. 928.

Хилкова (урожд. кн. Голицына), Елизавета Петровна 1135.

Хилковъ, князь Дмитрій Александровичъ, секретарь и-цы Маріи Ѳеодоровны 1. 5. 19.

Хилковъ, кн. Михаилъ Яковлевичъ, 1135.

Хмельницкій, Н. И. 1406.

Хмыровъ, М. Д. сообщилъ указъ Петра Великаго 105.

Ховрина, Екатерина, упом. въ пис. Сперанскаго 1810. ея мать 1187.

Хозревъ-Мегмедъ-паша, сераскиръ, 763. 764. 768. 770. 772. 774 — 779. 781 — 784. 786. 787. 789. 791. 792.

Холодковскій, Петръ Ѳедоровичъ, Смоленскій губ. прокуроръ 1395. 1400. 1402.

Хомяковъ, Алексѣй Степановичъ, его дружба съ Баратынскимъ 146. Замѣчаніе кн. Вяземскаго о его трагедіи «Дмитрій Самозванецъ» 617. его бѣгство изъ родительскаго дома 301. его бесѣды съ гр. С. С. Уваровымъ 989 свиданіе съ Жуковскимъ въ Эмсѣ 1467.

Хотьковъ монастырь, его посѣщаетъ Баратын. 871.

Храповицкій (Александръ Васильевичъ), его Записки 1490. 1491.

Храповицкій, Смоленскій помѣщ. 1079. 1080

Храповицкій, Михаилъ, похвальное слово Екатеринѣ 1089.

Христіяни, подпор., преподавалъ въ школѣ колоновожатыхъ 802. 810.
Хрусталевъ, его библіотека 1485.
Хрущовъ, упом. въ пис. и-цы Маріи Ѳеодоровны къ кн. С. И. Гагарину 5. 6 8. 8. 9. 19. 20.
Хрущовы, упом. въ пис. Сперанскаго изъ Пензы 1187.
Худышкинъ, гренад. 276—278.

*

Цейеръ, Францъ Ивановичъ, упом. въ пис. Сперанскаго 1106. 1113. 1128. 1149. 1151. 1156. 1166. 1168. 1170 1174. 1176. 1203. 1207. 1209. 1210. 1710. 1733.
Цейнеръ, упом. въ пис. Сперанск. 1171. 1175. 1179. 1713.
Цимерманъ, Густавъ Ѳедоровичъ (Екатеринин. генер.) 1878.
Цимерманъ (урожд. Спиридова) Александра Григорьевна 1878.
Циннеръ, 213.
Циціановъ, кн. Михаилъ Дмитріевичъ, сенаторъ, опекунъ гр. М. А Мамонова 99—101. упом. въ пис. гр. Ростопчина 1880. 1889. 1892. 1895.
Циціановъ, кн. П. Д. пис. къ нему гр. Ростопчина 854. 1856.

*

Ч-въ, упом. въ Зап. Инсарс. 1294.
Чаадаевъ, Петръ Яковлевичъ, воспоминанія о немъ 976—1002. 1317—1328. 1826.
Чавчавадзе, княгиня, уп. въ Зап. Инсарскаго 1304.
Чарторыжская, княгиня, жена князя Адама 238.
Чарторыжскій, кн. Адамъ упом. въ пис. кн. А. Б. Куракина 44. 45. 50. 64. 68. 75. 76. 78. 82. 84. 85. 173. 195. 238. упом. 112. 113. 1544.
Чарторыжскій, кн. Константинъ, 232.
Черкасскій, кн. Владиміръ Александровичъ, бывшій главный директоръ внутреннихъ и духовныхъ дѣлъ въ царствѣ Польскомъ 108.
Черкутино, старинное село Владимірской губерніи, имѣніе князей Салтыковыхъ, мѣсторожденіе Сперанскаго 1529.
Чернышовъ, (кн.) Александръ Ивановичъ, участвовалъ во взятіи Соассона 905—909. 911—915. 917. 918. военный министръ 736. 743. 747. 754. 774.
Чернышовъ, гр. Петръ Григор. 1422.
Чернышовъ, Петръ, бѣглый солдатъ Брянскаго полка 276.
Чертковъ, Григорій Александровичъ, владѣлецъ Записокъ ген. ад. П. Н. Муравьева (Карскаго) 733.
Чертковъ, Михаилъ Ивановичъ, командиръ Куринскаго полка, на Кавказѣ 1275.
Чемесова, Марѳа Ефимовна, упом. въ пис. Сперанскаго 1175. 1178.
Черницына, упом. въ пис. Сперанскаго 1803.
Чижовъ, Ѳедоръ Васильевичъ, его замѣчаніе о шелководствѣ 306.
Чимарозе, 1441.
Чирковъ, Никол. Александровичъ, 124.
Чистяковъ, приставъ сыскной полиц. въ Москвѣ 1899.
Чичаговъ, Василій Яковлевичъ, 1416?
Чичаговъ, Павелъ Васильевичъ, анекдотъ о немъ 1819 его разсказъ 1989.
Чичеринъ, Олонецкій вице-губернаторъ, его дочь 1419.
Чучей, Калмыцкій владѣлецъ, 128. 130.

*

Шабо, ген. 112.
Шаденъ, дипломатъ, 74. 82.
Шаликовъ, кн. Петръ Ивановичь, издатель Московскаго Зрителя 1096, за него вступился И. И. Дмитріевъ противъ нападокъ на него Московскихъ университетскихъ цензоровъ 1097—1100. онъ же укорялъ Дашкова въ холодности къ нему 597; издатель «Аглаи», который выписывалъ гр. М. Ѳ. Каменскій 1526.
Шальме, секретарь 1435.
Шальме, мадамъ 1435.
Шамиль, упом. въ Зап. Инсарскаго 1010. 1269. 1274. 1275. 1292. 1295. 1299—1301. 1303. 1304. 1307. 1309. 1313.

Шатобріанъ, упом. въ пис. Дашкова 601 кн. Вяземскаго 651. на Веронскомъ конгрессѣ убѣдилъ И-ра Александра Павловича отправить войска въ Испанію на защиту кор. Фердинанда VII, 983. Импер. Александръ Павловичъ дорожилъ его мнѣніемъ 1411. замѣчаніе о немъ Сперанскаго 1771.
Шафировъ, бар. (Петръ Павловичъ), подканцлеръ 1555.
Шаховской, кн. А. А., 12 окт. 1812 г. вступилъ въ Москву и приступилъ къ водворенію порядка 885.
Шаховскій, кн. (Алексан. Александровичъ) писатель, упом. въ пис. кн. Вяземскаго 605. 621. Жуковскаго 838. 938.. мнѣніе о немъ Сперанскаго 1179.
Шаховской, кн. (Валентинъ Михайловичъ?), питомецъ школы колоновожат. 802.
Шварцъ, масонъ 1427.
Шварцъ, командиръ Семеновскаго полка, былъ причиною возмущенія онаго въ 1820 году 1020—1822. 1826. 1827.
Шведскій, кронъ-принцъ, 919. 920. 922. 924.
Шевыревъ, Степанъ Петровичъ, его статьи о Данте помѣщались въ Ученыхъ Запискахъ М. Унив. 633. замѣчаніе о немъ кн. Вяземскаго 642 упом. въ Воспоминаціяхъ о Чадаевѣ 993 въ пис. Жуковскаго 1451 по его мысли устроенъ былъ у гр. А. А. Закревскаго праздн. въ маскахъ 1475. замѣчаніе о томъ Жуковскаго 1475. 1476.
Шекспиръ, 826. 843 сравненіе съ Шиллеромъ 1131 замѣчаніе о немъ Сперанскаго 1190.
Шеметовъ, Васил. Ром. Московск. купецъ 900.
Шёнигъ, А. Н., сообщилъ пис. кн. А. Б. Куракина 25.
Шеншинъ, Петръ Алексѣевичъ, Орловскій помѣщикъ, упом. въ пис. гр. М. Ѳ. Каменскаго 1507.
Шереметевъ, графъ (Борисъ Петровичъ), ген. фел. 1555.
Шереметевъ, графъ (Дмитрій Николаевичъ?) опредѣленіе въ Царско-сельскій лицей 875. 876.
Шереметевъ, графъ (Николай Петровичъ?), 1427.
Шереметевъ, С. А. начальникъ конвоя кн. А. И. Барятинскаго 1254, посланъ курьеромъ къ Государю съ извѣстіемъ о покореніи Аваріи 1305. 1306.
Шиллеръ, вліяніе его на Баратынскаго 150. сравненіе его съ Шекспиромъ 1131 замѣчаніе о немъ Сперанскаго 1131. 1184. 1189. 1699. 1789.
Шиловъ, его разсказы о 12-мъ годѣ 1998.
Шильдбахъ, измѣн. 1435.
Шипова домъ, въ Москвѣ 1432.
Шиповъ, Николай Павловичъ, 803.
Ширинскій-Шихматовъ, кн. (Платонъ Александровичъ?) 615. 1332. 1333.
Ширяевъ, книгопродавецъ 656.
Шитенъ, учитель 1435.
Шишкова, упом. въ пис. Сперанскаго 1120.
Шишковъ, Александръ Семеновичъ, подноситъ Крылову золотую медаль 259. упом. въ пис. Дашкова 592. кн. Вяземскаго 633. 635. въ Арзамазскомъ протоколѣ 836. 838. пис. его къ имп. Александру Павловичу 938. 939. Записки 938. 941. 1333. 1345—1347. 1385. воспоминаніе о немъ Моск. Славянофиловъ 989 его академическая рѣчь о заслугахъ Карамзина 1102 отзывъ о немъ Греча 1406. 1410 хлопочетъ о закрытіи Библейскихъ Обществъ 1388. 1390. участвовалъ въ совѣтѣ, на которомъ въ 1812 году избрали Кутузова въ главнокомандующіе 1857. замѣчаніе о немъ Сперанскаго 1702.
Шкаринъ, Яковъ, купецъ 901.
Шлегель, 842. 843 его читалъ Сперанскій въ Сибири 1651. 1652.
Шлецеръ, Августъ, историкъ 1088.
Шлюттеръ (урожд. Канкрина) 1412.
Шнейдеръ, перчаточникъ, 1436.
Шницлеръ, историкъ, 3.
Шомбергъ, Саксон., былъ вызванъ въ Россію при Аннѣ Іоанновнѣ для лучшаго устройства горнаго дѣла 1566.

Шопенгееръ, управл. гр. Ростопчина 1884. 1896. 1906. 1908.

Шпаковскій, исправникъ, ему поручено было наблюдать за жившимъ, въ царствованіе Павла, въ деревнѣ гр. Завадовскимъ 1076.

Шпоръ, капит. 1977. 1978.

Шрамъ, управл. гр. Ростопчина 1880, 1886, 1891, 1892, 1908. 1923.

Штанниковъ, Московскій мѣщанинъ 901.

Штейнгель, ген. 78. 85. 86.

Штейнъ, Пр. минист. близкія отношенія къ (гр.) С. С. Уварову 829.

Штейнъ, упом. въ разсказахъ А. Н. Оленина о 12-мъ годѣ, 1988.

Штельцеръ, (Христіанъ Юлій Людвикъ) професс. М. Унив. 890. 891 896.

Штенгель. упом. въ пис. гр. Ростопчина 1892. 1913.

Штиллингъ, его «Побѣдная Повѣсть» 1352—1358.

Штрассеръ, часовщ. 1891.

Штраусъ, музыкантъ 1021.

Струве, бунтовщикъ 1473. 1478.

Штюрмеръ, бар. Австр. приставъ при Наполеонѣ I на остр. Св. Елены 679. 714—718. 1924—1930. 1932. 1934. 1935. 1937. 1939. 1940. 1943. 1945. 1946. 1948. 1971. 1975. 1977 баронесса 1946—1949. 1962. 1966. 1970. 1975. 1977.

Шубертъ, 842.

Шубертъ, директоръ Петр. школы 1404.

Шувалова, (урожд. кн. Щебатова) Софія Григорьевна 1135.

Шуваловъ, Иванъ Ивановичъ, 643. 644.

Шуваловъ, графъ Петръ Андреевичъ (1106?) 1135.

Шуваловъ, графъ Петръ Ивановичъ 1560.

Шулепниковъ, пріятель брата Крылова 260.

Шульгинъ, Александ. ген. м. препровождаетъ къ цес. Константину Павлов. воззваніе къ Грекамъ кн. Ипсиланти 293. 294.

Шульгинъ, Александр. Сергѣевичъ, оберъ-полицейм. Московскій 1877. 1922.

Шумскій, Михаилъ, мнимый сынъ Аракчеева, упом. въ пис. матери 1660—1665. 1669.

Шупликцъ, полковн. 120.

*

Щепкинъ, Н. М. 1486.

Щербатова, кн. Антонина Воиновна, теща гр. Д. Н. Блудова, упом. въ пис. гр. М. Ѳ. Каменскаго 1518.

Щербатовъ, кн. Алексѣй Григорьевичъ, Московскій градоначальникъ, упом. въ пис. Жуковскаго 1459. 1460.

Щербатовъ, кн. Андрей Николаевичъ, упом. въ пис. гр. М. Ѳ. Каменскаго 1515 1519. 1521.

Щербатовъ, кн. Сергѣй Григорьевичъ, 1134. 1135.

Щербачевъ, Иванъ, архитекторскій помощникъ при штатѣ Московской управы благочинія 891. 892. 894. 899.

*

Эджевортъ, аббатъ, послѣдній духовникъ Людовика XVI-го 39.

Эзоповы книжицы 1052.

Эйнаръ, его Сборникъ 303.

Эльмптъ, г-жа 29.

Эминъ, упом. въ пис. кн. Вяземскаго 613. 614.

Энгель, 842.

Энгельгартъ, Владиміръ Егоровичъ, сообщилъ пис. кн. А. Н. Голицына 873.

Энгельгартъ, Егоръ Антоновичъ, директоръ Царско-сельскаго лицея, свѣдѣніе о немъ 873. 874. письма къ нему А. Н. Голицына 874—877 его примѣчан. на одномъ изъ этихъ писемъ 876.

Энгельгартъ, Левъ Николаевичъ, 92. 146. 868. 1320. 1490.

Энгельгартъ, которому были проданы Ляличи Завадовскаго 1075.

Эртель, Московскій оберъполицеймест. 1420.

Эскаръ, герцогъ, въ его домѣ гр. Ѳ. В. Ростопчинъ жарко спорилъ съ г-жею Сталь 1675.

Эссенъ, (Петръ Кириловичъ) упом. въ пис. кн. А. Б. Куракина 78. 85. 86. 169? С.петерб. ген. губ. во время холеры 1831 года 959 (упом. въ пис. гр. М. Ѳ. Каменскаго 1494. 1495?) 1840?

Юрбургъ, гор. 170.
Юрковскій, полковн. 1843.
Юрловъ, В. П., Симбирскій землевладѣлецъ, 1061.
Юрловъ, Иванъ Петровичъ, 1062.
Юрловъ, Михаилъ Матв., 1058.
Юрьевскій прудъ, въ имѣніи гр. Ростопчина 1892. 1908.
Юсуповъ, Николай Борисовичъ, директоръ театровъ, по показанію Гельбига запретилъ представл. Гамлета 826. одинъ изъ основателей Итальянской оперы въ Москвѣ 1441 почитатель Сумарокова 1442. Остроты 1442. упом. въ пис. гр. Ростопчина 1892.
Юшкова, Анна Өедоровна, камерфрау, свѣдѣніе о ней 1863. песьмо къ П. И. Машкову 1863.
Юшковъ, упом. въ гр. М. Ѳ. Каменскаго 1504.
Я-въ, Лукьянъ Як. 1424. 1427.
Яго, адъютантъ, Прусск. кор. Фридриха Вильгельма III 175. 183.
Ягушэ, пророкъ Мусульманскій 757.
Языковъ, Дмитрій Ивановичъ, пис. къ нему И. И. Дмитріева 1081—1102. двѣ зап. Карамзина 1103. 1104.
Языковъ, Николай Михайловичъ, упом. въ пис. кн. Вяземскаго 623. (его посланіе къ С. П. Шевыреву 992. 993. 994.) кончина 1464.
Якоби, писатель 842. 843.
Яковкинъ, Казанскій професс. 1404. 1409. 1410.
Яковлевъ, литераторъ 145.
Яковлевъ, упом. въ пис. кн. Вяземскаго 614.
Яковлевъ. П. С. упом. въ пис. Каченовскаго 970.
Яковлевъ, приставъ сыскной пол. въ Москвѣ 1899. 1913. 1914.
Янковичъ, командовалъ конною гвардіею 173.
Ярославль, гор., пожаръ 25 Іюня 1768 г. 1064.
Ясинскій, факторъ 1435.
Ястребцевъ, Иванъ, правитель дѣлъ бывшей коммиссіи духовныхъ училищъ 1358. 1359.
Яхонтовъ, его полкъ 920.
Яценко, цензоръ 837.

Ѳеодоритскій, Христіанъ 902.
Ѳеофанъ Прокоповичъ, архіепископъ Новгородскій, 1058. 1060.
Ѳеофилактъ Лопатинскій, архіепископъ Тверскій и Кашинскій упом. въ пис. Поликарпова 1042. 1044. пис. къ нему гр. И. А. Мусина-Пушкина 1053 уп. въ пис. сего послѣдняго 1054. членъ Сѵнода 1060 пострадалъ 1335.
Ѳеофилъ, архимандр. 942.
Ѳукидидъ, 972.

Типографія Грачева и комп., у Пречистенскихъ воротъ, д. Шиловой.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1869

и

ОСМНАДЦАТЫЙ ВѢКЪ.

ПЕРВЫЯ ДВѢ КНИГИ.

Подписка на оба эти изданія принимается въ Москвѣ въ Чертковской библіотекѣ на Мясницкой, № 7, и у извѣстнѣйшихъ книгопродавцевъ.

Цѣна годовому изданію одного **Русскаго Архива** на 1869 годъ, какъ въ Москвѣ и Петербургѣ, такъ и съ пересылкою въ другія мѣста и съ доставкою на домъ, 7 руб. сер.

Цѣна Русскому Архиву на 1869 годъ и вмѣстѣ съ нимъ одной только книгѣ **Осмнадцатаго Вѣка 10** р., а Русскому Архиву и вмѣстѣ съ нимъ двумъ книгамъ **Осмнадцатаго Вѣка**, съ пересылкою **двѣнадцать** рублей. Книги XVIII вѣка продаются по одиначкѣ: первая по 2 р. 50 к. съ пер. 3 р.; вторая по 3 р. 50 к. съ пер. 4 рубля.

Желающіе получать **Русскій Архивъ** и **Осмнадцатый Вѣкъ**, надписываютъ свои требованія: въ Москву, въ Чертковскую библіотеку, Петру Ивановичу Бартеневу. Въ Петербургѣ можно подписываться въ книжномъ магазинѣ А. Ѳ. Базунова, но подписчики изъ другихъ городовъ обращаются *исключительно* въ Москву, въ Чертковскую библіотеку.

Тамъ же можно получать Русскій Архивъ прежнихъ годовъ 1864 года 4 р., 1865, 1866 и 1867 годовъ по 5 р., 1868 г. 6 р. Пересылка за каждый годъ по 50 коп. Покупающіе не менѣе двухъ томовъ пользуются уступкою по 50 к. съ тома. Желающіе получить *всѣ шесть лѣтъ вмѣстѣ*, т. е. еще и 1869 годъ, высылаютъ съ пересылкою 29 р., а выписывающіе при томъ и *двѣ книги* **Осмнадцатаго Вѣка** — платятъ съ пересылкою за всѣ восемь книгъ 34 руб.

Тетради Русскаго Архива по одиначкѣ не продаются.

Лица, проживающія въ чужихъ краяхъ, могутъ выписывать Русскій Архивъ, обращаясь въ Берлинскій почтамтъ, а также въ Москву, въ Чертковскую библіотеку, и высылать на Русскія деньги: для доставленія *въ Германію* **8** р.; *во Францію и Бельгію* **8** р. **50** к.; *въ Англію* **9** р.; *въ Швейцарію и Италію* **10** р. Въ томъ же размѣрѣ и цѣна XVIII-го вѣка.

☞ Подписныя цѣны на Русскій Архивъ и Осмнадцатый Вѣкъ, означенныя въ особомъ объявленіи (которое было приложено къ 9-й и 10-й тетрадямъ Р. Архива 1868 года) нынѣ по необходимости измѣнены: до сихъ поръ за пересылку Русскаго Архива взимаемо было по 50 копѣекъ съ каждаго подписчика, вслѣдствіе же новаго распоряженія Почтоваго Начальства о разсылкѣ повременныхъ изданій съ 1869 года будетъ взимаема уже пятая доля ихъ объявленной стоимости.

Составитель и издатель Русскаго Архива: **Петръ Бартеневъ.**